This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855841 2

Digitized by Google

Digitized by Google

*QC
Vest
Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

№Ъ XXXII.—ТОМЪ CC.—1/13 НОЯБРЯ 1870.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИК

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253671
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1902 L

Digitized by Google

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Писатели, сообщающіе историческія свѣдѣнія о древнихъ славянахъ, согласно между собою показываютъ, что въ тотъ періодъ, когда исторія начала знакомиться со славянскими племенами, славяне не терпѣли единовластія, оказывались неспособными къ сплоченію и образованію государствъ, до чрезвычайности любили свободу и, по причинѣ своего свободолюбія, жили малыми общинами или республиками, не только не додумавшись до установленія между этими общинами взаимной охранительной связи, но оставляя необузданный произволъ ссорамъ и недоразумѣніямъ, которыя неизбѣжно должны были возникать между ними. Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ какого-нибудь исключительнаго, какъ бы судьбою заранѣе предназначеннаго племенного свойства. Славяне долѣе своихъ европейскихъ соплеменниковъ сохранили тотъ характеръ разбивчивости и первобытнаго натуральнаго свободолюбія, который хотя съ многоразличными и своеобразными видоизмѣненіями въ разныя времена существовалъ вездѣ и у всѣхъ. Ссорами славянъ пользовались иноплеменники, и потому славяне безпрестанно попадали въ рабство, то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ проходили вѣка за вѣками. Порабощеніе дикими или полудикими завоевателями не могло быть долговременно: по скудости условій жизни завоевателей, при всей временной тягости, оно не оставляло большого отпечатка на нравахъ и обычаяхъ побѣжденныхъ и покоренныхъ. Славяне самою судьбою, безъ большихъ уси-

Digitized by Google

лій, освобождались отъ иноплеменнаго ига, но потомъ легко и скоро подпадали подъ другое. Несчастія мало ихъ научали. Гдѣ только славяне были предоставлены самимъ себѣ, тамъ они оставались съ своими первобытными качествами и не вырабатывали никакого прочнаго общественнаго строя, пригоднаго для внутренняго порядка и внѣшней защиты. Только крѣпкое завоеваніе или вліяніе иноземныхъ стихій могло бы привести ихъ къ тому. Шляхетская Польша, едва ли не самая чистая славянская нація, сохранившая въ своемъ національномъ характерѣ тѣ черты, которыми отличались славяне за тысячелѣтія, рѣзко показала исторіи, къ какому политическому и общественному строю способны придти славяне, предоставленные себѣ самимъ, свободно развивая свои древніе національные задатки. Польша выработала себѣ республику, но безъ тѣхъ свойствъ и условій, которыми можетъ держаться республика; дала своей республикѣ монархическую внѣшность, но питала постоянное отвращеніе къ монархіи и вѣчно опасалась превратиться въ настоящую монархію. Такъ дѣлалось въ той славянской странѣ, которая менѣе другихъ подвергалась насильственному давленію иноземщины. Въ Чехіи монархическій элементъ былъ вносный, нѣмецкій. Въ Сербіи онъ явился временнымъ продуктомъ византизма и не представлялъ ничего прочнаго. Но Русь сроднилась съ монархизмомъ болѣе чѣмъ всѣ другіе славяне; только здѣсь онъ вошелъ въ плоть и кровь народа до такой степени, что русское политическое общество сдѣлалось немыслимымъ иначе, какъ въ образѣ монархіи.

Въ наукѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ-называемаго основанія Русскаго государства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самовластія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи главнымъ образомъ заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе достопочтенные дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніями и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы тоже самое, что

Digitized by Google

нію путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ. Г. Кавелинъ, наприм., приписывалъ зарожденіе монархическаго принципа особенностямъ великорусскаго племени, которое позднѣе другихъ составилось изъ переселенцевъ западной и южной Руси въ восточныя страны, смѣшавшихся тамъ съ народами финно-тюркскаго племени, но согласно съ г. Соловьевымъ и онъ не признаетъ вліянія татарскаго завоеванія на послѣдующее устройство Россіи. Не такъ это было на дѣлѣ.

I.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію; послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима и Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», вѣроятно, означало происхожденіе отъ родоначальника. По словамъ нашего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ нравомъ и обычаемъ»; не согласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила однако между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ. Самое время, когда возникло это общее для нихъ названіе, еще не опредѣлено исторіею окончательно. Во времена болѣе ясныя мы застаемъ слово «Русь» какъ бы мѣстною принадлежностью земли полянъ; но это слово тогда имѣло и болѣе обширное значеніе, обнимавшее вообще всѣ славянскія племена нынѣшняго русскаго материка: такъ лѣтописецъ, пересчитавъ одно за другимъ эти племена, говоритъ: «се бо словенескъ языкъ въ Руси», и слѣдовательно разумѣетъ подъ этимъ словомъ всю страну, населяемую пересчитанными племенами, а между тѣмъ, онъ писалъ въ то время, когда Русью означали преимущественно кіевскую землю. Нельзя навѣрное утверждать, что это названіе занесено къ намъ пришлыми варягами, какъ обыкновенно думаютъ. Быть можетъ, оно было нашимъ домашнимъ названіемъ и прежде, такъ что еще въ глубокой древности, когда славяно-русскія племена не соединены были властью единаго княжескаго рода, уже для нихъ существовалъ общій признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси. Во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ, если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славянорусскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народцѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ признакахъ, которые какъ ростки указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы, прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявляли ей, что ихъ послала вся Деревская земля. Такимъ образомъ видно, что понятіе о землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе земли; иначе безъ этого собранія Деревская земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно тогда уже были вѣча—слово, означающее совѣщательное собраніе земли. Кромѣ вѣча, у земли были и начальники—князья. Впослѣдствіи мы ясно видимъ, что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; тоже было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у каждаго изъ народцевъ было, кромѣ своей земли, еще и свое княженіе: «Держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревахъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Княженіе совпадало съ землею. Какого роду были эти князья—мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли,—лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX-го вѣка, другой родъ, призванный извнѣ (если только

Digitized by Google

на-слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ Деревской земли.

Пріемы, съ какими управляли наши первые пришлые князья, показываютъ, что у нихъ не было сознанія государственнаго начала. Власть ихъ ограничивалась сборомъ дани съ тѣхъ, съ кого собрать было можно. Цѣль достигалась двумя способами: первый состоялъ въ томъ, что князь разъѣзжалъ по землямъ и бралъ сколько могъ; такой способъ имѣлъ характеръ набѣга и грабежа, — продолженіе того же, что́ случалось прежде до призванія варяговъ и что́ описываетъ лѣтописецъ такими словами: «имяху варязи дань на словенехъ и на чуди и на кривичехъ»; другой способъ собиранія дани—посредствомъ назначенія по городамъ «мужей». Посланный въ городъ, къ которому тянула земля, окруженный приведенною съ нимъ военной силой, такой «мужъ» собиралъ дань вмѣсто князя и отправлялъ ее къ князю, получая себѣ часть за труды. Вначалѣ размѣръ дани не былъ установленъ; князья и ихъ мужи обирали покоренныя племена по своему произволу, и сами подвергались опасности сдѣлаться жертвою ожесточенія народа, если онъ потеряетъ терпѣніе и возстанетъ на своихъ «мучителей»; тогдашніе собиратели дани по сказаніямъ самого лѣтописца, «мучили» покоренныхъ: о Свѣнельдѣ, воеводѣ Игоря, говорится: «и примучи Уличи». Не только самъ князь и посланные имъ мужи, но и княжескіе бояре со своими дружинниками, по собственному произволу, ходили вымучивать дань у слабыхъ и разъединенныхъ славянскихъ племенъ. Такъ дружина князя Игоря завидовала дружинѣ Свѣнельда и говорила своему князю: «Свѣнельдовы отроки изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойдемъ, княже, собирать дань, и ты добудешь, и мы». Здѣсь слышится такая же рѣчь, какую услышали бы во всѣ времена отъ шайки разбойниковъ, обращающейся къ своему атаману съ требованіемъ поступить такъ, какъ поступила съ выгодою для себя шайка другого атамана. Способъ обращенія Игоря съ данниками изобличаетъ вполнѣ разбойничій характеръ. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь разсудилъ, что древляне народъ смирный и податливый, и задумалъ ограбить ихъ побольше. Ни о какомъ правительственномъ устроеніи покоренной земли Игорь не думалъ; онъ оставилъ Древлянской землѣ ея князя, ея вѣче, и древляне невозбранно могли сотворить совѣщаніе между собой о томъ, какъ избавиться отъ разбойниковъ: «повадится волкъ въ овчарню— говорили они—вынесетъ все стадо, если не убьютъ его». Та-

Digitized by Google

ковъ былъ приговоръ ихъ вѣча. Убили Игоря, перебили его дружину, точно также, какъ бы перебили всякую другую разбойничью шайку. Описаніе этого событія въ нашей лѣтописи—живой образчикъ того, какъ въ то время собиралась дань; и въ такомъ собираніи состояла вся дѣятельность власти пришлыхъ князей надъ покоренными народами. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы такое обирательство славяно-русскихъ народовъ должно было совершаться только посредствомъ иноплеменниковъ, и на такомъ предвзятомъ мнѣніи выводить, что вся княжеская дружина состояла исключительно изъ иноплеменниковъ. Для составленія разбойничьей шайки не нужно, чтобы въ этой шайкѣ были исключительно люди иного племени, а не того, который терпитъ отъ ея разбоевъ. Разбойничья шайка легко составляется изъ того же народа, который она разоряетъ; и если въ дружинѣ Игоря были варяги, то конечно были молодцы изъ разныхъ туземцовъ и, вѣроятно, преимущественно кіевляне, которые находились въ давней враждѣ съ древлянами, а потому наѣздническая алчность должна была у нихъ соединиться съ народною непріязнью къ сосѣдямъ. Вообще въ тотъ вѣкъ было много охотниковъ жить насиліемъ надъ другими. Это послѣднее свойство вѣка подало князьямъ важнѣйшее средство распространять свою власть надъ покоренными народами. То былъ наборъ военныхъ силъ, который, вѣроятно, происходилъ въ большомъ размѣрѣ, судя по частымъ и широкимъ войнамъ съ Византіей. Въ рати Олега, по словамъ лѣтописца, находились не только всѣ извѣстные ему народы славянскаго племени на русскомъ материкѣ, но также инородцы—чудь и меря. У Игоря, кромѣ русско-славянскихъ племенъ, были и варяги и печенѣги. Нельзя предполагать здѣсь чего-нибудь въ родѣ военной повинности; звать съ собою на войну было въ тѣ времена скорѣе честь, чѣмъ обязанность. Стоило Олегу и Игорю послать мужей и кликнуть кличъ, и къ нимъ тотчасъ стекались радимичи, сѣверяне, кривичи, словене, уличи и тиверцы. Лѣтописецъ, замѣтивъ, что Олегъ велъ рать (войну) съ тиверцами, скоро послѣ того помѣщаетъ этихъ враговъ въ ряду воиновъ, пошедшихъ съ Олегомъ къ берегамъ Босфора. Тѣ же тиверцы, которые упорно отбивались отъ наѣздника, естественно пошли съ этимъ же наѣзднкомъ за одно, лишь только онъ указалъ имъ вдали общую добычу.

Понятно, что часто повторяемые походы на Византію содѣйствовали сближенію русскихъ народовъ, участвовавшихъ въ этихъ походахъ, но до государственности было еще далеко. Въ періодъ отъ прибытія Рюрика до Владимира напрасно искать зачатковъ государства. Правда, въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ при-

Digitized by Google

мѣры, когда завоевательный духъ полагалъ основу государственному принципу,—но когда? Тогда, когда завоеватели, такъ или иначе, стремятся занять края побѣжденныхъ народовъ, осѣсться въ нихъ прочно и установить какой-нибудь порядокъ. У варяжскихъ князей и ихъ дружинниковъ, какъ внутри русскаго материка, такъ и въ войнахъ съ византійской имперіей, не было другой цѣли, кромѣ добычи. Походъ Святослава на Болгарію предпринятъ былъ въ такомъ же наѣздническомъ духѣ, какой руководилъ его предшественниками въ дѣлахъ съ славянорусскими народцами. Легкость, съ какою Святославъ промѣнивалъ русскій Кіевъ на болгарскій Переяславецъ, наглядно указываетъ, что варяжскіе князья за цѣлое столѣтіе власти надъ русскими славянами не выработали для себя на русской почвѣ государственныхъ взглядовъ и понятій. Это наѣздническое направленіе власти въ ранній періодъ нашей исторіи было причиною того, что эта пришлая власть не измѣнила древнихъ народныхъ обычаевъ и быта, не приносила съ собою ничего существенно новаго, и народы, при благопріятныхъ условіяхъ, могли впослѣдствіи развиваться на собственныхъ началахъ. Земли оставались съ своимъ самоуправленіемъ; наѣздники довольствовались грабежемъ, гдѣ только представлялся случай; около нихъ толпились молодцы, готовые вмѣстѣ съ ними поживляться насчетъ кого бы то ни было. Такимъ образомъ, князья расправлялись съ русскими при помощи не только варяговъ, но и русскихъ: съ полянами ходили на древлянъ, съ сѣверянами на радимичей, съ кривичами на уличей или тиверцевъ и т. д., и со всѣми ими ходили они грабить грековъ. Варяжскіе князья, владѣя славянскими народами, не требовали отъ нихъ существенныхъ измѣненій быта, и подвластные народы, при благопріятныхъ условіяхъ, могли развиваться на собственныхъ началахъ. Долгое время подчиненные народы, платя дань наѣздникамъ, имѣли своихъ князей. По крайней мѣрѣ посланные отъ Игоря заключать договоръ съ греками, были «отъ великаго князя русскаго и отъ всякое княжья и отъ всѣхъ людей русскіе земли».

Замѣчательно, что Ольга первая является въ исторіи съ нѣкоторыми признаками государственности; это видно изъ установленія дани и уроковъ. До тѣхъ поръ не было никакого установленія: брали сколько хотѣли. У Ольги разбойничій наѣздъ сталъ замѣняться подобіемъ закона. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что великая княгиня Ольга поступала такъ вслѣдствіе знакомства съ пріемами греческой образованности, которое должно было произойти послѣ крещенія. Мы допускаемъ это тѣмъ болѣе, что годъ крещенія Ольги никакъ нельзя отнести къ году

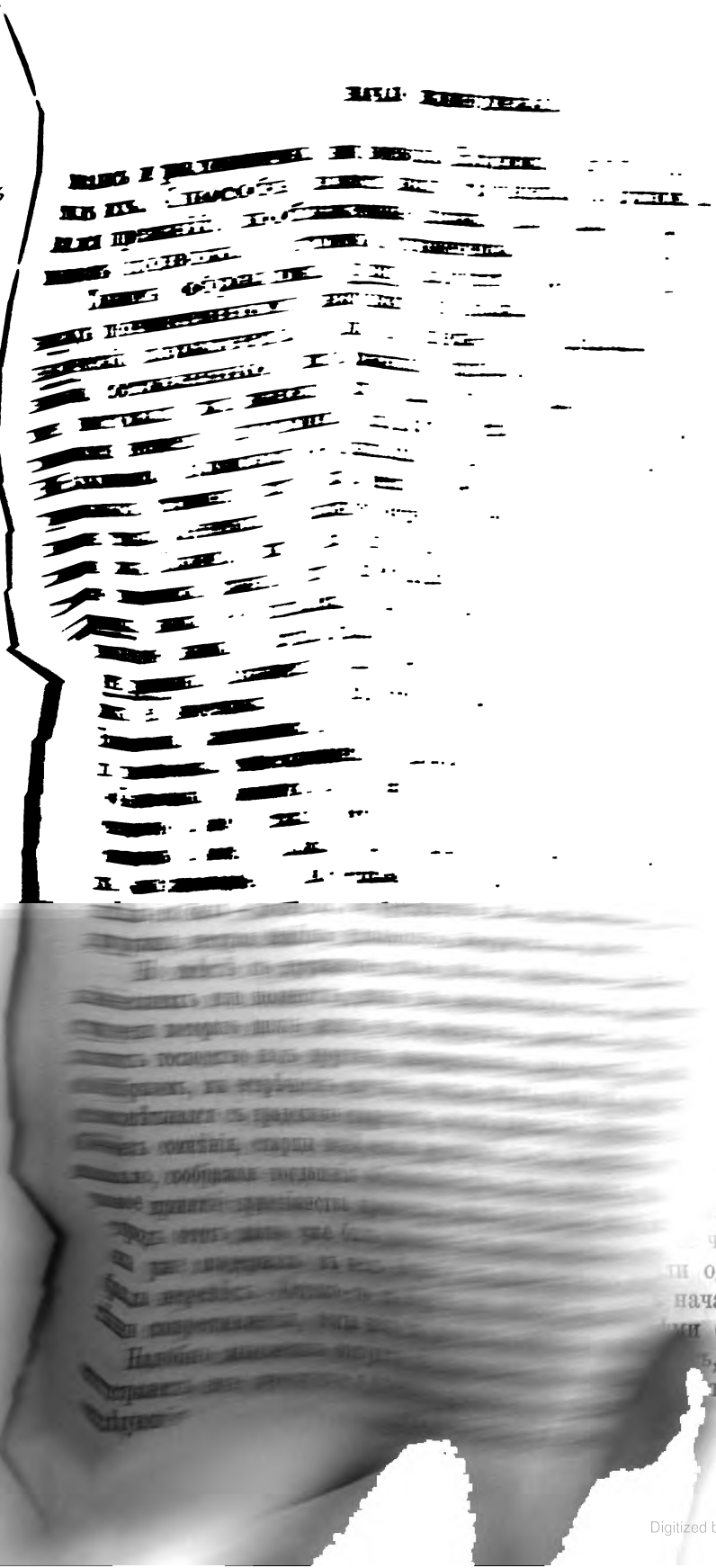
Digitized by Google

путешествія ея въ Константинополь, описаннаго императоромъ Константиномъ: изъ того же описанія видно, что она была уже крещена, потому что имѣла въ своей свитѣ духовника, слѣдовательно крещеніе ея должно было произойти ранѣе, можетъ быть въ Кіевѣ, а можетъ быть и въ Цареградѣ, только не въ тотъ пріѣздъ, о которомъ сохранилось византійское извѣстіе, а потому установленіе дани и уроковъ могло случиться тогда, когда она была уже крещена и ознакомилась съ греческими понятіями о законѣ.

Но такъ или иначе, а признаки государственныхъ дѣйствій въ поступкахъ Ольги были также исключительны и единичны, какъ ея крещеніе, и не положили основанія единодержавному государству на Руси. Въ послѣдующія за тѣмъ времена давняя раздѣльность выказывается рѣзко. При Ольгиномъ сынѣ Святославѣ, новгородцы приходятъ въ Кіевъ просить себѣ князя вовсе не такъ, какъ подданные, а какъ независимый народъ; они грозятъ кіевскому князю, что если онъ не дастъ имъ князя, то они и безъ него сами себѣ выберутъ въ иномъ мѣстѣ. Святославъ покорилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань, но вятичи, скоро послѣ смерти завоевателя, не хотѣли повиноваться его преемникамъ, должны были подвергаться новымъ завоеваніямъ и до конца XI-го вѣка управлялись своими князьями не Рюрикова рода; одного изъ такихъ князей, Ходоту, побѣдилъ уже Владиміръ Мономахъ. Въ земляхъ кривичей и дреговичей, тотчасъ послѣ смерти Святослава, появляются князья не изъ Рюрикова рода—въ Полоцкѣ Рогволодъ, а въ Туровѣ Туръ: то были пришельцы изъ-за моря; неизвѣстно, откуда они прибыли и какимъ образомъ усѣлись въ русскихъ земляхъ, но, во всякомъ случаѣ, они не были посажены князьями кіевскими, слѣдовательно бѣлорусскій край не принадлежалъ послѣднимъ.

Владиміръ открылъ новую эпоху сплоченія славянорусскихъ народовъ. Съ чужеземною помощью варяговъ этотъ князь побѣдилъ и уничтожилъ своего брата Ярополка, истребилъ Рогволода съ семьей, овладѣлъ затѣмъ Полоцкою землею, усмирилъ возставшихъ вятичей и присоединилъ къ Кіеву югозападную часть славянорусской страны, которую оспаривали ляхи (Червень, Перемышль и другіе города). Владиміръ, какъ показываетъ лѣтописецъ, одолженъ былъ своими успѣхами пришлой силѣ варяговъ, и хотя отослалъ ихъ въ Грецію, когда они стали ему въ тягость, но часть ихъ оставилъ у себя и роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ города въ управленіе. Это показываетъ, что кіевскій князь нуждался въ иноземной силѣ для поддержанія своей власти. Вятичей ему приходилось укрощать еще одинъ разъ. Взбун-

Digitized by Google



Digitized by Google

на точку зрѣнія дѣвственнаго народа, уразумѣть объемъ его дѣтскихъ понятій, почувствовать то, что онъ чувствовалъ, и тогда только можно сообразить, какой великій переворотъ произвело на Руси христіанство. Цѣлый міръ новыхъ невѣдомыхъ до того понятій, связей, отношеній открывался разомъ младенчествующему міросозерцанію язычниковъ. Явилась церковь, такое общественное тѣло, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, съ своеобразными пріемами, съ новыми правилами жизни, явилась письменность, понятіе о книжномъ знаніи; сверхъ обычая явился божественный законъ; сверхъ отеческаго преданія— нравственный долгъ.

Вмѣстѣ съ церковью явилось непремѣнно и государство, хотя бы въ младенчествующемъ образѣ; христіанство безъ него невозможно; христіанство можетъ существовать только среди общества сколько-нибудь устроеннаго, и самая церковь, какъ благоустроенное общество вѣрующихъ, должна была послужить моделью тѣмъ же вѣрующимъ, чтобы стремиться къ созданію у себя благоустроеннаго общества политическаго. Представлялось одно изъ двухъ: либо съ христіанствомъ долженъ былъ войти въ Русь новый, чуждый для нея государственный строй изъ того края, откуда пришла новая вѣра, либо тѣ зачатки гражданственности, какіе существовали въ языческомъ быту, должны были, подъ вліяніемъ христіанской образованности, выработываться въ государственные признаки. Православіе не вводило въ новопросвѣщенный край ни чужого языка, ни чужихъ административныхъ и юридическихъ формъ; оно мирилось со всякими формами, насколько они не стояли слишкомъ въ разрѣзъ съ главными началами христіанства: оно старалось только такъ-сказать охристіанить то, что находило въ язычествѣ. Таковъ основной духъ православія; такимъ оно явилось и у насъ. Пришедшая къ намъ изъ Греціи вѣра создала у насъ царство «не отъ міра сего»: церковь наша была одинакова съ греческою, но формы греческой имперіи въ намъ вмѣстѣ съ нею не перешли. Политическая и гражданская Византія могла соприкасаться съ Русью исподволь, безъ всякаго требованія со стороны вступавшей въ свои права церкви не только усвоивать ея аттрибуты, но даже и знакомиться съ ними. Наше старое могло развиться, только видоизмѣняясь по мѣрѣ сближенія съ христіанствомъ. На самобытную жизнь земель церковь не нападала; правда, она всегда благопріятствовала тѣмъ стремленіямъ къ единенію, какія встрѣчала въ политической жизни, но дѣйствовала тихо, не давала толчковъ впередъ, а только помогала ходу того, что уже само собою, по стеченію чисто мірскихъ обстоятельствъ, приходило въ движеніе. Впро-

Digitized by Google

чемъ, въ самомъ устройствѣ церкви было нѣчто отчасти совпадавшее съ тѣмъ сочетаніемъ самобытности частей съ единствомъ цѣлаго, которое лежало въ нѣдрахъ стихій русской жизни. Такимъ образомъ, подъ первенствомъ митрополита всея Руси устроивались епископства въ главныхъ городахъ земель, и о-бокъ политической автономіи земли возникала въ той же землѣ и церковная автономія.

Справедливо говорятъ, что нужно много времени, пока выростетъ молодое посаженное деревцо. Политическія и гражданскія идеи, съ которыми долженъ былъ ознакомиться русскій народъ послѣ принятія христіанства, не могли скоро воплотиться и окрѣпнуть. Власть все еще выражалась собираніемъ дани съ подвластныхъ народовъ; это продолжало быть ея главнымъ признакомъ, но съ княжескимъ значеніемъ осязательнѣе и прочнѣе соединилась нравственная обязанность защищать землю отъ внѣшнихъ враговъ и творить въ ней правый судъ. Эта идея существовала уже и въ древности, въ эпоху призванія князей, если только, повторимъ, оно дѣйствительно такъ, какъ передаетъ его преданіе, если только слова, произнесенныя новгородскими славянами и ихъ союзниками: «идите володѣть нами *по праву*», не вложены (какъ мы сильно подозрѣваемъ) впослѣдствіи людьми, получившими уже большее развитіе и знакомыми съ идеею права. Но несомнѣнно, идея эта сознавалась язычниками очень слабо и еще слабѣе воплощалась въ жизни. Допустимъ даже, что князья дѣйствительно призывались для внутренняго порядка и внѣшней защиты: все-таки это дѣлалось въ такой вѣкъ, когда люди въ своихъ поступкахъ соображались болѣе съ побужденіями, страстями и обстоятельствами, чѣмъ съ сознаніемъ справедливости. Понятно, что князья заботились усерднѣе о своихъ ближайшихъ выгодахъ, чѣмъ о порядкѣ въ землѣ и о спокойствіи ея жителей; притомъ же, стеченіе обстоятельствъ и положеніе русскаго края повели къ тому, что нравственное значеніе призванія князей съ устроительными цѣлями должно было ослабиться и даже совсѣмъ забыться въ первыя же времена. Мы видѣли, что князья стали наѣздниками и обирателями подвластныхъ народовъ; само по себѣ разумѣется, что ихъ отношенія къ покореннымъ были не тѣ, какія могли быть къ призвавшимъ ихъ добровольно, а впослѣдствіи, когда число покоренныхъ стало больше числа призвавшихъ, отношенія ихъ къ тѣмъ и другимъ стали одинаковы. Въ итогѣ выходило все равно—были ли князья въ началѣ призваны, или же они овладѣли посредствомъ оружія всѣми безразлично—послѣдующія обстоятельства поставили ихъ такъ, что они для славянорусскихъ народцевъ могли быть только въ родѣ атама-

Digitized by Google

новъ разбойничьей шайки, называемой дружиною, и болѣе ничѣмъ. Христіанство, внушая князьямъ вообще нравственныя понятія, возродило и выдвинуло впередъ то нравственное значеніе княжескаго званія, которое лежало въ самой его сущности, какъ въ званіи правителя; принявши крещеніе, князь долженъ былъ почувствовать, что на немъ лежитъ долгъ, что если онъ пользуется выгодами и почетомъ своего званія, за то и самъ обязанъ понести на себѣ трудъ за другихъ; языческій эгоизмъ страстей долженъ былъ, хотя бы до нѣкоторой степени, подчиниться христіанской идеѣ служенія обществу. На князѣ-христіанинѣ возлегла обязанность употребить свою власть и значеніе на распространеніе христіанства между подвластными: это представлялось ему какъ средство для собственнаго спасенія души; такимъ образомъ, для самого князя явилась иного рода польза быть княземъ, кромѣ собиранія дани и собственнаго обогащенія. Князь-христіанинъ, князь-распространитель христіанства постоянно находился въ связи и общеніи съ духовенствомъ, близко знакомился съ церковнымъ порядкомъ и сталъ переносить пріемы церковнаго быта въ сферу своего княжескаго управленія. Вотъ, князья познакомились съ Кормчею; они должны были сообразно съ нею установлять у себя степени подчиненія церковному суду и указывать границы церковнаго вѣдомства; плодомъ этого были дошедшіе до насъ уставы о церковныхъ судахъ Владимира, Ярослава и др. Этого мало; въ Кормчей князья нашли, кромѣ церковныхъ законовъ, еще и гражданскіе и изъ нихъ узнали что̀ такое было у образованныхъ народовъ мірское письменное законодательство, ка̀къ установлялись права, обозначавшія гражданскую жизнь, что̀ почиталось преступленіемъ и ка̀къ преступленіе наказывалось. Эти «градскіе» законы византійскихъ царей, встрѣчаемые при нашихъ старыхъ Кормчихъ, правда, не были у насъ обязательнымъ кодексомъ, но несомнѣнно послужили моделью законности и даже нерѣдко практически прилагались къ дѣлу, по силѣ того уваженія, какое въ народахъ менѣе образованныхъ существуетъ къ народамъ, стоящимъ выше ихъ по образованію. Вмѣсто того, чтобы быть наѣзднивомъ и грабителемъ, христіанство требовало отъ князя, чтобы онъ былъ правителемъ, судьею, защитникомъ и охранителемъ своего народа; церковь указывала ему впереди идеалъ главы государства.

Но до этого идеала было далеко; его не допускали закоренѣлые нравы, понятія и взгляды народа.

Digitized by Google

II.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ воображать себѣ Владимира и Ярослава монархами и, хваля за мудрое строеніе государства, обвинять ихъ за отеческую слабость, съ какою они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, разрушивъ собственную работу, раздавали волости своимъ сыновьямъ и тѣмъ раскрыли дорогу безконечнымъ ссорамъ и усобицамъ. Если ужъ приходится хвалить или порицать этихъ дѣятелей давно минувшихъ вѣковъ нашей исторіи, то ихъ скорѣе можно похвалить за тотъ раздѣлъ Руси между сыновьями, за который ихъ порицали. Мы такъ думаемъ именно потому, что этотъ фактъ приводилъ Русь къ единству, а не отдалялъ ее отъ него. Впрочемъ, ни Владиміръ, ни Ярославъ не могли имѣть такихъ понятій о единствѣ русской земли, какія выработались въ болѣе близкія къ намъ времена. Для нихъ, какъ и для всѣхъ ихъ современниковъ, Русь, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была все еще преимущественно скученіемъ народцевъ, обязанныхъ платить дань Руси въ тѣсномъ смыслѣ, «иже дань даютъ Руси». Куда досягало княжеское собирательство дани, тамъ была и Русь; слѣдовательно, Русь могла расширяться и съужаться, смотря по обстоятельствамъ: по отношенію къ кіевскому князю политическій составъ Руси не имѣлъ въ себѣ ничего органически единаго, кромѣ платежа ему дани.

Но съ христіанствомъ возникало для нея другое единство — единство вѣры, а вмѣстѣ съ нею возникала потребность и единства пріемовъ управленія, насколько вѣра касалась общественной жизни. Для такого-то единства раздача волостей сыновьямъ была не помѣхой, а скорѣе содѣйствіемъ. Это единство было гораздо прочнѣе тогда, когда по разнымъ землямъ, прежде политически соединеннымъ по отношенію къ власти однимъ платежемъ дани кіевскому князю, усѣлись сыновья этого кіевскаго князя, чѣмъ тогда, когда бы тамъ сидѣли бояре или посадники, несвязанные между собой единствомъ рода: такіе посадники со своими дружинами при первой же возможности отложились бы отъ Кіева и въ разныхъ мѣстахъ появились бы свои Рогволоды и Туры, какихъ мы видѣли у кривичей и дреговичей при началѣ княженія Владимира. Мы въ подробности не знаемъ тѣхъ средствъ, какими не допускали до этого Владиміръ и Ярославъ, но по естественному ходу вещей при первой слабости кіевской власти, необходимо угрожалъ бы разрывъ плохо сшитыхъ кусковъ разношерстной ткани, чему можно уподобить тогдашній агломератъ народовъ, платившихъ Кіеву дань. Замѣтимъ еще, что

Digitized by Google

власть Кіева надъ землями легче могла держаться прежде, пока все ограничивалось только платежемъ дани, а затѣмъ ничего болѣе не требовалось, чѣмъ тогда, когда христіанство породило иныя требованія, при которыхъ было необходимо тѣснѣйшее соприкосновеніе власти съ народною жизнью, распаденіе было неизбѣжно, если бы не явились событія, послужившія мѣрами къ его предотвращенію. Кіевская власть могла поручить воеводѣ Волчьему-Хвосту укрощать радимичей и заставить ихъ платить дань и возить повозы, но кіевской власти не было возможности слѣдить за механизмомъ управленія, правосудіемъ, распространеніемъ христіанства и безопасностью отдаленныхъ земель; пришлось бы повѣрить все княжескимъ боярамъ и передать имъ такую власть, которая довела бы ихъ до значенія самостоятельныхъ владѣтелей, и результатомъ такого порядка вышло бы то, что—либо намѣстники отложились бы отъ Кіева, либо земли, недовольныя ломкою старыхъ обычаевъ и тягостью кіевскаго управленія, воспользовались бы слабостью послѣдняго и пріобрѣли независимость. Водвореніе князей въ различныхъ земляхъ предохранило отъ опасностей того и другого рода. То, что иначе долженъ былъ дѣлать кіевскій князь, управляя отдаленными краями, то дѣлалъ теперь князь, помѣщенный въ самой средѣ края, далекаго отъ Кіева, и дѣло его конечно должно было пойти удачнѣе, потому что кругъ дѣйствія былъ болѣе узокъ. Несомнѣнно, умноженіе князей въ земляхъ и городахъ было однимъ изъ важныхъ средствъ распространенія христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и водворенія началъ цивилизаціи въ русскихъ земляхъ. Единая православная вѣра, единый книжный и правительственный языкъ и единый для всѣхъ земель княжескій родъ—вотъ были краеугольные камни постройки новой русской, христіанской жизни, внутренняго національнаго единства, вмѣсто прежней внѣшней связи, основанной на наѣздническомъ вымогательствѣ дани. Положеніе земель, ихъ извѣчные обычаи были таковы, что развѣтвленіе княжескаго рода не приводило къ возникновенію независимыхъ государствъ изъ княжескихъ удѣловъ безъ особыхъ новыхъ толчковъ, сообщаемыхъ жизни исторіею.

Православная вѣра боролась только съ тѣмъ, что прямо мѣшало ея распространенію, вообще не трогая того, съ чѣмъ была какая-нибудь возможность ужиться. Славянинъ, получивъ христіанство изъ Византіи, могъ оставаться славяниномъ, не обязываясь дѣлаться византійцемъ, и только свободно, безъ всякаго внѣшняго натиска, заимствовалъ изъ болѣе образованнаго общества то, чего не находилъ у себя. Древнія понятія объ автономіи земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вы-

Digitized by Google

тѣснены, какъ выше сказано, новыми элементами. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства—древлянъ, сѣверянъ, радимичей, кривичей и т. п. стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: земля полоцкая, земля смоленская, земля русская (кіевская), земля черниговская, земля рязанская, земля суздальская, земля новгородская и т. д. Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ при власти кіевскихъ князей былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и слѣдовательно двѣ разныя земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благопріятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территорія, носившая также названіе земли по имени своего города: такъ, въ землѣ рязанской была земля пронская, въ землѣ полоцкой земля витебская; иногда такія возникшія земли со своими городами продолжали пребывать частями общей земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ земля; гдѣ земля, тамъ городъ. Земля—то была совокупность населенія, связаннаго сознаніемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое съ другими землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а, при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась вся земля, двинулась вся земля». При понятіи о землѣ существовали понятія о волости и княженіи. Волость не то что земля, и не то что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ подъ единою властью, будь эта часть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ перечитываются новгородскія волости, т.-е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ они отличаются отъ собственно новгородской земли, которая впослѣдствіи является разбитою на пятины и въ эпоху независимости Великаго Новгорода въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно также Кіевъ

Digitized by Google

владѣлъ деревскою или древлянскою землею, то была его волость, но не земля; у Кіева была своя земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и суздальскую землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ князю, но не составляли одной земли. Часто волость и земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территорія была въ одномъ объемѣ и волостью и землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а землею по автономіи и по самоуправленію. Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединялось понятіе и о власти; но не всегда существовало такое совпаденіе; въ одной волости, по ея принадлежности верховному городу, и въ одной землѣ по ея автономіи могло разомъ существовать нѣсколько княженій. Такъ въ кіевской землѣ, напримѣръ, мы видимъ по нѣскольку князей разомъ, а слѣдовательно и нѣсколько княженій, и всѣ они находились въ одной землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права на образованіе новой земли: не потому была земля, что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно тамъ, гдѣ была уже земля. Въ отношеніи къ волости тоже. Великій Новгородъ давалъ приглашеннымъ князьямъ города въ кормленіе; то были княженія этихъ князей, но никогда не волости; какъ волости, управляемые ими города и территоріи принадлежали Великому Новгороду. Слово «волость», означая вообще принадлежность территоріи, принималось также въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ часть земли или княженія, когда приходилось обозначить, куда эта часть принадлежала. Такимъ образомъ, если нужно было сказать о двухъ или трехъ селахъ и указать къ какому городу они тянули, то называли ихъ волостями этого города; такъ, подъ 1176 годомъ говорится о двухъ селахъ Лопастнѣ и Свѣрилескѣ, и они названы черниговскими волостями. Смыслъ принадлежности перенесъ слово волость на частное имѣніе князя, боярина и вообще землевладѣльца; и въ такомъ-то смыслѣ въ договорахъ Великаго Новгорода съ князьями ставилось условіе, чтобы князь не смѣлъ отымать волостей у мужей новгородскихъ. Въ болѣе позднее время, когда подъ татарскимъ вліяніемъ вѣчевой строй упадалъ, а княжеская власть возвышалась, волость означала подраздѣленіе княженій, такъ что каждое княженіе подраздѣлялось на волости.

Всѣ эти единицы поземельнаго дѣленія переплетались меж-

Digitized by Google

ду собою, то совпадая одна съ другой въ своемъ значеніи, то отличаясь одна отъ другой, смотря по обстоятельствамъ, такъ было въ періодъ до татаръ, все подлежало случаю и стеченію обстоятельствъ; но всегда оставалось прежнее понятіе: гдѣ земля тамъ должно быть вѣче — земское собраніе; ни волость, ни княженіе не условливали непремѣннаго бытія вѣча, хотя и часто случалось, что на вѣче сходились люди, составлявшіе одну волость, одно княженіе; понятіе о вѣчѣ однако принадлежало исключительно только понятію о землѣ. Вѣче было выраженіемъ автономіи послѣдней, — а не волости, не княженія.

Вѣча существовали въ незапамятныя времена. Варяжскіе князья не уничтожили этого коренного признака славянорусской жизни, да и не могли и не старались его уничтожить, въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираніемъ дани, понятіе о подвластности только и выражалось платежомъ дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одному изъ древнихъ князей: «кому дань даете?» былъ равносиленъ вопросу: «кому вы подвластны?» Поэтому не удивительно, что по принятіи христіанства и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчевого начала во всѣхъ земляхъ. Къ большому сожалѣнію, наши лѣтописи не даютъ намъ возможности, ни исторически прослѣдить дѣятельность вѣчъ, ни опредѣлить степени ихъ значенія и характера въ разныхъ земляхъ. Тому виною характеръ самыхъ нашихъ лѣтописей. Онѣ по преимуществу говорятъ о внѣшнихъ событіяхъ и главнымъ образомъ слѣдятъ за дѣятельностью князей, а потому ихъ справедливо въ этомъ отношеніи можно назвать княжескими. Причину тому слѣдуетъ искать въ томъ законѣ человѣческой природы, что въ обществѣ, въ которомъ еще мало развито стремленіе къ размышленію, впечатлѣнія обращаются исключительно ко внѣшности и исключительно останавливаются на крупныхъ явленіяхъ внѣшняго міра; князья же были органами внѣшней дѣятельности общества. Слѣдя за разсказомъ нашихъ лѣтописцевъ, мы легко замѣтимъ, что ихъ вниманію подвергались такія событія, которыя почему-либо выходили изъ уровня обыденной жизни и нарушали ея однообразіе. Только это наши лѣтописцы и считали достойнымъ записыванья. Изъ-подъ пера нашихъ лѣтописцевъ едва ли ускользнула хоть одна война или усобица, какъ бы ничтожною она намъ теперь ни представлялась, потому что каждая война или усобица вела за собою движеніе или перемѣны въ теченіи обыденной жизни; тѣмъ не впрочемъ лѣтописецъ вдавался въ ея причины, а если и касался ихъ, то только со стороны внѣшнихъ признаковъ: из-

Digitized by Google

слѣдованіе было не по головамъ тогдашнихъ писателей. Лѣтописцы замѣчали каждое мало-мальски поражавшее ихъ естественное явленіе, затменія, метеорологическіе феномены, появленіе кометъ, даже сильныя грозы; описывали общественныя бѣдствія: голодъ, моръ, пожары; но то, что составляло рядъ нормальныхъ, обычныхъ, повседневныхъ жизненныхъ явленій, ихъ мало интересовало. Наши лѣтописцы очень скупы на извѣстія, изъ которыхъ можно было бы узнать объ общественной и домашней жизни нашихъ предковъ, и множество вопросовъ, для насъ наиболѣе любопытныхъ, остается и, вѣроятно, навсегда останется безъ отвѣта. Мы, напримѣръ, знаемъ, что нѣкоторые города вели значительную торговлю; но какъ и куда шла эта торговля, насколько тѣ или другія обстоятельства ей благопріятствовали, какіе предметы составляли ея главную силу, въ какомъ размѣрѣ и кѣмъ она велась—этого напрасно станемъ мы спрашивать у нашихъ лѣтописцевъ; по неизмѣннымъ свойствамъ умственнаго развитія общества, среди котораго жилъ лѣтописецъ, онъ не счелъ нужнымъ ничего подобнаго описывать или записывать: въ его голову не могла придти и мысль, что по томкамъ его гораздо любопытнѣе было бы знать объ этомъ чѣмъ о мелкихъ дракахъ князей между собой. Мы знаемъ, напримѣръ, что у насъ были училища, были люди книжные, писались сочиненія духовныя и свѣтскія, были пѣвцы, прославлявшіе подвиги князей и т. д.; но лѣтописцы не сообщили намъ гдѣ и какъ устраивались эти училища, чему тамъ учились, не назвали намъ ни одного изъ древнихъ произведеній словесности стяжавшихъ въ свое время славу. Если бы случайно не былъ открыто Слово о полку Игоревѣ, мы бы съ нашими лѣтописцами не имѣли понятія ни объ этомъ сочиненіи, ни о существованіи Бояна, соловья стараго времени. Какъ одѣвались предки наши, что ѣли и пили, какъ строили свои терема, какъ отправляли свои празднества — ничего почти объ этомъ не узнаемъ изъ лѣтописей. Даже и о борьбѣ язычества съ христіанствомъ мы узнаемъ кое-что изъ духовныхъ сочиненій стараго времени а совсѣмъ не изъ лѣтописей. Неудивительно, что при этомъ лѣтописцы не замѣчали и не считали нужнымъ замѣчать такихъ обыденныхъ и неважныхъ въ ихъ глазахъ явленій, каковы, напримѣръ, сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Для нашихъ лѣтописцевъ все это было слишкомъ обычно, а потому не достойно записыванья, такъ какъ этимъ не нарушалось, или слишкомъ мало нарушалось житейское однообразіе. Есть у нашихъ лѣтописцевъ мѣста, гдѣ они простодушно отмѣчаютъ цѣлый годъ словами: «не бысть ничтоже». На ихъ языкѣ это зна-

Digitized by Google

чили: не произошло ничего такого, что бы остановило их внимание своей необычностью. Мудрено ли, что, при такомъ основномъ взглядѣ на окружающій міръ, лѣтописцы мало сообщаютъ намъ извѣстій о вѣчахъ. Они упоминали о нихъ только тогда, когда дѣло шло объ исключительныхъ, нарушавшихъ обычную жизнь случаяхъ, въ которыхъ участвовали вѣча, да и тогда не всегда называли ихъ по имени, а обозначали признаками, напримѣръ: «сдумали, сдумавше» кіяне, ростовцы, суздальцы и т. д. Или же просто, описывая событіе, они давали знать своимъ описаніемъ, что эти событія сами по себѣ такого свойства, что неизбѣжно предполагаютъ предварительныя народныя совѣщанія, какъ, напр., видимъ въ выраженіяхъ: «пріяша, предашася, послаша»; или же представляли горожанъ говорящими, но приводили содержаніе ихъ рѣчи съ мѣстоименіемъ «мы», а это само собою, по здравому смыслу, предполагаетъ бывшее между горожанами совѣщаніе.

О вѣчахъ въ новгородской и псковской земляхъ сохранились болѣе полныя и подробныя лѣтописныя извѣстія. Такая кажущаяся особенность повела нѣкоторыхъ къ заключенію, что въ самомъ дѣлѣ Новгородъ и Псковъ представляли въ нашей исторіи исключительность и что въ этихъ городахъ развились республиканскія начала, тогда какъ общественная жизнь въ другихъ русскихъ городахъ устроилась совсѣмъ иначе. Было мнѣніе, приписывавшее эту особенность Новгорода и Пскова вліянію иноземцевъ, съ которыми Новгородъ, какъ извѣстно, велъ торговыя сношенія. Нѣтъ ничего неосновательнѣе такого предположенія. Стóитъ только взвѣсить положеніе, какое занимали пріѣзжавшіе въ сѣверно-русскіе города торговые нѣмцы, чтобы видѣть, какъ мало вліянія могли они оказать на нравы и обычаи русскаго народа. Въ Новѣгородѣ, сидя въ своемъ нѣмецкомъ или готскомъ дворѣ, эти иноплеменные гости не имѣли съ жителями Новгорода никакихъ сношеній, кромѣ оптовой торговли, да и та не происходила ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ самаго иноземнаго двора. По-русски говорить они не умѣли и объяснялись съ новгородцами черезъ переводчика. Пріѣзжавшая весною въ Новгородъ артель ганзейскихъ торговцевъ осенью возвращалась домой; эта артель носила названіе лѣтнихъ гостей; на смѣну ей прибывала новая артель, называвшаяся зимними гостями, и въ свою очередь проживала въ Новгородѣ только до весны. Въ такое короткое время иноземцамъ невозможно было ни научиться по-русски, ни освоиться съ русскою жизнью, не то чтобы оказывать на нее вліяніе. Притомъ же ревнивое и осторожное ганзейское правительство не дозволяло своимъ

Digitized by Google

торговцамъ учиться по-русски изъ опасенія, чтобы кто-нибу
не заводилъ съ туземцами торговыхъ сношеній, выгодныхъ тол
ко для себя и невыгодныхъ для всего нѣмецкаго торговаго о
щества. Избѣгали также посылать нѣсколько разъ однихъ
тѣхъ же торговцевъ въ Новгородъ. Пріятельскихъ и братстве
ныхъ отношеній Новгородцевъ съ нѣмцами мы не видимъ; напр
тивъ, легко замѣтить постоянное нерасположеніе однихъ къ др
гимъ, которое не всегда сдерживалось и проявлялось въ ви
обоюдныхъ кровавыхъ дракъ и убійствъ; иногда по этому повод
прерывалась вся торговля между обоими народами на болѣе и
менѣе продолжительное время. Нѣмецъ смотрѣлъ на русскаг
какъ на грубаго мужика, котораго по причинѣ его невѣжеств
легко надувать; нѣмецъ старался держать этого мужика, так
сказать, въ черномъ тѣлѣ; у Ганзы было предвзятое правил
всѣми силами не допускать русскихъ чему-либо научиться: инач
русскіе дошли бы до такого состоянія, что не позволили б
нѣмцамъ эксплуатировать себя въ своей странѣ; за то и русск
въ своемъ безпросвѣтномъ невѣжествѣ, при своемъ племенном
простодушіи позволяя себя обманывать нѣмцамъ, не пропускал
случая отомстить разомъ нѣмцу за все и ободрать его, как
только представится возможность. Новгородскіе люди несравне
но рѣже ѣздили за границу, чѣмъ нѣмцы въ Новгородъ; ихъ п
сѣщеніе нѣмецкихъ земель не нравилось нѣмцамъ и послѣдн
старались не допускать новгородцевъ до такихъ поѣздок
Нѣмцамъ казалось удобнѣе самимъ ѣздить въ русскія земли
сбывать русскимъ всякую дрянь, заранѣе подготовленную к
такому сбыту, чѣмъ допускать покупателей пріѣзжать къ пр
давцамъ и выбирать товары по своему вкусу. Какъ же, при та
комъ взаимномъ обращеніи, могло образоваться какое бы то н
было вліяніе одного народа на нравы другого? Да притомъ ж
что такое заимствовали новгородцы отъ нѣмцевъ, еслибы в
самомъ дѣлѣ была возможность что-либо заимствовать отъ них

Новгородскій строй политической жизни не имѣетъ подобія с
устройствомъ нѣмецкихъ городовъ: если начать сравнивать наш
новгородскій строй съ подобнымъ въ другихъ земляхъ, т
окажется, что Новгородъ въ этомъ отношеніи ближе къ дре
нимъ греческимъ республикамъ, чѣмъ къ средневѣковымъ нѣ
мецкимъ городамъ. Топографическія особенности и историческі
обстоятельства дѣйствительно положили на Новгородъ своеоб
разный отпечатокъ, по которому онъ разнился отъ другихъ ру
скихъ городовъ болѣе, чѣмъ остальные разнились другъ от
друга; но это является уже собственно въ періодъ татарскаг
владычества надъ Русью, когда въ другихъ русскихъ землях

Digitized by Google

возникалъ уже иной жизненный строй, противоположный тому, какой существовалъ до татаръ, между тѣмъ какъ Новгородъ, не подвергшись вначалѣ татарскому погрому, защищаемый отъ прочихъ русскихъ земель дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, и, наконецъ, по своему географическому положенію, державшій въ своихъ рукахъ всю русскую торговлю и черезъ то болѣе всѣхъ богатый, оставался съ старинными формами, дорожилъ ими, крѣпко стоялъ за нихъ и только постепенно, мало-по-малу уступалъ силѣ новыхъ формъ, которыя рано или поздно должны были охватить всю Русь и истребить въ ней остатки стараго порядка. Такъ какъ о Новгородѣ въ періодъ послѣ татаръ мы знаемъ больше, чѣмъ въ татарскій періодъ, то вообще не давая себѣ труда вникнуть въ важный переломъ политическаго строя, произведенный татарскимъ погромомъ, мы легко впадаемъ въ ошибку и признаки позднѣйшаго времени переносимъ на предшествовавшее время. Старина, составлявшая особенность Новгорода въ тотъ періодъ, когда въ остальной Руси вырабатывался новый порядокъ, принадлежала прежде не только Новгороду и его меньшему брату Пскову, какъ особенность этихъ только земель, но составляла общіе для всей Руси признаки господства вѣчевыхъ началъ. Никакія историческія данныя не даютъ намъ права заключить, чтобы Новгородъ по главнымъ чертамъ своего общественнаго состава въ давнія времена отличался отъ остальной Руси, какъ позже въ XIV и XV вѣкахъ. Должно кромѣ того остерегаться не относить къ міру фактовъ того, что собственно составляетъ только свойство лѣтописей. Такъ, объ Новгородѣ и Псковѣ остались намъ спеціальныя лѣтописи, которыя такъ сказать полнѣютъ и дѣлаются подробными уже въ тотъ періодъ, когда Новгородъ и Псковъ рѣзко отличались отъ остальной Руси своимъ строемъ. Извѣстія о событіяхъ до татарскаго періода въ тѣхъ же лѣтописяхъ гораздо короче, а мы легкомысленно и безъ разбора готовы относить къ XII и XI вѣкамъ то, что говорится о XIV и XV. О многихъ другихъ русскихъ земляхъ: о Черниговской, Рязанской, Полоцкой и Смоленской до насъ вовсе не дошло спеціальныхъ лѣтописей. Но мы имѣемъ мѣстныя, спеціальныя лѣтописныя повѣствованія о земляхъ Кіевской, Галицкой и Суздальской. И что же? При всѣхъ упомянутыхъ выше качествахъ нашихъ лѣтописцевъ, мѣшающихъ намъ узнать нашъ внутренній бытъ, легко понять, что общественный строй этихъ земель былъ одинъ и тотъ же, *и новгородскій*, а слѣдовательно послѣдній въ своихъ основныхъ чертахъ *никакъ* не былъ продуктомъ какихъ-нибудь особенно *сложившихся обстоятельствъ*, а еще менѣе иноземнаго вліянія.

Digitized by Google

Въ Суздальской лѣтописи подъ 1176 годомъ есть драгоцѣнное извѣстіе; лѣтописецъ проговорился, и въ противность своему обычаю замѣчать только необыкновенныя событія, высказалъ то, что дѣлалось на Руси обыденно и повсемѣстно во всѣхъ русскихъ земляхъ: «Новгородцы бо изначала и Кіяне и Полочане, и вси власти, аки на думу на вѣче сходятся и на чѣмъ старѣйшіе сдумають, на томъ пригороды стануть». Это извѣстіе XII вѣка указываетъ ясно, что обычай вѣчевого совѣщанія былъ повсемѣстенъ во всѣхъ русскихъ земляхъ въ одинаковой степени. Его сила и живучесть въ южной Руси подтверждается тѣмъ, что даже въ XVI вѣкѣ сохранялось это названіе въ смыслѣ народной сходки, хотя это дѣлалась уже въ тѣ времена, когда другія условія политической жизни уже вытѣснили большую часть древнихъ понятій и наложили новый отпечатокъ на народные нравы.

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась тѣмъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли земли или части земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ земли былъ городъ; когда понималась земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе земли, то средоточіемъ такой сборной земли былъ старѣйшій городъ и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть также свое вѣче, т.-е. совѣщаніе той части сборной земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ селѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части земли, взятыя каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой земли, — иначе, всѣ вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполнѣ: потому-то вѣче пригорода не имѣло полновластія и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

Digitized by Google

III.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригородныхъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ—одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы по неволѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обоюдотолкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое городъ и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножались. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собой, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцовъ вызывали потребность самозащищенія и самосохраненія. Это по-неволѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ, строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ. Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще городъ означалъ мѣсто, обведенное оградою, напр. частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначительно со словомъ, «огородъ». Построить городъ значило вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятеля. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣннаго въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволъ судьбы: въ случаѣ разоренія возобновить ихъ было не трудно при обиліи лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ: мѣстоположенія для городовъ выбирали такія, которыя были сами по себѣ недоступны; кромѣ того деревянныя загороды по надобности обводились еще и рвами, называемыми въ древности гроблями. Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранялся очень долго даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ, на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители съ приближеніемъ непріятеля убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ — мѣсто самосохраненія и сбереганія имуществъ естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сходбищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія,

Digitized by Google

когда внутреннія безладицы заставили ихъ додуматься до необ ходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тя нуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ го роду, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть в убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать поселенi и назывались посадами. Посадъ становился многолюднѣе, чѣм были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунк томъ обмѣны произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т.-е укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жи телями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратна сила, державшая порядокъ и защиту. Такъ создавались город жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду в самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для них управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связ между ними носила самое простѣйшее названіе—*земля*, обозна чая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которо всѣ считали своимъ, но и тѣхъ, которые на немъ жили. По нятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны, ибо город не значилъ ничего, кромѣ той же земли, пашедшей для себ средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ *город* стали замѣнять слово *земля*, и въ силу такой однозначительно сти, вмѣсто—земля сѣверская, стали говорить—земля чернигов ская или просто Черниговъ, вмѣсто земля—словенъ-ильменскихъ стали говорить—земля новгородская или просто Новгородъ и т. д Но земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались но выя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, ос новывались и возрастали новыя. Жители новыхъ по мѣсту жи тельства отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно им было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необхо димость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они были связаны родовой связью съ тѣми, которы строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывном единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ вы раженіемъ той земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые го рода находились въ зависимости у старѣйшаго города и в отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей земли, т.-е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты земли, обы кновенно тамъ, гдѣ наиболѣе могла угрожать внѣшняя опас ность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись пе реселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было межд

Digitized by Google

прочимъ въ двинской землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей земли или старѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой примѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владимиръ святой, когда строилъ въ Кіевской землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ—и словенами новгородскими, и кривичами, и чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ Владиміръ-на-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а по волѣ образчикомъ построенія такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даніиломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія болѣе другихъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благопріятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою земли. Такъ-то выбился Владиміръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ.

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на чѣмъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ пригороды стануть». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безгласные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго города по своей принадлежности къ пригороду, то въ тоже время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по своей принадлежности къ землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся

Digitized by Google

земля». Но встрѣчались примѣры, когда на вѣче въ старѣйшій го
родъ особенно приглашались для взаимной думы жители того ил
другого пригорода.. Такъ, напримѣръ, въ 1132 году въ Новго
родѣ, по сказанію новгородской лѣтописи, была «встань велика
въ людехъ», и тогда были призваны на совѣтъ псковичи и ла
дожане. Подобное нѣсколько разъ повторялось въ новгородско
исторіи. Въ извѣстіяхъ о другихъ краяхъ русскихъ встрѣчаютс
случаи, когда лѣтописецъ, разсказывая о вѣчѣ, поименовывает
города, участвовавшіе на собраніи земли своей; такъ, подъ 115
годомъ говорится, что «Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы и всі
(слѣдовательно люди всѣхъ пригородовъ) собирались на вѣче
Подъ 1175 годомъ, участвовавшими на вѣчѣ поименованы ро
стовцы, суздальцы, переяславцы, владимирцы. Къ сожалѣнію, тут
и останавливаются наши знанія: при какихъ условіяхъ созыва
лись особенно жители пригородовъ по принадлежности къ мѣст
ной корпораціи на общее вѣче—неизвѣстно. Соображая вообш
характеръ неопредѣленности во всѣхъ отправленіяхъ тогдашне
общественной жизни, кажется справедливымъ будетъ предполо
женіе, что твердыхъ и неизмѣнныхъ правилъ насчетъ этого ни
гдѣ не существовало; все зависѣло отъ обстоятельствъ. Повсе
мѣстно въ русскихъ краяхъ мы встрѣчаемъ тотъ важный факт
что нѣкоторые пригороды возвышались по значенію передъ дру
гими своими собратіями; иные, не выходя изъ связи съ глав
нымъ городомъ, достигали почти равнаго съ ними значенія
иные же стремились вырваться изъ-подъ зависимости старѣй
шаго города и стать средоточіемъ собственной вольной земли
Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ пригороды съ бо́льшимъ зна
ченіемъ передъ другими: въ полоцкой землѣ Витебскъ и Минск
въ смоленской Торопецъ, въ рязанской Пронскъ, въ черниго
ской Новгородъ-Сѣверскій, въ галицкой Перемышль; въ ро
товско-суздальской землѣ въ древнѣйшія времена являются дв
города равные по значенію между собою — Ростовъ и Суздал
потомъ возвышается Владимиръ и изъ пригорода дѣлается гла
нымъ городомъ земли; часть этой земли съ пригородомъ Тверь
отдѣляется и дѣлается самобытною землею, главою своихъ со
ственныхъ пригородовъ; изъ той же владимирской земли выд
ляется съ своей территоріей бывшій пригородъ Москва и д
лается средоточіемъ собственной Московской земли, а потом
подчиняетъ себѣ и бывшій свой главный городъ Владимиръ. В
новгородской землѣ Псковъ, бывшій пригородомъ Новгорода, у
пѣлъ подняться до того, что Новгородъ самъ призналъ его н
зависимость, довольствуясь тѣмъ, что послѣдній именовалъ Но
городъ своимъ старшимъ братомъ, а себя называлъ младшим

Digitized by Google

Въ тоже время въ новгородской землѣ показывалъ стремленіе къ возвышенію и Торжокъ. Въ XIII вѣкѣ онъ былъ настолько значителенъ, что вступалъ въ споръ съ властью старѣйшаго города, и Новгородъ уступалъ ему. Напримѣръ, въ 1229 году Новгородъ отправилъ туда посадника, а новоторжцы его не приняли. Пригородъ возвышали обстоятельства; мѣстоположеніе сообщало пригороду силу, если главному городу трудно было расправиться съ нимъ въ случаѣ непослушанія; торговля, обогащая его жителей, давала ему вѣсъ и значеніе. Иначе, стремленіе пригорода къ самостоятельности наказывалось какъ измѣна землѣ. Тотъ же Новгородъ не такъ снисходительно поступилъ съ другимъ своимъ пригородомъ, Ржевою; когда она вздумала не платить дани, новгородцы опустошили огнемъ всю ея волость. Много помогало возвышенію пригородовъ особое княженіе; какъ скоро въ пригородѣ появится свой князь, то пригородъ черезъ то самое пользовался большей автономіей и хотя не освобождался отъ зависимости старѣйшаго города, но возвышался передъ другими пригородами, не имѣвшими своихъ князей. Впрочемъ, вообще пригороды вездѣ пользовались въ извѣстной степени автономіею въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, если только это согласовалось съ интересами старѣйшаго города. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе о такихъ случаяхъ, когда пригороды составляли у себя вѣча и рѣшали судьбу свою; такъ, въ 1171 году, бѣлорусскій городъ Друцкъ выбралъ себѣ князя Рогволода, и главный или старѣйшій городъ земли Полоцкъ не противился ему; въ 1433 году, новгородскій пригородъ Порховъ заключилъ договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и Новгородъ утвердилъ этотъ договоръ.

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Это понятіе о самоуправленіи земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время Московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли. Между тѣмъ въ это время земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной землей и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго

Digitized by Google

тѣла. Дѣло защиты отечества противъ поляковъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на западный образецъ забылось значеніе земли подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размышленіемъ понимала единство своего бытія и не додумалась до какого-нибудь вѣча вѣчъ—сходбища всѣхъ земель, выраженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ земляхъ, какъ мы уже показали, возвышались города, которые со своими территоріями имѣли, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ задачу обособленія. Но за то начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ православной вѣры при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

IV.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно также какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большое значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикова дома. Одинъ изъ талантливыхъ писателей по русской исторіи, г. Сергѣевичъ, справедливо замѣтилъ, что мнѣніе о старѣйшинствѣ между князьями вызвано нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла, и притомъ частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычаи родового быта. Дѣйствительно, всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и то выражалось было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ, а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, неза-

Digitized by Google

висимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и слѣдовательно равнаго отцу, старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ придавали ученые юридическое значеніе. Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты, старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы меньшіе почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно, и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія фразы принадлежатъ къ разряду тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій; такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разныя времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбы», нельзя полагать, чтобъ тѣ, которые слушали подобныя нравоученія, исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совсѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старѣйшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшемъ городѣ или пригородѣ. Такимъ образомъ, князь, сидѣвшій въ Полоцкѣ, былъ старѣйшимъ передъ тѣмъ княземъ, который сидѣлъ въ Друцкѣ или Минскѣ; впрочемъ, такое старѣйшинство было дѣйствительнымъ настолько, насколько послѣдній князь лишенъ былъ благопріятныхъ обстоятельствъ и не обладалъ смѣлою предпріимчивостью, чтобы свергнуть съ себя это старѣйшинство: такъ и поступали князья, сидѣвшіе въ тѣхъ пригородахъ, которые хотя и обязаны были признавать волю старѣйшаго города, но не всегда ее признавали и при первомъ благопріятномъ для нихъ поворотѣ обстоятельствъ стремились къ независимому положенію. До униженія Кіева, во второй половинѣ XII вѣка, потерявшаго свое первенство и обѣднѣвшаго отъ междоусобій и отъ натисковъ кочевниковъ, старѣйшимъ между

Digitized by Google

князьями, всѣхъ русскихъ земель былъ князь, сидѣвшій въ Кіевѣ; но это не давало ему надъ прочими князьями какой-нибудь власти и его вліяніе на другихъ князей измѣрялось не столько его саномъ, сколько умомъ княжившей личности и умѣньемъ показать свою силу. Съ упадкомъ Кіева сталъ возвышаться Владиміръ въ сѣверовосточной Руси. Ни этотъ городъ, поднявшійся недавно изъ пригорода, ни его князья не имѣли права на власть надъ другими князьями и ихъ землями. Тѣмъ не менѣе однако, князья, сидѣвшіе во Владимирѣ, по стеченію обстоятельствъ, были сильны и богаты, и потому играли роль старѣйшихъ между князьями, и многіе изъ князей заискивали ихъ дружбы и покровительства. Недаромъ пѣвецъ Игоря выразился о Всеволодѣ Юрьевичѣ, что онъ можетъ Волгу раскропить веслами и Донъ вылить шеломомъ. На самомъ дѣлѣ Всеволодъ былъ лично уменъ и силенъ, и потому его считали старѣйшимъ; а между тѣмъ за нимъ невозможно натянуть никакими способами родового старѣйшинства надъ другими князьями.

Право земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого ея существованіе, какъ земли, было немыслимо. Гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непремѣнно будетъ и князь: вѣче непремѣнно изберетъ его. Земля была власть надъ собою; вѣче—выраженіе власти, а князь—ея органъ. По словамъ лѣтописца, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные народцы говорили призываемымъ варягамъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, идите княжить и володѣть нами по праву»; то же фактически повторялось въ каждой землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе варяжскихъ князей выдумано, то оно выдумано невольно, по естественному свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX-й. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется безпорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т.-е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ земли. *Володѣть* на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, что́ впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ — онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе дру-

Digitized by Google

ихъ земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгородцевъ государемъ былъ Великій Новгородъ т.-е. сама земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т.-е. призванный володѣть по праву, иначе—по волѣ земли. Князя выбирала земля потому, что онъ для земли былъ нуженъ.

Мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, что они были и въ славянорусскихъ земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья пріучали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброду. Прежнихъ князей замѣнили въ земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришлая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ одной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами земли, съ другой—въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени зе́мли, платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись, какъ мы показали выше, по христіанскимъ понятіямъ правителями, судьями и защитниками земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ земляхъ по всей Руси должны быть выборные землею князья, но непремѣнно изъ единаго Рюрикова рода. Притомъ же князья умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ-нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ, но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ-нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составилась бы другая противная партія и призвала бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры», говорили они, «мы единаго дѣда внуки». Сознавая это право, они однако не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе землею — какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи земли, или же князя возводила одна партія,

Digitized by Google

пересилившая другую, или же наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его землею. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ землю признавать свою власть, и земля признавала князя потому, что не могла сопротивляться. Такимъ образомъ, все-таки дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ. Впрочемъ, если князь и насиліемъ получалъ въ землѣ княженіе, то все-таки долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе землями при выборѣ князей, но не такъ какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о старшинствѣ въ семейномъ быту, оно было не настолько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода. Такимъ образомъ дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя — старшій по семейнымъ линіямъ; но также точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во-что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживала христіанская церковь, но оно не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

При разсмотрѣніи извѣстныхъ намъ случаевъ вступленія князей въ свое достоинство, о бо́льшой части ихъ можно сказать, что единственнымъ правомъ ихъ было призваніе или признаніе земли. Мы не станемъ перечислять примѣровъ такого вступленія въ Новгородѣ и Псковѣ; о всегдашнемъ господствѣ вѣчевого начала въ этихъ двухъ земляхъ не сомнѣвался никто; но мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на прочія земли, гдѣ, по относительной малоизвѣстности ихъ внутренней исторіи, воображали существованіе иныхъ началъ, противоположныхъ новгородскимъ и псковскимъ. Открывается, что вездѣ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, власть князю давалась землею и зависѣла отъ нея. По крайней мѣрѣ, это безъ обиняковъ можно сказать о тѣхъ земляхъ, о которыхъ дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ Кіевѣ, въ глубокой древности, если намъ и не разсказываютъ прямо объ избраніи князей, то мы сами видимъ явные слѣды, показывающіе, что у полянъ было издревле прирожденнымъ обычаемъ рѣшать судьбу свою посредствомъ вѣча. Такъ, по поводу

Digitized by Google

признанія надъ собою власти казарской, поляне сдѣлали это, говоритъ лѣтописецъ, «сдумавше»; слѣдовательно, здѣсь предполагается существованіе земской думы или вѣча. Во время борьбы Ярополка съ Владимиромъ, споръ между братьями рѣшили кіевляне думою; послали къ Владимиру и сдали ему свой городъ, такъ что онъ сдѣлался княземъ вслѣдствіе признанія земли. По смерти Владимира, Святополкъ получилъ кіевское княженіе также по признанію кіевлянъ: онъ обдарилъ ихъ и подкупилъ ихъ; конечно, это относится къ немногимъ знатнѣйшимъ, которые имѣли вліяніе на громаду народа; но это былъ путь, правда, нечистый, а все-таки не болѣе какъ путь, право же заключалось въ признаніи землею.

Мы не знаемъ, какое участіе принималъ Кіевъ съ его землею при вступленіи Ярослава: добровольно ли покинули кіевляне Святополка, или по неволѣ должны были покориться побѣдителю, но несомнѣнно то, что по смерти Ярослава, власть князей въ Кіевѣ зависѣла отъ признанія землею, причемъ мало обращалось вниманія, а часто и вовсе не обращалось никакого на родовое преемство князей съ условіями старшинства. Въ 1067 году кіевляне стали недовольны своимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ; они прогнали его и выбрали себѣ въ князья содержавшагося въ плѣну полоцкаго князя Всеслава: этотъ князь не принадлежалъ вовсе къ племени Ярослава, а потому ясно, что кіевляне не считали себя безусловно обязанными слѣдовать дѣленію волостей, устроенному Ярославомъ между его потомствомъ. Полоцкій князь оказался неспособнымъ и бѣжалъ при первой опасности; тогда кіевляне снова признали прежняго князя, шедшаго противъ нихъ съ иноземною помощью; но они были ему вѣрны только до тѣхъ поръ, пока не ушли отъ него иноземные союзники:, тогда кіевляне опять прогнали его и пригласили изъ Чернигова князя Святослава Ярославича. Только по смерти послѣдняго кіевляне признали прежняго князя при содѣйствіи другого брата Всеволода. Когда, вскорѣ послѣ того, Изяславъ палъ въ битвѣ, княземъ кіевскимъ сдѣлался Всеволодъ: о мотивахъ вступленія его лѣтописцы не говорятъ ничего, но вѣроятно онъ сдѣлался княземъ по волѣ земли, а не на основаніи своего семейнаго старшинства: это мы заключаемъ, во-первыхъ, потому, что князь этотъ прежде былъ любимъ кіевлянами, а это доказывается тѣмъ, что кіевляне, по его ходатайству, помирились съ Изяславомъ; во-вторыхъ, потому, что ни передъ тѣмъ, какъ это показалось при избраніи Всеслава, ни послѣ того кіевляне не церемонились съ такого рода старшинствомъ. По смерти Всеволода кіевляне хо-

Digitized by Google

тѣли выбрать сына его Владимира, но Владимиръ самъ уступилъ кіевское княженіе своему двоюродному брату Святополку-Михаилу, сыну Изяслава Ярославича. Лѣтописецъ, говоря о вступленіи этого послѣдняго князя, счелъ нужнымъ замѣтить, что кіевляне приняли его, и тѣмъ самымъ показалъ, что Святополкъ-Михаилъ сдѣлался кіевскимъ княземъ по волѣ земли, послушавшейся совѣта Владимира Мономаха. Изъ разсказовъ лѣтописей видно, что въ княженіе Святополка-Михаила вѣчевое начало было сильно въ Кіевѣ и высказывалось независимымъ элементомъ даже и противъ власти князей. Такъ, въ 1093 году князья напали на половцевъ; но кіевляне были противъ этого похода, не захотѣли идти съ князьями, и оттого князья потеряли битву. Въ 1096 году, по поводу княжескихъ междоусобій, Святополкъ и Владимиръ писали Олегу Святославичу: «приходи въ Кіевъ; положимъ нарядъ о русской землѣ предъ епископы, игумены и и предъ мужи отецъ нашихъ». «Олегъ — говоритъ лѣтописецъ — воспріимъ смыслъ буй и словеса величавы, отвѣчалъ: не идетъ судить меня епископамъ или игуменамъ или смердамъ». Это указываетъ, что Олегу предлагали разсудить дѣло князей землѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ; только неизвѣстно, какіе градскіе люди здѣсь понимались; разумѣлся ли здѣсь только городъ Кіевъ, или же предполагалось призвать людей изъ другихъ городовъ и слѣдовательно земель? Вѣроятно, на послѣдовавшемъ за тѣмъ снемѣ, происходившемъ въ Любечѣ, дѣло обходилось не безъ участія земли, но мы опять-таки не знаемъ, были ли тамъ люди изъ другихъ земель; замѣчательно только, что снемъ этотъ происходилъ уже не въ кіевской, а въ черниговской землѣ; поэтому, если допустить, что въ первый разъ, когда звали Олега въ Кіевъ, подъ градскими людьми разумѣлись кіевляне, то здѣсь, не въ кіевской землѣ, едва ли за кіевлянами могло остаться право рѣшать участь всѣхъ русскихъ земель. На этомъ снемѣ постановлено, чтобы каждый князь получилъ себѣ княженіе, но тутъ никакъ не могло быть чего-нибудь обязательнаго по наслѣдству; это было только распоряженіе относительно жившихъ и дѣйствовавшихъ въ то время князей. Вслѣдъ за снемомъ въ Любечѣ, послѣдовало ослѣпленіе Василька. Святополкъ хотѣлъ бѣжать, но кіевляне остановили его и сами вызвались быть судьями княжескаго дѣла: Святополкъ повиновался. По смерти его, кіевское вѣче, имѣвшее причины быть недовольну его княженіемъ, покарало его клевретовъ и избрало княземъ Владимира Мономаха. Князь этотъ былъ идеалъ своего вѣка и на долгое время оставилъ по себѣ память, полную уваженія и любви; поэтому кіевляне долго предпочитали его потомковъ всѣмъ дру-

Digitized by Google

гим князьямъ: понятно, почему лѣтописецъ не сообщаетъ нимъ подробностей о вступленіи на княженіе двухъ его сыновей одного за другимъ; кіевляне признавали ихъ безъ всякаго спора; ихъ желаніе совпадало тогда съ уваженіемъ къ семейному старѣйшинству: Мстислава и Ярополка выбирали они по любви къ нимъ; — впослѣдствіи, когда русскіе хотѣли похвалить князя, то говорили ему: «ты нашъ Мономахъ, ты нашъ Мстиславъ»; но тѣ же кіевляне не стали стѣсняться никакимъ старѣйшинствомъ, когда приходилось выбирать между сыномъ Мстислава Владимировича и дядею Юріемъ, котораго не любили.

Завладѣніе Кіевомъ при Всеволодѣ Ольговичѣ было дѣломъ насилія, и вѣроятно Всеволодъ осилилъ Кіевъ съ помощью черниговцевъ: кіевляне уступили и признали его своимъ княземъ, а онъ съ своей стороны долженъ былъ дѣлать имъ уступки, чтобы удержаться. Родовое право натянуть за нимъ невозможно. Когда этотъ князь, въ 1146 году, хотѣлъ назначить послѣ себя преемникомъ своего брата Игоря, то не могъ избрать другого пути, какъ только устроить дѣло такъ, чтобы его выбрала земля кіевская. Игорь на вѣчѣ покупалъ себѣ княженіе обѣщаніями льготъ и уступокъ, но партія его была, какъ видно, мала: по смерти Всеволода кіевляне составили вѣче у Туровой Божницы и осудили на немъ тіуновъ умершаго князя. Здѣсь уже въ другой разъ является примѣръ, какъ земля творила судъ и расправу надъ тѣми, которые оказались виновными противъ нея при покойномъ князѣ и употребляли во зло его довѣріе. Вѣче потребовало, чтобы Игорь судилъ самъ и не поручалъ вмѣсто себя суда. Но скоро послѣ того опять собралось вѣче, разсудило, что Игорь не годится и выбрало вмѣсто него Изяслава Мстиславича. Приверженцевъ Игоря разграбили; самого Игоря наконецъ посадили въ тюрьму, отъ которой онъ только избавился постриженіемъ въ чернецы. Это событіе возбудило междоусобія съ княжескою вѣтвью Ольга Святославича и наконецъ вызвало бурное вѣче, умертвившее Игоря. Фактъ этотъ показываетъ, какъ мало стѣснялись кіевляне уваженіемъ къ княжескому достоинству, когда посягали на ихъ земское право.

Междоусобіе съ Ольговичами повлекло къ другой усобицѣ между племянникомъ, избраннымъ кіевскою землею и дядею Юріемъ, которому хотѣлось княжить въ Кіевѣ, опираясь на свое семейное старшинство. Партія у него въ Кіевѣ была невелика, но на его сторонѣ былъ князь галицкой земли; было у него достаточно силъ земли суздальской, и кіевляне должны были уступить, принимать Юрія, но при первомъ удобномъ случаѣ прогнали его и приглашали снова любимаго Изяслава Мстисла-

Digitized by Google

вича. По смерти послѣдняго кіевляне избрали его брата Ростислава, а потомъ, когда онъ не могъ удержаться противъ Юрія, Изяслава Давидовича, наконецъ, признали Юрія. Черезъ два года послѣдовала смерть этого князя; тогда кіевляне разграбили его домъ и перебили суздальцевъ, при помощи которыхъ онъ держался въ Кіевѣ. Здѣсь уже въ третій разъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ по смерти князя творить судъ и расправу надъ его клевретами. Въ этотъ разъ судъ кіевлянъ показывалъ большое ожесточеніе, и оно впослѣдствіи тяжяло отозвалось Кіеву. Прогнавши и истребивши суздальцевъ, кіевляне выбрали Ростислава Мстиславича; черезъ десять лѣтъ кіевская земля выбрала Мстислава Изяславича. Такимъ образомъ, до самаго разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ мы видимъ, что кіевская земля свободно избирала и призывала князей и по смерти ихъ оцѣняла ихъ способъ управленія. Это земское начало уступало иногда насилію, но потомъ опять вступало въ свои права, потому что всякій насильникъ долженъ былъ подлаживаться къ волѣ земли, чтобы не потерять партіи, которая могла его поддерживать противъ другого претендента, всегда имѣвшаго возможность опереться на другую партію въ той же землѣ. Погромъ и униженіе Кіева въ 1169 году были, кажется, слѣдствіемъ избіенія суздальцевъ: въ ополченіи Андрея были дѣти и племянники убитыхъ въ оное время; они-то мстили Кіеву за свою кровь. Съ этой поры хотя и дошли до насъ о кіевской землѣ довольно подробныя извѣстія, но они больше касаются внѣшнихъ событій; во всякомъ случаѣ, мы изъ описаній второй половины XII вѣка и первыхъ лѣтъ XIII-го усматриваемъ, что въ кіевской землѣ гражданская стихія уступала военной; цивилизація падала и переходила на сѣверо-востокъ; тогда кіевское княженіе дѣлалось достояніемъ игры случая и силы; землю изображали княжескія дружины, составленныя уже не только изъ русскихъ, но и изъ азіатскихъ инородцевъ, поселенныхъ на почвѣ кіевской земли: они-то рѣшали судьбу края, поддерживая своимъ оружіемъ то одного князя, то другого; князь, смотря по обстоятельствамъ и ловкости, могъ быть и слабъ и силенъ, но вообще долженъ былъ мирволить той громадѣ, на которую опирался.

Въ Галичинѣ вездѣ видно участіе земли, какъ въ избраніи князей, такъ и въ верховномъ судѣ надъ ихъ способомъ управленія. Но тамъ успѣлъ развиться и усилиться аристократическій элементъ, какъ нигдѣ на Руси; этому содѣйствовала возможность образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ

Digitized by Google

въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ. Присоединить къ этому нужно сосѣдство съ венграми и поляками, съ которыми русскіе имѣли частыя сношенія и усвоивали признаки ихъ жизни, и въ томъ числѣ господство аристократизма въ строѣ. Какъ бы то ни было, бояре, т.-е. люди богатые, вліятельные, знатные держали въ рукахъ своихъ землю и изображали преимущественно собою вѣчевую земскую силу. Къ сожалѣнію намъ не осталось данныхъ, чтобы прослѣдить постепенность усиленія боярства при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ края. Видимъ, что галичане вмѣшивались въ семейныя дѣла своихъ князей: напр., сожгли любовницу князя Ярослава, принудили его жить съ законной женой, принять къ себѣ изгнаннаго законнаго сына и удалить любимаго имъ незаконнаго. Впослѣдствіи они, соблазняясь поведеніемъ своего князя Владимира, прогнали его, но сами раздѣлились на партіи: одни пригласили волынскаго князя Романа, другіе призвали на княженіе венгерскаго королевича; такимъ образомъ, одна изъ русскихъ земель чуть-было не выбыла изъ круга земель, управляемыхъ князьями единаго Рюрикова дома. Энергическій и рѣшительный Романъ хотѣлъ укротить самовольство бояръ; польскій историкъ сообщаетъ, что онъ употреблялъ противъ нихъ жестокія мѣры; стало быть, онъ былъ силенъ и слѣдовательно опирался на сильную партію, которая могла быть и противобоярская, народная, но также могла состоять изъ части бояръ враждебной другой части того же сословія; такъ вообще аристократія часто отличается безладицей и несогласіемъ между своими членами. По смерти Романа, во время малолѣтства его сыновей, Галичина подверглась величайшимъ безпорядкамъ, снова подпадала подъ чуждую власть венгровъ и поляковъ; одинъ изъ бояръ, Володиславъ, захватилъ было княжеское достоинство на нѣкоторое время. Не удалось тогда ни чужеземцамъ, ни боярамъ. Бояре потеряли свою силу въ междоусобіяхъ; возвысилась народная партія, соединилась вокругъ Романова сына Данила и возвела его на княженіе. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ наступило татарское завоеваніе, то мы и не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ поставили бы княжескую власть къ земскому началу историческія обстоятельства при независимомъ теченіи жизни въ краѣ.

До насъ не дошло спеціальныхъ лѣтописей о бѣлорусскихъ земляхъ и о смоленской; но тамъ, гдѣ мимоходомъ встрѣчаются извѣстія, является несомнѣнное господство вѣчевого порядка.

Digitized by Google

Земли прогоняли князей и приглашали другихъ: такъ было въ Полоцкѣ въ 1128 и въ 1159 годахъ, въ Друцкѣ въ 1159 году, въ Смоленскѣ въ 1175 и въ 1230; въ послѣднемъ изъ годовъ смольняне однако дорого заплатили за свое вѣчевое право; изгнанный князь привелъ полочанъ, перебилъ своихъ враговъ смольнянъ и насильно усѣлся въ Смоленскѣ—разительный примѣръ, какъ князья могли при случаѣ поступать насильственно и самовластно, находя себѣ помощь въ другихъ русскихъ земляхъ. Недостатокъ соединяющей федеративной связи между землями естественно дѣлалъ возможными такіе случаи, и земское право невольно уступало праву силы.

О ростовско-суздальской землѣ намъ осталась спеціальная лѣтопись. Историки наши видятъ здѣсь зародышъ будущаго единодержавія Россіи. Существовало мнѣніе, что въ этомъ краѣ пришлый славянскій элементъ смѣшался съ финско-тюркской народностью; такая смѣсь положила начало великорусской народности и сообщила ей своеобразный характеръ болѣе устойчивый и терпѣливый, и потому болѣе наклонный къ монархической власти, чѣмъ у другихъ славянъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что славянская стихія составляетъ здѣсь меньшинство и великоруссы нечто иное, какъ народъ туранскаго племени, принявшій славянскую рѣчь, но сохранившій коренные нравы и характеръ древняго своего происхожденія. Но, вникая въ смыслъ лѣтописныхъ сказаній, мы найдемъ не то: и здѣсь, какъ въ другихъ земляхъ, господствовалъ тотъ же принципъ верховной власти земли; и здѣсь князь, по отношенію къ землѣ, былъ тоже, что и въ другихъ земляхъ — не владѣлецъ, а правитель. Юрій Владимировичъ, желая утвердить за меньшими сыновьями волость, долженъ былъ созывать на думу ростовцевъ, суздальцевъ, переяславцевъ и владимирцевъ, т.-е. всю землю, но для земли не обязательны были ни воля покойнаго, ни даже собственныя ея постановленія: земля всегда имѣла право отмѣнить и переиначить то, что́ прежде порѣшила. Вопреки распоряженію Юрія, утвержденному землею, по смерти Юрія земля посадила выборомъ на княжескій столъ князя Андрея. Князь этотъ былъ крутъ и своенравенъ, за то и не снесъ головы; но въ его княженіе вѣчевая сила не была однако порабощена: такимъ образомъ, мы видимъ, что ростовцы изгнали (слѣдовательно вѣчемъ) своего епископа Леонтія. По смерти Андрея, ростовцы, суздальцы, владимирцы выбрали всею землею Ростиславичей. Скоро владимирцы стали ими недовольны за то, что они слушались бояръ и допускали собирать себѣ неправильнымъ образомъ имущества. Они говорили тогда: «мы себѣ выбрали вольныхъ

Digitized by Google

шей, а эти князья грабятъ насъ будто не свои волости, промышляйте братья». Такимъ образомъ, владимирцы считали за землею право призывать и прогонять князей и никакого другого права не сознавали. Они прогнали Ростиславичей и выбрали Михаила Юрьевича. Послѣ скоро послѣдовавшей кончины этого князя произошелъ раздоръ между городами, замѣчательный въ нашей исторіи, потому что указываетъ на понятіе о старшинствѣ городовъ. Ростовцы выбрали Мстислава Ростиславича, владимирцы Всеволода Юрьевича; на основаніи факта старшинства по времени заложенія города, Ростовъ имѣлъ право, но Владиміръ, населенный пришлыми людьми, не покорялся ему. Дошло до междоусобной войны между городами. Рѣшить споръ могъ только успѣхъ. Владимирцы побѣдили и съ тѣхъ поръ Владиміръ сталъ главою земли. Ростиславичи были взяты въ плѣнъ, и раздраженное вѣче порѣшило ослѣпить ихъ. Князь Всеволодъ долженъ былъ исполнить это рѣшеніе, но не хотѣлъ и обманулъ вѣче: Ростиславичи были отпущены, а для успокоенія вѣча былъ распущенъ слухъ, что они прозрѣли чудотворнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, вѣче было сильно, когда князь боялся раздражить его и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобъ не показать, что дѣлаетъ вопреки волѣ вѣча.

Всеволодъ Юрьевичъ, какъ и братъ его Андрей, былъ крутого нрава, человѣкъ рѣшительный: это показываетъ его безцеремонный поступокъ съ рязанскими князьями; но вѣчевой строй при немъ былъ въ полной силѣ. Есть одно драгоцѣнное мѣсто въ переяславской лѣтописи подъ 1213 годомъ; изъ него видно, что тогда было на Руси въ обычаѣ у князей, мимо всякихъ родовыхъ счетовъ и притязаній, учинять рядъ или договоръ съ землею на вѣчѣ и испрашивать согласія земли въ тѣхъ случаяхъ, когда князь являлся туда съ правомъ, основаннымъ на чемъ либо другомъ. Князь Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ родителя въ удѣлъ Переяславль, пріѣзжаетъ въ этотъ городъ, созываетъ переяславцевъ и говоритъ имъ: «Отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, и меня вамъ. Хотите имѣть меня у себя»? Это мѣсто наглядно показываетъ, что въ сѣверовосточной Руси поставленіе князей окончательно зависѣло отъ земли; слѣдовательно, и въ тѣхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ говорится просто, что такой-то князь сталъ княжить послѣ отца, слѣдуетъ подразумѣвать, что онъ испрашивалъ согласія земли, и только въ силу признанія съ ея стороны вступалъ въ управленіе. Изъ одного мѣста Кіевской лѣтописи видно, что въ XII вѣкѣ князья заключали ряды съ землею, даже и тогда, когда они были уже приглашены и избраны. Такъ, въ 1154 г., когда

Digitized by Google

Ростиславъ Мстиславичъ былъ призванъ кіевлянами изъ Смоленска, дружина говорила ему: «Ты, князь, еще не утвердился въ Кіевѣ съ людьми; поѣзжай въ Кіевъ и утвердись съ людьми; *аче стрый* придетъ на тя Дюрги, поне ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися паки ли а рать зачнеши съ нимъ». Къ намъ не дошло ни одного изъ такихъ древнихъ рядовъ или утвержденій; есть образчики подобныхъ договоровъ уже въ позднѣйшія времена въ Новгородѣ, но они въ своихъ подробностяхъ не могутъ для насъ служить моделью для болѣе раннихъ. Есть основаніе полагать, что въ до-татарское время такіе ряды были гораздо короче и касались ближайшихъ обстоятельствъ, занимавшихъ жизнь собственно тѣхъ дней, въ которые заключались, а не представляли вообще опредѣлительныхъ правилъ для управленія. Въ тотъ вѣкъ власть князя не подвергалась такимъ стѣсненіямъ въ мелочахъ со стороны земли, какъ бывало въ Новгородѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Въ эти послѣдніе вѣка, вся Русь, кромѣ Новагорода и Пскова, клонилась къ единодержавному порядку и воспринимала новыя формы общественнаго и политическаго быта; только Новгородъ и Псковъ удерживали начала и признаки старой вѣчевой жизни, крѣпко дорожили ими и охраняли ихъ; князья, напитанные инымъ духомъ, были опасны, и необходимо было ограждать себя отъ ихъ посягательствъ заранѣе. Въ до-татарское время такихъ опасностей не представлялось. Князь могъ себѣ править безъ всякихъ ограниченій; для него существовало одно условіе—воля земли: его прогонять, если онъ станетъ неугоденъ. Князей было много, и призвать другого, вмѣсто неугоднаго, было легко. Въ Новгородѣ впослѣдствіи судъ князя былъ раздѣленъ съ посадникомъ; новгородцы считали нужнымъ для своей свободы стѣснить судебное значеніе князя. Не то было въ до-татарское время: князь, по русскому понятію, на то и нуженъ былъ, чтобы судить и рядить; кіевляне, обезпечивая свою свободу, ставили князю въ условіе, чтобы судъ производилъ онъ самъ, а не повѣрялъ бы никому другому. Князь вмѣстѣ былъ и судья, и военачальникъ, и защитникъ страны и ея правитель; власть его обнимала всѣ отрасли управленія. Князь пользовался большими доходами: ему давались и села и торговыя и судныя пошлины; онъ могъ, ни у кого не спрашиваясь, быть неограниченнымъ въ своихъ поступкахъ, но онъ долженъ былъ всегда помнить, что земля можетъ прогнать его, если онъ выведетъ ее изъ терпѣнія. Мы видимъ, какъ уже замѣчали, примѣры, что изгнанный князь не всегда покорно исполнялъ приговоръ земли и нерѣдко выискивалъ средства возвращать потерянное силою. Это было вполнѣ

Digitized by Google

ѣстно въ вѣкъ отваги и удальства. Такимъ образомъ, въ исторіи нашихъ княженій постоянно замѣчается борьба двухъ началъ, по которымъ князья добывали волости, одно — избраніе землею, другое — овладѣніе силою при посредствѣ партій. Впрочемъ, оба эти начала нерѣдко и сливались, потому что значеніемъ земли овладѣвала то та, то другая партія. Чтобы понять это, нужно бросить взглядъ на то, что̀ составляло русскій народъ и кто представлялъ землю на вѣчѣ.

V.

Такъ какъ въ вѣчевой періодъ вся русская жизнь отличалась крайнею неопредѣленностью, неточностью и невыработанностью формъ, то здѣсь какъ въ хаосѣ можно намъ отыскивать и задатки федераціи, и республики и монархіи; въ сущности же тутъ ничто не подходитъ вполнѣ подъ тѣ осязательныя представленія, какія мы привыкли себѣ составлять въ качествѣ общей мѣрки, прилагаемой къ различнымъ видамъ общественнаго строя; всѣ вопросы, касающіеся отправленій общественной жизни, легко могутъ быть разрѣшаемы противорѣчиво, и впрямь и вкось. Темнота указаній въ источникахъ и вообще недостатокъ свѣдѣній о подробностяхъ помогаютъ этому. Такой характеръ неопредѣленности прилагается и къ вопросу о существованіи сословій въ древней Руси. Нѣкоторые заявляли мысль, что сословій въ древней Руси вовсе не было. Если понимать слово «сословіе» въ теперешнемъ смыслѣ, то оно отчасти выйдетъ такъ; въ древней Руси мы не найдемъ даже сословій и въ томъ значеніи, какое имѣло это слово въ царскую московскую эпоху нашей исторіи, но вѣдь и равенства народа по правамъ каждаго не было, и можно сказать, что сословія существовали въ смыслѣ различія людей по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ. Это относится собственно къ людямъ свободнымъ: но кромѣ свободныхъ были еще и рабы, и раздѣленіе на свободныхъ и рабовъ существовало строго опредѣлительно въ смыслѣ сословій противоположно отличныхъ одно отъ другого. Затѣмъ, свободные люди различались между собою по отношенію къ князю и къ землѣ. По отношенію къ князю изъ цѣлой громады свободныхъ людей выдѣлялась княжеская дружина, или служилые люди, которые раздѣлялись на вящшихъ или большихъ, и меньшихъ или молодыхъ. Первые именовались княжими мужами или боярами, вторые носили названіе гридней, дѣтскихъ отроковъ или просто дружины. Составляя военную силу и опору

Digitized by Google

князя, дружинники были органами и княжескаго управленія: изъ вящшихъ назначались посадники или намѣстники въ пригороды, изъ низшихъ или молодыхъ тіуны, посельскіе—собиратели княжихъ пошлинъ и доходовъ, управители княжихъ селъ и вообще исполнители княжихъ приказаній. Дружина — явленіе, естественно возникшее съ прибытіемъ варяжскихъ князей, долго оставалась неизбѣжнымъ признакомъ удѣльновѣчевой Руси. Идеалъ князя быть миротворцемъ, третейскимъ судьею въ междоусобныхъ спорахъ, возникающихъ въ землѣ и защитникомъ земли отъ внѣшнихъ враговъ; по этому самому князю нужно было стоять независимо отъ интересовъ, волновавшихъ землю, быть выше ихъ, чтобы имѣть возможность ихъ судить. Для этого нужна была ему сила, независимая отъ земли, несостоявшая исключительно изъ членовъ земли, принадлежащая князю и находящаяся въ его распоряженіи.

Такая сила и явилась: то была дружина. Она, какъ мы уже выше сказали, набиралась отовсюду: кто желалъ, тотъ и вступалъ въ нее, и въ раннія времена въ значительной степени дружина состояла изъ иноземцевъ — варяговъ. Мы уже показали, какъ въ языческій періодъ дружина, ограничиваясь собираніемъ дани для князя и для себя, имѣла характеръ разбойничьей шайки, находящейся въ распоряженіи атамана. Мы сказали также, что съ принятіемъ христіанства и съ усвоеніемъ понятій болѣе цивилизованнаго общества о государствѣ, этотъ характеръ измѣнялся. Теперь прибавимъ, что съ развѣтвленіемъ княжескаго рода дружина переставала быть стихіею, вовсе непричастною къ земскому строю; иноплеменники не брали въ ней перевѣса; ее хотя и наполняли разные охотники, но преимущественно жители того же княженія, гдѣ жилъ князь, которому она служила, и потому она стала принадлежать не только князю, но и землѣ; а главное—князья обогащали дружину, надѣляли дружинниковъ имѣніями, послѣдніе дѣлались землевладѣльцами и потому интересы привязывали ихъ къ землѣ. Какъ люди свободные, они могли переходить въ дружину другого князя, но не теряли своихъ имущественныхъ правъ въ той землѣ, гдѣ жили прежде, могли также оставить службу князю, и обратиться къ другимъ занятіямъ.

Такимъ образомъ, дружинники могли дѣлаться членами земли и притомъ знатнѣйшими, вліятельнѣйшими. Затѣмъ, все остальное населеніе носило общее названіе вольныхъ людей и раздѣлялось по степени своего состоянія на вящшихъ, середнихъ и меньшихъ или молодшихъ людей. Вящшіе люди носили названіе бояръ точно также, какъ и высшіе дружинники: слово боринъ означало вообще человѣка богатаго и вліятельнаго совѣтомъ и думою,

Digitized by Google

примѣняясь и къ тому и къ другому виду, къ боярству дружинному и къ боярству земскому, тѣмъ болѣе что тотъ и другой шли часто между собою сочетались и совпадали. Бояре-дружинники были часто вмѣстѣ съ тѣмъ и бояре земскіе; не вездѣ и не всегда возможно отличить тѣхъ и другихъ. Правда, въ Новгородѣ бояре новгородскіе, земскіе, рѣзко отличаются отъ мужей княжихъ — дружины, состоявшей не изъ новгородцевъ. Но объ этомъ различіи мы имѣемъ свѣдѣнія изъ извѣстій, преимущественно касающихся послѣ-татарскихъ временъ. Относительно другихъ мѣстъ если говорилось: бояре черниговскіе, бояре владимирскіе, то трудно сказать, о какого рода боярахъ идетъ рѣчь: о боярахъ ли земскихъ, или о боярахъ, служившихъ князю; да едва ли и въ оное время сознавалось это различіе; бояре земскіе могли вступать въ дружину князя, и тогда, оставаясь боярами земскими, они были вмѣстѣ бояре-дружинники; а съ другой стороны, бояре, дружинники, получая отъ князя села и дѣлаясь вліятельными членами земли, были вмѣстѣ и бояре земскіе. Званіе боярина приняло смыслъ совѣтника, распорядителя, но званіе это въ такомъ смыслѣ не распространялось безусловно на потомство. При частой смѣнѣ князей, переворотахъ и потрясеніяхъ въ общественномъ порядкѣ это было невозможно. Бояре, державшіеся стороны одного князя, теряли свое значеніе, когда этого князя вытѣснялъ другой; послѣдній окружалъ себя новыми людьми, оказавшими ему помощь въ достиженіи княженія; новые люди дѣлались боярами, а прежніе упадали въ своемъ значеніи. Но въ ихъ потомствѣ сохранялось если не боярство, то воспоминаніе о боярствѣ отцовъ и дѣдовъ; отсюда явился въ народѣ особый отдѣлъ дѣтей боярскихъ. Вначалѣ, они были на самомъ дѣлѣ дѣти тѣхъ, которые носили званіе бояръ, но сами они не могли уже сдѣлаться боярами, а оставались съ тѣмъ наименованіемъ, которое означало ихъ дѣйствительное происхожденіе; слѣдовательно, они не могли дѣтямъ своимъ сообщить боярство, а сообщали имъ то званіе, какое сами носили; такимъ образомъ, и ихъ дѣти и внуки, какъ и они, стали называться дѣтьми боярскими. Удерживая это названіе, они обыкновенно служили князьямъ въ дружинѣ, и такимъ образомъ званіе дѣтей боярскихъ соединилось съ званіемъ людей служивыхъ. Впослѣдствіи, обыкновеніе вошло въ законъ, и на дѣтяхъ боярскихъ уже легла обязанность служить. Въ такомъ значеніи это званіе явилось при новомъ строѣ русской державы въ московскомъ государствѣ.

Къ людямъ середнимъ принадлежали вообще люди достаточные, но не особенно богатые, и неимѣвшіе лично вліянія на управленіе землею; они извѣстны были также подъ названіемъ

Digitized by Google

житьихъ людей. То были люди занимавшіеся промыслами, торговлею и мелкіе собственники земель. Купцы не составляли особаго сословія; купецъ былъ—только занятіе, а заниматься торговлею могли всѣ — и князья, и бояре и житьи люди; но такъ какъ торговля въ оное время не доставляла такого значенія, какъ землевладѣніе и служба князю, то торговцы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не могли подняться до значенія вящшихъ людей или бояръ и остались въ разрядѣ житьихъ людей.

Наконецъ, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе ручною работой, составляли классъ черныхъ людей. Низшимъ слоемъ между черными людьми были такъ-называемые смерды: то были земледѣльцы, жившіе на земляхъ княжескихъ и находившіеся въ непосредственной зависимости у князя. Что смерды имѣли именно такое значеніе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: 1) въ Русской Правдѣ наслѣдство послѣ смерда принадлежитъ князю; 2) въ другой статьѣ того же законодательнаго памятника упоминается о случаѣ, когда смердъ мучитъ смерда безъ княжаго слова и тѣмъ самымъ дается знать, что князь имѣлъ право распоряжаться личностью смерда; 3) въ Новгородѣ прогнали одного князя, поставивъ ему въ вину то, что онъ не заботился о смердахъ (не блюдетъ смердъ). Совокупность этихъ примѣровъ указываетъ, что смерды были люди, находившіеся въ непосредственномъ подчиненіи у князя. Впослѣдствіи слово смердъ сдѣлалось общимъ названіемъ земледѣльца-работника, но въ болѣе древнія времена, въ до-татарскій періодъ смердъ былъ что-то среднее между свободнымъ и рабомъ. Происхожденіе этого сословія, какъ и самое названіе, не объяснены вполнѣ. Намъ кажется, всего вѣроятнѣе, что смерды возникли изъ военноплѣнныхъ, которыхъ князья селили на своихъ земляхъ. По языческимъ понятіямъ, вообще плѣнные обращались въ рабовъ, но славяне издревле, какъ еще свидѣтельствуетъ Прокопій, обращались съ плѣнниками добродушно и не рѣдко допускали ихъ въ число своихъ домочадцевъ; съ христіанствомъ тѣмъ болѣе состояніе военноплѣнныхъ должно было облегчиться; между тѣмъ при постоянныхъ усобицахъ плѣнныхъ было много; цѣлые города брались на щитъ; оставшіеся въ живыхъ доставались въ удѣлъ побѣдителямъ, и мы знаемъ примѣры, когда князья, взявши городъ на щитъ, уводили жителей на свои земли и поселяли ихъ тамъ. Изъ такихъ-то переселенцевъ, вѣроятно, и образовалось сословіе смердовъ. Оно увеличивалось бѣдняками, добровольно поступавшими въ число княжескихъ смердовъ; княжескія и земскія усобицы, подвергая разоренію села, способствовали умноженію такихъ бѣдняковъ. Что касается до рабовъ, то нигдѣ не видно, чтобы въ христі-

Digitized by Google

анской Руси плѣнъ по праву велъ за собою рабство. Рабами или холопами юридически дѣлались люди, продавшіе себя въ рабство, или проданные своими родителями, какъ это случалось во время голода, люди рожденные отъ рабынь, люди, взявшіе рабынь въ жены и, наконецъ, люди, привязавшіе къ себѣ ключъ безъ ряду т.-е. взявшіе у хозяина служебную обязанность безъ договора съ нимъ; это конечно постановлялось для того, что иначе не было бы конца спорамъ о холопствѣ и затруднительно было бы разсмотрѣть, кто холопъ и кто не холопъ; вмѣсто доказательствъ со стороны владѣльца о томъ, что служащій его рабъ, требовались доказательства отъ служебника, что онъ не рабъ хозяина, такъ что безъ этихъ доказательствъ служба сама по себѣ служила достаточнымъ признакомъ рабскаго состоянія.

Вотъ, вкратцѣ образъ въ какомъ представляется сословное раздѣленіе въ древней Руси. Мы нарочно коснулись этого предмета для того, чтобы ясно было, изъ какихъ элементовъ могло состоять вѣче, рѣшавшее судьбу земли.

Всѣ свободные люди, принадлежавшіе къ упомянутымъ намъ видамъ, могли быть равноправными членами своей земли и составлять вѣче. Но способъ отправленія вѣча не имѣлъ въ себѣ ничего опредѣленнаго, точнаго. Вѣче отправлялось подъ открытымъ небомъ, на площади, или на улицѣ; всякій имѣлъ возможность приходить туда, не собирались голоса, рѣшались дѣла крикомъ; — какая сторона перекричитъ, та и одолѣваетъ; если меньшинство упрямится, то ему можетъ быть худо—въ Новгородѣ его иногда таскали въ Волховъ. Всѣ, и знатные и бѣдные, отъ мала до велика могли собираться на вѣче, но порядка не соблюдалось и обыкновенно брали верхъ тѣ, которые въ данное время имѣли силу. Иногда вѣче состояло изъ однихъ бояръ, иногда же изъ однихъ черныхъ людей, когда послѣдніе озлоблялись противъ боярства. Поэтому, когда въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ выраженіе: владимирцы, полочане, кіяне, то этого нельзя принимать въ такомъ смыслѣ, чтобы всѣ жители земли сходились на вѣче по освященному законному порядку; тутъ могъ быть небольшой кружокъ сильныхъ на то время людей, проводившій извѣстное намѣреніе. Такъ, въ XII вѣкѣ одинъ кіевскій князь, вошедши въ Кіевъ, по приглашенію, угощалъ кіянъ; здѣсь нельзя разумѣть цѣлый городъ вообще, а конечно тотъ кружокъ, которому князь одолженъ былъ своимъ избраніемъ. Въ Галичѣ бояре, овладѣвшіе судьбою земли, составляли одни вѣче; остальной народъ не имѣлъ голоса, а когда этотъ народъ, противодѣйствуя боярской власти, стекался къ Галичу и избиралъ князя Данила, то въ это время вѣче состояло изъ одного простого на-

Digitized by Google

рода. Дружинники, какъ люди обращавшіеся съ оружіемъ и слѣдовательно составлявшіе сами по себѣ матеріальную силу, играли роль легальныхъ членовъ земли, составляли вѣча, выбирали князей, поддерживали ихъ, были ихъ совѣтниками, а не рѣдко одни рѣшали судьбу земли. Такимъ образомъ, при всеобщей неопредѣленности и неточности всѣхъ общественныхъ отношеній значеніе вѣча случайно переходило на военную толпу, и хотя казалось, что князья выбирались и признавались землею, дѣйствовали съ согласія земли, на самомъ же дѣлѣ все творилось одною этою военною толпою или дружиною. Такъ было особенно въ кіевской землѣ послѣ разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, но тоже случалось по временамъ и въ другихъ земляхъ. Князья пріобрѣтали свои княженія не дѣйствительно законнымъ выборомъ земли, а «подъискивали, подозрѣвали княженіе», прибѣгали къ коварству и насилію и успѣвали на время, пока другой князь такимъ же образомъ не «подозрѣвалъ» подъ соперникомъ княженія и не находилъ способа свергнуть его. Людьми партій, поддерживавшихъ покушенія князей, не руководили какія нибудь намѣренія доставить землѣ лучшее устроеніе, и каждый имѣлъ въ виду себя, думалъ возвыситься самъ посредствомъ новаго князя. Была обоюдная услуга: приглашавшіе князя ожидали отъ него себѣ выгодъ и средствъ къ возвышенію и обогащенію, а князья гонялись за княженіями, потому что они предоставляли имъ доходы съ селъ и разныя пошлины.

Замѣчательно, что въ то время, когда въ Кіевѣ гражданственное начало стало уступать военному и судьба земли зависѣла отъ случая и силы, въ сѣверовосточной Руси крѣпнетъ земская сила: туда переносится и образованность, какъ будто не нашедшая себѣ питательныхъ соковъ на кіевской почвѣ.

Мы выше замѣтили, что наши историки видятъ именно въ этомъ краю Руси задатокъ единодержавія еще до татаръ; мы уже указали примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что признаки вѣчевого порядка и выборности князей являются здѣсь не менѣе, какъ и въ другихъ земляхъ. Полагаютъ, что князьямъ доставили усиленіе власти новые города и тѣмъ положено было начало единодержавнаго строя и подавленія вѣчевыхъ порядковъ, господствовавшихъ въ обычаяхъ старыхъ городовъ. Для примѣра указываютъ на борьбу Владимира съ Ростовомъ, борьбу, изъ которой меньшій городъ вышелъ побѣдителемъ надъ старшимъ. Дѣйствительно, въ городѣ, который князь возвышалъ, возбуждая самолюбіе жителей, онъ могъ надѣяться имѣть больше власти, чѣмъ въ другомъ городѣ, который ему ничѣмъ не былъ обязанъ; жители новаго города, переселенные издалека и отовсюду, не имѣли

Digitized by Google

мѣстныхъ преданій, противоборствовавшихъ княжеской волѣ, но этого было недостаточно, чтобы измѣнить коренной порядокъ, къ которому привыкли не одинъ какой-нибудь городъ или же два-три города, а вся Русь. Пока-то жители новыхъ городовъ успѣвали составить мѣстныя преданія на своемъ новосельи, а во всякомъ случаѣ они приносили съ собой на это новоселье завѣтныя преданія отцовъ. Владимирецъ не скоро могъ забыть и утратить духъ своего отца или дѣда кіевлянина; въ новыхъ городахъ были пока слабы мѣстные интересы, но общія понятія, свойственныя всей русской землѣ, были вообще ихъ сильнѣе; обычаи и убѣжденія вѣковъ не перерождаются отъ одного выселенія, безъ другихъ, болѣе вліятельныхъ обстоятельствъ. Доказательствомъ могутъ служить обстоятельства, сопровождавшія убіеніе князя Андрея; этотъ князь возвысилъ Владиміръ, но по смерти его владимирцы наравнѣ съ другими городами совершили казнь надъ его клевретами. Возникъ споръ между городами, но не видно, чтобы городъ Владиміръ стоялъ за монархическій принципъ. Преемники Андрея, Михаилъ, а потомъ Всеволодъ, избраны были владимирцами на вѣчѣ, точно также, какъ это дѣлалось и въ старыхъ городахъ. Владиміръ стремился сдѣлаться старѣйшимъ городомъ въ ущербъ Ростову и Суздалю, но сохранялъ въ себѣ тѣ же пріемы общественной жизни, какіе были и въ старѣйшихъ городахъ. Если въ борьбѣ Владимира съ Ростовомъ что было новаго, то развѣ религіозное христіанское начало въ противоположность старымъ обычаямъ языческихъ временъ, да и то этимъ только освящалось стремленіе пригорода стать выше старѣйшаго города. Дѣло въ томъ, что Андрей перенесъ во Владиміръ чудотворную икону Богородицы; построенъ былъ храмъ Богородицы, составившій мѣстную святыню; по всѣмъ вѣроятіямъ, Владиміръ былъ съ самаго начала заселенъ христіанами и въ немъ никогда не было язычества, тогда какъ древніе города существовали еще до христіанства. Владимирцы признавали надъ своимъ городомъ благословеніе Божіе и преимущественно святой Богородицы; такъ по крайней мѣрѣ видно изъ тѣхъ философскихъ размышленій, которыя, по поводу тогдашнихъ событій, позволяли себѣ лѣтописцы. Здѣсь происходилъ поворотъ не къ единодержавію, не къ отдачѣ судьбы земли произволу владыки, а къ тому, чтобы признать верховнымъ источникомъ устроенія земли — проявленіе божьей благости надъ человѣческими поступками. Лѣтописецъ сознаетъ, что Ростовъ и Суздаль — старые города, а боляре ростовской земли хотѣли поставить правду свою, правду старую, правду преданія и древняго обычая, общаго искони русской землѣ, по которому старѣйшіе города сходятся на вѣче и что сдумаютъ, на томъ при-

Digitized by Google

городы станутъ; старѣйшіе устанавливаютъ судьбу земли, а меньшіе имъ повинуются. Но есть другая правда, высшая, правда Божія. Владиміръ — городъ мезинный, позналъ ее, Владиміръ, находится подъ небеснымъ покровительствомъ, его осѣняетъ чудотворная икона, и потому, что задумываетъ Владиміръ, то хорошо, и Владиміръ успѣваетъ; на то Божія воля — то чудо. Тутъ, сверхъ того, какъ видно, примѣшалась и сословная борьба. На сторонѣ Ростова бояре, гридьба, пасынки; народъ, вѣроятно, былъ на сторонѣ Владимира, и этимъ, быть можетъ, объясняется успѣхъ его во всей землѣ. Ростовъ, какъ городъ старѣйшій, сопротивлялся, и сталъ противъ Владимира, не хотѣлъ подчиняться князю, выбранному послѣднимъ, избралъ Ростиславичей; за нихъ была, какъ ясно изъ смысла лѣтописи, партія боярская; гдѣ только лѣтописецъ говоритъ: ростовцы,—тамъ прибавляетъ: «боляре» или «болярство». Ростовъ имѣлъ притязаніе распоряжаться судьбою всей земли; Владиміръ требовалъ свободы для каждаго города. Всеволодъ, избранный Владиміромъ, говорилъ Ростиславичу чрезъ посла такую рѣчь: «Брате, тебя привели ростовцы и боляре, а меня Богъ и владимирцы, а Суздаль кого захочетъ, тотъ ему и будетъ князь». Ни Всеволодъ, ни владимирцы не домогались, чтобъ Ростовъ не держалъ у себя такого князя, какого хотѣлъ; онъ только не хотѣлъ подчиняться Ростову самъ, не хотѣлъ, чтобъ и другіе подобные ему пригороды подчинялись старѣйшему городу, а чтобъ каждый распоряжался собою. При такомъ направленіи на сторону Владимира склонилась вся земля, а наконецъ, и самый Ростовъ покорился ему, какъ скоро выбранный имъ князь былъ разбитъ и вмѣстѣ съ нимъ болярская партія потерпѣла пораженіе. Ничто не показываетъ, чтобъ Владиміръ въ этомъ дѣлѣ стоялъ за монархическое начало или чтобъ онъ, какъ новый городъ, могъ его воспитать въ себѣ.

Также точно не согласимся мы и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто Владимирскіе князья начали стремиться сознательно къ подчиненію себѣ удѣльныхъ князей и къ соединенію подъ своей властію русскихъ земель. Дѣйствительно, князья этого края, Андрей и Всеволодъ, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя силы земли, пользуясь счастливымъ по тогдашнимъ условіямъ положеніемъ своей волости и приливомъ къ ней отовсюду народонаселенія, внушали къ себѣ уваженіе другимъ русскимъ князьямъ; послѣдніе обращались къ нимъ, искали ихъ союза какъ сильнѣйшихъ, подъ-часъ даже владимирскіе князья раздѣлывались круто со слабыми, когда тѣ задирали ихъ и не могли сладить, но то дѣлалось вслѣдствіе фактической силы, а не предвзятой и послѣдовательно проводимой задачи, не по сознанію, что въ

Digitized by Google

Руси слѣдуетъ быть иному порядку, который бы уничтожилъ и вѣча и князей, не съ надеждою, что изъ такихъ дѣлъ выйдутъ со временемъ великія перемѣны. Подчинить другого князя себѣ, заставить его исполнять свою волю, даже при случаѣ прогнать его изъ земли—не значило еще вводить иной порядокъ. Желаніе спихнуть князя и сѣсть на его мѣсто или посадить своего пріятеля—фактъ обычный въ удѣльно-вѣчевое время; онъ много разъ повторялся и не означалъ никакого поворота вещей. Вмѣсто изгнаннаго князя будетъ другой; но чтобъ не было нигдѣ князей, кромѣ одного государя—до этого никто не додумался. Равнымъ образомъ, никто не замышлялъ уничтожать права земель на рѣшеніе своей судьбы;—старались только, чтобы земля по волѣ или по неволѣ расположена была принять такого-то князя. Всеволодъ круто расправился съ рязанскими князьями: онъ увезъ ихъ изъ Рязанской земли и посадилъ въ Рязани на княженіе сына своего Ярослава, но это событіе произошло, повидимому, не насильственно: сами рязанцы выдали ему своихъ князей, слѣдовательно перемѣна сдѣлалась съ согласія Рязанской земли; черезъ нѣсколько времени рязанцы стали недовольны новымъ княземъ, прогнали его, а его клевретовъ зарыли живьемъ въ погребѣ. Всеволодъ не оказался на столько сильнымъ среди русскихъ князей, чтобы и послѣ этого принудить рязанцевъ покоряться своей волѣ. Всеволодъ не удержалъ Рязанской земли. Былъ у него споръ съ Новгородомъ: и тамъ онъ долженъ былъ уступить.

Такимъ образомъ, въ сѣверовосточной Руси до татаръ не сдѣлано было никакого шага къ уничтоженію удѣльно-вѣчеваго строя, а если Всеволоду оказывали уваженіе и признавали за нимъ старѣйшинство, то это дѣлалось во вниманіе къ его силѣ, изъ желанія получить въ случаѣ нужды отъ него его помощь, а никакъ не потому, чтобъ за нимъ признавали какое-нибудь первенство или главенство надъ всей Русью. Да и какъ можно отыскивать начало монархизма тамъ, гдѣ всѣ до единаго князья были выборные, и гдѣ все шло къ большему раздробленію княженій, а не къ соединенію? Земля избирала Андрея, вопреки завѣщанію отца; сыновья Всеволода должны были, по смерти этого князя, получить удѣлы и дѣлать соглашенія съ вѣчами. Такимъ образомъ, удѣльно-вѣчевое начало не только не упадало, но развивалось въ сѣверовосточной Руси правильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго міра. Нѣтъ основанія искать здѣсь какихъ-то отличій отъ другихъ русскихъ земель, вслѣдствіи происхожденія особой этнографической вѣтви—смѣси славянской народности съ финско-тюркскою, и выводить отсюда склонность къ самодержавію, совершенно противную древнему славянскому духу. Мы не отри-

Digitized by Google

цаемъ, что такое смѣшеніе племенъ существовало, но не видимъ никакихъ данныхъ признавать его настолько важнымъ, чтобы оно могло дать народной жизни начало, совершенно противоположное прежнимъ славянскимъ свойствамъ. Смѣшеніе это едвали было значительно. Большая часть бывшихъ здѣсь аборигеновъ уходила къ востоку. Еще въ XVI вѣкѣ существовало живое преданіе, что черемисы, жившіе въ Казанской области, были потомки тѣхъ, которые жили въ Ростовско-Суздальской области и убѣжали изъ прежняго своего мѣста жительства, оставивъ свои земли русскимъ. Славянская колонизація началась здѣсь съ глубокой древности, а въ XI и XII вѣкахъ сильно увеличилась переселенцами съ юга. По мѣрѣ того, какъ южная Русь была опустошаема половцами, толпы русскихъ бѣжали оттуда на сѣверовостокъ. Этого было достаточно, чтобы, при благопріятныхъ условіяхъ, при большемъ, сравнительно съ другими краями русскаго міра, спокойствіи, славянское населеніе возрасло, въ теченіи двухъ-трехъ поколѣній, до значительной степени. Мы имѣемъ цѣлую лѣтопись о событіяхъ этого края въ XII вѣкѣ, и лѣтописецъ нигдѣ не проговорился, хотя бы случайно, о пребываніи тамъ какихъ-нибудь инородцевъ; вездѣ идетъ рѣчь объ одномъ русскомъ народѣ, и всѣ движенія общественной жизни явно указываютъ на тотъ же славянскій духъ, который господствовалъ и въ южной Руси, и вездѣ на Руси.

Итакъ, въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

БЕЗПОРЯДКИ

ВЪ

СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ

1820 г.*).

Семеновскій полкъ, второй по старшинству въ гвардіи, былъ любимымъ полкомъ императора Александра I. Еще при императорѣ Павлѣ, великій князь Александръ Павловичъ, будучи командиромъ и шефомъ полка, зналъ лично въ немъ всѣхъ офицеровъ и многихъ солдатъ и часто говаривалъ: «Преображенскій полкъ — это царскій полкъ, а семеновскій полкъ — мой»; впослѣдствіи же онъ продолжалъ постоянно удостоивать полкъ своими милостями: изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, только одинъ семеновскій пользовался особеннымъ преимуществомъ, состоявшимъ въ томъ, что каждый вечеръ, дежурный по полку капитанъ, отрапортовавъ полковому командиру о состояніи полка, отправлялся къ императору съ такимъ-же рапортомъ, и государь всегда принималъ его. Семеновцы, обожая своего августѣйшаго шефа, видѣли въ немъ идеалъ и старались подражать ему. Офицеры, люди лучшихъ фамилій, соединенные дружбою и товариществомъ, основанными на взаимномъ уваженіи, занимались бо́льшею частью серьезнымъ чтеніемъ, или обученіемъ грамотѣ своихъ солдатъ, и лишь изрѣдка посѣщали общество. Офицеръ,

---

*) Извлечено изъ неизданнаго 5-го тома сочиненія «Исторія императора Александра I и Россіи въ его время», М. И. Богдановича.

Digitized by Google

появившійся въ шустерклубѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ неприличномъ мѣстѣ, либо позволившій себѣ сколько-нибудь предосудительный поступокъ, былъ бы тотчасъ удаленъ изъ полка обществомъ товарищей; солдата, встрѣченнаго пьянымъ на улицѣ, выжили бы свои же, да этого и не случалось. Каждый изъ служащихъ въ полку, дорожа званіемъ семеновца, смотрѣлъ нѣсколько свысока на прочія войска. Ни на ученьи, ни въ казармахъ полка не слышно было не только брани, но и крупнаго слова; о тѣлесномъ наказаніи — не могло быть и рѣчи; одежда и пища солдатъ были лучше, нежели въ другихъ полкахъ, чѣмъ они были обязаны своему вѣнчанному шефу, а также полковому командиру, Якову Алексѣевичу Потемкину. Генералъ-адъютантъ Потемкинъ, рыцарь въ душѣ, храбрый офицеръ, джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова, поддерживалъ облагороженное состояніе своего полка, которому едвали можно было найти подобный примѣръ во всей Европѣ. Ласковое обращеніе его съ подчиненными нисколько не вредило дисциплинѣ, и семеновскій полкъ по фронту ни въ чемъ не уступалъ прочимъ полкамъ гвардіи [1]).

Въ 1819 году, когда великіе князья, Николай и Михаилъ Павловичи, были назначены командирами 2-й и 1-й гвардейскихъ бригадъ, начальники 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій, баронъ Розенъ и Потемкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовали преображенскимъ и семеновскимъ полками, при чемъ подчинялись бригадному командиру, состоявшему у одного изъ нихъ (Розена) въ командѣ, что̀ было неудобно въ сношеніяхъ по службѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, императоръ Александръ соизволилъ на просимое ими увольненіе отъ должности полковыхъ командировъ: на мѣсто Розена былъ назначенъ флигель-адъютантъ баронъ Пирхъ, а на мѣсто Потемкина — полковникъ Шварцъ, бывшій прежде командиромъ екатеринославскаго гренадерскаго полка и незадолго предъ тѣмъ получившій въ команду лейбъ-гренадерскій полкъ [2]). Это назначеніе, справедливо или нѣтъ, приписывали графу Аракчееву, который, въ послѣдній періодъ царствованія императора Александра I, былъ козломъ отпущенія всѣхъ грѣховъ нашей администраціи. «Надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ», говаривалъ Сила Андреевичъ, но долго не рѣшался прямо сказать что-либо подобное государю объ усыновленномъ имъ полку. Когда же былъ назначенъ командиромъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.—Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время 135.—«Русскій Инвалидъ» 1865, № 263. Статья Н. П. Мунда.

[2]) Высочайшій приказъ 9 апрѣля 1820 года.—«Русскій Инвалидъ». 1865 г. № 263

Digitized by Google

бригады, въ которую входилъ и семеновскій полкъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, Аракчеевъ воспользовался неудовольствіемъ его на офицеровъ этого полка, которые не нравились великому князю—и щегольскою внѣшностью, и блескомъ своимъ на большихъ званыхъ балахъ, и даже утонченнымъ образованіемъ, казавшимся штабнымъ фронтовикамъ излишнею роскошью для субалтернъ-офицера, долженствующаго ограничивать кругъ своей дѣятельности ученіями и караулами. Чтобы исправить полкъ, вовсе не требовавшій исправленія, назначили командиромъ его одного изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые, родясь и живя весь свой вѣкъ въ Россіи, не знаютъ ни русскаго, ни нѣмецкаго языка. Полковникъ Шварцъ соединялъ въ себѣ грубое невѣжество съ необыкновенною вспыльчивостью и крутымъ характеромъ. Онъ ничего не зналъ, кромѣ фронта: за то—предъ фронтомъ являлся въ видѣ фанатика. На ученьяхъ онъ выходилъ изъ себя, бранился, ревѣлъ дикимъ голосомъ, бросалъ шляпу о-земь, топталъ ее ногами; нерѣдко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видѣть, хорошо ли на маршѣ солдаты вытягиваютъ носки—«игру носковъ», какъ выражался самъ Шварцъ. Всякому, сколько-нибудь знакомому на практикѣ съ нашими войсками, извѣстно, что русскій солдатъ любитъ справедливаго начальника, какъ бы онъ строгъ ни былъ. Полковникъ Шварцъ не былъ строже многихъ гвардейскихъ полковыхъ командировъ, но надоѣдалъ до крайности своимъ подчиненнымъ. «Sans être grand rosseur, il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s'il l'eut assommé (не будучи большимъ драчуномъ, онъ имѣлъ даръ возбудить къ себѣ въ солдатахъ бо́льшую ненависть, нежели жесточайшій мучитель),—писалъ Дм. Петр. Бутурлинъ князю Волконскому. Не проходило въ полку ни одного ученья безъ палокъ; не довольствуясь тѣмъ, Шварцъ билъ солдатъ своеручно, дергалъ ихъ за усы, заставлялъ ихъ плевать въ лицо одинъ другому и томилъ безпрестанными ученьями, даже въ воскресные дни и праздники. Въ хозяйственномъ отношеніи онъ былъ безкорыстенъ, но заставлялъ нижнихъ чиновъ изводить ихъ скудное жалованье на мѣлъ для бѣленія аммуниціи и на фабру для усовъ; тѣ же солдаты, кои не имѣли усовъ, должны были наклеивать фальшивые какимъ-то составомъ, отъ котораго на лицѣ дѣлались бомчки и чирья. Съ офицерами Шварцъ не умѣлъ обходиться и оскорблялъ ихъ то пошлою фамильярностью, то грубыми выходками[1]).

Передъ отъѣздомъ государя, въ іюлѣ 1820 года, въ Вар-

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1865 г., № 263.—Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.

Digitized by Google

шаву, онъ посѣтилъ семеновскій полкъ. Неожиданно пріѣхавъ въ полковой госпиталь, куда поспѣшили собраться всѣ офицеры, государь говорилъ съ ними очень милостиво, и обойдя всѣ комнаты, сказалъ имъ: «прощайте, господа! будьте здоровы!» И долго офицеры оставались на мѣстѣ, въ молчаніи, какъ будто предвидя, что ласковыя слова обожаемаго монарха будутъ для нихъ послѣдними [1]).

По отбытіи государя, притѣсненія Шварца усиливались болѣе и болѣе. Семеновцы терпѣли ихъ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Наши военные законы дозволяютъ приносить справедливыя жалобы на инспекторскихъ смотрахъ; но, по всей вѣроятности, подчиненные Шварца не надѣялись на защиту высшихъ начальниковъ, и потому рѣшились жаловаться, не ожидая инспекторскаго смотра.

16-го октября, на ученьи полка, Шварцъ наказалъ тѣлесно нѣсколькихъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена; въ тотъ же день, нижніе чины роты его величества сговорились между собою просить своего ротнаго командира, капитана Кашкарева, довести до свѣдѣнія высшаго начальства ихъ жалобу на угнетенія полковника Шварца. Для этого они хотѣли воспользоваться вечернею перекличкою. Но какъ на слѣдующій день четыре десятка этой роты должны были явиться на смотръ къ полковому командиру [2]), а 18-го числа полкъ вступалъ въ караулъ, то фельдфебель Брагинъ, желая дать отдыхъ ротѣ (а, можетъ быть, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи своихъ солдатъ), отмѣнилъ перекличку. Узнавъ о томъ, нижніе чины самовольно вышли изъ комнатъ и собрались въ среднемъ коридорѣ казармы. Дежурный по ротѣ два раза объявлялъ имъ объ отмѣнѣ переклички, но люди не расходились, и потому фельдфебель самъ приказалъ имъ идти въ комнаты, на что они единогласно отвѣчали, что хотятъ принести просьбу своему ротному командиру и просятъ послать за нимъ. Фельдфебель спросилъ: «кто имѣетъ на меня претензію?» и получивъ отвѣтъ, что, «рота довольна всѣми начальниками и намѣрена только просить ходатайства капитана объ отмѣнѣ предстоявшаго на слѣдующее утро десяточнаго смотра», послалъ просить Кашкарева, чтобы онъ прибылъ въ роту. Нѣсколько спустя, Кашкаревъ, найдя всю свою команду въ сборѣ, спросилъ о причинѣ такого самовольнаго поступка. Когда же всѣ люди заговорили вдругъ и нельзя

---

[1]) Изъ записокъ полковаго адъютанта Бибикова.

[2]) При полковникѣ Шварцѣ, наряжали къ нему на смотръ по десяти и болѣе человѣкъ отъ роты, и такіе смотры назывались десяточными.

Digitized by Google

было ничего разобрать изъ словъ ихъ, капитанъ заставилъ ихъ молчать и сталъ давать имъ совѣты и увѣщанія, вмѣсто того, чтобы вызвать впередъ и арестовать первыхъ, объявившихъ недовольствіе на полкового командира, что, по всей вѣроятности, прекратило бы окончательно безпорядокъ. Пока говорилъ онъ, солдаты молчали, но едва лишь онъ прерывалъ свою рѣчь, повторялась сотнею голосовъ общая просьба — облегчить тягость ихъ службы. Полагая невозможнымъ преодолѣть упорство своихъ подчиненныхъ, Кашкаревъ счелъ нужнымъ уступить имъ, обѣщалъ довести о желаніи ихъ до свѣдѣнія начальства и приказалъ людямъ разойтись, что и было тотчасъ исполнено. Въ то время, когда онъ уходилъ изъ роты, фельдфебель, провожая его, доложилъ, что наиболѣе шумѣли солдаты стрѣлковаго взвода. Кашкаревъ отвѣчалъ, что онъ замѣтилъ тоже, и приказалъ поутру доставить ему списокъ зачинщиковъ безпорядка. Но когда, на слѣдующій день, фельдфебель, при рапортѣ, подалъ ему записку, въ коей было помѣщено до двѣнадцати человѣкъ, онъ, не обративъ на то вниманія, не представилъ записки баталіонному командиру, и даже впослѣдствіи затерялъ ее [1]).

Капитанъ Кашкаревъ отправился изъ роты прямо къ баталіонному, а потомъ—къ полковому командиру. Не заставъ дома полковника Вадковскаго, Кашкаревъ оставилъ у него краткую записку о всемъ случившемся. Полковникъ же Шварцъ, выслушавъ словесное донесеніе Кашкарева, ограничился форменною фразою: «наблюдать за порядкомъ и ожидать утромъ дальнѣйшихъ приказаній». Между тѣмъ, Вадковскій, возвратясь домой уже весьма поздно и узнавъ о происшедшемъ въ баталіонѣ, изъ записки Кашкарева, не счелъ нужнымъ ѣхать въ казарму, чтобы (какъ онъ объявилъ впослѣдствіи), — «не встревожить людей своимъ внезапнымъ пріѣздомъ». На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, Вадковскій, прибывъ въ роту его величества, приказалъ людямъ собраться, но, вмѣсто строгаго разбора дѣла, сталъ, подобно Кашкареву, доказывать имъ важность вины ихъ. Въ отвѣтъ на его неумѣстныя увѣщанія и упреки, люди покорно просили его довести до свѣдѣнія начальства, что «безпрестанная чистка и бѣленіе аммуниціи, не только истощали ихъ средства, но даже не позволяли имъ въ воскресные дни исполнять христіанскія обязанности». Вадковскій приказалъ ротѣ разойтись и донесъ о всемъ полковому командиру, который, выслушавъ его словесный рапортъ, отвѣчалъ, что поспѣшитъ довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и тогда же приказалъ

[1]) Показаніе предъ судомъ капитана Кашкарева.

Digitized by Google

полковому адъютанту донести о всемъ бригадному командиру великому князю Михаилу Павловичу; а самъ, уже въ десять часовъ утра, на разводѣ, доложилъ о происшедшемъ безпорядкѣ начальнику корпуснаго штаба, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который тотчасъ поѣхалъ къ командующему корпусомъ, генералъ-адъютанту Васильчикову, и довелъ до его свѣдѣнія о всемъ случившемся. Генералъ Васильчиковъ, будучи нездоровъ, приказалъ начальнику штаба немедленно произвести изслѣдованіе, чтобы открыть зачинщиковъ безпорядка. Лучшій способъ къ достиженію такой цѣли былъ, безъ сомнѣнія, тотъ, чтобы взяться за людей, выказавшихся предъ прочими во время принесенія жалобы ротному командиру; эти люди были извѣстны, и надлежало разспросить ихъ по одиночкѣ: тогда, по всей вѣроятности, дѣло обошлось-бы строгимъ наказаніемъ немногихъ наиболѣе виновныхъ. Но, вмѣсто того, генералъ Бенкендорфъ, сообщивъ о происшедшемъ великому князю и вмѣстѣ съ его высочествомъ прибывъ въ полкъ, приказалъ построить стрѣлковый взводъ въ верхнемъ, а гренадерскій — въ среднемъ коридорѣ; когда же баталіонный командиръ доложилъ ему, что нижніе чины недовольны раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, тогда свели всю роту вмѣстѣ въ среднемъ коридорѣ. Генералъ Бенкендорфъ, обратясь къ ротѣ, спросилъ: на что́ она жалуется? По какой причинѣ собрались люди на перекличку безъ приказанія, и не разошлись, когда имъ это было приказано? и наконецъ, не подговаривалъ ли ихъ кто къ объявленію претензій? Люди отвѣчали: во-1-хъ, что довольны всѣми начальниками, кромѣ полковаго командира; во-2-хъ, что собрались на перекличку для объясненія претензіи, безъ приказанія, и не расходились, въ чемъ приносятъ искреннее раскаяніе; и въ-3-хъ, что къ жалобѣ ихъ никто не подговаривалъ, а рѣшились на то они по общему желанію. Весьма естественно, что при такихъ разспросахъ нельзя было разъяснить дѣло. Еслибы, вмѣсто того, замѣченные въ безпорядкахъ наканунѣ люди были допрошены по одиночкѣ, если-бы даже пришлось пожертвовать однимъ или нѣсколькими изъ нихъ для примѣра, то порядокъ былъ-бы возстановленъ мгновенно [1]). Самъ Государь впослѣдствіи писалъ графу Аракчееву: «Я почти увѣренъ, что еслибъ съ первою гренадерскою ротою поступлено было приличнѣе, при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не было-бы» [2]).

Опросивъ роту, начальникъ штаба распустилъ людей, приказавъ баталіонному и ротному командирамъ представить ему

---

[1]) Военно-судное дѣло о происшествіи въ Семеновскомъ полку.

[2]) Письмо императора Александра изъ Троппау, отъ 5-го ноября 1820 года.

Digitized by Google

къ восьми часамъ вечера письменные рапорты о всемъ случившемся. Между тѣмъ, въ прочихъ ротахъ полка узнали, что «въ государеву роту пріѣзжалъ начальникъ штаба и разбиралъ жалобу на Шварца». Начались толки; нѣкоторые изъ людей сомнительнаго поведенія отозвались, что: «надо поддержать гренадерскую роту». Совершенно иначе заговорили-бы они, еслибъ баталіонный командиръ, и тѣмъ болѣе начальникъ штаба, строго взыскалъ съ тѣхъ, которые были указаны фельдфебелемъ.

Въ три часа по полудни, Вадковскій и Кашкаревъ сошлись вмѣстѣ для составленія донесеній генералу Бенкендорфу. Въ это же самое время, Вадковскій получилъ приказаніе великаго князя Михаила Павловича—тотчасъ къ нему явиться во дворецъ. Его высочество спросилъ у Вадковскаго: «что дѣлается въ полку и не замѣтно ли въ немъ какого-либо безпорядка»? Вадковскій отвѣчалъ, что, сколько могъ онъ замѣтить, все было въ надлежащемъ порядкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ великаго князя взыскать съ виновныхъ, не доводя объ этомъ несчастномъ происшествіи до свѣдѣнія высшаго начальства. Великій князь согласился исполнить его просьбу, но съ тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ поѣхалъ въ роту его величества и заставилъ нижнихъ чиновъ раскаяться въ ихъ проступкѣ. Прибывъ въ роту, Вадковскій собралъ людей, старался вразумить ихъ въ важности ихъ вины и побудить къ сознанію въ томъ зачинщиковъ безпорядка, но не имѣлъ въ томъ успѣха, и возвратясь во дворецъ, засталъ тамъ генерала Бенкендорфа, который приказалъ ему привести, въ восемь часовъ вечера, въ корпусный штабъ, 1-ую гренадерскую роту, рядовыхъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, а унтеръ-офицеровъ въ киверахъ, съ тесаками. «Это дѣлается для того — сказалъ начальникъ штаба — что командующій корпусомъ, по болѣзни, не можетъ пріѣхать въ полкъ и желаетъ опросить нижнихъ чиновъ въ штабѣ»[1]). Вадковскій отправился къ полковнику Шварцу, для донесенія ему о полученномъ приказаніи, но нигдѣ не могъ отыскать его, и потому передалъ приказаніе начальника штаба дежурному по полку, штабсъ-капитану Рындину [2]).

Въ темный осенній вечеръ, рота его величества, выйдя изъ казармъ, двинулась, въ сопровожденіи гулявшаго въ воскресный день народа, къ штабу гвардейскаго корпуса и построилась къ

---

[1]) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.—Объясненіе его-же, 25 февраля 1823 г.

[2]) Слѣдовательно — Васильчиковъ не былъ «самовидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ съ начала и до конца этого событія (семеновской исторіи)—какъ сказано въ статьѣ объ этомъ происшествіи, помѣщенной въ 10-мъ номерѣ Русскаго Архива, 1870 г.

Digitized by Google

восьми часамъ на площади противъ штаба, гдѣ въ сѣняхъ с
дѣли генералы Васильчиковъ и Бистромъ. Командующій корп
сомъ приказалъ ввести роту въ экзерциръ-гаузъ, освѣщенн
и занятый двумя ротами павловскаго полка. За тѣмъ семено
ская рота, въ числѣ 167-ми человѣкъ, подъ конвоемъ павло
скихъ гренадеръ съ заряженными ружьями, была отведена
крѣпость. По прибытіи туда, рота сдана была въ распоряжен
плацъ-маіора Подушкина, которому нижніе чины, на произв
денный имъ опросъ, отвѣчали, что «они ни малѣйшаго сопр
тивленія не дѣлали и не будутъ дѣлать, хотя-бы поставили к
раулить ихъ только одного солдата; что всѣ приказанія начал
ства, какъ теперь, такъ и прежде, они исполняли съ усердіем
изъ повиновенія не выходили и не выйдутъ; наконецъ, что о
просятъ помилованія у начальства [1])». Полковникъ Вадковск
и капитанъ Кашкаревъ, возвратясь, по приказанію генера
Васильчикова, въ полкъ, донесли о всемъ происшедшемъ по
ковнику Шварцу и вмѣстѣ съ тѣмъ просили его о нарядѣ
караулъ, вмѣсто роты его величества, другихъ людей. Пол
жено было послать, въ замѣну ея, изъ прочихъ ротъ полка
20-ти человѣкъ. Чтобы исполнить это распоряженіе, надлежа
разбудить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, капральныхъ унтер
офицеровъ, ефрейторовъ и по пяти человѣкъ въ каждомъ ка
ральствѣ, и потому въ полночь многіе люди не спали, чисти
аммуницію и толковали межъ собою о происшествіи въ 1-й гр
надерской ротѣ, еще не зная, что она арестована [2]).

Въ это самое время, рядовой 2-й фузелерной роты Павло
будучи отпущенъ со двора и узнавъ объ арестѣ гренадерск
роты, возвратился въ казарму и передалъ роковую вѣсть то
рищу своему Чистякову, говоря, что слѣдуетъ заступиться
гренадеръ и выручить ихъ. Чистяковъ долго оставался въ
рѣшимости, что̀ дѣлать; потомъ вдругъ вскочилъ съ крова
выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: выходи на перекличк
Разбуженные внезапно этимъ вызовомъ, нижніе чины нача
выходить изъ комнатъ, гдѣ, между тѣмъ, Павловъ крича
«Нѣтъ государевой роты, она погибаетъ!» Фельдфебеля въ ро
не было, потому что его потребовали въ канцелярію, для по
ченія отъ полкового адъютанта приказаній на счетъ предст
щаго караула. Унтеръ-офицеры, услышавъ крикъ, стали унима

---

[1]) Рапортъ начальнику главнаго штаба коменданта с.-петербургской крѣпо
генералъ-лейтенанта Сукина, отъ 18-го октября 1820 года. Военно-судное дѣ
семеновскомъ происшествіи.

[2]) Объясненіе полковника Вадковскаго.

Digitized by Google

солдатъ и приказывали имъ разойтись, но всѣ ихъ усилія были напрасны; толпа въ коридорѣ болѣе и болѣе увеличивалась; волненіе сдѣлалось общимъ. Дежурный по ротѣ успѣлъ донести о происшедшемъ безпорядкѣ ротному командиру, штабсъ-капитану Лёвенбергу, который, поспѣшно прибывъ въ казарму, нашелъ часть своей роты въ строю, а другую, преимущественно состоящую изъ женатыхъ, въ комнатахъ. Оставалось взяться за виновныхъ, Чистякова и Павлова; но Лёвенбергъ, надѣясь возстановить порядокъ безъ строгихъ мѣръ, опросилъ роту, зачѣмъ она собралась, и получивъ отвѣтъ, что, узнавъ объ арестованіи государевой роты, фузелеры считаютъ себя виновными наравнѣ съ нею, уговорилъ ихъ разойтись, между тѣмъ какъ полковникъ Шварцъ потребовалъ штабсъ-капитана Лёвенберга къ себѣ на квартиру [1]).

Вслѣдъ за безпорядками, возникшими во 2-й фузелерной ротѣ, начались такіе же и въ 1-й. Тотъ же самый Павловъ, подговорившій Чистякова, склонилъ рядового Васильева извѣстить 1-ю фузелерную роту объ отводѣ государевой роты въ крѣпость. Еще до сбора своихъ товарищей въ корридорѣ, Васильевъ побѣжалъ въ 1-ю роту, разбудилъ тамъ рядового Кузнецова и сказалъ ему, будтобы вся 2-я рота уже собралась, чтобы просить объ освобожденіи гренадеръ. Кузнецовъ сперва не повѣрилъ тому и самъ отправился во 2-ю роту, которая, между тѣмъ, уже начинала строиться, возбуждаемая Васильевымъ, который, возвратясь къ своимъ, вызывалъ ихъ въ коридоръ, увѣряя, что 1-я рота уже проситъ за государеву. Въ самый разгаръ этой суматохи, прибылъ въ 1-ю роту командовавшій ею поручикъ Тулубьевъ, молодой человѣкъ, неопытный въ управленіи ввѣренною ему частью. Увидя солдатъ, собиравшихся по призыву Кузнецова, Тулубьевъ спросилъ: за чѣмъ собрались они, и получилъ отвѣтъ, что «государева рота погибаетъ, и всѣ они готовы погибнуть вмѣстѣ съ нею». Нѣсколько голосовъ крикнули: на право, и всѣ бывшіе въ строю побѣжали въ казарму 2-й роты, а Тулубьевъ, оставшись въ коридорѣ съ унтеръ-офицерами и нѣсколькими рядовыми, невышедшими изъ комнатъ, послалъ верхового къ баталіонному командиру съ извѣстіемъ о случившемся безпорядкѣ.

Уже было за полночь, когда солдаты 1-й роты толпою ворвались въ казарму 2-й. Тамъ нѣкоторые изъ людей ложились спать; другіе оставались въ комнатахъ, ожидая возвращенія Лёвенберга, но услышавъ шумъ въ коридорѣ, снова вышли туда.

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента.

Digitized by Google

Обѣ роты смѣшались вмѣстѣ и съ криками: «пойдемте въ 3-ю роту» выбѣжали изъ казармы, гдѣ остались фельдфебель, унтеръ-офицеры и многіе изъ солдатъ, успѣвшіе одуматься.

Между тѣмъ, въ 3-й ротѣ все было спокойно: люди, приготовясь къ караулу, спали; дневальный и часовой стояли на своихъ мѣстахъ. Дежурный унтеръ-офицеръ, узнавъ о безпорядкахъ въ другихъ ротахъ, отправился съ донесеніемъ о томъ къ своему ротному командиру, капитану Муравьеву-Апостолу; въ его отсутствіи, люди 1-й и 2-й ротъ появились подъ окнами 3-й роты, вызывая ее присоединиться къ нимъ; другіе стучались въ ворота и двери, но часовой не впускалъ ихъ. Когда, въ исходѣ 1-го часа, разбудили Муравьева, онъ тотчасъ сталъ одѣваться, приказалъ дежурному возвратиться въ роту и смотрѣть, чтобы никого не впускали въ казарму; но это приказаніе не могло быть исполнено: люди 1-й и 2-й ротъ уже вломились въ коридоръ и вызывали къ себѣ 3-ю роту [1]). Въ эту рѣшительную минуту пріѣхалъ Вадковскій въ 3-ю роту, которая толпилась въ безпорядкѣ, но присутствіе баталіоннаго командира возстановило тишину и заставило солдатъ построиться и выровняться. Спросивъ у нихъ о причинѣ ихъ сборища безъ приказанія начальства и получивъ отвѣтъ, что они не могутъ быть покойны безъ роты его величества, Вадковскій сказалъ имъ, что «не ихъ дѣло мѣшаться въ распоряженія начальниковъ» и приказалъ разойтись и готовиться къ караулу. Они отвѣчали, что «вовсе не сопротивляются начальству и готовы идти въ караулъ, но не иначе, какъ съ головою — ротою его величества, безъ которой имъ не къ чему пристроиться». Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изъявляли памѣреніе идти къ полковнику Шварцу и просить его объ освобожденіи государевой роты. По словамъ самого Вадковскаго: «видя, до какой степени раздражены были люди, и разсмотрѣвъ, что строгостью не только не прекратилъ бы безпорядка, но можетъ быть и удвоилъ его, онъ вторично требовалъ отъ нихъ молчанія, приказалъ имъ и получилъ обѣщаніе ждать часъ времени въ коридорѣ 3-й роты, объявивъ, что поѣду къ начальникамъ, для донесенія имъ о происшествіи и для исходатайствованія виновнымъ прощенія» [2]). По отъѣздѣ баталіоннаго командира, прибылъ въ 3-ю роту капитанъ Муравьевъ-Апостолъ. Войдя въ коридоръ, онъ нашелъ своихъ нижнихъ чиновъ въ строю; люди же прочихъ ротъ толпились по флангамъ и сзади строя. Капитанъ, обратясь къ фельдфебелю, по

[1]) Военно-судное дѣло о Семеновскомъ происшествіи.

[2]) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.

Digitized by Google

требовалъ отъ него отчета, какъ могъ онъ допустить роту сорваться, и кто пропустилъ въ казарму нижнихъ чиновъ другихъ рот? Фельдфебель отвѣчалъ, что люди 1-й и 2-й рот ворвались насильно и вызвали къ себѣ 3-ю роту. Тогда Муравьевъ сталъ увѣщевать своихъ солдатъ, чтобы они не увлекались противозаконнымъ примѣромъ товарищей. «Въ продолженіе четырехъ-лѣтняго командованія ротою, я заслужилъ вашу довѣренность и любовь; не губите же себя и меня вмѣстѣ съ вами», сказалъ онъ. Уже солдаты, повинуясь словамъ любимаго начальника, готовы были разойтись; но въ тоже самое время съ обоихъ концовъ корридора раздались крики: «не расходись! Государева рота погибаетъ, а 3-я рота пойдетъ спать. Не спасайтесь отъ своихъ. Мы хотимъ всѣ вмѣстѣ просить начальство». Идемъ во 2-ю гренадерскую роту». Муравьевъ, подойдя къ дальнему флангу, гдѣ толпилось наиболѣе солдатъ другихъ ротъ, строго закричалъ, чтобы они вышли, но они отвѣчали, что подождутъ, найдя ихъ тутъ, приказалъ имъ ждать его. Тогда же на правомъ флангѣ раздался крикъ: «на право! пойдемъ во 2-ю гренадерскую роту», и вмѣстѣ съ тѣмъ люди 1-й и 2-й рот, ворвавшись въ правую дверь, увлекли за собою нѣсколько человѣкъ 3-й роты. Капитанъ Муравьевъ, поручивъ фельдфебелю не выпускать остальныхъ его людей изъ казармы, самъ отправился за увлеченными толпою своими солдатами во 2-ю гренадерскую роту. Тамъ, несмотря на присутствіе ротнаго командира, капитана Тухачевскаго, люди 1-го баталіона уже будили своихъ товарищей; но Муравьеву удалось воротить солдатъ 3-й роты въ казарму. Затѣмъ, возвратясь туда самъ, онъ распустилъ своихъ людей по камерамъ; прочіе же остались въ корридорѣ. Такимъ образомъ, водворивъ тишину, Муравьевъ вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ 1-й роты поручикомъ Тулубьевымъ вошелъ въ фельдфебельскую комнату. Нѣсколько спустя, въ три часа утра, возвратился въ казарму 3-й роты посланный гдѣ-то, какъ видно, ради караулъ. Увидя на лѣстницѣ вооруженныхъ людей, никто изъ чины 1-й и 2-й рот приняли ихъ за конвой, присланный арестовать ихъ, и крикнувъ: «хватать идутъ!» бросились вонъ изъ казармы; за ними побѣжали многіе люди 3-й роты, несмотря на усилія Муравьева, который, вмѣстѣ съ Тулубьевымъ, поспѣшилъ въ слѣдъ за своими солдатами на полковой дворъ, гдѣ уже толпился почти весь полкъ въ совершенномъ безпорядкѣ[1]).

Весьма замѣчательно, что, во все время этихъ волненій, полкового командира какъ бы не существовало. Въ десять часовъ

[1]) Показанія подсудимыхъ. Исторія Семеновскаго полка (рукопись).

Digitized by Google

вечера, когда рота его величества уже была арестована, а въ прочихъ все оставалось тихо и спокойно, командующій корпусомъ потребовалъ къ себѣ полковника Шварца, сдѣлалъ ему выговоръ за допущеніе безпорядковъ и приказалъ немедленно донести, еслибы что̀ случилось въ полку. Въ полночь, Шварцъ, возвратясь домой, нашелъ тамъ дежурнаго по полку штабсъ-капитана Рындина 1-го, съ донесеніемъ о̀ происшедшемъ въ 1-й и 2-й ротахъ. «Идите обратно въ роты—отвѣчалъ ему Шварцъ—и скажите полковнику Вадковскому, чтобы онъ, вмѣстѣ съ ротными командирами, по долгу своему, употребилъ всевозможныя мѣры для прекращенія безпорядковъ». Тогда же Шварцъ потребовалъ къ себѣ штабсъ-капитана Лёвенберга, и чрезъ то помѣшалъ водворить спокойствіе во 2-й ротѣ, а полкового адъютанта Бибикова отправилъ съ словеснымъ донесеніемъ о происходившемъ въ 1-мъ баталіонѣ къ великому князю и генераламъ Васильчикову и Бенкендорфу. Самъ-же Шварцъ не принялъ никакихъ мѣръ къ усмиренію своихъ солдатъ, даже и тогда, когда дежурный по полку вторично явился къ нему съ донесеніемъ, что люди большими толпами собирались на полковомъ дворѣ, и потерялъ присутствіе духа до того, что тайно ушелъ изъ своей квартиры и провелъ остатокъ ночи у одного изъ своихъ знакомыхъ въ Измайловскомъ полку [1]).

18-го, въ половинѣ 4-го часа утра, пріѣхалъ генералъ Васильчиковъ къ военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, съ донесеніемъ о происшествіяхъ въ Семеновскомъ полку. Милорадовичъ тотчасъ отправился въ полкъ, а Васильчиковъ въ корпусный штабъ, гдѣ «хотѣлъ выждать послѣдствія посѣщенія графомъ полка». Въ то время, на площади противъ полковой церкви толпились, смѣшавшись вмѣстѣ, солдаты всѣхъ трехъ баталіоновъ; ротные командиры, блуждая въ темнотѣ, старались собрать своихъ людей; фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ не было ни одного, потому что они оставались въ казармахъ; кое-гдѣ, между нижними чинами на площади, собирались кучки простонародья, шедшаго изъ слободъ въ городъ. Въ такомъ положеніи находился полкъ во время пріѣзда графа Милорадовича, въ исходѣ 5-го. Темнота не дозволяла солдатамъ видѣть любимаго ими вождя, а слова его были заглушаемы общимъ говоромъ. На всѣ увѣренія графа, Семеновцы отвѣчали: «мы готовы перенести всякое наказаніе, какое угодно будетъ начальству назначить, но мы не въ состояніи терпѣть притѣсненія полков-

[1]) Показанія предъ судомъ полковника Шварца.—Докладъ аудиторіатскаго департамента.

Digitized by Google

ша Шварца; не можемъ также построиться, потому что рота ея величества находится подъ арестомъ». На увѣщанія Милорадовича — разойтись по казармамъ, нѣкоторые изъ солдатъ объявили, что не смѣютъ возвратиться въ казармы, гдѣ собрался для арестованія ихъ московскій полкъ. Милорадовичъ успокоилъ ихъ на этотъ счетъ, уговорилъ разойтись и, не желая входить съ ними въ дальнѣйшія объясненія, уѣхалъ и сообщилъ все видѣнное имъ корпусному командиру. Генералъ Васильчиковъ, узнавъ, между тѣмъ, что полковникъ Шварцъ скрылся, отрѣшилъ его отъ командованія полкомъ и назначилъ на его мѣсто генерала Бистрома, приказавъ ему тотчасъ приготовить полкъ къ инспекторскому смотру, который хотѣлъ произвести самъ въ восемь часовъ утра. По прибытіи на площадь къ полку, Бистромъ объявилъ людямъ волю корпуснаго командира. 2-й и 3-й баталіоны начали-было строиться, но въ тоже время солдаты 1-го баталіона, толпясь между ихъ рядами, снова смѣшали полкъ въ безпорядочную массу. Бывшій командиръ полка, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, надѣясь личнымъ вліяніемъ своимъ возстановить порядокъ, испросилъ разрѣшеніе генерала Васильчикова ѣхать на Семеновскій плацъ. Едва лишь явился онъ предъ обожавшими его солдатами, какъ они окружили его, жаловались ему, просили его принять надъ ними начальство, увѣряли въ покорности своей; но все это не вело къ желаемой цѣли и волненіе не утихало. Генералъ Васильчиковъ, считая необходимымъ усмирить непослушныхъ силою, хотѣлъ употребить къ тому л.-гв. конный и кавалергардскій полки съ артиллеріей, но, по совѣту Милорадовича, отмѣнилъ это распоряженіе, и отправился самъ на Семеновскую площадь, приказавъ Бистрому, чтобы онъ, между тѣмъ, занялъ казармы лейбъ-егерскимъ полкомъ, а генералу Орлову, съ конно-гвардейскимъ полкомъ, тогда же велѣно приблизиться къ площади. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, подъѣхавъ къ толпившимся людямъ, на просьбу ихъ объ освобожденіи государевой роты, сказалъ, что эта рота арестована имъ за ослушаніе и своевольство, и что до высочайшаго разрѣшенія онъ не освободитъ ее. «Вы тоже виновны — продолжалъ онъ — и потому также идите подъ арестъ въ крѣпость». «Это приказаніе — доносилъ Васильчиковъ — было исполнено безпрекословно». Всѣ люди, бывшіе на площади, отправились безъ конвоя въ крѣпость. По дорогѣ туда, они, при встрѣчѣ съ офицерами, снимали фуражки, а заходя въ лавочки, исправно платили за все, что́ брали. Любопытнымъ, которые спрашивали ихъ, куда идутъ они, отвѣчали: «въ крѣпость, на работу». Офицеры ихъ рѣшились идти съ ними, для сохраненія порядка.

Digitized by Google

Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Васильчикова: «офицеры Семеновскаго полка при семъ случаѣ, не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ [1])».

Командующій корпусомъ, оставя заключеннымъ въ крѣпостныхъ казематахъ одинъ баталіонъ, въ числѣ 742-хъ человѣкъ [2]), очень нужнымъ удалить прочихъ. 18-го же октября, генералъ Бистромъ получилъ предписаніе сдѣлать приготовленія къ выступленію. 2-й баталіонъ велѣно отправить въ Кронштадтъ и оттуда на судахъ въ Свеаборгъ, а 3-й—сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба они должны были идти подъ начальствомъ своихъ штабъ и оборъ-офицеровъ, безъ конвоя, въ полной походной амуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. Утромъ, 19 октября, пріѣхалъ въ крѣпость Милорадовичъ, съ командующимъ корпусомъ — приказавъ также идти съ собою дежурнаго генерала Закревскаго, отъ котораго «наканунѣ съ удовольствіемъ замѣтилъ особливое умѣнье обходиться съ солдатами». Обойдя казематы, Милорадовичъ объявилъ людямъ, что покорность ими изъявленная даетъ ему охоту ходатайствовать за нихъ; что они, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи, отправляются въ походъ, и спросилъ: можетъ ли онъ ручаться за ихъ поведеніе впередъ, и будутъ ли они стараться заслужить свою вину и сдѣлаться достойными служить государю? Солдаты единогласно отвѣчали, что заслужатъ свою вину, и умоляли Милорадовича испросить имъ прощеніе. Только одинъ изъ рядовыхъ 5-й фузелерной роты Тороховъ сказалъ полголоса: «пойдемъ, когда отдадутъ намъ первую роту». Генералъ Закревскій, услыша эти дерзкія слова, донесъ о томъ Милорадовичу, который, подойдя къ Торохову, велѣлъ его посадить подъ арестъ; когда же Тороховъ закричалъ: «ребята! за меня!» его вытолкали вонъ и приказали содержать всѣхъ строже. Затѣмъ, Милорадовичъ, обратясь къ ротѣ, сказалъ: «вотъ какъ одинъ бездѣльникъ мѣшаетъ мнѣ дѣлать добро и губитъ своихъ товарищей! Много ли такихъ между вами? Негодныхъ членовъ надо истребить для чести имени солдата!» На что всѣ люди единогласно отвѣчали, что онъ одинъ виноватъ, и что вся рота готова исполнить приказанія начальства. Увидя въ крѣпости лейбъ-гренадеръ, графъ Милорадовичъ отослалъ ихъ назадъ, снялъ часовыхъ у всѣхъ казематъ, гдѣ были

[1]) Донесеніе государю генераловъ графа Милорадовича и Васильчикова, отъ 19 октября 1820 года. — Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о семеновскомъ происшествіи.—Русск. Арх. 1868. XI.—Военно-судное дѣло.

[2]) Въ числѣ лицъ, оставленныхъ въ крѣпости, былъ только одинъ солдатъ 2-го баталіона, арестованный (какъ сказано ниже), за дерзкія слова его, въ присутствіи военнаго генералъ-губернатора и дежурнаго генерала.

Digitized by Google

размѣщены семеновцы, и, объявивъ имъ, что они остаются арестантами, поручилъ самимъ смотрѣть другъ за другомъ. «Слушаемъ, ваше сіятельство!—отвѣчали они. Будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ» [1])

Въ тотъ же день, 19 октября, выступили въ походъ оба баталіона: 2-й, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, въ Ораніенбаумъ, и 3-й, подъ начальствомъ полковника Яфимовича, по выборгской дорогѣ. Въ казармахъ были оставлены только семейства нижнихъ чиновъ и небольшое число солдатъ, необходимыхъ для присмотра за имуществомъ выступившихъ людей, которые не могли взять съ собою ничего, кромѣ вещей въ ранцахъ. Положеніе солдатскихъ семействъ было обезпечено тѣмъ, что, по распоряженію военнаго министра, отпускалось на каждое изъ нихъ по 50-ти копѣекъ въ сутки [2]).

Надъ первымъ баталіономъ, подавшимъ поводъ къ безпорядкамъ, былъ наряженъ, по распоряженію генерала Васильчикова, военный судъ, коего президомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Левашевъ; ассесорами: генералъ-маіоры графъ Гурьевъ и Сухтеленъ; полковники: преображенскаго полка князь Голицынъ, московскаго—Аничковъ, павловскаго—Бергманъ и лейбъ-гренадерскаго — Шиповъ [3]).

Первоначальныя донесенія государю Васильчикова и графа Милорадовича, о событіяхъ въ Семеновскомъ полку, были посланы съ фельдъегеремъ 19-го октября; а два дня спустя отправился съ послѣдующими донесеніями въ Троппау, адъютантъ командующаго корпусомъ, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Чаадаевъ.

Петръ Яковл. Чаадаевъ, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность въ русской литературѣ, другъ Пушкина, получилъ въ домѣ родной тетки своей, дочери историографа князя Щербатова, по тому времени, отличное воспитаніе. Поступивъ, въ 1812 году, изъ московскихъ студентовъ, въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ, Чаадаевъ находился въ Бородинской битвѣ, былъ произведенъ въ офицеры, участвовалъ въ бояхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ, стоялъ въ почетномъ караулѣ у императора Александра въ день взятія Парижа, и по окончаніи войны перешелъ въ лейбъ-гусары. Образованный, стройный, красавецъ, съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами, Чаадаевъ ставилъ всѣ эти пре-

---

[1]) Донесенія государю графа Милорадовича, отъ 19 и 21 октября 1820 года.—Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о семеновскомъ происшествіи.

[2]) Исторія семеновскаго полка (рукопись).

[3]) Рапортъ государю генерала Васильчикова, отъ 21 октября 1820 года.

Digitized by Google

имущества ниже умственныхъ сокровищъ науки, обладалъ поверхностными знаніями по многимъ предметамъ, прилежно занимался чтеніемъ и, уклоняясь отъ общественныхъ забавъ, велъ строгую жизнь аскета. Быть можетъ, что онъ, возвышаясь надъ окружавшею его средою военной молодежи, имѣлъ преувеличенное понятіе о своихъ способностяхъ; но самые порицатели его сознаютъ, что онъ вовсе не былъ заносчивъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ сблизился съ геніальнымъ юношею—Пушкинымъ, тогда еще лицейскимъ воспитанникомъ. Къ этому времени относятся стихи семнадцати-лѣтняго поэта къ портрету Чаадаева:

Онъ высшей волею небесъ
Проводитъ жизнь на службѣ царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ—онъ офицеръ гусарской.

Незадолго до семеновскаго происшествія, Чаадаевъ имѣлъ счастіе оказать Пушкину услугу, которую нашъ великій поэтъ помнилъ до смерти. Молодой тогда еще очень Пушкинъ написалъ стихи: «На свободу», которые, ходя по рукамъ, обратили на него вниманіе полиціи. Не довольствуясь тѣмъ, онъ позволялъ себѣ юношескія выходки. Такъ, наприм., въ театрѣ онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ. За эти проказы, Пушкину грозила ссылка, въ которой могли заглохнуть его дарованія—слава русской литературы. Нѣкоторые предлагали отправить его въ снѣжную пустынь Соловецкаго монастыря, и хотя императоръ Александръ былъ вообще далекъ отъ подобной строгости, однакоже намѣренъ былъ сослать его. Чаадаевъ, узнавъ объ опасности, грозившей Пушкину, поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ его видѣть (потому что по утрамъ Карамзинъ, занимаясь своею исторіею, никого не принималъ) и упросилъ его съѣздить къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по-службѣ, графу Каподистріа, и ходатайствовать за нескромнаго поэта. Вмѣсто ссылки, Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославлѣ. Другіе приписываютъ пощаду Пушкина заступничеству бывшаго его начальника, директора лицея Энгельгардта [1]). Но какъ бы ни было, Чаадаевъ, въ этомъ случаѣ, выказалъ то душевное благородство, которое было отличительною чертою его характера.

[1]) Мих. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. (Русск. Вѣсти. 1862. XI).—Русс. Арх. 1866. 1098—1099.

Digitized by Google

Выборъ вѣстника о прискорбномъ семеновскомъ происшествіи палъ на Чаадаева, потому что государь лично зналъ его и былъ къ нему милостивъ, что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку и наконецъ, потому, что онъ былъ очевидцемъ всего дѣла и могъ дать словесно многія объясненія. Всѣ старались сколь возможно смягчить со страхомъ ожидаемый гнѣвъ государя и надѣялись, что это удастся умному, образованному человѣку. Къ сожалѣнію, Чаадаевъ, которому предстояло проѣхать около двухъ тысячъ верстъ, въ позднюю осень, большею частью по весьма дурнымъ дорогамъ, не любилъ подвергать себя лишеніямъ, неизбѣжнымъ въ курьерской должности. Онъ отправился въ коляскѣ, не понуждая ямщиковъ нагайкою, что́ и тогда казалось неприличнымъ человѣку, считавшему себя однимъ изъ представителей европейской цивилизаціи. Нерѣдко тоже случалось ему останавливаться на пути и терять время на станціяхъ для своего туалета. При всемъ томъ, выѣхавъ изъ Петербурга 21 октября, онъ прибылъ въ Троппау 30-го, слѣдовательно—дѣлалъ болѣе двухъ сотъ верстъ въ сутки. Трудно рѣшить — справедливо ли оставшееся въ народной памяти, и даже въ исторіи, сказаніе—будто бы князю Меттерниху удалось получить свѣдѣніе о семеновской исторіи днемъ ранѣе, что́ способствовало хитрому дипломату вовлечь императора Александра въ лабиринтъ австрійской политики. Но не подвержено сомнѣнію, что вѣнскій кабинетъ прежде напрасно истощалъ всѣ свои извороты, чтобы удержать нашего государя отъ покровительства законно-свободнымъ учрежденіямъ, которое императоръ Францъ и министръ его считали вреднымъ общественному порядку и правамъ монархической власти. Когда же пришло въ Троппау извѣстіе о семеновскомъ бунтѣ, Меттернихъ, посѣтивъ императора Александра, внезапно сдѣлалъ ему намёкъ, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ разсчитывать на вѣрность своихъ войскъ и на внутреннее спокойствіе своей имперіи. Пораженный такимъ замѣчаніемъ, Александръ, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, настаивать на охраненіи желаній и пользъ неаполитанскаго народа, сталъ замѣтно поддерживать виды австрійскаго правительства. Чаадаевъ, принятый государемъ не столь благосклонно, какъ ожидалъ, и отправленный обратно въ Петербургъ на другой день по пріѣздѣ въ Троппау, подалъ въ отставку и получилъ ее [1]).

Весьма естественно, что первыя донесенія о семеновскомъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI.—Воспоминаніе о Петрѣ Яковл. Чаадаевѣ. (Русск. Архивъ. 1868. 977—980).—Русск. Вѣсти. 1862. XI.

Digitized by Google

происшествіи, полученныя государемъ, были неудовлетворительны. Императоръ Александръ могъ видѣть изъ нихъ только то, что всѣ мѣры, принятыя для возстановленія порядка, оказались безуспѣшны. Вмѣстѣ съ оффиціальными извѣстіями пришли частныя письма: графа Кочубея къ государю, а генерала Васильчикова и флигель-адъютанта Дмитрія Петр. Бутурлина князю Волконскому, о содержаніи которыхъ также было доложено императору. Въ этихъ письмахъ, о-бокъ съ успокоительными свѣдѣніями, было много такого, что могло возбудить подозрѣнія въ склонномъ, по характеру своему, къ недовѣрчивости, Александрѣ. Описавъ всѣ притѣсненія Шварца, подавшія поводъ къ печальному событію, Бутурлинъ писалъ, что: «офицеры способствовали общему раздраженію неосторожными разговорами при солдатахъ, имѣвшими цѣлью выказать все, что было предосудительнаго въ его поступкахъ». (Les esprits s'aigrissaient de plus en plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations, qu'ils se permettaient en présence des soldats, et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef, en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite). Далѣе было сказано, что: «въ ночь на 18-е октября, три фузелерныя роты 1-го баталіона, выйдя изъ своей казармы, вломились къ прочимъ баталіонамъ, увлекли ихъ съ собою и *явно возстали*, требуя *прежде всего*, чтобы имъ возвратили гренадерскую роту. (Dans la nuit du dimanche à lundi, les trois compagnies restantes du premier bataillon sortent de leur casernes, enfoncent les portes de celles des deux autres bataillons, les rallient à elles et se déclarent en pleine insurrection, exigeant avant tout qu'on leur rende la première compagnie). На счетъ офицеровъ, Бутурлинъ писалъ, что «они колебались между опасеніемъ стыда, которому подвергся ихъ полкъ, и удовольствіемъ мести Шварцу» (Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir vengés de Schwartz). Положеніе дѣлъ было начертано мрачными красками. «Невозможно считать опасность вполнѣ минувшею — писалъ онъ — тѣмъ паче, что духъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ былъ необыкновенно возбужденъ и сами начальники объявили, что не могли ручаться за своихъ солдатъ. Преображенцы явно роптали и горько сѣтовали объ участи постигшей ихъ дорогихъ товарищей, говоря, что и они также пропадутъ, какъ семеновцы. Солдаты московскаго полка, при встрѣчѣ съ семеновцами, шедшими въ крѣпость, обнимали ихъ, со слезами. Лейбъ-гренадеры, стоявшіе въ карауле у казематъ крѣпости, кричали: сегодня — очередь Шварца; не худо было-бы, еслибъ завтра пришла та-

Digitized by Google

кая-же Ст.....у. Даже лейбъ-гренадеры, наиболѣе надёжные изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, колебались и не хотѣли идти противъ своихъ товарищей, и чтобы побудить ихъ къ тому, нужна была энергія Бистрома»..... О кавалеріи Бутурлинъ, напротивъ, относился выгодно, приписывая ея безусловное повиновеніе тому, что она, большею частью, состояла изъ малороссіянъ, не имѣвшихъ почти никакихъ сношеній. съ русскими, служившими въ пѣхотѣ. Къ тому-же, писалъ онъ, кавалерійскими полками командуютъ русскіе, пользующіеся бо́льшею довѣренностью своихъ солдатъ, нежели нѣмцы—командиры пѣхотныхъ полковъ [1]).

Графъ Кочубей писалъ императору, что «хотя такое происшествіе въ одномъ изъ полковъ гвардіи было весьма прискорбно, однакоже, съ другой стороны, нельзя не утѣшиться тѣмъ, что волненіе войскъ не имѣло никакой политической цѣли, подобно тому, какъ случалось въ другихъ странахъ; что оно ограничилось однимъ полкомъ, и что даже самые участники въ безпорядкѣ выказали покорность, необычайную для людей, раздраженныхъ до крайности и могшихъ оказать явное сопротивленіе». Но, затѣмъ, Кочубей обвинялъ офицеровъ, которые «относились съ презрѣніемъ о Шварцѣ предъ своими подчиненными и не позаботились знать то, что̀ дѣлалось въ ихъ командѣ» [2]).

Такимъ образомъ, императоръ Александръ, изъ свѣдѣній, имъ

---

[1]) .....» La cavalerie, au contraire se montra très obéissante. Je crois devoir l'attribuer à la difference dé la composition des deux armes. La cavalerie est en grande partie formée de petits-russiens qui ont peu de liaisons avec l'infanterie entièrement composée de russes véritables, qui ont prouvé dans cette occasion qu'ils se tiennent tous par la main. Le choix des chefs de régimens devait aussi avoir une grande influence. Vous vous rappellerez que tous ceux des régimens d'infanterie sont des Allemands, qui dans cette circonstance n'inspiraient pas assez de confiance à leurs soldats, tandisque les chefs des régimens de cavalerie sont des Russes dont il est impossible à leur subordonnés de suspecter les intentions»..... (Изъ письма флигель-адъютанта Бутурлина къ князю Волконскому, отъ 19 октября 1820 г.).

[2])..... «s'il est facheux, que ce premier exemple d'indiscipline se fut manifesté dans Vos gardes, si Vos bons serviteurs doivent être vivement affectés de la peine qu'en éprouvera Votre Majesté, il est impossible, d'un autre coté, de ne pas se livrer à des idées consolantes en réflechissant, que bien loin des exemples des autres pays, ce mécontentement de la troupe n'avait aucun but politique; que local et particulier à un régiment, il ne s'est point étendu, et que même ceux qui y ont pris part, ont montré une soumission peu commune à des gens, qui exasperés auraient pu faire valoir leurs moyens de force»....

..... «Ces faits assez graves (les procédés de Schwartz) par eux mêmes, ont peut être acquis encore un caractère plus serieux par la conduite des officiers. N'ont-ils pas tenu des prôpos devant la troupe, qui manifestérent un grand mépris pour, leur chef? Comment ont-ils pu être *au moins* assez négligents pour ne pas savoir ce qui se passait dans la Compagnie?».... (Изъ письма къ государю графа Кочубея, отъ 30 октября 1820 г.).

Digitized by Google

полученныхъ о семеновскомъ происшествіи, могъ заключить, что причиною его была гнусная неблагодарность полка, удостоеннаго его вниманіемъ и милостями. Опять неблагодарность! Ему суждено было испытать ее и въ освобожденной имъ Германіи, и въ столь обязанной ему Франціи, и въ возстановленной имъ Польшѣ. Теперь онъ видѣлъ ее у себя, въ своей столицѣ, въ гвардіи, въ любимомъ полку своемъ. Легко вообразить, какое неизгладимое впечатлѣніе оставила въ немъ эта несчастная исторія. Съ прискорбіемъ онъ отказался отъ великаго призванія, которое доселѣ считалъ своею путеводною звѣздою, и вмѣсто того, чтобы во главѣ человѣчества стремиться къ прогрессу, ограничился охраненіемъ того самаго порядка, который прежде возбуждалъ его негодованіе. Нѣсколько дней спустя по полученіи рокового извѣстія, государь писалъ къ графу Аракчееву:

«Троппау, 5 ноября 1820 года.

«Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ тоже время и постыдное, приключеніе, случившееся въ семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего-же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ-бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры-же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое-же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятны наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троп-

Digitized by Google

лу и возвратиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но божьему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ впослѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ, и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что еслибы съ 1-й гренадерской ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не произошло-бы. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать, какъ-то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндіи для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше было-бы отправить въ Псковъ, Нарву, или тому подобныя мѣста.

«Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія»....

Этотъ приказъ, собственноручно написанный государемъ, былъ прочтенъ имъ великому князю Николаю Павловичу, по свидѣтельству котораго, при семъ, они оба плакали [1]). Приведемъ его въ подлинникѣ.

Приказъ россійской арміи.

«Къ прискорбію моему и цѣлой арміи, извѣщаю ее о постыдномъ происшествіи, случившемся 17 октября въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. Одна рота онаго, забывъ долгъ присяги и военнаго повиновенія къ начальству, дерзнула самовольно собраться въ позднее вечернее время, для принесенія жалобы на своего полковаго командира, и когда за сіе буйство она отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ должнаго повиновенія. Россійская армія, сверхъ пріобрѣтенной незабвенной славы на полѣ чести, съ первѣйшихъ временъ ея образованія, всегда была примѣромъ вѣрности соблюденія священной клятвы и безпрекословнаго повиновенія своему начальству. На семъ-то повиновеніи основанъ единственный военный порядокъ, безъ коего войско теряетъ все свое достоинство. Ему извѣстно, что всѣ законные способы даны, дабы справедливыя жалобы доходили отъ обиженныхъ подчиненныхъ начальству. На сіе установлены инспекторскіе смотры бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, коихъ ежегодно бываетъ

---

[1]) Собственноручныя замѣчанія императора Николая Павловича въ рукописи: «Исторія семеновскаго полка».

Digitized by Google

четыре, и на которыхъ законъ повелѣваетъ даже, откровенно каждому, приносить свою жалобу. Полки, составляющіе сію отличную армію, съ должнымъ негодованіемъ извѣстятся о случившемся происшествіи въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. Они возчувствуютъ, что составляющіе сей полкъ содѣлались недостойными долѣе въ ономъ оставаться и носить мундиръ полка, устроеннаго самимъ Петромъ Великимъ и имѣвшаго неоцѣненное преимущество сопровождать его походы. Полкъ, коего имя равномѣрно прославилось въ незабвенную послѣднюю войну, и особенно подъ Кульмомъ, слѣдовательно память онаго не должна быть посрамлена. Россійское-же войско довольно заключаетъ въ себѣ много храбрыхъ воиновъ, достойныхъ занять мѣсто въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку.

«Святость законовъ и честь имени россійской арміи требуютъ, дабы составъ полка, оказавшаго столь нестерпимое своеволіе, былъ уничтоженъ. Вслѣдствіе чего, съ непоколебимою рѣшимостію, но съ душевнымъ сокрушеніемъ и не останавливаясь чувствомъ личной моей привязанности къ сослуживцамъ, по необходимости долга на мнѣ лежащаго, повелѣваю: всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе-же, и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ.

«Штабъ и оберъ-офицеры сего полка, найденные всѣ непричастными сему неповиновенію, усердно старались возстановить потерянный порядокъ; но тщетно — и симъ доказали свое неумѣнье обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться. Уважая однакоже ихъ стараніе, повелѣваю перевести оныхъ въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковой-же командиръ полковникъ Шварцъ предается военному суду, за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

«Для немедленнаго укомплектованія л.-гв. семеновскаго полка назначаются роты изъ гренадерскихъ полковъ, по особо данному повелѣнію.

«Г. Троппау. 2 ноября 1820 года».

Въ присутствіи императора Александра, семеновское происшествіе было-бы невозможно. Его кротко-величественнаго взора достаточно было для содержанія въ порядкѣ войскъ, для усмиренія ихъ въ случаѣ нарушенія порядка. Возвращенія государя желали всѣ, и даже самые виновные, ожидавшіе съ трепетомъ

Digitized by Google

рѣшенія своей участи. Но онъ остался [illegible]. Дѣйствительно-ли онъ былъ убѣжденъ въ необходимости своего пребыванія на конгресѣ, или не хотѣлъ поспѣшнымъ отъѣздомъ выказать сомнѣніе въ прочности своего владычества — о томъ вѣдаетъ одинъ лишь Тотъ, Кому извѣстны всѣ человѣческія помыслы.

Общественное мнѣніе винило во всемъ Шварца. Сожалѣли о семеновцахъ, но одобряли грозный приказъ царя, хотя ни тогда, ни впослѣдствіи, не приписывали прискорбнаго происшествія какому-либо политическому поводу. Тѣмъ не менѣе очевидно не подлежитъ сомнѣнію, что разсѣянные по арміи, недовольные офицеры Семеновскаго полка, встрѣтивъ [illegible] недовольныхъ правительствомъ, образовали тайныя общества, разразившіяся чрезъ пять лѣтъ преступнымъ возстаніемъ.

Одновременно съ высочайшимъ приказомъ послѣдовало повелѣніе о сформированіи новаго Семеновскаго полка изъ нижнихъ батальоновъ гренадерскихъ полковъ: императора Австрійскаго, короля прусскаго и наслѣднаго принца. «Симъ самымъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старый, котораго мнѣ весьма будетъ жаль», — писалъ государь графу Аракчееву. Для укомплектованія-же трехъ гренадерскихъ полковъ, предписано раздѣлить пополамъ ихъ третіе баталіоны и взять по одной ротѣ отъ каждаго изъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій. Писаря, музыканты, мастеровые и вообще всѣ нестроевые чины, какъ не принимавшіе участія въ безпорядкахъ, переписаны въ новый полкъ, котораго командиромъ назначенъ генералъ-маіоръ Уломъ.

Въ продолженіи суда надъ нижними чинами 1-го баталіона, 2-й и 3-й баталіоны, прибывшіе въ Свеаборгъ и Кексгольмъ, распредѣлялись по полкамъ 1-й арміи. Двѣсти человѣкъ 2-го баталіона, назначенныхъ въ 23-ю дивизію, стоявшую въ Финляндіи, остались въ Кексгольмѣ; прочіе-же, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, отправлены въ Псковъ, гдѣ должны были раздѣлиться на команды, для дальнѣйшаго похода къ полкамъ. Большая часть людей 3-го баталіона отправлена изъ Свеаборга, черезъ Новую-Ладогу, въ Вышній-Волочекъ. Вообще семеновцы вели себя отлично [1]). Только, при сдачѣ 2-го баталіона, во Псковѣ, возникли недоразумѣнія, набросившія тѣнь на ихъ поведеніе. По прибытіи въ Псковъ, полковникъ Вадковскій немедленно явился къ начальнику 1-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Лаптеву и, представя ему строевой рапортъ, просилъ о дозволеніи баталіону остаться для отдыха въ городѣ четыре или пять дней; но генералъ Лаптевъ, получивъ предписаніе немедленно отправить людей въ полки, отказалъ въ просьбѣ Вадковскаго. Когда-

[1]) Отзывъ, за подписью графа Штейнгеля, № 80.

Digitized by Google

же Вадковскій сослался на то, что онъ долженъ раздать нижнимъ чинамъ экономическія деньги, Лаптевъ приказалъ передать эту сумму въ дивизіонное дежурство. Но Вадковскій, между тѣмъ, успѣлъ раздать ихъ, и слѣдствіемъ его неосторожности было то, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, разставаясь другъ съ другомъ, выпили на прощанье по лишней чаркѣ и попались въ нетрезвомъ видѣ на глаза начальника дивизіи, что̀ подало поводъ къ донесенію его объ ослушаніи Вадковскаго и безпорядкахъ, учиненныхъ во Псковѣ бывшими солдатами Семеновскаго полка [1]).

Для сужденія виновныхъ Семеновскаго полка, кромѣ военно-судной коммиссіи надъ нижними чинами 1-го баталіона, была составлена другая, надъ полковникомъ Шварцомъ, въ которую назначены: президомъ—генералъ-адъютантъ Орловъ; ассесорами —полковники: преображенскаго полка Исленьевъ, измайловскаго —Годейнъ, лейбъ-егерскаго—Ермолаевъ, л.-гв. московскаго—Нѣеловъ 3-й, и кавалергардскаго — Апраксинъ. Коммиссія, судившая нижнихъ чиновъ, нашла виновными: 1) рядовыхъ: 1-й гренадерской роты двухъ; 1-ой фузелерной—двухъ; 2-й—трехъ и 5-й—одного, въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ неповиновенію начальству и въ ослушаніи, обнаружившемся словами и дѣйствіями; 2) 164-хъ человѣкъ 1-ой и 52-хъ человѣкъ 2-й роты (послѣднихъ, невозвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты вмѣстѣ съ 1-ою), въ самовольномъ сборѣ и въ поданіи примѣра общему безпорядку; 3) 172-хъ человѣкъ роты его величества, въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) 147 человѣкъ 2-ой фузелерной роты, въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ. Всѣхъ-же фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, какъ не участвовавшихъ въ безпорядкѣ, а равно и всѣхъ остальныхъ рядовыхъ фузелерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, коммиссія не признала виновными. Кромѣ того, сія же коммиссія открыла, что нижніе чины Семеновскаго полка, во время командованія полковника Шварца, были обременены чисткою и пригонкою аммуниціи на разные смотры до того, что не только въ продолженіи дня, но и по ночамъ, не имѣли отдыха. Многіе изъ нихъ были вынуждены покупать мундирныя и аммуничныя вещи на собственный счетъ: справедливость жалобъ нижнихъ чиновъ была подтверждена показаніями полковниковъ Казнакова и Вадковскаго и всѣхъ ротныхъ командировъ 1-го баталіона. Весьма часто, по приказанію Шварца, нижніе чины, и даже тѣ изъ нихъ, кои были удостоены знаками военнаго ордена, подвергались жестокому тѣлесному наказанію.

---

[1]) Исторія семеновскаго полка (рукопись).

Digitized by Google

Военно-судная коммиссія, учрежденная надъ полковникомъ Шварцомъ, нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что, во время церковныхъ парадовъ, занималъ своихъ подчиненныхъ ученьемъ, отъ чего они опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ, и чрезъ то потерялъ довѣренность, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и ослабилъ уваженіе присвоенное его чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ награду военныхъ доблестей; 4) въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія, и 5) въ предосудительной для военнаго робости, и въ томъ, что, вмѣсто исполненія даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія—защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, съ пожертвованіемъ и самою жизнью, пришелъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядковъ.

По сентенціямъ военно-судныхъ коммиссій, опредѣлено: 1) нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками безпорядковъ, наказать висѣлицей, и затѣмъ всѣхъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, одинаково виновныхъ съ людьми прочихъ баталіоновъ, выписать, согласно высочайшему приказу, въ армію; 2) полковника Шварца лишить живота. Обѣ сентенціи, вмѣстѣ съ выписками изъ дѣлъ, были представлены на разсмотрѣніе начальника дивизіи, командующаго корпусомъ и дежурнаго генерала. Мнѣнія барона Розена и Закревскаго были согласны съ рѣшеніями коммиссій; напротивъ того, Васильчиковъ нашелъ, что судъ надъ нижними чинами произведенъ слабо и въ самомъ судномъ дѣлѣ сдѣланы упущенія, клонившіяся къ обвиненію полковника Шварца [1]).

По донесеніи государю доклада аудиторіатскаго департамента, послѣдовало высочайшее повелѣніе, на имя начальника главнаго штаба, заключавшее въ себѣ слѣдующую резолюцію:

....«Сообразя приговоръ коммиссіи военныхъ судовъ и желая уменьшить сколько возможно число наказуемыхъ, обративъ строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

Всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а равно и рядовыхъ, не выходившихъ изъ комнатъ въ корридоры, и изъ казармъ на площадь, менѣе виновныхъ, нежели прочіе, но не умѣвшихъ воспротивиться силою пагубному вліянію товарищей своихъ, распредѣлить, на-равнѣ съ нижними чинами 2-го и 3-го баталіоновъ, въ армейскіе полки 3-го корпуса.

«Всѣхъ нижнихъ чиновъ, по удостовѣренію ротныхъ командировъ, не принимавшихъ дѣятельнаго участія въ безпорядкахъ,

---

[1]) *Военно-судное дѣло о происшествіи въ семеновскомъ полку.*

Digitized by Google

[illegible] фузелерную роту распредѣлить, безъ наказанія, въ полки кавказскаго корпуса.

164 человѣкъ 1-ой фузелерной роты и 52 человѣка 2-й, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія, до отвода ихъ въ крѣпость, распредѣлить, безъ наказанія, въ полки и баталіоны сибирскаго корпуса.

172-хъ человѣкъ 1-ой гренадерской роты, виновной въ самовольномъ выходѣ на перекличку, въ непослушаніи фельдфебелю, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненія полковаго командира, оказавшіяся несправедливыми, и наконецъ въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ, опредѣлить, равномѣрно безъ наказанія, въ полки и баталіоны Оренбургскаго корпуса.

8 рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ [1]), въ примѣръ другимъ, прогнать шпицрутенами сквозь баталіонъ, по шести разъ, съ отсылкою въ рудники.

Полковника Шварца, виновнаго въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости принять должныя мѣры къ прекращенію неповиновенія во ввѣренномъ ему полку, отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, избавляя его отъ строжайшаго наказанія, во уваженіе прежней долговременной и усердной службы, храбрости и отличія, оказанныхъ имъ на полѣ сраженія».

Недовольный дѣйствіями коммиссіи, судившей нижнихъ чиновъ, государь приказалъ объявить ей строгій выговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести дополнительное изслѣдованіе, послѣ чего, при помощи фельдфебеля 1-й гренадерской роты, открыты тѣ изъ рядовыхъ, кои были въ ней зачинщиками безпорядка.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи военно-суднаго дѣла, оказалось: во 1-хъ, что капитанъ Кашкаревъ не представилъ — ни начальству, ни военному суду, записку, поданную ему фельдфебелемъ, и тѣмъ самымъ скрылъ виновниковъ происшествія; во 2-хъ, что полковникъ Вадковскій, несообразными съ долгомъ службы своими поступками, далъ усилиться безпорядку. А потому высочайше повелѣно: обоихъ предать военному суду въ томъ, что не приняли должныхъ мѣръ къ возстановленію порядка при самомъ началѣ его нарушенія; а полковникъ Вадковскій сверхъ того, въ томъ, что въ оправданіяхъ своихъ употреблялъ рѣзкія выраженія и противорѣчилъ своимъ прежнимъ показаніямъ. Оба они находились подъ судомъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ Вадковскій, въ письмахъ князю Волконскому, генералу

[1]) Именно: рядовыхъ 1-й гренадерской роты Степанова и Хрулева, 1-й фузелерной роты — Кузнецова и Петрова, 2-й — Павлова, Чистякова и Васильева, и 5-й — Торохова.

Digitized by Google

Дибичу и на имя государя, оговорилъ бывшихъ своихъ товарищей вообще въ вольнодумствѣ (esprit de licence), и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ потворствѣ нижнимъ чинамъ и въ непозволительныхъ толкахъ о полковникѣ Шварцѣ, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ [1]).

Судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна. Тамъ смотрѣли на нихъ, какъ на людей, совершившихъ самое важное преступленіе для военнаго человѣка, и столь уважаемое прежде имя семеновцевъ, для нѣкоторыхъ изъ новыхъ ихъ командировъ, сдѣлалось однозначущимъ съ именемъ мятежниковъ. Малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ «усердныхъ не по разуму», либо думавшихъ, преувеличенною взыскательностью, угодить государю, который, напротивъ того, сдѣлавъ то, чего требовала самая необходимость, никогда впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ сожалѣнія о своихъ старыхъ семеновцахъ.

Къ сожалѣнію, слухи и сплетни, тогда ходившіе въ публикѣ, подали иностранцамъ поводъ обвинять въ жестокости самого императора Александра. Одинъ изъ усерднѣйшихъ глашатаевъ всего невыгоднаго для Россіи и русскихъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе, пишетъ, въ октябрѣ 1823 года: «Полковникъ Шварцъ, отъ жестокости котораго возмутился семеновскій полкъ, снова получилъ мѣсто. Изъ солдатъ этого полка, размѣщенныхъ тогда по армейскимъ полкамъ, не осталось въ живыхъ ни одного: такъ утверждаютъ русскіе, хорошо знающіе дѣло. Говорятъ, что всѣ они засѣчены, и поводы къ тому легко умѣли найти. Императоръ никогда не хотѣлъ и слышать о нихъ» [2]). Дѣйствительно, Шварцъ, по ходатайству графа Аракчеева, былъ зачисленъ въ корпусъ военныхъ поселеній, но не получилъ въ команду никакой части войскъ, и когда потомъ подалъ въ отставку, его не уволили, а по прежнему, отставили отъ службы, въ чемъ свидѣтельствуетъ его письмо къ великому князю Михаилу Павловичу, съ просьбою «исходатайствовать ему отставку приличную благородному вѣрноподданному» [3]). Что-же касается сообщаемаго Фарнгагеномъ свѣдѣнія, будтобы въ 1823 году уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ прежнихъ семеновскихъ солдатъ, то въ опроверженіе тому достаточно привести показаніе одного изъ декабристовъ, прапорщика Вадковскаго, который пишетъ, что «выѣхавши изъ Василькова вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ, Сергѣй Му-

[1]) Дѣло о происшествіи въ л.-гв. семеновскомъ полку, по поводу неудовольствія нижнихъ чиновъ на полковаго командира, полковника Шварца. 1820—1826 г.

[2]) Varnhagen v. Ense, Blätter aus der preussischen Geschichte. II. 430.

[3]) Письмо полковника Шварца, отъ 12 сентября 1826 г.

Digitized by Google

равьевъ не имѣлъ никакого намѣренія проѣхать въ 8-ю дивизію въ которой *много было семеновскихъ солдатъ*»... [1]).

Происшествіе въ Семеновскомъ полку вызвало подозрѣнія строгія мѣры въ отношеніи всей гвардіи, тѣмъ паче, что сам командующій гвардейскимъ корпусомъ не оправдывалъ поведені семеновскихъ офицеровъ. «Я очень далекъ отъ мысли — писал онъ — чтобы офицеры побудили своихъ солдатъ зайти такъ да леко, но я убѣжденъ, что они подали всему поводъ своею не осторожностью и болтовнею». (Je suis loin de croire que l officiers les ayent instigué à aller aussi loin, mais qu'ils o donné lieu par leur imprudence et leurs câquets à tout ce q est arrivé, c'est de quoi je suis convaincu [2]). Въ другом письмѣ къ государю генерала Васильчикова находимъ: «поло женіе мое затруднительно; оно было бы менѣе тягостно, если мои подчиненные смотрѣли на все происшедшее какъ на гос дарственное дѣло, а не увлекались личными видами и досто нымъ порицанія соперничествомъ. Насчетъ этого событія в обще было много необдуманныхъ толковъ, что̀ могло имѣ весьма прискорбныя послѣдствія; нѣкоторые изъ гвардейски генераловъ попались въ эту ловушку, но приказъ вашего вел чества заставилъ ихъ одуматься, и я льщу себя надеждою, ч они раскаяваются въ своей неосторожности». (Ma tâche n'e point facile; elle serait moins pénible si les individus qui trouvent sous mes ordres voyaient dans tout ce qui s'est pas une affaire d'état et ne se laissaient pas entrainer par d vues personnelles et une jalousie condamnable. Des discou peu réfléchis sur l'histoire qui vient de se passer ont été g néralement adoptés et pouvaient naturellement conduire à d résultats trés fâcheux; quelques généraux de la garde o donné dans le piége à tête baissée. Votre ordre du jour, Si leur a fait faire des réflexions et j'aime à croire qu'ils se r pentent de leur imprudence). Далѣе — въ томъ-же письмѣ, В сильчиковъ доносилъ государю, что считаетъ нужнымъ устрои на другомъ основаніи существовавшія при полкахъ ланкасте скія школы, устранивъ директора ихъ Греча и ввѣривъ надзо за ними полковымъ командирамъ. О состоявшемъ подъ над ромъ полиціи Вас. Наз. Каразинѣ отнесся Васильчиковъ, ка о человѣкѣ весьма опасномъ по своимъ способностямъ, котор можетъ надѣлать болѣе вреда нежели Гречъ, qui a très p de moyens et qui est bavard comme une pie, и проч. [3]).

---

[1]) Записки декабристовъ. Выпуски второй и третій. Стран. 178.

[2]) Письмо князю Волконскому генерала Васильчикова, отъ 19 ноября 1820 г

[3]) Письмо къ государю генерала Васильчикова, отъ 26 ноября 1820 года.

Digitized by Google

Въ первомъ письмѣ къ государю графа Аракчеева, о семеновскомъ происшествіи, онъ, выражая свою досаду на огорченіе, которое тѣмъ могло быть нанесено императору, изъявлялъ слѣдующее мнѣніе: «я, можетъ быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ» [1]). Затѣмъ, уже по полученіи отвѣта изъ Тропау, Аракчеевъ писалъ:

«Батюшка, ваше величество!

«Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было мнѣ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ семеновскомъ полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о вашемъ величествѣ, что сіе происшествіе тяжко огорчитъ васъ и сильно подѣйствуетъ на душу вашу.

«Я совершенно согласенъ съ мыслями вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое начало. Я могу ошибаться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго.

«Высочайшій вашъ приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно.

«Я, батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты быть безъ васъ въ городѣ, то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня; а слышалъ только отъ Г. М. Петрова, который съ Шварцомъ знакомъ, что онъ полагаетъ, сіе происшествіе случилось по неудовольствію на него офицеровъ.

«Вы позволяете мнѣ все говорить и писать: не лучше-ли будетъ, есть-ли семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2-ой и 3-й гренадерскихъ дивизій, чѣмъ самымъ вы-бы ихъ лучше сохранили, а о поведеніи ихъ имѣли-бы вѣрное всегда свѣдѣніе.

«Въ военныхъ поселеніяхъ, вездѣ, слава Богу, смирно и благополучно. Молю Бога, да сохранитъ ваше здоровье и даруетъ вамъ скорѣе окончить общія дѣла и возвратиться къ намъ на радость своего государства» [2]).

Впослѣдствіи, посланный въ Витебскъ, для дальнѣйшихъ изслѣдованій по семеновскому дѣлу, генералъ-адъютантъ Орловъ писалъ князю Волконскому:.. «не излишнимъ считаю изъяснить

[1]) Это былъ отголосокъ отзыва Петра Андр. Клейнмихеля: «можетъ быть, что я грѣшу, но въ душѣ своей увѣренъ (?), что заговоръ сей происходитъ не отъ солдатъ; къ сему дѣлу есть наставники, и хотя пишутъ, что офицеры въ ономъ не участвуютъ, но вѣрить сему мудрено»... (Изъ письма къ графу Аракчееву генералъ-адъютанта Клейнмихеля, отъ 21 октября 1820 года).

[2]) Письмо графа Аракчеева, отъ 18 ноября 1820 года изъ Грузина.

Digitized by Google

вашему сіятельству искреннѣйшія удостовѣренія сердца мо
почерпнутыя изъ существа самаго дѣла. Вы сами видѣли,
ходу дѣла, мѣры употребленныя для открытія истины. Я пр
брегъ всѣми мнѣніями и предубѣжденіями, съ начала до сам
конца, не ослабилъ дѣйствій моихъ, при исполненіи высочайш
порученія, и, при всей ревности къ службѣ государя импе
тора, о семеновской исторіи ничего не могу болѣе сказать, к
только, что она заключаетъ: неосмотрительное поведеніе гг. о
церовъ предъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Шварцо
неосторожное его обращеніе съ ними, а въ день несчасте
происшествія, общее всѣхъ малодушіе извѣстно уже начальс
изъ двухъ военно-судныхъ дѣлъ... Знаю, ваше сіятельство,
правдою много себѣ злодѣевъ прибавлю. Знаю, что, за точ
исполненіе обязанностей моихъ, почитаютъ меня въ столи
ядовитымъ источникомъ всего зла, но я чистъ въ совѣсти пр
Богомъ и предъ государемъ, и не только я, но все, что̀ в
вокругъ себя, все, что̀ слышу о гвардейскомъ корпусѣ, все
тово пролить послѣднюю каплю крови для возлюбленнѣйш
монарха нашего. И тѣ, которые тщетно стараются предубѣ
тельными разсужденіями поколебать въ сердцѣ его довѣренно
къ нимъ—рано или поздно, будутъ отвѣчать, за клевету св
предъ престоломъ Божіимъ» [1])...

Но уже ничто не могло измѣнить убѣжденія, усвоенн
императоромъ Александромъ при первыхъ извѣстіяхъ о се
новскомъ происшествіи. Недовольный участіемъ, оказаннымъ г
дѣей семеновцамъ, государь повелѣлъ, въ апрѣлѣ 1821 г
всѣмъ гвардейскимъ полкамъ выступить въ западныя губер
Начальство надъ корпусомъ, вмѣсто Васильчикова, было п
чено государемъ любимому генералъ-адъютанту его, Ѳедору
тровичу Уварову, а начальникамъ гвардейскихъ дивизій, Ро
и Потемкину, даны, въ замѣнъ ихъ, армейскія дивизіи. Имп
торъ Александръ и августѣйшій преемникъ его были увѣр
что безпорядки въ Семеновскомъ полку имѣли связь съ
ствіями тайныхъ обществъ и клонились къ пагубной цѣл
ниспроверженія верховной власти и общественнаго порядка

М. Богдановичъ.

[1]) Письмо Алексѣя Ѳед. Орлова, отъ 28 февраля 1822 года, изъ Витебска.

[2]) Замѣчанія императора Николая Павловича на рукопись о происшест
семеновскомъ полку.

Digitized by Google

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ НУЖДЫ.

III*).

Представивъ историческій очеркъ постепеннаго развитія нашей фабричной промышленности и ознакомившись съ общими ея размѣрами и съ силами, которыми она располагаетъ нынѣ, мы должны теперь разсмотрѣть состояніе различныхъ ея отраслей, взвѣсить относительное ихъ значеніе и опредѣлить хотя до извѣстной степени возможность ихъ развитія въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, наша промышленность была еще весьма мало изучаема какъ въ техническомъ, такъ особенно въ экономическомъ отношеніи; немногія только отрасли ея были предметомъ изслѣдованія на самомъ мѣстѣ ихъ производства со стороны особыхъ спеціалистовъ, и потому матеріаловъ для познанія истиннаго состоянія нашей промышленности весьма мало.

Это сознаніе бѣдности нашей литературы по части промышленности побудило министерство финансовъ къ изданію, при содѣйствіи лицъ спеціально знакомыхъ съ нею, «*Обзора различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи*», а также «*Обзора парижской всемірной выставки 1867 года*» въ примѣненіи къ современному состоянію и потребностямъ нашей промышленности; но къ сожалѣнію оба изданія, изъ коихъ перваго вышло три тома, а второго 14 выпусковъ, представляя рядъ весьма ин-

*) См. выше, окт. 508 стр.

Digitized by Google

тересныхъ монографій, далеко не обнимаютъ еще всѣхъ отрасл
нашей промышленности. Пробѣлы, оставляемые этими изданіям
пополняются частью нѣкоторыми, впрочемъ скудными, указанія
самихъ промышленниковъ о состояніи ихъ производствъ, разс
янными въ матеріалахъ и трудахъ тарифной коммиссіи 1867 г.,
въ извѣстномъ мнѣніи постоянной депутаціи московскихъ куп
ческихъ съѣздовъ по поводу вопроса о заключеніи торгово-там
женнаго договора съ Германіею, а частью спеціальными статья
разбросанными въ разныхъ журналахъ. Изученіе періодически и
вторяющихся мануфактурныхъ выставокъ даетъ возможно
ближе всего опредѣлять степень успѣховъ оказываемыхъ р
ными отраслями промышленности; а потому въ отчетахъ эксп
товъ о выставкахъ и въ описаніи ихъ спеціалистами мож
найти нерѣдко богатый матеріалъ для ближайшаго ознаком
нія съ состояніемъ промышленности.

Новѣйшія числовыя свѣдѣнія по нашей промышленно
заключаются въ 1-мъ выпускѣ «Ежегодника» министерства
нансовъ на 1869 годъ, въ «Статистическомъ атласѣ», г. Тими
зева, въ «Указателѣ» послѣдней мануфактурной выставки, и въ с
ясненіяхъ къ хозяйственно-статистическому атласу Европейс
Россіи, составленныхъ г. Вильсономъ.

Пользуясь, по возможности, такими разнообразными ма
ріалами, мы постараемся точнѣе опредѣлить степень развитія
шей промышленности, обращая преимущественное вниманіе
экономическую ея сторону, и для бо́льшаго удобства разс
рѣнія раздѣлимъ всю промышленность на шесть группъ, со
няя въ каждой группѣ по нѣскольку сродныхъ между собою
изводствъ.

Къ первой группѣ мы отнесемъ всѣ производства прядил
ткацкія, т.-е. обрабатывающія волокнистыя вещества ча
механическими, частью химическими процессами. Сюда относ
изготовленіе издѣлій изъ льна, пеньки, хлопчатой бумаги, ше
шелка и другихъ волокнистыхъ веществъ какъ въ чистомъ,
и въ смѣшанномъ видѣ.

Вторую группу составятъ производства, занимающіяся о
боткою металловъ, какъ драгоцѣнныхъ, такъ и недрагоцѣнн

Третья группа — химическихъ производствъ въ широ
значеніи этого слова—обниметъ главныя производства хи
скихъ и красильныхъ продуктовъ, составляющихъ одинъ
главныхъ матеріаловъ всякой промышленности, и всѣ тѣ п
водства, которыя прежде всего основаны на химическихъ
цессахъ, какъ-то: свѣчно-сальное и восковое, стеариновое,
чечное, мыловаренное, косметическое, газовое, и т. д.

Digitized by Google

Къ четвертой группѣ мы отнесемъ производства, занимающіяся обработкою разныхъ ископаемыхъ, не-металлическихъ, матеріаловъ, какъ-то черепичное, цементное, гипсовое, кирпичное, гончарное, фаянсовое, фарфоровое, стеклянное и зеркальное.

Къ пятой категоріи—производства, занимающіяся обработкою дерева: лѣсопильное, мебельное, паркетное, экипажное, судостроительное и т. п.

Къ шестой — производство питательныхъ продуктовъ для человѣка: муки, вина и другихъ напитковъ, сахару и табаку.

Начинаемъ нашъ обзоръ производствъ, занимающихся обработкою волокнистыхъ веществъ, съ *льняной* промышленности [1]), которая принадлежитъ искони къ числу коренныхъ русскихъ промышленностей. Мы имѣли уже случай указать на древность ея и на виды льняныхъ издѣлій, производившихся нашими предками. Въ настоящее время разведеніемъ льна для полученія изъ него преимущественно волокна, занимаются 16-ть губерній: Псковская, Смоленская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Лифляндская, Вятская, Минская, Витебская, Ковенская, Ярославская, Полтавская, Виленская, Курляндская, Гродненская и Олонецкая; сборъ волокна съ 665,000 дес., находящихся подъ посѣвами льна, простирается до 12 мил. пудовъ, цѣнностью въ 48 мил. руб. Наибольшимъ развитіемъ льняного производства отличается Псковская губернія, въ которой 80,000 дес. засѣваются льномъ, и до 1,700,000 пуд. волокна вывозится ежегодно изъ губерніи на сумму около 7 мил. руб. [2]). За отпускомъ $7\frac{1}{2}$ мил. пудовъ льна, льняной пакли и пряжи за границу, остальное количество $4\frac{1}{2}$ мил. пудовъ перерабатывается частью на фабрикахъ машиннымъ образомъ, частью же крестьянами въ ихъ домашнемъ быту на ручныхъ станкахъ.

Въ 1868 году, льняная пряжа производилась фабричнымъ

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о льняной промышленности можно найти въ изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ «Изслѣдованіяхъ о состояніи льняной промышленности въ Россіи», С.-Петербургъ, 1849; и «Изслѣдованіяхъ о состояніи льнян. пром. въ Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Великобританіи», 1846; въ «Матеріалахъ и трудахъ Высоч. учрежд. коммиссіи по пересмотру тарифа 1867 г. въ «Мнѣніи постоянной депутаціи моск. купеч. съѣздовъ» М. 1866, и въ интересной статьѣ Верховцева «О производствѣ льна и льняныхъ издѣлій», въ 2-хъ іюльскихъ книжкахъ трудовъ И. В. Э. Общества 1870 г.

[2]) «Свѣдѣнія о льняной промышленности и торговлѣ Псковской губерніи» С.-Петербургъ, 1870. Брошюра эта составлена псковскимъ статистическимъ комитетомъ въ поясненіе коллекціи льна и льняныхъ издѣлій, представленной на всероссійскую мануфактурную выставку.

Digitized by Google

образомъ въ губерніяхъ: Костромской, Владимирской, Ярославско Петербургской, Тверской, Вологодской, Лифляндской и Рязанско на 16 льнопрядильняхъ въ количествѣ около 620,000 пуд. сумму 7,338,000 рублей. По отзыву самихъ фабрикантовъ пряжа приготовляется на нашихъ льнопрядильняхъ, преим щественно низкихъ нумеровъ, и средняя до № 36; предѣлы нашего производства считается № 50; выше этого до № выпрядается незначительное количество, едвали $^1/_{50}$ часть; ли на фабрикахъ г. Зотова и г. Грибанова, въ видѣ исключе выпрядается льняная пряжа до №№ 120 и 140. Поэтому пр возъ къ намъ иностранной льняной пряжи, около 15 тыс. п довъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ тонкихъ нумеровъ 70 80 и до 120.

Льняныя ткани изготовлялись частію, на сумму 6,335,000 на 101 льноткацкой фабрикѣ, 15-ю тысячами рабочихъ въ в шеозначенныхъ губерніяхъ, кромѣ Лифляндской и Рязанской, еще въ Витебской, Черниговской, Калужской, Архангельско частію же на сумму около 55 мил. рублей, домашнимъ образо крестьянами, что составляетъ одинъ изъ видовъ кустарной пр мышленности. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ льняныхъ тка ручной крестьянской выдѣлки не имѣется, но по собранны военно-окружными интендантствами за 1868 г. свѣдѣніямъ о зывается, что въ томъ году, въ 27 губерніяхъ, за удовлетво ніемъ собственныхъ домашнихъ потребностей крестьянъ, об щено было ими на продажу съ промышленною цѣлью до 80 м арш. ручного холста, на сумму $5^1/_4$ мил. руб.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что количество выдѣлываем крестьянами ручного холста съ каждымъ годомъ замѣтно уме шается, потому что цѣны на него стоятъ неизмѣнно прежнія не только не оплачиваютъ труда поселянина, но еще служ ему въ убытокъ, такъ какъ продавая свой ленъ въ сыромъ ви онъ могъ бы выручить несравненно большій доходъ отъ воз сившихся цѣнъ на ленъ въ заграничной торговлѣ. Во Вла мирской и Костромской губерніяхъ, за 10 новинъ и 2 хол крестьяне получаютъ 11 рублей, тогда какъ $2^1/_2$ пуда л употребленнаго на эти холсты, при продажѣ льна въ сыр видѣ могли бы доставить имъ 11 р. $87^1/_2$ коп.; слѣдователь чистый убытокъ на каждые $2^1/_2$ пуда льна равняется $87^1/_2$

Уменьшеніе выдѣлки ручныхъ холстовъ поставило на нѣ торое время въ затрудненіе военно-интендантское вѣдомст

---

[1]) Докладъ особой экспертной комиссіи о пряжѣ и тканяхъ льняныхъ и п ковыхъ въ «Труд. тарифной комиссіи» т. II.

Digitized by Google

но льноткацкія фабрики скоро возмѣстили этотъ недостатокъ приготовленіемъ особаго рода тканей, нужныхъ для арміи, которая вообще является однимъ изъ главныхъ потребителей нашихъ льняныхъ издѣлій. Въ 1869 году заготовлено было для арміи и флота всего около 33 мил. аршинъ фабричнаго и ручного холста и до 3,150,000 аршинъ фламскаго полотна и равендука.

Льняныя ткани, приготовляемыя фабричнымъ образомъ, раздѣляются на гладкія и узорчатыя; къ первымъ принадлежатъ льняная парусина, равендукъ, фламское полотно, коломенка, тонкія полотна и платки; ко вторымъ: тикъ, дрель, пестрядь, мешуйка, салфеточныя полотна и нѣкоторыя брючныя матеріи. Ручныя льняныя ткани дѣлятся на четыре главныхъ категоріи: рубашку, подкладку, хрящъ или мѣшечный холстъ и рѣдно. Каждый изъ этихъ видовъ холста имѣетъ свои подраздѣленія и разныя мѣстныя названія. Такъ рубашка бываетъ тонкая и средняя (ровная), бѣленая и суровая; лучшая тонкая по мѣстностямъ называется также головкой или новиной въ Ярославской губ., гвардейской рубашкой въ Тверской, барскимъ холстомъ въ Рязанской; средняя рубашка называется—холстомъ волоконскимъ въ Пермской губерніи, армейской рубашкой въ Тверской. Лучшая бѣленая подкладка называется межеумкомъ и составляетъ какъ бы переходъ отъ рубашечнаго холста къ подкладочному. Хрящъ или мѣшочный холстъ представляетъ холстъ самый грубый. Полубѣленный хрящъ называется также торбочнымъ. Самый низкій сортъ рѣдна называется макридой и идетъ на конопаченіе судовъ.

Было время, когда Россія снабжала въ значительномъ количествѣ своими льняными издѣліями не только Европу и преимущественно Великобританію, но и Сѣверную Америку. Такъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія вывозъ парусины, фламскихъ полотенъ и равендуковъ доходилъ до 250 тысячъ кусковъ въ годъ, и хотя уменьшился впослѣдствіи, но еще составлялъ въ тридцатыхъ годахъ около 200 т. въ годъ; въ 60-хъ же годахъ уменьшился до 40 и даже 30 т. кусковъ въ годъ; равнымъ образомъ и вывозъ салфеточнаго полотна, коломенки и холста бѣлаго значительно уменьшился, и лишь отпускъ грубаго ручного холста потребляемаго въ Америкѣ на мѣшки для кофе увеличился съ двухъ милліоновъ аршинъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, до 10 милліоновъ аршинъ въ 1868—69 годахъ. Результатомъ такого уменьшенія въ требованіи на наши полотняныя издѣлія было закрытіе большей части полотняныхъ фабрикъ, существовавшихъ

Digitized by Google

въ прежнее время у многихъ помѣщиковъ или сокращеніе их производства.

Причину такого упадка нашей льняной промышленнос послѣ 30-хъ годовъ, сами фабриканты объясняютъ [1]) отчас чрезмѣрнымъ развитіемъ хлопчатобумажной промышленности, под покровительствомъ тарифа 1822 года, главнымъ же образом тѣмъ, что мы не слѣдили своевременно за тѣми преобразованія ми, которыя совершались въ льняной промышленности въ чужих краяхъ и которыя, съ одной стороны, измѣняли требованія и вводили новыя, а съ другой—совершенствовали и удешевлял самыя издѣлія, и въ томъ, что мы заботились только о развити у себя льновоздѣлыванія для сбыта иностраннымъ фабрикам льна въ сыромъ видѣ. Въ то время, когда Англія вводила у себ машинное льнопряденіе, машинную аппретуру и химическо бѣленіе, увеличивала воздѣлываніе льна въ Ирландіи и вытѣснял наши льняныя издѣлія съ американскихъ рынковъ, гдѣ он особенно славились, поддѣлывая наши клейма на худшихъ из сбываемыхъ туда собственныхъ издѣліяхъ и тѣмъ подрыва довѣріе американцевъ къ нашимъ фирмамъ; въ то время, как и Германія, слѣдуя примѣру Англіи, развивала раціональным образомъ свою льняную промышленность, «мы, по выражені записки московскаго съѣзда, покоились на лаврахъ и продолжал работать по старому, ни мало не думая объ измѣненіи своих порядковъ въ льнопромышленности».

Послѣ неубѣдительнаго опыта образцовой казенной алексан дровской мануфактуры и нѣсколькихъ неудачныхъ частныхъ по пытокъ къ введенію механическаго льнопряденія, послѣ тща тельнаго изслѣдованія правительствомъ, въ 40-хъ годахъ, состоя нія какъ нашей, такъ и иностранной льняной промышленности посредствомъ особыхъ коммиссій изъ спеціалистовъ и обнародовані ихъ отчетовъ, возникло нѣсколько механическихъ льнопрядилен преимущественно въ концѣ 50-хъ годовъ, несмотря на послѣ довавшее въ 1857 г. пониженіе пошлинъ на иностранные то вары. Въ 1864 году было уже въ дѣйствіи 11 льнопрядилен имѣвшихъ 69.000 веретенъ. Не малую, хотя и невольную услуг оказалъ нашей льняной промышленности и хлопчато-бумажны кризисъ, какъ бы въ вознагражденіе за отвлеченные отъ нея, в 20-хъ годахъ, капиталы, обратившіеся въ то время на хлопчато бумажную фабрикацію, подъ вліяніемъ запретительнаго тариф 1822 года.

---

[1]) Мнѣніе по коянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ. Москва 1865 г., стр. 243-277.

Digitized by Google

Если наши льнопрядильни ограничиваются пока выпряденіе только низкихъ и среднихъ нумеровъ, то это объясняется неудовлетворительнымъ положеніемъ самаго льноводства, которое слишком мало доставляетъ годнаго для тонкой пряжи матеріала, а также недавнимъ возникновеніемъ у насъ льнопрядильнаго дѣла, не успѣвшаго вполнѣ достигнуть техническихъ усовершенствованій, необходимыхъ для выпряденія тонкихъ нумеровъ. Эти причины служатъ объясненіемъ, почему и фабрикація тонкихъ полотенъ, не уступающихъ въ добротѣ, особенно въ отдѣлкѣ и аппретурѣ, иностраннымъ полотнамъ, составляетъ у насъ до сихъ поръ рѣдкое исключеніе.

Лучшими обширнѣйшими у насъ льнопрядильнями считаются принадлежащія товариществамъ Норской мануфактуры льняныхъ издѣлій, близъ Ярославля, и Балтійской холщевой мануфактуры, а также гг. Зотову и Грибанову; лучшія между льняными полотняными издѣліями, судя по послѣдней выставкѣ, принадлежатъ гг. Грибанову, Гилле и Дидриху, барону Штиглицу и таммерфорскому акціонерному обществу.

Остановимся на минуту на фабрикѣ почетнаго гражданина Грибанова [1]) въ Великоустюжскомъ уѣздѣ, издѣлія которой пользуются такой заслуженной славой въ торговлѣ и даже предпочитаются иностраннымъ. Фабрика эта основана была въ 1849 г. Норсомъ, но по неспособности лицъ, управлявшихъ ею, несмотря на дешевизну матеріаловъ и рабочихъ рукъ, шла неудовлетворительно. Въ 1860 г., она перешла къ г. Грибанову и съ тѣхъ поръ началось ея постепенное развитіе и усовершенствованіе, что̀ видно изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ данныхъ:

	Число рабочихъ.	Жалованья выдавалось.	Переработано льна.	Выработано льняной пряжи.	Выработано полотенъ аршинъ.	На сумму руб. сер.
1862	324	30,000 р.	5,000 пуд.	2,300 пуд.	210,000	115,400
1865	964	96,700 »	26,000 »	14,600 »	347,000	453,000
1869	1,045	—	—	245,00 »	745,000	590,000

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что фабрика Грибанова находится въ довольно невыгодныхъ условіяхъ по отдаленности своей отъ главныхъ мѣстъ своего сбыта, обѣихъ столицъ и ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской, и по дурному состоянію дорогъ, по которымъ весною и осенью перевозка тяжестей совершенно невозможна.

[1]) Весьма интересныя свѣдѣнія объ этой фабрикѣ мы находимъ въ отчетѣ одного изъ членовъ экспедиціи по изслѣдованію хлѣбной торговли и производительности Россіи, г. Чубинскаго: «Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ».

Digitized by Google

Раціональному развитію у насъ льняной промышленно не мало содѣйствуетъ также основаніе въ послѣднія десять л шести обширныхъ акціонерныхъ предпріятій съ основнымъ питаломъ болѣе 3 мил. руб., и ежегоднымъ оборотомъ до мил. руб. Вотъ размѣры ихъ дѣятельности:

	Годъ основ.	Основ. капиталъ р. с.	Число рабочихъ.	Число веретенъ.	Число станковъ.	Паров. машинъ.	Сумма
Въ Ярославской губ.							
1. Тов. Норской мануф. льнян. издѣлій	1859	1.000,000	2,000	21,000	160	6 маш. / 210 сил.	1.70(
2. Тов. Романовской	1859	1.500,000	200	—	—	2 / 40	16(
Въ Костромской губ.							
3. Тов. Костромской льнопряд.	1866	270,000	536	—	—	—	29(
Въ Тверской.							
4. Тов. Рождественной мануфак.	—	—	550	—	—	—	56(
Въ Лифляндской губ.							
5. Комп. Балтійской холщевой мануф.	1859	150,000	300	4,000	—	3 / 85	18(
6. Таммерфорское акціонерное общество льняной и желѣзной мануф.	1858	—	900	—	—	—	80(

Вообще все убѣждаетъ въ томъ, что упреки, прежде лаемые нашей льняной промышленности, теперь уже не временны, и что она начинаетъ возвращать себѣ мѣсто, торое ей нѣкогда принадлежало и по праву принадлежитъ всемірной промышленности.

Производство *пеньки* въ Россіи достигаетъ 6 мил. пуд въ годъ, и въ послѣднее время не только не увеличивае но скорѣе уменьшается, вслѣдствіе уменьшенія паруснаго доходства, развитія желѣзнаго судостроенія, употребленія судахъ желѣзныхъ цѣпей вмѣсто канатовъ, распростране въ народѣ одежды изъ хлопчато-бумажныхъ и льняныхъ т ней, и введенія новыхъ волокнистыхъ растеній для добы нія маслъ. До $3^1/_2$ мил. пуд. пеньки и пеньковой пряжи пускается за границу, до $1^1/_2$ мил. пуд. идутъ на выд ку крестьянами одежды, мѣшковъ и т. п., и около 1 м пуд. обращается фабричнымъ образомъ въ канаты, вере и другія издѣлія. Пряденіе пеньки производится исключител ручнымъ способомъ, частію на мелкихъ домашнихъ заведенія частію на 19 болѣе крупныхъ, съ производствомъ на 1.267,000 а также на самыхъ значительныхъ канатныхъ фабрикахъ, об

Digitized by Google

числю которыхъ достигаетъ 121, съ 2273 рабочими и съ цифрой производства около 3 мил. р. Кромѣ того, множество мелкихъ заведеній занимаются крученіемъ канатовъ и веревокъ ручнымъ способомъ, и выдѣлкою рыболовныхъ снастей, всего на сумму не менѣе 1 мил. р. Такимъ образомъ, общая цѣнность пенькового производства вѣроятно не менѣе 5 мил. р. Лучшею и самою обширною канатною фабрикою считается фабрика Журавлева въ Ярославской губерніи, выдѣлывающая до 150,000 пудовъ издѣлій на сумму 800,000 р.; за нею слѣдуетъ казенная фабрика морского вѣдомства съ производствомъ до 425,000 р. [1])

Въ ряду прядильно-ткацкихъ производствъ *хлопчато-бумажное* [2]), во всѣхъ странахъ, занимаетъ самое видное мѣсто по своимъ размѣрамъ, и этимъ развитіемъ оно обязано преимущественно свойствамъ своего первообразнаго матеріала. Хлопокъ, въ сравненіи съ другими прядильно-ткацкими матеріалами, отличается дешевизной, необыкновеннымъ постоянствомъ въ качествахъ и пригодностью къ машинному пряденію; а пряжа, получаемая изъ него, — неимовѣрной легкостью ткачества, изумительной скоростью бѣленія и удобствомъ крашенія и набиванія. Великія механическія изобрѣтенія Гаргревса, Аркрайта, Кромптона, Уэлля дали средства къ широкому, почти безграничному развитію хлопчато-бумажной промышленности. О размѣрахъ этого производства можно судить потому, что въ началѣ 60-хъ годовъ, на всемъ земномъ шарѣ производилось и потреблялось до 140 мил. пудовъ хлопка, для воздѣлыванія которыхъ необходимо было до 25 мил. десятинъ земли. Изъ этого количества, $11\frac{1}{2}$ мил. пудовъ потреблялось въ Сѣверной Америкѣ и 52 милліона въ Европѣ. Сѣверная Америка доставляла 44 мил. пуд., Остъ-Индія $5\frac{1}{2}$ мил., Египетъ $1\frac{1}{2}$ мил., Бразилія 625 т., Вестъ-Индія 328 т. Большая часть всего привозимаго въ Европу хлопка, именно около 30 мил. пуд., направляется въ Англію, которая около $\frac{2}{3}$ его переработываетъ дома, а остальную $\frac{1}{3}$ распродаетъ другимъ странамъ и въ томъ числѣ

---

[1]) Статистическій атласъ Тимирязева. Примѣчанія стр. 42—43.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о состояніи хлопчато-бумажной промышленности въ Россіи, и отчасти за границею, можно найти въ «Обзорѣ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи» т. II. 1863 г., въ статьяхъ посвященныхъ этой отрасли гг. Шереромъ и Андреевымъ, стр. 445—523, и въ «Обзорѣ Парижской всемірной выставки 1867 года», выпускъ V, 1868 г.; статья также г. Шерера, въ статистическомъ атласѣ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской Россіи г. Тимирязева, 1870 г. и въ «Ежегодникѣ министерства финансовъ» на 1869 годъ, наконецъ въ «Трудахъ комиссіи высочайше учрежденной для пересмотра тарифа» въ 1867 г. 2 части, 1868.

Digitized by Google

Россіи. Поэтому, понятно, какъ чувствительно было для Анг
сокращеніе, въ 1862 и 1863 годахъ, почти на половину обы
новеннаго привоза хлопка, вслѣдствіе американской вой
Въ виду уменьшенія вывоза хлопка изъ Америки, который упа
по одному Новоорлеанскому порту съ 1.915,852 кипъ (въ 2(
килограммовъ каждая), въ 1860 — 61, до 23,750 въ 1862
63, манчестерская торговая палата приняла дѣятельныя мѣ
для возбужденія и поощренія къ разведенію хлопчатника
разныхъ странахъ свѣта, и дѣйствительно, Остъ-Индія, Египе
Бразилія и Китай, уже съ 1863 г. значительно восполняли н
достатокъ американскаго-хлопка на европейскихъ рынкахъ, доста
ляя имъ около $^3/_5$ всего нужнаго количества. Даже нѣкотор
европейскія государства, въ особенности Италія, Австрія и да
Франція въ своей алжирской колоніи старались удовлетвори
отчасти собственнымъ потребностямъ, отчасти требованіямъ то
говли, разведеніемъ хлопчатника. Успѣхъ имѣла однако од
Италія, которая довела сборъ хлопка сырца до 2 мил. пуд.
возстановленіемъ мира, производство хлопка, а также отпус
его изъ Сѣверной Америки снова поднялись, но не достиг
еще прежнихъ размѣровъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ и обнародованнымъ національ
нымъ обществомъ плантаторовъ и бумаго-прядильщиковъ, у
жай хлопка, въ 1868 — 69 году, составляетъ уже 30 мил. п
довъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ журналовъ доходилъ даже
38 мил. Развитіе этой отрасли хозяйства встрѣчаетъ препятст
лишь со стороны недостатка рабочихъ рукъ, со времени освобо
денія негровъ, что̀ побудило южныхъ землевладѣльцевъ на съѣз
бывшемъ въ августѣ минувшаго года въ Мемфисѣ, отправи
довѣреннаго агента въ Китай, для изысканія средствъ къ
крытію, въ южные штаты, возможно широкой эмиграціи ку
(coolies), съ цѣлію пополнить и даже замѣнить ими рабочи
негровъ [1]).

Россія потребляетъ въ настоящее время около $3^1/_2$ мил. п
хлопка, преимущественно американскаго и остъиндскаго; за искл
ченіемъ 700 т. пудовъ такъ-называемаго бухарскаго, приво
маго къ намъ по азіатской границѣ изъ Средней Азіи. Со в
мени хлопковаго кризиса, родилось у насъ стремленіе къ р
ширенію разведенія хлопчатника въ нашихъ собственныхъ а
атскихъ владѣніяхъ; но до сихъ поръ еще дѣло это ид
весьма медленно и ежегодное производство хлопка за Кав

[1]) Annuaire de l'économie politique et de la statistique, 1870, par M. M. Bl
Paris, 1870, стр. 307.

Digitized by Google

зомъ простирается не болѣе какъ до 70 тыс. пудовъ въ годъ, сосредоточиваясь преимущественно въ губерніяхъ Эриванской, и отчасти въ Бакинской, Тифлисской и Кутаисской [1]). Между тѣмъ полагаютъ, что мы обладаемъ между Каспійскимъ и Черн. морями пространствомъ въ 3,320,000 десятинъ, орошаем. Курою, Араксомъ, Черною рѣкою, Ріономъ и другими рѣками, и вполнѣ способнымъ для разведенія лучшаго америк. хлопка; но до сихъ поръ являлось слишкомъ мало предпріимчивыхъ и капитальныхъ людей для этого дѣла. На послѣдней мануфактурной выставкѣ нельзя было не замѣтить прекрасные образцы хлопка, выращеннаго изъ американскихъ сѣмянъ на плантаціяхъ І. Н. Морозова по рр. Курѣ и Араксу. Плантаціи эти заложены въ 1867 г., а въ 1870 г. занимали 150 десятинъ. Сборъ въ 1869 г. простирался до 300 пуд. цѣною на 1,500 р. Кромѣ того извѣстны также попытки къ разведенію хлопка братьевъ Анановыхъ, въ Кутаисской геберніи, производящихъ, съ 1860 года, отъ 1,000 до 1,500 пуд. хлопка-сырца, а также московской компаніи (гг. Мазурина, Красногорина и Гоѳина). Съ присоединеніемъ къ Россіи Туркестанскаго края, явилась надежда на возможность полученія хлопка и оттуда. Общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, а затѣмъ съѣздъ фабрикантовъ и заводчиковъ, бывшій въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, указали на цѣлый рядъ мѣръ и желаній, осуществленіе которыхъ, по мнѣнію ихъ, могло бы привести къ развитію и улучшенію нашего хлопководства.

Начало хлопчатобумажной промышленности въ Россіи положено было еще въ минувшемъ столѣтіи, причемъ ткачество и набиваніе тканей возникли ранѣе пряденія хлопка, и составляли преимущественно предметъ крестьянской промышленности. Жители села Иванова и разныхъ подмосковныхъ деревень уже въ концѣ XVIII столѣтія готовили изъ англійской пряжи простыя набойки и ситцы на станахъ, помѣщавшихся въ крестьянскихъ избахъ. Съ 1814 по 1824 г. количество англійской пряжи, которая привозилась къ намъ, составляло среднимъ числомъ около 200 тыс. пудовъ. Запретительный тарифъ 1822 года далъ новое направленіе хлопчатобумажной промышленности, привлеченіемъ капиталовъ къ основанію обширныхъ фабричныхъ заведеній не только для тканія и набивки бумажныхъ издѣлій, но и для пряденія хлопка. Результатомъ этого было измѣнившееся отношеніе

[1]) О *кавказскомъ хлопчатникѣ*. Тифлисъ. 1862. Брошюра эта составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ по распоряженію управленія сельскаго хозяйства на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Digitized by Google

между привозомъ хлопка и бумажной пряжи. До 1844 года привозъ иностранной пряжи постоянно увеличивался и превышалъ привозъ хлопка, достигнувъ до 600 т. пуд.; затѣмъ онъ сталъ уменьшаться и дошелъ до нынѣшнихъ размѣровъ 100 т. пудовъ. Напротивъ, привозъ хлопка не переставалъ возрастать и достигнулъ нынѣшней цифры 3 мил. пудовъ.

Первыя бумагопрядильни были основаны въ 1824 году, но не имѣли успѣхи, и лишь въ тридцатыхъ годахъ возникли въ Москвѣ бумагопрядильни, доказавшія выгодность этого производства; въ 1843 г. число бумагопрядильныхъ веретенъ достигало уже 350,000, въ 1849—600,000, въ 1853—1 мил., а въ 1860 году $1\frac{1}{2}$ мил.; съ присоединеніемъ же прядильныхъ фабрикъ царства Польскаго и Финляндіи—1,600,000 веретенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время число веретенъ увеличилось до 1,750,000.

Наибольшее число бумагопрядилень, именно 33 изъ 67, находятся въ губерніяхъ Московской (14), Владимирской (9) и Петербургской (10) съ 27 т. рабочихъ и $11\frac{1}{2}$ милліоннымъ производствомъ на каждую губернію, т. - е. около 35 мил. руб на всѣ.

Наши бумагопрядильни ограничиваются выдѣлкою преимущественно низкихъ и среднихъ нумеровъ пряжи до 40-го, и въ небольшомъ количествѣ 50 и 60-го нумера, хотя въ видѣ исключенія, большею частью для выставокъ, чтобы доказать свое знаніе въ отдѣлкѣ высшихъ нумеровъ, производятъ и выше 60-го нумера, даже 80 и сотые.

Изъ 3 мил. пудовъ хлопка-сырца, перерабатываемаго нашими фабриками, получается около $2\frac{1}{2}$ мил. пудовъ пряжи, которыя потребляются туземными фабриками на выдѣлку товаровъ низшаго и средняго качества. Однѣ только лучшія бумажныя матеріи, тонкій каленкоръ, жаконетъ и кисея ткутся изъ иностранной пряжи. Вывозъ русской пряжи за-границу ограничивается ничтожнымъ количествомъ, не болѣе 20 т. пуд. по азіатской границѣ. Выдѣлка ваты съ каждымъ годомъ усиливается. Съ 12-ти въ 1852 году, число ватныхъ фабрикъ возросло въ 1866 г. до 95, а цѣнность производства съ 75,000 до 445,000 р. сер.

Выработка самыхъ простыхъ бумажныхъ издѣлій: миткалей нанки, кумачей, бумажныхъ платковъ и т. п., назначаемыхъ преимущественно въ краску и набивку, производится преимущественно въ губерніяхъ Московской, Владимирской, Тверской, Костромской Ярославской и Калужской, крестьянами, которые получаютъ бумажную пряжу или прямо отъ купцовъ-капиталистовъ, или отъ особыхъ мастеровъ, служащихъ посредниками между ними

Digitized by Google

капиталистами. Многіе фабриканты - кущы изготовляютъ этимъ путемъ отъ 100 до 200 тысячъ кусковъ миткаля, и этимъ объясняется какъ необыкновенная дешевизна этого товара, такъ и самое его несовершенство и медленное распространеніе машиннаго ткачества въ Россіи. Въ послѣднее время, впрочемъ, всѣ болѣе значительныя бумагопрядильни снабжаются соотвѣтственнымъ числу веретенъ ассортиментомъ самоткацкихъ станковъ. Число машинныхъ станковъ въ настоящее время вѣроятно не менѣе 15 т.

Ручное производство бумажныхъ тканей, неидущихъ въ набивку, бѣлыхъ, пестрыхъ и цвѣтныхъ на платья, платки, брюки и т. п., а также плотныхъ бумажныхъ издѣлій, какъ одѣяла, бомбазея, пике, салфетки и скатерти, сосредоточивается частію въ городскихъ ткацкихъ заведеніяхъ, частію же тоже въ деревняхъ.

Кисейный и вообще тонкій бумажный товаръ, а также плисъ или бумажный бархатъ съ коротким ворсомъ, выдѣлываются исключительно на фабрикахъ.

Число ткачей, работающихъ въ крестьянскихъ свѣтелкахъ, опредѣлялъ г. Шереръ въ 1860 году около 75,000 чел.; но цифра эта едва-ли не слишкомъ умѣренна, потому что въ половинѣ 50-хъ годовъ, въ одномъ Суздальскомъ уѣздѣ насчитывалось до 40,000 душъ обоего пола, занимавшихся ткаными миткалей по селамъ и деревнямъ. Домашнее ткачество бумажныхъ издѣлій не исчезло еще совершенно даже въ такихъ промышленно-развитыхъ странахъ какъ Англія, Франція, Германія и особенно Швейцарія. Около 20 лѣтъ тому назадъ въ самомъ Манчестерѣ, этомъ центрѣ индустріальнаго развитія хлопчатобумажной промышленности, насчитывали до 3,000 ручныхъ ткачей (handloomweavers). Во Франціи, многіе города, какъ напр. Рубэ, Армантье, Флеръ, Кахнъ и Эгль представляютъ или совмѣстное существованіе фабричнаго и домашняго ткачества, или даже преобладаніе послѣдняго надъ первымъ. Въ Германіи до 140,000 ручныхъ станковъ работаютъ въ настоящее время внѣ фабрикъ. Въ Швейцаріи одинъ Цюрихъ доставлялъ въ 1855 г. домашнія занятія около 30,000 человѣкъ по хлопчато-бумажному производству, и почти тоже происходило въ Гларусѣ, Ааргау, С.-Галленѣ, Аппенцелѣ и др. мѣстахъ. Доказательство, сколько жизненности въ системѣ домашняго производства, когда оно такъ медленно уступаетъ свое поприще фабричной системѣ, вооруженной всѣми новѣйшими усовершенствованіями [1]).

Бумажно-набивное дѣло сосредоточивается у насъ преиму-

[1]) О формахъ промышленности г. Корсака, стр. 164—169.

Digitized by Google

щественно въ губерніяхъ Владимирской, Московской и С.-Петербургской. Первая, и преимущественно Шуйскій уѣздъ съ селомъ Ивановымъ и Вознесенскимъ посадомъ, работаютъ товаръ для низшихъ классовъ, С.-Петербургская губернія для потребителей болѣе достаточныхъ, а Московская губернія для потребителей всѣхъ категорій. Ситцевыя фабрики набиваютъ или чужія ткани, по-заказу, или собственныя, сотканныя по ихъ заказамъ въ деревняхъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1867 году въ Россіи числилось фабрикъ по хлопчато-бумажному дѣлу:

		Въ нихъ рабочихъ.	Сумма производства: р. сер.
48	бумагопрядилень	37,181	40,389,844.
586	бумаготкацкихъ	60,401	30,144,896.
133	ситценабивныхъ	24,776	26,628,426.
95	ватныхъ	503	445,831.
Всего 862	фабрики	122,861	97,608,997

Къ этому слѣдуетъ присовокупить 5 фабрикъ въ Финляндіи, съ 2681 рабочими и 2 мил. годового производства, и 1247 заведеній въ привислянскомъ краѣ, съ 7635 рабочими и цѣнностью производства въ 4,800,000 рублей. При этомъ нельзя не замѣтить, что изъ 5 финляндскихъ фабрикъ, три принадлежатъ акціонернымъ компаніямъ, и вообще всѣ онѣ имѣютъ большіе размѣры, между тѣмъ большая часть заведеній, особенно ткацкихъ, въ Привислянскомъ краѣ принадлежитъ къ числу мелкихъ заведеній.

Такимъ образомъ, общее число фабричныхъ заведеній по хлопчато-бумажной промышленности въ Россіи простирается до 2100 съ 133,000 рабочихъ постоянныхъ на фабрикахъ, а съ причисленіемъ деревенскихъ производителей, занимающихся домашнимъ образомъ выработкою ткацкихъ издѣлій по заказамъ тѣхъ же фабрикъ, общее число рабочихъ можно положить въ 235,000. Кромѣ того, внѣ фабрикъ занимаются разными операціями хлопчато-бумажнаго дѣла до 400,000 душъ обоего пола; такимъ образомъ, почти сотая часть всего народонаселенія Россіи получаетъ свои средства существованія отъ хлопчато-бумажной промышленности.

Всѣ эти данныя, конечно, имѣютъ только приблизительную достовѣрность; но общую оцѣнку нашей хлопчато-бумажной производительности можно повѣрить еще другимъ путемъ. Такъ г. Тимирязевъ, въ примѣчаніяхъ къ своему извѣстному атласу фабрично-заводской промышленности, принимаетъ стоимость про-

Digitized by Google

водства бумажной пряжи въ 50 мил. рублей, стоимость выдѣлки тканей, какъ фабричнымъ, такъ и домашнимъ образомъ, въ 87½ мил. р., въ томъ числѣ собственно фабричныхъ въ 30 мил. руб.; затѣмъ стоимость всѣхъ набивныхъ тканей, составляющихъ около ⅗ общаго числа производства, въ 63 мил. Опуская стоимость пряжи, т.-е. 50 мил. р., какъ входящую въ цифру общей цѣнности тканей (87½ мил. р.), и прибавляя къ двумъ третямъ послѣдней 20% или 10½ мил. руб. на увеличеніе стоимости тканей отъ набивки или отдѣлки ихъ, г. Тимирязевъ выводитъ для Европейской Россіи цѣнность хлопчато-бумажнаго производства въ 97 мил. рублей.

Подобнымъ же образомъ и г. Шереръ въ отчетѣ своемъ по Парижской выставкѣ приходитъ почти къ тому же выводу—100 мил. руб. для оцѣнки всего хлопчато-бумажнаго дѣла въ Россіи, съ Финляндіею и привислянскимъ краемъ.

Насколько наша хлопчато-бумажная промышленность пострадала отъ хлопковаго кризиса, въ доказательство того можно привести то, что съ 1859 года число фабрикъ уменьшилось на 194, число рабочихъ на 37 т., но вмѣстѣ съ тѣмъ сумма производства увеличилась почти на 20 милліоновъ рублей. Эти какъ бы противорѣчащіе между собою факты легко объясняются тѣмъ, что мелкія заведенія, основанныя на незначительные капиталы, въ разсчетѣ на высокія пошлины, ограждающія нашу хлопчато-бумажную промышленность, не могли выдержать тяжелаго кризиса, когда первообразный сырой матеріалъ поднялся въ цѣнѣ въ четыре раза—съ 7½ пенсовъ въ 1860 году до 27½ и даже 31½ пенса за фунтъ въ 1864 и 1865 годахъ. Но закрытіе многихъ мелкихъ заведеній въ результатѣ не имѣло ощутительнаго вліянія на нашу общую производительность хлопчато-бумажныхъ издѣлій, потому что оно вознаградилось съ избыткомъ развитіемъ существовавшихъ уже большихъ фабричныхъ заведеній и основаніемъ новыхъ, въ большихъ размѣрахъ и со всѣми новѣйшими и раціональными усовершенствованіями.

Основаніе бумаго-прядильныхъ и бумаго-ткацкихъ фабрикъ, преимущественно на капиталы, собранные акціонерными компаніями и товариществами, есть явленіе особенно характеризующее нашу современную хлопчато-бумажную промышленность.

Слѣдующая таблица можетъ свидѣтельствовать о силѣ и размѣрахъ производства хлопчато-бумажныхъ предпріятій, получившихъ развитіе при помощи соединенныхъ компанейскихъ капиталовъ:

Digitized by Google

Названія компаній.	Годъ основанія компаній.	Основной капиталъ.	Число рабочихъ.	Число паров. машинъ.	Число паровыхъ силъ.	Число веретенъ.	Число механ. станковъ.	Количес. вычёсанной пряжи пуд.	Количес. выработанныхъ тканей.	Цѣнност. производства.
Бумагопрядильныя:										
Въ московской губ.										
1. Товарищ. Реутовской мануфактуры	1860	1.350,000	2190	2	180	66,238	—	148,000	—	2.457,000
2. Т. Измайловской мануф. .	1861	300,000	780	3	80	—	—	21,000	—	542,000
3. Т. Московскаго бумагопрядильнаго и чугуннаго производства богородск. сел. Глинки	1861	1.000,000	810	1	50	—	—	—	—	900,000
Въ С.-Петербургѣ.										
4. Комп. Невской бумагопрядильни	1859	300,000	2,000	4	550	160,764	—	160,000	—	4.000,000
5. Тов. Охтенской бумагопр. фабрики	1847	?	867	6	320	66,000	—	70,000	—	1.570,000
6. Ком. Россійской бумагопр.	1835	1.000,000	975	—	—	—	—	—	—	1.280,000
7. Комп. Васильеостровской б.	—	—	198	2	50	20,500	—	18,000	—	400,000
Бумагопрядильныя и ткацкія:										
8. Товарищество Собинской мануф. Влад губ.	1858	1.000,000	1,700	3	180	46,000	480	90,000	168,000	2.650,000
9. Комп. Богородско-глуховской мануфактуры . . .	1855	750,000	3,000	9	247	34,000	675	60,000	кусковъ 180,000	3.150,000
10. Т новой бум. пряд. ман.	1844	1.000,000	1,150	—	—	56,000	1,200	50,000	—	1.200,000
11. Спаской	1859	1.200,000	1,100	—	250	42,000	900	35,000	—	700,000

Digitized by Google

Названія компаній.	Годъ основанія компаніи.	Основной капиталъ.	Число рабочихъ.	Число паров. машинъ.	Число паровыхъ силъ.	Число веретенъ.	Число механ. станковъ.	Количес. выдѣланной пряжи пуд.	Количес. выработанныхъ тканей.	Цѣнностью изводства.
12. Тов. рождественской мануфактуры Тверск. . . .	—	—	3,250	—	—	—	—	—	—	3.593,000
13. Товар. Тверской мануфактуры	—	—	2,100	33	870	28,424	1,005	50,000	222,000 куск.	—
14. Товар. Кренгольмской м. (Эстл.)	1857	3 000,000	4,200	—	3,480	163,424	1,500	набивается 250 т. куск. 185,000	18.710,000 арш.	2,296,000 4.355,000
15. Тов. Яросл. большой ман.	1858	1.000,000	1,700	2	160	61,172	248	110,000	70,000 куск.	2.550,000
16. Тов. Воскресенской ман. Московской губ.	—	—	2,000	2	180	37,000	560	55,000	160,000 куск.	1.900,000
17. Форсасская акц. фабр. компанія финл.	1848	—	1,212	5	170	—	500	англ. 860,360 ф.	61,960 куск.	837,000
18. Вазаская мануф. фабр. акц. комп.	1857	—	350	2	—	—	—	—	—	300,000
19. Кюрескосская акц. комп.	—	—	26	—	—	—	—	—	—	6,000
Бумаготкацкія.										
20. Тов. Самсоніевской мануф.	1859	150,000	1,088	5	320	—	1,200	—	220,000	1.252,000
21. Товар. тюлевой фабрики С.-Петерб.	1837	200,000	252	3	42	900	—	—	—	266,300
Ситцевыя.										
22. Тов. Царевской ситцевой ман.	1836	525,000	663	2	70	—	—	—	—	596,000
23. Тов. Шлиссельбургкой ситцевой мануф.	1865	1.000,000	350	1	200	—	—	—	356,000	700,000
Итого 23 компаніи	—	13.775,000 *)	31,961	85	7,399	781,522	8088	1.053,000	—	37.500,000

*) Капиталъ 15-ти компаній.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, 23 акціонерныхъ компаніи, съ основны капиталомъ, по всей вѣроятности, отъ 15 до 20 мил. руб. (о 15- извѣстно, что они имѣютъ основной капиталъ въ 13.775,000 р обладаютъ бумагопрядильными и бумаготкацкими фабриками, 32 тысячами рабочихъ, $7^1/_2$ тысячами паровыхъ силъ, поч 1 милліономъ веретенъ, 8 тысячами станковъ и суммой прои водства въ $37^1/_2$ мил., т.-е. болѣе одной трети всей цѣнос хлопчатобумажнаго производства.

Обращаясь къ единичнымъ фабрикантамъ, мы увидимъ, ч и между ними есть весьма крупные капиталисты. Вотъ главн фирмы по хлопчатобумажному дѣлу, изъ которыхъ каждая пр изводитъ болѣе чѣмъ на 1 мил. рублей серебромъ: Савва М розовъ съ сыновьями, Хлудовы, Третьяковы, Лепешкинъ, Борисо скій, Каулинъ, Гарелины, Барановы, Каретниковъ. Самымъ знач тельнымъ производителемъ по хлопчатобумажному дѣлу считает торговый домъ подъ фирмою «Савва Морозовъ съ сыновьями Изъ брошюры, изданной имъ по поводу всероссійской выстав видно, что начало этому торговому дому положено еще въ пр шедшемъ столѣтіи крѣпостнымъ крестьяниномъ г. Рюмина, Савв Морозовымъ, который лишь въ 1820 году выкупился съ четыр своими сыновьями у владѣльца за 17,000 р. ассигнаціями.

Тремя фабриками Морозовыхъ потребляется ежегодно 13,9 куб. саж. дровъ, 1,250 к. саж. торфа, 8,660 четв. древеснаго уг и 6,150 пуд. каменнаго угля. Въ 1869 году на трехъ фабр кахъ было служащихъ и постоянныхъ рабочихъ 6,525 человѣ и сверхъ того работало для нея на сторонѣ, по заготовлен пряжи и ткачеству, 25,800, по заготовленію дровъ для фабри и торфяному дѣлу до 3,000 чел. Всѣмъ этимъ 35,825 человѣка платилось до 2 мил. руб. въ видѣ задѣльной и мѣсячной пла

Въ теченіе 1869 г. употреблено для пряденія хлопка р личныхъ сортовъ 180,375 пудовъ и изъ него выпрядалось 165,4 пуд. пряжи. Изъ выпряденной пряжи 43,320 пудовъ на сум 866,400 р. поступило въ продажу, а изъ остальнаго количест выработано на всѣхъ фабрикахъ и на сторонѣ суроваго и цв ного товара 24,592,000 аршинъ, цѣною отъ 11 до 42 коп. аршинъ, на сумму 5,048,400 р., такъ что все производство пря и товара составляло сумму 5.914,800 р. или почти шесть милл новъ рублей.

При такомъ развитіи хлопчато-бумажныхъ предпріятій, я нятно, что Россія занимаетъ весьма видное мѣсто въ ряду д гихъ промышленныхъ государствъ, въ чемъ убѣждаетъ и сра неніе главныхъ данныхъ о положеніи хлопчатобумажной пром шленности во всѣхъ этихъ странахъ:

Digitized by Google

Названіе странъ.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Число веретенъ.	Число станковъ: ручныхъ.	Число станковъ: механическ.	Количество потребляемаго хлопка-сырца въ пудахъ.	Цѣнность производства руб. сер.
Великобританія . .	2,887	401,064	32.000,000	—	379,329	30.000,000	400.000,000
Франція		400,000	6.750,000	200,000	80,000	7,500,000	250.000,000
Соединенные Штаты Сѣверной Америки	915	120,000	6.196,000	—	130,000	6,500,000	180.000,000
Германія	1,460	109,882	2.302,500	153,500	23,500	3.600,000	
Швейцарія . . .			2.000,000			2.000,000	
Россія	2,100	235,000	1.750,000		15,000	3.500,000	100.000,000
Австрія	150	350,000	1.600,000	200,000	15,000	2.500,000	56.000,000
Бельгія.	45	30,000	650,000	—	—	800,000	23.000,000
Голландія. . . .	42		130,000	—	—	—	6.100,000
Испанія	456	58,000	1.018,000	—	33,000	—	
Италія.	200	10,000	450,000	—	86,000	—	20.000,000
Швеція	20	3,000	—	—	—	2.000,000	4.782,000

Digitized by Google

Но если, по размѣрамъ своего производства, русская хлопча то-бумажная промышленность немного отстала отъ другихъ ино странныхъ промышленностей, и если первоклассныя русскія фа брики немногимъ уступаютъ по своему устройству лучшимъ ино страннымъ фабрикамъ, то большая часть второстепенныхъ зав деній, работающихъ при посредствѣ непостоянныхъ деревенских ткачей, хотя и удовлетворяютъ своими дешевыми товарами не затѣйливымъ требованіямъ большинства потребителей, но оста ляютъ еще многого желать, какъ относительно разнообрази такъ и самой выработки и особенно наружной отдѣлки ткане

Хлопковый кризисъ или, какъ его иногда называютъ въ Ан гліи и во Франціи, хлопковый голодъ (la famine du coton) вы звалъ къ жизни усиленную обработку разныхъ суррогатовъ хлопк между которыми наибольшаго вниманія заслуживаетъ юта и джутъ [1]) (jute, indian grass), матеріалъ доставляемый лубовы волокнами разныхъ растущихъ въ Остъ-Индіи видовъ Corchor изъ семейства липовыхъ. Прядильное волокно получается из этого растенія, подобно льну и пенькѣ, съ помощью мочк сушки и трепанья; волокно это довольно шелковисто и столько тонко, что даетъ пряжу до № 20; прежде оно шло и ключительно на выдѣлку только грубыхъ тканей, какъ-то пол виковъ, матрацовъ, мѣшковъ и т. п.; но теперь въ смѣси шерстью и хлопчатою бумагою употребляется на основу д брючныхъ матерій, на ламповыя свѣтильни, снурки и пр. В 1861 г. въ Англіи было уже 36 фабрикъ съ 33 т. веретенъ 554 механическими станками, на которыхъ обработывалось 45,000 тоннъ юты, а въ 1868 году 1,760 человѣкъ было з нято этимъ производствомъ. Въ 5 лѣтъ, съ 1861 г. по 1865 ввезено въ Англію болѣе 5 мил. п. юты, а въ одномъ 1867 3 мил. въ Англію и 600 т. п. во Францію. У насъ юта так начинаетъ входить въ употребленіе на половики и обработ вается на фабрикѣ г. Лебедева въ С.-Петербургѣ.

Едва хлопчато-бумажная промышленность пережила тяжел кризисъ отъ временнаго уменьшенія на всемірномъ рынкѣ з паса сырого матеріала, какъ наступилъ новый кризисъ ино рода для *шерстяной промышленности* [2]) отъ чрезмѣрнаго пер

[1]) Нѣсколько словъ о хлопчато-бумажной промышленности въ послѣднее вр г. Андреева въ Обзорѣ различ. отр. ман., пром. т. II.—Catalogue of the British secti 1867.

[2]) Матеріалы для изученія нашей шерстяной промышленности находятся въ I т Обзора разсмотр.. ман. пром. Россіи; въ Трудахъ тарифной коммиссіи, Запискѣ де тація московскаго съѣзда, въ статьѣ проф. Кочетова: «Современный кризисъ мери сового овцеводства и мѣры, которыя вызываетъ онъ въ важнѣйшихъ странахъ Европ

Digitized by Google

колонія рынка сырымъ матеріаломъ; Россія, сама снабжавшая до сихъ поръ этимъ матеріаломъ не только Европу, но и Америку, уже начинаетъ испытывать на себѣ дѣйствіе этого кризиса. По размѣрамъ своего овцеводства — 44 милліона головъ, Россія оставляетъ за собою всѣ прочія страны Европы, потому что въ Великобританіи считается 34 милліона головъ, во Франціи 30 милліоновъ, въ Пруссіи $22^1/_2$ милліона, въ Испаніи $17^1/_2$ м., въ Австріи $16^1/_2$ м., въ Италіи 11 м., въ остальной Европѣ 13 милліоновъ. Изъ 7 милліоновъ пудовъ добываемой нашими овцеводами шерсти, отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ милл. пудовъ и въ томъ числѣ отъ 300 до 400 т. пудовъ мериносовой, шли обыкновенно за-границу, а остальное количество перерабатывалось дома частію на фабрикахъ, частію на крестьянскихъ станахъ. Но съ быстрымъ развитіемъ овцеводства въ Австраліи, въ Капской землѣ и въ Южной Америкѣ, и съ наплывомъ шерстей изъ этихъ странъ на европейскіе рынки, не только вывозъ шерсти изъ Россіи уменьшился, но сократилось и самое овцеводство западной Европы. Производство колоніальныхъ шерстей съ 1859 года по 1866 годъ возрасло съ 80 милл. фунтовъ до 146 милл., а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и усиленіе вывоза въ Европу колоніальныхъ шерстей; съ 1864 по 1868 годъ оно составляло $18^0/_0$ ежегодно, и въ одной Англіи увеличилось съ 70 мил. англ. фунт. въ 1861 — 62 году, до 155 милл. въ 1868 году. Результатомъ этого было паденіе цѣнъ на шерсть, достигнувшее къ началу нынѣшняго года до $33^0/_0$ противъ цѣнъ 1860 года. Такое положеніе дѣла не могло не вызвать, конечно, громкихъ жалобъ со стороны овцеводовъ и требованія принять мѣры для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Самою естественною и дѣйствительною казалось имъ наложеніе высокой пошлины на ввозимую иностранную шерсть; но несмотря на сильную агитацію въ этомъ смыслѣ, не только въ Германіи и во Франціи, но даже и въ Англіи, ни одно правительство не рѣшилось на эту палліативную мѣру, хорошо понимая ту истину, что высокіе тарифы на предметы потребленія уменьшаютъ самое потребленіе и, слѣдовательно, вредятъ тому самому производству, которому имѣютъ цѣлію покровительствовать. Притомъ, ближайшее изученіе дѣла показываетъ, что широкіе размѣры, которые приняло овцеводство въ Австраліи и въ Америкѣ, представляютъ результатъ обилія естественныхъ пастбищъ и деше-

Журн. М. Г. И., 1870, № 6; въ изслѣдованіи г. Щепкина «Овцеводство въ Россіи»: С.-Петербургъ 1869 г.

Digitized by Google

визны содержанія тамъ овецъ, что, при такихъ условіяхъ, конкур
ренція для европейскихъ овцеводовъ съ колоніальными дѣлается
весьма трудною и почти невозможною. Лишь въ улучшеніи са
маго дѣла, и въ производствѣ разнохарактерныхъ сортовъ шер
сти, сообразно требованіямъ шерстяныхъ фабрикантовъ, может
находить европейское овцеводство средства для борьбы съ своим
колоніальными соперниками. Но и австралійское и южно-амери
канское овцеводство, съ приращеніемъ народонаселенія и с
успѣхами земледѣлія, должны будутъ сокращаться или удалятьс
въ глубь страны, что́ представитъ не малыя неудобства въ отно
шеніи сбыта шерсти; къ этому присоединяются и другія эконо
мическія и климатическія неудобства, какъ, напр., частыя за
сухи въ Австраліи, значительно сокращающія число овецъ. Во
это, вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ шерсти на всемірномъ рынк
умѣряетъ нѣсколько какъ это паденіе, такъ и вообще современ
ный кризисъ овцеводства.

Уменьшеніе вывоза русской шерсти за-границу до 800 и 70
т. пудовъ и увеличеніе привоза иностранной, въ особенност
австралійской шерсти, въ Россію, въ четырехлѣтіе 1865—186
гг. противъ 1861—1864 г. съ 14 т. пудовъ до 40 т. пудов
встревожило въ послѣдніе годы русскихъ овцеводовъ и побуди
ихъ усиленно ходатайствовать о запрещеніи или, по крайне
мѣрѣ, о наложеніи высокой пошлины на иностранную шерст
Для разъясненія этого вопроса была учреждена въ Одессѣ сп
ціальная коммиссія изъ агентовъ правительства и мѣстныхъ овц
водовъ и, сверхъ того, вопросъ этотъ подвергался обсуждені
въ средѣ московскаго общества сельскаго хозяйства и на съѣз
овцеводовъ, происходившемъ въ Харьковѣ во время выставки м
риносовъ въ іюлѣ нынѣшняго года. Несмотря на несомнѣнн
факты, убѣждающіе, что не одна конкурренція иностранной ше
сти, но въ то же время и развитіе земледѣлія, вслѣдствіе умн
женія народонаселенія, вытѣсняютъ овцеводство изъ новороссі
скаго края, что при возрастающихъ нынѣ цѣнахъ на земл
овцеводство не представляетъ уже тѣхъ выгодъ, какими польз
валось оно лѣтъ 20 и даже за 10 передъ симъ; несмотря
достовѣрность данныхъ о незначительности привоза иностранн
шерсти, сравнительно съ суммой общаго потребленія этого м
теріала; несмотря на заявленія самихъ фабрикантовъ, что а
стралійская шерсть имъ крайне необходима, ибо ни одна поро
туземныхъ овецъ не можетъ дать шерсти, которая бы ее зам
нила, большинство овцеводовъ нашихъ твердо стоитъ на свое
требованіи о возвышеніи пошлины на шерсть и ждутъ улучш

Digitized by Google

ія своихъ дѣлъ главнымъ образомъ отъ этой правительственной мѣры *).

Для улучшенія нашего овцеводства еще Петромъ Великимъ были выписаны изъ Силезіи овчары и отправлены молодые дворяне съ русскими овчарами для изученія искусства овцеводства въ Силезіи; но мѣры эти мало имѣли успѣха, при невѣжествѣ населенія и противодѣйствіи, которое оказывали сами мѣстныя власти мѣрамъ Петра, какъ, напр., въ Малороссіи, гдѣ гетманъ Скоропадскій, въ согласіи съ старшинами, доносилъ сенату о многочисленныхъ, будто бы, затрудненіяхъ, встрѣченныхъ въ улучшеніи овцеводства.

Введеніе тонкорунпаго мериносоваго овцеводства началось у насъ лишь съ начала нынѣшняго столѣтія, благодаря предпріимчивости нѣкоторыхъ иностранцевъ и нашихъ хозяевъ и щедрымъ содѣйствіямъ землею и деньгами со стороны правительства. Результатомъ этого было то, что мериносовыхъ овецъ считалось въ 1840 г. болѣе 2 милл., въ 1846 г. 7.763,000, въ 1856 г. 8.624,000, въ 1864 г. 11.673,000. Мериносовое овцеводство сосредоточивается преимущественно въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ и югозападныхъ, простое же въ 9-ти юго-восточныхъ губерніяхъ—Таврической, Екатеринославской, области Донского Войска, Воронежской, Астраханской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Оренбургской. Мериносовая шерсть малороссійская идетъ преимущественно на внутреннее потребленіе, поступая въ продажу на ярмаркахъ троицкой (въ Харьковѣ), петропавловской (въ Екатеринославѣ) и ильинской (въ Полтавѣ), въ видѣ перегона, т.-е. мытой на овцахъ; новороссійская же, въ видѣ мытой, отправляется за-границу, проходя чрезъ руки одесскихъ и отчасти азовскихъ домовъ, имѣющихъ свои моечныя и сортировальныя заведенія. Тѣмъ же путемъ идетъ и простая шерсть, предназначаемая за-границу и извѣстная тамъ преимущественно подъ именемъ донской.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, было шерстомойныхъ и сортировальныхъ заведеній въ 1866 г.—33, съ 4,900 рабочими и цѣнностью производства въ 2.900,000 р. Главные центры малороссійскихъ моекъ—Харьковъ и Бѣлгородъ; новороссійскія же мойки расположены преимущественно въ Херсонѣ и, кромѣ того, на Днѣпрѣ, на Бугѣ, въ Кишиневѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославлѣ и Ростовѣ-на-Дону. Сортировка шерсти произво-

*) Ниже мы помѣщаемъ спеціальную замѣтку о положительныхъ мѣрахъ къ подъему нашего овцеводства, написанную лицемъ, изучившимъ этотъ важный вопросъ на мѣстѣ. — *Ред.*

Digitized by Google

дится у насъ весьма небрежно, и потому за-границею нерѣдк русская шерсть въ рунахъ предпочитается мытой и сортирован ной. Одна изъ причинъ неудовлетворительной сортировки шер сти заключается въ недостаткѣ прямыхъ сношеній между фабри кантами и овцеводами, и въ томъ, что большая часть торговл шерстью находится въ рукахъ перекупщиковъ.

Фабрикація шерстяныхъ издѣлій, въ особенности же ткань простыхъ суконъ, выдѣлка войлоковъ и поярковъ, издревле про изводилась въ Россіи домашнимъ образомъ, но бо̀льшею часты сукна и шерстяныя матеріи доставлялись въ Россію иностран цами, такъ что основанная при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ, около 1650 года, Іоганомъ фонъ-Сведеномъ сукон ная фабрика, не могла даже выдержать соперничества съ ино странными сукнами.

Петръ Великій, по возвращеніи своемъ изъ-за-границы, в 1698 г., принялъ самыя энергическія мѣры для основанія су конныхъ фабрикъ въ Россіи, преимущественно для обмундиро ванія войска. Основаніе образцовыхъ казенныхъ фабрикъ, от дача ихъ частнымъ лицамъ и компаніямъ, раздача земель, при писка крестьянъ, выдача ссудъ, — таковы были обычныя мѣр привлеченія къ этой отрасли промышленности. Въ 1712 г. по велѣно было уже подряжать для войска преимущественно рус скія сукна. Съ 1719 по 1770 г. основано было въ Россіи 3 суконныхъ фабрикъ; въ 1773 г. въ одной Московской губерні было 20 фабрикъ съ 567 станами и цѣнностью производств въ 579,000 р. Но несмотря на то, суконная промышленност развивалась медленнѣе, нежели потребности арміи, для удовле творенія которой около 1790 года требовалось 1.350,000 арш а въ 1808 г. уже $2^1/_2$ милл. арш., такъ что правительств должно было то запрещеніемъ продажи солдатскихъ суконъ въ по стороннія руки и обязательствомъ ставить ихъ только въ казну то прямыми ссудами, достигавшими въ 1809 г. до 2 милл. руб ассигн., и другими поощрительными мѣрами, для развитія фаб рикаціи, обезпечивать свои потребности, и то не вполнѣ, иб значительная часть солдатскихъ суконъ выписывалась изъ Англіи Въ 1822 г., при требованіи поставки въ казну 4 милл. аршин сукна, въ первый разъ вызовы фабрикантовъ превысили заяв ленную казною потребность. Объ успѣхахъ суконной фабрика ціи въ это время лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

Digitized by Google

	Тонкихъ суконъ.	Солдатскихъ суконъ и проч. сортовъ.
	аршинъ.	
Въ 1820 г. выдѣлано	260,000	3.700,000
» 1825 » »	900,000	5.500,000
» 1828 » »	4.000,000	5.000,000

Вслѣдствіе революціоннаго движенія въ царствѣ Польскомъ, содержатели многихъ суконныхъ фабрикъ съ своими мастерами переселились въ имперію, особенно же въ Лифляндію, и шерстяная промышленность получила еще большее развитіе, такъ что привозъ иностранныхъ и польскихъ суконъ въ Россію значительно уменьшился. Въ двадцатипятилѣтіе 1826—1850 годовъ, это уменьшеніе было съ 3.030,000 р. до 838,000 р. или въ пропорціи 100 къ 28. Такіе успѣхи суконнаго дѣла дали правительству возможность допустить всѣхъ суконныхъ фабрикантовъ, безъ различія, къ участію по ихъ желанію въ поставкѣ суконъ для арміи и флота, и всѣ эти подряды, достигавшіе обыкновенно 8 мил. арш., а въ 1856 г. составившіе даже 13 мил. аршинъ, были выполнены исправно. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1866 года, суконныхъ фабрикъ во всей имперіи считалось 699, съ 77,548 рабочими и цѣнностью производства около 36 мил. руб.; въ томъ числѣ заключалось 8 фабрикъ съ 129 рабочими и производствомъ на 50 т. р. въ Финляндіи, и 284 фабрики съ 3,785 рабочими и производствомъ около $3^1/_2$ мил. руб. сер. въ привислянскомъ краѣ.

На 400 собственно русскихъ фабрикахъ выдѣлывается среднимъ числомъ около 9 мил. аршинъ сукна низшаго качества или такъ-называемаго солдатскаго, по цѣнѣ около 90 к. за аршинъ, до 11 мил. аршинъ среднихъ суконъ цѣною до 2 руб. и около $^1/_2$ мил. арш. тонкихъ суконъ въ 4 руб.

Солдатскія сукна выработываются преимущественно въ приволжскихъ губерніяхъ, а также въ Московской и смежныхъ съ нею, изъ одной русской шерсти, болѣе или менѣе отборной, и обходятся дешевле, нежели гдѣ-либо за границею по причинѣ дешевизны первообразнаго матеріала. Но фабрикація эта отличается неподвижностью и отсутствіемъ усовершенствованій вслѣдствіе постоянства установленныхъ для армейскаго сукна образцовъ. Введеніе дешевыхъ фабричныхъ способовъ выдѣлки мундирнаго ворсованнаго сукна и сѣраго драпа, вмѣсто грубаго шинельнаго сукна, могло бы сдѣлать солдатское сукно пригоднымъ и для частнаго потребленія и сообщить, вслѣдствіе того, этой отрасли фабрикаціи бо́льшую самостоятельность.

Digitized by Google

Несравненно бо́льшаго успѣха достигла фабрикація суконъ средняго качества; такъ что русскія сукна отъ 1 р. 75 к. до 2 р. 50 к. за аршинъ не боятся даже соперничества иностранныхъ суконъ, отличаясь лучшею добротностью вслѣдствіе употребленія хорошей шерсти безъ всякихъ посторонних примѣсей.

Особенные успѣхи сдѣлала у насъ выдѣлка такъ-называемыхъ китайскихъ суконъ, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ статей размѣнной нашей торговли по кяхтинской пограничной линіи. Фабрикація этихъ суконъ началась въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда русскіе познакомились съ ними при транзитномъ провозѣ ихъ въ Азію. Товаръ этотъ нынѣ улучшился до того, что прежнее названіе высшаго сорта (масловскія сукна) почти исчезло, потому что низшій сортъ, извѣстный подъ названіемъ мезерицкихъ или мизиричскихъ, сравнялся качествами съ первыми. Производство этого товара простирается до $1^1/_2$ мил. аршинъ на сумму около 3 мил. рублей.

Значительною выдѣлкою дешевыхъ суконъ отъ 1 р. 50 до 2 р. 20 коп. отличаются малороссійскія фабрики, особенно же клинцовскія въ Черниговской губерніи.

Выдѣлка трико для брюкъ и пальто, особенно зимнихъ, начинаетъ также съ успѣхомъ преобладать у насъ, особенно въ Москвѣ, остзейскомъ и западномъ краѣ; но лѣтнее трико еще значительно уступаетъ иностранному.

Въ губерніяхъ Московской, Гродненской и Лифляндской, а также въ царствѣ Польскомъ значительное число фабрикъ снабжены всѣми новѣйшими усовершенствованіями, и нѣкоторыя изъ нихъ выдѣлываютъ тонкія сукна и трико въ 4 р. и выше.

Тканіе суконъ значительно усовершенствовалось у насъ какъ вслѣдствіе улучшенія ручныхъ станковъ, такъ и вслѣдствіе введенія самоткацкихъ орудій, которыхъ считается нынѣ уже болѣе тысячи въ суконныхъ и прочихъ шерстяныхъ фабрикахъ.

Кромѣ суконъ, производимыхъ фабричнымъ образомъ, крестьяне наши ткутъ у себя дома въ свободное зимнее время простое, такъ-называемое крестьянское сукно, или сермягу, для своей одежды, и цѣнность этого домашняго производства опредѣлялась еще Тенгоборскимъ въ $12^1/_2$ мил. р. сер.; теперь она, безъ сомнѣнія, увеличилась покрайней мѣрѣ до 15 мил. р., если не болѣе.

Къ числу валеныхъ шерстяныхъ издѣлій, составляющихъ предметъ домашней крестьянской промышленности принадлежитъ также валеная обувь и вообще дешевый поярковый товаръ. Одинъ Семеновскій уѣздъ Нижегородской губерніи выдѣлываетъ этого товару на сумму 60,000 р. сер. Кромѣ простыхъ байко-

Digitized by Google

ныхъ товаровъ, къ тяжелымъ шерстянымъ издѣліямъ, приготовленнымъ между прочимъ нѣкоторыми изъ суконныхъ фабрикъ, относятся шерстяныя одѣяла, бѣлыя и цвѣтныя. Издѣлія по этой части фабрики г. Миклашевскаго въ Черниговской губерніи не уступаютъ однороднымъ нѣмецкимъ издѣліямъ.

Ковровая фабрикація у насъ еще весьма ничтожна; она занимаетъ только 9 фабрикъ въ Россіи съ 625 рабочими и суммой производства въ 500 т. р.; и 2 небольшія фабрики въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ прежнее время ковры или изготовлялись почти исключительно въ помѣщичьихъ хозяйствахъ ручнымъ способомъ, посредствомъ дворовыхъ, или выписывались изъ-за границы, и были мало доступны даже среднему классу потребителей. Съ усиленіемъ требованія на ковры, стала развиваться фабричная ихъ выдѣлка, которая не мало обязана своими успѣхами бывшей казенной шпалерной мануфактурѣ и польскимъ фабрикантамъ Гейсмару, Перксу и другимъ. Лучшими изъ отечественныхъ фабрикантовъ считаются теперь Епанешниковъ и Фланденъ, которые производятъ: первый на 70 т. руб., а второй на 250 т. р. въ годъ. Ихъ булавчатые и бархатные ковры украшали собою и послѣднюю мануфактурную выставку. Фланденъ первый ввелъ у насъ машинное ткачество ковровъ.

Фабрикація безворсныхъ или гладкихъ шерстяныхъ матерій водворилась въ Европѣ лишь въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, со времени изобрѣтенія машиннаго пряденія нитокъ для гладкихъ тканей; у насъ же она получила болѣе значительное развитіе преимущественно въ послѣдніе 15 лѣтъ, хотя потребленіе иностранныхъ безворсныхъ матерій уже въ 1824—29 годахъ достигало 29 мил. рублей въ годъ. Недостатокъ производства туземной длинно-волокной шерсти, потому что наши овцеводы мало слѣдили за потребностями и измѣненіями шерстяной фабрикаціи, ограничиваясь разведеніемъ овецъ, доставляющихъ шерсть единственно для выработки аппаратной пряжи, употребляемой на суконныя издѣлія, затруднительность введенія механическаго чесанія шерсти гребнями и многосложность прядильныхъ аппаратовъ, заставляли нашихъ фабрикантовъ прибѣгать къ выпискѣ изъ-за границы гребенной пряжи. Количество привоза ея съ 3,150 пудовъ въ 1830 — 32 годахъ возросло до 13½ т. пуд. въ 1833—38; до 56 т. пуд. въ 1851—53, и до 90 т. пуд. въ 1859 — 61 г.; но затѣмъ сократилось до 67 т. пуд., потому что наши шерстопрядильни вырабатываютъ уже до 60 т. пуд. гребенной пряжи.

Въ настоящее время и овцеводы наши начинаютъ обращать вниманіе на разведеніе овецъ, которыя могли бы доставлять

Digitized by Google

шерсть подобную австралійской, т.-е. обладающую, при тонкости и крѣпости волоса, длиною достаточною для гребеннаго прядения. Затрудненія при выдѣлкѣ гребенной пряжи были у насъ побѣждены братьями Гучковыми, Ганешинымъ, Алексѣевымъ и другими. Въ настоящее время число шерстопрядиленъ, выдѣлывающихъ преимущественно гребенную или камвольную пряжу, въ количествѣ около 60,000 пуд. на сумму до 2 мил. р. считается собственно въ Россіи 30, съ 3,217 рабочихъ, и 15 въ царствѣ Польскомъ съ 337 рабочими и производствомъ около 750 тыс. руб.

Производствомъ гладкихъ безворсныхъ тканей, а также и полушерстяныхъ или смѣшанныхъ тканей занято у насъ въ Россіи 147 фабрикъ, и 22 т. рабочихъ. Цѣнность производства $12^1/_2$ м. р. сер. Въ Финляндіи же находится 6 фабрикъ съ 50 рабочими и суммой производства около 8 т. р., а въ царствѣ Польскомъ 564 фабрики, 3,200 рабочихъ и 2 мил. р. производства.

Производство гребнечесальныхъ тканей встрѣчаетъ ограниченіе главнымъ образомъ въ шаткости этой фабрикаціи, подлежащей преимущественно вліянію моды и въ опасномъ соперничествѣ привозныхъ иностранныхъ, въ особенности французскихъ тканей, отличающихся постоянно новостью манеровъ и затѣйливостью рисунковъ.

Выдѣлка шалей и платковъ изъ кашемирской и ангорской шерсти и козьяго пуха производилась у насъ большею частію домашнимъ рукодѣльнымъ способомъ и нынѣ почти оставлена съ прекращеніемъ обязательнаго труда; фабричное же производство шалевыхъ издѣлій, платковъ, шарфовъ, косынокъ изъ простой шерсти и разныхъ дешевыхъ волокнистыхъ матеріаловъ идетъ довольно успѣшно въ Московской губерніи.

Вообще можно сказать, что шерстяная промышленность въ Россіи сдѣлала значительные успѣхи, что она составляетъ одну изъ важныхъ отраслей промышленности, потому что занимаетъ около 1,500 фабрикъ, и до 100,000 рабочихъ и представляетъ цѣнность производства отъ 60 до 70 мил. руб. сер. Въ Англіи обработкою шерсти занято было въ 1861 г. 2,211 фабрикъ, и до 173,000 рабочихъ, а въ 1868 г. число послѣднихъ возросло до 230,000; веретенъ считалось въ 1861 г. 3.470,000, паровыхъ механическихъ станковъ 55 т., количество переработаннаго сырого матеріала, по разсчетамъ г. Беренса, простиралась до 384 мил. англ. фунтовъ, цѣнностью въ 67 милл. фунтовъ Въ Германіи считалось въ 1861 г. 3,755 фабрикъ, съ 103 т. рабочихъ, 1.371,700 веретенами и 86,816 станками.

Въ шерстяной промышленности дѣйствуетъ немного акціо-

Digitized by Google

первыхъ компаній, 4 собственно въ Россіи и 4 въ Финляндіи, съ довольно ограниченнымъ производствомъ около 100 т. руб. каждая, а нѣкоторыя и гораздо менѣе. Наиболѣе значительная велленштейнская акціонерная компанія въ Пернавскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, производившая суконъ на сумму до $^1/_2$ милліона руб., ликвидируетъ свои дѣла въ настоящее время.

Къ числу болѣе крупныхъ производителей по части суконной фабрикаціи относятся Носовы (1,800 т.), Матвѣева, Верманъ, баронъ Штиглицъ, Ганешинъ, Четвериковъ, Моесъ, баронъ Зикертъ, Іокишъ; по части пряденія гребенной пряжи и выдѣлки безворсныхъ матерій, Ганешины, Бутаковъ, Гучковы, Солодовниковъ, Арманъ, Торнтонъ, Шепелеръ.

Въ недавнее время, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и Бельгіи стала распространяться выдѣлка искусственной шерсти изъ шерстяныхъ лоскутьевъ. Матеріалъ этотъ, извѣстный подъ названіями: shoddy, mungo, Kunstwolle, laine-renaissance, употребляется для выдѣлки шерстяныхъ валеныхъ издѣлій и продается отъ 6 до 10 р., и даже до 20 р. за высшіе сорта, получаемые изъ старыхъ кашемировыхъ шалей. Въ Англіи, въ 1865 году, употреблено было на фабрикацію 52 мил. англ. фунтовъ тузмной искусственной шерсти и ввезено 22 мил. фун. иностранной. Въ Россіи первая и до сихъ поръ почти единственная значительная попытка къ обработкѣ искусственной шерсти сдѣлана въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи г. Пельтцеромъ, который производитъ до 5 т. пудовъ такой шерсти, на сумму 50 т. р. Нѣкоторые варшавскіе фабриканты также приготовляютъ искусственную шерсть, судя по тому, что образцы ея, цѣною отъ 10 р. 50 к. до 20 р. 50 к., были представлены на парижскую всемірную выставку, и затѣмъ ходатайствовали при пересмотрѣ тарифа въ 1867 г. о наложеніи болѣе высокой пошлины на искусственную шерсть, въ видахъ бо́льшаго распространенія этой фабрикаціи. На съѣздѣ же овцеводовъ нынѣшняго года, въ Харьковѣ, опредѣлено было ходатайствовать о совершенномъ запрещеніи ввоза искусственной шерсти, какъ вредной и для производителей, и для потребителей. Тѣмъ не менѣе, по отзыву фабрикантовъ, они начинаютъ уже примѣшивать искусственную шерсть въ валеныя ткани, а также употреблять ее на изнанку для толстаго брючнаго трико. Ввозъ искусственной шерсти къ намъ составлялъ, въ 1869 году, около 9 т. пудовъ.

Несмотря на усиленныя заботы русскаго правительства со временъ еще царя Алексѣя Михайловича, и особенно съ Петра Великаго, о водвореніи *шелководства* въ Южной Россіи, путемъ разведенія казенныхъ тутовыхъ плантацій и основанія шелко-

Digitized by Google

выхъ заводовъ, принужденіемъ поселянъ къ насажденію тутовыхъ деревьевъ, отводомъ земель частнымъ лицамъ для шелководства и предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготъ производителямъ шелка, шелководство и до сихъ поръ не сдѣлало значительныхъ успѣховъ въ европейской Россіи. Правительство еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдилось въ безуспѣшности казенныхъ шелковичныхъ заводовъ, ибо они, по выраженію указа 22 февраля 1800 года, стоили казнѣ значительныхъ суммъ и не приносили никакой выгоды, и предоставило дальнѣйшее развитіе этого дѣла частной иниціативѣ. Усиліями нѣкоторыхъ любителей шелководства и въ особенности комитета шелководства при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, болѣе или менѣе удачныя попытки къ водворенію этой отрасли производства въ малыхъ размѣрахъ сдѣланы во многихъ мѣстностяхъ, въ губерніяхъ: Херсонской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Воронежской и въ области Бессарабской; въ молочанскихъ, менонитскихъ и другихъ колоніяхъ Екатеринославской и Таврической губерній, шелководство получило нѣкоторое значеніе по отличному качеству добываемаго ими шелкосырца, который въ торговлѣ цѣнится весьма высоко. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ комитету шелководства за 1869 г. [1]) извѣстнымъ хозяиномъ колонистомъ Вибе, въ хортицкихъ и молочанскихъ колоніяхъ занимались шелководствомъ 1,189 семействъ; ими добыто 110 пуд. шелка, продававшагося на мѣстѣ по 8 р. 50 к. за фунтъ, вся же производительность южной Россіи въ шелкѣ опредѣляется лишь въ 500 пудовъ.

Но если шелководство, несмотря на благопріятныя климатическія условія и на всѣ мѣры правительства и частныхъ экономическихъ обществъ, слабо развивается до сихъ поръ въ Южной Россіи, вслѣдствіе соперничества другихъ простѣйшихъ и привычныхъ промысловъ, за то оно прочно водворилось и сдѣлалось кореннымъ промысломъ кавказскаго населенія, въ особенности въ Нухинскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи. Все производство шелка-сырца, въ этомъ краѣ, въ половинѣ 60-хъ годовъ, достигало до 60,000 пудовъ въ годъ, изъ коихъ около 30 т. пуд., отправлялось за границу, около 20 т. шло на московскія шелковыя фабрики, а остальное количество употреблялось на мѣстѣ. Вывозъ кавказскихъ шелковъ въ Европу усилился со времени появленія въ Европѣ губительной болѣзни на шелковичномъ червѣ, извѣстной подъ именемъ пебрины или гаттины. Еще въ 1859 г. весь вывозъ шелка-сырца съ Кавказа не многимъ превышалъ 8 т. пуд.,

[1]) Отчетъ комитета шелководства за 1869 г. М. 1870.

Digitized by Google

но къ 1860 году онъ достигалъ уже 17 т. пуд., а въ 1862 — 66 годахъ составлялъ среднимъ числомъ 29½ т. пудовъ. Не зная еще истинныхъ причинъ таинственной болѣзни, туго поддававшейся изслѣдованіямъ ученыхъ, шелководы Италіи и Франціи старались въ тоже время выписывать шелковичныя сѣмена, сперва съ ближайшаго къ Европѣ прибрежья Средиземнаго моря, въ Малой Азіи, Леванта, Египта, а когда и тамъ обнаружилась эта болѣзнь, обратились къ нашему Закавказью, откуда съ 1860—1865 г., кромѣ шелка-сырца вывезено и значительное количество гренъ. Но въ 1866 г., пебрина появилась и на Кавказѣ, и тогда европейскіе гренеры обратились къ отдаленному Востоку сперва въ Бенгалію и Китай, а затѣмъ въ Японію, которая одна до сихъ поръ доставляетъ здоровыя шелковичныя сѣмяна.

Болѣзнь завезена была на Кавказъ итальянцами, и распространилась до того, что почти всѣ закавказскія породы заразились ею, а одна, акулисская, отличная по качеству шелка, совершенно истребилась. Вслѣдствіе этого шелководство такъ упало за Кавказомъ, что вывозъ его за границу съ 30 т. пуд. упалъ въ 1867 г., до 5 т., а въ 1868 г. достигалъ 16 т. пуд. Отправка шемахинскаго шелка въ Москву, составлявшая обыкновенно до 30,000 кипъ, уменьшилась до 4 т., а городъ Шемаха, богатый, славившійся изстари своимъ шелководствомъ, обѣднѣлъ и опустѣлъ.

Присоединеніе къ Россіи Туркестанскаго края открыло для Европы новую область шелководства, свободную еще отъ болѣзни, и привлекло тѣмъ болѣе сильную спекуляцію на вывозъ оттуда яичекъ и коконовъ, что и прежде, при всѣхъ опасностяхъ путешествія по средне-азіатскимъ странамъ, являлись достаточно смѣлые предприниматели, рисковавшіе не только свободой, но и жизнью для достиженія своихъ коммерческихъ цѣлей, въ видахъ обезпеченія своего отечества здоровыми яичками шелковичныхъ червей.

Усиленная эксплуатація, предметомъ которой сдѣлалось шелководство этого края, въ послѣднее время, особенно со стороны иностранцевъ, обратило на себя вниманіе и правительства и частныхъ экономическихъ обществъ. Еще не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, вопросъ о развитіи шелководства туркестанскаго края и спеціально о томъ, что полезнѣе — производство шелка, или же производство яичекъ, съ выгодою сбываемыхъ — обсуждался въ московскомъ комитетѣ шелководства, причемъ спеціалистами, ознакомившимися съ состояніемъ туркестанскаго шелководства, высказано было, что оно можетъ быть развито не усиленіемъ его

Digitized by Google

въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно уже существуетъ, но введеніемъ е тамъ, гдѣ его нѣтъ, или гдѣ оно имѣетъ ничтожные размѣр что усиленіе вывоза яичекъ шелковичнаго червя въ Европу пре ставляетъ всѣ данныя для увеличенія шансовъ распространен болѣзни, такъ какъ при этомъ нужно ожидать усиленной в кормки червей, вслѣдствіе чего нынѣ существующія отношен къ пространству помѣщеній, тщательности ухода и т. п. долж быть нарушены. Хотя многіе и заявляли при этомъ, что с вершенное запрещеніе вывоза яичекъ можетъ предотвратить ра витіе болѣзни, отъ слишкомъ усиленной выкормки червей племя, но не отрицали также и того, что запрещеніемъ выво яичекъ отнимается у мѣстной промышленности выгодный сбыт потому что производство яичекъ, какъ дѣло требующее мен затраты и сподручное для каждаго туземца, выгоднѣе и полезн для края. Тѣмъ неменѣе, комитетъ пришелъ къ заключенію необходимости совершеннаго запрещенія вывоза и транзита шелк вичныхъ яичекъ изъ туркестанскаго края и о возможности св боднаго вывоза коконовъ.

Правильное развитіе шелковой промышленности [1]) начало во всѣхъ странахъ собственно съ тѣхъ поръ, когда размот коконовъ перешла изъ рукъ хозяевъ-шелководовъ въ руки ф брикантовъ шелко-размотчиковъ, скупающихъ коконы въ бол шихъ количествахъ у производителей и подвергающихъ ихъ ра моткѣ на усовершенствованныхъ шелко-размотныхъ машинах чрезъ искусныхъ и опытныхъ размотчиковъ и размотчиц Соединеніе же шелко-моталенъ съ обширными тутовыми пла таціями и большими черво-водняхъ, ведетъ лишь къ ра пространенію пебрины. Италія и Франція только введенію п добнаго раздѣленія труда обязаны совершенствомъ своихъ гр жей т.-е. шелка-сырца.

Кавказское шелководство улучшилось также со времени распр страненія тамъ шелко-мотальныхъ заведеній. Въ 1866 году числ лось въ Россіи подобныхъ заведеній 137, болѣе чѣмъ съ 1,5(рабочихъ и производствомъ около 700 т. р. за исключеніемъ ч тырехъ въ Подольскомъ уѣздѣ и одного въ Эриванской губерніи, в остальныя заведенія находились въ Бакинской и Тифлиской. З мѣчательнѣйшее заведеніе въ этомъ родѣ устроено было въ 186 г. въ Нухѣ, гг. Алексѣевымъ и братьями Ворониными. Занимя

---

[1]) Самые полезныя и современныя свѣдѣнія о состояніи шелковой промышле ности какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, и о переживаемомъ ею кризисѣ, соединен въ отчетѣ А. И. Бутовскаго о шелкахъ и шелковыхъ тканяхъ, напечатанномъ въ выпускѣ обзора парижской всем. выставки 1867 г. С.-П-бургъ, 1869.

Digitized by Google

до 750 человѣкъ рабочихъ, они отправили, въ 1866 году, 27 т. килогр. пряжи, 33 т. килогр. охлопьевъ, и съ 1863—67 г. выслали до 30,000 пуд. коконовъ замореннихъ на солнцѣ.

Въ туркестанскомъ краѣ также положено начало усовершенствованной размоткѣ коконовъ, предпріимчивостью братьевъ Хлудовыхъ и г. Первушина, которые основали въ 1867 г. шелкомотальни въ Ташкентѣ и Ходжентѣ, и ввѣривъ ихъ искуснымъ мастерамъ, обучили уже до 500 мальчиковъ сартовъ улучшенной размоткѣ. Въ 1868 году, ими было прислано въ Москву, со своихъ шелко-моталенъ до 200 пудовъ шелка-сырца, столь отличной размотки, что онъ продавался отъ 450 до 500 р. за пудъ.

Шелко-тростильныхъ или шелко-прядильныхъ заведеній, т.-е. превращающихъ грежу въ трамъ (основу) и органсинъ (утокъ) у насъ считается только 6, всѣ въ Московской губерніи, съ 169 рабочими и цифрой производства въ 165 т. р. Столь незначительное число этихъ заведеній объясняется тѣмъ, что трощеніе или мулинированіе шелка производится частію на шелкоткацкихъ фабрикахъ, частію, и въ значительномъ количествѣ, въ видѣ кустарнаго производства, такъ-называемыми карасниками въ Богородскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ Московской губерніи.

Наши шелко-крутильныя заведенія ограничиваются преимущественно приготовленіемъ трама изъ кавказскихъ, а также бухарскихъ и персидскихъ шелковъ, и меньшаго сравнительно количества органсина. Для выдѣлки лучшихъ издѣлій выписываются обыкновенно итальянскіе органсины и трамы. Что касается шелковыхъ охлопьевъ, bourre de soie, т.-е. отброса получаемаго при размоткѣ коконовъ, то употребленіе этого матеріала на выдѣлку пряжи, для приготовленія вмѣстѣ съ шелкомъ, шерстью, козьимъ пухомъ и бумагою, на выдѣлку разнообразныхъ модныхъ матерій при уменьшенной добычѣ шелка и возвышеніи на него цѣнъ, возрастаетъ въ Европѣ съ каждымъ годомъ, и независимо отъ туземнаго, буръ-де-суа выписывается еще изъ другихъ странъ, особенно изъ Азіи. Во Францію привозятся 630 т. килогр., въ Швейцарію 500 т. килогр., въ Англію 197 т. пуд., въ Италію 200 т. килогр., въ Австрію 100 т. килогр. буръ-де-суа. Въ Россіи же кромѣ лодзинскихъ фабрикъ буръ-де-суа почти не идетъ въ дѣло.

Производство шелковыхъ тканей по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ находится у насъ въ слѣдующемъ положеніи:

Digitized by Google

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
Въ Московской губерніи	72	6,135	3.679,290
— С.-Петербургской. .	7	425	545,543
— Лифляндской . . .	1	35	35,000
— Орловской	1	3	3,200
— Варшавской . . .	3	100	94,200
— Бакинской	103	357	56,779
— Тифлисской . . .	9	неизвѣстно	2,246
	201	болѣе 7,045	4.416,258
Ленточныхъ фабрикъ въ Лифляндской и Московской губерніяхъ	7	207	142,299

Цифры эти не даютъ однако полнаго понятія о размѣрахъ всего нашего шелко-ткацкаго производства, что очевидно уже по разсчету цѣнности потребляемаго у насъ сырого матеріала. Шелка-сырца какъ туземнаго, такъ и привознаго, идетъ у насъ въ дѣло 26,000 пудовъ на сумму 2.600,000 р. и до 6,000 пуд. итальянскаго крученаго по 450 р. за пудъ на сумму 2.700,000 р., всего 5.300,000 р. Полагая, что обращеніе сырого матеріала въ ткани увеличиваетъ цѣнность его на 40%, можно считать, что сумма производства всего шелко-ткацкаго производства, какъ фабричнаго, такъ и кустарнаго, простирается до $7\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. сер.

Главный центръ нашей шелковой промышленности Москва съ ея уѣздомъ, а также Коломна и Богородскій уѣздъ. Здѣсь изготовляются преимущественно шелковыя ткани средней руки, съ уткомъ изъ кавказскаго шелка, и основой изъ итальянскаго, а нерѣдко также изъ кавказскаго. Таковы тафты, гроденапли и другія легкія матеріи черныя и цвѣтныя, гладкія, полосатыя, клѣтчатыя и фасонныя, также подкладочныя ткани, мебельныя матеріи, платки и косынки для средняго и простого класса потребителей. Атласы, муары и вообще роскошныя матеріи выдѣлываются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Шелковые бархаты составляютъ спеціальность пяти или шести фабрикъ, полубархаты же съ бумажнымъ уткомъ выдѣлываются въ кустарныхъ заведеніяхъ.

Въ Московской губерніи сосредоточивается, за исключеніемъ одного заведенія, находящагося въ Петербургѣ, фабрикація, на 27 фабрикахъ, парчей и тканей, въ которыхъ шелкъ смѣшивается съ золотомъ и серебромъ. Цифра ежегоднаго производства, безъ сомнѣнія, около 1 мил. руб. Сапожниковы, Колокольниковъ

Digitized by Google

и Ситовы считаются главными производителями и являются со своими издѣліями на всѣхъ почти какъ туземныхъ мануфактурныхъ, такъ и всемірныхъ выставкахъ. Петербургская фабрикація менѣе разнообразна, но за то производитъ ткани болѣе высокаго достоинства: файи, атласы, муары, пу-де-суа, также подкладочныя саржи и марселины.

На лодзинскихъ фабрикахъ, въ царствѣ Польскомъ производятся преимущественно полушелковыя матеріи, съ примѣсью бурь-де-суа и другихъ матеріаловъ. Шелко-ткацкія заведенія кавказскаго края имѣютъ болѣе ремесленный нежели фабричный характеръ, и изготовляютъ ткани извѣстныя подъ названіями джиджима, мовы, канауса, бурсы, термоламы.

Ленточное производство у насъ весьма ограниченно и занимаетъ не болѣе 300 человѣкъ на 6 фабрикахъ въ Московской и одной въ Лифляндской губерніи, достигая по цѣнности до 150,000 р. Наша шелковая фабрикація удачно конкуррируетъ съ иностранною въ среднихъ сортахъ узорчатыхъ, клѣтчатыхъ и полосатыхъ легкодобротныхъ тканей, также въ саржахъ и подкладочныхъ матеріяхъ, въ полушелковомъ атласѣ и экипажной брокатели, и даже въ мебельныхъ матеріяхъ, по дешевизнѣ ихъ въ сравненіи съ высокими сортами узорчатыхъ ліонскихъ и турецкихъ издѣлій, вслѣдствіе употребленія кавказскихъ шелковъ.

Привозъ къ намъ шелковыхъ товаровъ состоитъ преимущественно изъ непрозрачныхъ тканей и лентъ шелковыхъ и полушелковыхъ; по цѣнности своей онъ достигаетъ суммы $3^1/_2$ мил. руб. въ годъ или около половины туземнаго производства.

По размѣрамъ своей шелковой фабрикаціи Россія занимаетъ въ Европѣ шестое мѣсто, потому что изъ общей цѣнности европейскаго производства шелковыхъ тканей въ 325 мил. рублей, Франція производитъ на 160 мил. руб. сер., Англія на $62^1/_2$ мил., Германія на 35 мил. (въ томъ числѣ одна Пруссія на 25 мил.), Швейцарія на 25 мил., Австрія на 17 мил., Россія на $7^1/_2$ мил., Италія на $6^1/_4$ и прочія государства вмѣстѣ взятыя на $11^1/_4$ мил. рублей серебромъ.

Въ связи съ пятью разсмотрѣнными производствами, обрабатывающими волокнистыя вещества, мы разсмотримъ также и *писчебумажное производство* [1]), такъ какъ оно получаетъ свой матеріалъ преимущественно изъ стараго тряпья.

Первыя фабрики писчей бумаги основались въ Россіи еще

---

[1]) Весьма полныя свѣдѣнія о состояніи писчебумажнаго производства можно найти въ статьѣ г. Потѣхина въ т. III обзора разл. отр. мануф. пром. въ Россіи, и въ V выпускѣ обзора парижской всемірной выставки 1867 г. въ статьяхъ А. Шерера.

Digitized by Google

въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но издѣлія ихъ были такъ дурны, что для производства дѣлъ въ приказахъ выписывалась иностранная бумага чрезъ Архангельскъ. Въ 1671 г. было выписано 28,454 стопы.

Петръ Великій для развитія писчебумажнаго дѣла въ Россіи выписалъ нѣсколько мастеровъ и обучалъ тамъ нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, а затѣмъ далъ имъ средства къ основанію бумажныхъ фабрикъ; для противодѣйствія же чрезмѣрному возвышенію цѣнъ на бумагу этими немногими фабриками, основалъ близъ С.-Петербурга, казенную дудуровскую бумажную фабрику, приказавъ продавать ея издѣлія въ адмиралтействѣ и о томъ «публиковать указами съ барабаннымъ боемъ».

О дальнѣйшемъ развитіи бумажнаго дѣла въ Россіи можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Фабрикъ.	Рабочихъ.	Выдѣлано бумаги.	На сумму.
Въ 1764 г.	13	—	119,530 стопъ	—
— 1780 —	25	—	—	150,000
— 1804 —	64	6,957	504,326 стопъ и 71,000 листовъ	—
— 1814 —	74	—	466,000 стопъ и 167,000 листовъ	—
— 1850 —	158	—	1.500,000 стопъ	4.000,000
— 1862 —	165	12,280	2.665,911 стопъ и 60,370 пудовъ } политуры 79,915 листовъ } и папки.	5.682,173

Съ 1835 года началось у насъ введеніе машинной выдѣлки бумаги и въ настоящее время треть существующихъ фабрикъ, преимущественно въ обѣихъ столицахъ и въ губерніяхъ: калужской, владимірской, орловской, ярославской, тульской и прибалтійскихъ снабжены писче-бумажными машинами и вообще хорошими механическими аппаратами для подготовки и бѣлѣнія массы, а равно для сушенія бумаги. Вообще писче-бумажное дѣло принадлежитъ къ числу производствъ, сдѣлавшихъ у насъ наибольшіе успѣхи, особенно въ выдѣлкѣ ходячихъ сортовъ бумаги, какъ писчей, такъ и печатной; впрочемъ, двѣ трети фабрикъ остаются еще при ручныхъ способахъ, что отражается и на ихъ издѣліяхъ.

Всѣ наши фабрики, по разсчету московскаго отдѣленія мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ, потребляютъ около $2^1/_2$ мил. пудовъ тряпья, но сверхъ того, отъ 150 до 300 тыс. пудовъ его вывозится еще за границу. Къ сожалѣнію, тряпье наше отличается дурными качествами, вслѣдствіе дурной сорти-

Digitized by Google

роки, такъ что фабриканты вынуждены сами еще пересортировывать его, и затѣмъ негодную для себя часть тряпья продать. Изъ суррогатовъ тряпья, входящихъ въ употребленіе въ западной Европѣ, какъ-то соломы ржаной, кукурузной и дерева, перераб отываемаго съ помощью изобрѣтенной г. Фельтеромъ машины, только примѣсь древесной муки къ бумажной массѣ начинаетъ входить отчасти въ употребленіе, судя по тому, что машина г. Фельтера, бывшая въ дѣйствіи въ австрійскомъ отдѣлѣ парижской выставки, выписана и у насъ двумя фабрикантами, въ Москвѣ и въ Волынской губерніи.

Семь акціонерныхъ компаній съ капиталомъ болѣе $2^1/_2$ мил. рублей и ежегоднымъ производствомъ каждой отъ 200 до 800 т. руб. въ годъ, основались въ 1856—1859 годахъ для писчебумажнаго дѣла и ведутъ его съ полнымъ успѣхомъ. Самыя крупныя между ними и вообще лучшія фабрики принадлежатъ компаніи троицко-кондровской въ Калужской губерніи, производящей на 800 т. руб., и братьямъ Варгунинымъ въ С.-Петербургѣ, съ производствомъ около 500 т. р.

Обширнымъ производствомъ, отъ 80 до 120 т. листовъ разнаго рода бумаги, преимущественно для правительственныхъ потребностей, какъ-то гербовой, бумаги для акцій и процентныхъ бумагъ, отличается также и казенная фабрика Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, которая основана была въ 1818 году взамѣнъ царскосельской казенной фабрики, учрежденной съ подобною же цѣлью Екатериной II. Фабрика Экспедиціи имѣетъ 17 паровыхъ машинъ въ 470 лош. силъ, 382 исполнительныхъ механизмовъ и аппаратовъ и 1,912 рабочихъ. О печальной судьбѣ казенной же петергофской бумажной мануфактуры, существовавшей съ 1817—1849 г., мы уже говорили въ прошедшей статьѣ.

Выдѣлка игральныхъ картъ до 1819 года производилась у насъ частными фабриками и отдавадась на откупъ, въ пользу императорскаго воспитательнаго дома; въ этомъ же году учреждена была, по мысли государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ селѣ Александровскомъ, близъ С.-Петербурга, на счетъ суммъ воспитательнаго дома карточная фабрика, которая понынѣ составляетъ его собственность и на основаніи высочайшаго повелѣнія 27 мая 1819 года [1]) имѣетъ монополію снабженія всей Россіи игральными картами. Нынѣ на этой фабрикѣ работаютъ

---

[1]) П. С. З. т. XXXV, № 27,815. Высочайше утвержденная 27 мая 1819 г. записка государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, о карточномъ сборѣ и изготовленіи онымъ, съ приложеніемъ особаго о семъ положенія.

Digitized by Google

365 человѣкъ и выдѣлывается въ годъ до 320 тысячъ дюжинъ картъ на сумму 1.270,000 руб.

Фабрикація бумажныхъ обоевъ развилась у насъ сравнительно весьма недавно, не далѣе какъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а въ настоящее время съ успѣхомъ конкуррируетъ даже съ иностранными издѣліями, судя потому, что, напримѣръ, обойная фабрика Камюзе и К°, по собственному ея заявленію [1]), при пошлинѣ въ 10 р. съ пуда на иностранные обои, производила по 100 т. кусковъ, послѣ же сбавки пошлинъ въ 1857 г. до 5 р. 50 к., въ теченіи 10 лѣтъ, 1857—1866, производила ежегодно отъ 180 до 481 т., а среднимъ числомъ около 230 т.; судя же по свѣдѣніямъ доставленнымъ фабрикою по поводу послѣдней выставки, производство ея достигаетъ до 900 т. кусковъ въ годъ на сумму до 200 т. р., при чемъ выдѣлываются не только обои дешевые отъ 12 до 60 к., но и дорогіе до 9 р. Всѣхъ обойныхъ фабрикъ считается нынѣ 26, въ томъ числѣ по 3 въ Финляндіи и въ царствѣ Польскомъ, всего по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ на 612,000 р.; но очевидно, что эта цифра далеко ниже дѣйствительности, потому что изъ 7 фабрикантовъ обоевъ, представившихъ свои издѣлія на послѣднюю выставку, пять оцѣнили свое производство въ 535 т. р.

Приготовленіе кровельнаго толя сосредоточивается на трехъ фабрикахъ: Новгородской, Тверской и Лифляндской, и въ 1862 г. произведено было ими 68,330 кв. саж. толя.

Сюда же принадлежитъ и фабрикація издѣлій изъ лакированной бумажной массы, въ видѣ бюваровъ, альбомовъ, ящиковъ, папиросницъ, табакерокъ, спичечницъ, портмонне и т. п., производимая съ начала нынѣшняго столѣтія въ Московской губерніи Лукутинымъ (съ 1817 г.) и Вишняковыми (съ 1825 г.). Ею занято въ двухъ заведеніяхъ болѣе 70 человѣкъ и производство достигаетъ 37 т. р. въ годъ. При заведеніи Лукутина есть рисовальная школа и этимъ, конечно, можно объяснить изящество рисунковъ на лукутинскихъ издѣліяхъ, которыя весьма цѣнятся за-границею, и всегда обращали на себя особенное вниманіе на всемірныхъ выставкахъ. На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ можно полагать, что общая цѣнность всей нашей бумажной промышленности простирается отъ 10 до 11 мил. руб. сер.

Заканчивая этимъ обзоръ производствъ, отнесенныхъ нами къ первой группѣ, можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ о размѣрахъ этихъ производствъ.

---

[1]) Труды Выс. утв. комиссіи для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 г., стр. 680.

Digitized by Google

Промышленности.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ на фабрикахъ.	Цѣнность производства фабричнаго. мил. руб.	Цѣнность производства домашняго. сер.
Льняная	117	28.000	13	55
Пеньковая	140	4.500	4	1
Хлопчатобумажная	862	122.000	100	—
Шерстяная	1.500	100 000	56	15
Шелковая	300	7.500	5	2½
Бумажная	187	10,561	11	—
Всего	3.136	272.561	188	73½

IV.

Металлическая промышленность, и въ особенности желѣзная, во всѣхъ странахъ, считается двигательницею прочихъ отраслей промышленности, и по количеству потребленія желѣза судятъ обыкновенно о степени ея развитія вообще. Къ сожалѣнію, Россія въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ другихъ странъ. Она потребляетъ не болѣе 6 фунтовъ на человѣка въ годъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи, Бельгіи и Франціи это потребленіе доходитъ до 30 фунтовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ до 1 пуда, а въ Англіи свыше 3 пудовъ.

Искусство плавить желѣзную руду было давно извѣстно нашимъ предкамъ, но оно производилось большею частью весьма несовершеннымъ образомъ, въ домашнихъ горнахъ. Первый желѣзный заводъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, возникъ лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подъ Москвою, подъ руководствомъ двухъ иностранцевъ. На этомъ заводѣ учился впервые горному дѣлу Петръ Великій, который затѣмъ выписалъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ мастеровыхъ изъ Саксоніи и Польши, основалъ нѣсколько казенныхъ заводовъ, и поощрилъ къ этому дѣлу умнаго и предпріимчиваго Акинфія Демидова. Къ концу царствованія Петра Великаго, уральскіе заводы давали уже отъ 140 до 150 тысячъ пудовъ полосового желѣза, а къ концу XVIII столѣтія всего желѣза добывалось въ Россіи уже около 5 милліоновъ пудовъ, изъ коихъ около 3 мил. пудовъ, на сумму 5 мил. рублей вывозилось за-границу, такъ что желѣзо составляло одинъ изъ главныхъ въ то время предметовъ нашего отпуска. Главное количество желѣза получалось съ частныхъ заводовъ пермскаго намѣстничества, гдѣ казнѣ принадлежали лишь 8 заводовъ съ 1,419 рабочими, а частнымъ лицамъ 61 заводъ съ 41,459 рабочими. Первые доставляли 182,365 п., вторые—2,876,049 пу-

Digitized by Google

довъ. Въ теченіи нынѣшняго столѣтія, съ введеніемъ разныхъ техническихъ улучшеній въ горнозаводскомъ дѣлѣ и производство желѣза усилилось, но не соразмѣрно приращенію народонаселенія и успѣхамъ другихъ странъ на этомъ поприщѣ. Причина медленнаго развитія желѣзнаго производства въ Россіи заключается въ томъ, что оно было основано до сихъ поръ на древесномъ топливѣ, а потому всякое усиленіе дѣйствія желѣзныхъ заводовъ было только временное и влекло за собою истребленіе лѣсовъ и затрудненіе въ снабженіи горючимъ матеріаломъ. Съ 5 мил. пудовъ, въ концѣ XVIII ст., производство желѣза возрасло до 6,926,000 пудовъ въ 1838—1844 годахъ, до 7,710,000 п. въ 1844—1850, до 14¼ мил. п. въ 1857—1866 и до 12,476,000 пуд. въ 1868 году. Между тѣмъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ желѣзное производство въ короткое время быстро возрастало, какъ только заводы переходили съ древеснаго топлива на минеральное; такъ, въ Англіи оно увеличилось съ 24 мил. пуд. въ 1820 г. до 300 мил. пуд. въ 1865 г., въ Соединенныхъ Штатахъ съ 7 мил. до 55 (въ 1860), во Франціи съ 7 мил. пуд. до 72 мил. (1865 г.); въ Таможенномъ Союзѣ съ 8 мил. въ 1834 до 55 мил. въ 1864 г.

Впрочемъ, не одно оскудѣніе горючаго матеріала замедлило развитіе нашей желѣзной производительности; равно какъ и не измѣненіе тарифа, облегчившее въ 1858 и 1859 годахъ привозъ иностраннаго желѣза къ тѣмъ частямъ Россіи, которыя, нуждаясь въ немъ, не могли получать его дешево съ Урала, главнаго центра нашей желѣзной производительности. Были и другія экономическія причины, повліявшія въ послѣднее время на упадокъ нашей желѣзной промышленности на Уралѣ, и первая между ними—именно, возвышеніе издержекъ горнозаводскаго производства отъ возвысившихся цѣнъ какъ на хлѣбные продукты, которыми уплачивалась на частныхъ и особенно на посессіонныхъ заводахъ часть заработной платы заводскому населенію, такъ и на овесъ, отчего возвысились издержки перевозки.

Крестьянская реформа застала заводы именно въ то время, когда ихъ финансовыя дѣла были значительно разстроены, вслѣдствіе повторявшихся нѣсколько лѣтъ неурожаевъ; а между тѣмъ не только плата вольнонаемнымъ рабочимъ значительно возвысилась, но и явилось затрудненіе въ постоянномъ снабженіи заводовъ достаточнымъ числомъ рабочихъ, потому что рабочіе на многихъ заводахъ отказывались рѣшительно отъ заключенія формальныхъ договоровъ на продолжительные сроки, и неохотно нанимались на заводскія работы временно, требуя притомъ неимо-

Digitized by Google

вѣрно высокихъ цѣнъ и часто оставляя заводы произвольно. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединилось еще и исчезновеніе частнаго кредита. При постоянномъ безденежьи большей части заводовъ, при разстройствѣ лѣсныхъ дачъ, при истощеніи рудныхъ мѣсторожденій, при медленномъ возвращеніи затрачиваемыхъ на заводскія предпріятія капиталовъ, естественно, что заводовладѣльцы должны были постоянно обращаться къ займамъ или къ Екатеринбургской конторы государственнаго банка, или къ частному кредиту. Въ прежнее время къ управляющимъ заводами стекались, особенно на нижегородской ярмаркѣ, и крупные, и мелкіе капиталы, считая помѣщенія ихъ изъ 7% на заводахъ самымъ вѣрнымъ; но въ послѣдніе годы, съ умноженіемъ числа процентныхъ бумагъ и съ развитіемъ разнаго рода промышленныхъ предпріятій, частный кредитъ почти совершенно исчезъ. Результатомъ такого положенія дѣлъ было весьма значительное возвышеніе цѣнъ на желѣзо. Средняя цѣна съ 1850 по 1857 г. для гуртовыхъ покупателей на нижегородской ярмаркѣ была для полосового и сортового желѣза отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к., а для листового (кровельнаго) отъ 2 р. 15 к. до 2 р. 30 к., послѣ же 1858 года, первое продавалось отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 40 к., а послѣднее отъ 2 р. 40 к. до 2 р. 70 к. за пудъ.

Отъ измѣненія нынѣ дѣйствующаго горнаго законодательства, отъ уничтоженія посессіоннаго права, отъ продажи въ частныя руки нѣкоторыхъ ненужныхъ казенныхъ заводовъ, отъ проведенія къ Уралу желѣзной дороги и отъ правильной организаціи кредитныхъ учрежденій для заводовладѣльцевъ, ожидаютъ улучшенія дѣлъ уральскихъ горныхъ заводовъ и возвышенія ихъ производительности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ надежды на будущее развитіе желѣзной производительности, сообразно возрастающимъ потребностямъ въ дешевомъ желѣзѣ для земледѣлія, промышленности и въ особенности для осуществленія обширной сѣти ожидаемыхъ нынѣ желѣзныхъ дорогъ, возлагается на основаніе новыхъ заводовъ въ мѣстахъ изобилующихъ каменнымъ углемъ. Такими мѣстностями въ особенности представляются лежащія по теченію р. Камы въ верховьяхъ ея, въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, и на югѣ Россіи Екатеринославская губернія. По послѣднимъ обнародованнымъ свѣдѣніямъ, въ 1868 году, въ Россіи получено было 19.727,745 пудовъ чугуна, въ томъ числѣ 609,553 въ привислянскомъ краѣ и 920,891 п. въ Финляндіи; количество добытаго изъ чугуна желѣза составляло 13.650,869 п. и стали 447,229.

Русское желѣзо, по своимъ высокимъ качествамъ, какъ при-

Digitized by Google

готовленное на древесномъ топливѣ, пользуется заслуженною
вѣстностью за границею и потому составляетъ предметъ
шего ежегоднаго отпуска въ количествѣ отъ 400 до 800 т.
для удовлетворенія же потребностямъ въ дешевомъ желѣзѣ
шихъ западныхъ и южныхъ губерній, ввозится къ намъ до
мил. пуд. чугуна и до 7 мил. пуд. желѣза.

Одною изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей къ ра
витію нашей желѣзной промышленности заключается въ изгот
леніи рельсовъ и разныхъ принадлежностей желѣзно-дорожна
дѣла, такъ какъ изъ 40,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, необх
димыхъ для расширенія и повсемѣстнаго развитія нашей пр
мышленности, къ 1 января 1870 года проведено только 70
версты; но и для проложенія этихъ дорогъ потребовалось уже б
лѣе 100 милліоновъ пудовъ рельсовъ и ежегодно требуется д
одного ихъ ремонта около 5 мил. пудовъ. Большая часть рел
совъ ввозится къ намъ безпошлинно, преимущественно изъ А
гліи, причемъ далеко не всегда бываютъ удовлетворительна
качества. Туземное рельсовое производство [1]) у насъ едва толь
возникаетъ и едва ли простирается до 2 мил. пуд. въ год
На Уралѣ рельсы приготовляются на казенномъ воткинском
на тагильскомъ Демидова, на подмосковныхъ заводахъ Шеп
левыхъ, на заводахъ г. Путилова въ Финляндіи и въ Петер
бургѣ, на заводахъ Дея и на бывшемъ заводѣ герцога Лейхтен
бергскаго, принадлежащемъ Главному Обществу желѣзныхъ до
рогъ. Особенно прочны оказались рельсы тагильскаго завода, ко
торый изготовилъ ихъ въ теченіе 1869 г. болѣе 600 т. пудов
а всего съ начала производства около $4^1/_4$ мил. пудовъ. Ста
рые демидовскіе рельсы продаются для прокатки въ листово
желѣзо на 20% дороже совершенно новыхъ англійскихъ. Н
менѣе замѣчательна также попытка, увѣнчавшаяся полнымъ ус
пѣхомъ, г. Путилова приготовлять рельсы со стальною голов
кою изъ пудлинговой стали, для чего имъ перекатываются ста
рые рельсы. До 5 мил. пудовъ старыхъ рельсовъ Николаевско
дороги пріобрѣтены съ этою цѣлью заводомъ Путилова на сумм
2.150,000 р., всего же съ 1868 по май 1870 года сдано им
2.585,000 пуд. рельсовъ со стальною головкою для Николаев
ской, Варшавской и Московско-Курской дороги, принятъ ещ
такой же заказъ отъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ н
500 т. пуд. и исполненъ заказъ 650 т. пуд. рельсовъ съ же

[1]) Записки русскаго техническаго общества 1866, статья г. Погорѣльскаго.—Труд
тарифной ком. т. II.

Digitized by Google

лѣзною головкой для Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги [1]).

Нельзя не замѣтить при этомъ, что водвореніе у насъ рельсоваго производства совершалось съ значительными пособіями и пожертвованіями со стороны казны.

Дороговизна въ Россіи желѣза оказываетъ самое неблагопріятное вліяніе какъ на разныя отрасли промышленности вообще, потому что они нуждаются въ немъ какъ въ необходимомъ орудіи производства, въ формѣ инструментовъ, машинъ, и т. п., такъ особенно на тѣ изъ этихъ отраслей, которыя употребляютъ желѣзо какъ сырой матеріалъ, для дальнѣйшей его переработки, въ разнаго рода издѣлія. Это вліяніе особенно ощутительно при производствѣ обыкновенныхъ крупныхъ издѣлій изъ чугуна и желѣза, потому что въ нихъ цѣнность матеріала значительно превышаетъ стоимость обработки. Большая часть подобнаго рода издѣлій изготовляется на самыхъ заводахъ, добывающихъ чугунъ и переработывающихъ его въ желѣзо. Въ 1866 году считалось въ Россіи до ста чугунно-литейныхъ заводовъ, занимавшихся въ 37 губерніяхъ производствомъ чугунныхъ отливокъ и грубыхъ машинныхъ частей. Въ 1868 году отлито была всякаго рода чугунныхъ издѣлій 1.812,544 пуда, въ томъ числѣ пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ 480,633 пуда. Этимъ послѣднимъ производствомъ занимается большая часть казенныхъ заводовъ и нѣкоторые изъ нихъ достигли замѣчательнаго совершенства. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ пермскому чугунно-пушечному и стале-пушечному заводамъ. Первый, основанный въ 1864 году, отливаетъ ежегодно до 49 т. пуд. орудій и снарядовъ, на сумму до 187 т. руб. и занимается въ настоящее время отливкою чугунныхъ больше-калиберныхъ орудій и снарядовъ. Въ послѣднее время имъ было отлито, по американской системѣ, 20-ти дюймовое орудіе, вѣсомъ въ 2754 пуда. Пермской стале-пушечный заводъ открытъ въ 1863, приготовилъ въ 1869 году 8-ми дюймовыя орудія, на сумму 381,000 р. «Приготовленіе стальныхъ орудій, говоритъ одинъ спеціалистъ по этой части, г. Черновъ, въ Запискахъ русскаго техническаго общества [2]), началось въ Россіи какія-нибудь десять лѣтъ тому назадъ; оно не было результатомъ развитія у насъ стале-литейнаго дѣла, введеннаго до того времени едвали не единственно въ златоустовскомъ заводѣ, да и то въ весьма ограниченныхъ

[1]) Заводы Н. И. Путилова, СПб. 1870, брошюра, изданная по поводу послѣдней выставки.

[2]) Выпускъ 7, іюль, 1868 г. стр., 399—400.

Digitized by Google

размѣрахъ, но оно было вызвано потребностью—во что бы т ни стало приготовлять у себя стальныя орудія. Такимъ образомъ при недостаткѣ собственной опытности, введеніе этого дѣл могло быть облегчено заимствованіемъ свѣдѣній отъ нашихъ за падныхъ сосѣдей, но и тутъ оказалось много препятствій; стале литейное дѣло въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ требу етъ приготовленіе стальныхъ орудій, было введено только у из вѣстнаго прусскаго фабриканта Круппа и, по недоступности ег фабрики для посѣтителей, оставалось для всѣхъ другихъ секре томъ. Понятно, что намъ тяжело было, при такихъ условіяхъ сразу поставить у себя это дѣло на прочную ногу, намъ нужн было до всего добиваться самимъ». Тѣмъ большая заслуга дл лицъ, ведущихъ дѣло сталепушечнаго завода, что они успѣли до стигнуть приготовленія большекалиберныхъ стальныхъ орудій съ успѣхомъ выдерживающихъ самыя усиленныя пороховыя проб Но какъ слабо еще производство пермскаго завода съ его бо лѣе чѣмъ полумилліоннымъ оборотомъ, въ томъ легко убѣдить ся, припомнивъ только, что заводъ Круппа, которому обязан промышленность разрѣшеніемъ вопроса о приготовленіи литої стали въ огромныхъ массахъ, занимаетъ 200 десятинъ, работает 200-ми паровыхъ машинъ, силою отъ 2 до 1000 силъ, 4 паровыми молотами, 10,000 рабочихъ и продаетъ въ годъ д 3.750,000 пудовъ литой стали на 11 мил. р., въ томъ числ около $^2/_5$ въ видѣ стальныхъ орудій. [1])

Самую важную часть металлической промышленности во всякої странѣ составляетъ, безъ сомнѣнія, промышленность машино строительная или механическая [2]), какъ доставляющая орудія дл производства по всѣмъ отраслямъ промышленности. Повсюд машино-строеніе есть дѣло новое. Особенное развитіе оно полу чило въ Англіи уже въ концѣ минувшаго столѣтія, вслѣдствіе великаго изобрѣтенія Уатта и многообразныхъ его примѣненій запрещеніе выѣзда англійскихъ механиковъ и мастеровъ и вы воза машинъ за границу должно было ограждать превосходств и даже монополію англійскаго механическаго искусства. Несмо тря однако на эти запрещенія, вслѣдствіе уменьшившагос

---

[1]) Сообщеніе г. Полетика о желѣзномъ дѣлѣ на парижской выставкѣ. Записк русс. технич. общ. 1867.

[2]) Объ этомъ предметѣ можно найти много интересныхъ свѣдѣній въ «Обзорѣ ма шино-строительныхъ заведеній въ Россіи» покойнаго профессора механики Л. Ершов въ II т. Обзора раз. отр. мануф. пром. Россіи и въ Трудахъ тарифной коммисіи особенно въ замѣчаніяхъ на ея матеріалы и въ Журналѣ самой коммиссіи 6, 8. 20 февраля 1868 г. т. I, стр. 289—356, и въ Запискахъ русскаго техническаго об щества 1867 вып. 3, 8 и 9.

Digitized by Google

въ самой Англіи числа заказовъ для арміи и флота, послѣ мира 1815 г. и вслѣдствіе возникновенія собственныхъ механическихъ мастерскихъ на континентѣ Европы, до 15,000 мастеровъ и механическихъ рабочихъ переселились изъ Англіи на материкъ Европы и содѣйствовали развитію тамъ механическаго дѣла. Россія также обязана первыми начатками своего машино-строительнаго производства англійскимъ техникамъ. Гаскойнъ, бывшій съ 1790 по 1806 г. директоромъ олонецкихъ заводовъ, а съ 1803 — колпинскихъ, преемникъ его Вильсонъ и Бердъ, основатель въ 1790 г. перваго частнаго механическаго завода въ Россіи, были всѣ англичане. Потребность въ машинахъ возрастала съ развитіемъ промышленности: главнымъ способомъ удовлетворенія была выписка машинъ изъ за-границы.

Въ двадцатыхъ годахъ привозъ къ намъ машинъ едва превышалъ 200 т. р.; въ началѣ 50-хъ простирался отъ 2 до 4 мил., въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ до 8 мил.; въ настоящее время доходитъ до 16 и даже до 20 мил. р., если считать въ томъ числѣ принадлежности желѣзныхъ дорогъ.

Несмотря на столь значительный привозъ машинъ изъ заграницы, поддерживаемый безпошлинностью, внутренняя фабрикація ихъ развивалась, хотя и медленно.

	Заводовъ.	Въ нихъ рабочихъ.	Сумма производства.
Въ 1851 г. было	19	1,349	478,437
» 1856 » »	31	6,604	3,865,299
» 1861 » »	106	12,396	7,262,809
» 1866 » »	116	16,950	13,562,756

Если же присоединить къ послѣднимъ числамъ свѣдѣнія о механическомъ производствѣ царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, то общее число машино-строительныхъ заводовъ въ 1866 году было 167, рабочихъ 12 т. и сумма производства 15 мил. р. Цифры эти нельзя однако признать выраженіемъ полной суммы механическаго производства, потому что, кромѣ того, приготовленіемъ разнаго рода машинъ занимаются многіе чугуно-литейные и желѣзо-дѣлательные заводы, какъ казенные, такъ и частные. Такъ, въ 1866 году, на одномъ екатеринбургскомъ казенномъ заводѣ выдѣлано было разнаго рода паровыхъ машинъ и молотовъ, сверлильныхъ станковъ и др. на сумму до 200 т. р.

Главнымъ препятствіемъ для развитія механическаго дѣла въ Россіи служитъ у насъ: 1) дороговизна чугуна и желѣза, и даже недостатокъ тѣхъ сортовъ, въ которыхъ наиболѣе нуждают-

Digitized by Google

ся машино-строительныя заведенія; 2) отсутствіе постояннаг рынка сырыхъ матеріаловъ и вслѣдствіе того необходимость имѣт большіе запасы всѣхъ сортовъ сырого матеріала, чтобы не под вергаться разнымъ случайностямъ и остановкамъ въ работѣ 3) недостатокъ и дороговизна хорошихъ опытныхъ мастеровъ и совершенное отсутствіе мастеровъ сколько-нибудь подготовлен ныхъ школами; наконецъ 4) недостатокъ спеціализаціи наших заводовъ, отъ чего каждое дѣло требуетъ у насъ и болѣе вре мени и большаго числа рабочихъ рукъ, чѣмъ за-границею.

Въ видахъ содѣйствія нашимъ механическимъ заводамъ к болѣе дешевому снабженію ихъ сырымъ матеріаломъ, въ 186 году было разрѣшено для машинныхъ заводчиковъ выписыват безпошлинно чугунъ и желѣзо изъ-за-границы. Въ 1866 год этимъ разрѣшеніемъ воспользовались 59 заводчиковъ, которым выписано въ счетъ разрѣшеннаго имъ количества 1,826,000 пуд чугуна и 1,369,000 пуд. желѣза, не болѣе одной трети, без сомнѣнія вслѣдствіе стѣсненій, съ которыми сопряжено для ча стныхъ заводовъ подчиненіе ихъ извѣстному правительственном контролю.

Развитію нашихъ механическихъ заводовъ не мало способ ствовали значительные заказы, которые они получали отъ пра вительства; такъ въ 1853—55 годахъ, во время крымской кам паніи, петербургскіе заводы, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, построил для флота 103 пароходныхъ машинъ въ 15,000 силъ, а в 1863—65 годахъ 11 монитеровъ и двѣ пловучія баттареи. В 1865 году, казенные заказы частнымъ заводамъ простирались на сумму около 4 мил. руб. Но и независимо отъ казенныхъ нуждъ потребности самой промышленности вызываютъ развитіе у нас машино-строительнаго дѣла, такъ какъ распространеніе машин во всѣхъ отрасляхъ производства дѣлается весьма замѣтнымъ и между прочимъ требуетъ образованія опытныхъ механиковъ для ухода за машинами.

Возможность прочнаго развитія машино-строительнаго дѣла съ нѣкоторыми усиліями и пожертвованіями, признается у нас всѣми, ибо всѣ элементы для него существуютъ у насъ дома а русскіе рабочіе и механики легко осваиваются съ исполненіем механическихъ работъ.

Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ наши механическіе заводы должны будутъ расширить свою дѣятельность развитіемъ у себя выдѣлки паровозовъ. Уже въ 1868 году изъ 1150 паровозовъ, считавшихся въ то время въ Россіи, 938 были приготовлены в Германіи (531), Франціи (212), Бельгіи (95) и Англіи (90), а остальные 212 въ Россіи, что явно доказывало возможность испол- ненія подобнаго рода заказовъ нашими заводами. Пять изящ-

Digitized by Google

ныхъ паровозовъ, красовавшихся на нашей послѣдней мануфактурной выставкѣ, вышли изъ мастерскихъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, русскаго общества механическихъ горныхъ заводовъ, Воткинскаго казеннаго судостроительнаго заведенія г. Мальцова и братьевъ Струве. Хотя спеціалисты и находили недостатки въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не вполнѣ примирялись съ тѣмъ, что не всѣ части этихъ паровозовъ приготовлены у насъ дома, какъ напр. колеса, оси и рессоры, а частію были привезены изъ-за-границы, но они служили самымъ краснорѣчивымъ разрѣшеніемъ вопроса о возможности изготовленія у насъ паровозовъ; остается только придать этому дѣлу бо́льшіе размѣры, чему конечно могутъ способствовать сами управленія желѣзныхъ дорогъ, обращаясь къ русскимъ заводчикамъ, предпочтительно предъ Борзигами, Зиглями и Кайлями, которые втроемъ приготовили для нашихъ дорогъ до 1868 года изъ 938 паровозовъ — 504 на сумму 11 мил. руб. сер. [1]).

Большая часть механическихъ заводовъ сосредоточивается преимущественно въ губерніяхъ: С.-Петербургской (23), Московской (16) и Варшавской (25), съ общей цифрой производства $11\frac{1}{2}$ мил. руб.

Въ числѣ 23 петербургскихъ заводовъ находится 4 казенныхъ, которые производятъ на сумму около 3 мил. рублей. Изъ частныхъ петербургскихъ заводовъ, нѣкоторые, а именно гг. Нобеля, Карра, Путилова и русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ, исполняютъ преимущественно казенные заказы, на сумму болѣе 2 мил. руб. ежегодно; остальные 19 мил. рублей приходятся на счетъ частныхъ заказовъ. Большая часть плавающихъ по Волгѣ и по Дону пароходовъ построены въ Россіи на заводахъ Шипова, Баташевыхъ, Шепелевыхъ, Мальцова и варшавскомъ; большая часть постоянныхъ и подвижныхъ (локомобилей) паровыхъ котловъ дѣлаются также въ Россіи, изъ-за-границы же выписываются преимущественно тонкіе и сложные механизмы, какъ напр., мюль-машины и машинныя орудія.

Несмотря на подавляющую конкурренцію Америки, которая производитъ ежегодно болѣе чѣмъ на 7 мил. швейныхъ машинъ, издѣлка швейныхъ машинъ начинаетъ водворяться и въ Россіи; механическій заводъ Лесснера въ Петербургѣ приготовляетъ, между прочимъ, швейныя машины для военно-интендантскаго вѣдомства, а Цезе, въ Ригѣ, и Гецъ, въ С.-Петербургѣ, основали фабрики, первый въ 1869 г., второй въ 1866 г., спеціально для

[1]) Записки русскаго техническаго общества 1867. Въ № 9, сообщеніе г. Лебедева о постройкѣ паровозовъ для Россіи.

Digitized by Google

изготовленія швейныхъ машинъ, но сумма ихъ совокупнаго пр
изводства не превышаетъ еще скромной цифры 12 т. руб.

Однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ изобрѣтательности русск
го ума намеханическомъ поприщѣ и обильныхъ результатовъ, кот
рые оно можетъ дать въ будущемъ, служитъ, между прочимъ, электр
автоматическій наборщикъ, представленный г. Княгининскимъ
послѣднюю выставку. Хотя этотъ наборщикъ, въ настоящем
своемъ видѣ, по мнѣнію экспертовъ [1]), представляетъ выгоды
только гадательныя, но даже мнимыя, и завершаетъ собою дли
ный рядъ неудачныхъ, къ сожалѣнію, попытокъ, сдѣланныхъ с
1822 года, въ разныхъ странахъ, 60-ю лицами, къ разрѣшені
этого вопроса, тѣмъ не менѣе спеціалисты не отвергали, чт
наборщикъ г. Княгининскаго имѣетъ задатки дальнѣйшаго ус
вершенствованія, потому что онъ не просто механическій дв
гатель, а сила, одушевленная электрическимъ токомъ, которы
допускаетъ всевозможныя перемѣны и улучшенія въ безконе
номъ разнообразіи своихъ приложеній. Руководствуясь этими от
зывами, экспертная коммисія въ своемъ докладѣ «обратила вн
маніе высшаго правительства на многообѣщающее изобрѣтеніе
Княгининскаго, съ цѣлію дать ему достаточныя средства дл
окончанія усиленно начатыхъ трудовъ, по разрѣшенію вопроса
механическомъ наборѣ и для постройки настоящей наборной ма
шины». Изъ опубликованнаго списка наградъ, извѣстно, что
Княгининскій удостоенъ бронзовой медали, но, безъ сомнѣнія, н
оставлена безъ вниманія рекомендація экспертной коммиссіи
матеріальной поддержкѣ г. Княгининскаго въ его дальнѣйших
усовершенствованіяхъ своего прибора.

Немаловажную, если еще не по своимъ размѣрамъ, то п
своему значенію, отрасль механическаго производства составляет
выдѣлка земледѣльческихъ орудій и машинъ. Первыя механиче
скія заведенія по этой части Вильсона и братьевъ Бутенопт
оба въ Москвѣ, возникли около 1830 года, съ пособіемъ частн
казны, частію московскаго общества сельскаго хозяйства. Но д
60-хъ годовъ улучшенныя земледѣльческія орудія распространя
лись весьма слабо между помѣщиками, и потому какъ внутрен
нее производство этого рода машинъ, такъ и выписка ихъ изъ
за-границы, были довольны ограниченны. Въ началѣ 60-хъ годовъ
напротивъ, стремленіе къ введенію новыхъ машинъ и орудій по
лучило почти лихорадочное развитіе. Огромныя суммы были за
трачены, безъ всякаго разсчета, на выписку заграничныхъ ма

[1]) Докладъ по VII раздѣлу экспертнаго комитета всероссійской мануфактурно
выставки 1870 г. Докладъ членовъ экспертовъ гг. Винберга и Головина, стр
55—63 и отзывъ спеціалиста Ф. Е. Нагеля стр. 70—73.

Digitized by Google

шинъ, неприспособленныхъ къ условіямъ русскаго хозяйства, и результатомъ этого было разочарованіе хозяевъ и сдача пріобрѣтенныхъ негодныхъ орудій на вѣчное храненіе въ амбары. Но за этой порой разочарованія, наступила пора разумнаго изученія мѣстныхъ условій, какъ русскими, такъ и нѣкоторыми иностранными производителями машинъ, и нынѣ около ста заводовъ занимаются въ Россіи выдѣлкою земледѣльческихъ орудій и машинъ, и до 40 складовъ или депо—выпискою иностранныхъ орудій и машинъ. Къ числу самыхъ крупныхъ русскихъ заводчиковъ по этой части слѣдуетъ отнести Бутенопа, производящаго на 167,000 р., Фендериха и К° въ Одессѣ — 200,000 р., Лильвопъ и Рау въ Варшавѣ на 300,000 р., гр. Замойскаго на 278,000 р. и Мальцова. Въ послѣднее время производство земледѣльческихъ орудій начало водворяться въ самыхъ хозяйствахъ, подъ личнымъ руководствомъ хозяевъ, близко знакомыхъ съ мѣстными потребностями хозяйства. Къ числу такихъ дѣятелей слѣдуетъ причислить покойнаго гр. Бобринскаго, гг. Шишкова, Шатилова, князя Васильчикова и Михеля. Руководствуясь преимущественно образцами англійскими, американскими, шведскими, наши производители начинаютъ, особенно въ послѣднее время, вносить въ свои подражанія и извѣстную долю самостоятельности. Лѣтописи земледѣльческой механики и катологи какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ выставокъ, постоянно украшаются именами русскихъ изобрѣтателей по этой части, каковы: гг. Варакинъ, Христофоровъ, Ивановъ, и пр.

Производство косъ, серповъ разныхъ мелкихъ земледѣльческихъ инструментовъ сосредоточивается у насъ во Владимирской губерніи [1]), въ уѣздахъ Владимирскомъ, Судогодскомъ и Шуйскомъ, въ деревнѣ Хритановой, гдѣ исключительно приготовляются косы, потомъ въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской и Новгородской, преимущественно въ видѣ кустарной промышленности. Но для удовлетворенія потребностямъ прибалтійскихъ, западныхъ и привислянскихъ губерній, также Малороссіи и южнаго края, привозятся къ намъ преимущественно штейермаркскія косы и серпы, въ количествѣ отъ 80 до 100 т. пудъ.

Огнестрѣльное оружіе производится на казенныхъ заводахъ тульскомъ и сестрорѣцкомъ, основанныхъ еще при Петрѣ Великомъ, изъ коихъ первый отданъ нынѣ въ аренду на коммерческомъ правѣ. Огромныя потребности арміи нерѣдко заставляютъ правительство дѣлать огромные заказы ружей за-границей. По отзыву спеціалистовъ, выдѣлка ружейныхъ стволовъ у насъ

[1]) Труды тарифной комиссіи т. I, стр. 427—427.

Digitized by Google

ниже заграничной, вслѣдствіе употребленія мягкой стали. Наши частныя оружейныя фабрики занимаются преимущественно сборкою ружей изъ частей, выписанныхъ изъ заграницы.

Производство бѣлаго оружія сосредоточено въ Тульской губерніи и на златоустовскихъ казенныхъ заводахъ. Послѣдніе производятъ до 40,000 штукъ бѣлаго оружія. Златоустовскіе клинки не уступаютъ извѣстнымъ солингенскимъ клинкамъ ни по цѣнѣ, ни по достоинству.

Ножевой товаръ [1]) производится въ Россіи въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, въ селеніи Вачѣ, въ одной слободѣ Рязанской губерніи, и затѣмъ въ Варшавѣ и въ Финляндіи. По свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ, ножеваго товара производилось въ 1866 г., на 12 фабричныхъ заведеніяхъ, 2,160 рабочими на сумму 458 т. р.; но ножевое производство принадлежитъ у насъ еще къ числу, такъ-называемыхъ, кустарныхъ производствъ, особенно въ Горбатовскомъ уѣздѣ, гдѣ 80 селеній, изъ коихъ самыя замѣчательныя Павлово и Ворсма, заняты приготовленіемъ ножеваго товара. Почти все населеніе этихъ деревень занимается приготовленіемъ разнаго рода ножей и другихъ металлическихъ вещей, поставляя ихъ для большихъ мастеровъ, какъ Завьяловъ и Варыпаевъ въ с. Павловѣ, или мѣстнымъ торговцамъ на базарѣ въ с. Павловѣ, два раза въ недѣлю. Бѣдные мастера терпятъ при этомъ много притѣсненій, по обширности конкурренціи, недостатку капитала и отсутствію мѣстныхъ банковъ. Самый большой заработокъ мастера въ недѣлю не превышаетъ 2 руб. сер., а потому дешевизна этихъ издѣлій изумительна. Въ техническомъ отношеніи наше ножевое производство, также точно, какъ и англійское, уступаетъ французскому потому что у насъ все дѣлается отъ руки, и лишь одна обончательная отдѣлка производится на колесахъ ручными приводами. Но въ послѣднее время начали вводить для этой цѣли въ употребленіе паровыя машины. Починъ въ этомъ дѣлѣ, въ с. Павловѣ, принадлежитъ предпріимчивому крестьянину Ногтеву, а въ с. Вачи, фабриканту Кондратову. Особенно высокими качествами отличается у насъ выдѣлка столовыхъ ножей и вилокъ. Издѣлія этого рода не только не уступаютъ иностраннымъ, но и отличаются отъ нихъ своею дешевизною. Издѣлія павловскихъ фабрикантовъ Варыпаева и Завьялова обратили на себя особенное вниманіе даже на всемірныхъ выставкахъ. Тульскія

[1]) О производствѣ ножеваго товара любопытныя свѣдѣнія можно найти въ докладахъ экспертныхъ коммиссій по поводу пересмотра тарифа въ 1867 г. и въ брошюрѣ г. Лабзина, въ IV выпускѣ Обзора парижской всемірн. выставки 1867 г.

Digitized by Google

ножевыя издѣлія уступаютъ по добротѣ павловскимъ и ворсмянскимъ.

Приготовленіемъ ремесленныхъ инструментовъ занимается Москва по преимуществу Тула; но издѣлія ея не отличаются прочностію, вслѣдствіе того, что желѣзо, употребляемое въ дѣло, закаливается лишь съ поверхности, и потому весьма ломко и въ ножахъ скоро притупляется. Выше стоятъ издѣлія златоустовскаго и нижнетагильскаго заводовъ.

Съ 1860 года въ Горбатовскомъ и въ Муромскомъ уѣздахъ стала развиваться выдѣлка разныхъ инструментовъ, для обработки дерева и металловъ, каковы напилки, желѣзки, сверла и т. п. Дѣло это начато было по иниціативѣ морского министерства, которое разослало въ главные центры нашей металлической промышленности образцы англійскихъ издѣлій этого рода, по образцу которыхъ и начали производить у насъ Кондратовъ въ Вачи, Завьяловъ въ Павловѣ и Фроловъ въ дер. Виткуловѣ, въ Горбатовскомъ же уѣздѣ. Въ 1866 году, производилось уже на 40 т. руб. напилковъ.

Приготовленіе хирургическихъ инструментовъ сосредоточивается преимущественно въ столицахъ, и частію въ с. Павловѣ, но главная масса этого рода инструментовъ выдѣлывается на хирургическомъ заводѣ военнаго министерства, въ С.-Петербургѣ. Цѣнность производства его неизвѣстна, рабочихъ же на немъ до 100 чел. и заводъ приводится въ дѣйствіе паровою машиною.

Производствомъ швейныхъ иголъ въ Россіи занимаются двѣ фабрики въ Тульской губерніи, основанныя еще въ началѣ XVIII в. и одна въ Курляндской, и нѣсколько мелкихъ заведеній въ Плоцкой губерніи. Крупныя же иглы, вязальныя, шорныя, паковальныя, шнуровальныя и т. п., приготовляемыя большою частію не изъ чистой стали, а изъ цементной стали, или такъ-называемой морянки, и изъ желѣза выдѣлываются во многихъ мелкихъ заведеніяхъ. Производство это по цѣнности, превышающее 150,000 р., во многомъ уступаетъ иностранному, особенно вслѣдствіе слабаго примѣненія машинъ; и издѣлія его дороже иностранныхъ, несмотря на дешевизну рабочихъ рукъ, вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ, особенно стальной проволоки.

Изготовленіемъ проволоки занимаются у насъ шесть заводовъ въ Петербургской, Московской и Владимирской губерніи, на сумму 460,000 р. Лучшая проволока изготовляется компанейскимъ с.-петербургскимъ металлическимъ заводомъ, основаннымъ въ 1857 году. Въ 1866 г., имъ было изготовлено одной телеграфной проволоки 77 т. пудовъ; вообще производство это сдѣлало въ послѣдніе годы довольно значительные успѣхи, особенно по части телеграфной проволоки, такъ что телеграфное вѣдом-

Digitized by Google

ство, которое прежде выписывало ее всегда изъ-за-границы, обратилось къ употребленію проволоки отечественнаго производства.

Приготовленіемъ музыкальныхъ струнъ въ Россіи еще не занимаются. Выдѣлка металлическихъ тканей производится, главнымъ образомъ, московскимъ заводомъ Сарафанова на сумму до 20 т. р., и еще двумя небольшими заведеніями; но такъ-называемыя безконечныя полотна для писчебумажныхъ фабрикъ, до сихъ поръ выписываются изъ за-границы, гдѣ выдѣлкою ихъ занимаются исключительно 2 фабрики въ Англіи, и одна фонъ-Бека въ Пруссіи, который ставитъ свои полотна съ ручательствомъ и съ уплатой денегъ черезъ 2 или 3 мѣсяца.

Выдѣлкою гвоздей всякаго рода занимаются преимущественно жители нѣсколькихъ волостей юго-западной части Череповецкаго уѣзда Тверской губерніи, въ числѣ 20 т. человѣкъ. Они переработываютъ для этого, ручною расковкою, до 600 т. пудовъ желѣза и сбываютъ затѣмъ свои гвозди на сумму до $1^1/_3$ милліона по всей Россіи, особенно же на украинскихъ ярмаркахъ. Въ описаніи бельгійской промышленности, въ Exposè de la situation du royaume (periode décennale 1851—1860), мы находимъ интересное указаніе, что Бельгія, отпускавшая въ 1860 г. въ Россію до 600 т. килогр. гвоздей, на сумму 300 т. фр., начала встрѣчать тамъ опасную конкурренцію со стороны мѣстной промышленности.

Слесарное производство сосредоточивается преимущественно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя занимаются выдѣлкою и ножеваго товара, а именно въ с. Павловѣ, въ Тулѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Цѣна приготовляемыхъ замковъ, смотря по величинѣ и сложности ихъ, измѣняется отъ 2 коп. до 25 руб. за штуку, но большая часть замковъ, назначаемыхъ для сбыта внутри Россіи и также въ Азію, не превышаетъ цѣною 35 коп. Несовершенство нашихъ слесарныхъ павловскихъ и тульскихъ издѣлій зависитъ преимущественно отъ ручного способа ихъ выдѣлки; но въ послѣднее время явился между тульскими фабрикантами одинъ, именно г. Тепловъ, который примѣнилъ нѣкоторыя новѣйшія усовершенствованія къ приготовленію замковъ, такъ что можно ожидать успѣха въ этомъ дѣлѣ.

Приготовленіе стальныхъ осей производится на обуховскомъ стале-литейномъ заводѣ; на металлическомъ заводѣ въ Петербургѣ были попытки приготовленія рессоръ и для желѣзныхъ дорогъ, именно для Петергофской, но по недостатку заказовъ, дѣло это было оставлено; въ настоящее время существуютъ 3 спеціальныхъ заведенія для приготовленія стальныхъ рессоръ для экипажей, производящія на 50 т. рублей, 2 въ Москвѣ и одно въ дер. Погостѣ, въ Переяславскомъ уѣздѣ Владимирской

Digitized by Google

губ.; сверхъ того, нѣкоторые крупные экипажные фабриканты занимаются выдѣлкою рессоръ, и выдѣлка эта вообще идетъ удовлетворительно.

Жестяное производство имѣетъ еще весьма ограниченные размѣры; въ С.-Петербургѣ и Москвѣ выдѣлывается до 23 т. пудовъ, и незначительное количество на частныхъ уральскихъ заводахъ, для мѣстнаго потребленія; затѣмъ болѣе 50 т. пуд. жести выписывается ежегодно изъ Англіи.

Мѣдныя руды находятся въ Россіи преимущественно на Уралѣ, затѣмъ на Кавказѣ и въ Киргизской степи; въ прежнее время разработывались мѣдныя руды и въ Олонецкой губерніи, но нынѣ онѣ оставлены по недостаточной благонадежности. До 1848 года, уральскіе заводы доставляли ежегодно до 250,000 пуд. мѣди, въ 1848 г. добыча мѣди усилилась до 292,000 пуд., а въ 1849 г. до 323,000; это усиленіе зависѣло отъ чрезмѣрной разработки Рудянскаго рудника Тагильскихъ заводовъ, выплавлявшаго по 1848 г. по 60,000 пуд. мѣди, а въ 1849 выплавившаго 170,000 пуд. Послѣдствіемъ этой усиленной разработки было то, что въ послѣдніе годы производство мѣди сократилось почти на половину, а въ 1868 г. уральскіе заводы доставили 211,000 пудовъ, въ томъ числѣ казенные 36,000, и частные 175,000 пуд. Лучшая мѣдь принадлежитъ заводамъ Пашковыхъ и Демидова; первые, впрочемъ, находятся нынѣ въ упадкѣ. На алтайскихъ заводахъ Кабинета Е. И. Величества добывается не болѣе 33,000 пуд. Почти столько же добывается въ области сибирскихъ киргизовъ и до 25,000 пуд. на Кавказѣ; Фискарскій заводъ въ Финляндіи даетъ до 1,600 пудовъ. Такимъ образомъ, все количество мѣди, получаемой въ Россіи, простирается до 300,000 пудовъ, по свѣдѣніямъ 1868 года. Упадокъ разработки мѣдныхъ рудъ въ Россіи произошелъ не только отъ усиленной ихъ разработки, но и отъ сильнаго соперничества, которое встрѣтила русская мѣдь, не только на иностранныхъ, но и на русскихъ рынкахъ, вслѣдствіе открытія богатыхъ мѣдныхъ мѣсторожденій въ Чили, Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ.

Мѣдныя издѣлія приготовляются почти во всей Россіи, но преимущественно въ губерніяхъ Тульской, Московской, С.-Петербургской, Владимирской. Въ 1866 году, эти 4 губерніи производили на сумму почти $1\frac{1}{2}$ мил. рублей, то-есть болѣе, чѣмъ половину всего количества производства въ имперіи. Въ одной Тулѣ было до 50-ти мѣдно-литейныхъ заведеній, изъ нихъ большая часть занималась выдѣлкой самоваровъ.

Выдѣлка бронзовыхъ издѣлій сосредоточивается преимущественно въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ. Первыя фа-

Digitized by Google

брики основаны [1]) были въ началѣ XIX столѣтія и ограничивались почти исключительно починкою и позолотою старыхъ вещей, потому что бронзовыя издѣлія, преимущественно французскія, ввозились въ значительномъ количествѣ. Въ описаніи первой публичной выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ говорится, что бронза, присланная на эту выставку, имѣла всѣ недостатки младенчествующаго искусства и не заслуживала одобренія. Въ сороковыхъ годахъ являются уже на выставкахъ, 1843 и 1849 г., нѣкоторыя бронзовыя издѣлія съ національными русскими сюжетами, хотя и не отличавшіяся, относительно рисунка, ни самобытностію, не особеннымъ изяществомъ, ни строгостію формъ. Мало-по-малу однако фабрикація эта достигла значительнаго совершенства, какъ въ исполненіи моделей русскими художниками, такъ и въ отдѣлкѣ издѣлій. При отличномъ качествѣ нашей бронзовой массы, лишь вслѣдствіе дороговизны нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ, какъ напр. песка для отливныхъ формъ, выписываемаго изъ за-границы, высокой стоимости рисунковъ и моделей, необходимости изготовлять, по ограниченности сбыта, не однородныя спеціальныя только издѣлія на каждой фабрикѣ, а всевозможныя издѣлія, и памятники, и люстры, и статуи, и канделябры, и лампы, и комнатныя украшенія, фабрикація бронзовыхъ издѣлій уступаетъ французской, которая, при широкомъ раздѣленіи работъ, успѣла пріобрѣсти всемірную извѣстность своими издѣліями, извѣстными подъ общимъ названіемъ articles de Paris, которымъ, впрочемъ, въ новѣйшее время явился опасный соперникъ въ видѣ articles de Vienne. Изъ 24 русскихъ фабрикъ, самые извѣстные и замѣчательные у насъ, безспорно, фабрика Шопена, основанная въ 1805 г., Штанге въ 1819, производящія первая на 150 т. р., вторая на 500 т. руб.

Послѣдняя мануфактурная выставка, по отзыву экспертной коммиссіи [2]), произведеніями гг. Шопена, Штанге и Морана, краснорѣчиво свидѣтельствовала, что, несмотря на прекращеніе поддержки ея значительными заказами правительства, со времени окончанія церквей Исаакія и Спаса, и на огромный привозъ къ намъ articles de Paris, бронзовая промышленность развивается и даже преуспѣваетъ.

Первое мѣсто въ этомъ производствѣ остается за Шопеномъ, который первый способствовалъ у насъ водворенію бронзоваго производства, артистическаго характера, большого и ма-

[1]) Обзоръ разл. отр. ман. пром. въ Россіи т. III, 177—213 стр. Бронза и бронзовыя издѣлія.

[2]) Доклады по VII раздѣлу Экспертнаго Комитета Всерос. ман. выст. 1870 г. Докладъ члена эксперта Д. В. Григоровича, стр. 8—11.

Digitized by Google

ли, и образовалъ множество искусныхъ мастеровъ и рабочихъ, которымъ многія существующія теперь фабрики обязаны своимъ процвѣтаніемъ.

Фабрикъ мельхіоровыхъ издѣлій извѣстно въ Россіи четыре: 1 в Петербургѣ, Кача съ 1839, двѣ въ Варшавѣ, Буха съ 1830 г. в Норблине съ 1831, и одна въ Москвѣ, съ 1845 г.—Гербера: Сумма производства ихъ достигаетъ до 435,000 р. Фабрикація издѣлій изъ накладного серебра также принимаетъ значительные размѣры, съ распространеніемъ роскоши въ среднихъ классахъ населенія. Люстры, канделябры и церковныя украшенія также играютъ немаловажную роль. На одной Нижегородской ярмаркѣ ихъ продается болѣе чѣмъ на 100 т. р.; фабрикація же этого рода издѣлій сосредоточивается въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, и занимаетъ 5 фабрикъ съ 300 рабочихъ и съ цифрой ежегоднаго производства въ 300 т. р.

Фабрикація металлическихъ пуговицъ занимаетъ 14 заведеній, 400 рабочихъ и достигаетъ цифры 200 т. р. Самая лучшая и значительная фабрика Буха въ С.-Петербургѣ изготовляетъ до 30 т. гроссъ на сумму до 120 т. р.

Россія добываетъ нынѣ до 1,700 пудовъ золота, и до 1,000 пудовъ серебра, что составляетъ по цѣнности менѣе 10% всей добычи благородныхъ металловъ на земномъ шарѣ, общее же количество золота полученнаго Россіею въ 115 лѣтъ, съ начала его добыванія, составляетъ 43,935 пудовъ, равняющихся 615,090,000 руб. сер. Несмотря на то, нигдѣ золото не пріобрѣтается столь дорогою цѣною, какъ въ Россіи, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ, и потому самая выдѣлка издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ въ количественномъ отношеніи скорѣе уменьшается, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ роскоши и открытіемъ разныхъ композицій, подражающихъ золоту и особенно серебру, распространяется все болѣе, въ домашнемъ быту среднихъ классовъ населенія потребленіе издѣлій изъ накладного серебра, мельхіора и т. п., выдѣлка которыхъ достигаетъ 1 мил. рублей.

Выдѣлка золотыхъ и серебряныхъ издѣлій извѣстна была въ Россіи еще до принятія ею христіанства, но производилась преимущественно выписными изъ Византіи или съ запада мастерами, или и русскими мастерами, но съ слѣпымъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ. Притомъ, фабрикація эта ограничивалась одними церковными украшеніями, а также утварью и посудою для царскихъ дворцовъ и украшеніями мужскихъ и женскихъ нарядовъ. Лишь въ XIX столѣтіи начали возникать у насъ фабрики золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ промышленность эта сдѣлала большіе успѣхи, благодаря распространенію художественнаго вкуса между фабрикан-

Digitized by Google

тами и ихъ мастерами, введенію механическихъ пособій и раздѣленію труда. Не малая заслуга принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ фабриканту Сазикову, родоначальникъ котораго, въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, имѣлъ небольшую мастерскую для выдѣлки церковныхъ вещей, и торговалъ серебряннымъ товаромъ на всѣхъ главныхъ русскихъ ярмаркахъ. До послѣдняго времени г. Сазиковъ занималъ рѣшительно первое мѣсто между нашими серебряными фабрикантами, какъ по обширности своего производства, достигающаго нынѣ на 2 фабрикахъ, при 200 рабочихъ, до 750,000 р., такъ и по художественности исполненія своихъ издѣлій и постоянному развитію способовъ ихъ украшенія; но въ послѣднія пять лѣтъ опаснымъ соперникомъ г. Сазикова явился московскій фабрикантъ Овчинниковъ, произведенія котораго обратили на себя вниманіе на московской выставкѣ 1865 и на парижской 1867 г. и блистательно выдерживали конкурренцію съ издѣліями г. Сазикова на нынѣшней выставкѣ. Замѣчательные успѣхи г. Овчинникова объясняются не только его личными дарованіями, но и развитіемъ художественнаго вкуса и образованія, которое онъ даетъ своимъ рабочимъ, для чего основана имъ при фабрикѣ воскресная рисовальная школа.

По оффиціальнымъ фабричнымъ вѣдомостямъ, въ 1866 г. считалось въ имперіи фабрикъ обработывающихъ золото и серебро 48 съ 1,188 рабочими и 1.894,000 р. ежегоднаго производства.

Кромѣ того значительное количество золотыхъ и серебряныхъ издѣлій производится во многихъ городахъ болѣе или менѣе значительными ремесленными заведеніями. Выдѣлка, такъ-называемыхъ, серебряныхъ вещей съ чернью производилась прежде въ Великомъ Устюгѣ и Тотьмѣ, и приготовленіе черни составляло секретъ; но въ настоящее время промышленность эта тамъ съ каждымъ годомъ падаетъ, и лучшіе мастера черни перешли въ Москву и на Кавказъ, гдѣ чернь употребляется для украшенія оружія.

Заключая этимъ обзоръ группы нашихъ металлическихъ производствъ, мы въ правѣ сказать, что цифры 600 заводовъ, 32,000 рабочихъ и 23 мил. производства, показываемыхъ нашею оффиціальною статистикою въ 1866 году, и въ то уже время были далеко ниже дѣйствительности, а въ настоящее время, безъ сомнѣнія, грѣшатъ процентовъ на 50, если не на сто, покрайней мѣрѣ, въ цѣнности производства.

В. Вешняковъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

ВОРОНЕЖЪ.

Провинціальная печать.

I.

Воронежъ, мѣсто рожденія Болховитинова, Кольцова и Никитина, давно пріобрѣлъ у насъ репутацію литературнаго города. Года три тому назадъ желѣзная дорога приблизила его къ центрамъ образованія, и конечно не останется безъ значенія для дальнѣйшихъ умственныхъ успѣховъ края. Теперь онъ сдѣлался доступнѣе для любознательности путешественниковъ. Находясь уже въ Тамбовской губерніи и прочитавъ въ газетахъ, что въ Воронежѣ вышелъ второй выпускъ переписки Евгенія Болховитинова съ графомъ Румянцовымъ, я увидѣлъ въ томъ двойной поводъ побывать въ этомъ городѣ.

Мысль ѣхать въ самое мѣсто, гдѣ напечатана книга, чтобы пріобрѣсти ее, можетъ показаться странною — вездѣ, но не въ Россіи. Извѣстно, что у насъ ничего нѣтъ труднѣе, какъ купить въ столицѣ книгу, изданную въ провинціи. Книгопродавецъ обѣщаетъ вамъ выписать ее съ *первою* же почтой; вы приходите къ нему черезъ двѣ недѣли навѣдаться, не получена ли она? Онъ съ величайшею развязностію отвѣчаетъ вамъ, что еще нѣтъ и что самъ не понимаетъ причины тому. Тоже самое повторяется при каждомъ требованіи новой книги, и вы, наконецъ,

Digitized by Google

потерявъ терпѣніе, отказываетесь отъ желанія знакомиться с провинціальной литературой. Что́ бы стоило, казалось, какому нибудь предпріимчивому книгопродавцу устроить въ своемъ ма газинѣ складъ всѣхъ литературныхъ новостей, печатаемыхъ в цѣлой Россіи? Но, къ сожалѣнію, по всему видно, что мы этог не скоро дождемся. Итакъ, покуда приходится ѣхать въ Воро нежъ, чтобы добыть отпечатанную тамъ брошюру.

Отъ центральной станціи Грязи желѣзная дорога, въ весьм удобномъ вагонѣ (въ которомъ можно просидѣть безвыходно отъ са мой Москвы), быстро перенесла меня до одного изъ крайнихъ пунк то въ этой линіи — Воронежа. Здѣсь я нашелъ прекрасное с виду помѣщеніе во вновь отдѣланной гостинницѣ купеческаг клуба, на одной изъ Дворянскихъ улицъ, которыми такъ богат этотъ городъ. Гостинница эта болѣе извѣстна подъ именем прежняго владѣльца своего Шванвича. Ужъ не потомокъ ли это подумалъ я, того Шванвича, который при Петрѣ III слылъ пер вымъ силачемъ въ Петербургѣ (онъ побивалъ каждаго изъ Ор ловыхъ порознь и уступалъ только двоимъ вмѣстѣ), котораг сынъ, приставъ къ Пугачеву, сочинялъ для него нѣмецкіе ука зы? Но воронежская хроника молчитъ объ этомъ. Вполнѣ до вольный сначала своимъ пристанищемъ, я однакожъ впослѣд ствіи сдѣлалъ прискорбное открытіе, что въ комнатѣ не затво рялось порядочно ни одно окно, а на улицѣ передъ самым домомъ происходилъ по ночамъ такой шумъ отъ криковъ драки пьяныхъ мужиковъ, что невозможно было не просыпаться ежеминутно.

Пріѣхавъ въ субботу вечеромъ, я очень жалѣлъ на слѣдую щее утро, что не могъ тотчасъ же отправиться въ книжны лавки, полагая, что онѣ въ праздничные дни заперты. Первы часы дня посвятилъ я памяти Петра Великаго, т.-е. осмотрѣлъ прежде всего монументъ его, открытый въ 1860 году и соору женный на концѣ той же Дворянской улицы. Это одно изъ про изведеній извѣстнаго Клодта. Петръ Великій представленъ стоя щимъ во весь ростъ на пьедесталѣ. Нельзя сказать, чтобы фи гура его производила особенное впечатлѣніе; но непріятно пора жаетъ невозможность прочесть на памятникѣ надпись, такъ как изъ нея, повидимому съ умысломъ, вырваны многія буквы. Такъ, от слова *дворяне* осталось только *воряне*, а вмѣсто *граждане* читается *ражае*. Какъ жаль, что не принято мѣръ для огражденія доро гого народнаго достоянія отъ посягательствъ невѣжества и ван дализма.

Потомъ, съ возвышенной и главной части города, по отло гой улицѣ, немощеной, изрытой промоинами и обставленной де-

Digitized by Google

рошими домиками, спустился я къ плоскому берегу рѣки Воронежа; тамъ на островѣ уединенно и мрачно стоитъ единственный остатокъ кипѣвшей здѣсь дѣятельности, когда геніальный Петръ трудился надъ осуществленіемъ одной изъ великихъ и любимыхъ идей своихъ. Это такъ-называемый цейхгаузъ, или, какъ произноситъ народъ, *чихаусъ*, длинное каменное зданіе, видомъ своимъ напоминающее какой-нибудь пакгаузъ или запасный магазинъ. При Петрѣ тутъ хранились необходимыя принадлежности кораблестроенія и помѣщался также, если вѣрить преданію, кабинетъ (рабочая палата), гдѣ государь занимался дѣлами. Нынче вокругъ цейхгауза устроены мойки для шерсти, — предметъ одной изъ главныхъ отраслей здѣшней промышленности; внутри же зданія складывается самая промываемая шерсть: подъ это употребленіе, лучше котораго ничего не придумано, воронежская городская дума отдаетъ цейхгаузъ съ публичныхъ торговъ за самую ничтожную плату [1]). Впрочемъ и уцѣлѣло-то это историческое зданіе только случайно, или, вѣрнѣе, благодаря прочности своей постройки: въ 1812 году оно уже было продано на сломъ въ частныя руки, да не нашлось орудія, чтобъ сокрушить его стѣны! Но какъ же бывшее адмиралтейство Петра Великаго перешло опять въ общественную собственность? Съ разъясненіемъ этого вопроса связано обстоятельство, служащее, къ сожалѣнію, однимъ изъ разительныхъ свидѣтельствъ того, какъ случайны и безплодны бываютъ иногда патріотическія вспышки нашего юнаго общества. Въ 1834 году, при губернаторѣ Д. Н. Бѣгичевѣ, все образованное населеніе Воронежа воодушевилось мыслію о совершенно особенномъ, небываломъ еще у насъ памятникѣ во славу великаго человѣка. Рѣшено было воспользоваться для этого петровскимъ цейхгаузомъ, устроивъ въ немъ драгоцѣнный музей предметовъ, относящихся къ эпохѣ и дѣятельности преобразователя. Составленъ былъ обширный проектъ не только исполненія самой этой идеи, но и разныхъ общественныхъ учрежденій и празднествъ, которыми думали обставить ее. Вотъ нѣкоторыя черты этого любопытнаго проекта, уже освященнаго въ свое время утвержденіемъ верховной власти. Предполагалось: отдѣлавъ и убравъ кабинетъ Петра по вкусѣ его эпохи, устроить здѣсь публичную библіотеку изъ книгъ, относящихся къ его дѣяніямъ, а также галлерею портретовъ и картинъ того же содержанія; въ остальныхъ комнатахъ учредить родъ инвалиднаго дома; кругомъ всего зданія и

[1]) «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ», соч. Т. М. Веселовскаго. Воронежъ 1866, II, стр. 46.

Digitized by Google

далѣе по берегамъ рѣки развести общественный садъ; на возвышенномъ бугрѣ (острожномъ) поставить памятникъ Петру въ видѣ обелиска; ежегодно въ день кончины его, 28 января, послѣ богослуженія дѣлать на счетъ города угощеніе бѣднымъ и, наконецъ, въ большіе царскіе дни устраивать на островѣ публичныя гулянья и празднества. Для примѣра, уже въ 1834 г., въ день рожденія императора Николая, отъ церкви Успенія былъ церемоніальный ходъ въ цейхгаузъ чрезъ построенный городскимъ головою временной мостъ. Около зданія было приготовлено для бѣдныхъ угощеніе, а вечеромъ на островѣ горѣла иллюминація. «Для приведенія въ исполненіе этого проекта — разсказываетъ Г. М. Веселовскій — составленъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ воронежскаго губернатора. Комитетъ составилъ смѣту на возобновленіе зданія и укрѣпленіе острова, гдѣ оно находится, въ 37,146 р. 60 коп. Открылась подписка и была встрѣчена общимъ сочувствіемъ; пожертвованія какъ деньгами, такъ и вещами, поступали въ комитетъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Но потомъ медленная работа и слишкомъ незкономное веденіе дѣла породили всеобщее охлажденіе къ пожертвованіямъ, и въ 1843 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ оставленіи сооруженія памятника Петру I до имѣющейся открыться къ тому возможности; цейхгаузъ же обратить въ городское вѣдомство для употребленія по усмотрѣнію начальства». Отъ всей суеты по поводу этого проекта, нѣсколько лѣтъ волновавшаго Воронежъ, осталось только собраніе гравюръ петровскаго времени, сохраняемое въ тамошней Публичной библіотекѣ [1]).

Отъ Петра Великаго естественно было обратиться къ славному его современнику, Митрофану. Я поѣхалъ къ монастырю этого имени; извощикъ мой сталъ подыматься по довольно крутой улицѣ, которая поразила меня своею мостовой изъ твердаго плитняка и гордо возвышающимися по обѣ стороны каменными стѣнами. Послѣ узналъ я, что это одинъ изъ трехъ замѣчательныхъ спусковъ, отдѣланныхъ въ достопамятное (1824—1826 г.) многими постройками губернаторства Кривцова. Воронежъ, какъ извѣстно, городъ не древній. Страна, прилегающая къ среднему теченію Дона, до конца XVI-го столѣтія составляла одну изъ украинъ Россіи и называлась *полемъ*; только послѣ Ивана Грознаго русская колонизація пошла далѣе на югъ и юго-востокъ подъ прикрытіемъ новыхъ укрѣпленныхъ городовъ.

---

[1]) Описаніе ихъ можно найти въ №№ 34 — 38 Воронежскихъ Губерн. Вѣдом. 1864 г.

Digitized by Google

Одинъ изъ нихъ былъ Воронежъ, построенный при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Но еще долго край этотъ оставался въ полудикомъ состояніи и служилъ мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ, гдѣ кромѣ того искали спасенія холопы, бѣжавшіе отъ своихъ помѣщиковъ, и раскольники, преслѣдуемые правительствомъ. Для мирныхъ жителей здѣсь не было безопасности: поселенія подвергались нападеніямъ бѣглецовъ, которые сожигали ихъ, а людей уводили въ плѣнъ. Наконецъ, для противодѣйствія такой грубости нравовъ и успѣхамъ раскола, соборъ, созванный при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, положилъ учредить нѣсколько новыхъ епархій. Въ 1681 году повелѣно быть епископу въ Воронежѣ, и на эту каѳедру избранъ игуменъ макарьевскаго монастыря—Митрофанъ. Этотъ первый епископъ новой епархіи, котораго засталъ здѣсь Петръ Великій, успѣлъ снискать особенное его расположеніе своимъ содѣйствіемъ къ построенію флота: въ два пріема пожертвовалъ онъ на этотъ предметъ не менѣе 7 тыс. руб. изъ домовой казны своей и за то получилъ двѣ милостивыя царскія грамоты.

II.

Въ воскресенье, первый день моего пребыванія въ Воронежѣ, былъ праздникъ св. Сергія: въ монастырѣ Митрофана служилъ обѣдню самъ архіепископъ Серафимъ. Въ 1-мъ часу я засталъ церковь еще наполненною народомъ и былъ пріятно пораженъ чуднымъ пѣніемъ многочисленнаго хора, образованнаго заботливостью нынѣшняго преосвященнаго. Недалеко отъ иконостаса, съ правой стороны Благовѣщенской церкви, стоитъ величественная рака святого, мощи котораго найдены въ 1833 году, вслѣдствіе чего и учрежденъ монастырь его имени. Прочія церкви этого монастыря въ настоящее время перестраиваются. По окончаніи богослуженія я отправился въ изящно-построенный при Екатеринѣ II, по плану архитектора Гваренги, архіерейскій домъ, стоящій возлѣ колокольни, замѣчательной своею высотою. Я желалъ побесѣдовать съ преосвященнымъ, о которомъ весь Воронежъ отзывается съ любовью, и нашелъ у него довольно большое общество. Здѣсь я познакомился между прочимъ съ профессоромъ воронежской семинаріи Дмитріемъ Ивановичемъ Самбикинымъ, молодымъ священникомъ, уже вдовымъ. Ученый отецъ Дмитрій, церковь котораго находится близъ монастыря, прилежно занимается историческими трудами, особливо всѣмъ, что относится къ дѣятельности Петра Великаго въ Воронежѣ, и

Digitized by Google

сбирался въ Петербургъ для дополненія своихъ изслѣдованій Важный матеріалъ доставляютъ ему и мѣстные архивы, но к сожалѣнію, изъ нихъ многое перешло уже въ руки Устрялова Елагина (послѣдній писалъ исторію русскаго флота). Нѣкоторы касающіеся того-же предмета документы хранятся между про чимъ въ архивѣ воронежской казенной палаты, приводимом нынѣ въ порядокъ, благодаря дѣятельному и просвѣщенном управляющему этой палаты А. Ѳ. Раеву. За завтракомъ у пре освященнаго разговоръ не могъ не коснуться знаменитаго воронеж скаго уроженца, митрополита Евгенія, который въ молодости былъ учителемъ и префектомъ здѣшней семинаріи и издалъ в 1800 году «Историческое, географическое и экономическо описаніе Воронежской губерніи», книгу чрезвычайно рѣдкую в настоящее время. Какъ было бы желательно, чтобы кто-нибуд изъ воронежскаго ученаго сословія или статистическій комитет вновь издалъ это сочиненіе съ примѣчаніями, которыя придали бы ему современный интересъ. Бывшее имѣніе князя Репнина, *Репьевка*, гдѣ Евгеній былъ нѣкогда сельскимъ священникомъ,— нынѣ казенная слобода Коротоякскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего не удалось узнать въ Воронежѣ о тамошнемъ пріятелѣ Евгенія, чиновникѣ и помѣщикѣ Македонцѣ, къ которому обращены любопытныя письма перваго, напечатанныя недавно въ *Русскомъ Архивѣ*. Но за то я услышалъ, что есть еще нѣсколько писемъ Евгенія къ другимъ лицамъ въ рукахъ преподавателя воронежской семинаріи г. Волкова и что въ архивѣ или библіотекѣ этой семинаріи хранятся интересные автографы Евгенія,—наставленія, которыя онъ писалъ для ея преподавателей. Говорятъ, что г. Николаевъ готовитъ подробную исторію этого учебнаго заведенія, и надобно надѣяться, что въ приложеніяхъ къ ней мы найдемъ нѣсколько новыхъ документовъ относительно первоначальной дѣятельности славнаго архипастыря.

Разставшись съ достопочтеннымъ святителемъ, я посѣтилъ устроенную при входѣ въ монастырь иконную и книжную лавку, гдѣ пріобрѣлъ между прочимъ *Жизнеописаніе* перваго воронежскаго епископа Митрофана, составленное отцомъ Самбикинымъ, и фотографическое изображеніе монастыря. Другихъ видовъ живописнаго Воронежа здѣсь не могли мнѣ дать. Послѣ уже я досталъ у фотографа Пономарева нѣсколько удачно сдѣланныхъ имъ изображеній разныхъ мѣстностей этого города.

Возвращаясь изъ монастыря, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что опасеніе мое не попасть въ этотъ же день въ книжныя лавки было напрасно: всѣ онѣ были открыты. Извѣстно, что въ русскихъ городахъ вообще очень хорошо помнятъ притчу

Digitized by Google

Спасителя объ овцѣ, упавшей въ яму, которую надо вытащить не смотря на субботу, и въ праздничные дни рѣдко воздерживался отъ прибыльныхъ торговыхъ занятій. Россія въ этомъ отношеніи совершенная противоположность Англіи, гдѣ не только никто не торгуетъ въ праздники, но по соглашенію особыхъ ассоціацій многіе запираютъ лавки уже наканунѣ, передъ наступленіемъ вечера. Впрочемъ у насъ, при особенномъ усердіи народа къ обогащенію казны акцизными сборами, такая промышленная неугомонность имѣетъ свою хорошую сторону: обязательное пребываніе въ лавкахъ удаляетъ многихъ отъ храмовъ Вакха, которые, къ несчастію, посѣщаются русскимъ человѣкомъ прилежнѣе всякихъ другихъ храмовъ. Итакъ, удовольствіе мое при видѣ открытыхъ книжныхъ лавокъ не могло возмущаться даже благочестивыми соображеніями. Очень полезно было бы, еслибъ примѣру торговцевъ послѣдовали у насъ также хлѣбопашцы, и еслибъ вообще въ нашемъ народномъ и общественномъ быту число праздниковъ было значительно уменьшено. Это совсѣмъ не маловажный вопросъ, и мы бы должны принять серьезно къ соображенію тотъ чистосердечный, нескончаемый смѣхъ, которымъ недавно разразился одинъ китаецъ, узнавъ какъ велико число праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Россіи сверхъ воскресныхъ дней.

Помня прочитанное въ газетахъ извѣщеніе, я въ первой попавшейся мнѣ на пути книжной лавкѣ спросилъ второй выпускъ издаваемой мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ «Переписки Евгенія съ Румянцовымъ». Къ крайнему удивленію моему, мнѣ отвѣчали, что эта книга еще не выходила. Удивленіе мое росло все болѣе по мѣрѣ того, какъ я получалъ тотъ же отвѣтъ и въ остальныхъ трехъ книжныхъ лавкахъ города Воронежа. Вообще легко было замѣтить, что всѣ онѣ не особенно хорошо снабжены произведеніями мѣстной литературы; даже не вездѣ можно найти новѣйшее популярное изданіе Кольцова; о прежнихъ изданіяхъ воронежскаго статистическаго комитета и говорить нечего. Болѣе всего эти книжныя лавки пробавляются спрашиваемыми часто учебниками, переводами популярныхъ книгъ да романами и повѣстями,—не совсѣмъ отрадное свидѣтельство о литературныхъ потребностяхъ воронежской публики. Меня увѣряли, что тамошніе книгопродавцы поддерживаютъ свою торговлю преимущественно продажею писчей бумаги, карандашей и т. п. канцелярскихъ припасовъ, безъ чего пришлось-бы закрыть большую часть этихъ лавокъ. Итакъ, за вновь отпечатанными письмами Евгенія приходилось обратиться прямо въ статистическій комитетъ, а къ нему можно было получить доступъ не прежде завтрашняго дня.

Digitized by Google

III.

Пока займемся нѣкоторыми другими явленіями мѣстной ли
тературы. Кромѣ Вѣдомостей губернскихъ и епархіальныхъ, в
Воронежѣ выходятъ три частныя періодическія изданія, именн
двѣ литературныя газеты: *Воронежскій Телеграфъ* и *Донъ*,
одинъ журналъ—*Филологическія Записки*. Прежде издавался ещ
Листокъ, но онъ прекратился. *Донъ* и *Телеграфъ*, какъ естествен
ные соперники, ведутъ между собою непрерывную войну: у каж
даго изъ нихъ однакожъ до 300 подписчиковъ. Объ одной из
этихъ газетъ сообщили мнѣ любопытное свѣдѣніе, очень знаме
нательное для сужденія о нашей провинціальной цензурѣ. Изда
тель, для избѣжанія ея безпощадныхъ запрещеній, посылает
въ Москву каждый нумеръ своего изданія въ рукописи. Подобно
довелось мнѣ слышать о состояніи цензуры и въ другихъ губерн
скихъ городахъ. Чего нельзя ожидать отъ нея, когда, напр., в
области исторіи, она не допускаетъ самой легкой критики нѣко
торыхъ распоряженій Петра Великаго по постройкѣ флота, имѣв
шихъ послѣдствіемъ обмелѣніе рѣки Воронежа! Въ интересах
русскаго образованія было бы въ высшей степени желательно
чтобы такому произволу провинціальной цензуры былъ поскорѣ
положенъ конецъ *).

Телеграфъ и *Филологическія Записки* издаются однимъ и
тѣмъ же лицомъ, А. А. Хованскимъ. Должно отдать полную
справедливость постоянству, съ какимъ онъ уже 9 лѣтъ ведетъ
изданіе основаннаго имъ спеціальнаго журнала, который, конечно,
можетъ имѣть только весьма ограниченный кругъ читателей.
Первоначальная мысль этого предпріятія принадлежитъ, какъ я
слышалъ, М. Ѳ. де-Пуле; тѣмъ не менѣе честь ея выполненія
вся остается за г. Хованскимъ. Съ ничтожными средствами онъ
умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборни-
комъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отча-
сти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣ-
которыхъ извѣстныхъ лицъ (Аѳанасьева, Буслаева, Котляревс-
каго, Потебни и др.), въ *Филологическихъ запискахъ* явились
первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достой-
ными дѣятелями науки, какъ напр. Чудинова, К. Боборыкина,

*) Мы нѣсколько разъ выражали уже подобное желаніе и очень рады встрѣтить его снова, какъ результатъ наблюденій на мѣстѣ, сдѣланныхъ почтеннымъ авто-ромъ. Старый цензурный порядокъ уже пять лѣтъ тому назадъ признанъ неудовле-творительнымъ и замѣненъ лучшимъ; почему же неудовлетворительное для Петер-бурга и Москвы можетъ быть удовлетворительно для Россіи? — *Ред.*

Digitized by Google

Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка. Дай Богъ, чтобы почтенный издатель не охладѣлъ къ своему предпріятію; но для этого необходимо, чтобы число подписчиковъ его увеличилось.

Житель *Дона*, Григор. Михайлов. Веселовскій, — также какъ и г. Хованскій, бывшій учитель Воронежской военной гимназіи, — авторъ двухъ дѣльныхъ сочиненій: 1) «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ». и 2) «Городъ Острогожскъ и его уѣздъ». Первый изъ этихъ трудовъ изданъ въ 1866 году губернскимъ статистическимъ комитетомъ, а второй напечатанъ въ 1867 году въ губернскихъ вѣдомостяхъ и отдѣльными оттисками. Изъ предисловія къ послѣднему мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что г. Веселовскій, поставивъ себя изученію всего мѣстнаго края, намѣренъ мало-помалу описать въ отдѣльныхъ очеркахъ всю губернію: каждый уѣздъ съ своимъ городомъ составитъ предметъ особой монографіи. Такое предпріятіе тѣмъ болѣе достойно поощренія, что къ общей цѣли ознакомленія съ краемъ авторъ присоединяетъ еще другую спеціальную: «своимъ трудомъ—говоритъ онъ—мы хотимъ дать подручный матеріалъ педагогамъ для мѣстнаго *отечествѣдѣнія*. Будучи глубоко убѣждены въ громадномъ значеніи этого образовательнаго предмета, мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе явится возможность ввести его въ курсъ нашихъ училищъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ раціональному изученію какъ вообще исторіи и географіи, такъ въ особенности исторіи и географіи *отечественной*». Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ г. Веселовскій пользовался не только свѣдѣніями и изслѣдованіями, разсѣянными въ разныхъ изданіяхъ, но и рукописными источниками, хранящимися частію въ воронежскихъ архивахъ, частію въ статистическомъ комитетѣ. Описаніе Воронежа раздѣляется на двѣ главныя части — историческую и статистическую. Въ первой, по всей справедливости, особенное вниманіе обращено авторомъ на ту эпоху существованія Воронежа, когда онъ былъ центромъ дѣятельности Петра Великаго. По этому поводу г. Веселовскій говоритъ, между прочимъ: «Пребываніе Петра въ Воронежѣ со всею его свитою, съ иностранцами, мастерами, не могло не имѣть вліянія на мѣстныхъ жителей. Воронежъ едва-ли не прежде всѣхъ русскихъ городовъ долженъ былъ столкнуться съ реформою Петра, потому что наплывъ иноземнаго элемента въ такомъ громадномъ количествѣ въ такой, сравнительно, небольшой городокъ, не могъ невольно не отразиться на нравахъ и обычаяхъ воронежцевъ. Не даромъ мы встрѣчаемъ ука-

Digitized by Google

занія на тотъ замѣчательный фактъ, что воронежское купеч
ство при Петрѣ приняло европейскій оттѣнокъ и рѣзко отлич
лось отъ купечества всѣхъ другихъ городовъ. Пиры и праздн
ства, бывшія въ Воронежѣ всякій разъ по пріѣздѣ сюда гос
даря, — пиры, обставленные всѣми возможными иностранны
обычаями и затѣями, часто шедшими въ радикальный разрѣ
съ русскою стариною, — а тутъ еще цѣлые кварталы голлан
цевъ и нѣмцевъ, съ ихъ постоянною оригинальною, въ особе
ности въ глазахъ тогдашняго русскаго общества, жизнію, нач
ная отъ костюма и оканчивая языкомъ и пищею, — безъ вс
каго сомнѣнія, возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ напряженн
чувство, и если не захватывали этого чувства въ свою полы
то по крайней мѣрѣ возбуждали борьбу,—реакцію, выразившую
особенно рѣзко въ столкновеніяхъ тогдашняго мѣстнаго пр
ставителя русской жизни и православія, преосвященнаго Митр
фанія, съ Петромъ... Исчезло-ли вліяніе петровской поры
позднѣйшее поколѣніе воронежцевъ—это рѣшается само собо
если принять во вниманіе ту характерную особенность г. В
ронежа, какая обособляетъ его въ средѣ другихъ губернски
городовъ этого географически глухого края. Казалось бы, В
ронежу, отрѣзанному отъ современныхъ бойкихъ сообщен
нужно было отстать отъ современной русской цивилизаціи,
на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ».

Въ статистической части сочиненія интересна, между пр
чимъ, глава о постепенныхъ измѣненіяхъ во внѣшности Вор
нежа, который наконецъ совершенно потерялъ прежній св
видъ. Большіе пожары, начиная съ 1703 года, постепенно ун
чтожали древнія особенности города и развивали «мысль о необх
димости раздвинуть предѣлы его, давъ ему тяготѣніе не
рѣкѣ, какъ это было въ петровскую пору, а по нагорью,
поле». Новѣйшій характеръ построекъ сталъ особенно госпо
ствовать послѣ 1779 года, когда открыто въ Воронежѣ намѣс
ничество; съ этого времени здѣсь поселилось значительное чис
административныхъ чиновниковъ, а между тѣмъ и разбогатѣ
шее купечество не мало содѣйствовало быстрой и хорошей о
стройкѣ города каменными домами. По словамъ Евгенія Болх
витинова, «видъ города изъ-за рѣки Воронежа прекрасенъ
представляетъ горы, украшенныя вышиною церквей и колок
ленъ, а скаты и долины — усыпанные пестротою разныхъ зд
ній». Особенная строительная дѣятельность началась въ Вор
нежѣ съ 1824 года, когда назначенъ былъ туда губернаторо
Н. И. Кривцовъ. Большая часть капитальныхъ улучшеній
внѣшней обстройкѣ города относится именно ко времени это

Digitized by Google

краткаго губернаторства. Открытіе мощей святителя Митрофана вызвало опять строительное движеніе, впрочемъ преимущественно только въ монастырскомъ краю. Послѣднее значительное улучшеніе Воронежа произошло въ концѣ 1850-хъ годовъ при губернаторѣ Н. П. Синельниковѣ (янв. 1857—авг. 1857 г.), имя котораго до сихъ поръ пользуется въ этомъ городѣ большою популярностью. «Къ сожалѣнію, всѣ постройки, сдѣланныя при Синельниковѣ, по отъѣздѣ ихъ виновника принимаютъ запущенный видъ, и только построенный при немъ ново-митрофановскій мостъ и памятникъ Петру I еще держатся».

Къ историческому обозрѣнію Воронежа въ книгѣ г. Веселовскаго приложенъ, между прочимъ, списокъ управлявшихъ краемъ губернаторовъ, начиная съ учрежденія въ 1708 году губерній до нынѣшняго времени. Любопытно, что до конца прошлаго столѣтія тамъ смѣнилось въ этомъ званіи 18 лицъ и столько же перебывало ихъ отъ 1800 до 1870 года. Разбирая списокъ подробнѣе, мы находимъ, что долѣе всѣхъ мѣсто воронежскаго губернатора занималъ Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ (1775 — 1791 = 16 лѣтъ), а за нимъ А. М. Пушкинъ (1748 — 1760 = 12 лѣтъ); въ настоящемъ же столѣтіи самыя продолжительныя губернаторства длились не болѣе 6-ти лѣтъ; это встрѣчается четыре раза; остальныя продолжались только отъ 5-ти до 2-хъ лѣтъ. Итакъ, повидимому, губернаторская должность считается у насъ только переходною для полученія высшихъ назначеній. Неужели для благосостоянія края не важно, чтобы управленіе его, если оно въ хорошихъ рукахъ, было по возможности прочно? или, можетъ быть, всякій разъ оказывалось, что избранное лицо было не на своемъ мѣстѣ?

Описаніе уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи г. Веселовскій началъ съ Острогожска, второго по важности города въ цѣлой губерніи. Находясь въ южной ея части, Острогожскъ представляетъ въ своемъ населеніи преобладаніе малороссійскаго элемента, и авторъ сообщаетъ здѣсь много любопытнаго въ этнографическомъ отношеніи. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать описанія остальныхъ 11-ти уѣздовъ, въ твердой увѣренности, что просвѣщенное губернское начальство и статистическій комитетъ, оцѣнивъ способности и трудолюбіе г. Веселовскаго, употребятъ всѣ средства къ поддержанію такого полезнаго предпріятія, важнаго и для науки и для практическаго знакомства съ Россіей. Нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время г. Веселовскій принужденъ раздроблять свою дѣятельность и заниматься изданіемъ газеты, почти не имѣя сотрудниковъ.

Въ газетѣ *Донъ* прошлаго года появилась, между прочимъ,

Digitized by Google

статья г. Сталинскаго: «Кольцовъ и Сребрянскій». Извѣст
мнѣніе нѣкоторыхъ, что *думы*, напечатанныя въ собраніи со
неній воронежскаго поэта, принадлежатъ собственно перу
друга, Андрея Порфирьевича Сребрянскаго. Убѣжденіе это в
никло вслѣдствіе открытыхъ въ недавнее время писемъ Ср
рянскаго. Авторъ названной статьи, которая напечатана и
дѣльными оттисками, отвергаетъ возможность такого факта п
имущественно на основаніи сравненія приписываемыхъ Ко
цову *думъ* съ стихотвореніями, достовѣрно написанными Ср
рянскимъ. Едва ли такое доказательство достаточно. Спорн
вопросъ можетъ быть рѣшенъ только несомнѣнными докум
тами. Говорятъ, что такіе документы есть въ пользу Сребря
скаго. Что же ихъ не публикуютъ?

Изъ книгъ, въ послѣднее время напечатанныхъ въ Воронеж
упомяну брошюру г. Кравцова, «Монографія углей», составля
щую начало изданія, которое должно заключать въ себѣ цѣл
рядъ подобныхъ популярныхъ монографій по естествовѣдѣні
нодъ общимъ заглавіемъ: «Единство въ разнообразіи». Издан
этому можно предсказать успѣхъ, если только авторъ буде
умѣть придать своему изложенію болѣе живого интереса и ес
притомъ цѣна брошюры будетъ умѣреннѣе: 50 коп. за малев
кую книжку въ 100 стр. слишкомъ дорого.

Вниманія заслуживаетъ также напечатанный недавно «Ук
затель къ неоффиціальной части Воронежскихъ Губернскихъ В
домостей» (съ 1838 по 1865 г.), составленный г. Исаевы
Важность подобнаго труда оцѣнитъ всякій, кто нуждается
источникахъ для изученія Россіи. Такой примѣръ, поданн
бывшею редакціею «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», до
женъ быть принятъ въ руководство всѣми газетами этого ро
по остальнымъ губерніямъ.

IV.

Въ понедѣльникъ утромъ я наконецъ пріобрѣлъ въ статист
ческомъ комитетѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Переписка митр
полита кіевскаго Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ гр
фомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ и съ нѣкоторы
другими современниками (съ 1813 по 1825 г. включительно
Выпускъ второй». На оберткѣ сзади читается между прочим
«Третій и послѣдній выпускъ, содержащій письма 1824 и 182
годовъ, съ добавленіями и литографированными снимками с
рукописей, выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ 1870 года». Такъ ка

Digitized by Google

о первомъ выпускѣ въ свое время было говорено очень мало, то здѣсь я разсмотрю обѣ до сихъ поръ вышедшія книжки.

Хотя это изданіе и не относится прямо къ кругу дѣятельности статистическаго комитета, нельзя не согласиться, что онъ изданіемъ названной переписки оказываетъ наукѣ большую услугу. Эта учено-литературная переписка составляетъ отраднѣйшій фактъ въ исторіи русскаго образованія за первую четверть нынѣшняго столѣтія, и утрата ея была бы невознаградима. Можно однакожъ пожалѣть, что письма Евгенія и Румянцова изданы безъ всякихъ ученыхъ пріемовъ и представляютъ нѣсколько крупныхъ промаховъ, не говоря объ искажающихъ иногда смыслъ опечаткахъ. Въ самомъ началѣ уже читатель поставленъ въ недоумѣніе отсутствіемъ всякаго предисловія: онъ не видитъ, откуда почерпнуты эти письма, печатаются-ли они съ подлинниковъ, или съ отпусковъ, какими правилами руководствуются при этомъ издатели, держатся ли они правописанія корреспондентовъ и т. п. Впрочемъ, можетъ быть, объясненіе по всѣмъ этимъ и подобнымъ вопросамъ будетъ приложено къ послѣднему выпуску. Особенно чувствуется недостатокъ пояснительныхъ примѣчаній къ тексту писемъ. На первыхъ страницахъ, правда, сдѣлана попытка къ такому комментарію, но едва читатель успѣетъ порадоваться нѣсколькими небезъинтереснымъ замѣтками біографическаго содержанія, какъ рядъ ихъ вдругъ обрывается безъ всякой оговорки, и послѣ того всѣ поясненія почти исключительно ограничиваются заявленіемъ, что такого-то упоминаемаго въ томъ или другомъ письмѣ приложенія въ бумагахъ не найдено. Иногда читатель не встрѣчаетъ даже и такихъ пояснеій, которыя легко было бы извлечь далѣе изъ самой переписки. Такъ, на стр. 68 (2-й столбецъ), къ словамъ графа Румянцова: «Позвольте мнѣ занять васъ двумя французскими сочиненіями о древностяхъ Кимбрическаго Босфора, полученными мною отъ сочинителей», сдѣлано редакціею слѣдующее примѣчаніе: «какія это сочиненія — неизвѣстно»; а между тѣмъ эти сочиненія названы ниже въ самыхъ письмахъ. На стр. 69 и 79 упоминаются книги: 1) Antiquités du Bosphore Cimmérien, par Raoul-Rochette, и 2) Келера о Босфорскихъ медаляхъ. Очевидно, что это и есть тѣ два сочиненія, о которыхъ говорилось выше.

Изъ нѣкоторыхъ указаній въ первыхъ примѣчаніяхъ редакціи можно заключить, что вся эта переписка заимствована изъ бумагъ, доставшихся по смерти Евгенія родственнику его Ст. Гр. Устиновскому. Письма Румянцова напечатаны, повидимому, съ подлинниковъ (но отчего же редакція приняла вездѣ не современную имъ орѳографію: *Румянцевъ*?); письма же Евгенія—

Digitized by Google

съ отпусковъ, оставшихся въ его бумагахъ. Число писе
каждаго изъ обоихъ лицъ, еслибъ сосчитать ихъ, оказали
бы, вѣроятно, одинаковымъ. Заключающаяся въ двухъ по
выхъ выпускахъ переписка обнимаетъ ровно 11 лѣтъ (1813
1823). По мнѣнію редакціи, всѣ письма, предшествовавш
1813-му году, достались въ другія руки и, можетъ быть, у
уничтожены подобно многимъ другимъ бумагамъ, оставши
ся послѣ Евгенія. То, что до сихъ поръ напечатано, пре
ставляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи литературы за озн
ченное время. Конечно, большая часть писемъ по своимъ час
ностямъ могутъ быть любопытны только для спеціалистовъ,
многія другія исполнены высокаго интереса для всякаго обра
ваннаго человѣка. По этой перепискѣ легко прослѣдить учен
занятія и планы обоихъ высокопоставленныхъ лицъ; они постоя
но сообщаютъ другъ другу все, что ихъ интересуетъ, всѣ нов
открытія свои, чтенія, мысли, ожиданія; мы видимъ тутъ
самомъ возникновеніи и постепенномъ ходѣ многія предпріяті
прославившія Румянцова и Евгенія; они прилежно перепис
ваются о Мстиславовой грамотѣ, Словарѣ писателей, Памятн
кахъ словесности XII вѣка, Собраніи государственныхъ гр
мотъ, Кормчей книгѣ, иногда же и о такихъ начинаніяхъ, к
торыя остались безъ исполненія. Они высказываютъ любопы
ныя сужденія о многихъ ученыхъ современникахъ и молодыхъ
сотрудникахъ своихъ, тогда еще малоизвѣстныхъ: объ Анастас
вичѣ, Кеппенѣ, Востоковѣ, Калайдовичѣ; о Кругѣ, Френѣ, Ад
лунгѣ, Келерѣ, Лобойко; о Карамзинѣ, Добровскомъ, Лелевел
Линде и др.

Не касаясь здѣсь сообщаемыхъ письмами новыхъ подробно
стей объ извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ изслѣдованіяхъ, приве
нѣсколько выдержекъ, относящихся къ указаннымъ мною пре
метамъ общаго интереса. Въ 1817 году, и Румянцовъ и Евг
ній заботятся уже о созданіи русской палеографіи и ищутъ спо
собныхъ къ тому людей. Въ этихъ видахъ вниманіе обоих
мало-по-малу остановилось на Востоковѣ. «Вы меня, преосвя
щеннѣйшій владыко—пишетъ Румянцовъ въ началѣ 1822 года—
чрезвычайно одолжить изволили сообщеніемъ двухъ прелюбо
пытныхъ и преученыхъ писемъ г. Востокова; я къ вамъ их
возвращаю и не таю отъ васъ, ни отъ него, что прел
щался ими до крайности; я съ нихъ снялъ списокъ. Давно уж
я стараюся, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомством
съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, чт
будучи страшный заика очень страждетъ съ незнакомыми люд
ми, но далъ однако же мнѣ обѣщаніе сдѣлать для меня из

Digitized by Google

манускриптовъ бывшей Залускаго библіотеки извлеченіе грамотъ нашихъ *великихъ князей*, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое иждивеніе подъ его надзоромъ; но чтожъ? Болѣе года миновало, а я не получилъ, какъ о томъ домогался, имъ хотя и не совершенную роспись.... Я въ самой малой цѣнѣ держу давно г. Востокова. Александръ Ивановичъ Ермолаевъ и онъ, конечно бы, могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому не достаточны» (стр. 56).

Евгеній, съ своей стороны, хотя и находитъ, что Востоковъ «самъ развлеченъ многими должностями, ничѣмъ пристально не занимается, а сверхъ того и въ трудахъ медленъ и лѣнивъ», однакожъ находитъ нужнымъ «побольше снабжать сего нашего палеографа» древними рукописями. «Наконецъ — пишетъ Румянцову 30 іюля 1822 г.—мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться единственно какъ страшный заика, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ; при первомъ свиданіи я доведу до свѣдѣнія его, что объ немъ писать ко мнѣ изволите» (стр. 59). Вскорѣ исчезло и предубѣжденіе Евгенія о недѣятельности Востокова, и въ концѣ 1823 г. онъ уже такъ выражается о нашемъ покойномъ академикѣ: «Сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей наукѣ. Побудите его в. с. скорѣе издать какія нибудь правила для сей науки. У него ихъ много уже на примѣтѣ и никто больше в. с. не ободритъ его и не поможетъ ему въ изданіи, а жизнь его болѣзненна» (стр. 85).

Въ отзывахъ о своихъ сотрудникахъ два знаменитые друга однакожъ не всегда такъ же щедры на похвалы. Отдавая справедливость любознательности и дѣятельности Кеппена, они съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотрятъ на свѣдѣнія и основательность этого молодого ученаго (стр. 19, 20, 86, 90). Евгеній не особенно благосклоненъ и къ Калайдовичу. Въ письмѣ отъ 13-го января 1822 г., онъ, указавъ на разныя ошибки въ «Памятникахъ словесности XII вѣка», замѣчаетъ: «На стр. 222 изъ желанія противорѣчить мнѣ, издатель даже солгалъ, что мірское имя архіепископа Іоанна неизвѣстно.... Въ предисловіи тоже лгалъ онъ изъ охоты поправлять исторіографа.... Хвастливость, неблагодарность (не *досадливость*-ли?) и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстна» (стр. 54).

Особенно же достается Анастасевичу, впрочемъ совершенно справедливо, за небрежное изданіе «Словаря писателей». Въ 1817 г. преосвященный познакомилъ съ нимъ Румянцова, который, бла-

Digitized by Google

годаря его за это, называетъ Анастасевича достойнымъ; но октябрѣ слѣдующаго года канцлеръ пишетъ: «Когда г. Анас севичъ принесъ мнѣ одинъ экземпляръ напечатаннаго важн (такъ ли? не *вашего* ли?) Словаря Духовныхъ Россійскихъ сателей, я восхищался тѣмъ, что въ состояніи былъ о появ ніи сего преполезнаго сочиненія дать отчетъ вашему преос щенству; но радость моя скоро премѣнилась на печаль, ко я усмотрѣлъ, что сіе для меня по многимъ причинамъ дра цѣнное сочиненіе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва есть хуже сего изданія; могъ ли я ожидать отъ г. Анастасе ча, къ коему съ полною довѣренностію обратился я, сложи на него одного все попеченіе, такое явное небреженіе, и тѣ для меня удивительнѣе, что онъ вамъ кажется совершенно щ данъ и мною быть довольнымъ имѣетъ причину. Я точно т бовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома перемѣне былъ; не принесетъ мнѣ то чести, а неминуемо подвергне меня осужденію, что на сихъ листахъ сказано, что изданію ковому я причиною». Такимъ образомъ, мы здѣсь находимъ л бопытное объясненіе, почему на заглавномъ листѣ Словаря означено имя Румянцова, выставленное на другихъ, изданны на его счетъ книгахъ. «Не смотря на несовершенство его (т. Словаря) — продолжаетъ канцлеръ — я надѣюсь, что соверше ство самаго сочиненія все превозможетъ и что сіе изданіе раз дется; тогда вырученныя деньги употребятся на новое изданіе по наго историческаго словаря россійскихъ писателей. Сливъ вмѣс духовныхъ и свѣтскихъ подъ одинъ алфавитъ, можно будетъ да ему форматъ in quarto и передать его печатать въ Москвѣ; та мнѣ кажется исправнѣе здѣшняго занимается всякій своимъ д ломъ» (стр. 13). Надежды Румянцова на скорый сбытъ эт книги однакожъ не оправдались, какъ видно изъ дальнѣйш переписки (стр. 16 и 19).

Любопытно, какъ знаменитый нашъ меценатъ самъ смотрѣ на свою дѣятельность. Извѣщая своего ученаго друга о хо изданія въ Парижѣ приложеній къ путешествію Коцебу, о говоритъ: «Допустите меня, высокопреосвященнѣйшій влады отложа всякую скромность, препроводить здѣсь къ вамъ *возв щеніе отъ г. Мальтбрюна* о появленіи сего труда. Вы най изволите, что страннымъ образомъ, но однакоже любопытным онъ *меня приплелъ тутъ къ дѣламъ Гишпанскимъ*, и мен какъ сущаго *аристократа*, ставитъ въ укоризну аристократо нынѣшняго вѣка. Странно, что въ журналѣ Русскомъ и Лито скомъ [1]) вся сія часть отсѣчена и мнѣ оставлено только то

[1]) Вѣроятно, *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина.

Digitized by Google

честь, что кажутъ меня, какъ и всегда въ журналахъ нашихъ, единственно какъ щедраго *кассира Россійской словесности*. Вижу, я о себѣ сужу что-то иное» (стр. 67). Изъ этой переписки мы узнаемъ, какую благоразумную бережливость Румянцовъ долженъ былъ соблюдать въ распоряженіи средствами, которыя употреблялъ на пользу науки. «Напрасно—писалъ онъ,—г. Селивановскій приписываетъ медленности Алексѣя Ѳедоровича (*Малиновскаго*), что не приступлено еще къ изданію третьей части Государственныхъ грамматъ. Сей ходъ удерживаю я: на одну бумагу надобно десять тысячъ руб. Я съ удовольствіемъ издерживаю по сему и подобнымъ предметамъ денегъ очень много; но отъ того только намѣренія свои исполнить могу, что издерживаю ихъ не безъ разсчета и воздержанія» (стр. 27). Интересно далѣе сообщаемое имъ свѣдѣніе о способѣ, какъ онъ пріобрѣлъ двѣ самыя важныя рукописи Кормчей: «Обѣ я пріобрѣлъ денегъ не издерживая, а даровалъ единственному сыну того моего крестьянина, которому она принадлежала, *свободу безъ уплаты*» (52). Тутъ же мы получаемъ понятіе о предѣлахъ либеральности канцлера въ сообщеніи своихъ научныхъ сокровищъ другимъ. «Все, что къ вамъ я доставлялъ—говоритъ онъ—вы конечно властны вносить въ собственныя ваши сочиненія упоминаніемъ, ссылками и даже *полною копіею съ документовъ;* но покорно васъ прошу навсегда *не передавать другимъ*, именно *сочинителямъ журналовъ*: я не хвалю по журнальнымъ историческихъ преданій разсѣянность, хотя я обѣщалъ и самъ сочинителю Сѣвернаго Архива нѣкоторое вспоможеніе» (стр. 52). Въ другой разъ онъ пишетъ: «Я радуюсь тѣмъ, что такъ хорошо могъ отгадать, что вамъ, м. г., угожу присылкою вейнгсбергскихъ грамматъ. Онѣ принадлежатъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Посему я въ нихъ не могу допустить сдѣлать списка и для того покорно васъ прошу не начинать списывать тѣхъ, которыя вы хотѣли хранить въ библіотекѣ Кіевской академіи. Но не тужите, что я столь строго держусь сего справедливаго правила: онѣ всѣ напечатаны будутъ моимъ издивеніемъ, какъ принадлежность бумагъ Московскаго государственнаго архива. Объ этомъ уже я веду съ сенаторомъ Малиновскимъ переписку» (стр. 91).

Взаимное уваженіе и чувство преданности обоихъ лицъ, связанныхъ между собою одною любовью въ наукѣ, выражались не обоюдными услугами только, но часто и горячими завѣреніями. Румянцовъ звалъ своего духовнаго друга въ Петербургъ, предлагалъ всю свою богатую библіотеку въ его распоряженіе; Евгеній, узнавъ, что канцлеръ сбирался въ Кіевъ поклониться гробу

Digitized by Google

своего отца, приглашалъ его въ свой Софійскій домъ «дабы б лѣе имѣть случаевъ наслаждаться его бесѣдою». Несмотря н такія дружескія отношенія, Румянцовъ однажды принужде былъ рѣшительно отказать въ просьбѣ Евгенія помѣстить дву дочерей почтамтскаго чиновника Михайлова воспитанницами н счетъ капитала, оставленнаго покойною теткою графа, Анн Никитишной Нарышкиной. Тетка эта, проживъ 20 лѣтъ въ е домѣ, умерла въ 1820 году [1]); ея кончина такъ опечалила ег что онъ удалился на нѣкоторое время въ Новгородъ искать ут шенія въ совершенномъ уединеніи и архивныхъ занятіяхъ (ст 29 и 35). На ходатайство Болховитинова онъ, извиняясь, о вѣчалъ: «Всѣ мѣста по институтамъ, на которыя императри меня допускать изволитъ дѣлать помѣщенія, мною предоставле единственно небогатымъ сродницамъ покойной моей тетки, к торыхъ она по материнскому колѣну имѣетъ много. Утвер таковое правило, я отъ него не въ правѣ уже отстать» (3 Это, однакожъ, не помѣшало впослѣдствіи Евгенію исполнить п добную же просьбу Румянцова о принятіи въ кіевскую духо ную академію, за умѣренную плату, пансіонеромъ его, одно изъ сыновей гомельскихъ священниковъ. На письмо о томъ м трополитъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ (87).

Такимъ образомъ, разсматриваемая переписка заключаетъ в себѣ между прочимъ и довольно данныхъ въ дополненіе наши свѣдѣній о личности и жизни знаменитыхъ собесѣдниковъ. Так напр., на вопросъ Румянцова Евгенію, свободно ли онъ читае французскія книги, тотъ отвѣчаетъ, что онъ, «бывши долго п семинаріи (воронежской) *учителемъ сего языка* и много съ она переводивши, довольно свободно читаетъ на ономъ всякаго ро книги, а съ незнающими по-русски иностранцами иногда веде и переписку по французски» (стр. 42).

Относительно плановъ канцлера, неисполнившихся при жи ни его, мы узнаемъ, напр., что по его желанію Малиновск собиралъ для изданія всѣ древнія путешествія русскихъ люде Это намѣреніе своего друга Евгеній назвалъ *патріотическим* (стр. 31, 32). Около того же времени, въ 1820 году, Румя цовъ мечталъ объ учрежденіи общества писцовъ, которые «по надзоромъ мудраго вѣдателя Россійской исторіи», составили б собраніе алфавитныхъ указателей къ лѣтописямъ, такъ чтоб каждый изъ нихъ занимался извлеченіемъ однородныхъ имен

---

[1]) Анна Никитишна, рожденная Румянцова, двоюродная сестра Задунайскаг была вдова оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, брата Льву Але сандровичу, умершаго въ 1795 г.

Digitized by Google

и предметовъ. Для осуществленія же этого плана онъ указывалъ на учениковъ псковской семинаріи и на ея ученаго начальника. Евгеній, вполнѣ одобривъ эту мысль, совершенно уклонился отъ исполненія ея за недостаткомъ времени и умно прибавилъ: «По моему мнѣнію, это удобнѣе было бы исполнить, раздѣливъ лѣтописи по одиночкѣ многимъ для прочтенія и подчеркнувъ разноцвѣтными карандашами разныхъ матерій; а съ сихъ подчерковъ удобно можетъ все росписать по разнымъ тетрадямъ и одинъ писецъ на каждую лѣтопись. Сей механическій и прескучный трудъ чрезъ такое раздѣленіе могъ бы сдѣлаться не столь тяжелъ. Нужно только всѣмъ дать одинакій планъ» (33).

Извлеченные мною довольно многочисленные отрывки изъ первыхъ двухъ выпусковъ воронежскаго изданія могутъ показать каждому, какое драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы составитъ эта переписка, когда она вся будетъ напечатана. Пожелаемъ, чтобы статистическій комитетъ, трудящійся на родинѣ славнаго Евгенія, поскорѣе привелъ къ окончанію свое прекрасное предпріятіе, которое уже и теперь, несмотря на нѣкоторые недостатки, заслуживаетъ нашу искреннюю благодарность. Очень было бы полезно, еслибы къ послѣднему выпуску были приложены, между прочимъ: 1) алфавитный указатель упоминаемыхъ въ письмахъ личныхъ и географическихъ именъ, и 2) списокъ вкравшихся въ изданіе, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ опечатокъ, какъ напр. *продолженіе* вм. предложеніе, *недостаточный* вм. недостойный, *натурный* вмѣсто натужный и т. п. Въ заключеніе позволяю себѣ присоединить еще и другое желаніе: чтобы воронежскій статистическій комитетъ, по окончаніи этого труда, возвратился къ прерванному изданію историко-статистическихъ очерковъ Воронежской губерніи, отъ которыхъ, судя по началу, можно ожидать многаго.

Я. Гротъ.

Digitized by Google

СТАРОЕ ПО СТАРОМУ

Земскія сцены въ разсказѣ.

I.

Случай дороже денегъ.

— Подите вотъ какой законъ, говорилъ землемѣръ, умильн посматривая на посредника, расположившагося съ сигарой в рту въ мягкихъ креслахъ, въ своемъ кабинетѣ: у меня, как вамъ извѣстно, своей земли всего двадцать-три десятины; между тѣмъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть гласнымъ! Подите вот двухсотъ десятинъ нѣту, и я не могу...

— Чтожъ? медленно проговорилъ посредникъ: васъ могут выбрать мелкіе землевладѣльцы; вы баллотируйтесь...

— Да страшно, Семенъ Михайловичъ: ну — какъ на воро ныхъ прокатятъ...

— Конечно, всего удобнѣе баллотироваться въ крестьянских обществахъ: этотъ народъ темный...

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время кото раго сидѣвшій у дверей письмоводитель покушался что-то ска зать въ свою очередь, но конфузился и щипалъ свои усики.

— Еслибы вы,—почти умоляющимъ голосомъ заговорилъ зем лемѣръ: похлопотали за меня, Семенъ Михайловичъ. Я бы, уж что объ этомъ говорить! имѣньице ваше безъ копѣйки раз билъ... Я и такъ вами доволенъ; вы меня, признаться, и поите и кормите... по вашей милости и служу-то я, надо правду ска зать...

Землемѣръ вздохнулъ, потирая руками свои колѣни.

— Что-жъ? Сколько отъ меня зависитъ, извольте?

Digitized by Google

Посредникъ всталъ и позвонилъ. Явился слуга.

— Карета готова?

— Сейчасъ подадутъ.

— Ступай, скажи барынѣ. Только меня удивляетъ, снова обратился посредникъ къ землемѣру: изъ-за чего вы хлопочете? Все-таки дѣло — не дѣло, а вамъ надо разъ или два въ годъ побывать въ собраніи, прожить въ городѣ недѣлю, другую...

— Видите ли, Семенъ Михайловичъ: по совѣсти говоря, я вотъ около двухъ лѣтъ задаромъ получаю жалованье: разверстанья почти всѣ кончились, остались одни переполосныя владѣнія. Вотъ лѣто-то прошло, а мы съ вами и борозды не провели. Можетъ случиться, что должности землемѣровъ при посредникахъ закроются, объ этомъ давно поговариваютъ: я и останусь, какъ ракъ на мели... А тутъ, какъ я вотрусь въ гласные-то, немудрено, попаду и въ члены управы... кто знаетъ? шаръ-то дуракъ... А попаду въ члены, и прокормлюсь... Вѣдь я все-таки дворянинъ, Семенъ Михайловичъ...

— Ми-да! Конечно... скоро и должности посредниковъ уничтожатся...

— Вамъ-то ничего, подхватилъ землемѣръ: вы человѣкъ состоятельный. А вотъ каково нашему-то брату вертѣться безъ должности... какъ-нибудь выбиваться надо!...

— Хорошо, на этихъ дняхъ я поѣду по волостямъ...

— Похлопочите, подхватилъ землемѣръ: вамъ только слово сказать...

— Семенъ Михайловичъ! Заговорилъ вдругъ письмоводитель: нельзя-ли ужъ и мнѣ...

— Что? въ гласные?

— Да-съ! робко произнесъ юноша: сами судите, я тоже дворянинъ.

Посредникъ, улыбаясь, направился въ другую комнату.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной сцены въ селѣ Сахохвалова у волостного правленія, по случаю пріѣзда посредника, толпилась сходка. Въ отдаленіи, позвякивая колокольцомъ, стояла тройка вороныхъ, запряженная въ тарантасъ. Пріѣхавшій съ посредникомъ землемѣръ остановился на крыльцѣ и бесѣдовалъ съ мужиками:

— Ну, что ребята? ласково говорилъ онъ: хорошо я вамъ отрѣзалъ земельку-то?

— Ничего... Земля хорошая. Маловато только...

Digitized by Google

— Ну ужъ я чего не могу, такъ не могу... Количество десятинъ не отъ меня зависитъ...

— Знамо дѣло: вашей милости, что прикажутъ, то и есть...

— Тото и бѣда...

— Это насчетъ чего же, Ѳедоръ Павловичъ, намъ велѣно собраться? спросилъ одинъ мужикъ: насчетъ податей, али некрутчины...

— Это вотъ видите, объяснилъ землемѣръ: будутъ выбираться гласные... Понимаете? Въ городѣ будутъ сбираться дворяне, такъ нужно туда ѣздить... Конечно, дворянину можно разъѣзжать... у него и лошадей много и время есть... а ваше дѣло мужицкое... вамъ около дома обдумать надо...

— Это точно... это ты справедливо говоришь: что-жъ, жалованье, что-ли, полагается?

— Какое тамъ жалованье! жалованья нѣтъ! Задаромъ!... Вамъ всего лучше избрать изъ дворянъ — кого-нибудь...

— А что тамъ дѣлаютъ? спросили мужики.

— Въ городѣ-то? Я вамъ говорю, будетъ засѣданіе: ну, будутъ толковать, — какъ бы вамъ сказать, о чемъ? Напримѣръ: мостъ починить, или какъ уничтожить конокрадовъ? Мало ли что! однимъ словомъ, будутъ обсуждаться разные предметы по уѣздному хозяйству...

— Такъ. Стало быть, насъ собрали для чего же?

— Выбирать гласныхъ, чтобы они голосъ подавали... Да вотъ выйдетъ посредникъ, онъ вамъ все объяснитъ. Ну, какъ у васъ нонѣшній годъ хлѣбушекъ?

— Ничего... Зародился, Ѳедоръ Павловичъ, хорошъ повелева: гнѣвить Бога нечего... Супротивъ прошлогодняго много лучше...

— Какъ же можно, извѣстно лучше, подхватили голоса: лѣтось одна лебеда родилась, и той мало... до Святокъ не хватило...

Вышелъ посредникъ, за нимъ старшина, писарь и письмоводитель съ портфѣлемъ въ рукахъ.

— Я пріѣхалъ, объявилъ посредникъ мужикамъ, поговорить съ вами о ссыпкѣ хлѣба въ мірскіе магазины. Вамъ разрѣшено было взять хлѣбъ по случаю лебеднаго года, и вы его взяли весь. Теперь вы должны опять засыпать...

— Ваше благородіе! возразилъ одинъ крестьянинъ: оно положимъ, нонѣ Господь зародилъ, да вотъ тоже должишки есть. Кто взялъ у священника, кто у прикащика подъ заработки... Съ ними только расплатись, да обсѣйся...

— Ну, ты опять можешь взять; засыплешь и опять возьмешь, сказалъ посредникъ.

Digitized by Google

— Что-жъ, ваше благородіе, заговорила сходка: это только пересыпать?...

— Ну, вотъ старшина съ вами объ этомъ потолкуетъ. Я пріѣхалъ еще затѣмъ, чтобы выбрать гласныхъ. Вы знаете, что такое гласные?

— Гдѣ-жъ намъ, ваше благородье, знать!...

— Это должно десятскіе?... возразилъ одинъ.

— Это просто надо будетъ ѣздить въ городъ, тамъ будетъ земское собраніе, такъ отъ всѣхъ сословій нужны гласные... понимаете?

— Слухаемъ...

— Кого же вы желаете?

Мужики начали переглядываться между собою. Спереди послышался голосъ:

— Кого вашей милости будетъ угодно...

— Ну вотъ, напримѣръ, старшина, объявилъ посредникъ: онъ и такъ въ городъ ѣздитъ на почту...

— Что-жъ? Ничего, заговорилъ народъ.

— Выбирайте кого вамъ угодно, я васъ не стѣсняю: только мое мнѣніе — старшину всего лучше выбрать... онъ можетъ и заявить свое мнѣніе, ему не привыкать говорить съ высшими лицами...

Мужики молчали. Черноволосый, курчавый писарь обратился къ сходкѣ:

— А то что вы выберете изъ себя какое-нибудь дупло? Онъ и будетъ сидѣть въ собраніи,—хлопать ушами...

— Старшину, такъ старшину! заговорилъ народъ: человѣкъ хорошій!

— Ну, такъ стало быть согласны старшину? спросилъ посредникъ.

— Ничего! пускай ѣздитъ!

— Согласные надѣвайте шапки!

Всѣ надѣли шапки. Посредникъ обратился къ письмоводителю: «запишите!»...

— Ну, еще кого выбираете? Вамъ нужно трехъ...

— Вашей милости извѣстнѣй, послышались голоса.

— Экіе, братцы! выбираю не я, а вы! По моему вотъ, напримѣръ могъ бы вамъ сослужить Ѳедоръ Павловичъ, указывая на землемѣра, сказалъ посредникъ.

Въ толпѣ многіе начали почесывать затылки.

Сельскій староста, который во время размежовки земли въ Самохваловѣ не разъ пивалъ чаекъ у землемѣра, обратился къ толпѣ и рѣшительно произнесъ:

Digitized by Google

— Что-жъ, ребята? Ѳедора Павловича, такъ Ѳедора Павловича! Человѣкъ — Боже мой! сами знаете! Староста торжественно окинулъ толпу глазами...

— Человѣкъ, знамо, росейскій... сказалъ кто-то...

— Обиды отъ него не видали.

— Ну, и толковать нечего! заключилъ староста: онъ обратился къ письмоводителю: запишите Ѳедора Павловича.

— Вѣдь онъ не нашъ! возразилъ одинъ мужикъ.

— То-есть, какъ не вашъ? спросилъ посредникъ.

— Слышь не изъ мужиковъ... онъ на нашу сторону гнуть-то не будетъ...

— Какъ вамъ угодно! сказалъ посредникъ: но во многихъ волостяхъ мужики выбираютъ въ гласные даже самихъ посредниковъ... Это ничего, что дворянинъ.

— Теперь такое время, подхватилъ землемѣръ, что между помѣщиками и крестьянами интересы стали общіе: какъ помѣщику пріятно проѣхать по хорошему мосту, такъ и крестьянину.

— Такъ согласные избрать Ѳедора Павловича надѣвайте шапки! сказалъ посредникъ. Толпа мало-по-малу начала накрываться.

— Запишите! обратился посредникъ къ письмоводителю. Ну-съ, теперь кого же третьяго? вы говорите! не стѣсняйтесь! Указывайте человѣка, который вамъ нравится и которому вы довѣряете.

— Да вотъ, Панфила Егорыча, заговорили мужики, указывая на дворника. Онъ человѣкъ зажиточный и грамотѣ знаетъ! человѣкъ благочестивый.

— Увольте, ваше благородіе, началъ дворникъ.

— Отъ чего же? спросилъ посредникъ.

— Мы народъ незнамый... опять у меня присѣвецъ большой... ребятенки еще не подросли... Гдѣ нашему брату! Насъ съ толку собьютъ...

— Вотъ что, любезный, возразилъ посредникъ: тебя выбираетъ міръ, а не я...

Дворникъ обратился къ сходкѣ съ поклонами:

— Ослобоните, отставьте братцы!

— Ну что-жъ? заговорили мужики: насильно не можно... когда такое дѣло... ну Яремку Савостьянова...

— Вотъ Ванюшку Павлова.

— Акимъ Проплетинъ годится...

— Иди, ничего! мы тебя выбираемъ, говорила сходка, выдвигая впередъ одного сѣдого старика.

Digitized by Google

— Нѣтъ, увольте братцы: силы мои плохія, а тамъ вишь въ городъ надо ѣздить. Господь съ вами совсѣмъ... говорилъ старикъ.

— Я вижу, перебилъ посредникъ, вы проговорите долго, не угодно ли я порекомендую вамъ человѣка?...

— Это такъ! ваше благородіе, подхватилъ староста: кого вы скажете, тотъ и нашъ! а то у насъ никакого порядку не дождешься. Галдятъ, а толку нѣтъ.

— Это будетъ короче! замѣтилъ писарь.

— Вотъ, неугодно ли вамъ Ивана Иваныча, объявилъ посредникъ, указывая на письмоводителя. Онъ со мной третій годъ ѣздитъ по васъ, и вы его хорошо знаете.

Мужики молчали. Сконфуженный письмоводитель скрылся въ сѣняхъ.

— Ну, что же вы уперлись? возразилъ вдругъ старшина: чего вы въ самомъ дѣлѣ? Начальство за васъ безпокоится, а вы куражитесь... Выбирать, такъ выбирать... Стало-быть не хотите Ивана Иваныча?

— Мы имъ не обижены.

— А не обижены, такъ что же? Въ добрый часъ!...

— Повторяю, замѣтилъ посредникъ: я васъ нисколько не стѣсняю: выборъ совершенно зависитъ отъ васъ...

— Они согласны! сказалъ старшина и скомандовалъ: согласные надѣвайте шапки!...

— Согласны или нѣтъ? спросилъ посредникъ.

— Согласны! Согласны! закричалъ старшина и первый надѣлъ шапку, за нимъ мало-по-малу начала накрываться толпа.

— Ну, теперь выборъ кончился, объявилъ посредникъ. Кто же за васъ роспишется?

— Писарь, знамо дѣло, сказалъ староста.

— Кому-жъ больше? Онъ завсягда росписывался, замѣтилъ староста и обратился къ писарю: отбирай отъ нихъ руки....

Когда мужики одинъ за другимъ подали свои руки писарю,— посредникъ велѣлъ имъ отправляться по домамъ. Пришедши въ волостное правленіе, посредникъ началъ диктовать письмоводителю: «18.. года, сентября, дня... собранные крестьяне Самохваловской волости въ количествѣ .... лицъ избрали отъ себя...» и проч.

Вскорѣ зазвенѣлъ колокольчикъ, и посредникъ скрылся.

Digitized by Google

II.

Баллотировка.

Наступило 30 сентября, — день избранія гласныхъ, членовъ управы и членовъ губернскаго земскаго собранія. По направленію къ городу потянулись экипажи всевозможныхъ видовъ. Летятъ богатые землевладѣльцы въ щегольскихъ коляскахъ и кабріолетахъ, гордо посматривая на уполномоченныхъ, которые, завалясь въ своихъ полуразрушенныхъ тарантасахъ, мечтаютъ о томъ, что наконецъ и они выдвигаются на свѣтъ Божій: имѣющій пряжку за двадцатипятилѣтнюю службу непремѣнно пристегнетъ ее къ своему сюртуку, и съ достоинствомъ появится въ кругу дворянъ, вмѣстѣ-молъ съ графами и князьями; иначе всѣмъ имъ пришлось бы сидѣть дома и толковать съ старостами объ овинахъ и умолотахъ. Тамъ ѣдетъ владѣтельница семи десятинъ земли, желая кому-нибудь передать право голоса; — кучеръ ея подпоясанъ путомъ и всѣ мѣры употребляетъ, чтобы не ударить свою барыню лицомъ въ грязь. Тамъ ѣдутъ два попа на одной телѣгѣ; на бѣговыхъ дрожкахъ, въ архалукѣ, молодой помѣщикъ, которому недавно перешло родовое имѣніе, въ сопровожденіи борзой собаки летитъ сломя голову, какъ будто далъ себѣ клятву перегнать всѣхъ. Тамъ взбирается на горку старшина, въ рѣзной телѣжкѣ; за нимъ, подгоняя своихъ клячъ, плетутся мужики.

Городъ принимаетъ праздничную физіономію. Купцы, вышедши изъ лавокъ, занимаются разцѣнкою жеребцовъ и дорогихъ экипажей, которые съ грохотомъ проносятся изъ улицы въ улицу, подкатываются то къ клубу, то къ гостинницѣ для пріѣзжающихъ, то къ дому исправника или городского врача, извѣстнаго хлѣбосола. Многіе землевладѣльцы ходятъ изъ лавки въ лавку, справляясь съ цѣнами на хлѣбъ, т.-е. говоря мѣстнымъ языкомъ «приторговываются». Карманы ихъ длиннополыхъ бекешъ наполнены образчиками овса, гречихи,—а также нѣжинскими корешками; у иныхъ косицы волосъ причесаны впередъ, на шеѣ толстые галстухи, а на щекѣ флюсъ, завязанный платкомъ. Идутъ разговоры объ оврагахъ, сломанныхъ осяхъ, и пр. Духовные въ запыленныхъ шляпахъ при встрѣчѣ между собою цѣлуются и ведутъ разговоръ:

— Чтожъ къ намъ къ празднику не пріѣзжали?

— Некогда. Клировыя все писалъ... а тамъ духовныя вѣдомости отвозилъ благочинному. Что, говорятъ, владыко пріѣдетъ?

— Слухи носятся... Вы куда теперь?

Digitized by Google

— Хотѣлъ женѣ ситцу купить... да вотъ не знаю, должно быть скоро надо идти въ собраніе.

Одинъ духовный приходитъ въ лавку, гдѣ встрѣчаетъ земляка, сидящаго на диванѣ съ сигарой во рту.

— А! кричитъ земляка. И вы пожаловали! прошу покорно присѣсть.

Духовный кланяется купцамъ, вытираетъ лобъ платкомъ и садится рядомъ съ земляка.

— Знаете ли, батюшка? говоритъ послѣдній: вѣдь я сюда пріѣхалъ такъ только, чтобы шары класть....

— Какъ же такъ? Теперь кажется баллотировка гласныхъ?

— Нѣтъ! вѣдь я ужъ выбранъ-съ! объявляетъ земляка.

— Какимъ манеромъ? спрашиваетъ священникъ.

— А вотъ изволите видѣть: чтобы не путать, т.-е. не вызывать тѣхъ, у которыхъ безъ четверти три десятины, выборъ гласныхъ рѣшается волостнымъ правленіемъ.

— Кѣмъ-съ? переспросилъ священникъ.

— Волостнымъ правленіемъ. Значитъ, я ужъ давно выбранъ!

— Вотъ какъ! Позвольте поздравить!

— Тутъ, батюшка, дѣло не въ томъ, продолжалъ земляка: меня собственно интересуетъ баллотировка въ члены управы! А гласный что!...

— Видите, Ѳедоръ Павловичъ: членъ управы, я вамъ скажу, дѣло серьезное,— замѣтилъ священникъ: недаромъ имъ и жалованье назначается хорошее! Жаль, что людей нѣтъ... Надо выбрать человѣка хозяйственнаго....

Входитъ въ лавку одѣтый по послѣдней модѣ купчикъ. Онъ раскланивается съ земляка и духовнымъ, ловко приподнимая свою шляпу, подходитъ къ стойкѣ и закуриваетъ папиросу.

— Гдѣ это ты пропадалъ? Спросилъ старикъ купецъ.

— Я не пропадалъ, а, можно сказать, напился.

— Много васъ такихъ-то находится: кто въ клубѣ, а кто Богъ знаетъ гдѣ!

— Батенька! позвольте вамъ сказать: времена теперь стали, надо говорить, новыя. Вамъ это дѣло очень трудно понять... Я можетъ сейчасъ разговаривалъ съ предсѣдателемъ, а вы говорите въ клубѣ... тамъ... Вотъ насчетъ товару въ лавкѣ я пойму, и насчетъ тоже земства я, стало-быть, пойму: а вы къ примѣру—обополъ торговли можетъ-быть и лучше меня, а насчетъ земства дѣло особенное....

— Да ты понимаешь ли, что такое земство-то? возразилъ старикъ.

— Вотъ какъ стало-быть: ноня будетъ баллотировка въ гу-

Digitized by Google

бернскіе гласные... такъ это наше дѣло!... а что можетъ-быть повремени у насъ будетъ обѣдать губернаторъ... такъ это статья другая....

— Смотри не загреми ты съ этимъ земствомъ... Ты вонъ какимъ-то попечителемъ выбранъ, да еще почетнымъ. Теперь опять хочешь баллотироваться. А тамъ Митька пріѣхалъ, сказываетъ мельницу сорвало, ливень прошолъ... Всѣ затвори отперли, пустили воду на холостыя колеса, а ты все таскаешься...

— Позвольте, батенька: вода это дѣло Божіе, и къ примѣру ливень Господне навожденіе... Ну, ежели меня поставляютъ на видъ, то я отъ эвтаго не буду отказываться. Вѣрно говорю! Ежели я буду губернскимъ членомъ, то я могу со всякими лицами сойтись по торговой части. А между прочимъ, глядишь, выйдетъ и медаль... А что, не пора ли намъ въ собраніе? обратился купчикъ къ гостямъ. Скоро 11 часовъ.

— Теперь пора! Я сейчасъ! только слова два скажу батюшкѣ. Видите въ чемъ дѣло, шопотомъ говорилъ землемѣръ, обращаясь къ священнику: я вамъ буду вѣкъ слуга. Я давно имѣю виды на эту должность. Поддержите!...

— Извольте, извольте: я скажу своимъ....

— Помилуйте! продолжалъ землемѣръ: вотъ напримѣръ Подковкинъ, Печуркинъ, Савинъ — вѣдь они не пойдутъ въ члены управы?

— Почему же? спросилъ священникъ.

— Кто имъ велитъ! каждый изъ нихъ небойсь тысячъ по двадцати въ годъ получаетъ доходу!... Они и не подумаютъ: а, по моему мнѣнію, кто меньше получаетъ доходу, тотъ гораздо ревностнѣй будетъ служить земству....

— Оно такъ....

— Ну, пойдемте, Алексѣй Ивановичъ! обратился землемѣръ къ купчику—такъ вы сегодня баллотируетесь.

— Непремѣнно! съ достоинствомъ проговорилъ послѣдній.

Ровно въ 11 часовъ публика стекается въ управу. Здѣсь всѣ разбиваются на кружки, по-сословно: познатнѣе особо, средней руки помѣщики съ примѣсью духовенства и купцовъ особо, мелкіе уполномоченные съ старшинами, а мужики уже сидятъ въ собраніи на заднихъ скамейкахъ, заботясь о томъ, какъ бы не распропали ихъ шапки; при появленіи въ залѣ какого-нибудь сюртука, они дружно вскакиваютъ, приглаживая руками свои волосы.

Знатныя лица, искоса и гордо кивая кланяющимся имъ знакомымъ помѣщикамъ средней руки, старшинамъ и попамъ, продолжаютъ между собою бесѣду, начатую въ клубѣ или гостин-

Digitized by Google

нцѣ, о паровыхъ машинахъ, о питейныхъ сборахъ, о лучшемъ способѣ гнать водку изъ пеклеванки. Бесѣда идетъ во всѣхъ кружкахъ... Одинъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ заискиваетъ расположеніе незнакомаго священника:

— Позвольте, батюшка, узнать: вы изъ какого села?

— Села Бороньи-Клевцы, что на Сивой Воронкѣ...

— А! знаю: у васъ управляющій Ерошкинъ.

— Точно такъ,—говоритъ батюшка, держа руку подъ бородой, какъ бы застегивая рясу.

— Ну, какъ у васъ приходъ?

— Какой у насъ приходъ! Сбираемъ все тоже, что сбиралось во времена Екатерины Второй: а расходу впятеро больше...

— Ну, что́ слышно о сокращеніи штатовъ?

— Да-съ! дьячковъ, слышно, вонъ!...

Баринъ, видя, что разговоръ не клеится, обращается къ своему приходскому священнику:

— Послушайте, отецъ Поликарпъ: видите, я васъ хотѣлъ покорнѣйше просить объ одномъ дѣлѣ.

— Что такое? Съ удовольствіемъ, Прохоръ Ефимовичъ....

— Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ: нельзя ли какъ-нибудь поналадить поповъ... Я вотъ сейчасъ подходилъ къ одному... ну, первое знакомство... какъ-то неудобно, знаете ли... А вы скорѣй съумѣете поустроить дѣльце...

— Въ чемъ собственно дѣло? скажите....

— По совѣсти сказать, я вамъ каюсь... все равно: мнѣ хочется быть членомъ управы... такъ понимаете? надо поналадить духовенство... а духовенство старшинъ... вѣдь я очень хорошо знаю, что это все въ рукахъ ихъ!...

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! запахиваясь, говоритъ батюшка.

— Такъ сдѣлайте одолженіе... а ужъ тамъ... мы съ вами сочтемся...

— Ахъ, помилуйте: я вами и такъ доволенъ...

— Знаете, возокъ соломки, скотинку пустить въ стадо, многозначительно произнесъ помѣщикъ.

— О, Боже мой! Неужели я?...

Баринъ докуриваетъ папиросу и, ловко повертываясь на одномъ каблукѣ, примыкаетъ къ кружку помѣщиковъ, съ которыми немедленно вступаетъ въ разговоръ.

А батюшка, понявъ свою роль, начинаетъ расправлять свою бороду и волоса и подходитъ къ одному изъ своихъ собратій.

— Вы кажется изъ села Косоурова?

— Такъ точно... Вы не отецъ Поликарпъ?

Digitized by Google

— Я самый... Пожалуйте-ко сюда... дѣло вотъ въ чемъ: въ случаѣ, какъ будутъ баллотировать членовъ управы — кого вы намѣрены избрать?

— Да кто ее знаетъ!... Навѣрное будетъ кто-нибудь изъ господъ: потому мужика не выберутъ: а попамъ по закону нельзя; купцы тоже народъ невѣжественный.

— А знаете ли, я вамъ что скажу! намъ лучше не найти помѣщика Режимова: можетъ быть, онъ вовсе не будетъ баллотироваться... Но въ случаѣ, если онъ согласится, то лучше не надо; я его хорошо знаю: онъ мой прихожанинъ и духовный сынъ... человѣкъ, я вамъ скажу, весьма добропорядочный....

— Да что-жъ? Я право тутъ никого не знаю.... въ первбй пріѣхалъ; впрочемъ, благодарю за рекомендацію....

— Вашего прихода есть уполномоченный?

— Какъ же! Старшина, еще Сидоръ Ивановъ....

— Такъ вотъ и прекрасно! вы скажите-ко имъ, да и нашему брату — попамъ.... Знаете, отъ этого многое зависитъ....

— Хорошо.... Что-жъ? Извольте....

Первый священникъ подходитъ къ кучкѣ своихъ собратій, о чемъ-то жарко бесѣдующихъ:

— О чемъ это, у васъ, господа, идетъ рѣчь?

— Да вотъ насчетъ картины приснодѣвства, что у Пятницы надъ папертью виситъ. Мы добиваемся, что́ она, изъ св. Писанія заимствована, или изъ преданія? Вотъ у насъ и вышелъ споръ.

— Тутъ, господа, не о преданіи, а толкъ о земствѣ.

— Земство еще не начиналось, невинно говорятъ бесѣдующіе.

— Эхъ, господа! когда начнется, тогда некогда.

Отецъ Поликарпъ объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло: тѣ соглашаются избрать Режимова.... Но первый, какъ говорится, входитъ во вкусъ и пропагандируетъ свое мнѣніе далѣе. Онъ подходитъ къ знакомому намъ старшинѣ Самохваловской волости и, хватая его за цѣпь, говоритъ:

— Послушай! когда будутъ баллотировать въ члены управы, такъ ты вонъ энтому господину — видишь въ кургузомъ-то одѣяніи? — клади направо!

Старшина чешетъ затылокъ и говоритъ:

— Да вѣдь посредникъ имъ недоволенъ.... Я этого господина знаю....

— Экой ты неразумный! развѣ посредникъ узнаетъ, куда ты положишь? вѣдь ты шаръ-то положишь подъ сукно.... Чуешь, аль нѣтъ?

— Погоди-жъ! слегка подумавъ, говоритъ старшина: я-жъ

Digitized by Google

ему отплачу!... а то онъ меня надысь засадилъ въ другую волость въ чижовку.... Важное дѣло: поданями замѣшкался....

— Ну, вотъ и ладно! А кто у васъ еще изъ уполномоченныхъ?

— Есть, то-есть.... да что? Землемѣръ, стало быть; еще письмоводитель....

— Что-жъ, развѣ они плохи?

— Не то, чтобы плохи, да нашего дѣла-то не знаютъ. Ихъ выбиралъ посредникъ перва.... и съ ими и пріѣхалъ въ волость.... а мы у него подъ властью: что скажетъ, то и есть.... а міръ-то неразумный.

Въ это время къ старшинѣ подошелъ землемѣръ и, въ свою очередь хватая его за цѣпь, объявилъ:

— У меня есть до тебя дѣльце.... пойдемъ сюда: когда будетъ разговоръ въ собраніи, что выбирается членъ управы, такъ ты поднимешь сукно.... вонъ видишь, синее-то? клади прямо направо! И вонъ энтимъ скажи, указывая на мужиковъ, прибавилъ землемѣръ: я, братецъ, по душѣ скажу тебѣ.... ты меня хорошо знаешь: если у насъ это дѣло пойдетъ, какъ слѣдуетъ....

— Слушаю, Ѳедоръ Павловичъ...

— Ну, то-то! смотри....

Старшина идетъ къ толпѣ мужиковъ.

Купцы также составили отдѣльный кружокъ.

Они ведутъ рѣчь о томъ, имѣютъ ли право купцы баллотироваться въ члены управы.

— Оно конечно, что имѣютъ право, говоритъ одинъ: только гдѣ-жъ нашему брату заниматься службой? а вотъ наше дѣло насчетъ съемки подрядовъ....

— Какіе-же тутъ подряды?

— Какъ какіе? вотъ дамба, напримѣръ; али мостъ черезъ рѣчку.... однихъ трубъ въ уѣздѣ погибель! Все это будетъ съ подряду сниматься, и все въ управѣ.

Вдали слышится колокольчикъ и голосъ предсѣдателя:

— Господа! прошу занять мѣста!

Всѣ суетятся; въ залу засѣданія устремляется публика изъ разныхъ дверей: всякій спѣшитъ занять мѣсто поближе къ предсѣдателю. Въ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ, куда ни попало бросаются окурки папиросъ и сигаръ. Одинъ господинъ долго заминалъ свою папиросу объ раму, наконецъ, услыхавъ вторичный зовъ предсѣдателя, бросилъ окурокъ въ графинъ съ водою.

— Господа! прошу васъ не расхаживаться! замѣтилъ пред-

Digitized by Google

сѣдатель. — Одинъ изъ господъ, намѣревавшійся выйти изъ залы, объявилъ:

— Я желаю пить....

— Такъ вамъ подадутъ! внушительно произнесъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ прикажите подать! не менѣе внушительно возразилъ господинъ.

Предсѣдатель звонитъ. Вбѣгаетъ секретарь управы, думая, что нужно подать дѣло.

— Подайте стаканъ воды его сіятельству! говоритъ предсѣдатель.

Публика усѣлась такимъ образомъ: уѣздная знать, небрежно развалившись въ разныхъ позахъ, поигрывая брелоками, взбрасывая и сбрасывая pince-nez, помѣстилась близъ предсѣдательскаго стола. Достаточные помѣщики, положа руки на колѣни, въ первыхъ рядахъ креселъ; за ними духовенство, наклонившись другъ къ другу и о чемъ-то перешептываясь. Старшины усѣлись на скамьяхъ рядомъ съ мужиками; позади всѣхъ стояли зрители: уѣздные франты въ цвѣтныхъ галстухахъ, купцы, учителя, купеческія и протопопскія дочери и пр.

— Господа! объявилъ предсѣдатель: на основаніи статьи Земскихъ положеній мы должны приступить къ выбору уѣздныхъ гласныхъ, затѣмъ членовъ управы и наконецъ губернскихъ гласныхъ. Надѣюсь, милостивые государи, что вы будете дѣйствовать безпристрастно и вполнѣ оправдаете довѣріе высшаго начальства. Итакъ, не угодно-ли вамъ будетъ приступить....

Слышится звонъ падающихъ на тарелку шаровъ, поднимается суматоха; изъявившій желаніе баллотироваться удаляется въ другую комнату. Наконецъ предсѣдатель громко считаетъ: «разъ, два, три.... не и-з-бранъ!...

Многіе бѣгутъ въ другую комнату, гдѣ завязывается оживленный разговоръ:

— Ну, батюшка! ничего не сдѣлаешь!...

— Сила солому ломитъ! честное слово, я вамъ положилъ направо....

— Я увѣренъ, говоритъ забаллотированый, но признаться, я служить вовсе не намѣренъ.... потому эти разъѣзды, безпокойство....

— Интересно, — кто клалъ налѣво?...

— Это вѣдь я сталъ баллотироваться — такъ.... пристаютъ! надо же кому-нибудь....

— Конечно! конечно!...

Digitized by Google

Передъ окончаніемъ баллотировки въ губернскіе гласные одинъ изъ посредниковъ заявилъ:

— Господа! Мы почти всѣ выбрались.... но изъ крестьянъ никого нѣтъ.... Желательно было бы, чтобы въ губернскомъ земскомъ собраніи былъ кто-нибудь представителемъ отъ крестьянскаго сословія.

— Да вѣдь это невозможно, вполголоса замѣтилъ одинъ изъ уѣздной знати: для этого нужны средства.... проѣхать въ губернію, прожить тамъ....

— Къ чему это? пожимая плечами, шепнулъ посреднику другой. Поймите, тамъ залъ одинъ чего стоитъ?... и вдругъ вы хотите туда втащить лапти....

— Нельзя, господа! выразительно произнесъ посредникъ: время такое!... неловко... что дѣлать! и лапти въ моду стали входить.... Что касается средствъ, я увѣренъ, что у многихъ мужиковъ стараго хлѣба найдется скирдовъ пять. Притомъ же этотъ гласный остановится не въ гостинницѣ, а на постояломъ дворѣ: будетъ себѣ валяться на палатяхъ....

Посредникъ подходитъ къ предсѣтелю и заявляетъ:

— Позвольте васъ просить сдѣлать предложеніе, не окажется ли желающаго баллотироваться изъ крестьянъ?

— Ахъ! это прекрасно! благодарю васъ за мысль! Предсѣдатель звонитъ, всѣ усаживаются: Господа! такъ какъ народонаселеніе нашей благоденственной Россіи состоитъ изъ разныхъ сословій, то вотъ, при окончаніи баллотировки въ губернскіе гласные, я считаю себя обязаннымъ, какъ предсѣдатель, замѣтить маленькое упущеніе. Намъ нужно въ губернское земство 11 гласныхъ. Десять уже отбаллотированы и въ числѣ ихъ нѣтъ представителя отъ крестьянства. А потому считаю долгомъ предложить вамъ, милостивые государи, господа крестьяне, не угодно ли вамъ изъявить желаніе баллотироваться въ губернскіе гласные....

Общее молчаніе. Мужики подняли головы и пристально смотрѣли на предсѣдателя, какъ будто ожидая, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь. Наконецъ, поднялся съ бронзовою медалью одинъ изъ старшинъ и объявилъ:

— Къ примѣру, ваше сіятельство, оно бы можно.... но какъ мы понаслухались, что это дорого стоитъ, такъ нашему брату не подходитъ.... вы сами знаете наши достатки....

— Но вы поймите, замѣтилъ предсѣдатель, обращаясь къ старшинѣ: вы не можете израсходовать того, что господа.... у васъ свои потребности.... у васъ свои потребности....

— Я заявляю всему земству, подхватилъ посредникъ: что

Digitized by Google

касается матеріальныхъ средствъ — я всѣ расходы беру на себя; пусть выбираютъ любого, достойнаго изъ крестьянъ, я его возьму съ собой и довезу....

При этихъ словахъ предсѣдатель обратился къ секретарю и произнесъ: «вы извольте записывать....»

— Я ужъ записалъ, объявилъ секретарь.

— Такъ вотъ, господа, снова началъ предсѣдатель: не угодно ли приступить къ баллотировкѣ въ губернскіе гласные изъ крестьянскаго сословія.

Всѣ поднялись. Утомленные помѣщики начали вытягиваться; недовольные предстоящей баллотировкой энергически подергивали усы и косились на безпорядочную толпу мужиковъ, которые встали съ своихъ мѣстъ и подняли споръ:

— Ивлій Корнеичъ! Что-то я не разберу! Это насчетъ чего?

— Погоди! сейчасъ пойдутъ выборы.... ты молчи, знай!

— Господи! отродясь въ-первой вижу.

— Ты пойми! объясняетъ старшина: насъ хотятъ все-равно сравнять съ господами.... то-есть, сперва надо ѣхать въ губернію....

— А харчи?

— Тебѣ сказываютъ, — посредникъ беретъ на себя.

Сзади всѣхъ выдвигается высокаго роста мужикъ и навалившись на толпу кричитъ:

— Ефимычъ! скажи перва́, насчетъ чего это?

Шумъ усиливается, предсѣдатель звонитъ, объявляя:

— Господа! такъ невозможно! не угодно ли вамъ идти и получать шары!

Старшина съ укоризной обращается къ мужикамъ:

— Ишь подняли галду! изъ-за васъ дураковъ зазвонили.... можетъ десять генераловъ выбрали, такого шуму не было.... а вы что? въ острогъ что-ль васъ сажаютъ? Небойсь, господа-то не глупѣй насъ!...

— Итакъ, господа, говоритъ предсѣдатель: кто же изъ васъ желаетъ баллотироваться? Къ вамъ такъ внимательно высшее сословіе, что не только захотѣло имѣть васъ среди себя въ дѣлахъ административныхъ, а даже господинъ мировой посредникъ Солнцевъ на свой счетъ желаетъ одного изъ васъ везти въ губернію и обратно....

— Ступай! иди! чего смотришь? перепирались мужики.

— Ну, ты Андрей!

— Кто ее знаетъ!...

— Ну, кто-же? Спрашиваетъ предсѣдатель.

Digitized by Google

Одинъ изъ посредниковъ подходитъ къ предсѣдателю и сообщаетъ:

— По моему мнѣнію, лучшаго нельзя найти, какъ старшину Копарева....

— Вотъ, напримѣръ, господинъ Копаревъ, объявляетъ предсѣдатель: желаете баллотироваться въ губернскіе гласные?

— Что-жъ? когда дѣло стало, почему-жъ не такъ? говоритъ Копаревъ.

— Не угодно ли вамъ выйти въ другую комнату. Господа баллотируется старшина Копаревъ....

Копарева избираютъ. Посредникъ Солнцевъ подзываетъ его къ себѣ и говоритъ:

— Ты, братецъ, поѣдешь со мной: будь покоенъ, я тебя буду поить, кормить, словомъ, ты ни одной копѣйки не истратишь; только прошу объ одномъ: держи себя поблагороднѣй....

— Извѣстно, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ старшина, наше дѣло мужицкое.... мы промежъ васъ на-смѣхъ только....

— Нѣтъ, ты не понимаешь; теперь сліяніе всѣхъ сословій... намъ пріятно....

— Господа! Засѣданіе прекращается! Завтрашній день прошу пожаловать въ одиннадцать часовъ утра, объявляетъ предсѣдатель.

Публика хлынула вонъ. Начались поздравленія; шумъ, говоръ, смѣхъ. Кто отправился въ клубъ обѣдать, кто въ номеръ къ своему семейству, кто на постоялый дворъ. Землемѣръ приходитъ въ лавку.

— Ну, что? вы все были въ засѣданіи? спрашиваетъ купецъ.

— Да, покончили! съ достоинствомъ говоритъ землемѣръ.— Прикажите-ка отпустить два фунта чаю, голову сахару, макаронъ, сигаръ....

— Сколько сигаръ прикажете? пачку?

— Нѣтъ! я думаю ящикъ. Да гостинцевъ какихъ-нибудь заверните.

— Ну, что у васъ тамъ, какъ? спрашиваетъ купецъ.

— Да дѣлъ особенныхъ не было.... была одна баллотировка....

— Ну, что же? Кого выбрали?

— Составъ управы у насъ теперь новый: предсѣдатель—Зашинъ, а членами выбрали меня да Курослѣпова.

— А! такъ васъ надо поздравить....

— Покорно благодарю.

— Ну, что, нашего Ивана не выбрали?

Digitized by Google

— Не знаю, право. Я былъ въ клубѣ... Да! теперь мнѣ придется подумать.

— О чемъ тутъ думать? Жалованья, небойсь, тысячи полторы?...

— Да вѣдь теперь придется жить въ городѣ, меланхолично говоритъ землемѣръ: надо квартиру, надо лошадей, надо семейство перевезти....

— Что-жъ, теперь посредника вы, стало быть, бросите? будетъ съ нимъ ѣздить!

— Посредникъ хочетъ за-границу ѣхать. Да и дѣловъ стало мало....

— Вамъ готово все-съ! говоритъ прикащикъ.

— Такъ потрудитесь, запишите въ книгу. Буду тутъ жить, заборъ пойдетъ по вашей лавкѣ....

Въ это время вошелъ, съ тросточкой, въ красномъ галстухѣ, уѣздный франтъ — пріятель землемѣра.

— А! ты здѣсь? Я тебя искалъ, искалъ! Ну? тебя поздравить надо....

— Благодарю. Чего-жъ? Шкопельскаго?

— Ну! что дрянь пить! надо что-нибудь позабористѣй.

— Ну, чего же? французской? спрашиваетъ землемѣръ.

— Это пожалуй!

— Французской водки нѣтъ, извѣщаетъ купецъ,—листовка есть!

— Ну, листовки.

— Пожалуйте въ комнату.

Пріятели располагаются за столомъ въ маленькой комнатѣ, съ маленькимъ окномъ за желѣзной рѣшеткой.

— Однако, братъ, ты ловко обдѣлалъ свои дѣлишки, говоритъ франтъ.

— Ничего! отвѣчаетъ землемѣръ, наливая рюмки, признаться сказать, спасибо Семену Михайловичу.... посреднику.

— Понимаю, понимаю. Да, братъ, молодецъ! А то ужъ у тебя рига-то завалилась.... вѣдь на три года выбранъ?

— На три.

— О! вѣдь это, если по полторы тысячи, четыре тысячи пятьсотъ! А что, трудно служить?

— Какой тамъ трудно?!.. Придется, можетъ быть, въ недѣлю разъ побывать въ управѣ, и то только папироски покурить.... тамъ секретарь, писцовъ пропасть....

— А разъѣздовъ никакихъ нѣтъ?

— Если и бываютъ, напримѣръ, осмотрѣть мостъ какой-нибудь, или трубу,— ну, за то тоже не безъ холтурки, т.-е. фунтикъ, другой чайку возьмешь....

Digitized by Google

— Да за что же?

— Экой ты, братецъ: теперь, напримѣръ, сдѣланъ мостъ; какъ онъ сдѣланъ?... все это зависитъ отъ меня....

— А! понимаю....

— Или вотъ хлѣбные магазины осматривать—и тамъ тоже... гдѣ будешь сытъ и пьянъ и лошадей дадутъ.... развлеченіе.... Да прими во вниманіе, все-таки на виду человѣкъ....

— Ловко, ловко!

— Землемѣръ тутъ? раздался голосъ въ лавкѣ.

— Они въ задней комнатѣ.

Вошелъ молодой человѣкъ, уѣздный либералъ и корреспондентъ какой-то московской газеты.

— А!—протягивая руку землемѣру, возгласилъ онъ,—егда и Саулъ во пророцѣхъ?...

— Да! подхватилъ франтъ, вотъ, Димитрій Иванычъ, подите! Не изъ тучи, а изъ навозной кучи!... полторы или двѣ тысячи цалковенькихъ, да холтурка....

— Не угодно ли предложилъ землемѣръ, указывая на бутылку.

— Нѣтъ! я не пью....

— Ну, еще чего-нибудь....

— Пожалуй.... спросите шато-д'икемъ.... Хорошо, хорошо! Какъ-то вы снесете эту должность? Вы знаете, вы должны исполнять въ точности каждое порученіе, которое на васъ возложитъ земство, вы отвѣчаете передъ цѣлымъ обществомъ....

— Э! молодой человѣкъ.... спокойно отвѣчалъ землемѣръ, вы еще мелко плаваете: я васъ зналъ вотъ какими.... а у меня уже сѣдые волосы проглядываютъ.... Гдѣ вамъ?...

— Конечно, на безрыбьи и ракъ рыба, сказалъ либералъ.

Землемѣръ этимъ нисколько не обидѣлся, напротивъ, онъ даже пригласилъ обоихъ собесѣдниковъ пріѣхать къ нему въ деревню попировать какъ слѣдуетъ.

III.

Сессія.

Послѣ присяги, принятой гласными, предсѣдатель проситъ публику занять мѣста и объявляетъ, что губернаторъ утвердилъ открыть очередное засѣданіе. Всѣмъ раздаются печатные листы, смѣты и раскладки. Въ числѣ разныхъ докладовъ, секретарь читаетъ докладъ о томъ, что въ селѣ Каменкѣ нужно устроить мостъ, для этого назначается смѣта въ 1,000 рублей. Одинъ

Digitized by Google

изъ священниковъ заявляетъ, что довольно странно устроивать пароѣъ тамъ, гдѣ не далѣе, какъ въ полуверстѣ есть перевоз казенный. Предсѣдатель приводитъ доказательства, что въ Ка менкѣ необходимъ особенный паромъ и обращается къ публикѣ «Согласные съ мнѣніемъ священника — встаютъ, а не соглас ные — сидятъ». Публика предпочла сидѣть.

— Господа! говоритъ предсѣдатель, доклады кончены. Нѣт ли чего-нибудь заявить?

Поднялся средней руки помѣщикъ, владѣлецъ полутораст десятинъ земли.

— По моему мнѣнію, началъ онъ: нужно увеличить окладъ съ земли, и на эти деньги сдѣлать въ уѣздѣ что-нибудь поря дочное, напримѣръ, прибавить жалованья сельскимъ учителямъ которые получаютъ десять рублей въ мѣсяцъ и живутъ въ кур ныхъ избахъ.

— Конечно, — запустивъ руки въ карманы пиджака, возра зилъ одинъ изъ господъ, — не жаль денегъ на полезное; но кажется, прежде всего надо подумать о томъ, какимъ обра зомъ у насъ до сего времени распредѣлялись и распредѣля ются суммы....

— Способъ распредѣленія денегъ совершенно зависитъ от насъ, замѣтилъ первый.

— Господа! воскликнулъ предсѣдатель, на десять минутъ за сѣданіе закрывается.

Публика разбродится по комнатамъ. Уѣздная знать окру жаетъ предсѣдателя. Всѣ закуриваютъ папиросы.

— Позвольте васъ благодарить, обращается одинъ къ предсѣ дателю, вы чрезвычайно умно поступили.... Помилуйте, у мен пять тысячъ десятинъ земли; я сейчасъ плачу пятьсотъ рублей Ну, если набавить еще: это будетъ 1,000 рублей. Что-жъ эт такое?... я васъ спрашиваю!!.. Какъ хотите, господа, объ этом надо подумать....

— Тутъ и думать нечего, говоритъ предсѣдатель, это заяв леніе не пройдетъ!

— Почему же?

— Очень просто, не пройдетъ! подхватываетъ одинъ из посредниковъ, извольте видѣть: насъ, вотъ, три посредника Старшины всѣ на нашей сторонѣ, это разъ. Потомъ надо ж думать, что у многихъ изъ насъ есть свои священники, кото рые тоже не должны идти противъ своего помѣщика....

— А мужики? спросилъ знатный.

— А мужики, разумѣется, поплетутся за старшинами. Вѣдь

Digitized by Google

вы понимаете, что ихъ легко заставить встать и сѣсть. При этомъ посредникъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на предсѣдателя.

— Я думаю, замѣтилъ предсѣдатель, глядя въ сторону.

— Позвольте! возразилъ знатный: вы говорите, священники... еще неизвѣстно, — какъ они отзовутся... Я полагаю, есть священники съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи...

— Ну, да ихъ здѣсь очень немного, говоритъ посредникъ, особенно такихъ, о которыхъ вы изволите говорить...

— А вотъ мы сейчасъ сдѣлаемъ пробу, сказалъ предсѣдатель, и обратился къ одному духовному: ну, что, батюшка, хлѣбушекъ убрали?

— Почти убралъ. Гречишки осталось въ полѣ копенъ пять.

— Вотъ такъ-то! вы гречишку-то не убрали, а тамъ поговариваютъ, что гривенника съ десятины — мало.... А чѣмъ вы поручитесь, что ваша гречишка не останется въ полѣ навозомъ... Тыкая пальцемъ, унизаннымъ перстнями, по направленію къ священнику, предсѣдатель продолжаетъ: — И вы.... заплативши за обработку земли, за сѣмена, трудясь до поту лица и пр. и пр., должны вонъ, по заявленію энтого господина, прибавить....

— Положимъ, подхватилъ священникъ: мы съ церковной земли ничего не платимъ. Но если бы у меня была своя земля, я бы съ удовольствіемъ цѣлую десятину отрѣзалъ въ пользу земства. Мы, ваше сіятельство, ближе къ народу, мы знаемъ всѣ его нужды.

— О, да! предсѣдатель началъ смотрѣть въ окно. Священникъ удалился.

— Радикалъ!.. замѣтилъ посредникъ.

— Каковъ! жертвуетъ десятину, — замѣтьте! которой нѣтъ!!..

— Ну, да это одинъ разговоръ! вынимая изъ кармана часы, сказалъ предсѣдатель: однако десять минутъ прошло.

Вскорѣ слышится звонокъ и возгласъ:

— Господа! прошу занять мѣста. Мы остановились на заявленіи господина Буракова; они изволили сказать, что окладъ по десяти копѣекъ съ десятины очень малъ, и что въ видахъ общественной пользы слѣдовало-бы его увеличить, почему я подвергаю этотъ вопросъ обсужденію...

Поднимается въ толстой бекешѣ, съ подвязаной щекой помѣщикъ и, вытирая носъ краснымъ платкомъ, говоритъ:

— Оно, конечно, мысль господина Буракова довольно обстоятельная мысль... Но надо же принять во вниманіе и наше положеніе послѣ эмансипаціи... Мы почти остаемся вовсе безъ прислуги! тогда какъ въ прежнее время этого никогда не было... Силъ нѣтъ, ужъ теперь не до прихотей жизни, какъ напри-

Digitized by Google

мѣръ: псовая охота, или тамъ соколиная выдержка... Нынч пришло время, насъ выдерживаютъ — кричишь: Парашка, Па рашка! она и знать не хочетъ... Недавно я ѣхалъ мимо одног помѣщичьяго дома, — Боже мой! окна забиты, никого нѣтъ... говорю къ тому, что намъ о прибавкахъ нечего и думать...

— Ваше благородіе! объявилъ одинъ старшина, обращаяс къ барину.

— Смотри сюда! замѣтилъ предсѣдатель.

— Ваше сіятельство! поправился старшина, продолжая смо трѣть на барина: вѣдь это, къ примѣру, насчетъ вашего дѣл а намъ, то-есть хрестьянамъ, если прибавить съ трехъ-то деся тинъ по гривеннику — выходитъ одинъ полштофъ...

— Я вамъ говорю, сюда смотрѣть! замѣчаетъ предсѣдател а къ тому же выражаться приличнѣй...

— Виноватъ, ваше сіятельство, — я сирѣчь хотѣлъ сказат что у ихняго благородія земли довольно, имъ, стало быть, трудно пришло... а мы для обчей пользы согласны прибавить..

Встаетъ молодой священникъ съ накрахмаленными воротнич ками, повертывая въ рукахъ бѣлую шляпу:

— Въ видахъ общественной пользы, желая доставить счасті всему насъ окружающему и благодаря мудрое правительство, чт оно дозволило намъ самимъ собою управляться, вопросъ объ уве личеніи оклада съ земли имѣетъ первостепенную важность; — необходимо только правильно и съ пользою распоряжаться дені гами, а иначе жаль и копѣйку прибавить...

— Позвольте замѣтить... началъ другой, старый священник

Раздается звонъ колокольчика.

— Слово не за вами! предсѣдатель обращается къ молодом священнику: продолжайте!

Молодой священникъ что-то вымолвилъ, но вдругъ смѣшалс и замолкъ.

— Извольте говорить, вѣжливо отнесся предсѣдатель къ старц

— Прекрасная мысль господина Буракова заставляетъ каз даго изъ насъ невольно раздѣлять ее. Но, къ сожалѣнію, она насъ еще непримѣнима, такъ какъ земское дѣло, по милост Господа Бога и царя нашего-отца, уже есть, но земскихъ лю дей пока еще нѣтъ. Вѣдь я именно скажу, правду сказалъ мо собратъ: жаль и копѣйку прибавить...

Поднялся одинъ изъ господъ. Онъ протеръ очки, положил платокъ въ карманъ, принялъ живописную позу и заговорилъ:

— Вопросъ, который рѣшался сію минуту, меня интересо валъ. Я нарочно смалчивалъ до сего времени, чтобы не подат повода къ подозрѣнію; потому что всѣмъ, я полагаю, извѣстно

Digitized by Google

у меня двѣнадцать тысячъ десятинъ земли... Я хотѣлъ, чтобы
ество высказалось прежде меня, потому и молчалъ... Поз-
ье же заявить, что я готовъ содѣйствовать общему благу...
... прошедшій годъ мнѣ доказалъ, что это общество не заслу-
ваетъ къ себѣ никакого вниманія! Представьте! у меня про-
шлый годъ до 20,000 копенъ стояло въ полѣ почти до ноября...
est incroyable!.. И все это благодаря нашей эмансипаціи...
нимъ учрежденіямъ.

— Ваше благородіе! воскликнулъ одинъ мужикъ.

— Онъ князь! подсказалъ старшина.

— Бишь ваше сіятельство! поправился мужикъ: это дѣло не
ъ мужичковъ вышло... коé погода помѣшала, да земельки-то
ась много... кто ее скоро уберетъ?

— Вопросъ не объ уборкѣ хлѣба, говоритъ предсѣдатель, а
прибавкѣ поземельнаго налога...

Старшина прижимаетъ мужика локтемъ и шепчетъ: «молчи!
чѣмъ поднялся? вишь тебя догадало?.. развѣ ты не видишь,
ятъ все посредники, да господа...»

— Кто ее зналъ? говоритъ мужикъ.

— Ты смотри на меня, учитъ старшина: какъ я поднимусь
ы поднимайся... я сяду и ты садись... зачѣмъ-нибудь я изо
ей волости выбранъ...

Встаетъ купецъ. Предсѣдатель спрашиваетъ:

— Вамъ что угодно сказать?

— Я къ примѣру хотѣлъ....

— Кажется, пренія достаточно было. Поэтому пора присту-
ть къ голосованію... Согласные съ тѣмъ, чтобы увеличить по-
ельный сборъ встаютъ, а не согласные сидятъ....

Поднялось довольно много. Предсѣдатель, окинувъ глазами
давшихъ, возглашаетъ:

— Сидятъ согласные, а несогласные встаютъ...

Происходитъ всеобщее замѣшательство. Въ публикѣ возни-
етъ споръ:

— Какъ же это я попалъ въ согласные, когда не былъ согла-
ен?...

— А я согласенъ и вдругъ сдѣлался несогласнымъ!..

— Да кто встаетъ? Согласные или несогласные?

Одинъ посредникъ подходитъ къ предсѣдателю и замѣчаетъ:

— Мнѣ кажется, необходимо формулировать вопросъ на бу-
агѣ.

— Я такъ и хочу сдѣлать, говоритъ предсѣдатель. Извольте,
сподда, представить ваши мнѣнія на бумагѣ. — На десять
утъ засѣданіе закрывается.

Digitized by Google

Всѣ расходятся. Кто ищетъ бумаги, чернилъ, а кто пр
отправляется курить.

— Когда это, малый, кончится? говорятъ мужики.

— А кто ихъ знаетъ.... бѣда!

— У меня животъ подвело....

— Мы кажется здѣсь лишніе, разсуждаютъ духовные,
правляясь въ переднюю.

— Вѣдь мы съ церковной земли не платимъ.

— Господа! тутъ дѣло не въ платежѣ, а въ правѣ гол
Высшее начальство все это предусмотрѣло....

— Отецъ Иванъ, нѣтъ ли у васъ карандаша? спрашива
помѣщикъ и присовокупляетъ: а хорошо бы теперь позавт
кать!...

Одинъ, пристроившись къ окну, пишетъ: «Если прибав
поземельнаго сбора, то это выйдетъ уменьшеніе доходовъ
имѣнія, а такъ какъ я, будучи двѣнадцать лѣтъ въ отста
получивши пряжку и владѣя землею по раздѣльному акту
братомъ моимъ, совершенному по смерти матери моей Ел
веты Андревной въ Екатеринославской палатѣ гражданскаго с
за №....»

Другой, сидя на стулѣ, читаетъ своему сосѣду уже напис
ное: «Хотя полезно прибавить сборъ съ земли на оныя потр
ности; но соображая обстоятельства времени пока, до време
неудобно.... Было время, мы жили и хлѣба и всего вдоволь б
и мужикъ не обиженъ, а теперь настало такое время, остае
молчать, и бѣжать куда глаза глядятъ».

— Какъ ваша машина идетъ? спрашиваетъ предсѣдат
помѣщика.

— Знаете ли что? людей совсѣмъ нѣтъ. Вообразите,
давно выписанный локомобиль валяется въ сараѣ!!...

— Это не дурно!... однако пора.... Предсѣдатель смотр
на часы и отправляется въ засѣданіе: Господа! прошу зан
мѣста.... Вотъ у насъ не рѣшенъ вопросъ относительно надба
поземельнаго сбора.

— Позвольте вамъ доложить, говоритъ одинъ изъ купцов

— Мы просили изложить мнѣнія на бумагѣ, возража
предсѣдатель купцу: вы имѣли время объ этомъ говорить
задъ полчаса....

— Мысль рождается не по сроку, вступается молодой с
щенникъ; но если мысль новая, то почему-жъ ее не допусти

— Господа! объявляетъ предсѣдатель: въ такомъ случаѣ н
голосовать мнѣніе священника Всепятницкаго: желающіе до

Digitized by Google

ный гласнаго купца Окорокова къ говоренію встаютъ, не желающіе — сидятъ.

Почти всѣ встали.

— Слово за вами! обращается предсѣдатель къ купцу....

— Примѣрно, стало быть, ежели я подверженъ этакому обольщенію, и значитъ допущенъ къ говоренію, то по нашему расчету надо набавить на зе́мли.... только за эвтимъ смотрѣть: вишь я ѣхалъ по трубѣ, такъ она даже и землей не засыпана, а парóмъ земскій—хоть портретъ пиши: бились.... бились съ малымъ весною — дай пять цалковыхъ! Вотъ какая исторія....

Предсѣдатель пересматриваетъ записки гласныхъ, и наконецъ объявляетъ:

— Такъ вотъ теперь вопросъ формулируется такъ: если кто желаетъ, въ видахъ общественной пользы, сдѣлать надбавку земскихъ сборовъ, тотъ встаетъ. Напротивъ, не желающіе—сидятъ. Такъ разъ, два, три.... господинъ секретарь запишите.... Вопросъ рѣшенъ,—поземельные сборы остаются въ прежней нормѣ. Господа! — засѣданіе закрывается....

Публика начинаетъ расходиться. Одинъ изъ посредниковъ убѣгаетъ въ другую комнату, съ ожесточеніемъ дергая свои усы, и говоритъ старшинѣ:

— Поди сюда!... Ты, братецъ, какъ смѣлъ вставать, когда сидѣлъ? Ты сталъ размышлять?...

— Ваше благородіе, помилосердствуйте.... никогда не буду...

— Развѣ я глупѣй тебя?

— Простите, ваше благородіе....

— Каналья!...

Идетъ по улицѣ господинъ съ своимъ приходскимъ священникомъ.

— Вы можетъ быть сердитесь на меня, ваше сіятельство, говоритъ послѣдній: я вамъ противорѣчилъ....

— Ну, вы съ своимъ глубокомысліемъ можете предлагать ваши мнѣнія своему работнику....

— Я правъ, ваше сіятельство.... Я не зналъ, что здѣсь не допускается свобода мнѣній.

— Вы все-таки должны бы понять, что живете въ моемъ имѣніи, *постоянно* мною обязаны....

— *Позвольте* сказать,—возражаетъ священникъ: если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ и вдругъ узналъ, что вы встаете тогда, когда я встаю, то я васъ, извините, презиралъ бы....

Digitized by Google

— Повѣрьте, какъ васъ встрѣчу гдѣ-нибудь, кромѣ от щенія, другого чувства у меня нѣтъ къ вамъ.... misérab дрожа всѣмъ тѣломъ заключилъ господинъ и принялся дого предсѣдателя, шедшаго къ клубу.

IV.

Разъѣздъ.

Письмоводитель посредника съ старшиною зашли въ в чекъ. Сѣвши за столъ, старшина вздохнулъ.

— Да! распробралъ!... сказалъ онъ.

— Какъ это ты обрешетился?

— Экой ты! Тутъ, стало-быть, князь говоритъ и посред глядитъ на меня, въ головѣ-то все и перепуталось. Вѣдь я, передъ Богомъ, не изъ чего-нибудь....

— Ну, авось обойдется....

— Ахъ ты, грѣхъ какой!

— Вѣдь это на первыхъ разахъ, объясняетъ письмов тель, ералашъ такой идетъ. А современемъ земство пон дится....

— Вѣстимо дѣло....

— Со временемъ посмотри: какъ сейчасъ посредникъ нялся, такъ и старшины вотъ—они.... а за ними мужики...

— Да ужъ тогда-то пойдетъ! сказалъ старшина: всѣ дру будутъ вставать.... А что, Иванъ Иванычъ, къ чему все клонитъ?

— Ну, конечно.... должны учиться, что́ и ка́къ.... Муж должны брать примѣръ съ господъ....

— Вотъ неграмотный-то я! А то бы я разобралъ.... Чт Иванъ Иванычъ, васъ не выбрали въ члены управы?

— Не всѣмъ же быть членами управы, я самъ не захот потому жалованье я получаю хорошее.... А подальше отъ м меньше горя....

— Вотъ въ гласные-то вы не отказались.... эвто дѣло все бездоходное.... Я рублей пять прожилъ здѣсь.... а за ч только что садился, да вставалъ.... да еще голову намы посредникъ....

— Гласнымъ быть повойнѣе, тутъ нѣтъ мудрости ника продолжалъ письмоводитель. Сидишь себѣ и слушаешь. Предс тель скажетъ вставать, ты хочешь встать—встанешь, а не

Digitized by Google

...ь—сиди себѣ.... хоть просиди все время. Правда, жалованья ...ѣтъ, за то и дѣла никакого нѣтъ.

— Это точно, неволить не неволятъ.... Знамо только, не ...до идти супротивъ посредника....

— Гласнымъ быть и потому хорошо, хоть свѣтъ повидаешь, ...ъ однихъ барышень что было! А что мы въ деревнѣ увидимъ? ...и однако не думай,—вдругъ возразилъ письмоводитель: и встать—мудрость нужна, и сидѣть—мудрость нужна... Теперь я ...лучаю отъ посредника 300 рублей, пью и ѣмъ все его, ѣзжу ...нимъ по уѣзду, дорогой имѣемъ разговоръ самый душевный, ...ь, братецъ мой, какимъ же манеромъ я буду сидѣть, когда ...средникъ встанетъ?...

— Это я понимаю, подхватилъ старшина: надо знать сна...ку....

Священникъ на постояломъ дворѣ приготовляется разсчитываться за постой.

— Ну, хозяюшка, сколько положите?

— Да вотъ лошадь стояла... кормъ у васъ свой былъ. Знать, кучеръ пообѣдалъ четыре раза,—сами вы не кушали... да постой... всего — что-жъ съ васъ? два рубля тридцать копѣекъ.

— За что же это?

— Какъ за что? вотъ мы теперь беремъ пятачокъ съ тѣхъ, ...о ночуетъ; а тутъ все-таки пара лошадей, телѣга, кучеръ...

— Послушайте, матушка! Я пріѣхалъ въ городъ не баклуши ...ть... я можетъ быть до капли крови подвизался въ вашемъ ...ествѣ... сколько жертвъ принесъ... потѣлъ, потѣлъ, — можно ...зать... не пивши не ѣвши... и все это для общества. А по...му и вы должны почувствовать...

— Ефтаго дѣла я не знаю! А мы сами за дворъ платимъ ...ѣсти въ годъ и что слѣдуетъ беремъ...

— Охо, хо!, доставая кошель сказалъ батюшка: тамъ объ ...ественной пользѣ толкуютъ, а здѣсь чистый грабежъ! Хо...шо, что самъ не обѣдалъ... по знакомымъ пробавлялся... Вотъ ...что земство должно обратить вниманіе... Митрій! запрягай... ...полску тоже потеряли, опять убытокъ...

— Повѣрьте, матушка, говорилъ духовный при прощаніи: въ ...дующее очередное собраніе непремѣнно подниму вопросъ, ...бы хозяйки не запрашивали въ три-дорога, чтобы постоялые ...ры не были пріютами разбоя!... Прощайте!...

Digitized by Google

Толпа мужиковъ стоитъ среди базара.

— Что, малый, кончилось, аль нѣтъ?

— Должно кончилось. Не покудова тутъ жить...

— Давай на послѣдáхъ выпьемъ... складчину сдѣлаемъ семеркѣ...

— Вотъ, братъ, наука-то: не разберешь, кто князь, кто б ринъ... Какъ на меня крикнетъ предсѣдатель, я такъ и думал сей-часъ меня друга милаго въ чижовку... Спасибо, старши замялъ дѣло...

— Нѣтъ, ребята, я вамъ не разсказывалъ про энту матері какъ выборъ-то былъ... Какъ я, слышь, сталъ пихать шаръ- подъ сукно, а у меня руки такъ и затряслись...

— А ты куда положилъ?

— Я братецъ ты мой, туда, сюда... не нашелъ щели, та на столъ положилъ. А помнишь, хватились-то его?.. вѣдь о тотъ-то самый и есть.

— Вишь! А что хлопотъ-то изъ-за него было....

— Эко! кабы они щели-то повыше дѣлали.... а то сдѣла словно какъ въ овинѣ для дыму....

— Ты какой рукой клалъ?

— Знамо, въ какую руку подали....

— А вѣдь тамъ двѣ щели-то....

— Экая занятная исторія!

— Исторія-то, малый, занятная, а у меня меринъ гогоче третій день безъ корму....

— Вѣдь то-то нашъ братъ дуракъ: слухаемъ, сидимъ.... что слухаемъ? оповѣщали—въ городъ, а не сказали, что на цѣлу недѣлю....

— Ничего! Впередъ будемъ умнѣе....

Поздно вечеромъ одинъ изъ духовныхъ подъѣхалъ къ своем дому. Вылѣзая изъ телѣги, онъ сказалъ работнику:

— Да, братъ Иванъ; послужили мы съ тобой земству: тепе какъ бы отъ попадьи не было намъ съ тобой головомойки....

Ввалившись въ домъ, въ которомъ царствовалъ глубоки мракъ, хозяинъ воскликнулъ:

— Ну? всѣ ли вы тутъ живы?

— Безсовѣстный, послышался голосъ изъ угла: ты тольк шляешься, а тутъ пришло, хоть со двора бѣги.... муки нѣт ни пылинки, одонья подрыли свиньи,—работница третій ден проситъ разсчетъ.... докуда это будетъ? Что я, вдова что-ли? I не придумаю я своей головушкой, куда это тебя носитъ?...

Digitized by Google

— Ты все сказала? Дура ты! больше ничего.... Тутъ рѣшается участь всего уѣзда.... ты послушала бы о чемъ мы говорили!... Поймн, какое нынѣ время: что прежде рѣшало высшее начальство, то теперь рѣшаю я, можно сказать.... Я цѣлымъ обществомъ избранъ.... что это значитъ?..

— Много ты тамъ сдѣлаешь! повѣрь, васъ дураковъ набрали на смѣхъ.... Небойсь, лошади стоятъ безъ корму.... А тутъ въ домѣ одна жуть съѣла....

— Что дѣлать, матушка.... Я самъ знаю.... безъ жертвъ нельзя.... для такого великаго дѣла какъ земство — домашнее разстройство самая маленькая жертва....

— Ну скажи, какая польза отъ того, что ты ѣздишь?

— Польза, матушка, общественная.... ты этого не понимаешь.... это далекая пѣсня.... Видѣлъ я Заушенскихъ.... тебѣ кланяются... недавно въ ихъ приходѣ сгорѣла деревня....

Пьяный старшина съ писаремъ подъѣзжаетъ къ своему дому. У крыльца стоитъ гурьба мужиковъ безъ шапокъ.

— Филатъ Петровичъ, третій день приходимъ къ вашей милости.... разсудите....

— Какое тутъ разсуженіе? кричитъ старшина, барахтаясь въ телѣгѣ: вишь ночь на дворѣ.

— Филатъ Петровичъ, рука отсохни, третій день....

— Что ты ко мнѣ пристаешь? гдѣ я былъ? нешто я былъ въ бучилѣ? Можетъ, всѣмъ государствомъ правилъ.... Авось завтра день будетъ для вашихъ кляузъ....

— Вѣдь онъ ее боёмъ избилъ.... когда до завтра ждать?...

— А мнѣ, Филатъ Петровичъ, было-бъ тобѣ извѣстно, отъ Парашки житья нѣтъ! Пошли мы, стало быть, на огородъ; она тамъ прясла кричитъ: душегубъ! антихристъ....

— Отвяжитесь вы отъ меня, говоритъ старшина, вылѣзая изъ телѣги.

Писарь, держа въ рукахъ боченокъ и шатаясь, спрашиваетъ:

— Куда несть?

— Знамо дѣло, въ волостную.... тутъ жена поѣдомъ съѣстъ... мнѣ тутъ житье?

— Какъ же, Петровичъ? говорятъ мужики: разсуди, сдѣлай милость.... ужъ мы тебя ублаготворимъ....

— Сказалъ, отвяжитесь... Приходите завтра. Сказано! Старшина пошолъ-было въ сѣни; вдругъ появилась его жена и разбранилась:

Digitized by Google

— Пустодомъ! бездомовникъ! родимецъ! только знай—гля заливаетъ. Шатущій!

— Стой! закричалъ старшина и вдругъ, повернувшись женѣ спиной, прибавилъ: а ну тебя къ чорту! Живи какъ хочеш Писарь! поѣдемъ въ волостную. Это значитъ мужицкое заведеніе

Вскорѣ телѣга загремѣла и скрылась. Жена старшины, утир занавѣской слезы, приговаривала: только знаетъ, шатается, пьянствуетъ, проликъ тебя расшиби... вонъ дворъ почесть зан лился, лихоманка тебя задуши...

Не далѣе какъ черезъ полчаса, старшина сидѣлъ на крыль волостного правленія, опершись на перила. Передъ нимъ стоя десятскіе, староста и нѣсколько мужиковъ.

— Вотъ вы тутъ ничего не знаете, бурлилъ старшина.

— Что-жъ намъ знать? свое дѣло справляемъ...

— А вотъ, кабы тебя посадить туда, гдѣ я былъ, вотъ (ты узналъ...

— А скажи, Филатъ Петровичъ, что тамъ дѣлаютъ?

— А вотъ я тебѣ скажу, что тамъ дѣлаютъ... Государственн дѣло!... то-есть какъ благородно! теперь, напримѣръ, ты гов ришь мнѣ *ты*... а тамъ, предсѣдатель мнѣ говоритъ *вы*... т- я вамъ скажу: вы меня только трявожете... не даете пріѣха съ покоемъ... а кабы вы знали, какъ я за васъ отвѣчалъ!... тутъ въ темнотѣ находитесь... а тамъ объ васъ думаютъ... Д куда мнѣ терпѣть ваше невѣжество?...

Подкатываетъ къ барскому, каменному дому коляска. В залу вбѣгаетъ знатный господинъ; его встрѣчаетъ жена.

— Охъ! усталъ!...

— Mon ami! ужъ я тебя ждала, ждала...

— Ахъ душа моя! невозможно! Вообрази, такое непроходим невѣжество!... надо же кому-нибудь въ рукахъ держать общество Ты представь себѣ: два, три человѣка... Ослопунинъ, Жордочкин и вотъ я... только и есть... ну, какже бросить?

— Ну, что-жъ тамъ?...

— Какъ тебѣ сказать? тамъ было много... но особенн рельефно выдавался предсѣдатель... Онъ малый славный.... знаешь ли, на этихъ дняхъ онъ у насъ будетъ обѣдать... А ка какая тамъ жара!...

— Послушай, Lucien, ты не попадись какъ-нибудь... Я с годня слышала, петербургскихъ студентовъ сажаютъ въ крѣпость.

— О, нѣтъ, душа моя... Это совсѣмъ другое учрежденіе. Здѣсь мы разсуждаемъ про хозяйство....

Digitized by Google

V.

Сборы въ губернію.

Въ ноябрѣ назначается губернское земское собраніе. Въ уѣздѣ идутъ толки о томъ, въ какой день выѣзжать, принимая въ вниманіе разстояніе и осеннюю погоду, ѣхать-ли въ тарантасѣ, или въ коляскѣ, одному, или со всѣмъ семействомъ... Кто успѣлъ за непогодой домолотить хлѣбъ, соображаетъ, какъ и у кого перехватить денегъ: съ этой цѣлью зазываются въ кабинетъ старые камердинеры, дубленые полушубки, управляющіе. Иной спѣшитъ съ образчикомъ пшеницы въ городъ, хотя пшеница необмолочена, а готовъ одинъ образчикъ, для котораго обмолотого полснопа. Купцы, видя крайность помѣщиковъ, жалуются на упадокъ цѣнъ и на всеобщее безденежье.

Между тѣмъ изъ сараевъ выдвигаются экипажи, и, по осмотрѣ самими хозяевами колесъ, гаекъ, дрожинъ, отправляются въ кузницу; въ одно и тоже время пересматриваются зимніе возки, такъ какъ нельзя ручаться, что черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ не установится санный путь: такая неопредѣленность еще болѣе раздражаетъ губернскихъ гласныхъ — и они, утомленные долгими толками о предстоящей поѣздкѣ, ведутъ съ своими женами такого рода бесѣду:

— Чортъ меня догадалъ баллотироваться!... Прошлый годъ мы съ тобой прожили въ губерніи по милости этого земства болѣе тысячи рублей.... Теперь опять предстоитъ таже исторія. Изъ-за чего все это?... Ты посмотри какая погода!... Просто невѣроятопреставленіе: и дождь и снѣгъ... ни къ чему приступиться нельзя. А главное, какой толкъ изъ нашихъ поѣздокъ въ губернію? Что тамъ такое?... какія парламентскія пренія? Все это ровно ни къ чему не ведетъ... а я убилъ тысячу рублей... понимаешь, что значитъ въ теперешнее время тысяча рублей въ деревнѣ!...

— Я по крайней мѣрѣ, говоритъ жена: провела двѣ недѣли въ губерніи съ удовольствіемъ... это много значитъ для женщины, обреченной на жизнь въ глуши...

— Ну да! ты скажи, что для тебя поѣздка въ губернію была выгодна еще въ томъ отношеніи, что ты выиграла въ земствѣ серебряный сервизъ... который стоитъ десять рублей...

— Послушай, мой другъ, возражаетъ огорченная супруга: зачѣмъ же ты баллотировался? Ну, отказался бы, если ты находишь, что твое земство ни къ чему не ведетъ...

Digitized by Google

— Странный вопросъ: зачѣмъ баллотировался?...

— Тогда бы и расходовъ не было—и сидѣли бы мы съ т
бой дома...

— Ты не знаешь... вдругъ вступается мужъ: собственно г
бернское земство—дѣло весьма важное: тамъ чуть не милліонам
ворочаютъ... Позволь тебя спросить: кому мы все это поручим
Не мужикамъ ли? Вѣдь ужъ если я откажусь,—тогда мною б
детъ мужикъ управлять... Тамъ раскладки, тамъ разныя смѣты-
тамъ вся наша... можно сказать, судьба... Нельзя же ввѣри
разнымъ трехдесятинникамъ свои тысячедесятинныя владѣнія
это было бы слишкомъ глупо... Наконецъ, прими во вниман
степень моего образованія... если я откажусь, другой откажетс
тогда неграмотный будетъ заправлять цѣлой губерніей? Призн
юсь, передъ баллотировкой въ губернскіе гласные мы съ графо
П. находились въ диллематическомъ положеніи!...

Сельскій причтъ, пользуясь ненастной погодой, собрался
домѣ священника—раздѣлить доходы. Пересматриваются разны
записи: молебныя, крестинныя и пр., батюшка выкладываетъ
счетахъ и говоритъ:

— Вотъ вамъ приходится восьмнадцать съ половиною коп
екъ. Потому вы 13-го мая взяли полтинникъ, да на Усѣкновен
я вамъ далъ двугривенный. Потомъ еще крючковъ въ горо
купили на четыре копѣйки — палочку, — помните, Аннѣ Ив
новнѣ...?

— Ужъ этого я не помню, говоритъ дьяконъ: это надо
жены спросить... Пожалуй вычтите... послѣ можно навести спра
ки... авось сумма не большая.

— А мы, батюшко, хотѣли попросить у васъ рублика
два впередъ, говорятъ причетники: вѣдь вотъ подходитъ праз
никъ, надо тоже мучицы, да на грѣхъ пятница случилась, на
купить рыбки хвостикъ. Тоже гости пріѣдутъ... сами бываемъ

— Ну, ужъ это я не могу: мнѣ вотъ предстоятъ огромны
расходы: можетъ быть, придется прожить недѣли двѣ въ губер
скомъ земствѣ; тамъ, знаешь, за номеръ заплати, за порцію в
плати. Вонъ посредникъ говорилъ, что ему становилось пятьсо
цѣлковыхъ; а мое дѣло поповское: какъ ни бей,—на сто рубл
дай Богъ управиться.

— Ваше благословеніе, поѣхать-то можно на своихъ; овсе
насыпьте своего...

— Своего, братъ, нѣтъ у насъ ничего... Землю я нанима

Digitized by Google

и если овесъ, который мною собранъ съ земли, возьму съ собой въ земство, — стало быть заплачу тѣже деньги.

— Охота тебѣ была баллотироваться! возражаетъ хозяйка.

— Нельзя, матушка: по крайней мѣрѣ сколько-нибудь поддержу духовенство: вѣдь только меня одного и выбрали, а насъ тамъ было по крайней мѣрѣ поповъ двадцать; въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ я читалъ, что и всѣхъ въ губернскомъ земствѣ духовныхъ гласныхъ только двое; а остальные все аристократы... да, ты думаешь, ихъ семь, нѣтъ, ихъ семьдесятъ...

— Для чего же собственно васъ въ губернскіе-то выбрали? спросилъ дьяконъ.

— Это видите: то хозяйство уѣздное, а то губернское. Теперь всѣ сословія хозяйничаютъ... вотъ и выбрали изъ всѣхъ сословій — по представителю...

— Что же тамъ будетъ?

— Я еще въ первый разъ выбранъ, не знаю, что тамъ будетъ; знаю только, что это мнѣ будетъ стоить minimum сто рублей.

— Да! разсчетецъ!... они-бы вамъ положили жалованье.

Нѣтъ! у общества не хватитъ силъ—всѣмъ давать жалованье; намедни мнѣ пришлось видѣть, какъ выдавали жалованье предсѣдателю, да членамъ... мы-бъ съ вами десять лѣтъ прожили на эти деньги...

— Какъ же, отецъ Зосимъ, намъ по два рублишка къ празднику? заговорили опять причетники.

— Я вамъ сказалъ, не могу. Теперь такія обстоятельства, что одно другого дороже. Если мнѣ отказаться отъ земскаго собранія, значитъ уронить себя въ глазахъ его преосвященства. А какъ я пріѣду, явлюсь къ нему—это его порадуетъ: можетъ быть, мы проведемъ на земствѣ полезную для духовенства мысль... по совѣсти говоря, что̀ наша жизнь? У мужика проси новинки; мужикъ говоритъ, отъ чего въ среду на пятой недѣли поста преждеосвященной не служили, да еще начальству хочетъ доложить... Не будетъ ли моя поѣздка въ земство ступенью къ лучшему?...

Избранный въ губернскіе гласные старшина также приготовляется къ отъѣзду. Посредникъ Солнцевъ назначилъ ему изъ своего табуна пару лошадей, которыя уже стояли въ барской конюшнѣ. Молодой купчикъ — почетный попечитель объясняетъ своей женѣ, что губернское земство «совсѣмъ не тоже, что Маріи».

Digitized by Google

— Ты говоришь, что будешь тамъ жить долго? Ну и выхо дитъ тотъ же Макарій, утверждаетъ купчиха.

— То-то что нѣтъ, тебѣ говорятъ; тепереча бываютъ гласные напримѣръ, Оводовы, Таракановы, эти въ уѣздѣ: ихъ у нас семьдесятъ семь... а изъ этихъ-то выбрали только пять...

— Я вашего дѣла не знаю, продолжаетъ купчиха: а у Ма карья ты жилъ долго...

— Эта штука, видишь-ли въ чемъ,—принимается снова объ яснять купецъ: то-есть, будемъ говорить, я губернскій гласный.. пріѣзжаю я въ земство, начинаемъ мы разговоръ вести обо все губерніи.

— Ты—хозяинъ, говоритъ наконецъ купчиха: какъ хочеш такъ и дѣлай!...

VI.

Первое засѣданіе.

Около 10-го ноября въ губернскомъ городѣ всѣ гостинницы подворья наполнены пріѣзжими. Волтижёры, акробаты, цыган пѣвцы испрашиваютъ у губернатора позволеніе—увеселять пуб лику; афиши извѣщаютъ, что вновь прибывшею труппою акте ровъ представлена будетъ драма: «Смерть Ляпунова». По главно улицѣ, на которой расположена большая часть гостинницъ, ка таются на рысакахъ пріѣзжія артистки — возбуждая удивлені помѣщиковъ. Иной, высунувшись изъ окна, передаетъ свой во сторгъ сосѣду,—выглядывающему изъ другого окна: «Какова мо лотилочка-то проѣхала?»

— Да! замѣчаетъ сосѣдъ: пожалуй копенъ двѣсти въ час обмолачиваетъ!...

Предводитель дворянства, разсуждая съ начальникомъ губер нiи о предстоящихъ увеселеніяхъ, приходитъ къ такому закл ченію, что всѣ эти наѣхавшіе артисты могли бы нажить бол шія деньги, если-бы губернаторы согласились назначать съѣзд губернскихъ гласныхъ въ разныя времена года. Губернаторъ на ходитъ эту мысль практичною и въ свою очередь дѣлаетъ за мѣчаніе, что увеселенія просвѣщаютъ публику. Между тѣм идутъ представленія гласныхъ свѣтскихъ губернатору, а духов ныхъ — архіерею.

Въ назначенный срокъ гласные начинаютъ сбираться въ зал засѣданія. Прежде всѣхъ являются священники и купцы, пр лежно разсматривая потолокъ, хоры, портреты, гербы и пр.

Digitized by Google

На лѣстницѣ, гдѣ вѣшаютъ платье, губернскій гласный старшина сидитъ на табуреткѣ и ведетъ рѣчь съ солдатомъ:

— А что, ежели потеряешь эту вещію? спрашиваетъ старшина, разглядывая жестянку съ нумеромъ.

— Ничего... тутъ не пропадетъ...

— А какже у калошъ нѣтъ нумеровъ? Ихъ бы вѣшать, то-ль, туда же... или въ особые ящики класть.

— Калоши всякій снимаетъ подъ своимъ платьемъ, отвѣчаетъ солдатъ. А вотъ не видишь слова-то?

Старшина беретъ калошу и разсматриваетъ на днѣ ея буквы.

— Ты что-жъ сюда пріѣхалъ? спрашиваетъ солдатъ.

— Меня посредникъ привезъ.

— Зачѣмъ? въ услуженіе?

— Нѣтъ; тамъ разговорка у насъ вышла въ земствѣ на счетъ гласныхъ отъ крестьянъ... бились, бились, никто не ѣдетъ въ губернію, да и шабашъ! а нашъ посредникъ вступился...

— Такъ ты не гласный ли?

— Гласный.

Солдатъ внимательно смотритъ на старшину.

— Тебѣ, братъ, по дѣламъ-то не придется ли съ господами идти въ залъ...

— Кто жъ ее знаетъ? Я вотъ подожду своего посредника.

— Ну, какъ у васъ тамъ идетъ земство?

— Ничего покедова...

— Что же, сбираются господа?

— Какже... все какъ слѣдуетъ.

— И мужики?

— И они пріѣзжаютъ...

— Диковина! Небойсь, сидятъ, слушаютъ тоже... А кто у васъ предсѣдатель.

— Запойскій.

— Тутъ генералъ...

Въ это время вошолъ посредникъ Солнцевъ.

— А! ты тутъ сидишь! обратился онъ къ старшинѣ: а я боялся, думалъ — ты пропалъ.

— Да я на постояломъ дворѣ лежалъ, лежалъ, проговорилъ старшина: всталъ рано... Скучилось... я и пошолъ сюда... а домъ-то вы мнѣ указывали третьяго дня... да вотъ съ служивымъ разговариваемъ...

— Я радъ, что нашолъ тебя... Я думалъ, не забѣжалъ ли куда? Пойдемъ на верхъ...

Вошедши въ залу и увидавъ своихъ знакомыхъ, посредникъ

Digitized by Google

отрекомендовалъ имъ старшину, который, держа руки по швамъ прислонился къ притолкѣ.

— Очень пріятно, проговорили дворяне, осмотрѣвъ старшину

Зала оглашается шарканьемъ, смѣхомъ, громкими возгласами Купцы и священники бродятъ по угламъ и, указывая на дворянъ другъ у друга спрашиваютъ:

— Не знаете, кто это такой съ бакенбардами?

— Это Куропаткинъ...

— А этотъ высокій, худой?

— А вонъ пузастенькій-то?

Купцы и священники понемногу начинаютъ смѣлѣть и садятся на стулья:

— Что, отецъ Іоаннъ, я замѣчаю, вѣра стала упадать. Появился нигилизмъ... Я полагаю, эти молодые люди или съ ума сходятъ, или по времени сдѣлаются самоубійцами. Что-нибудь одно..

— А что, вы были у владыки?

— Какже... онъ меня посадилъ... Что значитъ, — быть губернскимъ гласнымъ... прежде никогда не сажывалъ.

— Я самъ былъ у него, и со мной такъ ласково обошелся все разспрашивалъ, чѣмъ мы будемъ заниматься въ земствѣ просилъ себя вести благородно.

— Что это, однако, предсѣдателя до сихъ поръ нѣтъ? признаться, я всталъ въ пять часовъ: скоро и ѣсть захочется...

— Я тоже еще не завтракалъ А у насъ недавно какой случай былъ. Вотъ бы въ земствѣ возбудить вопросъ объ этомъ На Покровъ пріѣзжаю я къ благочинному, говорю: такъ и такъ.. водворите миръ... у меня возмутились оба штата... Дѣло въ томъ что указомъ отъ 3-го сентября намъ предписано половину дьячковской части отсылать въ попечительство, а другую половину дѣлить на тринадцать частей... потому мы всѣ сгорѣли, такъ благодѣтельное правительство это установило намъ въ помощь Теперь изволите видѣть, напримѣръ, блинъ... его надо разрѣзать такимъ образомъ: эта часть поповская, эта дьяконская, потомъ дьяконскую пополамъ—выйдетъ дьячковская; потомъ одну изъ этихъ половинъ надо раздѣлить на тринадцать частей. Вѣритъ истинному Богу: какъ ни дѣлежка, такъ возмущеніе... Причтъ дошелъ до того, что сталъ отказываться отъ своихъ частей... я не обязанъ беречь чужую собственность. Теперь какъ прикажете съ этимъ быть?

— Начальство молчитъ...

Купцы бесѣдуютъ о торговлѣ:

— Сала маленько сдались... а скотина все дорожаетъ: по водковой коровы и не увидишь: все гуртовая...

Digitized by Google

— Откуда же она будетъ поводко́вая? Какая пала, какую исправники распродали... у мужиковъ теперь на сто дворовъ пять коровъ: что́ тутъ продавать?

— Намѣсь я у энтого барина, съ яснымъ воротникомъ-то, лѣсокъ купилъ... Лѣсъ обедной; полозья и грядки выдутъ хорошіе...

— Что-жъ это не начинается?

— Ждутъ предсѣдателя.... Говорятъ, и губернаторъ будетъ.

Въ смежной залѣ являются оффиціанты, буфетчикъ, поваръ; раздвигаются столы, гремятъ тарелки; разстанавливаются бутылки и закуски.

— А! вотъ это прекрасная мысль, говорятъ дворяне,—окружая буфетъ... Человѣкъ! дайте карточку!

Происходятъ заказы, откупориваются бутылки; большая часть публики садится за столъ.

— Ну что? Не были у предсѣдателя?

— Я сейчасъ видѣлъ его сына... У предсѣдателя завтракъ....

— Такъ вотъ отъ чего засѣданіе такъ долго не начинается. Скоро уже часъ. А велѣли сбираться въ одиннадцать...

— Ну что, какъ вы доѣхали?

— Представьте, насъ чуть не ограбили.... къ счастію у меня былъ револьверъ.... жена, дѣти страшно перепугались.... Какіе-то два жулика подъ самымъ городомъ напали....

— Ну да! эмансипація!... Человѣкъ! дай мнѣ рейнвейну....

— Что, вы еще не слыхали Славолюбскаго?

— Завтра поѣду....

— Знаете, поетъ точно Сѣтовъ.... и манеры и тембръ.... верхніе ноты слабы.... вообще діапазонъ не большой.... Но.... пріятно поетъ.... А волтижеровъ — не видали? — Совѣтую посмотрѣть....

— Ахъ, у насъ преуморительный лакей въ гостинницѣ. Онъ прежде служилъ у князя Пальцева, объѣздилъ съ нимъ почти всю Европу и теперь служитъ въ гостинницѣ. Мы вчера съ графомъ умирали со смѣху... что́ онъ только намъ разсказывалъ!... И знаете-ли, этакой философъ, политикъ.... преуморительный....

Является предсѣдатель съ гурьбою своихъ знакомыхъ. Сидѣвшіе за завтракомъ, думая, что явился самъ губернаторъ, побросали салфетки и отправились въ залу собранія. Оффиціанты не замедлили прибрать тарелки....

— Что же? стало быть не скоро начнется? спрашиваютъ предсѣдателя.

— Надо подождать губернатора, онъ формально откроетъ

Digitized by Google

засѣданіе, говоритъ предсѣдатель въ растегнутомъ мундирѣ съ крестами на шеѣ, держа руки въ карманахъ панталонъ.

— Такъ мы еще успѣемъ дозавтракать, переглядываясь между собой, рѣшаютъ дворяне — и уходятъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ вдругъ раздаются голоса:

— Что-жъ это такое значитъ? Эй, человѣкъ! куда же вы подѣвали наши порціи?...

— Вы изволили встать.... мы думали, вы откушали, объясняютъ лакеи.

— Кой чортъ кончили? Помилуй! За 90 коп. подадутъ кленовый листокъ и тотъ не дадутъ доѣсть....

— Извольте, мы подадимъ....

— Такъ подавайте!

Лакеи начинаютъ разносить тарелки.

Гости усаживаются.

— Тьфу, чортъ возьми! кричитъ одинъ басъ: я ѣлъ осетра, мнѣ подали полкотлеты....

— Это мое... подайте сюда....

— Рябчикъ, рябчикъ гдѣ? гарсонъ!

— Рябчика сейчасъ подадимъ....

— Это наконецъ невозможно....

— Вообразите: мнѣ насыпали горошку въ бѣлугу.... Я не могу!.... подайте новую порцію....

— Новая порція девяносто копѣекъ, докладываетъ офиціантъ.

— Я не о девяносто копѣйкахъ говорю, а говорю о томъ чтобы было исправно....

— Странное дѣло однако: мы думали губернаторъ; а это предсѣдатель....

— Нѣтъ, всего страннѣе русскій человѣкъ; только сѣли за завтракъ, а они и тарелки унесли....

— Не знаете, что сегодня въ театрѣ?

— Все старье: «Серафима Лафайль», «Смерть Ляпунова»... впрочемъ играютъ, говорятъ, недурно....

Между тѣмъ предсѣдатель, отъ нечего дѣлать, отправляется въ губернскую управу, гдѣ сидятъ члены.

— Ну, господа, что-то будетъ!

— Ничего, ваше превосходительство, замѣчаетъ одинъ изъ дѣльцовъ: нужно только позаботиться...

— То-есть, какъ это? спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да вотъ хоть, напримѣръ, этотъ докладъ, знаете? его нужно поставить въ концѣ засѣданій.... неиначе.... потому глазные, знаете, устанутъ....

Digitized by Google

— Понимаю....

— Мы вамъ ужъ написали программу. Оно все лучше....

— Это прекрасно, прекрасно! Иванъ Петровичъ! какъ вы думаете? когда публика будетъ добрѣй ко мнѣ? въ началѣ или въ концѣ засѣданій.

— Вы говорите насчетъ баллотировки? усмѣхаясь, спрашиваетъ одинъ изъ членовъ: я думаю тоже въ концѣ.... Всѣ будутъ спѣшить домой.... ну, и не будутъ особенно разборчивы.... Все направо, да направо....

— Да, я это знаю.... мнѣ какъ-то не терпится.... все-бы было веселѣй....

— Въ такомъ случаѣ можно назначить баллотировку хоть завтра.... Что-жъ.... вами всѣ довольны....

Сторожъ объявляетъ, что пріѣхалъ губернаторъ. Предсѣдатель торопится встрѣчать его.

Держа въ рукѣ каску, потрясая густыми эполетами, съ нафабренными усами, съ винтообразнымъ хохломъ на лбу, губернаторъ появляется въ залѣ собранія. Раскланиваясь, онъ быстро подходитъ къ предсѣдательскому столу, становится передъ публикой и объявляетъ:

— Милостивые государи! Я прибылъ сюда, чтобы открыть четвертое очередное губернское земское собраніе. Вполнѣ увѣренъ, что вы не только пропитаны любовію къ земскому дѣлу, но и запаслись надлежащей энергіей, скажу болѣе, самоотверженіемъ, съ которыми должны приступить къ исполненію вашихъ обязанностей, такъ какъ, за исключеніемъ, можетъ быть, не многихъ, всѣ здѣсь присутствующіе — потомки того славнаго русскаго дворянства, на которомъ покоились всѣ надежды правительства и которое нерѣдко жертвовало жизнью для блага своего отечества... Вы въ свою очередь также принесли не мало жертвъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и тѣмъ доказали, что въ важныхъ случаяхъ государство смѣло можетъ разсчитывать на васъ, какъ оно разсчитывало на вашихъ предковъ. Милостивые государи! Считаю лишнимъ распространяться о внутреннемъ составѣ нашего земства, о его назначеніи. Не смѣю сомнѣваться, что каждый изъ васъ очень хорошо знаетъ, что земство — это самоуправленіе, которое мы видимъ въ Англіи и другихъ просвѣщенныхъ державахъ, успѣло уже пустить глубокіе корни на нашей почвѣ, и тѣмъ доказать, что Россія не отстаетъ отъ Запада въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣнія.... Позвольте надѣяться, что каждый изъ васъ будетъ выполнять свою роль, строго держась границъ, указанныхъ правительствомъ.... Позвольте также просить васъ, милостивые государи, обратить особенное

Digitized by Google

ваше вниманіе на отбываемыя податными сословіями повинности дабы они не напоминали собою, если такъ можно выразиться ржавчину, которая день ото дня все болѣе и болѣе можетъ покрывать пружины государственнаго механизма; тщательно слѣдить за всѣми деталями этого сложнаго механизма, дабы онъ неуклонно шелъ по пути, предназначенному верховной властью. Затѣмъ съ нынѣшняго числа объявляю собраніе открытымъ.

Губернаторъ быстро сошелъ съ подмостокъ и началъ здороваться съ своими знакомыми. При этомъ онъ объявилъ новость:

— А вы не слыхали, какой недавно случай былъ на нашей желѣзной дорогѣ: передъ Буслаевской станціей поѣздъ сошелъ съ рельсовъ; тридцать человѣкъ пассажировъ ранило... машиниста убило до смерти....

Это извѣстіе быстро разносится по всему собранію. Вскорѣ губернаторъ уѣзжаетъ. Предсѣдатель залѣзаетъ въ кресла и говоритъ:

— Милостивые государи! прошу занять мѣста....

Однако никто не садится. Пошелъ говоръ; кто разбираетъ рѣчь губернатора, кто бранитъ желѣзныя дороги, кто бѣгаетъ по залѣ, передавая всѣмъ и каждому, сообщенное губернаторомъ извѣстіе, и даже отправляются на хоры къ дамамъ.

— Вы бы позвонили, говоритъ предсѣдателю одинъ изъ его доброжелателей.

— Нельзя-съ.... только отвѣчаетъ предсѣдатель, и снова выставляя грудь, кричитъ на всю залу:—Милостивые государи! съ открытіи губернскаго земскаго собранія начальникомъ губерніи мы должны приступить къ обсужденію вопросовъ земства и прежде всего принять присягу....

Священникъ надѣваетъ епитрахиль. Публика не унимается.

— Не составить ли прежде протоколъ о появленіи губернатора? рекомендуетъ одинъ предсѣдателю.

— Это пойдетъ своимъ порядкомъ.... главное, публика не садится. Предсѣдатель продолжаетъ возвѣщать:—Милостивые государи! надѣюсь, что вы вполнѣ оправдаете довѣріе начальника губерніи.

— Азъ нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь.... слышитъ голосъ.

— Представьте, тридцать человѣкъ ранило!

— Вы одни, или съ супругой?

— Господа! будьте внимательны....

Мало по малу шумъ утихаетъ; публика придвигается къ предсѣдательскому столу.

Digitized by Google

— Милостивые государи! прошу занять мѣста! повторяетъ предсѣдатель: мы должны приступить къ четвертому очередному засѣданію. Прежде всего мы должны сдѣлать постановленіе объ открытіи засѣданія, затѣмъ приступить къ обсужденію докладовъ губернской земской управы.

— Мнѣ кажется, говоритъ одинъ изъ гласныхъ: открытіе засѣданія и появленіе губернатора не подлежитъ никакому обсужденію....

Другой горячо подхватываетъ:

— Если мы будемъ пропускать безъ обсужденія подобные вопросы, то мы можемъ придти къ явному противорѣчію съ постановленіями, узаконенными правительствомъ.

— По моему мнѣнію... говоритъ третій.

— Слово не за вами!... перебиваетъ предсѣдатель.

Поднимается губернскій ораторъ князь М., воцаряется тишина.

— Наше собраніе началось преніемъ о такихъ вопросахъ, которые даже не должны подлежать обсужденію губернскаго земскаго собранія, какъ, напримѣръ, появленіе начальника губерніи; это можетъ просто занестись въ началѣ протокола засѣданія; а намъ, на основаніи.... статьи.... параграфа положенія о земскихъ учрежденіяхъ, слѣдовало бы приступить къ повѣркѣ гласныхъ и узнать, можетъ ли еще состояться самое собраніе?

— Согласные съ мнѣніемъ князя М. встаютъ, а не согласные сидятъ, говоритъ предсѣдатель....

— Странное дѣло! замѣчаетъ князь М., подвергаютъ голосованію законъ....

Кто встаетъ, кто сидитъ. Предсѣдатель, наконецъ объявляетъ:

— Значитъ, мы должны приступить къ повѣркѣ гласныхъ, а такъ какъ уже пять часовъ и каждому изъ насъ время пообѣдать, то засѣданіе закрывается. Завтрашній день прошу пожаловать въ 11 часовъ.—Публика расходится.

При наступленіи вечера нѣкоторые изъ гласныхъ отправились въ клубъ или въ театръ, нѣкоторые къ своимъ знакомымъ—поиграть въ преферансъ, а люди положительные, снявъ съ себя парадные доспѣхи, предпочли залечь спать, наговорившись о городскихъ новостяхъ съ своими женами или просто съ домашними. Гласный старшина справился на постояломъ дворѣ, есть ли кормъ у барскихъ лошадей, поужиналъ и легъ въ те-

Digitized by Google

лѣгу, помышляя о всемъ видѣнномъ имъ въ собраніи. Гласный купецъ съ своимъ пріятелемъ отправился въ гостинницу Крымъ, гдѣ пѣлъ хоръ цыганъ. Одинъ изъ знатныхъ молодыхъ людей, побывавъ гдѣ только можно, возвратился въ свой номеръ и позвалъ лакея:

— Ну, Варѳоломей! разсказывай что-нибудь.... скука страшная....

— А что же вы, сударь, были въ театрѣ? Тамъ, говорятъ, самъ губернаторъ.

— Былъ! Не спрашивай лучше... мерзость страшная.

— Ну, какъ ваше собраніе?

— Самъ чортъ ногу переломитъ. Разсказывай пожалуйста....

— Извольте! вотъ вы теперь все скучаете, — говорите, все вамъ надоѣло; имѣніе наскучило.... Это такъ, — и не мудрено: ничего здѣсь хорошаго нѣтъ, ни общества, ни забавъ настоящихъ... а въ имѣніи одурь возьметъ: глушь, мужики.... Вамъ знаете что нужно? жениться на богатенькой купеческой дѣвушкѣ....

— Да что же мнѣ богатство? развѣ оно мнѣ дастъ счастіе!

— Извольте видѣть. Сейчасъ за границу....

— А тамъ, что я буду дѣлать?

— Да что вы, сударь? деньгамъ можно найти мѣсто: поѣздилъ тамъ, самъ: посмотрѣлъ, не приглянется ли какое мѣстечко, напримѣръ, на берегу моря или на горѣ... и сейчасъ купить... устроить въ этой самой виллѣ театръ домашній... вѣдь вотъ мой баринъ-то живетъ же такъ. И любовь ежели... насчетъ любви—такъ не въ примѣръ лучше... тамъ такія попадаютъ—прынцессы!...

— Да вѣдь ты мнѣ совѣтуешь жениться?...

— То-то я и говорю на простенькой жениться....

— Для чего? Что бы потомъ бросить ее?

— Если надоѣстъ, то можно и бросить.... Вѣдь, сударь, теперь не тѣ времена.... Вы изволите знать, что теперь дѣлается въ Петербургѣ?

— Что?

— Всѣ въ гражданскомъ бракѣ состоятъ...

— Ха! ха! ха!... однако ты мнѣ наплелъ.

— Я наплелъ! Я знаю свое дѣло!

— Подай мнѣ шампанскаго.

— Слушаю-съ.

— Развеселилъ я своего барина, говоритъ лакей буфетчику

Digitized by Google

VII.

Второе засѣданіе.

Утромъ въ 11 часовъ въ собраніи никого нѣтъ, кромѣ духовныхъ, которые не перестаютъ разсуждать о владыкѣ и сближеніи сословій. Время отъ времени появляются франты съ pince-nez; видя, что зала пуста, они чмокаютъ губами, и уходятъ.

Духовные недоумѣваютъ:

— Не царскій ли нынче день, что никого нѣтъ?

— А вотъ мы спросимъ у швейцара.

— Въ самомъ дѣлѣ, сходите.... въ противномъ случаѣ нечего здѣсь и толочься....

На лѣстницѣ слышится оживленный говоръ. Входятъ въ залу человѣкъ пять-шесть дворянъ.

— Ну, вотъ и не зачѣмъ ходить, рѣшаютъ духовные: должно быть, сейчасъ начнется.

Вскорѣ является предсѣдатель. Повидавшись съ дворянами, онъ начинаетъ ходить по залѣ и считать гласныхъ:

— Петръ Абрамовичъ, обращаются къ нему: что же не открывается засѣданіе? вѣдь скоро часъ....

— Что дѣлать! нельзя еще! господъ гласныхъ нѣтъ... хоть бы одна треть собралась,—я бы открылъ....

Публика прибываетъ. Около дверей раздаются голоса:

— Не опоздали мы?

— Ничего! Если опоздали и безъ насъ обойдется.

Зала наполняется. На хорахъ появляются дамы въ шляпкахъ, съ бинoклями. Предсѣдатель всходитъ на свое мѣсто и проситъ публику садиться. Многіе идутъ изъ буфета, иные лѣзутъ на верхъ къ дамамъ, гдѣ слышатся восклицанія:

— Ah! bon jour.... comment votre santé....

— Merçi....

— Господа, объявляетъ предсѣдатель: прошу занять мѣста!

— Васъ зовутъ! говорятъ дамы на хорахъ.

— Ничего! у насъ здѣсь по домашнему. Притомъ же, посмотрите, никто не сидитъ, одни только попы....

— Господа! вѣдь это невозможно! убѣждаетъ предсѣдатель: ужъ скоро два часа. Прошу садиться.

Наконецъ раздается звонокъ, всѣ начинаютъ размѣщаться. Предсѣдатель объявляетъ:

— Милостивые государи, не угодно ли вамъ приступить къ выслушанію доклада управы.

— Вчерашній день, замѣчаетъ одинъ гласный, мы, кажется, остановились на повѣркѣ правъ гласныхъ. Я полагаю, удобнѣе

Digitized by Google

было бы прежде всего повѣрить гласныхъ, а потомъ приступить къ очереднымъ дѣламъ.

— Виноватъ! я и забылъ, говоритъ предсѣдатель, и обращается къ письмоводителю: позвольте списки гласныхъ, господинъ Антоновъ!

— Здѣсь! слышится съ хоръ.

Предсѣдатель улыбается и говоритъ:

— Господа! вѣдь этакъ нельзя! Здѣсь не концертная зала.

Провѣривъ гласныхъ, предсѣдатель объявляетъ:

— Итакъ, милостивые государи, приступимъ къ дѣламъ.

Письмоводитель читаетъ: «При отношеніи отъ 25 августа сего года за № 3,738, господинъ N....скій губернаторъ препроводилъ копію циркулярнаго предложенія господина министра финансовъ, отъ .. декабря истекшаго года за №... о слѣдующей въ 18... году согласно положенію государственнаго совѣта за №... суммѣ въ налогъ съ недвижимаго имущества.....»

— По моему мнѣнію, заявляетъ одинъ гласный: необходимо увеличить налогъ съ питейныхъ заведеній, потому что это дѣло прихоти....

Другой перебиваетъ:

— Кажется, идетъ рѣчь о неправильной пересылкѣ и передержкѣ собранныхъ уже налоговъ разными управами.

— Мнѣ кажется, замѣчаетъ третій, всего удобнѣе, чтобы отстранить подобныя недорозумѣнія, не пересылать суммы, а дѣлать переводъ въ уѣздныя казначейства, такъ какъ въ казначействахъ всегда есть суммы, коими они свободно могутъ располагать.

— По моему мнѣнію....

— Слово не за вами!

— Конечно, на первыхъ порахъ произошла подобная путаница въ пересылкѣ суммъ, а когда земство поустроится.... попривыкнутъ.... то и меньше будетъ разнаго рода недоразумѣній, а потому, я думаю, слѣдуетъ предоставить это дѣло времени....

— Теперь извольте говорить! предлагаетъ предсѣдатель.

— Я хотѣлъ высказать тоже самое, что заявилъ господинъ Кореньковъ; добавлю только, что неловко предоставлять времени подобныя вещи.... это можетъ компрометтировать всѣхъ насъ.... будто мы и ариѳметики не знаемъ....

— Предметъ, кажется, достаточно обсужденъ, заключаетъ предсѣдатель, а потому не угодно ли будетъ приступить къ голосованію — желающіе предоставить времени сидятъ, нежелающіе встаютъ.

Всѣ сидятъ.

— Вопросъ рѣшенъ единогласно.... Засѣданіе закрывается на четверть часа.

Digitized by Google

Всѣ поднимаются. Большая часть публики отправляется въ буфетъ. Нѣкоторые, потягиваясь, говорятъ:

— Однако становится что-то тяжело.... Я тужу, что и пріѣхалъ.... здѣсь и безъ меня, я вижу, обошлись бы.... а то ужъ вотъ четвертый день живу здѣсь, а ничего нѣтъ....

— Э! батюшка!... вы не поѣдете, я не поѣду—что-жъ это будетъ? Тогда и собраніе не состоится.... Главное, вы тутъ только будьте....

— Нѣтъ, я вижу, у насъ ничего не можетъ быть путнаго.... во-первыхъ, люди не готовы къ этимъ учрежденіямъ, во-вторыхъ, какъ хотите, мы въ сторонѣ....

— Эге! любезнѣйшій Егоръ Савельичъ: вы либералъ,—а мелко плаваете...

— Господа! прошу занять мѣста! объявляетъ предсѣдатель. Публика, прожевывая бутерброды, начинаетъ садиться.

Теперь намъ предстоитъ обсудить вопросъ объ игорныхъ картахъ, то-есть, кому ихъ распродавать, кому ввѣрять и пр. и пр.; вотъ извольте послушать.

Читается докладъ: «При отношеніи отъ .. сентября сего года за № ... господинъ N....скій губернаторъ препроводилъ для представленія на обсужденіе губернскаго земскаго собранія предписаніе высшаго начальства»....

— Не угодно ли кому что-нибудь дополнить къ докладу, спрашиваетъ предсѣдатель: или что-нибудь измѣнить....

— Чортъ возьми! шепчетъ одинъ гласный: хоть бы поскорѣй кончилось, давно обѣдать пора....

— По моему мнѣнію, заявляетъ одинъ господинъ, карты относятся къ дѣламъ прихоти, а потому слѣдовало бы объ нихъ никогда не разсуждать, и въ такомъ собраніи, какъ наше, даже не совсѣмъ прилично объ нихъ говорить.... Я кончилъ!

— Хотя господинъ гласный заявилъ о непристойности разговора о картахъ въ нашемъ благородномъ собраніи, тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ объяснить, что продажа картъ и продажа питій составляютъ источникъ государственнаго дохода....

— Я совершенно согласенъ съ господиномъ гласнымъ Каменевымъ, заявляетъ третій гласный: наше государство, или лучше сказать, правительство настолько благоразумно, что взимаетъ не съ честнаго труда, а съ предметовъ прихоти, слѣдовательно мы никакъ не должны пренебрегать сборами.... будь то карты, борзая собака, или наконецъ дымовая труба....

— По моему мнѣнію, возражаетъ первый: необходимо принять мѣры къ прекращенію картежной игры, псовой охоты и нашихъ безлѣсныхъ мѣстахъ, пьянства, воровства и пр., а не

Digitized by Google

то, чтобы платою въ земство извѣстной суммы оправдывать общественное бездѣлье и безнравственность....

— Милостивые государи! возглашаетъ предсѣдатель: вы, кажется далеко зашли.... намъ не предоставлено право разсуждать.... Здѣсь не законодательное собраніе.... Здѣсь не о нравственности должна идти рѣчь, а о губернскомъ хозяйствѣ....

— Хозяйство основывается на нравственности, объявляетъ одинъ въ заднихъ рядахъ.

— Слово не за вами!

Встаетъ наконецъ какой-то ораторъ; на него направляются бинокли сверху.

— Имѣя честь выслушать нѣсколько заявленій членовъ нашего благороднаго собранія, позволяю себѣ сказать слѣдующее. Понятно, какъ заявилъ господинъ гласный Павловъ, что народное хозяйство основывается на нравственныхъ началахъ; — но еще не пришло время, чтобы наше юное земство могло правильно сопоставлять вопросы соціальные съ вопросами экономическими — и такимъ образомъ направлять свою дѣятельность къ возвышенію народнаго благосостоянія; прежде всего намъ слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію, что, поощряя, напримѣръ, пьянство, мы тѣмъ самымъ незамѣтно будемъ, такъ-сказать, красть изъ своего же собственнаго кармана ...

— Милостивые государи! объявляетъ предсѣдатель: пренія очевидно начинаютъ усложняться, а потому не угодно ли вамъ будетъ вопросъ о картахъ поручить коммиссіи! Согласные сидятъ, несогласные встаютъ.

Между тѣмъ одинъ изъ гласныхъ, не обращая вниманія на пренія, бесѣдовалъ на хорахъ съ своей сосѣдкой по имѣнію, очень красивой и молоденькой дѣвушкой.

— Итакъ, вы скоро отправляетесь? спрашивала дѣвушка.

— Непремѣнно.... что мнѣ дѣлать?

— Надолго?

— Навсегда.

— Значитъ мы васъ больше не увидимъ?

— Да! склонивъ голову и играя шляпой, говорилъ гласный. Гдѣ нибудь въ Швейцаріи выстрою домъ.... А тутъ что-жъ жить? играть глупую роль на подобныхъ собраніяхъ? Но я чего еще боюсь? какъ бы не влюбиться.... въ васъ....

— А, вы боитесь въ меня влюбиться? Скажите, Петръ Иванычъ: вы любили?...

— Было время, когда я любилъ одно существо со всѣмъ увлеченіемъ двадцатилѣтняго юноши.... и она меня любила.... Но когда дѣло стало доходить до свадьбы, — я далъ тягу....

— Неужели?

Digitized by Google

— Меня просто объялъ ужасъ. И вотъ, разбирая теперь этотъ фактъ, я ничего въ немъ страннаго не нахожу: начиная съ незабвеннаго Подколесина, всѣ герои русскихъ романовъ задавали тягу передъ свадьбой. Въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать съ моей будущей супругой? ѣздить въ поле — смотрѣть, какъ пашутъ, а жена дѣтей качать? Да посмотрите на тѣхъ, кто былъ постояннѣе въ этомъ отношеніи, т.-е. на женившихся: вѣдь нѣтъ ни одного брака счастливаго: отъ чего? Отъ того, что между мужемъ и женой ничего нѣтъ общаго, связующаго, — дороги нѣтъ!... Свободная любовь у насъ то же почти невозможна, потому бездѣльемъ обусловливается вся жизнь. Такъ вотъ я и боюсь влюбиться въ васъ.... Серьезно говорю.... А это очень можетъ быть: потому что вы славная дѣвушка, какихъ мало; съ вами далеко можно уйти.... вы себя не знаете.... въ васъ необыкновенная сила добра, а главное—сила пониманія....

— Вѣдь вы сами ничего не хотите дѣлать, замѣтила дѣвушка и указала на засѣданіе: развѣ это не дѣло? отъ чего вы не принимаете въ немъ никакого участія?

— Вы знаете, что это такое?

— Знаю. Общество разсуждаетъ о томъ, чтобы намъ и нашимъ ближнимъ было лучше жить....

— Вотъ что! А по моему это ни больше ни меньше, какъ кукольная комедія. Да-съ, мы любимъ декораціи, разѣваемъ ротъ передъ колокольней, отъ чего-жъ намъ не потѣшиться и парламентской обстановкой? Нашъ съѣздъ — просто ширма, за которой скрывается управа: а за управой опять какой-нибудь deus ex machina....

— Отчего-жъ вы не повѣряете управу?

— Да развѣ я здѣсь живу?

— Вы повѣряйте теперь.

— Уже поздно.... давно все сдѣлано....

— Ну, отъ чего-жъ вы ничего не предпринимаете? вмѣсто того, чтобы разсуждать здѣсь со мной, вы бы говорили тамъ въ собраніи, замѣтила она оратору.

— Это ни къ чему не поведетъ....

— Всѣмъ вамъ просто не хочется палецъ объ палецъ ударить....

— Знаете, Софья Ивановна: при всемъ томъ, что вы еще дитя, — я васъ глубоко уважаю.... и право боюсь, какъ бы не влюбиться.... Надо ѣхать скорѣй!

Предсѣдатель сошелъ съ своего мѣста и предлагалъ готовой уже разойтись публикѣ:

— Такъ не угодно-ли вамъ приступить къ избранію изъ среды себя распорядителя насчетъ обѣда.... теперь дѣло частное, засѣданіе закрыто....

Digitized by Google

— Орлова! Диванова!

— Стулина!

— Кафлина! Щепачева! кричали гласные.

— Господа! тише! тише! говорилъ предсѣдатель: въ числѣ голосовъ я имѣлъ удовольствіе слышать большинство желающихъ Щепачева, а потому не угодно ли вамъ, для сокращенія времени, предложить, пусть господинъ Щепачевъ будетъ распорядителемъ предполагаемаго нами обѣда.

— Хорошо! прекрасно!

— Благодарю, господа, за довѣріе! раскланиваясь, говорилъ Щепачевъ.

— Такъ вотъ теперь нужно положить, по скольку съ персоны? продолжалъ предсѣдатель. Мнѣ кажется рублей 15 надо.... кому угодно участвовать въ обѣдѣ?...

Наконецъ, всѣ начали расходиться. Предсѣдатель шолъ рядомъ съ Щепачевымъ и говорилъ:

— Ну, батюшка, не посрамите губернію.... я, какъ предсѣдатель, не проминовалъ васъ представить собранію, зная вашу опытность...

— Очень вамъ благодаренъ.... только я не знаю, чѣмъ бы особеннымъ подкрасить обѣдъ....

— О! можете выписать живыхъ стерлядей.... я думаю, въ Москвѣ можно достать....

— Да! это непремѣнно нужно.... конечно, шампанское у насъ есть.... дичи тоже можно достать...

— Ну, потомъ озаботьтесь насчетъ музыки, — чтобы пріятно было.... ну, цвѣтовъ нужно.... у Обухова въ оранжереѣ спросите....

Черезъ нѣсколько дней изъ собранія послѣдовало извѣстіе губернатору, что дѣла покончены. Явился губернаторъ, и было возвѣщено четвертому очередному губернскому земскому собранію, что всѣ его члены относились къ дѣламъ земства какъ истинные граждане, и т. д. и т. д.

Гласные начинаютъ разсчитываться въ номерахъ, жалуются на баснословныя цѣны и, наконецъ, отправляются себѣ въ путь, въ дорогу....

Н. Успенскій.

Digitized by Google

ФИЗІОЛОГІЯ

РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою настоящаго года.

V*).

Продолженіе о лимфатической системѣ. — Процессъ поступленія твердыхъ и жидкихъ веществъ въ кровь. — Общія понятія объ устройствѣ пищевой трубки.

Мм. Гг.! Прошлый разъ было описано устройство начала лимфатической системы и затѣмъ доказано, что наполняющая ихъ жидкость происходитъ изъ крови путемъ фильтраціи. Теперь мнѣ слѣдовало бы говорить о судьбахъ кровеного фильтрата; но прежде, чѣмъ приступить къ этому вопросу, я считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ объ одной общеизвѣстной болѣзни водянкѣ, такъ какъ при этомъ мнѣ будетъ дана возможность сообщить вамъ одну очень интересную и важную деталь въ устройствѣ лимфатической системы.

Водяная болѣзнь, отъ какой бы отдаленной причины она ни происходила, имѣетъ своимъ ближайшимъ основаніемъ всегда затрудненное движеніе крови по венамъ той или другой части тѣла. Поэтому, водянка есть всегда результатъ усиленной фильтраціи крови, накопляется ли жидкость въ толщѣ органовъ, напр., въ кожѣ и подъ ней, при отеканіи рукъ и ногъ, или она собирается въ свободныхъ полостяхъ, какъ напр., при грудной и брюшной водянкѣ. Чтобы послѣднія двѣ формы болѣзни были,

*) См. выше, окт. 619 стр.

Digitized by Google

однако, для васъ понятны, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи органовъ въ грудной и брюшной полости. Если вы вскроете животъ, то въ противуположность моимъ словамъ не найдете въ немъ никакого свободнаго пространства: онъ вполнѣ и даже съ избыткомъ выполненъ брюшными внутренностями. Однако свободная и гладкая поверхность послѣднихъ (желудка, печени, кишекъ и пр.) всегда мокра, и тоже самое вы находите на гладкой внутренней поверхности брюшныхъ стѣнокъ. Стало быть, между брюшными стѣнками и поверхностью брюшныхъ внутренностей есть всё-таки маленькое пространство съ небольшимъ количествомъ жидкости. И такое пространство, въ формѣ капиллярной щели, конечно, должно существовать, такъ какъ стѣнки живота и его содержимое лишь соприкасаются другъ съ другомъ. Но откуда же взяться въ этой капиллярной щели жидкости? Обратите вниманіе на поверхность кишекъ съ одной стороны, и на внутреннюю поверхность брюшныхъ стѣнокъ съ другой, тогда загадка разъяснится. Въ гладкой пластинкѣ, выстилающей эти поверхности, развѣтвляются сосуды; въ волосной части ихъ, конечно, постоянно происходитъ фильтрація, и отсюда жидкость въ капиллярной щели между стѣнками живота и его содержимымъ. Но если это такъ, то казалось бы, что у каждаго человѣка должна сдѣлаться брюшная водянка, такъ какъ фильтрація въ капиллярную щель, продолжаясь годы, должна же наконецъ растянуть эту полость. Это и было бы, мм. гг., еслибы не существовало въ одномъ мѣстѣ брюшной стѣнки снаряда, играющаго роль предохранительнаго клапана. На нижней сторонѣ діафрагмы, обращенной къ полости живота, на самой серединѣ ея, расположена сѣть лимфатическихъ трещинъ, сообщающихся съ полостью живота рядами открытыхъ отверстій, и отверстія эти, какъ показываетъ опытъ служатъ не для изливанія лимфы въ брюшную полость, а на оборотъ, для присасыванія изъ послѣдней жидкостей (именно, если впрыснуть въ брюшную полость какую-нибудь легко узнаваемую жидкость, она очень быстро попадаетъ въ лимфатическую сѣть діафрагмы). Эти-то сосала, встрѣчающіяся также и въ стѣнкахъ грудной полости, и предотвращаютъ скопленіе кровеного фильтрата, если его отдѣляется немного. Когда же, вслѣдствіе затрудненнаго движенія крови по брюшной или грудной венной системѣ, фильтрація въ капиллярныя щели значительно усиливается, предохранительные снаряды, разсчитанные на нормальныя условія, оказываются недостаточно сильными и жидкость, скопляясь въ капиллярной щели, растягиваетъ ее наконецъ въ огромную полость.

Digitized by Google

Очень вѣроятно, что такіе же снаряды существуютъ и въ другихъ обширныхъ паренхимныхъ щеляхъ тѣла, въ которыхъ можетъ происходить скопленіе водянистой жидкости; но до сихъ поръ лимфатическія сосала открыты только въ двухъ названныхъ полостяхъ. Что же касается до лимфатическихъ трещинъ въ тканяхъ, гдѣ при болѣзненныхъ условіяхъ (въ отекѣ) тоже можетъ быть скопленіе кровянаго фильтрата, тамъ роль предохранительныхъ снарядовъ берутъ на себя истоки ихъ, лимфатическія трубки.

О значеніи этихъ истоковъ и будетъ теперь рѣчь.

Установивъ фактъ выступленія жидкой части крови изъ полости кровеносныхъ сосудовъ, какъ несомнѣнную истину, мы этимъ самымъ поставили себя въ необходимость отвѣчать на вопросъ, что́ дѣлается далѣе съ кровянымъ фильтратомъ. Если онъ, по мѣрѣ своего образованія, тотчасъ же и безъ остатка употребляется въ дѣло элементами тѣла, превращающими его въ свое вещество, то въ крови должны быстро образоваться значительные дефициты питательной жидкости и рядомъ съ этимъ должны существовать условія для покрытія ихъ. Или, можетъ быть, не весь кровяной фильтратъ потребляется сразу, и тогда является вопросъ, куда дѣвается излишекъ. Вдумавшись нѣсколько въ эти вопросы, легко убѣдиться, что первый случай мало вѣроятенъ. Онъ возможенъ только, или при какой-то ничѣмъ ненасытной алчности элементовъ тѣла къ питательному соку, что́ невозможно, такъ какъ объемъ разрушенія веществъ въ тѣлѣ въ каждую единицу времени имѣетъ предѣлы; или при условіи, когда питательнаго сока фильтруется въ каждый маленькій участокъ тѣла именно столько, сколько его тамъ нужно для возстановленія потерь, что, въ свою очередь, трудно выполнимо, такъ какъ фильтрація производится слѣпою силою напора сердца. Поэтому, второй случай возможнѣе, и онъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, мм. гг.; но для того, чтобы излишекъ питательнаго вещества, выступившаго изъ крови, не терялся для нея, лимфатическія трещины имѣютъ истоки въ систему лимфатическихъ сосудовъ, по которымъ излишекъ и течетъ въ вены, т.-е. возвращается въ потокъ крови, изъ которой вышелъ. Это второе значеніе лимфатической системы въ жизни тѣла — *сохранять и возвращать крови излишекъ выступившаго изъ нея питательнаго вещества.* Съ этой точки зрѣнія становится совершенно понятнымъ, что ёмкость лимфатической системы должна быть меньше ёмкости венной системы, также и то обстоятельство, что лимфа должна течь въ направленіи отъ мелкихъ вѣтвей къ своему главному стволу—грудному протоку.

Digitized by Google

Какія же однако силы заставляютъ двигаться лимфу?

Главнѣйшая изъ нихъ опять-таки напоръ сердца. Подъ его вліяніемъ происходитъ непрерывное накопленіе лимфы въ тканевыхъ трещинахъ; стѣнки послѣднихъ, хотя и могутъ растягиваться, но только до извѣстной степени, притомъ же полости трещинъ имѣютъ свободные истоки въ сторону лимфатическихъ трубокъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій вмѣстѣ, постоянное накопленіе жидкости въ трещинахъ должно наконецъ повести къ выступленію изъ нихъ жидкости. Съ этого момента каждая лишняя капля лимфы въ началѣ системы должна лишь поддерживать уже существующее вытеченіе. Эта сила дѣйствуетъ, слѣдовательно, въ началахъ лимфатической системы. Въ концѣ же ея работаетъ присасывательное дѣйствіе венъ, въ которыя впадаетъ грудной протокъ, и присасывательное дѣйствіе грудной клѣтки, такъ какъ главный лимфатическій стволъ идетъ черезъ всю вышину грудной полости, и слѣдовательно для него, по отношенію къ периферическимъ частямъ лимфатической системы, существуютъ тѣ же условія, что для устьевъ венъ. Кромѣ того на периферическія части лимфатическихъ сосудовъ давятъ мышцы костнаго скелета, при движеніяхъ тѣла, и это давленіе тоже помогаетъ теченію лимфы въ направленіи къ грудному протоку, такъ какъ клапаны лимфатическихъ сосудовъ допускаютъ движеніе жидкости только въ этомъ направленіи.

Изъ того общаго представленія объ устройствѣ лимфатической системы, которое вы должны были себѣ составить на основаніи того, что было до сихъ поръ мною сказано, вы имѣли бы полное право заключить, что услуги этого аппарата тѣлу исчерпываются функціями приводить питательный сокъ въ непосредственное соприкосновеніе съ элементами тѣла и возвращать крови избытокъ его; одного взгляда на путь лимфатическихъ сосудовъ однако достаточно, чтобы убѣдиться въ противномъ. Путь этотъ не сплошь состоитъ изъ трубокъ, но мѣстами перерывается болѣе или менѣе круговатыми компактными тѣлами, величиною съ бобъ и менѣе; тѣла эти носятъ общее названіе лимфатическихъ желѣзъ. Устройство ихъ можно передать вамъ и вѣрно и просто помощью губки. Подобно ей, они состоятъ изъ сѣтчатаго скелета, имѣющаго чисто механическое значеніе,— поддерживать специфическіе элементы желѣзы; послѣдніе же имѣютъ форму безцвѣтныхъ круглыхъ шариковъ микроскопической величины и лежатъ совершенно свободно въ ноздряхъ сѣти; къ каждой желѣзкѣ непремѣнно подходитъ артерія, входящая въ глубь по перегородкамъ остова и, конечно, переходящая затѣмъ въ волосные сосуды и вены; но, сверхъ того, къ каждой

Digitized by Google

желѣзѣ подходитъ еще и отходитъ отъ нея хоть по одной лимфатической трубкѣ; лимфа, приносимая приводящимъ каналомъ, разливается по воздрямъ, охватываетъ своимъ токомъ лимфатическіе шарики и выходитъ изъ желѣзы выводящимъ протокомъ. Наблюденіе надъ такими мѣстами лимфатической системы, гдѣ можно сравнивать другъ съ другомъ подъ микроскопомъ каналы, не проходившіе еще черезъ желѣзы, съ продолженіемъ ихъ за желѣзами, показываетъ, что токъ лимфы уноситъ изъ полостей желѣзъ безцвѣтные лимфатическіе шарики; съ другой стороны есть факты, говорящіе въ пользу того, что послѣдніе фабрикуются въ полости желѣзъ постоянно. Такимъ образомъ оказывается, что въ сферѣ лимфатической системы существуетъ еще приготовленіе какихъ-то форменныхъ элементовъ. Но ради какихъ цѣлей, и какое вообще значеніе они имѣютъ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ, мм. гг., невполнѣ, но есть цѣлый рядъ основаній думать, что въ концѣ концовъ они превращаются въ красные шарики крови. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ основаній. Лимфа, вплывая въ кровь непрерывно, вноситъ въ нее значительное количество лимфатическихъ тѣлъ; съ другой стороны, въ крови нѣтъ условій къ ихъ разрушенію и выходитъ изъ кровеного потока, при нормальныхъ условіяхъ [1]), они едва-ли могутъ вообще, тѣмъ болѣе въ значительныхъ количествахъ; а между тѣмъ прямыя наблюденія показываютъ, что при нормальныхъ условіяхъ количество лимфатическихъ тѣлъ въ крови остается приблизительно постояннымъ. Если къ этому прибавить, что для красныхъ кровеныхъ шариковъ, наоборотъ, условія разрушенія въ тѣлѣ существуютъ и что, несмотря на это, количество ихъ тоже не измѣняется;—то становится очень вѣроятною мысль о замѣщеніи разрушенныхъ красныхъ безцвѣтными лимфатическими шариками. Рядомъ съ этими общими соображеніями очень вѣское значеніе получаютъ наблюденія надъ превращеніями, претерпѣваемыми лимфатическими тѣлами со стороны формы и свойствъ, если они искусственно приводятся на нѣкоторое время въ соприкосновеніе съ кровью, тѣмъ болѣе, что при этихъ превращеніяхъ они болѣе и болѣе приближаются, по своимъ свойствамъ, къ краснымъ шарикамъ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не удалось довести искусственно эти превращенія до конца, поэтому вопросъ еще не окончательно рѣшенъ.

Во всякомъ случаѣ наука принимаетъ, какъ въ высшей сте-

[1]) Что при болѣзненныхъ условіяхъ они могутъ выходить изъ полости кровеносныхъ сосудовъ, это доказано прямыми наблюденіями, но самый способъ ихъ выхожденія еще не вполнѣ разъясненъ.

Digitized by Google

ности вѣроятное, что лимфатическая система, съ ея желѣзами, представляетъ, сверхъ описанныхъ уже функцій, *такой отростокъ кровеноснаго аппарата, который снабжаетъ кровь форменными элементами.*

Въ этой 3-й, но еще не послѣдней, функціи лимфатической системы, вы видите, мм. гг., впервые случай возобновленія въ тѣлѣ разрушенныхъ элементовъ.

Объ остальныхъ услугахъ лимфатическаго аппарата тѣлу я скажу впослѣдствіи, теперь же покажу вамъ изображенія бѣлыхъ и красныхъ шариковъ.

(На экранъ бросается рисунокъ тѣхъ и другихъ).

Судя по внѣшнему виду, бѣлые шарики всего лучше можно опредѣлить, какъ неправильные комочки безцвѣтнаго зернистаго вещества. Если же присмотрѣться къ нимъ повнимательнѣе, то нужно будетъ еще прибавить «*сократительнаго* вещества». Они измѣняютъ, мм. гг., безпрерывно свою форму, выпуская изъ своего тѣла и снова втягивая въ него отростки. Если при этомъ къ поверхности отростка случайно пристанетъ какая-нибудь маленькая порошинка, она втягивается въ глубь тѣла: — бѣлые шарики какъ бы глотаютъ ее. Благодаря своимъ сокращеніямъ, они могутъ ползать на поверхности микроскопическаго стеклышка. Подъ вліяніемъ электрическаго раздраженія они скомкиваются въ неподвижные, на нѣкоторое время, шары и въ эту же форму они переходятъ при умираніи. Красные шарики высшихъ животныхъ имѣютъ, наоборотъ, всегда опредѣленную форму — у человѣка они являются въ видѣ круглыхъ пластинокъ съ вдавленіями на широкихъ поверхностяхъ. Вещество ихъ равномѣрно и окрашено въ желто-зеленоватый цвѣтъ. Шарики эти не обладаютъ сократительностью, ни сами по себѣ, ни подъ вліяніемъ раздраженій. Тѣ и другія тѣльца имѣютъ микроскопическую величину, но бѣлыя нѣсколько больше красныхъ. Чтобы дать вамъ понятіе о мелкости этихъ элементовъ, достаточно будетъ сказать, что въ 1 куб. миллим. человѣческой крови насчитываютъ до 5 милліоновъ красныхъ шариковъ и до 14 тысячъ бѣлыхъ.

Этимъ я и заканчиваю о движеніи по тѣлу крови и лимфы.

Теперь, согласно принятому нами плану, мнѣ слѣдуетъ говорить о процессѣ поступленія въ кровь, а черезъ нея и въ тѣло, твердыхъ и жидкихъ веществъ, т.-е. пищи и питья.

Процессъ этотъ происходитъ въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Сначала пищевыя вещества поступаютъ черезъ ротъ въ такъ-наз. *желудочно-кишечный* или *пищеварительный*

Digitized by Google

канала; передвигаясь по длинѣ его въ теченіи часовъ, они въ нѣкоторыхъ, и обыкновенно расширенныхъ, мѣстахъ канала задерживаются на болѣе или менѣе долгое время и подвергаются здѣсь многообразнымъ механическимъ и химическимъ вліяніямъ, имѣющимъ однако одну общую цѣль — приготовить изъ пищи, въ ея первоначальной грубой формѣ, питательный экстрактъ въ жидкомъ видѣ. Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ, пищевой каналъ приспособленъ, во-первыхъ, къ передвиганію пищи по его длинѣ и къ задержкѣ ея въ томъ или другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; затѣмъ, полость его снабжена механическими придатками для измельченія и растиранія пищи; наконецъ, въ этой полости существуютъ жидкости, способныя вытягивать изъ пищи питательныя составныя части.

Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то уже чисто внѣшнее разсматриваніе однѣхъ только формъ пищеварительнаго снаряда, у различныхъ животныхъ, дѣлается въ высшей степени поучительнымъ.

Возьмемъ, напр., для сравненія пищевые каналы всеяднаго человѣка, собаки — какъ плотояднаго животнаго, и теленка, какъ представителя травоядныхъ. Всѣ они въ общихъ чертахъ имѣютъ форму открытой съ обоихъ концовъ (отверстіе рта и задній проходъ) трубки съ тремя главными расширеніями по длинѣ. Первое расширеніе есть полость рта, второе — желудокъ, третье — толстыя кишки. Часть трубки между 1-мъ и 2-мъ расширеніемъ называется пищеводомъ; здѣсь пища двигается быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ отдѣлахъ. Замѣтной разницы въ длинѣ всѣхъ 3-хъ пищеводовъ нѣтъ, если же она и существуетъ, то объясняется разницей въ длинѣ шеи. Но посмотрите, какая разница въ объемѣ желудковъ — у теленка онъ навѣрное вдвое или даже втрое больше, чѣмъ у человѣка и собаки. Если притомъ его разрѣзать, то онъ оказывается не объ одной полости, какъ у послѣднихъ, а объ 4-хъ. Вы конечно знаете, мм. гг., или по крайней мѣрѣ слыхали, что коровы, овцы, козы отрыгаютъ жвачку, т.-е. что они разъ проглоченную пищу возвращаютъ въ ротъ, пережевываютъ и снова глотаютъ. Устройство телячьяго желудка и соотвѣтствуетъ этой особенности — кромѣ отдѣла, эквивалентнаго желудку человѣка и собаки, онъ заключаетъ снаряды, имѣющіе цѣлью задерживать и размачивать пищу предъ ея возвращеніемъ въ ротъ. Еще поразительнѣе разница въ кишкахъ — длина ихъ у теленка навѣрно въ четверо больше чѣмъ у собаки, гдѣ кишки всего короче. Этимъ и объясняются и огромные размѣры живота, которыми отличаются вообще травоядныя животныя въ сравненіи съ поджарыми плотоядными.

Digitized by Google

Можно смѣло сказать, что у нихъ брюшныя внутренности составляютъ болѣе трети объема всего тѣла. Такое сильное развитіе пищевого канала у жвачныхъ, очевидно, разсчитано на введеніе въ тѣло огромныхъ количествъ пищи, и кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что большая часть ихъ жизни проходитъ въ ѣдѣ и пережевываніи жвачки.

Стѣнки пищевого канала устроены вездѣ по слѣдующему общему типу: онѣ состоятъ изъ наружнаго слоя, имѣющаго чисто-механическое значеніе футляра, изъ средняго — двигательнаго выстроеннаго изъ мышечныхъ волоконъ, идущихъ частію по длинѣ трубки, частію опоясывающихъ ее въ формѣ колецъ, и наконецъ изъ внутренняго слоя — такъ-назыв. слизистой оболочки. Этотъ послѣдній слой, по его значенію въ пищеварительныхъ актахъ, слѣдуетъ назвать соко-отдѣлительнымъ. Вся слизистая оболочка пищевого канала густо усѣяна микроскопической величины углубленіями съ поверхности, на днѣ которыхъ помѣщены снаряды (отдѣлительныя клѣтки), предназначенные для приготовленія жидкостей, принимающихъ непосредственное участіе въ пищеварителеныхъ актахъ,—изъ нихъ выдѣляется слизь, желудочный и кишечный соки. Рядомъ съ этими маленькими, разсѣянными желѣзками, пищеварительная трубка снабжена еще цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ желѣзистыхъ придатковъ, которые изливаютъ свои соки въ ея полость посредствомъ болѣе или менѣе длинныхъ трубокъ, называемыхъ выводными протоками. Съ полостью рта сообщаются три пары слюнныхъ желѣзъ: околоушная пара, подчелюстная и подъязычная; въ верхнюю часть тонкой кишки, тотчасъ подъ желудкомъ, изливаютъ свое содержимое печень и поджелудочная (панкреатическая) желѣза. Соки этихъ придатковъ, вмѣстѣ съ отдѣленіями разсѣянныхъ желѣзъ, и составляютъ тѣ пищеварительныя жидкости, при посредствѣ которыхъ изъ пищи въ ея первоначальной грубой формѣ приготовляются жидкіе питательные экстракты.

Послѣдній рядъ снарядовъ, которыми вооружена пищеварительная трубка, это аппараты для размельченія пищи—зубы и мышечный жевательный механизмъ. Обратите вниманіе на эти снаряды у человѣка, собаки и теленка,—здѣсь опять существуютъ замѣчательныя разницы: у собаки, и вообще у всѣхъ плотоядныхъ концы зубовъ имѣютъ форму острыхъ клиньевъ; соотвѣтственно этому они не жуютъ, а только разрываютъ пищу; у теленка такихъ зубовъ нѣтъ и помину, у нихъ слабо развиты даже зубы въ формѣ долотъ, которыми вооружена у человѣка передняя часть рта, по крайней мѣрѣ спереди, въ верхней челюсти зубовъ у коровы нѣтъ вовсе; но за то у травоядныхъ усилены

Digitized by Google

развитъ жевательный снарядъ съ коренными зубами, дѣйствующими какъ жернова. Посмотрите теперь на зубы всеядного человѣка—у него есть и рѣзцы и жернова, соотвѣтственно смѣшанному характеру пищи. Очень поучителенъ въ этомъ отношеніи также пищевой каналъ курицы, на который я обращаю ваше вниманіе. Во рту у нея нѣтъ зубовъ, а между тѣмъ пищу ея составляютъ сухія зерна. Здѣсь снарядъ для измельчанія пищи раздѣленъ между особымъ расширеніемъ пищевой трубки — *зобомъ*, предшествующимъ желудку, и самымъ желудкомъ. Въ зобу проглоченныя зерна размачиваются, а въ желудкѣ, при посредствѣ сильныхъ сокращеній стѣнокъ, они растираются. Соотвѣтственно послѣдней цѣли мышцы въ стѣнкахъ куринаго желудка развиты чрезвычайно сильно, а полость его выстлана изнутри крѣпкимъ, почти какъ хрящъ, слоемъ.

Въ заключеніе лекціи я покажу вамъ изображенія желѣзъ, приготовляющихъ пищеварительные соки.

(При этомъ на экранъ бросаются другъ за другомъ изображенія: слизистыхъ и пепсиновыхъ желѣзъ; затѣмъ показывается строеніе поджелудочной желѣзы и устройство желче-отдѣлительнаго аппарата печени по Пфлюгеру.)

Сначала я скажу объ устройствѣ тѣхъ, которыя сидятъ въ самой толщѣ слизистой оболочки.

Слизистую оболочку вы должны себѣ представлять, какъ слой кожи, выстилающій всю полость пищевой трубки. Подобно кожѣ, свободная поверхность ея сплошь покрыта тонкимъ роговымъ покровомъ, состоящимъ изъ плотно-склеенныхъ между собою пузырьковъ, эпителіальныхъ клѣточекъ. Этотъ слой, называемый эпителіальнымъ, продолжается, какъ видите, во всѣ безъ исключенія желѣзистыя углубленія, но на днѣ ихъ онъ не вездѣ измѣняется одинаково. Въ полости — слизистыхъ желѣзъ, напр., нисколько, или очень мало, тогда какъ на днѣ пепсиновыхъ углубленій, приготовляющихъ желудочный сокъ (рис. 9), эпителіальный слой разрастается въ массу клѣтокъ, выполняющихъ всю нижнюю часть желѣзъ безъ остатка. Эти-то метаморфозированныя эпителіальныя клѣтки и составляютъ, мм. гг., самую существенную часть соко-отдѣлительныхъ снарядовъ тѣла. Таже самая исторія повторяется въ самомъ дѣлѣ на слюнныхъ желѣзахъ и на поджелудочной. Въ тѣхъ и

Рис. 9.

Digitized by Google

другихъ органахъ, устроенныхъ совершенно по одному и тому же типу, эпителіальный слой переходитъ со слизистой оболочки въ выводной каналъ желѣзы, вѣтвится съ нимъ (рис. 10) на подобіе дерева, не измѣняя на этомъ пути своей первоначальной природы и достигаетъ, наконецъ, слѣпыхъ пузырчатыхъ концовъ выводного канала соотвѣтствующихъ дну вышеописанныхъ желѣзокъ, сидящихъ въ слизистой оболочкѣ. Здѣсь, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и нѣсколько раньше, эпителіальныя клѣтки, метаморфозируясь по внѣшнему виду и внутреннимъ свойствамъ, опять переходятъ въ соко-отдѣлительные элементы. Самая суть дѣла остается, слѣдовательно, одна и та же и для желѣзки въ формѣ одиночнаго углубленія, и для цѣлаго конгломерата ихъ въ формѣ пузырьковъ, открывающихся множествомъ частныхъ канальцевъ въ одинъ общій выводной протокъ. Въ печени, какъ желче-отдѣлительномъ снарядѣ, устройство деталей настолько запутаннѣе, что между изслѣдователями нѣтъ еще полнаго согласія, но и здѣсь всѣ сходятся въ мнѣніи, что между отдѣлительными (печеночными клѣтками) и эпителіальными элементами должно существовать то же отношеніе, какъ и въ прочихъ желѣзахъ.

Рис. 10.

Пфлюгеръ представляетъ себѣ окончательное развѣтвленіе желчныхъ канальцевъ въ формѣ сѣти, на которой, какъ ягоды на вѣткѣ, сидятъ пузырчатые слѣпые концы отдѣлительнаго снаряда (рис. 11). Каждый такой пузырекъ, по его мнѣнію, выполненъ одной печеночной клѣткой, и она *лежитъ рядомъ* съ клѣтками, выстилающими выводной каналецъ.

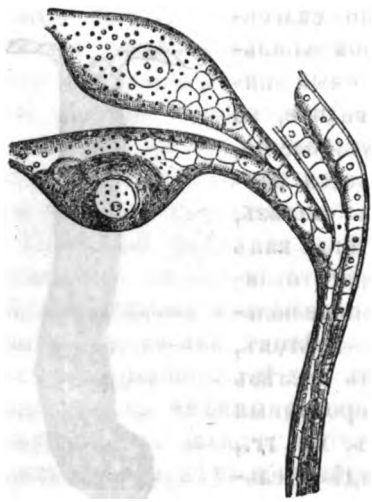


Рис. 11.

Еще позвольте сказать нѣсколько словъ о двигательномъ снарядѣ пищевого канала.

Хотя онъ выстроенъ изъ такого же сократительнаго вещества, какъ сердце и мышцы костнаго скелета, управляющія движеніями туловища, рукъ и ногъ, однако вещество это отли

Digitized by Google

чается и по строенію и по нѣкоторымъ жизненнымъ свойствамъ отъ поперечно исчерченныхъ волоконъ перечисленныхъ мышцъ.

Вмѣсто послѣднихъ, основнымъ элементомъ здѣсь является веретенообразная форма съ зерномъ внутри. Эти элементы, сплачиваясь между собою въ пластинки, располагаются обыкновенно своими продольными осями параллельно другъ другу, и такъ какъ каждый элементъ при сокращеніи укорачивается въ длину по этимъ осямъ, то черезъ это всякая пластинка получаетъ сократительность лишь въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Такія же мышечныя пластинки, какъ въ кишкахъ, заложены и въ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ, представляя здѣсь концы извѣстнаго вамъ снаряда, регулирующаго ёмкость артерій. Сверхъ строенія, мышцы кишекъ и сосудовъ отличаются отъ поперечнорубчатыхъ еще тѣмъ, что подъ вліяніемъ нервнаго импульса и при прямомъ раздраженіи онѣ сокращаются несравненно медленнѣе, но за то и продолжительнѣе, ихъ. Этому соотвѣтствуетъ и самая медленность передвиженія пищи по длинѣ всей трубки. Относительно этого передвиженія нужно замѣтить еще слѣдующее: въ виду того, что пища должна проходить по каналу сверху внизъ, отъ рта къ заднему проходу, сокращенія стѣнокъ пищевой трубки происходятъ въ различныхъ отдѣлахъ ея не разомъ, а распространяются въ сказанномъ направленіи преемственно. Этого рода движенія, встрѣчающіяся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ тѣла, называются вообще перистальтическими. Въ желудочно-кишечномъ каналѣ регуляція ихъ приписывается дѣйствію нервныхъ механизмовъ, лежащихъ частію внѣ пищевой трубки, частію заключенныхъ въ ея стѣнкахъ.

VI.

Составъ и качества пищи, какъ матеріала для пополненія вещественныхъ потерь въ тѣлѣ и для произведенія работъ.

Въ прошлую лекцію было описано устройство различныхъ отдѣловъ того пріемника, въ который поступаетъ пища и питье, и я могъ бы, повидимому, приступить уже къ описанію тѣхъ измѣненій, которыя они претерпѣваютъ въ этой полости; но для этого намъ недостаетъ прежде всего знакомства съ самой пищей. Если вы представите себѣ въ самомъ дѣлѣ тотъ необозримо-длинный рядъ растительныхъ и животныхъ веществъ, которыя человѣкъ принимаетъ въ пищу, то легко поймете, что говорить объ измѣненіяхъ всѣхъ этихъ веществъ, не приведя ихъ сначала

Digitized by Google

въ извѣстный порядокъ, не распредѣливъ ихъ, на основаніи состава или другихъ свойствъ, по отдѣламъ, нѣтъ никакой возможности. Поэтому сегодняшняя лекція должна быть посвящена исключительно знакомству съ пищей.

Вопросъ этотъ однако чрезвычайно обширенъ, чтобы быть исчерпаннымъ въ теченіи нашихъ короткихъ бесѣдъ вполнѣ; поэтому намъ необходимо заключить себя при развитіи его въ опредѣленныя рамки. Съ этой цѣлью, онъ долженъ быть поставленъ, по моему мнѣнію, такъ: *какова должна быть по составу наипростѣйшая смѣсь пищевыхъ веществъ, чтобы она наилучшимъ образомъ удовлетворяла двумъ основнымъ задачамъ пищи въ животномъ тѣлѣ — пополнять его вещественныя потери и служить матеріаломъ для развитія разнообразныхъ работъ, или по крайней мѣрѣ главнѣйшей изъ нихъ — мышечной.*

Принявъ это положеніе за руководящую мысль, мы сразу ограничиваемъ кругъ изслѣдованія одними только веществами дѣйствительно необходимыми для жизни, но за то намъ приходится знакомиться — и это необходимо прежде всего — съ качествами веществъ, разрушающихся въ тѣлѣ, чтобы, установивъ составъ пищи, выяснить себѣ тѣ измѣненія, которымъ она должна подвергаться, входя въ составъ тѣла. Отвѣтъ на эти вопросы и будетъ моею первою задачею; затѣмъ, я постараюсь установить такъ-сказать нормальную пищевую смѣсь и произведу оцѣнку каждой изъ ея составныхъ частей въ смыслѣ матеріала для пополненія вещественныхъ утратъ и матеріала для развитія работъ.

Итакъ, какія вещества въ тѣлѣ разрушаются и возстановляются изъ пищи?

Судить объ этомъ по тѣмъ веществамъ, которыя выводятся изъ тѣла мочею, каломъ, кожнымъ и легочнымъ испареніемъ, возможно лишь въ самой ограниченной степени, потому что это уже результаты, продукты разрушенія, въ которыхъ отъ первоначальнаго состава не осталось почти и слѣда. Это всё равно, что по дыму судить о томъ, что сгорѣло. Поэтому необходимо искать другого пути для рѣшенія нашего вопроса. Для этого нужно знать, мм. гг., самый составъ нашего тѣла, какъ въ качественномъ такъ и въ количественномъ отношеніи, и найти условія, при которыхъ была бы возможность наблюдать трату той или другой составной части его, равно какъ и самые процессы возстановленія этихъ потерь изъ пищи.

Главнѣйшую по вѣсу составную часть животнаго тѣла представляютъ бѣлковыя вещества, типомъ которыхъ можетъ служить бѣлокъ куринаго яйца. Они входятъ въ составъ жидкой части

Digitized by Google

крови (80 ч. на 1000) и лимфы (здѣсь процентъ менѣе); изъ нихъ выстроенъ остовъ кровеныхъ шариковъ, и даже краска послѣднихъ состоитъ на половину изъ бѣлковаго вещества; мясо почти всею своею массою есть видоизмѣненный бѣлокъ; въ мозгу и нервахъ его едва ли не на половину. Въ другихъ органахъ менѣе, но вообще нѣтъ такой ткани въ тѣлѣ, куда бѣлковое вещество не входило бы какъ составная часть. Если вѣсъ человѣческаго тѣла принять=1000, то количество бѣлковъ считаютъ въ немъ до 150.

На 2-мъ мѣстѣ по вѣсу стоятъ вещества, превращающіяся при кипяченіи съ водою въ клей и называемыя поэтому клейдающими. Всякій знаетъ, что крѣпкій говяжій бульонъ при охлажденіи застываетъ въ студень; еще легче гелятинируется кожа и связки около сочлененій; наконецъ, всякому вѣроятно извѣстно, что обыкновенный столярный клей добывается изъ костей. Это вещество, представителемъ котораго можетъ всего лучше служить общеизвѣстный рыбій клей, составляетъ главнѣйшую составную часть соединительной ткани, которая образуетъ, какъ уже было разъ сказано, мягкіе скелеты всѣхъ органовъ нашего тѣла, неисключая даже костей (здѣсь скелетъ имѣетъ однако хрящеватую, а не мягкую консистенцію); въ хрящахъ клеевое вещество тоже главная составная часть. На 1000 ч. человѣческаго тѣла клеевыхъ веществъ считаютъ 50 частей.

За этимъ слѣдуетъ жиръ. Въ мелкихъ количествахъ онъ значительно распространенъ по тѣлу, но мѣстами, наприм., подъ кожей и въ особенности въ окружности нѣжныхъ подвижныхъ органовъ (вокругъ почекъ, въ глазницѣ позади глазного яблока и пр.), развитіе его достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Здѣсь, по своему значенію, жиръ является или какъ мягкая постилка для нѣжныхъ органовъ, или какъ защитникъ ихъ, отъ давленія и вообще внѣшнихъ насилій. Далѣе, жиры, но въ значительно видоизмѣненной формѣ, входятъ въ составъ нервной ткани, образуя цилиндрическія обкладки около самыхъ существенныхъ частей нервныхъ волоконъ. Жира на 1000 ч. человѣческ. тѣла считаютъ 25 частей.

Послѣдній рядъ составныхъ частей человѣческаго тѣла представляютъ вода и минеральныя вещества, или что все равно, зола получающаяся отъ сожиганія тѣла. По вѣсу вода стоитъ между всѣми составными частями тѣла на первомъ мѣстѣ (на 1000 ч. 670 ч.) и служитъ съ одной стороны какъ растворяющее вещество въ жидкостяхъ, съ другой — пропитываетъ всѣ безъ исключенія твердыя части тѣла, которыя вообще имѣютъ способность разбухать въ водѣ. Относительно же минеральныхъ

Digitized by Google

веществъ нужно замѣтить, что огромное большинство ихъ находится въ тѣлѣ (напр. сѣра въ бѣлкахъ, фосфоръ въ мозговомъ веществѣ, желѣзо въ красныхъ кровеныхъ шарикахъ и даже известковыя соли въ костяхъ) не въ свободномъ состояніи, а въ соединеніи съ его органическими составными частями. Положительное исключеніе изъ этого составляютъ только углекислыя щелочи въ жидкой части крови, поваренная соль — тамъ же и въ сокахъ тканей, — и можетъ быть нѣкоторыя другія хлористыя соединенія.

Изъ всего этого ряда веществъ, составляющихъ человѣческое тѣло, одна только вода, да еще основные элементы золы, не подвергаются во время пребыванія ихъ въ тѣлѣ никакимъ химическимъ превращеніямъ — какими они были тамъ, такими и выбрасываются наружу. Поэтому, потери тѣломъ воды и минеральныхъ веществъ могутъ быть доказаны безъ всякихъ уловокъ — простымъ собираніемъ мочи, кожныхъ и легочныхъ испареній и опредѣленіемъ въ нихъ мочи и золы. Но та же неизмѣняемость воды и минеральныхъ веществъ въ тѣлѣ требуетъ съ другой стороны, чтобы въ составъ пищи непремѣнно входили или эти самыя вещества, или по крайней мѣрѣ всѣ основные элементы ихъ, притомъ — для взрослаго человѣка, съ неизмѣняющимся вѣсомъ тѣла, — въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ они выводятся изъ тѣла, иначе содержаніе въ немъ воды и минеральныхъ веществъ очевидно представляло бы значительныя колебанія, а этого нѣтъ.

Дѣло другого рода съ потерями и возстановленіемъ бѣлка, клеевого вещества и жира, — чтобы доказать существованіе ихъ въ тѣлѣ необходимъ цѣлый рядъ уловокъ, наблюденій при болѣе или менѣе искусственныхъ условіяхъ. Начните, наприм., морить животное голодомъ и наблюдайте въ это время измѣненія различныхъ частей его тѣла; или воспользуйтесь случаями, когда человѣкъ, по болѣзни или другимъ причинамъ, умираетъ съ голоду. Съ другой стороны, наблюдайте животныхъ, изнуренныхъ голодомъ, когда они снова начинаютъ получать пищу и поправляться; или наблюдайте явленія откармливанія животныхъ при усиленномъ питаніи ихъ. Вотъ что показываютъ такого рода наблюденія: при голоданіи исчезаетъ изъ тѣла легче всего жиръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшается масса крови и мышцъ, что указываетъ на исчезаніе бѣлковъ, и уменьшается въ вѣсѣ кожа, состоящая преимущественно изъ клеевыхъ веществъ. Другими словами, при голоданіи тратятся всѣ такъ-назыв. органическія составныя части тѣла. Кормленіе животныхъ въ нормальныхъ размѣрахъ возстановляетъ всѣ потери; при усиленномъ же пи-

Digitized by Google

тканіи, вмѣстѣ съ огромнымъ наростаніемъ жира увеличиваются въ вѣсѣ мышцы, кожа и кости. Не менѣе поучительны случаи усиленнаго развитія той или другой ткани въ частности, напр. мышцъ при усиленныхъ мышечныхъ упражненіяхъ; также образованіе тканей вновь, напр. рубцовъ (они всегда состоятъ изъ соединительной ткани) на мѣстѣ ранъ или язвъ, образованіе кости изъ такъназыв. надкостницы, той мягкой перепонки, которая обволакиваетъ всякую кость, и пр.

На всѣ эти выводы мнѣ могутъ сдѣлать однако возраженіе, что переносить ихъ на случаи нормальнаго питанія человѣка невозможно, или по крайней мѣрѣ опасно, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ наблюденія надъ организмами при ненормальныхъ условіяхъ — когда животное голодно, или на оборотъ усиленно питается, когда у него на тѣлѣ язвы, или недостаетъ костей и пр. Признавая всю основательность этого возраженія съ логической стороны, я долженъ однако замѣтить, что, по понятіямъ современной науки, ни одинъ изъ приведенныхъ случаевъ не представляетъ условій для извращенія нормальнаго хода химическихъ превращеній въ тѣлѣ; притомъ же, для насъ важно знать не столько нормальный, сколько весь возможный объемъ вещественныхъ потерь тѣла, возстановляющійся изъ пищи. А этотъ результатъ изъ приведенныхъ наблюденій, очевидно, получается, такъ какъ пища остается одной и той же, питается ли ею нормальное или изнуренное голодомъ животное, дается ли пищи меньше или, наоборотъ, значительно больше нормальнаго.

Итакъ, чтобы покрывать не только всѣ существующія, но и всѣ возможныя вещественныя траты тѣла, пища должна заключать въ себѣ, сверхъ выбрасываемыхъ ежедневно минеральныхъ примѣсей и воды, еще такія вещества, которыя могли бы покрывать убыль бѣлковъ, клеевыхъ тѣлъ и жира.

Какого же рода должны быть эти вещества?

За рѣшеніемъ вопроса слѣдуетъ, конечно, обратиться къ наипростѣйшимъ пищевымъ смѣсямъ, которыя завѣдомо способны удовлетворять только-что высказаннымъ условіямъ.

Къ такимъ смѣсямъ принадлежитъ, во-первыхъ, молоко. Всякій знаетъ, что ребенокъ, родившись на свѣтъ, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не только живетъ, но и растетъ на счетъ молока. Такъ какъ при этомъ всѣ безъ исключенія ткани и органы его тѣла увеличиваются въ вѣсѣ, значитъ составныя части молока могутъ превращаться и въ бѣлковыя и въ клеевыя и въ жировыя ткани. Другую такую же смѣсь представляетъ всякое птичье, хоть напр. куриное яйцо. Вы знаете, конечно, что въ ненасиженномъ яйцѣ зародышъ представляется въ формѣ небольшого мутнаго пятнышка

Digitized by Google

на поверхности желтка; весь же остальной желтокъ и весь без исключенія бѣлокъ представляютъ питательный матеріалъ дл зародыша во время его развитія. Когда яйцо насиживается, в полость скорлупы не поступаетъ извнѣ ничего кромѣ кислород воздуха, а между тѣмъ объемъ зародыша увеличивается. На его ростъ и тратятся питательныя части яйца вплоть до тог времени, когда цыпленокъ вылупливается; въ это время весь уж бѣлокъ и желтокъ превратились въ тѣло цыпленка. Такъ как тѣло птицъ состоитъ изъ тѣхъ же веществъ, что и тѣло мле копитающихъ, то понятно, что бѣлокъ плюсъ желтокъ куринаг яйца удовлетворяютъ въ самомъ дѣлѣ требуемымъ условіямъ.

Посмотримъ же, изъ чего состоитъ молоко и жидкости яйца

Въ обѣихъ смѣсяхъ есть бѣлковое вещество (въ моловѣ творогъ, находящійся при обыкновенныхъ условіяхъ въ раство ренномъ состояніи), жиръ, вода и минеральныя соли, встрѣча ющіяся и въ тѣлѣ; сверхъ того, въ молокѣ есть сахаристое ве щество, называемое молочнымъ сахаромъ. Стало быть, органи ческія вещества пищи должны, по меньшей мѣрѣ, состоять из бѣлковыхъ веществъ и жира, сахаръ же является, какъ б роскошной прибавкой.

Этотъ первоначальный выводъ вполнѣ подтверждается со ставомъ пищи плотоядныхъ животныхъ, т.-е. составомъ мяса заключающаго въ себѣ бѣлковыя вещества, жиръ и только слѣд сахара; но, съ другой стороны, на пищѣ травоядныхъ животны онъ не оправдывается. Возьмемъ, наприм., составъ зеренъ лю бого изъ злачныхъ растеній, т.-е. пшеницы, ржи, овса и пр Вездѣ жира находятся лишь слѣды, а рядомъ съ бѣлковыми ве ществами стоитъ даже не сахаръ, а крахмалъ (различіе межд послѣдними веществами впрочемъ несущественно, такъ какъ су ществуетъ множество разнообразныхъ условій – и нѣкоторыя из нихъ имѣютъ мѣсто, какъ увидимъ, въ самомъ тѣлѣ,—перево дящихъ крахмалъ въ сахаръ), а между тѣмъ зерна злаковъ мо гутъ не только поддерживать жизнь, но и производить рост Какъ же помирить такое противорѣчіе? Единственное средство – опыты надъ каждой изъ выяснившихся составныхъ частей пищ въ одиночку и надъ смѣсями ихъ: насколько то или другое ве щество въ отдѣльности, или рядомъ съ другимъ, способно под держивать жизнь тѣла. Такими опытами мы, очевидно, не тольк разъяснимъ встрѣтившееся намъ противорѣчіе, но и получим данныя для сравнительной оцѣнки достоинствъ той и другой со ставной части пищи, въ дѣлѣ пополненія ими вещественных потерь тѣла. — Итакъ, намъ нужны опыты кормленія животных сначала исключительно бѣлками, жирами, сахаромъ и крахм

Digitized by Google

ломъ, а потомъ смѣсями этихъ веществъ по 2 и по 3; для того же, чтобы быстро узнавать, способно ли данное вещество, или данная смѣсь, поддерживать жизнь тѣла, всего проще обратиться къ вѣсу послѣдняго:—постоянная убыль въ вѣсѣ, очевидно, указываетъ на недостаточность питанія, и наоборотъ. Опыты подобнаго рода производились, мм. гг., во множествѣ и они показали, что ни одно изъ перечисленныхъ веществъ въ одиночку (разумѣется, если употребляется дѣйствительно безъ примѣсей, т.-е. въ очищенной формѣ) не способно поддержать жизнь на неопредѣленно долгое время, особенно жиръ, крахмалъ и сахаръ, равные въ этомъ отношеніи другъ другу, тогда какъ бѣлки поддерживаютъ жизнь еще сравнительно долго. Что же касается до смѣсей, то уже смѣшеніе веществъ по два можетъ достигать цѣли, лишь бы въ составъ смѣси входилъ бѣлокъ; безъ него же даже тройное сочетаніе элементовъ пищи, жира, крахмала и сахара, оказывается недостаточнымъ для поддержанія жизни — животное постоянно худѣетъ и умираетъ, наконецъ, въ припадкахъ голода.

Эти опыты и даютъ возможность сдѣлать слѣдующее, уже болѣе положительное, заключеніе: между органическими веществами пищи самую главную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно необходимую составную часть представляютъ бѣлки; другія же вещества играютъ роль примѣсей, хотя тоже необходимыхъ для тѣла, но эквивалентныхъ между собою, т.-е. могущихъ заступать другъ друга. Справедливость этого вывода всего блистательнѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь травоядныхъ животныхъ можно поддерживать исключительно мясной пищей, а тѣло плотоядныхъ (какъ это показываютъ, напр., собаки)—хлѣбомъ, представляющимъ смѣсь бѣлковъ съ крахмаломъ и сахаромъ.

Такимъ образомъ «нормальная пищевая смѣсь» установлена, и мнѣ, для выполненія первой половины нашей задачи, остается сказать еще нѣсколько словъ объ участіи каждаго изъ элементовъ пищи въ дѣлѣ возстановленія бѣлковыхъ, жировыхъ и прочихъ потерь въ частности. Вопросы эти рѣшаются, мм. гг., опытами, представляющими въ сущности лишь варіанты предъидущихъ, и вотъ ихъ главные результаты. Потери бѣлковыхъ и клеевыхъ тканей возстановляются только бѣлками пищи, безъ всякаго прямого содѣйствія ей прибавочныхъ составныхъ частей; поэтому животное, въ противуположность растенію, считается организмомъ, положительно не заключающимъ въ себѣ условій для образованія этихъ сложныхъ тѣлъ изъ болѣе простыхъ соединеній, путемъ сочетанія послѣднихъ. Жиры же, полагаютъ,

Digitized by Google

могутъ образоваться какъ изъ бѣлковъ пищи, такъ и изъ придаточныхъ веществъ послѣдней.

Позвольте мнѣ описать вамъ по этому поводу нѣсколько очень интересныхъ опытовъ. При исключительно бѣлковой пищѣ, какъ бы велико ни было ея количество, жиръ въ тѣлѣ не только не образуется, но даже исчезаетъ изъ него (на этомъ основанъ общеизвѣстный способъ Бентинга лечить ожиреніе употребленіемъ въ пищу, по возможности, одного нежирнаго мяса, безъ примѣси крахмала, сахара и жира), и это должно быть вамъ уже понятно изъ сказаннаго выше; но если къ такой пищѣ прибавлять сахаръ, то животное начинаетъ жирѣть и изъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ меньше выводиться продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ (эти продукты выводятся почти исключительно мочею и количество ихъ можно измѣрять съ величайшею точностью). Этотъ опытъ, между другими наблюденіями, считается однимъ изъ доказательствъ (нужно, впрочемъ, признаться, что доказательность его значительно усилилась бы, если бы можно было доказать въ тоже время, что весь введенный съ пищей сахаръ разрушается и выводится изъ тѣла, а это не доказано) перехода бѣлковыхъ веществъ, путемъ распаденія, въ жиры. Другой опытъ дѣлался надъ пчелами, съ цѣлью доказать, наоборотъ, возможность превращенія въ жиръ сахара. Для этого ихъ кормили исключительно сахаромъ и видѣли, что пчелы продолжали приготовлять воскъ, т.-е. жирное тѣло, и при этой діэтѣ. Подобные опыты существуютъ, наконецъ, и надъ жиромъ, но они имѣютъ настолько еще зачаточную форму, что выводы изъ нихъ невозможны. Во всякомъ случаѣ, современная наука скорѣе склонна принять, чѣмъ отвергнуть за придаточными веществами пищи пластическое значеніе въ дѣлѣ возстановленія жировъ; но, конечно, главнѣйшимъ пластическимъ веществомъ пищи, залѣпливающимъ всѣ мало-мальски важныя прорѣхи въ тѣлѣ, остаются все-таки бѣлки.

Теперь я приступаю ко второй части нашей задачи, т.-е. къ оцѣнкѣ пищи, въ смыслѣ матеріала для произведенія въ тѣлѣ мышечной работы.

Вообразите себѣ, мм. гг., на одну минуту, что животное тѣло, въ дѣлѣ произведенія мышечной работы, устроено какъ паровая машина, т.-е. что въ немъ, какъ въ послѣдней, источникомъ силы служитъ теплота, развивающаяся отъ горѣнія. Тогда мы, конечно, имѣли бы право смотрѣть на пищу, какъ на топливо, и задача наша сравнительной оцѣнки ея составныхъ частей, очевидно, сводилась бы на тѣ же самые пріемы, какіе употребляются при оцѣнкѣ достоинства всякаго топлива, т.-е. на

Digitized by Google

опредѣленіе его состава, въ смыслѣ бо́льшей или меньшей способности давать теплоту, богатства горючими составными частями, стоимости и пр. Дѣло было бы дѣйствительно просто, но прежде нужно еще убѣдиться, существуютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, данныя, чтобы смотрѣть на мышечную работу животнаго тѣла, какъ на работу паровой машины.

Первое и неизбѣжное свойство матеріала, служащаго источникомъ силы въ паровой машинѣ, есть его горючесть на воздухѣ, т.-е. способность соединяться съ кислородомъ воздуха. Обладаютъ ли этимъ свойствомъ вещества пищи? Да, и если хотите, даже въ большей степени, чѣмъ уголь и дрова—обычные горючіе матеріалы паровыхъ машинъ, такъ какъ первыя легко измѣняются подъ вліяніемъ атмосфернаго кислорода даже при обыкновенной температурѣ, тогда какъ вторые вовсе не измѣняются при этомъ условіи, или очень мало. Но въ паровой машинѣ топливо горитъ съ огнемъ и дымомъ, а въ тѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ.—Дѣйствительно, этихъ яркихъ внѣшнихъ признаковъ найти въ немъ нельзя, но за то есть всѣ существенные элементы горѣнія, какъ процесса соединенія горючаго матеріала съ кислородомъ. Во-первыхъ, въ животное тѣло, какъ въ печь паровой машины, постоянно входитъ кислородъ, во-вторыхъ, изъ него постоянно выдѣляются легкими и кожей тѣже самые продукты, которые получаются при горѣніи, напр., дровъ, именно вода [1]) и угольная кислота, составляющія результаты окисленія углерода и водорода. Дыма при этомъ изъ тѣла, правда, не выходитъ, но это не недостатокъ, а наоборотъ, достоинство процесса — нѣтъ дыма, значитъ сгараніе топлива полное. Итакъ, горѣніе въ тѣлѣ есть, но только оно происходитъ не при такой высокой температурѣ, какъ въ печи паровой машины, оттого и нѣтъ пламени; процессъ идетъ медленнѣе, но за то сгараніе элементовъ болѣе полное. Аналогія между паровой машиной и животнымъ тѣломъ продолжается и со стороны явленій развитія тепла — во всѣхъ случаяхъ, когда все количество его въ тѣлѣ повышается, легко подмѣтить одновременное съ этимъ усиленіе процессовъ окисленія; значитъ, теплота животнаго тѣла, какъ и теплота паровой машины, есть результатъ горѣнія. Наконецъ, въ новѣйшее время и для животнаго тѣла выяснились оконча-

[1]) Выше было сказано, что вода пищи, вслѣдствіе ея неизмѣняемости, цѣликомъ выводится изъ тѣла легочными и кожными испареніями, а теперь вода выставляется, какъ продуктъ горѣнія въ тѣлѣ. Въ этомъ противорѣчія однако нѣтъ. Если сравнить видовой приходъ воды съ расходомъ ея черезъ лёгкія и кожу, то перевѣсъ остается на сторонѣ послѣдняго, и этотъ-то избытокъ и есть продуктъ сгоранія водорода, заключающагося въ веществахъ тѣла, какъ онъ заключается въ дровахъ.

Digitized by Google

тельно тѣ моменты, которыми рѣшается вообще вопросъ о превращеніи тепла въ механическую работу, и опыты дали скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ (входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, по его обширности, я, къ сожалѣнію, не могу).

На всѣхъ этихъ основаніяхъ мы съ полнымъ правомъ можемъ слѣдовать изложенному выше плану, но съ ограниченіемъ — не упускать изъ виду разницы горѣнія тѣлъ на огнѣ и сгаранія ихъ въ животномъ тѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія я заранѣе прошу придавать лишь условное значеніе приводимымъ ниже числамъ изъ новѣйшихъ опытовъ Франкланда, относительно количества теплоты, развивающейся при прямомъ сжиганіи различныхъ пищевыхъ веществъ. Это потому, что въ дѣлѣ произведенія теплоты, даваемой всякимъ тѣломъ, чрезвычайно много значитъ способъ его сгаранія, т.-е. характеръ распаденія тѣла во время самаго процесса на тѣ промежуточныя соединенія, черезъ которыя пробѣгаетъ горящее тѣло.

Итакъ, какіе изъ элементовъ пищи (бѣлки, жиръ, крахмалъ и сахаръ) исключительно или наиболѣе способны къ произведенію работы?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ внѣ всякихъ предвзятыхъ мыслей, путемъ опыта, слѣдовало бы поступить такъ: кормить рабочаго человѣка или рабочее животное поочередно каждою изъ составныхъ частей пищи въ отдѣльности и затѣмъ мѣрять maximum'ы работы, произведенной при каждой діэтѣ. Но вы понимаете, мм. гг., что такіе опыты невозможны, потому что, при этихъ условіяхъ, вы имѣли бы дѣло съ голодающимъ человѣкомъ или животнымъ; слѣдовательно, приходится обратиться къ опытамъ съ пищевыми смѣсями, въ которыхъ преобладали бы или бѣлки, или придаточныя вещества. Но и при этихъ опытахъ нужно имѣть въ виду еще слѣдующее обстоятельство: не все равно, производитъ ли животное кратковременную, хотя и сильную работу, или оно работаетъ менѣе сильно, но за то очень продолжительно.—Въ первомъ случаѣ на подмогу вводимой въ организмъ пищѣ готовъ весь нетронутый запасъ рабочаго матеріала въ тѣлѣ, которымъ, какъ показываютъ опыты съ голодомъ, снабжено всякое животное, питающееся нормально; тогда какъ при продолжительной работѣ этотъ запасъ мало по малу истощается. Если не принять во вниманіе этого различія, то можно запутаться въ необъяснимыхъ противорѣчіяхъ, какъ это и случалось на дѣлѣ.

Вотъ, напр., результаты опытовъ усиленной кратковременной работы надъ людьми, имѣвшими въ тѣлѣ избытокъ рабочаго

Digitized by Google

матеріала сверхъ вводимой пищи. Двое швейцарскихъ ученыхъ предприняли, съ цѣлью разъясненія занимающаго насъ вопроса, 6-ти-часовое восхожденіе на гору (т.-е. производили работу поднманія своего тѣла на высоту горы) при діэтѣ, исключительно состоявшей изъ жира, крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ. При этомъ они нашли, что, судя по количеству продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ въ мочѣ, только небольшая часть всей работы могла быть произведена на счетъ бѣлковъ тѣла, и вывели отсюда совершенно справедливое для даннаго случая заключеніе, что работа производилась почти исключительно на счетъ безазотистыхъ веществъ пищи. Если бы вы, однако, перенеся этотъ выводъ и на случай продолжительной работы, стали думать, что и здѣсь работа пойдетъ успѣшнѣе при пищѣ особенно богатой крахмалами и жирами, то сдѣлали бы заключеніе, не оправдываемое опытомъ. Вотъ что говорятъ опыты кормленія рабочаго люда съ одной стороны мясомъ, съ другой—растительной пищей, богатой крахмаломъ и сахаромъ. Въ 1841 г., на желѣзной дорогѣ изъ Руана въ Парижъ работали разомъ англійскіе и французскіе рабочіе. Пока послѣдніе питались по преимуществу супами и овощами, англійскіе рабочіе имѣли надъ ними въ дѣлѣ работы значительный перевѣсъ; но какъ только имъ была увеличена мясная порція, различіе это исчезло. Я лично слышалъ отъ доктора, путешествовавшаго по уральскимъ заводамъ, что рабочіе во время поста производятъ вообще меньше, чѣмъ въ теченіи мясоѣда.

И эти результаты, мм. гг., совершенно понятны: во-первыхъ, мясо при пищеварительныхъ процессахъ утилизируется болѣе всякой растительной пищевой смѣси, оно переваривается почти до тла и поступаетъ въ тѣло почти всей массой, тогда какъ, напр., изъ хлѣба собака перевариваетъ только $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ выбрасываетъ каломъ; во-вторыхъ, мясо всегда содержитъ жиръ, несомнѣнный рабочій матеріалъ; наконецъ, въ-третьихъ, оно наиболѣе способно покрывать несомнѣнно существующія при работѣ бѣлковые дефициты въ тѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ производить наростаніе массы мышечной ткани.

Въ виду этихъ фактовъ, опытный отвѣтъ на нашъ вопросъ долженъ быть формулированъ, повидимому, слѣдующимъ образомъ: еслибы цѣли, которымъ служитъ пища въ тѣлѣ — работа и пластика—могли быть отдѣлены другъ отъ друга, т.-е. еслибы животное тѣло во время работы измѣнялось не болѣе, чѣмъ въ покоѣ, то рабочимъ матеріаломъ въ тѣлѣ травояднаго животнаго и человѣка (но плотояднаго едва ли) можно было бы считать если не исключительно, то преимущественно жиръ, крах-

Digitized by Google

малъ и сахаръ; но работа усиливаетъ, повидимому, обмѣнъ всѣхъ веществъ въ тѣлѣ, и потому рабочая пища должна заключать въ себѣ и пластическіе бѣлки. Я сознательно придалъ этому заключенію форму вѣроятія, и вы видите, чего недостаетъ ему, чтобы превратиться въ истину:—нужны только опыты, которые доказывали бы усиленное разрушеніе бѣлковъ при работѣ. Средство для этого, мм. гг., есть (оно заключается въ измѣреніи количества одной изъ составныхъ частей мочи, именно мочевины, какъ главнѣйшаго по массѣ продукта разрушенія бѣлковъ, при покоѣ тѣла и при работѣ), оно было употреблено въ дѣло и дало утвердительный отвѣтъ.

Слѣдовательно, рабочая пища (этого понятія не слѣдуетъ смѣшивать съ «пищей рабочаго человѣка», которая, конечно, должна содержать бѣлки уже потому, что безъ нихъ вообще жизнь невозможна) должна въ самомъ дѣлѣ заключать смѣсь бѣлковъ съ которымъ-нибудь изъ придаточныхъ веществъ.

Такъ говорятъ, мм. гг., основные опыты и въ подмогу имъ идутъ частныя наблюденія, равно какъ чисто теоретическія соображенія.

Говоря разъ о голоданіи животныхъ, я замѣтилъ, что жиръ исчезаетъ изъ тѣла всего раньше. На первый взглядъ трудно понять причину такого исчезанія вообще, такъ какъ жиръ не можетъ превратиться, какъ это уже извѣстно намъ, ни въ бѣлковыя, ни въ клеевыя ткани. Но если вы взглянете на жиръ въ тѣлѣ, какъ на запасъ рабочаго матеріала, тогда дѣло объясняется сразу: своимъ сгараніемъ онъ поддерживаетъ тѣ мышечныя работы въ тѣлѣ (напр. дѣятельность сердца, дыхательныя движенія и пр.), которыя существуютъ даже при такъ-называемомъ абсолютномъ покоѣ тѣла. Посмотрите далѣе на людей, занимающихся тяжелыми работами—едва ли на тысячу найдется одинъ жирный. Если вы будете собирать и сравнивать между собою (какъ это дѣлается,—будетъ объяснено въ лекціяхъ о дыханіи) тѣ изверженія тѣла, которыя мы назвали эквивалентными продуктами горѣнія дровъ, то найдете, что при работѣ количество ихъ увеличивается въ нѣсколько разъ противъ условій покоя тѣла; сравните составъ этихъ веществъ (угольная кислота и вода) съ составомъ элементовъ пищи, и окажется, что жиръ, крахмалъ, сахаръ могутъ превращаться въ нихъ безъ остатка: водородъ, сгарая, даетъ воду, а углеродъ — угольную кислоту. Все это, мм. гг., факты, которые разъясняютъ вопросъ о происхожденіи работы изъ окисленія тѣхъ веществъ пищи, которыя мы называли придаточными и которыя теперь слѣдуетъ назвать рабочими. Въ ту же сторону невольно направляютъ

Digitized by Google

мысль и опыты Франкланда съ количествомъ теплоты, и съ вычисленной отсюда величиной механической работы, получающейся отъ сожиганія различныхъ пищевыхъ веществъ. Я привожу таблицу его опытовъ:

Названіе веществъ.	Тепловыя единицы.	Един. мех. работы.
Пшеничная мука . . .	3,941	1.674,925
Рисовая мука	3,813	1.620,525
Сахаръ	3,348	1.422,900
Бычачій жиръ	9,069	3.854,325
Хлѣбный мякишъ . . .	2,231	948,175
Хлѣбная корка . . .	4,459	1.895,075
Тощее мясо	1,567	665,975

Вы видите, въ дѣлѣ произведенія тепла жиры стоятъ на первомъ мѣстѣ, за ними слѣдуютъ крахмалъ и сахаръ, а бѣлки стоятъ на третьемъ планѣ.

Сообразивъ все сказанное въ эту лекцію, мы приходимъ, наконецъ, къ слѣдующему окончательному выводу:

Пища и при покоѣ, и при работѣ тѣла, должна представлять смѣсь бѣлковыхъ веществъ съ жирами, крахмаломъ или сахаромъ, и въ обоихъ этихъ случаяхъ за бѣлками остается преимущественно пластическое значеніе, а за прочими веществами — рабочее.

VII.

Измѣненія пищевыхъ веществъ въ полости пищеварительнаго канала.—Регуляція акта принятія пищи.

Въ прошлую лекцію былъ выясненъ наипростѣйшій составъ пищи, необходимый для жизни тѣла, какъ при покоѣ его, такъ и въ рабочемъ состояніи. Черезъ это я получилъ возможность знакомить васъ въ настоящую лекцію съ тѣми измѣненіями, которыя пища претерпѣваетъ въ полости пищеварительнаго канала. Задача эта сводится теперь въ самомъ дѣлѣ на опредѣленіе измѣненій: воды, минеральныхъ веществъ, бѣлковъ, жировъ, крахмала и сахара подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ. Эту задачу я могъ бы выполнить на два лада: распредѣливъ описаніе по объектамъ или субстратамъ пищеваренія, т.-е. преслѣдуя судьбу каждаго изъ названныхъ веществъ по всей длинѣ пищевого канала въ отдѣльности, или слѣдя на этомъ пути за всей пище-

Digitized by Google

вой смѣсью разомъ. Второй способъ, какъ болѣе естественный, я предпочитаю. Но прежде всего, для избѣжанія повтореній, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее общее замѣчаніе: вода и растворимыя въ ней минеральныя вещества, также сахаръ и вообще всякія органическія соединенія, способныя давать съ водою истинные растворы, нисколько не измѣняются по всей длинѣ пищеварительнаго канала. Бѣлки, жиры и крахмалъ не даютъ наоборотъ такихъ растворовъ ни въ ихъ естественномъ состояніи, ни въ той искусственной формѣ, въ которой они являются послѣ кухоннаго приготовленія; только эти вещества и измѣняются въ пищеварительномъ каналѣ, и рѣчь наша будетъ касаться только ихъ. Причины этому выяснятся впослѣдствіи.

Пища, попадая въ полость рта, задерживается здѣсь нѣкоторое время, чтобы быть разжеванной и смоченной слюною и слизью. Задержка ея и жеваніе обусловливается у животныхъ тѣмъ рядомъ пріятныхъ вкусовыхъ ощущеній, которыя вызываются въ полости рта, и только въ ней одной—соприкосновеніемъ жидкой и разжеванной твердой пищи съ слизистою поверхностью. Не менѣе замѣчателенъ нервный механизмъ, при посредствѣ котораго одновременно съ поступленіемъ пищи въ ротъ и ея пережевываніемъ начинаетъ сочиться въ эту полость слюна, какъ будто какая невидимая рука вдругъ отворяетъ запертой до той поры кранъ. Дѣло здѣсь въ томъ, что пища дѣйствуетъ на концы вкусовыхъ нервовъ и возбуждаетъ ихъ; возбужденіе, какъ токъ по телеграфной проволокѣ, сообщается головному мозгу и здѣсь переходитъ на другой родъ нервовъ, посылающихъ импульсы къ рабочимъ соко-отдѣлительнымъ органамъ, слюннымъ желѣзамъ. Подъ вліяніемъ этихъ импульсовъ сочится слюна и смѣшивается съ пережевываемою въ это время пищею. Слюна содержитъ въ себѣ, мм. гг., три вещества, важныя въ пищеварительномъ отношеніи: огромное количество воды для растворенія изъ твердой пищи всего, что въ ней можетъ растворяться, слизь для того, чтобы сдѣлать пищевой комъ передъ глотаніемъ скользкимъ, и, наконецъ, особенное вещество, называемое *птіалиномъ* и превращающее крахмалы въ общеизвѣстный паточный или, какъ его обыкновенно называютъ, виноградный сахаръ. Прежде, чѣмъ идти дальше, позвольте мнѣ показать вамъ одинъ изъ способовъ, которымъ доказывается это превращеніе. Нужно вамъ замѣтить, что въ щелочной средѣ виноградный сахаръ очень жадно соединяется съ кислородомъ, поэтому стбитъ только привести его при этихъ условіяхъ въ соприкосновеніе съ кислородными соединеніями, въ которыхъ весь кислородъ или часть его удерживаются въ связи не крѣпко, и соединеніе это превра-

Digitized by Google

щается въ новое тѣло, отдавая кислородъ сахару. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сахаръ дѣйствуетъ, напр., на голубую водную окись мѣди, разкисленіе послѣдней сопровождается рѣзкимъ измѣненіемъ цвѣта — изъ голубого вещество дѣлается красно-желтымъ — и это измѣненіе представляетъ тогда наглядную химическую реакцію на сахаръ. При посредствѣ этой реакціи я и докажу вамъ теперь, что слюна въ самомъ дѣлѣ превращаетъ крахмалъ въ сахаръ. Съ этой цѣлью я смѣшиваю прежде голубую реактивную жидкость въ отдѣльности съ крахмальнымъ отваромъ и со слюною, чтобы показать вамъ, что измѣненія въ цвѣтѣ не происходитъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ; а затѣмъ смѣшаю туже жидкость съ крахмальнымъ отваромъ, къ которому было прибавлено минутъ за пять передъ этимъ нѣкоторое количество слюны. Вы видите, что при согрѣваніи послѣдней голубой смѣси она принимаетъ желтый цвѣтъ.

Въ дѣйствіи слюны на крахмалъ особенно замѣчательно слѣдующее обстоятельство: чрезвычайно маленькія количества птіалина способны превращать въ сахаръ большія количества крахмала, и даже послѣ такихъ превращеній птіалинъ не только не исчезаетъ, но сохраняетъ способность къ дальнѣйшему дѣйствію, какъ будто одного его соприкосновенія съ крахмаломъ достаточно, чтобы вызвать въ послѣднемъ превращеніе. Эта форма химическаго дѣйствія свойственна вообще бродиламъ, напр. дрожжамъ, и потому птіалинъ считается также бродиломъ. Такой же способъ дѣйствія мы увидимъ и со стороны нѣкоторыхъ другихъ пищеварительныхъ соковъ, и вы понимаете, мм. гг., что это обстоятельство имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ экономіи силъ, тратимыхъ организмомъ на приготовленіе пищеварительныхъ соковъ—вмѣсто того, чтобы фабриковать эти дѣятельныя вещества фунтами, является возможность производить ихъ въ доляхъ золотниковъ. Другое обстоятельство, на которое я обращаю ваше вниманіе, заключается въ томъ, что прибавленіе къ смѣси крахмала со слюной небольшихъ количествъ кислоты не мѣшаетъ сахарному превращенію. Это важно знать потому, что въ полости рта пища остается слишкомъ мало времени для того, чтобы вся масса крахмала превратилась въ сахаръ, и процессъ этотъ долженъ продолжаться въ желудкѣ, гдѣ соки имѣютъ кислую реакцію.

Когда пережеванная пища смочена слюною и слизью, пищеварительныя явленія въ области рта окончены (бѣлки и жиры, значитъ, не претерпѣваютъ здѣсь никакихъ измѣненій) и воля приводитъ въ движеніе очень сложный нервно-мышечный снарядъ, производящій глотательныя движенія. Послѣдовательною

Digitized by Google

игрою различныхъ отдѣловъ этого перистальтически дѣйствующаго аппарата достигается, съ одной стороны, передвиженіе пищи кзади и внизъ по пищеводу, съ другой предупреждается попаданіе ея черезъ заднія носовыя отверстія въ полость носа и черезъ отверстіе гортани въ дыхательное горло. Въ дѣйствіи этого снаряда особенно поразительна слѣдующая сторона: будучи выстроенъ въ верхнемъ отдѣлѣ изъ мышцъ, повинующихся, какъ говоритъ самосознаніе, волѣ, онъ могъ бы, повидимому, дѣйствовать подъ однимъ вліяніемъ ея импульсовъ неопредѣленно долгое время, какъ дѣйствуютъ, наприм., мышцы руки или ноги, а между тѣмъ опытъ показываетъ, что для дѣятельности глотательнаго снаряда необходимъ, такъ сказать, глотательный объектъ. Попробуйте въ самомъ дѣлѣ глотать, когда во рту ничего нѣтъ, нѣсколько разъ сряду—пока есть слюна, глотательныя движенія удаются, но затѣмъ при всевозможныхъ усиліяхъ со стороны воли они становятся невозможны. Дѣло въ томъ, мм. гг., что не только здѣсь, но и въ ногахъ не одна воля управляетъ гармоніею движеній, а еще и чувство; — отнимите, напр., у человѣка ту сумму ощущеній, которыя онъ получаетъ изъ ноги при ходьбѣ, и ходьба, какъ гармоническое движеніе мышечныхъ группъ, становится невозможной.

Движеніе глотанія кончается у входнаго отверстія желудка и поступающая въ него твердая пища задерживается здѣсь уже на часы. Механизмъ задержки пищи въ желудкѣ уже болѣе реальный, чѣмъ въ полости рта — выходное отверстіе желудка въ кишки окружено сильнымъ мышечнымъ кольцомъ, которое, какъ только поступаетъ пища, спазмотически сжимается. Импульсомъ къ сжатію служитъ, вѣроятно, соприкосновеніе первыхъ порцій пищи съ слизистою оболочкою желудка; но несомнѣнно, что соприкосновеніе это служитъ сигналомъ къ отдѣленію желудочнаго сока, высачивающагося изъ стѣнокъ желудка. Доказать это очень легко. Живому животному (обыкновенно собакѣ) прорѣзывается подъ ложечкой по срединной линіи тѣла брюшная стѣнка; черезъ рану отыскивается желудокъ, притягивается къ ранѣ, и часть его поверхности, величиною въ полтинникъ, вшивается въ окружность брюшной раны; черезъ нѣсколько дней стѣнка желудка срастается съ стѣнкой брюха, и тогда часть желудка, вшитая въ рану, прорѣзывается и въ отверстіе вставляется трубочка, могущая закрываться пробкой; — образуется такъ-называемая желудочная фистула, нисколько не мѣшающая жизни животнаго, но во всякое время допускающая входъ въ полость желудка извнѣ. Выбираютъ моментъ, когда желудокъ пустъ, и вводятъ въ него черезъ фистулу приводы электрическаго снаряда,

Digitized by Google

или просто перо съ бородкой на концѣ, и раздражаютъ слизистую оболочку простымъ щекотаніемъ или электрическимъ токомъ —въ обоихъ случаяхъ она тотчасъ же краснѣетъ и начинаетъ сочить изъ себя жидкость.

Этой операціей можно слѣдовательно пользоваться не только ради доказательства того, что слизистая оболочка желудка возбуждается къ выдѣленію сока непосредственнымъ ея раздраженіемъ (процессъ этотъ въ сущности тотъ же, что и выдѣленіе слюны подъ вліяніемъ раздраженія слизистой оболочки рта), но и какъ способомъ добывать желудочный сокъ съ цѣлью изученія его пищеварительныхъ свойствъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ и поступаютъ.

Желудочный сокъ есть, мм. гг., слегка мутноватая жидкость желтоватаго цвѣта, очень бѣдная твердымъ остаткомъ (столько же бѣдная, какъ слюна) и ясно кислая на вкусъ. Послѣднимъ свойствомъ она обязана присутствію въ ней свободной соляной кислоты, первой составной части желудочнаго сока, важной въ физіологическомъ отношеніи. Другая составная часть его есть бродило, называемое *пепсиномъ*. То и другое вещество дѣйствуютъ разомъ, притомъ только на бѣлковыя тѣла. Если послѣднія поступаютъ въ желудокъ въ жидкомъ видѣ (напр., творогъ въ молокѣ), то сначала они свертываются, затѣмъ свертки подъ вліяніемъ кислоты разбухаютъ, а пепсинъ растворяетъ ихъ окончательно; тоже дѣлается и съ бѣлками, поступающими въ желудокъ въ свернутомъ состояніи, конечно, за исключеніемъ первой половины процесса.

Если принять во вниманіе, что растворяющему дѣйствію желудочнаго сока всегда предшествуетъ свернутое, т.-е. твердое состояніе бѣлковыхъ веществъ, то окончательный результатъ желудочнаго пищеваренія — превращеніе бѣлковъ въ жидкую форму—будетъ понятенъ; но затѣмъ все-таки остается вопросъ, что же выигрываютъ отъ этого бѣлки, которые уже вводятся въ желудокъ въ жидкой формѣ? Дѣло въ томъ, мм. гг., что жидкіе бѣлки въ ихъ естественномъ состояніи (напр., въ куриномъ яйцѣ, въ молокѣ и пр.) не представляютъ всѣхъ свойствъ истинныхъ водныхъ растворовъ, тогда какъ, измѣнившись подъ вліяніемъ желудочнаго сока и превратившись въ т.-наз. пептоны, они получаютъ именно эти недостающія свойства. Желудочный сокъ дѣлаетъ бѣлки, такъ-сказать, болѣе растворимыми въ водѣ, но при этомъ онъ нисколько не измѣняетъ химической природы ихъ; отъ бѣлковъ, какъ показываетъ химическій анализъ, не отщепляется во время желудочнаго пищеваренія ни единаго атома вещества. Важность послѣдняго обстоятельства становится очевид-

Digitized by Google

ной, если вы припомните, что жидкіе бѣлки крови, потери которыхъ первѣе всего вознаграждаются бѣлками пищи, представляютъ всѣ свойства естественныхъ жидкихъ бѣлковъ; стало быть, всякое измѣненіе состава послѣднихъ въ полости пищевой трубки было бы не только излишне, но даже вредно, такъ какъ въ этомъ случаѣ нужны были бы новые процессы для возвращенія бѣлковъ къ ихъ первоначальному составу.

Итакъ, въ полости желудка проглоченная съ пищей слюна продолжаетъ дѣйствовать на крахмалъ, а желудочный сокъ переводитъ бѣлки въ состояніе растворовъ.

Прежде, чѣмъ я пойду дальше, позвольте мнѣ раздать желающимъ нѣсколько порцій искусственныхъ пищеварительныхъ смѣсей и разсказать, какъ онѣ приготовлены.

Пепсинъ и кислота приготовляются, какъ я уже имѣлъ случай говорить, въ пепсиновыхъ желѣзкахъ, и эти углубленія наполнены ими во всякое время, особенно внѣ желудочнаго пищеваренія. Этимъ обстоятельствомъ и пользуются для приготовленія искусственнаго желудочнаго сока: берутъ отъ убитаго животнаго желудокъ, ополаскиваютъ его извнутри струей воды и затѣмъ соскабливаютъ тупымъ ножемъ вмѣстѣ съ верхними слоями слизистой оболочки заключенныя въ нихъ пепсиновыя желѣзы. Соскобленное обливаютъ подкисленной слегка водой, ставятъ на нѣсколько часовъ въ теплое мѣсто (при температурѣ не свыше 40° Ц.), процѣживаютъ и получаютъ, наконецъ, искусственный желудочный сокъ, который разлитъ по всѣмъ этимъ стекляннымъ трубочкамъ. Въ трубочки положены сверхъ того, въ одну—кусочки мяса, въ другую—мелкоизрубленный вареный яичный бѣлокъ, въ третью влито молоко, въ четвертую опущены клочки фибрина, свертывающагося вещества крови, и т. д. Если эти смѣси вы будете держать нѣсколько часовъ въ тепломъ мѣстѣ, напр., у себя въ карманѣ, при температурѣ собственнаго тѣла, то всѣ бѣлковыя вещества растворятся.

Настои слизистой оболочки желудковъ употребляются также на добываніе пепсина. Во Франціи онъ фабрикуется въ значительныхъ размѣрахъ и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ французскаго пепсина. При этомъ пользуются свойствомъ его выпадать изъ растворовъ чисто механически вслѣдъ за образующимися въ растворахъ осадками. Нужно однако замѣтить, что продажный пепсинъ очень не чистъ, вслѣдствіе примѣси къ нему пептоновъ.

Изъ желудка пища поступаетъ въ тонкія кишки и тотчасъ же подвергается дѣйствію желчи и поджелудочнаго сока. Сначала я буду говорить о послѣднемъ.

Digitized by Google

О существованіи поджелудочной желѣзы въ публикѣ знаютъ вообще очень мало, а между тѣмъ сокъ ея оказывается важнѣе всѣхъ другихъ въ пищеварительномъ отношеніи. Онъ дѣйствуетъ одновременно, но конечно различными составными частями, на всѣ элементы пищи, т.-е. на бѣлки, жиры и крахмалъ, разомъ. Добывать этотъ сокъ можно двоякимъ образомъ — вставляя черезъ рану брюшной стѣнки трубочку въ выводной протокъ желѣзы, или дѣлая водный настой послѣдней, подобно приготовленію искусственнаго желудочнаго сока изъ слизистой оболочки желудка. Къ сожалѣнію, первый способъ даетъ всегда очень мало жидкости, такъ что опыты по необходимости дѣлаются только съ настоями.

На крахмалъ панкреатическій сокъ дѣйствуетъ совершенно какъ слюна, слѣдовательно говорить объ этомъ нечего; но дѣйствіе его на бѣлки значительно отличается отъ дѣйствія пепсина. Послѣдній разстворяетъ ихъ только въ кислой средѣ, тогда какъ сокъ поджелудочной желѣзы дѣйствуетъ на бѣлки и въ щелочныхъ, и въ нейтральныхъ и даже въ подкисленныхъ растворахъ. Притомъ дѣйствіе его гораздо энергичнѣе: какъ бы долго ни находились бѣлки подъ вліяніемъ пепсина (разумѣется пока не наступитъ гніеніе), дѣйствіе его останавливается на произведеніи пептоновъ, не осаждающихся отъ жара, алькоголя, минеральныхъ кислотъ и пр.; панкреатическій же сокъ, оставаясь долго въ соприкосновеніи съ бѣлками, положительно разщепляетъ ихъ, давая въ остаткѣ вонючую, липкую смолистую массу, которая въ смѣси съ измѣнившейся желчью образуетъ наибольшую по массѣ составную часть испражненій плотояднаго животнаго. Замѣчательно, что по продуктамъ разщепленія бѣлковъ дѣйствіе сильнощелочного панкреатическаго сока чрезвычайно сходно съ дѣйствіемъ сѣрной кислоты.

На жиры панкреатическій сокъ дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: чисто-механически — превращая ихъ въ эмульсію, и химически — разщепляя жиры на жирныя кислоты и глицеринъ. Первымъ дѣйствіемъ онъ обязанъ лишь своей тягучести, вслѣдствіе присутствія въ немъ бѣлковъ. Возьмите въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь масло, смѣшайте его съ жидкимъ яичнымъ бѣлкомъ, или съ растворомъ аравійской камеди и начните сильно взбалтывать смѣсь — у васъ получится бѣлая, непрозрачная, похожая на молоко жидкость; это и есть эмульсія. Еслибъ вы стали разсматривать подъ микроскопомъ каплю такой смѣси, оказалось бы, что она состоитъ изъ прозрачной жидкости, образующей какъ бы фонъ, и вмѣшанныхъ въ ней маленькихъ жирныхъ капелекъ. Ту же картину вы получили бы и отъ настоящаго молока. Итакъ,

Digitized by Google

эмульсія есть не что иное, какъ мелкое раздробленіе жира, при посредствѣ несмѣшивающейся съ нимъ тягучей жидкости. У живого животнаго присутствіе въ кишкахъ жирной эмульсіи доказать легко: животное кормятъ какой-нибудь жирной пищей и часа черезъ четыре послѣ ѣды убиваютъ; при вскрытіи живота, всѣ лимфатическіе сосуды тонкихъ кишекъ оказываются наполненными какъ бы молокомъ, оттого ихъ и называютъ обыкновенно млечными сосудами.

Чтобы доказать упомянутое выше разлагающее дѣйствіе панкреатическаго сока на жиры, необходимы сложные химическіе пріемы, но доказать, что въ смѣси панкреатическаго сока съ жирами образуются свободныя кислоты очень легко, при посредствѣ лакмусовой настойки, обычнаго указателя присутствія свободныхъ кислотъ (при ихъ образованіи измѣняется ея цвѣтъ).

Такъ дѣйствуетъ панкреатическій сокъ, если дѣлать съ нимъ опыты искусственнаго пищеваренія внѣ тѣла, и такъ-же дѣйствуетъ онъ въ тѣлѣ на крахмалы, бѣлки, не успѣвшіе превратиться въ пептоны, и наконецъ на жиры, поскольку онъ ихъ эмульсируетъ. Но въ отношенія нашего сока къ желудочнымъ пептонамъ, равно какъ въ разлагающее дѣйствіе его на жиры замѣшивается участіе желчи.

При взглядѣ на величину печени, особенно въ сравненіи съ прочими пищеварительными желѣзами, невольно можно подумать, что она должна играть очень важную роль въ пищевареніи; а на дѣлѣ выходитъ не такъ. Живому животному можно отвести желчь наружу [1]), такъ что пищевареніе будетъ совершаться безъ ея участія, а между тѣмъ животное можно сохранить живымъ цѣлые годы. При этомъ замѣчается однако слѣдующее обстоятельство: животное становится страшно прожорливымъ, и если оставить эту потребность безъ удовлетворенія, не кормить его вдвое сильнѣе противъ нормы, то оно быстро худѣетъ и умираетъ отъ истощенія. Кромѣ того, при употребленіи такимъ животнымъ жирной пищи, его кишечныя испражненія всегда оказываются богатыми жиромъ, что указываетъ, во всякомъ случаѣ, на затрудненное поступленіе жира въ тѣло. Въ виду этихъ фактовъ становится очевиднымъ, что желчь, не будучи совершенно необходимой для пищеварительныхъ процессовъ, помогаетъ имъ

---

[1]) Эта операція заключается въ томъ, что прорѣзываютъ стѣнку брюха, черезъ рану перевязываютъ желчный протокъ около мѣста его впаденія въ кишку, затѣмъ въ отверстіе брюшной раны вшиваютъ желчный пузырь и прорѣзываютъ его стѣнки. Тогда желчь хотя и не вливается въ кишки, но и не застаивается въ тѣлѣ, вытекая черезъ фистулу желчнаго пузыря наружу.

Digitized by Google

однако въ значительной степени. Мы и займемся теперь разъясненіемъ этого вопроса.

Если желчь, добываемую очень легко изъ желчныхъ пузырей на свѣжихъ трупахъ, смѣшивать по-очередно съ крахмаломъ, бѣлковыми тѣлами и жирами при температурѣ животнаго тѣла, то она не оказываетъ на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія—этимъ объясняется до извѣстной степени первая половина только-что сдѣланнаго вывода. Если же изучать дѣйствіе желчи въ связи съ другими пищеварительными соками, какъ дѣло происходитъ и въ дѣйствительности, то получается нѣчто другое. На крахмалъ она и при этомъ условіи продолжаетъ оставаться безъ дѣйствія: но на бѣлки, превращенные желудочнымъ сокомъ въ пептоны, дѣйствіе ея рѣзко, хотя и вовсе не въ положительную, а въ отрицательную сторону. Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что наибольшую по массѣ (конечно, за исключеніемъ воды) составную часть желчи представляютъ двѣ соли — соединенія содовой щелочи съ двумя совершенно особенными желчными кислотами, и что послѣднія, отъ дѣйствія на желчь какихъ-нибудь болѣе сильныхъ кислотъ, тотчасъ же выпадаютъ въ формѣ нерастворимаго осадка. Это и случается каждый разъ, когда кислая желудочная смѣсь, содержащая свободную соляную кислоту, встрѣчается въ верхней части кишки съ желчью. Но это бы ничего — бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ выпадающими желчными кислотами механически увлекается не только пепсинъ, но и пептоны. Слѣдовательно, желчь не только не помогаетъ желудочному пищеваренію, но она врагъ ему (и это всего лучше видно на болѣзненныхъ примѣрахъ, когда желчь попадаетъ въ желудокъ — пищевареніе въ послѣднемъ тотчасъ же прекращается и является рвота), и не будь подъ рукой панкреатическаго сока, который быстро растворяетъ хлопья пептоновъ, зло, причиняемое бѣлковому пищеваренію желчью, было бы неисправимо. Стало быть, развѣ только въ отношеніи бѣлковъ мы имѣемъ право сказать, что желчь не препятствуетъ ихъ перевариванію. Превращеніямъ же жировъ она оказываетъ слѣдующую положительную услугу: вамъ, конечно, извѣстно, что мыло, употребляемое въ домашнемъ обиходѣ, дѣлается изъ жировъ при помощи щелочей (нужно еще нѣкоторое количество воды); послѣднія, разлагая жиры и соединяясь съ ихъ кислотами, образуютъ мыло, а въ остаткѣ получается глицеринъ; вы помните далѣе, что было сказано о дѣйствіи панкреатическаго сока — и онъ разлагаетъ жиры, но не въ силу своей щелочности, а дѣйствіемъ какого-то неопредѣленнаго до сихъ поръ фермента, и выдѣленныя имъ изъ жира кислоты остаются свободными, пока не встрѣтятся съ желчью;

Digitized by Google

здѣсь они находятъ щелочь, соединяются съ ней и образуютъ содовое мыло. Такъ какъ послѣднее растворимо въ водѣ (глицеринъ — другой продуктъ распаденія жировъ — тоже), то оказывается, что подъ вліяніемъ желчи и панкреатическаго сока омыливающаяся часть пищевыхъ жировъ претерпѣваетъ такое превращеніе, вслѣдствіе котораго она цѣликомъ становится растворимою въ водѣ. Важность этой услуги выяснится для васъ вполнѣ, когда дойдетъ рѣчь до акта выступленія переваренной пищи изъ полости пищеваго канала; но нельзя не замѣтить, что едва-ли эта услуга велика въ количественномъ отношеніи: наибольшая масса утилизируемаго пищевого жира покидаетъ кишки не въ формѣ мыла, а въ формѣ эмульсіи.

Но тогда невольно задашь себѣ вопросъ, какъ же объяснить приведенные выше факты исхуданія животныхъ съ желчными фистулами и непереваріваемость въ ихъ тѣлѣ жира, если изъ всѣхъ опытовъ съ желчью оказывается, что на крахмалы она не дѣйствуетъ вовсе, превращеніямъ бѣлковъ скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ помогаетъ, и, наконецъ, даже на жиры дѣйствіе ея — по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи — тоже ничтожное.

Этотъ вопросъ задавали и не перестаютъ задавать себѣ физіологи и до сихъ поръ, но недоумѣнія ихъ родили пока только мысль, что вѣроятно желчь такъ или иначе способствуетъ механическимъ условіямъ выхожденія переваренной пищи изъ полости кишекъ. Мысль эту въ отношеніи къ жирамъ оказалось возможнымъ провѣрить очень оригинальными опытами, и они въ самомъ дѣлѣ объяснили до извѣстной степени дѣло. Эмульгированные жиры, какъ вы услышите въ слѣдующую лекцію, выходятъ изъ кишекъ черезъ микроскопической величины отверстія, стѣнки которыхъ, какъ вообще всѣ внутреннія поверхности тѣла, смочены водянистыми жидкостями; послѣднее обстоятельство сильно препятствуетъ вхожденію жира въ отверстія, и это всего легче можно видѣть изъ опытовъ поднятія какого-нибудь масла въ волосныя трубки съ сухими или смоченными водою (конечно, изнутри) стѣнками — въ сухія трубки масло поднимается подъ вліяніемъ волосности (притяженія между масломъ и стѣнками трубки) гораздо выше, чѣмъ въ мокрыя; но если воду замѣнить желчью, то волосное поднятіе масла значительно увеличивается. На основаніи этихъ опытовъ и думаютъ, что желчь, разливающаяся по внутренней поверхности кишекъ, смачиваетъ стѣнки отверстій, въ которыя входитъ жиръ, и ослабляетъ въ нихъ препятствія къ его вхожденію. Кромѣ того, думаютъ еще, что желчь вообще усиливаетъ движенія кишекъ, а они, какъ увидимъ

Digitized by Google

далѣе, не могутъ не усиливать процесса выступленія переваренной пищи.

Во всякомъ случаѣ вы понимаете, мм. гг., что такія рѣзкія явленія, какъ эффекты отведенія желчи наружу, требуютъ для своего разъясненія не предположеній и не отдаленныхъ, а прямыхъ опытовъ, притомъ съ рѣзкимъ результатомъ.

Послѣдній сокъ, съ которымъ пищѣ приходится встрѣчаться въ кишкахъ, есть продуктъ отдѣленія либеркюновыхъ желѣзъ, называемый *кишечнымъ сокомъ*. Знакомство съ нимъ въ чистомъ видѣ начинается лишь съ самаго недавняго времени, благодаря новому и очень остроумному способу полученія его отъ живого животнаго [1]). Къ сожалѣнію, я не могу сообщить ничего интереснаго о дѣйствіи этого сока: онъ способенъ только превращать крахмалъ въ сахаръ, да еще тростниковый сахаръ превращать въ виноградный. Это и всё, на чемъ можно построить мысль объ его физіологической дѣятельности, — основаніе, какъ видите, не широкое.

Смѣшавшись съ желчью и панкреатическимъ сокомъ въ верхней части кишекъ, пища двигается вмѣстѣ съ ними книзу, измѣняется подъ ихъ вліяніемъ и мало-по-малу теряетъ на своемъ пути переваренныя части пищи. Чѣмъ больше она приближается къ выходному отверстію пищевой трубки, тѣмъ гуще и гуще становится кишечное содержимое, вслѣдствіе исчезанія изъ него жидкихъ питательныхъ экстрактовъ.

Въ толстыхъ кишкахъ оно уже имѣетъ обычный видъ кишечныхъ испражненій и состоитъ изъ смѣси непереваренныхъ остатковъ пищи съ измѣнившимися, въ большей или меньшей степени, пищеварительными соками. Здѣсь, въ этой смѣси, начинается обыкновенно кислое броженіе и въ прямую кишку поступаютъ уже кислые экскременты. Запахъ ихъ обусловливается разложеніями бѣлковъ подъ вліяніемъ панкреатическаго сока, а цвѣтъ зависитъ отъ желчнаго пигмента. Выбрасываніемъ экскрементовъ наружу рядъ пищеварительныхъ процессовъ оканчивается.

---

[1]) Вотъ этотъ способъ: животному прорѣзывается брюшная стѣнка по срединной линіи живота и изъ раны вытягивается кишечная петля четверти въ 2 длиною; изъ нея вырѣзывается кусокъ длиною въ четверть съ небольшимъ такимъ образомъ, чтобы онъ оставался въ связи черезъ брыжейку съ кровеносной системой; края кишекъ, оставшіеся послѣ вырѣзки, сшиваются другъ съ другомъ и черезъ это цѣлость пути по длинѣ кишекъ возстановляется; въ вырѣзанномъ же кускѣ трубки одинъ конецъ наглухо зашиваютъ, а другой вшиваютъ въ отверстіе брюшной раны. Когда все заживетъ, черезъ послѣднюю получается доступъ въ слѣпой мѣшокъ, образованный изъ вырѣзанной кишечной петли и сочащій изъ своихъ стѣнокъ чистый кишечный сокъ.

Digitized by Google

Итакъ, сумма измѣненій, претерпѣваемыхъ составными частями пищи въ полости кишечнаго канала, можетъ быть формулирована такъ: *вещества пищи, растворимыя въ водѣ, не измѣняются; тѣ же, которыя не растворимы, получаютъ* (за исключеніемъ части жира, превращающагося въ эмульсію) *эту способность подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ, не претерпѣвая однако при этомъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ своихъ основныхъ химическихъ свойствахъ.*

Такое раствореніе пищевыхъ веществъ есть, мм. гг., окончательная цѣль, къ которой направлены всѣ усилія пищеварительныхъ процессовъ, и общій смыслъ этого измѣненія опредѣляется тѣмъ, что изъ пищевой трубки въ кровь могутъ поступать, какъ увидимъ въ слѣдующую лекцію, всего легче водные растворы.

Прежде однако, чѣмъ говорить объ этихъ новыхъ процессахъ, мнѣ остается еще описать регуляцію акта поступленія пищевыхъ веществъ въ тѣло. Если хоть нѣсколько вдуматься въ общее значеніе этого процесса и въ его результаты, если принять, сверхъ того, во вниманіе, что источники пищи стоятъ внѣ тѣла животнаго, то, въ виду благоустройства животной машины, въ необходимости такой регуляціи нельзя сомнѣваться ни минуты. Тѣло взрослаго человѣка и животнаго въ теченіи годовъ остается неизмѣннымъ ни въ вѣсѣ, ни по составу—не будь при этомъ условіи ясныхъ предѣловъ поступленія внѣшняго пищевого вещества, разрушительнымъ процессамъ въ тѣлѣ пришлось бы приписать какую-то безграничную энергію, что́ положительно противорѣчитъ фактамъ. Въ тѣлѣ, значитъ, должна быть регуляція пищевого прихода въ количественномъ отношеніи. Животное не прикрѣплено къ почвѣ, какъ растеніе; послѣднее, гдѣ стоитъ, тамъ и находитъ пищу, тогда какъ источники животной пищи разсѣяны не повсюду. Это требуетъ регуляціи нашихъ актовъ во времени. Наконецъ, въ виду того обстоятельства — и это относится особенно къ травоядным животнымъ, — что многіе натуральные пищевые объекты содержатъ въ себѣ, рядомъ съ питательными составными частями, вещества положительно вредныя для жизни, тѣлу необходимы гарантіи противъ такихъ случаевъ—это регуляція качественная. Всѣ эти цѣли достигаются вооруженіемъ животнаго инстинктами: чувства голода и жажды регулируютъ пищевой приходъ во времени, чувство насыщенія (и утоленія жажды) есть количественный регуляторъ; наконецъ, вкусъ и обоняніе считаются у животныхъ качественными регуляторами. Устройство всѣхъ этихъ аппаратовъ, въ особенности послѣдняго, чрезвычайно трудно для объ-

Digitized by Google

ясненія, если дѣло коснется деталей, хотя въ наукѣ и существовало множество опытныхъ попытокъ къ рѣшенію вопроса о механизмѣ голода, жажды и чувства насыщенія [1]); но въ общихъ чертахъ не подлежитъ сомнѣнію, что условія всѣхъ названныхъ ощущеній родятся въ периферическихъ частяхъ тѣла, что эти условія служатъ источникомъ возбужденія для нервовъ, которое передается головному мозгу. По этому же плану выстроены механизмы, регулирующіе акты выведенія мочи и кала, но тутъ дѣло яснѣе въ томъ отношеніи, что мѣста, изъ которыхъ выходятъ «позывы на мочу и испражненіе» извѣстны, и искусственнымъ раздраженіемъ этихъ мѣстъ можно даже вызвать искусственные позывы, тогда какъ мѣста рожденія голода, жажды и чувства насыщенія до сихъ поръ не опредѣлены въ точности.

Названными ощущеніями регулируется собственно актъ введенія пищи въ пищеварительный каналъ; но это еще первая половина цѣлаго процесса поступленія ея въ тѣло — за нею слѣдуютъ акты выхожденія переваренной пищи изъ пищевой трубки въ кровь, и здѣсь, какъ увидимъ ниже, опять существуютъ условія, гарантирующія тѣло противъ значительныхъ избытковъ, введенныхъ въ пищевую полость. Но и на этомъ дѣло не останавливается: избытки вещества, вступившіе въ кровь, ведутъ за собою усиленіе разрушительныхъ процессовъ въ тѣлѣ и выбрасываются обычными путями. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить быстрое выведеніе почками изъ тѣла излишковъ воды, которые такъ часто попадаютъ, хоть напр., съ чаемъ въ желудокъ русскаго человѣка.

VIII.

Процессъ всасыванія пищи изъ полости пищевой трубки.

Сегодняшняя лекція будетъ исключительно посвящена процессу поступленія переваренной пищи изъ полости пищевой трубки въ кровь.

Такъ какъ всѣ фазы этого процесса скрыты отъ непосред-

[1]) Объясненіе ихъ остановилось на слѣдующей мысли, высказанной Молешоттомъ: подобно тому, какъ ощущеніе свѣта есть специфическій продуктъ дѣятельности зрительнаго аппарата, состоящаго изъ зрительнаго нерва съ его сѣтчаткой на периферіи и съ центрами на противуположномъ концѣ, ощущенія голода, жажды и насыщенія суть специфическіе продукты дѣятельности аппарата, состоящаго изъ волоконъ бродящаго нерва, разсыпающихся въ пищевой трубкѣ, съ ихъ периферическими окончаніями здѣсь и центрами въ головномъ мозгу.

Digitized by Google

ственнаго наблюденіи, то прежде всего я долженъ убѣдить вас въ его существованіи вообще и уже потомъ говорить о дета ляхъ, т.-е. о путяхъ, которыми идетъ питательный сокъ, и силахъ, которыя его двигаютъ изъ пищевой трубки въ кровь.

Сначала я докажу вообще, что часть пищи куда-то исчезает изъ полости пищевой трубки. Убѣдиться въ этомъ, мм. гг., чрез вычайно легко, если взять на себя трудъ взвѣшивать въ тече ніи нѣсколькихъ дней все количество принимаемой пищи и питы и рядомъ съ этимъ взвѣшивать, въ теченіи того же времени, ки шечныя испражненія. Чѣмъ періодъ наблюденія дольше, тѣм лучше. При сравненіи обѣихъ вѣсовыхъ величинъ, значительны перевѣсъ (фунтами на каждый день) всегда остается на сторон пищевого прихода, несмотря на то, что кишечныя испражненіи содержатъ не одни только непереваренные остатки пищи, но еще и нѣкоторое количество пищеварительныхъ соковъ. При оче видной невозможности этому избытку прихода оставаться въ по лости пищевой трубки (иначе она наполнилась бы до верху пи щевымъ содержимымъ много-много въ 10—20 дней), опыты наш доказываютъ, что онъ изъ нея куда-то исчезаетъ.

Для дальнѣйшаго разъясненія дѣла сдѣлаемъ теперь новы опытъ надъ живымъ животнымъ: вскроемъ ему брюшную полость перевяжемъ кишку около выходного отверстія желудка, чтоб жидкость не могла выходить изъ послѣдняго, зашьемъ брюшну рану, введемъ посредствомъ эластической трубки въ желудок измѣренное количество какого-нибудь воднаго раствора и оста вимъ животное въ покоѣ на нѣсколько часовъ. Убейте живот ное и вскройте осторожно желудокъ—жидкости въ немъ не ока зывается. Сколько ни ищите выхода для объясненія исчезанія жидкости, принуждены будете остановиться на мысли, что она куда-то исчезла черезъ стѣнки желудка—иного пути для нея, в самомъ дѣлѣ, нѣтъ. А между тѣмъ вамъ легко убѣдиться, что она не застоялась въ стѣнкахъ желудка — онѣ нисколько не раз бухли,—но и не просочилась насквозь [1]); значитъ, изъ стѣнок есть какой-то дальнѣйшій путь, по которому можетъ оттекат отъ желудка жидкость, попавшая въ его стѣнки. Единственны путь для этого кровь и лимфа, разливающіяся по слизистой обо лочкѣ; къ ней подходятъ, правда, еще нервы, но они, не будуч трубками съ движущейся жидкостью, не могутъ конечно играт въ нашемъ явленіи роли.

[1]) Прямой опытъ съ фильтраціей жидкости черезъ стѣнку желудка показалъ бы что даже при очень сильномъ давленіи, какого въ желудкѣ живого животнаго и быт не можетъ, въ дни не можетъ пройти столько жидкости, сколько ея исчезаетъ здѣс въ часы.

Digitized by Google

Такіе же опыты можно дѣлать и съ кишками, заключая водные растворы между двумя перевязками кишки, чтобы жидкость не могла вылиться, и результаты получаются тѣже самые. Но здѣсь наполненіе лимфатическихъ путей питательнымъ веществомъ можетъ быть доказано еще и наглядно: стоитъ только сравнить между собою кишки внѣ пищеваренія съ кишками послѣ принятія жирной пищи—въ послѣднемъ случаѣ лимфатическіе сосуды ихъ, какъ это разъ было уже сказано, всегда наполнены жировой эмульсіей.

Я могъ бы сообщить вамъ много и другихъ опытовъ, представляющихъ варьяціи на туже тему, но и этихъ, надѣюсь, было достаточно, чтобы убѣдить васъ въ справедливости развиваемой мною мысли.

Какимъ же образомъ устроены пути, по которымъ вступаетъ въ кровь питательное вещество?

Объ нихъ рѣчь можетъ быть, разумѣется, только въ отношеніи желудка и кишекъ, такъ какъ во рту и въ пищеводѣ пища остается слишкомъ мало времени, чтобы ей всосаться.

Отвѣта на вопросъ естественнѣе всего было бы искать въ существованіи отверстій, которыя сообщали бы полости желудка и кишекъ съ кровеносными, или лимфатическими сосудами; въ обоихъ случаяхъ вещество поступало бы въ кровь—въ одномъ прямо, а въ другомъ окольной дорогой. Но, говоря объ устройствѣ кровеныхъ сосудовъ, мы имѣли случаи повторять нѣсколько разъ, что въ стѣнкахъ ихъ нѣтъ ни малѣйшихъ отверстій, слѣдовательно прямыя сообщенія изъ пищевыхъ полостей возможны только въ лимфатическіе пути, да и то скорѣе въ начала ихъ, т.-е. лимфатическія трещины, чѣмъ въ лимфатическія трубки, такъ какъ стѣнки послѣднихъ, въ свою очередь, совершенно сплошныя. Стало быть въ стѣнкахъ пищевыхъ полостей можно ожидать только микроскопической величины отверстій, въ родѣ тѣхъ, которыя присасываютъ кровеной фильтратъ изъ брюшной и грудной полости. Однако всѣ попытки открыть какія бы то ни было дыры на внутренней поверхности желудка и по всей длинѣ толстыхъ кишекъ (т.-е. значительно больше, чѣмъ въ половинѣ всей поверхности желудочно-кишечнаго канала) остаются до сихъ поръ безуспѣшны, и только въ тонкихъ кишкахъ наука принимаетъ существованіе открытыхъ отверстій въ начала лимфатической системы этого отдѣла кишечнаго канала. Какъ ни страненъ покажется вамъ фактъ отсутствія дыръ въ желудкѣ и толстыхъ кишкахъ, въ виду способности ихъ стѣнокъ всасывать жидкости, я обойду пока молчаніемъ тѣ средства, которыя дѣ-

Digitized by Google

лаютъ существованіе здѣсь отверстій вовсе ненужнымъ и начинаю описывать открытые пути изъ тонкихъ кишекъ.

Ткань слизистой оболочки нищевыхъ путей, если абстрагировать отъ пронизывающихъ ея толщу слизистыхъ, пепсиновыхъ и пр. желѣзъ, устроена по тому же типу, какъ ткань лимфатической желѣзы: основу составляетъ густая сѣть пластинокъ и волоконъ съ развѣтвляющимися по нимъ кровеносными сосудами; содержимое—круглыя зернистыя образованія, называемыя лимфоидными тѣлами; а между всѣми этими элементами свободные промежутки, наполненные лимфой, — начала желудочно-кишечнаго отдѣла лимфатической системы. Кромѣ того, вся поверхность слизистой оболочки выстлана слоемъ эпителія.

Въ желудкѣ и кишкахъ слизистая поверхность (опять-таки если абстрагировать отъ желѣзокъ, представляющихъ углубленія) вездѣ ровная, гладкая, но въ тонкихъ кишкахъ изъ нея поднимается огромное количество выступовъ въ формѣ тонкихъ волосковъ, которые сидятъ до того густо, что придаютъ здѣсь слизистой поверхности явственно бархатистый видъ. При микроско-

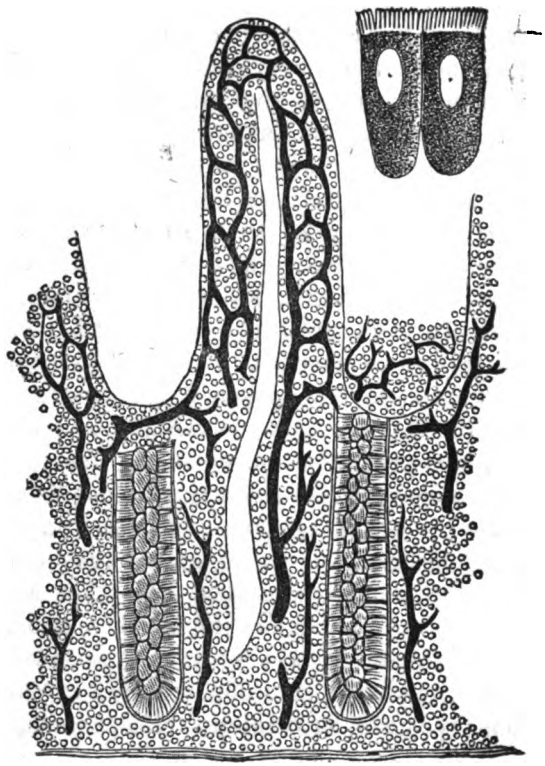


Рис. 12.

Digitized by Google

ическомъ разсматриваніи выступовъ, они, несмотря на ихъ малость, оказываются однако устроенными совершенно такъ же, какъ слизистая оболочка (рис. 12), съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что по продольной оси ихъ идетъ полость, окруженная пучками гладкихъ мышечныхъ волоконъ, да еще эпителіальный слой, покрывающій выступы, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, кишечныя ворсинки, нѣсколько отличается отъ эпителія въ прочихъ отдѣлахъ пищевой трубки: здѣсь крышка клѣтокъ (на рис. 12 онѣ изображены отдѣльно), обращенная въ полость кишки, является утолщенною и представляетъ продольную полосатость, которая и признается за оптическое выраженіе отверстій въ эпителіальной крышкѣ. Это все результаты микроскопическаго изслѣдованія на трупахъ, но смыслъ ихъ выясняется лишь наблюденіями, когда ворсины наполняются на живомъ животномъ или жирной эмульсіей или, что лучше, окрашенными не фильтрующимися растворами. При этомъ условіи ясно видно, что масса входитъ черезъ крышки въ полости эпителіальныхъ клѣтокъ, отсюда разливается по лимфатическимъ трещинамъ ворсины, сообщающимся съ центральной полостью и переходитъ наконецъ въ лимфатическія трубки, относящія жидкости отъ кишекъ. Дальнѣйшихъ деталей относительно этихъ путей знать намъ не нужно—важно лишь указаніе опыта, что изъ полости тонкихъ кишекъ существуютъ, черезъ посредство ворсинокъ, открытые ходы въ лимфатическіе сосуды.

Это есть, стало быть, единственный путь, которымъ могли бы попадать изъ пищевой трубки въ кровь не только жидкости, но и до чрезвычайности измельченныя твердыя тѣла. Послѣдняго хотя, мм. гг., не случается, но этимъ путемъ, и только имъ однимъ, изъ кишекъ поступаетъ въ тѣло эмульгированный жиръ.

Теперь намъ можно уже обратиться къ разъясненію загадки, какимъ образомъ могутъ всасывать въ себя жидкости стѣнки желудка и толстыхъ кишекъ, не имѣя открытыхъ отверстій, такъ какъ этотъ вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ о силахъ, которыми производится всасываніе пищевыхъ веществъ вообще.

Съ этой цѣлью я приготовилъ стоящій передъ вами длинный рядъ опытовъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ два стакана съ двумя различными жидкостями; въ каждомъ изъ нихъ нижній слой занимаетъ вода, а поверхъ ея налитъ осторожно слой окрашеннаго спирта; въ первомъ стаканѣ, гдѣ спиртъ налитъ передъ самой лекціей, граница между жидкостями, какъ видите, рѣзкая, въ другомъ, гдѣ жидкости стояли, хотя и при абсолютномъ покоѣ, часовъ 10, граница между ними ступевалась, какъ будто часть спирта опустилась въ воду, а часть послѣдней поднялась въ спиртъ. Это явленіе смѣшенія жидкостей

Digitized by Google

очень обыкновенно и едва ли не общеизвѣстно: оба слоя, пр
низывая мало-по-малу другъ друга, обмѣниваются своими с
ставными частями до тѣхъ поръ, пока смѣсь во всѣхъ точка
смѣшавшихся жидкостей не сдѣлается одинаковой. Въ прилож
ніи къ нашей задачѣ это простое явленіе оказывается одна
очень важнымъ. Вотъ цѣлый рядъ опытовъ, гдѣ условія сопр
касанія жидкостей измѣнены—между ними поставлены перепон
изъ животнаго пузыря—и гдѣ вы, однако, все-таки увидите
результатѣ смѣшеніе жидкостей. Всѣ эти опыты устроены од
наковымъ образомъ. Взяты открытые съ обоихъ концовъ стекля
ные цилиндры (рис. 13), плотно обвязаны съ одного конца пуз
ремъ и опущены этими конц
ми въ стаканы съ перегнанн
водой. Я наполняю всѣ т
цилиндра водными раствора
такихъ веществъ, которыя д
же въ незначительномъ кол
чествѣ могутъ быть откры
при посредствѣ химически
реакцій; всѣ три жидкост
очевидно, могутъ смѣшивать
съ водою въ стаканахъ ли
черезъ животную перепон
Теперь я покажу вамъ сво
ства тѣхъ жидкостей, котор
ми наполнилъ цилиндры. Бе
отъ каждой по маленькой по
ціи и размѣщаю по тремъ пр
бирнымъ трубочкамъ, напо
ненным водой, съ цѣлью ра
жидить растворы; въ 1-й по
ціи приливаю растворъ п
луторахлористаго желѣза — получается синее окрашеніе; во 2
порціи тотъ же бурый расвворъ даетъ ярко-красное окрашен
наконецъ растворъ лаписа вызываетъ въ 3-й порціи огромн
бѣлый осадокъ. Въ ту минуту, какъ я наполнялъ цилиндр
въ стаканахъ была совершенно чистая вода, которая не дае
никакихъ реакцій ни съ бурымъ растворомъ, ни съ лаписом
но черезъ нѣсколько минутъ вы увидите, что она будетъ и окр
шиваться отъ нихъ и дастъ бѣлый осадокъ, въ доказательст
того, что растворенныя вещества проникли изъ цилиндровъ ч
резъ перепонку въ стаканы. Въ ожиданіи же этого я обра
ваше вниманіе на 3-ю группу опытовъ, однородныхъ съ пред
дущими по формѣ, но совершенно противуположныхъ по р

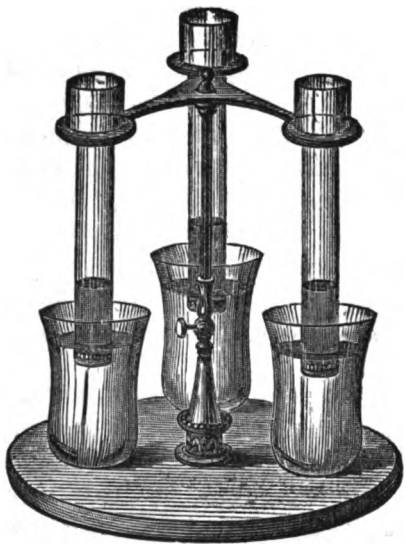


Рис. 13.

Digitized by Google

зультату: здѣсь въ цилиндры съ перепонкой налиты жидкій яичный бѣлокъ, жидкій отваръ крахмала и такой же отваръ клея. Эти вещества тоже легко могутъ быть узнаны (при пробахъ бѣлокъ свертывался отъ нагрѣванія, крахмальный отваръ окрашивался въ синій цвѣтъ отъ іодной настойки, клеевой отваръ давалъ осадокъ отъ отвара дубовой коры); но какъ бы долго они ни находились въ соприкосновеніи съ водой черезъ посредство животной перепонки, въ водѣ стакановъ намъ едва ли удастся открыть даже слѣды ихъ.

Дѣло въ томъ, мм. гг., что вообще при опытахъ смѣшенія жидкостей между собою, перепонки оказываются способными раздѣлить, такъ сказать, всѣ тѣла на два огромныхъ отдѣла: на жидкости, способныя проходить черезъ перепонки, и на такія, которыя не имѣютъ этой способности. Къ первому отдѣлу принадлежатъ, между прочимъ, всѣ безъ исключенія истинные водные растворы, тогда какъ на противуположной сторонѣ стоитъ большинство натуральныхъ жидкостей, входящихъ въ составъ животнаго и растительнаго тѣла, — бѣлки, камеди, крахмалы и пр. На этомъ-то основаніи, если послѣднія вещества являются и въ жидкой формѣ, ихъ все-таки нельзя назвать истинными водными растворами.

Оставляя гипотезу объ этомъ различіи между тѣлами въ сторонѣ, я, въ ожиданіи конца нашихъ опытовъ, успѣю еще разсказать вамъ о другихъ сторонахъ смѣшенія жидкостей, которыя имѣютъ прямую физіологическую важность.

Совершенно необходимыхъ условій для того, чтобы жидкости смѣшивались между собою черезъ перепонку, два: нужно, чтобы онѣ могли смѣшиваться другъ съ другомъ и безъ ея посредства (вода и масло не могутъ, напр., смѣшиваться ни при какихъ условіяхъ) и еще, чтобы ими могла пропитываться перепонка (напр. каучукъ не пропуститъ сквозь себя воды). Скорость смѣшенія зависитъ, сверхъ свойствъ перепонки и жидкостей, еще отъ того, находятся ли онѣ въ покоѣ, или въ движеніи; при послѣднемъ условіи безпрерывно возобновляется составъ смѣсей на границѣ ихъ соприкосновенія, а черезъ это безпрерывно возобновляются противоположности жидкостей, ослабленныя предшествовавшей диффузіей. Сверхъ скорости, въ диффузіи жидкостей важно знать еще вѣсовое отношеніе между веществами, которыя въ одно и тоже время проходятъ черезъ перепонку въ противуположныхъ направленіяхъ (напр., въ нашихъ опытахъ отношеніе между количествомъ воды, перешедшей изъ каждаго стакана въ цилиндръ, и количествомъ растворенаго вещества, перешедшаго изъ цилиндра въ воду); эти количества, замѣщающія другъ друга по обѣ стороны перепонки, называются эндос-

Digitized by Google

мотическими *эквивалентами* смѣшивающихся веществъ. Въ опытахъ, гдѣ по одну сторону перепонки стоитъ чистая вода, количество ея, переходящее въ другую сторону, принимается въ дроби, выражающей величину эндосмотическаго эквивалента, обыкновенно за числителя; поэтому и говорятъ, что эндосмотическій эквивалентъ между бѣлкомъ, клеемъ, крахаломъ и водою равенъ безконечности. Другими словами, токъ воды къ бѣлкамъ, крахмалу и пр. безконечно великъ въ сравненіи съ токомъ бѣлковъ, крахмаловъ и пр. — къ водѣ.

Вотъ тѣ немногія основныя данныя, знаніе которыхъ было намъ совершенно необходимо для разъясненія нашихъ физіологическихъ задачъ, и мнѣ остается, чтобы возвратиться къ послѣднимъ, сказать только еще нѣсколько словъ о различіи между только-что описанными процессами и явленіями фильтраціи жидкости въ жидкость, которые при поверхностномъ взглядѣ на дѣло могли бы быть смѣшаны другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ между ними различіе: смѣшеніе жидкостей путемъ диффузіи (или эндосмоза — это все равно) требуетъ непремѣнно какого бы то ни было, количественнаго или качественнаго, различія въ ихъ составѣ, и при этомъ условіи оно нисколько не нуждается въ давящихъ силахъ — вода въ 1-мъ нашемъ опытѣ шла даже, наперекоръ условіямъ давленія, кверху; при фильтраціи же жидкости въ жидкость, различіе въ составѣ, наоборотъ, ничего не значитъ, и все дѣло въ томъ, чтобы фильтрующаяся жидкость стояла подъ бо́льшимъ давленіемъ, чѣмъ та, въ которую происходитъ фильтрація.

Теперь опыты наши пришли, вѣроятно, уже къ концу, и мы попробуемъ нашими реактивами воду въ стаканахъ. Въ первыхъ 3-хъ реакціи, какъ видите, удаются, но въ другихъ 3-хъ нѣтъ ни бѣлка, ни крахмала, ни клея.

Мы остановились, мм. гг., на вопросѣ, какимъ образомъ могутъ всасывать въ себя жидкости стѣнки желудка и толстыхъ кишекъ, когда въ нихъ нѣтъ никакихъ отверстій. Теперь вы уже, конечно, догадываетесь, какъ это происходитъ.—Содержимое желудка и кишекъ, поскольку оно заключаетъ въ себѣ переваренныя вещества, обратившіяся въ истинные водные растворы, уподобляется содержимому цилиндровъ въ только-что описанныхъ опытахъ; внутренній слой слизистой оболочки, отдѣляющій полость желудка и кишекъ отъ густой сѣти кровеныхъ и лимфатическихъ токовъ, есть перепонка нашихъ опытовъ, притомъ перепонка въ нѣсколько десятковъ разъ болѣе тонкая; наконецъ, безпрестанно движущаяся и безпрестанно возобновляющаяся кровь и лимфа представляетъ жидкость въ полости стакановъ. Насколько между жидкимъ содержимымъ желудка и кишекъ, съ

Digitized by Google

одной стороны—кровью, и лимфой—съ другой, существуютъ качественныя или количественныя разницы въ составѣ, настолько даны условія для обоюднаго обмѣна жидкостей своими составными частями.

Пищевой экстрактъ, вслѣдствіе смѣшенія пищи съ большимъ количествомъ чрезвычайно жидкихъ пищеварительныхъ соковъ, всегда менѣе густъ, чѣмъ жидкая часть крови и лимфы, поэтому токъ воды всегда долженъ идти изъ полости пищевой трубки къ крови, а не наоборотъ; сахара въ пищевомъ экстрактѣ тоже всегда больше, чѣмъ въ крови и лимфѣ,—и онъ долженъ идти въ томъ же направленіи; въ пищевой трубкѣ, по сю сторону перегородки стоятъ пептоны—бѣлки, превратившіеся болѣе или менѣе въ истинные водные растворы, по ту же сторону стоятъ бѣлки, неспособные проходить черезъ перепонки — первые всасываются, а вторые остаются въ своихъ естественныхъ вмѣстилищахъ. Прибавьте къ этому, что обѣ смѣшивающіяся жидкости находятся въ постоянномъ движеніи, и вы поймете, что въ теченіи пищеварительнаго періода, длящагося часы, всасываніе можетъ достигнуть значительныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что въ подмогу эндосмотическимъ силамъ существуютъ, какъ вы уже знаете, еще и другія условія для выступленія жидкихъ веществъ изъ полости пищевой трубки.

На словахъ дѣло объяснилось, какъ видите, очень удачно; но вы имѣете, конечно, право требовать отъ меня не только словъ, но и дѣла—я обязанъ доказать вамъ не только возможность, но и дѣйствительное участіе эндосмотическихъ силъ въ дѣлѣ всасыванія веществъ изъ полости пищевой трубки. Для этого, очевидно, нужны опыты на живыхъ животныхъ, и они должны клониться къ тому, чтобы поставить содержимое желудочно-кишечнаго канала въ такія условія, при которыхъ, на основаніи нашихъ общихъ представленій объ эндосмотическихъ процессахъ, слѣдовало бы ожидать наперед или ослабленнаго, или, наоборотъ, усиленнаго всасыванія. Подтвержденіе ожиданій будетъ, конечно, утвердительнымъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ и наоборотъ. По счастью, опыты эти вовсе не такъ трудны, какъ они кажутся съ перваго взгляда, и одна половина ихъ—конечно по результатамъ—даже извѣстна, я думаю, всякому. Это—слабительное дѣйствіе всѣхъ вообще солей; напр. англійской, глауберовой и пр. Соли эти вводятся обыкновенно въ большомъ количествѣ, притомъ всегда въ сгущенныхъ растворахъ; уже одно это должно, въ смыслѣ нашей теоріи, ослаблять токъ воды изъ пищевой трубки въ кровь, такъ какъ пріемъ растворимой въ водѣ соли сгущаетъ питательный экстрактъ; но къ этому присоединяется еще то замѣчательное, и особенно важное для насъ,

Digitized by Google

обстоятельство, что слабительныя соли вообще оказываются имѣющими высокій эндосмотическій эквивалентъ въ сравненіи, напр., съ обычной минеральной примѣсью пищи, поваренною солью; другими словами, соли эти жаднѣе прочихъ удерживаютъ на своей сторонѣ воду. Понятно, что подъ совокупнымъ вліяніемъ обѣихъ причинъ разомъ, пищевая смѣсь не будетъ отдавать крови воду и останется жидкой; при послѣднемъ же условіи она всегда быстро выводится наружу, т.-е. дѣлается поносъ. Другой рядъ опытовъ пополняетъ приведенный съ противуположной стороны: здѣсь растворы слабительныхъ солей вводятся прямымъ впрыскиваніемъ въ кровь; при этомъ условіи наша теорія требуетъ, конечно, уже не ослабленнаго, а наоборотъ усиленнаго всасыванія воды изъ полости кишекъ, такъ какъ жидкость сгустилась по ту сторону перегородки, и результатъ въ самомъ дѣлѣ оправдываетъ предсказанія теоріи — у животнаго развивается запоръ, вслѣдствіе быстраго обѣдненія водою кишечнаго содержимаго.

Эти опыты помирятъ васъ, надѣюсь, съ мыслью о всасываніи питательныхъ растворовъ путемъ эндосмоза; но они же показываютъ, сверхъ того, что въ эндосмозѣ заключены, до извѣстной степени, условія и для количественной регуляціи акта вступленія въ кровь водныхъ растворовъ:—всякій сильный избытокъ вводимаго растворимаго вещества непремѣнно компенсируется болѣе быстрымъ выведеніемъ изъ тѣла болѣе-богатыхъ водою испражненій.

Теперь я перехожу къ описанію поступленія пищевыхъ веществъ въ ворсины. Путь этотъ былъ выставленъ выше, какъ исключительно назначенный для жировой эмульсіи, и это справедливо въ томъ смыслѣ, что жиръ въ сказанной формѣ не входитъ никуда кромѣ ворсинъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что изъ всѣхъ пищевыхъ веществъ въ ворсины поступаютъ одни жиры:—здѣсь входъ, наоборотъ, открытъ для всѣхъ жидкостей, даже не представляющихъ истинныхъ водныхъ растворовъ, и уже самый фактъ наполненія ворсинъ въ пищеварительный періодъ эмульсіей показываетъ, что вмѣстѣ съ мелкими каплями жира въ нихъ входитъ какая-то водянистая жидкость, очевидно весь растворимый въ водѣ пищевой экстрактъ. Въ этомъ смыслѣ новый путь представляетъ придатокъ, работающій за одно съ эндосмотическими силами, хотя и дѣйствующій совершенно другимъ образомъ: — здѣсь, по новому пути, дорога пищевому веществу всюду открыта и для входа его въ ворсины не нужно никакихъ силъ, кромѣ чисто механическихъ. Съ ними-то намъ и нужно прежде всего познакомиться; но при этомъ прошу припомнить, что пищевые ходы по всей толщѣ ворсины до чрезвычайности узки и слѣдовательно препятствія для движенія по ней жидкости огромны.

Digitized by Google

Вообразите себѣ на минуту, что вамъ извѣстны силы, при посредствѣ которыхъ питательная жидкость постоянно вытекаетъ изъ ворсинъ въ направленіи къ лимфатическимъ трубкамъ, и остановитесь пока на дѣйствительно существующемъ фактѣ такого оттока. Уже въ немъ одномъ, при существованіи открытыхъ сообщеній между полостью кишки и каналами ворсинъ, даны были бы условія для входа жидкостей въ послѣдніе; и въ этомъ случаѣ мѣста приложенія силъ, вводящихъ жидкости въ ворсины, лежали бы въ нихъ самихъ, а не въ полости кишекъ — ворсины дѣйствовали бы присасывательнымъ образомъ и имъ помогала бы волосность входныхъ каналовъ. Другой способъ вхожденія жидкости въ ворсины могъ бы состоять только во вталкиваніи ея въ нихъ при помощи какой-нибудь силы, постоянно дѣйствующей въ направленіи изъ полости кишекъ. Силы эти должны бы были быть однако огромныя, въ виду страшной узкости, многочисленности и неправильности ворсинныхъ каналовъ; притомъ трудно было бы понять, какъ могутъ они не сдавливать мягкихъ ворсинокъ. Скорѣе можно еще думать, что и эти силы содѣйствовали бы наполненію ворсинъ не въ тотъ моментъ, когда онѣ давятъ на кишечное содержимое, — тогда вся ткань ворсинъ, вмѣстѣ съ входными каналами, должна, какъ сказано, спадаться и изъ ворсинъ должно выдавливаться все жидкое содержимое, — а наоборотъ въ моментъ послабленія, когда сжатыя и опорожненныя отъ жидкостей ворсинки начинаютъ расправляться. Если послѣднія въ самомъ дѣлѣ обладаютъ этою способностью, тогда и при второмъ условіи онѣ, очевидно, могутъ дѣйствовать присасывательнымъ образомъ, лишь бы давящая сила дѣйствовала съ перерывами.

Аппаратъ, переводящій питательную жидкость изъ кишекъ въ ворсины, и устроенъ, мм. гг., по этимъ двумъ планамъ: въ составъ его входятъ и такіе механизмы, которые дѣйствуютъ изъ полости ворсинъ, и механизмы, сдавливающіе ихъ извнѣ. Сначала о первыхъ.

Если разсматривать на живомъ животномъ, при помощи кишечной фистулы, внутреннюю поверхность тонкой кишки, то она кажется попеременно то блѣдною, то красною. Сильная лупа даетъ ключъ къ этой загадкѣ: при посредствѣ ея легко видѣть, что блѣдность слизистой оболочки совпадаетъ съ сокращеніемъ ворсинъ (онѣ становятся короче и круглѣе), а краснота съ ихъ расправленіемъ. При первомъ условіи (вспомните, что въ ткани ворсинъ есть гладкія мышцы) изъ ворсины выдавливается не только жидкость, наполняющая центральную лимфатическую полость, но и вся кровь изъ сосудовъ, пронизывающихъ ткань ворсины густой сѣтью; когда же сокращеніе пре-

Digitized by Google

кратилось, кровь снова вливается съ извѣстнымъ напоромъ въ свои вмѣстилища, расположенныя въ перегородкахъ ворсиннаго остова и расправляетъ разслабленную ткань ворсины до прежнихъ размѣровъ. Но послѣднее возможно только при условіи наполненія всѣхъ опорожненыхъ пространствъ ворсины жидкостью. Та, которая была только-что выдавлена въ направленіи къ лимфатическимъ трубкамъ (въ полость кишекъ она не могла выдавиться, вслѣдствіе сжатія ворсины), вернуться не можетъ, потому что при самомъ началѣ въ нихъ уже есть клапаны, позволяющіе течь жидкости только въ направленіи отъ кишекъ; слѣдовательно, пространства ворсины должны наполниться съ другой стороны, т.-е. изъ полости кишечнаго канала, и теперь всѣ ходы для этого свободны. Стало быть каждая ворсинка, въ силу сокращенія ея мышечныхъ волоконъ, дѣйствуетъ, какъ давящій насосъ, переводящій жидкость изъ центральной лимфатической полости въ начала лимфатическихъ трубокъ; а въ силу кровеного напора, расправляющаго разслабленный остовъ, она есть присасывательный снарядъ, накачивающій свою центральную полость жидкостью изъ кишекъ. Такихъ насосовъ милліоны и всѣ они работаютъ безпрерывно, производя по нѣскольку качаній въ минуту. Работа каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, разумѣется, очень мала, но всѣ вмѣстѣ въ теченіи часовъ они, конечно, могутъ произвести кое-что; тѣмъ болѣе, что на помощь имъ существуетъ еще другой мышечный аппаратъ, дѣйствующій на ворсины извнѣ. Это—періодическія сокращенія стѣнокъ кишечной трубки, при посредствѣ извѣстнаго вамъ мышечнаго слоя, лежащаго внѣ слизистой оболочки. Сокращенія эти, съуживая просвѣтъ кишечной трубки, давятъ на ея жидкое содержимое, а черезъ него на мягкія ворсинки; изъ нихъ, вмѣстѣ съ содержимымъ лимфатическихъ пространствъ, очевидно, должна выдавливаться и кровь; стало быть и теперь періодъ послабленія мышечныхъ сокращеній долженъ сопровождаться присасываніемъ питательныхъ жидкостей изъ полости кишекъ въ каналы ворсинокъ. Но, кромѣ того, сокращеніемъ кишечной стѣнки должна сдавливаться вообще вся сумма пронизывающихъ ея толщу лимфатическихъ путей, а послѣдніе уже въ мышечномъ кишки, и даже нѣсколько глубже, имѣютъ характеръ настоящихъ лимфатическихъ трубокъ; слѣдовательно, вообще сфера дѣйствія новаго снаряда значительно шире той, которая выпадаетъ на долю ворсинныхъ мышцъ, сидящихъ лишь при самомъ началѣ лимфатическихъ путей. Взявъ эти обстоятельства во вниманіе, а съ другой стороны въ виду большей приноровленности ворсинныхъ снарядовъ къ сдавливанію ворсинъ, я и полагаю, что на долю сокращеній всей кишечной стѣнки выпадаетъ по преимуществу задача про-

Digitized by Google

давливанія жидкостей за предѣлами ворсинокъ, а на мышцы послѣднихъ—опорожненіе отъ сока самыхъ ворсинокъ и накачиваніе въ нихъ жидкости изъ полости кишекъ.

Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что хотя внѣ пищеварительнаго періода ворсинки и представляются болѣе спавшимися, однако въ полости ихъ, какъ въ началѣ лимфатической системы тонкихъ кишекъ, существуетъ постоянная фильтрація крови (у животныхъ голодающихъ всѣ лимфатическіе сосуды кишекъ наполнены, вмѣсто мутной эмульсіи, прозрачной лимфой), и конечно она продолжается и во время пищеварительнаго періода, тѣмъ болѣе, что тогда напоръ крови въ ворсинахъ усиленъ. Стало быть, къ описаннымъ двигателямъ питательнаго сока, вступившаго въ начала лимфатическихъ путей, присоединяется еще обычный двигатель лимфы—кровеной напоръ. Подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ трехъ причинъ жидкость и получаетъ возможность постояннаго оттока отъ кишекъ, а тамъ она уже подпадаетъ дѣйствію общихъ двигателей для всей лимфатической системы, т.-е. присасывательному вліянію грудной части грудного протока и большихъ венъ, въ который она вливается.

Таковы-то, мм. гг., снаряды и силы, при помощи которыхъ питательный экстрактъ переходитъ изъ полости пищевой трубки въ кровь. Вы помните, описывая жизненное значеніе лимфатической системы, я сказалъ, что перечислилъ не всѣ еще ея услуги тѣлу; теперь вы видите, какую важную службу я разумѣлъ подъ этимъ; но этимъ и заканчивается длинный рядъ функцій лимфатической системы, по крайней мѣрѣ при нормальномъ ходѣ дѣлъ.

Въ былыя времена ей приписывали еще какое-то особенное значеніе въ дѣлѣ всасыванія веществъ изъ различныхъ точекъ тѣла, наприм., когда вещества вводятся въ раны свободныхъ поверхностей. Теперь вы должны понимать, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго: при всякомъ пораненіи вскрывается тьма лимфатическихъ трещинъ, стало быть, вещество непосредственно вводится въ начала лимфатической системы. Столько же понятно должно быть для васъ и всасываніе жидкостей, искусственно вводимыхъ въ грудную или брюшную полость—вещества поступаютъ въ извѣстныя вамъ сосала.

Такимъ образомъ оконченъ обширный процессъ поступленія въ кровь жидкихъ и твердыхъ веществъ; теперь намъ предстоитъ знакомство съ актомъ введенія въ туже кровь газообразнаго кислорода.

И. Сѣченовъ.

Digitized by Google

ВОЙНА

и

ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Великіе принципы и идеологи второй имперіи.

VI *).

Цѣлыя двадцать лѣтъ, Франція, а вмѣстѣ съ нею и вся образованная Европа, выслушивала торжественныя ссылки и указанія второй имперіи на «великіе принципы» 1789 года, которымъ она будто бы служитъ, какъ продолженіе и дальнѣйшее примѣненіе къ жизни. Толпа съ восторгомъ принимала такія громкія ссылки, и только не многіе голоса возстали противъ безстыдной поддѣлки. Изгнанникъ декабрьскаго переворота, Маркъ Дюфресъ, еще въ 1867 году, писалъ: «Наша военная фурія (furie) досталась намъ не отъ революціи, но отъ ея національныхъ собраній. Революція и самъ Конвентъ не были обуреваемы ни провокаціонными, ни честолюбивыми замыслами и стремленіями. Я перерылъ всю ихъ исторію: она полна фактовъ, свидѣтельствующихъ о ихъ любви къ миру, о ихъ вѣрности *aux choses convenues*, ихъ крайнемъ безкорыстіи.... Консульство и имперія внесли духъ вторженія и узурпаціи въ головы нашихъ отцовъ, и неосторожные апологеты той эры гнета и опустошенія сдѣлали изъ насъ народъ сварливый и жадный

---

*) См. выше, окт. 830 стр.

Digitized by Google

(querelleur et cupide!)» Но, въ настоящее время, кромѣ апологетовъ той эры, мы имѣемъ и добросовѣстныхъ историковъ, какимъ явился недавно Ланфре въ своемъ обширномъ изслѣдованіи значенія и характера дѣятельности автора 18-го брюмера. Авторъ 2-го декабря оказался преемникомъ одного 18-го брюмера и столько же имѣлъ общаго съ «великими принципами», сколько то имѣло само 18-е брюмера.

Племянникъ черпалъ всѣ вдохновенія своей авантюристской жизни въ подвигахъ и замыслахъ дяди, который былъ настоящимъ творцомъ завоевательной политики и циническимъ, но ловкимъ шарлатаномъ, который довершилъ гибель революціи, изнемогавшей въ агоніи среди казней бѣлаго террора и разврата Директоріи. Въ этомъ отношеніи исторія Наполеона I-го чрезвычайно поучительна и многостороння; настоящія же событія придаютъ ей весьма современный интересъ, такъ какъ предъ нами двадцать лѣтъ развертывалось не что иное, какъ жалкая копія съ того колоссальнаго оригинала.

«Когда генералъ Бонапартъ былъ назначенъ консуломъ — говоритъ m-me Стааль — то всѣ ждали чего-то отъ него — и это былъ *миръ*». Въ этихъ словахъ справедливо выразилось постоянное стремленіе революціонной Франціи къ миру и внутреннему развитію; Бонапартъ повелъ ее иными путями, и m-me Стааль назвала вѣрно Наполеона I «первымъ контръ-революціонеромъ».

Но 18-е брюмера было болѣе, чѣмъ одною контръ-революціею: оно было убійствомъ общественнаго мнѣнія Франціи, и до послѣдняго времени, до появленія послѣднихъ историческихъ трудовъ, было трудно дать себѣ правильный отчетъ объ истинномъ настроеніи, о дѣйствительныхъ стремленіяхъ французской націи. «Общественное мнѣніе,—говоритъ Ланфре—утратило во Франціи всѣ свои естественные органы. Были приняты всѣ мѣры, чтобъ народное чувство не могло выразиться правдиво ни въ свободной прессѣ, ни въ независимыхъ собраніяхъ. Но если нельзя было разсчитывать на дѣйствительные восторги и увлеченія того общественнаго мнѣнія, которое было систематически развращено и уничтожено, за то было легко создать призракъ, пародію этого мнѣнія, благодаря той мудрой и послушной организаціи, которая отдавала всѣ силы и всю волю націи въ руки правительства. Можно сказать, что собственно Бонапартъ изобрѣлъ искусство, столь часто употреблявшееся съ тѣхъ поръ,—замѣнять отсутствующее выраженіе общественной мысли — мнѣніемъ фальшивымъ, столько же подражающимъ выраженію истиннаго мнѣнія, сколько движенія куклы подражаютъ движеніямъ жизни.

Digitized by Google

Старый режимъ пренебрегалъ этимъ средствомъ. Революція жила могуществомъ общественнаго мнѣнія: партіи насиловали это мнѣніе въ пользу своихъ страстей, но они никогда не уничтожали его и не фальшивили. Бонапартъ, который въ началѣ свелъ его къ молчанію, рѣшился присвоить себѣ эту драгоцѣнную силу, пуская ее въ ходъ при помощи послушныхъ орудій. Централизація вложила необходимыя орудія въ его руки. Было достаточно одного его слова, чтобъ привести въ движеніе громадную административную машину, охватывавшую всю страну и переворачивавшую ее по своему въ самыхъ нѣдрахъ ея. Бонапарту, напр., *требовалось національное движеніе*, и онъ *приказывалъ его*, и получалъ тотчасъ же совершеннѣйшее *подобіе*, искусственно замѣнявшее реальное, дѣйствительное движеніе и исполняемое съ точностью военныхъ маневровъ. Это было дѣломъ приказа, даннаго префектамъ и епископамъ. И вдругъ въ этой странѣ, жаждавшей спокойствія, насыщенной военной славою, обладавшей гораздо бо́льшими завоеваніями, нежели она могла удержать за собой, чуждой всѣмъ распрямъ своего властелина и желавшей прежде всего мира, — вдругъ въ этой странѣ раздавался кликъ войны, которому она должна была удивляться; сама обманутая мало-по-малу иллюзіей этой искусственной агитаціи, Франція вдругъ начинала вдохновляться новымъ пыломъ противъ враговъ, которые и не думали ее вызывать, и въ пользу дѣла, которое было вовсе не ея дѣло. Въ этомъ искусственно-возбужденномъ состояніи націи сказывалась вмѣстѣ и проба и побѣда той централизаціи, которую Бонапартъ возстановилъ съ столь глубокимъ инстинктивнымъ пониманіемъ всѣхъ условій деспотизма. То было вмѣстѣ съ тѣмъ и первою карою за низкую апатію, съ которой нація допустила, чтобъ на нее наложенъ былъ этотъ постыдный режимъ: она искала въ немъ спокойствія, она нашла въ немъ войну».

Вотъ откуда идетъ такъ-называемое національное и воинственное одушевленіе французовъ: революція и ея принципы тутъ ни при чемъ; милитарный націонализмъ создавался Бонапартомъ на развалинахъ задушенныхъ имъ всѣхъ великихъ началъ XVIII-го вѣка: нація стремилась къ свободѣ, нація любила эту свободу, и готова была отдать жизнь свою за нее и за ту страну, на которой свобода расцвѣтала впервые! Вмѣсто свободы, Наполеонъ повелъ ее на итальянскія, германскія и русскія поля битвы, обѣщая дать свободу не только ей, но и всему міру.... Измученная, обманутая въ своихъ надеждахъ сначала королемъ Лудовикомъ XVI, которому ставила памятникъ какъ возстановителю свободы, потомъ однимъ національнымъ собраніемъ за

Digitized by Google

другимъ, отъ которыхъ масса ждала хлѣба и безбѣдной жизни, она все еще вѣрила въ революцію и ея начала, потому что революція началась съ двухъ великихъ экономическихъ измѣненій: съ отмѣненія феодальныхъ привилегій, и съ продажи, т.-е. съ возможности пріобрѣтенія національныхъ имуществъ. Несмотря на неудовлетворительность двухъ этихъ мѣръ, выполненныхъ далеко не полно, революція все же, такъ-сказать, заручила ими довѣріе къ себѣ массы, и масса ждала отъ нея дальнѣйшихъ благъ. Вмѣсто благъ явился голодъ и пожары, и масса привѣтствовала паденіе роялизма, потому что она вѣрила, что роялизмъ создавалъ голодъ и жегъ ея села. А блага не приходили; усиленная энергія національныхъ собраній съ ихъ комитетами должна была сосредоточиться на отраженіи феодальной коалиціи. Масса вѣрила—и она была права, что въ то время коалиція препятствовала дальнѣйшему развитію ея благосостоянія, и она самоотверженно ринулась со всѣхъ концовъ Франціи на защиту своей свободы: она громко заявляла любовь и преданность своей странѣ, потому что нельзя не любить страстно и горячо своей страны, когда ко всѣмъ традиціямъ и кровнымъ узамъ, неразрывно приковывающимъ насъ къ судьбамъ нашей родины, и заставляющимъ насъ быть готовыми переносить скорѣе всѣ бѣдствія и нужды въ ней, чѣмъ искать исхода внѣ ея,—когда ко всему физіологическому сродству съ страною прибавляется еще свѣтъ свободы, свѣтъ разума и воли. А коалиція работала и внѣ, и внутри, и душила революцію ея же собственнымъ терроромъ.

Революцію смѣстилъ Бонапартъ, но сила вещей была такъ велика, вѣра въ могущество революціи была еще такъ сильна, что и Бонапартъ счелъ нужнымъ опереться на націю и явиться передъ нею не наслѣдникомъ Лудовика XVI и не намѣстникомъ Лудовика XVIII-го (какъ его довольно основательно величаютъ бурбонскіе историки), а продолжателемъ, наслѣдникомъ революціи!

Переходя отъ консульства къ имперіи, онъ торжественно объявлялъ своему вѣрному сенату: «Я желаю, чтобъ мы могли сказать французскому народу, 14-го іюля этого года: 15 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ одушевленіи, вы бросились къ оружію, вы завоевали свободу, равенство, *славу* (вмѣсто *братства* должно быть). Теперь эти первыя пріобрѣтенія націи, безвозвратно обезпеченныя, находятся внѣ всякихъ бурь, они сохранятся вамъ и вашимъ дѣтямъ».

Между тѣмъ болѣзненная, помѣшанная фантазія одного человѣка, опиравшаяся на соціальный хаосъ, на соціальный антагонизмъ: на боязнь старой феодальной партіи быть въ конецъ

Digitized by Google

лишенной всѣхъ своихъ имущественныхъ привилегій; на надежду новой среднесловной части общества укрѣпить за собою разъ навсегда свои имущественныя пріобрѣтенія и затормозить легальнымъ подавленіемъ стремленія обездоленной массы; на мечту этой самой обездоленной массы добиться благъ, обѣщанныхъ революціей, — фантазія Бонапарта съумѣла передѣлать карту Европы.

Революціонная Франція не стремилась и не хотѣла территоріальнаго увеличенія: «Кто хочетъ быть свободнымъ у себя, тотъ не долженъ стремиться къ завоеваніямъ», говорилъ Карно. А консульство повело арміи за Рейнъ, и привело къ люневильскому трактату, по которому за Франціей были, наконецъ, признаны ея «естественныя границы», и по требованію консуловъ, законодательныя палаты декретировали (8 марта 1801): «Департаменты Рёръ (Roër), Сарра, Рейна и Мозеля и Мон-Тоннера составляютъ нераздѣльную часть французской территоріи». Императору и этого было мало — и онъ шелъ быстрыми шагами къ своему Іенскому тріумфу, столь дорого стоившему и стоющему Франціи. Не было такихъ провокацій, которыхъ бы онъ не дѣлалъ Пруссіи ранѣе окончательнаго разрыва. Онъ даже заранѣе считалъ себя въ правѣ распоряжаться въ Германіи, какъ въ своей завоеванной странѣ: сегодня онъ приказывалъ схватить тайно англійскаго посланника въ Гамбургѣ и всѣ его бумаги, и грозился сдѣлать то же самое въ Берлинѣ; завтра онъ требовалъ отъ германскихъ князей «рукъ ихъ дочерей для своихъ генераловъ, желая связать болѣе крѣпкими узами два народа»; послѣ онъ увеличивалъ насколько ему вздумается свою ганноверскую армію, вопреки договорамъ; потомъ отправлялся въ южную Германію и готовилъ созданіе *Рейнской Конфедераціи*. Эта несчастная рейнская конфедерація точно также была мечтою Наполеона III-го, весьма много содѣйствовавшею его комическому паденію.

«Планъ новаго устройства Германіи былъ наиболѣе угрожающимъ для мира всей Европы, чѣмъ всѣ тѣ планы, которые Наполеону удалось осуществить до того времени» — замѣчаетъ Ланфре. Какъ бы созданный для того, чтобъ извратить всѣ раціональныя идеи и скомпрометтировать, уронить ихъ въ глазахъ исторіи или общественнаго мнѣнія, Наполеонъ Бонапартъ провозглашаетъ величіе федеративнаго принципа (какъ провозглашалъ величіе принциповъ 89-го года), и въ то же время въ сущности, предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ организацію союза, въ которомъ вся федеративная идея заключалась въ томъ, что они были всѣ сравнены въ своемъ ничтожествѣ, парализованы другъ

Digitized by Google

другомъ для того, чтобъ оставить въ его собственныхъ рукахъ сосредоточенную власть самой жестокой централизаціи.

Южная конфедерація должна была вонзить смертельный ножъ въ сердце Пруссіи, противъ которой она и была направлена. Въ половинѣ іюля 1806 г., берлинскій кабинетъ былъ увѣдомленъ объ образованіи рейнской конфедераціи подъ *протекторатомъ* Наполеона. Кромѣ Бадена, Баваріи и Виртемберга, къ новой конфедераціи принадлежали нѣсколько мелко-владѣтельныхъ князей и въ томъ числѣ курфюрстъ Гессенъ-Дармштадскій. Они составляли съ Франціей: «вѣчный оборонительный и наступательный союзъ», и обязывались поставлять для общей защиты 63-хъ-тысячную армію. Старая германская конфедерація была такъ мало пощажена, что даже у нея отняли городъ, въ которомъ засѣдалъ ея сеймъ: Регенсбургъ отошелъ къ Баваріи, и министръ Наполеона, Бише, почтительно доложилъ сейму въ послѣдній разъ, что: «Императоръ, мой господинъ, *не признаетъ болѣе* германской конституціи, признавая тѣмъ не менѣе государственную власть каждаго изъ нѣмецкихъ князей въ отдѣльномъ, *индивидуальномъ* отношеніи!» Еще нѣсколько времени, и буря разразилась, и первый актъ болѣе чѣмъ полувѣковой послѣдовавшей затѣмъ драмы разыгрался Іенскою побѣдою.

«Ненависть Пруссіи противъ насъ,—говоритъ Маркъ Дюфресъ—началась съ 1806 года, точно также какъ *новая* Германія съ своею ненавистью къ намъ и съ своею силою ведетъ свое начало со времени владычества Бонапарта и проконсульства его намѣстниковъ на Рейнѣ. Наши отцы дорого поплатились въ 1814 и 1815 году за свою тиранію въ чужихъ земляхъ. Дай Богъ, чтобъ нашимъ дѣтямъ не должно было вторично искупить вину нашей политики».

Предчувствіе Дюфреса сбылось ранѣе, чѣмъ онъ боялся: не дѣтямъ, а самому современному поколѣнію пришлось искупать фантазіи бонапартизма....

VII.

Негодуя на пріемы Наполеона, на извращеніе имъ принциповъ 89-го года, Ланфре говоритъ: «Бонапартъ зналъ, что *просвѣщенные люди* не могли быть одурачены его грубой ложью, когда онъ рядился въ представителя великихъ принциповъ; но огромная *масса*, которую ведутъ за собою громкими словами и которая весьма нечувствительна къ существованію политическихъ гарантій, встрѣчала безпрестанно въ оффиціальныхъ рѣчахъ

Digitized by Google

самыя популярныя формулы революціи, и потому ничего не нашла лучшаго, какъ принять за серьёзное тотъ языкъ, всю лживость котораго она была не въ состояніи понять».

Все это было бы какъ нельзя болѣе справедливо, если бы, на бѣду для Франціи, именно ея *просвѣщенные* люди, столь *чувствительные*, по мнѣнію Ланфре, къ политическимъ гарантіямъ, не могли или не хотѣли понять всей лжи и всей фальши бонапартовскаго краснорѣчія. Страшная въ этомъ случаѣ вина лежитъ именно на французской литературѣ: возьмите всѣ сочиненія, писанныя по французской революціи до 1852 года, и вы вездѣ увидите Бонапарта наилучшимъ грознымъ воплощеніемъ революціи, которому свыше было суждено разнести великіе принципы по всему міру и совершить дѣло революціонной пропаганды вооруженною силою. Посмотрите что говорилось не то что до 52-го года, а въ 58-мъ году однимъ изъ лучшихъ современныхъ писателей: «Бонапартъ есть прямой наслѣдникъ конвента и комитетовъ ....онъ былъ истиннымъ представителемъ, единственнымъ трибуномъ народа.... по мѣрѣ того, какъ онъ возвышался, его взгляды и его планы измѣнялись, но его принципы оставались тѣми же. Онъ внесъ въ ихъ осуществленіе болѣе опытности человѣческихъ дѣлъ, болѣе зрѣлости, болѣе величія,— геній болѣе увѣренный въ себѣ, — и рядомъ съ этимъ болѣе заботъ о своей личности, но онъ не переставалъ служить дѣлу, которому онъ давно отдался».... Этотъ панегирикъ, въ немногихъ словахъ резюмирующій всѣ хвалебные гимны наслѣднику революцій, принадлежитъ тому же самому Ланфре! Онъ писалъ эти строки въ 58-мъ году, именно, въ своемъ «Опытѣ изъ исторіи революціи». *Опытъ*, какъ видимъ, весьма неудачный, но весьма важный для насъ, потому что онъ характеризуетъ собою роль французской литературы и ея громадное и непростительное участіе въ распространеніи и поддержаніи гибельныхъ предразсудковъ.

Господству Наполеона III-го, провозгласившаго себя наслѣдникомъ своего великаго дяди, нужно было дойти до послѣднихъ крайностей, чтобъ заставить опомниться французскихъ «идеологовъ», и перестать воспѣвать великую эпопею императора революціи. Конечно, нѣтъ ничего строже обличительной критики Эдгара Кине въ его «Революціи»; но было время, когда этотъ самый Кине писалъ длинную поэму «Наполеонъ», воспѣвая его подвиги и оплакивая его пораженія, въ коихъ авторъ видѣлъ пораженіе великихъ принциповъ, лучшихъ надеждъ свободы! Нечего и говорить объ «Исторіи Консульства и Имперіи» Тьера, выдержавшей столько изданій, и составляющей тѣмъ болѣе жалкій

Digitized by Google

панегирикъ императору революціи, что онъ весь преисполненъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и неточностей.

Если отъ прямыхъ панегиристовъ Бонапарту мы обратимся вообще къ исторической литературѣ, то и въ ней встрѣтимъ отчаянный *шовинизмъ*, отчаянную узость и восторженный *локализмъ*, въ высшей степени содѣйствовавшіе запутанному пониманію и затемненію трезваго отношенія къ историческимъ явленіямъ. Бо́льшая часть историковъ Франціи задались двумя жалкими несчастными идеями: идеей французскаго единства и идеей предназначенія французской націи къ мученическому миссіонерству великой французской цивилизаціи; въ томъ и въ другомъ одинаково виднѣется длинное ухо шовинизма.

Одно изъ капитальныхъ, почтенныхъ сочиненій: «Исторія цивилизаціи во Франціи» Гизо, систематизируетъ всѣ событія, всѣ явленія французской исторіи подъ одну заранѣе опредѣленную мѣрку и вся исторія у него предназначена свидѣтельствовать о великой, передовой, господствующей роли Франціи въ исторіи цивилизаціи. Простое, непредвзятое отношеніе американца къ вещамъ не выдержало доктринарной системы Гизо, и Кери въ своей книгѣ—«Past, Present and Future»—послалъ Гизо жестокую филиппику, фактически оспаривая значеніе роли Франціи и отводя ей болѣе скромное мѣсто въ ряду другихъ націй.

Задавшись идеей своего великаго единства, французскіе историки должны были разсматривать всѣ дѣянія своихъ средневѣковыхъ королей, какъ споспѣшествующія торжеству ихъ великой идеи, поэтому во французской исторической наукѣ произошли двѣ логическія неосновательности, наложившія свою печать и на всю литературу: во-первыхъ, принявъ исторію дѣяній своихъ королей за національную исторію, они игнорировали народную жизнь, вкладывая всѣ событія въ узкія рамки государственнаго формированія и безурядицы; во-вторыхъ, они вздумали, въ силу своего философскаго доктринаризма, связать непрерываемою нитью феодальную и новую исторію, они вздумали принять и работу революціи за продолженіе работы феодальной монархіи — работы *унификаціи*, и такимъ образомъ, разъ сдѣлавъ ошибку, они могли послѣдовательно придти и къ панегирику Наполеона, принимая его за продолжателя дѣла роялизма и революціи!

Какъ ни очевидно логическое противорѣчіе подобной доктрины, связывающей во-едино несвязуемые элементы—элементъ абсолютнаго авторитета и элементъ абсолютной свободы,—тѣмъ не менѣе въ этихъ противорѣчіяхъ запутались даже такіе сочувствующіе прогрессу историки, какъ напр. Ог. Тьери: исто-

Digitized by Google

рикъ *живого народа*, въ своихъ «Письмахъ объ исторіи Франціи», уже становится панегиристомъ дѣяній феодальныхъ монарховъ, какъ орудія Провидѣнія, ведшаго Францію къ великому единству. Только въ 1857 году Эд. Кине изобличилъ несостоятельность такой доктрины въ своемъ «Введеніи къ философіи исторіи Франціи» и провелъ рѣзкую черту между исторіей роялизма и исторіей народа. За нимъ слѣдовалъ Фр. Моренъ, показавшій, что прогрессъ націи совершался вполнѣ обратно прогрессу роялизма: тамъ гдѣ торжествовала политика феодальныхъ королей, тамъ страдалъ разоренный народъ; тамъ гдѣ власть средневѣковаго сюзерена ослабѣвала, народъ вздыхалъ свободно и шелъ къ своему міровому всестороннему перевороту XVIII-го вѣка. Этотъ переворотъ разрывалъ всякую связь со всѣмъ прошлымъ феодальной монархіи. Онъ предавалъ сожженію всю ея *традицію* вмѣстѣ съ феодальными замками и пергаментами, и провозглашалъ себя самовластнымъ съ цѣлью поставить на мѣсто разрушенныхъ новыя начала, новыя отношенія...

Этого разрыва между старымъ и новымъ не поняли французскіе историки и вслѣдствіе того могли, напримѣръ, умиляться тому, что, при Наполеонѣ I, «Франція, наконецъ (Люневильскимъ договоромъ), достигла, *послѣ восьми вѣковъ усилій*, границъ столь желанныхъ старою монархіею... Республика давала ей внѣшнее положеніе такое, какое она не знала *даже* при Бурбонахъ». Такъ повѣствуетъ г. Теоф. *Лавалле* въ своемъ сочиненіи, увѣнчанномъ французской академіей, *«О границахъ Франціи»*.

Между тѣмъ, вовсе не республика давала Франціи «такія великолѣпныя границы, какихъ она не знала даже при Бурбонахъ», ихъ давало ей консульство наканунѣ Имперіи, и этого достаточно, чтобъ окончательно понять, что и во внѣшней политикѣ Наполеонъ I-й былъ счастливый наслѣдникъ скорѣе старой монархіи, нежели представителемъ новыхъ началъ, новаго міра...

Такъ-называемые вопросы о «естественныхъ границахъ» всегда создаются одними корыстными видами тѣхъ факторовъ, которые хотѣли бы удержать человѣчество въ невѣжествѣ и хаосѣ среднихъ вѣковъ; подобному же злоупотребленію подвергается разрѣшеніе національныхъ вопросовъ. Національное чувство въ людяхъ существовало, существуетъ, въ смыслѣ привязанности и любви къ дорогому мѣсту своего рожденія, воспитанія и жизни; но эта привязанность и любовь въ наше время требуютъ, чтобъ силы и жертвы человѣка шли на служеніе просвѣщенію, совершенствованію, благосостоянію родного народа, а не на служеніе гнету и своего и другихъ народовъ. Предметомъ человѣческихъ.

Digitized by Google

стремленій, освященныхъ разумомъ, является свобода, а развитіе человѣка говоритъ ему, что онъ только тогда чувствуетъ себя свободнымъ, когда вокругъ него движутся и трудятся свободные люди: въ этомъ выражается солидарность людей и народовъ, протестующая противъ ихъ взаимнаго истребленія, во имя отжившихъ, дряхлыхъ предразсудковъ, эксплуатируемыхъ бонапартистами. Въ своемъ стремленіи къ солидарности, понятно, что люди одного и того же языка, связанные одними и тѣми же традиціями и понятіями — однимъ словомъ, люди, составляющіе извѣстную націю — стремятся къ болѣе тѣсному объединенію своихъ общественныхъ учрежденій, своихъ общественныхъ отношеній: это стремленіе къ единству составляетъ неизбѣжную историческую фазу въ развитіи народа, и его нельзя подавить никакими хитросплетеніями: напрасны были войны Наполеона I-го, напрасны были козни Наполеона III-го—Германія должна была придти къ своему единству: препятствія, поставленныя ей на пути, могли только временно исказить форму единства, какъ теперь искажаетъ ее пока военная гегемонія Пруссіи и ея централизаторская тенденція; но при нормальномъ развитіи, единство Германіи выразилось бы и выразится позже въ наиболѣе прогрессивной формѣ, представляющей наиболѣе простора индивидуальному развитію. Такимъ образомъ, дѣйствія Наполеона III-го, вызвавшаго нынѣ кровавую бойню, тѣмъ болѣе виновны, чѣмъ болѣе они были напрасны, безплодны для прогресса и проникнуты духомъ отжившаго времени. Вмѣстѣ съ нимъ виновны и тѣ, которые содѣйствовали его возвышенію, которые пользовались его властью, и которые вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ обманѣ народа и въ приготовленіи катастрофы—не его паденія, это конечно не трогаетъ насъ, — а катастрофы разоренія Франціи и гибели массы людей двухъ великихъ народовъ.

VIII.

Въ нашей памяти живо еще то время, когда во Франціи призывали Людовика-Наполеона на спасеніе Франціи: тогда привѣтствовали его, какъ спасителя страны и порядка, какъ охранителя имущества и національной чести: и только теперь, заднимъ числомъ, начинаютъ понимать этого «великаго подрядчика общественнаго блага», по мѣткому выраженію одного англійскаго публициста. Онъ началъ свое правленіе съ обагренія Франціи кровью, и кончилъ его небывалымъ кровопролитіемъ; подобнымъ образомъ восклицалъ старый прусскій король о судьбѣ Луи-Филиппа: «онъ

Digitized by Google

вошелъ на тронъ черезъ баррикады и чрезъ баррикады же долженъ былъ сойти съ него». А въ эти 18 лѣтъ, во имя огражденія порядка внутри, Наполеонъ не переставалъ вести разорительныя войны, отдыхая между войнами вмѣстѣ съ своими министрами въ невинномъ занятіи похищенія милліоновъ изъ военнаго министерства для удовлетворенія личныхъ потребностей своихъ и своихъ слугъ! Истребивъ тысячи французовъ во время своего coup d'état на улицахъ Парижа, въ департаментахъ и Кайеннѣ, онъ чрезъ два года послалъ новыя тысячи умирать подъ Севастополь. Когда французское общество опомнилось отъ своего воинственнаго упоенія славою Парижскаго мира и хотѣло было залепетать о своихъ старыхъ замашкахъ — о парламентскихъ преніяхъ—на выручку Наполеона явился Орсини,—и вся Франція снова задрожала отъ террора: снова обыски и аресты, заключенія и депортація,—знаменитый законъ Эспинаса (28 января 1858 г.) о подозрительныхъ лицахъ (la loi des suspects, la loi de sureté générale) не переставалъ господствовать во Франціи до послѣдняго времени. Когда, несмотря на всѣ гоненія, мысль хотѣла пробуждаться во Франціи печатно, императорскій режимъ давилъ ее запретами, пенями, тюрьмами, и ослабилъ свою опеку только тогда, когда подумалъ, что масса уже достаточно развращена его наемною литературой, всѣхъ скандаловъ и сальностей, до тѣхъ поръ, пока снова не испугался, при появленіи республиканскихъ тенденцій, и снова сталъ давить ее, пока наконецъ «принцъ крови», Пьеръ-Бонапартъ-Тропманъ, не вздумалъ револьверами раздѣлываться съ журналистами за оскорбленіе бонапартовской чести. Когда нечего было дѣлать въ Европѣ, онъ затѣялъ дѣло въ Мексикѣ—ревнитель общественнаго порядка, онъ боялся, что свобода Сѣверной Америки одолѣетъ рабство Южныхъ штатовъ, и онъ думалъ противупоставить ей императорскую плотину въ Мексикѣ, увлекаясь въ тоже время надеждами на золотое руно и довольный тѣмъ, что его армія запята. Когда общество, сконфуженное внѣшними неудачами императорской политики въ Мексикѣ и послѣ Садовы, — захотѣло заняться внутренними вопросами, то Наполеонъ поспѣшилъ показать ему снова «красный призракъ». Онъ сталъ преслѣдовать рабочія ассоціаціи и общество апплодировало ему— пресса вопила противъ рабочихъ ассоціацій не хуже самихъ императорскихъ прокуроровъ: раздѣленіе классовъ снова вышло наружу съ своимъ антагонистскимъ характеромъ; вокругъ Наполеоновскаго трона снова тѣснѣе сомкнулись ряды вѣрныхъ слугъ. Высшая буржуазія снова пошла съ нимъ на сдѣлку—явилась мечта о либеральной имперіи: мамелюкъ Жирарденъ, рес-

Digitized by Google

публиканецъ Оливье, орлеанисты Бюфе и Дарю, тѣни прошлаго — Гизо и Барро, все, весь цвѣтъ французской интеллигенціи, французскаго *политическаго* міра окружилъ парламентскаго императора... Шаспó перешли съ Ментаны на углекоповъ Рикамаре, Обена и Крёзо! Опять общество оказывалось въ опасности, опять надо было являться *подрядчикомъ* его спасенія! Явился на сцену *плебисцитъ*—чего искалъ Наполеонъ въ немъ?—просто ли онъ хотѣлъ занять французскую публику, готовилъ ли онъ новый coup d'état и хотѣлъ опереться на силу плебисцита, чтобъ истребить разъ навсегда непокорныхъ? рѣшился ли онъ окончательно на войну и думалъ запугать прусское правительство громадною преданностью Франціи къ нему?—во всякомъ случаѣ, въ то время, какъ оффиціально торжествовали побѣду плебисцита, внутренно были поражены полуторамилліонной силою прямой республиканской и революціонной оппозиціи. Тѣмъ болѣе были поражены, что плебисцитъ былъ обстановленъ всею подобающей декораціей: былъ сочиненъ новый заговоръ на смерть императора, съ бомбами и кинжалами—для устрашенія той части сельскаго населенія, которая относится еще къ Наполеону Ш-му съ легендарнымъ благоговѣніемъ; были снова схвачены члены федеральнаго парижскаго совѣта интернаціональной ассоціаціи — для устрашенія буржуазіи; были пущены въ ходъ всѣ полки администраціи, отъ министра до полевого сторожа... меньшинство все же оказалось тѣмъ болѣе зловѣщимъ, что духъ революціи проникъ въ армію и далъ въ ней 55,000 непокорныхъ бюллетеней.

Оставалось одно изъ двухъ — или совершить новое 2-е декабря, вырѣзать и разсѣять по африканскому берегу—всѣ крамольные элементы, или, въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты, въ ожиданіи бóльшаго возбужденія энтузіазма — вести Францію на войну и по возвращеніи съ нея побѣдителемъ воцарить наконецъ свою династію, и, если нужно, то произвести маленькій переворотъ: — среди дыма славы будетъ легко!

А тутъ еще частныя соображенія: въ деньгахъ недочетъ по министерствамъ, въ парламентѣ злые языки какъ-нибудь доберутся до дефицита; выйдетъ скандалъ; между тѣмъ какъ война разгонитъ парламентъ. Кромѣ того, республиканская пресса ничего не боится: ее давятъ денежными штрафами, но ея единомышленники несутъ на выручку ей по су, по два, по десяти; редакторовъ садятъ въ тюрьму, но преслѣдованія эти только рождаютъ смѣлость и страсть къ борьбѣ въ новыхъ адептахъ республики! Съ войною отъ всего этого можно избавиться...

Digitized by Google

Война популярна, войны всѣ хотятъ, война будетъ провозглашена въ защиту великихъ принциповъ 89-го года!

Будто бы?! Здѣсь является послѣдній пунктъ, послѣднее фактическое обличеніе соучастниковъ Бонапарта....

Разсказывая о свиданіи плѣннаго Наполеона съ «современнымъ Питтомъ, врагомъ человѣческаго рода», Бисмаркомъ —газеты и Бисмаркъ это подтвердилъ самъ — говорятъ, что Наполеонъ пожаловался Бисмарку на общественное мнѣніе Франціи и даже на лѣвую оппозиціонную сторону законодательнаго корпуса, сваливая на нихъ вину за войну: «они заставили меня вести войну, я долженъ былъ дать это удовлетвореніе общественному мнѣнію».

Платя Франціи, за 18-ти-лѣтнюю покорность, упрекомъ и клеветою, Наполеонъ въ извѣстной долѣ своего обвиненія оказывается правъ.

Онъ клевещетъ на Францію, потому что онъ самъ совершилъ надъ нею то, что̀ ему преподалъ Наполеонъ I-й; онъ задушилъ въ ней всякое общественное мнѣніе; онъ самъ добивался того, чтобъ въ Европѣ принимали мнѣніе, предписанное изъ министерства его префектамъ и мерамъ — за мнѣніе Франціи; онъ систематически убивалъ и хоронилъ мысль Франціи и самъ хотѣлъ царить на ея могилѣ. Онъ кончилъ тѣмъ, что, какъ и дядя, попался въ имъ самимъ устроенное бѣличье колесо: онъ сталъ, наконецъ, принимать доклады префектовъ и меровъ за истинное выраженіе страны: въ этомъ лежитъ роковое наказаніе Тиберіевъ, они жалятъ себя тѣмъ же самымъ ядомъ, которымъ хотятъ отравить страну!—Но онъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказали мы, въ извѣстной долѣ. Онъ правъ, кидая обвиненіе въ оппозицію, потому что оппозиція — парламентская и журнальная—не переставала роптать на Садову и обвинять Наполеона III-го за то, что онъ смѣлъ допустить торжество Пруссіи, созданіе сѣверной конфедераціи. «Мы поражены въ самое сердце, Франція ослаблена и унижена, вы совершили *послѣднюю ошибку* своей политики; Франція изъ-за Садовы перестаетъ быть господствующей державою, Франція, которая привыкла предписывать другимъ державамъ и ихъ поведеніе и ихъ образъ мыслей. Могущество Франціи исчезаетъ, потому что вы не двинули во̀ время войска на берега Рейна и не потребовали гарантій противъ усиленія Пруссіи! вы создали на нашихъ окраинахъ двѣ могучія державы: Италію и Германію!» — на эту тему пѣли всѣ голоса оппозиціи цѣлые годы и дѣйствительно могли заставить Наполеона думать, что онъ можетъ войною возвратить Франціи ея желанную славу и успокоить своихъ внутреннихъ враговъ....

Digitized by Google

Бѣда состояла въ томъ, что оппозиція хотѣла быть оппозиціей, но она хотѣла быть только оппозиціей *личности* Наполеону Бонапарту, его безцеремонному обращенію съ политическою *интеллигенціею* и литературной Франціей, съ парламентскою традиціею эпохи реставраціи и іюльской монархіи; но она не хотѣла и не смѣла быть оппозиціей самому *принципу*, воплощенному въ Наполеонѣ III-мъ, потому что она сама, въ сущности, ничѣмъ не разнилась отъ той *великой партіи порядка*, которая возвысила и поддерживала Наполеона, и которая за то получила и награду: *порядокъ* настоящей минуты! Оппозиція хотѣла быть оппозиціей, и поэтому ей непремѣнно надо было имѣть въ запасѣ предметы для оппозиціи, а этотъ запасъ оказывался крайне скуденъ и старъ: онъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ формальныхъ притязаній, изъ нѣсколькихъ громкихъ формулъ: императорскій парламентъ только и оживлялся тогда, когда рѣчь шла о внѣшней политикѣ; по части же внутренней политики дѣло никогда не доходило до требованія коренной реорганизаціи, дѣло ограничивалось требованіемъ бо́льшаго контроля *для парламента*, состоявшаго почти цѣликомъ изъ покорныхъ креатуръ Наполеона; требованіемъ возвращенія выборныхъ муниципалитетовъ Парижу и Ліону, *наравнѣ* съ прочими городами, назначеніемъ выборнаго мера, и т. п., но никогда не шла рѣчь объ измѣненіи системы налоговъ, давившихъ народъ, никогда не шла рѣчь о причинахъ народныхъ нуждъ и о мѣрахъ къ удовлетворенію ихъ. «Красный призракъ» стоялъ точно также предъ воображеніемъ лѣвой стороны, какъ и правой, и зажималъ ей ротъ; и она поэтому-то предпочитала вести борьбу на почвѣ внѣшней политики, и сдѣлала себѣ изъ Садовы копёкъ, приправленный всѣми революціонными возгласами о величіи Франціи, о принципахъ 89-го года, о военныхъ подвигахъ 92-го года....

Національный шовинизмъ господствовалъ на скамьяхъ оппозиціи не менѣе чѣмъ на правой сторонѣ, и оттого-то являлось трогательное единодушіе Паликао и Гамбетты, Ж. Давида и Кератри. Они не имѣли смѣлости сдѣлать призывъ къ націи во время объявленія войны, и въ союзѣ съ народомъ остановить замыслы Бонапарта; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ стремились перещеголять своимъ патріотизмомъ самихъ мамелюковъ—Гранье де-Кассаньяковъ и Жирарденовъ. Они не съумѣли сбросить съ Франціи иго Бонапарта послѣ перваго пораженія при Вёртѣ и, во имя народныхъ интересовъ, предложить Германіи миръ; напротивъ, во имя патріотизма, они требовали отъ народа слѣпого довѣрія къ *стратегическому молчанію* самаго отчаяннаго

Digitized by Google

бонапартистскаго министерства. Они не съумѣли возвыситься до международной человѣчности и сдѣлать все, чтобъ война не могла внѣдрить въ чувства двухъ націй гибельной вражды; напротивъ, эти люди оппозиціи, республиканцы оппозиціи, требовали скорѣйшаго изгнанія всѣхъ нѣмцевъ изъ Франціи, какъ шпіоновъ, апплодировали смертнымъ приговорамъ военныхъ судовъ и громко обзывали каждаго, хотѣвшаго протестовать противъ бонапартскаго министерства, продажнымъ шпіономъ нѣмцевъ!..

Надо было, чтобъ народъ вторгся въ залы законодательнаго собранія, для того, чтобъ заставить ихъ насильно произнести слово «республика». Надо было, чтобъ народъ самъ кинулся въ Венсенъ, для того, чтобъ они наконецъ освободили изъ заключенія враговъ Бонапарта, — Рошфора, единственнаго имѣвшаго смѣлость даже изъ тюрьмы протестовать противъ національной вражды и военной славы, во имя великихъ принциповъ; для того, чтобъ вмѣстѣ съ Рошфоромъ они освободили и членовъ рабочаго союза, о безсовѣстномъ процессѣ противъ которыхъ никто не смѣлъ и заикнуться въ палатѣ и никто никогда не смѣлъ выразить сочувствія къ стремленіямъ рабочаго класса, отвергающаго войну и требующаго мира, во имя благосостоянія рабочихъ массъ.

Человѣкъ, стоящій теперь внѣ всякой политики, признающій въ политикѣ за идеалъ строго-конституціонную, парламентскую, династическую монархію, не разъ прямо высказывавшій свою ненависть къ революціи, всегда сильно порицавшій всѣ демократическія стремленія, въ которыхъ онъ видѣлъ только невѣжество, разореніе и анархію, человѣкъ, который кончилъ тѣмъ, что въ своемъ отчаянномъ скептицизмѣ окончательно ушелъ въ науку, въ которой онъ дѣйствительно занимаетъ почетное мѣсто, — Эрнестъ Ренанъ, — въ отвѣтѣ Давиду Штраусу, — ища разрѣшенія кровавымъ запутанностямъ международныхъ отношеній, основанныхъ на трактатахъ, вдругъ обращается къ движенію, охватывающему теперь весь западно-европейскій обездоленный классъ и въ немъ, въ его принципахъ, готовъ видѣть единственный *выходъ* и избавленіе отъ періодическихъ повтореній варварства.

«Принципъ федераціи европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ — пишетъ онъ въ «Journal des Débats» 16 (4 сентября), могъ бы дать основу мирнаго посредничества (въ международныхъ спорахъ), подобнаго тому, какое церковь представляла въ средніе вѣка. Я готовъ признать аналогическое же значеніе за демократическими стремленіями, за тою ролью, которую въ наше время все болѣе принимаютъ соціальныя проблемы. Ходъ современной исторіи представляетъ собою родъ колебанія между

Digitized by Google

вопросами патріотическими, съ одной стороны, и между вопросами демократическими и соціальными съ другой. Эти послѣднія проблемы имѣютъ свою законную сторону и, можетъ быть, будутъ въ извѣстномъ значеніи великимъ умиротвореніемъ будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что демократическая партія, несмотря на свои ошибки, подымаетъ задачи, идущія выше отечества: приверженцы этой партіи протягиваютъ другъ другу руки чрезъ всѣ раздѣленія національности и проповѣдуютъ большое равнодушіе къ вопросамъ амбиціи (point d'honneur), которые преимущественно задѣваютъ титулованный классъ и военныхъ. Тысячи бѣдныхъ людей, которые теперь убиваютъ другъ друга за дѣло на половину непонятное имъ, вовсе не питаютъ ненависти другъ къ другу: у нихъ однѣ и тѣ же общія нужды, общіе интересы. Безъ сомнѣнія, мечта была бы думать, чтобъ въ извѣстный день они столковались и протянули другъ другу руки, несмотря на своихъ вождей; но тѣмъ не менѣе можно предвидѣть не одинъ поводъ, которымъ крайняя политика Пруссіи послужитъ торжеству ихъ идей, которыхъ они и не подозрѣваютъ. Трудно себѣ представить, чтобъ остервенѣніе (fureur) кучки людей, останковъ старыхъ аристократій, могло еще долго вести къ истребленію этихъ мирныхъ массъ, дошедшихъ уже до довольно сильнаго демократическаго сознанія и болѣе или менѣе проникнутыхъ экономическими (святыми для нихъ) идеями, свойство которыхъ именно заключается въ отверженіи всякаго національнаго соперничества».

Раздѣлятъ ли мнѣніе Эрн. Ренана новые представители Франціи, захотятъ ли они сообразоваться съ стремленіями и интересами народныхъ массъ, отвергающихъ милитаризмъ во всѣхъ его видахъ и послѣдствіяхъ и ищущихъ мирнаго удовлетворенія своимъ нуждамъ; рѣшится ли высшее и среднесословное общество довѣриться мирному прогрессу страны, безъ терроризаціи ея штыками и картечью, т.-е. рѣшится ли оно отказаться отъ учрежденія постоянной арміи и, такимъ образомъ, допустить, наконецъ, Францію мирно вступить на путь новой жизни, сосредоточенной на улучшеніи внутренняго благосостоянія или же... снова дастъ своему разстроенному воображенію запугать себя сказками о «Красномъ Призракѣ» и будетъ считать нужнымъ удержать страну на военномъ положеніи, и искать разрѣшенія внутреннихъ запутанностей во внѣшнихъ отвлеченіяхъ, и въ концѣ концовъ снова отдать свое спокойствіе, свою собственность и порядокъ на попеченіе какому-нибудь «подрядчику общественнаго спасенія»?... Всѣ эти вопросы разрѣшитъ близкое будущее, которое предъявитъ Европѣ или миролюбивую, сво-

Digitized by Google

бодную отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ и бредовъ о національномъ величіи республику, или же полную жажды мщенія за позоръ, полную стремленій къ возстановленію національнаго величія военную диктатуру. Въ послѣднемъ случаѣ, Европѣ предстоитъ много кровопролитія, много катастрофъ, вызванныхъ соціальнымъ и національнымъ антагонизмомъ современныхъ обществъ.

IX.

Отъ парламентской оппозиціи при второй имперіи перейдемъ къ французской прессѣ. И здѣсь мы увидимъ такое же колоссальное недоумѣніе, закрывавшее отъ глазъ Франціи ея истинные интересы внутренняго мира и свободы.

Мы не будемъ говорить при этомъ объ Эмилѣ Жирарденѣ, съ его «La guerre fatale», о кучѣ брошюръ въ родѣ: «Les Français sur le Rhin», «La première aux Prussiens», «Le Rhin c'est la Paix», «La Prusse et le Rhin»; мы не станемъ говорить о цѣломъ сонмѣ газетъ патріотическихъ, либеральныхъ, будто-революціонныхъ и республиканскихъ, о толстыхъ журналахъ, даже такихъ, какъ почтенный «Revue des Deux Mondes» (см. его Хронику 15-го августа); но увы! даже такія увѣнчанныя академіею произведенія, какъ названное уже нами: «О границахъ Франціи» Т. Лавале, выдерживающее пять изданій, гласятъ: «Франція *несомнѣнно* пріобрѣтетъ всѣ свои естественныя (?) границы, предначертанныя(!) рукою Бога, тѣ границы, коими она владѣла въ своемъ кельтическомъ и римскомъ прошломъ, тѣ, кои она пріобрѣла въ своемъ возрожденіи 89-го года (вѣрнѣе: въ своемъ паденіи 18-го брюмера); надо, чтобъ она заключала въ своей территоріи поле битвы Тольбіака и гробъ Карла Великаго.... *естественныя границы Франціи составляютъ основную необходимость новыхъ временъ:* онѣ залогъ мира для всего свѣта... И какіе успѣхи совершила Франція въ послѣднія 50 лѣтъ: наше сосѣдство съ Шельдою и Альпами преобразовано, Ницца и Савойя завоеваны снова, коалиція разбита, Франція снова возведена въ свой *рангъ!*»

Революціонерствующіе авторы вторятъ общему хору, и восклицаютъ: «Послѣдствія войны (1866 г.), въ которой мы не принимали прямого участія, гораздо тяжелѣе для насъ, чѣмъ всѣ войны, предпринятыя императоромъ.... Франція держала судьбы Европы въ своихъ рукахъ во время Садовы; ея войску слѣдовало сдѣлать *только* военную демонстрацію на Рейнъ; вина им-

Digitized by Google

періи въ *бездѣйствіи* (какъ будто въ этомъ вина имперіи?!) при совершеніи *самаго великаго событія* новѣйшей исторіи: торжества Пруссіи надъ *нѣмецкими державами*». (La Révolution par le suffrage universel, par Alph. Lecamp. 1869).

Выходъ въ русскомъ переводѣ одного сочиненія, имѣющаго отношеніе къ современнымъ событіямъ, заставляетъ насъ упомянуть и о немъ. Мы говоримъ о книгѣ Шербюлье, которую выдаютъ у насъ за какой-то авторитетъ. Имя Шербюлье извѣстно, какъ довольно изящнаго беллетриста, нѣсколько романовъ его, какъ «Le roman d'une honnête femme», написаны не дурно; но въ политикѣ Шербюлье еще никогда не подвизался, и мы полагаемъ, что его первый дебютъ болѣе, чѣмъ неудаченъ. Напрасно увлекаться тѣмъ, что авторъ швейцарецъ и потому можетъ быть безпристрастенъ; швейцарецъ швейцарцу рознь; въ данномъ случаѣ, Шербюлье получилъ отъ самой императрицы право *натурализаціи* во французской литературѣ: онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ кавалеровъ Почетнаго Легіона, *преподнесеннаго* ему императрицей *послѣ* выхода его книги. Вся книга Шербюлье написана для того, чтобъ доказать существованіе вражды между Сѣверомъ и Югомъ Германіи, вражды, на которую именно и разсчитывалъ Наполеонъ III, сбираясь въ Берлинъ, и вмѣстѣ на несостоятельность сѣверной конфедераціи и на невозможность со стороны южной Германіи слиться съ Сѣверомъ, хотя въ одномъ мѣстѣ самъ Шербюлье долженъ былъ признаться, что вся Германія возстанетъ, если Франція вздумаетъ идти на Рейнъ.

Шербюлье, повидимому, имѣлъ претензію изобразить политическія убѣжденія и общественные нравы Германіи, но вмѣсто серьезнаго изображенія Германіи, онъ ограничился выставленіемъ на видъ различныхъ парламентскихъ препираній, различныхъ своихъ личныхъ бесѣдованій съ какими-то государственными людьми, — и вмѣсто вѣрной картины вышелъ какой-то пасквиль, писанный, вѣроятно, въ угоду Наполеону III. Съ отсутствіемъ серьезнаго знанія Германіи, Шербюлье блещетъ отсутствіемъ здраваго пониманія о парламентаризмѣ и отличается наивными соображеніями о высшихъ добродѣтеляхъ; такъ, напр., выходитъ, что «исторіей много простится баварскому королю-диллетанту за то, что онъ предпочиталъ фрески народамъ и оттягивалъ деньги военнаго бюджета на художественное украшеніе своего города» (стр. 290). Такъ, Шербюлье провозглашаетъ Европѣ, что Наполеонъ совершилъ «мирную революцію (министерство Олливье) и тѣмъ *долженъ былъ разсѣять недовѣріе Германіи къ Франціи:* Европа убѣждена, что парламентскія учреж-

Digitized by Google

денія суть залогъ мира и предотвращаютъ отъ политики приключеній, сюрпризовъ и coups de main» (стр. 289). Европа дѣйствительно убѣдилась! «Возвративъ Франціи *парламентскій режимъ*, императоръ знаетъ, что онъ лишилъ себя права и возможности вести войну изъ-за фантазіи или отмщенія; для него нѣтъ болѣе иной возможности войны, какъ только войны вполнѣ основательной или охранительной (une guerre de raison ou de conservation), потому что, *какова бы ни была его любовь къ миру* (?!), но, если только Франція почувствуетъ себя задѣтою въ своей безопасности или въ своей чести какою-либо неосторожною провокаціей или какимъ-нибудь хитростнымъ и насильственнымъ предпріятіемъ противъ какого-либо изъ тѣхъ мелкихъ государствъ, кои составляютъ самую вѣрную гарантію ея вліянія въ мірѣ,—*тогда онъ въ состояніи будетъ сдѣлать все, что онъ захочетъ, сзади него будетъ вся страна*... Императоръ Наполеонъ обладаетъ слишкомъ серьезнымъ, слишкомъ обдуманнымъ умомъ, чтобъ не отдавать себѣ отчета въ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ (стр. 63 и 65). Самая французская дипломатія ведетъ себя всегда «настолько *мудро*», что избѣгаетъ всякихъ поводовъ къ обезпокоенію южной Германіи, которымъ могла бы воспользоваться Пруссія. Конечно, Франція не можетъ отказаться отъ своего занятія дѣлами Германіи: она, конечно, заявляетъ свое присутствіе въ Мюнхенѣ, но она мѣшаетъ только тѣмъ, которые хотятъ отъ нея скрывать что-либо; она (т.-е. Франція, во образѣ дипломатіи Наполеона) скромна, сдержанна, хотя внимательна, и она *добросовѣстно* принимаетъ совершившіеся факты и ихъ послѣдствія» (стр. 288).

Вмѣстѣ съ французскимъ правительствомъ заслуживаетъ подобный же панегирикъ и Австрія «за свой либерализмъ, за свое преобразованіе», которое даетъ поводъ къ нелестнымъ для Берлина сравненіямъ.

Но Шербюлье не справился съ мнѣніемъ объ австрійскомъ либерализмѣ у рабочихъ Вѣны и Граца, или у чеховъ!

Въ концѣ концовъ, все обстояло бы благополучно, *еслибъ* не Пруссія, на которой лежитъ отвѣтственность предъ Европой за спокойствіе; въ ея рукахъ миръ и война и будущее Европы (да, теперь это правда, по дѣло идетъ о началѣ войны). И вотъ, за эту роль Пруссіи жестоко достается отъ Шербюлье: «Франція не была готова въ 1866 году и ей дозволено сожалѣть объ этомъ».... а Бисмаркъ безъ жалости рѣшился воспользоваться ея неготовностью и изготовилъ свою Сѣверную конфедерацію. Въ своей наглости, Бисмаркъ забылъ, что Пруссія не могла быть великою державою: «прусскій роялизмъ пріучалъ страну къ труду

Digitized by Google

и дисциплинѣ, но этого не достаточно, чтобъ *создать народъ*. Народъ создается общественнымъ духомъ, а общественный духъ убивается чрезмѣрною властью правительства. Нація, которая никогда не призывается къ выраженію своей воли, не можетъ имѣть патріотическаго сердца» (стр. 114). Это авторъ говоритъ въ упрекъ Пруссіи, вмѣсто того, чтобъ обратить свои слова къ Наполеону III..... «Пруссія *слаба*, она чувствуетъ свое одиночество, ей надо союзниковъ, а гдѣ найдетъ она ихъ? Можетъ ли она разсчитывать на Россію, когда она намѣрена превратить Балтійское море въ Прусское озеро (?), и что̀ она предложитъ Россіи такого, что̀ не разсердило бы Англію». Объ Австріи тоже нельзя думать, и даже *нечего* разсчитывать на южныя государства Германіи, ибо южные нѣмцы потребуютъ *прежде всего* серьезныхъ гарантій своей самостоятельности отъ Сѣверной конфедераціи... Пруссія, конечно, «должна бояться войны, потому что она можетъ поплатиться своими свѣжими пріобрѣтеніями». Да и внутри страны у Пруссіи слишкомъ много дѣла: «надо вести разговоръ съ парламентомъ, лечить больные финансы, пополнить дефицитъ, справлять политическіе процессы, хватать журналы»... (стр. 65—71). Это пишетъ Шербюлье о Пруссіи, восхищаясь наполеоновской Франціей!

Все та же злополучная Пруссія попираетъ ногами парламентъ (во Франціи было лучше: парламентъ самъ ползалъ у ногъ Наполеона!), изобрѣтаетъ никуда негодную конфедерацію, на развалинахъ достойной всѣхъ симпатій Шербюлье старой франкфуртской конфедераціи и тащитъ въ нее южную Германію, которая никогда не присоединится къ ней, ибо она пропитана демократизмомъ и истиннымъ парламентаризмомъ.

Но тутъ же самъ Шербюлье показываетъ, каковъ парламентаризмъ, вызывающій его восхищеніе: южная Германія стоитъ за свои коммунальныя учрежденія, за свое представительство, въ южной Германіи *демократія* составляетъ великую силу; но... эти весьма существенныя (très effectifs) права парламента стѣснены прерогативами короны, а съ другой стороны, эти прерогативы встрѣчаютъ противовѣсъ въ весьма бдительномъ общественномъ мнѣніи (стр. 298); *но* «въ этихъ странахъ принятъ принципъ, по которому выборъ министровъ остается прерогативою короны», и вообще «въ южной Германіи, гдѣ династическое чувство сохранило что-то патріархальное, роялизмъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ къ жертвамъ и воздержаніямъ, которыя онъ налагаетъ на себя въ Бельгіи и Англіи (295)».... Было бы длинно выписывать здѣсь очеркъ Баваріи, какъ ее рисуетъ Шер-

Digitized by Google

бюлье съ ея ультрамонтанизмомъ и патріархальностью стр. 312 и слѣд.).

И все это сказано для того, чтобъ придти къ заключенію, что свободолюбивая южная Германія не захочетъ пожертвовать своими драгоцѣнными учрежденіями въ угоду Пруссіи, которая остается виновна за свои завоеванія 66-го года, за образованіе Сѣверной конфедераціи, «за постоянную угрозу европейскому миру, ибо она не хочетъ дать удовлетворенія Франціи».... Съ точки зрѣнія женевскаго республиканца Шербюлье, Пруссія—которую онъ двадцать разъ въ своей книгѣ попрекаетъ за теократическій принципъ ея роялизма, Пруссія вдругъ становится виновна за то, что «ея король божественнаго права, обращаясь къ *якобинскому* принципу de la raison d'Etat и общественнаго блага, разбилъ безъ упрековъ совѣсти три законныя короны. Подумалъ ли объ этомъ король *Гильомъ*? Неужели онъ не побоялся нанести ударъ тому культу законности, который служитъ главнымъ оплотомъ Германіи противъ завоеваній? Какой примѣръ онъ подалъ? Пруссія была правительствомъ, основаннымъ на уваженіи къ коронѣ, но уваженіе сохраняютъ только до тѣхъ поръ, пока сами остаются вѣрны своему началу и уважаютъ его въ другихъ. Эти разбитыя короны ставятъ другія короны въ опасность... Въ нѣмецкихъ сердцахъ уваженіе стало падать: Германія увидѣла то, чего она никогда не думала увидѣть (кромѣ 49-го года, конечно?), что-то странное и мало *привлекательное:* божественное право, ставшее революціоннымъ, и революцію безъ свободы (стр. 389). За все сіе и прочее «нельзя требовать отъ Франціи, чтобъ она уважала стремленія Пруссіи... Съ этихъ поръ, въ Европѣ существуетъ *союзъ необходимый* и постоянный, и этотъ союзъ направленъ противъ честолюбія Пруссіи, этотъ союзъ составляетъ Франція и Австрія (стр. 55)...»

Вотъ что заслужила Германія, съ одобренія самого Шербюлье, который не можетъ въ началѣ и концѣ книги не попрекнуть ее за неблагодарность: «Что бы ни говорила Германія, она многому научилась у *Наполеона I-го;* она прошла, у этого страшнаго учителя, *элементарный курсъ демократіи и новаго гражданскаго права.* Позже, и болѣе чѣмъ въ продолженіи 30-ти лѣтъ, она была школьницею французской трибуны. Отъ Франціи научилась она тому, что она еще знаетъ *только наполовину*: *равенство передъ закономъ*, представительное правленіе, контроль палатъ, публичность государственныхъ счетовъ (?), верховность общественнаго мнѣнія» (стр. 3)...

Что это? намъ какъ будто опять послышались призывы къ-

Digitized by Google

великимъ принципамъ Франціи къ ея миссіонерской роли, къ ея вооруженной пропагандѣ въ лицѣ Наполеона I-го?....

Увы!... въ сущности Шербюлье оказывается такимъ же шовинистомъ, какъ и большая часть писателей бонапартистской прессы, только вліяніе произведеній, подобныхъ книгѣ Шербюлье, гораздо вреднѣе, чѣмъ вліяніе всѣхъ маленькихъ брошюръ и газетныхъ литературныхъ походовъ на Рейнъ, противъ владычества Пруссіи. Своимъ легкимъ языкомъ и поверхностнымъ ознакомленіемъ съ Германіей, своимъ апломбомъ, онъ можетъ увлечь читателя и заставить его принять ложный взглядъ за вѣрный. Если бы мы захотѣли искать у французовъ истинныхъ свѣдѣній о Германіи, то въ этомъ отношеніи гораздо выше стоитъ книга Эмиля Лавелэ: *Пруссія и Австрія со времени Садовы.* Въ этомъ сочиненіи обнаруженъ несравненно болѣе серьезный взглядъ и несравненно большее положительное знаніе германскихъ отношеній, точно также, какъ и матеріальнаго положенія народа, о которомъ у Шербюлье нѣтъ ни слова *).

Сочиненіе Лавелэ даетъ намъ случай напомнить, что, конечно, была серьезная доля прессы во Франціи, которая возвышала свой голосъ, несмотря ни на какія гоненія; была пресса, которая понимала вопросы и умѣла относиться къ нимъ, почти предсказывая то, что́ случилось. Ее душили и ее не слушали, ее считали выраженіемъ незначительнаго меньшинства, и это было справедливо, но это меньшинство оказалось правымъ. Исторія взялась за него дать урокъ и французскому правительству и французскому обществу, и доказать, что было бы гораздо полезнѣе оставлять всѣмъ, а въ томъ числѣ и передовому меньшинству, выражать свободно свое мнѣніе и прислушиваться къ нему: можетъ быть, въ немъ, въ этомъ осмѣянномъ, гонимомъ и казненномъ мнѣніи меньшинства, общество услышало бы голосъ истинныхъ требованій страны и, преклоняясь предъ этимъ голосомъ, избавилось бы отъ такой страшной катастрофы. Но одержала верхъ «благонамѣренная» пресса, считавшая себя исключительно патріотическою и исключительно либеральною, между тѣмъ, какъ ея либерализмъ напоминалъ собою извѣстнаго либерала временъ Лудовика-Филиппа. При Лудовикѣ-Филиппѣ, въ одномъ ресторанѣ, гдѣ собирались офицеры африканской арміи, засѣдалъ постоянно какой-то старый воинъ имперіи, снова вступившій на службу послѣ революціи 1830 года. За обѣдомъ

*) На дняхъ вышелъ русскій переводъ книги Лавелэ подъ заглавіемъ: «Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ». Спб. 1870. Ниже, въ Иностранномъ Обозрѣніи, мы указываемъ, въ чемъ именно состоитъ основная точка автора на современную исторію Германіи. — *Ред.*

Digitized by Google

онъ все надоѣдалъ молодымъ товарищамъ по оружію своею злой критикой орлеанскаго правительства; однажды одинъ изъ нихъ не выдержалъ и прервалъ его: «Да чтожъ вы все кричите про себя, что вы либералъ; да знаете ли вы что такое свобода?» — «Какъ, возразилъ совершенно спокойно старый трубадуръ, какъ? вы можете сомнѣваться въ моемъ либерализмѣ?... Да я пятнадцать лѣтъ служилъ въ мамелюкахъ!»

«Самое грустное, прибавляетъ М. Дюфресъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ анекдотъ, то, что наши періодическіе воспѣватели мірового величія нашихъ орловъ не сознаютъ, что они забываютъ свободу, что они даже забываютъ и говорить о ней. Эти ветераны журнализма, подъ дисциплиной и въ галунахъ второй имперіи, какъ и мой старый армейскій служака, полагаютъ, что они защищаютъ свободу. А поразспросите ихъ: никто изъ нихъ и не сомнѣвается въ своемъ либерализмѣ: «они уже 15 лѣтъ служатъ въ мамелюкахъ!»

И мамелюки литературы пѣли и прославляли великіе принципы революціи, воплощенные въ Наполеонѣ III-мъ; они ратовали за величіе Франціи, за торжество великихъ принциповъ во всей Европѣ и прежде всего въ «феодальной Германіи»; они рукоплескали мудрому правленію Наполеона и они заиграли во всѣ бубны, запѣли марсельезу и заплясали карманьолу, толкая французскій народъ на поле битвы и заранѣе воспѣвая бранный союзъ великой династіи и великаго народа! И они пѣли и плясали, не слыша рыданій сиротѣвшихъ и проклятій падавшихъ, не чувствуя, что они пляшутъ на трупахъ и что они ведутъ народъ не на великое дѣло, а на бой гладіаторовъ, въ которомъ неповинныя жертвы, вмѣсто всѣхъ гимновъ, могли только пѣть гладіаторскій гимнъ: Ave Caesar, morituri te salutant [1]).

Предоставляемъ послѣ этого читателю рѣшить, насколько было смысла въ завѣреніяхъ второй имперіи, что Франція всегда ведетъ «цивилизаторскія» войны. Какъ ловушка, такія слова могли имѣть цѣль; но въ сущности война никогда и нигдѣ не была рычагомъ цивилизаціи.

И. Н.

---

[1]) Радуйся, цезарь! тебя привѣтствуютъ идущіе на смерть!

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ*)

I.

Осенью 1830 года Бёрне мчался въ Парижъ. Спустя шесть недѣль послѣ взрыва іюльской революціи, онъ переѣзжалъ французскую границу, и сердце его замирало отъ радости. Какія сладкія мечты убаюкивали раздраженный умъ Бёрне, какія упоительныя надежды возлагалъ онъ на быстро совершившійся переворотъ. Развѣвавшееся трехцвѣтное знамя приводило его въ такой восторгъ, какъ будто бы цвѣта бѣлый, красный и синій были самымъ прочнымъ ручательствомъ осуществленія на землѣ трехъ началъ: свободы, равенства и братства. Странное чувство овладѣло имъ, когда онъ вдохнулъ въ себя первую струю свободнаго воздуха: «любовь и ненависть, радость и скорбь, надежда и боязнь» стѣснили его грудь, когда взглядъ его остановился на этомъ трехцвѣтномъ знамени, лохмотья котораго и теперь прикрываютъ еще Францію. Любовь, радость, надежда принадлежали французскому народу, ненависть питалъ онъ къ нѣмецкимъ правительствамъ, скорбь вызывалась въ немъ угнетеннымъ положеніемъ нѣмецкаго люда; боязнь, что Германія долго

*) См. выше: мартъ, 388; апр., 729; май, 268; іюль, 278 стр.

Digitized by Google

еще не освѣтится свѣтлымъ лучемъ политической свободы, вносила грустные аккорды въ его радостное настроеніе. Парижъ разогналъ его печальныя думы: въ первые дни Бёрне не испытывалъ ничего, кромѣ восторга и какого-то опьянѣнія торжествовавшей революціи. Съ любовью смотрѣлъ онъ на знакомыя ему улицы, площади, бульвары, «гдѣ такъ любила играть его фантазія», съ любовью останавливался онъ на «новыхъ поляхъ сраженія», и удивленію его не было предѣловъ, когда онъ увидѣлъ, что Парижъ вовсе не похожъ на «морской берегъ послѣ бури», что онъ не представляетъ собою тяжелаго зрѣлища груды развалинъ, и что только изрѣдка гдѣ видны вырванныя деревья и разбросанныя мостовыя. Преклоненіе его передъ Парижемъ въ эти первые дни, послѣ сверженія Карла X, доходило до того, что, говоря объ улицахъ этого всесвѣтнаго города, онъ произносилъ: «только босымъ слѣдуетъ ходить по этимъ святымъ мостовымъ».

Бёрне смотрѣлъ въ первые дни на парижскій народъ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы эти самые люди, которые какихъ-нибудь шесть недѣль назадъ «низложили тысячелѣтняго короля и въ его лицѣ побѣдили милліоны своихъ враговъ», чтобы эти самые люди теперь такъ спокойно, такъ скромно и мирно пользовались своею побѣдою. Въ головѣ Бёрне невольно возникало сравненіе между торжествомъ народа и торжествомъ его правителей, и его поражала параллель, которую онъ проводилъ между личностью одного и жестокостью другихъ. Народъ побѣдилъ своего врага силою своего энтузіазма, силою своей энергіи и воли, но онъ не захотѣлъ ему мстить, не захотѣлъ вымѣщать на немъ своей злобы, онъ бросилъ его на землю и отпустилъ ему всѣ его прегрѣшенія, простилъ ему всѣ претерпѣнныя народомъ бѣдствія. Такъ ли бы поступило правительство? нѣтъ, если бы оно одолѣло народъ въ іюльскіе дни, тогда горе народу, тогда не было бы конца мщенію и жестокостямъ, тысячи семействъ покрылись бы трауромъ, жены оплакивали бы мужей, матери своихъ сыновей. Сотни и тысячи томились бы въ казематахъ. И это не одни слова. Въ исторіи Бёрне находитъ много примѣровъ великодушія народа надъ сверженными правительствами, и ни одного, который доказывалъ бы великодушіе правителей послѣ побѣды надъ народомъ. Бёрне смотрѣлъ на спокойное торжество народа и возмущался только низостью тѣхъ льстецовъ сильныхъ міра, которые «изображаютъ народъ въ видѣ тигра, а правителей въ видѣ ягнятъ». Истиннымъ ягненкомъ оказался французскій народъ, и у Бёрне шевелится мысль, что, благодаря этому излишнему великодушію, онъ снова попалъ въ разставленныя сѣти роялизма.

Digitized by Google

Послѣ первыхъ дней необузданнаго восторга передъ совершенною революціею, для Бёрне наступила пора анализа всего, что̀ совершалось на его глазахъ, и этотъ анализъ послѣдовавшихъ за революціею событій возвратилъ ему скоро всю его прежнюю страсть «недовольства», всю его ѣдкую иронію, весь неисчерпаемый запасъ его благородной злобы и честнаго негодованія. Даже, можно смѣло сказать, эта иронія, эта злоба получили еще болѣе сумрачный характеръ, и оно довольно понятно: чѣмъ больше возлагалъ онъ надеждъ, чѣмъ больше питалъ онъ иллюзій относительно іюльской революціи, чѣмъ болѣе мечталъ онъ о томъ, что, если не для всей Европы, то по крайней мѣрѣ для Франціи наступитъ теперь золотой вѣкъ свободы, и лучи ея, падая на его родину, отчасти согрѣютъ и холодную Германію, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе, тѣмъ труднѣе было привыкать къ мысли, что іюльская революція была вовсе не развязкою, а только однимъ изъ актовъ той поразительной драмы, блестящимъ прологомъ которой былъ 89-й годъ. Какъ ни тяжело было это разочарованіе, тѣмъ не менѣе Бёрне рѣшился остаться во Франціи и поселиться въ Парижѣ; дѣйствительно, по сравненіи съ Германіею, Франція въ то время представлялась ему все-таки земнымъ раемъ, хотя цвѣты этого рая были и не безъ шиповъ. Здѣсь ему и прежде, до іюльской революціи, вольнѣе дышалось, чѣмъ въ находившейся подъ палкою Германіи, теперь же и подавно; и если онъ подчасъ испытывалъ бо̀льшую, чѣмъ прежде, горечь при видѣ обманутаго народа, то только потому, что онъ видѣлъ собственными глазами, какой большой задатокъ далъ этотъ народъ свободѣ во время іюльскихъ дней. Возвратиться ему теперь въ Германію послѣ того, что всѣ нѣмецкія правительства, напуганныя французскими дѣлами, усиливали свою полицейскую бдительность и свою солдатскую строгость, казалось просто немыслимымъ. Быть полезнымъ для Германіи, живя въ Германіи, Бёрне сознавалъ, было чрезвычайно мудрено; для него было ясно, что, живя въ Парижѣ, и безпрепятственно и вмѣстѣ безопасно продолжая здѣсь свою публицистическую дѣятельность, онъ принесетъ своей родинѣ несравненно болѣе пользы, чѣмъ оставаясь въ Германіи и издавая тамъ какую-нибудь газету или журнальчикъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что правительство не только безъ всякаго суда запретитъ мало-мальски независимый органъ, но схватитъ самого редактора и будетъ держать его въ своихъ безцеремонныхъ рукахъ. Оставаясь въ Парижѣ, Бёрне могъ отсюда, какъ изъ прекрасной обсерваторіи, слѣдить не только за тѣмъ, что̀ дѣлается въ Германіи, но и за всѣмъ, что̀ творится въ Европѣ;

Digitized by Google

отсюда могъ онъ ударять въ набатъ, какъ только гдѣ-нибудь совершалась какая-нибудь выходящая изъ ряда несправедливость; отсюда, рядомъ съ замѣчательнымъ изображеніемъ французскихъ событій, громилъ онъ свою родину, и громъ этотъ приводилъ въ судороги нѣмецкія правительства.

Бёрне не писалъ теперь отдѣльныхъ статей, ему показалась болѣе удобною для его литературной дѣятельности другая форма, форма дневника, въ которомъ онъ набрасывалъ всѣ свои мысли по поводу того или другого событія, и этому дневнику онъ придалъ видъ писемъ, которыя онъ адресовалъ къ г-жѣ Воль. Письма эти Бёрне сталъ писать съ перваго дня своего пріѣзда во Францію и писалъ ихъ почти безъ перерывовъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, съ сентября 1830 г. по мартъ 1833 года. Составляя по количеству значительную часть его сочиненій, письма эти наполняютъ собою пять томовъ изъ двѣнадцати; они и по качеству своему должны быть отнесены къ тому, что есть лучшаго въ произведеніяхъ Бёрне, къ тому, что главнымъ образомъ упрочило за нимъ славу перваго политическаго писателя Германіи. Кто не знакомъ съ знаменитыми «Парижскими Письмами» Бёрне, тотъ не знаетъ еще всей силы, которая кроется въ этомъ лучшемъ изъ нѣмецкихъ публицистовъ. Вотъ почему мы неизбѣжно должны остановиться теперь на «Парижскихъ Письмахъ» и познакомить съ ними нашихъ читателей, сколько бы затрудненій ни представило изложеніе главнаго содержанія этихъ писемъ.

Писанныя въ продолженіи трехъ почти лѣтъ, посвященныя всему, что̀ приходило на умъ Бёрне, всему, чѣмъ онъ сколько-нибудь былъ пораженъ и что̀ хотя нѣсколько выдавалось среди будничной жизни, и главное, не одного Парижа, не одной Франціи, а вмѣстѣ и Германіи, да и всей остальной Европы, —письма эти неизбѣжнымъ образомъ лишены всякой системы, и представляютъ собою великолѣпнѣйшій калейдоскопъ, въ которомъ переплетены, смѣшаны всевозможныя разсужденія о безчисленныхъ явленіяхъ общественной и политической жизни Европы. Люди, событія, нравы, литература, театръ,—обо всемъ говоритъ Бёрне въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ», говоритъ какъ бы мимоходомъ, бросаясь отъ одного предмета къ другому, отъ французовъ къ нѣмцамъ, отъ нѣмцовъ къ итальянцамъ, полякамъ, одному предмету удѣляя нѣсколько строкъ, другому нѣсколько страницъ, затѣмъ, поговоривши о какомъ-нибудь явленіи, по прошествіи нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ мѣсяцовъ, снова къ нему возвращается, и такъ безъ конца. Нѣтъ никакой возможности, при подобной разбросанности, слѣдовать за Бёрне

Digitized by Google

шагъ за шагомъ по тому извилистому пути, который такъ нравился Бёрне и такъ отвѣчалъ свойству его таланта. Поневолѣ, чтобы имѣть возможность говорить о «Парижскихъ Письмахъ», нужно самому уже избрать какую-нибудь систему и стараться установить связь между разнородными письмами Бёрне. Конечно, при установленіи этой связи значительную помощь оказываетъ самъ Бёрне, или вѣрнѣе сами «Парижскія Письма», которыя всѣ, отъ перваго и до послѣдняго, пропитаны однимъ общимъ духомъ. Нитью, связующею эти письма, является та политическая закваска, которая слышится вездѣ, о чемъ бы ни говорилъ Бёрне, говорилъ ли онъ о какой нибудь книгѣ, пьесѣ, или о какомъ-нибудь писателѣ, поэтѣ.

Приводя сколько-нибудь въ систему «Парижскія Письма», мы должны прежде всего спросить себя, что́ же, несмотря на все ихъ разнообразіе, составляетъ главное содержаніе этихъ писемъ? Благодаря политической закваскѣ, окрашивающей всѣ письма, отвѣтъ на этотъ вопросъ становится не такъ труденъ. Главное содержаніе «Парижскихъ Писемъ» составляетъ изображеніе политическаго состоянія того общества, среди котораго жилъ Бёрне. Судя по тому, что письма Бёрне называются «Парижскими Письмами», можно было бы заключить, что Бёрне исключительно останавливается на изображеніи политическаго состоянія французскаго общества, но такое заключеніе было бы невѣрно, хотя оно и дало современникамъ Бёрне поводъ упрекать его, что онъ гораздо болѣе занимается Франціею, нежели Германіею, а слѣдовательно и болѣе любитъ первую, нежели вторую, что онъ бросилъ Германію и всѣ интересы свои сосредоточилъ на одной Франціи. Не нужно быть особенно близко знакомымъ съ «Парижскими Письмами», чтобы сказать, что подобный упрекъ какъ нельзя болѣе неосновательенъ. Бёрне, который смолоду такъ сильно страдалъ своею родиною, не могъ ее забыть и переселившись въ другую страну, въ другое общество; передъ его глазами всегда носился образъ Германіи и нѣмецкаго общества, и о чемъ бы онъ ни говорилъ—этотъ образъ всегда стоялъ передъ нимъ. Бёрне живетъ во Франціи, но въ то же время онъ не отводитъ глазъ отъ Германіи, онъ говоритъ о французскомъ обществѣ, думая о нѣмецкомъ; наконецъ, говоря о французскихъ событіяхъ, онъ никогда не забываетъ извлечь изъ нихъ поучительный примѣръ для Германіи. Такимъ образомъ, изображеніе политическаго состоянія Франціи и Германіи, картина французскаго и нѣмецкаго общества, характеры двухъ націй—вотъ что составляетъ главное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», которыя

Digitized by Google

черпаютъ, впрочемъ, для себя матеріалъ, хотя и не часто, въ жизни другихъ европейскихъ націй.

Соединить въ одно цѣлое всѣ тѣ разбросанные штрихи, которые попадаются въ пяти томахъ «Парижскихъ Писемъ», штрихи, исключительно относящіеся къ Франціи или Германіи, значило бы составить ясную картину политическаго состоянія этихъ двухъ странъ во второй четверти нашего столѣтія. Но интересъ писемъ Бёрне не исключительно историческій; нѣтъ, отрывочно говоря о французской и нѣмецкой націи въ данную минуту, Бёрне, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникаетъ глубоко въ самый корень двухъ народовъ и дѣлаетъ вообще блистательную характеристику французскаго и нѣмецкаго общества. Вотъ почему, сколько бы ни прошло еще времени, нисколько не ослабнетъ культурный интересъ этихъ писемъ, онѣ будутъ все-таки сохранять значеніе не только по тому блеску и остроумію, съ которымъ онѣ написаны, но главнымъ образомъ потому, что тутъ такъ мѣтко уловлены такія черты національнаго характера французовъ и нѣмцевъ, которыя не могутъ устарѣть, не могутъ потерять интереса до тѣхъ поръ, пока Германія и Франція не сойдутъ съ исторической сцены. Начнемъ съ Германіи и посмотримъ, что за картина политическаго состоянія нѣмецкаго общества выходитъ изъ-подъ пера Бёрне, помня при этомъ, что Бёрне страстно любилъ Германію, и любилъ тою здоровою и сильною любовію, которая на общественные пороки не позволяетъ смотрѣть сквозь пальцы. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ свою родину, чѣмъ больше желаетъ онъ ей добра, тѣмъ сильнѣе бичуетъ онъ зло, коренящееся въ обществѣ, хотя бичеваніе это и больно рѣжетъ ему сердце. Только ограниченность ума или крайняя недобросовѣстность можетъ видѣть въ этомъ бичеваніи общественныхъ пороковъ ненависть къ собственной родинѣ, какъ видѣли ее многіе изъ современниковъ Бёрне въ его суровомъ отношеніи къ Германіи. Эти современники, указывая на отношеніе Бёрне къ Франціи и Германіи, кричали: смотрите, онъ продалъ свою родину, промѣнялъ Германію на Францію,—не понимая при этомъ, или умышленно забывая, что Франція дѣйствительно представляла собою, въ политическомъ отношеніи, болѣе развитой организмъ, и помимо того, что Бёрне былъ не французъ, а нѣмецъ, что онъ менѣе любилъ Францію, чѣмъ Германію, а въ силу этого и болѣе снисходительно относился къ недостаткамъ французскаго народа. Къ чести Германіи, впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что далеко не всѣ ея сыны такимъ образомъ относились къ рѣзкимъ нападкамъ Бёрне; общество инстинктивно понимало, что эта наруж-

Digitized by Google

ная ненависть къ Германіи вытекаетъ изъ чистаго источника: изъ глубокой любви къ своей родинѣ, а потому образованное большинство, несмотря на крики литературныхъ доносчиковъ въ видѣ Менцеля, Ярке и другихъ, отнеслось какъ нельзя болѣе сочувственно къ «Парижскимъ Письмамъ», сознавая правдивость той картины политическаго состоянія Германіи, которую, хотя и отрывочно, представилъ Бёрне въ своихъ «Письмахъ».

II.

Больше всего убивало Бёрне, и чаще всего онъ возвращался въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ характеру нѣмцевъ, взятыхъ въ совокупности. Онъ не видѣлъ въ нѣмецкомъ народѣ даже задатковъ политическаго развитія, а потому всѣ свои силы напрягалъ, чтобы показать нѣмцамъ въ своихъ «Письмахъ», какъ въ зеркалѣ, ихъ собственный портретъ. Необыкновенная флегма, какое-то недостойное равнодушіе къ политической свободѣ и способность «философски» переносить давленіе самаго безпардоннаго произвола — вотъ что выводило изъ себя автора «Парижскихъ Писемъ». Когда онъ съ горечью спрашивалъ себя: «отчего происходитъ этотъ лакейскій характеръ нѣмцевъ?»—его приводила въ смущеніе одна мысль, которая невольно являлась въ его головѣ. Нѣмцы образованы, это признается всѣми, они грамотны, умѣютъ бойко читать и писать, и не смотря на это они не могутъ разстаться съ своимъ лакейскимъ характеромъ. Когда нація неразвита, необразована, когда нація невѣжественна, когда на тысячи человѣкъ едва есть нѣсколько, которые умѣютъ читать, тогда какой угодно деспотизмъ находитъ себѣ самое полное объясненіе. Невѣжество есть тѣ же цѣпи, и какъ эти держатъ въ подчиненіи преступниковъ, такъ невѣжество держитъ въ повиновеніи цѣлый народъ. Пока народъ невѣжественъ, нельзя еще отчаяваться, когда видишь его въ рабствѣ; какъ только полоса свѣта просвѣщенія проникнетъ въ народную массу, можно надѣяться, если народъ только способенъ къ свободѣ, что онъ сорветъ съ себя цѣпи, и освободитъ свои руки, съ которыми и расправится со всѣми удерживавшими его въ мракѣ. Но нѣмцы, нѣмцы! не разъ восклицаетъ Бёрне, развѣ они не опровергаютъ всѣ теоріи: вѣдь они образованы, вѣдь они философы, что же удерживаетъ ихъ въ рабствѣ; неужели это рабство лежитъ въ національномъ характерѣ нѣмцевъ?

Впрочемъ, Бёрне даже охотно готовъ перенести рабство, рабство ему еще не кажется такъ ужаснымъ, рабство, говоритъ онъ, не унижаетъ, а дѣлаетъ несчастнымъ, унижаетъ же людей лакей-

Digitized by Google

ство, а лакейство онъ и подмѣчаетъ главнымъ образомъ въ образованныхъ сынахъ Германіи. «Я лаю, съ озлобленіемъ говоритъ Бёрне; но я серьезно желалъ бы быть собакой. Когда собаку бьетъ ея господинъ, то все-таки это высшее существо, которое господствуетъ надъ нею; человѣкъ—это богъ для собаки; ея религія—оставаться ему вѣрнымъ и покорнымъ. Но развѣ одна собака позволяетъ кусать себя другой собакѣ, безъ того, чтобы не оказывать сопротивленіе. Или видано ли было когда-нибудь, чтобы цѣлая тысяча собакъ подчинилась одной собакѣ? Человѣкъ же позволяетъ себя бичевать другому человѣку; тысячи человѣкъ терпѣливо переносятъ побои отъ одного человѣка, и при этомъ даже угодливо махаютъ хвостомъ». Напрасно только Бёрне, дѣлая это сравненіе между людьми и собаками, относитъ его исключительно къ нѣмцамъ; къ несчастью, не одни нѣмцы заражены собачьею привычкою вилять хвостомъ передъ тѣмъ, кто бьетъ ихъ, и всмотрись онъ безпристрастнѣе къ нравамъ другихъ народовъ, онъ имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что нѣмцы въ этомъ отношеніи не хуже, да и не лучше многихъ другихъ. Правда, онъ говоритъ, отчего ему такъ ненавистна именно нѣмецкая покорность — ему кажется, что нигдѣ эта покорность не переносится такъ охотно, нигдѣ она не всосалась такъ въ народную кровь, какъ въ Германіи, нигдѣ она не сдѣлалась такимъ необходимымъ аттрибутомъ существованія, какъ среди нѣмцевъ. Однажды, разсказываетъ въ своихъ «Письмахъ» Бёрне, пришелъ къ нему нѣмецъ съ предложеніемъ переселиться въ Америку, чтобы зажить тамъ свободною жизнію; онъ сдѣлалъ бы это, говоритъ онъ, весьма охотно, если бы не боялся, что тотчасъ стечется туда тысячъ сорокъ нѣмцевъ, и когда вопросъ пойдетъ о томъ, чтобы организовать государство, тотчасъ же найдется «тридцать девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять добрыхъ нѣмецкихъ душъ, которыя постановятъ выписать изъ Германіи какое-нибудь возлюбленное княжеское чадо, чтобы сдѣлать изъ него главу государства». Конечно, прибавляетъ Бёрне, все это одна шутка, но, поразсмысливъ немножко, нельзя не придти къ заключенію, что въ шуткѣ этой есть большая доля серьезнаго, большая доля правды.

Когда Бёрне сравнивалъ тиранію, которую выносили и могутъ еще выносить французы, съ тою, съ которою мирятся нѣмцы, то онъ видѣлъ громадную разницу не въ самомъ деспотизмѣ, который вездѣ болѣе или менѣе одинаковъ, но разницу въ томъ, какъ она переносится тутъ и какъ она переносится тамъ. «Французы долго терпѣливо переносятъ убійства, совершаемыя ихъ тиранами, но ихъ насмѣшку, ихъ презрѣніе, ихъ безсо-

Digitized by Google

вѣстныхъ придворныхъ, ихъ пощечины и розги, т.-е. то, что нѣмецъ переноситъ круглый годъ—они не выносятъ ни одного часа. Французы въ продолженіе столѣтій были рабами своихъ королей, но все-таки имъ не смѣли запрещать пѣть въ ихъ цѣпяхъ, они все-таки позволяли себѣ насмѣхаться надъ своими тюремщиками. Во время террора благородные и невинные люди гибли на кровавомъ эшафотѣ, но никогда Робеспьеръ не нашелъ бы такого подлаго и нечеловѣческаго суда, который приговорилъ бы аристократа на колѣняхъ передъ образомъ свободы просить пощады. При деспотизмѣ королей, какъ и при деспотизмѣ республиканцевъ въ людяхъ признавалось нѣчто такое, что̀ свято, ненарушимо, что̀ не подлежитъ отвѣтственности. Но это божественное, святое, неподлежащее оскорбленію въ человѣкѣ: его честь, его вѣрованія, его добродѣтель, именно это-то и наказывается самымъ обиднымъ и злостнымъ образомъ въ Германіи... Тутъ свободу бросаютъ въ грязь, чтобы она походила на рабство, чтобы честнаго человѣка нельзя было отличить отъ царедворца, и чтобы общая грязь покрывала страну, народъ и правительство».

Проводя подобную параллель между двумя націями, Бёрне какъ нельзя болѣе вѣрно указываетъ на характерныя черты двухъ народовъ. Въ одномъ извѣстное легкомысліе, которое заставляетъ его беззаботно распѣвать въ то время, когда онъ скованъ по рукамъ и по ногамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное чувство собственнаго достоинства и презрѣніе къ своимъ властителямъ, презрѣніе, которое выражается въ насмѣшкѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно эти властители не теряютъ всякой силы и не падаютъ въ ту пропасть, гдѣ покоится уже столько королей и князей. Другой народъ точно также скованъ по рукамъ и по ногамъ, но только цѣпи такъ сильно сдавили его, что онъ не имѣетъ духу улыбаться и распѣвать въ своей неволѣ, и его властители внушаютъ ему такой религіозный страхъ и такую почтительность, что онъ ни разу не посмѣлъ не только сбросить иго этихъ властителей, но даже сдѣлать къ тому слабую попытку. А эти властители дѣлаютъ все возможное, чтобы поддержать въ народѣ суевѣрный страхъ къ нимъ и мысль, что они дѣйствительно управляютъ по волѣ Провидѣнія. «Каждая глупость, каждый предразсудокъ народный, когда онъ служитъ къ тому, чтобы укрѣпить произволъ правителей и власть правительствъ, говорилъ Берне, думая о Германіи, почитается и покровительствуется. Въ такомъ случаѣ громко провозглашаютъ, что гласъ народа это гласъ Божій. Когда же общественное мнѣніе желаетъ добра, справедливости, надъ нимъ смѣются, а когда оно начинаетъ требовать съ нѣкоторою настойчивостью,

Digitized by Google

ему отвѣчаютъ ружейными выстрѣлами». Но если Бёрне возмущался обращеніемъ нѣмецкихъ правительствъ съ народомъ, то не менѣе возмущался онъ и обращеніемъ народа съ правительствами. Одни его топчутъ въ грязь, но за то другіе позволяютъ топтать себя; одни обманываютъ, другіе даютъ себя обманывать, и это послѣднее приводило бурнаго нѣмецкаго публициста въ совершенное негодованіе. Онъ невольно, заговаривая объ обманахъ, на которые такъ легко поддавался народъ, произносилъ свое неизмѣнное слово: «О! народъ глупъ!» но къ несчастью, хотя слово это вовсе не обличаетъ презрѣнія къ народу, какъ думали да и до сихъ поръ иногда думаютъ, а гораздо скорѣе весьма законное раздраженіе и желаніе его видѣть умнымъ, оно тѣмъ не менѣе приносило мало пользы для того дѣла, которому служилъ Бёрне, а напротивъ давало только поводъ указывать на него, какъ на недоброжелателя народа.

Ничто такъ не казнилъ Бёрне въ своихъ «Письмахъ», какъ ту легкомысленную довѣрчивость, которую онъ подмѣчалъ въ нѣмецкомъ обществѣ, въ нѣмецкомъ народѣ, и которая, по его мнѣнію, принесла уже столько вреда Германіи. Нѣмцы, привычные къ усидчивому размышленію, привыкшіе витать въ области всевозможныхъ абстракцій, въ практической политической жизни оказываются совершенными дѣтьми, хуже, игрушками, которыми правительства распоряжаются по своему усмотрѣнію, и конечно въ видахъ собственныхъ выгодъ. Бёрне не могъ забыть того урока, который данъ былъ нѣмцамъ послѣ наполеоновскихъ войнъ, когда роскошныя обѣщанія свободы превратились въ роскошные плоды деспотизма. «Васъ обманули, говорилъ Бёрне, самымъ безсовѣстнымъ образомъ, когда въ минуту опасности, за ваше пожертвованіе имуществомъ, кровью, жизнію, вамъ сулили свободу и независимость, а потомъ, когда цѣною страшныхъ жертвъ вы побѣдили врага, у васъ отнято было почти-что право называться людьми». Не давайте себя обманывать, — таковъ былъ смыслъ всѣхъ обращеній Бёрне къ нѣмецкому народу; но нужно сказать, что совѣтъ этотъ оставался почти безъ результатовъ, и самъ Бёрне приводитъ не одинъ примѣръ жалкой, легкомысленной довѣрчивости народа.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ только раздавался какой-нибудь сильный голосъ, требовавшій, чтобы положенъ былъ конецъ порядку, основанному на произволѣ, и чтобы управленіе судьбою народа было ввѣрено самому народу, тотчасъ раздавались крики: подождите немножко, еще рано, нужно, чтобы прошло еще десять, двадцать лѣтъ, и тогда общество уже созрѣетъ для самоуправленія, требовать же теперь новаго порядка это значитъ подвергать опас-

Digitized by Google

ности будущность страны и бросать ее во всѣ ужасы анархіи! «Помилуйте, восклицаетъ Берне, да тутъ потеряешь всякое терпѣніе. Насъ то и дѣло просятъ, чтобы мы были такъ добры, подождали, пока время возьметъ свое. Какъ будто время и природа творятъ что-нибудь изъ ничего. Какъ будто и имъ для того, чтобы создать новое, не нужно прежде разрушить старое! Эти господа считаютъ насъ такими дураками, что безпрерывно уговариваютъ насъ — прежде чѣмъ разрушить ненавистное старое, возвести зданіе милаго новаго. А гдѣ намъ взять мѣсто для постройки, когда прежній хламъ еще не вывезенъ и не выброшенъ, гдѣ взять строительнаго матеріала, когда нельзя начать рубку лѣса — этой тайны они намъ не открываютъ. А когда они начинаютъ вопить, что *либерализмъ способенъ только разрушать*, въ Германіи находится достаточное число добродушныхъ, но простоватыхъ людей, которые пугаются этого упрека и, изъ боязни прослыть разбойниками и грабителями, бѣгутъ домой, натягиваютъ на голову ночной колпакъ и принимаются читать душеспасительныя книги». Бёрне совершенно правъ, нападая на теорію, превратившуюся въ наши дни въ банальную фразу всѣхъ людей реакціи, что либерализмъ только способенъ разрушать. Во время Бёрне эта теорія была еще новинкою, и потому естественно, что онъ ополчался противъ нея и изъ всѣхъ силъ кричалъ нѣмцамъ: не вѣрьте, васъ обманываютъ въ этомъ, какъ обманываютъ и во всемъ другомъ!

Бёрне, живя во Франціи, стоялъ на сторонѣ Германіи и какъ только замѣчалъ, что его соотечественниковъ желаютъ вовлечь въ обманъ, тотчасъ кричалъ: берегись! Такъ, когда въ 1831-мъ году всю Европу волновалъ бельгійскій вопросъ, при обсужденіи котораго на лондонской конференціи имѣлось въ виду не столько устроить Бельгію независимо отъ Голландіи, сколько не дать возможности усилиться Франціи, а если можно, то еще ослабить ее, такъ какъ послѣ изгнанія Бурбоновъ въ третій разъ, послѣ іюльской революціи, державы, составлявшія священный союзъ, еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ стали относиться къ этой странѣ «демократическихъ козней», то нѣмецкія правительства, помышляя уже о возможной войнѣ съ Франціею, снова старались разжечь ненависть Германіи къ Франціи. Бёрне видѣлъ это, и потому въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» дѣлалъ предостереженіе до сихъ поръ нелишенное интереса: «Въ Германіи, какъ я замѣчаю, говорилъ онъ, снова начинаютъ растапливать народъ, чтобы правителямъ его было тепло, когда на нихъ налетитъ французская снѣжная мятель. Старая комедія 1814 и 1815 годовъ снова разучивается для постановки на сцену. Режиссеры стал-

Digitized by Google

вываютъ въ одну кучу огромныя полѣнья и высоко громоздятъ другъ на друга *національное чувство, союзную вѣрность, плотную связь, честь, высшее назначеніе, добродѣтель, любовь къ отечеству, воспоминанія о Монмартрѣ.* Широкая нѣмецкая печь выдержитъ все это и позволитъ терпѣливо набивать себя до-полна, какъ въ прошедшій разъ, и раскалится до-красна негодованіемъ противъ французовъ.... Я не сомнѣваюсь, продолжаетъ онъ, что дураки, т.-е. нѣмцы, снова, т.-е. во второй разъ, позволятъ провести себя. Но если это дѣйствительно случится, то ни одинъ ангелъ небесный не будетъ настолько мягкосердечнымъ, снисходительнымъ или сострадательнымъ, чтобы оплакивать страданія обманутыхъ болвановъ. Цѣлое небо расхохочется, и самъ богъ будетъ смѣяться и придя въ хорошее расположеніе духа, заговоритъ по-французски и скажетъ: quelle grosse bête que ce peuple allemand! и затѣмъ отправится въ оперу и вовсе не станетъ безпокоиться, если неблагодарные нѣмецкіе правители во второй разъ прогонятъ ихъ въ Америку или запрячутъ въ Кепеникъ и Магдебургъ». Бёрне держался того справедливаго мнѣнія, которое и до сихъ поръ нисколько не устарѣло и можетъ быть высказываемо съ пользою, что войною, и притомъ войною противъ народа, который такъ много сдѣлалъ для освобожденія всего человѣчества отъ средневѣкового строя жизни, какъ французы, не устанавливается свобода, а напротивъ, въ случаѣ успѣха, только закрѣпляется тотъ порядокъ, при которомъ народъ играетъ самую жалкую роль. Нѣмецкія правительства пользуются подобными войнами, сотни тысячъ людей отдаютъ на закланіе, для того только, чтобы имѣть возможность чужими руками загребать себѣ жаръ. «Мы всегда платимъ, восклицалъ Берне съ злою иронією, за разбитые горшки. Что каждый человѣкъ имѣетъ право быть дуракомъ, съ этимъ невозможно спорить; но вѣдь и правомъ надо пользоваться скромно и умѣренно. Нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ!»

Говоря подобнымъ образомъ еще въ 30-хъ годахъ, Берне понималъ несравненно лучше, нежели большинство современныхъ намъ публицистовъ, что свобода не достигается путемъ внѣшнихъ побѣдъ, путемъ внѣшнихъ завоеваній, что эти побѣды, эти завоеванія, вмѣсто того, чтобы расчищать путь къ лучшему устройству народной жизни, только замедляютъ здоровое развитіе и отвлекаютъ народъ отъ его истинныхъ интересовъ и настоящей задачи. Ближайшею же задачею нѣмецкаго народа, по мнѣнію Бёрне, было достиженіе такой политической формы, такого политическаго устройства, которое устранило бы навсегда господство гофратства, юнкерства, солдатчины — всѣхъ

Digitized by Google

этихъ аттрибутовъ «сильныхъ» нѣмецкихъ правительствъ. Бёрне понималъ, что свобода и единство Германіи, къ которому народъ чувствовалъ влеченіе, могутъ гораздо прочнѣе и солиднѣе утвердиться среди нѣмцевъ при помощи внутреннихъ побѣдъ, при торжествѣ надъ внутренними врагами. Внутренними врагами Бёрне считалъ нѣмецкія правительства, эту гущу средневѣковаго строя, и потому каждый разъ, что онъ заслышитъ гдѣ-нибудь народное движеніе, или даже слабые признаки его, сердце его начинаетъ судорожно сжиматься, хотя въ немъ сильно было убѣжденіе, что при тѣхъ свойствахъ нѣмецкаго народа, на которыя онъ указывалъ въ «Парижскихъ Письмахъ», едва ли можетъ окончиться успѣшно сколько-нибудь серьезный переворотъ.

Какъ ни сильно было въ немъ такое убѣжденіе, но онъ охотно готовъ былъ вѣрить каждый разъ, что́ ему говорили, что въ Германіи начинается движеніе. Не успѣлъ Бёрне пріѣхать въ Парижъ, какъ онъ узнаетъ изъ нѣмецкихъ газетъ, что въ различныхъ городахъ Германіи происходятъ волненія, что іюльская революція начинаетъ откликаться и въ его отечествѣ. «Въ головѣ моей, пишетъ онъ, страшный хаосъ отъ всего, что́ я прочелъ о Германіи. Въ Гамбургѣ безпорядки, въ Брауншвейгѣ положили замокъ и выгнали правителя, въ Дрезденѣ возмущеніе. Будьте милосерды, пишите мнѣ обо всемъ до мельчайшихъ подробностей». Бёрне волнуется, воображеніе его рисуетъ ему уже освобожденіе Германіи отъ деспотизма нѣмецкихъ правительствъ, онъ готовъ уже упрекать себя въ томъ, что онъ былъ несправедливъ къ нѣмецкому народу, когда упрекалъ его въ трусости, филистерствѣ и раболѣпствѣ. «Неужели же въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ онъ, я ошибся, какъ меня уже многіе не разъ упрекали? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Германія зрѣлѣе, чѣмъ я думалъ? Неужели я былъ несправедливъ къ народу и не замѣтилъ, что подъ ночнымъ колпакомъ и халатомъ онъ тайно носилъ панцырь и шлемъ». Но напрасно Бёрне начинаетъ уже себя бичевать, напрасно онъ хочетъ себя наказать, поставить себя, какъ мальчишку, въ уголъ, онъ слишкомъ торопится признать себя виноватымъ—ему такъ хочется быть виноватымъ. Напрасно представляетъ онъ себѣ нѣмцевъ, которые, пробудившись, съ удивленіемъ озираются кругомъ, спрашивая себя, гдѣ они, что́ съ ними, во снѣ или наяву выносили они эту безконечную цѣпь униженій? Слишкомъ рано еще восклицаетъ онъ: «Но какъ могли они такъ долго выносить все это?... одному подчиняться такимъ притѣсненіямъ можно, двоимъ, троимъ тоже можно; но какъ могутъ подчиняться имъ милліоны»? Слишкомъ рано еще Бёрне произноситъ слова угрозы: «горе тѣмъ, кто заставилъ

Digitized by Google

насъ покраснѣть! Краска стыда на щекахъ народа—не розовый румянецъ стыдливой дѣвушки; она сѣверное сіянie, полное негодованія и опасности». Опасность еще слишкомъ далека была отъ взоровъ нѣмецкихъ правителей, далѣе быть можетъ, чѣмъ думалъ Бёрне въ самыя пессимистическія минуты, чтобы имъ было чего опасаться. Народъ не покраснѣлъ еще отъ стыда, а Бёрне вовсе не нужно было раскаяваться въ своихъ ѣдкихъ филиппикахъ противъ раболѣпства нѣмецкаго народа. Факты не дали опроверженія его словамъ, и не болѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, Бёрне писалъ уже съ грустію о томъ, что слабыя попытки, жалкія вспышки въ нѣсколькихъ городахъ Германіи кончились ничѣмъ, если не считать во что-нибудь тѣхъ мѣръ строгости и мести, которыя приняты были нѣмецкими правительствами противъ всѣхъ тѣхъ, кто только посмѣлъ заявить свое неудовольствіе. Бёрне мало ждалъ уже впослѣдствіи отъ тѣхъ вспышекъ, которыя происходили тутъ и тамъ, мало ждалъ, потому что сознавалъ, что въ нѣмецкомъ народѣ еще слишкомъ недостаточно настолько политически развитыхъ элементовъ, чтобы они могли восторжествовать надъ правительствами. Когда онъ узналъ, что революція, или вѣрнѣе, революціонная вспышка произошла во Франкфуртѣ, онъ писалъ тогда: «Тебѣ нечего стыдиться, Франкфуртъ; Варшава также пала, а была посильнѣе тебя!» Отъ Франкфурта, по мнѣнію Бёрне, собственно трудно было бы ожидать чего-нибудь другого.

Но какъ ни кротко переносилъ Бёрне неудачи революціонныхъ вспышекъ въ Германіи, его тѣмъ не менѣе возмущало поведеніе нѣмецкихъ правительствъ. «Правительство сильно, разсуждалъ онъ, къ чему же тогда всѣ эти мѣры жестокости, свирѣпости, это хвастовство произволомъ, весь этотъ цинизмъ насилія, проявляемыя на каждомъ шагу». Признавая подавляющую силу нѣмецкихъ правительствъ, да и трудно было не признавать того, а во всякомъ случаѣ безполезно, Бёрне все-таки желалъ, чтобы граждане оказывали постоянное сопротивленіе беззаконнымъ поступкамъ власти. «Всѣ аресты во Франкфуртѣ, во время безпорядковъ, были произведены ночью. Такое нарушеніе безмятежнаго сна я объясняю тѣмъ, что франкфуртское правительство — антиподъ народа, и поэтому, когда у этого послѣдняго день, тогда у него ночь. Но какимъ образомъ, спрашиваетъ Бёрне, успѣвшій уже позабыть свой собственный арестъ, наши граждане, наши адвокаты, не особенно сильно занимающіеся математической географіей и нравственной философіей, переносятъ такое мрачное средневѣковое наслѣдіе,—этого я не понимаю. Вѣдь во Франціи человѣкъ въ тюрьмѣ свобод-

Digitized by Google

нѣе, чѣмъ у насъ на свободѣ...» Всякую тираннію, какъ ни безстыдна она, по мнѣнію Бёрне, переносить не особенно позорно, позорно одно — переносить ее молчаливо. «Кто молчаливо переноситъ безстыдную тираннію, тотъ болѣе виновенъ, нежели тѣ, кто ею пользуются».

Какъ ни слабы были такія проявленія неудовольствія въ тридцатыхъ годахъ въ Германіи, какъ ни легко подавляемы были всевозможныя вспышки, нѣмецкія правительства приходили отъ нихъ въ сильное волненіе, безпокойство овладѣвало ими въ высшей степени и имъ уже чудилась «всесвѣтная революція» со всѣми ея ужасами. У страха глаза велики, и если съ одной стороны страхъ влечетъ за собою жестокости, то съ другой этотъ же страхъ заставляетъ спрашивать себя власть: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не нужно ли сдѣлать какихъ-нибудь уступокъ, чтобы предупредить будущіе безпорядки. Такимъ образомъ, дѣлаются уступки, производятся реформы, исходящія гораздо болѣе изъ неосновательнаго страха правительствъ, чѣмъ дѣйствительно изъ доброй воли произвести нѣкоторыя улучшенія въ жизни народа. Какъ ни ничтожны вспышки и волненія въ обществѣ, Бёрне признавалъ ихъ все-таки какъ нельзя болѣе полезными, такъ какъ подобныя волненія правительству всегда кажутся болѣе серьезными, обладающими бо́льшею силою, нежели это бываетъ на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, вспышки въ Германіи, несмотря на всю ихъ ничтожность, все-таки понудили нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ правительствъ подумать о томъ, не слѣдуетъ ли дать недовольнымъ народамъ что-нибудь похожее на конституцію. Въ то время, когда всѣ другіе въ Германіи приходили въ умиленіе отъ великодушія монарховъ, Бёрне, который стремился къ лучшему, осмѣивалъ эти конституціи въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ». «Говорятъ, писалъ онъ, что въ Пруссіи будетъ обнародована конституція, этому я охотно вѣрю; отъ страха они тамъ совсѣмъ потеряли голову. Курьезно будетъ взглянуть на ихъ лица, когда они отвѣдаютъ зеленого яблочка. Но за то, какая это будетъ милѣйшая конституція...» Какъ ни смѣшна казалась Бёрне приготовлявшаяся прусская конституція, но надо полагать, что внутренно онъ былъ доволенъ даже «милѣйшею» конституціею, держась того правила, что лучше мало, чѣмъ ничего. Но, во всякомъ случаѣ, если внутренно онъ былъ и доволенъ тѣмъ, что хоть дѣлалось что́-нибудь для ограниченія произвола правителей, но онъ тщательно скрывалъ свое довольство, опасаясь, конечно, что и безъ него уже правительство будетъ засыпано выраженіями самой чувствительной благодарно-

Digitized by Google

сти отъ своихъ вѣрноподданныхъ, которые рѣдко умѣютъ умѣрять свои восторги и тѣмъ только портятъ всякое дѣло. Нѣтъ ничего вреднѣе этихъ благодарственныхъ изліяній, которыми всегда отличается народъ, привыкшій къ раболѣпству, такъ какъ правительство, сдѣлавшее, можетъ быть, только сотую долю того, что̀ оно должно бы сдѣлать, воображаетъ уже, что оно облагодѣтельствовало народъ, и на каждое проявленіе неудовольствія съ гордостью отвѣчаетъ: неблагодарные! Вотъ почему Бёрне смѣялся надъ всѣми подобными дарами, говоря: «конституція, которая представляется въ потьмахъ, только и можетъ быть произведеніемъ мрака. Свобода, которую дарятъ господа, никогда еще не была чѣмъ-нибудь драгоцѣннымъ; ее нужно похитить или отнять силою».

Еще болѣе злобно говорилъ Бёрне въ своихъ «Письмамъ» о гессенской конституціи, которая, по его мнѣнію, можетъ удовлетворить только народъ, даже не сознающій, что у него могутъ быть какія-нибудь права. «Эта конституція—нахальнѣйшая ложь хвастунишки, какую мнѣ когда-нибудь удавалось слышать. Еслибъ архи-жиды, торгующіе здѣсь на бульварахъ, прочли ее, они воскликнули бы съ завистью: «нѣтъ, такая штука намъ не по силамъ»! Дай она народу только то, или даже ничего изъ того, что̀ ожидаютъ въ настоящее время народы отъ конституцій,—я бы ничего не говорилъ. Но гессенская конституція обманъ, олово выкрасили желтой краской для того, чтобы оно казалось золотомъ, и нашъ народъ такъ глупъ, что изо ста покупателей только одинъ замѣчаетъ надувательство». Анекдотъ, который приводитъ Бёрне по поводу гессенской конституціи, не утратилъ и до сихъ поръ всего своего букета, какъ не утратилось до сихъ поръ обыкновеніе, съ одной стороны, нѣмецкаго правительства обманывать народъ, а съ другой, привычка позволять себя обманывать. «Сдѣланное этою конституціею распредѣленіе правъ между правительствомъ и народомъ очень напоминаетъ мнѣ, говоритъ Бёрне, разсказъ о евреѣ, нанявшемъ вмѣстѣ съ однимъ плутомъ-крестьяниномъ одну лошадь и устроившимъ совмѣстное пользованіе ею на такихъ основаніяхъ: «одинъ часъ ѣхать буду я, а идти пѣшкомъ ты, а другой—идти пѣшкомъ будешь ты, а ѣхать—я». Бо́льшая часть нѣмецкихъ конституцій были построены на одинъ ладъ, и Бёрне остроумно замѣчалъ, что онѣ гораздо больше созданы для правительствъ, нежели для народовъ. Благодаря этимъ конституціямъ, всѣ дѣйствія, самыя возмутительныя, прикрывались конституціею, такъ что на внѣшній видъ все, что̀ ни дѣлалось — дѣлалось какъ нельзя болѣе законно.

Digitized by Google

«Не думайте, говорилъ онъ, что правительства здѣсь дѣйствуютъ произвольно; мы вовсе не такъ счастливы; мы не настолько счастливы, чтобы наши правители для того, чтобы быть деспотами, должны были дѣйствовать противозаконно. Деспотизмъ лежитъ въ самыхъ законахъ. По этимъ законамъ самыя невинныя дѣйствія могутъ быть объявлены преступленіями, и какъ таковыя, могутъ быть наказаны». Вотъ почему въ Германіи, гдѣ самые законы были уродливы, оппозиція, главнымъ образомъ, должна была направляться противъ самыхъ законовъ, которые только освящали собою произволъ. «Наши добрые нѣмецкіе гофраты и профессора, да благословитъ ихъ Богъ здравымъ смысломъ, не знаютъ другого либерализма, какъ поступать на законномъ основаніи. Когда, такимъ образомъ, кто-нибудь изъ нихъ попадаетъ законно въ тюрьму за то, что онъ напечаталъ что-нибудь такое, что̀ законъ объявляетъ оскорбленіемъ величества, они совершенно довольны...» Законъ соблюденъ! Но Бёрне не хочетъ вовсе подобной оппозиціи, онъ считаетъ ее вредною; дѣло не въ томъ только, чтобы человѣкъ рискнулъ что-нибудь сказать или сдѣлать такое, что̀ не совсѣмъ пріятно нѣмецкому правительству, а въ томъ, чтобы оно не могло за это мстить на «законномъ основаніи», сажая въ тюрьму, отправляя въ ссылку или что-нибудь подобное. Для того же, чтобы этого достигнуть, мало ограничиваться тѣмъ, чтобы когда-нибудь сказать смѣлое слово и потомъ покорно перенести за то наказаніе, для этого нужна постоянная борьба, постоянное возбужденіе общества противъ нѣмецкихъ нелѣпыхъ законовъ. Но кто можетъ дѣйствовать подобнымъ образомъ? Такъ можетъ дѣйствовать только самъ народъ, въ которомъ нѣтъ и слѣда того «лакейства», на которое такъ жалуется Бёрне, говоря о нѣмецкомъ народѣ. Слѣдовательно, прежде всего нужно вывести народъ изъ такого жалкаго состоянія, обличающаго крайнее политическое неразвитіе; для того же, чтобы вывести его изъ этого положенія, чтобы поднять его политическій уровень мало научить его читать и писать, нужно чтобы онъ зналъ что̀ читать, нужно политическое просвѣщеніе, которое помогало бы политическому развитію. Вотъ это-то политическое просвѣщеніе и занимаетъ Бёрне, но онъ сознаетъ, что одинъ человѣкъ безсиленъ, что тутъ нужно цѣлую фалангу умныхъ писателей, которые безстрашно указывали бы народу на ту тину, въ которую онъ залѣзъ. Для того же, чтобы явилась эта фаланга писателей, рѣшившихся на распространеніе политическаго просвѣщенія, котораго такъ недоставало до сихъ поръ въ Германіи, нужно прежде всего начать это просвѣщеніе, и во-вторыхъ сколько-

Digitized by Google

нибудь измѣнить условія, въ которыя была поставлена печать, такъ какъ безъ такого измѣненія въ условіяхъ существованія прессы чрезвычайно трудно руководить политическимъ просвѣщеніемъ. Вотъ почему Бёрне, приступивъ къ своей задачи, прежде всего обратился съ требованіемъ освобожденія печати, и онъ не уставалъ заявлять постоянно это требованіе какъ въ то время, когда онъ жилъ и писалъ въ Германіи, такъ и тогда, когда онъ жилъ и писалъ въ Парижѣ.

Свобода печати нужна была не для него, потому что онъ лично умѣлъ обходиться и безъ нея и говорить при цензурѣ такія вещи, которыя бросали въ жаръ правительства, но гораздо болѣе для другихъ, которые не имѣли ни таланта Бёрне, ни его умѣнья вести свое дѣло въ то самое время, когда печать сдерживалась желѣзною уздою. Для обыкновенныхъ бойцовъ, для не выходящихъ изъ средняго уровня людей, свобода печати несравненно необходимѣе, потому что безъ нея у нихъ не является, съ одной стороны, смѣлости высказывать свою мысль, съ другой, исскуства полуфразою, полунамекомъ освѣтить передъ читателемъ цѣлыя страницы.

Естественно, что въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ», говоря о Германіи, Бёрне часто возвращается къ требованію свободы печати, потому что ничто такъ не лежитъ у него на душѣ, ни въ чемъ онъ не видитъ такой необходимости, какъ въ освобожденіи человѣческаго слова: «Когда я думаю о цензурѣ, говоритъ онъ, я готовъ разбить себѣ голову объ стѣну. Отчаяніе можетъ взять. Свобода печати еще не побѣда, это даже еще не борьба, а только вооруженіе; но какимъ образомъ можно побѣдить безъ борьбы, какъ бороться безъ оружія? Это кругъ, отъ котораго можно помѣшаться. Мы должны бороться съ голыми руками, какъ борятся дикіе звѣри своими зубами. Добровольно намъ никогда не дадутъ свободы печати». Человѣческая мысль, безпрепятственно высказываемая, представлялась нѣмецкимъ правительствамъ такимъ пугаломъ, такимъ грознымъ привидѣніемъ, что, кажется, одного свободнаго слова достаточно, чтобы подкопать все государственное зданіе. Лишь только мало-мальски развяжутъ людямъ языкъ, какъ съ различныхъ сторонъ раздаются вопли изъ груди «преданныхъ», прежде всего себѣ, и своимъ интерассамъ, и эти вопли всѣ направлены къ одному стремленію, чтобы печать снова была «подтянута», и мысль человѣческая поставлена въ узкія рамки. Такимъ образомъ, положеніе печати въ нѣмецкихъ государствахъ всегда колебалось между худымъ и худшимъ. Это колебаніе печати отъ менѣе худого къ болѣе худому и отъ болѣе

Digitized by Google

худого къ менѣе худому представлялось какимъ-то perpetuum mobile нѣмецкихъ правительствъ. Эти правительства питали къ свободѣ печати какое-то инстинктивное отвращеніе, отвращеніе, которое впрочемъ, нужно сознаться, имѣло для нихъ самое существенное основаніе. Ничто не служитъ такимъ могущественнымъ орудіемъ для подавленія всякой лжи и для раскрытія истины, какъ человѣческое слово, не чувствующее надъ собою остраго Дамоклова меча. Сегодня «notre bon plaisir» заключался у нѣмцевъ въ томъ, что покровительствуется нѣкоторый либерализмъ, допускается бо́льшее или меньшее обсужденіе существенныхъ народныхъ интересовъ, либерализмъ подчасъ доходитъ до того, что позволяется даже сравнивать выгоды конституціоннаго, чуть не республиканскаго правительства съ невыгодами власти деспотической; завтра моментальный volte-face, налетаетъ какое-нибудь гнилое повѣтріе и «notre bon plaisir» получаетъ другое направленіе: что допускалось, теперь преслѣдуется, что́ не каралось, теперь карается, и на бѣдное, поруганное, израненное человѣческое слово обрушивается цѣлый рядъ гоненій. Спросите причину такого переворота, вамъ никто не съумѣетъ отвѣтить; спросите, случилось ли что-нибудь особенное, совершило ли слово какое-нибудь преступленіе, выказало ли оно чѣмъ-нибудь свою дерзость, свою «неблагодарность» за предоставленіе ему извѣстнаго простора? Ничуть не бывало; слово, подавленное десятками лѣтъ, столѣтіями, ни въ чемъ не провинилось, оно слишкомъ привыкло къ уздѣ, чтобы пользоваться всѣми выгодами нѣкотораго разнузданія, оно сликомъ привыкло сдерживать свои порывы, слишкомъ привыкло угодничать, раболѣпствовать, чтобы пользоваться даже тою урѣзанною свободою, которая ему предоставлялась, благодаря какому-то счастливому капризу. Что же, спрашивается, случилось, что слово, положенное на Прокустову кровать, опять начинаютъ урѣзывать? объясненія нѣтъ, кромѣ пожалуй одного: нашла такая полоса, нашелъ такой «стихъ». Вся причина быстраго измѣненія заключается въ капризѣ, да въ томъ, что Бёрне никакъ не могъ какъ слѣдуетъ охарактеризовать понѣмецки, но что отлично выражается русскими словами: «здорово живешь». Свободная печать какъ бы олицетворяетъ собою образъ истины, а истина была бичемъ для правительствъ «каприза», котораго они боялись хуже всякой чумы, они отворачивались отъ свѣта, сознавая, что свѣтъ для нихъ это страшная бездна, въ которой валяется уже столько обломковъ деспотизма. «Если бы, говоритъ Бёрне, они управляли какъ ангелы небесные и если бы самые требовательные граждане не находили на что жаловаться: они и тогда бы не допустили свободу печати. Я не знаю,

Digitized by Google

они обладаютъ какою-то совиною натурою — они не могутъ выносить дневного свѣта, они какъ привидѣнія, которыя исчезаютъ, какъ только пропоетъ пѣтухъ».

Конечно, всѣ подобныя разсужденія Бёрне могутъ относиться только къ той Германіи, гдѣ правительство, такъ сказать, пережило общество, гдѣ оно держалось отчасти въ силу инерціи, отчасти потому, что на его сторонѣ правильно организованная военная и административная сила; для подобнаго правительства свобода печати представляется, и въ дѣйствительности есть такое зло, котораго оно не можетъ допустить добровольно, такъ какъ свобода печати, обнаруживая всѣ язвы подгнившаго правленія, неминуемо влечетъ его къ гибели. Иное дѣло, когда рѣчь идетъ о правительствѣ такой страны, гдѣ оно не только не ниже общества, но значительно выше его, гдѣ отъ правительства исходятъ, и главнымъ образомъ по его собственной иниціативѣ, всевозможныя реформы и преобразованія, для такого правительства свобода печати не можетъ быть не только опасна, но напротивъ она оказываетъ ему, если только допускается, какъ нельзя большую пользу, указывая, на что должны быть направлены его усилія, и какъ отзываются на различныхъ сторонахъ народной жизни совершаемыя имъ преобразованія. Если такое правительство опасается свободы печати и не допускаетъ ее, то это не что иное какъ злая ошибка, непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ или только результатъ вліянія злонамѣренныхъ, но сильныхъ людей, которые гораздо болѣе заботятся о собственныхъ выгодахъ, о возможности въ мутной водѣ ловить рыбу и о возможности совершать, безъ всякаго опасенія свѣта печати, всяческія неправды, чѣмъ о благѣ государства и того правительства, которому они служатъ. Для правительства, идущаго впереди или даже въ уровень съ общественнымъ развитіемъ и съ общественными требованіями, свобода печати представляется ничѣмъ невозмѣстимымъ благомъ, а вовсе не бѣдствіемъ и не зломъ, которое слѣдовало бы вырвать съ корнемъ. Свобода печати есть самый вѣрный оплотъ здороваго и дѣйствительно народнаго правительства.

Понимая все громадное значеніе свободы печати, Бёрне былъ совершенно счастливъ, когда въ Германіи образовалось «Общество для защиты свободы печати». Нѣсколько разъ возвращался онъ къ этому обществу, поддерживая его своимъ вѣскимъ словомъ, и старался, чтобы все живое въ Германіи пристава къ нему. Для этого общества онъ, между прочимъ, написалъ адресъ, который долженъ былъ быть представленъ отъ имени всей еврейской общины во Франкфуртѣ, и посылая изъ

Digitized by Google

Парижа этотъ адресъ, Бёрне, между прочимъ, говорилъ: «Подписывайтесь подъ этимъ адресомъ. Іерихонскія стѣны повалились передъ звуками трубъ—въ этомъ нѣтъ ни единаго слова правды. Подъ трубами священное писаніе понимало свободу печати. Стѣны деспотизма также повалятся передъ нею». Для того однако, чтобы слово разрушало, какъ онъ выражается, стѣны деспотизма, нужно, чтобы это слово было сильно, чтобы оно было мечомъ, чтобы оно гналось за насиліемъ съ насмѣшкою, ненавистью, презрѣніемъ, а не «ковыляло за нимъ съ тяжеловѣсными логическими доводами». Бёрне съ ожесточеніемъ нападалъ на тѣхъ оффиціальныхъ писателей, которые проповѣдывали, или вѣрнѣе, поддерживали правительство въ томъ, что не слѣдуетъ печати предоставлять полной свободы, мотивируя это тѣмъ, что народъ, не приготовленный къ принятію извѣстныхъ идей, не въ состояніи будетъ переварить ихъ. Все это буквально вздоръ, возражалъ Бёрне, и «нѣтъ ничего безжалостнѣе и смѣшнѣе той строгой діэты, которую правительства, страдающія совершенно испорченнымъ пищевареніемъ, предписываютъ своимъ народамъ, которые могутъ рѣшительно все переваривать. Эти правительства думаютъ, что если заставить поститься сердце, то отъ этого ослабѣетъ тоже голова и руки и, слѣдовательно, съ народомъ будетъ легче справиться». Народъ все можетъ переваривать, только давайте ему здоровую и достойную его пищу, при одномъ видѣ которой онъ не долженъ былъ бы краснѣть. Правительства могутъ заставлять печать играть жалкую, унизительную роль, это понятно; но когда сама печать охотно подчиняется даже безъ того, чтобы это было нужно, начинаетъ раболѣпствовать, это возмутительно; и Бёрне съ яростью накидывается на тѣхъ писателей, которые, угощая народъ гнилою, протухшею пищею, ползаютъ униженно передъ властью, заискивая ея расположенія. Ведите себя съ мужествомъ, ведите себя съ достоинствомъ, таково было обращеніе Бёрне къ нѣмецкимъ писателямъ, которые, впрочемъ, рѣдко слѣдовали его призыву. «Народъ не долженъ вымаливать свободу, говорилъ онъ этимъ писателямъ, и если вы отъ имени народа вымаливаете ее, то вы только позорите народъ; если вы за каждое сорвавшееся съ языка свободное слово начинаете рабски просить прощенія, то лучше не пишите, потому что иначе вы оскорбляете человѣческую мысль, человѣческое слово. Унижаясь, прося прощенія, вы какъ бы признаете за правительствомъ право обращаться съ вами такъ, какъ оно обращается, признаете право наказывать васъ, въ то время, когда оно не должно его имѣть. Правительство наказываетъ, если кто-нибудь побуждаетъ къ ненависти къ нему, воз-

Digitized by Google

буждаетъ противъ него неудовольствіе; но кто, спрашиваетъ, между прочимъ, Бёрне, виноватъ въ этой ненависти, въ этомъ неудовольствіи? наказывать прежде всего слѣдуетъ само правительство, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ оно само виновато, что своими поступками возбуждаетъ противъ себя злобу и ненависть».

До какой степени вкоренилось въ нѣмецкихъ писателяхъ это недостойное чувство страха, робости, униженія передъ правительствомъ, видно изъ того, что даже самые честные писатели попадаютъ въ этомъ отношеніи въ общую колею. Бёрне, не бросая въ нихъ камнемъ, тѣмъ не менѣе обращается къ нимъ съ такимъ упрекомъ: «Велькеръ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Парижскихъ Писемъ», въ объявленіи своемъ о новой газетѣ, которая будетъ называться «Свободномыслящій», говоритъ: «новая газета покажетъ, что Баденъ достоинъ пользоваться безцѣннымъ благомъ свободы печати». Покажетъ—достоинъ:—кому покажетъ? правительству? союзному собранію? Показывать правительству, что нѣмецкій народъ достоинъ свободы? Добиваться одобренія правительствъ? Говорить отъ имени народа и такъ мало чувствовать достоинство гражданъ, достоинство народа, чтобы рѣшиться сказать, что хотятъ показать, что народъ достоинъ одобренія своего правительства? Правительства должны добиваться одобренія своихъ народовъ, а не наоборотъ; они выходятъ изъ народа, они отъ него зависятъ, они имъ дорого оплачиваются—они же и должны доказывать, что они достойны того довѣрія, которое возложили на нихъ, они должны доказывать, что они заслуживаютъ той власти, которая дана имъ народомъ для блага всѣхъ. Народу не о чемъ просить, народъ не долженъ льстить, ему принадлежитъ вся власть, все господство, и правительство есть только его подданный». Выходя изъ подобнаго начала, естественно, что Бёрне никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что нѣмецкіе писатели постоянно унижались, добиваясь, выпрашивая свободу печати. «Давайте свободу печати, или чортъ побери васъ всѣхъ вообще и каждаго порознь!» такъ, говоритъ Бёрне, началъ бы онъ, еслибы захотѣлъ писать о свободѣ печати, и при этомъ выражаетъ увѣренность, что это произвело бы совершенно иное дѣйствіе, чѣмъ всевозможныя просьбы и мольбы.

Вообще, Бёрне, въ своей борьбѣ за свободу печати, какъ и за всѣ другія блага общественной жизни, придерживается радикальныхъ средствъ и конечно совершенно справедливо полагаетъ, что будь только въ людяхъ порядочныхъ, которыхъ всегда найдется довольно, побольше рѣшимости бороться со зломъ, по

Digitized by Google

больше энергіи и неустрашимости, побѣда была бы обезпечена за свободой. Добиваясь прежде всего вооруженія, т.-е. свободы печати, онъ спрашиваетъ себя, что̀ стоитъ для нея еще помѣхой, помимо страха правительства — пустить ее въ обращеніе? Помѣхой, думаетъ Бёрне, является то, что на зовъ правительства стекается всегда масса людей, иногда даже болѣе или менѣе порядочныхъ, готовыхъ во всякое время принять на себя гнусное ремесло — парализовать человѣческую мысль, человѣческое слово. «Я не понимаю, говоритъ Бёрне въ одномъ изъ своихъ «Писемъ», и никогда не пойму, какъ человѣкъ, который сколько-нибудь себя уважаетъ, и который безстыднымъ образомъ не отбросилъ отъ себя все человѣческое достоинство, чтобы подобно какому-нибудь животному валяться въ тепломъ стойлѣ и ублажать свое чрево — какъ такой человѣкъ можетъ согласиться быть цензоромъ, быть палачомъ — нѣтъ, хуже чѣмъ палачомъ, потому что этотъ убиваетъ только за вину осужденныхъ — быть убійцей идей, который подкарауливаетъ и нападаетъ въ темнотѣ, который разрушаетъ единственное, что есть въ человѣкѣ божественнаго — свободу духа..... Мое сердце, продолжаетъ Бёрне, не можетъ не возмущаться при видѣ повсюду глупости народа, который не понимаетъ своей власти, своего превосходства силы, который даже не предчувствуетъ, что ему сто́итъ только захотѣть, чтобы уничтожить всякую ненавистную тираннію».

Бросивъ анаѳему въ нѣмецкихъ цензоровъ, Бёрне предлагаетъ планъ, при помощи котораго можно добиться, что въ обществѣ не найдется людей, которые рѣшились бы принять на себя это «позорное» ремесло. Планъ этотъ заключается въ томъ, чтобы среди многихъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ городѣ, которые чувствуютъ отвращеніе къ цензурѣ, какъ къ «грязному дѣлу», которые призираютъ ее какъ «крайнюю низость», выискалось всего человѣкъ двадцать почтенныхъ людей, которые заключили бы между собою союзъ «смотрѣть на каждаго цензора и обращаться съ нимъ, какъ съ безчестнымъ человѣкомъ, не жить съ нимъ подъ одною кровлею, не ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ, не приближаться ко всему, что только касается его, избѣгать его какъ зачумленнаго, наказывать постоянно презрѣніемъ, преслѣдовать его постоянною насмѣшкою — тогда не нашлось бы болѣе сколько-нибудь честнаго человѣка, который согласился бы быть цензоромъ»; тогда, полагаетъ Бёрне, даже тѣ, которые не хорошо понимаютъ честь, и тѣ не рѣшились бы бравировать общественное мнѣніе, и правительства, волей неволей, чтобы добыть себѣ цензоровъ, должны были бы обращаться къ какимъ-нибудь «негоднымъ живодерамъ». Весь вопросъ только въ этомъ случаѣ,

Digitized by Google

какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ только объ оппозиціи, какъ найти возможность соединить между собою порядочныхъ людей. Кто въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, что одно изъ главныхъ золъ общества, живущаго въ неволѣ, заключается именно въ апатіи, которая является результатомъ разрозненности между людьми; кто не знаетъ, что въ обществѣ несвободномъ недовѣріе, подозрительность между людьми достигаетъ послѣднихъ предѣловъ, что каждый порядочный человѣкъ опасается другого человѣка, если не видитъ въ немъ врага, пожалуй шпіона. Эта-то подозрительность, это отчужденіе и составляетъ истинное препятствіе для торжества честныхъ людей надъ людьми негодными, и Бёрне выясняетъ это какъ нельзя лучше. «Въ каждой странѣ, говоритъ онъ, въ каждомъ городѣ, въ каждой общинѣ, въ каждомъ правительствѣ, въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ найдется довольно благородныхъ людей; но каждый думаетъ, что онъ одинъ только имѣетъ честныя убѣжденія, и опасаясь такимъ образомъ имѣть всѣхъ противъ себя, никто не смѣетъ выступить впередъ съ своимъ голосомъ, и побѣда остается за негодными людьми, которые лучше умѣютъ отгадывать другъ друга, легче соединяться». Бёрне сознается, что только одна увѣренность, что есть тысячи въ нѣмецкомъ обществѣ, которые также хороши или даже лучше, чѣмъ онъ самъ, тысячи, которые отвѣчаютъ на его зовъ и присоединяются къ нему, только эта увѣренность и даетъ ему смѣлость бороться своимъ словомъ за свободу и право. Не будь въ немъ этой увѣренности, что его голосъ находитъ себѣ эхо въ тысячи сердцахъ, не имѣй онъ убѣжденія, что онъ дѣйствуетъ для соединенія честныхъ людей, онъ молчалъ бы какъ молчатъ всѣ другіе, онъ терпѣлъ бы произволъ, какъ терпятъ его другіе и не жертвовалъ бы безплодно своимъ спокойствіемъ «глупой, низкой и неблагодарной толпѣ». Бёрне надѣялся, что его голосъ вызоветъ другіе голоса, которые станутъ подтягивать ему, и что такимъ образомъ закипитъ работа пробужденія свободнаго духа Германіи. Но Германія находилась на слишкомъ низкой ступени политическаго развитія, и потому, вмѣсто цѣлаго хора сочувственныхъ голосовъ, онъ услышалъ только хоръ грубыхъ рѣчей, циническихъ криковъ, раздавшихся противъ него.

Но Бёрне не такъ легко было столкнуть съ того пути, на который онъ разъ рѣшился вступить. Вмѣсто того, чтобы испугаться цѣлой стаи спущенныхъ противъ него собакъ, онъ пользовался даже погоней за нимъ, чтобы учить нѣмецкое общество, нѣмецкихъ писателей, какъ они должны дѣйствовать, какъ они должны бороться. Когда на него за «Парижскія Письма»

Digitized by Google

обрушивался цѣлый потокъ брани, когда оффиціальные писатели, чтобы ослабить его вліяніе, выступали противъ него, запасшись предварительно цѣлымъ лексикономъ бранныхъ словъ, когда самыя разнообразныя клеветы сыпались на его голову, Бёрне нисколько не конфузился всей этой грязи, не сторонился отъ нея, какъ дѣлаютъ это другіе отчасти изъ брезгливости, отчасти просто изъ боязни, а вступалъ въ рукопашный бой, во время котораго вырывалъ орудіе изъ рукъ своихъ противниковъ и старался бить ихъ собственнымъ ихъ орудіемъ. Друзья Бёрне упрекали его, что удары, которые онъ наноситъ своимъ противникамъ, недостойны его. «Да, вы правы, отвѣчалъ Бёрне; но въ такое время, какъ наше, не думать о моемъ достоинствѣ—совершенно достойно меня. Въ то время, когда я рискую за отечество спокойствіемъ, кровью и жизнію—пристало ли мнѣ заботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь не запачкать моего платья? Когда враги свободы лежатъ въ грязи, вы хотите, чтобы я не подходилъ къ нимъ близко, не нападалъ на нихъ изъ боязни выпачкать сапоги». Нѣтъ, Бёрне не хочетъ знать вѣжливости, приличія съ людьми, которые умышленно употребляютъ брань, онъ хочетъ слѣдовать ихъ примѣру и онъ знаетъ причину, которая заставляетъ его бросать грязью во всѣхъ оффиціальныхъ писателей. «Знаете-ли, спрашиваетъ Бёрне, отчего наши придворныя и министерскія газеты выражаются такъ грубо, ругаютъ такою площадною бранью защитниковъ свободы? Вы думаете, что онѣ не умѣютъ выражаться тонко? О нѣтъ! Онѣ отлично справляются съ этимъ. Когда имъ приходится вести борьбу между собою, дворъ противъ двора, одинъ владѣтельный князь противъ другого, власть противъ власти, тогда даже въ самомъ сильнѣйшемъ гнѣвѣ онѣ ни мало не измѣняютъ себѣ. Въ душѣ у нихъ ненависть, но на губахъ сладчайшія слова, и съ самою утонченною вѣжливостью вонзаютъ онѣ другъ другу въ грудь красивый и изящный мечъ. Но когда этимъ господамъ приходится драться со свободой, когда слѣдовательно судьею спора является общественное мнѣніе, масса, тогда они становятся грубыми, чтобы имѣть возможность дѣйствовать на грубую и безсмысленную массу, которая составляетъ большинство во всѣхъ сословіяхъ, отъ самаго высшаго до самаго низшаго. Какъ поступаютъ они съ нами, такъ должны мы поступать съ ними». Для Бёрне мало того, чтобы свободные писатели въ борьбѣ своей съ обскурантами выражались рѣзко и грубо, т.-е. такъ, какъ можетъ понимать масса, въ глазахъ которой нужно опозорить прислужниковъ произвола, онъ хочетъ, чтобы народъ былъ выученъ рѣзко выражать свои требованія, и желанія. «Такъ не должно про-

Digitized by Google

должаться! восклицаетъ Бёрне. Мы должны отречься отъ всякой умѣренности и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ. Пусть свобода будетъ отдѣлена отъ насъ цѣлымъ моремъ крови — мы все-таки добудемъ ее; пусть она лежитъ въ непроходимой грязи, мы и оттуда ее вытащимъ. Оттого-то злоба и побѣждаетъ всюду, оттого-то глупость всегда остается въ выигрышѣ, что она идетъ къ цѣли кратчайшей дорогой, не заботясь о томъ, чиста она или грязна.... Нѣтъ, продолжаетъ авторъ «Парижскихъ писемъ» выискивая только чистыя тропинки, мы теряемъ время и все; вѣдь гдѣ бы мы ни нагнали нашего врага, гдѣ бы ни напали на него, вездѣ будетъ грязь, и рано или поздно намъ придется вступить въ нее, если мы хотимъ, чтобы наше дѣло одержало побѣду. То, что другіе дѣлаютъ для тиранніи, неужели мы не можемъ дѣлать того же для свободы? Мечъ противъ меча, коварство противъ коварства, грязь противъ грязи, собачій лай противъ собачьяго лая.... Мы должны наконецъ понять, что деспоты боятся только тѣхъ орудій, которыя они сами употребляютъ, потому что другихъ они вовсе не знаютъ. Поэтому, нечего намъ противопоставлять коварству—искренность, пороку—добродѣтель, наглости — кротость, грубости — приличіе».

Бёрне доходитъ до ужасающаго радикализма, и съ полною откровенностью высказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ бороться съ врагами свободы; но онъ въ этихъ строкахъ рисуется несравненно болѣе страшнымъ писателемъ, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, и нельзя не улыбнуться, читая его проповѣдь коварства и наглости. Самъ онъ никогда не пользовался такими ужасными орудіями, и нужно думать, что еслибы и хотѣлъ ими пользоваться, то оказалось бы, что въ этомъ отношеніи онъ совершенно невинный ребенокъ. У Бёрне было другое орудіе, которое замѣняло ему и грубость, и коварство, и наглость — орудіе это было насмѣшка, сатира, которою онъ пользовался съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ.

Впрочемъ, для подкрѣпленія своей теоріи, что съ врагами слѣдуетъ обращаться такъ, какъ обращаются они сами, что ихъ нужно бить ихъ же орудіемъ, Бёрне однажды только рѣшился воспользоваться всевозможными бранными словами, которыя въ продолженіи долгаго времени сыпались исключительно на его голову. Бёрне самъ приводитъ цѣлую страницу бранныхъ эпитетовъ, которыми сопровождалось его имя когда у оффиціальныхъ писателей заходила рѣчь о немъ, а это случалось чуть не каждый день, особенно послѣ выхода первой части «Парижскихъ писемъ». И прежде дѣятельность Бёрне возбуждала противъ него въ правительственной прессѣ страшную ненависть, когда же вышли его

Digitized by Google

«Парижскія Письма», то ненависть эта дошла до своей апогеи и перешла въ какую-то бѣшеную злобу. Аргументы, которыми вообще бываетъ такъ бѣдна оффиціальная журналистика, были рѣшительно отброшены въ сторону и мѣсто ихъ заступила брань въ родѣ слѣдующей: «пустой жидъ, безсердечный насмѣшникъ, жалкій болтунъ, глупый болтунъ, жалкая жидовская душа, безчестная, безстыдная, жалкая болтовня, бѣдный лакей революціи, безсовѣстное нахальство, громадное высокомѣріе, жидовская кичливость, грязная книга, отвратительная книга, гнусная книга, жалкое, грязное насѣкомое и т. д.» Долго Бёрне молчаливо сносилъ всю подобную брань, но наконецъ онъ рѣшился наказать всю эту шайку продажныхъ публицистовъ, и чтобы показать имъ, какъ они глупы и пошлы, какъ они мало умѣютъ даже преслѣдовать честныхъ писателей, и вмѣстѣ какъ глупо платить деньги людямъ за то только, что они умѣютъ браниться, что́ вовсе не трудно, а требуетъ только наглости, онъ собралъ всѣхъ своихъ противниковъ въ одну кучку и написалъ противъ нихъ памфлетъ, въ которомъ, казня одного за другимъ, онъ опрокидываетъ на нихъ, съ большимъ остроуміемъ, всевозможныя бранныя слова. «Горе вамъ, говоритъ онъ въ концѣ своего памфлета, если терпѣніе мое лопнетъ! Горе сволочи, когда я дамъ ей щелчокъ, чтобы нагнать на нее страхъ. Даю вамъ слово, что этотъ страхъ болѣе не покинетъ васъ. Да, я нѣмецъ! Да, мое терпѣніе лопается! Да, я ударю васъ, олухи, болваны, быки, ослы, свиньи, бараны, мошенники, бездѣльники, мерзавцы, ше....—впрочемъ, безъ горячности! все по порядку.....» И тутъ Бёрне въ алфавитномъ порядкѣ приводитъ нѣсколько страницъ бранныхъ словъ, обращенныхъ къ его противникамъ, а когда дошелъ до бранныхъ словъ, начинающихся съ буквы Z, онъ дѣлаетъ обращеніе къ «первому знатоку искусства нашего времени г. кабинетъ-секретарю Сохриру въ Вѣнѣ» и проситъ его рѣшить, кто оказался грубѣе, кто кого превзошелъ, онъ ли или его противники. Мораль его памфлета была, кажется, понятна: «вы воображаете, говорилъ онъ, что ругаться значитъ бороться; это не мудрено, вотъ вамъ тысячи ругательныхъ словъ, но что же изъ этого?» Противники его были впрочемъ такого свойства, что не поняли или не хотѣли понять этой морали памфлета и продолжали противъ Бёрне свою грязную и вмѣстѣ бездарную полемику, которая главнымъ образомъ сводилась къ брани.

Помимо всей брани, пущенной тогда въ Бёрне, противъ него употреблялся также тотъ обыкновенный и вмѣстѣ безчестный пріемъ, который употребляется сплошь и рядомъ продажными писателями противъ честныхъ людей, когда они, не находя

Digitized by Google

возможнымъ писать на родинѣ, удаляются въ чужія страны и оттуда клеймятъ и выставляютъ къ позорному столбу всѣ дѣйствія деспотическихъ правительствъ. Пріемъ этотъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «нечего сказать, большая храбрость убѣжать въ безопасное мѣсто и оттуда извергать громы!» Противъ Бёрне выставлялось это обвиненіе буквально тѣми же словами: «большая храбрость убѣжать въ Парижъ и оттуда писать противъ нѣмецкихъ правительствъ!» «А вы бы хотѣли, спрашиваетъ ихъ Бёрне, чтобы я бросился добровольно въ львиную пасть; вы бы хотѣли, чтобы я, зная отлично всѣ ваши орудія, зная, какъ ночью вы вторгаетесь въ спальню, какъ стаскиваете вы съ постели и бросаете въ холодный казематъ; зная, что судьями являются наемные прислужники безъ чести, безъ совѣсти; зная, что вы умѣете такъ стирать съ лица земли, съ такой тайною, что потомъ никто не найдетъ и слѣда, зная, что вы употребляете въ дѣло, если даже не матеріальную, то нравственную пытку, зная, однимъ словомъ, всю бездну произвола, въ которую вы погружены, вы хотите, чтобы я, какъ мальчишка, сказалъ вамъ: вы обвиняете меня въ недостаткѣ храбрости, такъ вотъ вамъ, берите меня!»... «Дайте мнѣ, говоритъ Бёрне, гласное судопроизводство, дайте мнѣ ту защиту, которою во Франціи пользуется даже убійца, дайте мнѣ свободу печати, чтобы мои друзья могли узнать изъ газетъ о моей участи, и тогда я приду къ вамъ на судъ. Но вы, конечно, не сдѣлаете этого, потому что въ такомъ случаѣ не мнѣ придется отвѣчать вамъ, а вы должны будете дать отчетъ мнѣ и народу».

Бёрне очень хорошо зналъ, какую важную роль играетъ продажная журналистика въ странѣ, лишенной здороваго политическаго устройства, какое вліяніе пріобрѣтаетъ она порою, пользуясь самыми низкими инстинктами общества, какою серьезною преградою является она для протрезвленія общества, и потому очень часто въ своихъ «Письмахъ» возвращается къ подобной журналистикѣ и къ подобнымъ журналистамъ, стараясь внушить въ нимъ непреодолимое отвращеніе и презрѣніе въ обществѣ. Чтобы дать образчикъ той манеры, того искусства, съ которымъ онъ обращался съ этими плевелами общества и литературы, можно остановиться на портретѣ одного изъ самыхъ безсовѣстныхъ и вмѣстѣ извѣстныхъ продажныхъ писакъ Германіи, именно на портретѣ знаменитаго по своей позорной дѣятельности Ярке. Тѣмъ болѣе позволительно намъ остановиться на этомъ портретѣ, что въ сущности это вовсе не портретъ одного нѣмецкаго Ярке, это портретъ всевозможныхъ Ярке.

Въ этомъ портретѣ онъ изображаетъ всѣ стороны такого пи-

Digitized by Google

сателя, онъ указываетъ на всѣ оттѣнки, которые принимаетъ выраженіе его лица въ различныя минуты, смотря по тому, о чемъ онъ говоритъ. Онъ говоритъ о «сильныхъ міра»—улыбка на его губахъ, медъ на языкѣ; онъ говоритъ о демократахъ—на губахъ у него пѣна, происходящая отъ бранныхъ словъ; онъ говоритъ о революціи—на языкѣ у него: «преступленіе, разбой, варварство»; однихъ запугиваетъ ужасами революціи, другихъ благословляетъ на преслѣдованіе, свои доносы на честныхъ людей выдаетъ за свое самоотверженіе и любовь къ родинѣ; въ то время, когда онъ не что иное, какъ продажный, а слѣдовательно и вредный писака, онъ увѣряетъ, что онъ спаситель отечества отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамолъ, и что при этомъ самое любопытное—это то, что всегда находятся настолько простодушные люди, которые вѣрятъ и въ его навѣты, и въ то, что онъ дѣйствительно спасъ свое отечество. Такой писака, какъ водится, всегда имѣетъ свой журналъ, свою газету, иногда даже и журналъ и газету, и по цѣлой странѣ распространяетъ такимъ образомъ свое благоуханіе. Говоря про газету Ярке, Бёрне пишетъ: «Это очень забавная камера-обсура; въ ней проходятъ передъ вами, со всѣми своими тѣнями, всѣ склонности и антипатіи, желанія и осужденія, надежды и опасенія, радости и муки, трусливость и безумная смѣлость, цѣли и средства монархистовъ и аристократовъ. Услужливый Ярке! онъ открываетъ все, онъ предохраняетъ всѣхъ!» Какъ вѣрно подмѣчена эта послѣдняя черта; дѣйствительно всякій Ярке непремѣнна все открываетъ и все предохраняетъ! Тутъ онъ казнитъ революцію, тамъ билль о реформѣ, сегодня побѣждаетъ республику, завтра конституціонное правленіе. Отъ одной страны онъ переходитъ къ другой, отъ одного народа къ другому и вездѣ борется съ развращеннымъ духомъ времени. Онъ не ограничивается только тѣмъ, что казнитъ этотъ духъ въ настоящемъ, нѣтъ, онъ заглядываетъ въ въ будущее и углубляется въ прошедшее. Ярке, казнивъ всѣ пагубныя революціонныя стремленія, обращается къ исторіи и ей дѣлаетъ строгій выговоръ. «Все назадъ, все назадъ! За двѣ недѣли до этого онъ началъ рубить англійскую революцію 1688, т.-е. имѣющую сто пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Скоро очередь дойдетъ до старшаго Брута, изгнавшаго Тарквиніевъ, и такимъ образомъ господинъ Ярке доберется, наконецъ, до Господа Бога, который былъ такъ непредусмотрителенъ, что создалъ Адама и Еву прежде, нежели онъ позаботился создать королей, черезъ что человѣчество забрало себѣ въ голову, что оно можетъ обойтись и безъ нихъ». Относительно честныхъ публицистовъ употребляются также извѣстные пріемы. Помимо брани, на которую всевозможные Ярке

Digitized by Google

такъ щедры, они стараются увѣрить добродушную публику, что если и находятся писатели, которые борятся съ правительствомъ и толкуютъ о томъ, что народъ не пользуется своими правами, что онъ лишенъ свободы, что его деньги разстрачиваются непроизводительно и т. д., и т. д., то это только потому, что эти писатели—враги народа, и желаютъ ему зла, а что истинные патріоты—это они, журнальные лгуны. «Если бы мы ненавидѣли нѣмецкій народъ, — пишетъ Бёрне, обрисовавши Ярке, — развѣ употребляли бы мы всѣ усилія для того, чтобы помочь ему освободиться отъ позорнѣйшаго униженія, въ которомъ онъ томится, отъ высокомѣрія и презрѣнія его враговъ, отъ клеветы всѣхъ продажныхъ писателей—и это для того, чтобы предоставить его на произволъ мелкимъ, скоропроходящимъ и высокопочтеннымъ опасностямъ свободы? Ненавидь мы нѣмцевъ, мы писали бы такъ, какъ вы, господинъ Ярке, но все же мы не брали бы за это денегъ....»

Бёрне очень хорошо зналъ, что, несмотря на нравственную ничтожность всевозможныхъ Ярке, противъ нихъ, тѣмъ не менѣе, нужно бороться, такъ какъ при отсутствіи политическаго развитія въ странѣ, подобные писатели могутъ имѣть вліяніе на общестью. Онъ взывалъ къ этой борьбѣ и долго не находилъ себѣ эха въ нѣмецкой литературѣ, на которую онъ много разъ горько жаловался, и при этихъ жалобахъ онъ не столько нападалъ на пошлость нѣмецкихъ писателей, сколько на ихъ безтактность. Одинъ изъ его біографовъ, именно Бейерманъ, передаетъ, что Бёрне часто повторялъ, говоря о нѣмецкихъ писателяхъ: еслибы они умѣли хоть во-время молчать! На помощь Бёрне долго никто не являлся и онъ одинъ боролся съ апатіею, въ которую было погружено современное ему общество. Бёрне, конечно, понималъ очень хорошо, что его литературная дѣятельность не можетъ вырвать общество, народъ изъ власти произвола, что для этого нужно, чтобы само общество, самъ народъ захотѣлъ принять дѣятельное участіе въ своемъ освобожденіи. Но весь вопросъ заключается именно въ томъ, чтобы народъ захотѣлъ «захотѣть». Какъ только это случится, народъ будетъ свободенъ. «Люди такъ глупы!—восклицаетъ Бёрне.—Если бы они только одинъ день хотѣли, или одинъ день не хотѣли, тогда былъ бы, по крайней мѣрѣ, конецъ всѣмъ страданіямъ, происходящимъ отъ людей, и остались бы только наводненія, землетрясенія, болѣзни, а эти бѣдствія ужъ не Богъ знаетъ что. Но *хотѣть!* Въ этомъ-то и дѣло. *Не хотѣть*—это еще больше. Императоръ Максиміліанъ имѣлъ придворнаго шута, который сказалъ ему однажды: *Еслибы мы всѣ въ одинъ прекрасный день не захотѣли*

Digitized by Google

болѣе, что ты сталъ бы тогда дѣлать? Я не знаю,— прибавляетъ Бёрне,—что отвѣчалъ на это императоръ, но дуракъ, который болѣе, чѣмъ триста лѣтъ тому назадъ выразилъ такую великую мысль, долженъ былъ обладать возвышеннымъ умомъ». Все, что Бёрне могъ сдѣлать для нѣмецкаго народа, онъ сдѣлалъ. Конечно, онъ не освободилъ его отъ предразсудковъ; онъ не освободилъ его отъ того порядка, который былъ такъ ненавистенъ автору «Парижскихъ Писемъ»; онъ не далъ ему свободы печати; онъ не далъ истиннаго народнаго представительства; онъ не превратилъ пороковъ въ добродѣтели, но онъ будилъ его, словомъ, онъ училъ какъ и прежнею литературною дѣятельностью, такъ и своими «Парижскими письмами», какъ народъ долженъ «хотѣть»; онъ, обращаясь къ нѣмецкому народу, говорилъ ему: встань и пойди! Имѣвшіе уши услышали, встали и пошли. Если нѣмецкій народъ не дошелъ еще, то онъ все-таки идетъ, и это уже не бездѣлица, и въ томъ, что онъ идетъ, Бёрне оказалъ ему громадную услугу. Безъ ложной скромности, Бёрне самъ опредѣлилъ то значеніе, которое онъ имѣлъ для нѣмецкаго народа, когда онъ говорилъ: «развѣ я не нагналъ пурпуръ гнѣва на тысячи безкровныхъ щекъ и не заставилъ ихъ въ то же время зардѣться румянцемъ стыда? Развѣ я не воспламенилъ множество холодныхъ сердецъ? Какое вамъ дѣло до того, что́ зажигаетъ это пламя — костеръ ли мой, или ѳиміамъ, принесенный на мой алтарь? Это только меня касается. Довольно того, что оно горитъ. Не будьте неблагодарны къ одному изъ вашихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, который вмѣстѣ съ другими помогалъ будить васъ». Въ этомъ постоянномъ стремленіи будить, въ этой постоянной проповѣди на тему «хотѣть», заключается то значеніе, которое имѣли для нѣмецкаго общества «Парижскія письма» Бёрне, и главнымъ образомъ та доля ихъ, которая касается Германіи.

Подводя мысленно итогъ всему тому, что́ Бёрне говорилъ въ «Парижскихъ Письмахъ» о Германіи, о безправномъ положеніи нѣмецкаго народа и произволѣ нѣмецкихъ правительствъ, въ головѣ невольно рождается вопросъ, который, быть можетъ, приходилъ на умъ и нашимъ читателямъ: не клеветалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Бёрне на политическое состояніе Германіи, когда онъ рисовалъ его такими мрачными и чуть не безнадежными красками? Развѣ самыя «Парижскія Письма» не должны, скажутъ намъ, служить доказательствомъ, что Бёрне дѣйствительно клеветалъ на Германію; развѣ, продолжаютъ насъ спрашивать, возможно въ странѣ, гдѣ властвуетъ произволъ, говорить о произволѣ то, что́ говоритъ о немъ Бёрне; развѣ въ странѣ, гдѣ граж-

Digitized by Google

дане безправны, возможно такъ пользоваться своими правами, какъ пользуется ими Бёрне; развѣ тамъ, гдѣ нѣтъ свободы печати, можно до такой степени свободно говорить о рабствѣ литературы и журналистики, какъ мы это видѣли въ «Парижскихъ Письмахъ», развѣ при деспотическомъ правительствѣ возможно такъ поражать деспотизмъ, какъ поражаетъ его Бёрне; развѣ мыслима такая борьба, развѣ мыслима такая публичная и позорная казнь, которой предаетъ Бёрне нѣмецкія правительства и раболѣпство народа, при господствѣ произвола, при безправности общества? Нѣтъ, политическое положеніе страны не такъ еще дурно, шевелится въ головѣ мысль, если такой писатель, какъ Бёрне, можетъ говорить то, что онъ высказывалъ въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ»? Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что Бёрне клеветалъ на свою родину и клеветалъ на свой народъ? Ни въ какомъ случаѣ. Изъ этого слѣдуетъ только одно, что когда какой-нибудь иностранный писатель говоритъ о дурномъ политическомъ положеніи своей страны, когда онъ жалуется на произволъ власти, когда онъ плачется на безправное положеніе народа, когда онъ толкуетъ объ отсутствіи свободы печати, то мы, ни въ какомъ случаѣ, не должны прилагать ко всему одного аршина. Требованія и идеалы политическаго писателя обусловливаются состояніемъ цивилизаціи той страны, который принадлежитъ самъ писатель, и Бёрне былъ потому правъ недовольствуясь для Германіи тѣмъ, что существовало въ Германіи. То, что въ одной странѣ можетъ казаться вѣрхомъ благополучія, то въ странѣ болѣе развитой далеко еще не соотвѣтствуетъ требованіямъ ея передовыхъ людей.

Евг. Утинъ.

Digitized by Google

ИСТОЧНИКИ

КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. По оффиціальнымъ источникамъ составилъ *Александръ Скребицкій.* Четыре тома. Боннъ-на-Рейнѣ. 1862—1868 гг.

Не знаемъ, должны ли мы извиняться предъ г. Скребицкимъ, что такъ поздно даемъ отчетъ о его трудѣ. Почтенный объемъ этого труда и то обстоятельство, что посвященъ онъ предмету, интересъ котораго далеко не преходящій, достаточно объясняютъ, почему мы не спѣшили этимъ отчетомъ. Къ тому же думали мы, что́ за спѣхъ съ книгой, на роду которой точно написано было, только временемъ и терпѣніемъ побѣждать превратную судьбу! Ко многимъ курьезамъ, такъ часто сопровождающимъ лучшія человѣческія дѣянія и въ изобиліи сопровождавшимъ также, какъ извѣстно, великую реформу освобожденія, нельзя не отнести и слѣдующей подробности, которая кажется намъ не совсѣмъ безъинтересна. Многотомный трудъ г. Скребицкаго печатался въ Боннѣ-на-Рейнѣ, съ 1862 по 1868 годъ. Краткое предисловіе, объясняющее исторію происхожденія этого труда, на который г. Скребицкаго натолкнулъ покойный баронъ Гакстгаузенъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи богатое собраніе матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, доставленнымъ ему Я. И. Ростовцевымъ, помѣчено 31-мъ мая 1868 г. Мы не вправѣ говорить здѣсь ни о какомъ другомъ просвѣщенномъ содѣйствіи, благодаря которому сочиненію г. Скребицкаго суждено

Digitized by Google

было увидѣть свѣтъ. Какъ бы то ни было—къ іюню мѣсяцу 1868 г., всѣ трудности, съ которыми должно бороться печатаніе заграницею обширнаго русскаго изданія, и устройство, усиліями автора, русской типографіи въ Боннѣ, окончательно побѣждены и экземпляръ сочиненія можетъ отправиться въ Петербургъ. Возникаетъ вопросъ цензурный. По объему сочиненія о предварительной цензурѣ рѣчи не могло быть. По содержанію своему оно, какъ составленное по оффиціальнымъ источникамъ, отличается строго-фактическимъ характеромъ. Но изданіе, появившееся за-границею, уже по одному этому, какою трезвостію оно ни отличалось бы, требуетъ у насъ, для свободнаго обращенія, предварительнаго разрѣшенія. Изъ появившагося лѣтомъ нынѣшняго года обозрѣнія коммиссій, учрежденныхъ, по разнымъ вопросамъ, при нѣкоторыхъ изъ высшихъ вѣдомствъ въ 1869 и въ началѣ 1870 г. («Правит. Вѣстникъ», 1870 г., № 105 и 106), мы знаемъ, что при II-мъ отдѣленіи учреждена была также особая коммиссія для разсмотрѣнія труда г. Скребицкаго, и что 8-го января 1870 г. окончательно разрѣшенъ, согласно заключенію коммиссіи, пропускъ этого сочиненія въ Россію для продажи. Но между тѣмъ, какъ при большей части другихъ коммиссій означено время ихъ, учрежденія или образованія, такъ что не представляется никакого труда судить, по самой продолжительности существованія ихъ, о той основательности, съ которою онѣ, не спѣша, занимались порученнымъ имъ дѣломъ,—время учрежденія коммиссіи, занимавшейся разсмотрѣніемъ труда г. Скребицкаго, не показано. Изъ такого умолчанія, останавливающаго внимательнаго читателя, не слѣдуетъ однако дѣлать невыгоднаго заключенія объ основательности. съ которою эта коммиссія разсматривала составленное по оффиціальнымъ источникамъ сочиненіе г. Скребицкаго. Къ тому же есть данныя для возстановленія, по крайней мѣрѣ, приблизительнаго срока ея существованія. Книга отпечатана была въ маѣ 1868 г., разрѣшена же она къ обращенію въ Россіи въ январѣ 1870 г. Положимъ какъ можно больше времени,—нѣсколько мѣсяцевъ, которые могли уйти на доставленіе экземпляра книги въ Россію и на разрѣшеніе вопроса, кому и въ какомъ порядкѣ ее разсматривать. Будемъ ли мы, за вычетомъ этихъ мѣсяцевъ, далеки отъ истины, если скажемъ, что на разсмотрѣніе книги г. Скребицкаго коммиссія употребила добрый годъ времени, а можетъ быть и болѣе того? Не позволяя себѣ послѣ этого сомнѣваться въ основательности, съ которою коммиссія разсматривала это сочиненіе, хотя она и употребила на то немногимъ меньше времени, чѣмъ сколько потребовалось для самихъ редакціонныхъ коммиссій по крестьян-

Digitized by Google

скому дѣлу для окончанія ихъ великаго труда (учреждены эти комиссіи 17 февраля 1859 г., закрыты 10 октября 1860 г.),— будемъ довольны, что намъ, а не слѣдующему поколѣнію дана комиссіей возможность пользоваться разсмотрѣннымъ ею сочиненіемъ г. Скребицкаго.

I.

Есть довольно много причинъ, по которымъ обращеніе къ источникамъ крестьянской реформы, разработаннымъ въ трудѣ г. Скребицкаго, можетъ, какъ намъ кажется, представить не малый интересъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя сами принимали бо́льшее или меньшее участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу, съ ходомъ и въ особенности съ документальной стороной этого дѣла знакомы у насъ весьма немногіе. И это незнакомство представляетъ тѣмъ бо́льшее неудобство для пониманія нашей современной дѣйствительности, что наиболѣе интересный вопросъ, который становится теперь на очередь — каковы результаты крестьянской реформы? — предполагаетъ уже предварительное обращеніе къ исторіи и началамъ этой реформы, дабы уяснить себѣ, къ чему стремились и чего достигли. Когда подобные вопросы начинаютъ ставиться относительно какой-либо реформы, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся общедоступными такіе матеріалы этой реформы, которые до сихъ поръ находились подъ спудомъ, то очевидно, что для нея наступаетъ время первой исторической оцѣнки. Дѣйствительно, едва окончился первый девятилѣтній періодъ со времени обнародованія Положеній 19-го февраля, и эпоха великой реформы такъ отодвинулась отъ насъ, такъ уходитъ уже въ даль, что отзывы и рѣчи участниковъ реформы, когда читаешь ихъ въ сочиненіи г. Скребицкаго, звучатъ чѣмъ-то уже очень отдаленнымъ, и вся работа по освобожденію кажется уже дѣломъ давно минувшихъ дней.

Отчего это? Развѣ мы такъ быстро живемъ, развѣ наша общественная жизнь такъ ускоренно развивается, или она такъ богата прогрессивными началами, что достаточно какихъ-нибудь десяти лѣтъ, чтобы къ одному изъ великихъ дѣлъ нашего времени, поколѣніе, которое само пережило его, начинало относиться преимущественно съ историческимъ интересомъ,—съ интересомъ, съ которымъ относятся хотя и къ важному, но уже давнему дѣлу, съ которымъ справляются главнымъ образомъ потому, что не всѣ части рѣшенія этого дѣла оказались одинако-

Digitized by Google

ваго достоинства, а нѣкоторыя положительно требовали бы ревизіи, перевершенія?... Или другія реформы, судебная и въ особенности земская временно заслонили собою крестьянское дѣло? Мы думаемъ, что послѣднее дѣйствительно случилось, и вообще мало удавшаяся земская реформа значительно измѣнила взглядъ и на крестьянскую и заставила сосредоточить вниманіе всѣхъ интересующихся освобожденіемъ на наименѣе удовлетворительной сторонѣ крестьянскаго дѣла — на чрезмѣрно высокой оцѣнкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскихъ надѣловъ и вслѣдствіе того на огромныхъ выкупныхъ платежахъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, обыкновенная судьба великихъ законодательныхъ мѣръ, повидимому, готова постигнуть и Положеніе 19-го февраля: новый законъ вступилъ въ жизнь, и съ этого момента вся предварительная работа, которая предшествовала изданію закона, становится достояніемъ исторіи даже прежде еще, чѣмъ наступили для народной жизни всѣ тѣ послѣдствія, которыя заключаются для нея въ законѣ. И если уже до изданія закона лирическій періодъ непомѣрныхъ ожиданій отъ него — что онъ преобразитъ всю дѣйствительность — постепенно смѣняется болѣе критическимъ, то практическое проведеніе его въ жизни еще болѣе приводитъ къ спокойной оцѣнкѣ того, что̀ пріобрѣтено реформой и что̀ еще остается пріобрѣсти.

Все это справедливо и относительно крестьянской реформы, но при этомъ необходимо сдѣлать одну оговорку. Дѣло въ томъ, что люди въ одно десятилѣтіе, хотя становятся богаче опытомъ, но не перерождаются и, при измѣнчивости во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остаются обыкновенно довольно неподвижны въ тѣхъ взглядахъ на общественную жизнь, которые обусловлены ихъ собственнымъ положеніемъ, ихъ собственными интересами. Какъ знать, поэтому, не произошла ли неудача земскихъ учрежденій въ иныхъ мѣстахъ именно отъ преобладанія въ нихъ тѣхъ самыхъ общественныхъ элементовъ, съ которыми должна была бороться и крестьянская реформа....

Съ этой точки зрѣнія знакомство съ источниками крестьянской реформы и съ тѣми мнѣніями и взглядами, которые высказывались заинтересованными лицами по поводу этой реформы, пріобрѣтаетъ уже довольно практическое значеніе. Другими словами, эти взгляды и мнѣнія устарѣли только отчасти и, принадлежа людямъ по большей части еще живымъ и подвизающимся на различныхъ поприщахъ, сохранили нѣкоторую долю современности и могутъ еще нѣсколько помочь оріентироваться въ нашемъ общественномъ быту. Воспроизведеніе ихъ въ

Digitized by Google

трудѣ г. Скребицкаго имѣетъ поэтому далеко не антикварный интересъ.

По отношенію къ крестьянской реформѣ, самые отчаянные противники ея должны были убѣдиться, что опасенія ихъ далеко не оправдались и что во многихъ мѣстахъ не они имѣютъ причину быть окончательно недовольными реформой; самые же горячіе защитники ея также, вѣроятно, должны были сказать себѣ, что въ томъ видѣ, какъ она перешла въ жизнь, она, конечно, измѣнила въ очень многихъ губерніяхъ народный бытъ къ лучшему, но далеко не въ мѣру ожиданій. Тотъ обще-историческій фактъ, что крестьянинъ у насъ освобожденъ *съ землею*, остается во всей своей силѣ, но рядомъ съ нимъ становится другой весьма прискорбный фактъ, который такъ громко сталъ заявлять себя въ послѣднее время,—что вслѣдствіе высокихъ повинностей, опредѣленныхъ за надѣлы, часто далеко превышающихъ доходъ съ земли, крестьянинъ у насъ такъ обремененъ платежами, что освобожденіе съ землею уже теперь не застраховало нѣкоторыхъ нашихъ уѣздовъ отъ сельскаго пролетаріата. Сегодня мы читаемъ о нищенскомъ состояніи крестьянства въ холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, завтра мы узнаемъ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, что положеніе крестьянства въ суражскомъ и мглинскомъ уѣздахъ Черниговской губ. въ полномъ смыслѣ слова отчаянное; послѣ еще оказывается, что въ серпуховскомъ уѣздѣ Московской губ. оно вполнѣ безвыходное [1]). А тамъ мы читаемъ, что «предполагается назначить коммисію для изслѣдованія причинъ обѣдненія нѣкоторыхъ уѣздовъ Смоленской губерніи, пріостановивъ продажу крестьянской движимости» [2]). Въ добрый часъ! Но, можетъ быть, такое изслѣдованіе окажется не менѣе необходимымъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ уѣздовъ другихъ губерній. Реформа, какъ бы она добросовѣстно ни была предпринята, не можетъ всего предвидѣть и, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, не можетъ, даже при лучшихъ условіяхъ, выйти настолько совершенною, чтобы не нуждаться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ изслѣдованіи на мѣстахъ, къ какимъ результатамъ она повела и въ какихъ частяхъ необходима ревизія органическаго закона. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы не трогать при этомъ основныхъ началъ, освященныхъ уже однажды этимъ закономъ. Относительно крестьянской реформы задача такого изслѣдованія достаточно уже выяснилась. Положимъ, что бѣдственное положеніе сельскаго населенія въ холмскомъ уѣздѣ въ зна-

[1]) Спб. Вѣдомости 1870 г. №№ 184 и 185, 250 и 261.
[2]) Московскія Вѣдом. 1870 г. № 200.

Digitized by Google

чительной степени объясняется мѣстнымъ складомъ земскихъ учрежденій — о членахъ тамошней земской управы назначено, какъ извѣстно, сенатомъ слѣдствіе,—но все же первоначальная причина обнищанія такихъ уѣздовъ кроется въ несоразмѣрно высокой оцѣнкѣ предоставленной крестьянамъ земли. Что крестьяне послѣ истекшаго теперь девятилѣтняго періода не обязаны держать земли и могутъ ее оставить, также могло бы считаться сколько—нибудь серьезнымъ коррективомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они въ подобныхъ мѣстностяхъ знали, что̀ съ собой начать на сторонѣ, куда дѣваться, если бы въ виду были какіе-нибудь промыслы. Но вѣдь и въ такомъ случаѣ освобожденіе въ этихъ мѣстностяхъ становилось бы, на лучшій конецъ, безземельнымъ. Иной вопросъ, могло ли одно Положеніе 19-го февраля повести вездѣ къ одинаковому матеріальному улучшенію крестьянскаго быта безъ соотвѣтствующихъ другихъ реформъ, которыя бы ему явились на помощь, въ особенности безъ существеннаго измѣненія общей податной системы. Слѣдовало ли вообще это Положеніе считать такимъ талисманомъ, который въ состояніи обезпечить улучшеніе матеріальнаго быта крестьянства даже и тогда, когда вслѣдъ за нимъ, и уже независимо отъ высокихъ выкупныхъ платежей, стали возрастать всѣ другія подати и сборы, которыми обложено крестьянство.... Или, въ самомъ дѣлѣ, дарованная свобода отъ крѣпостной зависимости должна была на первое же время такъ увеличить податную силу крестьянства, что на нее можно было взвалить очень многое, безъ опасенія разорить крестьянское хозяйство! Намъ припоминается по этому поводу, изъ сочиненія г. Скребицкаго, одно мѣсто въ отзывахъ тѣхъ сорока членовъ губернскихъ комитетовъ такъ-наз. второго приглашенія, которые, возражая противъ заключенія редакціонныхъ коммиссій о правѣ неполной собственности помѣщиковъ на усадьбы и отведенныя крестьянамъ въ надѣлъ земли, прекрасно разсуждали о возбужденіи крестьянской самодѣятельности, которая одна должна вполнѣ обезпечить крестьянъ: «....Для опредѣленія современной потребности общества въ обезпеченіи крестьянъ, вслѣдствіе совершаемаго преобразованія, надобно дать себѣ ясный отчетъ, какая цѣль этого преобразованія? Освобожденіе крестьянъ нужно не для того только, чтобъ они не были помѣщичьими, а для того, чтобы возбудить ихъ самостоятельную дѣятельность, въ которой они и должны найти обезпеченіе всѣхъ своихъ потребностей. Если предположить, что самостоятельная дѣятельность не можетъ обезпечить свободнаго человѣка, и нужно еще обезпеченіе чужою собственностію, то это предположеніе говорило бы противъ освобожденія крестьянъ.

Digitized by Google

Но члены думаютъ, что нѣтъ основанія показывать такую недовѣрчивость къ преимуществамъ свободнаго положенія крестьянъ; они полагаютъ, что «свободный выборъ мѣста жительства и занятій, вольный наемъ земли и свобода договоровъ о работѣ составляютъ такое обезпеченіе, какого не дастъ крестьянамъ земля помѣщика» (Т. I, стр. 159). Земля, очень высоко оцѣненная, разумѣется, не могла дать крестьянамъ такого обезпеченія. Почтенные члены забывали при томъ, что по словамъ рескриптовъ земля крестьянамъ должна была быть отведена столько же для обезпеченія ихъ быта, сколько и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ.

Чтобы не заходить слишкомъ далеко впередъ, мы должны сказать, что какія бы тяжкія послѣдствія для крестьянскаго хозяйства ни возникли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе слишкомъ высокой оцѣнки крестьянской земли и вслѣдствіе увеличенія, послѣ освобожденія, всѣхъ другихъ податей и сборовъ, которыми обложено крестьянство, — за крестьянской реформой навсегда останется то важное значеніе, что она была единственно возможнымъ и необходимымъ началомъ всѣхъ другихъ реформъ, потому что, безъ освобожденнаго народа, всѣ другія преобразованія висѣли бы на воздухѣ, не имѣя фундамента. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что самый вопросъ о другихъ реформахъ, которыя должны сопровождать освобожденіе крестьянъ, возбужденъ былъ во время работъ по крестьянскому дѣлу. Кому неизвѣстно, что въ связи съ этимъ дѣломъ впервые заявлены у насъ были мысли о необходимости мѣстнаго самоуправленія, гласнаго суда съ присяжными и о непосредственномъ подчиненіи должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства общему суду? Въ этомъ анализѣ всѣхъ сторонъ нашего гражданскаго быта, возбужденномъ трудами по освобожденію крестьянъ, заключается непреходящій интересъ крестьянскаго дѣла. Въ адрессахъ того времени прямо заявлялось, что «бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда»... Нѣкоторыя изъ заявленныхъ тогда требованій и ходатайствъ были уважены, но многому въ тогдашнихъ адрессахъ дворянства и его депутатовъ суждено было остаться въ видѣ pia desideria. Просили тогда, напр., объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій и основаннаго на выборномъ началѣ, причемъ разумѣлось мѣстное представительство, поставленное въ болѣе независимое отъ мѣстной администраціи положеніе, чѣмъ въ какомъ оно находится въ земскихъ учрежденіяхъ. Любопытнымъ сим-

Digitized by Google

итомомъ тогдашняго настроенія общества было также ходатайство «о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій». Надежды на гласность, какъ на радикальное средство противъ всевозможныхъ общественныхъ недуговъ, были тогда вообще самыя радужныя. Но рядомъ съ этимъ шли и болѣе практическія требованія, осуществленіе которыхъ было безусловно необходимо для освобожденнаго народа. Такъ всѣ сознавали необходимость, если не вполнѣ отмѣнить, то по крайней мѣрѣ значительно облегчить паспортную систему, такъ какъ стѣснительность ея для простого народа была слишкомъ очевидна. Поэтому, уже въ 1859 г. учреждена была особая коммиссія для пересмотра устава о паспортахъ и для составленія проекта новыхъ правилъ, болѣе сообразныхъ съ предстоявшимъ измѣненіемъ быта сельскаго населенія. Какая была судьба этой коммиссіи—мы не знаемъ, но работала она вѣроятно весьма основательно, потому что обнародованіемъ своихъ трудовъ она не спѣшила. Не знаемъ также, одна и таже ли это коммиссія, изъ которой, какъ мы еще недавно читали въ газетахъ, должны наконецъ выйти нѣкоторыя облегчительныя правила о паспортахъ. Эти правила, вѣроятно, не въ очень продолжительномъ времени пройдутъ всѣ законодательные пути, которые открываются предъ трудами какой-либо коммиссіи, когда она ихъ благополучно довела до конца и когда уже предварительно закончено плавное сихъ трудовъ теченіе, въ различныя вѣдомства «на заключеніе». Тогда, конечно, число лицъ, ежедневно цѣлыми сотнями, на пространствѣ Россіи, подвергаемыхъ штрафу и заарестованію за просроченные виды и паспорты, и клянущихъ свою судьбу въ столь хорошо устроенныхъ мѣстахъ заключенія, особенно при полиціи, станетъ, нужно надѣяться, менѣе значительнымъ.

Но, независимо отъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждены были крестьянской реформой, въ высшей степени интересно знакомство съ самымъ способомъ совершенія этого преобразованія, съ послѣдовательнымъ ходомъ его и со всѣми тѣми обстоятельствами, отъ которыхъ реформа получала новый толчокъ, и ей не суждено было оставаться въ видѣ проекта, какъ очень долгое время надѣялись сильные противники ея. Когда совершилось крупное историческое событіе, глубоко захватившее народную жизнь, то естественно интересуешься не только тѣмъ, что́ совершено и какія цѣли достигнуты, но и тѣмъ, какъ эти цѣли выяснялись и постепенно ставились, какъ первоначально задуманное дѣло постепенно разросталось, при-

Digitized by Google

нимало все бо́льшіе размѣры, какихъ оно находило себѣ дѣятелей, и съ какими препятствіями оно должно было бороться. Эта внутренняя, такъ-сказать, интимная сторона дѣла потому въ особенности любопытна, что время и люди характеризуются не только тѣмъ, что́ они производятъ, что́ дѣлаютъ, но, можетъ быть, въ гораздо большей степени тѣмъ, *какъ* они что-либо дѣлаютъ. Точно также извѣстный историческій періодъ характеризуется не только тѣми реформами, которыя задуманы и совершены, но и самымъ способомъ, какъ онѣ совершались и потомъ въ какомъ духѣ приводились въ исполненіе. Для практической государственной жизни, разумѣется, важно только то, что́ окончательно получило силу закона и чему суждено опредѣлять житейскія отношенія. Но для интересующихся дѣлами своей родины любопытно еще знать, какими путями прошло извѣстное дѣло, каковы были орудія и средства, избранныя для осуществленія его, кому по праву принадлежитъ починъ дѣла, чье участіе въ немъ особенно важно было, кто помогалъ ему и кто его задерживалъ. По отношенію къ крестьянскому дѣлу народный инстинктъ глубоко чувствовалъ, что починъ этого дѣла вполнѣ принадлежитъ Державной Волѣ и что ей одной слѣдуетъ воздать честь и славу, если оно, несмотря на всѣ препятствія, не останавливаясь, двигается впередъ къ своему совершенію. Но кто болѣе всего помогалъ этому дѣлу и кто ему препятствовалъ,—на этомъ, какъ и на многихъ другихъ вопросахъ и обстоятельствахъ крестьянской реформы, естественно лежитъ еще завѣса, которую только исторія въ правѣ будетъ приподнять. Достаточно сказать здѣсь, что многія любопытныя свѣдѣнія даже о второстепенныхъ подробностяхъ движенія этого дѣла, въ самую пору совершенія крестьянской реформы, были вполнѣ доступны только для посвященныхъ. Не слѣдуетъ также забывать, что послѣ краткаго періода ликованій въ началѣ этого великаго дѣла (послѣдніе мѣсяцы 1857 и первые 1858 г.), наша печать, такъ усердно принявшаяся-было за разработку всѣхъ сторонъ сложнаго вопроса и оказавшая въ этомъ отношеніи несомнѣнныя услуги видамъ правительства, навлекла на себя нареканія со стороны противниковъ реформы, будто статьи, посвященныя этому вопросу, въ состояніи произвести опасное броженіе умовъ! Съ тѣхъ поръ начались бо́льшія или мéньшія, смотря по обстоятельствамъ, ограниченія печати и водворилась полугласность относительно одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій. Естественнымъ послѣдствіемъ было то, что многія статьи и произведенія, невозможныя въ ту пору, при предварительной цензурѣ, въ домашней печати, стали появ-

Digitized by Google

ляться за границей, такъ что тамъ образовалась цѣлая литература по крестьянскому вопросу. Къ заграничной печати одинаково стали прибѣгать и друзья и враги реформы. Произведенія этой печати, весьма различныя по внутреннему ихъ достоинству, появлялись потомъ въ Россіи, ходили по рукамъ, и часто разсылались самими ихъ авторами участникамъ крестьянскаго дѣла. Обращеніе этихъ произведеній, хотя не было собственно запрещено, но все-таки оставалось въ кругу посвященныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній особенно много заставляли говорить о себѣ потому, что служили выраженіемъ крайнихъ стремленій той партіи, съ которой реформа должна была бороться, или прямо разсчитаны были на скандалъ. Къ этой категоріи принадлежатъ прежде всего произведенія авторовъ-крѣпостниковъ, какъ напр. брошюра «русскаго магистра законовѣдѣнія Н. Безобразова объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства», или напечатанное въ Парижѣ, по-французски, письмо члена одного изъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу къ предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій г.-ад. Ростовцеву. Авторомъ этого письма [1]) нѣкоторые считали одного изъ богатѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ, извѣстнаго впослѣдствіи оратора нѣкоторыхъ дворянскихъ и другихъ собраній, гр. Орлова-Давыдова, нигдѣ не возражавшаго, сколько намъ извѣстно, противъ этого авторства. Въ письмѣ этомъ наивно доказывалось, что вся задача редакціонныхъ коммиссій должна бы ограничиваться сведеніемъ во-едино предположеній губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, но не начертаніемъ общихъ началъ освобожденія крестьянъ, и что самая иниціатива этого освобожденія принадлежитъ дворянству. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ, т.-е. относительно иниціативы, конечно, тѣмъ менѣе позволено сомнѣваться, что и большая часть оффиціальныхъ актовъ того времени подтверждали это убѣжденіе, или по крайней мѣрѣ принимали его за исходный пунктъ и безспорное предположеніе...

II.

За границей же въ Лейпцигѣ появилась брошюра, которую приписывали рязанскому депутату Кошелеву: «Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу». Мы не имѣемъ

[1]) Lettre d'un député de Comité à M. le Président de la Commission de rédaction, aide-de-camp général Rostovtzeff. Par. 1859.

Digitized by Google

повода передавать здѣсь содержаніе этой брошюры, служившей «злобѣ дня», или подвергать ее, послѣ многихъ лѣтъ, критическому разбору; но такъ какъ она затрогиваетъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи крестьянскаго дѣла, то не можемъ, упомянувъ о ней, не остановиться нѣсколько на этомъ эпизодѣ. Брошюра эта въ дѣйствительности касалась самаго больного мѣста крестьянской реформы. По первоначальному плану, оффиціально утвержденному, каждый изъ губернскихъ комитетовъ, разработывавшихъ мѣстные проекты положеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, долженъ былъ избрать изъ среды своей двухъ депутатовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, которыя оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта. Къ концу мая 1859 г. работы редакціонныхъ коммиссій, по отдѣленіямъ, настолько уже подвинулись, что можно было приступить къ разсмотрѣнію ихъ въ общемъ присутствіи коммиссій. На это потребовалось тридцать три засѣданія, послѣднее изъ которыхъ было 5-го сентября. Этимъ заключался первый періодъ работъ редакціонныхъ коммиссій, такъ какъ второй долженъ былъ быть посвященъ пересмотру работъ по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ депутатами губ. комитетовъ. Къ концу августа 1859 г. начали съѣзжаться въ Петербургъ депутаты губ. комитетовъ т.-н. перваго приглашенія. Они не безъ основанія ждали и желали участія при общемъ, законодательномъ разсмотрѣніи крестьянскихъ положеній. Въ этихъ ожиданіяхъ, конечно, не было ничего чрезмѣрнаго, особенно если принять въ разсчетъ, что для крестьянскаго дѣла, еслибы оно, положимъ, разрѣшалось въ XVII-мъ стол., навѣрное созванъ былъ бы «для великаго государева и земскаго дѣла», какъ бы тогда вѣроятно выразились, земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій и на немъ присутствовали бы не только выборные отъ дворянъ, но и отъ крестьянъ. А еслибы эта реформа совершилась въ XVIII-мъ вѣкѣ, то по примѣру коммиссіи о сочиненіи Уложенія, дѣло также не обошлось бы, конечно, безъ депутатовъ отъ сословій. Очень можетъ быть, что бродившія уже въ періодъ нашей крестьянской реформы въ немногихъ головахъ идеи о selfgovernment'ѣ посредствомъ большой собственности, — идеи, имѣвшія своимъ органомъ одно время «Московскія Вѣдомости», потомъ покойную «Вѣсть» и вывѣтрившіяся теперь уже въ одно десятилѣтіе — воспользовались бы случаемъ, чтобы въ собраніи, созванномъ по историческимъ обычаямъ, заявить себя съ нѣкоторымъ краснорѣчіемъ. Бѣды отъ того, во всякомъ случаѣ, большой не было бы и, при предварительной подготовкѣ вопросовъ, кра-

Digitized by Google

снорѣчіе этого рода вѣроятно скоро испарилось бы и уступило бы мѣсто толковому занятію дѣломъ.

Но зачѣмъ, могутъ намъ возразить, непремѣнно пускаться въ различныя гадательныя предположенія, когда реформа и при томъ способѣ разрѣшенія ея, которому слѣдовали, привела къ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ результатамъ? — На это возраженіе мы должны сказать, что каково бы ни было направленіе большинства депутатовъ губернскихъ комитетовъ, какъ бы несправедливы ни были ихъ жалобы и нареканія на редакціонныя коммиссіи, но вопросы, которыми ихъ заняли по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, были дѣйствительно такого свойства, что многіе ихъ приняли и только могли принять за злую иронію. Ихъ именно попросили изложить письменно свои соображенія: о мѣрахъ къ охраненію владѣльческихъ лѣсовъ, о порядкѣ заключенія условій по найму вольныхъ рабочихъ, о межевыхъ средствахъ, о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, о взаимномъ страхованіи и о нѣкоторыхъ другихъ такихъ же предметахъ, стоящихъ по важности для исхода цѣлой реформы чуть не на десятомъ планѣ. Чѣмъ больше современемъ исторія воздастъ редакціоннымъ коммиссіямъ по трудамъ ихъ, тѣмъ менѣе этотъ любопытный эпизодъ въ исторіи цѣлаго дѣла,—достаточно обезображенный въ свое время извѣстною запискою противъ редакціонныхъ коммиссій, за которую авторъ ея былъ уволенъ отъ службы—можно будетъ обойти безъ выводовъ и умозаключеній, едва ли очень выгодныхъ для извѣстнаго сорта либерализма. Какъ бы радикально мы ни расходились въ мнѣніяхъ по извѣстному дѣлу, но если это дѣло общественное и мы призваны къ участію въ немъ, то долгъ справедливости столько же, сколько самая простая политическая честность, кажется, требуютъ того, чтобы мы не оттирали отъ этого дѣла тѣхъ, которые думаютъ о немъ иначе, чѣмъ мы, но имѣютъ право участія въ немъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе нашего. На фактическихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ходъ крестьянскаго дѣла, и даже не имѣвшихъ первостепенной политической важности, до сихъ поръ все еще лежитъ какая-то завѣса, и потому трудно понять вполнѣ, какая необходимость заставила поставить депутатовъ въ то положеніе, въ которое они были поставлены по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, и на которое всѣ они жаловались, а не только депутаты или члены губ. комитетовъ, бывшіе по мнѣніямъ своимъ солидарными съ дѣйств. ст. сов. Мих. Безобразовымъ. Вѣдь словомъ «крѣпостники» вопросъ тутъ также мало разрѣшался, какъ и словомъ «бюрократы», обращеннымъ въ противоположный лагерь, хотя каждое изъ этихъ названій довольно вѣрно

Digitized by Google

опредѣляло по крайней мѣрѣ господствующее направленіе на той и другой сторонѣ.

Со стороны же дѣло представляется въ такомъ видѣ. Положимъ, что всѣ депутаты до единаго заражены были крѣпостническими тенденціями—въ дѣйствительности этого далеко не было и меньшинства комитетовъ нельзя въ томъ обвинять — и что такъ какъ депутаты отъ другого заинтересованнаго сословія, отъ крестьянскаго, не вызывались и не допускались къ участію въ дѣлѣ, то уже государственный интересъ, интересъ справедливаго разрѣшенія дѣла для обоихъ сословій требовалъ того, чтобы удерживать губернскихъ депутатовъ на почтенной дистанціи отъ дѣла, которому они могли бы только повредить. Но и въ такомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что не всѣ способы, которыми достигается извѣстная цѣль, одинаково хороши. Въ періодъ начинаній и борьбы, и послѣ, въ первую минуту по достиженіи цѣли, объ этомъ обыкновенно не справляются. Но нѣсколько позже очень позволителенъ вопросъ: коммиссіонный способъ разрѣшенія великихъ законодательныхъ и государственныхъ вопросовъ долженъ ли облекаться въ канцелярскія формы, или онъ можетъ только выиграть отъ возможно бо̀льшаго призыва и серьезнаго участія въ немъ представителей общественной среды? Но если эта общественная среда положительно враждебно настроена къ предпринимаемому преобразованію, то не значитъ ли компрометтировать это преобразованіе допущеніемъ къ участію въ немъ людей, желающихъ свести его на самые мизерные размѣры? Не слѣдуетъ прежде всего забывать, что участіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ, при коммиссіонномъ способѣ законодательства, чисто совѣщательный характеръ. Въ дѣйствительности коммиссіи, работая надъ проектомъ закона, сами не обращаютъ своихъ постановленій, принятыхъ по большинству голосовъ, въ законъ. Когда проектъ выйдетъ изъ этого подготовительнаго періода, то законодательная власть можетъ окончательно согласиться еще съ меньшинствомъ коммиссіи, если на сторонѣ этого меньшинства будутъ болѣе разумныя основанія. Болѣе или менѣе обработанный проектъ закона или положенія — вотъ все, что можетъ выходить изъ редакціонныхъ коммиссій. Въ чемъ же допущеніе къ участію въ совѣщаніяхъ людей съ наиболѣе враждебными реформѣ мнѣніями,—въ періодъ даже окончательныхъ соображеній коммиссіи,—можетъ серьезно испортить, компрометтировать дѣло? Кромѣ того, съ отвлеченно-легальной точки зрѣнія можно еще возразить, что очень многое зависитъ отъ самаго выбора представителей общественной среды. Въ дѣйствительности нельзя разсчитывать, чтобы наиболѣе заинтересован-

Digitized by Google

ные въ стоящемъ на очереди вопросѣ, въ большинствѣ своемъ относились къ нему иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія односторонних своихъ интересовъ. Но свойство общегосударственныхъ вопросовъ, интересующихъ цѣлое общество, цѣлую страну, обыкновенно таково, что представители исключительныхъ сословныхъ привилегій остаются въ большинствѣ только до тѣхъ поръ, пока ихъ привилегированная среда одна и признается тожественною съ общественной средой.

Мы не имѣемъ однако рѣшительно никакой причины вполнѣ довольствоваться здѣсь этою отвлеченно-легальною точкою зрѣнія. Посмотримъ, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности. Депутаты отъ губернскихъ комитетовъ могли, очевидно, держаться по вопросамъ, разработаннымъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, того самаго направленія, въ которомъ дѣйствовали ихъ комитеты, и выражаться въ ихъ же духѣ. Мнѣнія же, выраженныя въ комитетахъ и воспроизведенныя теперь въ сочиненіи г. Скребицкаго, были раздѣлены въ одной оффиціальной запискѣ того времени, составленной въ концѣ іюля 1859 г., когда почти всѣ губ. комитеты окончили уже свои работы, на три категоріи. Къ первой отнесено большинство комитетовъ, мало сочувствовавшихъ освобожденію и въ сущности желавшихъ сохраненія крѣпостного права. Во главѣ ихъ стоитъ комитетъ московскій, за нимъ слѣдуютъ въ этой категоріи комитеты: воронежскій, черниговскій, курскій, костромской и другіе. Ко второй категоріи отнесены были комитеты, въ которыхъ, какъ напр. въ с.-петербургскомъ, «допускали личное освобожденіе крестьянъ, но съ сохраненіемъ за дворянствомъ полнаго права на землю, вотчинныхъ правъ надъ крестьянами и исключительнаго первенства дворянства надъ прочими сословіями». Здѣсь, какъ извѣстно, господствовали противники «средняго рода» людей. Наконецъ, третью категорію составляли комитеты, желавшіе дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ и сочувствовавшіе въ этомъ отношеніи видамъ верховной власти не на словахъ только. Таковы были комитеты тверской и харьковской и меньшинства комитетовъ самарскаго, тульскаго, нижегородскаго и нѣкоторыхъ другихъ [1]). Въ меньшинствѣ различныхъ губерн. комитетовъ обнаружилось много хорошихъ силъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ составъ самихъ редакціонныхъ коммиссій. Но къ этой же 3-й и послѣдней категоріи принадлежали и такіе депутаты, которые, какъ впослѣдствіи оказалось, по нѣкоторымъ довольно существеннымъ вопросамъ находили правила, предположенныя

[1]) Матеріалы для ист. упраздненія крѣп. сост. Т. I, стр. 316.

Digitized by Google

редакціонными коммиссіями, слишкомъ односторонне направленными къ огражденію выгодъ однихъ только помѣщиковъ [1]). Спрашивается, какою опасностію дѣлу могли угрожать общія совѣщанія депутатовъ этихъ комитетовъ, по прибытіи ихъ въ Петербургъ, такъ какъ въ запрещеніи имъ такихъ совокупныхъ оффиціальныхъ совѣщаній депутаты видѣли, справедливо или нѣтъ, прямую махинацію редакціонныхъ коммиссій и горько на нее жаловались? Проекты комитетовъ были уже закончены и достаточно извѣстны, и отъ такого или другого способа совѣщанія депутатовъ, проекты эти не могли пріобрѣсти никакого другого значенія, чѣмъ то, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли лишь имѣть, т.-е. матеріаловъ, болѣе или менѣе пригодныхъ при соображеніи общихъ для всего государства началъ освобожденія, но въ сущности очень мало обязательныхъ для законодательной власти. Или депутаты эти, при общихъ совѣщаніяхъ, могли бы явиться силою, серьезно препятствующею успѣшному совершенію реформы? Чтобы допустить это, требуется нѣсколько смѣлая фантазія. Кромѣ того, хотя депутаты отъ комитетовъ, дѣйствительно желавшихъ реформу, были въ меньшинствѣ, но отчего же непремѣнно полагать, что при совокупныхъ совѣщаніяхъ они не имѣли бы никакого вліянія на остальныхъ членовъ и ихъ убѣжденія остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.... Всѣхъ же ихъ лучше вовсе не нужно было вызывать въ Петербургъ—этого мнѣнія держались нѣкоторые изъ нихъ—чѣмъ занимать ихъ здѣсь письменными соображеніями о межевыхъ средствахъ и заставлять давать, опять-таки письменно и въ одиночку, отзывы на труды редакціонныхъ коммиссій, также не бывшіе еще ничѣмъ законченнымъ, или даже иногда, формы ради, приглашать ихъ въ общее присутствіе этихъ коммиссій для словесныхъ объясненій. Эти словесныя объясненія происходили, по описанію автора брошюры о депутатахъ, такимъ образомъ, что «приглашали по три, по четыре и болѣе депутатовъ; съ ними диспутовали члены редакціонной коммиссіи, по назначенію предсѣдателя. Эти диспуты не имѣли никакого результата и только доставляли въ журналы общаго присутствія статьи слѣдующаго содержанія: «Въ настоящемъ засѣданіи общее присутствіе редакціонныхъ коммиссій, на основаніи высочайше данной 11-го августа инструкціи, имѣло совѣщанія съ нѣкоторыми изъ находящихся въ С.-Петербургѣ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые изъявили желаніе предложить лично

[1]) См. напр. Скребицкаго т. II. стр. 394, по вопросу объ отводѣ и обмѣнѣ земель.

Digitized by Google

вопросы по содержанію нѣкоторыхъ докладовъ отдѣленій коммиссіи. Возбужденные въ семъ засѣданіи вопросы были обсуждены коммиссіями совокупно съ означенными членами, и представленныя разъясненія будутъ приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ редакціонныхъ коммиссій». Съ прискорбіемъ должны мы сознаться, что каждое слово въ вышеприведенной нами статьѣ совершенно ложно. Во-1-хъ, весьма немногіе депутаты изъявили желаніе совѣщаться съ редакціонною коммиссіею, потому что знали безполезность этихъ бесѣдъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ; большая часть членовъ были вызваны ею самою, единственно во исполненіе 7-го пункта инструкціи. Члены редакціонныхъ коммиссій, ex officio, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтобы не завязалось изъ того настоящаго пренія. Депутаты, убѣжденные, что призываютъ ихъ только ради исполненія формальности, отвѣчали также какъ возможно короче, и общее присутствіе спѣшило закончить засѣданія, которыхъ безполезность была всѣми одинаково сознаваема» и т. д. Удивительно ли, что авторъ брошюры все это называетъ «бюрократическою продѣлкою?»

Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что это была просто комедія очень двусмысленнаго содержанія, вставленная въ серьезное дѣло. Всего курьезнѣе то, что авторъ «Матеріаловъ», на которые мы сослались, опровергая приведенный отзывъ о сношеніяхъ редакціонныхъ коммиссій съ депутатами и называя все это чрезвычайно преувеличеннымъ, говоритъ: «Члены редакціонной коммиссіи, а особенно предсѣдатель, вели себя въ отношеніи депутатовъ весьма учтиво (еще бы!) и осторожно. Ростовцевъ даже не разъ обвинялся своими сотрудниками въ *послабленіи*. Вообще онъ, повидимому, боялся депутатовъ, приписывая имъ слишкомъ большое значеніе» [1]). Не забудемъ, что авторъ этихъ матеріаловъ старается доказать, что отношенія редакц. коммиссій къ депутатамъ были вполнѣ безупречны и не имѣли въ себѣ ничего бюрократически-отталкивающаго. Спрашивается, какого же свойства было это *обвиненіе въ послабленіи*?..

Намъ кажется, что чѣмъ важнѣе стоящій на очереди вопросъ, тѣмъ большій вредъ можетъ произойти отъ одного только мнимаго участія въ немъ людей, такъ или иначе къ нему призванныхъ. Мнѣнія, которыя почему либо подавляются и въ періодъ совѣщаній по законодательному дѣлу могутъ находить себѣ мѣ-

[1]) Матеріалы. Vol. II с. 145.

Digitized by Google

сто только въ подаваемыхъ бумагахъ, и потому съ тѣмъ бо́льшимъ упорствомъ распространяются на сторонѣ, — загоняются внутрь, скопляются, и послѣ, когда дѣло видимо торжествуетъ, засоряютъ его. А со стороны кажется совершенно непонятнымъ, откуда именно въ то время, когда дѣло восторжествовало и начинается приведеніе его въ исполненіе, выползаютъ противъ него изъ-за угловъ разные реакціонные гады! Въ періодъ исполненія, канцелярскій способъ, которому при совершеніи соціальной реформы слѣдовали, положимъ даже во имя прогрессивныхъ началъ, сказывается обыкновенно страшною пустотой, окружающею дѣло, какою-то изолированностью его, т.-е. именно отсутствіемъ живыхъ силъ, съ которыми ранѣе слѣдовало считаться, и которыя, еслибы не были оттолкнуты, служили бы дѣлу. Другое еще соображеніе. Какъ знать, еслибы въ періодъ редакціонныхъ коммиссій депутатовъ занимали не одними вопросами о межевыхъ средствахъ и сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, то можетъ быть въ послѣдующихъ періодахъ крестьянскаго дѣла труды этихъ коммиссій подверглись бы меньшимъ исправленіямъ — мнѣнія, устраненныя въ одномъ періодѣ, обыкновенно вербуютъ себѣ сторонниковъ въ другомъ періодѣ законодательной дѣятельности,—такъ что результаты вышли бы одни и тѣже, не лучшіе, но едвали и худшіе, а въ странѣ нѣсколько болѣе укрѣпился бы добрый обычай не разрѣшать весьма важнаго вопроса народной жизни безъ дѣйствительнаго, а не мнимаго только участія представителей общественной среды. Теперь же дѣло представляется такъ: крестьянскіе надѣлы оказались въ очень многихъ мѣстахъ несоразмѣрно высоко оцѣненными. Кому же приписать эту высокую оцѣнку? Труды редакціонныхъ коммиссій имѣли своими источниками и матеріалами проекты губернскихъ комитетовъ, но въ свою очередь не могли составить окончательно готовое Положеніе и подверглись нѣкоторымъ, болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ и исправленіямъ при послѣдующемъ законодательномъ пересмотрѣ. А такъ какъ депутаты, которыхъ занимали вопросами о межевыхъ средствахъ и взаимномъ страхованіи, утверждали, что редакціонныя коммиссіи ихъ именно потому и устранили отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, чтобы рѣшить его исключительно въ интересѣ крестьянъ, то и выходитъ какъ будто, что несоразмѣрно высокая оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ есть въ высшей степени либеральное дѣло редакціонныхъ коммиссій, многихъ членовъ которыхъ крѣпостническая партія въ свое время прокричала красными! Да съ точки зрѣнія этой партіи, всякое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли эти надѣлы по ихъ оцѣнкѣ таковы, чтобы могли

Digitized by Google

обезпечить бытъ крестьянъ — это было самымъ первымъ условіемъ крестьянской реформы — устраняется просто тѣмъ, что вѣдь правила объ этихъ надѣлахъ и о повинностяхъ за нихъ установлены тѣми же редакціонными коммиссіями, значитъ, они должны быть выгодны для крестьянъ...

III.

Утверждая, что въ самую горячую пору разрѣшенія крестьянскаго дѣла, дѣйствительный ходъ его былъ извѣстенъ, по-крайней мѣрѣ въ подробностяхъ, только въ кругу лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, мы имѣли случай ссылаться на вышедшіе въ Берлинѣ лѣтъ десять тому назадъ «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи» и должны были показать, по поводу послабленія, оказаннаго г.-ад. Ростовцевымъ членамъ губ. комитетовъ, какова точка зрѣнія автора этихъ матеріаловъ и можно ли ее вполнѣ раздѣлять. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ эти матеріалы весьма важнымъ источникомъ и пособіемъ при изученіи крестьянскаго дѣла. Три части этого изданія обнимаютъ весь ходъ крестьянскаго дѣла, со времени первыхъ предположеній о реформѣ и до окончательнаго ея совершенія, съ 1855 по 1861 г. Матеріалы эти собраны прежде всего въ защиту редакціонныхъ коммиссій отъ всевозможныхъ клеветъ, щедро на нихъ сыпавшихся, и заключаютъ въ себѣ въ большой полнотѣ всю анекдотическую часть дѣла. Мы не знаемъ ничего лучшаго этихъ матеріаловъ для перваго знакомства съ эпохой освобожденія. Исторія, конечно, не довольствуется апологіей и имѣетъ обыкновеніе переставлять нѣсколько точки зрѣнія на дѣла и дѣятелей, — и стремленія, которыя казались въ данную минуту геркулесовыми столбами либерализма, повѣряемыя практическими результатами, достигнутыми post factum, оказываются иногда далеко позади самыхъ скромныхъ требованій общественной справедливости. Но достоинство такихъ изданій, какъ «Матеріалы», заключается именно въ томъ, что сохраняя память о тѣхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя лежали въ обстоятельствахъ и людяхъ, и съ которыми дѣло должно было бороться, объясняютъ, съ какимъ трудомъ могли быть достигнуты и тѣ результаты, которые достигнуты. Относительно крестьянскаго дѣла это особенно слѣдуетъ не упускать изъ виду.

Черезъ всѣ фазисы освобожденія проходитъ одна характеристическая черта. Какъ ни радикально было преобразованіе, но оно на

Digitized by Google

видъ вовсе не должно было казаться такимъ. Тщательно избѣгали въ началѣ на оффиціальномъ языкѣ даже самаго выраженія «освобожденіе крестьянъ» и ему предпочтено было, какъ извѣстно, «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ.» Когда стали употреблять первое выраженіе, то это уже означало рѣшительный поворотъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Но и послѣ идея освобожденія, даже когда стало несомнѣнно, что правительство твердо за нее стоитъ, выражалась не только не торжественно, открыто, но въ болѣе, чѣмъ скромномъ видѣ, показывала себя какъ будто украдкой и должна была все еще прокладывать себѣ дорогу черезъ цѣлый міръ противорѣчій и пошлостей. И если въ исторіи человѣческихъ дѣлъ любопытны и глубоко поучительны тѣ моменты, когда новая идея, которой суждено преобразить гражданскій бытъ народа, является сначала какъ нравственное требованіе меньшинства, но постепенно охватываетъ всѣ общественные слои и наконецъ смѣло и открыто выступаетъ въ лицѣ своихъ поборниковъ, твердо держащихъ свое знамя, — то иного рода интересъ вызывается въ томъ случаѣ, когда великое дѣло должно совершиться такъ, чтобы какъ можно менѣе замѣтили, что оно дѣйствительно великое...

Человѣческое общество такъ создано, что въ немъ всегда найдутся люди, которые мысль о всякомъ дѣйствительномъ улучшеніи, если не считаютъ опаснымъ нововведеніемъ, то признаютъ полезною только тогда, когда она будетъ настолько урѣзана и сжата, оговорена и обезцвѣчена, что изъ первоначальнаго содержанія ея въ ней очень мало что останется. Такіе люди не считаютъ себя собственно противниками прогрессивнаго развитія общества, но только желали бы, чтобы это развитіе совершалось какъ можно болѣе на маниловскій манеръ. Рядомъ съ ними и какъ бы въ дополненіе къ нимъ необходимо являются другіе съ такими же предложеніями обществу реформъ, какія Кочкаревъ дѣлалъ у Гоголя пріятелю своему Подколесину на счетъ женитьбы: «Только не конфузься: я тебя женю такъ, что ты и не услышишь!» Тому быту, на почвѣ котораго выросли наши гоголевскіе типы, всѣ эти Чичиковы, Собакевичи, Ноздревы и Плюшкины, крестьянская реформа наносила смертельный ударъ. Развѣ могли они не завопить къ небу, что послѣднія времена пришли, что ихъ обираютъ и грабятъ, что надъ ними сочиняютъ споліацію... Что кричали они это,—то было совершенно въ порядкѣ вещей. Но ихъ голосовъ было такъ много, кричали они такъ громко и такъ заглушали въ общемъ хорѣ всѣ другіе голоса, что въ борьбѣ съ ними крестьянская реформа должна была поступиться всѣми тѣми яркими, лучезарными чер-

Digitized by Google

тами, какія свойственны бываютъ великимъ историческимъ событіямъ, и принять, подъ нашимъ петербургскимъ небомъ, какъ можно болѣе будничній видъ.

IV.

Обращаясь къ труду г. Скребицкаго, невольно испытываешь нѣкоторый священный ужасъ и спрашиваешь себя, зачѣмъ трудъ этотъ вообще такъ громаденъ и не превышаетъ ли объемъ его дѣйствительной потребности читающей публики въ ознакомленіи съ крестьянскимъ дѣломъ? Четыре толстыхъ тома, изъ которыхъ второй въ двухъ книгахъ и которыя вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ слишкомъ 7,000 страницъ, конечно, предназначены не для легкаго чтенія, а для изученія крестьянскаго дѣла. Мы думаемъ однако, что самой большой несправедливостью, которая могла бы быть сдѣлана этому труду, на основаніи одной его обширности, было бы счесть его компиляціей, заключающей въ себѣ одинъ сырой, неразработанный матеріалъ. Сочиненіе это прежде всего вполнѣ замѣняетъ собою восьмнадцать томовъ матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій и приложеній къ онымъ. Изъ этого уже видно, что трудъ г. Скребицкаго есть нѣчто иное, чѣмъ простая перепечатка этихъ матеріаловъ. Если въ свое время журналы и труды этихъ коммиссій печатались въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разсылались по губерніямъ, преимущественно къ властямъ и предводителямъ дворянства — что, какъ извѣстно, г. Мих. Безобразовъ съ К° считали вредною для народа пропагандою и обѣщаніемъ отдать толпѣ на добычу чужую собственность, — то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ настоящее время полные экземпляры этихъ матеріаловъ были такою общедоступною вещью. Не нужно именно забывать, что нѣкоторые томы трудовъ коммиссіи вовсе не проникли въ публику. Но источникомъ несравненно болѣе рѣдкимъ, который однако также исчерпанъ г. Скребицкимъ, слѣдуетъ считать въ настоящее время отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ, въ четырехъ томахъ. Эти отзывы составляютъ теперь чуть не библіографическую рѣдкость, — по простой причинѣ, что печатались они въ довольно ограниченномъ, и даже — послѣ смерти генералъ-адъютанта Ростовцева — въ меньшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ было разрѣшено, а въ продажу вовсе не поступали.

Когда имѣешь предъ собою сочиненіе подобныхъ размѣровъ, то съ самаго начала, чтобы сколько-нибудь оріентироваться въ немъ, необходимо уяснить себѣ общій его планъ и попытаться

Digitized by Google

найти мысль, связывающую отдѣльныя его части. Можетъ быть, открывъ ее, мы менѣе будемъ удивляться этимъ размѣрамъ, а убѣдимся, что они обусловливались самымъ предметомъ, которому посвященъ трудъ.

Крестьянская реформа должна была разрѣшить три главныя задачи: дарованіе личныхъ правъ крестьянамъ, обезпеченіе хозяйственнаго ихъ быта и устройство общественнаго ихъ управленія. Такъ ставились и формулировались эти задачи на оффиціальномъ языкѣ того времени, — крайне сдержанномъ и осторожномъ, избѣгавшемъ, даже при надѣленіи крестьянъ землею, говорить о поземельныхъ правахъ крестьянъ и предпочитавшемъ выраженіе—обезпеченіе хозяйственнаго ихъ быта. Въ виду этихъ задачъ, и всѣ вопросы, входившіе въ составъ крестьянскаго дѣла, были или *юридическіе*, къ которымъ относилось опредѣленіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, а также поземельныхъ правъ помѣщика, или *административные* — о внутреннемъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ, объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, или наконецъ *хозяйственные*, обнимавшіе всѣ поземельныя отношенія крестьянъ, т.-е. вопросы объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ. По этимъ, вытекавшимъ изъ существа дѣла вопросамъ, требовавшимъ разработки, и редакціонныя коммиссіи — на одну изъ нихъ, какъ извѣстно, возложено было составленіе проектовъ общихъ положеній, а на другую положеній мѣстныхъ, которыя должны быть примѣнены къ особенностямъ каждой мѣстности—подраздѣлились на отдѣленія юридическое, административное и хозяйственное. Сообразно съ этимъ и трудъ г. Скребицкаго, сосредоточенный на матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій, обнимаетъ въ первомъ томѣ,—вслѣдъ за обширнымъ введеніемъ, посвященнымъ самому ходу работъ по крестьянскому дѣлу со времени перваго достопамятнаго рескрипта отъ 20-го ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова — отдѣлы юридическій и административный. По существу реформы, имѣвшей преобладающее экономическое значеніе, хозяйственному отдѣлу посвящены два наиболѣе обширныхъ тома: второй—о надѣлѣ, объ усадьбахъ и размѣрѣ надѣла, и третій — о повинностяхъ крестьянъ въ пользу помѣщика, за полученную въ надѣлъ землю,—повинностяхъ натуральныхъ и денежныхъ, а также и о другихъ, лежащихъ на крестьянахъ повинностяхъ,—казенныхъ, мірскихъ и рекрутской. Наконецъ, четвертый томъ трактуетъ объ устройствѣ быта дворовыхъ людей, о выкупѣ крестьянами поземельныхъ угодій, о порядкѣ введенія въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, а также

Digitized by Google

объ особыхъ видахъ крѣпостного права, именно о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы при помѣщичьихъ фабрикахъ, горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, и объ особыхъ правилахъ освобожденія для Земли Войска Донского, для Ставропольской губерніи, для Бессарабской области и для Сибири. Здѣсь же идетъ рѣчь и о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, представлявшихъ не послѣдній интересъ въ цѣломъ крестьянскомъ дѣлѣ, если вспомнить, что изъ общаго числа отдѣльныхъ помѣщичьихъ владѣній въ Россіи, которое въ періодъ освобожденія простиралось до 103 т., почти половина имѣній, именно 43 т. заключали въ себѣ, каждое, менѣе 21 души. Наконецъ изъ заключительныхъ главъ четвертаго тома, нельзя не указать еще на двѣ главы, имѣющія особый интересъ, изъ которыхъ одна содержитъ общія замѣчанія членовъ губернскихъ комитетовъ на труды редакціонныхъ коммиссій—члены всѣ въ длинномъ спискѣ поименно названы и являются каждый съ своимъ особымъ, болѣе или менѣе пространнымъ мнѣніемъ (с. 774—890),—а другая заключаетъ въ себѣ отзывы такихъ, впрочемъ всего трехъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, которые въ самой средѣ ихъ являлись защитниками исключительныхъ помѣщичьихъ интересовъ и которые были въ разногласіи съ остальными членами не по отдѣльнымъ какимъ-либо вопросамъ, а относительно общаго направленія работъ.

Упомянувъ о томъ, что члены губернскихъ комитетовъ всѣ поименно здѣсь названы, мы должны прибавить, что этого же самаго правила г. Скребицкій держался и вездѣ въ своемъ сочиненіи. Отдѣльныхъ мнѣній и отзывовъ приведено у него столько, что списки однихъ именъ авторовъ ихъ занимаютъ въ заглавныхъ листахъ цѣлыя страницы. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, историческій комментарій на Положеніе 19-го февраля, отражающій все разнообразіе мнѣній, высказанныхъ о предстоявшей реформѣ людьми изъ разныхъ концовъ Россіи. Это живое свидѣтельство о томъ, какъ смотрѣла на освобожденіе по крайней мѣрѣ одна заинтересованная въ немъ сторона, имѣвшая возможность формулировать свои мнѣнія. Помѣщичья Россія, когда пришли ея послѣдніе дни, высказалась здѣсь съ достаточною откровенностью. Это была ея лебединая пѣснь, печально замиравшая среди новыхъ государственныхъ требованій. И такъ какъ освобожденіе, въ какую бы форму оно окончательно ни установилось, затрогивало всѣ основы гражданскаго быта, то въ мнѣніяхъ и соображеніяхъ о новомъ устройствѣ крестьянскаго сословія сквозятъ часто нелишенныя интереса общія понятія и мысли о гражданской жизни, какъ они сложились въ большинствѣ цѣ-

Digitized by Google

лымъ порядкомъ вещей, который и отстаивался этимъ большинствомъ. Что можетъ быть, напримѣръ, интереснѣе слѣдующей политической философіи одного изъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, обнаруживающей, какъ намъ кажется, положительное знакомство этого дѣятеля съ ученіемъ Жанъ-Жака Руссо объ общественномъ договорѣ, но только примѣненномъ къ крѣпостному праву и приводимомъ въ защиту безземельнаго освобожденія крестьянъ: «...нѣкогда государство, въ видахъ болѣе прочнаго для себя устройства, создало законъ, которымъ установило такъ-называемое крѣпостное право, то-есть: сполiировало въ свою пользу право гражданской свободы народа. Если теперь оно, въ подражаніе тому времени, создастъ новый законъ, по которому предоставлено будетъ административной власти произвольное распредѣленіе поземельнаго владѣнія, то оно сполiируетъ право собственности землевладѣльцевъ, и уже не въ пользу свою, а въ пользу частную. Тогда *по необходимости* оно поколебало понятіе о правѣ личности и свободы гражданской; теперь *безнужно* потрясетъ понятіе о правѣ собственности». (Т. I, с. 151). Это вмѣстѣ съ тѣмъ любопытный образчикъ логики крѣпостного права: государство сполiировало гражданскую свободу народа въ свою пользу, а не въ пользу помѣщиковъ, если же теперь крестьяне будутъ надѣлены землею, на которой они жили и которая, до закрѣпощенія ихъ, принадлежала государству, то этимъ самимъ государство сполiируетъ право собственности землевладѣльцевъ даже не въ свою пользу, а въ пользу частную. Отожествленіе помѣщичьихъ интересовъ съ государственною, а крестьянскихъ съ частною пользою — таково основное положеніе этой логики. «Итакъ, если, какъ выше сказано, государство нѣкогда признало необходимость закона, которымъ одно сословіе народа лишилось правъ личности и гражданской свободы и ввѣрено было опекѣ, а потомъ и власти другого высшаго сословія; то, когда нынѣ оно признало, что необходимость въ томъ миновалась — оно можетъ прекратить силу и дѣйствіе того закона, согласно заявленному на то общему согласію, возвративъ одному сословію права гражданскія и вознаградивъ другое за ущербъ, ему тѣмъ наносимый. Такое уравновѣшиваніе и возрожденіе правъ гражданскихъ составляютъ аттрибуты силы и власти государственной. Но право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; оно не создано государствомъ, а предшествовало ему; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать добромъ, имъ ввѣреннымъ. Конечно, можно это предположить, быть можетъ, въ томъ и успѣть; но такой

Digitized by Google

успѣхъ поколеблетъ то самое начало, изъ котораго истекаютъ и сила и власть, и въ которомъ заключено условіе ихъ жизненности. Къ счастію, въ настоящемъ случаѣ не нужны ни подобныя предположенія, ни искусственная обстановка и опасная ссылка на законы: дворянство, какъ собственникъ и первый охранитель порядка, пошло впереди предложенія, и само своимъ достояніемъ обезпечиваетъ мирное и законное развитіе предпринятаго преобразованія. Въ какой степени оно того достигаетъ, ему это извѣстно не изъ умозрѣній; оно возникло изъ народа; оно живетъ въ народѣ; всегда звалось и всегда было «кормильцемъ и отцемъ его», и знаетъ не изъ теорій его потребности, его характеръ и обычаи; пользы и нужды у него общія съ народомъ; не правомъ завоеванія, но правомъ поколѣннымъ оно осоюжено съ нимъ, и всякій судья, извнѣ и не вратами входящій въ огражденіе того народа, не будетъ ему пастыремъ добрымъ. Этими громкими фразами кн. Ив. Вас. Гагаринъ заключилъ свой замѣчательный отзывъ.» (Т. I. с. 152).

Рядомъ однако съ такими мнѣніями, преобладавшими въ большинствѣ, въ мнѣніяхъ меньшинства, которое образовывалось по наиболѣе важнымъ вопросамъ реформы, выражается сознаніе неизбѣжности реформы и необходимости положить въ основу ея сколько-нибудь справедливыя начала. Мнѣнія и большинства и меньшинства, какъ они высказывались прежде всего въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ и занесены въ составленные ими проекты мѣстныхъ положеній объ освобожденіи крестьянъ, приведены у г. Скребицкаго въ систематическомъ порядкѣ, по предметамъ. Каждая глава начинается именно съ предположеній губернскихъ комитетовъ по извѣстному предмету; идутъ затѣмъ по этому же предмету соображенія редакціонныхъ коммиссій; далѣе приводятся отзывы членовъ, вызванныхъ въ Петербургъ изъ губернскихъ комитетовъ, съ удержаніемъ за каждымъ его собственной рѣчи; потомъ слѣдуютъ отвѣты редакціонныхъ коммиссій и окончательныя ихъ заключенія. Такимъ образомъ, предъ читателемъ проходитъ весь состязательный процессъ о началахъ, принятыхъ въ основаніе Положеній 19 февраля 1861 г. Процессъ этотъ былъ бы вполнѣ законченъ, еслибы ревизія, которой начала эти подверглись въ высшихъ законодательныхъ инстанціяхъ, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и въ государственномъ совѣтѣ, также могла быть включена въ это сочиненіе. Но въ этомъ отношеніи оно представляетъ пробѣлъ. Какъ ни чувствителенъ этотъ пробѣлъ, но такъ какъ въ заключеніе каждой главы авторъ приводитъ подлинныя статьи Положеній 19 февраля, въ которыя вошли начала, окончательно принятыя

Digitized by Google

редакціонными коммиссіями, то хотя мы и не узнаемъ, на какихъ именно вопросахъ останавливалась помянутая ревизія, кѣмъ и какія соображенія при томъ высказывались, но результаты этой ревизіи, именно въ чемъ видоизмѣнены были начала тѣхъ коммиссій, могутъ быть выведены изъ сравненія этихъ началъ съ содержаніемъ Положеній 19 февраля. Поэтому, самый интересъ этой ревизіи, обнаружившей, какія воззрѣнія господствовали въ высшихъ законодательныхъ сферахъ относительно крестьянской реформы, преимущественно историческій.

V.

Наиболѣе существенный вопросъ, около котораго все вертѣлось, какъ около оси, заключался въ томъ: какъ освободить крестьянъ, съ землею или безъ земли? Честь первой опредѣленной постановки вопроса объ освобожденіи крестьянъ не иначе, какъ съ землею, принадлежитъ, какъ извѣстно, К. Д. Кавелину. Его мысль о невозможности иного освобожденія крестьянъ, какъ съ существующимъ ихъ надѣломъ и за выкупъ, развитая въ запискѣ, впослѣдствіи частію напечатанной въ «Современникѣ» и имѣвшей свою исторію въ крестьянскомъ дѣлѣ, была принята и редакціонными коммиссіями. Но прежде еще, чѣмъ дѣло дошло до этихъ коммиссій, среди неизвѣстности и колебаній первой поры крестьянскаго вопроса, мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ съ землею не только не были всѣми усвоены, но, напротивъ, производили въ извѣстныхъ сферахъ чуть не скрежетъ зубовъ, считались красными и вмѣнялись въ великій криминалъ. Въ самыхъ заинтересованныхъ классахъ существовали въ этомъ отношеніи діаметрально-противоположные взгляды. Крестьяне, какъ извѣстно, еще въ пору крѣпостного права высказывались на этотъ счетъ помѣщикамъ большею частью такимъ образомъ: «мы ваши, а земля наша». Съ другой стороны, еще въ 1858 году, когда прошелъ уже первый страхъ предъ освобожденіемъ и когда уже начали нѣсколько стихать раздававшіеся предъ тѣмъ возгласы, что Россія погибнетъ безъ крѣпостного права, потеряетъ силу и значеніе въ кругу европейскихъ государствъ, но когда еще не утвердилось убѣжденіе, что освобожденіе крестьянъ безъ земли просто невозможно — къ этому пришли только въ 1859 году,— а еще очень распространено было въ заинтересованномъ классѣ желаніе наградить крестьянъ одною личною свободою, землю же, и усадебную и полевую, оставить всю за помѣщиками, — тогда многіе изъ нихъ говорили: «крестьянъ мы знать не хотимъ, осво-

Digitized by Google

бодите насъ отъ нихъ, а не ихъ отъ насъ» [1]). Однако при признаніи за помѣщиками права собственности на всю землю, рескриптами, которые даны были на имя начальниковъ губерній, и пояснительнымъ отношеніемъ министра в. д. возлагалась на помѣщиковъ обязанность: изъ земель, принадлежащихъ имъ на правѣ собственности, предоставить крестьянамъ усадьбу, съ правомъ выкупа, и сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ помѣщикомъ и правительствомъ, надлежащее количество земли, на правѣ постояннаго пользованія за опредѣленныя повинности. Въ развитіе этихъ началъ губернскимъ комитетамъ, при опредѣленіи правъ помѣщиковъ на земли, пришлось коснуться и тѣхъ правъ, которыя остаются за помѣщиками на земли, отходящія въ надѣлъ крестьянамъ. Всего проще разрѣшали этотъ вопросъ тѣ комитеты, которые сохраняли за помѣщиками неприкосновенное право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, безъ всякаго различія земель, поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, и земель, остающихся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ. Какъ ни просто и ни ясно было это опредѣленіе, оно имѣло то неудобство, что право собственности, изъ котораго вынуто, помимо воли собственника, право постояннаго пользованія, предоставленное крестьянамъ за опредѣленныя повинности, очевидно только уже въ очень неточномъ смыслѣ этого слова, могло назваться цѣльнымъ, неприкосновеннымъ, полнымъ. Полное право собственности въ этомъ смыслѣ—юридическій monstrum. Поэтому другіе комитеты, если не довольствовались говорить объ отводимыхъ крестьянамъ земляхъ, какъ объ исключеніяхъ и изъятіяхъ изъ общаго неприкосновеннаго права собственности на всѣ земли, и справлялись съ гражданскими законами, то приходили къ различію между полнымъ правомъ собственности—на помѣщичьи или владѣльческія земли, и неполнымъ, въ отношеніи усадебъ и земель, поступающихъ къ крестьянамъ. Это различіе, формулированное самими губернскими комитетами и представлявшее въ дѣйствительности лишь одно уподобленіе того, что признано въ гражданскихъ законахъ—потому что на основаніи частнаго гражданскаго права вопросъ вообще не былъ разрѣшимъ,—принято было сначала и редакціонными коммиссіями, впослѣдствіи отъ него отказавшимися, такъ что выраженіе «неполная собственность», въ отношеніи земель, отходившихъ къ

[1]) Приведено это характеристическое изреченіе въ одной передовой статьѣ «Сѣв. Пчелы» (1860 г. № 1), обратившей на себя въ свое время вниманіе. См. Матеріалы для ист. упразд. крѣп. права. Ч. II, с. 389.

Digitized by Google

крестьянамъ, не было введено въ Положеніе 19 февраля. Но такъ какъ въ этомъ предположенномъ различіи, отъ удержанія или опущенія котораго дѣло ничего не выигрывало и не теряло, заключалось признаніе земель, поступающихъ за повинности въ надѣлъ крестьянамъ, неполною собственностью помѣщиковъ, то оно тѣмъ не менѣе испортило не мало крови многимъ дѣятелямъ по крестьянскому вопросу. Одни изъ нихъ разсуждали такимъ образомъ: «крестьяне наши незнакомы съ юридическими опредѣленіями и понятіе о поземельной собственности далеко еще въ нихъ не развито. Если одна часть земель будетъ названа неполною собственностью, то неминуемо возникнетъ у нихъ мысль о какомъ-то общемъ съ помѣщиками правѣ на земли. Послѣ этого мудрено будетъ увѣрить ихъ, что они должны отправлять за эти земли опредѣленныя повинности и еще труднѣе склонить ихъ къ выкупу». Другіе болѣе рѣшительные дѣятели утверждали: «....что въ законахъ нашихъ поземельныя права дворянства опредѣлены ясно и положительно. Если такая точность и опредѣлительность въ законѣ о поземельныхъ правахъ дворянства признавались необходимыми при крѣпостномъ правѣ, когда и земля и крестьянинъ, живущій на ней, принадлежали помѣщику, то можно ли, безъ опасенія величайшихъ безпорядковъ, ослабить силу этого закона теперь, когда крестьянинъ получаетъ свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагается повинностью за землю? Чтобы сдѣлать этотъ платежъ справедливымъ въ его понятіяхъ, надобно прежде сказать ему, что «онъ не имѣетъ никакихъ правъ на землю; что она составляетъ, по прежнему, неотъемлемую собственность помѣщика, и дается ему въ пользованіе только на опредѣленныхъ условіяхъ».... Хотя разсуждавшіе такимъ образомъ не говорили, кто долженъ вести такую успокоительную рѣчь, сами ли помѣщики, или мѣстныя власти, но очевидно, что предоставлялось это властямъ. «Юридическими опредѣленіями, принятыми редакціонными коммиссіями, понятіе о поземельной собственности, далеко не развитое у нашихъ крестьянъ, ещé болѣе запутается и затемнится. Разграниченіе поземельныхъ правъ, предполагаемое въ такой степени подробности, какъ будто дѣло шло о раздѣлѣ между двумя равноправными наслѣдниками; крайнее и во многихъ случаяхъ совершенно излишнее стѣсненіе правъ помѣщика на земли, отведенныя крестьянамъ; наконецъ самое слово «неполная собственность», хотя и правильное въ смыслѣ юридическомъ, не возбудитъ ли въ крестьянинѣ мысль, что онъ прямой и законный участникъ въ поземельной собственности помѣщика; что, затѣмъ, повинности за землю наложены на него несправедливо, и что можетъ быть

Digitized by Google

самый раздѣлъ земли сдѣланъ не довольно уравнительно по его понятіямъ? Подобная мысль, разъ возникнувъ, поведетъ неминуемо къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ». (Т. I, с. 141). Наконецъ были и такіе критики редакціонныхъ коммиссій, которые установленіе особаго «необходимаго» вида неполной собственности прямо называли «споліаціей» и приходили къ заключенію, что, *юридически говоря* (ipsissima verba!), «самое справедливое было бы освобожденіе крестьянъ безъ земли, съ признаніемъ за помѣщиками права полной собственности на всю землю».—«Но затѣмъ является вопросъ: возможно ли въ Россіи, государствѣ земледѣльческомъ, освобожденіе болѣе 10-ти милліоновъ земледѣльцевъ безъ земли? Офросимовъ и кн. Волконскій сознаются сами, что на вопросъ этотъ нельзя отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Народъ нашъ никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу которыхъ онъ будетъ пущенъ на волю безъ земли, безъ крова и безъ хлѣба. Государство, при спутанности въ народѣ, вслѣдствіе крѣпостного права, идей общей справедливости, не будетъ въ состояніи удержать безземельное народонаселеніе въ предѣлахъ, необходимыхъ для гражданскаго устройства и порядка. Однимъ словомъ, пріобрѣтеніе земель для крестьянъ является необходимостью государственною». (Т. I, с. 145). Съ точки зрѣнія двухъ названныхъ губернскихъ депутатовъ и очень многихъ другихъ, надѣленіе крестьянъ землею, для обезпеченія ихъ быта, слѣдовало совершить по началамъ отчужденія частнаго недвижимаго имущества на государственную или общественную пользу, т.-е. по началамъ экспропріаціи и «за приличное вознагражденіе». Хотя эти начала и не были приняты, тѣмъ не менѣе вознагражденіе во многихъ мѣстахъ оказалось даже болѣе, чѣмъ только приличное.

Самое непріятное въ этомъ пользованіи, которое выдѣлялось изъ права собственности и предоставлялось крестьянамъ, было то, что оно признавалось постояннымъ и безсрочнымъ. Признаніе этого пользованія постояннымъ и безсрочнымъ прямо называлось нѣкоторыми провозглашеніемъ «коммунистическаго начала», которое поведетъ ко многимъ замѣшательствамъ (с. 170). Тѣ же самые два депутата, мнѣнія которыхъ мы сейчасъ привели, обвиняли коммиссіи, что ими упущено изъ виду, во-1-хъ, *что рескриптъ не уничтожалъ крѣпостного права, а только требовалъ улучшенія быта крестьянъ*, посредствомъ регулированія повинностей и предоставленія крестьянамъ права въ теченіе опредѣленнаго времени выкупить свои усадьбы, и во-2-хъ, таковое регулированіе допускалось лишь на время срочно-обязаннаго періода, въ продолженіе котораго 12 лѣтъ помѣщики сохраняли

Digitized by Google

право вотчинной надъ крестьянами полиціи. Теперь же ред. ком. совершенно упраздняютъ крѣпостное право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ помѣщиковъ отдавать ихъ земли крестьянамъ въ пользованіе не на срочное, а на безсрочное время; не по добровольному договору, а за опредѣленныя ред. коммиссіями разъ навсегда и никогда неизмѣняемыя повинности, — это уже не есть, по мнѣнію Офросимова и кн. Волконскаго, улучшеніе быта *крепостныхъ* людей, но улучшеніе быта *свободныхъ поселянъ* на счетъ достоянія помѣщиковъ, чего никогда не требовалъ рескриптъ».

При такихъ взглядахъ, на обвиненія въ коммунизмѣ не скупились, особенно, когда дѣло дошло до угодій, поступающихъ въ поземельный надѣлъ крестьянъ и до отвода и обмѣна земель. Представляется, напр., вопросъ о снабженіи крестьянъ топливомъ и отводѣ имъ лѣса. По отношенію къ этому вопросу предположено раздѣлить Россію на три полосы: малолѣсную, лѣсистую и лѣсную. Въ малолѣсной полосѣ, на помѣщиковъ не возложено обязанности отпускать крестьянамъ какіе бы то ни было лѣсные матеріалы, или дѣлать имъ лѣсной отводъ. Но въ лѣсистой полосѣ предоставляется крестьянамъ пользованіе за повинность топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ: а) въ тѣхъ имѣніяхъ (и по возможности въ прежнихъ размѣрахъ), гдѣ отпускъ имъ производился въ видѣ постояннаго обычая, при чемъ самый обычай считается несуществующимъ въ имѣніяхъ, гдѣ такого отпуска не было въ теченіи послѣднихъ трехъ годовъ до обнародованія Положенія, и б) во всѣхъ, безъ исключенія, имѣніяхъ, гдѣ болѣе половины земли состоитъ подъ лѣсомъ. Наконецъ, относительно лѣсной полосы Россіи предположено было, что во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ совокупность усадебныхъ, пахатныхъ и луговыхъ угодій крестьянскихъ не достигаетъ цифры, установленной для высшаго размѣра надѣла въ той мѣстности, крестьянамъ, по ихъ желанію, должно быть нарѣзаемо изъ лѣсныхъ угодій, въ пользованіе за повинность, все недостающее количество надѣла. Самое распредѣленіе губерній и уѣздовъ между этими тремя полосами предположено было окончательно установить, по выслушаніи членовъ губ. комитетовъ. Обсужденіе этихъ предположеній вызвало крайне разнообразныя мнѣнія. Что лѣсныя порубки у насъ крайне распространены, что относительно лѣса всего менѣе развито въ нашемъ простонародьѣ уваженіе къ собственности и что воровство тутъ происходитъ не отъ одной нужды въ топливѣ или строевыхъ матеріалахъ, а часто для продажи дровъ на базаръ, этого къ сожалѣнію нельзя отрицать. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мнѣ-

Digitized by Google

нія, высказанныя по этому поводу, нисколько не теряютъ отъ того своей оригинальности или прелести. Какъ и по другимъ вопросамъ освобожденія, такъ и здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ мнѣніемъ, относительно-благонамѣреннымъ, что все слѣдуетъ предоставить обоюдному соглашенію помѣщика и крестьянъ, которымъ и должно опредѣляться дальнѣйшее пользованіе лѣсомъ. Оно имѣло только то неудобство, что нисколько не разрѣшало вопроса, чѣмъ топить печку въ случаѣ, если этого соглашенія не состоится, и было нѣсколько непрактично, или въ извѣстномъ смыслѣ черезъ-чуръ практично потому, что одна изъ договаривающихся сторонъ была въ слишкомъ большой зависимости отъ другой, чтобы свободно вступать въ добровольныя соглашенія. Затѣмъ и въ силу привычки,—обращать въ затруднительныхъ случаяхъ взоры на казну, нѣкоторые члены, принадлежавшіе къ губерніи, изобилующей хорошимъ лѣсомъ, были того мнѣнія, «что обезпеченіе крестьянъ топливомъ отъ помѣщиковъ, невозможное въ большой части имѣній по неимѣнію дровянаго лѣса, несправедливо даже относительно тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ есть лѣсъ. Въ видахъ же доставленія срочно-обязаннымъ крестьянамъ топлива, они полагаютъ, что было бы благодѣтельной мѣрою, еслибы правительство обезпечило отпускъ дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ (которыхъ много въ Казанской губ.), за половину попенныхъ денегъ». Слѣдуютъ затѣмъ болѣе откровенныя мнѣнія. «Развѣ, спрашиваютъ два члена помѣщики для того сберегали свои лѣса, чтобы предоставить потомъ распоряженіе ими мѣстнымъ учрежденіямъ? Развѣ для того сберегали они лѣса свои, чтобы эти лѣса служили потомъ предметомъ спора между ними и крестьянами и предлогомъ для вмѣшательства въ дѣла ихъ невѣдомымъ чиновникамъ? *Какъ не позавидовать тѣмъ помѣщикамъ, которые давно лѣса свои продали и деньги прожили!*» Съ этимъ же мнѣніемъ совпадаетъ отзывъ представителя другого губернскаго комитета, именно Владимірскаго, по положенію котораго лѣсъ вовсе исключенъ былъ изъ надѣла. Во Владимірской губерніи, вслѣдствіе фабричныхъ промысловъ, лѣса, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, дѣйствительно сильно истреблены и вопросъ былъ спорный, къ какой мѣстности слѣдуетъ ее отнести. Но не этимъ спеціальнымъ вопросомъ ограничивается помянутый отзывъ, а вдается въ области болѣе общихъ разсужденій. Изъ нихъ слѣдуетъ, что «предоставленіе крестьянамъ топлива, въ какомъ бы то видѣ лѣса оно ни заключалось, даже въ лѣсистой полосѣ, слѣдуетъ допустить не иначе, какъ по полюбовному соглашенію помѣщика съ крестьянами, что̀ послужитъ важною мѣрою къ сбереженію остатковъ

Digitized by Google

лѣса, столь необходимаго для потомства, плодородія земли, и къ обезпеченію цѣнности имѣній, какъ крайняго и послѣдняго средства противъ конечнаго разоренія помѣщиковъ. Многіе изъ помѣщиковъ, заботясь о сбереженіи остатковъ лѣсовъ, сами для своихъ нуждъ покупали лѣсъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и даже нѣкоторые покупали мелкія лѣсныя поросли для крестьянъ. Почему же всѣ эти разсчетливые и благодушные помѣщики должны подвергаться налогу въ пользу крестьянъ, за то только, что они были болѣе заботливы о своемъ потомствѣ, чѣмъ тѣ, которые, продавъ лѣса, воспользовались капиталами, принесшими имъ особыя выгоды?» Окончательный выводъ тотъ, что предположеніе коммиссій объ отпускѣ крестьянамъ, въ лѣсистой полосѣ, топлива, за повинность, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ этотъ отпускъ существовалъ по обычаю,—подлежитъ уничтоженію, или «во избѣжаніе недоумѣній слѣдуетъ постановить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не занята лѣсомъ половина всей земли имѣнія, отпускъ онаго не обязателенъ и къ нормѣ надѣла не причисляется, ибо невозможно требовать всего, *увлекаясь ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою!!*» Удивительно ли послѣ этого, что по поводу того же вопроса о топливѣ, редакціонныя коммиссіи, ограничивая обязательное снабженіе крестьянъ топливомъ исключительно лишь только на первый девятилѣтній періодъ, и притомъ за особую повинность, независимую отъ общей, признавали невозможнымъ отступить отъ этого основнаго начала и приходили къ заключенію, что члены губернскихъ комитетовъ почти постоянно упускали изъ виду одну весьма важную сторону крестьянскаго вопроса—«необходимость, въ видахъ общей пользы, по крайней мѣрѣ не ухудшать нынѣшняго положенія крестьянъ»... [1]). Чѣмъ же однако окончательно разрѣшенъ былъ этотъ споръ о снабженіи крестьянъ топливомъ, на который, сколько извѣстно было въ то время, обращено было вниманіе и въ главномъ комитетѣ? Окончательно постановлено было, чтобы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ до освобожденія крестьяне не пользовались топливомъ изъ помѣщичьяго лѣса, тамъ, въ теченіи девяти лѣтъ со времени утвержденія Положенія (если, впрочемъ, по состоянію лѣсныхъ дачъ и безъ разстройства лѣсного хозяйства это окажется возможнымъ), они получали топливо за особую плату. Значитъ, въ настоящее время, по истеченіи девятилѣтняго періода, все въ этомъ отношеніи зависитъ уже отъ добровольныхъ, взаимныхъ, ничѣмъ неограниченныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщикомъ.

[1]) Скребицкаго, Т. II, 318, 320, 329 и 343 стр.

Digitized by Google

VI.

Чтобы понять и по достоинству оцѣнить другія обвиненія въ коммунизмѣ, необходимо предварительно коснуться нѣкоторыхъ, наиболѣе общихъ и спорныхъ началъ реформы. Мы видѣли уже, что при вопросѣ объ отводѣ крестьянамъ земли въ пользованіе противники реформы сокрушались о томъ, что не все предоставлено дѣйствію свободныхъ договоровъ между крестьянами и помѣщикомъ. На эту тему о добровольныхъ соглашеніяхъ съ крестьянами, извѣстная партія постоянно сводила всѣ наиболѣе крупные вопросы освобожденія. Собственно возможность добровольныхъ сдѣлокъ о надѣлѣ и повинностяхъ не была устранена, весь вопросъ заключался только въ томъ, въ какомъ объемѣ могутъ быть допущены эти сдѣлки и не должно ли законодательство установить общія, обязательныя правила освобожденія съ землею, рядомъ съ которыми добровольныя сдѣлки только и получали смыслъ и не могли обратиться въ легальный способъ освобожденія весьма сомнительнаго свойства? Тѣ, которые всего болѣе кричали о надѣлѣ крестьянъ землею на основаніи взаимныхъ, свободныхъ договоровъ съ помѣщиками, въ сущности желали второго изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, который, дѣйствуя съ начала царствованія Александра I, съ 1803 г., привелъ къ освобожденію всего какихъ-нибудь 140 т. душъ, или обнародованія для Россіи того самого Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года, которое послужило краеугольнымъ камнемъ всего законодательства о поземельныхъ отношеніяхъ въ остзейскомъ краѣ. Но именно неуспѣхъ этихъ законоположеній былъ полезенъ для крестьянской реформы, такъ какъ приводилъ къ необходимости принять для нея болѣе широкія основанія. Безъ установленія обязательныхъ правилъ, которыя обезпечивали бы одной сторонѣ право на земельный надѣлъ, а другой право на повинность за этотъ надѣлъ, дѣло не могло обойтись. Обязательный пріемъ надѣла и удержаніе его за установленную повинность на первые девять лѣтъ признано было, впрочемъ, необходимымъ не только въ интересѣ крестьянъ, которые иначе, при сильно возбужденныхъ надеждахъ на будущее, для облегченія своихъ повинностей, отказались бы во многихъ мѣстахъ отъ земли, на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, но и для самихъ помѣщиковъ, которые, какъ бы уступчивы ни были, рисковали, при системѣ свободныхъ договоровъ остаться безъ рукъ. Къ тому же, если для дѣйствительности договоровъ частнаго права требуется взаимное, непринужденное

Digitized by Google

согласіе договаривающихся лицъ, то при заключеніи договоровъ, которыми должны опредѣляться поземельныя отношенія двухъ крѣпко связанныхъ между собою общественныхъ классовъ, еще болѣе необходимо, чтобы обѣ договаривающіяся стороны находились въ независимыхъ одна къ другой отношеніяхъ и чтобы каждая изъ нихъ знала напередъ объемъ и предѣлы своихъ правъ, и могла сравнить предложенныя ей условія съ тѣмъ, чего она можетъ по закону требовать. Это глубоко сознавали въ эпоху освобожденія, когда съ одной стороны ожиданія были велики, а съ другой—высказывалось сожалѣніе о томъ, что помѣщики лѣсовъ своихъ не продали и денегъ не прожили, хотя интересъ заставлялъ какъ можно болѣе распространяться вообще о жертвахъ. «Положить предѣлъ безграничнымъ ожиданіямъ народа и облечь въ опредѣленную форму предстоящее ему улучшеніе быта могла только самодержавная власть, и потому, установленіе и обнародованіе правилъ для надѣла крестьянъ землею и опредѣленія ихъ повинностей въ пользу помѣщика правительство признало необходимымъ столько же для облегченія добровольныхъ соглашеній, сколько и для замѣны ихъ тамъ, гдѣ они не состоятся» [1]).

Для опредѣленія крестьянскаго надѣла признаны были, независимо отъ обязательности его на первые девять лѣтъ, два главныхъ основанія: сохраненіе за крестьянами, по возможности, существующаго ихъ надѣла, т.-е. того надѣла, на которомъ ихъ застало освобожденіе, и предоставленіе имъ этого надѣла въ безсрочное, постоянное пользованіе. Послѣднее оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что, еслибы право на надѣлъ ограничивалось, какъ требовала того извѣстная партія, однимъ срочно-обязаннымъ періодомъ, то безземельное освобожденіе отсрочено было бы только на нѣсколько лѣтъ и на лучшій конецъ повело бы къ водворенію у насъ арендной сдачи земель, по образцу той системы, которая недавно господствовала въ Ирландіи и которая, обращая немногихъ зажиточныхъ крестьянъ въ фермеровъ, осуждаетъ массу народа на бездомное, бродяжническое существованіе. Несравненно труднѣе представлялся вопросъ о сохраненіи за крестьянами надѣла, существовавшаго у нихъ въ послѣднее время крѣпостного права. Если назначеніе нормальныхъ надѣловъ, которые противопоставлялись существующимъ,—и притомъ противопоставлялись и такими участниками реформы, которымъ дѣйствительное обезпеченіе крестьянъ особенно дорого было [2]),—

[1]) Обозрѣніе высоч. утвержд. полож. о крестьянахъ. Спб. 1861 г. с. 75.

[2]) См. Скребицкаго. Т. II, стр. 33. Мнѣніе А. Н. Татаринова, который согла-

Digitized by Google

отвергнуто было редакціонными коммиссіями по невозможности найти практическія основанія для опредѣленія такой нормы, которая въ различныхъ мѣстностяхъ одинаково обезпечивала бы крестьянъ землею, то съ другой стороны и безусловное сохраненіе существовавшаго надѣла также оказалось невозможнымъ. Могли встрѣтиться такія имѣнія, и они въ дѣйствительности встрѣчались, особенно въ нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ по щедрости ли помѣщиковъ, или по другимъ причинамъ, всего чаще при оброчномъ положеніи, крестьянскіе надѣлы далеко превышали обыкновенный въ тѣхъ мѣстностяхъ, даже высшій размѣръ надѣла, и за крестьянами состояли огромныя пространства, иногда даже всѣ господскія земли, по 20, 30 и болѣе десятинъ на душу. Наоборотъ, встрѣчались и такія имѣнія — число ихъ полагали незначительнымъ,—въ которыхъ крестьянскіе надѣлы были чрезмѣрно уменьшены.

Кромѣ того, въ степныхъ мѣстностяхъ, по бо́льшей части вовсе не существовало постоянныхъ надѣловъ за крестьянами, которые пахали и косили по всей дачѣ или попеременно вспахивали тѣ пространства, которыя имъ указывали. Сколько-нибудь опредѣленнаго существующаго надѣла здѣсь не было и его по необходимости приходилось еще только устанавливать. Съ цѣлію возвращенія помѣщикамъ излишнихъ земель установлены были высшіе размѣры крестьянскаго надѣла, а съ цѣлію прирѣзки крестьянамъ земли тамъ, гдѣ за ними было ея уже слишкомъ мало — низшіе размѣры надѣла. Для степныхъ же мѣстностей признано было необходимымъ установить указные размѣры надѣла. Крайне сложная работа возможно-бо́льшаго уравненія существующихъ крестьянскихъ надѣловъ была неизбѣжна и къ ней приступлено было на основаніи тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя заключались въ описаніяхъ помѣщичьихъ имѣ-

---

сился съ редакціонными коммиссіями въ пользу сохраненія за крестьянами нынѣшняго ихъ земельнаго надѣла, только въ предположеніи, что найдется возможность, хотя приблизительно, соразмѣрить въ каждомъ имѣніи повинности крестьянъ, съ тѣми выгодами, которыя они получаютъ отъ оставляемыхъ въ ихъ пользованіи угодій, и безошибочно опредѣлить для каждой губерніи цифры maximum'а и minimum'а надѣла. Татариновъ полагалъ однако-же, что при этомъ представятся гораздо бо́льшія затрудненія, нежели при опредѣленіи одинаковаго по цѣнности крестьянскаго надѣла, съ равнымъ оброкомъ, какъ это предположено меньшинствомъ симбирскаго комитета.... Многіе утверждаютъ, что крестьяне всего болѣе дорожатъ землею, и скорѣе согласятся на несоразмѣрную съ чистымъ ея доходомъ плату, нежели на лишеніе части угодій. Татариновъ не могъ вполнѣ съ этимъ согласиться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи тѣхъ мѣстностей, гдѣ по обилію, или малоцѣнности земли, слѣдующая за нее тяга налагается на крестьянъ *принудительно* помѣщикомъ или міромъ, и гдѣ промыслы на сторонѣ даютъ болѣе выгодъ, чѣмъ земледѣліе.

Digitized by Google

ній, составленныхъ по распоряженію губернскихъ комитетовъ самими помѣщиками. Разумѣется, что подобнаго рода статистикою можно было пользоваться только съ крайнею осторожностью, такъ какъ при самомъ составленіи ея имѣлось въ виду, что по ней будутъ опредѣляться размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Всего еще откровеннѣе поступали тѣ губернскіе комитеты, которые сознавались, что они положили нормы менѣе существующаго надѣла—въ видахъ уменьшенія обязательнаго труда. Въ этомъ отношеніи большинство начальниковъ губерній признавали принятыя комитетами нормы недостаточными, а оренбургскій губернаторъ Барановскій объяснялъ, «что по неточности свѣдѣній, представленныхъ помѣщиками и сознательному уменьшенію въ нихъ количества земли, выведенные комитетомъ средніе надѣлы по уѣздамъ окажутся вездѣ менѣе существующихъ и слѣдовательно не поведутъ къ улучшенію крестьянскаго быта».... Необходима была провѣрка такого рода свѣдѣній данными, полученными изъ другихъ источниковъ. Съ этою цѣлію изъ описаній имѣній составлены были редакціонными коммиссіями извлеченія, напечатанныя вмѣстѣ съ ихъ трудами, и свѣдѣнія, заключавшіяся въ нихъ, сперва сравнены съ общимъ количествомъ помѣщичьихъ земель, по даннымъ, полученнымъ изъ комитетовъ земскихъ повинностей, и о надѣлѣ у государственныхъ крестьянъ, а потомъ провѣрены по уѣздамъ членами коммисій. Эта въ высшей степени кропотливая работа имѣла, послѣ тщательныхъ критическихъ провѣрокъ, по крайней мѣрѣ то достоинство, что она выяснила, какія числовыя данныя, извлеченныя изъ описаній помѣщичьихъ имѣній, могутъ считаться болѣе достовѣрными (напр. объ общемъ количествѣ всей помѣщичьей земли и объ усадебныхъ и пахатныхъ крестьянскихъ угодьяхъ) и на какія, по меньшей ихъ достовѣрности (напр. о сѣнокосахъ и выгонахъ), можно менѣе полагаться. Когда окончена была эта работа, сводившая на болѣе или менѣе опредѣленныя цифры хозяйственное положеніе крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, тогда опредѣлены были высшіе и указные размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Съ этою цѣлію Россія раздѣлена была на три полосы: первую—нечерноземную, вторую — черноземную, и третью — степную, и каждая изъ нихъ подраздѣлена на мѣстности, для которыхъ приняты различной величины надѣлы, опредѣленные по разсчету на ревизскую душу. Въ нечерноземной полосѣ назначено было редакціонными коммиссіями 11 мѣстностей, въ высшими душевыми надѣлами отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ [1]); въ черноземной полосѣ 10

[1]) При послѣдующемъ законодательномъ пересмотрѣ трудовъ редакціонныхъ ком-

Digitized by Google

мѣстностей, съ надѣломъ отъ $2^3/_4$ до 6 десятинъ [1]); степная полоса подраздѣлена на двѣ части: великороссійскія и новороссійскія губерніи; въ первыхъ положено 5 мѣстностей, съ указными душевыми надѣлами отъ $6^1/_2$ до $12^1/_2$ десятинъ и во-вторыхъ, 7 мѣстностей, съ надѣлами отъ 3 до 7 десятинъ [2]). По этимъ мѣстностямъ распредѣлены были уѣзды всѣхъ губерній. Оставались затѣмъ все-таки нѣкоторые уѣзды, отнесеніе которыхъ къ той или другой мѣстности, по неимѣнію точныхъ данныхъ, или по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ, не могло быть сдѣлано законодательнымъ путемъ и потому предоставлено было губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, отъ которыхъ зависѣло разрѣшить примѣненіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ размѣровъ надѣла, установленныхъ для другихъ ближайшихъ мѣстностей.

Таковы были высшіе размѣры надѣла; низшіе опредѣлены въ $^1/_3$ противъ высшихъ. По разсчету, который въ то время былъ сдѣланъ, уменьшеніе существовавшихъ у крестьянъ надѣловъ, вслѣдствіе установленія высшихъ размѣровъ, должно было послѣ освобожденія распространиться нѣсколько менѣе, чѣмъ на одну треть всего населенія помѣщичьихъ крестьянъ, а въ дѣйствительности это уменьшеніе выходило еще значительнѣе отъ предоставленія помѣщикамъ удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи, во всякомъ случаѣ, въ черноземной и нечерноземной полосахъ не менѣе одной трети, а въ степной полосѣ половину ихъ земель. Прирѣзка же крестьянамъ земли должна была потребоваться всего для 56 т. душъ, въ количествѣ 22 т. десятинъ.

Въ моментъ уничтоженія крѣпостного права считалось помѣщичьихъ крестьянъ, во всѣхъ трехъ полосахъ, 6.971,291, а общее пространство земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляло 71.380,524 десятины, такъ что на душу приходилось немного болѣе 10 десятинъ. Изъ этого количества, послѣ реформы, въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ должно было остаться не менѣе двухъ третей всей принадлежащей имъ земли, именно 48.538,797 дес., на душу 6,92 дес.; въ пользованіе же

миссій, окончательно отнесено къ этой полосѣ 9 мѣстностей съ высшими душевыми надѣлами отъ 3 до 7 десятинъ.

[1]) Къ этой полосѣ окончательно отнесено было всего 8 мѣстностей, но высшіе душевые надѣлы отъ $2^3/_4$ до 6 десятинъ не уменьшены.

[2]) Число мѣстностей, отнесенныхъ къ степной полосѣ, окончательно осталось тоже, но надѣлы нѣсколько уменьшены: положено отъ 6 до 12 десятинъ и отъ 3 до $6^1/_2$ десятинъ.

Digitized by Google

крестьянъ отходило 22.841,787 дес., или на душу среднимъ числомъ немного болѣе 3 десятинъ [1]).

VII.

Каковы же были тѣ повинности, за которыя предоставлялись крестьянамъ въ пользованіе надѣлы означенныхъ размѣровъ? Желательны были, конечно, умѣренныя повинности, но при этомъ въ самый моментъ реформы сознавали, «что размѣръ тѣхъ повинностей, которыя окончательно будутъ утверждены, не всегда и не вездѣ будетъ соотвѣтствовать дѣйствительной стоимости крестьянскаго надѣла и, представляя переходную ступень отъ произвольно назначавшейся повинности къ справедливой поземельной рентѣ, будетъ иногда превышать тѣ выгоды, которыя обезпечиваются крестьянамъ ихъ надѣломъ». Другими словами говоря, въ цѣну повинностей входило нѣкоторое вознагражденіе помѣщиковъ за утрату крѣпостного права надъ личностію крестьянъ. Поэтому въ основаніе опредѣленія повинностей принято было только то общее правило, что повинности, назначаемыя съ крестьянъ за отводимый имъ въ постоянное пользованіе надѣлъ, не должны, ни въ какомъ случаѣ, превышать тѣхъ, которыя существовали до отмѣны крѣпостной зависимости. Благодѣтельныя послѣдствія реформы могутъ, такимъ образомъ, вполнѣ обнаружиться только въ будущемъ, такъ какъ оброчные платежи, каковы бы они ни были, должны оставаться неизмѣнными въ продолженіи 20-ти лѣтъ со времени освобожденія, и только по истеченіи этого періода, въ который, при возрастаніи цѣнности земельнаго надѣла, матеріальное положеніе крестьянъ должно нѣсколько улучшиться, — производится, по требованію помѣщика или крестьянъ, переоброчка на новое двадцатилѣтіе и на основаніяхъ, которыя будутъ указаны правительствомъ. Въ самое же первое время по отмѣнѣ крѣпостного права, облегченіе въ повинностяхъ должно было, главнымъ образомъ, заключаться въ устраненіи всѣхъ тѣхъ сборовъ съ крестьянъ, которые взимались, сверхъ оброка или барщины, исключительно въ силу крѣпостного права и не шли въ счетъ поземельнаго дохода помѣщиковъ. Другое облегченіе, которое должно было заключаться въ установленіи извѣстной соразмѣрности между повинностями и надѣломъ, могло, разумѣется, оказаться сколько-нибудь дѣйствительнымъ только подъ условіемъ умѣренной съ самаго начала

[1]) Обозрѣніе высочайше утвержд. Положеній 1861 г., стр. 105 и 106.

Digitized by Google

нормы повинностей. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что повинности опредѣлялись «не соотвѣтственно стоимости земли, а по соображенію оброковъ, существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ и значительно превосходящихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣнность земельнаго надѣла».

Всѣ тѣ полосы и мѣстности, которыя приняты были, какъ мы выше видѣли, для опредѣленія высшихъ размѣровъ надѣла, были въ крѣпостное время, по установившимся между помѣщиками и крестьянами отношеніямъ, издѣльныя или оброчныя. Гдѣ земля была хороша и давала порядочный доходъ, тамъ преобладала въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барщина, гдѣ же напротивъ, почва не была очень плодородна, тамъ по бо́льшей части господствовала оброчная повинность. Это въ особенности можно было видѣть въ черноземной и степной полосѣ, гдѣ оброчныя имѣнія были рѣдкимъ исключеніемъ. Наоборотъ, въ бо́льшей части уѣздовъ нечерноземной полосы крестьяне были на оброкѣ, но затѣмъ въ очень многихъ мѣстностяхъ этой полосы существовали исключенія изъ общаго правила и крестьяне въ уѣздахъ съ относительно менѣе плодородной почвой были, при недостатвѣ почти всякихъ промысловъ, на барщинѣ. Къ такимъ мѣстностямъ нечерноземной полосы принадлежатъ губерніи Витебская, Могилевская, почти вся Псковская, болѣе половины Смоленской, нѣкоторые уѣзды Тамбовской и Казанской губ.

Оброкъ за высшій душевой надѣлъ въ оброчныхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы опредѣленъ былъ въ 9 руб. Оброкъ этотъ приближался къ прежде-существовавшимъ въ этихъ мѣстностяхъ среднимъ оброкамъ. Исключенія изъ этого 9-ти-рублеваго оброка опредѣлены были лишь для столичныхъ, промышленныхъ и болѣе выгодно расположенныхъ губерній. Такъ, для имѣній въ 25-ти-верстной окружности отъ Петербурга оброкъ за высшій душевой надѣлъ опредѣленъ былъ въ 12 руб. и въ 10 руб. для остальныхъ мѣстностей Петербургской губерніи, для всѣхъ уѣздовъ Московской [1]) и Ярославской губерній, для промышленныхъ уѣздовъ Владимірской и приволжскихъ Нижегородской губерніи. Для черноземной и степной полосы, на случай перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ, размѣръ его опредѣленъ тотъ самый, какъ и для бо́льшей части нечерноземной полосы, т.-е. въ 9 руб. Затѣмъ, для издѣльныхъ мѣстно-

[1]) По поводу того, что оказалось въ серпуховскомъ уѣздѣ (см. выше), нельзя не замѣтить, что редакціонными коммиссіями 10-ти-рублевый оброкъ назначенъ былъ не для всей, а только для части Московской губерніи.

Digitized by Google

стей нечерноземной полосы оброкъ назначенъ въ 8 руб. за высшій душевой надѣлъ. Наконецъ установлены были еще, въ видахъ охраненія помѣщичьяго интереса, особыя спеціальныя правила соразмѣренія оброка съ самымъ качествомъ поступавшей крестьянамъ въ надѣлъ земли. Такъ, напримѣръ, въ имѣніяхъ тѣхъ мѣстностей нечерноземной полосы, въ которыхъ, положимъ, высшій душевой надѣлъ составляетъ 4 десятины, первыя двѣ десятины представляли бо́льшую цѣнность, чѣмъ остальныя двѣ, потому что удобреніе, какъ утверждали эксперты, обыкновенно далѣе второй десятины не распространяется. Если же въ такихъ мѣстностяхъ пришлось бы въ малоземельныхъ имѣніяхъ всего по двѣ десятины на душу, то оцѣнять такой надѣлъ лишь въ половину противъ 4-хъ-десятиннаго находили точно также несправедливымъ—въ предположеніи именно, что эти двѣ десятины заключаютъ только хорошую землю,—какъ и въ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ оцѣнять одинаково съ остальными десятинами надѣла первую, въ составъ которой входятъ усадьбы, огороды и конопляники. Въ тѣхъ же видахъ соразмѣренія оброка съ качествомъ земельнаго надѣла допущено, съ утвержденія губернскаго присутствія, въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ земля особенно дурного качества, пониженіе повинности до 1 руб. съ души, и наоборотъ, допускается увеличеніе оброка на одинъ рубль съ души и даже выше одного рубля въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне надѣлены цѣнными поемными лугами, или обезпечены рыбными ловлями, или производятъ обширную торговлю или промышленность и т. д.

Разсматривая изъ повинностей, опредѣленныхъ за крестьянскіе надѣлы, прежде всего денежную, — оброкъ, мы только мимоходомъ упоминали о барщинѣ. Въ дѣйствительности барщина всего болѣе напоминаетъ крѣпостное право. Тѣмъ не менѣе, признано было невозможнымъ сдѣлать, при освобожденіи, переходъ съ барщины на оброкъ обязательнымъ для крестьянъ, но дозволено всѣмъ барщиннымъ крестьянамъ переходить на оброкъ, когда они сами того пожелаютъ. Было только постановлено, дабы не увѣковѣчивать барщины, что договоры о повинностяхъ, отбываемыхъ работою, могутъ быть заключаемы на сроки не болѣе 3-хъ лѣтъ. Съ другой стороны, чтобы оградить помѣщичье хозяйство, переходъ крестьянъ съ барщины на оброкъ обставленъ въ Положеніи извѣстными ограничительными условіями, — переходъ этотъ именно можетъ совершаться только въ опредѣленные въ году сроки, о желаніи своемъ перейти на оброкъ крестьяне должны заявлять помѣщику за годъ впередъ и при наступленіи срока перехода они обязаны внести оброкъ за полгода впередъ.

Digitized by Google

Такъ какъ выкупъ земель, при содѣйствіи со стороны правительства, представляется главнымъ способомъ развязки обязательныхъ отношеній и такъ какъ издѣльные, состоящіе на барщинѣ крестьяне, если желаютъ воспользоваться такимъ содѣйствіемъ, должны прежде перейти на оброкъ, то изъ этого уже видно, что если и по настоящее время, при общемъ успѣхѣ выкупной операціи, крестьяне во многихъ мѣстахъ все-таки остались еще на барщинѣ, то это, конечно, не по недостатку съ ихъ стороны желанія или по непониманію выгодныхъ для нихъ сторонъ выкупа, а вслѣдствіе невозможности перехода. Предвидѣли это, впрочемъ, при самомъ освобожденіи: «Крестьяне перейдутъ на оброкъ тамъ, гдѣ они имѣютъ средство заработывать деньги для уплаты оброковъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не представляется къ тому удобствъ, крестьяне останутся на издѣльи. Къ послѣднимъ мѣстностямъ принадлежитъ большая часть нашихъ самыхъ хлѣбородныхъ губерній, гдѣ у крестьянина нѣтъ другихъ средствъ къ заработкамъ, кромѣ хлѣбопашества или найма въ земледѣльческія работы» [1]). Говоря объ этомъ процвѣтающемъ остаткѣ крѣпостного права, слѣдуетъ, для полноты, упомянуть еще, что размѣръ прежней трехдневной барщины нѣсколько уменьшенъ и опредѣленъ сообразно величинѣ надѣла: высшій размѣръ ея за высшій душевой или указный надѣлъ опредѣленъ въ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ, что, полагая на тягло среднимъ числомъ $2^1/_2$ души, составляетъ 100 дней мужскихъ и 75 женскихъ въ годъ съ тягла. Съ уменьшеніемъ надѣла уменьшается и число барщинныхъ дней, но какъ бы малъ надѣлъ ни былъ, барщина не можетъ быть понижена болѣе, чѣмъ на половину. Правило это установлено въ видахъ огражденія интересовъ помѣщика.

Съ подобными правилами мы въ предшествующемъ изложеніи встрѣчались на каждомъ шагу. Правила эти въ значительной степени дополнялись даннымъ помѣщикамъ правомъ, вмѣсто продажи крестьянамъ одной ихъ усадебной осѣдлости, предоставлять имъ на выкупъ, вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостію, и полевой ихъ надѣлъ, хотя при этомъ и высчитано, что выкупные платежи должны быть на 20 и 25% ниже оброковъ, положенныхъ съ крестьянъ. Если бы мы, однако, не ограничились одними самыми крупными предположеніями редакціонныхъ коммиссій и самими общими началами Положеній 19 февраля, и углубились въ подробности дѣла, то такихъ правилъ, установленныхъ въ видахъ огражденія интересовъ помѣщичьяго хозяйства

[1]) Обозрѣніе высоч. утвержд. 19 февр. 1861 г. Полож. о крест. 1861 г., с. 91.

Digitized by Google

и внушенныхъ опасеніями ломки его, мы нашли бы еще безчисленное множество. Лучшее доказательство, скажетъ читатель, какъ бережно, осторожно и съ какою пощадою прикасались къ сложившемуся экономическому быту, который, однако, нужно было преобразовать въ самыхъ основаніяхъ. Мы сами вполнѣ раздѣляемъ такое мнѣніе читателя. Но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ тѣ крики о споліаціи, тѣ жалобы на произвольное распоряженіе коммиссіями чужою собственностью и тѣ обвиненія въ коммунизмѣ, которыми оглашался воздухъ въ годину освобожденія? Тутъ возможны два объясненія. Можно сказать, что кричали просто отъ испуга, по безотчетному чувству страха, который вселяла реформа. И такое объясненіе относительно большинства недовольныхъ реформою, которое не въ состояніи было представить себѣ возможность существованія безъ крѣпостныхъ Машекъ и Палашекъ, будетъ совершенно вѣрно. Но иначе представляется дѣло относительно вожаковъ, ораторовъ и публицистовъ партіи, противившейся освобожденію. Они очень хорошо понимали, что какъ ни радикально поставленъ былъ вопросъ преобразованія, но при надѣленіи крестьянъ землею за повинности, въ которыя, до нѣкоторой степени, введенъ разсчетъ за потерю отъ утраты личнаго крѣпостного права и которыя по этому превышаютъ земельный доходъ съ крестьянскаго надѣла, потуги на жертвы, которыя слѣдовало принести на алтарь отечества, не чрезмѣрно же были велики. Ихъ разглагольствованія о споліаціи и коммунизмѣ могли поэтому быть внушены, конечно, не страхомъ, не испугомъ. Они относились къ дѣлу весьма сознательно, весьма разсчетливо: ораторствовали на тему о разореніи какъ можно больше, чтобъ уступить какъ можно меньше. Въ этомъ можно убѣдиться, читая у г. Скребицкаго подлинныя разсужденія о споліаціи и коммунизмѣ. Такихъ разсужденій было не мало и повторялись они на всевозможные лады по очень многимъ вопросамъ. Были, однако, такіе ораторы, которые дали себѣ трудъ свести воедино, если не всѣ, то многія изъ предположеній редакціонныхъ коммиссій, въ которыхъ усматривалось коммунистическое направленіе. Приведемъ одно такое мѣсто. Кн. (И. В.) Гагаринъ, неутомимый въ критикѣ редакціонныхъ коммиссій, отправляется прежде всего отъ общихъ соображеній, что безсрочность отвода земель крестьянамъ есть споліація собственности и что по крайней мѣрѣ долженъ быть изданъ новый законъ для «пересвоенія» собственности отъ одного сословія въ пользу другого; что помѣщикъ есть полноправный вотчинникъ принадлежащей ему земли — редакціонныя коммиссіи, кажется, никогда не посягали на эти вотчинныя права,—что дворянство призывалось только къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, а

Digitized by Google

не къ отчужденію или пересвоенію поземельной своей собстве
ности и что въ самомъ этомъ улучшеніи должна быть разумн
постепенность; что, изъявляя полное сочувствіе и готовность с
дѣйствовать столь благой цѣли, оно не только отказалось от
личныхъ своихъ правъ въ пользу правъ гражданскихъ укрѣпле
ныхъ за ними крестьянъ, но и озаботилось доставленіемъ им
средствъ на первое, опредѣленное извѣстнымъ срокомъ, врем
продолжать земледѣльческій свой промыслъ безъ затрудненія, с
полною свободою труда, и тѣмъ обезпечивать свое благосостоя
ніе. «Дворянство, — говоритъ кн. Гагаринъ, — руководясь этим
основаніями, не можетъ согласиться на правила, предлагаемы
редакціонными коммиссіями и въ послѣдующихъ вопросахъ на
стоящей главы (объ отводѣ и обмѣнѣ земель), какъ, напр.:
въ необходимости согласія крестьянъ на опредѣленіе степе
того добра и участія, которое помѣщики комитетскими положе
ніями своими уже доказали въ ихъ пользу; 2) на безсрочны
отводъ земель своихъ въ пользованіе крестьянъ; 3) на правил
отрѣзки и прирѣзки по придуманному maximum'у и minimum'у
4) на правила, предполагаемыя вообще при переноскѣ крестья
скихъ усадебъ; 5) на правила замѣны угодій другими, при со
момъ составленіи уставныхъ грамотъ; 6) на право крестьянъ тр
бовать отъ помѣщика перенесенія съ его помощію своихъ усадеб
и отмежеванія себѣ угодій; наконецъ, 7) на общій смыслъ пра
вила о дозволеніи помѣщику вымѣнивать у крестьянъ участк
отведенной имъ въ пользованіе земли. Всѣ эти предлагаемы
правила противорѣчатъ прямому пониманію о правахъ собстве
ности, *вводятъ, по убѣжденію кн. Гагарина, административ
нымъ путемъ начало коммунизма*, и колеблятъ всѣ основы г
сударственнаго благоустройства уничтоженіемъ довѣрія въ охр
нительную силу закона». (Т. II, с. 397). А въ дѣйствительно
сти весь этотъ коммунизмъ, при отводѣ и обмѣнѣ земель, закл
чался въ томъ, что такъ какъ maximum, т.-е. высшій размѣр
крестьянскаго надѣла введенъ былъ въ интересахъ помѣщика
то въ томъ случаѣ, когда бы, при первоначальномъ утвержден
этого надѣла, представилась необходимость уменьшить его до вы
шаго размѣра, или сохранить въ полосахъ черноземной и не
черноземной за помѣщикомъ не менѣе трети принадлежащих
ему земель, слѣдовало предупредить отрѣзку отъ крестьянъ осо
бенно цѣнныхъ для нихъ угодій. Поэтому отрѣзка отъ крестьян
изъ существующаго ихъ надѣла, такихъ частей его, на которы
они положили особый трудъ, какъ-то: огородовъ, конопляни
ковъ, навозныхъ пашень, дозволена была не иначе, какъ съ со
гласія самихъ же крестьянъ. Затѣмъ, чтобы не оставлять помѣ
щика въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянами и устранит

Digitized by Google

поводы къ столкновеніямъ, ему, какъ вотчиннику земли, предоставлено право требовать разверстанія угодій. Такое разверстаніе признано обязательнымъ для крестьянъ, но при этомъ, разумѣется, необходимо было въ точности опредѣлить, черезъ сколько лѣтъ, если не послѣдовало добровольнаго соглашенія насчетъ развода крестьянскихъ угодій отъ господскихъ, требованіе помѣщика въ этомъ отношеніи перестаетъ быть обязательнымъ для крестьянъ, и что, взамѣнъ отходящихъ отъ нихъ земель, имъ должны быть отводимы смежные участки одинаковаго достоинства. Вотъ въ этомъ и заключался весь коммунизмъ, вводимый административнымъ путемъ.

Баронъ Гакстгаузенъ, въ сочиненіи, изданномъ въ 1866 г. объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи послѣ крестьянской реформы—сочиненіи, для котораго матеріалы также обработаны были г. Скребицкимъ—говоритъ о Положеніи 19 февраля, что «ни одинъ народъ, ни одно государство въ Европѣ не имѣло и не дожило до всеобъемлющаго законодательства такихъ величавыхъ размѣровъ, и при которомъ такъ внимательно были бы соображены всѣ соціальныя и политическія отношенія» [1]). Такой авторитетъ, какимъ былъ Гакстгаузенъ въ дѣлѣ аграрнаго законодательства, конечно, нельзя упрекать въ нѣсколько оптимистическомъ взглядѣ на нашъ сельскій бытъ подъ тѣми условіями, въ которыя онъ поставленъ Положеніемъ 19 февраля. Дѣйствительно, это было полное и цѣльное законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ, какого не существовало въ другихъ европейскихъ государствахъ. Положеніе 19 февраля подводило такія основанія для здороваго развитія народной жизни въ Россіи, которыя въ значительной степени обезпечивали будущность сельскихъ классовъ въ Россіи, можетъ быть лучше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Какъ ни неполно было, относительно пользованія землею, освобожденіе сельскаго люда изъ крѣпостной зависимости въ европейскихъ государствахъ, но тамъ крестьянинъ, освобождаясь изъ этой зависимости, входилъ въ составъ общаго полноправнаго населенія, для котораго существовали вездѣ не только въ смыслѣ обезпеченія личности, но главное — народнаго образованія, несравненно болѣе выгодныя условія, чѣмъ у насъ. Трудъ г. Скребицкаго потому и кажется намъ въ высшей степени любопытнымъ, что онъ за время губернскихъ комитетовъ

[1]) Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwickelungen u. ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861. Leipzig. 1861. стр. 371.

Digitized by Google

и редакціонныхъ коммиссій даетъ понятіе о всей работѣ освобожденія, почти во всемъ ея объемѣ, во всей ея полнотѣ. Такой трудъ важенъ потому, что показываетъ, на какіе вопросы, на какіе предметы, находившіеся въ связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права, обращено было вниманіе въ эпоху освобожденія. Между тѣмъ вопросъ объ образованіи народа, который выводился изъ крѣпостного состоянія, остался при этой работѣ въ сторонѣ. Правда, вопросъ о сельскихъ школахъ поднимался во время работъ по освобожденію, но онъ предоставленъ былъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами, которые должны были войти въ сельскій уставъ, на обсужденіе особой коммиссіи, а соображенія этой коммиссіи не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Оставшись внѣ круга собственныхъ занятій редакціонныхъ коммиссій, вопросъ о сельскихъ школахъ для освобожденнаго народа остался до сей поры вопросомъ будущаго и ждетъ еще своего органическаго закона, хотя коммиссіи эти и признавали изданіе сельскаго устава «въ самое непродолжительное время» совершенно необходимымъ. Вообще это недодѣланное дѣло возбуждало въ началѣ работъ по освобожденію гораздо больше заботъ, чѣмъ при концѣ ихъ. Изъ заключительныхъ главъ 4-го т. сочиненія г. Скребицкаго, посвященныхъ матеріаламъ для сельскаго устава, мы знаемъ, что въ отношеніяхъ, препровожденныхъ, по высочайшему повелѣнію, министромъ внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній, въ дополненіе къ высочайшимъ рескриптамъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ, въ обязанность комитетовъ вмѣнялось, между прочимъ, указаніе мѣръ, необходимыхъ для распространенія между крестьянами грамотности. Но изъ полученныхъ проектовъ губ. комитетовъ только въ *восьми* находились кое-какія указанія о средствахъ содержанія сельскихъ училищъ. Сама особая коммиссія, которая занималась этимъ вопросомъ, потому, между прочимъ, считала особенно необходимымъ распространеніе грамотности, какъ единственнаго способа ознакомленія крестьянъ съ распоряженіями правительства, что грамотность «дѣйствительнѣе всякихъ другихъ мѣръ предупредитъ безотчетное увлеченіе несбыточными ожиданіями и слѣпую вѣру, съ которою принимаются часто самые неосновательные слухи». Эта особая коммиссія въ соображеніяхъ своихъ добросовѣстно указывала на тотъ фактъ, что въ большей части протестантскихъ государствъ Европы существуетъ обязательное для родителей посѣщеніе дѣтьми ихъ училищъ, до извѣстнаго возраста. Приводился также фактъ обязательнаго учрежденія сельскихъ училищъ и хожденія въ нихъ дѣтей въ остзейскихъ гу-

Digitized by Google

берніяхъ на основаніи положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 г. Заставить крестьянъ содержать сельскія училища вполнѣ на собственный счетъ и вводить съ этою цѣлію особую подать, очевидно нельзя было. Государство должно было явиться на помощь. Если гдѣ либо вопросъ о первоначальномъ образованіи есть вопросъ чисто государственный, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ вопросъ о среднемъ и высшемъ образованіи, то это именно у насъ. Расчитывали тогда, что при системѣ правительственныхъ субсидій, потребуется на 5,000 сельскихъ школъ расходъ въ 625,000 руб. въ годъ, т. е. при крайне скромномъ разсчетѣ все таки болѣе того, чѣмъ сколько ассигновано было не очень давно въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія спеціально на устройство народныхъ училищъ. Предполагалось, что, независимо отъ опредѣленнаго пособія отъ правительства, всѣ расходы по устройству и содержанію сельскихъ училищъ должны быть отнесены къ обязанности тѣхъ обществъ, которыя ихъ учреждаютъ, и, по ежегодной смѣтѣ, должны быть включаемы въ число мірскихъ повинностей и раскладываемы подушно на сельскихъ или волостныхъ сходахъ. Окончательно однако предположенія особой коммиссіи, признававшей невозможнымъ дѣлать тогда повсемѣстное учрежденіе сельскихъ училищъ обязательнымъ для обществъ и полагавшей, что однимъ «поощреніемъ» крестьянъ къ открытію училищъ можно достигнуть сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ,— окончательно всѣ эти предположенія остались предположеніями и должны были быть переданными тѣмъ вѣдомствамъ, которымъ поручено будетъ составленіе сельскаго устава. На сколько же подвинулось съ тѣхъ поръ въ этихъ особыхъ вѣдомствахъ составленіе сельскаго устава? Онъ остается, какъ и прежде, вопросомъ будущаго. Въ Положеніяхъ же 19-го февраля, въ которыхъ мы находимъ особые отдѣлы о сельскихъ и волостныхъ сходахъ, о сельскомъ старостѣ и волостномъ старшинѣ, о волостномъ правленіи и волостномъ судѣ, мы напрасно будемъ искать особаго отдѣла о сельской или волостной школѣ. Можно, конечно, сказать, что не дѣло аграрнаго законодательства заниматься вопросомъ о сельскихъ школахъ,—хотя это несовсѣмъ справедливо, такъ какъ даже положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 г. содержитъ кое-что въ этомъ отношеніи. Но главное то, что безъ особыхъ, усиленныхъ мѣръ школьнаго образованія для освобожденнаго населенія, наша народная среда остается такою же темной и печальной, какъ и въ былыя времена.

Въ первое время послѣ крестьянской реформы многіе были такого мнѣнія: теперь оставьте народъ въ покоѣ, не тормошите

Digitized by Google

его никакими новыми перемѣнами и требованіями, какъ бы они сами по себѣ благодѣтельны ни были, дайте народу сперва освоиться съ его новымъ экономическимъ бытомъ, а тамъ придетъ время и другихъ реформъ. Какъ будто бо̀льшія заботы о распространеніи первоначальнаго образованія составляютъ какой-либо переворотъ, исходъ котораго еще неизвѣстенъ, а не предположеніе и условіе успѣха всѣхъ другихъ реформъ. Но, однако, вѣдь кое-что же дѣлается у насъ по части народнаго образованія? Это кое-что въ высшей степени недостаточно и оно составляетъ именно кое-что лишь по отношенію къ тому методу, котораго такъ давно держится наше учебное вѣдомство, въ бюджетѣ котораго, — какъ о томъ безчисленное множество разъ было заявляемо въ печати,—до сихъ поръ нѣтъ никакого отношенія между средствами, назначаемыми на высшее и среднее образованіе, которымъ пользуется болѣе или менѣе достаточное меньшинство, и на первоначальное образованіе для народныхъ массъ. Но развѣ не вездѣ такъ, какъ у насъ? Развѣ не вездѣ средства народнаго образованія поглощаются преимущественно высшимъ и среднимъ образованіемъ, такъ что собственно на первоначальное обученіе народа остаются однѣ крохи? Во-первыхъ, не вездѣ, какъ въ томъ убѣждаетъ Сѣверная Америка, въ которой каждый штатъ имѣетъ особый поземельный фондъ, доходы съ котораго идутъ на элементарное образованіе. Да вѣдь это страшная демократія! На чемъ же, въ такомъ случаѣ, собственно основано наше сочувствіе къ заатлантическимъ друзьямъ? Когда ихъ русское общество принимало съ такимъ восторгомъ и съ такими увѣреніями въ дружбѣ, въ нихъ, кажется, ничего особенно страшнаго не находили. Тѣхъ, которые думаютъ, что то, что у насъ дѣлается для первоначальнаго образованія, достаточно, мы отсылаемъ къ сочиненію князя Васильчикова. Онъ въ 2-мъ томѣ своего «Самоуправленія» (с. 177) высчитываетъ, что для того, чтобы подвинуть у насъ первоначальное образованіе и поставить его на ту ступень, на которой оно находилось еще въ началѣ настоящаго столѣтія у другихъ европейскихъ народовъ, нужно найти неменѣе 12.600,000 р.! Во-вторыхъ: мы находимся, по отношенію къ обязанностямъ дать народу средства къ образованію, въ нѣсколько другомъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находится большинство европейскихъ государствъ. Дѣло въ томъ, что у насъ закрѣпощеніе народа и лишеніе его въ теченіи вѣковъ возможности доходить собственными усиліями до нѣкотораго благосостоянія, за которымъ могло бы послѣдовать пробужденіе умственныхъ его потребностей, совершилось не въ силу феодальнаго порядка и завоеванія одного племени другимъ, а во имя вре-

Digitized by Google

менныхъ потребностей государственной жизни и необходимости обезпечить государству службу служилыхъ классовъ. Служилые люди несли тягло государственной службы, крестьяне, сидѣвшіе на государственныхъ земляхъ, несли тягло служилыхъ людей. Не обязано ли поэтому государство особой заботой объ образованіи тѣхъ классовъ, естественное матеріальное развитіе которыхъ, въ свое время, было остановлено по чисто-государственнымъ потребностямъ, какъ ихъ въ тѣ темные вѣка понимали? Кромѣ того, вслѣдствіе общихъ историческихъ причинъ, нигдѣ въ прошедшемъ не было въ той средѣ и обстановкѣ, среди которой жили народныя массы, такъ мало образовательныхъ, просвѣтительныхъ элементовъ, какъ у насъ. Государство шло у насъ часто впереди отсталой части общества, но тѣ агенты его, тѣ низшія власти, которыя непосредственно соприкасались съ народомъ, были, даже въ лучшіе періоды, не особенно достойными представителями государственной идеи, всего менѣе годились въ воспитатели народа, не могли разумнымъ образомъ направить его къ добропорядочной, гражданской жизни, и больше, по выраженію нашихъ древнихъ памятниковъ, «своего прибытка смотрѣли». По низкому состоянію уровня образованія въ массѣ нашего духовенства и по совершенному отсутствію въ немъ, до самаго послѣдняго времени, всякаго призванія къ пробужденію умственной жизни въ народѣ посредствомъ ученія, нельзя было и съ этой стороны ждать сколько-нибудь просвѣтительнаго вліянія. Тутъ умственная жизнь могла и можетъ имѣть своимъ источникомъ только школу.

Время между тѣмъ уходитъ. И съ тѣхъ поръ, какъ прусскій «школьный учитель» началъ одерживать свои побѣды и передѣлывать карту Европы, вопросъ народной школы становится вопросомъ народнаго могущества. Намъ нечего уже такъ далеко обращать свои взоры, какъ въ Сѣверную Америку. Примѣръ для насъ не за-морями, а на нашей европейской границѣ. Но не рано ли вводить у насъ, по примѣру Пруссіи и остальной Германіи, начало обязательнаго образованія? Въ странѣ Петра Великаго это начало не будетъ новымъ, мы думаемъ, что исторически оно у насъ раньше явилось, чѣмъ гдѣ-нибудь, но остановилось на одномъ высшемъ классѣ, и потомъ заглохло. А безъ этого начала развѣ можетъ совершиться освобожденіе народа отъ оковъ вѣкового невѣжества?...

В. О.

Digitized by Google

ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА

въ

АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Теперь ли, когда гремитъ военная гроза и льетъ потоки человѣческой крови; когда крики побѣдъ заглушаютъ вопли мукъ и отчаянія; когда сокровища ума и науки, накопленныя вѣками, когда спокойствіе, счастье, домашній очагъ и самая жизнь многихъ сотенъ тысячъ людей, когда все, — даже понятіе о чести и долгѣ, о человѣколюбіи, о просвѣщеніи и братствѣ, — все принесено и повергнуто къ подножію алтаря «бога битвъ»; когда самыя адскія бойни человѣческія приписываются самыми искренними вѣрующими «милости» именно этого бога, — теперь ли говорить, теперь ли думать, теперь ли знать объ искусствѣ! Не вопіющая ли это безчувственность, не просто ли преступленіе передъ лицомъ во-очію ступающей своею грозною стопою исторіи? Искусство! Теперь другого не должно быть искусства, кромѣ искусства наступать, мять, громить, отбрасывать и брать на капитуляціи; отторгать земли съ ихъ населеніемъ, точно злачныя пастбища со скотомъ; обѣщать, чтобъ не дать, давать, чтобъ получить вдесятеро... Словомъ, теперь ли у мѣста мирныя, чистыя, благія намѣренія и исполненія, задачи и замыслы этого кроткаго «бога искусствъ», который никого не метъ и не отбрасываетъ, ничего не пріобрѣтаетъ и ничего не даетъ! Теперь-ли? Да, именно теперь! И теперь именно оттого, что добрый богъ этотъ одинъ еще въ состояніи показать во-очію, что есть вещи, которыхъ мѣдная стопа исторіи не въ силахъ затоптать; что нива, измятая копытами конницы, ногами пѣхоты и колесами лафетовъ, не лишится корней и что эти корни пустятъ новые ростки, только бы унялись конница съ пѣхотой и лафетами. Бѣлая горячка человѣчества пройдетъ и выздоравливающее оно

Digitized by Google

благословить — вѣчное, какъ каждая весна обновляющее душу искусство! Будемъ же говорить о немъ, говорить чаще и больше, ростить его гуще и выше — и авось оно своими вѣтками мирта и дуба заглушитъ тѣ лавровыя вѣтви, изъ которыхъ такъ неумѣренно наплетаются вѣнки за увѣчья, кровь и бѣдствія людей...

Но если надо вообще говорить объ искусствѣ, то о русскомъ говорить надо въ особенности. Оно не привыкло къ этому; оно тщетно прислушивается къ толкамъ: толкуютъ обо всемъ понемножку, о многомъ толкуютъ даже помногу — не исключая размалеванной посуды, отдающей деревяннымъ масломъ,—только о самомъ-то искусствѣ и не говорятъ. А если кто заговоритъ, обнаружитъ только нетонкую эстетическую кожу: начнетъ восхвалять то, чего нѣтъ никакой возможности похвалить—лишь бы хвалить именно то, чего похвалить невозможно; пойдетъ носиться съ новинкой, только за то, что она новинка; сегодняшнее ставить въ примѣръ и назиданіе за то, что оно не похоже на вчерашнее, часто за то, что оно ни на что не похоже! Художникъ становится въ тупикъ и опускаетъ голову. Но хорошо еще, когда опускаетъ. А вотъ бѣда, какъ онъ ее подымаетъ, да и пустится съ выданнымъ ему печатно пропускомъ по дебрямъ здраваго смысла и вкуса... Не говорящіе, но пекущіеся объ искусствѣ многочисленнѣе; только и имъ не всегда счастливится. Затѣятъ они, положимъ, съ намѣреніями самыми похвальными, почтить историческую драму великаго отечественнаго поэта; вызовутъ изъ кабинетовъ науку и изъ мастерскихъ художество; станкамъ на фабрикахъ закажутъ ткать особыя ткани, рукамъ — вязать особыя ферязи; кистямъ писать пейзажи и дворцы, а электрическому солнцу обливать все это своими лучами. Ни одна подробность археологіи, ничто не ускользнетъ отъ зоркаго глаза... онъ все предусмотритъ, — но не предусмотритъ одного, а именно, что люди, на которыхъ работаютъ станки и которыхъ озаряетъ электричество, пребываютъ въ нѣкоторой неизвѣстности касательно не только исторіи или археологіи, но и самаго искусства чтенія стиховъ, — обстоятельство едвали способствующее съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ они привыкли передавать брантмейстеровъ и департаментскихъ сторожей, — передать

Земли родной минувшую судьбу....

Судьба, разумѣется, выходитъ плачевная, и попеченіе пропадаетъ даромъ.

Попечительница «свободныхъ» искусствъ—Академія, печется о нихъ, какъ и слѣдуетъ, сугубо. Она матерински разставляетъ руки около ступающаго на ноги художества и не можетъ себѣ вообразить, какимъ образомъ оно можетъ не набить себѣ шишекъ на лбу, ступая безъ нея. Она устроиваетъ для него помочи въ видѣ программъ, конфекты

Digitized by Google

въ видѣ медалей, и когда оно уже совсѣмъ «паинька»—разныя почетныя званія, съ присвоенными имъ «классами» и мундирами по классу. Начиная съ классовъ, художникъ и оканчиваетъ классами; появляясь на свѣтъ съ программою какого-нибудь «Іова съ друзьями», или «Довѣрія Александра Македонскаго къ врачу», онъ удаляется съ иконою и довѣріемъ къ своему высокому дару, засвидѣтельствованному высокимъ чиномъ... Напрасно говорятъ и пишутъ, смѣются и досадуютъ,—ни иронія, ни гнѣвъ не выводятъ этихъ Іововъ, ни иронія, ни гнѣвъ не роняютъ Александровъ, и тщетно художники, злоупотребившіе довѣріемъ къ нимъ и признанные за то къ дальнѣйшему прохожденію художественнаго поприща негодными, обнаруживаютъ замѣчательныя способности къ изображенію горькой доли какого-нибудь Пахома, или довѣрія мелкаго чиновника ко всемогуществу двадцати-пяти рублей въ мѣсяцъ, чтобъ накормить, одѣть и пріютить съ семьею... Напрасно отличившіеся въ «Александрахъ» и «Іовахъ» всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ прохожденіемъ доказываютъ, что они только способны проходить по лѣствицѣ чиновъ и выгодныхъ мѣстъ, а въ искусствѣ оставаться вѣчно на одномъ мѣстѣ... Всѣ знаютъ и видятъ, что первымъ суждено создать возникающее у насъ художество, что *они* плодъ нивы, а тѣ—репейники и сорныя травы;—не хочетъ этого видѣть одно сугубое попеченіе и систематически плодитъ исполнителей. Говорятъ, заданная программа, скомпанованная и набросанная художникомъ, тутъ же, не выходя изъ залы, даетъ возможность судить объ его способности сочинять и выполнять; а дайте ему на произволъ сочинить и выполнить, что ему самому вздумается, — и онъ явится совсѣмъ приготовленный; между тѣмъ, какъ захваченный въ расплохъ, обнаружитъ всю свою несостоятельность. Не знаю, въ какой мѣрѣ вообще военныя хитрости приложимы къ мирному искусству; но даже допустивъ преимущества захватовъ въ расплохъ, нельзя, кажется, не согласиться, что кто неспособенъ къ вымыслу, не одаренъ сообразительностью и вкусомъ, а только *выучился* компановать и рисовать, тотъ хоть и справится съ вымышленнымъ за него другими, но никогда ничего не съумѣетъ сдѣлать, если ему не зададутъ, или за него не выдумаютъ. Человѣкъ же съ воображеніемъ, художественнымъ чутьемъ и вдохновеніемъ, навѣрное не отличится, въ пляскѣ подъ чужую дудку: у него свои представленія, свои симпатіи, свой міръ, имъ самимъ, хоть слабо, но уже ощущаемый, смутно, но уже видимый; онъ непремѣнно помѣшаетъ ему ощущать и видѣть тотъ—другой міръ, чуждый ему и, можетъ быть, антипатичный, въ который его толкаютъ силою, заманиваютъ въ расплохъ. Да и въ одной ли живописи или скульптурѣ это встрѣчается: великіе художники сценическіе, потрясавшіе сердца въ комедіи и драмѣ были признаваемы, *по экзамену*, неспособными и обращаемы въ балетъ... Я убѣжденъ, что Гоголь гораздо хуже сочинялъ на тэму «вос

Digitized by Google

ходъ солнца», чѣмъ какой-нибудь столоначальникъ, а Михаилъ Глинка никогда не возвысился бы до сочиненія кантаты на тезоименитство своего начальника... Даровитѣйшіе изъ живописцевъ русскаго быта, Ѳедотовъ и Перовъ,—первый ни за что не овладѣлъ бы мало-мальски приличнымъ «довѣріемъ», а второй за свою мадонну, выставленную нѣсколько лѣтъ назадъ, долженъ бы, по настоящему, быть признанъ къ дальнѣйшему прохожденію негоднымъ... И выходитъ, что попеченіе плодитъ столоначальниковъ, съ актерами и художниками съ подряда, а отвергнутые имъ Гоголи, Мартыновы, Ѳедотовы и Глинки насаждаютъ цѣлыя школы въ искусствѣ...

Однако, — остановятъ насъ люди практическіе, благоразумно-преданные разъ установленному порядку,—однако, скажутъ они, покуда существуютъ испытанія на экзаменѣ и поощрительныя медали съ тѣмъ болѣе поощряющими въ перспективѣ мундирами по классу, нельзя же хоть чего-нибудь не задавать, хоть въ чомъ-бы то ни было не испытывать и во всякомъ случаѣ не поощрять? Справедливо. И такъ какъ съ такою силою не считаться нельзя, то я готовъ даже пойти на компромиссы. Извольте, продолжайте испытывать и задавать; продолжайте запирать испытуемыхъ и не выпускать изъ стѣнъ залы, покуда они не исчертятъ многихъ листовъ бумаги богами и героями, лицами церковной и свѣтской исторіи; я оставляю за вами вашу тактику захватовъ, а вы за это уступите мнѣ вотъ что: собравъ художественную молодежь, скажите ей прежде всего, что для нея открыты — древность и современность, исторія и библія, писанія евангелистовъ и книги свѣтскихъ писателей, тоги и мундиры, кафтаны, армяки и фраки, — словомъ, что ей открыто все, и пусть каждый выбираетъ себѣ по сердцу тотъ *родъ* (замѣтьте, только родъ), на которомъ ему хотѣлось-бы попытать силы. Тогда любителю исторіи уже вы, по своему выбору, задаете сюжетъ историческій; поклонникамъ тоги, мундира, фрака, указываете *вы* героя, генерала, чиновника и т. д. Значитъ, приготовиться никто не успѣетъ—ему останется неизвѣстно, Александра ли Македонскаго, или Геліогабала, Нептуна или Кентавра готовитъ ему слѣпая судьба; онъ знаетъ одно, что если имъ возлюблена древность, то передъ нимъ не предстанетъ Акакій Акакіевичъ, или если онъ скромный витатель мирныхъ чердаковъ и департаментовъ Петербурга, то на него не обрушится шлемъ Ахиллеса или Дмитрія Донского. Затѣмъ, запирайте съ богомъ ваши жертвы и заставляйте ихъ показывать лицомъ умѣнье стряпать программы, безъ которыхъ выбитыя медали не нашли бы себѣ примѣненія. Кажется, хоть съ этимъ-то можно бы согласиться?

Но покуда мой реформъ-биль доживетъ до своего осуществленія, приходится обозрѣвать ежегодно *одинъ* сюжетъ, заданный цѣлому сонму учениковъ, и видѣть или перевороченнаго на всѣ стороны Іова,

Digitized by Google

какъ то было въ прошломъ году, или «довѣряющаго» на всѣ лады Александра, какъ въ нынѣшнемъ. Вся разница въ томъ, что прошлогоднее лежанье изображалось одними красками, а нынѣшнее довѣріе проявилось и въ краскахъ и въ глинѣ. Принявъ лекарство, мужественный царь совершенно овладѣлъ академическимъ совѣтомъ, который, надо полагать, лекарства боится, и потому рѣшено царя обезсмертить. Но вѣдь то, что Александръ Македонскій — герой, еще гораздо раньше зналъ учитель уѣзднаго училища и даже по этому поводу стулья ломалъ. Зачѣмъ же опять причинять убытокъ казнѣ?

Будучи склоненъ вообще относиться съ осторожностью къ произведеніямъ родного художества — этого цвѣтка не настолько окрѣпшаго, чтобъ выносить суровые удары критики, — я тѣмъ менѣе могу допустить суровость относительно программъ. Напротивъ, я укажу даже на одну изъ нихъ, работы г. Семирадскаго, какъ на удачную, серьезно обдуманную, хорошо сочиненную, по аксессуарамъ весьма похвальную и удовлетворительно написанную. Маленькій недочотъ въ размѣрѣ согнутаго колѣна больного Александра хотя и составляетъ прегрѣшеніе противъ рисунка, но его можно скорѣе объяснить невниманіемъ; гораздо болѣе вредитъ картинѣ неудачный выборъ типа для головы главнаго дѣйствующаго лица. Кто, какъ не македонскій герой могъ дать совершенный просторъ воображенію въ созданіи идеала мужественной и изящной красоты? чѣмъ красивѣе, чѣмъ поразительнѣе была бы эта голова, тѣмъ она ближе отвѣтила бы представленію объ Александрѣ. Между тѣмъ, мы видимъ типъ довольно простой и невыдающійся изъ ряда обыкновенныхъ. Болѣзнь не оправдываетъ здѣсь ничего, — строгая красота, красота линій, не теряетъ отъ недуга,—отъ него теряетъ одинъ колоритъ, и измозжонное страданіемъ прекрасное лицо пріобрѣтаетъ особенно привлекательную, а для живописи и очень выгодную поблеклость. Скорѣе надо предположить, что начинающій художникъ благоразумно придерживался натуры и не рѣшился писать безъ нея: а какую же, скажите, натуру для антика могли представить современные обыватели Васильевскаго острова? Но можетъ быть и то, что вовсе не античная красота на умѣ у г. Семирадскаго, а простая реальная курносость Пахома, которую онъ и изобразилъ бы отлично,—да его заставили (и для этого заперли) непремѣнно изобразить «а́нтикъ». Безъ а́нтика, дескать, никакъ невозможно!

И тянутся вереницей, изъ года въ годъ, испытывая послушаніе учениковъ, неумолимые а̀нтики, эти латинскія склоненія художества, чтобъ забываться также легко и скоро, какъ медленно и трудно они достаются. Найдите мнѣ чудаковъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ разговаривали бы по-латыни. Укажите на художника, одѣвающаго того натурщика по своей доброй волѣ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удава-

Digitized by Google

лось слышать латинской болтовни между друзьями. Тога уцѣлѣла всего одна, да и та въ римской мастерской г. Бронникова. Но судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно ожидать, что и ея дни сосчитаны. Вѣтерокъ съ улицы повѣялъ и въ эту сторону; тога на минуту сложена въ уголъ—и современная жизнь (пока еще римская), во фракахъ и треугольныхъ шляпахъ, уже переступила ея порогъ. Безъ Алкивіада съ Аспазіей дѣло, конечно, не обошлось; императора Августа заставилъ-таки г. Бронниковъ поиграть съ дѣтьми, а Пиѳагорейцевъ—пропѣть гимнъ восходящему солнцу. Во всей этой античности обнаружилось опять умѣнье вѣрно и строго рисовать, умно сочинять, съ искусствомъ и опытностью писать, и еще разъ — полное отсутствіе именно античнаго чувства. Даже такой мотивъ, какъ гимнъ Пиѳагорейцевъ, счастливо отысканный художникомъ, не въ состояніи былъ исторгнуть изъ него поэтическаго порыва, разогрѣть его палитру. А мотивъ совсѣмъ лирическій!

Надъ голубыми равнинами Эгейскаго моря, на горѣ еще повитой послѣдними покровами передразсвѣтной мглы, поклонники свѣтила дня, подъ складками длинныхъ бѣлыхъ тогъ, съ кудрями вѣнчанными лавромъ, ударяя въ цевницы, гнутъ свои колѣни передъ первыми алыми лучами трепетно ожидаемаго бога.... Тутъ и убѣленные старцы, и мужи и юноши; даже малый отрокъ прибѣжалъ тайкомъ и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ вытягиваетъ свою тонкую шею въ сторону, откуда брызнули священные лучи.... Вотъ они разольются по голубому небу и затопятъ червоннымъ золотомъ лазурь Эгейскаго моря, и гору, и тоги поклонниковъ, и сгонятъ съ нихъ, съ земли и съ моря послѣдніе слѣды ночи. Лиризма и красокъ столько, что даже въ г. Бронниковѣ какъ-будто что-то дрогнуло, будто мелькнула нѣкоторая наклонность выразить что-то поэтическое.... Но и только. Самаго гимна не пропѣлъ художникъ. Такъ пѣвецъ безъ голоса тщетно силится передать волны музыкальныхъ звуковъ....

Толкнулся нашъ профессоръ и въ скромныя стѣны чистенькаго мѣщанскаго довольства современности, и въ скорбные, пустые, сырые чердаки нищеты; но какъ съ пиѳагорейцами не утратилъ своего ровнаго душевнаго настроенія, такъ не разстроился и при видѣ «Бѣднаго семейства, прогоняемаго съ квартиры», пребылъ непоколебимъ и отъ идилліи «Именинницы» — разодѣтой, милой старушки, не безъ грусти празднующей, можетъ быть, послѣдній разъ со старымъ другомъ день, который праздновала съ нимъ такъ долго! Передъ нею на столѣ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ—издавна установленное приношеніе когда-то свѣжей, какъ они, именинницѣ, теперь съ серебряными локонами и тонкими морщинами на щекахъ.... Давній юноша, тоже весь убѣленный зимою долгой жизни, въ чистомъ, бѣломъ колпакѣ и туфляхъ, поднялъ въ рукѣ стаканъ краснаго вина. Съ доброю

Digitized by Google

улыбкою, полною памяти чего-то еще свѣтлаго, чего-то розоваго, онъ привѣтствуетъ пожеланіями умиленную старушку... На третьемъ мѣстѣ, пустомъ, помѣстилась хозяйкина собачка и съ степенной пристойностью глядитъ на обѣдающихъ.

А вотъ и трагическое въ жизни. Жирный домовладѣлецъ привелъ папскаго жандарма—выживать изъ сырыхъ стѣнъ неплатящаго работника. Кругомъ нищета; дѣти, рыдающая жена — на мокромъ полу. Вчера еще казалось, что хуже этого и быть не можетъ. Сегодня онъ видитъ, что можетъ быть еще хуже. Дверь открыта настежь и въ нее косо хлещетъ дождь съ улицы. Тамъ твое мѣсто!—указываетъ неумолимый хозяинъ. Жандармъ въ треуголкѣ безучастно смотритъ по сторонамъ. Когда дойдетъ до того, чтобъ брать за шиворотъ, онъ себя покажетъ, а покуда ему тутъ дѣлать нѣчего. Выгоняемый стоитъ убитый, отупѣлый и ждетъ своей судьбы...

Опять счастливо и умно отысканный мотивъ; умное и добросовѣстное исполненіе, и опять-таки невозмутимость человѣка, незабывающаго латынь.

Да, безъ поэзіи, безъ огня и увлеченія, безъ юмора, безъ слезъ и смѣха нѣтъ полнаго художника! Его мотивы не трогаютъ, его драма не поражаетъ, типы не мечутся передъ глазами. Онъ можетъ быть дѣльнымъ, почтеннымъ, строгимъ хранителемъ законовъ и правилъ искусства, но двигателемъ сердецъ онъ никогда не будетъ.

Не менѣе ума и знанія своего дѣла представляетъ и выставленная г. Худяковымъ картина изъ исторіи Казани. Послѣдняя татарская царица Сююнбека увозится въ Москву, обставленная всѣмъ почетомъ ея прежняго сана. Полувосточная роскошь окружаетъ ее въ лодкѣ, на которой она, можетъ быть, совершала свои царственныя прогулки по Волгѣ, а теперь отплываетъ развѣнчанною и навсегда отъ провожающаго ее народа. Этотъ провожающій народъ очень искусно раскиданъ по всему заднему плану картины: толпы бѣгутъ, заглядываютъ подъ яркій балдахинъ, гдѣ сидитъ убитая, опустивъ голову, Сююнбека. Маленькій сынъ ея, типичный татарченокъ, вопросительно-испуганно смотритъ на мать,—онъ не понимаетъ что́ съ нею сдѣлалось. Онъ ее прежде такою не видывалъ, когда катался съ нею въ этой лодкѣ.... Приставы русскаго царя составляютъ контрастъ татарамъ своими славянскими лицами и кафтанами.... Позади плывутъ еще лодки.... Вдали виднѣется Казань.... и изъ нея толпы валятъ да валятъ со всѣхъ сторонъ, бѣгутъ, тѣснятся — кто даже повалился на земь.... Прискакалъ конный татаринъ: самъ онъ и его лошадь еще сохранили въ своихъ позахъ только что остановленное быстрое движеніе—и оба уставились въ ту сторону, гдѣ тянется процессія.... Перепуганное стадо овецъ шарахнулось отъ берега и сбилось въ кучу. Эти подробности чрезвычайно хорошо задуманы и выполнены. Татар-

Digitized by Google

скій характеръ, изученный художникомъ на мѣстѣ, переданъ вѣрно. Отчего же картина не производитъ впечатлѣнія? Отчего она никому не нравится? А вотъ отчего: бѣдствія Сююнбеки, можетъ быть, еще и способны вызывать сочувствіе въ татарскихъ сердцахъ, но ужъ никакъ не въ нашихъ. Притомъ въ картинѣ, хотя и написанной очень тщательно, краски черезъ-чуръ ярки и пестры... А все же жаль, что потрачено столько ума, знанія, соображеній, изученій и трудовъ, почти безплодно.

Г. Сѣдовъ изъ исторіи того же времени выбралъ сюжетъ гораздо интереснѣе и благодарнѣе. Передъ нами царь Иванъ Грозный, съ знаменитымъ остроконечнымъ жезломъ въ рукахъ, а передъ Иваномъ— знаменитый опричникъ Малюта Скуратовъ. Чего еще интереснѣе и благодарнѣе! Какого художника не прельстила бы та богатая игра выраженія дѣйствующихъ лицъ, какая неминуемо сопровождала бесѣды съ глазу на глазъ этихъ двухъ человѣкъ? Трудно вѣдь допустить, чтобъ они преимущественно о погодѣ разговаривали. А между тѣмъ г. Сѣдовъ избралъ предметомъ именно разговоръ о погодѣ. Можетъ быть, случалось и это, — сказалъ онъ себѣ, и посадилъ царя Ивана истово и вѣжливенько на бархатную скамью, а рыжаго Малюту заставилъ рапортовать ему о томъ, что погода ноньче, благодареніе Всевышнему, отмѣнная. Слушаетъ царь и думаетъ: предобрый право этотъ Малюта, и даже преглупый, — о чемъ рѣчь только завелъ. А самъ ничего, тоже добрый и вовсе на себя даже мало похожъ. Намъ кажется, что и Малюта больше похожъ на дрянного рыжаго мужичонку, чѣмъ на злого татарина, какимъ онъ былъ на дѣлѣ; но синій бархатъ его кафтана, но его соболья шапка, и сапоги, и все что́ есть въ этой царской палатѣ и все что есть на царѣ и около царя—парча, кожа, бархатъ, — ковры и молитвенникъ, — все это послужило такимъ источникомъ вдохновенія для художника, что невозможно не отозваться на эти мѣха, на эти ткани, на эти кожи и вообще на все, кромѣ того, что въ нихъ или подъ ними.... Видя такое душевное влеченіе живописца къ предметамъ надѣваемымъ и раскладываемымъ, готовъ подумать, что не затѣмъ ли ужъ тутъ и царь Иванъ, и Малюта, чтобъ только было на кого эти предметы надѣть и около кого разложить? Археологія, конечно, имѣетъ свое мѣсто въ искусствѣ, но она еще не искусство. За доказательствомъ— просимъ обратиться къ работѣ г. Сѣдова и къ петербургской сценѣ съ пушкинскимъ Годуновымъ.

Полными и истинными художниками являются гг. Гунъ, Перовъ, баронъ Клодтъ (пейзажистъ) и Дюккеръ. Такія работы могутъ занять всегда мѣсто и на большихъ европейскихъ выставкахъ, гдѣ онѣ если и не будутъ особенно замѣчены, то во всякомъ случаѣ одобрены. У насъ же это лучшіе перлы художественныхъ трудовъ за цѣлый годъ.

Digitized by Google

Г. Гунъ, уже прежде показавшій рѣзкое искусство—въ одной фигурѣ стараго фанатика, который нашиваетъ торопливо при ночной лампѣ сухою жилистою рукою большой бѣлый крестъ на свою шляпу, выражать близкій ужасъ готовящейся варѳоломеевской рѣзни,—возвращается снова къ той же кровавой ночи. Только эпизодъ, теперь избранный художникомъ, сложнѣе и число фигуръ больше. Подъ покровомъ ночи и креста тутъ совершается и нѣчто мірское: грубый солдатъ-католикъ, очевидно разсчитывая угодить вельможѣ, своему начальнику, а можетъ быть и исполняя его приказаніе, только-что убилъ благороднаго гугенота въ его замкѣ. Молодая, прекрасная жена оплакиваетъ простертую на полу бездыханную жертву, а счастливый вельможа прибѣжалъ на шумъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ всматривается въ помертвѣлыя черты: точно ли докучная помѣха между нимъ и любимою женщиною перестала существовать? Убійца-солдатъ съ развязнымъ торжествомъ смотритъ на своего повелителя и принимается безцеремонно тащить отъ трупа бѣдную вдову, которая впилась въ него скорбнымъ взоромъ, какъ бы желая напечатлѣть на вѣки тотъ помертвѣлый образъ... Блѣдное утро освѣщаетъ кровавую сцену...

Драма, и сосредоточена, и выражена превосходно. Типы лицъ, контрасты выраженій и ощущеній; позы дѣйствующихъ и особенно смѣлый мастерской ракурсъ тѣла убитаго, обращеннаго затылкомъ на первый планъ картины,—(такъ и хочется заглянуть ему въ лицо сверху) все прекрасно задумано и выполнено. Обстановка и стѣны комнаты, опрокинутая въ минуты борьбы мебель, коверъ на полу, всѣ малѣйшія мелочи костюмовъ, дополняютъ общее достоинство картины. Они не предъявляютъ своихъ правъ на исключительное вниманіе, но привлекаютъ его уже послѣ, путемъ естественнаго перехода отъ живыхъ существъ, отъ ихъ страстей и движеній; они, какъ и слѣдуетъ быть, фонъ и аксессуаръ картины, а не самая картина. Ступая такъ, г. Гунъ обѣщаетъ достигнуть высотъ искусства. А если на послѣдней парижской выставкѣ, гдѣ былъ этотъ холстъ, художникъ непритворно выражалъ соотечественникамъ сознаніе своего ничтожества рядомъ съ произведеніями европейскихъ мастеровъ и искренно говорилъ, что онъ только теперь узналъ, что ничего не знаетъ, — то обѣщаніямъ этимъ, конечно, суждено осуществиться.

Г. Перовъ—реальный русскій бытовой поэтъ. Его «Птицеловъ» уже извѣстенъ по весенней выставкѣ въ обществѣ поощренія художниковъ. Рядомъ съ нимъ всталъ «Странникъ»—всего одна фигура; но до чего только достигъ художникъ въ этой фигурѣ! Такихъ людей писалъ одинъ Гоголь, да иногда Островскій. Длинная, на вѣху похожая фигура; рыжая разсученная борода и усы какъ-то пошли въ одну сторону, а плутоватые, быстрые глазки такъ вотъ и впиваются въ душу—точно хотятъ влѣзть въ нее, чтобъ посмотрѣть: нѣтъ ли такого уголка

Digitized by Google

въ ней, куда бы удобно забраться. Набожныя московскія барыни должны бѣжать какъ кролики на эти змѣиные глазки. Руки—жилистыя, заскорузлыя, большія руки, сложенныя одна на другую, рыжій балахонъ, лапти, затасканная котомка за спиною и холщевой зонтикъ, жестяная кружка за поясомъ,—все до послѣдней мелочи все дышетъ рѣзкимъ, твердымъ, вѣрнымъ типомъ и послѣднею тонкостью художественной отдѣлки...

«Спящіе мальчики» не такъ особенны. Они даже нѣсколько сродни знаменитымъ мурильевскимъ, а ступня ноги одного изъ нихъ какъ будто не по росту...

Кромѣ этихъ картинъ, г. Перовъ выставилъ еще одну—портретъ извѣстнаго піяниста Антона Рубинштейна. Такая живопись встрѣчается у Рембрандта, изъ нашихъ же на лучшихъ портретахъ Брюллова. Нѣсколько невыгодный наклонъ головы, отчего вѣки, и безъ того нависшіе, нависли на глаза еще болѣе, оправдывается естественностью позы и характеромъ натуры. Г. Перовъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ можно сажать «красиво», вывихивая члены, свертывая головы и вообще обращаясь съ позирующими, какъ принято. У него и не позируютъ даже, а просто сидятъ. Онъ какъ будто возьметъ да и напишетъ совсѣмъ живого человѣка, какъ его засталъ.

Портретъ Николая Рубинштейна не вполнѣ удаченъ. Доказательствомъ служитъ то, что только отъ костянаго набалдашника его трости, удивительно написаннаго, не можешь отвести глазъ.

Какъ г. Перовъ воплощаетъ съ необычайною правдою и трезвою простотой русскую жизнь, такъ баронъ Клодтъ воспроизводитъ русскую природу. Онъ живописецъ ея убогой красы, неяркаго ея неба, избушекъ на курьихъ ножкахъ и задумчивой плоской дали...

Работая послѣднее время настойчиво и упрямо надъ полнымъ достиженіемъ русскаго пейзажа, онъ отыскалъ, можно сказать, его типъ. Настоящая работа — тотъ идеалъ, къ которому онъ стремился. Какое-то спокойствіе истины разлито по этому холсту, принявшему на себя цѣликомъ тихій родной полдень, курчавыя березки, поле, которое стелется и зеленѣетъ, даль, которой словно конца нѣтъ.... а впереди, отражаясь въ стеклянной рѣкѣ, по колѣни въ водѣ ищутъ слабой прохлады коровы... Да, это она, незатѣйливая, кроткая и въ самой невзрачности своей милая русская природа, безъ прикрасъ и обличенія, ставшая достояніемъ искусства.

Что касается выполненія, то далѣе не должна идти оконченность и лучше невозможно согласовать подробности съ цѣлымъ. Картина не имѣетъ диссонансовъ—все въ ней гармонично, стройно и въ мѣру.

Порывистая кисть г. Дюккера уловила иной моментъ изъ жизни природы, — моментъ случайный, преходящій, но полный поэзіи и заманчивыхъ переходовъ изъ тона въ тонъ. Надъ землею только-что пролился дождь —

Digitized by Google

Послѣдняя туча разсѣянной бури

еще темнитъ край неба; деревья еще крутитъ вѣтеръ; а золотой лучъ нетерпѣливаго солнца уже охватилъ кольцомъ пригорокъ, побѣжалъ лугомъ—и все блеститъ и лоснится, смоченное дождемъ...

Картина написана сразу—*alla prima* и *con una furia*, какъ говорятъ въ Италіи,—«нарвана», какъ выражаются у насъ, за что многіе и упрекаютъ художника.

— Помилуйте, говорятъ,—вѣдь картину эту ему *заказала* Академія, чтобъ по ней учились; а развѣ по ней можно учиться?

По ней учиться, точно, нельзя; но можно научиться Академіи, что «заказываютъ» сапоги и не заказываютъ картины — ихъ покупаютъ, когда онѣ написались безъ заказа и удались. Г. Дюккеръ, по моему, заслуживаетъ особенной похвалы за то, что онъ не съумѣлъ написать заказаннаго, что взявшись за кисть, не думалъ объ Академіи, а вылился тѣмъ моментомъ вдохновенія, какое вызвалъ изъ его души поэтическій моментъ природы. Значитъ, онъ истинный художникъ, и вдохновенный художникъ. А это у насъ особенная рѣдкость.

Маленькая приписка «Указателя» выставки къ имени г. Дюккера: «жительство въ Дюссельдорфѣ», пріятно дѣйствуетъ на ожиданія въ будущемъ.

Послѣ перечисленныхъ лучшихъ работъ, укажу на такія, которыя могутъ занять мѣсто вслѣдъ за ними. Это труды гг. барона Клодта 2-го, Брюллова (сына архитектора), Лагоріо, двухъ Маковскихъ, Боброва (портретиста), Беллоли, Коцебу, Бирштэта и другихъ.

«Антикварій» и «Евреи» б. Клодта отличаются свойственною этому даровитому художнику оконченностью и тонкостью работы. Евреи очень типичны, а антикварій, съ аппетитомъ потирающій руки передъ разставленными старыми вещами, какъ лакомка передъ закуской,— былъ-бы превосходенъ, еслибы обращено было столько же вниманія на рисунокъ и выполненіе тѣла, сколько употреблено его на чашки, вазы и другіе аксессуары, выполненные удивительно, и въ тоже время съ необыкновеннымъ вкусомъ и мѣрою, нисколько не въ ущербъ мягкости и изяществу.

Молодой Брюлловъ пріятно напоминаетъ своимъ именемъ, что таланты иногда даются цѣлому роду, и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Его «Отдыхъ послѣ работы» не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дебютанту суждено съ честью носить заслуженное имя. Жатвенное поле разстилается кругомъ золотою парчою и на ней высятся копны, а на копнахъ въ разсыпную отдыхаютъ жницы. Лѣтній день и поле почувствованы и переданы художникомъ съ тѣмъ молодымъ инстинктомъ, какой дается немногимъ; жницы очень живописно (можно бы даже менѣе живописно) раскинулись для отдыха. Письмо вкусное и красивое, нѣсколько небрежно; колоритъ пріятный... Словомъ, г. Брюл-

Digitized by Google

ловъ — надежда. Пускай только не обманываетъ онъ, какъ то иногда случается съ «надеждами»....

Маковскій, старшій, исполнилъ по заказу «Петра Великаго въ мастерской», и насколько можно сдѣлать картину изъ заказного сюжета, онъ сдѣлалъ. Его Петръ не похожъ на копію портретовъ Романовской галлереи; это человѣкъ написанный съ натуры, и потому полный жизни и свободнаго выраженія. Говорятъ, г. Маковскій искалъ долго, присматривался къ лицамъ встрѣчныхъ и оказался счастливѣе г. Семирадскаго — нашелъ Петра. Такая находка поистинѣ сокровище, и ей-то обязанъ художникъ успѣху своей работы. Писать онъ, какъ извѣстно, большой мастеръ, и какая-нибудь брошенная на полъ старинная книга, въ грубомъ кожаномъ переплетѣ, съ обитыми углами и мѣдными застежками, или отраженіе оконной рамы на стѣнѣ комнаты, какъ здѣсь, всегда выйдутъ картиной изъ-подъ его щегольской кисти....

Къ удивленію, портретъ пѣвца Петрова гораздо менѣе удался. При поразительномъ сходствѣ, художникъ не воспользовался тѣмъ отличительнымъ и крайне выгоднымъ для живописи однотоннымъ, оливковымъ колоритомъ, который характеризуетъ энергическую наружность оригинала. Это тѣмъ непонятнѣе, что г. Маковскій колористъ.

Меньшой братъ его видимо идетъ впередъ. Его «Пріемная у доктора» обличаетъ большую наблюдательность. Разговоръ двухъ изъ ожидающихъ очереди — священника въ фіолетовой рясѣ и барыни съ подвязанными зубами—на лету уловленная дѣйствительность.

— Объясню вамъ, сударыня,— слышишь, кажется, попа, который сложилъ въ кольцо большой и указательный пальцы правой руки и повѣствуетъ о вѣрныхъ средствахъ къ исцѣленію зубной боли: объясню вамъ, сколь чудеснымъ образомъ излечился я — и еще отъ руки совершенно простой женщины, можно сказать, бабы...

Тутъ кстати упомянуть о работѣ другого, только-что начинающаго юноши, г. Савицкаго: «Посѣщеніе больного сына». Солдатъ съ женою пришли повидать сынишку въ больницѣ, и такъ-то грустно сидится имъ всѣмъ: мать подперла рукою щеку, отецъ въ казенной сермягѣ понурилъ голову, а блѣдный мальчикъ въ больничномъ колпакѣ смотритъ изнуренно и кротко. Хорошо задумано, просто сочинено и весьма не дурно исполнено все это....

Совершенно по другимъ фибрамъ ударяетъ своею «Купальщицею» г. Беллоли. Посѣщающимъ балеты такіе удары должны быть не безъизвѣстны и ощущенія отъ нихъ сердцу близки. Купальщица по преимуществу картина для ощущеній.... Самое названіе ея уже обѣщаетъ что-то неодѣтое, что-то такое, что въ дѣйствительности надо подсматривать и уловлять, а здѣсь можно преспокойно смотрѣть, разсматривать и даже, для бо́льшаго удобства, усѣсться въ кресла. Вы сидите, а передъ вами купаются—и удобно, и завлекательно.

Digitized by Google

Говорить серьезно о картинѣ, составленной изъ наготы женскаго тѣла, вообще странно. Это тѣмъ страннѣе, что въ большинствѣ произведеній такого рода кромѣ наготы ничего и не бываетъ. Странность однакоже должна смѣниться удивленіемъ, когда я скажу, что акварелистъ-портретистъ, лѣтъ пятнадцать назадъ скромно начинавшій принимать въ пятомъ этажѣ своей студіи, на пьяцца Боргезе въ Римѣ, русскихъ путешественниковъ, которые не могли не сгарать желаніемъ предать себя краскамъ (иные даже въ костюмѣ итальянскаго разбойника, представьте!), что этотъ самый, манерный синьоръ Беллоли, сочинявшій впослѣдствіи, уже на берегахъ Невы, рѣдкой красоты дамскія и дѣтскія головки, какихъ тамъ никогда и не бываетъ,—что онъ въ масляной живописи даетъ вдругъ и правду, и рисунокъ, и прекрасное письмо, даже настоящее, реальное тѣло.... Не говоримъ о вкусѣ и колоритѣ—они родятся вмѣстѣ съ итальянцемъ. Просто не достаетъ только лакомыхъ старичковъ подлѣ, чтобы купальщицѣ, въ качествѣ цѣломудренной Сусанны, занять мѣсто въ какой угодно галлереѣ.

Опасаюсь однако, какъ бы моя статья не перешла въ толковый указатель выставки, и потому—останавливаюсь. Но останавливаясь, не могу не указать хоть мимоходомъ еще кое-на-что, а именно: на кавказскій пейзажъ, который не обозначенъ именемъ г. Лагоріо, но ясно обозначенъ его манерою, его вкусомъ и изяществомъ; другой, итальянскій пейзажъ (присланный изъ Варшавы), который былъ бы гораздо лучше, еслибъ художникъ возложилъ меньше упованія на бѣлую краску, призванную выразить серебряный полуденный блескъ южнаго моря и выражающую всегда въ подобныхъ случаяхъ съ бо́льшимъ правдоподобіемъ снѣгъ или сметану; прекрасный поясной портретъ немолодой дамы съ свѣтлыми глазами, г. Боброва 1-го; большія, очень хорошія работы г. Коцебу—«Сдача Риги» и «Сраженіе русскихъ со шведами»; пейзажъ—левіафанъ американскаго Калама, г. Бирштета, снискавшій себѣ такую незаслуженную ненависть публики за свою левіафанскую цѣну—30,000 р. с.!! (убавьте ему нуликъ—и онъ непремѣнно будетъ нравиться, потому что онъ очень хорошъ); граціозные гипсы и мраморы г. Лаверецкаго и превосходная голова старика, его-же... Упомяну о томъ, что онъ дѣлаетъ мраморъ мягкимъ и сочнымъ, точно пишетъ кистью, какъ человѣкъ видѣвшій это дѣло у римскаго Розетти—перваго мастера по части рубки мрамора. Не могу пройти мимо бронзовыхъ группъ г. Лансера, большею частью изъ простонароднаго быта, отличающихся движеніемъ, типами и тонкимъ исполненіемъ; ни мимо г. Премацци, который скудными средствами акварели, въ крошечномъ подобіи, совершенно повторяетъ роскошныя залы въ дворцахъ и домахъ богатыхъ людей, до мельчайшихъ подробностей орнаментаціи стѣнъ, убранства каминовъ, отлива и свойства матерій на мебеляхъ, даже до узора и зеркальнаго блеска навощонныхъ паркетовъ,—и все

Digitized by Google

это со вкусомъ и мѣрою истиннаго художника.... Наконецъ, чтобы не оскорбить вещей, замѣтныхъ въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, укажу на двухъ совсѣмъ чорныхъ и растрепанныхъ женщинъ г. Мясоѣдова, которыхъ мететъ вѣтромъ.... Въ прошломъ году поползновеніе молодого художника къ вычурности обнаружилось уже въ изломанной и таки-достаточно подчеркненной Франческѣ ди-Римини; въ нынѣшнемъ оно достигло до каррикатуры. Самое названіе картины.... впрочемъ, она даже и названія не имѣетъ: вмѣсто того, длинный ярлыкъ, приклеенный къ рамѣ, несетъ такой вздоръ: «Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣла свѣта дожидается... Мечется тоска, рвется тоска...»; и потомъ опять: «мечись тоска, кидайся тоска....» а немного погодя: «плачь тоска, рыдай тоска...» и еще: «несите ее буйные вѣтры, несите не обронитe!...» и такъ далѣе — на цѣлую страницу текста. Картина съ литературнымъ приложеніемъ можетъ быть пріобрѣтена за 450 р. Что же, это еще милостиво! Говорятъ, художникъ ищетъ дороги. Въ такомъ случаѣ ему можно посовѣтовать искать ее совершенно въ другомъ направленіи — иначе онъ забредетъ въ омутъ....

На многихъ изъ упомянутыхъ картинъ можно замѣтить таинственныя 1,000 р. и 500 р. Можетъ быть, читатель не повѣритъ, если я ему скажу, что эти вдохновительныя цифры, означающія преміи *свободнаго* конкурса, для котораго никого не запирали и ничего не задавали, — даяніе той самой Академіи, которая запираетъ и задаетъ! Боже мой! вѣдь и Ватиканъ ничего не хотѣлъ уступить, — а ужъ какъ его просили! покуда наконецъ не взяли всего безъ спросу. Да, вѣтеръ времени отыскалъ себѣ щели и въ твердыхъ стѣнахъ храма художествъ! Удастся ли ему продуть и нѣкоторую гласность въ сокровенныя тайны присужденія премій? Или раздача ихъ, подобно раздачѣ медалей и званій, будетъ продолжать свою многолѣтнюю непогрѣшимость за крѣпкимъ запоромъ? Свободныя художества будутъ ли по прежнему такъ мало свободны въ храмѣ, начертавшемъ надъ входомъ: «Свободнымъ художествамъ»? Отчего науки, напримѣръ, свободнѣе, и присужденіе ученыхъ степеней производится публично и гласно? Странные вопросы, на которые еще страннѣе не имѣть навѣрное никакого отвѣта!

Однакоже послѣ того, какъ самая непогрѣшимость папы встрѣтила сомнѣніе, жрецамъ Академіи едвали можно разсчитывать, чтобъ ихъ непогрѣшимость признавалась несомнѣнною. Это тѣмъ невѣроятнѣе, что малѣйшая неосторожность съ ихъ стороны лишаетъ ихъ того обаянія, какое имъ успѣла снискать недоступность. Отважились они, напримѣръ, на вылазку, чтобъ попытать силъ въ открытомъ полѣ. И что же? Все, что только представляетъ выставка жалкаго, немощнаго, бездарнаго, иногда смѣшного, произведено именно ими!

Въ отдѣлѣ ваянія, между трудами даровитой молодежи, чей бюстъ

Digitized by Google

поражаетъ своею плоскостью, мертвенностью, даже отсутствіемъ сходства? Бюстъ работы профессора академіи фонъ-Бока! Среди пейзажей, частію прекрасныхъ, частію удовлетворительныхъ, кто могъ натыкать эти пёгія, забавныя, невозможно-фальшивыя картинки, точно вышитыя бисеромъ какою-нибудь дѣвочкою къ именинамъ маменьки? Профессоръ академіи, — г. Воробьевъ.... Этотъ династическій *профессоръ-преподаватель* пейзажа въ Академіи — сынъ дѣйствительнаго пейзажиста Воробьева, г. Воробьевъ 2-й, а по бонапартическому счисленію пожалуй 3-й, начинаетъ собою новый родъ пейзажа. Родъ этотъ можетъ быть названъ сатирическимъ и состоитъ онъ въ томъ, что увидитъ, положимъ, почтенный профессоръ, какъ пишутъ закаты солнца и озаряютъ ими деревья,—онъ сейчасъ: «дай, говоритъ, напишу я и закатъ, да только такъ, чтобы отбить у всякаго охоту къ закатамъ». И такъ какъ у г. Воробьева 3-го умъ сатирическій, какъ у Чичкова, то изъ-подъ его кисти (пишетъ ли однако кистью, я не знаю) выходитъ пресмѣшная карикатура: кораллъ не кораллъ, ракъ не ракъ, не то морской паукъ или каракатица,—словомъ, что-то уморительное; а г. Воробьевъ возьметъ еще, да освѣтитъ это чудовище малиновымъ фонарикомъ *аля-кіакинъ*. Происходитъ недоумѣніе зрителя. А г. профессоръ только усмѣхается, словно приговариваетъ:—нутко, братъ, раскуси! угадаешь, молодецъ будешь! Но не угадываетъ никто, и молодцомъ оказывается самъ профессоръ.

— Да вѣдь это закатъ, вразумляетъ онъ наконецъ, — закатъ, братецъ ты мой, солнца, а тутъ, братъ, посажена сосна—вишь какая сосна! И замѣть ты, какъ это оно забралось, солнце-то, вотъ въ эту самую сосну, просто чортъ его и знаетъ какъ; и кружочекъ одинъ только охватило.... Это, я тебѣ скажу, мудрено придумать. Я одинъ только и могу. Кромѣ меня никто не можетъ.

И точно, не можетъ никто. Г. Воробьевъ 3-й не имѣетъ соперниковъ, ему нѣтъ равнаго и между начинающими дѣтьми, ему даже нѣтъ подобнаго—онъ безподобенъ! Утѣшительна именно эта безподобность профессора. Она-то, безъ сомнѣнія, причиной тому, что слѣдовъ вліянія преподавателя нигдѣ на ученикахъ не замѣтно: самый плохой изъ нихъ такъ не напишетъ. Выходитъ одно изъ двухъ: или у него не учатся (и хорошо дѣлаютъ), или онъ не учитъ — и это лучшее, что онъ можетъ дѣлать.

Будемъ надѣяться, что съ г. Воробьевымъ 3-мъ династія не прекратится, но явятся 4-й, 5-й, и т. д., все такіе же полезные преподаватели пейзажа въ Академіи.... Посовѣтуемъ также и ей быть послѣдовательною, и такъ какъ ужъ она пріобрѣтаетъ произведенія г. Дюккера, чтобъ ученики могли во всякое время видѣть, какъ надо писать,—то пусть обезпечитъ она за собою въ вѣчную собственность

Digitized by Google

и бисерное шитье г. Воробьева, чтобы до скончанія вѣка была возможность учиться тому, какъ писать не надо.

Вообще вылазки профессоровъ произвели дѣйствіе, на которое они едвали разсчитывали. Такъ, между прочимъ, картоны для Исаакіевскаго собора, авторы которыхъ съ благоразумной скромностью скрыли свои имена, приписываются тоже гг. профессорамъ-преподавателямъ... Нельзя опредѣлить, насколько такое подозрѣніе справедливо, но нельзя не видѣть въ немъ, во всякомъ случаѣ, знаменія времени. Такъ или иначе, а картоны эти, передъ которыми первые, выставленные болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, являются картонами Рафаэля, — должны быть признаны за работы дѣтей... если только не будетъ доказано, что они работы профессоровъ....

И что-же? Судя по обычному теченію дѣлъ, одно изъ этихъ дѣтскихъ упражненій *должно* будетъ получить премію (въ 4,000 р., какъ слышно!) — и заказъ!! Премія положена и заказъ утвержденъ — значитъ картина *должна* быть. Простѣнокъ собора отсырѣлъ и старая живопись стекла: пустой простѣнокъ *долженъ* быть занятъ новою — и онъ займется. Значитъ, дѣло будетъ «очищено» и благополучно поступитъ въ архивъ, а 4,000 р. — въ карманъ избранника.

Да, покуда удержится тотъ взглядъ на произведенія искусства, по которому пустые простѣнки должны вызывать работы, а не работы находить для себя простѣнки, до тѣхъ поръ наши храмы и дворцы не станутъ вмѣстилищами и кормилицами искусствъ, — чѣмъ они должны быть, но останутся зданіями по штату, съ живописью по смѣтѣ.... Они будутъ *расписываться*, но не будутъ имѣть картинъ, будутъ очень цѣнны — по затраченнымъ рублямъ, но не по затраченнымъ талантамъ; а истинные таланты, не имѣвшіе счастья родиться въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда художественныя работы требовались оптомъ, останутся безъ средствъ, безъ сбыта работъ и безъ всякой будущности, оттого только, что всѣ простѣнки, къ сроку опредѣленному контрактами, уже расписаны съ подряду! Въ Европѣ, зданія, начатыя въ средніе вѣка, строятся донынѣ; въ соборѣ Петра въ Римѣ еще и теперь не всѣ холсты переведены въ мозаику; а у насъ работы, лучшею участью которыхъ было-бы скорѣйшее исчезновеніе, поспѣшно увѣковѣчиваютъ мозаикою, точно боятся, что потомство не увидитъ до чего плохи были подлинники!

Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!

П. Ковалевскій.

20 октября, 1870.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мнѣнія о военномъ преобразованіи.—Различіе цѣлей.—Вопросъ объ увеличеніи нашихъ военныхъ силъ.—Происхожденіе прусскаго военнаго устройства.—Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи.—Наши обстоятельства.—Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ.—«Крутой поворотъ» «Вѣстника Европы».—Что такое патріотизмъ?—Новый съѣздъ петербургскаго духовенства.—Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми.—Утѣшительный фактъ для нашей печати.

Ничто не способно въ такой степени увлекать мышленіе большинства, какъ аналогія; масса скорѣе всего усвояетъ себѣ аналогію, и выводами самыми популярными бываютъ именно выводы по аналогіи. Выводы эти бываютъ обыкновенно самаго не-критическаго свойства; вниманіе большинства останавливается на какомъ-либо крупномъ фактѣ, въ которомъ видятъ *непосредственную* причину крупнаго результата, и затѣмъ большинство убѣждается, что простымъ усвоеніемъ себѣ *одного* этого факта, простымъ перенесеніемъ *одного* его на свою почву, можно обезпечить себѣ тотъ самый результатъ. Самый крупный результатъ въ исторіи года, это—побѣда Германіи надъ Франціею, непрерывный рядъ пораженій, нанесенныхъ Франціи Германіею, такъ что успѣхъ послѣдней ни на минуту даже не колебался, несмотря на то, что Германія, ведущая съ Франціею войну, не превосходитъ Франціи по численности населенія.

Непосредственной причиной такого неудержимаго и неожиданно-легкаго успѣха Германіи представляется прусское военное устройство, которому подчинилась остальная Германія; и вотъ отсюда весьма просто и легко выводится такое заключеніе, что для Россіи нѣтъ ничего проще, какъ принять прусское военное устройство, увеличить численность своихъ боевыхъ силъ въ размѣрѣ Германіи, и однимъ этимъ заимствованіемъ у Германіи мы могли бы и ограничиться. Между тѣмъ, самый элементарный здравый смыслъ указываетъ, что прежде всего мы должны заимствовать у Германіи ея общественные успѣхи, а именно съ воен-

Digitized by Google

ними преобразованіями можно еще подождать, развѣ политическія обстоятельства будутъ признаны такими, что намъ необходимо сейчасъ же поголовно вооружиться. Это былъ бы ужъ особый, лично касающійся насъ поводъ, а не чужой примѣръ. При сколько-нибудь внимательномъ взглядѣ на факты, элементы нынѣшняго успѣха Германіи оказываются нѣсколько сложнѣе, чѣмъ тотъ огульный, хотя и неоспоримый фактъ, что у Франціи было войска мало, въ сравненіи съ Германіею. Весьма существенною причиною пораженія Франціи было и то, что Франція *не знала*, сколько у нея въ дѣйствительности войска и вооруженій. На бумагѣ, военныя силы Франціи не уступали германскимъ. Численность французской арміи по мирному времени опредѣлялась въ 439 т. чел., по военному — въ 1 м. 200 т. чел. Численность армій германскихъ (включая южныя государства) опредѣлялась по мирному времени въ 407 т. чел., по военному времени — въ 1 м. 100 т. чел. (цифры Блока). Число орудій во Франціи (съ флотомъ) опредѣлялось въ 2,150, а въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ въ 547. Вотъ почему и во Франціи, и во всей Европѣ, благодаря системѣ лжи, какою жила вторая имперія, полагали, при открытіи кампаніи, что война будетъ происходить между силами равными, или почти равными, и это убѣжденіе высказывалось даже первыми военными авторитетами. Но когда война началась, то оказалось, что у Германіи всѣ силы, на какія она полагалась, въ самомъ дѣлѣ были налицо, а французское правительство не смогло выставить и половины того мнимаго количества силъ, которымъ оно ослѣпляло французское общество. Система лжи, расхищенія національныхъ средствъ, система обмана правительствомъ народа, а подчиненныхъ начальниками и наоборотъ — вотъ причина, игравшая весьма важную роль въ пораженіи, которому подвергла себя Франція, и результатъ нынѣшней войны, какъ иные ни стараются не видѣть въ немъ ничего, кромѣ численнаго превосходства войскъ Германіи, несомнѣнно представляетъ и нравственное значеніе, составляя осужденіе цѣлой системы, которую нельзя назвать иначе, какъ надувательною системою..

Вотъ этимъ-то поученіемъ, вытекающимъ изъ современныхъ событій, прежде всего и слѣдуетъ проникнуться, для того, чтобы оцѣнка эта была полна. Затѣмъ, фактъ громадной численности войскъ Германіи все-таки остается. Но развѣ это — фактъ новый, бывшій намъ досель неизвѣстнымъ? Не только численность германскихъ войскъ, но и годность этихъ молодыхъ солдатъ въ бою, доказанная въ 1866 году, были намъ извѣстны. Все новое, что мы узнали о нихъ изъ нынѣшней войны, собственно то, что ихъ оказалось въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, именно столько, сколько мы ихъ предполагали, а не на половину меньше.

Между тѣмъ, большинство нашихъ печатныхъ органовъ не столько

Digitized by Google

обращаютъ вниманія именно на этотъ послѣдній урокъ, то-есть на побѣду реальной работы и знанія надъ самообольщеніемъ и иллюзіями, сколько собственно на тотъ не новый, хотя и несомнѣнный фактъ, что у Германіи войска очень много и что войско это очень хорошее. И вотъ, большинство ихъ начинаютъ высказывать пожеланія, чтобы и въ Россіи совершилось военное преобразованіе по прусскому образцу. При этомъ приводятся въ совокупности такія соображенія и такія цѣли, которыя другъ изъ друга не необходимо истекаютъ, и не находятся въ безусловной логической связи. Говорятъ, что нужно усилить, умножить нашу армію, и что надо придать ей болѣе народный характеръ посредствомъ значительнаго сокращенія сроковъ службы, и еще, что надо распространить воинскую повинность на всѣ сословія, дабы все бремя ея не лежало на одномъ сословіи и т. д.

Ясно, что въ этихъ требованіяхъ совмѣщаются нѣсколько цѣлей, изъ которыхъ каждая могла бы быть достигнута и отдѣльно. Такъ, можно значительно усилить армію и не измѣняя нынѣшняго ея устройства, просто посредствомъ увеличенія военнаго бюджета. Съ другой стороны, всѣ аргументы въ пользу приданія арміи болѣе народнаго характера, сокращеніемъ сроковъ службы, останутся вѣрными, если и не имѣть въ виду усиленія нашего состава по военному времени; наконецъ, вопросъ объ обязательности рекрутской повинности для всѣхъ сословій можетъ быть рѣшенъ такъ и иначе, безъ существеннаго вліянія на числительность нашихъ военныхъ силъ.

Изъ числа предъявляющихъ нынѣ, вслѣдствіе прусскихъ побѣдъ, *голыя* желанія о преобразованіи нашей арміи на прусскій манеръ, одни имѣютъ въ виду преимущественно одну изъ тѣхъ цѣлей, другіе другую. Однихъ преимущественно прельщаетъ мысль, что и у насъ дворянъ будутъ сдавать въ солдаты, что и у насъ доценты университетовъ будутъ водить лошадей на водопой и при этой внѣшней сторонѣ сходства они и остаются, забывая при этомъ, что все подражаніе прусской организаціи можетъ у насъ окончиться тѣмъ, что будутъ именно «сдавать въ солдаты» и тѣхъ, кого до сихъ поръ не сдавали, а о доцентахъ не будетъ больше и помину, между тѣмъ какъ армія увеличится ими человѣкъ на тридцать. Изъ-за осуществленія такой мысли, они готовы помириться и съ усиленіемъ состава нашей арміи, которое ихъ мало интересуетъ, ибо прогресса въ себѣ не вмѣщаетъ, и вообще съ обремененіемъ земли одною страшною тягостью прусской организаціи. Другимъ болѣе всего нравится краткосрочность военной службы, имѣющая, по ихъ словамъ, совершенно измѣнить характеръ арміи, превратить ее въ армію народную, отнять у нея всякій кастовый военный духъ. Эти мечтатели забываютъ, что наша армія и теперь не имѣетъ характера анти-народнаго, какъ прежняя австрійская, что духъ

Digitized by Google

нашихъ крестьянъ и духъ нашихъ солдатъ совершенно одинаковъ, и на конецъ, что если и будетъ сдѣлано преобразованіе на прусскій манеръ, то это преобразованіе непремѣнно и во всякомъ случаѣ будетъ поведено такъ, чтобы не ослабить въ арміи именно того, что́ они называютъ духомъ военной касты, и что называется также «духомъ воинскаго званія». Напрасно думаютъ, что и въ прусской арміи этого духа совсѣмъ нѣтъ: нѣтъ военнаго сословія болѣе исключительно-военнаго, чѣмъ сословіе прусскаго офицерства, сословіе чисто-профессіонное, даже наслѣдственно-профессіонное, въ значительной долѣ. Забываютъ, что спеціальный, военный духъ сообщается арміи именно сословіемъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, до которыхъ краткіе сроки военной службы не касаются. Наконецъ, забываютъ и то, что даже англійская армія, состоящая исключительно изъ солдатъ по ремеслу, солдатъ-наемниковъ и изъ офицеровъ, которые за мѣста свои заплатили деньги, гораздо менѣе чужда обществу, гораздо менѣе склонна презирать все «штатское», и игнорировать въ извѣстныхъ случаяхъ общественныя стремленія, чѣмъ войско, исходившее изъ французской конскрипціи, и даже изъ краткосрочной и общеобязательной военной повинности. Значитъ, не въ одной краткосрочности дѣло, и сама краткосрочность, во всякомъ случаѣ, можетъ еще быть обставлена такъ, чтобы нисколько не ослабить въ арміи особый духъ воинскаго званія. Неестественно, чтобы было иначе, и странно думать, что если всѣхъ забрать въ солдаты, такъ это-то именно и осуществитъ государству самую либеральную программу будущности.

Третьи, наконецъ, соглашаясь и на краткосрочность, и на общеобязательность, главною цѣлью имѣютъ собственно усиленіе арміи, увеличеніе и мирнаго, и военнаго ея состава. Вотъ это-то и есть люди практическіе, и можно навѣрное сказать, что если коренное преобразованіе арміи будетъ сдѣлано, то оно сдѣлано будетъ именно для достиженія *этой* практической цѣли, будетъ обусловлено по мысли тѣхъ, которые убѣждены просто въ необходимости еще бо́льшихъ пожертвованій со стороны государства на вооруженія, чѣмъ тѣ, какія оно несетъ нынѣ. Въ конечномъ результатѣ у насъ, тѣ, кто требовалъ преобразованія арміи на прусскій манеръ собственно въ качествѣ гуманиста, будутъ изумлены, увидѣвъ совсѣмъ не то, о чемъ они мечтали. Тѣмъ не менье мы вполнѣ сочувствуемъ нашимъ гуманистамъ, взглядъ которыхъ на преимущества прускаго военнаго устройства развилъ въ самой популярной формѣ авторъ статьи: «Въ гостяхъ и дома», помѣщѣнной недавно (сентябрь и октябрь) въ нашемъ журналѣ. Но нашлись люди (см. передовая статья «Москов. Вѣд.» № 222), которые, помимо своихъ неприличныхъ выходокъ, истолковали превратно намѣренія автора и «съ удовольствіемъ» заявили публикѣ, что Вѣстникъ Европы сталъ на одну дорогу съ «Московскими Вѣдомостями».

Digitized by Google

«Самая разумная военная система — говорилъ нашъ авторъ — только въ Пруссіи; *вся бѣда въ томъ, что она требуетъ для себя и такого образованнаго народа, какъ Германія.*» На нашей хроникѣ лежитъ обязанность развить эту мысль, брошенную мимоходомъ среди прочихъ замѣтокъ туриста о Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать именно—практическія границы и степень своевременности въ примѣненіи этой мысли, ибо хроника имѣетъ дѣло уже не съ теоріею только, а съ жизнью, какъ она дана и какъ отправленія ея обусловлены. При этомъ мы обязаны указать здѣсь и на тѣ пункты, въ которыхъ практика противорѣчила бы теоретическимъ выводамъ. Это не значило бы противорѣчить нашему автору, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ «патріотовъ», которые готовы заимствовать у Германіи все, кромѣ ея общественныхъ успѣховъ, и въ картинѣ той нравственной и матеріальной силы, какую нынѣ развернула Германія, видятъ только одно поучительное и пригодное для насъ—численность армій (хотя въ самой Пруссіи палата была противъ послѣдняго военнаго преобразованія), да еще, пожалуй, недопущеніе въ университеты воспитанниковъ реальныхъ гимназій (хотя въ самой Пруссіи общество протестуетъ противъ этого ограниченія).

Указавъ, что въ поводахъ, приводимыхъ въ пользу примѣненія прусскаго военнаго устройства къ Россіи, есть существенное различіе, и что гуманисты могли бы весьма разочароваться, увидя результаты своихъ предложеній на практикѣ, спросимъ себя еще: почувствуетъ ли масса населенія Россіи большое облегченіе отъ такой системы, которая конечно увеличила бы на $^1/_{80}$ долю все число лицъ подлежащихъ военной повинности, но за то привлекла бы всю эту массу, всѣ $^{80}/_{80}$ къ поголовному, поочередному отбыванію этой повинности, и при какихъ условіяхъ и обстановкѣ всей остальной нашей общественной жизни?

Все это необходимо хорошенько разобрать и обо всемъ этомъ слѣдуетъ поразмыслить, прежде чѣмъ провозглашать необходимость *только* введенія у насъ прусскаго военнаго устройства на томъ только основаніи, что Пруссія побѣдила Францію. И такъ какъ безусловно-главною цѣлью преобразованія арміи на практикѣ было бы собственно усиленіе вооруженій Россіи, то прежде самаго возбужденія вопроса о преобразованіи арміи, слѣдуетъ убѣдиться, нужно ли намъ собственно это *усиленіе*, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія соображенія, которымъ, очевидно, предоставилась бы на практикѣ роль второстепенная?

Для того, чтобы поставить этотъ вопросъ не нужно было ждать и нынѣшней войны. Сколько намъ извѣстно, онъ и былъ уже въ самыхъ общихъ, впрочемъ, выраженіяхъ поставленъ *до* нынѣшней войны и былъ поставленъ именно только въ видѣ вопроса: не слѣдуетъ ли приступить къ усиленію нашихъ военныхъ средствъ, и обсудить

Digitized by Google

средства, представляющіяся для этого? Мы сами, нынѣ нѣсколько озадаченные, почти общимъ требованіемъ газетами военнаго преобразованія, вслѣдствіе прусскихъ побѣдъ, еще въ апрѣльскомъ нашемъ обозрѣніи ставили вопросъ: «Въ виду коренныхъ реформъ, въ огромной степени увеличившихъ военныя силы остальной Европы, не должна ли предстоять и намъ, быть можетъ, въ недалекомъ времени, такая же радикальная реформа, т.-е. учрежденіе подвижного резерва и поголовнаго народнаго ополченія?» Возможности этого мы не отвергали и тогда, хотя сознавали, что коренное преобразованіе въ этомъ смыслѣ наложило бы на страну новыя, большія тягости. Теперь, какъ и въ то время, до войны, мы допускаемъ мысль, что увеличеніе военныхъ силъ можетъ быть признано для Россіи необходимымъ — если насъ удостовѣрятъ компетентные спеціалисты въ томъ, что иначе безопасность Россіи не будетъ обезпечена. Противъ такого аргумента мы никогда спорить не будемъ; но затѣмъ, допустивъ мысль о преобразованіи арміи, мы уже не будемъ обольщать себя насчетъ главнаго результата такого преобразованія, и будемъ идти къ увеличенію жертвъ страны на вооруженіе сознательно, потому что необходимо именно *оно*, а не потому, что насъ подкупаетъ мысль объ общеобязательности и краткосрочности военной службы въ видѣ какихъ-то особенно благодѣтельныхъ общественныхъ факторовъ.

Такимъ образомъ, наше сужденіе о томъ—необходимо ли усилить оборону государства, мы прямо ставимъ въ зависимость отъ приговора государственныхъ людей. Наша роль здѣсь ограничится только остереженіемъ общества насчетъ неблагонадежности выводовъ, основанныхъ на одной кажущейся аналогіи, а также и насчетъ тѣхъ иллюзій, какими у насъ иные окружаютъ мысль о краткосрочности и общеобязательности военной повинности въ примѣненіи къ Россіи. Не придавая этимъ замѣткамъ значенія окончательнаго приговора, мы только представляемъ ихъ, какъ говорится, «къ соображенію».

Пруссія и вмѣстѣ съ нею Германія, какъ мы видѣли, выставили въ настоящую войну до 1.200,000 солдатъ. Если признается необходимымъ, въ виду успѣховъ Германіи, чтобы вооруженныя силы Россіи не отставали отъ силъ этой могущественной націи, чтобы численность нашихъ войскъ была не менѣе численности войскъ германскихъ, то намъ предстоитъ сдѣлать весьма немного. Въ Германіи (считая и южную) составъ мирнаго времени опредѣляется въ 407 тысячъ человѣкъ; составъ нашей арміи въ настоящее время—726 тысячъ человѣкъ; составъ военнаго времени въ Германіи, какъ уже сказано, до 1.200,000 человѣкъ; у насъ въ настоящее время до военнаго состава недостаетъ 430 тысячъ человѣкъ; но сверхъ полнаго состава по военному времени, т.-е. 1.156,000 чел., у насъ уже теперь есть лишнихъ 120 тыс. чел. отпускныхъ (сверхъ тѣхъ 430 тыс., которые нужны на пополненіе по

Digitized by Google

военному времени), а число этого готоваго дополнительнаго резерва съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться и безъ всякаго измѣненія нынѣшней военной организаціи. Но считая только то число отпускныхъ, которое можетъ составить дополнительный резервъ въ настоящее время, мы, присоединивъ ихъ къ итогу военнаго времени, получимъ цифру 1.276,000 челов., т.-е. цифру превосходящую численность германскихъ армій.

Правда, у Россіи протяженіе границъ не то, что у Германіи; но еслибы и Германія была, какъ нѣкоторые наши теоретики, убѣждена въ необходимости при войнѣ на одной границѣ выставлять обсерваціонные корпуса и на всѣхъ прочихъ границахъ, то-есть противъ всѣхъ сосѣдей: и Россіи, и Австріи, и Франціи, и Даніи, и Италіи вмѣстѣ, то оказалось бы, что она находится въ положеніи еще гораздо менѣе благопріятномъ чѣмъ Россія. Германія—страна открытая, страна, которую непріятельская армія можетъ пройти изъ конца въ конецъ въ очень непродолжительное время, страна лежащая въ центрѣ нѣсколькихъ могущественныхъ державъ. Россія же неуязвима со стороны востока, и само громадное пространство ея, при войнѣ оборонительной, не столько способно раздробить ея армію, сколько обезсилить наступленіе всякаго, самаго могущественнаго врага. Изъ гадательныхъ соображеній можно вывесть все чтó угодно; но у насъ есть дѣйствительные примѣры: наше пространство, наше удаленіе отъ запада одолѣли, въ эпоху отечественной войны, 600-тысячную армію, то-есть армію превосходившую ту, какую нынѣ Германія могла ввесть во Францію. Въ 1853—1856 годахъ мы, при устройствѣ гораздо менѣе совершенномъ чѣмъ нынѣшнее, выдержали войну съ четырьмя государствами, почти три года боролись противъ нихъ и хотя были принуждены наконецъ уступить, но наше пораженіе не представляло ничего сколько-нибудь даже похожаго на пораженіе Австріи въ 1859 и 1866 годахъ, и пораженіе Франціи въ 1870 году. И вдругъ являются теоретики, даже теоретики-спеціалисты, которые утверждаютъ, что именно намъ, именно по протяженію нашихъ границъ, нужно имѣть войска болѣе, чѣмъ кому бы то ни было!

И что еще страннѣе, находятся либералы, то-есть люди постоянно заявляющіе свой либерализмъ, которые для того только, чтобы щегольнуть осуществленіемъ равенства въ солдатчинѣ, являютъ невиданный еще нигдѣ примѣръ — либераловъ, требующихъ увеличенія вооруженной силы! И все это—просто по аналогіи, потому что Пруссія побѣдила Францію, все это, когда сами военные авторитеты не рѣшились еще выступить съ рѣшеніемъ этого вопроса, не произнесли еще приговора, что при нынѣшнемъ военномъ устройствѣ нельзя отвѣчать за безопасность Россіи.

Самое происхожденіе нынѣшняго военнаго устройства въ Пруссіи,

Digitized by Google

причины, побудившія Пруссію ввесть у себя это устройство первоначально, а затѣмъ и цѣли, которыя впослѣдствіи дали этому оборонительному устройству назначеніе силы наступательной, наконецъ, средства, при которыхъ оно существовало и существуетъ въ Пруссіи и Германіи, не имѣютъ почти ничего общаго съ обстоятельствами, въ какихъ находится Россія, съ ея средствами, наконецъ съ тѣмъ назначеніемъ, какое будетъ представляться ея силамъ, если только въ основу ихъ разсчета и устройства не будетъ принята какая-либо химерическая мысль о возсозданіи или пересозданіи міровъ.

Та система, которая прельщаетъ нынѣ нашихъ идеалистовъ краткосрочностью и общеобязательностью, а нашихъ практиковъ тою массою солдатъ, какую она производитъ, возникла и въ Пруссіи именно по этому послѣднему практическому соображенію, а не по любви къ равенству и братству, къ которымъ прусское правительство 1813 года не имѣло особой склонности. Когда Наполеонъ обязалъ побѣжденную Пруссію содержать войска не болѣе 45 тысячъ человѣкъ, прусскому правительству не осталось иного выбора, какъ подготовлять ополченіе, для котораго малочисленное регулярное войско должно было служить школою и кадрами на случай войны. Въ 1813 году, когда, вслѣдъ за первыми пораженіями Наполеона, въ Пруссіи поднялся народъ, ополченскія или ландверскія дружины и могли быть снабжены достаточнымъ числомъ уже обученныхъ военному дѣлу людей. Затѣмъ, въ 1814 году, то страшное напряженіе, какого стоила эта борьба Пруссіи, было сдѣлано постояннымъ, наложено на страну навсегда потому собственно, что, какъ убѣдилось правительство, иначе, безъ такого хотя и чрезмѣрнаго напряженія, безъ такой тягости, Пруссія съ ея населеніемъ не въ состояніи была бы играть роль великой державы, къ какой она привыкла со временъ истиннаго своего основателя Фридриха Великаго. Въ одномъ письмѣ, писанномъ послѣ пораженій при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, умная королева Луиза, мать нынѣшняго короля откровенно высказывала эту мысль: «Мы были введены въ заблужденіе побѣдами Фридриха Великаго, и считали себя великой державой; но для того, чтобы быть такою, намъ необходимо сдѣлать еще величайшія усилія».

Вотъ съ какою цѣлью установлены были навсегда, закономъ 3-го сентября 1814 года, такія тягостныя условія, которыя казались возможными сперва только временно; а именно: всякій пруссакъ, достигшій 20-лѣтняго возраста, обязанъ прослужить 5 лѣтъ въ дѣйствующей арміи (изъ коихъ 3 подъ знаменами и 2 въ резервѣ), затѣмъ 6 лѣтъ въ первомъ призывѣ ландвера, 7 лѣтъ во второмъ призывѣ ландвера, и наконецъ 11 лѣтъ числиться еще въ поголовномъ ополченіи, ландштурмѣ. По нынѣшнему закону сроки службы таковы: 3 года подъ знаменами, 4 года въ резервѣ, 5 лѣтъ въ ландверѣ. Въ мирное время

Digitized by Google

содержится подъ ружьемъ одинъ процентъ населенія, при чемъ законъ (Сѣверогерманскаго Союза) принялъ въ основаніе населеніе конца 1867 года и на содержаніе каждаго солдата опредѣлилъ 225 талеровъ въ годъ.

Каковъ былъ результатъ собственно военнаго устройства 1814-го г. для Пруссіи? Тотъ ли, что въ ней, при «народномъ войскѣ», сдѣлалось невозможно раздвоеніе между правительствомъ и народомъ? Вовсе нѣтъ. Опираясь на то самое народное войско, которое впервые образовалось въ 1813-мъ году во имя свободы, при ясныхъ обѣщаніяхъ внутренней свободы, данныхъ правительствомъ, это правительство отказывало народу въ свободѣ въ продолженіи 35-ти лѣтъ. Но вотъ какого результата прусское правительство дѣйствительно достигло посредствомъ своего военнаго устройства: Пруссія при немъ, и только исключительно благодаря ему, продолжала считаться великою державой, и имѣя всего 14 — 18 милліоновъ населенія, возвышала свой голосъ, наравнѣ съ Россіею, Франціею, Англіею и Австріею.

Впослѣдствіи, располагая такими средствами, она избрала себѣ назначеніемъ объединить Германію, и такъ какъ эта цѣль была не произвольная, не химерическая, а соотвѣтствовала постепенно возникшему и наконецъ окрѣпшему стремленію самой германской націи, то этой цѣли Пруссія, какъ мы видимъ, уже почти и достигла. Но здѣсь уже важнѣйшимъ факторомъ является не военное устройство, а именно общее народное стремленіе и внутренніе успѣхи самой Пруссіи. Военная сила здѣсь только ускорила то единство, которое уже въ 1848-мъ году было провозглашено совершенно независимо отъ военной силы и на-оборотъ—враждебно этой силѣ.

Теперь спрашивается, гдѣ же сходство между положеніемъ Россіи, ея средствами и ея разумными цѣлями со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя произвели и которыя объясняютъ собою несеніе Пруссіею бремени ея военной организаціи? Похоже ли нынѣшнее положеніе Россіи на положеніе Пруссіи послѣ тильзитскаго мира? Нѣтъ; мы содержимъ постоянно подъ ружьемъ не 45, а 700 тысячъ солдатъ. Необходимо ли намъ прусское военное устройство, чтобы оставаться великою державой въ Европѣ, когда мы и безъ него можемъ имѣть болѣе 1 милл. 200 тысячъ солдатъ? Предстоитъ ли Петербургу объединить русскій народъ, разрозненный на разныя государства, осуществить это единство въ виду зависти остальной Европы и съ этой цѣлью создать въ маленькомъ гнѣздѣ большую силу? Нѣтъ; эту роль уже давно исполнили у насъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и Москва. Находимся ли мы, наконецъ, по отношенію къ прочимъ славянамъ въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Пруссія по отношенію ко всей Германіи? Нѣтъ; весьма сомнительно еще, чтобы славяне желали простого присоединенія къ русскому государству. А чтобы оказывать имъ по-

Digitized by Google

правительство, для этого у насъ и теперь есть средства не такія, какія имѣла Пруссія до 1866 года. И главное, мы должны помнить, что Германію объединило общее ясное желаніе, а не военная сила; выгодность, удобство *всего* прусскаго устройства, а не сила одного только устройства военнаго.

Опять-таки повторимъ: если задаваться произвольными, фантастическими представленіями о призваніи Россіи къ пересозданію міра — въ такомъ случаѣ нечего и обращать вниманіе вообще на какія бы то ни было реальныя основанія. Для осуществленія фантастическихъ плановъ могутъ быть нужны и фантастическія средства, и фантастическія извертованія. Но здравый смыслъ побуждаетъ насъ никакими фантастическими планами не задаваться, а потому убѣдить насъ въ необходимости усиленія русской арміи можетъ единственно только приговоръ государственныхъ людей, основанный на положительномъ убѣжденіи, что при нынѣшнемъ устройствѣ нашихъ силъ нельзя отвѣтствовать за безопасность государства и что этой безопасности угрожаютъ, не сегодня, такъ завтра.

Но пока такой компетентный приговоръ не произнесенъ, мы отказываемся изъ однихъ побѣдъ Пруссіи выводить такое заключеніе, что одно прусское военное устройство надо прежде всего ввесть въ Россіи, и что если Пруссія при 18-милліонномъ населеніи *могла* имѣть на-готовѣ 600 тыс. чел. солдатъ, то Россія при 80-милліонномъ населеніи *должна* имѣть на-готовѣ два съ половиной милліона солдатъ. Мы довольствуемся пока и нынѣшнею весьма почтенною цифрой.

Скажемъ теперь кое-что и собственно о той краткосрочности и общеобязательности, которыя плѣнили у насъ многихъ въ пользу введенія прусскаго военнаго устройства.

Отмѣнѣ всякихъ наслѣдственныхъ привилегій мы сочувствуемъ вполнѣ и почитаемъ отмѣну дворянской привилегіи—освобожденія отъ обязательной службы въ званіи солдатъ, дѣломъ въ принципѣ рѣшеннымъ. Но допуская общеобязательность военной повинности въ этомъ смыслѣ, мы однако сомнѣваемся, чтобы обязательность натуральной военной повинности могла быть проведена у насъ въ настоящее уже время вполнѣ или хотя бы даже такъ, какъ въ Пруссіи. Доцентовъ у насъ ужъ не придется зачислять въ ландверъ потому, что ихъ и на университеты не хватаетъ. Учителей и техниковъ у насъ вообще такъ мало, что въ пользу ихъ придется сдѣлать изъятіе изъ общеобязательности военной службы. Патріоты-теоретики могутъ думать въ этомъ отношеніи какъ угодно, и даже полагать, что для усовершенствованія самихъ учителей и техниковъ весьма полезна военная выправка, но общество держится иного взгляда на это дѣло, какъ то видно изъ ходатайства земствъ объ освобожденіи отъ военной службы народныхъ учителей, приготовляемыхъ особыми семинаріями.

Digitized by Google

Да и вообще-то образованныхъ людей у насъ едва ли такъ много, чтобы вооруженный контингентъ ихъ могъ значительно усилить составъ какихъ либо армейскихъ корпусовъ. А между тѣмъ, надо помнить, что имъ пришлось бы не только нѣсколько лѣтъ своей дѣятельности посвятить выправкѣ, но и посвящать себя этому занятію не въ прусской, а въ русской казармѣ, и не въ прусской деревнѣ, а въ деревнѣ русской, гдѣ изба не только проста, и постель не только жестка (это бы ничего), а гдѣ зачастую нѣтъ никакого сообщенія со свѣтомъ, нельзя достать печатнаго листка, гдѣ не только газеты—нѣтъ и дымовой трубы. Едва ли не больше пользы можно ожидать для всего народа, если люди средняго и высшаго образованія посвятятъ эти годы на дѣятельность иного рода, въ которой Россія нуждается никакъ не менѣе, чѣмъ въ умѣньи обращаться со скорострѣльнымъ оружіемъ, и общую военную повинность исполнятъ не натурою, а деньгами. Но допущеніе выкупа уже нарушаетъ прусскую систему.

Такимъ образомъ и создалось бы опять-таки сословіе, не подлежащее натуральной воинской повинности. Улучшеніе было бы въ томъ собственно, что сословіе это не было бы наслѣдственное. Важность и этого улучшенія въ отношеніи принципа мы не оспариваемъ. Мы только не рѣшаемся вполнѣ согласиться съ тѣмъ пущеннымъ въ ходъ мнѣніемъ, что необходимо именно образованныхъ-то людей въ Россіи забрать въ солдаты, «для возвышенія умственнаго уровня нашей арміи». Умственный уровень нашей арміи, благодаря полковымъ школамъ, и теперь выше того же уровня въ массахъ: и массы должны ожидать себѣ учителей изъ арміи, а не сдавать своихъ учителей въ солдаты.

Не знаемъ, останавливались ли мыслители, которыхъ соблазняетъ краткосрочность прусской военной службы, на мысли о томъ, въ какой мѣрѣ такая система, соединенная съ поголовнымъ призывомъ къ службѣ, соотвѣтствовала бы и самымъ важнымъ изъ государственныхъ интересовъ—непосредственнымъ интересамъ массы рабочихъ? Сравнили ли они между собою такіе факты, какъ *недостатокъ* у насъ рабочихъ рукъ, на который всѣ жалуются и *изли шество* рабочихъ рукъ въ Германіи, которая ежегодно выбрасываетъ изъ себя сотню тысячъ эмигрантовъ? Вольтеръ видѣлъ главный «недостатокъ» нѣмцовъ въ томъ, что ихъ слишкомъ много. Но прусская военная система только и возможна при этомъ «недостаткѣ», т.-е. при густотѣ населенія. Думаютъ ли теоретики, что у насъ, на пространствѣ европейской и азіатской Россіи такъ легко дѣлать періодическіе сборы ландвера для обученія, отрывая людей отъ занятій и заставляя ихъ путешествовать на свой счетъ? Сообразили ли они, что нельзя говорить о введеніи прусской системы прежде, чѣмъ у насъ измѣнится система прямыхъ податей? Помнятъ ли они, что у насъ еще недавно только произошло коренное

Digitized by Google

преобразованіе въ условіяхъ быта массы крестьянъ, и готовы ли они къ отвѣтамъ, какимъ образомъ, при поголовномъ призывѣ на службу, будутъ уплачиваться выкупные платежи? Увѣрены ли они, что при круговой порукѣ, когда всѣ члены общины будутъ попеременно извлекаться въ армію, устоитъ сама община?

Вотъ немало пунктовъ, которые должны быть обсуждены прежде, чѣмъ можно будетъ безусловно увлекаться краткосрочностью и общеобязательностью военной повинности. Нельзя въ такомъ дѣлѣ основывать все сужденіе на чувствѣ радости, что-молъ вотъ и барченка, да заставятъ тереть лямку. Замѣтимъ, что и это чувство даже не получитъ полнаго удовлетворенія введеніемъ прусскаго военнаго устройства. «Барченки», то-есть дѣти богатыхъ семействъ и при прусскомъ устройствѣ могутъ поступать прямо въ военныя училища, стало быть «лямки не тереть», а выходить въ армію прямо офицерами; они могутъ также, не дожидаясь своей очереди, прямо поступать въ армію волонтерами, содержа себя на свой счетъ и въ такомъ случаѣ служать уже не три года, какъ всѣ, а *одинъ* годъ. И изъ нихъ-то и избираются офицеры для ландвера. Такъ что какой-нибудь юный нашъ либералъ, мечтавшій о прусской системѣ собственно на томъ основаніи, что она установляетъ полное равенство богатыхъ съ бѣдными, могъ бы самъ, лѣтъ подъ тридцать, очутиться въ родномъ ландверѣ подъ командою богатенькаго офицера изъ одногодныхъ волонтеровъ. Относительно же краткосрочности можно навѣрное сказать, что у насъ спеціалисты тотчасъ признали бы прусскій трехъ-годичный срокъ непримѣнимымъ къ образованію ловкаго солдата изъ нашего крестьянина.

И въ общемъ, при введеніи у насъ военнаго преобразованія на прусскій образецъ, всѣ побужденія теоретиковъ на практикѣ остались бы непремѣнно на заднемъ планѣ, такъ какъ главною цѣлью было бы именно увеличеніе вооруженныхъ силъ Россіи, а не удовлетвореніе такихъ или иныхъ, чьихъ-либо политическихъ тенденцій. Увеличеніе же вооруженныхъ силъ не обошлось бы и безъ увеличенія пожертвованій со стороны государства. И гдѣ у насъ средства для новыхъ пожертвованій? Россія страна менѣе богатая, чѣмъ Германія. Тягость прусской системы ощутительна и для самой казны, такъ какъ, несмотря на малый относительно составъ постояннаго войска, военныя издержки въ Германіи въ обыкновенное время составляли $32^1/_3\%$ всей суммы чистаго ежегоднаго дохода (цифра Кольба). А какихъ пожертвованій стоитъ за то самому народу, чтобы поддерживать эту систему не разоряя казны? Извѣстный фактъ, что эмиграціи изъ Германіи въ равной степени содѣйствуетъ, какъ недостатокъ работы, такъ и общеобязательность военной повинности и невозможность выкупа. Нѣмецкихъ эмигрантовъ прибыло въ одинъ только Нью-Йоркъ въ 1866 году болѣе 100 тысячъ человѣкъ (Кольбъ).

Digitized by Google

Въ заключеніе, замѣтимъ еще разъ, что не одно военное устройство Пруссіи было причиною ея успѣховъ и что на самую ея армію нельзя смотрѣть исключительно, какъ на продуктъ хитраго военнаго устройства, въ которомъ будто бы и для всѣхъ представляется единое средство спасенія. Германская армія прежде всего — продуктъ германскаго народа, между тѣмъ какъ русская армія и нынѣ стоитъ *выше* массы народа и по умственному развитію, и по образу жизни и по сознанію личныхъ правъ и личнаго достоинства.

Настоящія событія крайне непріятно дѣйствуютъ на нашу партію самохвальства. Они ей рѣшительно — не съ руки. Самохвальство поражено на полѣ битвы; весь ходъ нынѣшней войны представляетъ рядъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ, что одного раздуванія въ себѣ «уваженія къ самимъ себѣ», одного укрѣпленія своей вѣры въ свое призваніе, одного ликующаго и болтающаго о самомъ себѣ патріотизма, да еще процвѣтанія сыскного начала, слишкомъ недостаточно не только для поддержанія умственнаго развитія націи, но даже и для созданія той наступательной силы государства, къ которой исключительно стремится шовинизмъ. Сдѣлалось ясно, какъ дважды два, что одно «питаніе въ себѣ чувствъ» и одно повтореніе патріотическихъ фразъ безсильны противъ скромной, молчаливой, но упорной и непрерывной работы, которая съ одной стороны доставляетъ народу нравственное здоровье, отстраняя отъ него пустыя мечтанія и упражненія въ самообожаніи, а съ другой своевременно подготовляетъ вѣрныя средства къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя ставятся не увлеченіемъ, а холоднымъ разсудкомъ, практическимъ смысломъ.

Немудрено, что органы «національнаго» самодурства и сыскного патріотизма, поставившіе себѣ задачею возвратить наше общество къ настроенію «досевастопольскому», были непріятно поражены событіями, наводящими общество на цѣлый рядъ мыслей въ нелюбезномъ имъ смыслѣ. Неловкое положеніе такихъ органовъ выразилось и въ томъ духѣ недовѣрія и неблагопріятства, съ какимъ всѣ они единодушно отнеслись къ ходу нынѣшнихъ событій. Особенно забавно видѣть, какъ, желая выпутаться изъ своего неловкаго положенія, они иногда ссылаются на туже Пруссію. Въ безплодномъ умѣ гимнастовъ «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей» очевидно происходитъ борьба—не идей, конечно, а потребностей минуты. Они привыкли плыть съ вѣтромъ, и имъ крайне хотѣлось бы конфисковать въ свою сторону смыслъ нынѣшнихъ событій. Но какъ согласить съ нимъ всю ихъ прежнюю дѣятельность, и возможно ли успѣхамъ скромной, долговременной работы, изученія, трезвости мысли придать иное значеніе, чѣмъ то, какое они представляютъ съ такой очевидностью? А между тѣмъ, въ виду успѣховъ нѣмецкой скромной, но великой работы, какъ жалка, какъ пуста должна представляться нашимъ кухмистерамъ патріотизма та стряпня

Digitized by Google

славянскихъ блюдъ и патріотическихъ пельменей, которою они хотѣли сразу выкормить и величіе Россіи, и обновленіе славянскаго міра!

Можно ли сердиться за то, что, утопая въ морѣ своей безплодности, они теперь такъ жадно хватаются за соломенки разныхъ полемическихъ ухищреній? Дѣйствительно, непріятно положеніе, въ какомъ очутились теперь тѣ наши органы, которые сами себѣ выдали патенты на званіе «русской» партіи. Взявъ любезный имъ патентъ, украсивъ свои двери вывѣскою патріотизма, они все еще только заняты расписываніемъ этой самой вывѣски. И въ самыхъ лавочкахъ у нихъ ничего своего нѣтъ, кромѣ ярлыковъ. Но списокъ этихъ ярлыковъ можетъ современемъ составить объемистый лексиконъ. Туда войдутъ «культуртрегеры», «шляхтопапизмъ», «гезамптфатерландъ», и т. п. Придумали они было одинъ составъ, названный «безотлагательнымъ обрусеніемъ» и рекомендовали его, какъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Но отвѣтъ этотъ самъ оказался вопросомъ. Какъ обрусить, чѣмъ обрусить? Военнымъ положеніемъ, пояснили они. Но военное положеніе не можетъ быть вѣчно, и притомъ развѣ военное положеніе само въ себѣ заключаетъ всю суть русскихъ силъ, достаточную для обрусенія? Тогда они предложили еще средство: обрусить всѣ фамиліи, посредствомъ измѣненія окончаній. Вотъ все, что они вложили въ сокровищницу человѣческаго преуспѣянія. И вдругъ, общественное вниманіе поражено событіями, которыхъ игнорировать нельзя, которыя исказить уже весьма затруднительно, и событія эти даютъ краснорѣчивое, неоспоримое свидѣтельство, что все дѣло именно и состоитъ въ человѣческомъ преуспѣяніи, въ исправности отправленій организма, и что въ сравненіи съ этими истинными основами величія — національное самодовольство и полицейскій патріотизмъ—совершенные пустяки, и никакого величія произвесть не могутъ.

Въ положеніи нашихъ органовъ самохвальства есть траги-комическая сторона, которая заставляетъ извинять отчасти самыя отчаянныя натяжки съ ихъ стороны и даже прямое сочинительство небывалыхъ фактовъ. «Московскія Вѣдомости», сознавая, что они въ нынѣшнемъ положеніи своемъ виновны не только предъ собою, но еще и передъ «Голосомъ», который довѣрчиво поступилъ къ нимъ на службу, и самъ не виноватъ ни въ чемъ серьезномъ, — совсѣмъ пали духомъ и уже не рѣшаются сами придумывать возраженіе, а повторяютъ то, что имъ внушаетъ «Голосъ». Такъ ламанчскій рыцарь, заведя своего вѣрнаго слугу Санхо-Панчу въ бѣду, отъ него же ждетъ совѣта и спасенія.

Оставимъ ихъ въ этой ямѣ, и поставимъ на ноги только касающіеся насъ факты. «Голосъ» и «Московскія Вѣдомости» нашли для себя соломенки въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи, гдѣ мы говорили, что смѣшно заниматься изъявленіемъ ненависти къ нѣмцамъ, а надо

Digitized by Google

у нихъ учиться очень многому, между прочимъ и тому, чтобы обезпечивать заблаговременно свои государственные интересы. Такъ какъ «Моск. Вѣдомости» по этому поводу почти буквально повторяютъ продиктованное имъ «Голосомъ», съ прибавленіемъ только сплетень, то достаточно указать на выдумки «Голоса».

Охраняя свою привилегію, свой патентъ на право держать у себя патріотизмъ, «Голосъ» удивляется, какъ смѣемъ мы упоминать о государственномъ интересѣ, и затѣмъ читаетъ намъ нотацію о томъ, что русскій народъ создалъ русское государство, орошая своею кровью прибрежья Балтійскаго и Чернаго морей, берега Вислы и Дуная; наконецъ, въ самомъ томъ обстоятельствѣ, что мы говоримъ объ интересахъ государства, видитъ фактъ, что «Вѣстникъ Европы» круто повернулъ въ сторону. Но въ первой же нашей ежемѣсячной хроникѣ (январь 1868 г.) отмѣтчики «Голоса» могутъ найти *наше* убѣжденіе, что «русская національность создала русское государство и что этотъ элементъ представляетъ въ государствѣ самый надежный источникъ жизни, изъ чего и истекаетъ необходимость предпочтенія въ Россіи и русскому языку, и всѣмъ русскимъ особенностямъ; что національности въ Россіи есть разныя и всѣ онѣ имѣютъ полное право существовать, но что народность въ Россіи должна быть одна — народность русскихъ гражданъ; наконецъ, что въ отношеніи неприкосновенности національныхъ особенностей, прежде всего приходится соображаться съ первымъ *интересомъ государства*, съ его самосохраненіемъ, цѣлостью, и что въ виду этого интереса приходится, иногда даже въ значительной степени, нарушать равноправность въ ущербъ какой-либо національности, но съ тѣмъ непремѣнно, чтобы это нарушеніе равноправности было только временное».

Неловко цитировать самихъ себя, но что же дѣлать, когда не перевелись еще менцелисты, которые, при всякомъ случаѣ, прямо указываютъ на васъ, какъ на органъ *противонародной партіи* (слова «Голоса»). Программы нашей мы держались неуклонно, и о необходимости рѣшенія крестьянскаго вопроса въ остзейскомъ краѣ говорили много разъ. Въ той самой статьѣ о книгѣ г. Самарина, съ которою «Голосъ» нынѣ хочетъ поставить насъ въ противорѣчіе и которую при этомъ не потрудился перечесть, мы рекомендовали ту сторону этой книги, которая посвящена насильственной германизаціи латышей и эстовъ и закрѣпощенію крестьянъ подъ видомъ улучшенія ихъ быта, и по поводу той же книги г. Самарина въ хроникѣ (ноябрь 1868) мы спрашивали: «Неужели же она, эта великая идея нынѣшняго времени (надѣленіе крестьянъ землею) остановится, какъ безсильная волна передъ пергаментными привилегіями горсти людей на одной изъ окраинъ Россіи? Прибалтійскій край—говорили мы—единственный теперь во всей русской имперіи — остается замкнутымъ, неприступнымъ для

Digitized by Google

величайшей мысли, какую выработала русская исторія. Очередь за нимъ. Неужели же мы, въ противорѣчіе обновленной жизни всего государства, оставимъ Мекленбургъ въ Курляндіи?» Въ книгѣ г. Самарина мы не одобряли только сыскныхъ пріемовъ. Понятно, что «Голосъ» не понялъ такого патріотизма.

Когда вышла книга Ширрена, мы говорили по поводу ея именно о несостоятельности теоріи исторической законности Балтійскаго края. Однимъ словомъ, всегда мы говорили тоже самое, потому что высказывали опредѣленное убѣжденіе, а не занимались балансированіемъ. Мы «круто повернули въ сторону»—говорятъ намъ теперь, и кто же взводитъ на насъ эту небылицу?—Тотъ самый «Голосъ», который нѣкогда находилъ, что графъ Муравьевъ ничего существеннаго не сдѣлалъ для усмиренія Западнаго края, а съ тѣхъ поръ..... Но довольно о «Голосѣ». «Голосу» и «Московскимъ Вѣдомостямъ», которые en désespoir de cause взялись обличать насъ въ мнимыхъ промахахъ, мы совѣтуемъ заняться первоначальнымъ обученіемъ, по ланкастерской методѣ. «Моск. Вѣдомости» могутъ обстоятельно напомнить «Голосу» о его дѣятельности до 1866 года, а «Голосъ» можетъ вразумить Моск. Вѣдомости» насчетъ неудобствъ классицизма, съ которымъ они вновь пристали къ намъ. И это—*партія*, эти органы называютъ себя партіею! Все согласіе между ними состоитъ въ безсчетномъ повтореніи слова патріотизмъ, и все единство ихъ мысли въ томъ, что если нѣмцы въ чемъ-нибудь намъ не уступаютъ или когда-либо могутъ стать намъ опасными, то ихъ слѣдуетъ поносить всѣхъ безъ разбора (а если бы представилась возможность ихъ еще преслѣдовать, то-то было бы наслажденіе!).

У этихъ господъ всегда такъ: взбунтовались поляки — валяй ихъ какъ попало, все равно; и литературы у нихъ нѣтъ, и образованность уродливая, и нравственность испорченная, самой исторіи у нихъ нѣтъ, наконецъ самихъ ихъ нѣтъ—а просто есть какіе-то пришельцы, самозванцы-лехиты. Остзейскіе нѣмцы берегутъ привилегіи, нѣмцы въ Германіи становятся слишкомъ сильны — тотъ же пріемъ: катай во что попадетъ; и нѣмцевъ тоже у насъ нѣтъ, а есть только выродившіеся чухны, и нѣмецкая литература—одна мелкота, и порохъ изобрѣтенъ прежде нѣмцевъ китайцами, и что говоритъ «мой пріятель» Карлъ Карловичъ Колбасникъ, и такъ далѣе. Это ли серьезное отношеніе къ дѣлу, въ этомъ ли задатки истиннаго, неослабнаго патріотизма? Взгляните опять-таки на Германію. Несмотря на страшное потрясеніе и массу горя, причиненнаго войною, тамъ нѣтъ ничего подобнаго. Вотъ что пишетъ нынѣ въ «Моск. Вѣдомости» изъ Ахена корреспондентъ, судя по фамиліи скорѣе французъ, чѣмъ нѣмецъ: «Все, что я слышалъ предъ отъѣздомъ о *галлофобіи*, будто бы свирѣпствующей въ Германіи, оказалось чистою выдумкой. Въ вагонѣ

Digitized by Google

я свободно говорилъ пофранцузски, читалъ французскія книги и даже откровенно выражалъ свое сочувствіе къ французамъ, не встрѣтивъ при этомъ ни одного косаго взгляда даже со стороны коренныхъ пруссаковъ. *Гр. де-Бальменъ.*» А у насъ именно ничѣмъ такъ охотно не занимаются, какъ какою-нибудь *фобіею*; англофобіею (въ крымскую войну, когда все печаталось на тонъ «Правды объ Англіи»), полякофобіею, нигилистофобіею, нѣмцофобіею, однимъ словомъ *травлею*. Для многихъ у нихъ нѣтъ ничего любезнѣе какъ давать тумаки, когда тому не препятствуетъ полиція.

Не такъ дѣйствуютъ люди, у которыхъ есть убѣжденія; не такъ, потому именно, что въ нихъ есть убѣжденія, а не пошлая охота къ гиканью и скверный разсчетъ на выгодность, на барышъ подстрекательства. Уваженіе къ высокообразованной германской націи и къ тѣмъ общественнымъ успѣхамъ, какихъ она достигла у себя дóма, никогда не заставитъ насъ молчать о необходимости дать отпоръ сословной несправедливости и сословнымъ интригамъ у насъ дóма, пусть представителями такой несправедливости и ходатаями ея являются русскіе или нѣмцы. Мы отказываемся только отъ того, чтобы къ дворянамъ бессарабскимъ примѣнять одну мѣрку, а къ дворянамъ остзейскимъ другую. Необходимость подчиненія сословныхъ и частныхъ интересовъ и стремленій—интересамъ государственнымъ, мы всегда будемъ утверждать одинаково по отношенію къ русскимъ, нѣмцамъ, полякамъ, грузинамъ и татарамъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ членамъ Россіи, всѣмъ русскимъ гражданамъ. Мы отвергаемъ то ребяческое воззрѣніе, по которому если остзейскіе дворяне держатся исключительныхъ правъ, и если германская печать несправедливо относится къ нашимъ остзейскимъ дѣламъ, то изъ этого слѣдуетъ выводить возбужденіе къ ненависти противъ всего нѣмецкаго, и забавлять себя смѣшными потугами самохваленія «въ ущербъ» будто бы нѣмцамъ. Патріотизмъ нашъ не есть темный патріотизмъ предразсудковъ и незнанія, тотъ патріотизмъ, который нѣкогда призналъ весь міръ, кромѣ святой Руси, бусурманскимъ, и нынѣ проповѣдуетъ въ сущности тоже самое, толкуя о какомъ-то особомъ философскомъ призваніи Россіи, посредствомъ котораго она, и не устроивъ у себя ничего порядкомъ, обновитъ міръ. Мы отказываемся вѣрить въ какое-то таинственное—«Сезамъ отворись», которое давало бы право намъ, русскимъ, считать себя ковчегами особой благодати, и въ силу того относиться ко всѣмъ инымъ національнымъ свойствамъ и особенностямъ свысока, какъ то дѣлаютъ тѣ, которыхъ мы назвали «мамелюками». И настоящіе мамелюки, какъ извѣстно, не желали общечеловѣческаго развитія для себя и не считали нужнымъ изучать и уважать его тамъ, гдѣ его встрѣчали. Свой коранъ они считали началомъ и концомъ премудрости, которая должна обновить міръ, а средство для этого у нихъ было простое—разрушеніе.

Digitized by Google

Пусть нѣмцы будутъ у насъ защитниками какой-либо несправедливости, существующей въ ихъ пользу; эту несправедливость слѣдуетъ отмѣнить; пусть нѣмцы станутъ намъ враждебны — надо будетъ съ ними бороться. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не слѣдуетъ презирать ихъ, считать ихъ науку и работу ненужною, негодною, слишкомъ низкою для себя. Даже при борьбѣ съ нѣмцами самое худшее, что мы можемъ сдѣлать, это—перестать у нихъ учиться. Этимъ мы показали бы только самихъ себя. Напротивъ, мы должны помнить, что факты, добытые обще-европейской мыслью, обще-европейской наукою, умственныя завоеванія и общественныя гарантіи — факты намъ родные, которые должны быть усвоены и нашею жизнью, и что путь для усвоенія ихъ есть внимательное изученіе, а не гримасы наркотическаго патріотизма.

Обратимся къ примѣру. Ровно годъ тому назадъ, насъ порадовало первое весьма замѣтное заявленіе въ пользу выборнаго начала въ такой средѣ, которая доселѣ считалась какъ бы совсѣмъ непроницаемою для мірскихъ истинъ, въ средѣ православнаго духовенства. Гдѣ же мы можемъ найти болѣе полную практическую обработку этого вопроса, какъ не въ протестантской Германіи? Сближеніе съ обществомъ, устройство приходскихъ собраній для содержанія, опредѣленія и контроля хозяйства училищнаго и даже церковнаго, сила протестантской церковной общины, создающая и здѣсь, на нашихъ глазахъ, въ Петербургѣ, огромныя превосходныя благотворительныя и учебныя заведенія, пасторскіе съѣзды, наконецъ примѣненіе выборнаго начала не только къ хозяйственной части, но и къ самому избранію приходскихъ проповѣдниковъ—какое плодоносное, превосходно обработанное, поучительное поле для изученія и заимствованія. Такъ и во всей нашей внутренней работѣ: нѣтъ такой отрасли ея, въ которой мы не могли бы воспользоваться чужимъ опытомъ, если подвергнемъ его добросовѣстному изученію и серьезной, просвѣщенной критикѣ.

Прошлогодній съѣздъ духовенства петербургской епархіи раскрылъ важныя несовершенства въ устройствѣ здѣшняго училища. Это несовершенство и вопросъ о дѣйствіяхъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія послужили краснорѣчивыми данными въ пользу необходимости какъ внесенія въ такія дѣла общественнаго, хотя бы только сословнаго, контроля, такъ и въ пользу примѣненія выборнаго начала къ церковному управленію вообще. Нынѣшній съѣздъ представилъ лучшее доказательство, что это не было безплодною агитаціею: избранная съѣздомъ коммиссія нашла въ училищѣ большую перемѣну въ благопріятномъ смыслѣ, нашла его въ удовлетворительномъ состояніи, какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Въ числѣ этихъ утѣшительныхъ перемѣнъ коммиссія указала, между прочимъ, и на то, что училище пріобрѣло новыхъ свѣтскихъ учителей,

Digitized by Google

которые успѣли возбудить въ воспитанникахъ интересъ и къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ ученики въ прежнее время относились особенно равнодушно. Вотъ первые плоды гласности и общественнаго контроля въ нашей духовной средѣ, остававшейся до сихъ поръ вполнѣ замкнутою для этихъ благотворныхъ началъ. Замѣчательно, что на съѣздѣ былъ возбужденъ также вопросъ объ ограниченіи непомѣрнаго преобладанія въ духовныхъ училищахъ древнихъ языковъ. При этомъ нашему классицизму слѣдовало бы воскликнуть: tu quoque, Brute! Ужъ если духовное сословіе находитъ, что нельзя приносить въ жертву древнимъ языкамъ предметы общеобразовательные, то спрашивается, что же можетъ оправдывать преобладаніе этихъ языковъ въ свѣтскихъ гимназіяхъ? Древніе языки для тѣхъ учениковъ, большинство которыхъ предназначаютъ себя къ духовной дѣятельности, еще можетъ имѣть профессіональное значеніе. Но и тутъ компетентный голосъ общества требуетъ, чтобы изученію древнихъ языковъ былъ все-таки положенъ предѣлъ, дабы обезпечить и общее умственное развитіе. Съѣздъ положилъ ходатайствовать объ уменьшеніи числа часовъ, назначенныхъ для преподаванія древнихъ языковъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ виду такого знаменательнаго факта, удивляться ли, что изъ среды свѣтской раздается все болѣе рѣшительныхъ голосовъ въ доказательство необходимости приняться, наконецъ, серьезно за обезпеченіе въ Россіи средствъ для реальнаго образованія и снятія съ него того интердикта, который совершенно произвольно поставленъ противъ него къ дверямъ нашихъ университетовъ.

Въ послѣдней хроникѣ мы приводили извѣстіе о ходатайствѣ физико-математическаго факультета кіевскаго университета о допущеніи учениковъ реальныхъ гимназій въ университеты, по крайней мѣрѣ на факультетъ физико-математическій; въ ходатайствѣ своемъ факультетъ вполнѣ основательно ставилъ, между прочимъ, и самый успѣхъ предполагаемыхъ министерствомъ реальныхъ гимназій въ рѣшительную зависимость отъ открытія воспитанникамъ ихъ доступа на физико-математическій университетскій курсъ. Теперь извѣщаютъ, что и въ новороссійскомъ университетѣ возникаетъ такое же ходатайство, и что это ходатайство уже прямо основывается на фактѣ недостаточной подготовки къ слушанію университетскаго физико-математическаго курса, какая оказывается у учениковъ классическихъ гимназій. Дѣло высшаго образованія органически связано съ дѣломъ средняго образованія. Безъ доступа въ университеты среднее реальное образованіе не разовьется у насъ въ значительныхъ, необходимыхъ для Россіи размѣрахъ; а въ тоже время и высшее естественно-научное образованіе, принужденное снисходить до низкаго уровня познаній учениковъ, приступающихъ къ нему безъ подготовки, должно будетъ или принизиться до гимназическаго курса, или, оставаясь на университетской высотѣ,

Digitized by Google

сдѣлаться безплоднымъ. Если единодушный голосъ общества въ Россіи имѣетъ какое-либо значеніе, то преобладанію классицизма въ нашей учебной системѣ, очевидно, грозитъ паденіе. Правда, въ его пользу былъ устроенъ своего рода плебисцитъ. Но, какъ мы видимъ это и на другомъ примѣрѣ, плебисцитъ не спасаетъ отъ паденія то, что̀ по самой своей сущности непригодно, непереваримо для общественнаго организма. Относительно же газеты г. Каткова мы не ошиблись, предсказывая ея негодованіе въ случаѣ справедливости слуха изъ кіевскаго университета. Опровергнуть этого слуха она не могла и ограничилась по этому поводу тѣмъ, что разжаловала кіевскій университетъ, назвавъ его «soi-disant ученая корпорація». Но кому же неизвѣстно, что въ Россіи существуетъ всего одна настоящая ученая корпорація, это именно, редакція газеты г. Каткова, а кіевскій университетъ, теперь же и одесскій, все это soi-disant! Гдѣ же имъ тягаться въ пониманіи научныхъ вопросовъ съ «Московскими Вѣдомостями?!» Но возвратимся къ нашему главному предмету.

Наши передѣлыватели міровъ и проповѣдники спеціальныхъ миссій Россіи, наши юмористы по части «культуртрегеровъ» и «гезамтфатерланда» сдѣлали бы хорошо, еслибы вникли въ такой вопросъ: не есть ли прямое призваніе Россіи въ томъ, чтобы, еще прежде возсозданія славянскаго міра, учредить человѣческій порядокъ въ своей обыденной жизни, хотя бы въ самыхъ первоначальныхъ своихъ отправленіяхъ? Эта работа кажется имъ слишкомъ мелочною, имъ непремѣнно хочется заниматься какимъ-нибудь великимъ призваніемъ: de minimis non curat praetor! Это хорошо для нѣмцевъ, говорятъ они, и что же либеральнаго въ томъ, что у Пруссіи почты хорошо устроены и правильно ходятъ: какая въ томъ польза для прогресса? И къ сожалѣнію, такое словцо у насъ можетъ найти воспріимчивыхъ слушателей, потому собственно, что лѣность въ насъ еще очень сильна. А лѣность гораздо лучше уживается съ «великими призваніями», чѣмъ съ серьезнымъ дѣломъ. Въ Пруссіи почты, дѣйствительно, хорошо устроены, и къ счастью ея не однѣ почты: изучите прусское общество во всѣхъ его обыденныхъ отправленіяхъ, познакомтесь съ прусскою администраціею, какъ высшею, такъ и мѣстною, во всѣхъ ея отрасляхъ, а потомъ, возьмите любую корреспонденцію о результатахъ ревизіи, производимой нынѣ сенаторомъ Клушинымъ въ Пермской губерніи — вотъ тогда и увидите, о пересозданіи какого міра мы прежде всего должны позаботиться, и стóитъ ли намъ обращаться за поученіями къ мелочной работѣ нѣмцевъ и къ «почтовому либерализму» Пруссіи. Еслибы въ Перми не сѣкли купцовъ и не было опасности, за одно поползновеніе написать что-либо о мѣстной администраціи въ газетахъ — «прогуляться изъ одного края губерніи въ другой» (выраженіе корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»), еслибы хоть въ

Digitized by Google

этомъ наши порядки походили на прусскіе, то это-то и было бы осуществленіе у насъ того «почтоваго либерализма», которымъ гнушаются наши философы. А между тѣмъ, спросите самихъ внесѣченныхъ купцовъ и «гулявшихъ изъ края въ край» господъ, что было бы либеральнѣе: осуществленіе миссіи Россіи, какъ ее рисуетъ «Голосъ», хотя бы даже вполнѣ, и съ перемѣною окончаній всѣхъ фамилій—или просто избавленіе отъ тѣхъ удовольствій, какими, повидимому, изобилуетъ и Пермь. Прогуляться изъ края въ край Пермской губерніи—легко сказать; ужъ и въ Пермь-то прогуляться не совсѣмъ удобно, хотя иногда неизбѣжно.

Заключимъ нашу хронику указаніемъ на одинъ весьма утѣшительный и свѣтлый фактъ въ исторіи нашей литературы и публицистики. Едва ли не въ первый разъ у насъ заслуги литературы предъ правительствомъ и обществомъ были признаны столь несомнѣнно и оцѣнены, какъ того всегда слѣдовало желать. На-дняхъ «Правительственный Вѣстникъ» объявилъ о выходѣ изъ печати еще одного тома «Матеріаловъ», печатаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Настоящій томъ относится къ полицейскому отдѣлу. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ восемь томовъ, и вотъ содержаніе восьмого тома: «Въ составъ восьмого тома—говоритъ «Правительственный Вѣстникъ»—войдутъ двѣ руководящія записки къ обѣимъ частямъ историческихъ матеріаловъ и *сборникъ появившихся въ періодической печати статей по поводу послѣдовавшихъ, въ январѣ 1870 года, основныхъ положеній административно-полицейской реформы.* Тутъ будутъ собраны передовыя статьи, по этому поводу, появившіяся въ «С. Петербургскихъ», «Московскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и «Вѣстникѣ Европы».

Мы привѣтствуемъ этотъ фактъ просвѣщеннаго вниманія къ свободному мнѣнію органовъ общественнаго мнѣнія, чему примѣръ такъ наглядно подаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, поставляя на видъ упомянутой коммиссіи все, что было высказано въ печати по предмету, занимающему правительство. Этотъ фактъ даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ случай вспомнить о значеніи реформы печати, по закону 6 апрѣля 1865 года. Освобожденіе печати начинаетъ приносить свои плоды, которыми пользуется теперь и само правительство. Представьте себѣ, что министерство внутреннихъ дѣлъ возъимѣло бы прежде, при существованіи предварительной цензуры, мысль воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ по тому или другому предмету, который заинтересовалъ бы его. Каковъ былъ бы результатъ? Такъ какъ общественное мнѣніе выражалось тогда подъ предварительнымъ одобреніемъ цензуры, то министерство внутреннихъ дѣлъ получило бы въ данномъ

Digitized by Google

случаѣ мнѣніе своихъ же собственныхъ цензоровъ и впало бы въ невольный обманъ, полагая, что оно имѣетъ дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ.

Мы приводимъ этотъ фактъ новаго отношенія одного изъ правительственныхъ мѣстъ къ дѣятельности русской публицистики тѣмъ болѣе охотно, что толки о пересмотрѣ закона о печати, въ связи съ перемѣною въ личномъ составѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати произведенною въ октябрѣ, были неблагопріятны для будущаго печати. М. Н. Похвисневъ, нынѣ сенаторъ, оставилъ свое мѣсто начальника Главнаго Управленія; всѣмъ извѣстно, что такой трудный у насъ постъ требуетъ не одного точнаго и буквальнаго исполненія служебныхъ обязанностей, но и извѣстныхъ личныхъ качествъ и пониманія того значенія литературы и публицистики, какое, какъ мы только-что видѣли, выразило министерство внутреннихъ дѣлъ. Если замѣна М. Н. Похвиснова возбудила тѣ толки, то мы склонны объяснить ихъ прежде всего именно тѣмъ, что общество, сохраняя о комъ-нибудь пріятныя воспоминанія, всегда выражаетъ свое сожалѣніе объ удаляющемся въ формѣ сомнѣнія относительно близкаго будущаго. Одна изъ петербургскихъ газетъ, сообщая объ увольненіи М. Н. Похвиснева, завѣряла въ опроверженіе всякихъ слуховъ, что въ этомъ обстоятельствѣ напрасно усматриваютъ признаки реакціи; но указанный нами выше фактъ не оставляетъ, по нашему мнѣнію, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно неосновательности всякихъ неблагопріятныхъ слуховъ. Мы продолжаемъ потому сохранять увѣренность, что наше правительство въ вопросѣ о печати, какъ оно дѣлаетъ то и въ другихъ, не менѣе важныхъ вопросахъ, будетъ попрежнему почерпать свои силы изъ прогрессивнаго развитія общественныхъ силъ.

Digitized by Google

НОВОЕ
ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Значеніе новаго городового положенія. — Устройство городскихъ учрежденій. — Кругъ ихъ дѣятельности. — Отношенія къ администраціи.

I.

Еще недавно обнародовано и въ настоящемъ году будетъ приведено въ дѣйствіе въ сорока пяти городахъ новое городовое положеніе, которое передаетъ наше городское хозяйство въ руки представителей мѣстнаго общества. Едва ли кому неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится хозяйство нашихъ городовъ въ настоящее время; вѣрнѣе сказать, всякій знаетъ, что въ настоящее время въ нашихъ городахъ вовсе нѣтъ хозяйства. Въ нихъ есть городскія думы и городскіе головы, которые всецѣло подчинены губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ. Эти послѣдніе, или непосредственно или съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, утверждаютъ приговоры городскихъ обществъ, наблюдаютъ за ихъ дѣятельностью, ревизуютъ дѣлопроизводство городскихъ учрежденій, подвергаютъ представителей города дисциплинарнымъ взысканіямъ и, въ случаѣ неповиновенія, предаютъ суду. Словомъ, они составляютъ относительно городскихъ учрежденій высшую ревизіонную и апелляціонную инстанцію и въ тоже время ихъ начальство. Понятно, что при этихъ условіяхъ вся сила переходитъ въ руки администраціи, которая и является исключительнымъ блюстителемъ нуждъ и пользъ города. Чтобы не распространяться дальше, мы можемъ сказать, что въ такомъ же приблизительно положеніи находится дѣло даже въ столицахъ, гдѣ городское управленіе основано на болѣе широкихъ началахъ и, повидимому, представляетъ нѣкоторыя гарантіи самостоятельности. Для полнаго убѣжденія въ этомъ мы предлагаемъ читателямъ прочесть внимательно хотя нѣсколько нумеровъ «Извѣстій» здѣшней думы.

Со введеніемъ новаго положенія все это должно, *повидимому*, измѣниться. Мы говоримъ: «повидимому», потому что не считаемъ возможнымъ проницать будущее. Еслибы новое городовое положеніе вышло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда у насъ господствовало оптимистическое настроеніе, то, конечно, этотъ «новый шагъ на пути самоуправленія» былъ бы встрѣченъ самыми радужными надеждами и отъ

Digitized by Google

нашихъ горожанъ стали бы ожидать того-же, чего ожидали отъ «земскихъ людей», т.-е. ни больше ни меньше, какъ полнаго обновленія всего строя государственной жизни. Но жизнь научаетъ быть скептикомъ... и въ настоящее время многіе были бы очень довольны, еслибы «новый шагъ по пути самоуправленія» имѣлъ своимъ практическимъ результатомъ хоть повсемѣстное мощеніе улицъ и улучшеніе пожарной команды....

Но каковы бы ни были послѣдствія городского самоуправленія, какъ-бы хорошо или дурно ни привилось оно у насъ, въ средѣ нашихъ горожанъ, такъ мало привыкшихъ до сихъ поръ заниматься своими дѣлами и отстаивать свои интересы, — все-таки новое городское положеніе уже само по себѣ, какъ законодательный актъ, представляетъ большой интересъ. Городское положеніе есть какъ-бы продолженіе земскаго; оно совершенно сходно съ нимъ по общимъ началамъ, ибо и то и другое уступаетъ обществу такія функціи общественной дѣятельности, которыя прежде de facto или de jure отправляла администрація. Самый кругъ дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій почти одинъ и тотъ-же; по крайней мѣрѣ различіе между ними гораздо болѣе территоріальное, нежели матеріальное. И тутъ и тамъ — распредѣленіе маленькой части общихъ государственныхъ повинностей, и тутъ и тамъ — завѣдываніе мѣстными расходами, большею частью обязательными, и тутъ и тамъ—нѣкоторыя заботы о здравіи, просвѣщеніи и продовольствіи; наконецъ, и тутъ и тамъ право ходатайства о своихъ пользахъ и нуждахъ, отъ котораго мы такъ много ждали и такъ мало получили.... Но городовое положеніе вышло спустя пять лѣтъ послѣ земскаго, когда результатъ земской дѣятельности былъ уже на лицо; слѣдовательно, этотъ новый законодательный актъ долженъ отражать въ себѣ тотъ взглядъ, къ которому пришло въ эти пять лѣтъ наше законодательство относительно общественныхъ учрежденій, познакомившись съ ихъ практической дѣятельностью. Этотъ законодательный актъ долженъ выяснить намъ, какую рамку намѣрено поставить законодательство для нашего самоуправленія, какую организацію общественныхъ учрежденій оно находитъ болѣе удобною, въ чемъ именно оно считаетъ нужнымъ расширить или съузить кругъ дѣятельности этихъ учрежденій, какія дать имъ новыя права и какія наложить обязанности. Поэтому, сравненіе земскаго и городского положеній представляется намъ весьма интереснымъ, и мы позволимъ себѣ занять читателей тѣми выводами, которые мы извлекли изъ этого сравненія.

Общественныя учрежденія вообще должно разсматривать со стороны ихъ организаціи, круга ихъ дѣятельности и тѣхъ отношеній, въ которыя они поставлены къ другимъ учрежденіямъ. Поэтому, мы должны указать: лучше или хуже организованы городскія учрежденія, сравни-

Digitized by Google

тельно съ земскими, какое значеніе предоставлено въ нихъ интеллигенціи и какія требованія поставлены относительно имущественнаго ценза. Затѣмъ нужно опредѣлить, съуженъ или расширенъ, сравнительно, кругъ ихъ дѣятельности, и наконецъ уяснить ихъ отношенія къ мѣстнымъ и высшимъ властямъ, которыя, какъ извѣстно, играютъ у насъ самую рѣшительную роль и въ частной и въ общественной дѣятельности. Отвѣчая на эти вопросы, мы конечно должны будемъ руководиться въ оцѣнкѣ полученныхъ данныхъ нашими личными взглядами, такъ какъ результаты дѣятельности городскихъ учрежденій еще впереди. Тѣмъ не менѣе читатели имѣютъ возможность провѣрить наши выводы тѣми результатами, которые представляетъ дѣятельность нашего земства. Эти результаты, съ которыми мы имѣли случай познакомить читателей въ статьѣ «Земскіе итоги» *), могутъ вполнѣ уяснить, чего должны мы ожидать отъ городскихъ учрежденій, если они будутъ поставлены въ одинаковыя условія съ земскими. Кромѣ того, зная причины успѣшности или неуспѣшности земскаго хозяйства и примѣнивъ ту-же мѣрку къ вновь созданному хозяйству городскому, читатели могутъ съ полной достовѣрностью предугадать возможныя послѣдствія тѣхъ уклоненій, которыя они найдутъ въ городскомъ положеніи сравнительно съ земскимъ. Когда, такимъ образомъ, результаты сравненія будутъ передъ глазами, то выводъ каждый можетъ сдѣлать самъ.

II.

Общая организація новыхъ городскихъ учрежденій почти цѣликомъ взята изъ земскаго положенія, съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что управленіе губернскаго города не составляетъ для уѣздныхъ городовъ высшей инстанціи, какъ это существуетъ до нѣкоторой степени относительно губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Это различіе совершенно понятно, такъ какъ въ хозяйствѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что могло бы установить между ними іерархическія отношенія. Затѣмъ, городскія учрежденія совершенно подходятъ къ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ. Тѣже три избирательные съѣзда, то же выборное собраніе, которое носитъ здѣсь названіе думы, и таже выборная управа, которая только называется не земской, а городовой. Но въ составѣ и организаціи избирательныхъ съѣздовъ есть существенная разница, которая отчасти обусловливается самымъ составомъ городского общества, отчасти же показываетъ нѣкоторое движеніе нашего законодательства въ вопросѣ о цензѣ, такъ какъ оно стремится замѣнить въ городскихъ учрежденіяхъ имущественный цензъ податнымъ.

*) См. выше: мар. 408; апр. 829; іюль, 326; авг. 758 стр.

Digitized by Google

Надо сознаться, что цензъ былъ у насъ всегда одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ имѣлъ примѣненіе. Привыкнувъ къ сословнымъ рамкамъ, наше законодательство весьма медленно отдѣлывается отъ нихъ, и эти сословныя рамки чувствуются почти вездѣ, несмотря на кажущееся желаніе замѣнить ихъ чѣмъ-либо болѣе подходящимъ къ современнымъ условіямъ общества. Сперва, какъ извѣстно, у насъ были только сословныя учрежденія, и тогда дѣло рѣшалось очень просто: одинъ чиновникъ выбирался дворянами, другой купцами, третій сельскими обывателями. Иногда, какъ это было въ судебныхъ мѣстахъ, они сидѣли вмѣстѣ, но значеніе ихъ всегда зависѣло отъ сословія, къ которому они принадлежали. Фактически это значеніе имѣли только представители дворянскаго сословія или, лучше сказать, чиновники, выбранные этимъ сословіемъ. Съ упраздненіемъ крѣпостного права нужно было отказаться отъ этой системы и поставить для допущенія въ общественныя должности другой, несословный принципъ. Это и дѣлалось, но дѣлалось медленно, съ большими уступками прежнему порядку вещей. Можно сказать, что вновь поставленный имущественный принципъ служилъ не столько выраженіемъ новаго стремленія привлечь къ государственной службѣ людей обезпеченныхъ, сколько прикрытіемъ прежнихъ сословныхъ привилегій, которыя являлись по прежнему, только въ новой формѣ.

Понадобились, напримѣръ, мировые посредники; назначеніе ихъ было обусловлено, между прочимъ, и имущественнымъ цензомъ, но какимъ? Имъ нужно было имѣть или прежнія сто душъ, или 500 десятинъ земли, хотя бы эта земля находилась въ разныхъ губерніяхъ и была отдана въ пользованіе крестьянъ, или наконецъ 150 десятинъ, если они кончили курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи съ извѣстными правами. Повидимому, здѣсь дано значеніе и имуществу и даже образованію; но фактически все это неважно; гораздо важнѣе то, что здѣсь нужно согласіе губернатора и предводителей дворянства, и что мировые посредники должны быть *мѣстные потомственные дворяне помѣщики*. Вѣроятно, при установленіи этого правила предполагалось, что отъ мѣстныхъ помѣщиковъ можно ожидать болѣе безпристрастія въ разрѣшеніи имущественныхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, нежели отъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ.

Затѣмъ создаются земскія учрежденія, приходится призвать къ общей дѣятельности людей всѣхъ сословій, и земство дѣйствительно дѣлается *всесословнымъ*, но не *безсословнымъ*. Напротивъ, для лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ установляется различный порядокъ выборовъ, и законодательство наблюдаетъ, чтобы въ земскихъ собраніяхъ преобладало именно дворянское сословіе. Съ этой цѣлью оно дѣлаетъ предсѣдателями земскихъ собраній, eo ipso, пред-

Digitized by Google

водителей дворянства и назначаетъ въ огромномъ большинствѣ уѣздовъ половину гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, или по крайней мѣрѣ назначаетъ ихъ больше, нежели гласныхъ отъ крестьянъ. Если при этомъ имущественный цензъ играетъ нѣкоторую роль, то взносъ повинностей—почти никакой. Дворянское сословіе можетъ владѣть одной третьей частью всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ, но отбывать одну десятую часть земскихъ повинностей, и тѣмъ не менѣе оно имѣетъ иногда, при этихъ условіяхъ, численное преобладаніе въ земскихъ собраніяхъ [1]). Этого мало: то или другое лицо изъ дворян-

---

[1]) Мы полагали до послѣдняго времени, что неравномѣрное представительство въ земскихъ собраніяхъ въ пользу помѣщичьяго элемента — фактъ общензвѣстный, отвергать который могла, для извѣстныхъ цѣлей, только покойная газета «Вѣсть»; но оказывается, что есть публицисты нѣкоторыхъ журналовъ, которые, по незнанію или по другой причинѣ, также совершенно отвергаютъ этотъ фактъ. Во внутреннемъ обозрѣніи 9-ой книжки «Отеч. Записокъ», между прочимъ, посвящено вопросу о земскомъ представительствѣ нѣсколько страницъ, въ которыхъ прямо заподозриваются выводы, сдѣланные по этому вопросу, между прочимъ и нами, въ статьѣ «Земскіе итоги», въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы». Пользуемся случаемъ, чтобы отвѣтить въ нѣсколькихъ словахъ. Указавъ на 72 уѣзда во всей Россіи, гдѣ гласныхъ отъ крестьянъ больше, нежели гласныхъ отъ помѣщиковъ, хроникеръ «Отеч. Записокъ» восклицаетъ: «гдѣ-же, въ какомъ уѣздѣ, какой губерніи публицисты нашли численный перевѣсъ землевладѣльческихъ гласныхъ надъ всѣми другими?..» Отвѣчать на это очень легко: мы нашли его въ двѣнадцати уѣздахъ Владимирской губерніи, въ шести—Екатеринославской, девяти—Калужской, двѣнадцати Костромской, восьми—Курской, девяти—Московской и т. д. (См. вѣдомость, приложенную къ ст. 33 и 52 ст. Положенія о Зем. учр.). Въ исчисленныхъ уѣздахъ (составляющихъ большинство) гласныхъ отъ землевладѣльцевъ столько же, сколько *всѣхъ остальныхъ*; прибавьте къ нимъ предсѣдателя и перевѣсъ будетъ полный и неоспоримый. О тѣхъ уѣздахъ, гдѣ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ болѣе, чѣмъ гласныхъ отъ *крестьянъ*, нечего и говорить, ихъ громадное большинство. Затѣмъ, если публицистъ «Отеч. Записокъ» думаетъ, что число гласныхъ соотвѣтствуетъ количеству земли, то онъ сильно ошибается. Мы можемъ ему указать, что въ Воронежской губерніи крестьянамъ принадлежитъ 3.800,000 десятинъ земли, а личнымъ землевладѣльцамъ *и казнѣ* только 1. 700,000; между тѣмъ гласныхъ землевладѣльцевъ 252, а крестьянъ только 245; въ Курской губерніи гласныхъ землевладѣльцевъ на 1.300.000 десятинъ земли 260 человѣкъ, а крестьянъ на 2.300.000 дес. только 252, и т. д. Впрочемъ публициста «Отеч. Записокъ» это врядъ-ли смутитъ, ибо онъ прямо объявляетъ, что «малограмотные крестьяне полезны *исключительно* на поляхъ, лугахъ и гумнахъ, *а никакъ не на совѣщательныхъ собраніяхъ*». Входить по этому поводу въ полемику мы не будемъ, но замѣтимъ только, что земское дѣло ведется лучше именно тамъ, гдѣ большинство гласныхъ составляютъ крестьяне, дающіе опору тѣмъ «глубоко преданнымъ общественнымъ интересамъ людямъ», на которыхъ возлагаетъ надежды самъ публицистъ «Отеч. Зап.». Такъ, всего лучше земское дѣло ведется въ Вятской губерніи, гдѣ гласные отъ крестьянъ составляютъ почти абсолютное большинство, и всего хуже въ Смоленской, гдѣ они въ значительномъ меньшинствѣ. Что же касается до грамотности крестьянъ, факты указываютъ, что развитіе ея находится теперь въ прямой зависимости именно отъ преобладанія въ земскихъ собраніяхъ крестьянскаго элемента. Въ 1866 г., за который есть свѣдѣнія по всѣмъ губерніямъ, 16 уѣздовъ на-

Digitized by Google

скаго сословія можетъ владѣть имуществомъ ничего не стоющимъ, можетъ не платить ни копѣйки земскаго сбора, если, напримѣръ, его земля вся поступила въ надѣлъ крестьянамъ, и тѣмъ не менѣе это лицо будетъ и избирателемъ, и гласнымъ, и членомъ управы. При этомъ отъ представителей земства не требуется не только никакого образованія, но даже грамотности; имъ нужно только имѣть двадцать пять лѣтъ. Это послѣднее условіе, конечно, не безполезно, какъ общій принципъ, но въ настоящемъ случаѣ оно представляется нѣсколько страннымъ, такъ какъ предсѣдатель земскаго собранія, гдѣ каждый гласный долженъ имѣть двадцать пять лѣтъ, можетъ самъ быть гораздо моложе.

Далѣе, пишутся Судебные уставы и учреждаются выборные мировые судьи. Опять двадцать пять лѣтъ, которые неизбѣжны для мирового судьи и необязательны не только для члена окружнаго суда, но и для сенатора кассаціоннаго департамента, и опять извѣстное количество десятинъ земли, которое доказываетъ только, что человѣкъ принадлежитъ къ извѣстному *сословію*. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ у насъ эти четыреста, шестьсотъ десятинъ, необходимыхъ для мирового судьи? Развѣ онѣ въ большей половинѣ Россіи составляютъ цѣнность, обезпечивающую владѣльца? Развѣ въ какомъ-нибудь Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи доходъ съ этихъ шестисотъ десятинъ не ничтоженъ сравнительно съ тѣми полутора тысячами, которыя составляютъ minimum жалованья мирового судьи? Развѣ, наконецъ, у насъ можно набрать изъ людей, дѣйствительно имущихъ, достаточный контингентъ для замѣщенія и земскихъ, и крестьянскихъ и судебно-мировыхъ учрежденій, и развѣ желательно такое замѣщеніе этихъ учрежденій людьми, интересы которыхъ такъ далеки отъ интересовъ громаднаго мало-имущаго большинства? Все это вопросы, на которые человѣкъ, знающій наши провинціальныя условія, не затруднится отвѣчать, и отвѣтъ этотъ, если онъ будетъ искрененъ,—будетъ, конечно, не въ пользу десятиннаго ценза. Повторяемъ, этотъ цензъ имѣетъ значеніе только какъ доказательство принадлежности къ дворянскому сословію, которое *фактически* владѣетъ почти всѣми землями, непринадлежащими крестьянскимъ обществамъ и казнѣ. Отъ мирового судьи законъ не требуетъ даже, чтобы онъ былъ мѣстнымъ жителемъ; онъ можетъ имѣть пятьсотъ десятинъ въ Вятской губерніи и, заручившись этимъ обезпеченіемъ, баллотироваться въ мировые судьи въ Петербургѣ. И такой господинъ, если

значили на народное образованіе болѣе 6,000 р., и изъ этихъ уѣздовъ только въ трехъ преобладаетъ элементъ личнаго землевладѣнія. Затѣмъ 95 уѣздовъ не назначили ничего, и изъ нихъ только въ девяти преобладаетъ сословіе крестьянское. Надѣемся, что этого довольно для уразумѣнія дѣла.

Digitized by Google

только онъ кончилъ курсъ, напримѣръ, въ кадетскомъ корпусѣ, предпочитается лицу, получившему юридическое образованіе, но не имѣющему столько десятинъ, сколько показано. Тутъ даже не установлено для лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ пониженнаго ценза, какъ это сдѣлано для мировыхъ посредниковъ, и единственная нравственная гарантія—это окончаніе курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, то-есть, между прочимъ, въ кадетскомъ корпусѣ.

Въ городскихъ учрежденіяхъ, конечно, не могло быть рѣчи о цензѣ по числу десятинъ земли, и вообще не могло быть сословнаго ценза, такъ какъ интересы лицъ различныхъ сословій, владѣющихъ одинаковымъ городскимъ имуществомъ, совершенно тожественны. Здѣсь можно было допустить чисто имущественный цензъ, но онъ былъ бы вопіющей несправедливостью, такъ какъ при этомъ пришлось бы отдать городское управленіе въ руки немногихъ собственниковъ, отстранивъ отъ участія въ немъ лицъ, доставляющихъ, главнымъ образомъ, средства городу, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ, и т. п. Чтобы избѣжать этого, законодательство приняло за основаніе для избирательныхъ правъ платежъ городскихъ повинностей и повело этотъ принципъ такъ далеко, что связало избирательныя права съ исправностью во взносѣ платежей: «Всякій городской обыватель — говоритъ положеніе,—къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ русскій подданный; 2) если ему не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія; 3) если онъ, при этихъ двухъ условіяхъ, владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду предъ производствомъ выборовъ,— хотя бы и съ временными отлучками, — уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго, или промысловаго на мелочной торгъ, или прикащичьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ статьѣ 37 положенія о пошлинахъ за право торговли, и 4) *если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ*» (стр. 17).

Конечно, не всѣ лица, указанныя въ приведенной нами статьѣ, имѣютъ право дѣйствительнаго участія въ городскомъ управленіи; здѣсь, также какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ, исключаются лица, подвергшіяся извѣстнымъ наказаніямъ, несостоятельные должники, лишенные духовнаго званія, исключенные изъ обществъ, и наконецъ мѣстныя полицейскія власти. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности всѣхъ этихъ ограниченій, а также объяснять порядокъ избраній по довѣренности за лицъ женскаго пола, который здѣсь приблизительно тотъ-же, какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ. Для насъ го-

Digitized by Google

разо важнѣе прослѣдить, какой способъ приняло законодательство для уравновѣшенія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ городского общества. Раздѣлить избирателей на сословія и предоставить каждому изъ нихъ право избрать соотвѣтственное число гласныхъ, какъ это сдѣлано въ земскихъ учрежденіяхъ,—здѣсь было невозможно потому, что принадлежность къ тому или другому сословію не имѣетъ въ городскомъ обществѣ никакого реальнаго, экономическаго значенія. Съ другой стороны, допустить одно общее безразличное избирательное собраніе законодательство не рѣшилось, боясь, по всей вѣроятности, придать большое значеніе демократическому элементу, который имѣетъ численное преобладаніе въ городскихъ обществахъ. Для того, чтобы избѣжать этого, придумывались различныя комбинаціи. Одни предлагали раздѣлить избирателей на категоріи по оцѣнкѣ ихъ имущества, другіе находили возможнымъ прямо отнести къ первой категоріи купцовъ 1-й гильдіи, фабрикантовъ и крупныхъ собственниковъ, ко второй мелкихъ собственниковъ и купцовъ 2-й гильдіи, а къ третьей всѣхъ остальныхъ. Но, въ концѣ концовъ, здѣсь получилъ преобладаніе принципъ соотвѣтствія избирательныхъ правъ съ количествомъ вносимыхъ платежей. На основаніи 24-й статьи положенія «для производства выборовъ въ гласные учреждаются въ каждомъ городѣ изъ обывателей, имѣющихъ право голоса на выборахъ, три избирательныя собранія, изъ коихъ каждое выбираетъ одну треть всего числа гласныхъ. Для сего обыватели вносятся въ списокъ избирателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ, дающихъ право голоса на выборахъ; затѣмъ лица, внесенныя въ означенный списокъ, дѣлятся на три разряда или собранія, такимъ образомъ: къ первому разряду причисляются тѣ изъ показанныхъ въ началѣ списка избиратели, которые, внося высшіе размѣры сборовъ, уплачиваютъ вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями; ко второму—причисляются слѣдующіе за ними по списку избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ также треть всѣхъ сборовъ; къ третьему—всѣ остальные избиратели». Затѣмъ въ слѣдующей статьѣ говорится, что «еслибы въ которомъ либо изъ городовъ или посадовъ по малочисленности избирателей *или однородности ихъ состава*, оказалось болѣе соотвѣтственнымъ раздѣлить избирателей, вмѣсто трехъ на два разряда, то ходатайство о семъ городской думы разрѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта остроумная комбинація, придуманная, очевидно, для того, чтобы не дать преобладанія въ избирательныхъ собраніяхъ численному большинству, тѣмъ не менѣе не обезпечиваетъ этого преобладанія ни за однимъ классомъ городскихъ жителей. Ея практическіе результаты зависятъ чисто отъ случайности. Много въ городѣ лицъ, платящихъ

Digitized by Google

значительныя повинности—будутъ имѣть преобладаніе эти лица; мало ихъ — преобладаніе останется за массою мелкихъ плательщиковъ. Это еще, конечно, довольно раціонально, но можетъ быть и такъ, что *немногія* лица, если они обладаютъ большимъ недвижимымъ имуществомъ, будутъ не только избирателями, но и членами думы, такъ какъ по количеству платежей они могутъ составить отдѣльное избирательное собраніе и избрать сами себя.

Впрочемъ, въ этой системѣ есть несомнѣнно хорошая сторона. Богатые люди, получивъ преобладаніе въ городскомъ управленіи, чтобы сохранить это преобладаніе, должны будутъ постоянно нести сравнительно высокія повинности, ибо иначе имъ придется допустить въ свое избирательное собраніе небогатыхъ плательщиковъ и остаться въ меньшинствѣ. Какая разница въ этомъ отношеніи съ земскими собраніями! Тамъ личные землевладѣльцы — т.-е. именно болѣе богатые люди, имѣютъ преобладаніе, платя очень мало, и часто пользуются этимъ преобладаніемъ, чтобы платить еще меньше. Даже удивительно, какъ въ одномъ и томъ же государствѣ, почти въ одно и тоже время издаются два совершенно тожественныя учрежденія и между тѣмъ за основаніе избирательныхъ правъ въ каждомъ изъ нихъ будутъ столь различные принципы. Объяснить это можно однимъ: въ городскихъ учрежденіяхъ дѣло идетъ о городскихъ жителяхъ и тутъ не признается необходимымъ поддерживать однихъ противъ другихъ; въ земскихъ учрежденіяхъ дѣло шло о помѣщикахъ и крестьянахъ и явилось стремленіе раздѣлить ихъ трудъ, обезпечивъ за первыми право распредѣлять повинности, а за послѣдними обязанность платить ихъ.

Не имѣя ничего противъ того избирательнаго принципа, который проведенъ въ городскомъ положеніи и ставя его несравненно выше принципа сословнаго и даже просто имущественнаго, мы не можемъ не пожалѣть однако, что, благодаря случайнымъ условіямъ нашей податной системы, отъ участія въ городскомъ управленіи устранены люди, наиболѣе интеллигентные, занимающіеся такъ-называемыми свободными профессіями. Читатели видѣли, кто именно имѣетъ избирательныя права въ городскомъ обществѣ. Перечень этихъ лицъ соотвѣтствуетъ перечню источниковъ городского дохода, ибо городу предоставлено только установлять сборы съ недвижимыхъ имуществъ, съ документовъ на право торговли и промысловъ и съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ. Затѣмъ въ положеніи сказано, что городской думѣ предоставляется также вводить въ пользу города сборы съ извознаго и перевознаго промысловъ, съ лошадей и экипажей и съ собакъ, съ тѣмъ, чтобы высшій размѣръ сбора былъ утверждаемъ законодательнымъ порядкомъ; наконецъ, дума можетъ ходатайствовать и объ установленіи сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній. Этотъ послѣдній сборъ, если онъ будетъ учреж-

Digitized by Google

день, будетъ имѣть ту хорошую сторону, что введетъ въ городскіе избирательные съѣзды людей интеллигентныхъ. Но, кромѣ того, нѣтъ ничего неудобнаго обложить прямымъ сборомъ въ пользу города лицъ, занимающихся свободными профессіями, т.-е. докторовъ, преподавателей, адвокатовъ и т. п. Налогъ этотъ не могъ бы быть для нихъ тяжелъ, а между тѣмъ, благодаря ему, въ среду городского управленія могли бы войти люди болѣе развитые, которые, конечно, были бы полезнѣе, нежели содержатели трактирныхъ заведеній и съѣстныхъ лавочекъ.

Познакомивъ читателей съ составомъ городскихъ учрежденій, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ устройствѣ. Устройство это, какъ мы уже замѣтили выше, почти тоже, что и въ земскихъ учрежденіяхъ. Распорядительная власть ввѣрена городской думѣ, которая составляется, — подъ предсѣдательствомъ городского головы, — изъ гласныхъ, избираемыхъ на четыре года, въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ число жителей, пользующихся правомъ голоса, не превышаетъ трехсотъ, въ городской думѣ должно быть тридцать гласныхъ; тамъ же, гдѣ число избирателей болѣе трехсотъ, на каждые сто пятьдесятъ человѣкъ прибавляется по шести гласныхъ до тѣхъ поръ, пока общее число ихъ не достигнетъ семидесяти двухъ. Дума должна собираться не менѣе двухъ разъ въ годъ для разсмотрѣнія отчетовъ, но можетъ быть собираема и чаще по усмотрѣнію головы, требованію губернатора и желанію по крайней мѣрѣ одной пятой части гласныхъ. Доклады по дѣламъ, назначаемымъ къ слушанію въ думѣ, могутъ быть печатаемы *подъ личною отвѣтственностію городскою головы*; копіи съ опредѣленій думы представляются немедленно губернатору, а этотъ послѣдній, *«если не найдетъ въ нихъ нарушенія законовъ»*, передаетъ ихъ для печатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Затѣмъ порядокъ производства дѣлъ въ думѣ опредѣляется ею самою, «съ соблюденіемъ правилъ о производствѣ дѣлъ въ земскихъ дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ» (Общ. учр. губ. особ. прил. по прод. 1868 г.). Ссылка на эти правила, изложенныя въ извѣстномъ законѣ 13 іюня 1867 г., показываетъ, что засѣданія думы будутъ публичны, но что предсѣдатель ея (городской голова) будетъ пользоваться всѣми правами, предоставленными въ 1867 г. предсѣдателямъ общественныхъ собраній, т.-е., между прочимъ, и правомъ изгонять публику. Кромѣ того, думѣ предоставлено «приглашать, черезъ посредство городского головы, въ свои засѣданія (однако безъ права голоса) лица постороннія, отъ коихъ, по ея мнѣнію, можно ожидать полезныхъ объясненій (ст. 62 Положенія).

Власть исполнительная принадлежитъ управѣ, предсѣдатель которой (городской голова) и члены (не менѣе двухъ) избираются думою

Digitized by Google

не только изъ гласныхъ думы, но вообще изъ лицъ, имѣющихъ право выбора. Но въ небольшихъ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городахъ, а также посадахъ, городскимъ думамъ предоставляется, не учреждая городской управы, возлагать, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, лежащія на думѣ обязанности единолично на городского голову. Кромѣ городского головы и членовъ управы, дума избираетъ также кандидатовъ къ нимъ, членовъ торговой депутаціи, гдѣ она существуетъ, а также предсѣдателя и членовъ въ коммиссію для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, гдѣ она будетъ признана необходимою. Во всѣ эти должности не могутъ быть избираемы духовныя лица, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, за исключеніемъ почетныхъ мировыхъ судей, прокуроры и ихъ товарищи и чиновники казначействъ. Въ городскіе головы, кромѣ того, не могутъ быть избираемы евреи, которые не имѣютъ права даже исправлять должность городского головы. Вообще постановлено, что число членовъ городской управы изъ нехристіанъ не должно превышать одной трети всего ея состава.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію городской управы, рѣшаются по большинству голосовъ; *но если голова найдетъ, что опредѣленіе большинства противно законамъ*, то можетъ *остановить исполненіе его*, представивъ дѣло губернатору. Затѣмъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, голова *самъ вправѣ принимать мѣры, предоставленныя обсужденію управы*, но обязанъ довести объ этомъ до ея свѣдѣнія.

Въ организаціи городскихъ учрежденій, которая вообще имѣетъ обычный характеръ, — особеннаго вниманія заслуживаетъ та значительная власть, которая предоставлена городскому головѣ. Онъ—предсѣдатель городской управы и кромѣ того можетъ останавливать ея опредѣленія и разрѣшать своею властію дѣла ей предоставленныя. Въ тоже время онъ — предсѣдатель думы, слѣдовательно можетъ останавливать пренія по всякому предмету, можетъ лишать гласныхъ права голоса, изгонять публику и прекращать засѣданія. Кромѣ всего этого, городской голова есть еще членъ особаго «губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія», которое составляетъ административную инстанцію надъ городскими думами. Ниже мы поговоримъ подробно о значеніи этой инстанціи, а теперь скажемъ только, что присутствіе по городскимъ дѣламъ будетъ состоять изъ губернатора, вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя или члена мирового съѣзда и городского головы губернскаго города. Такимъ образомъ, въ губернскомъ городѣ городской голова будетъ составлять въ то же время «начальство» надъ тѣмъ собраніемъ, которымъ онъ предсѣдательствуетъ. Стоитъ ему сойтись какъ слѣдуетъ съ губернскими властями—и онъ будетъ всемогущъ. При этихъ условіяхъ городскому обще-

Digitized by Google

ству нужно будетъ имѣть много энергіи, чтобы отстоять свое значеніе и не подчиниться вліянію одного лица, которое имѣетъ такое рѣшительное участіе при разрѣшеніи городскихъ дѣлъ во всѣхъ трехъ инстанціяхъ городского управленія, и нѣтъ ничего мудренаго, что здѣсь повторится исторія предсѣдателей земскихъ собраній, съ тою только разницею, что эти послѣдніе заботятся объ интересахъ своего сословія, а городской голова, пожалуй, будетъ заботиться лично о себѣ; и это очень легко можетъ быть, потому что онъ положительно будетъ самъ себѣ судья. Положимъ, что при обсужденіи въ думѣ дѣйствій городской управы онъ не будетъ предсѣдательствовать, но его вліяніе не можетъ прекратиться на одно засѣданіе; онъ всегда будетъ его имѣть и всегда будетъ оставаться начальникомъ. Каждое предложеніе гласнаго должно быть заранѣе сообщено ему, доклады онъ можетъ печатать или не печатать по своему усмотрѣнію. Понятно, что при этихъ условіяхъ ему легко направить дѣло какъ угодно, не говоря уже о томъ, что каждый гласный, обсуждая дѣйствія городского головы, будетъ помнить, что завтра онъ очутится подъ предсѣдательствомъ того же лица, дѣятельность котораго онъ обсуждаетъ и что это лицо можетъ во всякое время воспользоваться тою широкою властью, которую предоставляетъ законъ предсѣдателямъ собраній.

Все это было заявлено при самомъ обсужденіи проекта городового положенія. Неудобства соединить исполнительную должность съ обязанностью руководителя распорядительнаго собранія была очевидна для многихъ и потому было высказано предложеніе, чтобы въ думѣ предсѣдательствовало лицо, избранное для этой обязанности самою думою. Но... въ коммиссіи, обсуждавшей этотъ проектъ, засѣдали *восемь городскихъ головъ* и только двое членовъ думъ...

Мы обращаемъ на все это вниманіе городскихъ обществъ. Имъ предстоитъ теперь быть осмотрительнѣе въ выборѣ лицъ, которому они должны ввѣрить такую значительную власть, иначе придется сильно раскаяваться. Городское положеніе даетъ право избирать должностныхъ лицъ не только изъ гласныхъ думы, но вообще изъ лицъ имѣющихъ право выбора, т.-е. изъ всѣхъ, что-либо платящихъ въ пользу города. Это нововведеніе даетъ широкій просторъ... Впрочемъ, чтобы быть городскимъ головой, нужно получить утвержденіе отъ губернатора, а въ губернскихъ городахъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть это и объясняетъ ту готовность, съ которою были предоставлены городскому головѣ тѣ широкія права, которыя ему принадлежатъ по положенію...

Digitized by Google

III.

Обязательные расходы, возложенные на города новымъ «положеніемъ», въ сущности тѣ же, какіе лежали на нихъ и прежде. Длинный списокъ этихъ расходовъ не уступаетъ списку расходовъ земскихъ, помѣщенному въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Сюда входитъ содержаніе городскихъ сооруженій, издержки по отправленію воинскаго постоя, отопленіе и освѣщеніе тюремъ, содержаніе пожарныхъ командъ, расходы на помѣщеніе полицейскихъ управленій, выдача полицейскимъ чиновникамъ квартирныхъ денегъ, вещественное довольствіе пожарныхъ командъ, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, участіе въ расходахъ на содержаніе чиновъ городскихъ полицій.

Само собою разумѣется, что участіе городскихъ учрежденій въ большей части этихъ расходовъ чисто пассивное: они должны только выдавать деньги, не имѣя возможности провѣрить, съ пользой ли эти деньги идутъ и нѣтъ ли возможности тратить ихъ поменьше. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить выдачу изъ городскихъ доходовъ разныхъ пенсій, «производство разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ пособій на содержаніе благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній», и наконецъ, *«производство государственному казначейству пособій, занесенныхъ въ государственную роспись»*. «За удовлетвореніемъ указанныхъ потребностей—говорится въ 140 ст. положенія—городскія средства могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію городской думы, на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ непротивныя».

Повидимому, городское положеніе признаетъ «пособіе разнымъ вѣдомствамъ» мѣрою временною, но она грозитъ обратиться въ постоянную. Такъ въ положеніи говорится, что въ теченіи трехъ лѣтъ со времени приведенія въ дѣйствіе въ городѣ настоящаго положенія, отпускъ пособій разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ на содержаніе учебныхъ, благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній, производится въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ пособія эти до того времени производились. По истеченіи же этого срока, обязательнымъ для города остается производство только тѣхъ пособій, относительно которыхъ послѣдуетъ соглашеніе между городскимъ общественнымъ управленіемъ и подлежащимъ учрежденіемъ, установленіемъ или вѣдомствомъ, или *«которыя будутъ возложены на городъ законодательнымъ порядкомъ»*. Выраженіе это, конечно, довольно неопредѣленно и не даетъ никакого понятія о будущихъ расходахъ города. Но еще неопредѣленнѣе обязанность пособій государственному казначейству; относительно ихъ «положеніе» упоминаетъ только, что «пособія казнѣ назначаются въ суммахъ, занесенныхъ въ государственную роспись»...

Digitized by Google

Эти пособія бросаютъ довольно яркій свѣтъ на нашу податную систему. Житель города есть вмѣстѣ съ тѣмъ подданный государства, если съ него можно брать городскіе налоги, то можно брать и налоги государственные. Съ какой же стати тѣ или другіе города будутъ приплачивать что-либо государству, другими словами: съ какой стати *государство* будетъ брать съ человѣка за то, что онъ живетъ въ томъ, а не въ другомъ городѣ? Но дѣло въ томъ, что у насъ очень хорошо сознается нераціональность податной системы, изъ которой исключены именно богатые люди; но вмѣсто того, чтобы позаботиться объ улучшеніи этой системы, изыскиваются средства привлечь имущихъ лицъ къ участію въ государственномъ бюджетѣ какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ, отнести, напримѣръ, какой-нибудь расходъ на земскій сборъ или взять что-нибудь съ богатаго города. Само собою разумѣется, что при такихъ случайныхъ привлеченіяхъ о равномѣрности налога нельзя и думать.

Но этого мало; не установляя по собственной иниціативѣ никакого раціональнаго сбора съ городскихъ сословій, наше законодательство не даетъ возможности установить его и общественнымъ учрежденіямъ. Такъ, земскія учрежденія могутъ облагать земли и строенія, но не могутъ облагать торговлю и промышленность иначе, какъ извѣстнымъ процентомъ казеннаго сбора съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и патентовъ, т.-е. именно такимъ сборомъ, который отличается самою крайнею неуравнительностью. Положимъ, что въ земскихъ учрежденіяхъ это ограниченіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что гласныхъ отъ городовъ сравнительно мало и что законодательство принуждено было взять города подъ свою защиту. Но, къ сожалѣнію, тоже ограниченіе мы видимъ и относительно городскихъ учрежденій, и здѣсь возможенъ довольно уравнительный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и пожалуй съ трактирныхъ заведеній и съѣстныхъ лавочекъ, но буквально невозможна никакая уравнительность въ сборахъ съ торгующаго сословія.

Оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ опредѣляется, по «Положенію», городскою думою «въ процентахъ съ чистаго дохода, опредѣленнаго городскимъ общественнымъ управленіемъ посредствомъ оцѣнки, или, при невозможности опредѣлить доходъ, со стоимости недвижимыхъ имуществъ». При этомъ прибавлено, что «размѣръ этого сбора не можетъ превышать 10% чистаго дохода съ имуществъ или 1% ихъ стоимости». Зачѣмъ установлена эта норма—мы не знаемъ, такъ какъ оцѣнка будетъ зависѣть отъ городского общества. Нужны ему будутъ деньги—оно оцѣнитъ недвижимыя имущества выше дѣйствительной стоимости и законъ будетъ соблюденъ. Любопытно впрочемъ знать, что должно дѣлать городское общество, если, при соблюденіи установленной нормы, городскихъ доходовъ не хватитъ на удо-

Digitized by Google

влетвореніе обязательныхъ повинностей. А это можетъ случиться, потому что нормы постановлены и для сбора съ трактирныхъ заведеній, (который долженъ производиться по правиламъ, существующимъ теперь), и для сбора съ торговли и промышленности.

Форма этого послѣдняго сбора остается все таже, т.-е. облагаются тѣ же гильдейскія свидѣтельства, билеты и патенты, которые составляютъ альфу и омегу нашего торговаго налога. Извѣстно, что у насъ до сихъ поръ купецъ, ведущій значительную торговлю, и купецъ, берущій гильдейское свидѣтельство, чтобы избѣгнуть рекрутства,—платятъ одно и тоже. Этотъ сборъ законодательство рекомендовало и земскимъ учрежденіямъ, предоставивъ имъ накидывать опредѣленный % на то, что получаетъ само государство. Этотъ же сборъ становится обязательнымъ и для городскихъ учрежденій. «Сборы съ документовъ на право торговли и промысловъ—говорится въ положеніи — могутъ быть опредѣляемы городскою думою: со всѣхъ установленныхъ положеніемъ о пошлинахъ за право торговли свидѣтельствъ купеческихъ и промысловыхъ и билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія, и со всякаго рода патентовъ, выдаваемыхъ, по питейному уставу, на заводы для выдѣлки напитковъ и издѣлій изъ спирта или вина, а также на заведенія для продажи питей. Размѣръ этого сбора установляется городскою думою въ процентахъ съ казенной пошлины». Въ заключеніе прибавлено, что «высшій размѣръ обложенія, въ пользу города, свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ имѣетъ быть опредѣленъ ко времени выдачи оныхъ на 1871 годъ».

Признаемся, намъ трудно понять, почему законодательство не воспользовалось городскими учрежденіями для того, чтобы дать хотя имъ возможность установить сколько-нибудь раціональный налогъ на торговое и промышленное сословіе. Неужели-же не очевидно для каждаго, какъ мало соотвѣтствуетъ теперешній гильдейскій сборъ самымъ основнымъ требованіямъ равномѣрности?... Конечно, городскія учрежденія могутъ современемъ сами изобрѣсти какой-нибудь видъ сбора съ торгующаго сословія, но для этого нужно, во-первыхъ, чтобы большинство въ думѣ не принадлежало къ этому сословію, во-вторыхъ, чтобы къ нему не принадлежалъ городской голова, который, пожалуй, также будетъ останавливать сужденія объ этомъ предметѣ, какъ останавливаютъ предводители дворянства сужденія объ облегченіи крестьянскихъ повинностей, и наконецъ, въ-третьихъ, для этого нужно, чтобы ходатайство думы по этому предмету было разрѣшено законодательнымъ порядкомъ.... Условій, слѣдовательно довольно много.

До сихъ поръ мы видѣли, что въ финансовомъ отношеніи городскія учрежденія поставлены въ такія же условія, какъ и земскія. И тѣ и другія имѣютъ массу обязательныхъ расходовъ, и тѣмъ и другимъ указаны опредѣленные источники для покрытія этихъ расходовъ. Но

Digitized by Google

относительно заботъ о благоустройствѣ городскимъ учрежденіямъ предоставлены гораздо болѣе широкія права нежели тѣ, какія имѣютъ земскія учрежденія. Такъ, напримѣръ, земскія учрежденія могутъ заботиться объ охраненіи народнаго здравія только устраивая больницы и приглашая докторовъ, но не имѣютъ права дѣлать никакихъ обязательныхъ распоряженій въ видахъ предупрежденія болѣзней; далѣе на нихъ лежитъ обязанность вести дѣло земскаго страхованія, но они не только не имѣютъ права предписывать о соблюденіи тѣхъ или другихъ предосторожностей отъ пожаровъ, но даже не имѣютъ права наблюденія за исполненіемъ тѣхъ правилъ, которыя существуютъ въ законѣ. Въ этомъ отношеніи городовое положеніе идетъ гораздо дальше земскаго; оно предоставляетъ думѣ издавать обязательныя постановленія по весьма многимъ предметамъ городского благоустройства. Сюда относятся не только мѣры по содержанію въ исправности зданій, улицъ, площадей, и пр., или устройство пристаней, перевозовъ, желѣзно-конныхъ и другихъ усовершенствованныхъ путей, но также установленіе правилъ предосторожности противъ порчи воды и пожаровъ и принятіе мѣръ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней [1]). Постановленія эти не должны противорѣчить существующимъ законамъ. Проекты ихъ, «прежде окончательнаго утвержденія думою сообщаются городскою управою начальнику мѣстнаго полицейскаго управленія, который достав-

[1]) Всѣ эти предметы перечислены въ 108 ст. положенія, по силѣ которой городской думѣ предоставлено издавать обязательныя для жителей постановленія: а) о порядкѣ содержанія въ исправности и чистотѣ улицъ, площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, мостовъ и гатей, а также сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, колодцевъ, каналовъ и естественныхъ протоковъ, не исключая и тѣхъ, которые находятся на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, учрежденіямъ и вѣдомствамъ; б) о мѣрахъ къ охраненію цѣлости и чистоты и къ огражденію отъ поврежденій принадлежащихъ городу общественныхъ сооруженій и памятниковъ, а равно садовъ, бульваровъ и другихъ общественныхъ мѣстъ; в) объ устройствѣ пристаней, переправъ и перевозовъ, а также желѣзно-конныхъ и иныхъ усовершенствованныхъ путей, о порядкѣ ихъ содержанія и пользованія ими, о производствѣ извознаго промысла, о городскихъ омнибусахъ и другихъ общественныхъ экипажахъ; г) о чисткѣ дворовъ, объ устройствѣ и чисткѣ помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ; д) объ устройствѣ и порядкѣ содержанія боенъ и пользованія ими; е) о мѣрахъ къ соблюденію чистоты въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ и къ обезпеченію безвредности оныхъ; ж) о мѣрахъ предосторожности противъ порчи воды; з) о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ; и) объ устройствѣ кровель и объ устройствѣ, чисткѣ и осмотрѣ дымовыхъ трубъ и печей, и вообще о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ; і) о мѣрахъ, гдѣ не допускаются склады дровъ, сѣна, соломы, масла, спирта и другихъ легко воспламеняющихся веществъ, и о порядкѣ храненія этихъ веществъ; к) о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ, повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней, а равно скотскихъ падежей; л) о принятіи, для охраненія благочинія и порядка въ публичныхъ мѣстахъ, мѣръ, сопряженныхъ съ расходами или ограниченіями въ производствѣ торговли и промысловъ.

Digitized by Google

ляетъ по нимъ свое заключеніе. Съ своей стороны начальникъ мѣстнаго полицейскаго управленія вправѣ самъ сообщать городскому общественному управленію проекты такихъ постановленій, которыя, представляясь, по его мнѣнію, необходимыми для благоустройства города, могутъ быть изданы думою». Если соглашенія между думою и начальникомъ полицейскаго управленія не состоится, то дѣло переходитъ на рѣшеніе губернскаго присутствія. Туда же переходитъ оно въ томъ случаѣ, если губернаторъ встрѣтитъ самъ препятствіе въ изданіи подобныхъ постановленій. Затѣмъ, эти постановленія печатаются и тогда они становятся обязательными, полиція обязана наблюдать за ихъ исполненіемъ, за нарушеніе ихъ полагается наказаніе, установленное 29-ю статьею устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; возбужденіе судебнаго преслѣдованія по такимъ нарушеніямъ предоставляется городскому управленію на одинаковыхъ основаніяхъ съ административною властью.

Читатели видятъ, что право городскихъ учрежденій издавать обязательныя постановленія обставлено весьма многими условіями; но, тѣмъ не менѣе, это право весьма важное. До сихъ поръ всѣ подобныя правила были излагаемы съ самою мелочною подробностью, въ различныхъ уставахъ (въ XII томѣ, напримѣръ, существуетъ относительно государственныхъ крестьянъ законодательное воспрещеніе ѣсть падаль). Замѣняя всѣ эти уставы мѣстными постановленіями, вызванными опытомъ и сообразованными съ мѣстными условіями, законодательство дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Само собою разумѣется, что подобныя же права, относительно уѣздовъ, должны быть предоставлены и земскимъ собраніямъ, и мы убѣждены, что земскія собранія не преминутъ обратиться съ ходатайствами по этому предмету въ настоящую же сессію.

IV.

Исторія земскихъ учрежденій доказала намъ, что отношенія къ администраціи играютъ довольно важную роль въ судьбѣ общественныхъ учрежденій; поэтому очень важно прослѣдить, какъ далеко ушло въ этомъ отношеніи городовое положеніе отъ земскаго. Нужно замѣтить, что въ бо́льшей части печатныхъ отзывовъ по этому предмету мы встрѣчали большое сочувствіе къ городовому положенію, именно потому, что оно представляетъ контроль надъ дѣйствіями земскихъ учрежденій не единоличной власти губернатора, а особому коллегіальному учрежденію, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть выше. Повидимому, этотъ взглядъ имѣетъ свои основанія, но внимательное разсмотрѣніе тѣхъ условій, въ которыя поставлено городское управленіе, приводитъ насъ къ убѣжденію совершенно противоположному.

Земскія учрежденія, дѣйствительно, имѣютъ дѣло съ единоличною

Digitized by Google

властью губернатора, но эта власть довольно ограничена: губернаторъ имѣетъ только право протеста противъ постановленія земскаго собранія и затѣмъ, въ случаѣ несогласія, пріостанавливаетъ это постановленіе и переноситъ дѣло въ сенатъ. Если этотъ порядокъ и тормозитъ иногда ходъ земскаго дѣла, то справедливость требуетъ сказать, что протесты губернаторовъ довольно рѣдко доходятъ до сената и еще рѣже признаются сенатомъ уважительными. По крайней мѣрѣ, всѣ отчеты земскихъ собраній свидѣтельствуютъ о томъ, что случаи отмѣны постановленій земскихъ собраній очень рѣдки, и если земскія учрежденія имѣютъ основаніе жаловаться на администрацію, то, конечно, не за это. Они могутъ жаловаться на весьма малый размѣръ власти, который имъ предоставленъ и который заставляетъ ихъ обо всемъ справниваться у разныхъ административныхъ начальствъ, но въ томъ кругѣ дѣятельности, который имъ отведенъ, они стѣснены очень мало.

Въ городскихъ учрежденіяхъ власть губернатора, *повидимому*, переходитъ въ руки особаго присутствія, которое именно учреждается «для разсмотрѣнія возникающихъ по жалобамъ, пререканіямъ или непосредственному усмотрѣнію губернатора, дѣлъ о незаконности опредѣленій городского общественнаго управленія, а равно для обсужденія составленныхъ городскими думами обязательныхъ для жителей постановленій, въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ встрѣтитъ препятствіе къ изданію ихъ, или когда относительно изданія такихъ постановленій не состоится соглашенія между городскимъ общественнымъ и мѣстнымъ полицейскимъ управленіями». Мы говоримъ, что власть особаго присутствія только *видимая*, потому что, въ случаѣ несогласія съ нимъ, губернаторъ точно также имѣетъ право перенести дѣло въ сенатъ. Такимъ образомъ, вмѣсто одной инстанціи являются двѣ и каждое постановленіе городской думы можетъ быть измѣнено два раза. Частая отмѣна этихъ постановленій тѣмъ болѣе вѣроятна, что право жалобы въ сенатъ на постановленіе губернскаго присутствія принадлежитъ каждому правительственному учрежденію и даже частному лицу. Какъ отразится этотъ рядъ пересмотровъ на городскомъ хозяйствѣ—мы предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Вообще трудно понять, зачѣмъ нужно было губернское присутствіе, когда оно составляетъ только лишнюю инстанцію, всѣ опредѣленія которой могутъ подлежать отмѣнѣ. Мы бы еще поняли это, еслибы лица, составляющія присутствіе, были спеціалисты по городскому хозяйству; но мы видимъ здѣсь губернатора, вице-губернатора, прокурора, управляющаго казенной палатою, мирового судью и предсѣдателя губернской земской управы.... Многіе ли изъ этихъ лицъ могутъ быть компетентны въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся хозяйства какого-нибудь уѣзднаго города, въ которомъ они, быть можетъ, никогда

Digitized by Google

не бывали?.. Одна надежда на то, что дѣлопроизводство присутствія возлагается на городского секретаря губернскаго города.

Но всего важнѣе, что эти присутствія будутъ разсматривать не только пререканія съ губернаторомъ и правительственными учрежденіями [1]), но и жалобы частныхъ лицъ. Это — нововведеніе городского положенія, такъ какъ на земскія собранія частныхъ жалобъ не приносится и существуютъ только судебные иски въ случаѣ нарушенія гражданскихъ правъ.

Нужно замѣтить, что въ практикѣ земскихъ учрежденій возникалъ уже, года четыре тому назадъ, вопросъ о порядкѣ принесенія жалобъ частными лицами. Нашлись администраторы, которые предлагали учредить инстанціонный порядокъ, въ силу котораго всякое постановленіе собранія могло бы быть отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ; но первый департаментъ сената, разрѣшавшій этотъ вопросъ, категорически отвергъ такой порядокъ, и въ настоящее время постановленіе земскаго собранія можетъ быть отмѣнено только сенатомъ, и то по протесту губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ [2]). Это очень понятно, потому что опредѣленія земскихъ собраній, по самому свойству ихъ, могутъ подлежать отмѣнѣ только тогда, когда они незаконны, а на этотъ случай существуетъ право протеста со стороны губернатора; что же касается хозяйственныхъ соображеній, то въ нихъ земское собраніе должно быть совершенно самостоятельно.

Для городскихъ учрежденій установленъ въ этомъ отношеніи совершенно другой порядокъ; городовое положеніе опредѣляетъ правило для обжалованія всѣхъ распоряженій, дѣлаемыхъ городскими властями. На управу можно жаловаться думѣ (относительно управъ тоже самое существуетъ и въ земскихъ учрежденіяхъ), на думу губернскому присутствію или, въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіе думы утверждено губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ [3]), въ первый департаментъ сената. Сюда же приносятся жалобы на губернскія при-

---

[1]) Въ этихъ случаяхъ въ присутствіе приглашаются, съ правомъ голоса, начальники того управленія, до котораго пререканіе относится, а если оно касается денежныхъ разсчетовъ, то и управляющій контрольною палатою.

[2]) При этомъ нельзя не упомянуть, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ врядъ ли было десять протестовъ за все время существованія земскихъ учрежденій.

[3]) Эти случаи перечислены въ положеніи; сюда относятся: установленіе правилъ по устройству торговой полиціи и по надзору за производствомъ торговли, измѣненіе въ утвержденныхъ для города планахъ, постановленія объ отдачѣ, впервые, въ исключительное пользованіе, земель, назначенныхъ по планамъ подъ улицы, площади, и пр., и объ устройствѣ на этихъ земляхъ сооруженій, установленіе платы за проходъ и проѣздъ по воздвигнутымъ городомъ сооруженіямъ, и, наконецъ, заключеніе займовъ и принятіе обязательствъ и гарантій на сумму, превышающую сумму доходовъ города за послѣдніе два года.

Digitized by Google

сутствія, для подачи которыхъ установленъ шестинедѣльный срокъ. Этому порядку мы никакъ не можемъ симпатизировать. Конечно, можетъ быть, что и губернскія присутствія и сенатъ отнесутся благосклонно къ городскому хозяйству и будутъ отмѣнять постановленія только дѣйствительно незаконныя; но можетъ быть и иначе: опредѣленія думъ могутъ быть разсматриваемы *по существу*, и тогда городское самоуправленіе будетъ существовать только по имени.

Въ виду этого очень трудно признать за городскимъ положеніемъ тѣ достоинства, которыя ему приписываютъ именно въ этомъ отношеніи, и намъ кажется, что всѣ похвалы имѣютъ здѣсь особое происхожденіе, мало зависящее отъ содержанія того, что́ хвалятъ. Дѣло въ томъ, что прежде существовалъ проектъ дать губернатору не только право протеста, но и право разрѣшенія частныхъ жалобъ. Противъ этого многіе возстали и явилась мысль создать для этой цѣли коллегіальное учрежденіе. Когда выборъ былъ между этими двумя предложеніями, то конечно всѣ болѣе благонамѣренные люди были на сторонѣ коллегіальнаго учрежденія. Объ этомъ было заявлено въ печати и въ обществѣ укоренилось убѣжденіе, что проектированное коллегіальное учрежденіе будетъ очень полезно. Но затѣмъ дѣло приняло другой оборотъ: лица, защищавшія власть губернатора, отказались отъ его права разрѣшать жалобы, а защитники особаго присутствія должны были признать за тѣмъ же губернаторомъ право переноса дѣла въ сенатъ. Такимъ образомъ, вопросъ шелъ уже здѣсь не о губернаторѣ или губернскомъ присутствіи, а объ одномъ губернаторѣ или губернаторѣ плюсъ губернское присутствіе, которое составляло такимъ образомъ среднюю инстанцію. Кромѣ того, противники губернскаго присутствія отвергали и самое принесеніе частныхъ жалобъ, и такимъ образомъ являлись прямо защитниками самостоятельности городскихъ учрежденій. Но ихъ усилія остались тщетными и общество, руководствуясь правиломъ «timeo Danaos et dona ferentes»—продолжаетъ думать, что одержали верхъ либеральныя стремленія. Конечно, мы отъ души желаемъ, чтобы практика городскихъ учрежденій не заставила скоро разочароваться въ этомъ....

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ городского управленія. Этой отвѣтственности они подвергаются не иначе какъ по суду, тогда какъ для земскихъ управъ существуетъ удаленіе отъ должности безъ суда. Преданіе суду должностныхъ лицъ городского управленія, кромѣ городского головы, можетъ послѣдовать по опредѣленію думы, городскіе же головы предаются суду по опредѣленію 1-го департамента сената, основанному на опредѣленіи городской думы, т.-е. для нихъ установленъ тотъ порядокъ, который, по силѣ устава уголовнаго судопроизводства, существуетъ теперь для преданія суду всѣхъ членовъ земскихъ управъ и собраній. Но

Digitized by Google

интересно здѣсь то, что городовое положеніе установляетъ совершенно особый порядокъ преданія суду городскихъ должностныхъ лицъ *въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ пожалуется губернаторъ*. Тогда дѣйствія ихъ разсматриваются уже не думою, а тѣмъ самымъ губернскимъ присутствіемъ, на которое возлагается такъ много надеждъ и въ которомъ губернаторъ можетъ имѣть преобладающе вліяніе. Присутствіе можетъ постановить опредѣленіе о преданіи суду всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая городского головы, и думѣ предоставляется только право пожаловаться на это опредѣленіе сенату. Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ ставитъ городскихъ должностныхъ лицъ въ очень сильную зависимость отъ губернатора и губернскаго присутствія, и въ этомъ отношеніи порядокъ, установленный для учрежденій земскихъ, несравненно лучше, такъ какъ тамъ жалобы губернатора на должностныхъ лицъ разсматриваются въ губернскомъ земскомъ собраніи.

Изъ всего сказаннаго нами читатели могутъ видѣть, что городское положеніе во многомъ идетъ дальше земскаго, но во многомъ и уступаетъ ему. Резюмируя результаты, добытыя сравненіемъ, мы можемъ сказать, что городское положеніе написано вообще отчетливѣе и опредѣленнѣе, что въ немъ принятъ гораздо болѣе справедливый принципъ представительства, нежели въ земскомъ положеніи, гдѣ замѣтна сильная наклонность покровительствовать одному сословію, и что, наконецъ, кругъ дѣятельности городскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, шире нежели кругъ дѣятельности учрежденій земскихъ. Но за то городскія учрежденія поставлены въ бо́льшую зависимость отъ администраціи, зависимость, которая прямо переходитъ въ опеку.

—инъ

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ОВЦЕВОДСТВѢ.

По поводу выставки мериносовъ въ Харьковѣ.

Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Харьковѣ была устроена выставка мериносовъ, съ цѣлью опредѣлить точнѣе положеніе и нужды тонкоруннаго овцеводства и помочь ему выйдти изъ того критическаго положенія, въ которомъ оно находится нынѣ. Избранный на этотъ случай комитетъ изъ опытныхъ овцеводовъ, сельскихъ хозяевъ и ученыхъ озаботился составить программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на съѣздѣ овцеводовъ, имѣющемъ быть во время выставки.

Digitized by Google

Предложенные вопросы обсуждались; результаты преній до сихъ поръ еще не опубликованы. Мы знаемъ только, что на съѣздѣ избранъ былъ предсѣдатель, секретарь и его товарищъ, былъ приглашенъ стенографъ, что пренія шли довольно вяло, съ нѣкоторою заминкою, что экспертная комиссія представила свой отчетъ; но какъ рѣшена на съѣздѣ задача, предложенная министерствомъ государственныхъ имуществъ, публикѣ неизвѣстно, да едва ли и всѣ члены съѣзда знаютъ результаты своихъ совѣщаній.

Изъ отчета экспертной комиссіи, напечатаннаго въ 96 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», мы знаемъ, что, несмотря на запоздалость распоряженій, на выставку доставлены бараны разныхъ мериносовыхъ породъ и въ достаточномъ количествѣ; повидимому, оцѣнка животныхъ сдѣлана тщательно и правильно; но крайней мѣрѣ не слышно было никакихъ возраженій.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша почти импровизованная выставка, при всей своей спѣшности и неподготовкѣ, принесетъ нѣкоторую долю пользы, и если бы на съѣздѣ, послѣ преній не все достаточно уяснилось, то для почина и этого довольно; если же ограничимся однимъ починомъ и если предполагается бывшею выставкою рѣшить только вопросы, вызванные временнымъ кризисомъ, то интересы промысла останутся далеко неудовлетворенными: нужно, не ограничиваясь тонкошерстными овцами, привлечь къ выставкѣ всѣ вообще породы овецъ, разводимыхъ въ предѣлахъ имперіи, оцѣнить ихъ качества, чтобы изъ своихъ туземныхъ породъ избрать такую, которая бы наиболѣе намъ была пригодна не только для производства шерстяныхъ тканей, но и для другихъ цѣлей промышленныхъ; надобно, чтобы мы, пользуясь указаніями выставки, могли согласовать овцеводство съ условіями нашего хозяйства, такъ какъ овцеводство на югѣ Россіи не составляетъ самостоятельнаго, исключительнаго промысла подобно тому, какой мы видимъ у калмыковъ, киргизовъ и другихъ племенъ, кочующихъ на востокѣ Россіи. У насъ овцеводство составляетъ только отрасль сельскаго хозяйства хотя важную, но не исключительную. Оно тѣсно связано съ земледѣліемъ, и связь эта современемъ еще болѣе усилится.

Тонкорунное овцеводство у насъ преимуществуетъ тамъ, гдѣ есть обиліе земли и гдѣ производство хлѣбовъ затрудняется при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ; но оно уступаетъ мѣсто земледѣлію и вовсе даже прекращается, если хлѣбопашество не встрѣчаетъ затрудненій и сѣно находитъ для себя выгодный сбытъ; поэтому вопросъ о тонкорунномъ овцеводствѣ, отдѣльно отъ хозяйства разсматриваемый, не можетъ быть вполнѣ разрѣшенъ.

Овцеводы на съѣздѣ признали положеніе ихъ промысла затруднительнымъ, нашли, что размѣры овцеводства значительно сократились, что цѣны на шерсть слишкомъ низки,—но не были представлены статистическія

Digitized by Google

данныя о числѣ овецъ за прежнее время и сколько ихъ осталось теперь; во что обходится содержаніе овцы простой и тонкорунной въ разныхъ мѣстностяхъ; сколько овецъ можно содержать на десятинѣ; какъ великъ доходъ съ овцы шерстью, мясомъ, саломъ и овчиной? Все это предполагалось извѣстнымъ, или ненужнымъ или невозможнымъ имѣть, но такія статистическія свѣдѣнія, очевидно, необходимы для разрѣшенія высказанныхъ жалобъ.

Обращаясь затѣмъ къ причинамъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находится въ настоящее время наше тонкорунное овцеводство, овцеводы соглашались въ томъ, что это стѣсненное состояніе въ настоящее время происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ: отъ политическаго и финансоваго положенія Европы и Сѣверной Америки; отъ колебанія торговли на всемірныхъ рынкахъ; ближайшею же причиною признали быстрое развитіе овцеводства въ Австраліи и легкій ввозъ австралійской шерсти въ Россію. Не говоря о внѣшнихъ вліяніяхъ, мы посмотримъ пристальнѣе на наше сельское хозяйство вообще и скотоводство въ особенности, и у себя мы отыщемъ причины болѣе для насъ понятныя, очевидныя и, быть можетъ, болѣе вліятельныя: наше сельское хозяйство, безъ сомнѣнія, находится въ переходномъ состояніи; въ немъ совершился радикальный переворотъ, съ которымъ мы еще не справились; у насъ еще не установилась та культура національная, которая бы вполнѣ отвѣчала нашему климату, нашей почвѣ и мѣстнымъ экономическимъ условіямъ. Пробуя развить у себя промыселъ, мы прибѣгаемъ къ тѣмъ мѣрамъ и тѣмъ орудіямъ, употребляемымъ на Западѣ, которыя, при нашемъ климатѣ и при искусствѣ нашихъ рабочихъ рукъ, оказываются мало пригодными; притомъ же наша широкая русская натура не любитъ ни мѣры, ни счета, двигается на просторѣ по глазомѣру, обращая взоры на Западъ, вдаль, и не замѣчая того, что́ дѣлается кругомъ ея. Мы любимъ подражать другимъ и заимствовать чужое, пренебрегая свое собственное, можетъ, лучшее, или способное сдѣлаться таковымъ. Мы изучили иностранныя породы овецъ, разводимъ у себя рамбулье, негрети, инфантадо, но не знаемъ русскихъ овецъ и не думаемъ улучшить ихъ; у насъ еще не нашелся свой Беквель, и разводя у себя чужое, мы чужимъ продуктомъ стремимся соперничать съ иностранцами на ихъ почвѣ и произведеніями ихъ же искусства, и, конечно, въ этой борьбѣ мы должны уступить, какъ ученикъ уступаетъ учителю, какъ подражаніе уступаетъ подлиннику. Мы забываемъ, что качества породъ животныхъ зависятъ отъ климата, корма и содержанія ихъ. Мы полагаемся слишкомъ на кровь, но эта кровь скоро портится, измѣняется при вліяніи мѣстныхъ, несвойственныхъ ей условій. Не говоря объ уходѣ и зимнемъ помѣщеніи животныхъ, первая жизненная потребность — кормъ оказывается у насъ недостаточнымъ или недоброкачественнымъ. Не-

Digitized by Google

достатокъ кормовъ заставляетъ часто овцеводовъ уменьшать стада наполовину, а голодъ и дурное качество корма портятъ остальную половину. Зимою кормятъ овецъ лишь въ той мѣрѣ, чтобы онѣ пережили зимніе мѣсяцы; но хорошій и обильный кормъ нашему животному нуженъ болѣе зимою, нежели лѣтомъ. Онъ нуженъ не только для поддержанія силъ и тѣла животнаго, но и для нагрѣванія его. Взглянувши на наши выродившіяся степи, поросшія чаполочью, ковылемъ и разными сорными травами, невольно подумаешь: чѣмъ же кормятся наши овцы и какъ онѣ могутъ не только поправиться, но и держаться въ своемъ тѣлѣ. Случалось мнѣ встрѣчать коннозаводчиковъ, которые, покупая кровныхъ дорогихъ лошадей, держали ихъ на такой діэтѣ, что на осунувшихся костяхъ можно было удобно повѣсить шляпу — такъ нерѣдко случается и съ овцами. Овцеводы полагаютъ, что въ степяхъ должно быть не менѣе 1 десятины на овцу, разумѣя здѣсь и посѣвъ хлѣбовъ и содержаніе еще другихъ животныхъ въ количествѣ, достаточномъ для хозяйственнаго обихода — это обстоятельство указываетъ на скудость нашихъ кормовыхъ средствъ.

Къ этому же надобно добавить, что флора на степяхъ нашихъ ежегодно мѣняется, пока къ постоянно зеленѣющей чаполочи не присоединится ея товарищъ, неувядающій ковыль, а эта неровность корма, безъ сомнѣнія, должна вліять и на качество шерсти и на кровь животнаго.

При такихъ обстоятельствахъ трудно судить объ упадкѣ или развитіи овцеводства, развѣ сужденіе наше можетъ быть основано только на количествѣ содержимыхъ животныхъ, но не на качествѣ ихъ — по крайней мѣрѣ замѣчаніе это можно справедливо примѣнить къ огромному большинству нашихъ стадъ.

Овцеводы, впрочемъ, не видятъ въ этомъ плохомъ содержаніи овецъ причины упадка промысла. Они полагаютъ категорически, что цѣны на шерсть упали до того, что не выгодно содержать овецъ. Вѣрно то, что шерсть въ настоящее время сдѣлалась дешевле и, быть можетъ, она настолько дешева, что овцеводство дѣлается невыгоднымъ, если слѣдовать обычному способу содержанія овецъ; но кажется, что измѣнивши способъ содержанія и при умѣньи извлечь всю возможную пользу отъ продуктовъ овцеводства, мы могли бы свесть свои счеты и нашли бы производство выгоднымъ. Дешевизна, сама по себѣ, не есть признакъ упадка промысла, скорѣе же она является какъ слѣдствіе развитія его. Въ давно минувшее время, въ двадцатыхъ годахъ, пудъ перегона въ Харьковѣ продавался по 70 р. асс., цѣна, по тогдашнему курсу, огромная, равнявшаяся 20-ти четв. ржаной муки, и тонкое сукно, по цѣнѣ своей, едва только доступно было для людей богатыхъ—цѣны съ тѣхъ поръ на шерсть и сукно постоянно съ каждымъ годомъ упадали, и однако же овцеводство болѣе и болѣе распространялось и суконныя фабрики увеличивались въ размѣрахъ и числѣ.

Digitized by Google

Всякій фабрикантъ и всякій заводчикъ долженъ стремиться къ тому, чтобы продуктъ его отвѣчалъ вкусу и желаніямъ потребителей, т.-е., чтобы онъ имѣлъ хорошія качества и былъ *дешевъ*. Отъ его искусства и изобрѣтательности зависитъ сообщить издѣлію тѣ или другія качества и найти тѣ способы производства, при которыхъ продуктъ можетъ быть проданъ дешево съ выгодою для самихъ производителей; тогда не будетъ надобности ни въ искусственномъ возвышеніи цѣнъ, ни въ покровительствѣ тарифа. Но, спрашивается, дѣйствительно ли овцеводство въ томъ видѣ, какъ оно ведется у насъ, оказывается невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ? рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно: арендная плата земли въ разныхъ уѣздахъ южной Россіи оказывается разнообразная, отъ 3 до 1 рубля и ниже; цѣны рабочимъ въ такомъ же размѣрѣ не сходны и стоимость кормовъ и другихъ сельскихъ продуктовъ также не одинакова. О Харьковскомъ уѣздѣ положительно можно сказать, что содержать въ немъ тонкорунныхъ овецъ не слѣдуетъ, и это я знаю по собственному небольшому опыту: у меня было до 1,500 головъ овецъ, о которыхъ я впрочемъ мало заботился. Они доставляли круглымъ числомъ въ годъ около 1,500 р. дохода, т.-е. по 1 р. съ овцы, кормъ для нихъ употреблялся безразсчетно: все накошенное сѣно безъ остатка потреблялось овцами (отъ 6 до 12 т. пудовъ), и кромѣ того давалась лучшая солома, овесъ, соль. Сведши счеты и оцѣнивши скотскій кормъ, наемъ и содержаніе пастуховъ, я увидѣлъ, что расходъ мой простирается до 2,000 р., слѣдовательно заводъ для меня былъ убыточенъ и пять лѣтъ тому назадъ я его уничтожилъ. Мой убытокъ маскировался тѣмъ, что, кромѣ найма пастуховъ, все прочее было непокупное. Сознаюсь, что при болѣе внимательномъ надзорѣ содержаніе овецъ обошлось бы гораздо дешевле, но все-таки выгоднѣе, не имѣя овецъ, продавать ихъ кормъ. Отъ продажи 10 т. пуд. сѣна на мѣстѣ теперь я получаю до 2,500 р. с., и расходъ на наемъ пастуховъ, на соль и овесъ остается не нужнымъ; солома также продается или идетъ на кормъ рогатаго скота. Мой разсчетъ по Харьковскому уѣзду, безъ сомнѣнія, окажется невѣрнымъ въ примѣненіи къ другимъ южнымъ и степнымъ уѣздамъ—разница въ цѣнѣ кормовъ слишкомъ значительна: въ Харьковскомъ уѣздѣ всегда можно продать пудъ сѣна отъ 20 до 30 коп. на мѣстѣ — во многихъ другихъ уѣздахъ сбыть сѣна невозможенъ и оно только продается въ продуктахъ овцеводства.

На югѣ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ овцеводство необходимо, чтобы утилизировать степи, остающіяся невоздѣланными за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а въ интересахъ земледѣлія, для поддержанія плодородія въ почвѣ, требуется, чтобы значительная часть полей оставалась въ покоѣ, подъ степью. Мы не должны уничтожать степей, но улучшать ихъ травосѣяніемъ; тогда мы въ состояніи будемъ улуч-

Digitized by Google

нить и вѣрнѣе обезпечить нашъ промыселъ и, быть можетъ, намъ выгодно будетъ продавать шерсть по дешевымъ цѣнамъ.

Одинъ изъ овцеводовъ на съѣздѣ заявилъ, что нѣкто изъ друзей его въ Австраліи пишетъ къ нему, будто-бы тамъ пастбища до того тучны, что на одной десятинѣ содержатъ 50 овецъ и болѣе; очень вѣроятно, что въ австралійской корреспонденіи вкралась ошибка—мы будемъ довольны, если на нашей десятинѣ вмѣсто одной прокормятся хорошо 3—4 овцы. Быть можетъ, съ улучшеніемъ кормовыхъ средствъ наши овцы переродятся, пріобрѣтутъ лучшія качества и выростутъ если не до величины вола, то по крайней мѣрѣ сравняются съ порядочнымъ теленкомъ; не напрасно-же на выставкѣ г. Абазѣ, представившему лучшаго, полновѣснаго барана, выдана золотая медаль съ изображеніемъ вола!

Коснемся теперь другой стороны нашего промысла, именно сбыта продуктовъ его. Овцеводы жалуются, что требованіе русской шерсти на иностранныхъ рынкахъ уменьшилось, что русская мериносная шерсть цѣнится дешевле другихъ. Мнѣніе это, основанное почти на однихъ оборотахъ Харьковской ярмарки, не подтверждается таможенными таблицами, и если-бы фактъ былъ справедливъ, то нужно разслѣдовать тому причины: быть можетъ, все это происходитъ отъ состоянія нашего денежнаго курса, или оттого, что намъ доставка за границу обходится слишкомъ дорого, что нашимъ добромъ заграницею распоряжаемся не мы, но иностранцы въ качествѣ нашихъ опекуновъ, или наконецъ неправильною сортировкою и ненадлежащею подготовкою шерсти мы не умѣемъ удовлетворить прихотливымъ требованіямъ нашихъ иноземныхъ покупателей; если это справедливо, то для чего винить нашихъ овечекъ и рѣзать ихъ—лучше-бы было обратить вниманіе на условія нашей внѣшней торговли, которыя, очевидно, намъ не благопріятны. Предположимъ, что эти условія непоправимы и допустимъ даже, что для насъ иностранные рынки совсѣмъ заперты и мы должны потреблять продукты овцеводства только у себя—оглянемся-же кругомъ себя: у насъ 70 мил. душъ, что составляетъ $^1/_3$ населенія Европы. Неужели 70 м. французовъ, англичанъ или нѣмцевъ, если-бы они исключительно потребляли наши продукты, неудовлетворили-бы нашихъ овцеводовъ? Посмотримъ-же ближе на своихъ русскихъ потребителей: наши крестьяне постничаютъ и только заговляясь и въ большіе праздники позволяютъ себя мясную пищу, носятъ грубую шерстяную одежду и носятъ до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, одинъ тулупъ служитъ нерѣдко для цѣлаго семейства, сало замѣняютъ лучинами для освѣщенія. Если-бы русскій человѣкъ въ теченіе недѣли потреблялъ по 1 ф. мяса (хотя бы баранины) и 5 ф. шерсти, то въ годъ для всего 70-мил. населенія потребовалась бы до 80 мил. овецъ и до 9 мил. пудовъ шерсти; кажется, эти числа удовлетворили бы же-

Digitized by Google

ланіямъ овцеводовъ; слѣдовательно если-бы увеличить порцію мясной пищи крестьянамъ и солдатамъ, если-бы наше низшее сословіе одѣвалось теплѣе и пригоднѣе, то вѣроятно овцеводы перестали-бы сѣтовать на недостатокъ сбыта заграничнаго. Отчего же въ Россіи постничаютъ и плохо одѣваются и какъ тому помочь—это выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи.

Безъ сомнѣнія, овца есть полезнѣйшее домашнее животное. Она насъ кормитъ и одѣваетъ; весь ея составъ служитъ для удовлетворенія нашихъ существенныхъ потребностей, ничто въ ней не пропадаетъ. Мы цѣнимъ преимущественно шерсть и сало; мясо же считается какъ побочный продуктъ, и совершенно напрасно. Мы не умѣемъ или не желаемъ развести у себя мясную породу. Овцеводы заботятся лишь о тонинѣ и количествѣ шерсти и въ ней ищутъ для себя вознагражденія. Они передаютъ стриженную овцу другимъ промышленникамъ, которые, нанимая у тѣхъ же овцеводовъ степи, едвали не болѣе ихъ получаютъ пользы. Овцы, откормленныя на зеленомъ кормѣ, перегоняются на бойни въ началѣ октября; тамъ извлекаютъ изъ нихъ овчину, сало и мясо. При каждой значительной бойнѣ есть и салотопня; главное вниманіе обращается на количество сала, мясо же и здѣсь цѣнится какъ побочный продуктъ; — его, какъ извѣстно, солятъ и въ видѣ солонины оно поступаетъ въ торговлю; только молодыя овцы до 1 года назначаются на мясо, потребляемое въ свѣжемъ состояніи.

Многіе изъ купцовъ, впрочемъ, передерживаютъ купленныхъ овецъ до слѣдующаго года, кормятъ ихъ сухимъ кормомъ на зимовлѣ и снявши шерсть осенью убиваютъ, т.-е. они пользуются и шерстью, подобно овцеводамъ, и другими продуктами овцеводства, и хотя они землю большею частью нанимаютъ и хотя наемная плата земли возрастаетъ съ каждымъ годомъ, но купцы не отказываются отъ своего промысла.

Оцѣнимъ, хотя поверхностно, стоимость шпанской овцы въ ея потребленіи:

6 ф. шерсти.	1 р.
1 шт. овчины.	1 »
20 ф. сала по 11 коп. . .	2 » 20 к.
20 » мяса по 4 коп. . .	— 80 »
Итого . .	5 руб.

Овцеводу даетъ овца въ три года слѣдующій валовой доходъ:

12 ф. шерсти въ 2-стрижки. . .	2 р.
Стриженная матка стóитъ. . . .	2 » 50 к.
Ягненокъ.	1 »
Въ три года . .	5 р. 50 к.
а въ годъ . .	1 » 83 »

Digitized by Google

Если разсматривать овцеводство какъ доходъ съ земли, то слѣдуетъ вычесть стоимость ухода и проценты на затраченный капиталъ; мы готовы даже согласиться, что прибыль отъ овцеводства, въ настоящемъ его видѣ, весьма незначительна; но мы не беремся опредѣлять чистаго дохода; въ опредѣленіи его можетъ оказаться разница на 100 процентовъ болѣе или менѣе, и притомъ разница эта будетъ зависѣть не отъ возвышенія или пониженія цѣнъ на продукты, получаемые съ овцы, но отъ условій хозяйственно-экономическихъ; прежде всего отъ количества и качества кормовъ, съ которымъ идетъ неразрывно количество и качество овецъ, какъ бы эти животныя выростали изъ той же земли и составляли ея урожай. Огромная разница будетъ, если землевладѣлецъ на той же десятинѣ содержитъ 1, 2, 3, 4 овцы, и при этомъ замѣтимъ, что разсматривая счеты за нѣсколько десятковъ лѣтъ, мы извлечемъ для себя весьма поучительные выводы: цѣны на тонкую шерсть послѣдовательно уменьшались и хотя были въ нѣкоторые годы колебанія, но въ общемъ итогѣ цѣны упали, точно такъ, какъ падаютъ онѣ на предметы искусствъ и на фабричныя издѣлія; но цѣны на простую шерсть, на сало, держатся и даже возрастаютъ, особенно замѣтно возвышеніе цѣнъ на мясо; въ послѣднія 20 лѣтъ оно сдѣлалось вдвое дороже. Очевидно, что наши овцеводы слишкомъ много заботятся о качествѣ шерсти, пренебрегая другими продуктами, способными увеличить значительно ихъ доходы, и которыхъ стоимость не падаетъ, не возрастаетъ.

Предположимъ, что мы уже имѣемъ овецъ, которыя даютъ въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе мяса и сала (чего достигнуть очень легко), то стоимость продуктовъ овцы, по оцѣнкѣ выше приведенной, опредѣлится такимъ образомъ:

30 ф. сала . . .	3 р.	30 к.
30 » мяса . . .	1 »	20 »
Овчина	1 »	
Итого . .	5 р.	50 к.

Слѣдовательно стоимость увеличилась на 50 коп. и притомъ здѣсь шерсть вовсе не цѣнится—она остается какъ подарокъ овцеводу.

Примемъ еще въ соображеніе, что кромѣ увеличенія количества мяса и сала въ овцѣ, отъ умѣнія овцевода, отъ способа содержанія овцы зависитъ улучшеніе качества, а слѣдовательно и цѣнности мяса, что можно на этотъ предметъ ускорить созрѣваніе овцы, а слѣдовательно сократить время и издержки не въ ущербъ нашему дѣлу. Преслѣдуя интересы мясного промысла, мы бы легко могли распространить сбытъ свѣжей баранины и у себя, и за границею, пользуясь желѣзными дорогами и нашею зимою. Какъ сказано выше, овецъ откар-

Digitized by Google

мливаютъ лѣтомъ и убиваютъ осенью въ началѣ октября, а мясо поступаетъ на солонину; но можно-бы откормъ продлить еще недѣль 6, на сухомъ фуражѣ, и тогда съ наступившею зимою тоже мясо въ свѣжемъ состояніи продавалось бы не по 4, но по 7 коп. и болѣе (принимая здѣсь мѣстныя цѣны). Можно-бы мясо въ значительномъ количествѣ, не опасаясь соперничества, отправлять за-границу, принявши извѣстныя мѣры для сбереженія его, и при этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о неудачахъ нашего общества обработки животныхъ продуктовъ, котораго прекрасная цѣль не могла быть достигнута по неопытности и крайне безразчетному увлеченію руководителей.

Говоря о сбытѣ русской тонкой шерсти, нельзя не упомянуть о соперницѣ ея—хлопчатой бумагѣ. Потребленіе этой послѣдней у насъ быстро распространилось; мы приготовляемъ хлопчато-бумажныя матеріи въ огромныхъ размѣрахъ и притомъ въ ущербъ нашимъ собственнымъ продуктамъ—шерсти, льну и пенькѣ. Хлопчато-бумажныя одежды насъ не согрѣваютъ; они не прочны, мало пригодны для крестьянъ. По климату и образу жизни имъ нужны: пенька, ленъ, шерсть и мѣха, и если-бы даже потребовалось болѣе убранства для крестьянокъ, то сдѣлавши легкія шерстяныя ткани, болѣе доступныя по цѣнѣ, онѣ бы оставили ситецъ—это было бы выгодно и для экономіи государства: мы бы сберегли милліоны, которые вывозятся на покупку иностраннаго продукта, котораго легко замѣнить, по крайней мѣрѣ въ значительной долѣ, своимъ собственнымъ, и если уже нужно увеличить таможенный налогъ, то именно на хлопчатую бумагу, а не на австралійскую шерсть.

Харьковская выставка устроена была съ цѣлью рѣшить вопросъ о затруднительномъ положеніи русскаго тонкоруннаго овцеводства—цѣль, какъ видно, слишкомъ ограниченная и результаты ея не могутъ быть довольно удовлетворительные. На выставкѣ были одни только тонкорунныя овцы; но если онѣ не удовлетворяютъ заводчиковъ, то какою породою ихъ замѣнить? а другихъ русскихъ породъ мы не видѣли.

Вопросъ, касающійся только мериносовыхъ овецъ, не могъ быть разрѣшенъ вполнѣ безъ связи со всѣмъ овцеводствомъ и положеніемъ нашего сельскаго хозяйства. Мы заботимся объ участи тонкорунныхъ овецъ, конечно, не изъ пристрастія къ нимъ, не изъ любви къ искусству, но какъ средство къ тому, чтобы поддержать наше разшатавшееся хозяйство и утилизировать степи, готовыя превратиться въ пустыни; будутъ-ли пастись на нашихъ степяхъ тѣ или другія породы овецъ, для насъ все равно—лишь бы промыселъ былъ выгоденъ. Овцеводы будутъ сожалѣть, если эта первая выставка, сдѣланная экстренно, на скорую руку, останется и послѣднею.

Выставки животныхъ учреждаются съ цѣлью, чтобы по нимъ можно было судить о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи

Digitized by Google

заводовъ, сдѣлать извѣстными ихъ успѣхи и чтобы возбудить соревнованіе между экспонентами, но одиночная выставка пройдетъ безслѣдно. Думается, что на выставкѣ, кромѣ мериносовъ, должны участвовать всѣ породы русскихъ овецъ, дабы имѣть въ виду не только тонкую шерсть, но и мясо, сало и мѣха.

У насъ найдутся породы овецъ крупныхъ, мясистыхъ, способныхъ къ ожирѣнію, породы съ замѣчательнымъ мѣхомъ, и есть овцы, производящія густую и длинную шерсть, которой недостаетъ только тонины, и это свойство легко ей сообщить. Усовершенствуя эти породы, развивая въ нихъ природныя качества и обращая вниманіе на мѣстныя условія: климатъ, кормъ и уходъ, мы успѣли бы извлечь всю возможную пользу изъ нашего овцеводства.

Въ интересахъ русскаго овцеводства слѣдовало-бы:

1) Прежде всего озаботиться улучшеніемъ нашихъ степей — это есть conditio sine qua non. Только на хорошей землѣ можно ожидать богатой жатвы и только на обильномъ и здоровомъ кормѣ можно улучшать породу животныхъ.

2) Обратить вниманіе не только на качество шерсти, но и на другіе продукты овцеводства: на мясо, сало и овчины, и сообразно тому улучшить свою туземную породу овецъ.

3) Усилить потребленіе шерсти, мяса у себя въ Россіи и замѣнять поболѣе бумажныя издѣлія шерстяными.

4) Выставка эта не должна быть первою и послѣднею. Нашему промыслу было-бы полезно открывать выставку каждые четыре года, и притомъ: а) въ Харьковѣ, какъ центральномъ пунктѣ, куда тяготѣетъ промыселъ; б) съ болѣе обширною программою, какъ объяснено выше.

Въ заключеніе скажемъ, что въ промыслахъ техническихъ и, быть можетъ, во многихъ другихъ мы не скоро опередимъ иностранцевъ; но Россія должна первенствовать въ дѣлѣ приготовленія сырыхъ матеріаловъ и особенно матеріаловъ для пищи и одежды. Она должна быть кормилицею Европы и на то ей дано обширное черноземное поприще. Мы судьбою призваны къ труду сельско-хозяйственному, изъ всѣхъ занятій наиболѣе солидному и по преимуществу человѣчному. Исполняя нашу роль, мы не должны призывать покровительства, поддержки, указаній извнѣ, за которыми необходимо слѣдуютъ вмѣшательства, зависимость отъ посторонннихъ вліяній, ограниченія; намъ же нужна свобода промысла, безъ которой мы не можемъ быть самодѣятельными хозяевами.

Е. Гордѣенко.

Харьковъ. 28 августа, 1870.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1870 г.

Вопросъ о мирѣ. — Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временнаго правительства во Франціи. — Республиканскій régime personnel. — Свиданіе Ж. Фавра съ гр. Бисмаркомъ въ Феррьерѣ. — Метцское правительство и его катастрофа 27 октября. — Гамбетта и Греви. — Свиданіе Тьера съ гр. Бисмаркомъ. — Вопросъ о будущемъ Германіи. — Освобожденіе Якоби и два послѣдніе королевскіе декрета. — Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны.

Въ эти послѣдніе два мѣсяца исторія Европы, можно сказать, умолкла предъ колоссальною борьбою Германіи съ Франціей. Только то и имѣетъ теперь интересъ и значеніе, что́, такъ или иначе, можетъ подѣйствовать на исходъ той борьбы. Потому-то взятіе Рима итальянскими войсками, новая испанская кандидатура итальянскаго принца, ожидаемый министерскій кризисъ въ Австріи, какъ слѣдствіе оппозиціи чеховъ — все это прошло и проходитъ малозамѣченнымъ. Самыя военныя дѣйствія хотя и внушаютъ попрежнему ужасъ и отвращеніе, но интересъ представляетъ не военная сторона дѣла, тѣмъ болѣе, что, при отсутствіи арміи въ полѣ со стороны французовъ, война приняла въ послѣднее время характеръ простой военной экзекуціи. Можно подумать, что дѣло идетъ только объ усмиреніи Франціи, составлявшей уже давно провинцію Германіи, а не о войнѣ со страною, еще недавно внушавшею страхъ даже тѣмъ, которые неожиданно для самихъ себя завоевали ее теперь въ самое короткое время. Европу въ настоящую минуту занимаетъ исключительно вопросъ о мирѣ. Самое ближайшее время покажетъ намъ, будетъ ли европейская дипломатія имѣть болѣе силы для заключенія мира, нежели сколько она обнаружила для предупрежденія войны.

Когда два мѣсяца тому назадъ временное правительство въ Парижѣ взяло на себя, въ настоящемъ смыслѣ слова, бремя правленія Франціи, оно вызвало къ себѣ всѣ симпатіи, такъ какъ рѣдко кто

Digitized by Google

соглашается принять на себя наслѣдство проигравшагося игрока. Симпатіи къ временному правительству возрасли еще болѣе, когда оно постановило своею задачею возстановленіе мира; но теперь, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, мы видимъ, что если Франція нуждалась для войны въ хорошей военной организаціи, въ энергіи своихъ вождей, то и заключеніе мира требовало серьезныхъ государственныхъ способностей, не одной энергіи словъ, но и сильнаго характера, большой смѣлости— не только для борьбы съ непріятелемъ, а еще болѣе для того, чтобы высказать всю истину странѣ. Къ сожалѣнію, временное правительство, состоящее изъ членовъ оппозиціи при имперіи, дѣйствовало въ эти два мѣсяца такъ, какъ будто бы и теперь дѣло шло опять не болѣе, какъ объ оппозиціи гр. Бисмарку и королю Вильгельму. Можно подумать, что Ж. Фавръ и Гамбетта видятъ въ своей новой дѣятельности одно продолженіе прежней своей дѣятельности парламентской и адвокатской, и потому у нихъ циркуляръ слѣдуетъ за циркуляромъ, какъ прежде рѣчи удобно слѣдовали за рѣчами.

Какъ ни велико нравственное различіе личнаго состава нынѣшняго временнаго правительства отъ личнаго состава правительства императорскаго, но такъ-называемый *régime personnel* пережилъ, видно, во Франціи своего творца, и республика не совсѣмъ свободна отъ порока, подъ гнетомъ котораго выросло все современное поколѣніе Франціи. При имперіи, Наполеонъ возлагалъ на одного себя отвѣтственность за судьбу страны, и не довѣрялъ истинному представительству страны; между тѣмъ, Франція теперь обливается кровью и лежитъ въ развалинахъ, тогда какъ отвѣтственное за нея лицо спокойно прогуливается въ садахъ Вильгельмсгёэ. Наполеонъ и французскіе шовинисты предъ началомъ войны объявляли Францію «invincible», и съ гордостью отклоняли всякое посредничество иностранныхъ государствъ. Временное правительство точно также считаетъ излишнимъ представительство страны, все беретъ на свою отвѣтственность, и также щедро на лестные эпитеты для своего отечества. Точно также оба правительства обнаружили склонность объяснять всякую неудачу измѣною, между тѣмъ какъ многое иногда зависитъ отъ политической неспособности лицъ, принимающихъ на себя всю отвѣтственность.

Дѣло въ томъ, что истинная и единственная задача временнаго правительства должна была состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя излишнимъ, т.-е. сдать судьбу Франціи въ руки ея самой, вмѣсто того, чтобы ограничиваться передачею этой судьбы изъ рукъ Наполеона въ руки Ж. Фавра и Гамбетты. Конечно, Франція сдѣлала хорошую перемѣну рукъ; честный и благородный характеръ членовъ временнаго правительства не допускаетъ даже мысли сравненія ихъ съ личнымъ составомъ павшаго правительства; но въ режимѣ не произошло никакой перемѣны: режимъ остался личнымъ, какимъ

Digitized by Google

онъ былъ и прежде. И этотъ-то личный режимъ произвелъ то, что, въ такую опасную минуту, Франціи угрожаютъ внутренніе раздоры несравненно болѣе, нежели побѣды пруссаковъ, и даже послѣдніе много обусловливаются первыми. Нѣмецкіе публицисты прямо обвиняютъ Ж. Фавра и Гамбетту въ боязни обращенія къ странѣ, такъ какъ представительство страны можетъ быть концомъ ихъ власти, а французскія газеты изъ оппозиціоннаго лагеря идутъ еще гораздо дальше. Вотъ какимъ образомъ газета извѣстнаго Бланки характеризуетъ членовъ временнаго правительства вмѣстѣ съ Ж. Фавромъ, Гамбеттою и Рошфоромъ:

«Это люди безъ совѣсти и убѣжденій (!), готовые носить всякую ливрею; это люди, не пожертвовавшіе ни однимъ волосомъ съ своей головы, ни однимъ часомъ своей свободы. Прежде они были слугами бонапартизма за 12,000 франковъ въ годъ; теперь они сдѣлались диктаторами республики и распоряжаются самовластнѣе, чѣмъ могли бы распоряжаться преемники пятнадцати-вѣковой монархіи. Имъ никто не давалъ власти: они сами взяли ее. Они захватили ее на глазахъ у обезкураженнаго народа, и теперь никто не смѣетъ слова сказать безъ того, чтобы не прослыть за общественнаго врага. Власть этихъ людей тоже священна: они въ правѣ дѣлать не только ошибки, но и преступленія; въ правѣ рѣшать судьбу Франціи въ интимныхъ разговорахъ съ Бисмаркомъ и переговариваться о мирѣ; въ правѣ губить Парижъ, оставляя его безъ ружей и артиллеріи. Правительство отказалось отъ перемирія и пытается вызвать народное ополченіе; оно предлагаетъ народу сражаться, когда тотъ не желаетъ этого, съ отчаяніемъ предвидя побѣды пруссаковъ...»

Самый отчаянный нѣмецкій шовинистъ не въ состояніи такъ характеризовать членовъ временнаго правительства Франціи; еще недавно Рошфоръ въ такомъ родѣ отзывался объ императорскомъ правительствѣ. Рошфоръ, конечно, былъ правъ: издаваемые нынѣ временнымъ правительствомъ секретные документы наполеоновской канцеляріи идутъ дальше самого «Фонаря» Рошфора; но всякій увѣренъ, что временное правительство не оставитъ потомству такихъ курьезныхъ документовъ, и ничто не подтвердитъ вышеприведеннаго отзыва Бланки. Но такова участь всякаго личнаго режима, будетъ ли онъ помѣщенъ въ монархіи или въ республикѣ. Исторія сдѣлаетъ временному правительству тяжелый упрекъ за то, что оно не могло или не хотѣло понять той простой истины, что въ данномъ положеніи Франціи самое дурное представительство страны было бы лучше и дѣйствительнѣе всякаго личнаго режима, какъ бы тамъ ни была высока честность и нравственное достоинство лицъ, его представляющихъ. И не одна исторія, но и самъ французскій народъ можетъ потребовать

Digitized by Google

отъ временнаго правительства отчета за пролитую кровь въ эти два мѣсяца его дѣятельности.

Говорятъ обыкновенно, что Ж. Фавръ, еслибы онъ и имѣлъ наклонность къ миру, то малѣйшее выраженіе того могло бы ему стоить власти, а можетъ быть и жизни, при настроеніи парижскаго населенія—этого властителя Франціи. Но развѣ не за то упрекаютъ, напримѣръ, Олливье, который, будучи противникомъ войны съ Германіею, тѣмъ не менѣе остался министромъ и послѣ объявленія войны, зная, что иначе думаетъ тогдашній властитель Франціи; онъ также не рѣшился подать въ отставку, чтобъ не навлечь тѣмъ немилость этого властелина? Конечно, въ боязни Ж. Фавра не могло быть корыстныхъ разсчетовъ, какъ у Олливье, но тоже отсутствіе характера, которое сдѣлалось опять гибельно для самого властелина — народа.

Такимъ образомъ, временное правительство представило собою новый и яркій примѣръ того, какъ пагубенъ *régime personnel* даже и въ такомъ, повидимому, выгодномъ случаѣ, какъ настоящій, когда честность и благородство личнаго состава не оставляютъ желать ничего лучшаго. Временное правительство назвало себя правительствомъ «народной обороны», и именно оно упустило изъ виду главное орудіе такой обороны—народное представительство. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція послѣ седанской катастрофы, ея спасеніе могло заключаться не въ однѣхъ новыхъ арміяхъ, городскихъ стѣнахъ и пушкахъ, а въ поспѣшной организаціи верховной власти народа, что́ вовсе было не такъ трудно два мѣсяца тому назадъ, если оно окажется возможнымъ теперь, послѣ того, какъ нѣмцы овладѣли Орлеаномъ и дошли, такимъ образомъ, до сердца Франціи, а по ту сторону Лоары 15 департаментовъ задумали отложиться отъ турскаго правительства и составить такъ-называемую Южную Лигу.

Временное правительство сдѣлало только одинъ серьезный шагъ къ окончанію войны, но и этотъ шагъ былъ дѣломъ личнымъ Ж. Фавра, принявшаго на себя всю отвѣтственность за послѣдствія свиданія съ гр. Бисмаркомъ въ Феррьерѣ, въ концѣ сентября. Даже товарищи Ж. Фавра не должны были знать о его удаленіи въ главную квартиру прусскаго короля. При такомъ личномъ характерѣ свиданія, оно могло бы привести къ счастливому результату въ невозможномъ въ то время случаѣ, а именно, еслибы нѣмецкія войска согласились считать себя не побѣдителями, а полупобѣжденными, и уже готовились къ немедленному выступленію изъ Франціи. Между тѣмъ Ж. Фавръ самъ зналъ такъ мало объ истинномъ положеніи вещей, что не считалъ возможнымъ допустить въ число условій перемирія сдачу Страсбурга и Туля, которые сами сдались нѣсколько дней спустя послѣ свиданія.

Неудача переговоровъ въ Феррьерѣ стоила Франціи новой крови и новыхъ развалинъ, и исторія возложитъ за нихъ отвѣтственность на

Digitized by Google

временное правительство, между тѣмъ какъ вина, повторяемъ, собственно заключается въ личномъ режимѣ самого временного правительства. Вина же правительства состоитъ опять въ томъ, что оно не воспользовалось хотя бы и самыми дурными условіями перемирія, для прекращенія во Франціи личнаго режима.

Кромѣ турскаго правительства во Франціи продолжало существовать, хотя менѣе замѣтно, метцское правительство съ одноличною властью «notre glorieux» Базена. Еще въ началѣ сентября, нашъ корреспондентъ писалъ намъ изъ Реймса, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, этому лицу предстоитъ играть главную роль въ окончательной развязкѣ всей кровавой борьбы Германіи съ Франціей. Это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ, и до послѣдней катастрофы, 15-го октября, метцское правительство продолжало сохранять свой загадочный и таинственный характеръ, дававшій мѣсто самымъ различнымъ толкованіямъ.

Ограничиваясь территоріею одного города и его ближайшихъ окрестностей не далѣе выстрѣла укрѣпленій, метцское правительство распоряжалось тѣмъ, чего не имѣло турское правительство, а именно, громадною регулярною арміею, хорошо, какъ полагали, снабженною и хорошо вооруженною. Какой политической религіи держалось это правительство—этотъ вопросъ оставался оффиціально неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ турское правительство имѣло возможность извѣщать страну о надежномъ положеніи метцскаго гарнизона, о затрудненіяхъ и неудачахъ, испытываемыхъ осаждающими городъ нѣмцами, но ни разу не дало яснаго отчета ни себѣ, ни странѣ, провозглашена ли республика въ Метцѣ, или нѣтъ. Даже братъ Базена, публиковавшій письмо въ защиту маршала, выразился какъ Пиеія, а именно опровергалъ увѣренность тѣхъ, которые считали Базена маршаломъ *имперіи*, и просилъ считать его маршаломъ *Франціи* (но не республики).

Похожденія генерала Бурбаки, высланнаго Базеномъ изъ Метца въ Англію для совѣщанія съ бывшею регентшею и очутившагося теперь въ распоряженіи турскаго правительства, намекнули на роль Базена, но не выяснили настоящаго положенія метцскаго правительства. Посылка Базеномъ другого генерала Бойэ въ главную прусскую квартиру и потомъ опять въ Англію, не оставляла болѣе сомнѣнія, что маршалъ Франціи не оборвалъ связей съ имперіею; но въ чемъ состоятъ эти связи и какая ихъ цѣль—все это попрежнему оставалось во мракѣ. Наконецъ, 27 октября завѣса надъ Метцомъ разорвалась, чтобъ открыть предъ нами ужасную и возмутительную картину сдачи Метца на капитуляцію, причемъ нѣмцы взяли, по вторичной депешѣ прусскаго короля, 173,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ три маршала и болѣе 6,000 офицеровъ. Это одна сторона несчастія Франціи; другая—состоитъ въ томъ, что съ этой минуты дѣйствующая армія непріятелей Франціи въ одинъ день возрасла на 200,000: войска, осаждавшія

Digitized by Google

Метцъ, были до сихъ поръ сами привязаны къ Метцу, а съ этой минуты они получили полную свободу дѣйствія.

Паденіемъ Метца и небывалымъ плѣномъ громадной арміи, составлявшей «цвѣтъ» французскаго войска, заключилось фактическое существованіе второй имперіи. Эпоха полнаго ея величія отдѣляется такимъ образомъ отъ эпохи такого же полнаго и глубочайшаго паденія небольшимъ пространствомъ трехъ мѣсяцовъ. Германія, можно сказать, занята французскими войсками: въ Германіи въ настоящую минуту мы видимъ императора французовъ, нѣсколькихъ маршаловъ, цѣлыя сотни генераловъ, тысячи офицеровъ и сотни тысячъ солдатъ.

Какъ ни громадно было всеобщее впечатлѣніе, произведенное метцскою катастрофою, предъ которою поблѣднѣла даже исторія седанской сдачи, но истинный интересъ всей Европы былъ немедленно перенесенъ на вопросъ: насколько можетъ сдача Метца содѣйствовать заключенію мира? Впрочемъ, по нашему мнѣнію, источникъ мира продолжаетъ попрежнему находиться въ нѣдрахъ временнаго правительства, въ Турѣ. Въ Турѣ, если вѣрить, впрочемъ, весьма вѣроятнымъ, сообщеніямъ мѣстныхъ корреспондентовъ, идея мира начинаетъ высказываться, несмотря на терроръ, и притомъ лицами весьма авторитетными. Извѣстный депутатъ лѣвой стороны распущеннаго законодательнаго корпуса, Греви, вмѣстѣ со многими другими депутатами лѣвой стороны и лѣваго центра вступилъ въ переговоры съ Гамбеттой, имѣя въ виду склонить его къ согласію на заключеніе перемирія и на созваніе представителей страны.

Если Гамбетта пользуется уваженіемъ за свой нравственный характеръ, то на такое уваженіе имѣетъ право и Греви, а любовь послѣдняго къ родинѣ еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію, такъ какъ Греви давно уже подвизается на политическомъ поприщѣ. Еще во дни іюльской революціи 1830 года онъ доказалъ свое личное мужество, а его гражданскія доблести нашли случай обнаружиться вполнѣ въ 1848 году. Будучи тогда вице-президентомъ конституанты, онъ обращалъ на себя постоянное вниманіе палаты, какъ ораторъ. Онъ сдѣлалъ знаменитое *proposition-Grévy*, отвергнутое большинствомъ, и слѣдствіемъ котораго была бы невозможность декабрьскаго переворота: по смыслу предложенія Греви, Наполеону предстояло бы быть президентомъ совѣта министровъ, и онъ могъ, по конституціи, быть всегда удаленъ. Послѣ 2-го декабря, Греви прожилъ 17 лѣтъ въ полной тишинѣ и только два года тому назадъ выступилъ снова на поприщѣ общественной дѣятельности, принявъ кандидатуру въ законодательномъ корпусѣ. Онъ былъ всегда въ оппозиціи съ бонапартистскими стремленіями, еще со времени вопроса о занятіи Рима французами, чему онъ всѣми силами сопротивлялся.

Digitized by Google

Вотъ въ какихъ словахъ передаютъ мнѣніе Гревп, высказанное имъ Гамбеттѣ, не за долго до паденія Метца:

«Франція желаетъ мира, — объявляетъ Гревп — Германія желаетъ того-же; графъ Бисмаркъ также не отказывается отъ заключенія мира. Но онъ хочетъ имѣть дѣло съ правильнымъ правительствомъ, а правительство народной обороны онъ не можетъ признать такимъ (въ началѣ своей дѣятельности оно само было такого мнѣнія о себѣ). Съ другой стороны, условія, при которыхъ вы приняли власть, задача, которую вы возложили на себя, не дозволятъ вамъ согласиться на требованія Бисмарка, хотя бы и умѣренныя съ его точки зрѣнія, даже и въ случаѣ признанія имъ вашего правительства фактическимъ. Итакъ, мы въ безвыходномъ положеніи; но все-же есть одно средство выйти—а именно, назначить выборы и созвать національное собраніе, изъ среды котораго выйдетъ законное правительство для переговоровъ съ Пруссіею».

Въ подтвержденіе своей мысли и для отвѣта на возраженія, Гревп присоединилъ: «Графъ Бисмаркъ объявилъ, что онъ допуститъ выборы въ занятыхъ непріятелемъ частяхъ Франціи. Черезъ мѣсяцъ мы не получимъ болѣе выгодныхъ условій мира, нежели теперь, а черезъ мѣсяцъ Франція потеряетъ еще нѣсколько тысячъ человѣкъ и увидитъ новыя развалины» и т. д.

Нельзя имѣть еще увѣренности, что голосъ, подобный этому, получитъ явный перевѣсъ во Франціи; но важно первое уже его заявленіе. Государственные люди, стоящіе во главѣ временнаго правительства, показали много личнаго самоотверженія, безкорыстія и патріотизма; но они, какъ видно теперь, не имѣли никакой опредѣленной программы и могли предложить французамъ спасать отечество пожертвованіями, преданностью; между тѣмъ нужно было умѣть организировать эти пожертвованія, направить эту преданность. Однимъ словомъ, временное правительство, начавъ самыми миролюбивыми заявленіями, дошло до того, что сдѣлало невозможнымъ для себя миръ, а слѣдовательно сдѣлало и само себя невозможнымъ.

При такомъ тяжеломъ положеніи временнаго правительства, всѣ возложили надежды на свиданіе гр. Бисмарка съ Тьеромъ, который, по предварительномъ совѣщаніи съ парижскими властями, отправился въ главную прусскую квартиру. Главнымъ препятствіемъ къ перемирію можетъ послужить, между прочимъ, позднее время года: statu quo можно возстановить во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ времени года: въ концѣ ноября, когда, предположимъ, можетъ окончиться будущее перемиріе, погода и температура будутъ уже не тѣ, какъ при началѣ перемирія, и выгоды окажутся не па сторонѣ нѣмцевъ.

Рядомъ съ мыслью о мирѣ Европа занята не менѣе размышленіями о практическихъ послѣдствіяхъ мира для будущей, а можетъ быть

Digitized by Google

весьма близкой исторіи. Это безконечная канва, допускающая всевозможные узоры. Но весь вопросъ въ томъ: слѣдуетъ ли сожалѣть объ успѣхахъ нѣмецкаго оружія, о Седанѣ, о Метцѣ и т. д.? Совершенно подобный вопросъ предложилъ, еще до начала нынѣшней войны, бельгійскій писатель Эм. Лавеле въ предисловіи къ своему новѣйшему труду [1]), обращаясь при этомъ къ французамъ:

«Слѣдуетъ ли сожалѣть — говоритъ онъ — о послѣдствіяхъ Садовы и желать, чтобы единство Германіи не совершилось окончательно? Я иногда слышу во Франціи выраженіе подобныхъ сожалѣній и желаній со стороны людей просвѣщенныхъ и справедливыхъ, но я полагаю, что эти чувства внушены имъ ложнымъ патріотизмомъ. Если взять *не военное соперничество сосѣднихъ государствъ, но дѣйствительный интересъ всѣхъ европейскихъ народовъ*, то нельзя отрицать, что единство Германіи большое благо».

Если мы выражали подобное мнѣніе и отстаивали права германской націи не дозволять другимъ вмѣшиваться въ ея дѣла, то и нами руководила не мысль о военномъ соперничествѣ, а о союзѣ съ народомъ, образованнымъ и трудолюбивымъ. «Сожалѣть Садову! восклицаетъ Лавеле — но подумайте, что́ случилось бы, еслибъ Австрія побѣдила? Это было бы торжествомъ ультрамонтанскихъ идей и принциповъ конкордата, это вело бы къ угнетенію Италіи и Венгріи, къ уничтоженію свободы, къ возстановленію меттерниховской системы»! Точно также и мы можемъ сказать: сожалѣть Седанъ, Метцъ! но подумайте, что́бы случилось, еслибы вторая имперія побѣдила? Отвѣчать на это можно однимъ словомъ, потому что въ этомъ словѣ заключается весь ужасъ, и это слово — бонапартизмъ!

Переговоры, которые теперь ведутся въ Версали между канцлеромъ Сѣверо-германскаго Союза и уполномоченными южной Германіи представляютъ величайшій интересъ для будущаго всей Европы; но ихъ подробности неизвѣстны. Относительно же того, что прусское правительство вовсе не такъ уже упоено своими побѣдами, какъ можно было ожидать того, мы заключаемъ по нѣкоторымъ оффиціальнымъ же распоряженіямъ прусскаго правительства, не говоря уже о томъ, что протестъ Кёнигсбергской ратуши и всего общественнаго мнѣнія Германіи по дѣлу ареста Якоби заключился признаніемъ Бисмарка въ незаконности дѣйствій администраціи и наконецъ въ освобожденіи Якоби. Въ самый день взятія Метца, въ прусскомъ «Государственномъ Указателѣ» напечатанъ приказъ короля къ генералъ-губернатору при-

[1]) Этотъ трудъ, замѣчательный по основательности познаній автора и его рѣдкому безпристрастію, переведенъ на русскій языкъ и вышелъ недавно подъ заглавіемъ: «Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ», съ приложеніемъ статьи Ренана и его переписки съ Штраусомъ. Спб. 1870. Мы особенно рекомендуемъ эту книгу вниманію нашихъ читателей.

Digitized by Google

морскихъ областей Фогель-фонъ-Фалькенштейну, которымъ повелѣвается, во время приготовленій къ предстоящимъ выборамъ въ новый ландтагъ, несмотря на военное положеніе, не ставить никакихъ препятствій къ свободному выраженію политическихъ мнѣній, и позволить избирателямъ участвовать въ публичныхъ собраніяхъ, не взирая на пріостановленіе дѣйствія 30-й ст. конституціи объ ассоціаціяхъ и собраніяхъ; сверхъ того повелѣно освободить немедленно всѣхъ тѣхъ, которые были арестованы въ силу пріостановленія дѣйствія этой статьи.

Мы указываемъ на эти «признаки времени» тѣмъ, которые гадаютъ о будущемъ Европы въ связи его съ будущимъ Германіи. Это будущее можетъ пока представляться грознымъ лишь тѣмъ, которые, подобно французскимъ публицистамъ второй имперіи, не хотятъ видѣть въ Пруссіи ничего, кромѣ военной ея силы, да и ту они величаютъ «ордою», и которые потому полагаютъ, что безопасности въ наше время можно достигнуть однимъ развитіемъ военныхъ силъ, т.-е. устроеніемъ противъ одной «орды» другой «орды». Мы продолжаемъ настаивать на этомъ, и это мы утверждали въ самомъ началѣ нынѣшней войны, когда вовсе нельзя было знать объ исходѣ ея; а потому совершенно напрасно почтенная редакція «Московскихъ Вѣдомостей» заявляетъ (№ 222), что «нужно было пруссакамъ сжечь массу пороха, истребить десятки тысячъ народа и опустошить нѣсколько областей, чтобы наши самозванные (?) прогрессисты извѣстнаго сорта очнулись отъ своего угара и стали немножко присматриваться къ условіямъ европейской цивилизаціи». Нѣтъ надобности прибавлять, что подъ «самозванными прогрессистами» вышеупомянутая газета разумѣетъ не себя, какъ то слѣдовало бы ожидать, а именно «Вѣстникъ Европы». Всѣ бойни и пожары нынѣшней войны нужны были не намъ, а московскимъ публицистамъ, которые, при началѣ войны, вмѣстѣ съ сотрудниками «Figaro», морочили нашу публику относительно нѣмецкихъ силъ и съ наслажденіемъ разсказывали о варварскомъ ихъ характерѣ, и распинались за вторую имперію. Что говорилъ «Вѣстникъ Европы» въ августовской книжкѣ, которая печаталась при началѣ военныхъ дѣйствій? Вотъ слова нашего Иностраннаго Обозрѣнія: «опасаться, какъ это дѣлаютъ всѣ враги прусскаго объединенія Германіи, — что Пруссія, соединивъ всю Германію подъ своимъ скипетромъ, станетъ слишкомъ сильною военною державой и будетъ увлекаться завоевательными планами — подобное опасеніе всего меньше можетъ имѣть мѣсто относительно Пруссіи, потому что прусская военная организація, послѣ швейцарской, самая демократическая во всей Европѣ, а прусское войско всего менѣе способно служить какимъ-либо завоевательнымъ планамъ». Затѣмъ, у насъ было изложено вкратцѣ описаніе военнаго устройства Пруссіи съ слѣдующими

Digitized by Google

заключительными словами: «этотъ *гражданскій* характеръ военной организаціи, *вслѣдъ за всеобщимъ распространеніемъ образованія въ прусскихъ войскахъ* (въ Пруссіи нѣтъ почти безграмотныхъ солдатъ), и имѣетъ съ сліяніемъ въ нихъ всѣхъ общественныхъ элементовъ: богатства, образованія, сословности и труда, могутъ служить довольно хорошимъ ручательствомъ тому, что нѣмецкое государство, охраняемое подобною арміей, не можетъ воспитывать въ себѣ завоевательные планы. Эта армія — не армія наемниковъ, не имѣющихъ ни дома, ни семьи, ни ремесла; это вооруженный народъ, а народъ, какъ союзъ самозащищающихся гражданъ, не только не способенъ служить и противостовать хищническимъ инстинктамъ завоевателей, но и можетъ самъ, по собственному почину, сдерживать подобные инстинкты». Что въ то время, когда въ «Вѣстникѣ Европы» писались эти строки, не было еще сожжено много пороху и были истреблены развѣ десятки, но никакъ не десятки тысячъ людей — доказательствомъ тому служатъ заключительныя слова того же августовскаго обозрѣнія: «Обѣ стороны (т.-е. нѣмцы и французы) надѣются на успѣхъ и горятъ нетерпѣніемъ сразиться; чья возьметъ — покажетъ будущее, можетъ быть, не скорое» (въ этомъ отношеніи мы имѣстѣ со всѣми ошиблись).

Надобно имѣть въ самомъ дѣлѣ безпримѣрное литературное безстыдство, чтобы, подобно «Московскимъ Вѣдомостямъ» увѣрять теперь своихъ же читателей, что всѣ нелѣпости, сказанныя ими же въ августѣ и сентябрѣ, по поводу войны французовъ съ нѣмцами, были будто бы напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы».

«Вотъ октябрьская книжка *Вѣстника Европы*» — восклицаютъ «Московскія Вѣдомости» (№ 222). Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что *безыменные* *) сотрудники этого почтеннаго журнала начинаютъ по немногу очеловѣчиваться. Приглядѣвшись къ тому, что происходитъ на нашихъ глазахъ, они ратуютъ теперь (т.-е. въ половинѣ октября) за необходимость всеобщей военной повинности, хотя еще вовсе не съ тою цѣлью, чтобы Россія могла съ честью поддерживать свое положеніе въ Европѣ и не быть въ расплохъ застигнутою событіями. Нѣтъ, войско, по ихъ мнѣнію, имѣетъ совершенно иное назначеніе,— назначеніе болѣе мирнаго свойства, — оно должно внести въ общество тотъ «демократизмъ, безъ котораго ни одно государство процвѣтать не можетъ, что бы ни говорили различные спасители общества».

Оставляемъ въ сторонѣ главное намѣреніе газеты г. Каткова, а именно, найти случай указать кому слѣдуетъ, что въ «Вѣстникѣ

*) Не можемъ понять, въ чемъ тутъ заключается иронія газеты г. Каткова: статья «Московскихъ Вѣдомостей», изъ которой мы заимствуемъ это мѣсто, даже совсѣмъ не подписана и слѣдовательно, тоже безъименная. Почему газета г. Каткова такъ часто возвращается къ этому эпитету? Рѣшительно не понимаемъ. — *Ред.*

Digitized by Google

Европы» что-то толкуютъ о демократизмѣ; при своей любви къ аѳинской цивилизаціи, самъ г. Катковъ знаетъ, что̀ значитъ это слово, но онъ разсчитываетъ на простодушіе своихъ согражданъ, и хочетъ пугнуть ихъ греческою терминологіею. Но дѣло именно и состоитъ въ демократическомъ характерѣ прусскаго военнаго устройства, въ томъ, что прусскіе военные порядки находятся въ тѣсной связи съ извѣстными государственными и экономическими порядками, съ извѣстнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народной массы (δῆμος; просимъ г. Каткова не смѣшивать этого слова съ словомъ: δημὸς), которое составляетъ ея силу и вліяніе (κράτος) на общее движеніе государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Демократія совсѣмъ не то, что̀ демагогія, когда какой-нибудь политическій или литературный пройдоха ищетъ эксплуатировать невѣжество народной массы, прибѣгаетъ для того къ клеветѣ, обвиняетъ другихъ въ интригѣ, въ измѣнѣ, и все это съ цѣлью выдать себя за спасителя отечества. Газета г. Каткова, по поводу современной войны, усмотрѣла только одно, а именно, что ея сосѣдъ всякій разъ, когда читаетъ книгу, надѣваетъ очки; и сдѣлавъ это открытіе, она объявила, что стóитъ всякому только надѣть очки, хотя бы то и на хвостъ, и всякій будетъ читать; но и малолѣтніе знаютъ изъ басни, что сила не въ однихъ очкахъ. Вотъ эту-то простую истину имѣлъ въ виду и «Вѣстникъ Европы», говоря о прусскомъ ландверѣ. Вторая имперія, послѣ Садовой, поспѣшила также надѣть на себя прусскіе очки и распорядилась даже объ устройствѣ gardes mobiles; но вмѣсто гардъ-мобиль вышло «моблó» — французскій, а не прусскій ландверъ. Но обо всемъ этомъ подробнѣе было сказано выше, въ нашемъ «Внутреннемъ Обозрѣніи».

«Гдѣ-то таятся послѣднія нити *нашей* (?) интриги» — тоскливо восклицаетъ газета г. Каткова, заключая свою статью о «демократизмѣ» «Вѣстника Европы». Съ такимъ вопросомъ на устахъ, газета г. Каткова напоминаетъ намъ того господина, который, со шляпой на головѣ, искалъ своей шляпы.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РИМА.

Италія послѣ присоединенія Рима.

5 октября, 1870 г.

Въ моихъ корреспонденціяхъ изъ Флоренціи, ваши читатели, безъ сомнѣнія, могли замѣтить, что я относился съ грустнымъ скептицизмомъ, — который былъ далекъ однако отъ равнодушія, — къ дѣламъ моей родины. Я боялся, что едва воскреснувшая Италія можетъ снова погибнуть за недостаткомъ у насъ идеала по отношенію будущаго и за отсутствіемъ необходимаго согласія: я не видѣлъ никакого центра, никакого рычага, на который она могла бы опереться, и вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣлъ ни малѣйшей возможности водворить въ нашей странѣ автономію провинцій на принципѣ безусловной свободы, послѣ того какъ объединительная программа принята всѣми, и затѣмъ всякое дальнѣйшее сомнѣніе касательно ея полезности и пригодности могло, пожалуй, иному показаться преступной измѣной національному дѣлу. Я видѣлъ, какъ преемники централизующей политики графа Кавура, не обладая ни его геніемъ, ни его волей, ни его авторитетомъ, усиливались соединить то, что стремилось къ разъединенію, и не знали какъ направить единство. Единство было пустой фразой, лишенной всякаго содержанія и плохо ладившей съ фактами. Въ настоящее время я, разумѣется, не могу еще сказать, чтобы мы прониклись бо́льшимъ довѣріемъ къ составу нашего правительства: по смерти Кавура оно отличалось лишь неспособностью и отсутствіемъ всякихъ высокихъ замысловъ. Но въ настоящее время, быть можетъ, нашелся тотъ рычагъ, котораго не доставало и который былъ необходимъ, чтобы соединенный народъ могъ показать, наконецъ, есть ли въ немъ дѣйствительная сила; если этотъ опытъ окажется удачнымъ, то вмѣстѣ съ величіемъ народа будетъ возрастать и величіе правительства, такъ какъ у свободнаго народа правительство бываетъ великое или ничтожное, смотря по тому, великъ или ничтоженъ народъ, выдвигающій его на сцену и вручающій ему свои бурныя судьбы.

Римъ будетъ теперь для итальянскаго народа тѣмъ центромъ, въ которомъ ему возможно будетъ давать и получать руководящія начала. Я не хочу толковать, хорошо или дурно то, что только воспоминанія о прошломъ придали итальянцамъ необходимую силу для того, чтобы слиться во-едино; конечно, я предпочелъ бы, чтобы основаніемъ къ ихъ объединенію послужило сознаніе взаимныхъ интересовъ, симпатія и воля, независимо отъ того или другого географическаго пункта; мнѣ

Digitized by Google

пріятно было бы думать, что съ риторикой покончено на вѣки; но такъ какъ риторикѣ, и ей одной, мы обязаны преимуществомъ нашего объединенія и оживляющихъ насъ надеждъ и добрыхъ намѣреній, то и я готовъ воскликнуть въ послѣдній разъ въ жизни: «да здравствуетъ риторика»!

Я пожелалъ лично присутствовать при торжественномъ зрѣлищѣ римскаго плебисцита; я пожелалъ удостовѣриться собственными глазами, какая разница существуетъ между Римомъ угнетеннымъ и Римомъ свободнымъ, и по истинѣ говорю вамъ, что никогда еще въ жизни и ни одно событіе не производило на меня такого сильнаго впечатлѣнія. Поводовъ къ умиленію было много. Первый поводъ представился во время путешествія, при видѣ безчисленныхъ римскихъ эмигрантовъ, возвращавшихся въ вѣчный городъ, чтобы подать свой голосъ. По мѣрѣ приближенія къ Риму, припадки конвульсивной радости овладѣвали путниками; они обнимались другъ съ другомъ и цѣловались, проливая слезы умиленія; они оставили Римъ въ полномъ цвѣтѣ молодости, и возвращались теперь, послѣ 21 года изгнанія, посѣдѣлые не столько отъ лѣтъ, сколько отъ страданія. Я видѣлъ, какъ одинъ работникъ выскочилъ изъ своего вагона, прежде чѣмъ поѣздъ остановился, и въ позѣ античнаго героя, протянувъ руки къ Риму, вскричалъ: «священный Римъ! священный Римъ! Все въ тебѣ священно. Каждый твой камень»! Послѣ этого онъ съ благоговѣніемъ поклонился почвѣ и облобызалъ ее.

Едва вступили мы въ Римъ, какъ замѣтили общее волненіе. Тѣ самыя площади и улицы, которыя недавно были угрюмы и пустынны, теперь были залиты народомъ. Кто говорилъ, что Римъ не что иное какъ скопище князей, поповъ, монаховъ и наемниковъ, тотъ клеветалъ безсовѣстно.

Когда Римъ стоналъ подъ игомъ папы-государя, тогда весь этотъ людъ мозолилъ глаза, разыгривая роль господствующаго населенія. Но онъ составлялъ дерзкое меньшинство, постоянно выставлявшее себя на показъ. Настоящій Римъ, какъ весталка, запирался у домашняго очага, не желая смѣшиваться съ толпой профановъ. Въ тотъ день, когда итальянское войско очистило улицы Рима отъ притѣснителей, народъ хлынулъ въ нихъ и громко заявилъ о своемъ существованіи. Болѣе сорока тысячъ римскихъ гражданъ съ спокойнымъ достоинствомъ подали свой голосъ за присоединеніе Рима къ Италіи. Все населеніе Рима составляетъ около двухъсотъ тысячъ; болѣе половины женскаго пола; изъ девяносто тысячъ мужескаго пола, около сорока тысячъ недостигшихъ 21 года; затѣмъ остается пятьдесятъ тысячъ избирателей; изъ этихъ пятидесяти тысячъ 40,785 сказали *да;* 46 голосовъ отвѣчали *нѣтъ*. Недостающіе девять тысячъ распредѣляются между престарѣлыми, калѣками, отсутствующими папскими солдатами,

Digitized by Google

задержанными въ качествѣ военно-плѣнныхъ, попами, монахами и ихъ самыми жаркими послѣдователями. Несмотря на запрещеніе, сдѣланное генералами различныхъ орденовъ и различными духовными властями своимъ подчиненнымъ подавать голосъ, эти послѣдніе нарушали полученное приказаніе. Въ провинціальныхъ городахъ и селеніяхъ число непослушныхъ было еще значительнѣе и многіе сказали *да*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что само духовенство въ провинціяхъ участвовало въ либеральномъ движеніи и что большинство его не сочувствуетъ свѣтской власти папы.

Папѣ, безъ сомнѣнія, не долженъ быть особенно пріятенъ результатъ подобной подачи голосовъ, который показываетъ ему, что не только народъ, но и духовенство возстановлено противъ него и косвенно протестуетъ противъ его претензій на непогрѣшимость. Папа съ 20 сентября заперся въ Ватиканѣ, какъ въ крѣпости; онъ разъигрываетъ роль жертвы, между тѣмъ какъ итальянское правительство отнюдь не желаетъ относиться къ нему какъ къ жертвѣ и окружаетъ возможнымъ и невозможнымъ почетомъ. Но Пій IX остается глухъ ко всѣмъ любезностямъ. Непогрѣшимость интересовала болѣе іезуитовъ, которыхъ онъ былъ орудіемъ, а не его самого; для него всего важнѣе свѣтская власть, прерогативы государя. Пій IX страдаетъ чисто дѣтскимъ тщеславіемъ; для него невыносимо то, что онъ не будетъ видѣть кругомъ себя полчища солдатъ и лакеевъ, не будетъ фигурировать предъ министрами и посланниками, окружать себя придворнымъ штатомъ, и долженъ ограничиваться, раздачею благословеній. Подстрекаемый кардиналами Антонелли и Берарди, папа протестуетъ въ ожиданіи лучшихъ временъ; онъ возлагаетъ большія надежды на Пруссію; онъ увѣренъ, что какъ скоро будетъ заключенъ миръ, Пруссія заставитъ Францію признать королемъ графа Шамбора и первымъ дѣйствіемъ послѣдняго будетъ побудить Италію не только отказаться отъ Рима, но и возстановить папскія владѣнія въ ихъ прежнихъ границахъ. Папа вѣритъ въ возможность новаго Священнаго Союза и поговариваетъ о соглашеніи, состоявшемся между Австріей, Россіей и Пруссіей, имѣющемъ цѣлію задушить гидру свободы во всей Европѣ.

Римскій вопросъ—вопросъ итальянскій, а не всемірный; если римскій народъ хочетъ перемѣнить господина и выйти изъ невѣжественной тьмы, въ которой его держалъ папа-государь и войти въ составъ итальянскаго государства, и если насъ радуетъ его присоединеніе къ намъ, то всѣ попытки чужеземцевъ помѣшать нашему союзу окажутся тщетными. Кто присутствовалъ при нынѣшнемъ плебисцитѣ, когда сорокъ тысячъ римскихъ избирателей прошли на глазахъ у сорока тысячъ свидѣтелей, явившихся въ Римъ изъ различныхъ итальянскихъ провинцій, тотъ могъ удостовѣриться, что фактъ присоединенія Рима

Digitized by Google

къ Италіи столько же необходимъ, какъ и доброволенъ. Зрители невольнымъ образомъ переносились мысленно за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, а яркое солнце, освѣщавшее римскія зданія, довершало очарованіе. Не слышно было шумныхъ и безпорядочныхъ криковъ. По всѣмъ улицамъ проходили въ стройномъ порядкѣ различныя корпораціи, съ музыкой впереди, и направлялись къ урнамъ, размѣщеннымъ на различныхъ пунктахъ Рима. Когда музыка умолкала, народъ громко произносилъ *si*, *si*! (да) во время своего шествія, и это мѣрное и торжественное восклицаніе длилось нѣсколько минутъ и производило изумительный эффектъ, пока не сливалось въ дружный кликъ: да здравствуетъ Италія! И во всемъ этомъ не было ничего натянутаго, ничего вызывающаго насмѣшку. Никто изъ насъ не ожидалъ найти такого бодраго и многочисленнаго народа; всѣ мы были введены въ заблужденіе обманчивой внѣшностью и безсовѣстными выдумками; мы видѣли Римъ и утраченная вѣра ожила въ насъ, какъ бы по волшебству; въ насъ воскресли надежды на спасеніе Рима и величіе нашей страны.

Я видѣлся съ депутатомъ Дина, редакторомъ «Opinione», который нѣсколько дней тому назадъ высказывалъ полнѣйшее равнодушіе къ римскимъ дѣламъ; онъ былъ исполненъ энтузіазма и постоянно повторялъ мнѣ, что правительству слѣдуетъ немедленно пріѣхать сюда и удостовѣриться собственными глазами въ невѣроятномъ, и что мысль обезпечить для папы независимый престолъ въ *Città Leonina*—смѣшная и дикая мысль, которая бы никогда не пришла въ голову флорентинскому правительству, еслибы оно было хоть сколько-нибудь знакомо съ римскими дѣлами. *Città Leonina* единодушно вотировала за безусловное присоединеніе къ итальянскому государству. Я видѣлъ престарѣлаго федералистскаго патріота, Кунео, сподвижника Гарибальди въ Монтевидео и вѣрнаго сподвижника Мадзини до вчерашняго дня; онъ былъ сильно растроганъ и благословлялъ римскій плебисцитъ. И такихъ превращеній было много. Если въ такіе дни можно было опасаться чего-нибудь, то это именно вялости и нерѣшительности нашего правительства: многимъ могло приходить на мысль въ эту минуту, что наше правительство, съ его маніей примирять непримиримое, можетъ испортить все дѣло? Въ Римѣ никто не можетъ взять въ толкъ старанія правительства оградить папу. Противъ кого? спрашивается. Что ему угрожаетъ? Народъ ведетъ себя безукоризненно; онъ ни разу при всемъ этомъ переворотѣ не произнесъ слова угрозы! Онъ желаетъ только иного гражданскаго управленія, но никогда и не помышлялъ преслѣдовать духовенство и угрожать религіи. О чемъ думаютъ наши министры? Я говорилъ съ однимъ изъ нихъ и заявилъ ему, что робость итальянскаго правительства въ дипломатіи кажется мнѣ чрезмѣрной; онъ горячо защищалъ сдержанный образъ дѣйствій правительства и даже находилъ, что оно слишкомъ рис-

Digitized by Google

куетъ; такъ какъ я, натурально, настаивалъ на своемъ, то онъ замѣтилъ мнѣ только: «вы, что ли, будете вести войну противъ Пруссіи и Австріи?» Я возражалъ: «правительство сдѣлало самый важный шагъ, никто не можетъ выискать *casus belli*, если оно пойдетъ до конца, тѣмъ болѣе, что папа нисколько не будетъ ему благодаренъ, если оно остановится на пол-дорогѣ; ласкать того, кого лишилъ достоянія не только безполезно, но еще подрываетъ это уваженіе къ побѣдителю». Разговоръ нашъ на этомъ прекратился, но онъ можетъ показать, каковы тенденціи настоящаго итальянскаго кабинета; часть его министровъ одушевлена мужествомъ, другая же страдаетъ трусостью. Которая права—покажутъ дальнѣйшія событія. Но я не буду заниматься дипломатіей и министрами, а поговорю о надеждахъ, которыя внушаетъ Римъ Италіи. Добрый геній охраняетъ наши судьбы и самое пораженіе наше онъ всегда обращалъ въ побѣду; мы надѣемся потому, что Европа, занятая своими работами, предоставитъ намъ и на этотъ разъ распоряжаться своей судьбой по нашему усмотрѣнію и что опасенія нерѣшительныхъ умовъ происходятъ ни отъ чего иного, какъ отъ воображенія, мрачно настроеннаго. Если иностранная либеральная печать окажетъ намъ сочувствіе, возбудивъ симпатіи къ нашему дѣлу, то это послужитъ намъ гарантіей противъ возможныхъ ковней подозрительной дипломатіи.

Что́ можетъ ожидать современный Римъ? Я отчасти вѣрю въ нашу счастливую звѣзду: вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ санфедистовъ я устраняю вполнѣ: вмѣшательство протестантовъ-пруссаковъ представляется мнѣ чудовищной безсмыслицей. Для окончательнаго рѣшенія вопроса, озабочивающаго Италію, кажется мнѣ, существуетъ одинъ только путь: выдти изъ заколдованнаго круга. Понятно, что министры короля столько же католическаго, какъ и конституціоннаго, которымъ приходится приводить въ исполненіе декреты, начинающійся заявленіемъ преданности католической вѣрѣ, должны сопровождать всѣ свои гражданскія дѣйствія противъ папства самыми униженными и почтительными увѣреніями въ своемъ благоговѣйномъ уваженіи къ власти первосвященника. Папа, какъ папа, принадлежитъ всему католическому міру: это значитъ, что никакая земная власть не можетъ свергнуть его съ духовнаго трона, безъ согласія всего католическаго міра; но папа, какъ свѣтскій государь, есть созданіе одной Италіи, которая свободно можетъ лишить его этой власти, подобно тому, какъ свободно вручила ему ее, и ни одна иностранная держава не имѣетъ права вмѣшиваться въ наше рѣшеніе. Нашимъ министрамъ, которые, безъ сомнѣнія, понимаютъ это элементарное различіе, слѣдовало бы запастись необходимымъ мужествомъ, чтобы воздать божіе Богови, а Кесарю кесарево и оградить себя энергически отъ всякихъ попытокъ иностранныхъ политиковъ затормозить ихъ

Digitized by Google

смѣлыя и законныя дѣйствія. Но для этого имъ необходимо увѣриться, что папы не прощаютъ и не дѣлаютъ уступокъ, или если и сдѣлаютъ уступку, то затѣмъ лишь, чтобы приготовиться къ мести. Это хорошо дисциплинированная каспа, которая исподтишка строитъ козни и потому очень опасна; но ея смѣлость будетъ расти прогрессивно съ нашей трусостью. Наши политическіе дѣятели всегда проводили чрезвычайно рѣзкую роль между нравственностью и политикой; но пока они ограничиваются словами, мы не безпокоимся, хотя конечно предпочли бы, чтобъ они воздержались также и отъ подобной лжи; что же касается дѣйствій, то нельзя поздравить итальянское правительство, если его дѣйствія не будутъ согласны съ національной волей.

Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы падаемъ, едва успѣвъ стать на ноги, благодаря тому, что нами управляетъ дѣтскій страхъ того, что́ скажутъ въ Парижѣ; теперь мы вторично оживаемъ, свободные отъ императорскаго ига, и вотъ вдругъ наши правители выказываютъ все туже робость, потому что предвидятъ возможность, что наши домашнія распоряженія не понравятся иностраннымъ державамъ; вслѣдствіе этого они готовы ничего не предпринимать, не испросивъ ихъ общаго согласія, то-есть, это значитъ, что итальянское правительство, лишившись одного опекуна, не смѣя, не желая, не умѣя ничего предпринять по собственной иниціативѣ, вмѣсто одного опекуна желаетъ навязать себѣ десять и будетъ еще безсильнѣе прежняго. Я не говорю, что министры наши не заслуживаютъ ровно никакой похвалы за вступленіе итальянцевъ въ Римъ — фактъ болѣе удачный, чѣмъ славный, потому что на этомъ сходились желанія всей Италіи; — итальянцамъ есть теперь поводъ прославлять свою побѣду и радоваться ей, но намъ нѣтъ никакой причины поднимать шумъ изъ-за того, что столицей будетъ Римъ, а не Флоренція; но такъ какъ риторикѣ мы обязаны огромнымъ преимуществомъ нашего объединенія, то намъ слѣдуетъ также понять и то, что́ риторика, связанная съ послѣдними событіями въ Римѣ, налагаетъ на насъ; первымъ долгомъ нашимъ относительно Рима будетъ поменьше говорить; вторымъ — побольше дѣйствовать и дѣйствовать такъ, чтобы дѣла наши были громче нашихъ словъ; но прежде всего намъ слѣдуетъ быть единственными распорядителями нашихъ судебъ, не поддаваться трусости и заимствуя отъ иностранцевъ все полезное, не позволять имъ распоряжаться нашими домашними дѣлами.

Настоящая минута рѣшительная, какъ для Италіи, такъ и для ея правительства; горе намъ, если мы не съумѣемъ понять всю ея важность и не съумѣемъ сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ торжественностью минуты. Энтузіазмъ не вѣченъ; горе, если онъ охладится, не произведя тѣхъ чудесъ, какія могъ бы произвести. Риторика побѣдила и опьянѣла

Digitized by Google

отъ своей побѣды; въ настоящую минуту она великодушно настроена и если мы будемъ дѣйствовать дружно и рѣшительно, она уплатитъ свои вѣковыя обязательства. Уже цѣлые вѣка какъ мы, вмѣсто того, чтобы творить новыя чудеса, опираясь на свою волю и силу, извиняемъ свою инерцію или свое безсиліе, и проповѣдуемъ, что въ тотъ день, какъ Римъ проснется, начнутся наши геройскія дѣйствія; ну, вотъ мы въ Римѣ; не время больше толковать о нашихъ надеждахъ, пора привести ихъ въ исполненіе. Римъ привлекаетъ всѣ мысли, всѣ чувства итальянцевъ; въ немъ сходятся всѣ нервы Италіи; одушевимъ Римъ и вся Италія проникнется благороднымъ одушевленіемъ и озаритъ міръ своимъ свѣтомъ. Но для этого не надо разъединять ее, а она будетъ разъединена, если создать изъ Ватикана неприступный островъ, жителямъ котораго дана будетъ привилегія безнаказанности. Папа можетъ свободно проповѣдывать міру свою религію, въ храмѣ св. Петра, но разъ въ государствѣ учреждена карающая власть, то она также мало должна церемониться съ первымъ изъ епископовъ, какъ и съ послѣднимъ, когда его слова или дѣйствія противны установленному, общественному порядку и оскорбляютъ этотъ порядокъ въ лицѣ его правителей; тѣмъ скандалезнѣе такого рода вещи, когда примѣръ подается старцемъ и тѣмъ рѣшительнѣе должны быть карательныя мѣры законовъ. Всякія уступки власти папѣ и его двору наносятъ ущербъ гражданскому обществу; а всякій ущербъ, наносимый гражданскому обществу, неизбѣжно подрываетъ силу Рима. Присутствіе папы въ Римѣ не грозитъ опасностью ни правительству, ни странѣ, если только правительство не дастъ папѣ превышать власть. Это элементарная истина, которую всѣ повторяютъ, потому что она понятна для всѣхъ, но которую, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ неустанно повторять и проповѣдывать, чтобы самый воздухъ пропитался ею и чтобы она вошла въ плоть и кровь нашимъ правителямъ. Новому Риму, начинающему новую жизнь, не слѣдуетъ брать отъ прошлаго никакихъ обязательствъ, тѣмъ болѣе, что теократія, которую мы желали бы видѣть мертвою, но которая, благодаря итальянскому правительству, еще не умерла, а лишь находится при послѣднемъ издыханіи,—не есть созданіе нашихъ предковъ; теократія пришла къ намъ извнѣ; она внѣдрилась у насъ помощью насилія и происковъ, но не родилась у насъ; она провязбала въ Римѣ какъ крапива на развалинахъ; но какъ крапива оставалась безплодна и жгла тѣхъ, кто къ ней прикасался. Чтобы улучшить почву Рима, слѣдуетъ вырвать крапиву.

Но я не думаю, чтобы наши теперешніе министры нашли въ себѣ мужество на такія нововведенія, хотя ихъ малодушіе можно отчасти извинить тѣмъ, что они еще не дышали воздухомъ свободнаго Рима. Они, быть можетъ, станутъ благословлять счастливую звѣзду, которая оградила ихъ отъ увлеченія и позволила сохранить ровное и спокой-

Digitized by Google

ное настроеніе духа; но я скажу, что хладнокровіе не всегда бываетъ верхомъ мудрости и что я желалъ бы на этотъ разъ, на этотъ единственный разъ, чтобы наши министры показали, что у нихъ есть также и сердце. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего хуже полумѣръ, которыя никого не удовлетворяютъ и которыми нельзя угодить ни Богу, ни сатанѣ. Однако итальянское правительство постоянно къ нимъ прибѣгаетъ; оно не рѣшается отстаивать Италію, какъ слѣдуетъ, но осмѣливается задѣвать папу: такимъ образомъ, оно теряетъ право на благодарность первой и возбуждаетъ къ себѣ положительную непріязнь въ послѣднемъ и презрѣніе за непрестанныя попытки къ невозможному примиренію. Мы похожи въ нашихъ дѣйствіяхъ на ребенка, который, отколотивъ братишку, начинаетъ ласкать его, чтобы онъ не кричалъ, а мамаша не услыхала; папа — играетъ роль братишки, а европейская дипломатія—роль мамаши. Но у братишки не только прорѣзались всѣ первые зубы, но даже вывалились всѣ вторые, и онъ конечно не можетъ тронуться нашими платоническими ласками; онъ захватываетъ все, что́ можно и никому не говоритъ спасибо, а если раскрываетъ ротъ, то затѣмъ, чтобы проклинать насъ.

На мой взглядъ или не слѣдовало вовсе затѣвать всего дѣла, или же, разъ затѣявъ его—идти *до самаго конца*. Настоящей минутой слѣдуетъ воспользоваться не только затѣмъ, чтобы подчинить римскаго епископа всѣмъ законамъ, которымъ подчинены всѣ другіе итальянскіе епископы, но и затѣмъ, чтобы преобразовать въ Римѣ, торжественнымъ актомъ, нашу гражданскую конституцію, уничтоживъ, въ виду необходимости, первый параграфъ Альбертовскаго статута и замѣнивъ его единственнымъ возможнымъ въ современномъ обществѣ принципомъ, единственнымъ принципомъ достойнымъ быть провозглашеннымъ въ Римѣ, единственнымъ раціональнымъ принципомъ *свободныхъ церквей* (я нарочно напираю на множественное число) *въ свободномъ государствѣ*.

Между тѣмъ въ отвѣтъ на рѣшеніе избирателей, поднесенное итальянскому королю римской депутаціей, рѣшеніе, которое показало, что въ небольшихъ экс-папскихъ владѣніяхъ изъ 135,291 избирателей, только 1507 высказались противъ присоединенія Рима къ Италіи, въ отвѣтъ, говорю я, на такое краснорѣчивое и торжественное рѣшеніе итальянское правительство не придумало ничего лучшаго, какъ послать въ Римъ генерала Альфонса Ламармору, на неограниченныхъ правахъ диктатора. Римляне были изумлены, потому что нѣтъ города, который менѣе чѣмъ Римъ нуждался-бы въ диктаторскомъ правленіи; кромѣ того, выборъ лица въ высшей степени безразсуденъ. Имя Ламарморы слишкомъ тѣсно связано съ нашимъ недавнимъ національнымъ бѣдствіемъ—сраженіемъ при Кустоцдѣ, въ которомъ общественное мнѣніе его обвиняетъ; замѣчу къ тому же, что Ламармора всегда пытался вмѣстѣ съ Риказоли вступить въ соглаше-

Digitized by Google

ніе съ папой. Римляне основательно спрашиваютъ себя, зачѣмъ понадобилось присутствіе генерала Ламарморы въ Римѣ въ настоящую минуту. Кромѣ того, онъ назначилъ намѣстническій совѣтъ, какъ будто бы дѣло шло не о новыхъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ итальянскому королевству, но объ обособленномъ государствѣ, долженствующемъ управляться спеціальными законами. Это естественнымъ образомъ возбуждаетъ недовѣріе; но я надѣюсь, что это продлится недолго, потому что парламентъ, который не замедлитъ вновь собраться, измѣнитъ, безъ сомнѣнія, такой ненормальный порядокъ вещей и будетъ просить правительство о перенесеніи столицы, вмѣстѣ съ чѣмъ для Италіи наступитъ новая эра. Нельзя сказать, чтобы правительство выставляло важныя затрудненія, задерживающія его прибытіе въ Римъ; самое существенное затрудненіе заключается въ квартирахъ, требующихся для служащихъ въ министерствахъ, число которыхъ доходитъ до трехъ тысячъ. Дѣйствительно, найти въ Римѣ квартиру меблированную или безъ мебели очень трудно, а немногія, которыя имѣются, ходятъ по баснословнымъ, по нашему, цѣнамъ; напр. 100 франковъ въ мѣсяцъ за одну меблированную комнату. Сюда было явилось много аферистовъ изъ разныхъ провинцій въ надеждѣ пріобрѣсти землю подъ дома; но по большей части они отступились, услышавъ о цѣнѣ (50 фр. за квадратный метръ). Только правительство могло бы разрѣшить вопросъ о квартирахъ, объявивъ общественнымъ имуществомъ нѣкоторые монастыри, церкви, зданія, покинутыя ихъ владѣльцами; но оно не смѣетъ этого сдѣлать. Оно порѣшило кажется не вмѣшиваться ни во что, гдѣ только замѣшаны церковные интересы, и такимъ образомъ въ то время, какъ французскіе солдаты, наемники, папскія войска спокойно размѣщались по различнымъ монастырямъ, итальянское войско, явившееся на помощь Риму, было принуждено размѣститься на улицахъ и за городскими стѣнами, рискуя своимъ здоровьемъ, потому что правительство не желаетъ себя компрометировать. Правительство могло бы доставить квартиры служащимъ, но оно не хочетъ этого сдѣлать потому, что боится протестовъ изъ Ватикана и дипломатическихъ отголосковъ этихъ протестовъ, потому, наконецъ, говоря откровенно, что ему не особенно хочется переселиться сюда, такъ какъ вопли тосканской клики, которая желала бы удержать возможно долѣе столицу во Флоренціи, вліятельнѣе чѣмъ желанія римскихъ гражданъ и стремленія цѣлой Италіи. Это не помѣшало имъ при этомъ случаѣ почтить подвиги президента совѣта министровъ, доктора Джіованни Ланца, того самаго, который, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, писалъ *Itaglia*, вмѣсто *Italia*, — самой высшей наградой, какую только можетъ получить итальянскій подданный—орденомъ *dell'Annunziata*.

Но римляне находятся теперь въ самомъ блаженномъ періодѣ своего политическаго существованія; они до того счастливы, что имъ не

Digitized by Google

приходится больше отдавать отчётъ папскимъ жандармамъ въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ вздохѣ, что до поры, до времени будутъ находить прекраснымъ все исходящее изъ Флоренціи и даже генерала Ламармору, который, по правдѣ сказать, вовсе не Адонисъ. Все ихъ нетерпѣніе сводится теперь къ ожиданію пріѣзда короля, чтобы почтить его должнымъ образомъ. Римскія женщины порѣшили вышить собственноручно коверъ - *monstre*, который долженъ устилать путь итальянскаго короля отъ самыхъ городскихъ стѣнъ до Капитолія. Одного этого факта достаточно, чтобы показать вамъ, какой энтузіазмъ царствуетъ въ Римѣ. И достойный отвѣтъ, данный королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, — котораго на этотъ разъ настроили какъ слѣдуетъ, — на краткія слова, которыми герцогъ Микель-Анжело Каэтани ди Сермонета передалъ рѣшеніе римскаго населенія, долженъ, разумѣется, вселить симпатію въ душу этого народа ко дню торжественнаго въѣзда короля въ Римъ. Вотъ рѣчь, которая соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, желаніямъ и надеждамъ, одушевляющимъ націю:

«Наконецъ, выполнена трудная задача и отечество возстановлено. Имя Рима, величайшее изъ именъ, произносимыхъ устами людей, связывается нынѣ съ именемъ Италіи, самымъ дорогимъ для моего сердца. Плебисцитъ, доказавшій такое изумительное согласіе римскаго населенія и встрѣченный радостнымъ сочувствіемъ во всѣхъ частяхъ государства, послужитъ основаніемъ для нашего національнаго дѣла и доказываетъ еще лишній разъ, что если мы многимъ обязаны счастію, то еще бо́льшимъ обязаны очевидной правотѣ нашего дѣла. Добровольное соглашеніе, искренній обмѣнъ обѣщаній—вотъ силы, создавшія Италію и которыя, согласно моимъ предположеніямъ, привели ее къ благополучному исходу. Теперь итальянскій народъ сдѣлался дѣйствительно господиномъ своихъ судебъ. Объединяясь, послѣ розни, длившейся цѣлыя столѣтія, въ городѣ, который былъ столицей міра, онъ съумѣетъ, безъ сомнѣнія, извлечь изъ воспоминаній древняго величія предзнаменованія о новомъ величіи, и отнесется съ благоговѣніемъ къ средоточію того духовнаго владычества, которое водрузило свои мирныя знамена и тамъ, куда не проникали языческіе орлы.

«Я, какъ король и какъ католикъ, провозглашая единство Италіи, сохраняю твердое намѣреніе обезпечить свободу церкви и независимость верховнаго первосвященника и съ этимъ торжественнымъ заявленіемъ я принимаю изъ вашихъ рукъ, почтенные синьоры, римскій плебесцитъ и передаю его итальянцамъ, надѣясь, что они съумѣютъ показать себя достойными славы нашихъ предковъ и настоящаго ихъ счастія».

Удостовѣренія въ глубокомъ уваженіи къ папѣ были неизбѣжны для католическаго короля. Желательно только, чтобы это личное и законное уваженіе короля не перешло въ національное раболѣпство и, между прочимъ, чтобы іезуиты были изгнаны изъ Рима также, какъ

Digitized by Google

и изъ другихъ итальянскихъ провинцій. Пока іезуиты будутъ оставаться въ Римѣ, папа будетъ строить козни; пока іезуиты будутъ въ Римѣ, будутъ происходить похищенія еврейскихъ дѣтей; пока іезуиты будутъ въ Римѣ, не будетъ свободы преподаванія и сокровища архивовъ и библіотекъ будутъ закрыты для учащейся молодежи. Хотя Римъ и свободенъ, однако я тщетно пытался проникнуть въ ватиканскую библіотеку, въ библіотеку *de Propaganda Fede* и въ римскую коллегію; я уже не говорю о *Sant-Ufficio*. Попы еще безусловно завѣдываютъ этими учрежденіями, такъ что изученіе ихъ остается вполнѣ невозможнымъ. Будемъ надѣяться на скорыя и энергическія дѣйствія правительства, которыми оно возвратитъ наукѣ весь принадлежащій ей научный матеріалъ.

Среди всѣхъ этихъ непріятностей, причиняемыхъ нерѣшительностью нашего робкаго правительства, мы имѣли на этихъ дняхъ истинное и глубокое утѣшеніе по случаю освобожденія изъ казематовъ св. Михаила политическихъ заключенныхъ: престарѣлаго адвоката Романьоло Петрони и публициста Луиджи Кастеллаццо (извѣстный въ литературномъ лагерѣ подъ именемъ Анзельмо Ривальта, какъ авторъ романа «Tito Vezio»). Бѣдный Кастеллаццо, который три года томился въ папской тюрьмѣ за то, что организовалъ въ 1867 г., въ Римѣ, народное возстаніе, вышелъ изъ тюрьмы въ такомъ жалкомъ видѣ, что сдѣлался неузнаваемъ. Онъ почти не могъ ходить и страдалъ полнымъ истощеніемъ силъ, потому что дышалъ въ тюрьмѣ гнилымъ воздухомъ и былъ лишенъ свѣта; все это произвело лихорадку, не покидающую его нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь онъ отправился на нѣсколько дней въ Сан-Марчелло, чтобы на свободѣ подышать чистымъ воздухомъ. Тюрьмы папы могутъ вполнѣ соперничать съ знаменитыми австрійскими тюрьмами.

D. G.

P. S. Въ то время, какъ мы радовались рѣчи итальянскаго короля, вышла «la Gazetta Ufficiale», содержащая два реакціонныхъ декрета, скрѣпленныхъ всѣми министрами. Парламентъ обсудитъ эти акты правительства, столь противорѣчащія всѣмъ стремленіямъ и правамъ націи. Вотъ эти два декрета: 1) Папа сохраняетъ достоинство, неприкосновенность и всѣ личныя прерогативы государя. 2) Особенными законами будутъ опредѣлены условія, необходимыя для того, чтобы гарантировать независимость папы, такъ же какъ и *территоріальныя уступки* и свободное отправленіе духовной власти.

Итакъ, свѣтская власть папы не упраздняется. Итальянское правительство, такимъ образомъ, оскорбляетъ и безсовѣстно насилуетъ чувства цѣлой націи.

Digitized by Google

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) октября, 1870.

Отъ Седана до Метца.

Пишу вамъ не «съ поля битвы»; да и гдѣ нынче поле битвы? Увы! полемъ битвы въ эту минуту служитъ вся Франція, и нѣтъ дня, чтобъ гдѣ-нибудь, въ томъ или другомъ углу, не шла битва, не лилась кровь, не горѣли жилища.... Вездѣ поспѣть нельзя, а быть въ одномъ мѣстѣ, выжидать, пока пруссаки придутъ и нападутъ — какъ ни грустно сознаваться, но и это могло бы, по всей вѣроятности, оказаться напраснымъ: печальные останки бонапартовской стратегіи завѣщали французамъ — бѣгство предъ появленіемъ одного прусскаго полка или рабскую угодливость предъ появленіемъ *четырехъ* улановъ, сѣющихъ повсюду *легендарную панику*.... Кромѣ того, по газетамъ вы исправно прочтете сегодня, что была битва и пруссаки были побиты, завтра — вы увидите поправку, что битва была, но пруссаки не были побиты, и, наконецъ послѣ завтра — вы убѣдитесь, что и вовсе никакой битвы не было! Вы знаете, что подобное приключеніе случилось съ импровизаціей Гамбетты по поводу слуховъ о разбитіи пруссаковъ въ прахъ подъ стѣнами Парижа 11-го октября.

Но если даже и имѣть шансы попасть на поле битвы,—военные люди говорятъ, что о битвѣ всякій можетъ судить лучше того, который участвуетъ въ ней, — потому что для участника существуетъ только одинъ пунктъ, одна точка. И участь военныхъ корреспондентовъ становится все болѣе тяжелою и неблагодарною: если на ихъ долю не выпадетъ пуля, какъ то случилось съ корреспондентомъ «Таймса», то на ихъ голову сыплется рядъ упрековъ почтеннаго «Saturday-Review», который сильно поноситъ военныхъ корреспондентовъ за то, что они разсказываютъ, въ родѣ корреспондента того же «Таймса», о своемъ паденіи съ лошади и объ ушибѣ колѣна, какъ будто подобное обстоятельство даетъ понятіе о войнѣ или о положеніи Франціи! Еще худшая доля постигаетъ корреспондента, когда онъ вздумаетъ надѣлить міръ дипломатическими извѣстіями: благородный Россель «Таймса» разсказалъ до мельчайшихъ подробностей сцену свиданія Седанскаго героя съ «Гильомомъ», — и всѣ европейскіе журналы безъ исключенія повторили патетическое описаніе свиданія; они сообщили о дрожащемъ голосѣ Наполеона, когда онъ обратился къ побѣдителю: Sire, mon frère (Cire, mon frère! передалъ одинъ комическій журналъ, т.-е.

Digitized by Google

«чисти, братъ, теперь мнѣ сапоги!»), и о внезапной блѣдности Наполеона при какихъ-то словахъ Гильома; и только чрезъ нѣсколько недѣль явилось опроверженіе патетической сцены, и тогда всѣ тѣже журналы стали смѣяться надъ своимъ собратомъ и указывать на несообразности его разсказа: какимъ-де образомъ Россель могъ видѣть внезапную блѣдность лица, когда самъ сознавался, что монархи оставались на-единѣ и даже наслѣдный принцъ ждалъ ихъ за дверью....

Еслибъ я могъ прежде предвидѣть, что изобрѣтательность пуститъ въ ходъ воздухоплавательную почту, я могъ бы пребывать въ Парижѣ и посылать вамъ оттуда свои корреспонденціи, рискуя, что онѣ или вовсе не дойдутъ до васъ, или дойдутъ чрезъ три мѣсяца, по причинѣ весьма скуднаго количества тонкой бумаги, принимаемой каждымъ шаромъ.... И еслибъ даже и во́ время дошли, то я ничего не могъ бы сказать особенно новаго о военныхъ дѣлахъ: мой собратъ, корреспондентъ «Daily News», жалуется весьма горько на Трошю, за то, что Трошю не пустилъ его на форты, и даже ему сказали, что нельзя ходить на форты, ибо «мобили» такъ подозрительны, что даже заарестовали разъ самого Трошю. Все это вздоръ и, конечно, никто не арестовалъ Трошю, а между тѣмъ мнѣ грубо отказали въ моемъ правѣ изслѣдователя»!...

Затѣмъ, въ какомъ городѣ Франціи устроить свою резиденцію? Событія идутъ такимъ шальнымъ образомъ, что сегодня нельзя предвидѣть, гдѣ очутятся пруссаки завтра и какъ сочтутъ они нужнымъ расправляться съ «представителемъ интеллигенціи?» Если оставаться въ Ліонѣ, и если интересоваться наиболѣе важнымъ по своему теперешнему значенію элементомъ,—населенію Круа-Русса и Гильотеры—то съ вами въ одно утро поступятъ, какъ съ «краснымъ» и хорошо, если только выгонятъ вонъ, а не засадятъ, какъ «прусскаго агента»! Если отправиться еще далѣе, въ Марсель, и вести себя прилично и мирно, но высказывать сочувствіе къ турскому правительству, то васъ опять-таки могутъ арестовать, судя по примѣру гораздо болѣе важной особы, судя по аресту самого Марка Дюфреса, посланнаго въ Марсель изъ Тура!...

Журналы Ліона, Марселя и вообще южной Франціи наполняются корреспонденціями изъ Швейцаріи; изъ нея, повидимому, лучше и всего удобнѣе судить о томъ, что́ творится *во всей* Франціи и *вокругъ* всей Франціи; депеши, корреспонденціи и журналы приходятъ въ Женеву и Невшатель быстрѣе изъ центральной, сѣверной и южной Франціи, чѣмъ изъ одного мѣста сѣверной Франціи въ другое мѣсто южной.... Всѣ отели, всѣ «гарни» полны въ Женевѣ: на улицахъ француженки, разряженныя точно на парижскихъ бульварахъ, парижскіе экипажи съ кавалерами «почетнаго легіона», и офицеры съ палкою вмѣсто шпаги, это страсбургскіе плѣнные на слово....

Digitized by Google

Таже картина въ Бельгіи, въ Брюсселѣ.... «Indépendance» указывала на бонапартистскихъ заговорщиковъ: часть столповъ бонапартовскаго режима наводнила Бельгію и замышляетъ наполеоновскую реставрацію. Разнесся-было слухъ о заготовленіи цѣлой вооруженной экспедиціи изъ Монса. Брюссельская газета съ большимъ ядомъ выставляетъ на видъ эти происки бонапартистовъ, и напоминаетъ этимъ господамъ про ихъ 20-ти-лѣтнее покушеніе на вмѣшательство въ бельгійскія дѣла изъ-за бѣглецовъ и изгнанниковъ, вмѣшательство, которое заставляло бельгійское правительство поступать весьма безцеремонно съ французами, непріятными бонапартизму, въ силу закона о правѣ изгнанія съ бельгійской почвы въ 24 часа иностранцевъ, вредящихъ безопасности страны. «Indépendance» спрашиваетъ, что было бы, еслибъ нынѣшнее французское правительство потребовало изгнанія бонапартистовъ, кующихъ новыя смуты противъ Франціи?

Подобный же вопросъ представляется и въ радикальной прессѣ швейцарской. Всего годъ тому назадъ бонапартовское правительство заключило трактатъ съ Швейцаріей, по которому всякаго эмигранта можно подвести подъ статью о выдачѣ за гражданское или уголовное преступленіе. Въ эту минуту примѣненіе трактата къ французскимъ бѣглецамъ было бы весьма невыгодно для друзей Бонапарта. Эти друзья нисколько не стѣсняются заниматься въ Женевѣ и окрестностяхъ своими реставраціонными планами; вилла Пранженъ, резиденція принца Наполеона «Плонъ-Плонъ», составляетъ главную квартиру заговорщиковъ; два Cafés служатъ мѣстами ихъ rendez-vous; злополучный генералъ Ліона, Мазюръ, весьма серьезно подозрѣвался ліонскими комитетами въ сношеніяхъ съ бонапартистами Женевы, и они считали даже нужнымъ отправить въ Женеву своихъ комиссаровъ, для изслѣдованія козней бонапартистовъ на мѣстѣ преступленія.

Рядомъ съ подобными бѣглецами, въ Женеву является куча корреспондентовъ и «репортеровъ» всѣхъ странъ, и наконецъ есть еще другого рода изгнанники, les proscrits de la République: такъ сюда явился генералъ *Клюзере* и президентъ федераціи коммунъ *Семъ*,— послѣдній дѣйствительный герой ліонскихъ смутъ 28-го сентября; первый невольно замѣшанный въ смуту своими партизанами и врагами. Но объ нихъ рѣчь впереди....

Дѣлать однако нечего! превращусь въ странствующаго туриста и буду ждать у моря *погоды!* Когда эта *погода* наступитъ опять для Франціи, обуреваемой, истощаемой гигантскими грозами и бурями—въ этомъ весь вопросъ, и я предоставлю всякому разрѣшать его по своему, прося позволенія ограничиться простымъ изображеніемъ того, что творится теперь въ несчастной странѣ, задыхающейся въ хаосѣ надеждъ и отчаянія, стремленій и пораженій!

Digitized by Google

Извѣстіе о Седанѣ привело къ провозглашенію республики 4-го сентября. Въ одинъ и тотъ же день она была провозглашена прежде всего въ Ліонѣ, потомъ въ Марселѣ, Тулузѣ, Парижѣ. Въ Ліонѣ республика шла изъ Фебурга Круа-Руссъ съ краснымъ знаменемъ; въ Парижѣ—республика была провозглашена преимущественно національной гвардіей, которая пустила народъ ворваться въ залу законодательнаго корпуса и провозгласить республику вопреки мнѣнію Ж. Фавра.

Фактъ, замѣченный всѣми и отличавшій нынѣшнее провозглашеніе перемѣны режима отъ всѣхъ прежнихъ, заключался въ томъ, что цѣлая Франція не ждала на этотъ разъ приказа изъ Парижа, а сама, повидимому, хотѣла встать на ноги. И тѣмъ не менѣе парижская депутація была провозглашена «правительствомъ *національной* защиты», съ генераломъ Трошю во главѣ. Радикальное предмѣстье Бельвиля,— замѣнившее, по своему значенію въ революціонной исторіи Парижа, предмѣстье С. Антуана, мирилось съ новымъ правительствомъ, потому что въ его составъ былъ введенъ любимецъ предмѣстья, Рошфоръ, за которымъ цѣлыя толпы отправились сначала въ С. Пелажи, оттуда въ Венсенъ...

Началась лихорадочная жизнь «собраній», клубовъ; кіоски снова наполнились запрещенными и новыми журналами; «бульварный міръ смутился - было при взглядѣ на республиканствующую суматоху, но скоро успокоился и возложилъ надежды на новое правительство.

«Къ оружію!» раздалось во всѣхъ клубахъ. Но оружія нѣтъ: «намъ не хотятъ давать его, не можетъ быть, чтобъ не было!» и манифестаціи двинулись къ городской думѣ; новый мэръ Этьеннъ Араго принималъ ихъ и обѣщалъ, что все будетъ доставлено въ свое время. Партизаны всѣхъ старыхъ, падшихъ режимовъ исчезли на время въ республиканской тогѣ: пораженіе при Седанѣ слишкомъ возмутило французовъ, чтобъ кто-нибудь осмѣлился прямо являться партизаномъ имперіи, всѣ стали республиканцами, и видимая борьба поневолѣ сосредоточились на двухъ группахъ: на умѣренныхъ и красныхъ республиканцахъ,—умѣренными явились всѣ;—красными, сравнительно, немногіе. Умѣренные говорили, что надо согласіе и единодушіе, что все дѣло теперь состоитъ только въ изгнаніи врага; красные отвѣчали, что для того, чтобы изгнать врага, надо дать власть самому народу, что не будетъ единодушія, когда нѣтъ народу удовлетворенія. Рабочія группы и правительство помирились на учрежденіи комитетовъ *бдительности*, ставшихъ рядомъ съ муниципальной властью въ каждомъ изъ 20-ти парижскихъ округовъ. Но ропотъ не умолкалъ: «мы хотимъ правильнаго управленія, а не этихъ *непризванныхъ* распорядителей; но пусть *правительство* національной защиты само распоряжается безъ вмѣшательства Бельвиля», — говорили умѣренные. «Реакція не дремлетъ, — объявляли красные въ журналахъ и клубахъ, — она по-

Digitized by Google

прежнему хочетъ держать народъ на привязи, она боится народа; она не даетъ намъ ружей, какъ и Бонапартъ не давалъ, потому что боялся насъ: она кричитъ о единодушіи и требуетъ нашего подчиненія; она вовсе не хочетъ защищать страны отъ пруссаковъ; она только помогаетъ пруссакамъ побѣдить насъ и разорить страну для того, чтобъ возстановить снова какую-нибудь монархію и свалить всю отвѣтственность на республику»... «Мы всѣ преданы республикѣ, — снова заявлялъ умѣренный лагерь, — но теперь дѣло не въ ней, а въ спасеніи отечества; оставьте свои претензіи, потому что иначе вы предатели, вы пруссаки, которыхъ слѣдуетъ разстрѣлять»! (Дѣло въ Лавиллетѣ показывало, что дѣйствительно могутъ разстрѣлять за то, что народъ хочетъ обладать оружіемъ!). — «Мы наканунѣ осады,—доказывали ораторы на собраніяхъ. Чего же мы ждемъ? Надо отправить комиссаровъ въ провинцію, чтобъ они тамъ организовали помощь намъ!

Снова манифестаціи въ городской думѣ и снова успокоительныя обѣщанія властей. Стали возвращаться изгнанники; вернулся Клюзере и объявилъ, что можетъ доставить 100 тысячъ ружей немедленно, но что правительство отмалчивается и не находитъ денегъ для закупки! Явился старикъ Бланки изъ Брюсселя и высказалъ прямо свое недовѣріе къ военнымъ приготовленіямъ; «плохой патріотъ, обличаетъ насъ предъ пруссаками!» раздалось въ бульварныхъ газетахъ. А предмѣстья ждали *своей* газеты—«Марсельезы». Она появилась и ее *сожгли!* Что это значитъ?—значитъ то, что, съ одной стороны, была устроена коммерческая конспирація: продавцы «Gaulois» и «Figaro» приняли дѣятельное участіе въ сожженіи, боясь подрыва *своимъ* журналамъ; съ другой стороны, многихъ она запугала и встревожила не на шутку: въ ней прямо говорилось о несостоятельности временнаго правительства, въ ней прямо обвинялись Гамбетта и его товарищи въ реакціонныхъ тенденціяхъ! Рошфоръ поспѣшилъ отклонить всякую солидарность; Мильеръ сдѣлалъ тоже; бывшіе сотрудники «Марсельезы», видя неудачу, рѣшились прекратить изданіе: «мы не могли говорить свободно при Бонапартѣ и мы замолчали; мы и теперь не свободны и потому предпочитаемъ молчать»,—такъ объясняли они въ кружкахъ друзей и знакомыхъ свое рѣшеніе. Мѣсто «Марсельезы» заняли Делеклюзъ съ «Réveil'емъ»; Феликсъ Піа съ «Combat»; Бланки съ «La Patrie en danger»; наибольшее вліяніе изъ нихъ могъ имѣть «Réveil», и онъ повелъ атаку противъ новаго правительства, за его уступчивость, за его «компромиссы» съ буржуазіей, за его недовѣріе къ предмѣстьямъ, къ народу: «Les faubourgs grondent! писалъ Делеклюзъ; народъ хочетъ защищать Парижъ, но онъ долженъ знать, на кого покинетъ онъ своихъ вдовъ и дѣтей; нищета увеличивается въ фобургахъ; работы нѣтъ, чего же вы смотрите, предпринимайте энергическія мѣры». Вмѣстѣ съ этимъ, Делеклюзъ, какъ и Бланки и Піа, повели пропаганду «сопротивленія до послѣд-

Digitized by Google

ней крайности», «войны до послѣдней степени»; въ видѣ девиза «Réveil» печаталъ въ заголовкѣ слова изъ перваго циркуляра Ж. Фавра: «мы не уступимъ ни одной крѣпости, ни одного камня изъ нихъ». Замѣтить здѣсь это направленіе очень важно, потому что оно можетъ дать намъ основаніе вѣрить извѣстіямъ, что крайняя партія въ Парижѣ и теперь стоитъ за борьбу до конца и ничего не хочетъ слышать объ уступкахъ, что́ весьма грустно!

Правительство же національной защиты думало, повидимому, иначе и хотѣло дѣйствовать дипломатіей: оно, повидимому, мечтало даже о возможности вооруженной союзной помощи; оно гадало, что Австрія или Россія, опасаясь слишкомъ растущаго могущества Пруссіи, захотятъ воспользоваться возможностью союза съ Франціей, готовой сдѣлать имъ всякія уступки во внѣшней политикѣ, начиная съ восточнаго вопроса; оно гадало также, что Италія не откажетъ въ помощи хотя бы въ сто тысячъ войска, и въ тоже время оно надѣялось на вліяніе Америки и Англіи, на ихъ внушительный совѣтъ Пруссіи объ умѣренности. Когда разнеслось извѣстіе о скептическомъ отношеніи Бисмарка къ новому *неправильному* правительству, которое, по мнѣнію Бисмарка, врядъ ли могло представить достаточныя гарантіи для выполненія условій мира; когда въ газетахъ стали толковать о безобразныхъ покушеніяхъ на возстановленіе Наполеона III, силою иностранныхъ штыковъ,—временное правительство декретировало созваніе учредительнаго собранія, конституанты, назначивъ выборы на 16-е октября. Крайняя партія готова была принять конституанту, но она требовала, чтобъ правительство взяло на себя *республиканскую* пропаганду: «реакція—говорила она,—господствуетъ повсюду, особенно въ селахъ, повсюду до сихъ поръ остаются тѣ же власти, которыя осквернили suffrage universel своими террористическими мошенничествами при Бонапартѣ; мы видѣли плоды бонапартистской пропаганды, когда, ранѣе Седана, въ селахъ готовы были истребить и сжечь человѣка за то, что онъ смѣлъ говорить противъ императора; реакція и теперь дѣйствуетъ, увѣряя народъ, что республиканцы губятъ Францію, что они мѣшаютъ императору вернуться и уничтожить пруссаковъ; надо дѣйствовать, надо немедленно вывѣсить на всѣхъ стѣнахъ всѣхъ селъ и городовъ картину бѣдствій, грабежа и убійствъ, которыя творилъ бонапартовскій режимъ, иначе мы опять пропадемъ!...

Недовольство приняло окончательно враждебный характеръ, когда правительство хотѣло ускорить выборы, перенося ихъ съ 16-го на 2-е октября!

«Это дѣлается изъ угоды Бисмарку! Бисмаркъ намъ приказываетъ избрать конституанту! Это предательство, вы не съумѣли или не хотѣли дѣйствовать революціоннымъ способомъ, ну такъ мы же воспротивимся выборамъ и не допустимъ ихъ!»...

Digitized by Google

Но выборовъ и безъ того не допустили сами пруссаки! Вамъ извѣстна поѣздка Ж. Фавра въ прусскій лагерь и его объясненіе съ Бисмаркомъ. Мы не знаемъ положительно, что́ именно предлагалъ Ж. Фавръ Бисмарку — предлагалъ ли онъ ему, какъ говорили, нѣсколько милліардовъ, уступку половины флота, и значительное уменьшеніе арміи, или ничего не предлагалъ, а только слушалъ предложенія Бисмарка? Во всякомъ случаѣ вышло нѣчто странное: Ж. Фавръ объявляетъ, что Бисмаркъ требуетъ форта Mont Valérien (а владѣть Mont Valérien, значитъ, владѣть всѣмъ Парижемъ по его стратегическому положенію) и пр. и пр. Бисмаркъ отрицаетъ заявленіе такого требованія. Очевидно, Ж. Фавръ надѣялся на *успѣхъ* своего слова, Бисмаркъ—на *неуспѣхъ* своихъ предложеній; Ж. Фавръ не вынесъ холодно сформулированныхъ и жестоко-непоколебимыхъ требованій Бисмарка, слезы прервали его голосъ; Бисмаркъ удержался отъ улыбки торжества и на этой безплодной встрѣчѣ свиданье порвалось.

Безплодно было бы и съ моей стороны входить въ разбирательство разумности или безумія тѣхъ или иныхъ требованій. Я могъ бы исписать цѣлыя страницы и изложить на нихъ, почему ни та, ни другая сторона не правы, но это ни къ чему не поведетъ, тѣмъ болѣе, что еще далеко не извѣстно, къ какимъ новымъ условіямъ приведетъ конецъ борьбы и что́ уступитъ Франція, отъ чего отступится Пруссія? Я укажу только на то впечатлѣніе, которое произвелъ отчетъ Фавра о его поѣздкѣ: онъ возбудилъ ропотъ и негодованіе на Пруссію по всей Франціи, читающей, мыслящей, слушающей и понимающей Франціи,—по всѣмъ тѣмъ слоямъ, которые дѣйствительно остаются французами, т.-е., для которыхъ сознательно или безсознательно дорога́ принадлежность къ Франціи, которые считаютъ себя ея сынами, а не слугами того или другого династическаго или частнаго интереса. Такое впечатлѣніе доказываетъ вамъ то, что въ сущности,—и это мое крайнее убѣжденіе, вынесенное изъ всѣхъ самыхъ близкихъ наблюденій,— Франція вовсе не хочетъ войны и положительно жаждетъ мира! Привыкшая къ условному *«декоруму»*, она не допускаетъ на своемъ языкѣ, — на своемъ международномъ жаргонѣ слова униженія и т. п., и потому она боится сознаться, что хотѣла бы мира, но тѣмъ не менѣе она надѣялась услышать отъ Бисмарка предложенія, *возможныя* для ея *чести*. *Какія* это предложенія? на это не отвѣтитъ мнѣ ни одинъ французъ, и каждый изъ нихъ скажетъ только одно: мы не хотѣли и не начинали войны, ее хотѣлъ Бонапартъ, мы теперь борцы за свободу, а пруссаки — за реакцію; если Пруссія не варварская страна, то она должна оставить насъ въ покоѣ и не позорить болѣе нашу землю своимъ присутствіемъ.

Странная непослѣдовательность, непонятная и простительная въ горячечномъ состояніи, въ агоніи. Взрывъ негодованія и худо-скрытая

Digitized by Google

печаль при извѣстіи о требованіяхъ Бисмарка указывали, что французы до послѣдней минуты надѣялись на возможность мира и, понося *варварство* нѣмцевъ, разсчитывали собственно на ихъ *великодушіе*, на ихъ отступленіе безъ территоріальной поживы. И если хоть разъ во все это время вырвался изъ груди французовъ искренній крикъ патріотизма, искренній призывъ къ рѣшительной и отчаянной борьбѣ—то это было вслѣдъ за объясненіемъ Ж. Фавра. Васъ можетъ быть удивятъ мои слова: «если хоть разъ во все это время»,—но они справедливы, и я васъ увѣряю, что иностранные журналисты гораздо болѣе горячатся, чѣмъ сами французы: напрасно пустили въ ходъ сравненіе съ великой эпохой 1792 года; нынѣшнее моральное состояніе Франціи, взятой не въ отдѣльныхъ личностяхъ, и не въ извѣстныхъ группахъ, а въ цѣлой массѣ своей, столько же похоже на состояніе въ первую революцію, сколько намалеванная декорація на истинную природу! Кажется, даже сами французы начинаютъ мало-по-малу чувствовать неловкость подобнаго вызыванія героическихъ тѣней; замѣтили ли вы, что звуки Марсельезы не потрясаютъ болѣе Франціи, со всѣхъ сторонъ идутъ «мобили», движутся останки регулярныхъ войскъ, но они идутъ съ едва сдержаннымъ недовѣріемъ, безъ всякаго энтузіазма, и вмѣсто звуковъ Марсельезы у нихъ вырываются слова брани и проклятія «предателямъ!» Даже послѣднее плохое подраженіе Гамбетты Базиру: «если мы не можемъ заключить договора съ побѣдою, заключимъ его со смертью» [1]) — вызвало только нѣсколько риторическихъ адресовъ прославленному гражданину Гамбеттѣ—illustre citoyen Gambetta, между тѣмъ какъ призывы первыхъ революціонеровъ дѣйствительно вызывали словно изъ земли цѣлые легіоны отважныхъ бойцовъ, стекавшихся къ границѣ, «à la frontière», изо всей Франціи.

— «Но отчего же мы не похожи на нашихъ отцовъ! отчего мы не можемъ выгнать «варваровъ», какъ ихъ выгнали великіе патріоты 92-го г.? Развѣ мы меньше любимъ нашу Францію? развѣ наша родина снова не представляетъ дѣла свѣта и свободы въ отчаянной схваткѣ съ дѣломъ обскурантизма и тираніи?»—раздаются вопросы на народныхъ собраніяхъ.—И вотъ они начинаютъ сравнивать положеніе, они не понимаютъ, почему вся Европа—l'Europe populaire, l'Europe des peuples—не идетъ на помощь къ нимъ отъ Дублина до Неаполя,

---

[1]) Когда жирондисты въ конвентѣ предложили, въ своемъ увлеченіи, провозглашеніе, что Франція не заключаетъ мира съ монархами и призываетъ къ свободѣ всѣ народы, то Мерсье — скептикъ и циникъ Мерсье, авторъ Tableaux de Paris и Le nouveau Paris — картины жизни Парижа во время революціи, извѣстный своимъ признаніемъ: «я готовъ бы умереть, но мнѣ хочется жить единственно для того, чтобъ посмотрѣть, что́ еще будетъ дальше»,—Мерсье воскликнулъ: «да развѣ вы заключили договоръ съ побѣдою»?—Мы заключили договоръ съ смертью — отвѣтилъ ему Базиръ при громѣ рукоплесканій.

Digitized by Google

отъ Барцелонны до Волги! И ища причинъ своей немощи, они отвѣчаютъ себѣ съ одного конца Франціи до другого: — «мы проданы, мы преданы!»

Вы можете оцѣнить эти слова, особенно среди такого народа, какъ французы, въ которыхъ нервная система доведена до той степени раздраженности и чувствительности, когда легко вызывать въ нихъ столько же безграничный паническій страхъ и упадокъ духа, сколько и безпредѣльную смѣлость и отчаянную рѣшимость! *Недовѣріе*, какъ злая болѣзнь — овладѣло ими, и какъ червь подтачиваетъ всѣ ихъ порывы, всѣ ихъ стремленія. Конечно, ни у кого не хватитъ духу попрекать ихъ за ихъ недовѣріе: ils sont bien payés pour cela! — они слишкомъ сильно поплатились за свое летаргическое подчиненіе волѣ бонапартистовъ, и съ той минуты, какъ разбитъ въ дребезги тронъ Бонапарта, они мало видятъ перемѣны: пруссаки все болѣе расширяютъ свое солдатское господство въ ихъ странѣ, и голодъ все болѣе грозитъ осажденнымъ городамъ и коситъ жертвы въ завоеванныхъ мѣстностяхъ.

И вотъ, ища въ своей исторіи мѣръ и средствъ для успѣшной борьбы съ врагомъ, они останавливаются повсюду на *Commune*.

«Намъ нужна *Коммюна*, *Коммюна* спасетъ насъ!»

Что́ такое *Коммюна?*—Подъ этимъ разумѣютъ народный элементъ во главѣ управленія дѣлами, строгое примѣненіе выборнаго начала къ мѣстному управленію. Въ Парижѣ 20 округовъ, съ 20-ю мери (mairie—муниципалитетъ); главный меръ Парижа, Эт. Араго, *назначилъ* мерами разныхъ журналистовъ и адвокатовъ; между прочимъ, «нравственное давленіе» (pression morale) популярныхъ кварталовъ ввело въ муниципальные совѣты нѣсколькихъ людей, пользующихся полнымъ довѣріемъ ихъ населенія, какъ Бенуа Малона, Варлена, Комбо; но это представляется радикальной партіи слишкомъ недостаточнымъ потому что «голосъ нѣсколькихъ преданныхъ людей заглушается рутиною лицемѣровъ и предателей». Намъ надо *Коммюну!* это значитъ представительное управленіе Парижемъ, составленное изъ лицъ, извѣстныхъ населенію своимъ республиканизмомъ и всегда готовыхъ слушать голосъ народныхъ собраній.

Но одно слово «*Коммюна*» заставляетъ дрожать мирныхъ гражданъ. На бѣду самимъ же радикаламъ,—Бланки и К° ораторствуютъ о воскрешеніи Коммюны 92 и 93 годовъ; фигуры Мюрата и Гебера встаютъ предъ испуганнымъ воображеніемъ мирныхъ гражданъ, и Коммюна является имъ въ своемъ всеоружіи террора, съ своей гильотиной, тюрьмами, обысками, конфискаціями! Этого довольно, чтобъ взбунтовать мирныхъ гражданъ и въ свою очередь повести ихъ къ «нравственному давленію» на временное правительство, съ тѣмъ, чтобъ оно не

Digitized by Google

допускало подобныхъ введеній, чтобъ оно не дозволяло муниципальныхъ выборовъ.

Но правительство не можетъ прямо отказать народу въ избраніи муниципальнаго совѣта, потому что это значило бы идти по слѣдамъ бонапартистскаго режима, лишавшаго Парижъ и Ліонъ выборныхъ муниципалитетовъ, а правительство, какъ на зло, состоитъ изъ депутатовъ оппозиціи, однимъ изъ коньковъ которой было требованіе возвращенія муниципалитета! Начались переговоры и обѣщанія.

18-го сентября правительство объявило выборъ 80-ти муниципальныхъ совѣтниковъ на 28-ое сентября. Но 24-го, правительство вдругъ отмѣнило выборы, а 29-го снова появилось въ «Journal Officiel» извѣщеніе о томъ, что правительство намѣрено въ наивозможно-скорѣйшемъ срокѣ приступить къ муниципальнымъ выборамъ. И наконецъ, 8-го октября новое извѣщеніе, что выборовъ не будетъ вовсе впредь до приказанія: «Положеніе совершенно измѣнилось,—объявлялъ органъ правительства—со времени обложенія Парижа врагами; выборы въ данный моментъ, подъ огнемъ непріятеля были бы опасны для *республики*. Все рѣшительно должно уступить теперь предъ военною обязанностью каждаго гражданина, и предъ настоятельнымъ долгомъ каждаго заботиться о согласіи.» Рядомъ съ этимъ, въ тысячный разъ повторяемымъ стереотипнымъ призывомъ къ согласію, правительство объявляло, что «предъ требованіемъ и угрозами, заявленными вооруженнымъ отрядомъ національной гвардіи, долгъ правительства поддержать уваженіе къ его достоинству и къ власти, которую ему вручилъ народъ».

Радикальная партія забушевала: насъ опять обманули, правительство объявляетъ, послѣ всѣхъ своихъ лживыхъ обѣщаній, что выборы отложены вслѣдствіе обложенія города; но пруссаки обложили окончательно Парижъ уже 19-го сентября, въ тотъ самый день, когда былъ объявленъ первый декретъ! насъ обманули, насъ водятъ за носъ!

Вотъ откуда вышли всѣ демонстраціи, манифестаціи и контр-манифестаціи. Уже 5-го октября Флурансъ отправился съ своими вооруженными батальонами Бельвиля къ городской думѣ и, оставивъ батальоны внизу, самъ взошелъ въ думу, для объясненія съ властями. Видя, что они положительно не хотятъ уступить требованіямъ радикальной партіи, онъ отвелъ обратно свои баталіоны и послалъ правительству свою отставку отъ маіорскаго званія и должности. Но когда его солдаты и офицеры вознегодовали и просили его остаться, онъ послалъ сказать Тамизье (главному начальнику національной гвардіи), что онъ беретъ назадъ свою отставку. Въ субботу, 8-го октября, манифестація приняла болѣе широкіе размѣры, «тревога» «la générale» замѣнявшая набатъ,—le tocsin—первой революціи, забила по всѣмъ кварталамъ: батальоны Бельвиля выстроились вооруженные противъ

Digitized by Google

городской думы. Вслѣдъ затѣмъ противъ нихъ выстроились другіе батальоны національной гвардіи; явился Кератри и занялъ военною силою дворъ Hotel-de-Ville'я, явился на лошади Трошю и Тамизье, явился Ж. Фавръ. Національная гвардія мирныхъ гражданъ привѣтствовала «правительство защиты», Ж. Фавръ привѣтствовалъ защитниковъ «правительства защиты».... «Вы дождетесь до того, что пруссаки нападутъ на насъ такъ, что мы и не замѣтимъ изъ-за нашихъ гражданскихъ смутъ» — попрекали умѣренные красныхъ; «мы не хотимъ дожидаться того, чтобъ насъ сюрпризомъ отдали пруссакамъ...» отвѣчали красные. Но не пруссаки, а природа готовила сюрпризъ, котораго не ждали: пошелъ дождь какъ изъ ведра, и національная гвардія, мирная и воинственная—обратилась съ позоромъ въ бѣгство. Пожаръ демонстраціи былъ залитъ дождемъ! «Правительство осталось побѣдителемъ на полѣ битвы» т.-е. въ городской думѣ — говоритъ «Rappel». Но «Journal Officiel» признаетъ вліяніе умиротворенія демонстраціи не за дождемъ, а за рѣчью Ж. Фавра.

Разсказъ въ «Journal officiel» вообще интересенъ. Онъ говоритъ, что всего явилась небольшая группа въ 400 человѣкъ съ крикомъ: «Vive la Commune!» для осады этой группы и *для защиты правительства защиты* явились въ свою очередь 84 батальона національной гвардіи; собрались кучи любопытныхъ, *но* равнодушныхъ; болѣе того, «вокругъ площади, въ сосѣднихъ улицахъ протестовали весьма энергично противъ вожаковъ, которые *компрометтируютъ успѣхъ* національной защиты мятежными возбужденіями». Казалось бы, все дѣло обстояло благополучно и *мятежники* должны бы разойтись, а во всякомъ случаѣ очевидно, что правительству не угрожало никакой опасности. Но «Journal Officiel» спѣшитъ тутъ же засвидѣтельствовать какъ о храбромъ подвигѣ президента правительства, что «генералъ Трошю прискакалъ на конѣ и *одинъ*, оставивъ позади свой штабъ, онъ объѣхалъ толпу (il parcourut la foule) и былъ привѣтствованъ кликами самыми радушными». Немного позже тѣ же клики привѣтствовали генерала Тамизье. Но уже по Парижу разнесся шумъ и говоръ, что сдѣлано покушеніе на свободу—моральную—правительства, и батальоны спѣшили за батальонами на выручку власти. «*Враждебныя группы*», понимая свое безсиліе, *удалились*, и когда національная гвардія заняла всю площадь предъ городской думой, члены правительства, присутствовавшіе въ «Hôtel de Ville—спустились, чтобъ произвести смотръ національной гвардіи. *Нельзя описать* энтузіазма національной гвардіи и *населенія* (la population). Клики: Да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ *Конституція* (?) вылетали изъ 50-ти-тысячной груди! Послѣ смотра *офицеры* стали въ кругъ, и Ж. Фавръ произнесъ рѣчь: «Господа! (Messieurs! онъ могъ бы въ этомъ случаѣ болѣе прилично употребить «граждане» citizen-citoyens!» замѣчаетъ одинъ англійскій

Digitized by Google

корреспондентъ, любящій формальности!) этотъ день хорошъ для защиты, ибо онъ еще разъ подтверждаетъ блестящимъ образомъ нашу твердую рѣшимость оставаться *единодушными* для спасенія отечества... Парижъ спасетъ Францію вашимъ самоотверженіемъ, вашею смѣлостью, вашими гражданскими добродѣтелями, и если нѣсколько смѣлыхъ головъ попытаются бросить въ его среду сѣмена раздора, вашъ здравый смыслъ задушитъ ихъ безъ труда. Мы всѣ были бы счастливы дать муниципальнымъ властямъ правильную основу свободнаго выбора. Но мы всѣ также поняли, что, когда пруссаки угрожаютъ городу, граждане не могутъ быть въ иномъ мѣстѣ, какъ на валахъ и даже внѣ валовъ, куда они горятъ нетерпѣніемъ идти на встрѣчу врагу. Когда они побѣдятъ врага, они вернутся къ избирательнымъ урнамъ, и въ этотъ самый моментъ, когда я говорю вамъ, слышите вы этотъ высшій призывъ (l'appel suprême), который прерываетъ меня: это призывъ пушки, которая гремитъ и которая указываетъ намъ всѣмъ, *гдѣ* нашъ долгъ. Господа! еще одно слово! дайте мнѣ прибавить братскій совѣтъ: пусть этотъ день не породитъ между нами никакого гнѣва и даже никакого раздраженія. Въ этомъ великомъ и великодушномъ населеніи у насъ нѣтъ враговъ. Мы даже не можемъ ихъ назвать противниками: они были увлечены, вернемъ ихъ къ намъ нашимъ патріотизмомъ. *Урокъ* не будетъ потерянъ для нихъ, они увидятъ на вашемъ примѣрѣ, сколь прекрасно быть соединенными для служенія отечеству и отнынѣ они полетятъ на защиту вмѣстѣ съ нами».

«Во время этой рѣчи привѣтствія національной гвардіи мѣшались съ отдаленнымъ громомъ канонады.» Часомъ позже, несмотря на потоки дождя и на наступленіе ночи, новые батальоны наполнили площадь предъ городской думой, и члены правительства снова должны были произвести смотръ среди тѣхъ же *демонстрацій симпатіи и энтузіазма*.

«Такъ кончился этотъ великій день, который обратился противъ мятежниковъ и привелъ ихъ въ смущеніе и который доказалъ, что народъ Парижа рѣшился примѣрно расправиться (à faire bonne justice) со всякой попыткой возмущенія».

Разсказъ въ «Journal Officiel» не могъ не вызвать толковъ въ провинціяхъ: что это? какую *Конституцію* привѣтствовала національная гвардія? развѣ существуетъ теперь какая-нибудь конституція? не вздумали же они кричать, да здравствуетъ Конституція 52-го года! И далѣе,—изъ-за чего столько шуму,—изъ за чего воззваніе къ единству, изъ-за чего мольбы Ж. Фавра, чтобъ національная гвардія не вздумала преслѣдовать «мятежниковъ», которые пришли къ городской думѣ, заявили свое желаніе и ушли, несмотря на то, что были вооружены и, еслибъ были дѣйствительно мятежники, то могли бы за-

Digitized by Google

тѣять свалку? И если дѣло всѣхъ гражданъ на валахъ, а поэтому нельзя нѣсколькихъ часовъ употребить на выборы, то къ чему эти смотры и рѣчи, къ чему даже нѣсколько часовъ спустя послѣ смѣны національно-гвардейской бури бурею природы снова стали цѣлые батальоны собираться къ городской думѣ? Значитъ, они не заняты на валахъ? Значитъ, они свободны? Зачѣмъ, съ одной стороны, — благородный, честный призывъ Ж. Фавра къ *братству* и миролюбію, а съ другой — угроза «Journal Officiel'я»: «народъ-де парижскій учинитъ добрую расправу съ мятежниками», угроза, напоминающая стереотипное *кнутобонапартовскаго* «Journal Officiel'я»?

Но суровѣе и серьезнѣе, по своему значенію, всѣхъ подобныхъ упрековъ національному правительству со стороны республиканцевъ, явился упрекъ за обѣщаніе выборовъ, «когда мы побѣдимъ врага». «А если вы не побѣдите врага, что́ тогда будетъ? тогда вы отдадите снова французскій народъ въ жертву династическихъ реставрацій, на съѣденіе волкамъ! Въ этомъ-то и состоитъ для васъ весь существенный вопросъ, способны ли вы организовать защиту или нѣтъ? Мы думаемъ, что *нѣтъ*, и хотимъ, чтобъ народъ самъ организовалъ защиту; вы согласны, что теперь самое насущное дѣло — это защита противъ врага, зачѣмъ же вы отказываете намъ въ полноправномъ участіи въ ней: республика означаетъ верховное право народа распоряжаться своими дѣлами—это право выражается въ *Коммунѣ*, а не въ васъ— vive la Commune!»

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ вся суть требованій радикальной партіи, которая зоветъ себя просто республиканской партіей, обнаруживая этимъ самымъ названіемъ свое полное недовѣріе къ республиканизму всѣхъ остальныхъ партій и «группъ».

Но манифестація не остановилась на 8-мъ октября. На другой день, въ воскресенье, дождь опять разогналъ любопытныхъ, собравшихся къ городской думѣ поглазѣть, не будетъ ли опять «манифестаціи Коммуны». На третій день, понедѣльникъ 10-го октября, «правительство защиты» поблѣднѣло не на шутку: оно получило отъ бельвильскаго мера депешу, что Флурансъ и его батальоны снова задвигались и, вѣроятно, пойдутъ на городскую думу во всеоружіи. «Тревога» забила по всѣмъ улицамъ; но оказалась *«фальшивая тревога»*: Флурансъ вовсе не шелъ болѣе на городскую думу, и бельвильскіе батальоны вовсе не собирались идти на нее, они даже очень ласково встрѣтили одного изъ членовъ правительства, Ж. Ферри.

Манифестаціи такимъ образомъ кончились на время, можетъ быть на нѣсколько дней, но этимъ не хотѣла закончить умѣренная партія: правительство должно соблюсти свое достоинство и наказать крамольниковъ.

Что же это такое—завопилъ «Фигаро», имѣющій смѣлость *патріот-*

Digitized by Google

ствовать, несмотря на документы, найденные въ Тюльери, обличавшіе его въ сдѣлкѣ съ правительствомъ Бонапарта, — что это такое! майоръ Флурансъ распоряжается нами! *Пора*, чтобъ кончилась эта траурная комедія. Вотъ уже цѣлыя недѣли, какъ мы стиснуты между молотомъ и наковальней—между *майоромъ* Флурансомъ съ одной стороны и *полковникомъ* Бисмаркомъ съ другой, съ Парижемъ въ серединѣ».

«Майоръ Флурансъ, значитъ, внѣ всякихъ законовъ (дѣйствительно, при Бонапартѣ Флурансъ былъ внѣ закона), онъ, значитъ, съ Белльвилемъ выше правительства, выше общественнаго спасенія, и даже выше націи?» И затѣмъ слѣдуетъ угроза правительству, что вожаки бонапартистовъ, орлеанистовъ и легитимистовъ могутъ задумать такіе же вооруженные походы на Городскую Думу и тогда не хватитъ ни пушекъ, ни цѣпей для подавленія мятежныхъ замысловъ!

Слова «Фигаро» подѣйствовали на правительство больше, чѣмъ призывъ Ж. Фавра, и противъ майора Флуранса началось судебное слѣдствіе. Два письма по этому поводу весьма характеристично обрисовываютъ двѣ личности, которыя, если только прусскія ядра не скосятъ ихъ—конечно, призваны играть весьма важную роль въ дальнѣйшей судьбѣ Французской республики — при ея грядущемъ основаніи или паденіи.

Первое письмо принадлежитъ Рошфору, и читателю будетъ интересно знать мнѣніе человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ класса такъ-называемаго образованнаго общества—насолилъ Бонапарту своими смѣлыми нападками и прямыми обличеніями. Второй разъ уже въ этомъ году онъ сталкивается съ болѣе отчаянною рѣшимостью своего друга Флуранса. Въ первый разъ—размолвка вышла на похоронахъ Виктора Нуара, когда Флурансъ настаивалъ на принятіи вызова, т.-е. на битвѣ съ выставленнымъ на Елисейскихъ поляхъ войскомъ, и когда Рошфоръ, подъ вліяніемъ Делеклюза и громадной отвѣтственности—счелъ нужнымъ остановить безполезное кровопролитіе, въ которомъ неминуемо погибъ бы безоружный цвѣтъ парижской демократіи отъ шаспо и митральезъ бонапартовской арміи, бывшей столько же храброй въ гражданской войнѣ, сколько безсильной въ войнѣ съ пруссаками! Друзья поссорились тогда, но при взаимной преданности, размолвка скоро сгладилась, и друзья торжественно, при громкихъ рукоплесканіяхъ тысячной толпы—обнялись за день до того, какъ Рошфоръ былъ арестованъ и какъ Флурансъ провозгласилъ по этому поводу республику въ собраніи залы Марсельезы и въ свою очередь заарестовалъ коммисара. Съ тѣхъ поръ, одинъ другъ—Рошфоръ томился до паденія имперіи въ тюрьмѣ, Флурансъ—въ изгнаніи въ Англіи. Провозглашеніе республики освободило обоихъ друзей: одинъ попалъ въ высшее правительство; другой въ майоры цѣлыхъ пяти

Digitized by Google

батальоновъ національной гвардіи. И Бельвиль дѣйствительно отдался всѣмъ сердцемъ своему молодому вожаку, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Флурансомъ стоятъ коменданты другихъ батальоновъ національной гвардіи, его друзья: Люилье, Ульр. де Фонвьель, Жакларъ; вмѣстѣ, всѣ ихъ батальоны могли бы представить болѣе 10-ти тысячъ войска. Ихъ требованій правительство не уважило, и Флурансъ послалъ свою отставку, какъ выраженіе невозможности идти съ этимъ правительствомъ и довѣрять ему. Повидимому, республиканцы ждали того же и отъ Рошфора, и два друга снова столкнулись на разногласіи, потому что Рошфоръ счелъ долгомъ поступить иначе.

— «Мой дорогой Флурансъ, вы настаиваете, чтобъ я подалъ въ отставку отъ члена правительства. Вы знаете, что *я сопротивлялся до послѣдней степени* принятію моего назначенія, но теперь имѣю ли я право отказаться отъ него? вотъ въ чемъ вопросъ. *Я требовалъ* муниципальныхъ выборовъ и *еще многихъ другихъ вещей. Я сожалѣю, что все это не было сдѣлано* въ первые дни республики; теперь же вопросъ о Коммунѣ сталъ полемъ битвы, и еслибъ я по этому случаю поднялъ вопросъ кабинета, то поручитесь ли вы, что въ этотъ часъ мы не услышали бы въ одно и то же время пушечныхъ выстрѣловъ на валахъ и ружейныхъ выстрѣловъ на улицахъ?

«Я спустился почти въ самые непроницаемые подвалы своей совѣсти (je suis descendu presque dans les sous-sols les plus impénétrables de ma conscience) и я поднялся изъ нихъ, сказавъ себѣ, что мой уходъ могъ бы вызвать столкновеніе и что вызвать столкновеніе теперь, это значило бы открыть брешу пруссакамъ. Вотъ почему я подписался подъ отсрочкою выборовъ. Имперія отсрочивала насъ 20 лѣтъ, будемте имѣть терпѣніе еще вытянуть связывающій насъ ремень до снятія осады.

«Вы замѣтите мнѣ, мой дорогой и прекрасный другъ, что я иду на капитуляцію съ моими убѣжденіями; если это такъ, то вы простите мнѣ, ибо я дѣлаю это для того, чтобъ не быть принужденнымъ идти на капитуляцію съ врагомъ. Въ данныхъ обстоятельствахъ моя отставка была бы, можетъ быть, началомъ катастрофы. Вы это очень хорошо знаете, вы, столь патріотически взявшій назадъ свою отставку. Я заставляю молчать мои политическіе инстинкты; пусть же наши храбрые друзья 1-го округа оставятъ дремать пока и свои. Когда наступитъ моментъ, т.-е. когда пруссакъ уйдетъ, мы съумѣемъ снова оказаться всѣ вмѣстѣ.

Тысячу братскихъ объятій—Генри Рошфоръ».

9-го октября.

Еслибъ я хотѣлъ выйти изъ своей роли безстрастнаго хроникера, то я, конечно, сказалъ бы, что врядъ ли можно отнестись безъ глу-

Digitized by Google

бокой симпатіи къ такому самоотверженному поведенію Рошфора, и я, конечно, только пожалѣлъ бы не менѣе глубоко о томъ, что врядъ ли можно ожидать хоть намека на подобное же самоотверженіе отъ людей партій, враждебныхъ Рошфору и его друзьямъ. — Въ этомъ-то и есть вся бѣда, вся трагическая сторона современнаго положенія Франціи. Но я воздержусь на сегодня отъ длинныхъ разсужденій о такомъ безотрадномъ отношеніи старыхъ партій къ судьбѣ Франціи, я воздержусь на сегодня отъ предсказанія что̀ можетъ выйти изъ такого отношенія, какихъ катастрофъ носитъ оно въ себѣ зародышъ, и можно ли предупредить тѣ катастрофы. Постараемся быть объективными зрителями, потому что, все равно, *упорныхъ* людей не убавимъ —

А на умныхъ тоску наведемъ!...

Закончу лучше поскорѣе мой современный разсказъ о борьбѣ политическихъ партій въ Парижѣ, и потомъ обратимся хоть на минуту къ провинціи.

Говорили, что вліяніе Рошфора подѣйствовало на членовъ правительства и они остановили судебное слѣдствіе; но въ «Rappel'ѣ» 19-го октября явилось слѣдующее письмо Флуранса, показывающее, что слухъ о прекращеніи преслѣдованія не оправдался:

«Получивъ требованіе — явиться предъ г. Фильбертомъ, докладчикомъ военныхъ совѣтовъ, въ Palais de Justice, я считалъ моимъ долгомъ не отвѣчать на подобное приглашеніе. Но мои друзья такъ настаивали на противномъ,—желая во что̀ бы то ни стало знать, какое такое преступленіе могъ я совершить противъ Республики, что я отправился на призывъ. Со всѣми предписанными формами г. Фильбертъ объявилъ мнѣ, что я обвиняюсь въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) въ узурпаціи въ національной гвардіи титула, на который будто я не имѣлъ никакого права; 2) въ желаніи свергнуть правительство Республики; 3) въ лишеніи жалованья тѣхъ гражданъ, которые не хотѣли принять участія въ сверженіи Республики.

«Всѣ эти преступленія предвидѣны ст. 97 и пр. и пр. уголовнаго военнаго постановленія, статьями, которыя по *меньшей мѣрѣ* требуютъ смертной казни! Я достаточно былъ пріученъ во время имперіи къ смертнымъ приговорамъ, чтобъ не страшиться ихъ во время Республики. — 17 октября, 1870. Флурансъ».

«Правительство—пишетъ «Rappel» — вступаетъ на путь репрессалій, который можетъ быть одинаково гибеленъ для насъ всѣхъ. Для того, чтобъ хорошо вести войну *внѣ*, оно должно твердо желать мира *внутри*. Мѣрами суровости и раздражающими воззваніями оно, конечно, не

Digitized by Google

добьется до того спокойствія и единодушія, которыя намъ такъ необходимы».

Въ одно время съ Флурансомъ преданъ военному суду Сапіа, обвиняемый въ раздачѣ картушей своему батальону для шествія на городскую думу и сверженіе правительства.

Вотъ всѣ подробности спора, родившагося изъ-за коммуны и выросшаго въ цѣлую борьбу съ вооруженными манифестаціями, съ преслѣдованіемъ и военными судами; источникъ этого спора о коммунѣ кроется въ народномъ недовольствѣ и недовѣріи, и оно будетъ проситься наружу до тѣхъ поръ, пока не устранятъ причинъ недовольства, пока не исчезнутъ поводы къ недовѣрію.

Между тѣмъ непріятель подошелъ къ Парижу и осадилъ его.

II.

Парижъ осажденъ и прерваны его сообщенія съ Франціей. Парижъ куетъ свой щитъ изъ митральёзъ и шаспо для защиты отъ вторженія пруссаковъ, и ждетъ помощи отъ Франціи: провинція придетъ намъ на выручку, она ударитъ пруссаковъ съ тылу и пруссаки найдутъ здѣсь свою могилу, сдавленные между Франціей и Парижемъ, стремящимися обнять другъ друга.

Что же дѣлаетъ провинція?

Къ сожалѣнію, рамки моего письма не позволяютъ мнѣ распространяться и изобразить вамъ обстоятельно состояніе Франціи; ей вы удѣлите мнѣ мѣсто въ декабрьской книгѣ, и я подѣлюсь съ вашими читателями моими наблюденіями и взглядами, хотя, тѣмъ не мен не хочу оставить ихъ и на этотъ разъ безъ общаго очерка, à vol d'oiseau. Vol d'oiseau—птичій полетъ, какъ вы сами знаете, играетъ теперь громадную роль—не будь голубей-путешественниковъ, не было бы многихъ свѣдѣній и толковъ, хотя надо сознаться и предостеречь вашего читателя въ томъ, что безцеремонность журналистовъ заставляетъ часто *голубей высиживать утокъ!* т.-е. по просту говоря, выдавать плодъ фантазіи своего ремесла за плодъ, принесенный изъ Парижа голубемъ!

То же недовольство и то же взаимное недовѣріе царитъ во всей Франціи. Турская делегація ни на минуту не съумѣла пріобрѣсти довѣрія провинцій; съ перваго же дня на нее посыпались упреки и жалобы; и рядомъ съ нею, южная Франція задумала свою организацію защиты — она объявляла себя совершеннолѣтней и правоспособной, и 13 департаментовъ образовали *южную лигу,* съ своимъ центромъ въ *Марсели.* Въ этомъ центрѣ собирается иного рода делегація, чѣмъ въ Турѣ; делегація, состоящая изъ выборныхъ отъ всѣхъ мѣстностей,

Digitized by Google

входящихъ въ составъ лиги. «Мы не хотимъ идти противъ парижскаго или турскаго правительства, но мы хотимъ идти вмѣстѣ съ ними на защиту Франціи, а для этого мы должны быть самостоятельными въ организованіи нашихъ силъ; мы должны вызвать національную энергію изъ всѣхъ угловъ и ущелій нашей страны, — мы хотимъ бороться за свободу противъ гнета, которымъ намъ грозитъ чужеземное вторженіе». На счастіе Лиги, верховный уполномоченный правительства Эскиросъ оказался человѣкомъ, который призналъ разумность ея иниціативы и сталъ содѣйствовать ея дѣятельности. Но какая должна была быть ея дѣятельность? ей надо было организовать батальоны и высылать ихъ на врага—надо слѣдовательно оружія и денегъ—ни того, ни другого не оказывалось. Лига обратилась за содѣйствіемъ къ турскому правительству; это правительство даже не отвѣтило признаніемъ ея. Лига рѣшила добыть средства патріотическимъ займомъ; но заемъ не давалъ быстрыхъ результатовъ, за немногими почетными исключеніями, какъ одного грека, который далъ въ заемъ два милліона и получилъ за то отъ народной признательности званіе марсельскаго гражданина. Депутаты Лиги заговорили о насильственномъ займѣ, о налогѣ, пропорціональномъ съ богатствомъ и доходами; этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ вызвать давно собиравшуюся надъ ея головой бурю. «Эти внутренніе пруссаки сѣютъ раздоръ между гражданами—закричали «Union», «France», «Gazette du Midi» и пр. и пр. органы клерикальной, легитимистской и орлеанской партій; они учреждаютъ государство въ государствѣ! они отдѣляютъ отъ Франціи 13 департаментовъ; мы требуемъ, чтобъ турское правительство усмирило ихъ, положило предѣлъ ихъ кознямъ».

Лига не слушалась и шла дальше, и въ своемъ предпріятіи военной организаціи наткулась на военную власть. Гроза на этотъ разъ шла изъ Ліона. Въ Ліонѣ генералъ Мазюръ вызвалъ шумный ропотъ своей отчаянной бездѣятельностью; укрѣпленія стояли пустыми, безъ пушекъ; національная гвардія не готовилась къ защитѣ, «мобили» не вооружались и не обучались. Отвѣтъ на всѣ тревожные спросы населенія былъ одинъ и тотъ же: нѣтъ денегъ и нѣтъ оружія. «Дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что Мазюръ предатель, бонапартистъ, онъ ждетъ пруссаковъ и продаетъ насъ» — раздалось въ народныхъ собраніяхъ.... Еще ранѣе, чѣмъ Парижъ былъ осажденъ, Ліонскій комитетъ общественнаго спасенія послалъ Андріё объясниться съ правительствомъ національной защиты, но Андріё явился изъ Парижа и вмѣсто всякаго утѣшительнаго извѣстія привезъ только для самого себя званіе прокурора республики. «Мы не затѣмъ посылали тебя въ Парижъ, гражданинъ Андріё»,—попрекали его на собраніяхъ демократы. Раздраженіе приняло болѣе энергическіе размѣры, когда Андріё вздумалъ выпустить изъ заключенія прежнія бонапартистскія власти, арестованныя коми-

Digitized by Google

тетомъ общественнаго спасенія, — группою смѣлыхъ людей, вышедшихъ изъ Круа-Руса и Гильотера и занявшихъ съ оружіемъ въ рукахъ Hôtel de Ville, 4-го сентября. Андріё стоялъ на трибунѣ въ собраніи Ротонды предъ трехъ-тысячной толпой, въ красивомъ нарядѣ, и одной рукой игралъ своей золотой цѣпочкой, а другую засунулъ въ карманъ и произнесъ роковыя для себя слова: «я получилъ приказъ отъ высшаго правительства и я не унижу своего достоинства передъ давленіемъ толпы». Толпа оскорбилась. «Тащите его въ тюрьму съ его достоинствомъ»! Прокуроръ республики оказался дѣйствительно въ тюрьмѣ, изъ которой его выпустили на другой день.

Вражда рабочихъ классовъ и высшей власти разгаралась. Комитетъ общественнаго спасенія хотѣлъ подать примѣръ парижской депутаціи, очутившейся во главѣ правленія, и созвалъ тотчасъ же гражданъ Ліона на выборы муниципальнаго совѣта, уступая ему свою временную, случайную власть. Выборы состоялись и ими остались недовольны обѣ крайнія партіи. Съ одной стороны, только девять человѣкъ изъ муниципальнаго совѣта готовы были дѣйствовать, сообразуясь съ требованіями народныхъ собраній; съ другой стороны, всѣ остальные должны были во всякомъ случаѣ принимать,—для добытія средствъ и оружія—мѣры болѣе энергичныя, чѣмъ того желало промышленное и торговое населеніе богатыхъ кварталовъ Ліона. Муниципальный совѣтъ сталъ принимать одни рѣшенія, префектъ — другія, военная власть — третьи, или, вѣрнѣе сказать, военная власть не принимала никакихъ рѣшеній, а только не исполняла ни одной изъ требуемыхъ мѣръ. «Пусть префектъ смѣнитъ генерала или пусть не мѣшается въ дѣла муниципальнаго совѣта; муниципалитетъ долженъ быть верховною *коммюною*, мы не выбирали префекта». Народныя собранія, клубы шумѣли. Явился Клюзере, по призыву народа, и муниципальный совѣтъ привѣтствовалъ его и поручилъ формированіе отрядовъ. Клюзере встрѣтился съ оппозиціей — префекта и генерала.

Въ одномъ изъ народныхъ собраній онъ изложилъ свои требованія, свои средства, въ формѣ прогрессивнаго налога, и свой взглядъ на необходимость новой, партизанской войны. Рабочіе кварталы стали за него, финансовые кварталы—противъ. Какъ всегда, одна крайность вызываетъ другую, такъ случилось и въ Ліонѣ: упорство префекта, парализованіе дѣйствій муниципальнаго совѣта, подозрѣніе генерала въ измѣнѣ, подали извѣстной, небольшой группѣ людей мысль провозгласить совершенный переворотъ, политическій и экономическій— дѣло значитъ не останавливалось на установленіи Коммюны, какъ требовали въ Парижѣ; эту Коммюну захотѣли создать по новому образцу.

28-го сентября городская дума была окружена народомъ — одни

Digitized by Google

пришли для низверженія военной власти, другіе—для огражденія власти префекта. Явился Клюзере и его заарестовали по приказанію властей; но объявленіе о томъ Сеня съ балкона повело къ взрыву; толпы ворвались въ городскую думу, муниципальные совѣтники исчезли; префектъ скрылся, нѣсколько людей, принявшихъ названіе «комитета спасенія Франціи», вошли въ залы муниципальнаго совѣта и стали разсуждать объ устройствѣ новаго правленія.

Клюзере былъ освобожденъ и благодаридъ народъ тоже съ балкона; но въ то время, когда Клюзере думалъ, что наконецъ получитъ возможность организовать военныя силы, онъ увидѣлъ, что нѣкоторые люди замышляютъ переворотъ, т.-е. согнаніе муниципальнаго совѣта и диктатуру новой группы, помимо выбора suffrage universel'емъ; онъ понялъ, что дѣло плохо, увидѣвъ скопленіе батальоновъ національной гвардіи и зная миролюбивое на этотъ разъ настроеніе Круа-Руса. Онъ только-что пришелъ оттуда, гдѣ время шло въ спорѣ, идти ли съ оружіемъ или безъ оружія къ городской думѣ. Онъ рѣшился поддержать муниципальный совѣтъ, какъ избранный правильнымъ votомъ народа.

Гора родила мышь! Забилъ барабанъ, явился префектъ, окруженный стражею и сталъ читать батальонамъ депешу изъ Тура, о вручніи ему полной, безраздѣльной гражданской и военной власти; штука была сыграна; народъ привѣтствовалъ префекта, рѣшивъ, что споръ между гражданской и военной властью покончень! Генералъ Мазюръ полетитъ вонъ съ своего мѣста; народъ не размышлялъ о томъ, у кого въ рукахъ будетъ верховная власть: у муниципальнаго совѣта или у префекта; а *не* народъ очень хорошо зналъ и торжествовалъ свою побѣду и надъ революціонной попыткою, и надъ муниципальнымъ совѣтомъ, осмѣлившимся мечтать о насильственномъ налогѣ! Въ 6 часовъ вечера муниципальные совѣтники явились въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ и попросили любезно удалиться людей, занявшихъ ихъ мѣста; и тѣ также любезно поспѣшили исполнить просьбу и даже произошло пожатіе рукъ. Когда они вышли на улицу, вокругъ городской думы стояли еще національные гвардейцы, но въ ихъ числѣ не было людей ни изъ Круа-Русъ, ни изъ Гильотеръ, ни изъ Брото.

И вотъ эта-то сцена возлѣ городской думы и внутри ея—должна была вызвать взрывъ протестовъ, воззваній, негодованій, обвиненій со стороны всѣхъ партій! Клерикалы и бонапартисты не церемонились и прямо объявили въ своихъ газетахъ, что лучше пусть пруссаки возьмутъ Ліонъ и усмирятъ по заслугамъ бунтовщиковъ, чѣмъ терпѣть ихъ покушенія на общественный порядокъ! и тѣ же самыя газеты объявляли въ то же время, что «бунтовщики» суть продажные агенты Бисмарка. А префектъ грозилъ арестами, и Клюзере долженъ

Digitized by Google

былъ оставить Ліонъ и поспѣшилъ въ Марсель, на призывъ Лиги Юга. Но когда онъ шелъ на засѣданіе делегатовъ Лиги, Эскиросъ подошелъ къ нему и показалъ депешу. «Вы видите, изъ Тура требуютъ, чтобъ я арестовалъ васъ, но я не хочу этого дѣлать, уѣзжайте отсюда». Клюзере долженъ былъ отправиться на итальянскую границу, и оттуда пробрался въ Женеву, и въ ожиданіи болѣе удобнаго момента, пока занялся изобличеніемъ своихъ клеветниковъ, требуя надъ собою формальнаго суда. Такимъ образомъ, правительственная кара постигала въ Парижѣ Флуранса, въ Ліонѣ—его друга Клюзере.

Чередъ былъ за Марселемъ.... Клерикальная партія въ Марсели обрадовалась ліонскимъ событіямъ и начала громить республиканцевъ. Населеніе волновалось; garde civique, образовавшаяся изъ рабочихъ, уже разъ расправилась по военному съ членами трибунала, отведенными связанными въ префектуру за приговоръ, который имъ показался ложнымъ! Боясь новыхъ смутъ, Эскиросъ запретилъ изданіе «Gazette du Midi» за ея провокаціи республиканцамъ. Гвалтъ и шумъ поднялся: какъ! свобода прессы, свобода мысли стѣсняются, это хуже чѣмъ при Бонапартѣ,—такъ голосили какъ разъ тѣ органы, которые рукоплескали каждой реакціонной мѣрѣ Бонапарта. Іезуиты вышли изъ предѣловъ своего благоразумія и макьявельскихъ конспирацій и стали тоже громко поносить всѣ мѣры, предпринимаемыя для защиты Лигою юга и Эскиросомъ, стали сѣять смуты въ Марсели и въ окрестностяхъ. Эскиросъ рѣшился строго примѣнить къ нимъ законъ, запрещающій существованіе подобной *конгрегаціи* во Франціи и изгналъ ихъ орденъ изъ Марселя. Разразилась гроза! Самъ турскій архіепископъ обратился къ Гамбеттѣ, какъ разъ подоспѣвшему на этотъ скандалъ изъ Парижа: «*Если* вы хотите установить республику, два раза уже оказавшуюся несостоятельною во Франціи, то не гоните свободы мнѣнія и совѣсти, не начинайте противъ насъ притѣсненій, которыхъ не смѣла употребить даже вторая имперія».

Это значило въ переводѣ съ монастырскаго на свѣтскій языкъ: если вы не хотите, чтобъ мы своими католическими интригами и заговорами сбросили сейчасъ же, несмотря на пруссаковъ, и вашу третью республику, какъ сбросили первую, поднявъ противъ Франціи Вандею, въ ту минуту, когда ее ожидала со всѣхъ сторонъ коалиція; какъ сбросили вторую, когда заставили Францію положить начало реакціи въ Европѣ занятіемъ Рима,—то ведите себя учтиво съ нами и оставьте насъ приготовлять исподоволь клерикальную династическую реставрацію. Гамбетта поспѣшилъ послушаться пастырскаго увѣщанія и отправилъ Эскиросу свое телеграфическое повелѣніе о снятіи запрещенія съ «Gazette du Midi» и объ отмѣнѣ декрета объ изгнаніи іезуитовъ. Вмѣсто отмѣны декрета, Эскиросъ сообщилъ депешу Гамбетты департаментскому совѣту, а совѣтъ рѣшилъ распространить мѣру из-

Digitized by Google

гнанія іезуитовъ на весь департаментъ Устьевъ-Роны! Многотысячная народная манифестація пришла подъ окна Эскироса выразить ему полное сочувствіе, и готовность содѣйствовать его рѣшительнымъ мѣрамъ. «Если турское правительство захочетъ покинуть меня, то вы не покинете меня—говорилъ Эскиросъ.

«Граждане! я останусь между вами, увѣренный въ содѣйствіи національной гвардіи и народа Марселя. Я выйду изъ префектуры только въ тотъ день, когда я долженъ буду выступить съ вами въ походъ противъ нашествія пруссаковъ».

«Если правительство,—говоритъ «l'Emancipation», тулузскій журналъ «Южной Демократіи», все время проповѣдующій необходимость общаго и единодушнаго дѣйствія, безъ всякихъ внутреннихъ раздоровъ, если центральное правительство захотѣло бы упорствовать въ отмѣнѣ двухъ марсельскихъ декретовъ, то оно само себя подвергло бы опасности вызова, страшнаго столкновенія, которое, въ виду прусскаго вторженія, могло бы повести къ послѣдствіямъ самымъ серьезнымъ и самымъ бѣдственнымъ. Оно рисковало бы возжечь гражданскую войну въ 13-ти или 14-ти департаментахъ, составляющихъ *Южную Лигу*, и оно увидѣло бы себя вынужденнымъ послать солдатъ противъ Ліона и противъ Марселя! Но неужели оно не считаетъ лучшимъ приберечь солдатъ единственно для пруссаковъ, вмѣсто того, чтобъ отдавать ихъ въ услуженіе іезуитамъ, которые, конечно, никогда, не станутъ благодарными ни за его содѣйствіе, ни за его помощь....» «Нечего удивляться мѣрамъ и рѣшеніямъ, предпринимаемымъ Южною Лигою. Департаменты, составляющіе Лигу—Ронскій, Варскій, Альповъ, Устьевъ-Роны, Гаръ, Геро,—слишкомъ чувствительно пострадали отъ декабрьскаго переворота, и естественно, что они теперь организуются сильно и прочно для того, чтобъ быть въ состояніи оказать серьезное сопротивленіе всякой попыткѣ реакціи, или какой бы то ни было монархической реставраціи. Вмѣсто того, чтобъ порицать эти департаменты, всѣ республиканцы должны бы брать съ нихъ примѣръ, и организоваться повсюду, подобно Ліону и Марселю». Несмотря на эти воззванія, правительство надѣется своею умѣренностью привлечь къ себѣ клерикальную партію. Оно уже давно разрѣшило людямъ, носящимъ легендарныя имена шефовъ Вандейцевъ, формировать военные отряды; вандейцы объявили, что они теперь пойдутъ на борьбу «за Бога и Францію».

Очевидно, что ведя вандейцевъ на битву, ихъ вожаки разсчитываютъ позже на возстановленіе Бурбоновъ, и манифестъ герцога Шамбора, изъявляющаго свою готовность вернуться на родительскій престолъ, вполнѣ подтверждаетъ общее опасеніе. Очевидно также, что правительство надѣется воспользоваться ихъ услугами и потомъ имѣть силу смирить ихъ; и во всякомъ случаѣ—говоря относительно войны,

Digitized by Google

конечно, вандейцы будутъ жестоко биться противъ пруссаковъ, — католики противъ еретиковъ-протестантовъ; но... на бѣду подвернулся Гарибальди! и теперь совершенно неизвѣстно, что̀ будетъ: захотятъ ли вандейцы бить пруссаковъ, или прежде всего бить самого Гарибальди!!

Пріѣздъ Гарибальди обманулъ всѣхъ. Или его вовсе не ждали, или его ждали иначе. Гарибальди былъ больной на островѣ Капреры. Когда я прочелъ въ англійскихъ газетахъ его письмо къ одному изъ друзей о томъ, что онъ не отправится во Францію, — я не совсѣмъ зналъ что̀ должно думать — стратегическій-ли это отводъ для того, чтобъ лучше бѣжать съ Капреры, или же сорвавшееся, неуспѣшное похожденіе. Дѣло вотъ въ чемъ. Случай свелъ меня съ Панталео: бывшій попъ, бывшій революціонный проповѣдникъ, онъ чтитъ теперь прежде всего Гарибальди и потомъ свободу Франціи. Онъ задумалъ непремѣнно освободить Гарибальди изъ плѣна, потому что это фактъ, что Гарибальди стерегли денно и нощно на Капрерѣ: его стерегли раньше, чтобъ онъ не бросился на Римъ, его стерегли позже, чтобъ онъ не бросился «на Бисмарка» и не огорчилъ тѣмъ прусскаго и итальянскаго королей. Молодая иностранка-энтузіастка отдала Панталео всѣ свои брилліанты и золотыя вещи, чтобъ достать денегъ; Панталео отправился въ Марсель и Авиньонъ; старый знакомый докторъ Гарибальди и еще одинъ молодой поклонникъ Гарибальди, и юный богатый искатель приключеній изъ Авиньона, отправились въ Италію, употребили нѣсколько дней, пока, наконецъ, могли пробраться къ Гарибальди. Докторъ ужаснулся, увидѣвъ исхудалую, постарѣвшую фигуру Гарибальди. «Я теперь мало на что годенъ, но моя жизнь принадлежитъ странѣ, бьющейся за свободу....» Гарибальди проводилъ посѣтителей, давши согласіе на побѣгъ; Панталео явился съ пароходомъ изъ Марселя, Гарибальди бѣжалъ отъ надзора и, въ маленькой баркѣ, пробрался на назначенное мѣсто свиданія. Черезъ два дня я неожиданно получилъ депешу: «La sainte chemise rouge, entre aujourdhui avec Pantaléo à Marseille. Bon espoir! La Républicaine» — (святая красная рубашка входитъ сегодня съ Панталео въ Марсель. Добрая надежда! «Республика».) Это моя полузнакомая энтузіастка считала долгомъ осчастливить меня телеграмою! Иностранцы вообще считаютъ россійскихъ туристовъ непремѣнно за республиканцевъ; таковъ ужъ нашъ удѣлъ,—за границей! Мнѣ случилось какъ-то сидѣть въ café и глотать нѣмецкую газету за англійской, англійскую за французской. Противъ меня сидѣлъ, или вѣрнѣе, вертѣлся среднихъ лѣтъ французъ, съ красною ленточкою въ петличкѣ: очевидно хотѣлъ душу отвести. «Вы русскій»?—вдругъ спросилъ онъ.—Съ какой стороны васъ это интересуетъ? спросилъ я въ свою очередь. «Я такъ полагаю, потому что только русскіе знаютъ всѣ языки».—Благодарю за комплиментъ. «Вы

Digitized by Google

жентельманъ, monsieur! вы жентельманъ, потому что только русскіе любятъ свободу»! Pas d'illusions! citoyen, озадачилъ я его и пересѣлъ за другой столъ, предпочитая іереміады газетъ іереміадамъ почетнаго Легіона.

Рѣчь однако идетъ о томъ, что Гарибальди высадился въ Марсели.... Всѣ ждали, т.-е. народъ и республиканцы ждали, что онъ начнетъ немедленно формировать легіоны и пойдетъ съ ними отъ Марселя и Тулона на Ліонъ и т. д., повсюду вербуя тысячи смѣлыхъ воиновъ, и это навѣрное удалось бы ему при его легендарномъ дѣйствіи на умы и на воображеніе, при полномъ недовѣріи народа къ генераламъ и офицерамъ Бонапарта, при общемъ кликѣ: дайте намъ человѣка, который съумѣлъ бы съорганизовать насъ и повелъ бы насъ на бой!—Гарибальди исчезъ, и депеша скоро оповѣстила, что онъ прибылъ въ Туръ, «гдѣ не успѣли ему оказать пріема». — Qui s'excuse, s'accuse—говоритъ пословица, поэтому вы можете навѣрное знать, читая подобныя депеши, что если они говорятъ «не успѣли», то это значитъ *не хотѣли* успѣть.

Туране не отличаются революціонными тенденціями и гордятся своимъ благочестіемъ; объ ихъ нравственномъ воспитаніи заботится архіепископъ, о политическомъ образованіи—меръ, благородный легитимистъ. Туране, напримѣръ, услышали, что повсюду идутъ козни «республиканцевъ», и что дѣло *честныхъ* гражданъ ограждать порядокъ и дѣлать манифестаціи *противъ* республиканцевъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего они выкинули на дняхъ, къ великому посмѣянію или злобствованію разныхъ органовъ, манифестацію, будто ихъ отечество было въ опасности, когда даже извѣстно, что къ нимъ скорѣе заберутся пруссаки, чѣмъ республиканцы.

Принимая во вниманіе подобныя качества гражданъ Тура, делегація правительства боится растревожить ихъ: она учредила манифестацію генералу Ульриху, она было-хотѣла таковую-же устроить Гарибальди и даже Глэ-Бизоэнъ торжественно расцѣловалъ «генерала Гарибальди»,—но вскорѣ явился протестъ архіепископа и все смолкло. Архіепископъ объявилъ, что онъ не только не ходилъ на встрѣчу *еретику*, но что онъ даже спеціально просилъ Кремьё, чтобъ нога Гарибальди не осквернила его архіепископскаго дворца!

Понятно, что вслѣдъ за архіепископомъ раздался хоръ клерикальныхъ газетъ: «къ чему пустили во Францію этого vieux mannequin!» Такъ понимаютъ люди гостепріимство относительно человѣка, приносящаго жизнь ихъ странѣ! впрочемъ правда, у нихъ и нѣтъ страны, кромѣ неба и fleur de lis!

Гарибальди дали начальство надъ волонтерами въ Вогезахъ и онъ отправился въ Безансонъ и Доль, куда его сопутствовала *просьба* Гам-

Digitized by Google

бетты къ бонапартистскому генералу Камбріэлю о мирѣ и согласіи,— просьба, оставшаяся тщетною!

А надняхъ самъ Кератри назначенъ *главнокомандующимъ* «силъ запада» — «des forces de Bretagne» — и ему не велѣно сообразоваться ни съ какими генеральскими симпатіями и воззрѣніями, онъ получилъ pleins pouvoirs — полную власть. Это сравненіе, этотъ болѣе высокій и важный постъ, данный Кератри, предпочтительно предъ Гарибальди, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. По частнымъ свѣдѣніямъ, которыя я могу считать за достовѣрныя, Гарибальди врядъ ли въ состояніи будетъ много дѣйствовать. Онъ связанъ и жалуется на отсутствіе денегъ и ружей! Вездѣ одна и та же пѣсня!

Такъ скосили совершенно сознательно энтузіазмъ, который Гарибальди могъ навѣрное возбудить во всемъ югѣ Франціи, и вызвать изъ него десятки тысячъ смѣлыхъ бойцовъ. «Они вовсе не хотятъ серьезной защиты, эти господа Тура — говорилъ мнѣ съ тяжелымъ вздохомъ одинъ изъ членовъ муниципальнаго совѣта Ліона,— это не защита, это только призракъ защиты — ce n'est qu'un simulacre de défense!»—Одну минуту, Гамбетта, повидимому, поколебался предъ національнымъ требованіемъ и издалъ декретъ объ уничтоженіи іерархическихъ повышеній въ войскѣ — a highly revolutionnary decree! — воскликнули англійскіе корреспонденты; но и этотъ «въ высшей степени революціонный декретъ»—оказывается только *призракомъ*, а не дѣйствительностью!

Бонапартистскіе генералы царятъ-себѣ въ крѣпостяхъ, портахъ и городахъ и остаются бонапартистами въ полномъ смыслѣ этого слова, становящагося ругательнымъ или, по меньшей мѣрѣ, неприличнымъ! Посмотрите, что́ произошло надняхъ въ Тулонѣ. Давно уже носился слухъ, что въ Тулонѣ напрасно стоятъ пушки и находится цѣлый складъ ружей. Ихъ не только не отправляютъ въ Ліонъ, но даже не вооружаютъ ими и мѣстную національную гвардію. Эта гвардія обратилась съ запросами къ морскому префекту де-ла-Грандьеръ и къ адмиралу Шопаръ, и получила въ отвѣтъ, что никому нѣтъ дѣла до арсеналовъ Тулона, кромѣ высшихъ военныхъ властей! Тулонское населеніе рѣшилось на демонстрацію. Безоружныя многочисленныя группы отправились къ морской префектурѣ, желая объясниться съ властями. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, безъ предупрежденія, безъ всякаго вызова, на безоружную толпу бросились съ штыками жандармы, спрятанные заранѣе во дворѣ, и переранили и перебили попавшихся имъ подъ штыкъ или прикладъ гражданъ!

Если бы вамъ случилось, какъ мнѣ въ іюнѣ 69 г., во дворѣ «Rappel'я», когда шло дѣло о выборѣ Рошфора, присутствовать и.... увы! сознаюсь—участвовать въ побѣгѣ въ разсыпную отъ кассъ-тетовъ и тесаковъ парижскихъ сержантовъ, — то вы легко представили бы себѣ

Digitized by Google

всю безобразную дѣйствительность подобной западни! И это повторяется теперь, при республикѣ! Не даромъ журналы указываютъ, что солдатамъ до сихъ поръ даже не объявлено ни однимъ дневнымъ приказомъ о провозглашеніи республики, такъ что они могутъ еще признавать имперію, — а времени было достаточно съ 4-го сентября!

И не только въ Тулонѣ, въ Брестѣ скандалъ случился не меньшій, хотя финалъ былъ отраднѣе. 500 американскихъ волонтеровъ прибыло на кораблѣ въ Брестъ. Адмиралъ порта, узнавъ, что́ за *товаръ* привезъ корабль, *отказалъ* капитану въ правѣ высадки! Капитанъ вытаращилъ глаза, подумалъ не *прусскій* ли ужъ адмиралъ командуетъ Брестомъ, и не постигая, съ какой стати французскій адмиралъ могъ бы безпокоиться о нарушеніи американцами ихъ нейтралитета, когда даже изъ Америки они могли безпрепятственно уѣхать—капитанъ рѣшилъ начать свои военныя дѣйствія противъ французскаго адмирала, и, несмотря на запретъ, высадился съ своими волонтерами, привѣтствуемый національною гвардіею и всѣмъ городомъ!... До васъ, конечно, дошли слухи объ обвиненіи генерала Уриха въ предательствѣ въ Страсбургѣ. Офицеры, отпущенные на-слово, негодуютъ на генерала, доказывая, что въ крѣпости были и пушки, и боевые припасы, что населеніе вовсе не хотѣло сдачи, и что Урихъ не исполнилъ даже такихъ военныхъ предписаній предъ сдачею, за нарушеніе которыхъ законъ предаетъ коменданта военному полевому суду. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что генералъ даже и не подумалъ включить въ капитуляцію условіе о безопасности республиканскаго префекта! Бѣдному Валантену пришлось сослужить республикѣ тяжелую службу. Онъ могъ попасть въ Страсбургъ, послѣ цѣлаго ряда приключеній, не иначе, какъ *вплавь*, привѣтствуемый градомъ пуль съ обѣихъ сторонъ — нѣмецкой и французской, пока, наконецъ, его не схватили на французскомъ берегу и не потащили къ коменданту, которому онъ вручилъ свое назначеніе, зашитое въ его блузѣ. Чрезъ двѣ недѣли Страсбургъ сдали, и нѣмцы отправили Валантена въ крѣпость Эренбрейтштейнъ!... Республиканская Франція волнуется и всеболѣе готова подозрѣвать даже само національное правительство въ измѣнѣ.

Вы читали въ газетахъ о похожденіяхъ генерала Бурбаки,— какъ и зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Лондонъ, къ императрицѣ, въ отставкѣ, — ничего неизвѣстно, а турское правительство дало ему команду «сѣверной арміей», и республиканскіе органы напрасно требовали успокоительныхъ объясненій. Въ эту минуту свершилось еще не менѣе странное похожденіе: генералъ Бойе отправился изъ Метца прямо въ Версаль къ Бисмарку и Мольтке, и вступаетъ съ ними въ переговоры, не обращая никакого вниманія на правительство французской респуб-

Digitized by Google

лики! Говорятъ даже, что Бойе изъ Версаля отправился уже съ порученіемъ къ императрицѣ!

III.

Моя хроника подошла къ концу, а я ничего не говорилъ еще о военныхъ дѣйствіяхъ! Но вы врядъ ли упрекнете меня за это и я врядъ ли ошибся, полагая, что вамъ гораздо интереснѣе было бросить бѣглый взглядъ на внутреннее состояніе Франціи. Вы видите, что вездѣ идетъ борьба, антагонизмъ, вездѣ взаимное недовѣріе, вездѣ тлѣетъ огонь, вездѣ разбросаны искры.... И это вѣдь я говорилъ только о лицевой, о наглядной, *политической* сторонѣ; я вовсе не коснулся иного антагонизма — болѣе суроваго и мрачнаго, болѣе коренного и всосавшагося, такъ-сказать, въ мозгъ и кости современнаго общественнаго организма; еслибъ я коснулся *этой* стороны, то я долго не кончилъ бы и вы увидѣли бы, что искры могутъ ежечасно раздуться въ пожаръ, и что борьба можетъ принять неожиданный и ожесточенный характеръ. Объ этой сторонѣ современнаго состоянія Франціи будетъ еще не разъ и случай и необходимость говорить обстоятельно; а теперь возвращаюсь къ вопросу о военныхъ дѣйствіяхъ. Я полагаю, что всѣмъ самимъ ясно, каковы могутъ быть результаты при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мы изложили. Французскіе генералы сохранили свою рутину и упорно подтверждаютъ общественное мнѣніе въ своей неспособности, трусости или предательствѣ. Клюзере давно уже указывалъ, что нѣмецкіе генералы внесли въ военную тактику всѣ улучшенія, взятыя ими изъ опыта гигантской американской войны, знакомой и ему, одному изъ всѣхъ французовъ, потому что онъ одинъ только участвовалъ въ американской войнѣ. Клюзере же доказывалъ на всѣхъ собраніяхъ и во всѣхъ своихъ «циркулярахъ», т.-е. обращеніяхъ къ французамъ, что при нынѣшнемъ военномъ состояніи Франціи безумно мечтать объ образованіи большихъ армій, которыхъ все же не образуютъ, и о регулярныхъ сраженіяхъ съ нѣмецкими войсками: «будемте формировать летучіе отряды, будемте вести *естественную* войну, партизанскую, будемте перерѣзывать сообщенія непріятелей, накрывать его врасплохъ, пусть наши лѣса будутъ нашими крѣпостями». Напрасны были его совѣты, пока Гарибальди не повторилъ того же самаго; но теперь, по всей вѣроятности, уже поздно; а между тѣмъ взятіе Орлеана покрыло новымъ позоромъ французскій генералитетъ имперіи. Офицеры сидѣли въ cafés и ресторанахъ, а солдаты бродили по улицамъ, напрасно ожидая распоряженій; офицеры равнодушно объявляли, что они сами не получили никакихъ приказовъ; солдаты бросали свои ружья и съ отчаянья шли въ кабаки! «Мобили», иностранный легіонъ, легіонъ зуавовъ дрались отчаянно, «сами на свой страхъ»; Орлеанъ былъ, конечно, взятъ, и нѣмцы заставили французовъ сложить

Digitized by Google

все оружіе у памятника Іоанны-Дарк и зажгли его, освѣтивъ статую исторической Орлеанской Дѣвы: историки могутъ предаваться сравненіямъ по этому поводу и врядъ ли рѣшатъ, что положеніе Франціи теперь не болѣе печальное, чѣмъ тогда, когда Іоанна являлась ея спасительницей! Солдаты, мобили дрались отчаянно храбро, но распоряженій не было никакихъ, и генералы исчезаютъ неизвѣстно куда! Въ битвѣ при Артене, предъ непріятельской артиллеріей французскіе отряды дрогнули и обратились въ бѣгство; вся дорога была устлана массно! Во всѣхъ стычкахъ и битвахъ было замѣчено тоже самое, что и при первой вылазкѣ изъ Парижа: регулярныя войска бѣгутъ предъ врагомъ, между тѣмъ какъ «мобили» ведутъ себя гораздо воздержнѣе, и еще безъ сравненія ведутъ себя храбрѣе просто волонтеры, мѣстные жители. Браконьеры усѣяли весь орлеанскій лѣсъ и затѣяли отчаянную перестрѣлку съ врагомъ; одинъ изъ браконьеровъ попался и его хотѣли повѣсить, но онъ ушелъ изъ-подъ стражи, переплывъ рѣку, попросилъ новаго ружья и снова отправился драться: «Я самъ возвращусь добровольно въ плѣнъ, если прусскій генералъ опровергнетъ мое показаніе, что я убилъ у него сегодня 50 человѣкъ!» Такихъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ и мѣстныхъ фактовъ смѣлости и героизма весьма много; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне встаютъ и бьютъ врага, который ихъ безпощадно разстрѣливаетъ и вѣшаетъ. Война принимаетъ все болѣе ожесточенный характеръ, тѣмъ болѣе печальный, что все это въ сущности ни къ чему не поведетъ,—все это лишнее для побѣдителей и напрасное для побѣжденныхъ: нѣмецкій комендантъ Лана объявилъ, что за каждаго убитаго нѣмца онъ разстрѣляетъ 4-хъ французовъ. Капитанъ волонтеровъ Эна, Ларъ, послалъ ему въ отвѣтъ приказъ своимъ волонтерамъ: у насъ въ плѣну 157 пруссаковъ, за каждаго разстрѣляннаго француза я приказываю повѣсить 10 нѣмцевъ!...

«Неужели это требованіе войны,— спрашиваетъ одна мѣстная газета—неужели это сгладитъ и ненадолго возродитъ вражду двухъ націй, которымъ сосѣдство приказывало бы жить въ мирѣ». Въ селѣ Бургансъ битва имѣла болѣе *непривычный* видъ: вооружились женщины чѣмъ попало: топорами, ножами, косами и бросились на нѣмцевъ и прогнали ихъ! Женщины, старики и дѣти вооружились точно также въ одномъ селѣ подъ Руаномъ и отчаянно бились съ врагомъ, потому что они видятъ, что имъ нѣтъ спасенія, и что тамъ, гдѣ «мэры» спѣшатъ покориться пруссакамъ, тамъ идетъ не меньше разоренія, пожоговъ и насилія! Женщины, наконецъ, и въ Парижѣ вооружаются особо-заготовленными для нихъ небольшими ружьями и образуютъ легіонъ сенскихъ амазонокъ: «Что же еще мы увидимъ! — восклицаютъ англійскіе журналы — до какого варварства доведетъ насъ еще война! Женщины не хотятъ болѣе сидѣть въ домахъ въ томливомъ, мучи-

Digitized by Google

тельномъ ожиданіи погребальныхъ свѣдѣній объ участи своихъ мужей, онѣ сами идутъ на валы, онѣ сами готовятся къ сраженію, онѣ влекутъ съ собою своихъ дѣтей, — семейная жизнь разрушена, домашній очагъ погашенъ!»

Послѣднія вылазки изъ Парижа весьма ободрили парижское населеніе: въ дѣлѣ 13 октября мобили особенно отличились; раздался старый французскій крикъ: «à la bayonette!» и они бросились на непріятельскіе редуты, и напрасно нѣмцы подняли вверхъ свои ружья: французы боялись обмана и кололи и стрѣляли нѣмцевъ, занимая Баньё. Но въ самомъ Баньё нѣмцы, оказалось, засѣли въ погреба, въ дома изъ оконъ, изъ чердаковъ, съ крышъ посыпался градъ пуль на французовъ. «Чего же, друзья! — вскричалъ молодой капитанъ ихъ, Дампьеръ, — впередъ!» и онъ бросился, а за нимъ его отрядъ. Дампьеръ не сдѣлалъ двухъ шаговъ, какъ пуля сразила его наповалъ. «Какое счастье, — прошепталъ онъ, — я не буду болѣе въ разлукѣ съ ней! (у него умерла незадолго до того молодая жена). Впередъ!» и мобили сбили позицію врага и заняли деревню до тѣхъ поръ, пока высшій приказъ не велѣлъ начать отступленія къ стѣнамъ Парижа. Страннымъ образомъ, несмотря на всѣ положительные и удостовѣряющіе факты въ томъ, что при нынѣшнемъ положеніи, вольные отряды, франктиреры гораздо болѣе оказываютъ успѣха и наносятъ вреда врагамъ, національное правительство держится за регулярную армію, за военную ферулу, за отжившую и невозможную теперь во Франціи дисциплину. Вотъ старикъ Эдгаръ Кине, возвратившійся въ Парижъ послѣ 19-ти-лѣтняго уединеннаго изгнанія въ Швейцаріи, обращается съ призывомъ къ провинціямъ. Что онъ говоритъ имъ? возбуждаетъ ихъ энтузіазмъ? Напоминаетъ имъ великую историческую традицію! Нѣтъ, Кине изъ историка обратился въ *стратегика:* «Мы ждемъ отъ провинцій не движеній энтузіазма, не слѣпого новстанья, не нравственной экзальтаціи или пламени одного момента, нѣтъ! въ Парижѣ *достаточно* этого энтузіазма; въ случаѣ нужды, онъ одинъ возьмется сообщить свое пламя департаментамъ (?!) Чтобъ насъ спасти, достаточно, чтобъ провинція исполняла строго, добросовѣстно то, что повелѣваютъ законы» (какіе?).

«Дѣло не въ томъ, чтобъ возбуждать, а въ томъ, чтобъ привести всѣхъ въ порядокъ. *Мы не просимъ волонтеровъ*, у которыхъ остается выборъ между дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ и которые могутъ ждать, пока ихъ вдохновеніе толкнетъ ихъ или удержитъ. Мы просимъ людей, записанныхъ по закону, указанныхъ закономъ, которымъ отечество приказываетъ, не ожидая, пока каждый сдѣлаетъ выборъ между спасеніемъ и разрушеніемъ.... Люди здѣсь налицо; они толпятся въ городахъ и въ деревняхъ въ безчисленныхъ массахъ. *Законъ* долженъ, а не *индивидуальная воля*, направить на шествіе эту націю, которая

Digitized by Google

ждетъ приказа. Пусть же этотъ приказъ будетъ, наконецъ, произнесенъ. Пусть правительство повелѣваетъ, его будутъ слушаться».

Этотъ манифестъ, очевидно, выражаетъ собою мнѣніе и желаніе самого правительства,—я говорю такъ, потому что извѣстно, что нынѣшнее правительство придаетъ весьма важное значеніе всякимъ воззваніямъ, обращеніямъ и циркулярамъ; сочтите только число циркуляровъ Ж. Фавра и его намѣстника, гр. де-Шадорди; правительство просило Л. Блана написать воззваніе къ англичанамъ; правительство просило В. Гюго ѣхать въ провинцію, для возбужденія энтузіазма, т.-е. *регулярнаго возбужденія*, *закономъ* приказаннаго энтузіазма, сообразно съ совѣтами Кине. (В. Гюго отказался, объявивъ, что онъ рѣшился умереть въ Парижѣ).

Въ концѣ своего обращенія Эд. Кине сообщаетъ интересную новость: «У насъ есть такіе города, въ которыхъ находятся пушки для артиллеріи цѣлой арміи!»

Это совершенно неожиданное открытіе! На этихъ дняхъ еще, 20 октября, Siècle рѣшился сказать правду, и другія республиканскія газеты повторили за нимъ: «Пушекъ! пушекъ! Франція будетъ опустошена и разорена съ одного конца до другого, если мы не создадимъ артиллерію, способную бороться съ артиллеріею врага. Въ битвахъ при Артене наши бойцы падали подъ картечью невидимаго врага. Пушки прямо противъ насъ, на право, на лѣво, на возвышенности, повсюду и нигдѣ прусской пѣхоты! И ни одного генерала, чтобъ насъ вести въ бой! ни одного военачальника не было видно на полѣ битвы! Неужели нельзя имѣть пушекъ? Пусть ищутъ ихъ заграницею! пусть *покупаютъ* ихъ на вѣсъ золота, пусть бросаютъ *милліоны* обѣими горстями; но пусть дадутъ оружіе нашимъ защитникамъ. Теперь побѣда принадлежитъ артиллеріи. La furie française безсильна! ея воодушевленіе разбивается о желѣзный кругъ! организуемъ же могучую артиллерію или... *откажемся отъ борьбы*. Или денегъ нѣтъ? дѣлайте насильственные налоги, общественное спасеніе того требуетъ».

Скряжническое лицо реакціи вытянулось при такомъ призывѣ, она заскрежетала зубами и ухватилась за свой карманъ, грозя заговоромъ и прямою борьбою противъ покушеній на ея потомъ добытые милліоны! «Насильственные налоги и займы—(вопитъ «Constitutionnel» во имя всей реакціи), — вотированные какими-то самозванными комитетами общественнаго спасенія—размножаются по всей поверхности *нашей* территоріи. Беззаконіе слѣдуетъ за беззаконіемъ; истязанія за истязаніями (?), повсюду настоящее dechainement произвольныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ болѣе изъ желанія все разстроить, изъ желанія вредить и мстить, чѣмъ изъ истинной любви къ странѣ. Каждой изъ этихъ мѣръ предшествуетъ: братство, свобода, равенство! Въ Лиможѣ комитетъ поставилъ себѣ за долгъ спасти отечество, разоряя

Digitized by Google

гражданъ...» (т.-е. декретируя заемъ въ одинъ милліонъ) и т. д. слѣдуютъ примѣры другихъ мѣстностей. «Это, конечно, не будетъ ни для кого новостью, если мы скажемъ, что вездѣ *организуется сопротивленіе собственниковъ*, столь беззаконно обиженныхъ; деньги будутъ *припрятаны*; эти произвольныя таксы поведутъ къ уменьшенію общественнаго капитала, и обѣдненія казны».

Это «Constitutionnel» и К° такъ разсуждаютъ въ виду нѣмцевъ, облагающихъ не однимъ, а 10-ю милліонами и жгущими въ благодарность за то города и деревни!

Народныя собранія отвѣчаютъ на угрозы старыхъ партій все бо́льшими и бо́льшими требованіями насильственнаго налога. «Къ чему дѣлать займы? Тѣмъ, кто отдаетъ свою жизнь отечеству, ее не возвращаютъ; тѣмъ болѣе нечего возвращать и деньги! Я согласенъ, что насильственный налогъ равняется *requisition*. Но развѣ лучше предпочесть *прусскія реквизиціи*—французскимъ?» такъ говорилъ гражданинъ Сейсонъ въ многочисленномъ собраніи въ «Альгамбрѣ» въ Марсели, вечеромъ 20-го октября. Собраніе это было замѣчательное: оно вотировало требованіе, чтобъ немедленно было приступлено къ общему повстанію, чтобъ генералъ Клюзере былъ возвращенъ во Францію для принятія команды, и чтобъ Эскиросъ сохранилъ полную власть вопреки требованіямъ Гамбетты.

Среди собранія выступилъ одинъ американецъ и едва понятнымъ, ломанымъ языкомъ, но съ весьма энергичными жестами произнесъ рѣчь, потрясшую все собраніе: «Франція-ли прекрасная, наводненная 500-тысячъ пруссаковъ, не можетъ встать поголовно, женщины, старики, дѣти, мужчины вооруженные или нѣтъ, въ числѣ 30 или 40 милліоновъ? Что вы тутъ дѣлаете каждый день на вашихъ площадяхъ, прогулкахъ и улицахъ, бездѣйствуя, точно вы не находитесь подъ сапогомъ Бисмарка или шпорою Гильома! Вы пьете, вы ѣдите, вы курите, вы отправляетесь на балы, въ театры, вы говорите, вы кричите, и вы не дѣйствуете! Вставайте все до едина! и пусть тѣ, у кого нѣтъ ружей, берутъ косы, пики, палки и за неимѣніемъ ихъ ногти и зубы и гвозди сапоговъ. Belle France! которую я люблю потому, что я американецъ; Франція богатая и великодушная, которой я обязанъ своей независимостью уже цѣлый вѣкъ; Франція, которая даетъ все, ничего не сохраняя для себя самой, Франція! я исполняю мой долгъ и я прихожу, чтобъ принести тебѣ мое служеніе и мою любовь».

Такъ говорилъ американецъ и слезы полились не изъ однихъ глазъ, и стоны вырвались не изъ одной груди присутствовавшихъ!

Франція—богатая и великодушная — чему она обречена теперь? какія катастрофы ждутъ ее? Какія испытанія выпадутъ еще ей на долю для поученія глупаго легкомысленнаго человѣчества? Франція, бѣдная и нищая! Кровь льется изъ всѣхъ жилъ ея! ея сердце — Па-

Digitized by Google

рижъ оторвано отъ нея, и ея кормители, крестьяне мрутъ, буквально мрутъ съ голоду; напрасно англичане организовали фондъ для помощи крестьянамъ сѣверо-западной Франціи: имъ даютъ денегъ, но имъ негдѣ купить ни одежды, ни съѣстныхъ припасовъ, и если они попадутся непріятелю, то онъ отниметъ у нихъ все, что́ дала благодѣтельная рука чужеземца. И дико смотритъ крестьянинъ, то на англичанина, то на нѣмца: оба они *чужіе*, оба они не вѣрятъ въ Бога такъ, какъ онъ вѣритъ, оба они не боятся ксендза, какъ онъ боится; отчего же одинъ, которому онъ не сдѣлалъ никакого зла—убиваетъ его и грабитъ? отчего другой, для котораго онъ ничего не наработалъ, даетъ ему даромъ денегъ и пищу? А земля? — земля стоитъ, орошенная кровавымъ дождемъ и сиротѣетъ безъ рукъ, холющихъ ее и кормящихъ ее засѣвами,—голодъ теперь, голодъ впереди, а тутъ еще язва коситъ жизни, полузастывшіе отъ нужды и холода! — будетъ ли конецъ всему этому, да и какой конецъ? Кто и когда возвратитъ крестьянину его нищенское достояніе, его очагъ, его сыновей? Кто и когда возвратитъ городскому рабочему тѣхъ дѣтей, которые умрутъ съ голоду во время все болѣе растущаго прекращенія всѣхъ работъ, и не только во Франціи, но и въ Бельгіи, Германіи, Швейцаріи? Кто дастъ ему средствъ для ухода за больною женою, истомленнаго голодомъ ребенка? Кто станетъ работать за него, когда *рынокъ* потребуетъ его рукъ, и когда руки опустятся отъ истощенія. Война, голодъ, язва—это три бича — три вѣчныхъ спутника народной жизни темныхъ среднихъ вѣковъ. Будетъ ли и XIX-й вѣкъ занесенъ *по ошибкѣ* въ средніе вѣка или онъ вынесетъ на своихъ плечахъ всѣ бѣдствія, причиненныя людскимъ неразумiемъ, и произнесетъ, наконецъ, *свое* катоновское: ceterum censeo, bellum esse delendum!

Наше дѣло слѣдить за прошлымъ и не гадать вслухъ о будущемъ. Гадальщику всегда плохо приходится: если я нагадаю вамъ свѣтлое и отрадное впереди, вы засмѣетесь и не повѣрите мнѣ, а если я предскажу темное и печальное, вы накинетесь на меня. Не будемте же начинать хоть мы-то войны между собою, тѣмъ болѣе, что сейчасъ пришелъ ко мнѣ мой молчаливый пріятель-корреспондентъ, чтобъ объявить, что есть извѣстія о предстоящемъ заключеніи мира! Если мой молчаливый пріятель рѣшился нарочно придти и заговорить о войнѣ, то, пожалуй, дѣйствительно миръ будетъ скоро... но чтобъ не очень обсчитаться, скажемъ перемиріе! А тутъ вслѣдъ за пріятелемъ явилась и депеша — о сдачѣ Метца съ колоссальною арміею. Дѣло вступаетъ въ новый фазисъ—остановимся на этомъ. Какой этапъ придется теперь проходить Франціи: отъ Седана до Метца пройдено; куда поведутъ ее дальше?

Ав. Семъ.

Digitized by Google

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Первые опыты исторіи русскаго дворянства.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права въ императорскомъ университетѣ св. Владиміра. Сводъ матеріала и пріуготовительные этюды для историческаго изслѣдованія. Спб. 1870. Стр. XXVI и 564.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія разсказывали анекдотъ, что будто какой-то дворянинъ Тверской губерніи захотѣлъ поступить въ мужики; желаніе это было такъ сильно, что когда предводитель дворянства, взявшійся отговорить его отъ пагубнаго намѣренія и истощившій уже все свое краснорѣчіе, сказалъ: «да вѣдь васъ, наконецъ, станутъ сѣчь», дворянинъ отвѣчалъ: «чтожъ, пускай сѣкутъ»! Анекдотъ этотъ хорошо выражаетъ тогдашнія стремленія дворянскаго меньшинства, которое говорило о необходимости слиться съ народомъ; часть журналистики въ ту пору тоже проповѣдовала довольно свободно такое сліяніе. Но въ чемъ должно было выразиться это «сліяніе», во имя какихъ общихъ интересовъ оно должно было совершиться, за какую путеводную нить должны были ухватиться дворянинъ и крестьянинъ — объ этомъ едвали многіе отдавали себѣ отчетъ. Земскія учрежденія покончили теперь съ этимъ вопросомъ, и напрасно приверженцы обособленности дворянства выражали печатно, что сливаться съ земствомъ — значитъ продать дворянскія права и дворянскую исторію за чечевичную похлебку Исава: есть ли земство чечевичная похлебка, разовьется ли оно въ болѣе питательное блюдо—вопросъ будущаго, но несомнѣнно, что оно вмѣстѣ съ новыми судебными учрежденіями и вводящимся теперь городскимъ положеніемъ наноситъ послѣдній ударъ стремленіямъ къ обособленію дворянства въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Въ чемъ же будетъ состоять его исторія въ будущемъ?

Широкое поле предположеній открывается всякому охотнику читать въ будущемъ, особенно такому, который не заглядываетъ въ прошлое и не повѣряетъ имъ своихъ сужденій. А прошлое дворянства до сихъ поръ не находило себѣ историка, и опытъ г. Романовича-Славатинскаго можно считать первымъ камнемъ въ томъ зданіи, которое будетъ хранить въ себѣ историческія судьбы русскаго дворянства. Конечно, исторія русскаго народа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія дворянства, но для того, чтобъ ясно усвоить себѣ существеннѣйшія черты этого сословія, необходимо было выдѣлить его изъ общей исто-

Digitized by Google

рія, показать его особнякомъ, безъ освященія при помощи громкихъ историческихъ событій, славныхъ именъ государственныхъ людей: это освѣщеніе даетъ иногда слишкомъ яркій блескъ, подъ лучами котораго легко уживаться самымъ притязательнымъ воззрѣніямъ на историческую роль того или другого сословія, самымъ преувеличеннымъ понятіямъ о заслугахъ его. Не въ сіяніи военной славы и статскихъ дѣлъ надо видѣть его, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, имѣющихъ право на всѣ наши симпатіи, а въ совокупномъ составѣ, на практикѣ его привилегій и общественной жизни. Искуственно созданное и искуственно поставленное впереди всего русскаго народа, оно одно пользовалось привилегіею и средствами выдѣлять изъ себя лучшіе соки: оно давало полководцевъ, министровъ, дипломатовъ, писателей, и являлось во всѣхъ видныхъ сферахъ государственной и общественной жизни, и конечно можетъ сказать: вотъ дѣянія нашихъ предковъ, не вправѣ ли мы гордиться своими преимуществами передъ другими сословіями, которыя не могутъ указать такого блестящаго ряда болѣе или менѣе великихъ людей? Оно можетъ это сказать, оно это говорило; но гордость славными предками должна значительно ослабнуть, если принять въ разсчетъ, что дѣянія эти зрѣли не на поприщѣ свободной конкуренціи, а на поприщѣ привилегій. Тутъ естественнѣе не гордость, а анализъ: какимъ образомъ дворянство воспользовалось своими привилегіями, на сколько превышаетъ сумма выгодъ, для государства и для націи, отъ ихъ дѣяній сумму невыгодъ отъ привилегій? Матеріаловъ издано довольно для того, чтобъ не оставлять пустыми обѣ чашки вѣсовъ, но ихъ все еще не достаточно, чтобъ положительно сказать, которая чашка перевѣшиваетъ. Только на этой почвѣ и возможны выводы о роли дворянства въ исторіи, только эта почва и можетъ дать матеріалы для предположеній о его будущемъ.

Дворянство у насъ образовалось изъ «дворни», придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ; въ старый періодъ нашей исторіи дворянами назывались иногда даже дворовые люди намѣстниковъ, а въ Малороссіи еще въ XVIII столѣтіи дворянами именовалась дворня старшинъ и шляхетства. Слово «дворянинъ» въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописи въ XII вѣкѣ; въ московскій періодъ нашей исторіи «дворянинъ» означалъ низшій чинъ, и боярин счелъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ его назвали дворяниномъ. Дворяне и дѣти боярскіе отбывали преимущественно военную службу, но отбывали ее не постоянно, а періодическими ополченіями. Высшіе чины, бояре, окольничіе и проч. назначались на воеводства, въ посольство, въ приказы, а въ военное время становились впереди полковъ и армій. Такимъ образомъ—до Петра Великаго, дворянства, какъ сословія, не существовало; дворяне входили только въ составъ служилыхъ людей и были надѣлены за свою службу землями и крѣпостными; даже и всѣ царскіе служилые

Digitized by Google

люди не составляли одного сословія и не имѣли между собою никакой внутренней солидарности; собралъ ихъ въ одно цѣлое впервые Петръ Великій, и всѣхъ вмѣстѣ, то есть дворянъ, бояръ, окольничихъ и проч., окрестилъ польско-нѣмецкимъ словомъ «шляхетство», которое впервые встрѣчается въ Полномъ Собраніи законовъ въ 1712 году. Перестроивая Россію по иностраннымъ образцамъ и разрывая связь съ прошлымъ, онъ учредилъ, по примѣру западному, свое шляхетство, прекратилъ производство въ старые чины, бояръ, окольничихъ и проч., создалъ табель о рангахъ, основанную на служебной годности, тогда какъ старые чины основывались на породѣ, и ввелъ майораты. Табель о рангахъ привилась къ русскому обществу скоро, майораты не привились совсѣмъ и были впослѣдствіи отмѣнены. Петръ думалъ ими поднять свое шляхетство до феодальнаго дворянства, но это слишкомъ противорѣчило нашимъ нравамъ, и кромѣ того майораты — это аристократическое учрежденіе — не клеились съ табелью о рангахъ, открывшею широкій путь въ дворянство всѣмъ. Новые чины быстро вытѣснили старые, и чиновная честь вытѣснила породовую, отческую. Извѣстно, что эта породовая честь ничего не имѣла общаго съ тѣмъ point d'honneur'омъ, который развился на западѣ. Нашъ боринъ считалъ за безчестье сидѣть за столомъ ниже, чѣмъ указывали разрядныя книги, предпочитая этому сидѣнье подъ столомъ, и не считалъ за безчестье, если его били, по царскому приказу, батогами; онъ совершенно искренно считалъ себя царскимъ холопомъ, и современному человѣку было бы очень трудно понять, въ чемъ собственно заключалась боярская гордость — въ бородѣ ли особенно длинной и густой, въ дорогой ли шапкѣ, въ особенномъ ли приближеніи къ царю, въ длинномъ ли рядѣ предковъ; какъ бы то ни было, но табель о рангахъ пріучила русскихъ людей придавать особенное значеніе не своей личности, а своему чину: одинъ жалуется на «учиненный афронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», другой «о своей персонѣ не говоритъ, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть». Хотя дубинка Петра Великаго ходила по всѣмъ чинамъ одинаково, не оставляя ни на комъ безчестья, но перенесеніе оскорбленія съ породы на чинъ уже потому было прогрессомъ, что захватывало гораздо большую массу людей.

Г. Романовичъ-Славатинскій, считая дворянство учрежденіемъ новымъ, начинаетъ его исторію съ Петра Великаго, то-есть съ того времени, когда въ ряды его могъ, при случаѣ, стать всякій. Дворянъ расплодилось много; дворянство по истинѣ представляло странную смѣсь —

Племенъ, нарѣчій, состояній,

ибо было еще, кромѣ русскаго, дворянство отзейское, малороссійское, а потомъ польское, грузинское и проч. Но въ первую половину

Digitized by Google

XVIII вѣка оно еще называлось шляхетствомъ, «благороднымъ» шляхетствомъ, по примѣру западнаго; это благородство было повышевіемъ сравнительно съ прежнимъ, такъ какъ до Петра Великаго благородными были только члены царской фамиліи, принявшія также въ началѣ XVIII вѣка другія наименованія. Оффиціально дворянствомъ оно стало называться только съ 1754 года, отчего, впрочемъ, сущность его нисколько не измѣнилась. Оно служило, служило, цѣлый вѣкъ служило; какъ служило—это другой вопросъ: оно искало чиновъ, искало всѣми средствами, именно—прислужничествомъ, интригою и, конечно, дѣлами достойными; чинъ—важная вещь; онъ скоро потерялъ то значеніе, которое имѣлъ при Петрѣ, когда напр., коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ коллегіи; чинъ сдѣлался почетнымъ титуломъ, дававшимъ право на высшую должность, чинъ же возводилъ въ дворянство, гдѣ вскорѣ очутились придворные истопники, повара, карлы, которыхъ, случалось, прямо производили въ бригадиры и майоры. Съ другой стороны, князья Голицынъ, Волконскій и графъ Апраксинъ принуждены служить въ качествѣ оффиціальныхъ шутовъ при Аннѣ Іоанновнѣ; Биронъ грозитъ сенаторамъ, что онъ положитъ ихъ вмѣсто мостовинъ на скверныхъ дорогахъ, по которымъ растрясло его особу. Казакъ Разумовскій быстро попадаетъ изъ пѣвчихъ въ графы; родные его: ткачъ Гудлянскій, закройщикъ Закревскій и казакъ Дараганъ, поженившіеся на дочеряхъ вдовы Разумихи, получаютъ шляхетство и богатыя помѣстья. Раболѣпство передъ всякой силой, которая выдвигалась впередъ какими бы то ни было средствами, искательство у фаворитовъ, шутовъ, истопниковъ, подчиненіе чувства собственнаго достоинства личной выгодѣ, жесткому эгоизму—вотъ заурядныя явленія въ средѣ нашего дворянства въ XVIII вѣкѣ, который можно бы назвать фантастической сказкой довольно грубаго издѣлія. И указанныя явленія не мѣшали, однакоже, возникнуть какой-то особенной, тоже грубой гордости, которая основывалась не столько на длинномъ рядѣ предковъ, сколько на длинномъ рядѣ помѣстій, и замыкала богатыя фамиліи въ особый аристократическій кругъ, не желавшій имѣть ничего общаго съ остальнымъ, бѣднымъ дворянствомъ. Это былъ старшій, любимый сынъ въ Россіи XVIII вѣка, на котораго работали всѣ остальные члены семьи, для того, чтобъ дать ему средство пріобрѣсти европейскій лоскъ, сладко пить, сладко ѣсть и хорошо одѣваться. Во то время, когда самые младшіе сыновья этой широкой семьи умирали съ голоду, погибали подъ плетьми и босякомъ, въ рваномъ кафтанишкѣ, спасались въ безлюдныя степи и дремучіе лѣса, къ дикимъ звѣрямъ отъ людей, старшій сынъ пользовался всѣмъ, что́ даетъ человѣку возможность безмятежно смотрѣть на міръ, считать себя явленіемъ исключительнымъ, благороднорожденнымъ, по праву пользующимся трудомъ милліоновъ бѣдняковъ, ко-

Digitized by Google

торые окрещены презрительнымъ словомъ «подлыхъ». Понятія французскаго дворянства временъ Людовика XV усвоиваются тѣмъ быстрѣе, что для этого не требовалось глубокаго образованія. Личности, стоявшія въ уровень съ вѣкомъ, съ лучшими его идеями, начавшимися тогда обращаться, были весьма рѣдкимъ исключеніемъ и при этомъ же не всегда могли служить своимъ образованіемъ общественному и государственному дѣлу. Естественно, что прежде всего, между чувствами облагораживающими человѣка, явилось чувство того человѣческаго достоинства, которое не выноситъ ужъ слишкомъ грубаго обращенія съ своей особой; это чувство—элементарное, стоящее почти на степени инстинкта; въ средѣ дворянства и стали раздаваться рѣчи противъ тѣлесныхъ наказаній для своего сословія и затѣмъ противъ обязательной службы, хотя только такая служба и оправдывала существованіе крѣпостного права; еслибъ дворянству предложено было тогда освободить его отъ обязательной службы цѣною освобожденія крѣпостныхъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно предпочло бы остаться in statu quo; но обстоятельства сложили эту службу иначе: Петръ III даровалъ ему «вольность», 18 февраля 1762 г., Екатерина подтвердила эти права грамотою 1785 г. Дворянство почувствовало, что ему «развязаны ноги», стихотворцы возглашали, что «Россія» получила теперь «благоденство», но до благоденствія было далеко: только черезъ сто лѣтъ, почти въ тотъ же день, когда Петръ III далъ вольность дворянству, получили вольность и крѣпостные. До этого же времени продолжали улучшать бытъ дворянства, заводили дворянскія заведенія, дворянскіе институты, старались, въ особенности Екатерина II, создать нѣчто въ родѣ западной аристократіи. Она сама говорила, что въ душѣ аристократка (Зап. Сегюра), и любила блескъ и пышность богатой аристократіи. Господство французскаго языка, обычаевъ, нравовъ привились къ нашему обществу въ особенности при ней, отчасти, какъ слѣдствіе господства французской образованности, отчасти благодаря революціи 1789 г., которая выслала цѣлыя толпы маркизовъ и жантильомовъ въ Петербургъ и Москву. Этотъ цвѣтъ французскаго дворянства разносилъ кастическія идеи и феодальныя понятія въ нашихъ салонахъ. Екатерина организуетъ дворянство, даетъ «личныя иреимущества», производитъ только-что родившихся младенцевъ аристократическихъ фамилій въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и т. п. Къ этимъ первымъ усиліямъ возлелѣять на русской почвѣ дворянство присоединяются усилія послѣдующихъ царствованій и въ результатѣ получается, что въ меньшинствѣ своемъ, благодаря образованію, университетамъ, дворянство выставляетъ полкъ образованныхъ людей, честно сослужившихъ службу русскому просвѣщенію, но куплено это Россіею страшно дорогою цѣною, пожертвованіями, которыя вознаграждаются только вѣками.

Digitized by Google

Крѣпостное право, какъ это ни странно, до сихъ поръ находитъ своихъ поклонниковъ, и сколько есть еще людей, которые готовы защищать его въ прошломъ, готовы находить, что оно было полезно, что оно пріучало народъ къ осѣдлой жизни, къ труду и т. п. Въ настоящее время мы очень хорошо уже можемъ судить, что нашъ мужикъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ въ XVII вѣкѣ, и крѣпостное право скорѣе привило къ нему отвращеніе къ труду и страсть къ бродяжничеству, что и не могло быть иначе при тѣхъ безправныхъ отношеніяхъ, о которыхъ упоминаетъ манифестъ 19 февраля 1861 г.: «права помѣщиковъ были до нынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика». Въ этихъ словахъ цѣлая исторія крѣпостнаго быта, и они, какъ нельзя лучше, подтверждаются книгою г. Романовича-Славатинскаго. Крестьянъ раздавали, какъ извѣстно, до 1801 года, и раздавали широкою рукою. Всякое событіе при дворѣ, каждая побѣда или миръ сопровождались раздачей помѣстій. Г. Романовичъ-Славатинскій не собралъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, сколько было роздано крестьянъ въ разныя царствованія, но изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя онъ приводитъ, видно, что самою щедрою раздавательницею была Екатерина II. «Помѣстья, говоритъ онъ, щедрою рукою раздавались офиціальнымъ (генералъ-адъютантамъ) и тайнымъ фаворитамъ. Вотъ рядъ этихъ фаворитовъ, въ хронологическомъ порядкѣ: Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ (одновременно Страховъ, тайный фаворитъ), Ланской (одновременно Мордвиновъ, тайный), Ермоловъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Платонъ Зубовъ. Всѣ эти фавориты, въ началѣ бѣдные дворяне, едва имѣвшіе средства содержать себя въ гвардіи, сдѣлались потомъ богатѣйшими помѣщиками, цвѣтомъ нашей аристократіи». Всѣ они вмѣстѣ, сколько извѣстно, получили болѣе 150 тысячъ душъ. Императоръ Павелъ, выходя изъ того убѣжденія, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими полиціймейстерами, чѣмъ подъ властію лицъ, назначенныхъ для завѣдыванія крестьянами казенными, роздалъ ихъ тоже очень много. Россія наполнилась громадными имѣніями, о которыхъ и помину не было въ XVII вѣкѣ, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что большія имѣнія, накопленныя трудомъ и постепеннымъ пріобрѣтеніемъ цѣлымъ рядомъ дворянскихъ поколѣній составляютъ исключенія изъ числа богатыхъ состояній, пожалованныхъ правительствомъ. Это естественное послѣдствіе отчасти обязательной службы, удалившей помѣщика отъ деревенской жизни, отчасти того широкаго, безалабернаго образа жизни, которымъ въ богатыхъ классахъ ознаменовалъ себя XVIII вѣкъ. Такъ какъ раздача имѣній производилась, не обращая вниманія на нравственную сторону жалуемаго лица и такъ какъ законы о пространствѣ власти помѣщи-

Digitized by Google

ковъ были весьма неопредѣлены, то пропзволу была широкая дорога. Помѣщики устраивались царьками, заводили свои штаты, мало обращали вниманія на администрацію и распоряжались своими крѣпостными, какъ хотѣли, особенно съ того времени, когда Екатерина II дала имъ право ссылать своихъ «подданныхъ» на каторгу; впослѣдствіи это право было отмѣнено, но правомъ ссылки помѣщики пользовались до самого 19 февраля, и въ этомъ отношеніи преданія сохранили, напр., такіе счучаи, что одна помѣщица, выбирая себѣ любовниковъ изъ крѣпостныхъ, ссылала ихъ въ Сибирь послѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ они ей надоѣдали: новый любовникъ, такимъ образомъ, не видѣлъ себѣ соперника, но въ тоже время видѣлъ въ перспективѣ отдаленную Сибирь. Такъ называемыхъ злоупотребленій помѣщичьей власти г. Романовичъ-Славатинскій приводитъ довольно много: цѣпи, желѣза, рогатки, колодки, пытки — явленія не рѣдкія даже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія: jus primae noctis было тоже не исключительнымъ явленіемъ, хотя нашъ авторъ упоминаетъ только о тайномъ совѣтникѣ Жадовскомъ, помѣщикѣ Оренбургской губерніи, процессъ котораго напечатанъ г. Любавскимъ, и изъ котораго видно, что этимъ правомъ Жадовскій пользовался въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Гаремы изъ крѣпостныхъ, правильно, на восточный образецъ устроенные, существовали такъ часто, что въ этомъ отношеніи не было бы недостатка въ фактахъ, еслибы ихъ собрать. Какъ ни снисходительно относилась администрація къ подобнымъ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, но все же дѣла нашихъ архивовъ могли бы представить довольно обильный матеріалъ. Разумѣется, нечего говорить о Солтычихѣ, которая лежитъ ужъ слишкомъ яркимъ пятномъ на крѣпостномъ правѣ.

Несмотря на указы, не разъ повторявшіеся, крѣпостными торговали, проигрывали ихъ въ карты, платили ими долги, давали ими взятки, платили врачамъ за леченіе. Торговля крестьянами, какъ скотомъ (выраженіе Петра Великаго), производилось во все царствованіе Екатерины II и къ концу его самымъ циническимъ образомъ. Г. Романовичъ-Славатинскій просмотрѣлъ «Спб. Вѣд.» за 1796 годъ и нашелъ тамъ много объявленій о продажахъ крестьянъ семьями и порознь, чаще всего о продажѣ «молодыхъ дѣвокъ собою видныхъ». На эту продажу смотрѣли также невозмутимо какъ на продажу вещи, напр.: «Нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіота для образовъ и прочій домашній скарбъ»; или: «Желающіе продать лѣтъ 30 бабу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, да лѣтъ 13 дѣвочку, могутъ о семъ дать знать на Петербургскую сторону, въ Зелейной улицѣ, въ 3 отъ перевозу домъ». Особенно раз-

Digitized by Google

вилась при Екатеринѣ продажа крѣпостныхъ въ Малороссіи, гдѣ ихъ выгоняли на ярмарки вмѣстѣ съ баранами и другими животными. Продажа въ розницу продолжалась не только при Павлѣ, но и при Александрѣ I, когда, напр., изъ Рязанской губерніи и другихъ мѣстъ привозились на урюпинскую ярмарку *скованные* помѣщичьи люди, для продажи ихъ въ розницу. Департаментъ законовъ еще въ 1820 году отстаивалъ продажу крѣпостныхъ безъ земли и не находилъ надобности въ изданіи воспретительнаго закона, основываясь на томъ, что продажа людей, при «нынѣшнемъ» гражданскомъ состояніи Россіи, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Только въ 1833 г. состоялся законъ, дополнительный въ 1841 г., которымъ продажа крестьянъ значительно была стѣснена. Надо сказать, что для этой стороны вопроса г. Романовичемъ-Славатинскимъ сдѣлано не много, и онъ опустилъ даже то, что могъ бы найдти въ запискахъ иностранцевъ: онъ имъ не довѣряетъ, на основаніяхъ тѣмъ болѣе шаткихъ, что показанія ихъ по большей части находятъ себѣ подтвержденіе въ оффиціальныхъ документахъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣе, напр., такого оффиціально засвидѣтельствованнаго факта: кіевская помѣщица Разлачева была невѣрна своему мужу; дочь это замѣтила и передала отцу; отсюда ненависть матери къ дочери, кончившаяся тѣмъ, что мать, назвавъ свою дочь крѣпостною дѣвкою, выдала довѣренность на продажу ея донскому казаку, по полученіи отъ него 90 р. Мѣстные судьи ограничились выговоромъ Разлачевой въ 1811 г., но сенатъ сослалъ ее на поселеніе. Другой фактъ болѣе веселаго характера: мелкопомѣстная помѣщица вышла замужъ за своего крѣпостного, не выдавъ ему отпускной; супруги прожили два года и прижили дочь; затѣмъ помѣщица продала свой хуторъ одному дворянину, который, спустя три года, потребовалъ, черезъ уѣздный судъ, своего крѣпостного съ семействомъ, т.-е. мужа помѣщицы и съ дочерью. Дѣло было улажено дворянствомъ, которое убѣдило покупщика выдать отпускную мужу помѣщицы съ семействомъ. Такіе факты проходили мимо иностранцевъ.

Мы не рѣшаемся подводить итоговъ всему тому, что́ сдѣлано дворянствомъ — для этого, быть можетъ, еще не настало свое время; намъ кажется однако, что исторія довольно ясно указываетъ на одну выдающуюся черту русскаго дворянства, какъ сословія, это—неспособность его группироваться для общественнаго дѣла и понимать его, неспособность, зависящую, конечно, отъ его исключительнаго положенія, разобщеннаго отъ крестьянъ, духовенства и купцовъ, въ которое поставлено оно силою вещей, и за которое оно держалось, какъ за якорь спасенія. Немногіе рѣшались выпускать изъ рукъ этотъ якорь, съ тѣмъ чтобы сдѣлать попытку выйти въ открытое море; тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что такіе дворяне, при всемъ небольшомъ

Digitized by Google

своемъ числѣ, мало по малу подготовляли почву для всѣхъ великихъ преобразованій настоящаго времени; о нихъ-то мы и говорили выше, какъ о полку, честно сослужившемъ службу свою отечеству. Но, въ своемъ цѣломъ, дворянство оставалось сословіемъ служилымъ, отдѣлявшимъ себя отъ остальной Россіи и преимущественное вниманіе обращавшимъ на сохраненіе важнѣйшей своей привилегіи — крѣпостного права. Полнѣйшій консерватизмъ былъ для него необходимъ, поэтому для него общіе интересы существовали мало, и даже въ такую минуту грозной опасности, какъ въ 1812 году, оно, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые документы, отозвалось не столь единодушно и не столь патріотично, какъ слѣдовало бы ожидать отъ передового сословія. Во время крымской войны тоже явленіе повторилось; мы знаемъ губерніи, гдѣ во время ополченія, дворянство не жалѣло денегъ и людей, но жалѣло себя, и вмѣсто того, чтобъ служить самому, прибѣгало къ найму за себя, разныхъ отставныхъ военныхъ, канцелярскихъ, учителей и т. п. Ту значительную роль, которую дало ему правительство участіемъ въ управленіи страны черезъ выборы судей, исправниковъ и проч., оно опять выполнило въ смыслѣ своихъ исключительныхъ интересовъ такъ, что наши уѣздные суды и земская полиція сдѣлались синонимомъ произвола и взяточничества. Напрасно правительство обращалось къ дворянству съ надеждою, что оно «устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей»; напрасно императоръ Николай I говорилъ въ указѣ отъ 1-го января 1838 года: «Изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня, я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности»; — дворянство не проникалось этими напоминаніями и продолжало выбирать такихъ людей, которые часто позорили занимаемыя ими должности и лакействовали передъ крупнымъ дворянствомъ. Естественно, что тотъ образованный московскій дворянинъ, который говорилъ Гакстгаузену, что «администрація губерніи много бы выиграла, еслибъ дворянскіе выборы были уничтожены, а всѣ должностныя лица замѣщались бы отъ короны», былъ по тому времени правъ; но правительство не хотѣло лишать дворянство этой привилегіи, весь смыслъ которой покоился единственно въ крѣпостномъ правѣ.

Тоже обличеніе неспособности организироваться видимъ мы и въ тѣхъ немногихъ политическихъ попыткахъ, которыя оно дѣлало; вспомнимъ попытку ограничить монархическую власть при вступленіи на тронъ Анны Іоанновны. Во имя чего ратовало дворянство? Во имя того, чтобъ «себѣ полегчить»; еще прежде, въ смутное время, тоже начало руководило имъ, когда оно съ завистью взирало на магнат-

Digitized by Google

скія привиллегіи поляковъ; при императорѣ Александрѣ I оно опрокинулось со всею силою на Сперанскаго, который очищалъ канцелярію отъ «полотеровъ» — такъ называлъ императоръ Александръ I сыновей богатыхъ фамилій, рвнувшихся въ гражданскую службу, когда, съ одной стороны, строгая военная дисциплина при Павлѣ, съ другой— постоянныя войны, начавшіяся со вступленіемъ на престолъ его сына, охладили рвеніе дворянства къ службѣ военной; оно не было довольно и конституціей Сперанскаго, потому что въ ней предполагалось постепенное уничтоженіе крѣпостного права.

Нынѣшнее царствованіе, касаясь всѣхъ основъ русской жизни, не коснулось прямо дворянства, предоставивъ его своей судьбѣ, естественному теченію событій. Это сдѣлано правительствомъ съ тѣмъ тактомъ, который отличалъ его во всѣхъ реформахъ; оно не могло не видѣть, какъ каждая новая реформа подтачиваетъ въ корнѣ дворянскія привилегіи, но оно дѣйствовало во имя всей страны и дворянство мало по малу очутилось въ томъ положеніи, что ему предстоитъ распуститься въ земствѣ; оно попробовало-было въ извѣстномъ московскомъ адресѣ формулировать свои нужды, спасти свое значеніе, снять свой корабль съ якоря, но адресъ остался явленіемъ одиночнымъ, не поддержаннымъ дворянствомъ остальныхъ губерній и не встрѣтившимъ сочувствія въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которые не держались за дворянскія привилегіи и которые не могли промѣнять правительственной иниціативы на иниціативу дворянскую: первая постоянно давала о себѣ знать, не безъ колебаній, правда, но рѣшительно настолько, что движеніе впередъ совершалось, тогда какъ иниціатива дворянская не имѣла за собой ничего въ прошломъ, никакого успѣха, а въ настоящемъ—это всѣ чувствовали—заявляла только о своей корпоративной слабости, о безсиліи своего корабля, съ котораго постоянно эмигрировали лучшіе матросы.

Чего ждать въ будущемъ—мы не знаемъ, но несомнѣнно, что для удержанія за собой значенія дворянство должно измѣнить свои задачи, тѣмъ болѣе, что старое содержаніе ихъ, и безъ того бѣдное, умерло; оно можетъ остаться передовымъ сословіемъ лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствительно будетъ угадывать всѣ потребности русскаго общества, и идти впереди его всегда и вездѣ. Не въ безсмысленную оппозицію оно должно играть, не утѣшаться—этой оппозиціей, благо ее признаютъ нѣкоторые и даже даютъ ей значеніе, а работать въ своихъ имѣніяхъ, возвышать свое и народное благосостояніе, развиваться и развивать, горячо принимать къ сердцу свои нужды, не отдѣляя ихъ отъ нуждъ народныхъ. Мы не говоримъ о пожертвованіяхъ, не говоримъ о возлюбленіи ближняго какъ самого себя—это удѣлъ натуръ исключительныхъ, но хотя бы умѣли принимать горячо къ сердцу свои нужды, не отдѣляя ихъ отъ нуждъ народныхъ. Об-

Digitized by Google

шивка дворянскаго корабля покрылась мхомъ, онъ неуклюже выглядываетъ теперь своимъ строемъ временъ царя Алексѣя Михайловича, прежняя стоянка на якорѣ потеряла свой смыслъ, на морѣ вѣетъ попутный вѣтеръ, но воспользоваться имъ безопасно можетъ только тотъ, кто на рулѣ поставитъ не эгоизмъ и своекорыстіе, а стремленіе къ общему благу и общей пользѣ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

ПО ПОВОДУ «ПЕРЕПИСКИ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ».

М. Г. Въ «Библіографическомъ Листкѣ» іюльской книжки вашего журнала за текущій годъ, по поводу выхода въ свѣтъ второго выпуска «Переписки митрополита Евгенія съ графомъ Румянцовымъ», — издаваемой воронежскимъ статистическимъ комитетомъ, высказанъ упрекъ комитету въ томъ, что онъ не указалъ въ своемъ изданіи источника, откуда имъ были пріобрѣтены матеріалы, помѣщенные въ «Перепискѣ». Спѣшу оправдаться въ качествѣ секретаря воронежскаго статистическаго комитета и редактора II выпуска «Переписки».

Нѣсколько глухое указаніе на источникъ пріобрѣтенія матеріаловъ находится въ 1 примѣч. къ I-му выпуску (стр. 1), гдѣ, между прочимъ, сказано, что нѣкоторыя бумаги митрополита Евгенія достались по смерти родственнику его Ст. Гр. Устиновскому, но какія бумаги и кто этотъ Устиновскій — этого необъяснено.

Я считаю необходимымъ сообщить вамъ слѣдующія данныя. Во-первыхъ, укажу вамъ на статью г. Веселовскаго, перваго, по времени, редактора «Переписки», помѣщенную въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 г. № 80), подъ заглавіемъ: *«Приготовленія къ празднованію въ городѣ Воронежѣ юбилея митрополита кіевскаго Евгенія»*. Въ статьѣ этой, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Переписка эта сохранилась въ рукахъ одного изъ родственниковъ митрополита Евгенія, Степана Григорьевича Устиновскаго, которому достались бумаги послѣ смерти митрополита. Когда поднята была мысль о празднованіи 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія митрополита Евгенія, имѣющаго быть 18-го декабря настоящаго года, то въ

Digitized by Google

г. Воронежѣ эта мысль была принята всѣми истинными любителями просвѣщенія тѣмъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, что митрополитъ Евгеній былъ уроженецъ города Воронежа и до 32-го года своей жизни всецѣло принадлежалъ городу Воронежу. Евгеній Степановичъ Устиновскій, къ которому перешли потомъ бумаги митрополита Евгенія, подъ вліяніемъ юбилейной мысли сталъ ихъ пересматривать и нашелъ между ними переписку Евгенія съ графомъ Румянцовымъ и съ нѣкоторыми другими его современниками, между прочимъ и съ бывшимъ псковскимъ губернаторомъ А. Пещуровымъ, съ которымъ митрополитъ Евгеній находился въ весьма пріязненныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Узнавъ, что Пещуровъ приходится близкимъ родственникомъ настоящему воронежскому губернатору, князю Владиміру Александровичу Трубецкому (онъ женатъ на дочери А. Пещурова), Устиновскій подѣлился своею находкою съ княземъ В. А. Трубецкимъ и, вмѣстѣ съ письмами тестя, показалъ ему и переписку Евгенія съ графомъ Румянцовымъ. Заинтересованный этими драгоцѣнными сокровищами, и пользуясь наступающимъ днемъ юбилея митрополита Евгенія, князь В. А. Трубецкой просилъ г. Устиновскаго уступить эти бумаги воронежскому статистическому комитету съ тѣмъ, чтобы издать ихъ къ юбилейному дню и такимъ образомъ достойно почтить одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, которому пришлось въ городѣ Воронежѣ родиться, воспитаться и начать свою общественную дѣятельность».

Евгеній Степановичъ Устиновскій приходится родственникомъ митрополиту Евгенію по своей бабкѣ. Евфросинія Алексѣевна, замужняя родная сестра митрополита, имѣла двухъ сыновей [1]), умершихъ бездѣтными, и двухъ дочерей,—Глафиру и Вѣру. Сама Евфросинія Алексѣевна умерла вдовою, а дочери ея были замужемъ, старшая Глафира за Ст. Григ. Устиновскимъ, а младшая, — Вѣра за г. Постниковымъ. Такъ какъ у самого Евгенія Болховитинова не было дѣтей, то Евгеній Степановичъ Устиновскій, сынъ Степана Григорьевича, внучатный племянникъ митрополита, оказывается ближайшимъ его родственникомъ, къ которому должны были перейти бумаги, завѣщанныя покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ своимъ наслѣдникамъ [2]).

Вотъ, милостивый государь, тѣ данныя, на основаніи которыхъ «Переписку», печатаемую воронежскимъ статистическимъ комитетомъ, нельзя подвергать сомнѣнію относительно ея подлинности и досто-

---

[1]) Объ одномъ изъ своихъ племянниковъ упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своихъ письмахъ къ Македонцу. (См. Русскій Архивъ 1870 г. № 4 и 5.)

[2]) По 5-му пункту завѣщанія митрополита Евгенія, помѣщенному въ его біографіи, всѣ свои переплетенныя записки и письменныя бумаги онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ. См. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, изданный М. Погодинымъ, 1845 г. т. I, біографія Евгенія, стр. 19.

Digitized by Google

вѣрности. Ваше замѣчаніе о необходимости въ слѣдующемъ выпускѣ «Переписки» приложить объясненіе происхожденія ея матеріаловъ, уже предусмотрѣно мною. Къ сожалѣнію, I-й выпускъ «Переписки митрополита Евгенія и т. д.» былъ изданъ безъ всякаго объяснительнаго предисловія; помѣстить его во II-мъ выпускѣ, изданномъ подъ моею редакціею, мнѣ казалось неумѣстнымъ. Но III-й, послѣдній выпускъ, который я надѣюсь окончить изданіемъ въ концѣ текущаго года, я предполагаю снабдить запоздавшимъ предисловіемъ, въ которомъ, во-первыхъ, изложу въ подробности исторію пріобрѣтенія статистическимъ комитетомъ печатаемой имъ «Переписки», во-вторыхъ, укажу на особенности «Переписки» относительно каллиграфіи, орѳографіи и т. п., и кромѣ того постараюсь приложить нѣсколько автографическихъ факсимиле митрополита Евгенія и графа Румянцова.

Вполнѣ сознавая всю трудность и отвѣтственность выпавшей на мою долю задачи, я обращаюсь къ гг. спеціалистамъ и лицамъ, интересующимся изданіемъ, редактируемымъ мною, съ покорнѣйшею просьбою не оставить меня своими совѣтами, замѣчаніями и указаніями на недостатки и ошибки.

Всякое заявленіе такого рода будетъ принято мною съ благодарностью.

Примите, и пр.

Воронежъ.

М. Веневитиновъ.
И. д. секр. воронеж. статистич. комитета.

II.

НЕКРОЛОГЪ.

Преподаватель народной школы, Н. С. Зоричъ.

М. Г. Еще 19-го сентября, мы обращались къ нѣкоторымъ газетамъ съ заявленіемъ о смерти приходскаго учителя Зорича, прося заявить о потерѣ, которая чувствительна главное намъ, давно раздѣляющимъ труды покойника; но вѣроятно въ нашемъ отечествѣ труды маленькаго человѣка, какъ бы они ни были велики и честны, не должны быть публикованы, такъ какъ наши заявленія остались безъ напечатанія. Такое грустное заключеніе навело насъ на мысль обратиться къ вашему журналу, не напечатается ли въ немъ наше заявленіе? Дѣло вотъ въ чемъ:

19-го сентября мы получили прискорбное извѣстіе изъ Ельца,

Digitized by Google

что вновь переведенный туда изъ Трубчевска учитель приходскаго училища Николай Спиридоновичъ Зорпчъ, на дняхъ пріѣхавшій въ Елецъ 12-го сентября лишился жены, а 14-го умеръ отъ холеры, оставивъ 4-хъ малолѣтнихъ дѣтей.

Смерть его унесла одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей для нашего народнаго образованія. Болѣе всѣхъ дѣятельность этого неусыпнаго труженика извѣстна намъ потому, что съ нами онъ началъ свою трудную, учительскую службу, 7 лѣтъ мы были сослуживцами и вотъ на восьмомъ году, когда счастье улыбнулось человѣку, когда правительство и общество обратили на его труды вниманіе (въ этомъ году онъ высочайше награжденъ былъ медалью за усердіе, а въ каникулярное время его вызвало Болховское земство быть руководителемъ съѣзда учителей въ томъ уѣздѣ), пріобрѣтя такимъ образомъ нѣкоторую извѣстность въ губерніи, онъ былъ переведенъ въ Елецъ на службу съ гораздо большимъ окладомъ жалованья. И поѣхалъ онъ искать счастье — а нашелъ могилу!

Не длинна біографія этого человѣка. Бѣднякъ отъ рожденія, сынъ мелкаго чиновника, окончилъ онъ курсъ въ Трубчевскомъ училищѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, полюбивъ трудъ учителя, поступилъ онъ сначала въ сельское училище, а въ 1862 году перешелъ учителемъ въ Трубчевское приходское училище. Съ того времени, почти неразлучно, мы служили вмѣстѣ.

Не общественный человѣкъ былъ покойникъ. Школа, книга и семья были постоянными его занятіями и развлеченіями. Къ достиженію предвзятой цѣли относительно его міра — школы, онъ не имѣлъ препятствій, и если они являлись, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и сила воли, уничтожающая ихъ. Первая, основная мысль его была та, чтобы въ его школѣ не было дурныхъ учениковъ, и онъ достигалъ этого, несмотря на то, что менѣе 100 учащихся не бывало тамъ. Умѣнье сортировать учениковъ по познаніямъ и умѣнье вести занятіе съ этой массой такъ, чтобы всѣ были заняты и другъ другу не мѣшали, удивляли не одного меня. Послѣ двухлѣтняго занятія въ его первоначальной школѣ, большая часть учениковъ выходили хорошо подготовленными изъ русскихъ предметовъ во всякое среднее учебное заведеніе, ибо, кромѣ правильнаго и разумнаго чтенія и письма, они были ознакомлены со всѣми видимыми явленіями природы; имъ были переливаемы въ краткихъ разсказахъ свѣдѣнія объ отчизновѣдѣніи; а умственныя вычисленія съ помощію счетовъ и доски дѣлались ими быстро, съ разумнымъ выясненіемъ, почему такъ дѣлается. Сколько усиленнаго труда было употреблено тутъ для того, чтобы достигнуть желанныхъ результатовъ! Сколько здоровья было потрачено, чтобы привести эту неразвитую массу учащихся къ такому правильно-разум-

Digitized by Google

ному порядку! Объ этомъ могутъ судить подобные покойнику труженики, хорошіе школьные учителя.

И вотъ этотъ честный труженикъ умеръ. На службѣ онъ состоялъ только 8 лѣтъ, хотя принесъ пользы своимъ трудомъ гораздо болѣе иного того, кто служилъ десятки годовъ. Но что же съ этого? Дѣти его все-таки бо́льшее, что могутъ получить для своего насущнаго пропитанія, это незначительное единовременное пособіе. А на долго ли его станетъ, когда ихъ несчастный отецъ только и могъ оставить имъ доброе имя о себѣ?

Пожалѣемъ же вмѣстѣ со всѣми лицами, сочувствовавшими народному образованію, о покойникѣ, и поможемъ чѣмъ Богъ послалъ его сиротамъ.

Кто пожелаетъ помочь сиротамъ, пусть адресуетъ свою лепту *въ Трубчевскъ, на имя Александры Григорьевны Соколовой*, ближайшей родственницы покойника. Е. Фесенко

Трубчевскъ. 16-го октября, 1870 г.

III.

По поводу ассигновокъ на народное образованіе.

М. Г. Такъ какъ я посвящаю значительную долю своей дѣятельности народному образованію, то я, конечно, съ особеннымъ интересомъ прочелъ статью, озаглавленную «Земскіе итоги» въ получаемомъ мною экземплярѣ «Вѣстника Европы»; авторъ ея составилъ, между прочимъ, сводъ денежныхъ пожертвованій земства на народныя училища. Въ статьѣ этой, на стр. 758 (августов. книга), сказано, что въ 1868 г. 24 уѣзда только ассигновали на народное образованіе сумму свыше 5,000 рублей, и эти уѣзды исчислены въ выноскѣ. Въ этомъ перечнѣ пропущенъ Новосильскій уѣздъ Тульской губерніи, между тѣмъ этотъ уѣздъ съ 1868 года ежегодно ассигнуетъ на народное образованіе по 6,000 рублей изъ земскихъ суммъ, а въ очередное засѣданіе нынѣшняго года 22-го сентября земство опредѣлило, сверхъ 6,000, еще 3,400 рублей изъ земскаго капитала на пособія при постройкѣ училищъ, единогласно опредѣливъ выдавать оные безвозвратно. Въ виду того участія, которое въ «Вѣстникѣ Европы» высказывается къ дѣлу народнаго образованія и ходу его развитія въ нашемъ отечествѣ, я указываю на сдѣланный пропускъ, и въ подтвержденіе моихъ словъ препровождаю при семъ отчеты, читанные въ очередномъ собраніи Училищнымъ Совѣтомъ, которымъ я уже второе

Digitized by Google

трехлѣтіе имѣю честь быть предсѣдателемъ, въ качествѣ члена отъ земства. Изъ общихъ выводовъ этихъ отчетовъ вы довольно подробно узнаете, какъ у насъ идетъ дѣло, и какихъ мы успѣли достигнуть результатовъ. Нашъ училищный совѣтъ предъ многими другими представляетъ ту особенность, что онъ не разъединенъ съ земскимъ собраніемъ, и эта-то степень солидарности, по моему убѣжденію, и есть главная причина того, что намъ удается достигать бо́льшихъ и болѣе прочныхъ результатовъ, чѣмъ во многихъ другихъ уѣздахъ, гдѣ земство и Училищный Совѣтъ представляются какъ бы двумя отдѣльными и нерѣдко въ антагонизмѣ стоящими вѣдомствами....

Примите и пр. *І. Шатиловъ.*

13-го октября, 1870.

Редакція «Вѣстника Европы» съ величайшею готовностью помѣщаетъ на страницахъ своего журнала возстановленіе пропуска, сдѣланнаго въ упомянутой выше статьѣ. Какъ оказывается изъ отчета, въ Новосильскомъ уѣздѣ расходъ на народное образованіе слагается изъ трехъ цифръ: 1) земство—6,000 р.; 2) 45 сельскихъ обществъ—2,397 р., и 3) городская дума съ частными лицами—162 р.; а всего—9,559 рублей. И эта сумма была однако признана недостаточною: училищный совѣтъ опредѣлилъ, во-1-хъ, исходатайствовать у земства единовременно 3,400 р.; а во-2-хъ, просить у мирового съѣзда и начальника губерніи, чтобы упраздняющіеся дома волостныхъ правленій отдать подъ училища, а штрафныя деньги отдать на ремонтъ ихъ. «Конечно, ни земство, ни сельскія общества, благодаря денежнымъ пожертвованіямъ которыхъ, въ 44 училищахъ, изъ числа 58, введены: звуковой методъ, толковое чтеніе, умственное счисленіе, не захотятъ, чтобъ эти предметы, характеризующіе лучшія народныя училища, и впредь передавались ученикамъ во мракѣ курныхъ избъ, или въ волостныхъ правленіяхъ, подъ шумъ арестантской руготни, или кудахтанья домашней птицы старшины или писаря» — такъ заключаются «Общіе выводы и замѣчанія о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Новосильскаго уѣзда за 1869 — 70 годъ». Вышеприведенное письмо показываетъ, что ходатайство Совѣта предъ земствомъ было не напрасное; земство не пожалѣло новыхъ денегъ на народное образованіе, и хорошо сдѣлало: это такого рода расходъ, о которомъ можно сказать: сѣется тлѣнное, выростаетъ нетлѣнное.

Digitized by Google

Отъ Редакціи. — Пріостановивъ въ октябрѣ окончаніе романа В. Крестовскаго-Псевдонима: «Большая Медвѣдица», мы надѣялись возобновить печатаніе въ ближайшей книгѣ, но, къ сожалѣнію, болѣзнь автора не позволила ему заняться окончательною отдѣлкою послѣдней части, и мы должны отложить конецъ романа до будущаго времени.

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книгѣ просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
449	стран.	20	стр. сн.	но новый	поновѣй
458	»	17	» св.	поползъ	полѣзъ
474	»	12	» сн.	злодѣй	змѣй
476	»	12	» св.	закочевало	заполевали
482	»	23	» сн.	почему	потому

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

VI*).

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не предвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь—для нея важно было именно то, что она была завоевана.

Размышляя о нашествіи татаръ, слѣдуетъ не упускать изъ виду важнаго обстоятельства. Русь, раздробленная и заранѣе растратившая въ междоусобіяхъ свои средства къ защитѣ, не могла собраться на отпоръ невѣдомому и нежданному врагу; въ ней не оказалось ни ума, ни разсчета — царствовала поголовная безтолковщина. Князья и ихъ земскіе совѣтники пренебрегли новою силою, безразсудно раздражили ее, не приготовившись, смѣло вышли противъ нее въ степь и тамъ погибли. Вслѣдъ затѣмъ не предпринималось никакихъ мѣръ къ оборонѣ; никто не ожидалъ возвращенія враговъ; русскіе продолжали заниматься своими дрязгами. Прошло 13 лѣтъ, и враги въ другой разъ появились также нежданно, какъ и въ первый; и теперь,

*) См. выше: нояб. 5 стр.

Digitized by Google

послѣ даннаго урока Русь не поумнѣла; за то ея энергія и мужество были изумительны: вездѣ русскіе защищали свою свободу съ истиннымъ геройствомъ. Ни одинъ городъ не сдался татарамъ. У монгольскихъ завоевателей было такое правило: если побѣжденные покоряются — щадить ихъ, и чѣмъ они покорнѣе, тѣмъ милостивѣе съ ними обходиться; русское правило: лежачаго не бьютъ, вполнѣ примѣнялось къ политикѣ монголовъ; за то, если покоряемые упорно защищаются—слѣдуетъ истреблять ихъ безъ разбора отъ мала до велика. Такъ разсчитывали монголы, и разсчетъ варваровъ былъ вѣренъ. Меньше останется людей—нельзя имъ будетъ поднять оружіе, и будутъ они покорны по неволѣ, хотя бы и не хотѣли покориться добровольно. Русь показала себя передъ ними крайне упорною, и потому была опустошена до крайней степени. Завоеватели принуждены были брать города приступомъ; жители погибали въ отчаянной рѣзнѣ; враги въ неистовствѣ убивали малыхъ и престарѣлыхъ, только немногія женщины попадались въ плѣнъ, а иныя спасались отъ плѣна самоубійствомъ. Тѣ изъ русскихъ, которые были потрусливѣе, разбѣгались по лѣсамъ, но, спасаясь отъ непріятельскаго меча, умирали отъ голода и холода. Исключая Новгорода, Смоленска и Бѣлорусскихъ княженій, куда не заходили завоеватели,—въ остальной Руси едвали осталась десятая часть прежняго населенія, и притомъ, остались въ живыхъ, конечно, только тѣ, которые способнѣе были приладиться ко всякой перемѣнѣ въ общественной жизни. Дорожившіе свободой предпочли рабству смерть: лучше быть потяту, чѣмъ полонену, — говорилъ не даромъ древній пѣвецъ; и завѣщаніе Святослава:—мертвые срама не имутъ,—глубоко лежало въ русскомъ сердцѣ. Меньшинство, оставшееся въ живыхъ, уже не въ силахъ было помышлять о возстаніи: приходилось дрожать за жалкую жизнь, приходилось сживаться съ новыми условіями. Поколѣнія, смѣняя одно другое, возрастали и старѣлись въ этихъ условіяхъ. Измѣнялись понятія, измѣнялся строй общественной жизни и самый народный характеръ. Конечно, безъ колебанія не обходилось; старыя начала не разъ высказывались, но всегда были подавляемы и послѣ каждаго подавленія слабѣли и таяли. Вѣча умолкли. Только въ Новгородѣ и Псковѣ долго еще раздавался ихъ звонъ, но и тамъ старыя жизненныя начала только прозябали, а уже не развивались, и не давали новыхъ формъ.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ, должны были неизбѣжно сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единаго господина,—теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, по-

Digitized by Google

коренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой—образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія,—рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ — усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и наконецъ старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался великій переворотъ въ русской исторіи. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т.-е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло придти подобнаго стремленія; онъ правилъ землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ дозволялъ себѣ и произволъ, и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь, а князь—господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи, въ какомъ, напримѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки

Digitized by Google

настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси—зе́мли и князей. Съ землями имъ нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ нихъ милостей и закона. То было физически невозможно. Ханы могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которые бы отвѣчали за земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страною въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, напримѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, что́ другіе возлагали на своихъ. Ханы принимали покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко: черниговскій князь поплатился жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушеніе своей религіи, но который былъ только знакомъ покорности. Князь Данило Романовичъ попытался-было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла разоренія, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что́ нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо порядку и даваемое другими тому, кто былъ сильнѣе другихъ и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли его, дали ему власть, почетъ и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ—поклонами и угодничествомъ владыкѣ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ земли надъ пригородами; въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками и отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ городѣ былъ

Digitized by Google

выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ—родовомъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему, но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и, какъ мы видѣли, не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола земли. Но тѣже монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно также, какъ въ былое время дѣлали земли, оказывавшія этому нравственному понятію уваженіе до извѣстной степени, но не настолько, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи то, что принадлежало землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю—хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ волости будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій—этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ московскихъ князей. Новгородъ не хотѣлъ-было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ великія услуги Новгороду, выкалывалъ глаза и поролъ носы тѣмъ новгородцамъ, которые подущали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впослѣдствіи могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ даней: онѣ были на откупу, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова тоже произошло во Владимирѣ, Суздалѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки не-

Digitized by Google

повиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради его прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ проложило путь къ единодержавію.

Власть старѣйшаго или великаго князя усилилась отъ подчиненія Новгорода. До сихъ поръ Новгородъ не признавалъ своими князьями такихъ, которые, сдѣлавшись новгородскими князьями, могли бы княжить еще и въ другомъ мѣстѣ. Князь долженъ быть выбранъ въ Новгородѣ, жить въ Новгородѣ и служить ему одному. Но съ татарскимъ завоеваніемъ порядокъ и тамъ сталъ измѣняться. Въ XIII-мъ вѣкѣ Новгородъ сдѣлался какъ бы прикованнымъ къ особѣ великаго князя. Призвавъ, по обычаю, къ себѣ въ князья Димитрія Александровича изъ Переяславля, Новгородъ долженъ былъ отказать ему и подчиниться костромскому князю Василію, котораго ханъ признавъ великимъ: онъ этого требовалъ, а за него были татары. Съ этихъ поръ новгородское княженіе остается какъ бы принадлежностью великаго княженія. Великій Новгородъ удерживаетъ внутри себя свой старый вѣчевой строй, но уже не можетъ, какъ прежде, безопасно выбирать князей: онъ долженъ признавать своимъ княземъ великаго, и такъ какъ великій князь не можетъ постоянно жить въ Новгородѣ, то оставляетъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ. Съ тѣхъ поръ Новгородъ постоянно заботится сколько возможно обезопасить свою свободу отъ великокняжескихъ покушеній. Отсюда рядъ договоровъ съ великими князьями: главною цѣлью ихъ раздѣлить кругъ власти и дѣятельности великаго князя отъ круга земскихъ дѣйствій. Великій Новгородъ и великій князь становятся лицомъ къ лицу въ борьбу между собою. Великій князь хочетъ наложить руку на новгородскую свободу; Великій Новгородъ хочетъ избавиться отъ великаго князя. Долго ни тотъ, ни другой не достигаютъ цѣли. Но власть великаго князя возрастаетъ, и Великій Новгородъ мало-по-малу принужденъ подаваться въ этой борьбѣ.

Значеніе великаго князя не подвергалось уже разнымъ колебаніямъ и зависѣло исключительно отъ благоволенія ордынскаго. Кто рѣшится ослушаться воли хана и называться великимъ безъ его согласія, тотъ платится за это жестоко, и земли, которыя станутъ за такого ослушника, подвергаются разоренію. Такъ случилось въ спорѣ двухъ братьевъ Димитрія и Андрея, сыновей Невскаго. Димитрій, сначала утвержденный въ великокняжескомъ достоинствѣ Ордою, а потомъ, по волѣ Орды, долженствовавшій уступить это достоинство меньшому брату Андрею, вздумалъ-

Digitized by Google

было сопротивляться, и за это татары, помогая Андрею, два раза страшнымъ образомъ разорили окрестности Ростова, Торжка, Твери, Владимиръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль и кромѣ того четырнадцать другихъ городовъ. Можно себѣ представить ужасъ этого событія, послѣдствія усобицы между родными братьями, которые не затрудняются одолѣвать другъ друга, при пособіи поработителей своего отечества, отдавая имъ на съѣденіе истощенное, обнищалое, запуганное населеніе русскихъ земель: а между тѣмъ это событіе было одно изъ важныхъ, подготовлявшихъ Русь къ будущему единодержавію; оно укрѣпляло въ народѣ мысль, что его судьба зависитъ отъ верховнаго единаго владыки; кого назначитъ этотъ владыка—тотъ народу и господинъ; всѣ—и князья, и бояре, и простые поселяне, всѣ равны передъ этимъ владыкою, а за непослушаніе его волѣ придется страшно отвѣчать не только виновнымъ, но и десяткамъ тысячъ невиннаго народа.

Сборъ дани былъ главнѣйшимъ признакомъ порабощенія и самымъ важнѣйшимъ путемъ къ измѣненію понятій и нравственныхъ взглядовъ русскаго народа. Сначала завоеватели посылали за этимъ дѣломъ въ Русь своихъ баскаковъ, потомъ сочли удобнѣе отдавать сборъ дани на откупъ, а потомъ—стали довѣрять его князьямъ, первоначально тамъ, гдѣ князья покорностію и угодничествомъ заслуживали такое довѣріе. Къ концу XIII-го вѣка уже перестали посылать баскаковъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, и сборъ дани былъ вездѣ возложенъ на князей. Самый размѣръ дани былъ неравенъ и зависѣлъ отъ сдѣлки, заключенной княземъ въ Ордѣ. Понятно, какъ должна была подняться и усилиться власть князя надъ народомъ: отъ него зависѣло распредѣлить дань, назначить, сколько должна была платить та и другая волость; онъ, во имя той непреоборимой верховной силы, которая тяготѣла надъ всѣми равно, онъ требовалъ себѣ покорности и казнилъ непокорныхъ; онъ всегда могъ ихъ устрашить именемъ татаръ, когда только въ этомъ оказывалась нужда. И такой примѣръ мы видимъ на Волыни въ Берестьѣ. Горожане не хотѣли повиноваться распоряженію покойнаго своего князя и признать княземъ его сына, а призвали другого князя: поступокъ ихъ былъ совершенно въ духѣ прежняго времени; но сынъ прежняго князя объявилъ, что онъ призоветъ татаръ, и это такъ устрашило противную ему сторону, что и берестяне покорились, и князь, ими приглашенный, отказался отъ княженія самъ, а берестянъ за ихъ непослушаніе обложили тяжелою данью. Такимъ образомъ, князьямъ стали нужны татары, потому что, въ случаѣ столкновенія съ прежними вѣчевыми началами, могли подать

Digitized by Google

имъ помощь противъ народа. Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междоусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда и отъ всего откупиться; крѣпость князя на его княжескомъ столѣ измѣрялась подарками, расточаемыми въ Ордѣ ханскимъ любимцамъ, и низкопоклонничествомъ предъ всѣми тѣми, кто имѣлъ на то время въ Ордѣ силу и вѣсъ. То, что князь истрачивалъ въ Ордѣ для своего удержанія на столѣ, выбиралось съ народа съ полнымъ произволомъ. Какъ въ Ордѣ князь покупалъ свои права и вымаливалъ поклонами благосклонность высшихъ себя, такъ его намѣстникамъ и волостелямъ нужно было у своего князя покупать и вымаливать должности и милости. Бояре опирались на князя, какъ князь на Орду; какъ князь получалъ свое княжество отъ хана, такъ и владѣніе имѣніями бояръ обезпечивалось милостію князя; бояринъ пріучался въ случаѣ нужды ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то могъ распоряжаться съ произволомъ надъ низшимъ или чернымъ народомъ. Необузданный способъ обращенія бояръ съ черными людьми не разъ вызывалъ въ разныхъ мѣстахъ вспышки еще тлѣвшей въ русскихъ сердцахъ искры вѣчевой старины. Въ 1304 году, въ Костромѣ народъ собрался на вѣче и побилъ бояръ. Въ слѣдующемъ 1305 году тоже явленіе было въ Нижнемъ-Новгородѣ: черные люди возстали на бояръ и побили ихъ. Но такія вспышки не могли быть продолжительны и по неудачному исходу не могли увлекать своимъ примѣромъ другихъ. Послѣ нижегородскаго возмущенія, бывшій тогда въ Ордѣ нижегородскій князь воротился домой съ татарами и перебилъ «вѣчниковъ». Слово «вѣче» потеряло прежнее священное значеніе совѣщательнаго собранія свободной земли: оно стало синонимомъ скопища, заговора, бунта и слово «вѣчникъ» значило тоже, что бунтовщикъ. Исчезло чувство свободы, чести, сознанія личнаго достоинства; раболѣпство предъ высшими, деспотизмъ надъ низшими — стали качествами русской души. Паденію свободнаго духа и отупѣнію народа способствовало то, что Русь постоянно была въ разореніи, нищетѣ и малолюдствѣ. Князья, сдѣлавшись государями своихъ волостей, продолжали вести усобицы, но онѣ отзывались гораздо тяжелѣе для русскаго народа, чѣмъ въ прежнія времена, потому что у князей входило къ обычай приглашать татарскія полчища на земли своихъ противниковъ. Едва сѣверная Русь успѣла позабыть страшную эпоху междоусобій сыновей Невскаго, какъ возникъ столь же страшный рядъ усобицъ между Москвою и Тверью, въ которыхъ

Digitized by Google

по неволѣ принимали участіе и другія русскія земли. Московскіе князья менѣе всѣхъ были разборчивы въ средствахъ. Во время борьбы Юрія съ Михаиломъ нѣсколько разъ проходили по владимирской и тверской землямъ помогавшія Юрію татарскія орды. Послѣ трагической кончины двухъ тверскихъ князей, третій изъ нихъ купилъ себѣ великое княженіе условіемъ, черезъ-чуръ тяжелымъ для разореннаго и безъ того уже народа — дозволить брать двойную дань съ своей волости. По такому договору нахлынули татары въ тверскую землю. Князь приказывалъ народу терпѣть, но у народа не стало человѣческаго терпѣнія. Народъ принялся избивать недобрыхъ гостей, и князь, наконецъ, принужденъ былъ стать за-одно съ народомъ. Соперникъ Александра, московскій князь, какъ только услыхалъ о томъ, что случилось въ Твери, тотчасъ поспѣшилъ въ Орду, получилъ тамъ, вмѣсто опальнаго Александра, великое княженіе и пятьдесятъ тысячъ татаръ для наказанія непокорнаго тверского князя. Другіе князья русскіе, исполняя долгъ рабскаго послушанія хану, также должны были идти на Александра. Тогда тверская земля была опустошена до того, что казалась безлюдною, и остатки уцѣлѣвшихъ отъ погрома долго послѣ того, по замѣчанію лѣтописцевъ, пребывали въ крайней нищетѣ и убожествѣ. Но тверскою землею не ограничился разгромъ: опустошены были земли ростовская и переяславская,—и вообще, куда только ни проходили татары, повсюду они сожигали человѣческія жилища и умерщвляли жителей. Досталось и рязанской землѣ, гдѣ былъ тогда умерщвленъ князь Иванъ Ярославичъ: и эта земля послѣ того долго оставалась въ нищетѣ. Пощажены были земли московскаго князя и это обстоятельство было тогда многознаменательно въ русской исторіи. Московское владѣніе естественно стало богаче остальной сосѣдней Руси: тамъ и жить было безопаснѣе; туда приливало населеніе; увеличивались силы московскаго князя, возрастало его значеніе.

VII.

Понятно, что при періодическихъ посѣщеніяхъ татаръ, при нерѣдкихъ набѣгахъ литовцевъ, да въ добавокъ, при частыхъ княжескихъ усобицахъ, русское народонаселеніе было малочисленно, бѣдно и пріучено къ вѣчному страху за свое существованіе, а потому сдѣлалось способнымъ къ безгласному и безсмысленному повиновенію грозѣ и силѣ и составляло готовый матеріалъ для единодержавія, какъ только обстоятельства могли сложиться удобно для его возникновенія.

Digitized by Google

Несмотря на всеобщее порабощеніе политической жизни, русская страна была слишкомъ обширна и наполнена труднопроходимыми дебрями и болотами. При этихъ качествахъ въ ней сохранялись нѣкоторые признаки древняго быта, признаки личной свободы человѣка до извѣстной степени. Бояре и слуги (прежняя дружина) назывались вольными людьми, могли оставлять службу одному князю и переходить къ другому, и даже ихъ имѣнія оставались нетронутыми, находясь во владѣніяхъ прежняго князя. Такое условіе мы встрѣчаемъ въ договорныхъ грамотахъ между князьями. Но не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться этимъ и воображать, чтобъ свободное положеніе этихъ вольныхъ людей было очень прочно и ограждено отъ произвола. Дѣйствительно, бояре и вольные слуги могли свободно переходить отъ князя къ князю, когда ихъ князья, заключавшіе между собою договоры, жили въ мирѣ; когда при этомъ договоры заключались между сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, такое условіе было выгодно для сильнѣйшаго: отъ слабаго будутъ перебѣгать вольные люди къ сильному, потому что у сильнаго окажется лучше служить, и это право, какъ скажемъ послѣ, очень помогло усиленію московскихъ князей. Но тамъ, гдѣ князья не жили въ ладахъ между собою, такое право было непримѣняемо, особенно когда князья надѣялись на милость Орды. Само собою разумѣется, что князь, не затруднявшійся съ татарскими полчищами разорять земли своего соперника и истреблять его подданныхъ за то, что эти люди не по своему выбору, а по приговору судьбы, признаютъ власть послѣдняго, не стѣснился бы отнять имѣніе у боярина, который, прежде служивши ему, перешелъ на службу къ его врагу. Впрочемъ, въ литературѣ того времени есть признаки, показывающіе, что переходы бояръ и вольныхъ слугъ отъ князя къ князю стали считаться уже несправедливымъ дѣломъ, и нравоучители вооружались противъ *отъѣзда*, какъ противъ измѣны. Это по крайней мѣрѣ говорилось въ московскомъ княженіи по отношенію къ тамошнимъ князьямъ; московскіе князья не любили, чтобъ отъ нихъ отъѣзжали бояре, а чужихъ къ себѣ принимали охотно. Другой признакъ личной свободы существовалъ для низшаго класса, крестьянъ или черныхъ людей, и состоялъ въ правѣ земледѣльцевъ оставлять земли одного боярина и переходить на земли другого. Обычай этотъ былъ полезенъ для народа тѣмъ, что землевладѣльцы, нуждаясь въ работникахъ, естественно должны были привлекать ихъ льготами и вообще предоставленіемъ хорошихъ условій жизни. Но и тутъ, какъ въ дѣлѣ бояръ и вольныхъ слугъ, не должно представлять себѣ, чтобы отъ этого всѣ крестьяне на самомъ дѣлѣ пользовались

Digitized by Google

во всякое время правами, обезпечивающими за ними свободу и благосостояніе. Не всѣ, не всегда и не вездѣ крестьяне сохраняли за собою право вольнаго перехода. Князья прежде всего лишили этого права крестьянъ, жившихъ на тяглыхъ княжескихъ земляхъ; въ тягло могли прибывать свѣжія рабочія силы, а изъ тягла убывать не смѣли; такого порядка, по крайней мѣрѣ, какъ намъ извѣстно, держались московскіе князья, начиная съ Калиты, по отношенію къ своимъ тяглымъ (т.-е. обязаннымъ доставлять имъ разные доходы) людямъ и, давая грамоты на земли монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ, ставили условіе, чтобъ и получившіе грамоты не принимали къ себѣ на земли княжескихъ тяглыхъ волостныхъ людей, за то позволяли имъ преимущественно принимать переселенцевъ изъ иныхъ княженій. Князья другихъ княженій слѣдовали естественно тому же правилу и позволяли землевладѣльцамъ перезывать людей изъ иныхъ княженій, а не изъ своей отчины (А. Э. I. 19). Кромѣ того, по особой милости, князья давали землевладѣльцамъ, особенно монастырямъ, право, по которому принадлежащіе имъ крестьяне не могли переходить съ занимаемыхъ ими земель. Такимъ образомъ, во времена господства крестьянскихъ переходовъ, уже многіе изъ крестьянъ лишены были права перехода и, слѣдовательно, по закону были крѣпки землѣ. Кромѣ крестьянъ, по особеннымъ распоряженіямъ потерявшихъ право перехода и, слѣдовательно, въ сущности личную свободу, были еще на Руси холопы: люди полные (рожденные отъ рабовъ), люди купленные, люди кабальные (сами себя запродавшіе). Всѣ такіе люди находились подъ произволомъ господъ до такой степени, что не допускался никакой доносъ или жалоба холопа на своего «государя». Если бы случилось, что государь поколотилъ холопа такъ сильно, что холопъ отъ побоевъ умеръ — государь не отвѣчалъ за это. Такіе невольные люди не только наполняли боярскіе и княжескіе домы въ качествѣ слугъ, но были поселены на земляхъ, работали на своихъ государей по волѣ послѣднихъ и составляли значительную часть сельскаго населенія. Хотя церковь не переставала оказывать свое благотворное вліяніе, и многіе изъ князей и бояръ, ради спасенія души, предъ смертью отпускали на волю всѣхъ своихъ рабовъ, но рабство отъ этого не уменьшалось, по причинѣ частой продажи самихъ себя въ неволю свободными людьми: состояніе свободнаго человѣка нерѣдко было до того несносно, что онъ, для своего облегченія, шелъ въ рабство, и чувство свободы до такой степени изсякло, что отпущенные на волю пользовались милостію господина для того только, чтобы снова продать себя въ холопы.

Digitized by Google

Крестьяне свободные, имѣвшіе право перехода съ земли на землю, назывались сиротами и могли пользоваться своимъ правомъ только съ ограниченіями. Такимъ образомъ, только однажды въ годъ дозволено было уходить (отказываться), именно за недѣлю до Юрьева осенняго дня и въ продолженіи недѣли послѣ этого дня. Кто, почему-нибудь, не успѣвалъ воспользоваться этими двумя недѣлями, тотъ обязанъ былъ оставаться у прежняго помѣщика цѣлый годъ безъ прекословія. Принявъ въ соображеніе тогдашнюю многоземельность и сравнительное малолюдство, что̀ можно усматривать въ такомъ явленіи, каково шатаніе безземельнаго народа изъ одного чужого владѣнія въ другое чужое же? Конечно, нищету, утѣсненія, всеобщую тягость, ничѣмъ неогражденное горькое положеніе народа. Почему, въ самомъ дѣлѣ, эти сироты, вмѣсто того, чтобъ, сиротствуя, ходить отъ одного владѣльца къ другому, не селились гдѣ-нибудь на пустопорожнихъ земляхъ и не жили либо общинами, либо въ качествѣ мелкихъ частныхъ собственниковъ? Оттого, что вся земля, какого бы она ни была свойства—заселенная или пустопорожная, удобная или неудобная, пашня, сѣнокосъ, лѣсъ, болото — вся была въ распоряженіи у князя, ибо она дарована была ему отъ хана, истиннаго государя, владѣтеля, собственника всѣхъ покоренныхъ русскихъ земель. Гдѣ земля была пуста и не приносила никакихъ доходовъ, тамъ она въ дѣйствительности никому не принадлежала, но какъ скоро на ней поселялись, какъ скоро ее начинали обработывать люди, такъ князь тотчасъ покажетъ надъ нею право, потянетъ новопоселенныхъ въ тягло или утвердитъ за монастыремъ, либо за частнымъ лицомъ. Всякое поземельное владѣніе, находясь въ области княженія такого или другого князя, давалось или держалось по милости князя и отъ него зависѣло — будь это многоземельная боярская вотчина или десять четей надѣла бѣднаго крестьянина черной общины. Князь налагалъ на жителей своего княженія какіе хотѣлъ дани и поборы и освобождалъ отъ нихъ тѣхъ, кого ему угодно было освободить и пожаловать льготою. Давать земли и оставить ихъ во владѣніи и пользованіи онъ могъ и хотѣлъ только такъ, чтобъ отъ этого происходила выгода ему самому; поэтому, кромѣ монастырскихъ и церковныхъ имѣній, которыя давались князьями въ видахъ спасенія собственныхъ ихъ душъ, слѣдовательно, въ ожиданіи выгодъ не на семъ, а на томъ свѣтѣ, — все остальное давалось съ обязанностію либо служить князю ратнымъ дѣломъ, либо доставлять князю выгоду работами и даньми. Отсюда вытекало, что бояре, дѣти боярскія и вообще вольные владѣльцы земли, получая отъ князя право на позе-

Digitized by Google

мельную собственность, обязаны были за то служить ему и потому они дѣлались исключительно служилымъ сословіемъ именно потому, что были землевладѣльцы. За услуги или въ видахъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ ихъ службы, князь нѣкоторыхъ изъ нихъ освобождалъ отъ тѣхъ повинностей и даней, которыя оставались лежащими на другихъ: то было, однако, не право, не какая-либо постоянная сословная привилегія, а единственно проявленіе воли и милости князя, такъ точно, какъ и обложить тѣхъ или другихъ данями и повинностями зависѣло отъ княжескаго произвола. Бояре имѣли право продавать, закладывать, завѣщать свои вотчины; существовали основанныя на древнихъ обычаяхъ правила, опредѣлявшія отношенія этихъ вотчинъ къ роду владѣльцевъ, но все это не придавало боярскому сословію полной свободы и независимости отъ княжескаго произвола. Будучи недоволенъ за дурную службу себѣ или за неповиновеніе, князь всегда могъ отнять у боярина его вотчину и распорядиться ею по желанію. На тѣхъ земляхъ, которыя не составляли частной собственности и не были раздаваемы никому во владѣніе, князь держалъ упомянутыхъ выше черныхъ, или тяглыхъ волостныхъ людей. То были, вѣроятно, потомки древнихъ свободныхъ сельскихъ общинъ, съ постоянными отливами и приливами населенія въ это сословіе; со времени татарскаго завоеванія на нихъ-то преимущественно легла тягость дани, которую должна была нести порабощенная Русь. Въ XIII-мъ вѣкѣ, по татарскомъ завоеваніи, они были подвергаемы поголовной переписи или «числу» и назывались поэтому численными людьми. Но такъ какъ переписи впослѣдствіи не повторялись, между тѣмъ населеніе возрастало, особенно въ московской землѣ, куда, вслѣдствіе невзгодъ, обуревавшихъ сосѣднія русскія земли, приливало народонаселеніе изъ послѣднихъ, то образовались и умножались тяглые люди, не подвергнутые перечисленію, а численные люди сдѣлались только отдѣломъ или частію всего сословія тяглыхъ волостныхъ людей. Нѣкоторое время они отличались тѣмъ, что князья, при дѣлежѣ своихъ княженій, не полагали въ раздѣлъ численныхъ людей, а завѣщали послѣдующимъ князьямъ блюсти ихъ за-одно, но впослѣдствіи это было утрачено и численные люди пошли въ раздѣлъ за урядъ съ остальными тяглыми и потеряли свое особенное наименованіе.

Тяглые волостные крестьяне съ землями составляли какъ бы зародышъ государственнаго достоянія, въ отличіе отъ княжескаго, именно потому, что доходы, получаемые отъ нихъ, назначались на дань татарамъ, слѣдовательно на такой предметъ, котораго существованіе не зависѣло отъ князя. Но такъ какъ ханы пору-

Digitized by Google

чили собраніе дани самимъ князьямъ, и послѣдніе платили дань въ разныхъ размѣрахъ, опредѣляемыхъ огуломъ, а раскладка дани на подданныхъ предоставлялась князю, то, чрезъ то самое, тяглые люди попали въ безусловную зависимость отъ князей. Они платили уже дань не хану, а своему князю, а князья, въ своихъ договорахъ между собою, говорили, что въ случаѣ, когда Богъ перемѣнитъ Орду, то-есть когда они освободятся изъ-подъ власти завоевателей, дань, которая платилась хану, должна сдѣлаться достояніемъ князей. Отсюда понятно, какъ свои собственные князья заступали для народа мѣсто иноплеменныхъ завоевателей. Князья брали съ тяглыхъ людей дань уже не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ нужно было имъ самимъ заплатить хану, а по произволу, наблюдая свои собственныя выгоды. Кромѣ дани, тяглые волостные люди были обложены работами, производимыми по размету подъ надзоромъ сотскихъ и старостъ, да еще облагались множествомъ разнообразныхъ поборовъ; названія ихъ извѣстны намъ преимущественно изъ грамотъ, даваемыхъ князьями тѣмъ, которые, по особой княжеской милости, освобождались отъ наборовъ. Таковы были писчая бѣлка, мыто, тамга, восьминичье, костки, ямъ, подводы, явленное, закосное, ставленіе княжескихъ дворовъ, кормленіе княжескихъ коней и пр. и пр. Были еще, сверхъ того, опредѣленные княземъ поборы въ пользу княжескихъ намѣстниковъ, волостелей, доводчиковъ и праветчиковъ, а въ случаѣ суднаго дѣла они платили князю, по старинѣ, судныя пошлины. Всѣ эти поборы простирались и на боярскія и на всякія имѣнія, если они не были освобождены особыми льготными княжескими грамотами. Что такіе разнообразные поборы и повинности вели не къ благосостоянію, а къ утѣсненію народа, показываетъ, во-первыхъ, уже то, что князья, изъ желанія облегчить нѣкоторыхъ, къ кому особенно благоволили, избавляли ихъ отъ этихъ поборовъ и повинностей; во-вторыхъ, то, что жители, не вынося тягостей, не рѣдко разбѣгались, а иные, чтобъ избѣжать тягла, отдавались противозаконно въ холопство; въ-третьихъ, наконецъ, то, что, впослѣдствіи, въ XVI-мъ вѣкѣ разнообразные поборы были замѣняемы огульною платою и при этомъ правительство само высказывало, что при прежнихъ порядкахъ, которые оно тогда устраняло, народъ сильно былъ угнетенъ и особенно терпѣлъ отъ злоупотребленій со стороны намѣстниковъ, волостелей и ихъ подручниковъ. Много вѣковъ несъ народъ такой горькій для него строй тягла безъ исхода. Частыя разоренія, которыя постигали его и отъ татарскихъ нашествій, и отъ набѣговъ Литвы и отъ междоусобныхъ распрей собственныхъ князей, довершали

Digitized by Google

его бѣдственное положеніе. Не быть въ зависимости отъ землевладѣльца для русскаго крестьянина значило нести тягло и подвергаться тяжелымъ поборамъ и работамъ, да еще быть прикованнымъ къ мѣсту. Конечно, лучше было въ качествѣ «сироты» ходить отъ владѣльца къ владѣльцу. Сирота все-таки лично былъ свободнѣе тяглаго человѣка; тягло, въ древности, было истинное подобіе той неволи, которую впослѣдствіи называли крѣпостнымъ правомъ и во многомъ было тяжелѣе послѣдняго, испытаннаго народомъ при другихъ условіяхъ жизни и нравовъ.

Но и положеніе «сироты», въ сущности, несмотря на видимую личную свободу, было очень часто не лучше, а иногда и хуже положенія не только тяглаго человѣка, но настоящаго раба: объ этомъ, къ-счастію для исторіи, сохранились любопытныя свидѣтельства духовныхъ, вопіявшихъ за горькую участь какъ рабовъ, такъ и сиротъ, называемыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ подручными. Обыкновенно крестьянинъ приходилъ къ землевладѣльцу въ нищетѣ и нуждѣ; условія, которыя предлагалъ ему землевладѣлецъ, вначалѣ могли быть необременительны: крестьянинъ могъ обязываться платить хозяину только оброкъ за пользованіе землею и болѣе никакихъ обязанностей на себя не принимать; но будучи въ стѣснительномъ положеніи, онъ, для своего обзаведенія, принужденъ бывалъ дѣлать долги и имѣлъ неосторожность сдѣлать заемъ у владѣльца той земли, на которой поселялся на срокъ за проценты (ростъ), очень высокіе по обычаю того времени, поддерживавшемуся рѣдкостію и дороговизною серебра. Срокъ платежа приходилъ, и крестьянинъ не въ состояніи былъ выплатить. Тогда онъ долженъ былъ согласиться работать владѣльцу за долгъ; иногда же онъ съ перваго дня займа условливался платить владѣльцу ростъ работою; и тогда, при достиженіи срока платежа, не въ силахъ будучи заплатить капитала, крестьянинъ долженъ былъ подвергаться новымъ, болѣе стѣснительнымъ условіямъ. Работу, въ такомъ случаѣ, оцѣнивалъ владѣлецъ: крестьянинъ, находясь по отношенію къ нему въ состояніи неоплатнаго должника, во всемъ ему уступалъ; владѣлецъ, естественно соблюдая свои выгоды, оцѣнивалъ крестьянскую работу елико возможно низко. Крестьянскій долгъ не могъ покрыться этою работою. Новый ростъ увеличивалъ долгъ; крестьянинъ, обремененный работою на владѣльца, имѣлъ слишкомъ мало свободнаго времени на работу для себя и не въ силахъ былъ выплатить положеннаго въ началѣ по условію оброка за землю; и вотъ на сумму этого невыплаченнаго оброка насчитывался новый ростъ, и владѣлецъ, при

Digitized by Google

невозможности получить его съ крестьянина деньгами, обременяетъ за него крестьянина еще новою работою. Наконецъ — приходитъ къ тому, что крестьянинъ все свое время тратитъ на работу владѣльцу, и владѣлецъ помыкаетъ имъ и его семьею какъ невольниками, хотя и оставляетъ за ними званіе свободныхъ людей. Но это званіе для бѣдняковъ уже не преимущество, а тягость. Чтобъ избавиться отъ безвыходнаго положенія неоплатнаго должника, крестьянинъ съ своею семьею часто шелъ въ холопство иногда къ кому-нибудь другому, а иногда къ тому же самому владѣльцу, у котораго состоялъ въ неоплатномъ долгу: въ томъ и другомъ случаяхъ его положеніе временно казалось выгоднымъ; въ первомъ—онъ избавлялся отъ заимодавца и могъ получить отъ покупщика его свободы еще какую-нибудь надбавку сверхъ суммы, покрывавшей его прежній долгъ; въ послѣднемъ — господинъ, пріобрѣтая юридически въ рабы того, кого онъ уже держалъ въ рабствѣ въ дѣйствительности, давалъ ему нѣкоторое облегченіе за это. Но случалось и такъ, что господинъ, за слѣдуемый ему долгъ высосавши всю силу крестьянина и не нуждаясь въ юридическомъ его порабощеніи, прогонялъ его вонъ, чуть не голаго. Тѣмъ крестьянамъ, которые первоначально, приставая къ владѣльцу, заключали съ нимъ болѣе выгодныя для себя условія, и главное, могли обходиться безъ того, чтобъ дѣлаться должниками владѣльца земли, шло, разумѣется, лучше, но и тогда сильнѣйшій всегда имѣлъ возможность притѣснить слабѣйшаго, а на такомъ судѣ, гдѣ все было продажно, сильнѣйшій скорѣе оказывался правъ, чѣмъ его слабый соперникъ. Вообще же, лучшимъ доказательствомъ печальнаго состоянія сиротъ служитъ то, что они повсемѣстно и охотно «закладывались», шли въ законное рабство и мало дорожили своей свободой. Льготнѣе было тѣмъ сиротамъ, которые селились на княжескихъ не-тяглыхъ земляхъ, въ селахъ, не входившихъ въ разрядъ тяглыхъ волостей. Кромѣ послѣднихъ, князья, особенно московскіе, пріобрѣтали себѣ имѣнія, которыми владѣли въ качествѣ такихъ же собственниковъ-вотчинниковъ, какими были и бояре: эти имѣнія назывались селами и слободами, въ отличіе отъ тяглыхъ, именуемыхъ волостями; онѣ-то послужили началомъ того разряда имѣній, которыя, впослѣдствіи, назывались подклѣтными, дворцовыми, а въ болѣе позднее время—удѣльными. Ихъ накопленіе было одною изъ важнѣйшихъ причинъ обогащенія, а черезъ то самое и возвышенія московскихъ великихъ князей. Пріобрѣтая повсюду земли, они называли на нихъ сиротъ и предоставляли имъ значительныя временныя льготы: оттого эти княжескія села и слободы процвѣ-

Digitized by Google

тали болѣе другихъ населенныхъ мѣстностей Руси, но за то въ нихъ скорѣе и прочнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь ограничивалась свобода перехода. Уже въ XV-мъ в., жалуя частнымъ лицамъ имѣнія, князья ставили условіемъ, чтобы владѣльцы не принимали къ себѣ людей ни изъ волостей, ни изъ княжескихъ селъ, дозволяя, впрочемъ, самимъ себѣ принимать людей изъ волостей и имѣній другихъ князей. Мало-по-малу жители этихъ селъ подпадали всякаго рода поборамъ, которымъ подвергались тяглыя волости и отличались отъ послѣднихъ болѣе по имени и по нѣкоторымъ формамъ управленія, чѣмъ по житейскому быту крестьянъ.

Городовъ въ смыслѣ корпорацій особаго сословія съ особыми правами, кромѣ сѣверныхъ народоправныхъ, въ татарской Руси не существовало; торговля и промышленность до такой степени были ничтожны и отличались первобытными пріемами, что занимавшіеся ими не могли подняться до значенія и правъ, высшихъ надъ крестьянскими. Посады, какъ называлось тогда то, что мы теперь называемъ городами, гдѣ преимущественно сосредоточивались торговля и промыслы, причислялись къ тяглымъ волостямъ; промышленный или торговый человѣкъ отличался отъ пашеннаго только тѣмъ, что участіе его въ тяглѣ измѣрялось не землею, а промыслами.

VIII.

Мы представили этотъ бѣглый очеркъ состоянія народа для того, чтобы показать, что въ татарскій періодъ сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобъ сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи, но она не могла возникнуть скоро; Русь съ половины XIII-го вѣка до конца XV-го пережила періодъ феодализма.

Употребляя это выраженіе, мы не думаемъ сказать, чтобъ у насъ существовали всѣ тѣ условія, которыя на Западѣ устроили порядокъ, извѣстный подъ именемъ феодальнаго. Но въ человѣческомъ мірѣ не все подобное одинаково. Мы принимаемъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣемъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ

Digitized by Google

высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ. Такой строй существовалъ на Руси вполнѣ. Не допуская важности раздѣла въ русской жизни между до-татарскимъ и послѣ-татарскимъ періодами русской исторіи, нѣкоторые наши мыслители хотѣли видѣть феодальный строй до татаръ, другіе не хотѣли его видѣть и послѣ татаръ. Два эти противоположныя заблужденія исходили изъ одного и того же невѣрнаго взгляда, искавшаго единства тамъ, гдѣ существовало громаднѣйшее различіе. До татаръ у насъ не было феодализма, если только не отыскивать нѣкотораго далекаго съ нимъ подобія въ отношеніяхъ старшихъ и младшихъ городовъ между собою; но съ татаръ онъ дѣйствительно начинается. Верховный владыка, завоеватель и собственникъ Руси, ханъ, называемый правильно русскими царемъ, раздалъ князьямъ земли въ вотчины и по этимъ землямъ они естественно очутились въ неровномъ между собою отношеніи: одни, владѣвшіе прежними пригородами, были ниже, другіе — сидѣвшіе въ главныхъ городахъ — выше. Надъ всѣми ими былъ старѣйшій или великій князь. Вначалѣ это званіе безусловно зависѣло отъ воли хана, давалось князьямъ безъ всякаго вниманія къ какому-либо старшинству земель, владѣемыхъ князьями. По этому, бывали старѣйшими князья: Владимирскіе, Костромскіе, Переяславскіе, Тверскіе, Городецкіе, Нижегородскіе; только на городъ Владиміръ показывали они, получивъ санъ старѣйшаго, притязаніе, какъ по воспоминаніямъ силы и значенія этого города, такъ и потому, что сами они происходили отъ предковъ, княжившихъ во Владимирѣ, съ нѣкоторыми признаками старѣйшинства по причинѣ ихъ случайной силы между другими князьями. Съ легкой руки хана Узбека, въ первой половинѣ XIV-го в., званіе старѣйшаго великаго князя утвердилось за московскими князьями, постоянно переходя отъ отца къ сыну, съ ханскимъ утвержденіемъ, и такъ было до тѣхъ поръ, пока не пала и не разложилась Орда и московскіе князья не усилились до возможности замѣстить собою хановъ, и сдѣлаться такими же владыками и собственниками русскихъ земель, какими, по праву завоеванія, при азіатскомъ складѣ понятій, были и считали себя ханы. Только однажды, въ малолѣтство Димитрія Донского, произошло уклоненіе отъ обычнаго перехода званія старѣйшаго великаго князя отъ одного московскаго князя къ другому, его прямому наслѣднику, но и то не надолго. Москва скоро успѣла возвратить себѣ свое право, уже освященное бывшими передъ тѣмъ тремя поставленіями въ великокняжеское достоинство князей московской линіи. Кромѣ старѣйшаго великаго князя московскаго были еще по землямъ князья главные

Digitized by Google

по отношенію къ низшимъ, и назывались также великими, находясь подъ началомъ великаго, старѣйшаго. За исключеніемъ Новагорода и Пскова, находившихся, съ своими старыми вѣчевыми формами, подъ началомъ или въ полузависимости отъ старѣйшаго великаго князя,—въ другихъ русскихъ земляхъ носили названіе великихъ князей въ XIV-мъ в. суздальскіе и нижегородскіе, рязанскіе, тверскіе, смоленскіе; по временамъ пытались называться великими и другіе, но не удержали за собою этого титула, не имѣя соотвѣтствующаго значенія на дѣлѣ. Подъ началомъ у великихъ князей, въ ихъ областяхъ, находились меньшіе князья. Отношенія между великими и меньшими выражались родственными признаками: меньшіе должны были относиться къ великимъ, какъ дѣти къ отцамъ и племянники къ дядямъ, то-есть съ уваженіемъ, какое подобало оказывать родственникамъ по восходящей линіи. То была одна изъ чертъ различія между феодализмомъ у насъ и на Западѣ Европы. Наши князья всѣ были изъ одного рода, да притомъ часто линіи, ближайшія къ великому князю, оттѣсняли болѣе отдаленныя, и князь, владѣвшій вотчиною въ землѣ великаго, былъ въ самомъ дѣлѣ близкій родственникъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, меньшіе князья были въ такой зависимости у великихъ, которая напоминаетъ намъ феодальную лѣстницу на Западѣ. Обязанные взносить великому князю слѣдуемую съ нихъ татарскую дань для передачи по принадлежности, они также обязаны были быть готовыми на ратную помощь великому князю по его призыву. Въ договорахъ между собою, великіе князья говорили меньшимъ: «гдѣ всяду самъ на конь, и вамъ со мною пойти, и гдѣ мн послати васъ пригоже, и вамъ пойти безъ ослушанія, а гдѣ пошлю своихъ воеводъ, и вамъ послати своихъ воеводъ съ нами». Но меньшіе князья управляли своими вотчинами невозбранно и великіе не мѣшались въ ихъ внутреннія порядки. Князья у себя во владѣніяхъ раздавали земли боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, съ обязанностью служить. Было три вида земельныхъ раздачъ: въ вотчину, кормленье и введенье. Отдача въ вотчину значила потомственное право владѣнія—его давали князья за заслуги; но и тѣ старинные владѣльцы, которыхъ родъ съ давнихъ временъ считалъ своею принадлежностью извѣстныя вотчины, стали пользоваться этими имуществами уже на новыхъ основаніяхъ — въ качествѣ вознагражденія за службу, и князь могъ лишать ихъ достоянія за неповиновеніе и измѣну, какъ и тѣхъ, которыхъ надѣлилъ вотчинами вновь. Отдача въ кормленье было пожизненное право пользоваться доходами и владѣть имѣніями, также за обязанность служить за нихъ: то былъ первообразъ помѣст-

Digitized by Google

наго права, впослѣдствіи широко распространеннаго на Руси. Боярину, называемому введеннымъ, князь поручалъ управленіе и судъ надъ какою-нибудь изъ своихъ волостей, съ удѣленіемъ боярину изъ получаемыхъ доходовъ нѣкоторой части въ качествѣ вознагражденія за управленіе.

Такой феодальный строй могъ существовать и быть крѣпокъ только до тѣхъ поръ, пока была крѣпка и дѣятельна власть Орды. Но сами ханы, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось сначала, давать званіе старѣйшаго великаго князя то князю одной, то другой земли и не допускать преемства въ одной линіи, чтобы тѣмъ не допустить одному изъ княженій слишкомъ усилиться надъ другими,—подняли и возвысили московскихъ князей, давая имъ званіе старѣйшаго великаго князя одному за другимъ. Права за московскими князьями не было никакого, кромѣ ханскаго произвола и они именно тѣмъ и пріобрѣтали благосклонность хановъ, что не искали великаго княженія на основаніи какихъ бы то ни было правъ и преданій, а просили только ханской милости, и кромѣ этой верховной милости никакого права знать не хотѣли. Это рѣзко выразилось при соисканьствѣ великаго княженія предъ ханомъ, въ 1432 г., Юріемъ Шемякою и Василіемъ Васильевичемъ московскимъ. Когда Юрій думалъ выиграть свое дѣло, ссылаясь на старыхъ лѣтописцевъ и разные старые списки, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, хлопотавшій за Василія, бывшаго еще малолѣтнымъ, указалъ хану, что его князь ищетъ великокняжескаго стола по царскому жалованью: «ты—выразился онъ — вольный царь, воленъ въ своемъ улусѣ кого восхощешь жаловать на твоей волѣ»? Такой аргументъ тогда же понравился хану, и Василій московскій признанъ великимъ княземъ. Съ такимъ презрѣніемъ ко всякимъ историческимъ правамъ, съ такимъ уваженіемъ паче всего къ силѣ и дѣйствительному могуществу, относились всѣ московскіе князья, льстили, раболѣпствовали предъ ханами, между тѣмъ сами усиливались, обогащались, увеличивали свою территорію, а тѣмъ временемъ въ Ордѣ произошли смуты, нестроенія: царство, основанное силою оружія, почти безъ всякихъ гражданскихъ зачатковъ, скоро стало разрываться и, соотвѣтственно этому явленію, феодализмъ на Руси падалъ и уступалъ мѣсто монархическому началу. Московскій князь, утвердившій за собою и за своимъ потомствомъ привилегію званія великаго князя надъ всею Русью, подвластною Ордѣ, Иванъ Калита, былъ безспорно человѣкъ великаго ума и чрезвычайно ловкій. Въ продолженіи какихъ-нибудь тринадцати лѣтъ онъ упрочилъ за собою обширное, по своему времени, владѣніе. Изъ его духовнаго завѣщанія видно, что онъ владѣлъ простран-

Digitized by Google

ствомъ, занимаемымъ теперь уѣздами рузскимъ, звенигородскимъ, подольскимъ, коломенскимъ, серпуховскимъ, можайскимъ, бронницкимъ, боровскимъ, перемышльскимъ. Изъ духовнаго завѣщанія его внука видно, что онъ же купилъ себѣ Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ съ ихъ волостями. Кромѣ того, онъ въ разныхъ мѣстахъ пріобрѣталъ себѣ села, копилъ съ нихъ доходы и употреблялъ на покупку новыхъ селъ, имѣя въ виду сколько возможно болѣе расширять территорію своихъ владѣній. Владимиръ подаренъ былъ ему ханомъ. Ярославскіе и ростовскіе князья были его подручниками. Тверская земля была унижена и до крайности разорена; тверскіе князья принуждены были признавать себя подъ началомъ московскихъ. На Новгородъ, который помогалъ Калитѣ, онъ уже наложилъ тяжелую руку, въ благодарность за содѣйствіе къ достиженію своего могущества.

Его преемники продолжали закупать себѣ села и накоплять богатства. Внукъ его, Димитрій, пользуясь нестроеніями въ Ордѣ, покусился на открытую брань съ завоевателями Руси. Это событіе сильно подняло и на будущія времена утвердило нравственное значеніе великаго князя, послѣ того, какъ онъ явился предводителемъ русскихъ князей въ первый разъ уже не по ханскому приказанію, а по свободному стремленію доставить русской землѣ независимость отъ иноплеменниковъ. Послѣдовавшія затѣмъ неудачи показали, что еще не пришла пора вести борьбу, что завоеватели, несмотря на начавшееся распаденіе ихъ державы, еще настолько сильны, чтобъ показать Руси пагубные плоды ея неповиновенія, что еще придется московскимъ князьямъ поддерживать себя искательствомъ милостей у хановъ, а не борьбою съ ними; но эти неудачи, отсрочивъ дѣло освобожденія, были, по причинѣ того же нестроенія въ Ордѣ, поправимы и потому не подорвали нравственнаго значенія главенства надъ Русью, показаннаго московскимъ княземъ въ смѣломъ предпріятіи противъ Мамая. Преемникъ Димитрія, Василій, совершилъ важный подвигъ: онъ овладѣлъ суздальскимъ и нижегородскимъ княженіемъ, городами Муромомъ, Тарусою, Мещерою, Городцемъ, и этого достигъ онъ уже не по милости хана, а собственными силами и ловкостью.

Не видно, однако, чтобъ московскіе великіе князья, постепенно и послѣдовательно усиливаясь, имѣли ясное сознаніе о созданіи единодержавнаго государства. Судьба вела ихъ къ этому, но сами они, сообразно понятіямъ, наслѣдованнымъ отъ прародителей, долго смотрѣли на свои владѣнія, какъ на вотчину, покупали, а подчасъ и насиліемъ отнимали у другихъ волости, но потомъ дѣлили ихъ между сыновьями, назначая одного изъ

Digitized by Google

нихъ, старшаго, старѣйшимъ надъ другими, и такимъ образомъ продолжали феодальный порядокъ. Изъ этого могло выходить только то, что линіи отдаленныя замѣщались бы—ближайшими къ великому князю, и только; сказать иначе—сильнѣйшій грабилъ бы слабѣйшаго, при возможности грабить, и надѣлялъ бы ограбленнымъ своихъ присныхъ. Отъ такого состоянія дѣлъ до государственности не близко. Но на счастье русскому государству княжескій московскій родъ не слишкомъ распложался, и великій московскій князь часто оставался при небольшомъ количествѣ родственниковъ, имѣющихъ владѣнія въ его великокняжеской московской волости. У Калиты старшій сынъ Симеонъ умеръ бездѣтнымъ, второй оставилъ единственнаго сына, бывшаго великимъ княземъ, и только отъ третьяго,—Андрея, осталось потомство, образовавшее линію удѣльныхъ князей, имѣвшихъ владѣнія внутри московской области и подначальныхъ непосредственно великому московскому князю. У Димитрія Донского было пять сыновей, но кромѣ великокняжеской линіи, послѣдовавшей отъ старшаго сына Василія, изъ остальныхъ сыновей Донского только у одного, Юрія, осталось потомство. Междоусобіе Димитріевыхъ внуковъ, великаго князя Василія Васильевича и сыновей Юрія, выбросило потомство послѣдняго изъ рода владѣтельныхъ князей; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожились удѣлы и потомковъ Андрея, сына Калиты, кромѣ удѣла верейскаго князя, находившагося въ полной зависимости отъ великаго князя. Такимъ образомъ, московская земля была сосредоточена въ однихъ рукахъ и въ такомъ видѣ доставалась сыну Василія Васильевича Темнаго, тому великому умомъ и дѣятельностію Ивану, который принялъ на себя историческое призваніе введенія монархизма.

Ему, обладателю всего московскаго великаго княженія, предстояло исполнить слѣдующія задачи: окончательно освободиться отъ всякой зависимости въ отношеніи къ Ордѣ; не допустить своихъ братьевъ быть такими князьями-государями въ своихъ вотчинахъ, какими бывали прежніе братья великаго князя; подчинить сѣверныя народоправныя земли, уничтоживъ ихъ вѣчевой строй и автономію; присоединить къ Москвѣ два великія княженія, тверское и рязанское, и такимъ образомъ уничтожить совершенно феодальный порядокъ и сдѣлаться полнымъ государемъ-собственникомъ Руси, замѣнивъ для нея татарскаго хана.

Историческія обстоятельства сложились превосходно для разрѣшенія этихъ задачъ, и Иванъ совершилъ свое призваніе; только немногое, какъ, напр., окончательное уничтоженіе вѣчевыхъ формъ во Псковѣ и слитіе съ московскимъ великимъ княженіемъ рязанскаго, уже и безъ того потерявшаго свою самостоятельность, осталось довершить его преемнику.

Digitized by Google

IX.

Но отчего же борьба возникшаго монархизма съ феодализмомъ пошла такъ успѣшно и послѣдній оказалъ такъ мало упорнаго дѣятельнаго сопротивленія?

Что̀ создало у насъ феодализмъ, то и держало его существованіе. Слабость создавшей его стихіи ослабила невольно и свое созданіе. Феодализмъ, какъ мы уже показали, былъ произведеніе татарскаго завоеванія. Татарскіе ханы сдѣлали князей изъ правителей земель вотчинниками земель; только при защитѣ со стороны хановъ и могли князья держаться, а это могло быть только до тѣхъ поръ, пока ханы были сильны: только тогда князь, слабый въ сравненіи съ сильнымъ, могъ находить противъ покушеній послѣдняго силу въ томъ, кто былъ равнымъ образомъ владыка и слабаго и сильнаго на Руси. Но какъ только Орда стала разлагаться, какъ только ханы перестали поддерживать созданный ими строй русской земли, стали довольствоваться одною данью, предоставивъ судьбѣ внутреннее теченіе политической и общественной жизни,—мелкіе князья очутились безъ внѣшней подпоры противъ крупныхъ и сильныхъ. Много ихъ погибло въ междоусобіяхъ;—нравы до того огрубѣли, что случаи самаго безцеремоннаго истребленія другъ другомъ были нерѣдки между князьями, и тогдашняя Русь не возмущалась такими случаями, какъ бывало въ прежнія времена, въ до-татарскій періодъ; тѣ князья, которые остались цѣлы съ потомствомъ, потеряли не только внѣшнихъ защитниковъ въ ханахъ, но и ту внутреннюю или домашнюю силу, на которую могли опираться для защиты и охраненія своихъ правъ и владѣній. Эту внутреннюю силу составлялъ для нихъ служилый классъ—прежняя дружина, раздѣлявшаяся на высшую и низшую степени, на бояръ и вольныхъ слугъ, иначе дѣтей боярскихъ. Хотя люди эти, получая отъ князей кормленья и вотчины и за то обязанные князьямъ службою, тѣмъ самымъ зависѣли отъ князей; хотя князь, какъ вотчинникъ своего княженія и господинъ въ своемъ княженіи, могъ непослушнаго лишить имущества и имѣлъ право даже казнить его, но такъ какъ служилые составляли для него ратную силу, то князь только съ ихъ помощію и могъ охранять себя, и потому выходило, что насколько они зависѣли отъ князя, настолько и князь зависѣлъ отъ нихъ. Это, по крайней мѣрѣ, вполнѣ можно сказать о боярахъ — лицахъ первостепенныхъ въ служиломъ сословіи. Князь долженъ былъ ласкать ихъ, совѣтоваться съ ними, называть ихъ своими думцами, а не рѣдко и

Digitized by Google

поступать по ихъ желанію, ограничивая свои собственныя стремленія имъ въ угоду. Но бояре не могли привязаться къ князю болѣе, чѣмъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Это свойство лежало въ нравахъ и привычкахъ служилаго сословія, наслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Издавна бояринъ и вольный слуга считалъ себя вправѣ отъѣзжать отъ одного князя къ другому, изъ одной земли въ другую; ничего не могло быть естественнѣе этого обычая въ такомъ краѣ, гдѣ, при всевозможномъ и разнообразномъ раздробленіи, никогда не терялось понятія о единствѣ всей страны, при какихъ бы то ни было условіяхъ и перемѣнахъ. Если гдѣ служилые этого не дѣлали, то единственно тамъ, гдѣ имъ было выгодно оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ или гдѣ, въ данное время, было опасно раздражать князя. Пока могучая рука хановъ охранительно почивала на феодальномъ строѣ Руси, пока князь, владѣтель небольшой вотчины, могъ найти себѣ защиту и опору въ милости общаго для всѣхъ владыки, до тѣхъ поръ бояре и вольные слуги служили такимъ князьямъ, соединяя свои интересы съ княжескими; но по мѣрѣ того, какъ вліяніе верховной власти хановъ на внутреннія отношенія князей между собою ослабѣвало и крупные князья стали усиливаться, бояре и вольные слуги почувствовали, что имъ не выгодно держаться слабыхъ и переходили къ сильнѣйшимъ, сообщая послѣднимъ еще болѣе силы своею службою. Бояре какихъ-нибудь князей елецкихъ или козельскихъ переходили къ великому князю рязанскому, бояре князей микулинскихъ или дорогобужскихъ—къ великому князю тверскому; но такъ какъ скоро всѣхъ крупнѣе, выше и сильнѣе оказалось московское великое княженіе, то они болѣе всего стали переходить къ великому князю московскому и всякій успѣхъ послѣдняго привлекалъ къ нему толпу служилыхъ людей. Такимъ образомъ, счастливый исходъ борьбы съ тверскими, суздальскими и рязанскими князьями привлекалъ на сторону великихъ московскихъ князей тѣхъ бояръ, которые служили ихъ противникамъ. Въ XIV-мъ в. во время борьбы съ Тверью, какъ только Москва стала брать перевѣсъ, тверскіе бояре покинули своего князя и отъѣхали къ московскому. Тоже случилось въ Твери и въ эпоху послѣдней катастрофы, лишившей Тверь окончательно самобытности: тверскіе бояре, коромольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, покинули своего князя Михаила Борисовича въ самомъ стѣсненномъ положеніи и передались на сторону московскаго. Извѣстно, что измѣна бояръ доставила Москвѣ, при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ, суздальское и нижегородское княженіе. Бояре, на челѣ которыхъ былъ Румянецъ, предательски подвели

Digitized by Google

своихъ князей въ бѣду и выдали ихъ великому московскому князю. Подобное произошло и съ Рязанью. Подобное происходило, безъ сомнѣнія и вездѣ, хотя мы не имѣемъ подробностей объ упадкѣ разныхъ княженій, которыхъ владѣтели вдругъ появляются служебниками великаго московскаго князя. Москва, со времени Калиты до полнаго образованія въ ней монархіи, была обѣтованнымъ средоточіемъ, куда стекались отовсюду бояре и служилые люди не только изъ княженій сѣверныхъ и восточныхъ, но изъ тѣхъ русскихъ земель, которыя уже не состояли съ сѣверными и восточными въ такой тѣсной связи, какъ прежде, — изъ Кіева, Волыни, Бѣлой Руси, Литвы; въ число московскихъ бояръ поступали пришельцы и не изъ русскихъ странъ; много было фамилій, впослѣдствіи знатныхъ, о которыхъ родословныя книги гласили, что предки ихъ пришли изъ нѣмецъ или изъ Орды: потомству двухъ такихъ чужеземныхъ родоначальниковъ—Мурзы Чета и Андрея Кобылы суждено было потомъ сидѣть на упраздненномъ тронѣ Рюриковичей по выбору земли русской. Всѣ эти служилые люди, какъ перешедшіе въ московское княженіе изъ иныхъ русскихъ земель, такъ пришельцы изъ чужихъ краевъ, надѣлялись отъ великихъ московскихъ князей землями правами по ихъ достоинству и службѣ. Московскіе великіе князья цѣнили боярство и ратную силу, потому что съ ними получали перевѣсъ на Руси и расширяли свои владѣнія. Но и боярству и вообще служилымъ людямъ было выгодно держаться великаго московскаго князя—ни у кого на Руси не могло быть имъ такъ хорошо. Они помогали московскимъ князьямъ подчинять другихъ князей, пріобрѣтать земли, за то и московскіе князья со всякимъ успѣхомъ и пріобрѣтеніемъ награждали ихъ. Понятно, что, при такой связи посредствомъ обоюдныхъ равносильныхъ выгодъ, бояре, будучи слугами московскаго великаго князя, были его совѣтниками и онъ, властвуя надъ ними, дѣлалъ все съ ихъ совѣта и ничего не предпринималъ безъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтопись, описывая кончину Димитрія Донского, влагаетъ ему такое обращеніе къ своимъ боярамъ: «подъ вами грады держахъ и великія власти; вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей»; такъ естественно было до тѣхъ поръ, пока великіе московскіе князья не усилились до того, что могли уже поступать самовластнѣе.

Съ переходомъ бояръ и служилыхъ людей на сторону сильнѣйшую, что̀ оставалось дѣлать слабымъ князьямъ, потерявшимъ силу совѣта и рати? Составлять новую силу, поднимать изъ громады простого народа способныхъ и возводить ихъ въ служилые и въ бояре? Но это не такъ-то было легко: пока обра-

Digitized by Google

зовалось бы новое боярство, новое служилое сословіе — нужно было время, а исторія не ждала; пока слабый могъ усилиться, сильнѣйшій задавилъ бы его, пользуясь періодомъ слабости. Да если бы даже были возможность и время образовать новое боярство и новый служилый классъ—новые все таки поступили бы какъ поступали старые: выгоды склонили бы ихъ перейти на сторону сильнѣйшаго и предать своихъ благодѣтелей. Самобытность слабаго удѣльнаго князя дѣлалась для него бременемъ. Ее нужно было охранять, а охранять ее было нечѣмъ. Пытаясь охранять ее, онъ долженъ былъ раздражать сильнѣйшаго, а сильнѣйшій всегда могъ за то лишить его не только владѣнія, но и куска хлѣба. Притомъ такое владѣніе мелкаго удѣльнаго князя не было въ безопасности отъ безпрестанныхъ внѣшнихъ ударовъ; съ разложеніемъ Орды образовывались въ татарскомъ мірѣ чисто разбойничьи, наѣздническія общества, жившія грабежомъ и набѣгами; русскія земли, переставая чувствовать деспотизмъ иноземной завоевательной власти, стали страдать, едва ли не хуже прежняго, отъ иноземныхъ опустошеній и разореній; мелкіе князья не въ силахъ были обороняться и отъ нихъ. Имъ отовсюду грозила бѣда и ни откуда не было спасенія. Чтожъ оставалось имъ? Единственный исходъ для нихъ былъ—пожертвовать своею независимостью, добровольно отказаться отъ самобытности, покориться сильнѣйшимъ, поступить въ число подвластныхъ, идти по пути, указанному боярами и стать наравнѣ съ боярами. Такъ и поступили удѣльные князья. Одни за другими они вступали въ службу великаго московскаго князя и за то получали обезпеченіе владѣнія своими вотчинами. Еще когда московское величіе было въ зародышѣ, при князѣ Юріи Даниловичѣ были у московскаго князя служилые князья, число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а при Иванѣ III была ихъ уже большая толпа между боярами. По своему происхожденію, они пользовались почетомъ въ боярскомъ сословіи, къ которому стали принадлежать, но получили и важное ограниченіе противъ другихъ: великіе князья не дозволяли имъ продавать своихъ старинныхъ княжескихъ вотчинъ. Это запрещеніе возникло изъ прежнихъ условій и было очень естественно. Княжескія вотчины, имѣвшія значеніе самобытныхъ владѣній, какъ бы мелкихъ государствъ, уже по этому въ старину не подлежали продажѣ. Но въ феодальномъ строѣ мелкіе князья въ извѣстной степени подчинялись великимъ, обязаны будучи доставлять имъ ордынскую дань и выходить въ поле съ своею ратью по ихъ призыву, слѣдовательно, хотя они и управляли своими владѣніями самобытно, но въ тоже время, по причинѣ обязанности, лежавшей на нихъ къ великимъ

Digitized by Google

князьямъ по отношенію къ своимъ владѣніямъ, эти ихъ самобытныя владѣнія составляли часть волости, или области великаго князя. Если бы князь, владѣтель такого княженія, перешелъ въ службу къ иному великому князю съ своимъ владѣніемъ, то тѣмъ самымъ и владѣніе его перешло бы къ землѣ того, къ кому онъ перешелъ, это было бы къ ущербу того великаго князя, подъ началомъ котораго владѣлецъ съ своимъ княженіемъ состоялъ прежде. Понятно, что послѣдній ни за что этого не могъ допустить, и потому великіе князья ставили по отношенію къ младшимъ условіемъ, что если князь, подвѣдомый великому, перейдетъ къ иному, то онъ лишится своей вотчины, находящейся въ землѣ, принадлежащей къ области того великаго, у котораго онъ находился подъ началомъ. Тоже прилагалось и къ продажѣ. Продажа влекла за собою передачу права владѣнія. Княженіемъ могъ владѣть только князь, слѣдовательно князь могъ продать свое княженіе только другому такому же, какъ и онъ князю. Но въ такомъ случаѣ князь могъ продать свое княженіе иному великому князю или же равному себѣ, но состоящему подъ началомъ иного великаго князя, и это имѣло бы значеніе, равное тому, еслибъ онъ самъ, съ своимъ княженіемъ, перешелъ подъ началомъ иного великаго князя. Эти условія, стѣснявшія права мелкихъ князей, перешли и къ Москвѣ, когда мелкіе князья одни за другимъ дѣлались служебниками великаго московскаго князя. Сначала онѣ наблюдались по необходимости, пока кромѣ московскаго великаго князя существовали другіе великіе князья, а потомъ правило, возникшее изъ обстоятельствъ, пережившіи произведшія ихъ обстоятельства, долго существовало какъ обычай, оправдываемый, впрочемъ, укоренившимся взглядомъ на значеніе князей и ихъ княженій. Князь отдавался великому князю и получалъ отъ него свое княженіе уже какъ вотчину, разъ имъ же уступленную; великій князь жаловалъ ею прежняго владѣльца; такимъ образомъ, послѣдній получалъ отъ великаго князя собственность своего рода уже какъ собственность великаго князя, уступаемую ему и его потомкамъ въ пользованіе. Такимъ образомъ, княжескія старинныя вотчины стали тѣмъ-то среднимъ между вотчиной и кормленьемъ или помѣстьемъ; то были скорѣе помѣстья, отличавшіяся отъ прочихъ помѣстьевъ тѣмъ, что давались не пожизненно лицу, а роду, до тѣхъ поръ, пока этотъ родъ не прекращался; въ послѣднемъ случаѣ княжеская вотчина шла на великаго государя.

Періодъ отъ смерти Димитрія Донского былъ временемъ укрѣпленія великокняжеской власти, постепеннаго возвышенія ея до полнаго самодержавія и столь же постепеннаго упадка

Digitized by Google

боярскаго вліянія на власть. Къ сожалѣнію очень трудно, по недостатку данныхъ, прослѣдить явленія этого многозначительнаго періода. Димитрій поручалъ сыновьямъ своимъ совѣтоваться съ боярами, и безъ нихъ ничего не начинать. При взаимной поддержкѣ великаго князя боярами и бояръ великимъ княземъ, при соглашеніи ихъ интересовъ, это было вполнѣ естественно, и казалось бы, съ паденіемъ удѣловъ, съ уничтоженіемъ феодальнаго строя, на Руси должна была образоваться монархія, въ которой власть монарха была бы раздѣлена съ боярами. Но такъ кажется только съ одной стороны. Разсмотрѣвъ вопросъ съ другой, мы увидимъ, что великіе князья поставлены были въ такія счастливыя условія, что ихъ власть должна была возрасти до полнаго самодержавія, и оппозиція со стороны боярства могла явиться не сильною, а страдательною.

Великіе князья не очень щедро жаловали вотчинами, и гораздо щедрѣе были на кормленья. Пожалованье вотчиною или обращеніе помѣстья въ вотчину было явленіемъ особеннаго довѣрія и расположенія; обыкновенно бояръ награждали кормленьями или помѣстьями; это ставило ихъ въ такое положеніе, что они особенно нуждались въ расположеніи князя. Помѣстья давались пожизненно, не могли быть даны и дѣтямъ того, кто владѣлъ ими прежде; сверхъ того, если дѣтей было много, то имъ давались еще и новыя помѣстья кромѣ отцовскихъ: все это зависѣло отъ воли и благорасположенія великаго князя. Чтобы пріобрѣсть и поддержать доброе вниманіе къ себѣ со стороны великаго князя и тѣмъ дать обезпеченіе своему семейству, боярин долженъ былъ угождать великому князю и заискивать его милости. Но система кормленій давала послѣднему еще и другую толпу слугъ, которыхъ прямая выгода была держаться великаго князя и охранять его власть: то были дѣти боярскіе, которые, за службу свою, получали въ кормленье помѣстья въ небольшихъ участкахъ. Они вообще были люди небогатые, существовали одною только службою; каждый изъ нихъ былъ неровенъ по достоинству боярину, но всѣ вмѣстѣ составляли силу, которая, по повелѣнію великаго князя, готова была стоять за его интересы и въ случаѣ, еслибы могло дойти дѣло до столкновенія верховной власти съ боярствомъ, они, какъ нахлѣбники первой, конечно, не замедлили бы стать для нея орудіемъ противъ боярскаго сопротивленія. Наконецъ, едва ли не важнѣе для успѣховъ самодержавія и безопасности его отъ боярской оппозиціи было то, что боярство, какъ по свойству своего состава, такъ и по сложившимся въ немъ нравственнымъ взглядамъ, не имѣло задатковъ для корпоративнаго сплоченія членовъ за интересы сословія противъ вер-

Digitized by Google

ховной власти. Бояре не были люди связанные ни узами происхожденія, ни преданіями одинакихъ свободныхъ гражданскихъ правъ; одинъ изъ нихъ пришелъ оттуда, другой отсюда; каждый искалъ своей выгоды въ службѣ московскому великому князю; только служба ихъ соединяла и болѣе ничто; каждый зналъ только себя и своихъ ближнихъ по роду, да великаго князя, которому служилъ; къ интересамъ другихъ, подобныхъ ему бояръ, у него не только не лежало сердце, но они постоянно сталкивались съ его интересами. Бояринъ или боялся, чтобъ другой не «заѣхалъ» его, то-есть не сталъ къ великому князю ближе и слѣдовательно выше его, или же самъ пытался заѣхать другого товарища. Отсюда обычай мѣстничества, обычай древній, котораго господство мы встрѣчаемъ уже въ XIV-мъ вѣкѣ изъ спора бояръ Ивана Калиты, Родіона Нестеровича съ Акинѳомъ Гавриловичемъ. Первый заѣхалъ послѣдняго, и потомъ, послѣ того, какъ послѣдній отъѣхалъ въ Тверь, убилъ въ бою и принесъ на копьѣ великому князю голову великокняжескаго измѣнника, а своего мѣстника. Съ тѣхъ поръ мы видимъ мѣстничество непрерывно до конца XVII-го вѣка. Хотя этотъ обычай нерѣдко вредилъ государственнымъ дѣламъ, но въ тоже время былъ полезенъ для успѣховъ самодержавія, потому что не давалъ боярамъ сплотиться, образовать между собою общіе сословные интересы и постоять за нихъ. Родовая честь — существенный признакъ всякой родовой аристократіи, измѣрялась у бояръ только службою государю; дѣти и внуки могли гордиться заслугами отцовъ и дѣдовъ единственно въ сферѣ службы. Съ теченіемъ времени случаи службы умножались и мѣстничество усложнилось и запуталось; каждый только того и глядѣлъ, чтобъ беречь честь свою и своего рода противъ другого, чтобъ другой не сѣлъ и не сталъ выше его, когда—не то что предокъ этого другого занималъ на великокняжеской службѣ обязанность или порученіе выше его предка,—а совершенно посторонній человѣкъ, стоявшій на служебной лѣстницѣ ниже его предка, былъ въ тоже время выше такого лица, которое было вравнѣ съ предкомъ того другого, котораго возвышеніе предъ собою онъ считалъ оскорбленіемъ для себя. Такія понятія дѣлали невозможнымъ никакое сплоченіе боярскаго сословія за свои интересы и противодѣйствіе верховной власти. Но мѣстничанье не было исключительно принадлежностію боярства: оно распространялось и на всѣхъ вообще служилыхъ людей; всѣ мѣстничали другъ съ другомъ; всякій хотѣлъ быть выше другого въ служебномъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ обнаруживалъ склонность находить предлогъ, чтобъ не допускать другого стать выше себя.

Digitized by Google

Этотъ-то эгоизмъ служиваго сословія, эта служебная привязанность каждаго къ волѣ великаго князя, это отсутствіе сословныхъ интересовъ—были важнѣйшими средствами къ укрѣпленію самодержавной власти. Надобно замѣтить, что московскіе великіе князья благоразумно не вооружали противъ себя ни бояръ, ни служилыхъ людей въ ихъ массѣ, и не давали повода пробудиться у нихъ какимъ-нибудь такого рода побужденіямъ, которыя бы направлялись къ сознанію правъ сословія и охраненію ихъ. Великій князь совѣтовался съ боярами, ласкалъ ихъ, повѣрялъ имъ служебныя обязанности, но если кто-нибудь изъ бояръ навлекалъ на себя гнѣвъ великаго князя, послѣдній не страшился наказать его; такъ, Василій Димитріевичъ отнялъ у знатнаго боярина Свиблы его вотчины, тоже сдѣлалъ Василій Васильевичъ съ бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ, а Иванъ Васильевичъ, по своей волѣ, казнилъ ихъ, постригалъ въ монахи и даже подвергалъ тѣлесному наказанію. Суровый поступокъ великаго князя съ бояриномъ не раздражалъ другихъ бояръ: они смотрѣли на него, какъ на дѣло, относящееся только до того, кого постигала опала, а никакъ не до другихъ; напротивъ, опала какого-нибудь боярина доставляла другимъ пріятность, потому что эти другіе были недовольны его возвышеніемъ и съ его паденіемъ надѣялись сами подняться. По мѣрѣ паденія удѣловъ и соединенія русскихъ земель во единое московское государство, боярство болѣе и болѣе теряло свое значеніе совѣта великокняжескаго и ниспускалось къ холопству. Окончательное уничтоженіе права отъѣзда сдѣлало бояръ совсѣмъ служилымъ сословіемъ, холопами.

Не даромъ въ древней Руси существовало правило, вошедшее въ Русскую Правду, что кто привяжетъ къ себѣ ключъ безъ ряда, того считать холопомъ;—иначе, кто станетъ служить другому безъ предварительныхъ условій, которыми ограждалась его свобода, тотъ въ глазахъ всего общества тѣмъ самымъ уже налагаетъ на себя званіе холопа или несвободнаго человѣка. Ясно, что понятіе о службѣ другому лицу совпадало съ понятіемъ о холопствѣ или неволѣ. Древняя дружина никакъ не была толпою слугъ князя; слово служба не имѣло того значенія, какое получило послѣ, а названіе дружина явно указываетъ, что дружинники были друзья, товарищи, сопутники, помощники князя, а не слуги его. Сначала, какъ мы указали, они составляли вольную шайку подъ начальствомъ князя, какъ бы атамана; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, когда дружинная стихія сливалась съ земскою, они, будучи нерѣдко члепами той же земли, которою управлялъ князь, были вообще его помощниками, его силою, необхо-

Digitized by Google

димою ему какъ правителю, избранному землею, и во всякомъ случаѣ, служа князю, служили землѣ, потому что, въ обширномъ смыслѣ этого слова и самъ князь служилъ землѣ. Но когда земское или вѣчевое начало подавлено было татарскимъ завоеваніемъ, когда князь, по ханскому изволенію, сталъ вотчинникомъ, тогда дружинникамъ приходилось служить одному лицу князя, уже не зная земли, и такимъ образомъ они изъ княжескихъ дружинниковъ обращались въ княжескихъ слугъ. Такъ какъ князей было много, а Русь, находясь подъ единою властію хана, при своемъ раздробленіи, не переставала быть единымъ тѣломъ, то эти слуги сохраняли древнее право переходить изъ земли въ землю, отъ князя къ князю и потому назывались вольными: въ этомъ правѣ перехода состояла ихъ воля и съ такимъ правомъ поступали они на службу къ московскимъ великимъ князьямъ. Право это постоянно сдерживалось выгодами служить у сильнѣйшаго изъ князей и опасностію раздражить его, но несмотря на очень частую невозможность имъ пользоваться, все-таки продолжало существовать до уничтоженія удѣловъ, то-есть до тѣхъ поръ, пока переходить или отъѣзжать было уже некуда — развѣ въ чужія земли, что́ считалось уже измѣною. Такимъ образомъ, мы видимъ прекращеніе этого права при Иванѣ III, а окончательное уничтоженіе уже при его сынѣ. Тогда всѣ служилые люди, не исключая и князей, стали называться холопами государевыми. Это вполнѣ согласовалось съ древними, неумиравшими еще, понятіями русскими. Всякій человѣкъ, служащій другому человѣку, былъ или вольный человѣкъ — наймитъ, или холопъ. Воля выражалась правомъ служащаго оставить того, кому онъ служитъ; кто терялъ это право, тотъ дѣлался холопомъ; иначе—холопство въ томъ и состояло, что слуга не могъ оставить господина, и отсюда уже истекали разныя правила, расширявшія власть господина и стѣснявшія гражданское положеніе раба. Пока крестьянинъ, живя на землѣ господина, сохранялъ право «отказа», то-есть право перейти на иную землю, до тѣхъ поръ онъ назывался крестьяниномъ; если же онъ, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, какъ часто бывало, лишалъ себя этого права, по взаимному соглашенію съ господиномъ — онъ изъ крестьянина дѣлался холопомъ, хотя продолжалъ жить тамъ же, гдѣ жилъ до того времени. Въ подобномъ положеніи очутились и служилые люди по отношенію къ великому князю, съ тою разницею, что они не по своей охотѣ лишились этого права, а вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ. До тѣхъ поръ, пока они могли отъѣзжать — они были вольные слуги, служилые люди великаго князя, а когда это право пре-

Digitized by Google

кратилось, они стали его холопами. Тогда они стали крѣпки ему, его государству, крѣпки не только сами лично, но и со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не только бояре и служилые князья, но самые родные братья великаго князя стали именоваться его холопами. Въ частномъ быту издавна хозяинъ, по отношенію къ своему невольному человѣку, назывался государемъ, а тотъ—его холопомъ; тоже сдѣлалось и въ быту государственномъ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ или господаремъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—его холопами. Но слово холопъ, нераздѣльное съ понятіемъ о службѣ, по отношенію къ государю, осталось только принадлежностію служилаго человѣка; духовное лицо не было холопомъ государя, а богомольцемъ; посадской или волостной человѣкъ не былъ также холопъ, а сирота.

Такимъ образомъ образовалось государство съ единодержавнымъ главою, состоявшее изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ; тѣже, которые по разнымъ условіямъ теченія общественной жизни не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, ни къ третьимъ—назывались гулящіе люди, и составляли важнѣйшій элементъ народнаго историческаго движенія.

X.

Существуетъ мнѣніе, что образованію единодержавія много помогло вліяніе великой княгини Софіи Ѳоминишны, гречанки, и пришедшихъ съ нею грековъ. Что дѣйствительно такое возрѣніе существовало въ эпоху, близкую къ этому событію, показываетъ бесѣда опальнаго Берсеня съ Максимомъ греком, происходившая въ государствованіе Василія Ивановича, сына Ивана III. «Какъ пришла сюда мати великаго государя съ своими греки, ино наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія, какъ у васъ въ Цариградѣ», сказалъ Берсень Максиму. Грекъ замѣтилъ ему, что Софія была особа знатнаго происхожденія. Москвичъ на это сказалъ: «какая бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Максиме господине! вѣдаешь и самъ, а и мы отъ разумныхъ людей слыхали: которая земля переставляетъ свои обычаи, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ князь великій обычаи перемѣнилъ». Что эта перемѣна обычаевъ состояла именно въ упадкѣ боярскаго совѣта и возраставшемъ самовластіи государя, показываютъ слова того же Берсеня, которыми объяснилъ онъ то, что̀ высказалъ прежде: «лучше старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати и ста-

Digitized by Google

рыхъ почитати, а нонѣ-де государь нашъ запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Изъ этого достаточно видно, что усиленіе самодержавія возбуждало между современниками ропотъ, и они приписывали такую перемѣну вліянію Софіи и иноземцевъ. Знатные бояре въ свое время не терпѣли этой женщины и даже успѣли поссорить ее съ великимъ княземъ, но послѣ жестоко поплатились за это. Иванъ, на-зло женѣ, лишилъ великокняжескаго преемничества рожденнаго отъ нея сына Василія, вѣнчалъ на царство внука — отрасль своей первой супруги тверской княжны, а потомъ, помирившись съ Софіею, засадилъ въ тюрьму вѣнчаннаго внука и предалъ опалѣ противныхъ ей бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что хитрая и ловкая гречанка, умѣвшая выстоять всякія семейныя и боярскія противности, оказывала вліяніе на понятія и характеръ мужа, но мы думаемъ, что она могла только укрѣплять его въ помыслахъ самодержавія, а не зарождала ихъ въ немъ. Обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній. Иванъ довершилъ то, что̀ работали его прародители, хотя часто съ смутнымъ сознаніемъ послѣдствій своей работы. Онъ покончилъ съ Новгородомъ: эта земля прежде находилась только подъ началомъ московскаго великаго князя; теперь онъ привелъ ее въ состояніе не только зависимости, но полнаго порабощенія: онъ выселилъ изъ родины горожанъ и землевладѣльцевъ и роздалъ въ кормленье своимъ служилымъ имѣнія новгородцевъ; чрезъ это онъ не только обезпечилъ для себя спокойное обладаніе сѣверомъ Руси, но еще устроилъ тамъ ратную силу, всегда готовую стоять за всякіе интересы своего государя. Сословіе дѣтей боярскихъ, надѣленныхъ за службу помѣстьями,—важнѣйшее орудіе для поддержки московскаго самодержавія, при немъ значительно умножились. Вятка также была покорена, и тамъ на мѣсто выведенныхъ туземныхъ жителей царь Иванъ населилъ дѣтей боярскихъ. Пала потомъ и самобытность Твери. Орда болѣе не властвовала надъ Русью. Теперь самъ московскій великій князь дѣлался ея владыкою, тѣмъ, чѣмъ былъ для нея ханъ; вся Русь становилась его достояніемъ; громада народа давно забитаго, отвыкшаго отъ всякой самодѣятельности и привыкшаго только повиноваться силѣ—безропотно должна была служить ему одному и по̀томъ и кровью. Что̀ могли ему сдѣлать бояре? Какъ посмѣютъ они требовать отъ него, чтобъ онъ, въ своихъ поступкахъ, соображался съ ихъ видами, испрашивалъ ихъ совѣтовъ и ничего не начиналъ безъ ихъ думы, какъ нѣкогда поступалъ Димитрій Донской, поу-

Digitized by Google

чая и дѣтей своихъ слѣдовать своему примѣру? Герберштейнъ говоритъ, — это былъ такой деспотъ, что не было къ нему подступа: женщины, встрѣтившись съ нимъ, млѣли отъ страха, а бояре трепетали предъ нимъ, боялись вымолвить слово въ его присутствіи, и когда онъ, сидя на пиру, дремалъ, они раболѣпно молчали, страшась нарушить спокойствіе властелина. Это была одна изъ тѣхъ сильныхъ, могучихъ натуръ, которыя, даже не имѣя права на власть, невольно внушаютъ страхъ и повиновеніе. Понятно, что сорокалѣтнее пребываніе бояръ съ властелиномъ такого характера должно было послужить имъ превосходной школой покорности и повиновенія. Вліяніе Софьи и вообще иноземцевъ отразилось на тѣхъ царственныхъ пріемахъ и придворномъ величіи, которые стали съ тѣхъ поръ сопровождать жизнь московскаго государя. Обрядность умершей въ дряхлости Византіи стала замѣнять простоту юной Руси, и она-то, эта обрядность, впослѣдствіи такъ срослаяся съ обиходомъ московскаго двора, такъ развѣтвившаяся во множествѣ своеобразныхъ пріемовъ, — она въ началѣ соблазняла непривычныхъ къ ней русскихъ, изливавшихъ, при случаѣ, негодованіе противъ Софіи и грековъ. Важнѣйшимъ признакомъ вліянія византійской царевны было то, что московскій великій князь, сочетавшійся съ нею бракомъ, сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Съ этою идеею Иванъ Васильевичъ въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ уже титуловался царемъ и счелъ нужнымъ освятить обрядомъ царскаго вѣнчанія назначеніе себѣ преемника въ особѣ своего внука, которому не удалось царствовать. Сынъ Ивана, Василій, не повторилъ надъ собою вѣнчанія на царство, быть можетъ, избѣгая подобія съ племянникомъ, который томился въ оковахъ, бывши первою личностью въ русской исторіи, носившею царскій вѣнецъ. Но и Василій не чуждался царскаго титула, укрѣплявшаго и освящавшаго возникшую самодержавную монархію. При Василіѣ Ивановичѣ самодержавіе достигло своего апогея. Берсень, сравнивая его съ родителемъ, описывалъ послѣдняго такъ, что намъ онъ можетъ показаться либеральнымъ государемъ въ сравненіи съ сыномъ. Иванъ Васильевичъ, по замѣчанію Берсеня, допускалъ противъ себя «встрѣчу», —позволялъ себѣ противорѣчить, а Василій не искалъ и не принималъ ничьего совѣта, хотѣлъ быть самъ мудрѣе всѣхъ; всѣ дѣла, по выраженію Берсеня, самъ-третей у постели дѣлалъ. Современникъ Герберштейнъ оставилъ намъ очень живой и рельефный образъ этого государя, представивъ въ немъ истинный типъ самовластнаго деспота. По словамъ императорскаго посланника, не было въ мірѣ монарха съ такою властью надъ

Digitized by Google

подданными, какую имѣлъ московскій государь. Всѣхъ онъ угнеталъ тяжелымъ рабствомъ и располагалъ по произволу жизнью и достояніемъ всѣхъ отъ мала до велика. Ѣздили въ посольствѣ къ императору Карлу V въ Испанію князь Иванъ Ярославскій и дьякъ Семенъ Трофимовъ; тамъ ихъ надѣлили разными подарками — серебряными и золотыми сосудами, блюдами, цѣпями, монетами; по возвращеніи ихъ въ Москву, все у нихъ забралъ государь. Къ удивленію иноземцевъ, это не возмущало русскихъ: «Что же, говорили они, государь инымъ чѣмъ пожалуетъ». Обогащая самого себя всѣми средствами, Василій умышленно старался приводить въ бѣдность бояръ; нужно ли дать кому-нибудь порученіе, сопряженное съ издержками,—московскій государь приказываетъ тому, на кого возлагаетъ порученіе, исполнить его на свой собственный счетъ. Тотъ же Герберштейнъ сообщаетъ, что государь хотѣлъ послать Третьяка Долматова по дѣлу къ императору Максимиліану; дьякъ сталъ отговариваться недостаткомъ средствъ; за это государь велѣлъ все его движимое и недвижимое имущество отписать на себя, а его самого на всю жизнь запереть въ тюрьму, тамъ несчастный дьякъ и умеръ, а семейство его осталось въ нищетѣ. «Государь рѣшаетъ самъ всѣ духовныя и мірскія дѣла, говоритъ Герберштейнъ. Хотя совѣтники у него и есть, но никто изъ нихъ не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только что противорѣчить ему. Всѣ говорятъ, «воля государя—божья воля; что ни дѣлаетъ государь, все это онъ дѣлаетъ по божьей волѣ; онъ словно какъ ключникъ или дворецкій у Господа Бога, — творитъ то, что Богъ велитъ. Самъ государь, если его о чемъ-нибудь просятъ, хоть напримѣръ, объ освобожденіи узника, обыкновенно отвѣчаетъ: «если Богъ повелитъ—освободимъ». Равнымъ образомъ, если кто спрашиваетъ другого о чемъ-нибудь неизвѣстномъ или сомнительномъ, то ему отвѣчаютъ такою фразою: «про то вѣдаютъ, Богъ, да великій государь»! Не знаю, или народъ по своей грубости требуетъ такого тирана себѣ въ государи, или тираннія государя сдѣлала народъ грубымъ, безчувственнымъ и жестокосерднымъ [1]).

Все повиновалось самовластію. А между тѣмъ втайнѣ вздыхали бояре о тѣхъ временахъ, когда ихъ предки не дрожали передъ великими князьями, а говорили съ ними смѣло, когда князья безъ ихъ совѣта ничего не начинали. Но при такихъ государяхъ, каковы были Иванъ и сынъ его Василій, опасно было

[1]) Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz. 12.

Digitized by Google

шопотомъ другъ съ другомъ поговорить объ этомъ, страшно было даже помышлять.

Вдругъ все измѣнилось независимо отъ всякихъ боярскихъ усилій. Бояре возвратили себѣ самодѣятельность, хотя не надолго.

XI.

Василій умеръ, оставивъ преемникомъ малолѣтнаго сына. Надобно же было, вмѣсто малолѣтнаго, управлять государствомъ взрослымъ людямъ; были у Василія братья, но братья великихъ князей еще не усвоились съ долгомъ подданныхъ до того, чтобы, сдѣлавшись правителями вмѣсто малолѣтнаго племянника, не покуситься самимъ захватить его достояніе. И бояре невольно очутились правителями русской земли. Исполнялось, такимъ образомъ, мимо ихъ стараній, тайное, завѣтное желаніе, которое они такъ долго принуждены были заглушать въ себѣ, что уже почти забывали его. Но тутъ-то боярство показало, какъ много легло на немъ слѣдовъ предшествовавшаго времени, и какъ самое ихъ старинное званіе княжескихъ слугъ внушало имъ свойства, дѣлавшія ихъ мало доступными къ умѣнью образовать изъ себя кружокъ свободныхъ людей съ цѣлями, касающимися устроенія судьбы края и своего сословія. Эгоизмъ лицъ и небольшихъ партій, слагавшихся не во имя идей, а изъ частныхъ видовъ, былъ сильнѣе всякихъ земскихъ и сословныхъ интересовъ. Въ то время бояре, какъ сословіе, почти вытирались изъ классовъ русскаго народа, и самое слово бояринъ уже получило совсѣмъ иное значеніе.

Съ усиленіемъ Москвы, московскіе великіе князья начали своихъ бояръ жаловать титуломъ «боярина»; такимъ образомъ, бояринъ значилъ уже чинъ, санъ, по великокняжескому пожалованію, и помѣщался на придворной лѣстницѣ почестей. Кромѣ бояръ, были пожалованные государемъ дворецкій, окольничьи, кравчій, постельничій, конюшій, ловчій, оружейничій — чинъ боярина былъ выше другихъ. Боярская дума, прежде бывшій совѣтъ свободно служащихъ у великаго князя слугъ высшаго разряда и достоинства, состояла теперь изъ тѣхъ лицъ, кого пожалуетъ въ боярство государь. Правда, при этомъ принимался во вниманіе родъ, такъ что большею частью въ бояре жаловались тѣ, которыхъ предки были боярами, но все зависѣло отъ воли государя; могли быть пожалованы люди, которые не считали своихъ отцевъ и дѣдовъ въ высокомъ санѣ; могли остаться, не получивъ никогда боярскаго сана, и такіе, которыхъ отцы были облечены этимъ саномъ.

Digitized by Google

Прежнее значеніе слова боярин, въ смыслѣ высшаго сословія, еще долго оставалось въ неоффиціальномъ употребленіи; не только въ тѣ времена, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, но и гораздо позже, боярин вообще значитъ тоже что господин, знатный человѣкъ, отличавшійся какъ по происхожденію, такъ и по средствамъ жизни, и въ этомъ смыслѣ говорилось—боярскій домъ, боярскіе люди; въ такомъ значеніи слово это перешло и къ нашимъ временамъ въ сокращенномъ видѣ—баринъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значеніе боярина въ смыслѣ сословія уже значительно ослабѣло, впало въ неопредѣленность и потеряло юридическій характеръ. Кромѣ бояръ по сану, боярами по роду и сословію могли называться лица, принадлежащія къ древнимъ знатнымъ родамъ и сами собою поддерживавшія свое значеніе и вліяніе на общественныя дѣла, которыя все-таки группировались около бояръ по сану, имѣвшихъ съ ними одинакую знатность рода. Какъ мы сказали, чувство корпоративности сословной между ними было слабо, и потому во всѣхъ событіяхъ эпохи младенчества Ивана Васильевича видно господство и преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Одни у другихъ стремились вырывать и, при удачѣ, вырывали правленіе. Сначала мать государя сдѣлалась правительницею и, какъ слѣдовало ожидать отъ правленія молодой женщины того времени, возникла борьба между ея родственниками и ея любовникомъ. Партія послѣдняго одолѣла, потому что за него временно были люди старыхъ московскихъ боярскихъ родовъ, а родственники ея, Глинскіе, были недавніе пришельцы и возбуждали зависть въ потомкахъ старожиловъ; дядю правительницы уморили голодомъ въ тюрьмѣ; потомъ кружокъ недовольныхъ собрался около дядей государя — братьевъ Василія; но не удалось имъ. Государевыхъ дядей одного за другимъ уморили въ тюрьмѣ, а ихъ сторонниковъ наказали кнутомъ, другихъ же изъ нихъ, не такъ знатныхъ, перевѣшали. Не долго жила правительница, и какъ думаютъ, была отравлена. Тотчасъ по смерти ея, захватили власть князья Шуйскіе, уморили голодомъ любовника умершей матери государя, скоро потомъ сами низвергнуты были Бѣльскими, потомъ въ свою очередь съ своею партіею низвергнули Бѣльскихъ. Такимъ образомъ, Шуйскіе, Бѣльскіе, а съ ними Оболенскіе, Палецкіе, Кубенскіе, Шереметевы, Воронцовы и другіе, не чувствуя надъ собою ярма и государева страха, какъ бывало во дни оны, давали просторъ разнузданнымъ страстямъ, другъ друга толкали, другъ подъ другомъ рыли подкопы; слабѣйшіе приставали къ сильнѣйшимъ и при первомъ случаѣ измѣняли имъ; возвышеніе однихъ сопровождалось убійствами и преслѣдованіями низвергнутыхъ; всѣ почти имѣли въ виду только свои личныя выгоды,

Digitized by Google

руководились узкими побужденіями честолюбія, корыстолюбія или страха. Всякій пекся о себѣ, а не о земскихъ и государскихъ дѣлахъ—говорятъ современники. Впослѣдствіи царь Иванъ Васильевичъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому, вспоминая дни своей юности, такъ описываетъ времена боярскаго правленія: «они наскочили на грады и села, ограбили имущества жителей и нанесли имъ многоразличныя бѣды, сдѣлали своихъ подвластныхъ своими рабами, а рабовъ своихъ устроили какъ вельможъ; показывали видъ, что правятъ и устраиваютъ, а вмѣсто того производили неправды и нестроенія, собирая со всѣхъ неизмѣримую мзду, и все творили и говорили, не иначе, какъ въ видахъ корысти (по мздѣ)». Свидѣтельство царя-деспота въ этомъ случаѣ не можетъ быть сочтено недостойнымъ вѣроятія, потому что оно подтверждается разсказами современныхъ лѣтописей; такъ, псковская лѣтопись выражается о характерѣ намѣстниковъ во время правленія Шуйскихъ: «свирѣпи аки львове, и люди ихъ аки звѣріе дивіи до крестьянъ». При отсутствіи корпоративнаго духа, бояре, захватывавшіе власть, не думали установить какого-нибудь прочнаго ограниченія самодержавной власти и оградить на будущія времена свободу и значеніе своего сословія. Не позаботились они и о такомъ воспитаніи малолѣтнаго, бывшаго у нихъ въ рукахъ, государя, которое бы подготовило монарха въ ихъ духѣ. Шуйскіе, по своему неблагоразумію, поступали, напротивъ, такъ, чтобы впослѣдствіи образовать изъ своего царственнаго питомца — тирана, склоннаго къ злодѣяніямъ и вмѣстѣ раздраженнаго воспоминаніями своего униженія, перенесеннаго въ дѣтствѣ. Маленькій Иванъ для забавы убивалъ и терзалъ животныхъ, заслуживая за такія игры похвалы отъ своихъ воспитателей и съ дѣтства получилъ вкусъ къ пролитію крови. Когда, впослѣдствіи, этотъ пріобрѣтенный въ дѣтствѣ вкусъ обратился на кровь человѣческую, онъ не забылъ, какъ бывало, во время его дѣтскихъ игръ, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, сидя на лавкѣ, клалъ ноги на постель его родителя и не оказывалъ ему самому ни малѣйшаго уваженія, какъ будто ни во что ставилъ санъ, носимый малолѣтнымъ. Подобныя горькія воспоминанія объ униженіи въ дѣтствѣ, возбуждали впослѣдствіи въ Иванѣ Васильевичѣ злобу къ боярамъ. «Питаша его—говоритъ Курбскій о его воспитателяхъ — на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретяшеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи».

Ясно, что правленіе слугъ, очутившихся нежданно въ положеніи господъ, не могло произвести коренныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ. Пропущено было самое удобное время

Digitized by Google

поставить преграду дальнѣйшему господству самодержавія, чего такъ внутренно желало боярство, и чего совершенно не умѣло сдѣлать. Едва, привыкшій изъдѣтства своевольничать, царь подросъ, какъ попалъ подъ опеку своихъ дядей — Глинскихъ, до тѣхъ поръ сидѣвшихъ тихо и смирно, страха ради. Они, вмѣстѣ съ государемъ, составили заговоръ противъ Шуйскихъ и въ одинъ день, Иванъ Васильевичъ приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать на растерзаніе псарямъ. Затѣмъ слѣдовали опалы, ссылки заточенія въ тюрьму и неистовыя выходки необузданнаго и кровожаднаго произвола. Иванъ достигъ совершеннолѣтія, вѣнчался на царство, женился—но продолжалъ находиться подъ опекою Глинскихъ. Уничтожить эту опеку возможно было только тѣмъ самымъ средствомъ, какимъ Глинскіе захватили ее, то-есть заговоромъ. Кружокъ боярскій, между которыми былъ дядя царицы, воспользовался случившимся въ столицѣ пожаромъ, однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, какими богата русская исторія. Распустили въ народѣ нелѣпый слухъ, будто бабка государя, Глинская, вырывала изъ человѣческихъ труповъ сердца, настаивала въ водѣ и кропила этою водою улицы, а отъ этого произошелъ пожаръ. Народъ взволновался, убилъ государева дядю, Глинскаго; самому государю угрожала опасность отъ разъяренной толпы. Иванъ Васильевичъ испугался, потерялся и какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ съ людьми его характера, былъ склоненъ принять, какъ единственную опору, помощь религіи. Явленіе было необычное въ московской исторіи: неудивительно, что царь поддался вліянію духовнаго лица, которое на него подѣйствовало религіознымъ страхомъ и утѣшеніемъ. То былъ знаменитый Сильвестръ, одна изъ такихъ необыкновенныхъ личностей, которыя, во время спокойнаго теченія общественной жизни, могутъ навсегда остаться незамѣченными, но въ эпоху переворотовъ и катастрофъ, силою своего ума и воли вызываются стать на челѣ общественной дѣятельности. Къ большой потерѣ для исторіи мы не знаемъ предварительной біографіи этого человѣка: говорятъ только, что онъ былъ священникъ, пришлецъ изъ Новгорода. Несомнѣнно, что душею происшедшаго тогда въ сердцѣ Ивана Васильевича переворота былъ онъ. Сильвестръ овладѣлъ его совѣстью,—царь всецѣло ему отдался какъ руководителю и наставнику; вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно по благословенію Сильвестра, онъ приблизилъ къ себѣ Алексѣя Адашева, человѣка молодого и незнатнаго: его отецъ только въ слѣдующемъ году произведенъ въ окольничьи. Эти два лица сошлись съ княземъ Дмитріемъ Курлятевымъ, а потомъ приблизили къ себѣ кружокъ князей и бояръ, которые образовали около государя совѣтъ, управлявшій его именемъ

Digitized by Google

всѣми государственными и земскими дѣлами. Мы не можемъ сказать, изъ кого именно состоялъ этотъ кружокъ совѣтниковъ, руководимыхъ Адашевымъ и Сильвестромъ. Мы знаемъ составъ боярской думы тѣхъ лѣтъ, когда царь былъ подъ опекою Сильвестра и его пособниковъ, но по этому одному нельзя дѣлать заключеній; иные, находясь въ боярской думѣ, мало значили для дѣлъ; другіе, не находясь тамъ, могли имѣть болѣе значенія—и дѣйствительно, ни Сильвестръ, ни Адашевъ не имѣли никакого участія и голоса въ боярской думѣ, а между тѣмъ теченіе дѣлъ болѣе всего отъ нихъ зависѣло. По ходу тогдашнихъ дѣлъ можно указать какъ на лицъ, болѣе дѣятельныхъ въ эту эпоху, на кн. Курлятевыхъ, особенно Дмитрія, на кн. Куракина, кн. Мих. Рѣпнина, кн. Турунтая, кн. Пронскаго, кн. Юрія Кашина, князей Воротынскихъ, Одоевскихъ, кн. Дмитрія Палецкаго, кн. Курбскаго, кн. Петра Шуйскаго, кн. Горбатова, Сабурова, Шереметева, Морозовыхъ. Но опредѣлить степень вліянія каждаго изъ нихъ—нельзя. Мы были бы въ совершенной тьмѣ относительно этой чрезвычайно важной эпохи, если бы до насъ не дошла драгоцѣнная переписка царя съ бѣглецомъ кн. Андр. Мих. Курбскимъ; въ ихъ полемикѣ отражаются какъ въ зеркалѣ двѣ стороны—одна боярская, стремившаяся ограничить власть монарха, другая — царская, стремящаяся освободиться навсегда отъ подобнаго ограниченія, стоящая за святыню самодержавной и безусловной воли верховнаго главы и помазанника. Вѣроятно тѣ, которыхъ царь губилъ, особенно въ началѣ эпохи своихъ мучительствъ, тѣ, которые прославляются Курбскимъ какъ мученики, оказывались въ глазахъ царя виновными въ стремленіи ограничить его власть; но по этому также нельзя заключать о степени ихъ вліянія при Сильвестрѣ и Адашевѣ, тѣмъ болѣе, что царь казнилъ и такихъ, о которыхъ есть положительныя свѣдѣнія, что они были врагами Сильвестра и Адашева. Такимъ образомъ, онъ, напримѣръ, казнилъ казначея Фуникова, котораго, по извѣстію самого царя, Сильвестръ и Адашевъ послали въ заточеніе. Но что царь дѣйствительно былъ ограниченъ въ своей власти, дѣйствовалъ по волѣ другихъ и все управленіе исходило не отъ него, кромѣ немногихъ случаевъ его строптивости,—въ томъ удостовѣряютъ насъ, какъ разсказъ Курбскаго, такъ и сознаніе самого царя. Курбскій хвалитъ такое положеніе дѣлъ; царь вспоминаетъ о немъ съ негодованіемъ.

Всему положилъ начало Сильвестръ и все держалъ онъ. Курбскій объясняетъ способъ, какимъ онъ взялъ царя въ руки и умѣлъ долгое время владѣть имъ. Этотъ пресвитеръ, по словамъ Курбскаго, повѣдалъ царю чудеса, яко бы явленныя отъ

Digitized by Google

Бога. Не знаю, прибавляетъ отъ себя Курбскій, какія онѣ были, истинныя ли, или онъ, пользуясь глупостью царя, напустилъ на него ужасъ, подобно какъ отцы повелѣваютъ слугамъ ужасать дѣтей мечтательными страхами: такъ поступалъ и этотъ блаженный льстецъ. На тоже намекаетъ самъ Иванъ Васильевичъ въ письмѣ къ Курбскому: «Не мните мя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, якоже начальницы ваши попъ Сильвестръ и Алексѣй, ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде сего съ попомъ Сильвестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстиста». Принявъ во вниманіе страстный, увлекающійся и вмѣстѣ трусливый нравъ царя и господствующія суевѣрія вѣка, становится понятно, какимъ орудіемъ съумѣлъ Сильвестръ совершить важное дѣло. Царь видѣлъ въ немъ что-то высшее, счелъ его за святого блаженнаго мужа, одареннаго свыше благодатію, мудростью, дарами пророчества и чудодѣянія и потому такъ суевѣрно почиталъ его, слушался и боялся, пока не прошло обаяніе. Дѣйствуя за одно съ Адашевымъ, они, по извѣстію Курбскаго, «собираютъ къ нему совѣтниковъ мужей разумныхъ и совершенныхъ; одни изъ нихъ были старики, украшенные благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, другіе же люди средняго возраста, предобрые, храбрые, искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и такъ усвояютъ ему ихъ въ пріязнь и дружбу, и безъ ихъ совѣта онъ не могъ ничего ни устроивать, ни мыслить. И назывались эти совѣтники *избранная рада*, ибо все важное и полезное отъ нихъ происходило». Усвоивавшій въ новомъ отечествѣ западно-русскія выраженія, Курбскій переводитъ словомъ *рада* слово *дума*, но здѣсь едва ли можно разумѣть оффиціальную боярскую думу: если люди, принадлежавшіе къ послѣдней, и были друзья Сильвестра и Адашева, то не по своему пребыванію въ боярской думѣ. Эта избранная рада означала болѣе интимный, неоффиціальный совѣтъ, служившій планамъ Сильвестра и Адашева. Вѣроятно изъ тѣхъ князей и бояръ, которыхъ они приблизили къ себѣ, нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, не такъ проницательные какъ Курбскій, чистосердечно вѣрили въ высшее помазаніе Сильвестра; удивительный этотъ человѣкъ умѣлъ примирять ихъ, соглашать и направлять къ цѣли, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ. Слѣдствіемъ такой зависимости царя отъ кружка, устроеннаго священникомъ, были дѣла очень важныя: изданіе Судебника, Стоглава, установленіе губныхъ грамотъ, излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ, освобожденіе народа отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, дарованіе ему льготъ и самоуправленія, завоеваніе Казани и Астрахани. Все это дѣлалось именемъ царя и во всемъ этомъ былъ царь неповиненъ. «Я — го-

Digitized by Google

воритъ въ письмѣ царь — принялъ попа Сильвестра ради духовнаго совѣта и спасенія души своей, а онъ попралъ священные обѣты и хиротонію, сперва какъ будто хорошо началъ, слѣдуя божественному писанію, а я, видя въ божественномъ писаніи, что слѣдуетъ покоряться благимъ наставникамъ безъ разсужденія, ради духовнаго совѣта, повиновался ему въ колебаніи и невѣдѣніи. Потомъ Сильвестръ сдружился съ Адашевымъ и начали держать совѣтъ тайно отъ насъ, считая насъ неразумными; и такъ, вмѣсто духовныхъ дѣлъ, начали разсуждать о мірскихъ, и такъ мало-по-малу всѣхъ васъ, бояръ, приводить въ самовольство, снимая съ насъ власть и васъ подстрекая противорѣчить намъ, и почти равняя васъ честью съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ уподобляя честью съ вами; и такъ мало-по-малу утвердилась эта злоба и вамъ стали давать города и села, и тѣ вотчины, которыя еще по распоряженію дѣда нашего у васъ отняты, которыхъ вамъ не слѣдовало давать — роздали: все пошло по вѣтру, нарушили распоряженіе дѣда нашего и тѣмъ склонили на свою сторону многихъ. Потомъ Сильвестръ ввелъ къ намъ въ сигклитъ единомышленника своего князя Дмитрія Курлетева, обольщая насъ лукавымъ обычаемъ, будто все это дѣлаетъ ради спасенія души нашей, и такъ съ этимъ своимъ единомышленникомъ утвердили свой злой совѣтъ, не оставили ни одной власти, гдѣ бы не помѣстили своихъ угодниковъ, и съ тѣмъ своимъ единомышленникомъ отняли отъ насъ власть, данную намъ отъ прародителей назначать бояръ и давать имъ честь предсѣданія по нашему жалованью: все это положили на свою и на вашу волю, чтобъ все было какъ вамъ угодно, и утвердились дружбою, все дѣлали по своему, а насъ и не спрашивали, какъ будто насъ вовсе не было; всѣ устроенія и утвержденія творили по волѣ своей и своихъ совѣтниковъ. Мы же если что и доброе совѣтовали, имъ все это казалось непотребнымъ. Во всякой мелочи, до обуванія и спанья, я не имѣлъ своей воли; все дѣлалъ по ихъ желанію, словно младенецъ». Эта краснорѣчивая исповѣдь живо показываетъ состояніе, въ какомъ находился царь подъ обаяніемъ Сильвестра. Шло къ тому, чтобы власть царская, власть единодержавная, выработанная нѣсколькими поколѣніями московскихъ государей, опять возвратилась къ тому состоянію, въ какомъ находилась въ XIV-мъ вѣкѣ во времена Димитрія Донского, а можетъ быть и еще ограниченнѣе. Удѣльные князья и ихъ бояре потеряли свои владѣнія и силу въ отдѣльныхъ земляхъ, стали холопами московскаго государя; теперь ихъ потомки, не возстановляя своихъ удѣльныхъ правъ, стояли на рубежѣ

Digitized by Google

пріобрѣтенія другого права — управлять общимъ совѣтомъ всею русскою землею, уже соединенною и распространенною.

Замѣчательно, что изъ лицъ вліятельныхъ того времени была большая часть потомковъ удѣльныхъ князей, но еще замѣчательнѣе то, что во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, находившагося, по признанію самого царя, въ ихъ рукахъ не видно вовсе аристократическаго направленія, какъ бы, казалось, слѣдовало ожидать; напротивъ, въ тогдашнемъ законодательствѣ и учрежденіяхъ видѣнъ господствующій духъ уравненія, стремленіе народной громадѣ доставить благосостояніе и льготу. Нѣтъ ничего такого, что́ бы клонилось къ исключительнымъ выгодамъ знатныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ; напротивъ, самъ царь ставитъ имъ въ вину, что они молодыхъ (т.-е. незнатныхъ) дѣтей боярскихъ равняли честію съ боярами. Это обстоятельство объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что все исходило отъ Сильвестра и Адашева и ихъ пособники, хотя принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ родамъ, смотрѣли глазами двухъ или трехъ (считая Курлетева) тогдашнихъ временщиковъ, овладѣвшихъ волею царя; во-вторыхъ, тѣмъ отсутствіемъ корпоративнаго духа, о которомъ мы говорили, какъ о слѣдствіи давняго значенія бояръ въ качествѣ слугъ великаго князя. Это качество и было одною изъ причинъ недолговѣчности стремленія поставить самодержавію границы.

Все зависѣло отъ обаянія, въ какомъ находился царь, уважая Сильвестра, считая его лицомъ, облеченнымъ высшею благодатію. Какъ только это обаяніе исчезало, все строеніе предпринятое Сильвестромъ и его пособниками, оказывалось заложеннымъ на пескѣ и должно было разсыпаться, прежде чѣмъ могло быть достроено.

Царь, вслѣдствіе потрясенія и страха Божія отдавшійся подъ начало руководителя, не могъ не чувствовать тягости своей зависимости, и уже послѣ казанскаго похода, вспыливъ на одного изъ приближенныхъ, сказалъ: «нынѣ меня Богъ боронилъ отъ васъ». Тогда уже это неосторожно произнесенное слово показалось зловѣщимъ. Между пѣстунами царя и братьями жены его возникло несогласіе; царю не совѣтовали уходить изъ-подъ Казани, пока не устроятся дѣла, но царь послушался болѣе совѣта своихъ шурьевъ. Вліяніе Сильвестра только до нѣкоторой степени умѣряло обычный эгоизмъ личныхъ побужденій, лежавшій издавна въ нравахъ знатныхъ родовъ, но онъ не могъ совершенно искоренить безладицу между окружавшими царя. Она проявилась рѣзко въ 1553 году, когда съ царемъ случилась опасная болѣзнь. У постели ожидавшаго смерти государя бояре не хотѣли присягать на вѣрность малолѣтному сыну его Дими-

Digitized by Google

трію и склонялись на сторону двоюроднаго царскаго брата князя Владимира Андреевича. Нѣкоторые упорно отрекались отъ принесенія присяги Димитрію, другіе хотя уступили желанію царя, но съ явнымъ недоброхотствомъ высказывали опасеніе, что во время малолѣтства будущаго царя, захватятъ власть ихъ родственники по матери, Захарьины, и гласно заявляли свою ненависть къ этимъ людямъ, къ которымъ былъ расположенъ государь, горячо любившій свою жену. Государь не умеръ, какъ было-ожидали, но выздоровѣлъ и оставилъ въ сердцѣ неизгладимое огорченіе. Это событіе отмѣчено въ лѣтописяхъ особенно важнымъ, потому что съ него началась смута между боярами. Государь не мстилъ за оскорбленіе, хотя не забывалъ его. Его не побудила къ перемѣнѣ отношеній къ ограничавшей его партіи даже и бесѣда съ пѣсношскимъ старцемъ Вассіаномъ, бывшимъ нѣкогда коломенскимъ епископомъ, испытавшимъ гоненія отъ бояръ и потому ихъ всѣхъ ненавидѣвшимъ. «Если хочешь быть самодержцемъ — сказалъ царю этотъ старецъ — не держи около себя людей мудрѣе себя». Курбскій признаетъ за этимъ старцемъ большое вліяніе на Ивана Васильевича и потому сильно на него озлобляется. Дѣла, однако, и послѣ того оставались въ прежнемъ видѣ, хотя царю все тяжелѣе и тяжелѣе становилась зависимость. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ, бывшій въ числѣ тѣхъ, которые во время болѣзни Ивана Васильевича отказывались присягать сыну его Димитрію и были склонны признать преемникомъ больному царю — его двоюроднаго брата Владимира Андреевича, князь Семенъ Ростовскій, вѣроятно, видя къ себѣ постоянное нерасположеніе государя и опасаясь, что рано или поздно царь припомнитъ ему прошедшее, замыслилъ бѣжать въ Литву; съ нимъ соглашались бѣжать его родственники. Но замыселъ ихъ не удался. Бѣглецовъ, вмѣсто казни, осудили на заточеніе. Событіе это увеличивало недовѣріе царя къ боярамъ, тѣмъ болѣе, когда царь впослѣдствіи замѣчалъ, что Сильвестръ оказывалъ сочувствіе къ преступникамъ. У боярской партіи насчетъ подобныхъ поступковъ былъ иной взглядъ, какъ у государей. Сообразно древнему праву отъѣзда, дорогому для нихъ по предковскимъ преданіямъ, они все еще смотрѣли снисходительно на то, что государи клеймили измѣною и предательствомъ: совѣсть ихъ говорила имъ иное. «Если кто — разсуждалъ впослѣдствіи такой же бѣглецъ Курбскій — не убѣгаетъ отъ прелютаго гоненія, тотъ самъ себѣ убійца, тотъ противится слову Господню: аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другій; притомъ же и образъ показалъ вѣрнымъ своимъ самъ Господь Богъ, когда убѣгалъ не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ». Вслѣдъ затѣмъ

Digitized by Google

произошло какое-то дѣло по поводу бояръ князей Прозоровскаго и Сицкаго. Бояре дали этому дѣлу такой оборотъ, что, казалось, хотѣли судить поступки государя. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи царь, въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, припоминалъ, какъ Курбскій и Курлятевъ хотѣли судить его. О фактѣ этомъ мы знаемъ только изъ неяснаго намека; тѣмъ неменѣе видно, что и на этотъ разъ у царя остался поводъ къ недовольству противъ бояръ за то, что они стремились держать его въ своей зависимости. Вслѣдъ затѣмъ размолвка царя съ своими пѣстунами сильнѣе обозначалась по поводу ливонской войны. Сильвестръ былъ рѣшительно противъ этой войны. Адашевъ также не одобрялъ ее. Другіе, будучи ихъ сторонниками, также не охотно соглашались признать ее справедливость, по крайней мѣрѣ сначала. За то самъ царь хотѣлъ воевать и находились совѣтники, подстрекавшіе его. У Сильвестра была идея распространять предѣлы русскаго государства въ другія стороны, на счетъ татаръ; — уже Казань и Астрахань были покорены; представлялась возможность расправиться и съ Крымомъ; правда, для этого требовались слишкомъ большія усилія, но казалось возможнымъ преодолѣть все, въ дружномъ союзѣ съ Литвою и Польшею, заключеннымъ съ цѣлію взаимными силами истребить хищническое гнѣздо, устроенное на Крымскомъ полуостровѣ; нападеніе на Ливонію отвлекало русскія силы и приготовляло для Руси столкновеніе и вражду съ Литвою и Польшею. Царь не слушалъ такихъ совѣтовъ; война началась; Сильвестръ продолжалъ порицать ее, жалѣлъ о разореніи Ливоніи, называлъ ее сирою вдовицею и пугалъ царя карою Божіею за варварства, совершаемыя его войсками въ несчастномъ краѣ; случалось ли захворать царю, царицѣ или ихъ дѣтямъ — Сильвестръ говорилъ, что это Богъ наказываетъ его за Ливонію. Его нравоученія отражались дурно на полководцахъ; царь, впослѣдствіи, указывалъ, что они неохотно шли на войну: «Аще бы не ваше злобѣсное претыканіе было, то бы за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ», писалъ онъ къ Курбскому въ своемъ простодушномъ высокомѣріи, повторяя, какъ кажется, то, что ему нашептали враги Сильвестра. Наконецъ, государь потерялъ терпѣніе. Люди, непріязненные Сильвестру, овладѣли имъ. Сильвестръ и его сторонники раздражали шурьевъ царя и самую царицу, Анастасію: послѣднее было для нихъ всего вреднѣе. Мы не знаемъ, за что именно не ладила она съ ними, но царь, въ письмѣ своемъ къ Курбскому, напоминаетъ, какъ супругу его уподобляли нечестивымъ царицамъ, и между прочимъ Евдокіи, преслѣдовавшей Іоанна Златоуста. Это указываетъ, что царица

Digitized by Google

Анастасія не любила Сильвестра, котораго его сторонники сравнивали съ Златоустомъ. Съ нею и съ ея шурьями дѣйствовали на царя другіе, которые, по правдоподобному объясненію Курбскаго, хотѣли удалить Сильвестра и его сторонниковъ для того, чтобъ имъ невозбранно было всѣмъ владѣть, брать посулы, извращать правосудіе и умножать злыми способами свои пожитки. Хотя до насъ не дошли непосредственно ихъ доводы, какими они вооружили Ивана Васильевича противъ Сильвестра и Адашева, но, вѣроятно, они были именно тѣ, какіе самъ царь впослѣдствіи приводилъ для оправданія своихъ послѣдующихъ поступковъ: священникамъ совсѣмъ не подобаетъ властвовать и управлять; царство, управляемое попами, разоряется: такъ было въ Греціи; и Богъ, изводя Израиля изъ работы, не священника надъ нимъ поставилъ и не многихъ правителей, а единаго Моисея, какъ царя, Аарону же, его брату, повелѣлъ священствовать, а не творить людского строенія, а какъ Ааронъ началъ заниматься людскимъ строеніемъ, такъ и отъ Бога отвелъ людей. Царь долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать, и никого не слушаться, а если онъ будетъ дѣлать то, что̀ другіе постановятъ, такъ онъ только будетъ почтенъ честію царскою предсѣданія, а на дѣлѣ не лучше раба; и пророкъ сказалъ: «горе граду имже мнози обладаютъ»; русскіе владѣтели и прежде никому не повиновались, а вольны были подвластныхъ своихъ миловать и казнить. Такъ говорилъ царь; такъ, вѣроятно, и ему говорили враги Сильвестра и его партіи. Но въ довершеніе всего они заронили царю мысль, что Сильвестръ чародѣй и силою волшебства опуталъ его и держитъ въ неволѣ. Это орудіе было особенно сильно, потому что оно было того же закала, какъ и Сильвестрово. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестръ былъ «льстецъ», то-есть обманщикъ, но оправдываютъ его тѣмъ, что онъ употреблялъ обманъ, какъ средство для хорошихъ цѣлей: онъ умѣлъ представиться въ глазахъ царя богоугоднымъ человѣкомъ, облеченнымъ силою необыкновенною, силою свыше, чудотворцемъ; онъ дурачилъ царя ложными чудесами: въ этомъ сознается его поклонникъ Курбскій; теперь, дѣйствуя противъ него, враги старались представить его также чудотворомъ, но только получившимъ свою силу не отъ Бога, а отъ темныхъ властей. Такой путь скорѣе всего могъ поколебать душу суевѣрнаго Ивана Васильевича. Суевѣріе свело его съ Сильвестромъ; суевѣріе и развело. Сильвестръ увидѣлъ, что царь уже ему не вѣритъ, разсудилъ, что долѣе оставаться при дворѣ ему не зачѣмъ и удалился въ монастырь; его друга Адашева услали въ Ливонію къ войску. Быть можетъ, партія ихъ сторонниковъ опять нашла бы средства обратить царя на прежній путь повиновенія,

Digitized by Google

но тутъ случилось обстоятельство, которое сдѣлало невозможнымъ такой возвратъ.

Умерла Анастасія. Царь, любившій горячо свою супругу, былъ въ чрезмѣрной печали. Понятно, что съ потерею любимой особы, которая, по свойству человѣческой природы, стала ему, по смерти своей, еще любезнѣе, всѣ тѣ, которые не любили ее при жизни, стали ему особенно ненавистны. Этимъ воспользовались враги и бросили царю мысль, что въ смерти Анастасіи Романовны виновны Сильвестръ и Адашевъ, что они извели ее чарами. Царь, уже предрасположенный видѣть въ этихъ лицахъ злыхъ волшебниковъ, легко поддался внушеніямъ ихъ враговъ. Сильвестра и Адашева не было въ Москвѣ: ихъ не допустили туда пріѣхать для своего оправданія, хотя они объ этомъ просили черезъ митрополита. Курбскій сообщаетъ доводы, которыми тогда вооружали противъ нихъ царя Ивана Васильевича. «Если ты, царь — говорили ему — допустишь ихъ къ себѣ на глаза, — они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того: войско и народъ любятъ ихъ болѣе тебя, и самого тебя и насъ перебьютъ каменьями. А хотя бы этого не случилось — опять обойдутъ тебя и подчинятъ себѣ въ неволю. Эти дурные люди, негодные чародѣи, уже держали какъ будто въ оковахъ, тебя, государя великаго, славнаго и мудраго, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ; не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Да еслибъ не было ихъ при тебѣ, при такомъ мужественномъ и храбромъ государѣ, еслибъ они не держали тебя какъ на уздѣ, ты бы уже почти всею вселенною обладалъ; а то они, своимъ чародѣйствомъ, закрывали тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, желали сами царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ на глаза: тотчасъ тебя ослѣпятъ! Вотъ теперь, отогнавши ихъ отъ себя, ты истинно образумился, то-есть пришелъ въ свой разумъ; открылись у тебя глаза и смотришь ты свободно на свое царство, какъ помазанникъ Божій, и никто иной, ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь».

Такія рѣчи были какъ нельзя болѣе по сердцу царю. Если Сильвестръ держалъ царя въ зависимости при помощи религіи, то нашлись и противники, которые поражали его самого именемъ религіи. Нашлись ему враги изъ его же собратіи, духовенства. Русскіе духовные, по взгляду на верховную власть государя, издавна уже раздѣлились на двѣ партіи. Одна покровительствовала стремленіямъ московскихъ государей къ единодержавію и полновластію, проповѣдывала, что власть государя

Digitized by Google

должна быть неограниченною, все должно исходить только отъ него; никто не можетъ судить его поступковъ, ибо онъ божій помазанникъ, слуга и намѣстникъ и сердце его въ рукѣ божіей. Къ этой партіи примыкали и такіе, у которыхъ были своекорыстные виды. Это были, по выраженію Курбскаго, тѣ богатолюбивые мнихи, которые вообще не совѣтовали по разуму духовному, а съ прилежаніемъ прислушивались, что угодно царю и властямъ, то-есть чѣмъ бы вымолить монастырямъ имѣнія и богатства. Проповѣдуя деспотизмъ мірской власти, они также были поборники деспотизма въ церкви, деспотизма вѣрованія, устава, обряда. Курбскій называетъ ихъ іосифлянами, отъ Іосифа Волоцкаго, въ свое время бывшаго главнымъ и энергическимъ представителемъ такого направленія въ духовенствѣ. Укоръ въ любостяжаніи, который дѣлали имъ противники, подтверждался тою защитою монастырскихъ имѣній, которою такъ отличался Іосифъ Волоцкій. Другая партія, напротивъ, считала, что царскій произволъ долженъ умѣряться совѣтомъ разумныхъ людей и руководиться наставленіями благочестивыхъ представителей церкви; люди этой партіи отличались, сравнительно съ своими противниками, большею мягкостью, снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ и заблужденіямъ.

Иванъ Васильевичъ собралъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ судить Сильвестра и Адашева въ чародѣйствѣ, которымъ они опутывали царя и лишали его власти. Духовные были люди партіи самодержавія. Курбскій называетъ изъ нихъ Вассіана, чудовскаго архимандрита Левкія, Михаила Сукина, какъ особенно отличившихся противъ Сильвестра; но вѣроятно и епископы, находившіеся на этомъ судѣ, были того же покроя. Только митрополитъ Макарій возвысилъ голосъ, находя справедливымъ призвать обвиняемыхъ и выслушать ихъ объясненія; но его не послушали, потому что всѣ хотѣли угодить царю. Сильвестра осудили на вѣчное заточеніе въ Соловки; Адашева держали подъ стражею въ ново-завоеванномъ Дерптѣ, гдѣ онъ и умеръ по однимъ отъ горячки, по извѣстіямъ его враговъ,— отъ самоотравленія.

Вслѣдъ затѣмъ царь Иванъ Васильевичъ вступилъ въ тотъ періодъ своего царствованія, который отмѣтился въ исторіи нашей самымъ дикимъ, безчеловѣчнымъ проявленіемъ самовластія и мучительствами надъ знатными русскими родами. Прежде всего онъ перемучилъ родственниковъ и свойственниковъ Адашева, умертвилъ князей Оболенскаго, Рѣпнина, Кашина и другихъ лицъ, постригъ Курлятевыхъ и Шереметева, заточилъ князя Воротынскаго. Между тѣмъ ливонская война вовлекла

Digitized by Google

Московское государство въ войну съ Литвою. Князь Курбскій, лицо знатное и вліятельное, измѣнилъ Москвѣ и передался къ Литвѣ; нашлись и другіе, послѣдовавшіе его примѣру. Понятіе о правѣ отъѣзда, еще не изгладившееся у князей и бояръ, въ значеніи предковскаго преданія, подавало опасеніе, что измѣна охватитъ Москву въ самыя критическія минуты ея борьбы съ внѣшними врагами. Царю показались необходимыми самыя крутыя мѣры. И вотъ явилась опричнина.

Отчего же царь, уже издавна тяготившійся наложенною на него опекою, не свергалъ ее съ себя такъ долго? Отчего онъ не рѣшался прежде дѣлать того, что дѣлалъ послѣ? Судя по наружнымъ признакамъ и, главное, по той заботливости, съ какою, впослѣдствіи, царь утверждалъ свое полновластіе, можно бы подозрѣвать, что партія, стремившаяся держать его въ зависимости, дѣйствительно имѣла опору въ народной громадѣ, составила себѣ опредѣленный планъ средствъ ограничить навсегда верховную власть, и потому царю нужно было и много времени и много средствъ, чтобъ лишить ее способовъ противодѣйствовать, что, однимъ словомъ, царю нужно было подготовиться, потому что ему предстояла борьба съ сильными противниками.

Не то было на самомъ дѣлѣ.

Партія, съ которою царь долженъ былъ бороться, во время своего временнаго господства, не устроила никакой организаціи для самосохраненія, а впослѣдствіи, когда царь сталъ ее преслѣдовать, не показывала никакого дѣятельнаго противоборства. Ясно, что царь имѣлъ дѣло съ противниками, которые не были, или же не хотѣли и не умѣли сдѣлаться сильными. У нихъ были желанія, а сознанія средствъ для осуществленія своихъ желаній было мало. Причина была совершенное отсутствіе того, что называется гражданскимъ чувствомъ и нѣ изъ чего было ему развиться. Они, по существу своему, продолжали быть слугами, такъ какъ и предки ихъ, примкнувъ къ возраставшему московскому государству, имѣли характеръ служебный. Предки ихъ, будучи слугами, были въ тоже время и совѣтниками великихъ князей и фактически ограничивали самовластіе послѣднихъ: безъ ихъ совѣта и воли великіе князья ничего не предпринимали. Это произошло, какъ мы уже показали, отъ того, что великіе князья въ дѣлѣ возрастанія своего могущества, опирались на ихъ силу и нуждались въ нихъ также, какъ они нуждались въ немъ. Но времена иныя настали; великіе князья стали изъ господъ государями; уничтоженіе автономіи русскихъ земель и подчиненіе ихъ московскому владычеству, расширеніе предѣловъ государства, освобожденіе отъ всякой иноземной зависимости, передавшее

Digitized by Google

московскимъ государямъ то право собственности, какое имѣли ханы надъ Русью, учрежденіе помѣстнаго порядка и военной силы, привязанной исключительно къ государю, обогащеніе государевой казны, неразлучное съ умноженіемъ владѣній, наконецъ, освященіе государскаго единовластія церковью въ лицѣ, если не всѣхъ, то значительной части ея представителей—все это вмѣстѣ возвысило московскаго государя до той степени, которой достигши, онъ уже не находился въ необходимости сообразовать свои дѣйствія и поступки съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Между тѣмъ, у этихъ слугъ оставалось желаніе, чтобы въ Москвѣ дѣлалось такъ, какъ бывало встарь, и чтобы царь соображался съ ихъ совѣтомъ такъ, какъ предки царя соображались съ совѣтомъ ихъ предковъ. Случай помогъ ихъ желанію. Они достигли цѣли. Но въ качествѣ слугъ, они не могли стать выше того положенія, въ какомъ находились ихъ предки; между тѣмъ времена были другія, обстоятельства вынуждали искать мѣръ, чтобы не потерять достигнутаго. Они этихъ мѣръ не искали, довольствовались тѣмъ, что случайно пріобрѣли, не думали о будущемъ. Они все-таки были не болѣе какъ слуги, нашедшіе возможность подчинить своей волѣ владыку, но оставлявшіе также ему полную возможность поворотить дѣла во вредъ имъ, и притомъ не отличавшіеся единодушіемъ и согласіемъ, какъ почти всегда бываетъ со слугами, случайно ставшими внѣ страха и повиновенія. Съ такими-то противниками имѣлъ дѣло царь Иванъ Васильевичъ. Противники, очевидно, были не сильны, но онъ велъ съ ними борьбу, какъ съ великою силою: онъ долго терпѣлъ ихъ, а потомъ долго и круто истреблялъ.

Все это объясняется, какъ намъ кажется, трусостію—отличительною чертою характера царя Ивана Васильевича. Качество это является во всѣхъ его поступкахъ отъ юности до гроба и нѣсколько разъ въ его жизни выказывается очень выпукло. Трусилъ онъ и терялся передъ Девлетъ-Гиреемъ, когда этотъ крымскій ханъ напалъ на Москву и разорилъ ее; трусилъ онъ передъ Стефаномъ Баторіемъ, когда, какъ говорятъ, приказывалъ своимъ посламъ сносить униженіе предъ побѣдителемъ; трусилъ онъ передъ судомъ Божіимъ, когда посылалъ въ монастыри поминовенія по убитымъ имъ же и называлъ жертвы своей подозрительности невинными. Но трусость его не исключала и противнаго качества: онъ, всегда падавшій духомъ въ несчастіи, былъ надмененъ, высокомѣренъ, заносчивъ въ счастіи, въ дѣлахъ внѣшней политики онъ показывалъ это качество не разъ: дерзко и презрительно относился къ шведскому королю, когда его не

Digitized by Google

боялся, безжалостно тѣснилъ Ливонію, когда она не могла отъ него обороняться, надменно обращался съ Литвою и Польшею, пока военное счастіе не перешло на сторону послѣднихъ и не заставило его измѣнить тона рѣчи. Это былъ человѣкъ крайностей — неумѣренный какъ въ подчиненіи и самоуниженіи, такъ и въ гордости и произволѣ. Предавшись необузданно произволу въ юности, онъ вдругъ палъ духомъ и струсилъ подъ угрожающимъ явленіемъ народнаго волненія, вызваннаго пожаромъ; въ припадкѣ трусости и паденія духа онъ смирился передъ Сильвестромъ, считая его боговдохновеннымъ мужемъ, облеченнымъ чудотворною силою свыше: онъ трусилъ передъ нимъ, и хотя часто чувствовалъ свое униженіе, но, изъ трусости, не смѣлъ покуситься свергнуть съ себя ига. Только тогда, когда другіе, овладѣвши имъ, успѣли внушить ему увѣренность, что чудесное значеніе Сильвестра есть дѣло чародѣйства, а не высшаго благословенія, даръ темныхъ силъ, а не Бога, тогда только онъ рѣшился удалить его, но не смѣлъ, однако, позвать его на судъ, боясь, чтобъ Сильвестръ опять не очаровалъ его. Враги Сильвестра, какъ видно, хорошо воспользовались для своихъ цѣлей трусливостью царя и поддерживали его въ этой боязни, сами опасаясь, чтобъ царь, по слабости характера, опять не попалъ въ зависимость къ прежнимъ своимъ опекунамъ. Удаливъ Сильвестра и Адашева, царь не могъ остановиться на одномъ этомъ. Сторонники опальныхъ, за невозможностью забрать царя въ руки по прежнему, могли бы показывать свое противодѣйствіе царскому самодержавію посредствомъ козней, заговоровъ, измѣны, предательства: такъ казалось царю и въ такомъ духѣ настроивали его новые любимцы. И царь шагнулъ далѣе — казнилъ нѣсколькихъ ближнихъ Адашева и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, которыхъ считалъ людьми партіи, покушавшейся держать царя въ зависимости. Чувствуя, наконецъ, себя независимымъ, испытавши, что ему сходитъ съ рукъ проявленіе самовластнаго произвола, Иванъ Васильевичъ весь предался любимой мысли — утвердить самодержавную власть до того, чтобы она уже никогда не могла подпадать никакому ограниченію. По его понятіямъ, совершенно согласнымъ съ тою наклонностью къ крайностямъ, которая отражалась во всѣхъ проявленіяхъ его характера, самодержавіе могло являться не иначе, какъ въ формахъ безусловнаго, безграничнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго произвола державной особы; для того, чтобъ быть истиннымъ самодержцемъ, онъ хотѣлъ дѣлать все, чтобы ему ни пришло на сердце; онъ хотѣлъ, чтобы для московскаго государя не существовало ничего недозволительнаго, ничего предосудительнаго; онъ сталъ нарочно

Digitized by Google

дѣлать то, что́, удовлетворяя его дикимъ животнымъ страстямъ наиболѣе подвергалось осужденію по нравственнымъ понятіямъ. Самодержавіе по его идеалу должно было стать выше самой нравственной правды. Этимъ, предъ его совѣстью, оправдывались тѣ дикія, развратныя и нерѣдко кровавыя оргіи, которымъ онъ предавался и которыя онъ самъ не одобрилъ бы, еслибы подобныя позволяли себѣ его подданные. Его любимцы, какъ князь Аѳанасій Вяземскій, Басмановы, Малюта Скуратовъ, братья Грязные—подстрекали его, восхваляли его мудрость и величіе, проповѣдывали любезное ему ученіе о неограниченной власти монарха и право государя дѣлать все, все,—хотя бы и такое, за что казнятъ подданныхъ, а между тѣмъ указывали ему на нерасположеніе бояръ, на тайные замыслы и наклонность къ измѣнѣ. Вѣра въ свое могущество усилилась въ Иванѣ Васильевичѣ послѣ того, какъ первыя казни прошли для него благополучно; онъ сталъ самонадѣяннѣе совершать казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ бояться со стороны боярства поступковъ, вызывающихъ казни. Бѣгство Курбскаго, Черкасскихъ и другихъ оправдывали эту боязнь. Подобно Курбскому, и другіе князья и бояре могли также перейти въ Литву и своимъ содѣйствіемъ усиливать ее насчетъ Москвы, какъ ихъ предки нѣкогда переселялись изъ другихъ русскихъ земель въ Москву, поступали на службу къ московскимъ великимъ князьямъ и усиливали московское великое княженіе насчетъ другихъ княженій. Такъ бы, вѣроятно, и сталось, еслибъ между литовскимъ и московскимъ государствами не стояла важная преграда—разновѣріе литовскихъ государей, еслибы западная пропаганда, напиравшая на православную церковь, не приводила въ соблазнъ русскаго религіознаго чувства.

Не всѣ, по примѣру Курбскаго, способны были заглушить въ себѣ чувство такой несогласимости и, оставаясь православными, служить государю римско-католической вѣры, властвовавшему надъ громадою православнаго народа. Оставаясь въ Московскомъ государствѣ, они, съ другой стороны, при отсутствіи единомыслія не могли приступить къ какой-либо дѣятельной борьбѣ съ произволомъ самовластнаго государя. Но царю Ивану Васильевичу, при его врожденной трусливости, представлялась возможность и того и другого—и государственной измѣны, и домашнихъ заговоровъ и бунтовъ. Ему памятенъ былъ бунтъ москвичей, возбужденный боярами, ненавистниками Глинскихъ. Изъ всѣхъ опасностей возможность повторенія чего-нибудь подобнаго, при удобномъ случаѣ, имѣла болѣе другихъ основанія. И вотъ, предупреждая все, что могло, въ такомъ или иномъ видѣ, проявиться въ смыслѣ противодѣйствія верховному полновластью, какъ тайное желаніе

Digitized by Google

ограничить государя, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ средству, которое всегда и вездѣ употреблялось въ многоразличныхъ образахъ властями, когда онѣ не шли рука объ руку съ общимъ настроеніемъ подвластнаго народа. Сущность этого средства состоитъ въ томъ, что власть изъ среды управляемой громады выдѣляетъ для себя толпу слугъ, которыхъ привязываетъ къ себѣ особыми милостями и выгодами и дѣлаетъ изъ нихъ орудіе для подчиненія остальной громады народа и насильственнаго задушенія въ немъ противнаго себѣ духа. Такъ возвышались и держались всѣ тираны древнихъ и средневѣковыхъ республикъ; такое значеніе опоры власти имѣла преторіанская когорта въ Римѣ, и почти во всей исторіи западной и потомъ восточной византійской имперіи войско, поддерживавшее императоровъ, дозволявшее имъ тиранствовать надъ народомъ, но нерѣдко возводившее и низвергавшее ихъ, было отдѣльною отъ народа корпораціею, изображавшею орудіе верховной власти. Можно отыскать и въ близкія къ намъ времена такіе же примѣры. Что въ обществахъ болѣе цивилизованныхъ дѣлается способомъ гладкимъ и благообразнымъ, то въ такомъ обществѣ, какимъ было Московское государство въ XVI-мъ вѣкѣ, дѣлалось рѣзко и грубо. Иванъ Васильевичъ нашелъ нужнымъ устроить раздѣленіе въ русскомъ народѣ—употребить одну часть его орудіемъ своегосамовластія для уничтоженія противнаго себѣ духа, который онъ подозрѣвалъ въ своемъ государствѣ. Онъ приступилъ къ этому, однако, не иначе, какъ давъ своему дѣлу благовидность народнаго одобренія. По собственному ли побужденію онъ рѣшился на это, или же другіе подстрекнули его, но мы легко усматриваемъ здѣсь вліяніе примѣровъ церковной византійской исторіи, конечно знакомыхъ царю, любившему подъ-часъ чтеніе. Нерѣдко лицо, избираемое въ духовный санъ, отказывалось отъ него, извиняясь своимъ недостоинствомъ и принимало не иначе, какъ бы уступая волѣ и желанію тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли, чтобъ оно стало ихъ пастыремъ. Чѣмъ болѣе казалось, что избираемый принималъ свой санъ не по собственному желанію, а по волѣ тѣхъ, которые хотѣли ему подчиняться, тѣмъ болѣе возрасталъ его нравственный авторитетъ. Но уподобленію царя Ивана Васильевича съ какимъ-либо Амвросіемъ мѣшало то, что царь уже болѣе двадцати лѣтъ былъ признаваемъ государемъ. Нужно было прежде оставить государство, а потомъ принять по просьбѣ народа съ такими условіями, которыя бы имѣли смыслъ освященія народнымъ одобреніемъ дѣйствій самаго размашистаго произвола верховной власти. И съ такою-то цѣлію царь Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы, не объявивши, куда ѣдетъ,

Digitized by Google

но своими сборами въ путь показавши, что предпринимаетъ переселеніе куда-то на продолжительное время. Черезъ мѣсяцъ онъ прислалъ къ митрополиту грамоту, въ которой излагалъ разныя противодѣйствія своей власти, жаловался на митрополита и духовныхъ, что они вступаются за тѣхъ, на кого царь возлагалъ свой гнѣвъ и, наконецъ, объявлялъ, что онъ «отъ великой жалости сердца, не хотя многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ вселиться въ иное мѣсто, куда укажетъ ему Богъ». Грамота подобнаго содержанія прислана была для прочтенія всему народу. Царь, обвиняя бояръ и знатныхъ людей, относился къ народу милостиво и увѣрялъ, что ему нечего страшиться царскихъ опалъ.

Казалось, царь Иванъ Васильевичъ затѣялъ игру не совсѣмъ безопасную. Что, если бы тѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ наиболѣе стремленія ограничить царскую власть, съумѣли настроить народъ на отвѣтъ не въ такомъ духѣ, какой былъ пріятенъ царю? Что, если бы они въ нѣкоторомъ смыслѣ повторили то, что произошло послѣ московскаго пожара? Происшедшій въ оное время народный мятежъ показывалъ царю, что московскій народъ, подъ-часъ, способенъ поддаться внушенію противниковъ власти. Однако, этого не случилось. Во-первыхъ, бояре не имѣли настолько единодушія и смѣлости, чтобъ покуситься на такое предпріятіе; во-вторыхъ, народъ не находился въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы поднять возмущеніе или, на угрозу царя оставить государство,—сказать: туда и дорога! Да и прежде — бояре успѣли взбунтовать народъ собственно не противъ дѣйствій царя, а противъ его любимцевъ, Глинскихъ. Народная громада вездѣ и всегда охотнѣе приписываетъ свои несчастія, видимо проистекающія отъ дурного управленія и злоупотребленій власти, не самой верховной особѣ, а лицамъ, окружающимъ послѣднюю. Въ монархѣ, напротивъ, народъ видитъ противовѣсъ произволу многихъ сильныхъ, которые, не чувствуя надъ собою руки сильнѣе себя, невыносимѣе тяготѣли бы надъ массою слабыхъ. Народъ не имѣлъ причины быть недовольнымъ тогдашнимъ своимъ правительствомъ; полезныя учрежденія во внутреннемъ устройствѣ и блестящіе подвиги политическаго усиленія державы придавали предшествовавшему времени царствованія Ивана Васильевича славу и возбуждали признательность; народная громада приписывала ихъ не кому, какъ царю, потому что они совершались именемъ царя; ему единому принадлежала благодарность. Казни и опалы, постигшія нѣсколькихъ князей и бояръ, мало оскорбляли чувство толпы, даромъ, что изъ опальныхъ были именно тѣ лица, которымъ народъ былъ обязанъ тѣмъ, что

Digitized by Google

было для него сдѣлано хорошаго. Царю не ставили въ вину того, что онъ казнитъ: на то онъ и царь, чтобъ ему казнить и миловать; если казненные и опальные прежде были хорошими людьми, то царь награждалъ ихъ, а если, потомъ, царь на нихъ опалился — значитъ, они стали дурными людьми и заслужили постигшую ихъ судьбу. Народъ испугался, услышавъ царскую угрозу оставить государство; прежде всего народу представилось слишкомъ страннымъ и неестественнымъ такъ внезапно остаться безъ главы при живомъ государѣ, тѣмъ болѣе, что единственный сынъ и наслѣдникъ былъ малолѣтенъ и правленіе должно было, по необходимости, сосредоточиться въ боярскихъ рукахъ, а народъ боялся боярскаго правленія, какъ многовластія и неразлучныхъ съ нимъ интригъ и междоусобій. Притомъ, самъ государь, покидая государство, не дѣлалъ никакихъ распоряженій; не назначалъ по себѣ ни преемника, ни органовъ управленія: онъ просто бросалъ государство на произволъ судьбы, на распрю боярамъ за овладѣніе державою. Понятно, что при такомъ небываломъ поступкѣ своего государя, русскій народъ хотѣлъ во что бы то ни стало удержать единовластіе и возвратить себѣ утраченнаго монарха, а потому на жалобы царя о томъ, что его одолѣваютъ измѣнники, единодушно далъ такой отвѣтъ, какой неминуемо, въ виду грозившаго безначалія, всѣмъ и каждому долженъ былъ придти въ голову: «пусть царь государь казнитъ своихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ»; а нѣкоторые кричали, чтобъ царь только указалъ этихъ измѣнниковъ, а народъ самъ расправится съ ними. Изъ бояръ никто не посмѣлъ объяснять народу, что слѣдовало, спросивъ у царя — кто такіе эти измѣнники, потомъ уже разсудить: точно ли они измѣнники, и тогда только, когда они дѣйствительно окажутся виновными, казнить ихъ. При томъ отсутствіи единства цѣлей, какое продолжало господствовать между боярами, всякій, кто осмѣлился бы выступить съ заявленіемъ въ подобномъ смыслѣ, не найдя поддержки между своими собратіями, былъ бы отданъ произволу толпы, которая разорвала бы его, какъ перваго изъ тѣхъ измѣнниковъ, на которыхъ жаловался государь; если же бы этого и не случилось — смѣльчакъ, впослѣдствіи, сталъ бы предметомъ царскаго мщенія. Всѣ бояре, и въ томъ числѣ тѣ, которые должны были опасаться, что подъ измѣнниками разумѣютъ именно ихъ, покорно присоединились къ голосу народной громады и вмѣстѣ съ нею рѣшили, что слѣдуетъ просить государя сжалиться надъ народомъ и принять оставленную власть. Отправилась къ царю депутація: на челѣ ея были духовные. Иванъ Васильевичъ принялъ челобитную и соизволилъ опять взять свои государства, но

Digitized by Google

на томъ, какъ передаетъ современный лѣтописный источникъ, «чтобъ ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣну дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опалы свои класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ духовенству особое условіе, что ему, государю, нетерпѣть докуки отъ ходатайствъ за опальныхъ со стороны духовныхъ лицъ. Иванъ Васильевичъ потребовалъ, такимъ образомъ, того, что̀ по его идеалу составляло сущность полнаго самодержавія и хотѣлъ освободить его отъ всякой, даже нравственной узды. Но самодержавіе, какъ мы видѣли, уже существовало, въ глазахъ народа, прежде въ полной силѣ. Привыкши къ повиновенію верховной власти хановъ еще въ эпоху татарскаго завоеванія, русскій народъ впослѣдствіи призналъ туже силу, тоже право и за московскими государями, замѣнившими для народа хановъ. Въ народѣ не было и зародыша сомнѣнія въ этомъ правѣ, такъ какъ народная громада не думала и слѣдовательно не могла сомнѣваться. Сомнѣніе царь замѣчалъ въ боярахъ и частію въ духовныхъ. Именно—его право казнить и миловать по своему царскому произволу онъ хотѣлъ теперь оградить всенароднымъ признаніемъ потому, что именно это право и желали подвергнуть сомнѣнію. Курбскій ясно высказывалъ это боярское ученіе, но Курбскій, сидя въ Литвѣ, могъ, конечно, свободнѣе объясняться, чѣмъ тѣ, которые находились въ Москвѣ; втайнѣ же и многіе изъ послѣднихъ чувствовали и мыслили какъ Курбскій. Всенародная воля, дарующая царю полное право казнить и миловать, освящающая самый широкій произволъ его дѣйствій, должна была теперь лишить эти тайныя боярскія желанія всякой надежды на осуществленіе и помочь царю искоренить ихъ. Замѣчательно, какъ въ тоже время царь хотѣлъ оградить себя отъ духовенства. Иванъ Васильевичъ понялъ, что собственно церковь сильнѣе государевой власти. Это не то, что боярство. Послѣднее съ трудомъ могло привлечь на свою сторону народную массу, по крайней мѣрѣ на что̀-нибудь прочное и продолжительное, напротивъ царь, въ случаѣ противодѣйства со стороны боярства, могъ скорѣе опереться на народъ. Но если бы церковь вздумала противодѣйствовать царю, и воззвала къ народу, царю было бы трудно съ нею бороться. И нужно было оградить царское полновластіе отъ такого совмѣстника. На счастье царю большинство духовныхъ сановниковъ, по своимъ стремленіямъ, принадлежало къ разряду тѣхъ, которыхъ называли іосифлянами и никакъ не способно было поддерживать изъ среды своей тѣхъ, которые бы осмѣлились выступать предъ царемъ съ самобытною рѣчью: такъ, впослѣдствіи не поддержало оно мит-

Digitized by Google

рополита Филиппа, и царь, безопасно для себя, могъ по своему произволу лишить сана, а потомъ и умертвить этого пастыря, носившаго достоинство первопрестольника русской церкви. Требованіе царя—не мѣшаться въ его дѣла и не докучать ему просьбами о помилованіи тѣхъ, которые подпадали его гнѣву, легко могло быть исполнено духовенствомъ, и царь этимъ требованіемъ сразу и заранѣе оградилъ свое усиливающееся полновластіе отъ всякаго нравственнаго суда.

XII.

Обезопасивъ себя и народнымъ признаніемъ правоты своихъ будущихъ дѣлъ, и отстраненіемъ всякаго обузданія своего произвола со стороны религіи, царь Иванъ Васильевичъ приступилъ къ раздвоенію государства. Изъ одного сдѣлалось двѣ части, одна называлась опричниною (то-есть особенною, состоящею на исключительныхъ условіяхъ), другая земщиною. Одни города съ ихъ уѣздами поступили въ опричнину [1]), другіе остались въ земщинѣ; самая Москва подпала этому раздвоенію: однѣ части города причислены къ опричнинѣ, другія къ земщинѣ. Опричнина, гораздо меньшая часть государства, чѣмъ земщина, составила какъ бы собственное владѣніе государя въ противоположность государственному; въ опричнинѣ были свои бояре и окольничьи, свой особый царскій дворецъ, казна, дьяки и военная сила: дѣти боярскія и стрѣльцы. Всѣ доходы съ опричнины шли исключительно на царскій обиходъ. По такомъ раздѣленіи государства началось переселеніе. Царь приказывалъ выводить изъ опричныхъ городовъ и ихъ территорій владѣльцевъ, непринятыхъ въ опричнину, а тѣмъ, напротивъ, которые туда вошли, раздавалъ земли за службу. Такимъ образомъ, все, что входило въ опричнину, обязано было царю милостями и выгодами, должно было служить ему и громить опальную земщину, когда царь признаетъ нужнымъ. Земщина была повѣрена управленію боярскаго совѣта, но для бо́льшаго отчужденія отъ себя Иванъ Ва-

[1]) Можайскъ, Вязьма, Козельскъ, Перемышля два жеребья, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ съ Суходровью, Медынь съ Товарковою, Суздаль съ Шуею, Галичъ со всѣми пригородки, съ Чухломою и съ Унжею и съ Коряковымъ, и съ Бѣлогородьемъ, Вологда, Юрьевецъ-Поволскій, Балахна съ Уволою, Старая Руса городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, Устюгъ со всѣми волостями, Двина, Каргополе, Вага; волости: Олешня, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздна, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинскій, Числяки, Ординскія деревни и станъ Пахрянскій въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлогородъ въ Калинѣ, да волости: Вселунь, Отта, Порогъ Ладожскій, Тотма, Прибутъ и иные (изъ Александронев. лѣтоп. Карамз. IX. прим. 187 стр. 45).

Digitized by Google

сильевичъ поставилъ надъ всею иного царя, крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича. Этотъ поставленный настоящимъ царемъ воображаемый царь земщины не имѣлъ ни власти, ни своей воли, долженъ былъ дѣлать то, что ему прикажутъ, и въ сущности ничего не дѣлалъ; но Иванъ Васильевичъ, однако, совершалъ кое-что такое именемъ этого созданнаго имъ царя, чего не хотѣлъ совершать отъ своего собственнаго имени. Такимъ образомъ, Симеонъ отбиралъ у духовенства, особенно у монастырей, крѣпости на имѣнія. Послѣ того, какъ царство Симеона минулось по приказанію Ивана Васильевича, настоящій царь не все возвратилъ изъ того, что отобралъ воображаемый, а кое-что удержалъ въ свою пользу.

При раздѣленіи государства на опричнину и земщину, Иваномъ Васильевичемъ руководила какая-то иронія надъ своими тайными и безсильными противниками. Сообразно древнему дотатарскому различію княжескаго и дружиннаго отъ земскаго и вѣчевого, бояре, приходя къ желанію поставить границы самовластію верховнаго лица, различали государское дѣло отъ земскаго и назначали, такимъ образомъ, государю свой кругъ власти, за рубежомъ которой хотѣли поставить власть земскую, съ принадлежащими ей функціями, такъ, чтобы только въ полномъ согласіи государя съ землею состояло правильное устроеніе государства; совѣтъ бояръ и духовныхъ долженъ былъ, сообразно ихъ желаніямъ, знаменовать это самобытное земское начало. Теперь самодержецъ, какъ бы въ насмѣшку, произвелъ самъ раздѣленіе государскаго и земскаго, но такъ, что земское должно испытывать опалу всемогущаго государя, а государское или опричное пользоваться его милостями и вмѣстѣ съ нимъ душить земское, пока оно не перестанетъ показывать признаковъ стремленія къ самобытному существованію, чтобы, такимъ образомъ, въ государствѣ не было ничего, кромѣ государскаго. Поставленіе Симеона въ цари также имѣло значеніе какъ бы иронiи надъ боярскими стремленіями возводить царей, показанными нѣкогда во время болѣзни царя Ивана Васильевича, когда бояре не хотѣли присягать его малолѣтному сыну, а думали сдѣлать царемъ Владимира Андреевича. Иванъ Васильевичъ этимъ какъ будто хотѣлъ сказать боярству: вамъ хотѣлось имѣть царя не по наслѣдству, по вашему выбору; вотъ же вамъ царь не по наслѣдству, только не по вашему выбору, а по моему, такой царь, что хочу — сдѣлаю его царемъ, хочу — отставлю! Самовластіе царя какъ будто измышляло нарочно самые необычные и странные способы показать свое право и намѣреніе распоряжаться владѣемымъ краемъ по совершенному произволу. Иванъ Василье-

Digitized by Google

вичъ дѣлалъ именно такое, чего даже ожидать было трудно и тѣмъ показывалъ, что для него нѣтъ никакихъ границъ, нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было сказать, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

Семилѣтній періодъ опричнины искоренилъ побѣги всякаго противодѣйствія, всякаго поползновенія къ ограниченію верховной власти. Почти не осталось сколько-нибудь знатныхъ и вліятельныхъ родовъ, которые бы не считали въ числѣ казненныхъ своихъ представителей. Опала постигла Новгородъ за преступленіе очень сомнительное; самодержавіе карало въ немъ долгое и запоздалое господство вѣчевыхъ началъ, хотя, предавая на повальное истребленіе сотни (а иные говорятъ тысячи) новгородцевъ, оно въ нихъ карало болѣе мѣстность, гдѣ они жили, чѣмъ кровь свободныхъ отцовъ въ ихъ жилахъ: послѣ перетасовки, сдѣланной дѣдомъ царя, прямыхъ потомковъ древнихъ новгородцевъ оставалось въ Новгородѣ мало; большинство жителей происходило отъ тѣхъ, которыхъ московская власть перевела туда послѣ разгрома вѣчевой земли. Иванъ Васильевичъ какъ будто испытывалъ, до чего могутъ простираться и произволъ его власти и безгласная покорность народа; оказалось, что и то и другое могло быть безграничнымъ. Періодъ опричнины былъ также временемъ крайняго порабощенія церкви и униженія духовенства. Негодуя на нравственную силу церкви и стараясь лишить ее права налагать какую бы то ни было узду на царскій произволъ, онъ завелъ у себя въ Александровской слободѣ подобіе монастыря; его опричники и онъ самъ съ ними совершали разныя монашескія дѣйства по ихъ своеобразному уставу; то былъ монастырь, но не утвержденный и формально не благословенный церковью, монастырь, основанный единою волею царя и по волѣ его во всякую минуту подлежавшій упраздненію. И этотъ самодѣльный монастырь Грознаго былъ какъ бы демонстраціею противъ церкви и ея духовныхъ сановниковъ, напоминавшею, что стóитъ царю захотѣть, такъ онъ и въ церкви устроитъ опричнину, подобную той, какую устроилъ въ государствѣ. Ничего не могло быть священнѣе церковнаго благочинія для русскаго человѣка; ничто такъ не могло оскорблять его религіознаго чувства, какъ нарушеніе этого благочинія, — и царь посягнулъ на него: царь ходилъ въ церковь въ шапкѣ, какъ татаринъ въ мечеть; его опричники дозволяли себѣ тоже; митрополитъ Филиппъ сдѣлалъ за это замѣчаніе и лишился, по волѣ царя, сана, а потомъ и жизни. Царь этимъ доказывалъ, что церковь не смѣетъ судить его поступковъ, что онъ выше церкви; отъ его произвола зависитъ достоинство и жизнь ея сановни-

Digitized by Google

ковъ; нѣтъ и не должно быть въ его поведеніи ничего такого, что́ бы церковь дерзала находить дурнымъ или непристойнымъ. Царь Иванъ Васильевичъ посягнулъ и на вѣковые уставы православія. Четвертый бракъ издавна считался и признавался недозволительнымъ и законопреступнымъ. Царь собралъ соборъ духовныхъ и приказалъ разрѣшить себѣ четвертый бракъ, не въ примѣръ другимъ. Соборъ корыстолюбивыхъ и трусливыхъ пастырей былъ руководимъ новгородскимъ архіепископомъ Леонидомъ, котораго, какъ бы въ благодарность за раболѣпство, тотъ же царь Иванъ Васильевичъ приказалъ впослѣдствіи обшить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Такой соборъ не затруднился дать ему разрѣшительную грамоту, послѣ которой женолюбивый московскій государь нѣсколько разъ вступалъ въ беззаконное сожительство, освящая его именемъ брака къ соблазну всего православія. Русская церковь доведена была до такого нравственнаго униженія, до какого она еще никогда не доходила, а самодержавіе вознеслось до такой высоты, что уже восходить было некуда болѣе: самъ божественный законъ не смѣлъ поставить ему предѣловъ; въ московскомъ государствѣ царь сталъ какъ бы выше самого Бога: церковь божія дозволяла ему то, что́ для всѣхъ остальныхъ смертныхъ было, по ея ученію и правиламъ, нравственное преступленіе.

При тѣхъ милостяхъ и преимуществахъ, какими царь Иванъ Васильевичъ отличалъ опричнину, при томъ произволѣ и необузданности, какія допускалъ онъ показывать опричникамъ, могло статься, что, совершивъ важныя услуги самодержавію, въ свою очередь опричнина сдѣлалась бы для самодержавія противодѣйствующею стихіею, и показывала бы стремленіе держать отъ себя въ зависимости волю верховной особы. Иванъ Васильевичъ не допустилъ до этого. Поддавшись нашептываніямъ и совѣтамъ тѣхъ лицъ, которые вооружали его противъ Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, онъ не дозволилъ имъ самимъ замѣнить павшихъ. Не одни князья и бояре земской партіи погибали во время опричнины; любимцы Грознаго царя, наиболѣе способствовавшіе его освобожденію изъ-подъ опеки сильвестро-адашевскаго кружка, Вяземскій, Басмановы и одинъ изъ Грязныхъ потерпѣли царскую опалу и погибли въ мукахъ: ихъ обвинили въ измѣнѣ; конечно, то была одна придирка; измѣнять такимъ людямъ было не изъ чего; но царь сознавалъ, что нѣкоторое время находился подъ ихъ вліяніемъ, у нихъ въ зависимости и не могъ имъ простить этого, и это было ихъ настоящее преступленіе. Наконецъ, царь уничтожилъ и опричнину: она сдѣлала свое дѣло. Опытъ кончился. Царь Иванъ Василье-

Digitized by Google

вичъ могъ убѣдиться, что земщина не показываетъ признаковъ самобытной жизни и какъ бы перестаетъ существовать въ смыслѣ государственномъ. Московское государство стало исключительно государскимъ. Земское дѣло могло отмѣчаться только, какъ одна изъ сторонъ одного и того же государственнаго тѣла, а не какъ противоположеніе государскому. Опричнины не стало, а царь, уже и безъ опричнины, доканчивалъ истребленіе всего, что возбуждало въ немъ подозрѣніе, но онъ уже не боялся русской земли: онъ презиралъ ее и, безъ зазрѣнія совѣсти, выражалъ передъ англичанами свое презрѣніе къ покорному и безгласному народу.

Такимъ образомъ, единодержавіе, зародившись во время татарскаго завоеванія, какъ неизбѣжное послѣдствіе покоренія страны и обращенія въ собственность завоевателя, вмѣщаясь, сначала, въ особѣ верховнаго владыки-завоевателя, хана, устроивъ, для своего удобства, на Руси феодальный порядокъ изъ найденныхъ въ ней и подвергнутыхъ измѣненіямъ элементовъ, съ ослабленіемъ Орды, перешло отъ хановъ къ московскимъ великимъ князьямъ, и постепенно расширяясь, усиливаясь и подавляя собою какъ феодализмъ, такъ и признаки древней жизни, хотя уже парализованные, но все еще существовавшіе и по своимъ качествамъ противные духу единодержавія,—достигло, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, наивысшаго развитія и такого могущества, какого, смѣемъ думать, никогда и нигдѣ не достигало въ христіанскихъ обществахъ. Дѣти и внуки представителей знатныхъ родовъ, большею частію потерпѣвшихъ отъ царя Ивана Васильевича, не дозволяли себѣ, подобно предкамъ, помышлять о чемъ-либо несогласномъ съ угодливостью верховной власти и не смѣли питать иныхъ чувствъ, кромѣ холопскихъ, приличныхъ ихъ званію и значенію слугъ и рабовъ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ временно пробудились-было дѣдовскія стремленія—то было въ смутное время, и это пробужденіе навѣвалось сближеніемъ съ польскимъ элементомъ; но какъ самое пробужденіе было не сильно и незначительно, такъ и обстоятельства того времени не благопріятствовали укрѣпленію такихъ стремленій. Народъ, видя и чувствуя, что эти стремленія совпадаютъ съ покушеніями иноземцевъ поработить русскую вѣру и русскую народность, сталъ къ нимъ враждебно. Боярская сила казалась ему орудіемъ не спасенія, а гибели русской земли. Народъ обратился къ единодержавію. Спасенное благочестивою энергіею русскаго народа и неразумѣемъ его враговъ, вновь состроенное государство пошло снова самодержавнымъ путемъ. Потомки князей и бояръ поддерживали честь своихъ родовъ только службою и по-

Digitized by Google

корностію государю; притомъ въ механизмѣ государственнаго управленія выработалась важная перемѣна; оно было собрано въ рукахъ русскихъ людей другого рода — то были дьяки.

Иванъ Васильевичъ возвысилъ этотъ классъ и находилъ въ немъ противовѣсъ ненавидимой имъ боярской партіи. Не даромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей послѣдней, Курбскій, въ своей исторіи отзывался объ этихъ людяхъ со злобою и указывалъ на нихъ, какъ на орудіе царскаго самовластія. «Писари наши русскіе (говоритъ онъ, переводя употребительнымъ въ польско-литовской Руси слово дьякъ), имъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ шляхетнаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему: хотяще единъ вселитися на землѣ». Также враждебно отзывались о дьякахъ другіе, подобные Курбскому, бѣглые русскіе люди, Тетеринъ и Сарыгозинъ, въ письмѣ къ дерптскому намѣстнику, Михайлу Яковлевичу Морозову: «Есть у великаго государя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, и нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ». Эти люди невысокой породы возбуждали досаду въ людяхъ породистыхъ своимъ возвышеніемъ; они усиливались по мѣрѣ того, какъ усложнялся механизмъ управленія и принималъ письмовный характеръ. Управленіе государства повѣрено было, по отраслямъ и по частямъ, приказамъ. Въ приказахъ сидѣли дьяки, въ нѣкоторыхъ по нѣсколько, въ другихъ по одному. Предсѣдательство давалось боярину, или окольничему, или думному дворянину, вообще человѣку породистому, но все производство дѣлъ находилось въ рукахъ дьяковъ. Обыкновенно предсѣдавшій въ приказѣ породистый человѣкъ мало вникалъ въ дѣла, отвлекался другими порученіями и слушался своего дьяка. Въ нѣкоторыхъ приказахъ сидѣли одни дьяки; важнѣйшій изъ приказовъ, возникшій въ XVII-мъ вѣкѣ, приказъ тайныхъ дѣлъ, повѣрялся однимъ дьякамъ, «и въ тотъ приказъ,—говоритъ Котошихинъ,—бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя». Точно также и другимъ важнымъ приказомъ, посольскимъ, завѣдывавшимъ сношеніями съ иностранными государствами, управлялъ думный дьякъ, вмѣстѣ съ дьяками, данными ему въ помощь. Во всѣ города посылались для управленія намѣстники и воеводы, изъ людей болѣе или менѣе породистыхъ и въ помощь имъ давались дьяки; собственно послѣдніе вели всѣ дѣла, а воеводы, хотя и считались честію выше дьяковъ, но слушались ихъ, какъ

Digitized by Google

людей болѣе опытныхъ и искусныхъ; въ сущности управляли дьяки. Кромѣ дьяковъ существовали еще подъячіе (подъячіе — низшій сортъ дьяковъ): они или работали по письмоводству подъ рукою дьяковъ или находились, вмѣсто нихъ, на низшихъ мѣстахъ. И тѣ и другіе вмѣстѣ образовали сословіе приказныхъ; сословіе это размножилось, покрыло собою, какъ сѣтью, московское государство и держало его въ своихъ рукахъ чрезъ дѣлопроизводство. Имъ было это тѣмъ легче, что нерѣдко воеводы и даже тѣ породистые люди, которые предсѣдательствовали въ приказахъ, плохо знали грамоту, а иногда и вовсе не знали ее. Въ самой боярской думѣ, которую созывалъ царь для совѣта о государственныхъ дѣлахъ, часто заправляли всѣмъ дьяки, хотя они тамъ не пользовались никакимъ правомъ голоса, и даже не имѣли мѣстъ, а стояли на ногахъ, когда другіе сидѣли. Но бояре и думные люди, когда царь ихъ спрашивалъ, по замѣчанію Котошихина, «брады свои уставя ничего не отвѣщеваютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, а по великой породѣ и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованые». Сложность управленія дала важное значеніе дѣловой письменности; выработались формы, образовалась особая дѣлопроизводительная наука; бумага для народа стала символомъ и орудіемъ власти. Дьяки были люди бумаги, люди ученые, люди знавшіе тайну и хитрость правительственнаго дѣла. Понятно, что бояринъ или воевода, знавшій болѣе ратное дѣло, чѣмъ бумажное, и часто на мѣстѣ своего служенія въ приказѣ или по обязанности намѣстнической или воеводской службы не оставлявшій ратнаго дѣла, не имѣлъ ни времени, ни охоты усвоить пріемы дѣлопроизводства и во всемъ, что́ касалось хода финансоваго и гражданскаго управленія, суда и расправы между народомъ, во всемъ полагался на дьяка, бумажнаго дѣльца.

Дьяки, по своему происхожденію и положенію, были вполнѣ пригодными органами самодержавной власти. Отъ нея они получали и свое существованіе и средства къ существованію. Ничто не могло ихъ поставить противъ нея враждебно. Къ боярамъ и князьямъ они питали зависть, какую обыкновенно питаютъ люди незнатные къ знатнымъ, вступивъ на поле общественной дѣятельности; съ народомъ они не могли сойтись душа въ душу; они стояли, на общественной лѣстницѣ, выше народа и, съ дозволенія правительства, жили на счетъ его. Поэтому приказные люди, болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, приросли къ механизму самодержавнаго правленія. Тѣмъ не менѣе, они пріобрѣли недобрую славу среди русскаго народа. Ихъ постоянно упрекали, а нерѣдко и обличали въ лихоимствѣ, казнокрадствѣ, кривотол-

Digitized by Google

кованіи законовъ и всякаго рода неправдахъ. Посулы и поминки сдѣлались неотъемлемыми признаками дьяка и подъячаго. Господство дьяческаго управленія было временемъ народной тяготы и, вслѣдствіе тяготы, народныхъ побѣговъ. Самодержавіе, подавивъ противъ себя оппозицію въ боярствѣ и создавъ для себя новый органъ въ дьячествѣ, возбудило, чрезъ посредство этого органа, новую оппозицію уже не въ людяхъ породистыхъ, а въ народной громадѣ. Къ счастію самодержавія, эта оппозиція не сплотила народа на домогательство какихъ-нибудь правъ, не выработала въ немъ никакого представленія о формахъ иного государственнаго и общественнаго строя. Многоземельность и привольная пустынность на окраинахъ государства возбуждала недовольныхъ не къ сопротивленію, а къ переселенію, къ побѣгамъ, къ бродяжничеству. Человѣкъ, по своей природѣ, чувствуя на себѣ тяжесть, чаще всего хватается за легчайшее средство избавленія, а такимъ средствомъ для русскаго человѣка представлялся побѣгъ. Кому становилось худо жить на землѣ своихъ отцовъ, тотъ бѣжалъ — на Волгу, въ Сибирь, на Яикъ, на Донъ, въ украинныя степи. Столкновенія съ татарами на югѣ пріучали бѣглецовъ къ оружію, сдѣлали ихъ войнолюбивыми, образовали изъ нихъ казачество. Это воинственное общество безпрестанно пополнялось бѣглецами изъ Московскаго государства, не прерывало съ нимъ связи и часто являлось противоборною силою для правительства. Движенія казаковъ, начинаясь съ юга, производили смятеніе въ народѣ, возбуждали въ немъ недовольство властями, увлекали его въ возстанія, которыя всегда были сильнѣе на окраинахъ, по близости къ жилищамъ казаковъ. Въ смутное время казачество чуть-было не вывернуло съ корнемъ вонъ всего государства. Царствованіе Романовыхъ въ XVII-мъ вѣкѣ прошло въ борьбѣ съ противогосударственными элементами, въ заботахъ объ истребленіи народныхъ мятежей и объ огражденіи отъ нихъ государственнаго порядка. Расколъ подлилъ масла въ огонь, далъ новый контингентъ народной оппозиціи и освятилъ ее дѣломъ вѣры. Государство колебалось, но побѣждало; Петръ Великій, выдержавъ, въ свою очередь, упорную борьбу съ народною оппозиціею, сильно измялъ ее и изломалъ своею желѣзною волею и геніальностію государственнаго ума, оставя, впрочемъ, на долю своихъ преемниковъ заботу доканчивать истребленіе ея послѣдковъ.

Мы не имѣемъ цѣли подробно описывать и изслѣдовать борьбу единодержавія съ враждебными элементами во времена,

Digitized by Google

послѣдовавшія за окончательнымъ установленіемъ монархическаго самодержавнаго принципа при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; мы коснулись этихъ временъ только для уясненія того, что составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія — показать, какъ и изъ чего сложился и образовался принципъ единодержавнаго полновластія въ русской жизни. Замѣтимъ только, что народная оппозиція, вызванная органами самодержавія послѣ его торжества въ XVI-мъ вѣкѣ, была еще несостоятельнѣе прежней княжеско-боярской, постоянно падала и совершенно упала отъ собственнаго умственнаго безсилія. У нея не доставало идеала, даже такого неопредѣленнаго, какой въ свое время имѣлъ князь Курбскій. Еслибъ какому-нибудь Стенькѣ Разину или Булавину посчастливилось сдѣлать то, что у нихъ было, такъ сказать, начертано на знамени возстанія — именно поголовное избіеніе всѣхъ бояръ, воеводъ, дьяковъ и подъячихъ — всего того, что управляло народомъ и надоѣдало ему, — коренного переворота на Руси все-таки не произошло бы; прежнее должно было возстановиться; изъ народной громады поднялись бы новые бояре, воеводы, дьяки, подъячіе съ верховнымъ самодержавнымъ главою. Собственно на самодержавіе народъ не посягалъ; онъ уважалъ этотъ образъ власти и лучшаго не желалъ для себя, потому что до лучшаго не додумался; онъ ненавидѣлъ только его органы, чрезъ которые самодержавная власть дѣйствовала и, защищая ихъ, а не себя, должна была бороться съ народомъ. За свои страданія и тяготы мстить царю народъ не помышлялъ; онъ мстилъ только его органамъ — воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ, мстилъ также и бумагѣ, которую исписывали дьяки и подъячіе. Бумага русскому народу, въ эпохи его возстаній, представлялась чѣмъ-то омерзительнымъ, враждебнымъ. Сообщники Стеньки Разина, вездѣ, гдѣ только торжествовали и избивали начальныхъ людей — истребляли и бумаги; и самъ ихъ батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, обѣщая взять Москву, не покушался на особу царя государя, а только грозилъ «на верху у царя» сжечь всѣ бумаги, такъ какъ онъ сожигалъ ихъ въ тѣхъ городахъ, которыми овладѣвалъ. Эта ненависть народной оппозиціи ко всему бумажному составляла противоположность съ оппозиціею боярскою, подавленною царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Та, напротивъ, опиралась на бумагу; старыя лѣтописи, примѣры изъ древней и византійской исторіи, записанные въ хронографахъ, поучительныя словеса философовъ церкви были для нея авторитетомъ; она дорожила родословными книгами; она сама составляла узаконенія и грамоты; она желала, чтобъ онѣ и исполнялись. На безграмотную громаду народа, напротивъ, бумага могла оставлять только то впечатлѣніе,

Digitized by Google

которое было сообразно съ тѣми случаями, при какихъ народъ входилъ съ нею въ соприкосновеніе. Бумага въ рукахъ воеводы или дьяка казалась посадскому или волостному человѣку вѣстію о какой-нибудь новой тягости или стѣсненіи; бумага тянула его на войну, въ осаду, на казенныя работы, въ цѣловальники къ царской прибыли, вымогала съ него кормы и подводы, облагала его новыми поборами, волочила въ судъ или въ тюрьму, отдавала на поруки, гонялась за нимъ, когда онъ бѣгалъ. Хотя до Петра Великаго, благодаря незнакомству съ пріемами западной бюрократіи, бумаги писались сравнительно ближе къ народному пониманію, чѣмъ послѣ, но и въ тѣ времена нерѣдко дьяки нарочно сочиняли ихъ такъ, чтобы слушавшіе не могли сразу усвоить ихъ смысла и нуждались въ комментаріяхъ, которыя дьякъ или подъячій сообщалъ такъ, чтобъ изъ того выходила польза для него самого; да наконецъ русскій человѣкъ не всегда былъ увѣренъ, что въ бумагѣ было именно написано то, что́ ему, безграмотному, читалъ дьякъ или подъячій, или же что она дѣйствительно была выраженіемъ царской воли; мнѣніе о приказныхъ людяхъ было таково, что они были способны, «норовя своей бездѣльной» корысти, прочитать народу отъ царскаго имени что́-нибудь «составное» и потребовать будто-бы по царскому приказу того, чего царь не приказывалъ. Поэтому-то бумага стала врагомъ русскаго народа; поэтому-то народная оппозиція такъ вандальски осуждала на раздраніе и сожженіе эти памятники дьяческой и подъяческой литературы, изъ которыхъ многія теперь имѣли бы свою относительную цѣнность для археологіи и исторіи.

Единодержавіе побороло и ту, и другую оппозицію—и уважавшую бумажное дѣло, и ненавидѣвшую его. Единодержавіе восторжествовало оттого, что за него было народное чувство. Какъ ни ужасны подъ-часъ кажутся намъ народныя возстанія, но бо́льшая половина русскаго народа въ нихъ не участвовала и покорно несла тяготы свои, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, привыкши къ повиновенію и терпѣнію; да наконецъ и тѣ, которые увлекались въ мятежъ, обыкновенно скоро опамятывались, послѣ первой неудачи били челомъ о помилованіи и, испытавъ на спинѣ вразумляющіе батоги, возвращались къ прежнему повиновенію. Оставалась небольшая (сравнительно съ массою, подвластною государству) горсть вольнолюбивыхъ удальцовъ, несживавшихся съ тяготами; уцѣлѣвая отъ смерти въ борьбѣ съ укрощавшими ихъ властями, они уходили въ степи, тамъ мѣрялись удалью съ татарами, разбивали купеческіе караваны по сухопутнымъ и водянымъ дорогамъ, иногда дѣлали разбойничьи набѣги на жилыя

Digitized by Google

мѣста съ цѣлію прокормленія себя и мало-по-малу увеличивали свою толпу пріемомъ новыхъ бѣглецовъ, чтобы современемъ, пользуясь случаемъ, дерзнуть на новое «воровское дѣло», которому, подобно предшествовавшимъ, грозила вѣрная неудача при маломъ участіи народа, недостаточномъ для успѣха. Но и самые эти удальцы, возбудители возстаній, почти никогда не дерзали вооружать другихъ и вооружаться противъ государя: предметомъ ихъ ненависти были только начальные, иногда всѣ богатые люди, а если иногда негодованіе ихъ обращалось противъ царской особы, то все-таки противъ личности, а не противъ принципа самодержавной власти, да и то—это случалось только по поводу религіи, которая одна у русскаго народа была выше земного самодержавія. Фанатики-раскольники не затруднялись клеймить Петра именемъ антихриста, но это касалось только его личности, и притомъ только за то, что́, въ понятіи русскаго человѣка, входило въ кругъ религіи; во всемъ остальномъ онъ не подвергалъ сомнѣнію право царя по своей волѣ распоряжаться судьбою государства и жизнію и достояніемъ своихъ подданныхъ. Тотъ же фанатикъ, недовольный личностію царствующей особы, не могъ вмѣстить у себя въ головѣ иного государственнаго строя, кромѣ единодержавнаго, съ абсолютною властію царя; онъ желалъ только, при этомъ, чтобы царь, имѣя полное право дѣлать съ нимъ что́ ему угодно, не чуждался тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ, со многими одинаково съ нимъ вѣровавшими, полагалъ сущность религіи.

Когда русскій народъ, пріучившись изъ страха предъ матеріальною силою и опасностію, и привыкши, въ теченіи вѣковъ порабощенія подъ татарскимъ владычествомъ, повиноваться верховной власти завоевателей и ихъ довѣренныхъ, перенесъ этотъ страхъ на отношенія свои къ московскимъ государямъ,—имъ, кромѣ того, руководило и сознаніе, что безъ единаго владыки у него было бы много владыкъ, а это для народа было бы хуже всего; что, притомъ, только при единовластіи можно отстоять отъ иноземцевъ вѣру, жизнь и достояніе. При пособіи церковнаго взгляда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ великіе князья получили царственное значеніе, стали преемниками чести древнихъ византійскихъ монарховъ, помазанниками божіими, укоренилось и возросло понятіе, что царь, самодержавный владыка, дается отъ самого Бога и все, что́ онъ ни творитъ, все это совершается по божіей волѣ. Въ началѣ XVII-го вѣка, москвичъ, изъясняя поляку, зачѣмъ русскіе предпочитаютъ свою неволю польской свободѣ, сказалъ: «если же самъ государь неправосудно со мною поступитъ — въ томъ его воля; онъ, какъ Богъ, карастъ и милуетъ!» Такое воззрѣніе

Digitized by Google

до того окрѣпло въ русскомъ народѣ, что для него исчезла всякая возможность разсужденія какъ о необходимости единодержавія, такъ и о долгѣ своего повиновенія. Осталось единственное оправданіе и того и другого: такъ отъ Бога уставлено! Царскія дѣянія, какъ бы они тяжело ни отзывались на жизни подданныхъ, стали подлежать не обсужденію, а смиренному терпѣнію, подобно дѣяніямъ божіимъ, которыя могутъ быть также тяжелы для человѣка въ качествѣ наказанія, посылаемаго за грѣхи. Случится ли какое-нибудь естественное бѣдствіе—неурожай, болѣзни, моръ, скотской падежъ... что дѣлать? Конечно, ничего болѣе, какъ терпѣть и покоряться волѣ божіей. Точно также если и царь наложитъ тяготу или опалу на людей своихъ—ничего не остается какъ терпѣть: царь какъ Богъ: и покараетъ, и помилуетъ. Его бояре, воеводы, дьяки — иное дѣло; они вѣдь могутъ обмануть царя; они могутъ его именемъ поступать и противъ его желанія; народъ часто покушался возставать на нихъ, но думалъ, что при этомъ онъ не возстаетъ противъ государя. Самъ царь, лишь бы только не было сомнѣнія въ его законномъ наслѣдственномъ поставленіи и освященіи Богомъ, для русскаго народа былъ существо выше человѣческаго; онъ земной богъ — говорили и до сихъ поръ говорятъ объ немъ великорусскіе поселяне. И на такомъ-то обоготвореніи царской особы (которое, собственно, есть народный образъ выраженія нравственнаго понятія объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога) почило полновластіе, образовавшееся указанными историческими путями и установившееся въ XVI-мъ вѣкѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Сокрушая, при помощи уваженія къ себѣ народной громады, всякую явную оппозицію, полновластіе, однако, не могло побороть иного рода оппозиціи—тайной, тупой, страдательной, единичной. Эта оппозиція состояла въ томъ, что русскій человѣкъ, не смѣя сопротивляться явно власти или открыто оказать ей непослушаніе, не стѣснялся, однако, увильнуть отъ исполненія того, чего она требовала, не пропускалъ возможности обмануть и провести ее, поживиться царскимъ добромъ и вообще дѣйствовать власти во вредъ, когда отъ этого произойдетъ польза или облегченіе для него самого. Такого рода оппозиція сильно укоренилась въ русскомъ народѣ отъ мала до велика; въ низшихъ классахъ она выразилась въ огромномъ размѣрѣ побѣгами, всяческими уклоненіями отъ повинностей, шатаніемъ, бродяжничествомъ, непамятствомъ родства, изготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ, дѣланіемъ фальшивой монеты, всѣмъ, что, помимо прямыхъ преступленій противъ личности и собственности дру-

Digitized by Google

гихъ, подводило русскаго простого человѣка въ острогъ, подъ кнутъ или плети и въ Сибирь; въ высшихъ и служебныхъ классахъ оппозиція эта выразилась тѣмъ казнокрадствомъ, противъ котораго Петръ Великій принималъ такія крутыя мѣры, тѣмъ лихоимствомъ и кривосудіемъ, которыми въ нашемъ воспоминаніи такъ опозорились и наши прежніе суды, и нашъ давній приказный людъ а потомъ замѣстившій его чиновный людъ; наконецъ, тою служебною и оффиціальною ложью, которая въ половинѣ XVIII-го вѣка побудила князя Щербатова сказать: «Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, чтобъ отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо всѣ почти служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ, нѣтъ твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться». И это было вполнѣ естественно и неизбѣжно. Чѣмъ меньше человѣкъ имѣетъ права, нужды и побужденій обращать свою мысль и чувство къ общественнымъ условіямъ, среди которыхъ живетъ, тѣмъ болѣе онъ чуждается ихъ, мало-по-малу грязнетъ въ своихъ собственныхъ мелочныхъ интересахъ, дѣлается полнымъ эгоистомъ.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

ИЗЪ

ВОЛЖСКИХЪ ПРЕДАНІЙ

I.

КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ.

1.

Тамъ, гдѣ въ Волгу Ока, нашей Руси рѣка,
Свои тихія воды вливаетъ,
И весенней порой, быстротечной волной,
Далеко берега заливаетъ;

Тамъ, татарамъ на страхъ, на высокихъ горахъ
Нижній Новгородъ былъ заложёнъ;
Былъ церковный соборъ, княжій теремъ и дворъ
Деревянной стѣной обнесенъ.

Но изъ бревенъ стѣна не прочна, не страшна,
И не мало ветшала съ годами,
И не разъ отъ огня пострадала она,
И не разъ разорялась врагами;

И притомъ, каждый годъ, прибавлялся народъ,
Изъ другихъ городовъ выселялись,
Да плодились свои, да изъ русской земли
Люди ратные къ князю сбирались;

Такъ что старой стѣны, въ дни осадной войны,
Не хватало для общей защиты,
И не разъ отъ враговъ, при пожарѣ домовъ,
Было много народу побито.

Digitized by Google

Князь дружину собралъ и совѣтъ съ ней держалъ,
Какъ бы стѣны прочнѣе устроить;
И рѣшили одно, что пора бы давно
Ихъ изъ прочнаго камня построить;

Да въ подземный тайникъ отвести тотъ родникъ,
Что течетъ по горѣ за стѣною,
Для того чтобы всѣхъ, въ дни кровавыхъ потѣхъ,
Могъ съ избыткомъ снабжать онъ водою.

Порѣшили—и князь въ тоже утро приказъ
Разослалъ въ города и селенья,
Чтобы черный народъ, послѣ лѣтнихъ работъ,
Собиралъ бы повсюду каменья;

Собиралъ по полямъ, по лѣсамъ, по лугамъ,
А зимой подвозилъ постепенно;
И разсчетъ былъ таковъ, чтобы на пять дворовъ
По сажени пришлось непремѣнно.

А съ торговыхъ людей, да заѣзжихъ гостей
Сдѣлать сборъ по другому разсчету,
И тѣ деньги хранить и изъ нихъ заплатить
Мастерамъ за труды и работу.

Наступила весна; зеленѣла сосна,
Таялъ снѣгъ, и земля почернѣла;
Ночью тронулся ледъ, а ужъ къ утру зоветъ
Князь людей приниматься за дѣло.

Собрались—и пошли, и стѣну обошли,
Толковали и спорили въ пору,
Отъ однихъ получили разумный совѣтъ,
Отъ другихъ понаслышались вздору.

Наконецъ, толкованье и споръ порѣшивъ,
Какъ имъ стѣны провесть согласились,
И канавой потомъ обвели ихъ кругомъ,
Чтобъ рабочіе люди не сбились.

— Ну теперь,—молвилъ князь,—скоро будетъ у насъ
Попросторнѣй въ осадную пору,
И гораздо труднѣе врагамъ одолѣть
Укрѣпленную камнями гору.

Digitized by Google

Завтра вы, мастера, не лѣнясь, съ утра,
На работу кремля выходите,
И вонъ тамъ, у угла, гдѣ дорога была,
Вы закладывать башню начните.

— Такъ-то такъ, только, князь, есть обычай у насъ;
Что велитъ зарывать безъ пощады
Всѣхъ, кто первымъ пройдетъ, въ день начала работъ,
Тамъ, гдѣ стѣну закладывать надо.

Тотъ обычай не вздоръ, онъ идетъ съ давнихъ поръ,
Самый Новгородъ тѣмъ вѣдь и крѣпокъ,
Что подъ башней одной, за Софійской стѣной,
Тамъ зарытъ былъ одинъ малолѣтокъ.

Ужъ кому суждено, тотъ пройдетъ, все равно
Будь то звѣрь, человѣкъ, или птица;
А иначе стѣна вѣдь не будетъ прочна,
Да и строить ее не годится.

— Знаю самъ, не забылъ, и тебя не просилъ
Я сегодня объ этомъ напомнить,
И Ордынцу Сергѣю вчера поручилъ
Тотъ обычай и нынѣ исполнить.

Завтра онъ совершитъ, что обычай велитъ,
И начнетъ съ мастерами работу,
А теперь, кто со мной, забѣгите домой,
Да и въ поле—пора на охоту.

2.

Той порой на горѣ, на Почайнѣ рѣкѣ,
На посадѣ у церкви Кондрата,
Проживалъ молодецъ, пригородный купецъ,
По прозванью Григорій Лопата.

Былъ онъ родомъ съ Днѣпра, но нужда привела
Его въ Нижній, гдѣ онъ поселился,
Торговалъ, сталъ богатъ, и съ полгода назадъ
На посадскаго дочкѣ женился...

Въ день закладки стѣны, для осадной войны,
Поздно утромъ Алёна проснулась,

Digitized by Google

И открывши глаза, послѣ крѣпкаго сна,
Съ наслажденьемъ разокъ потянулась;

Но въ испугѣ затѣмъ соскочила совсѣмъ,
Подбѣжала къ окну, посмотрѣла.
— Ай, шепнула, бѣда, я никакъ проспала,
И воды принести не успѣла.

Ну, а какъ на бѣду, пока я не приду,
Встанетъ мужъ, пожелаетъ умыться,
И воды не найдетъ, вѣдь пожалуй прибьетъ,
Цѣлый день потомъ станетъ браниться.

Вонъ ужъ скоро народъ отъ обѣдни пойдетъ,
Ишь какъ солнце поднялось высóко,
Неравно кто зайдетъ, а меня не найдетъ,
За водою идти вѣдь далёко.

Притаившись теперь, отперла она дверь,
Сердце въ ней такъ отъ страху и билось,
Оглянулась кругомъ,—и скорѣе бѣгомъ
На рѣку за водою спустилась.

Прибѣжала на плотъ, смотритъ: кто-то идетъ,—
А она и платка не надѣла,—
И скорѣе воды зачерпнула она,
И обратно идти ужъ хотѣла.

Но взбираться горой, по тропинкѣ сырой,
Тяжело, и скользятъ сильно ноги;
А короче былъ путь, коль стѣну обогнуть
И дойти до проѣзжей дороги.

И Алёна пошла тамъ, гдѣ легче идти,
Гдѣ скорѣй можно было вернуться,
Чтобъ пораньше придти и воды принести,
Пока мужъ не успѣетъ проснуться.

Вотъ идетъ и съ трудомъ коромысло несетъ,
Тяжело—не мужская вѣдь сила;
Вдругъ глядитъ въ сторонѣ, примыкая къ стѣнѣ,
Яма вырыта—словно могила.

Любопытства у бабъ ужъ не выбьешь никакъ,
Не могла не взглянуть, не стерпѣлось,

Digitized by Google

Нѣтъ ли въ ямѣ кого, не лежитъ ли чего
Непремѣнно узнать захотѣлось.

Вотъ она подошла, яму ту обошла
И на дно ямы той посмотрѣла,
Но едва лишь затѣмъ на другое плечо
Положить коромысло успѣла,

Какъ изъ ближнихъ воротъ показался народъ,—
Все угрюмыя, грозныя лица, —
Ей кричатъ: — Погоди! дальше ты не иди,
Молодая жена иль дѣвица!

А поподчуй водой! И живою стѣной
Вся толпа ее въ мигъ окружила;
Но Алёна не робкой была создана
И съ усмѣшкою всѣхъ ихъ спросила:

— Шутку что ли шутить, иль меня устрашить
Вы хотите? да я не пуглива,
Вотъ ужо на зарѣ вы къ зеленой горѣ
Приходите, тамъ я говорлива.

А теперь не мѣшай! я по дѣлу иду,
И на шутки теперь не гожуся;
Не мѣшай! говорю, а не то оболью!
Я вѣдь злая, когда разсержуся!

— Нѣтъ, не шутку шутить, не тебя устрашить
Мы хотимъ: наша шутка плохая,
И вечерней зари, и зеленой горы
Не видать ужъ тебѣ, молодая!

Эй, поди, доложи, да проворнѣй! скажи,
Что попался не звѣрь и не птица,
А живая душа, молода, хороша,
Городского купца молодица.

Впрочемъ нѣтъ! погоди! даромъ ты не ходи!
Вонъ онъ самъ къ намъ идетъ, вѣрно видѣлъ,
Вѣрно самъ поджидалъ, и хоть слѣпъ нынѣ сталъ
А красавицу вонъ гдѣ увидѣлъ.

Глядь, и впрямъ изъ воротъ, торопливо идетъ
Княжій стольникъ, бояринъ Ордынецъ,

Digitized by Google

Весь какъ иней сѣдой, но въ бою удалой,
И великаго князя любимецъ.

Испугалась она, стала разомъ блѣдна,
Сердце въ ней что-то страшное чуетъ,
И стоитъ, и дрожитъ, и молитву творитъ,
И со страхомъ глядитъ, что-то будетъ!

А старикъ себѣ шелъ, но едва подошелъ,
Какъ Алёна предъ нимъ повалилась,
И молила пустить, и ей глупой простить,
Коль она въ чемъ-нибудь провинилась.

Но суровый старикъ съ давнихъ поръ ужъ привыкъ
Къ этимъ стонамъ, мольбамъ и рыданьямъ;
И скорѣй бы въ иномъ камнѣ дикомъ, чѣмъ въ немъ,
Проявилось къ людямъ состраданье.

Онъ сурово взглянулъ и ногой оттолкнулъ,
И велѣлъ чтобъ ее придержали,
И кушакъ съ себя снялъ, и ей ротъ завязалъ,
Чтобы крику ея не слыхали.

— Бабій умъ не великъ, но силенъ у нихъ крикъ,
Цѣлый день вѣдь кричать не устанетъ,
Ну, а глупый народъ, какъ заслышитъ, придетъ,
Отбивать, чего добраго, станетъ.

Эй, Иванъ! знаешь тамъ, гдѣ я съ вечера самъ
Двѣ доски приготовилъ съ тобою,
Такъ одну, подлиннѣй, принеси поскорѣй,
Захвати и веревку съ собою.

Вы-жъ сомкнитесь плотнѣй, никого теперь къ ней
Изъ родныхъ допускать не годится;
Лишь бы кончить скорѣй, да держите сильнѣй,
Что ей даромъ о землю-то биться!

А! принесъ, ну клади, да не такъ, погоди,
Положи тѣмъ концомъ на каменья;
Поровнѣе, вотъ такъ! поддержи же, дуракъ,
Ни на грошъ въ тебѣ нѣту умѣнья.

Ну молодка, пора, мы вѣдь ждали съ утра,
Раньше солнца сегодня мы встали,

Digitized by Google

И стоимъ у воротъ, да глядимъ, кто пройдетъ,
И глядѣть-то признаться устали.

Ну не бейся! лежи! не вертись! не дрожи!
Этимъ ты ничего не поможешь;
Ишь вѣдь какъ егозитъ, такъ изъ рукъ и скользитъ
Словно угорь, не скоро уложишь!

Онъ Алёну схватилъ, вдоль доски положилъ,
И съ обычной издавна сноровкой,
Отъ затылка до пятъ, словно малыхъ ребятъ
Спеленалъ ее крѣпкой веревкой.

— Ну теперь не зѣвай! становитесь на край!
И спускай потихоньку въ могилу.
Такъ!... довольно!... легла!... ишь ты какъ тяжела,
Приподнять, такъ и то не подъ силу.

Ну, теперь въ самый разъ! не гнѣвись же на насъ
Раскрасавица—мы не причина,
Знать злодѣйка судьба привела къ намъ тебя,
Знать такая ужь доля-кручина.

Ну, теперь мнѣ подай коромысло! да дай
И ведро, хоть оно ей не нужно;
А нельзя не зарыть,—все, что съ ней, положить
За одно по обычаю нужно.

Все устроивъ старикъ, къ бѣдной жертвѣ приникъ
И кушакъ ей стянулъ поплотнѣе.
Изъ могилы прыгнулъ, и однако вздохнулъ,
И велѣлъ зарывать поскорѣе.

Но на зовъ старика не нашлася рука,
Чтобъ на страшное дѣло подняться,
И никто не хотѣлъ, всякъ боялся, не смѣлъ
За такую работу приняться.

И старикъ осерчалъ, и на нихъ закричалъ,
— Что-жъ вы стали, живѣй за работу!
Надо кончить скорѣй, не легко вѣдь и ей,
Умирать никому не въ охоту.

Пусть погибнетъ она, за весь городъ одна,
Мы въ молитвахъ ее не забудемъ;

Digitized by Google

Лучше гибнуть одной, да за крѣпкой стѣной
Отъ враговъ безопасны мы будемъ!

И лопату схвативъ, и земли захвативъ,
На Алёну онъ бросилъ въ могилу,
А за нимъ и другіе ужъ стали бросать,
Чтобъ ее поскорѣй задушило.

И въ смущеньи нѣмомъ всѣ стояли кругомъ,
Лишь проворно работали руки,
Но никто не глядѣлъ, и взглянуть не посмѣлъ
На несчастной предсмертныя муки.

Только солнце одно разсказать бы могло,
Что́ предъ смертью она испытала,
Какъ ей горе-слеза застилала глаза,
Какъ несчастная билась.... дрожала....

Вотъ исчезло чело.... вотъ и всю занесло....
Вотъ съ краями могила сравнялась....
И отъ жертвы живой, за обычай людской,
И слѣда надъ землей не осталось.

3.

Долго ждалъ-поджидалъ и сердился, ворчалъ
Молодой, поджидая молодку,
И ужъ молвилъ не разъ, что сегодня задастъ
Онъ Алёнѣ хорошую трёпку.

Наконецъ, не стерпѣлъ, шапку на бокъ надѣлъ,
Заперъ дверь на замокъ за собою,
И не вымывъ лица, онъ спустился съ крыльца,
И пошелъ на рѣку за женою.

Вотъ подходитъ къ водѣ, нѣтъ Алёны нигдѣ,
На плоту лишь двѣ бабы стояли,
И согнувшись дугой, надъ проточной водой,
Тараторя, бѣлье полоскали.

Онъ ихъ зналъ, и шутя имъ обѣимъ сказалъ,
Что Алёна съ утра закутила,
И спросилъ: чай, она и сюда-то пьяна
За водою на плотъ приходила?

Digitized by Google

—Нѣтъ, родимый, не ври, отвѣчали они,
Мы Алёны твоей не видали;
Да давно ли она за водою пошла,
Изъ избы-то, давненько ушла-ли?

—Да сказать мудрено, какъ, примѣрно, давно;
Я вѣдь спалъ, а она, какъ проснулась,
Чай пошла за водой, да съ тѣхъ поръ ужъ домой,
Сколько времени жду, не вернулась.

—Ишь ты, гдѣ-же ей быть? Не могла вѣдь забыть,
Что тебѣ надо будетъ умыться;
У тебя же она просто кладъ—не жена,
Хоть другимъ у нея поучиться.

А вотъ баялъ Ѳедотъ, да пожалуй и вретъ,
Что сегодня кого-то схватили,
И вонъ тамъ у воротъ, гдѣ работа идетъ,
Безъ вины и распроса зарыли.

Говоритъ: самъ слыхалъ, кто-то долго кричалъ,
А потомъ зарывать что-то стали,
Разузнай, на бѣду, не жену ли твою,
Чего добраго, тамъ закопали.

Говорятъ.... Но ужъ онъ былъ далеко отъ нихъ,
И бѣжалъ напрямикъ безъ оглядки;
И болѣзненно сердце сжималося въ немъ
Отъ мелькнувшей внезапно догадки.

Наконецъ добѣжалъ, и за камнями всталъ,
А не то вѣдь прибьютъ, коль замѣтятъ;
И пытливо глядѣлъ, но спросить не посмѣлъ,
Да и зналъ, что они не отвѣтятъ.

И случилось же такъ, что Алёнинъ башмакъ,
Какъ ее зарывали, остался,
Былъ затоптанъ въ песокъ и случайно носокъ
На глаза ему прямо попался;

Тотъ изъ пары одной, что минувшей весной
Онъ купилъ у татаръ за двѣ бѣлки;
Что обшитъ былъ кругомъ, по краямъ серебромъ,
А съ боковъ были вышиты стрѣлки.

Digitized by Google

Догадался купецъ, понялъ все наконецъ,
И какъ снопъ на траву повалился,
И съ рыданьемъ глухимъ о холодный песокъ,
Надъ могилой Алёны онъ бился.

Еслибъ только онъ зналъ, онъ бы то имъ сказалъ,
Что они бы ее отпустили;
Вѣдь они не одну закопали жену,
Вѣдь они и ребенка зарыли.

Долго онъ ихъ молилъ и отрыть все просилъ,
Хоть взглянуть на жену—не жива-ли;
Но старикъ осерчалъ, отогнать приказалъ,
И съ угрозой его отогнали.

Цѣлый день онъ бродилъ, самъ не зналъ гдѣ ходилъ,
И лишь поздней ночною порою
Очутился бѣднякъ, самъ не вѣдая какъ,
На обрывѣ крутомъ надъ Окою.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ,
И страшна была темная ночь;
Но никто не умѣлъ, и не могъ, и не смѣлъ,
Овдовѣвшему мужу помочь.

И въ безумной тоскѣ онъ взмолился рѣкѣ:
— Ты сильна, имъ тебя не обидѣть,
Отомсти—и волной ты могилу размой,
Дай хоть кости мнѣ милыхъ увидѣть.

За услугу твою, я тебѣ отдаю
Свою грѣшную душу и тѣло,
Хоть послѣднимъ рабомъ буду въ царствѣ твоемъ,
Лишь скорѣй принимайся за дѣло!

И съ проклятьемъ вздохнувъ, и на небо взглянувъ,
Безпредѣльною злобою полный,
Не боясь темноты, онъ съ крутой высоты
Въ разъяренныя кинулся волны.

Съ той поры, каждый годъ, только тронется ледъ,
Начинаетъ Ока волноваться;
Послѣ зимняго сна, новой силой полна,
Не по днямъ—по часамъ разливаться.

Digitized by Google

Соберетъ всѣ снѣга, и зальетъ берега,
И шумитъ, и бушуетъ, и злится,
И волну за волной высылаетъ на бой,
И до башни добраться стремится.

Но гора высока,—и напрасно рѣка
Тратитъ даромъ могучія силы;
И прибои волны башнѣ той не вредны,
И не смыть имъ завѣтной могилы.

II.

УТЕСЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Есть, на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не ростетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ, свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался;
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя, каждый годъ, по церквамъ, на Руси
Человѣка того проклинаютъ;
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,

Digitized by Google

И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ идти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю,
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ и съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ;
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ, и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана;
И лишь съ Волгой одной, вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но за то если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался —

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что̀ думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Н. А. Вроцкій.

Digitized by Google

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ НУЖДЫ.

V *).

Перейдемъ теперь къ группѣ химическихъ производствъ въ обширномъ значеніи этого слова. Фабрикація химическихъ произведеній и красокъ, несмотря на покровительство высокаго таможеннаго тарифа 1822 года и настоятельную потребность въ этихъ вспомогательныхъ матеріалахъ, для успѣшнаго развитія прочихъ отраслей мануфактурной промышленности, развивалась у насъ чрезвычайно медленно, по трудности этого дѣла и по недостатку распространенія въ промышленномъ сословіи техническихъ знаній. Результатомъ этого была чрезмѣрная дороговизна химическихъ продуктовъ какъ иностраннаго, такъ и туземнаго производства, и недоброкачественность послѣднихъ. Лишь съ пониженіемъ тарифа въ 1850 и 1857 годахъ, явилась возможность болѣе дешеваго снабженія нашихъ фабрикъ потребными имъ химическими произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекратилось туземное производство такихъ химическихъ продуктовъ, которые не могутъ быть приготовляемы у насъ по сходнымъ цѣнамъ.

Однако въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ замѣчается положительный успѣхъ по этой части, хотя онъ выражается не столько увеличивающимся количествомъ производства, сколько улучшающимся качествомъ продуктовъ. Медленность развитія у насъ

---

*) См. выше: окт. 508; нояб. 85 стр.

Digitized by Google

химическихъ фабрикъ, несмотря на обиліе многихъ нужныхъ для того первообразныхъ матеріаловъ, какъ-то: сѣрныхъ колчедановъ для выдѣлки сѣры и сѣрной кислоты, соли для выдѣлки соды, хлѣбнаго спирта и дерева для добыванія уксусной кислоты и уксусныхъ солей и т. п., объясняется существованіемъ въ тоже время другихъ неблагопріятствующихъ и общихъ для всей нашей промышленности обстоятельствъ, какова огромность разстояній, отдаленіе сырыхъ матеріаловъ отъ фабричныхъ центровъ, несовершенство путей сообщенія, дороговизна капиталовъ, существованіе акцизовъ на хлѣбный спиртъ, соль и т. п.

О медленности развитія нашей химической фабрикаціи можно судить отчасти по сравненію слѣдующихъ цифръ производства нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ:

Добывалось.	Въ 1849 г. [1]).	Въ 1863 г. [2]).
Кислоты сѣрной	250,000 пуд.	295,000 пуд.
— селитряной. . .	25,000 —	25,750 —
— соляной. . . .	15,000 —	33,000 —
Бѣлилъ свинцовыхъ. . .	64,000 —	52,280 —
Сахара свинцоваго . . .	13,000 —	22,400 —
Купороса желѣзнаго. . .	130,000 —	67,000 —
— мѣднаго и цинковаго.	11,000 —	72,000 —
Соды.	— (въ 1869 г.)	50,000 —
Квасцовъ	100,000 —	100,000 —
Разныхъ красокъ. . . .	3,500 —	23,125 —

Сравненіе возрастанія общей цѣнности химическаго производства также доказываетъ, что оно встрѣчаетъ большія препятствія къ своему развитію. Въ 1849 году цѣнность его составляла 1,778,000 р., въ 1851 — 53 годахъ 2,413,000 р., въ 1863 г. 3,076,000 р., въ 1866 году 3,900,000 р. Послѣдняя цифра однако должна быть гораздо ниже дѣйствительности, особенно въ настоящее время, потому, что сумма производства химическихъ заводчиковъ, представившихъ свои произведенія на послѣднюю мануфактурную выставку, простиралась почти до 5 мил. руб.; до 1 мил. руб. приходится на нѣсколькихъ крупныхъ фабрикантовъ, не принимавшихъ участія въ выставкѣ и по крайней мѣрѣ столько же на прочихъ менѣе значительныхъ фабрикантовъ. Самыми крупными химическими заводчиками безспорно слѣдуетъ признать Малютиныхъ, заводъ кото-

[1]) Обозр. выставки рос. ман. изд. въ Спб. въ 1849 г. стр. 177—178.
[2]) Сборн. стат. свѣд. по горн. части 1866 г. стр. 241—243.

Digitized by Google

рыхъ существуетъ съ 1837 года и добываетъ 260 т. пудовъ разныхъ химическихъ продуктовъ на сумму $2^1/_2$ мил. руб. сер., между тѣмъ какъ въ 1867 г. по оффиціальнымъ показаніямъ самихъ фабрикантовъ производство ихъ оцѣнивалось не свыше 900,000 руб. Второе мѣсто послѣ Малютиныхъ занимаютъ Лепешкины, которые основали первый заводъ свой въ Московской губерніи въ 1824, а второй во Владимирской въ 1838 г. Производство ихъ въ 1849 году въ указателѣ тогдашней выставки оцѣнивалось въ 190,000 р.; въ 1866 году, въ срочныхъ вѣдомостяхъ департаменту мануфактуръ въ 380 т. р., въ указателѣ русскаго отдѣла парижской всемірной выставки въ 1867 г. въ 450 т. р. и наконецъ, въ указателѣ послѣдней всероссійской выставки въ 700 т. р. при выработкѣ 172 т. п. разныхъ химическихъ продуктовъ. Нельзя не упомянуть также о заводѣ Сарептскаго общества близъ села Хорошева въ Московской губерніи, производящемъ на 350 т. р.; о заводахъ Санина въ Калужской губерніи, Шипова въ Костромской, Ушкова въ Вятской, возникшихъ почти одновременно съ первымъ значительнымъ пониженіемъ пошлинъ на иностранныя химическія произведенія, и производящихъ на 200 т. руб. каждый; наконецъ о заводахъ Комелова, Кованько и Варгунина, Мессонье, Растеряева, Фалина въ Петербургѣ, Мошнина, Неокладнова, Корнилова, Пановыхъ въ Московской губерніи, Понизовкина въ Ярославской, Лихачева въ Казанской, Гиршмана и К°, Эпштейна и Леви и Клевскаго въ Варшавѣ, производящихъ каждый на сумму отъ 100 до 150 тысячъ рублей.

Въ недавнее время возникло нѣсколько новыхъ химическихъ заводовъ. По показаніямъ самихъ химическихъ заводчиковъ, сдѣланнымъ въ тарифной коммиссіи, у насъ замѣтно развивается фабрикація синеродистыхъ соединеній, потому что всѣ нужные для производства ихъ матеріалы имѣются въ Россіи, причемъ синеродистыя и хромовыя соединенія выработываются и лучше и дешевле, нежели заграницею; производство свинцовыхъ бѣлилъ, по голландскому способу, дающему наилучшія бѣлила, замѣтно улучшается какъ въ техническомъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи, и удовлетворяетъ большей части ежегоднаго потребленія Россіи въ свинцовыхъ бѣлилахъ, несмотря на сильное соперничество болѣе дешевыхъ и менѣе доброкачественныхъ иностранныхъ бѣлилъ съ подмѣсью тяжелаго шпата; производство уксусно-кислыхъ солей, яри мѣдянки, яри венеціанской, сахара сатурна и др., возникшее у насъ въ сороковыхъ годахъ въ остзейскихъ и нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, и съ успѣхомъ выдержавшее пониженіе пошлинъ въ 1850 году, поколебалось нѣ-

Digitized by Google

сколько вслѣдствіе тарифа 1857 года и обложенія хлѣбнаго спирта акцизомъ. Производство квасцовъ въ Россіи, достигающее до 100,000 пудовъ въ годъ, окрѣпло особенно во время возвышенія заграницею цѣнъ на квасцы въ началѣ 60-хъ годовъ и нынѣ удовлетворяетъ почти половину всей потребности нашей промышленности въ этомъ матеріалѣ.

Производство сѣрной кислоты и мѣднаго купороса изъ сѣрныхъ колчедановъ начинаетъ развиваться; добываніе же соленой кислоты, находясь въ тѣсной зависимости отъ добыванія соды, при отсутствіи въ прежнее время у насъ этого добыванія, по высокому акцизу на соль, обходилось весьма дорого; съ разрѣшеніемъ нынѣ безакцизнаго отпуска соли для приготовленія соды, и этотъ матеріалъ первой необходимости долженъ сдѣлаться болѣе доступенъ нашимъ фабрикантамъ. Первый большой содовый заводъ открытъ въ Россіи г. Лихачевымъ въ 1869 г. въ Казанской губерніи, и въ первый годъ своего дѣйствія онъ употребилъ до 70 тыс. пудовъ соли съ пермскихъ солеваренъ и выдѣлалъ 50 т. пуд. соды на сумму 100 т. руб., до 100 т. пуд. хлористаго кальція и до 25 т. пуд. осадочной извести.

Развитіе содоваго производства признается, какъ извѣстно, однимъ изъ мѣрилъ развитія промышленности вообще, а потому нельзя не привѣтствовать какъ облегченіе, сдѣланное министерствомъ финансовъ для содовыхъ заводчиковъ, въ безакцизномъ отпускѣ имъ соли, такъ и начало положенное этой фабрикаціи. Нельзя не обратить также вниманія на начинающееся у насъ въ большомъ видѣ добываніе продуктовъ сухой перегонки дерева, напр. на заводѣ А. П. Шипова въ Костромѣ, и на добываніе альбумина изъ бычачьей крови, которая еще недавно составляла безполезный отбросъ на нашихъ бойняхъ, нынѣ же обрабатывается тремя заводами — Шагиныхъ въ Петербургѣ, Цинделя и Бони въ Москвѣ.

Возрастающая потребность въ химическихъ произведеніяхъ и краскахъ для нашей промышленности и распространяющееся у насъ изученіе химіи, вмѣстѣ съ возрастающимъ соперничествомъ иностранныхъ произведеній, служатъ залогомъ, что фабрикація эта будетъ у насъ развиваться и совершенствоваться. О размѣрахъ, до которыхъ можетъ достигнуть фабрикація химическихъ продуктовъ, при высокомъ развитіи промышленности, можно судить по тому, что въ Англіи по переписи 1861 года считалось 9,051 человѣкъ, занимавшихся химическимъ производствомъ, на 50 заводахъ, что производство главныхъ химическихъ продуктовъ, щелочныхъ солей кристалической и кальцинированной соды и бѣлильной извести съ 151,000 тоннъ въ 1852 г.

Digitized by Google

возросло до 293,000 тоннъ, на сумму 2 мил. фунт. стерл. въ 1861 году; а отпускъ этихъ продуктовъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ, возросъ съ 1.405,000 квинталовъ въ 1856 году—до 2,998,000 квинт. въ 1866 г. Въ Бельгіи производство сѣрной кислоты увеличилось съ $9^1/_2$ мил. килограммовъ въ 1846—47 годахъ до 16 мил. килогр. въ 1856—60 годахъ, а количество добытой соды удвоилось въ тотъ же періодъ и достигло $13^1/_2$ мил. килограммовъ. Въ Пруссіи число лицъ, занятыхъ химическимъ производствомъ съ 1846 году по 1861 годъ, возросло въ пропорціи 100 къ 224%—именно съ 12,052 до 26,987 человѣкъ, а въ южной Германіи считается 190 химическихъ заводовъ и 2,343 рабочихъ.

Весьма важный химическій продуктъ представляетъ селитра; она добывается у насъ въ изобиліи въ Малороссіи, особенно въ Полтавской, Харьковской и Курской, и частью въ Черниговской и Воронежской губерніяхъ, а также на Волгѣ, въ Казанской и Саратовской губерніяхъ [1]).

Селитрянное производство возникло въ Малороссіи еще въ XVII-мъ вѣкѣ, во время гетманщины, и впослѣдствіи постоянно поддерживалось правительствомъ, со временъ Петра Великаго, разными льготами селитрозаводчикамъ, выдачею имъ безпроцентныхъ ссудъ, напр., въ 1799 (100,000 р. ас.), въ 1810 и 1812 годахъ, отпускомъ дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ, опредѣленіемъ постоянной, по временамъ возвышаемой цѣны для пріема селитры въ казну, и назначеніемъ продолжительныхъ десятилѣтнихъ періодовъ для поставки селитры. Во время крымской кампаніи заводчики ставили до 220 т. пудъ селитры въ годъ на Шостенскій пороховой заводъ, но и этого было недостаточно, такъ что правительство вынуждено было еще купить въ Пруссіи 50 т. пуд. селитры по 10 р. за пудъ. Съ 1866 и 1867 годовъ заключены казною контракты съ нѣкоторыми приволжскими хозяевами, въ видахъ поощренія къ развитію селитрянаго промысла въ мѣстностяхъ ближе расположенныхъ отъ Охтенскаго и Казанскаго пороховыхъ заводовъ. Количество селитры потребной ежегодно казнѣ въ настоящее время для выдѣлки пороха, составляетъ 100 т. пудовъ въ годъ.

Выдѣлка косметическихъ издѣлій встрѣчаетъ въ Россіи главное препятствіе къ своему развитію въ дороговизнѣ входящихъ въ ея составъ матеріаловъ, въ особенности спирта, обложеннаго внутреннимъ акцизомъ, и разныхъ благовонныхъ эссенцій, вы-

[1]) Селитрянный промыселъ на Волгѣ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи г. Кретовича. Спб. 1870.

Digitized by Google

писываемыхъ дорогою цѣною и съ высокими пошлинами изъ-за границы. Тѣмъ не менѣе парфюмерная фабрикація начинаетъ развиваться у насъ. Въ 1866 г. считалось уже 28 заводовъ косметическихъ издѣлій съ 635 рабочими и производствомъ около 1.200,000 р. Въ настоящее время цифра эта должна быть еще значительнѣе, вслѣдствіе какъ развитія существующихъ заводовъ, такъ и основанія новыхъ. Такъ напр., заводъ Ралле съ 1866 по 1870 г. увеличилъ свое производство съ 390 т. до 675 т. р., заводъ Буша съ 150 т. до 175 т. р., заводъ Зоммера въ Варшавѣ съ 15 до 80 т. р., парфюмерный заводъ Саблукова, основанный въ 1868 г., выдѣлываетъ благовонныхъ товаровъ на сумму до 240 т. р.

С.-Петербургская химическая лабораторія, существующая съ 1860 г., производитъ болѣе чѣмъ на 200,000 р. Нѣтъ сомнѣнія, что наше косметическое производство могло бы получить несравненно большее развитіе, если бы у насъ было обращено болѣе вниманія на разведеніе въ доступныхъ для того мѣстностяхъ, напр. на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ, нѣкоторыхъ душистыхъ растеній, доставляющихъ матеріалъ для парфюмернаго дѣла. Какъ обширна и значительна эта промышленность во Франціи, гдѣ, благодаря благословенному климату южныхъ департаментовъ, производители парфюмерныхъ издѣлій имѣютъ подъ рукою запасы всѣхъ нужныхъ имъ матеріаловъ, въ томъ легко убѣдиться, пробѣжавъ интересную книгу «Le livre des parfums», изданную въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ извѣстнымъ парфюмеромъ Риммелемъ (Eugène Rimmel). Въ этомъ изящномъ и весьма литературно написанномъ очеркѣ прошедшей судьбы и настоящаго положенія парфюмернаго промысла, есть, между прочимъ, указаніе, что около Грасса, Канна и Ниццы разводятся цѣлыя поля цвѣтовъ, для парфюмернаго дѣла, и собирается съ нихъ 2.700,000 килограммовъ на сумму 3.340,000 франковъ, флеръ-д'оранжа, розъ, жасминовъ, віолетъ, кассій, туберозъ; собираніе этихъ цвѣтовъ даетъ работу 15,000, преимущественно женщинъ. Изъ этого количества цвѣтовъ выдѣлывается $^1/_2$ милл. килограм. помады и благовонныхъ маслъ, 1 милліонъ литровъ воды флеръ-д'оранжъ, 100,000 литръ розовой воды и 1,200 килогр. нероли. Въ одномъ Парижѣ около 120 парфюмерныхъ заведеній съ 3 тыс. рабочихъ и ежегоднымъ производствомъ въ 40 мил. франковъ. Кромѣ внутренняго потребленія, продукты этой французской фабрикаціи сбываются во всѣ части свѣта. Въ 1867 году, вывезено было 2.626,000 килограм. на 15,759,000 франковъ, въ томъ числѣ въ Россію 13,300 килогр. на 79,800 фр. Англія, хотя и составляетъ глав-

Digitized by Google

нѣйшій рынокъ для парфюмерныхъ издѣлій Франціи, получая отъ нея около 425,000 килограм. ежегодно на сумму $2^1/_2$ мил. фр., однако и сама занимается производствомъ этого рода издѣлій. Одно изъ самыхъ извѣстныхъ туалетныхъ мылъ, виндзорское мыло, и англійская лавандовая вода пользуются издавна извѣстною репутаціею. Численныхъ данныхъ о размѣрахъ англійскаго парфюмернаго производства не имѣется, но въ одномъ Лондонѣ оказалось по переписи 1861 года 1,016 лицъ, занятыхъ различнымъ образомъ этимъ дѣломъ. Въ Германіи считается около 180 парфюмерныхъ заводовъ.

Выдѣлка химическихъ зажигательныхъ спичекъ, со времени разрѣшенія свободной продажи спичекъ въ Россіи, значительно развилась и занимаетъ нынѣ 85 заводовъ, разсѣянныхъ по 25 губерніямъ, и 2,216 рабочихъ, производящихъ этого товара на сумму 488 т. руб. По отзыву спеціалистовъ [1]), изготовляемыя въ Россіи спички лучше многихъ иностранныхъ и уступаютъ только вѣнскимъ, которыя дѣйствительно отличаются своимъ наружнымъ видомъ и качествомъ. Самымъ крупнымъ производителемъ считается заводъ Гезена и Митчипсона въ Москвѣ, выдѣлывающій 14,000 ящиковъ на $51^1/_2$ тыс. рублей, и сбывающій свой товаръ даже въ Парижъ и Амстердамъ. Онъ являлся экспонентомъ и въ Парижѣ въ 1867 году, и на послѣдней всероссійской выставкѣ. Другіе четыре производителя на послѣдней выставкѣ работаютъ на 113 тыс. рублей, и лучшими между ними были Бьернеборгское акціонерное общество и Пономаревъ въ Петербургѣ.

Производство сургуча давно уже развилось въ Россіи; Тенгоборскій оцѣнивалъ его въ 1 милліонъ рублей серебромъ. Одна только фабрика Плигина въ Москвѣ работала въ то время на 230,000 руб.; между тѣмъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ эта фабрика производитъ не болѣе какъ на 78 т. р. и вся сумма производства сургуча въ Россіи на 13 фабрикахъ оцѣнивается не болѣе какъ въ 195 т. рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что цифра эта, относящаяся къ 1866 году, ниже дѣйствительности, особенно въ настоящее время, потому что даже тѣ немногіе экспоненты сургуча, которые явились на послѣднюю выставку, оцѣнивали свое производство въ совокупности около 120,000 рублей; но съ другой стороны, уменьшеніе производства сургуча весьма вѣроятно, вслѣдствіе входящаго все болѣе и болѣе въ употребленіе обычая заклеивать конверты вмѣсто печатанія.

Кожевенное производство [2]) издавна составляетъ въ Россіи

---

[1]) Труды Тарифной Коммиссіи т. I, стр. 757.

[2]) Tegoborski. Etudes sur les forces productives de la Russie t. III. стр. 120—152.—

Digitized by Google

предметъ обширной народной промышленности, какъ заводской, такъ и кустарной; кожи въ сыромъ и въ обдѣланномъ видѣ, особенно же юфть, издавна составляли одну изъ главныхъ статей нашего отпуска; но, къ сожалѣнію, промышленность эта мало совершенствуется, и самый отпускъ нашъ значительно сократился сравнительно съ прошедшимъ столѣтіемъ, уменьшившись для юфти и выдѣланныхъ кожъ съ 140 — 150 тысячъ пудовъ до 20 тыс. въ послѣднее десятилѣтіе. Наши сырыя кожи встрѣтили опасное соперничество на иностранныхъ рынкахъ въ кожахъ австралійскихъ, американскихъ и колоніальныхъ, а наши выдѣланныя—въ искусствѣ, до котораго достигли западные кожевники путемъ знанія, труда и капитала.

Главная причина застоя и даже упадка нашей кожевенной промышленности заключается въ сосредоточеніи ея преимущественно въ рукахъ мелкихъ предпринимателей, даже крестьянъ, занимающихся ею, какъ однимъ изъ видовъ кустарной промышленности, и не заботящихся ни о чемъ болѣе, какъ о скоромъ и дешевомъ сбытѣ. Начиная съ небрежнаго ухода и плохого содержанія скота, и съ небрежнаго сниманія кожи съ животнаго, съ надрѣзами и прорѣзами, и кончая несовершенствомъ слишкомъ короткаго процесса дубленія, нерѣдко ускоряемаго еще болѣе употребленіемъ сѣрной кислоты, все содѣйствуетъ увеличенію недоброкачественности наибольшей массы нашего кожевеннаго товара. Ограниченность капиталовъ, невозможность затрачивать ихъ на продолжительные сроки, отъ одного до трехъ лѣтъ, для полнаго продубленія кожъ особенно тяжелыхъ, и отсутствіе механическихъ пособій для сокращенія сроковъ дубленія и для замѣны ручной работы въ отдѣлкѣ кожъ, составляютъ главную причину небрежности, съ которою ведется у насъ большею частію дубленіе.

Нѣкоторые сорты кожъ у насъ или вовсе не выдѣлываются, какъ напр. козловая лайка, свиная кожа, по неумѣнью тщательно воспитывать животнаго, или выдѣлка ихъ развивается весьма туго, напр. большихъ лакированныхъ кожъ, потому что для приготовленія лучшихъ сортовъ требуется свѣжее заграничное сырье, которое привозится къ намъ соленымъ или сушенымъ, и успѣшной выдѣлкѣ котораго препятствуютъ, кромѣ особаго искусства въ приготовленіи лака, еще климатическія условія, особенно на сѣверѣ Россіи, неблагопріятныя для сушки. Этимъ объясняется причина, почему къ намъ привозится значительное количество

Московская мануфактурная выставка, Г. П. Ѳедченко. Москва, 1865.—Труды тариф. Ком. т. I стр. 78—84.

Digitized by Google

иностранныхъ подошвенныхъ кожъ, подвергаемыхъ за-границею продолжительному дубленію въ теченіе отъ одного до трехъ лѣтъ, перчаточной лайки, сафьяновъ козловаго и бараньяго, большихъ лакированныхъ кожъ и т. д.

Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что болѣе крупные кожевенные заводчики уже давно обратили вниманіе на введеніе усовершенствованій въ своемъ производствѣ, въ видѣ машиннаго дубленія въ бакахъ помощью вращательныхъ лопатъ, приводимыхъ въ движеніе паровою машиною, что значительно сокращаетъ время дубленія и расходы на дубло, въ видѣ машинныхъ станковъ для двоенія кожъ, въ видѣ паровыхъ молотовъ или прессовъ для отдѣлки подошвенныхъ и полувальныхъ кожъ, въ видѣ употребленія новыхъ дубильныхъ матеріаловъ, и т. д.

Лучшіе кожевенные заводы находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Твери, гдѣ знаменитъ заводъ брат. Савиныхъ, существующій съ 1730 г. и производящій на 1 мил. руб. Юфть этого завода пользуется громкою извѣстностью заграницею и отправляется даже въ Америку. Не менѣе замѣчателенъ и заводъ Темлера и Шведе въ Варшавѣ, который производитъ на 600 т. р. и сбываетъ свой товаръ въ большомъ количествѣ за-границу.

Хотя по оффиціальнымъ даннымъ кожевенное производство въ 1866 г. занимало 2,850 заводовъ большихъ и малыхъ, и до 16,000 рабочихъ, и оцѣнивалось въ 21 мил. р., но оцѣнка эта очевидно ниже дѣйствительности, потому что одинъ приблизительный разсчетъ количества обработываемыхъ кожъ, которое вѣроятно не менѣе 3 мил. пуд. по цѣнѣ отъ 9 до 13 р., или въ средней сложности по 11 р. за пудъ, опредѣляетъ приблизительную цѣнность кожевеннаго производства въ 36 м. руб.

Если же прибавить къ этому цѣнность выдѣлки дубленыхъ овчинъ или тулуповъ, употребляемыхъ народомъ, и цѣнность всѣхъ издѣлій приготовляемыхъ шорными заведеніями, перчаточными фабриками, сапожными, башмачными, чемоданными и переплетными мастерами, большею частью ремесленнымъ образомъ, то безъ сомнѣнія, что общая цѣнность всего кожевеннаго производства исчисленная Тенгоборскимъ въ 96 мил. руб. сер., можетъ быть принята теперь въ 110 мил. р. с.

Фабрикація резиновыхъ издѣлій производится у насъ въ Петербургѣ акціонернымъ товариществомъ россійской американской резиновой мануфактуры, основаннымъ въ 1860 г. съ капиталомъ въ 1 мил. руб. сер. Нынѣ фабрика эта выдѣлываетъ до 1,300,000

Digitized by Google

паръ обуви, преимущественно калошъ, и другихъ издѣлій, всего на 1,600,000 р.

Резиновая обувь этой фабрики нѣсколько дороже иностранной, потому что товаръ изготовляется преимущественно высшаго качества, болѣе прочный и приспособленный къ нашему климату. Несмотря на то, со времени основанія резиновой фабрики въ Петербургѣ привозъ къ намъ резиновой обуви изъ за-границы съ 2 и 3 т. пуд. уменьшился до 13 пуд. въ 1868 г. и напротивъ, даже издѣлія нашей фабрики, которая по своему устройству и размѣрамъ имѣетъ не много подобныхъ себѣ въ мірѣ, получили сбытъ за-границу, особенно въ Германію, Швецію и Норвегію въ количествѣ до 1,900 пуд. въ годъ. Не смотря на громадность производства фабрики товарищества, резиновое производство у насъ менѣе развито нежели въ другихъ странахъ, именно вслѣдствіе сильной конкуренціи, которую представляетъ эта фабрика для новыхъ предпріятій. Потребленіе каучука и гуттаперчи въ сыромъ видѣ достигаетъ у насъ лишь до 32 т. пудовъ, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ потребляется до 75,000 пуд. и выдѣлывается издѣлій на $7^1/_2$ мил. р., въ Англіи потребляется до 70 т. пуд. и фабрикаціею резиновыхъ издѣлій занимается 3,820 человѣкъ; во Францію ввозится каучука не въ дѣлѣ до 55 т. пуд., въ Германію и всѣ прочія страны до 50 т. пудовъ.

Россія долгое время была однимъ изъ главныхъ поставщиковъ сала на европейскихъ рынкахъ, отпуская ежегодно отъ 3 до 4 мил. пудовъ этого товара, т.-е. почти половину всего количества сала, получаемаго ею на 800 салотопенныхъ заводахъ, расположенныхъ преимущественно въ столицахъ и въ губерніяхъ Пермской, Тобольской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Курской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской и Херсонской; но съ уменьшеніемъ скотоводства на югѣ Россіи вслѣдствіе развитія земледѣлія, уменьшенія пастбищъ и постояннаго почти господства чумъ на рогатомъ скотѣ и съ появленіемъ на европейскихъ рынкахъ сала американскаго и австралійскаго, производимаго въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, нашъ заграничный отпускъ упалъ до 2 мил. пуд., къ чему, конечно, не мало способствовала и небрежная вытопка сала въ котлахъ на открытомъ огнѣ на большей части заводовъ, гдѣ часто въ тѣже котлы бросаютъ кости, головы, и другія части животныхъ, не отдѣляя слоевъ сала отъ мяса. Дурныя качества, которыя получаетъ вслѣдствіе того сало, дѣлаясь весьма мягкимъ и содержа въ себѣ постороннія жирныя вещества, клей и другія примѣси, отражаются на фабрикуемыхъ изъ него продуктахъ.

Digitized by Google

Поэтому, несмотря на все обиліе у насъ сала, фабрикація мыла и сальныхъ свѣчъ находится вообще въ неудовлетворительномъ состояніи.

Наше мыловаренное производство занимаетъ 353 завода и 1,256 рабочихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ почти губерніямъ и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, представляетъ цѣнность 3 слишкомъ милліоновъ рублей. Лучшіе заводы находятся въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани. По сознанію самихъ представителей этой промышленности, мыловареніе находится у насъ въ благопріятныхъ условіяхъ производства и нуждается лишь въ улучшеніи способовъ вытопки сала, въ удешевленіи его и въ облегченіи пріобрѣтать болѣе дешевымъ способомъ нѣкоторые необходимые матеріалы: пальмовое и кокосовое масло, соду и гарпіусъ. Цѣны, существующія теперь на мыло, признаются столь высокими, что это препятствуетъ какъ большему распространенію мыла въ народѣ, такъ и большему отпуску его за-границу, хотя и теперь вызовъ простого мыла, преимущественно въ Азію, превышаетъ привозъ его изъ Европы.

Производство сальныхъ свѣчей разсѣяно почти по всѣмъ губерніямъ и занимаетъ 670 заводовъ съ 2,105 рабочими и цифрой производства около 5 мил. руб. Къ сожалѣнію, большая часть сальныхъ свѣчей нашихъ при горѣніи плывутъ, даютъ копоть и отличаются тяжелымъ запахомъ. Болѣе успѣховъ сдѣлала у насъ фабрикація стеариновыхъ свѣчей, занимающая нынѣ 16 заводовъ, 2,137 рабочихъ и производящая на 7,357,000 р. сер. Она возникла первоначально въ Москвѣ въ 1837 г., благодаря стараніямъ графа С. Строганова, профессора химіи при московскомъ университетѣ Геймана и г. Самойлова, и при участіи французскаго инженера Каллета. Основанное ими въ 1838 г. Товарищество каллетовскихъ свѣчей существуетъ до сихъ поръ и производитъ ежегодно до 40,000 пудовъ свѣчъ. Вообще надо замѣтить при этомъ случаѣ, что по мыловаренному и свѣчному производству существуетъ десять акціонерныхъ компаній, съ основнымъ капиталомъ около $4^1/_2$ мил. руб.

Стеариновыя свѣчи почти совершенно вытѣснили изъ употребленія у насъ восковыя свѣчи, производство которыхъ потому уменьшается, ограничиваясь почти исключительно удовлетвореніемъ однѣхъ церковныхъ потребностей; тѣмъ не менѣе до тысячи человѣкъ заняты приготовленіемъ восковыхъ свѣчей, на 83 воскобойныхъ, 17 воскобѣлильняхъ и 110 свѣчно-восковыхъ заводахъ, производящихъ всѣ вмѣстѣ на сумму 2.742,500 р.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о возникающей фабрикаціи новаго рода свѣчей—именно парафиновыхъ. Въ Европѣ эта фа-

Digitized by Google

брикація уже довольно значительна, у насъ же пока существуетъ только одинъ свѣчно-парафиновый заводъ г. Витте на о. Святомъ, въ Бакинской губерніи, имѣвшій, въ 1866 году 72 рабочихъ и выдѣлавшій 1,808 пуд. парафиновыхъ свѣчей на 14½ т. руб.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, какъ извѣстно, вошелъ въ употребленіе новый освѣтительный матеріалъ—керосинъ, который значительно вытѣсняетъ какъ стеариновыя, такъ и сальныя даже свѣчи. Громадные размѣры разработки нефтяныхъ источниковъ въ сѣверной Америкѣ и быстрое распространеніе керосиноваго освѣщенія во всей Европѣ и въ Россіи вызвали и у насъ предпріимчивыхъ капиталистовъ на производство керосина, такъ какъ Россія обладаетъ весьма богатыми нефтяными мѣстностями на Кавказѣ и на Крымскомъ полуостровѣ [1]). Первый заводъ для добыванія керосина въ Россіи былъ основанъ въ деревнѣ Сураханахъ, близъ города Баку, Закаспійскимъ торговымъ товариществомъ; всѣ машины и снаряды для него были выписаны изъ-за границы, а строительные матеріалы изъ Россіи. Отъ того устройство завода обошлось очень дорого и имѣло вліяніе на цѣну добываемаго на этомъ заводѣ керосина. Несмотря однако на всѣ затрудненія, производство доведено было до 100,000 пудовъ керосина, называемаго фотонафтилемъ. Въ торговлѣ онъ доходитъ до Нижняго и даже до Москвы, и нѣкоторые города на Волгѣ освѣщаются бакинскимъ фотонафтилемъ. Въ настоящее время въ Бакинской губерніи дѣйствуютъ уже три завода, добывающіе болѣе 700,000 пуд. керосина ежегодно. Сверхъ того нефтяные источники разработываются еще въ губерніи Тифлисской, и на земляхъ терскаго и кубанскаго казачьяго войска, и даютъ до 285,000 пуд. керосина. Но кавказское нефтяное дѣло встрѣчаетъ препятствіе своему развитію со стороны откупа, которому отданъ казною, за 130,000 руб. въ годъ,—сборъ мѣстнаго налога съ добычи нефти, по 45 коп. съ пуда. Богатыя мѣсторожденія нефти находятся также у каспійскихъ береговъ Туркменіи, на островѣ Челекенѣ, иначе называемомъ Нефтянымъ островомъ. И теперь, при неправильной разработкѣ туркменами, въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ году, островъ этотъ доставляетъ для торговли съ Персіею до 200,000 пудовъ ежегодно; русская предпріимчивость и русскіе капиталы могли бы найти здѣсь широкое примѣненіе, при нѣкоторой охранѣ со стороны правительства отъ разбосвъ.

[1]) О современномъ развитіи нѣкоторыхъ химическихъ производствъ Д. Менделѣева. Спб. 1868 —Труды коммисіи, высочайше учрежденной для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 году, ч. I, стр. 113 и 118.

Digitized by Google

Въ Крыму добываніе нефти начато съ 1864 г. близъ поселка Джарджали компаніей американца Гоуэна, и уже въ 1866 году, вывезено было до 18,000 пуд. нефти. Затѣмъ открыты были новыя разработки близъ Керчи и въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, такъ что всѣхъ заводовъ считается теперь въ Крыму до 12-ти.

Вся добыча нефти въ Россіи составляла въ 1864 г. 535,716 пудовъ, а въ 1868 г. уже 1,753,984 п.

Изъ-за границы привезено было керосина въ 1868 г.—729 т. пудовъ.

При изобиліи у насъ нефтяныхъ источниковъ, при высокомъ процентѣ (отъ 42 до 60) содержимаго нашею нефтью освѣтительнаго матеріала, и съ устраненіемъ препятствій развитію нефтянаго промысла со стороны кавказскаго откупа, Россія могла бы не только снабжать себя въ изобиліи своимъ керосиномъ, но даже и на европейскихъ рынкахъ соперничать съ Сѣверной Америкой.

Введеніе въ употребленіе газа, добываемаго изъ каменнаго угля, для освѣщенія улицъ и жилищъ, принадлежитъ къ числу новѣйшихъ удобствъ жизни и до сихъ поръ ограничивается у насъ преимущественно столицами и немногими большими городами. По значительности капиталовъ, необходимыхъ для основанія и поддержанія газовыхъ заводовъ, большая часть между ними принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ. Въ Петербургѣ существуетъ съ этою цѣлью два акціонерныхъ общества, «Общество освѣщенія газомъ Петербурга», основанное въ 1835 году съ капиталомъ въ 428,571 рублей серебромъ, и «Общество столичнаго освѣщенія», основанное въ 1858 году съ капиталомъ въ 4 мил. руб.; акціи какъ того, такъ и другого Общества стоятъ гораздо выше номинальной цѣны своей. Въ Москвѣ образовалось въ 1859 г. «Товарищество сжатаго переноснаго газа» съ капиталомъ въ 600 т. р., въ Одессѣ въ 1868 года «Одесское общество газоваго освѣщенія» съ капиталомъ въ 800 т. руб. Въ Варшавѣ газовый заводъ, основанный съ 1856 года, принадлежитъ «Нѣмецкому континентальному газовому обществу». Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ газовые заводы основаны обществами желѣзныхъ дорогъ, напр. въ Павловскѣ и въ Твери, и въ немногихъ только городахъ частными лицами, въ Одессѣ, Вильнѣ, Ревелѣ и Гельсингфорсѣ.

Въ 1866 году считалось газовыхъ заводовъ въ Россіи 11 с производствомъ въ 1.388,000 р. и 561 рабочимъ. На 8 зав дахъ въ Петербургѣ, Павловскѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Вильнѣ Ревелѣ добыто было 525,285,620 кубическихъ футовъ газ но въ настоящее время цифра эта гораздо ниже дѣйствительност

Digitized by Google

потому что съ 1 мая 1869 по 1 мая 1870 г. тремя заводами петербургскихъ газовыхъ обществъ выпущено въ Петербургѣ 527,547,230 кубическихъ фут. газа и получено отъ нихъ дохода 1,345,221 руб.

VI.

Къ четвертой группѣ мы относимъ производство строительныхъ матеріаловъ, а также гончарное и стекольное. Кирпичное производство, при слабомъ развитіи городской жизни и обиліи древеснаго строительнаго матеріала, находится у насъ еще въ младенчествѣ и оставляетъ многаго желать, какъ въ отношеніи экономіи производства, такъ и въ отношеніи цѣнъ на кирпичъ. Въ 1866 г. считалось до 2,127 кирпичныхъ заводовъ, производившихъ на 4 мил. руб. сер. Главный центръ кирпичной производительности находится въ обѣихъ столицахъ, и затѣмъ на югѣ, который производитъ вдвое болѣе кирпича, нежели сѣверъ, богатый лѣсомъ. На послѣдней мануфактурной выставкѣ обращала на себя вниманіе кирпичедѣлательная машина г. Тоньолати, выдѣлывающая кирпичъ механическимъ способомъ, безъ помощи огня. Выдѣлкою черепицы занимаются до 40 заводовъ съ 140 рабочими, производящими почти на 700 т. руб.

Алебастровымъ производствомъ занимаются 8 заводовъ съ 87 рабочими и цѣнностью 129,000 р. Однѣ рижскія гипсовыя ломки даютъ ежегодно около 1 мил. пудовъ алебастра, отправляемаго въ Петербургъ, купцами 1-й гильдіи Герике и Зельмомъ.

Приготовленіе извести занимаетъ 146 заводовъ съ 800 рабочихъ и достигаетъ цѣнности 350 т. руб. Цементное производство получаетъ у насъ съ каждымъ годомъ все большее значеніе, особенно благодаря развитію желѣзныхъ дорогъ и возрастающей, слѣдствіе того, потребности въ цементѣ. Первый цементный заводъ основанъ у насъ г. Роше въ с. Усть-Ижоры. Онъ производитъ цемента отличнаго качества до 75 т. бочекъ на 150 т. р. и съ 1861 по 1870 г. поставилъ для казенныхъ и частныхъ построекъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Москвѣ 3.197,000 пудовъ цемента. Въ 1866 году считалось только 3 цементныхъ завода, производившихъ на 121,000, а на мануфактурную выставку явилось уже восемь экспонентовъ цемента, производящихъ, по ихъ показаніямъ, на сумму до 300 т. руб. Привозъ иностраннаго цемента къ намъ также возрастаетъ; въ 1865 г. было привезено на 285 т. р. и въ 1868 г. на 608 т. р., отъ насъ цемента сбывается отчасти и за-границу, на сумму до 65 т. р., особенно съ завода г. Цѣхановскаго.

Digitized by Google

Гончарное производство въ самой простой своей формѣ — приготовленія горшечныхъ издѣлій не покрытыхъ глазурью и глазурованныхъ или обливныхъ, издавна составляетъ промышленность, укоренившуюся въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ Московской, Владимирской, Тверской и другихъ губерній. Особенно славится въ этомъ отношеніи селеніе Гжель съ сосѣдними деревнями, въ Московской и частію Владимирской губерніи. По оффиціальнымъ даннымъ, признаваемымъ весьма неполными, считается около 616 подобнаго рода заведеній съ 1,715 рабочихъ и производствомъ около 400 т. р. [1]).

Производство фарфоровое, фаянсовое и полуфаянсовое составляетъ предметъ заводской промышленности. Первый фарфоровый заводъ основанъ въ Россіи около 1756 года въ Москвѣ англичаниномъ Гарднеромъ, и существуетъ до настоящаго времени. Въ тоже почти время основанъ былъ и императорскій фарфоровый заводъ въ С. Петербургѣ техникомъ и ученикомъ Гарднера, Гаттенбергомъ; но оба эти завода не могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ спроса фарфоровыхъ издѣлій, а потому огромная масса ихъ до начала нынѣшняго столѣтія выписывалась съ знаменитой саксонской мейсенской фабрики, которая имѣла даже свои склады въ разныхъ городахъ Россіи. Съ возвышеніемъ въ 1806 г. пошлинъ на привозный фарфоръ, уменьшилось его потребленіе и начали распространяться въ Россіи собственные фарфоровые заводы.

Фаянсовое производство возникло въ концѣ минувшаго столѣтія; первою фаянсовою фабрикою была казенная фабрика, учрежденная въ 1798 г. въ зданіяхъ упраздненнаго кіево-межигорскаго монастыря, съ приписною къ ней 228 душъ крестьянъ. Были попытки къ водворенію фаянсоваго или полуфаянсоваго производства въ концѣ минувшаго столѣтія и между гжельскими горшечниками, но собственно первые частные фаянсовые заводы возникли лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и наиболѣе почетное мѣсто между ними принадлежитъ заводу Ауэрбаха, около Москвы. О постепенномъ развитіи фарфороваго и фаянсоваго производства могутъ служить слѣдующія, конечно, не вполнѣ точныя, оффиціальныя данныя:

---

[1]) Гончарное производство Г. П. Ѳедченко въ Т. I. обзора разн. отр. ман. пром. Россіи. стр. 827—891.

Digitized by Google

Годы.	Число фарфоровых и фаянсовых заводовъ.		Число рабочихъ.	Сумма производства издѣлій фарфоровыхъ Р. Сер.	фаянсовыхъ.
Въ 1812	10		неизвѣстно		
— 1815	6				
— 1852	43		1,976	728,453	
— 1859	52		2,708	389,903	315,537
	фарфор.	фаянс.			
— 1866	28	44	3,612	1.042,054	359,500

Въ дѣлѣ развитія фарфоровой и фаянсовой промышленности Россіи видное мѣсто занимаетъ производство Гжели. Здѣсь, въ 14 селахъ и деревняхъ Гжельскаго приказа удѣльнаго вѣдомства и въ нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщичьихъ деревняхъ, еще недавно сосредоточивалось около 120-ти заводовъ, имѣвшихъ до 140 горновъ и печей, на которыхъ ежегодно потреблялось около 120,000 пуд. глины и занято было до 1,700 человѣкъ рабочихъ изъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Въ цвѣтущую пору гжельской промышленности она выработывала не менѣе, какъ на 1 мил. руб. Гжельскія посудныя издѣлія весьма цѣнятся въ торговлѣ и не рѣдко идутъ за посуду не только нашихъ извѣстныхъ заводчиковъ, но и иностранную. Для росписыванія посуды учредилось въ гжельскомъ округѣ до 22 живописныхъ заведеній, оборотъ которыхъ достигаетъ 45,000 р. Нынѣшній упадокъ гжельской промышленности былъ результатомъ не только отсталости этого производства и соперничества болѣе совершенныхъ русскихъ и иностранныхъ заводскихъ издѣлій, но и чрезмѣрнаго сосредоточенія этой промышленности въ одномъ пунктѣ, а также возвысившихся цѣнъ на топливо и глуховскую глину, изъ которой выдѣлывается почти $^{9}/_{10}$ всего фарфороваго и фаянсоваго производства. Вообще фарфоровое производство въ Россіи находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ фаянсовое; хотя оба они во многомъ какъ по составу массы, изяществу отдѣлки, такъ и особенно по цѣнамъ своимъ, весьма уступаютъ иностраннымъ издѣліямъ. Въ главѣ фарфороваго и фаянсоваго производства стоятъ императорскій заводъ, а также заводы Корнилова, Кузнецова, Гарднера, Ауэрбаха.

Начало стекляннаго производства [1]) возникло у насъ въ XVII-хъ столѣтіи, и при Петрѣ Великомъ устроенъ былъ въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, казенный стеклянный заводъ, перене-

[1]) Въ Обзорѣ развич. отр. ман. пром. Россіи см. статью В. В. Шмидта. Очеркъ стекольнаго производства въ Россіи стр. 393—428.

Digitized by Google

денный впослѣдствіи въ С. Петербургѣ. Несмотря на всѣ условія, благопріятствующія развитію этой фабрикаціи: обиліе песка, глины, извести и поташа, дешевизны топлива — стеклянное производство у насъ еще мало развито и много уступаетъ иностранному. Мы производимъ преимущественно издѣлія первой потребности, посуду, бутылки, штофы и оконныя стекла; болѣе изящныя издѣлія изготовляются весьма немногими заводами, въ томъ числѣ императорскимъ стекляннымъ заводомъ, которому въ этомъ отношеніи принадлежитъ пальма первенства, но производство котораго ограничивается суммой 60 т. р. и заводами г. Мальцевыхъ, издѣлія которыхъ, впрочемъ, не вполнѣ безукоризненны. 222 завода занимаютъ до 10 т. чел. рабочихъ и выдѣлываютъ на 4 почти мил. р. стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій.

Наше зеркальное производство, находясь въ зависимости отъ матеріаловъ, большею частію привозныхъ, находится въ упадкѣ; изъ 7 заводовъ, существовавшихъ въ 1865 г. собственно въ Россіи, теперь остался только одинъ въ Лифляндской губерніи и 6 въ Финляндіи и въ царствѣ Польскомъ.

VII.

Изобиліе лѣсовъ, занимающихъ еще нынѣ, несмотря на долговременное и почти систематическое лѣсоистребленіе, площадь въ 172 мил. десятинъ или около 43% всего пространства Европейской Россіи, рано водворило у насъ разнообразные промыслы, имѣющіе цѣлію приготовленіе изъ дерева разныхъ издѣлій [1]). Рѣдкій крестьянинъ не занимается выдѣлкою хотя нѣкоторыхъ предметовъ изъ дерева для своего скуднаго домашняго хозяйства, но во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ цѣлыя селенія, преимущественно впрочемъ въ зимнее время, изготовляютъ деревянныя издѣлія въ огромномъ количествѣ для отдаленнаго сбыта почти во всей имперіи. Такъ, деревянныя ложки приготовляются преимущественно въ Нижегородской, Костромской и Вятской губерніяхъ въ количествѣ не менѣе 12 или 15 мил. штукъ, деревянныя чашки въ тѣхъ же губерніяхъ и еще въ Пермской и Владимирской, не говоря о другихъ менѣе значительныхъ.

Въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Пермской, частію Симбирской, Тамбовской и Пензен-

[1]) Тамъ же помѣщена любопытная статья Ф. К. Арнольда: *Лѣсной товаръ*, стр. 251—325.

Digitized by Google

ской, а также въ Минской, Могилевской и Витебской, крестьяне занимаются еще, такъ-называемымъ, вообще мочальнымъ производствомъ, т.-е. выдѣлкою издѣлій изъ липоваго луба, какъ-то, циновокъ, рогожъ, кулей, лаптей. Послѣднихъ, безъ сомнѣнія, приготовляется не менѣе 100 мил. паръ въ годъ. Вообще все мочальное производство еще покойный П. И. Кеппенъ оцѣнивалъ въ 3 мил. р. Городскими мастерами изготовляются преимущественно лучшія мелкія рѣзныя и точеныя деревянныя издѣлія, таковы: лопаты, корыта, веретена, мялки, также хомутныя клещи и сѣдельные арчаки, въ большомъ количествѣ идущіе за границу чрезъ Ригу, Мемель, и Данцигъ, гребни изготовляемые преимущественно въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, сита и рѣшета, приготовляемыя особенно въ Волынской губерніи колонистами, вышедшими изъ Австріи и венгерскихъ провинцій, счеты выдѣлываемые въ огромномъ количествѣ въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи, люльки или малороссійскія трубки—въ Малороссіи, особенно въ г. Зеньковѣ, и въ Орловской губерніи въ г. Ельцѣ, гдѣ существуетъ обширное заведеніе купца Москалева, снабжающаго весь малороссійскій и новороссійскій край. Для холуйскихъ иконописцевъ выписывается на нижегородскую ярмарку значительное количество крымскаго и кавказскаго можжевельника, подъ именемъ кипариса, для изготовленія иконныхъ дощечекъ. Въ Вятской губерніи въ недавнее время развилась выдѣлка такъ-называемыхъ каповыхъ издѣлій, т.-е. шкатулокъ, сигарочницъ, табакерокъ, футляровъ и т. д. изъ капа или наростовъ на березѣ и соснѣ. Родоначальникъ этихъ издѣлій Макаровъ приготовляетъ ихъ на сумму до 2 т. р., и публика могла ознакомиться съ ними между прочимъ на послѣдней выставкѣ.

Столярное и мебельное мастерство развито у насъ преимущественно въ большихъ городахъ, особенно С.-Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. Мастерскія эти не довольствуются, конечно, туземнымъ лѣснымъ матеріаломъ, но выписываютъ изъ-за границы въ большомъ количествѣ цѣнные матеріалы, изъ чернаго, краснаго, орѣховаго, палисандроваго, розоваго, кипариса, чинара и т. д. Мебельный отдѣлъ на послѣдней выставкѣ блистательно доказывалъ высокую степень совершенства, которой достигли наши лучшіе мебельные мастера Штангe, Бюхтгеръ, Людлофъ и другіе, и стремленіе ихъ внести художественный элементъ въ свое производство. Внутри Россіи изготовленіемъ мебели, сундуковъ, шкатулокъ въ особенности занимаются крестьяне Пермской, Вятской, Нижегородской, Владимирской, и отчасти Тверской и Московской губерній.

Digitized by Google

Въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе также росписанная мебель и посуда, приготовляемая въ Новгородской губерніи съ давнихъ временъ и, какъ полагаютъ, перенесенная къ намъ еще при Петрѣ Великомъ изъ Голландіи, гдѣ донынѣ существуетъ фабрика подобныхъ издѣлій въ Гронингенѣ. Рисунокъ этихъ деревенскихъ издѣлій значительно улучшенъ съ тѣхъ поръ, какъ производство это обратило на себя вниманія новгородскаго землевладѣльца г. Татищева, который пригласилъ съ этою цѣлью особаго художника.

Паркетныя фабрики существуютъ у насъ преимущественно въ столицахъ; но есть также фабрики и внутри Россіи. Извѣстны паркетныя фабрики въ мѣстечкахъ Полонномъ и Любарѣ Волынской губерніи. Одна изъ лучшихъ не только въ Россіи, но даже въ Европѣ фабрикъ основана Миллеромъ, въ С. Петербургѣ въ 1836 г., и нынѣ принадлежитъ Мансбаху. Работа на ней производится при помощи пара и издѣлія ея (3 тыс. квадр. саж. въ годъ на сумму 70 т. р.) славятся не только въ Россіи, но и за границею.

Экипажное мастерство составляетъ занятіе многихъ крестьянскихъ селеній въ Россіи, особенно славятся телѣжки орловскія, калужскія, рязанскія, тарантасы казанскіе, вятскіе, пермскіе, нетычанки кіевскія, брички польскія. Выдѣлка же изящныхъ и комфортабельныхъ городскихъ экипажей сосредоточивается преимущественно въ столицахъ и въ Варшавѣ. Въ 1865 г. считалось, по оффиціальнымъ даннымъ, 93 экипажныхъ заведеній въ Россіи съ 2,294 рабочими и суммой производства въ 1.208,780 руб. Привозъ въ Россію заграничныхъ экипажей весьма незначителенъ и ограничивается преимущественно западными губерніями, куда выписываются берлинскіе и вѣнскіе экипажи, невыдерживающіе впрочемъ нашихъ дорогъ и мостовыхъ. Самые прочные экипажи изготовляются въ Петербургѣ, они начинаютъ уже вытѣснять даже на внутреннихъ нашихъ рынкахъ дешевые московскіе экипажи. По собраннымъ въ тарифной коммисіи свѣдѣніямъ, цѣны с.-петербургскихъ экипажныхъ заведеній на 30 и даже на 40% дороже вѣнскихъ, и на 20%—30% берлинскихъ; французскіе стоятъ въ одной съ нашими цѣнѣ, а лондонскіе дороже. Экипажи московскіе на 15% дешевле петербургскихъ, а варшавскіе на 20%.

Съ развитіемъ нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, у насъ начала развиваться и новая отрасль экипажнаго производства, именно выдѣлка вагоновъ. Въ 1865 г. выписано было изъ заграницы вагоновъ на 453,140 р., а въ 1866 г. только на 36,000 р. Поставкою ихъ занимались преимущественно Пфлугъ и Лауен-

Digitized by Google

штейнъ, Поуэльсъ и Австрійское общество. По свѣдѣніямъ департамента желѣзныхъ дорогъ, въ 1868 году требовалось для нашихъ дорогъ 1,594 почтовыхъ и пассажирскихъ вагоновъ и 14,721 товарныхъ. Въ настоящее время уже многіе механическіе заводы и мастерскія изготовляютъ у насъ вагоны: заводъ братьевъ Струве въ Коломнѣ до 1,200 товарныхъ вагоновъ въ годъ, Коммисаровская техническая школа въ Москвѣ до 600 вагоновъ, Бремме и Левестаммъ въ Москвѣ 473 крытыхъ вагоновъ и 195 платформъ, Корчагинъ въ Москвѣ до 1,000 вагоновъ. Вагоны этихъ заведеній, а также ковровскихъ мастерскихъ, завода Лильпопе и Рау, мастерскихъ варшавско-тереспольской желѣзной дороги, обращали на себя особенное вниманіе посѣтителей послѣдней выставки.

Рѣчныя суда, извѣстныя подъ названіями барокъ, струговъ, бѣлянокъ, полубарокъ, шкутъ, берлинъ, шуяковъ, паузковъ, дощаниковъ, коломенокъ, соймнокъ, карбасовъ, и т. п. строятся у насъ ежегодно въ огромномъ количествѣ, потому что, по всѣмъ водянымъ путямъ, около 10 лѣтъ тому назадъ, было въ движеніи 75,000 разнаго рода рѣчныхъ судовъ, изъ которыхъ около половины совершаютъ только одинъ рейсъ, и затѣмъ идутъ въ ломъ, такъ, что цѣнность только этого рода судовъ, полагая по 300 р. на каждое, простирается теперь вѣроятно до 15 мил. р. сер. О размѣрахъ нашего морского судостроенія, мы къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній; оно ограничивается впрочемъ исключительно потребностями военнаго флота, потому что нашъ торговый флотъ имѣетъ пока самые ничтожные размѣры; притомъ и казенное морское судостроеніе значительно уменьшилось въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, вслѣдствіе распространяющагося употребленія желѣзныхъ судовъ и замѣны паруснаго судоходства паровымъ. Лѣсопильныхъ заводовъ въ 1866 году считалось 179 съ $3^1/_2$ тыс. рабочихъ и цифрой производства около 4 мил. р., между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ цѣнность производства лѣсопильныхъ заводовъ съ 1850 г. до 1860 г. возрасла на 63%, и достигла въ послѣднемъ году 124 мил. р. сер.

Число паровыхъ заводовъ въ 1860 году не превышало 24, изъ коихъ 10 было въ С. Петербургской, 5 въ Новгородской, 4 въ Архангельской, 2 въ Ригѣ и по одному въ Курляндіи, Могилевской и Кіевской губерніяхъ. Остальные заводы дѣйствуютъ водою, а въ Ярославской губерніи даже и вѣтромъ. Изъ числа всѣхъ этихъ заводовъ, на 70-ти распиливалось ежегодно около 2 мил. деревъ. Самые значительные паровые заводы принадлежатъ наслѣдникамъ Бенардаки и Громову въ Олонецкой губерніи.

Digitized by Google

Сидка дегтя и смолокуреніе весьма рано являются уже предметомъ обширной народной промышленности на сѣверѣ Россіи, для удовлетворенія какъ внутреннимъ потребностямъ на смолу, варъ и деготь, простирающимся до 10 милл. пудовъ въ годъ, такъ и заграничному спросу на эти продукты [1]). Уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ смола была предметомъ значительной торговли между Новгородомъ и Ганзою, съ открытіемъ же архангельскаго порта получила еще бо́льшее значеніе въ нашемъ заграничномъ отпускѣ; въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія отпускалось не менѣе 52,000 бочекъ смолы и пёка, но въ нѣкоторые годы, какъ напр. 1798 и 1799, отпускъ достигалъ до 123.000, въ 1811 г. — 181,000 бочекъ, и въ 1815—238,000 бочекъ, что́ составляетъ наибольшее количество, когда-либо отпущенное за-границу. Въ послѣднія тридцать лѣтъ отпускъ нашъ стоялъ довольно постоянно на цифрѣ отъ 90 до 100 т. бочекъ въ годъ, несмотря на значительное увеличеніе спроса на заграничныхъ рынкахъ смолы и вара, какъ для постройки судовъ, такъ и для осмолки канатовъ, снастей и подводныхъ телеграфовъ. Причина этого заключается въ недоброкачественности какъ нашего пека, часто содержащаго слишкомъ значительное количество извести и даже песку, такъ и смолы, не отличающейся совершеннымъ отсутствіемъ суровицы или подсмольной воды и въ опасномъ соперничествѣ, которое мы встрѣтили въ развитіи смоляного промысла со стороны Норвегіи, Сѣверной Америки и Канады, доставляющихъ болѣе добротные продукты. Лишь временное уменьшеніе отпуска Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіе междоусобной войны, заставило Европу обратиться за смолой почти исключительно къ намъ и позволило намъ снова поднять нѣсколько нашъ отпускъ смолы и довести его до 140 т. и даже до 151 т. (1863) бочекъ, какъ было въ лучшія времена начала нынѣшняго столѣтія. Недоброкачественность продуктовъ нашего смоляного промысла есть прямой результатъ сосредоточенія его до сихъ поръ въ рукахъ бѣдныхъ крестьянъ-промышленниковъ, а не заводчиковъ-капиталистовъ, и патріархальности способовъ добыванія смолы, преимущественно въ простыхъ ямахъ или майданахъ. Притомъ не малое вліяніе оказывало на развитіе у насъ смолокуренія и частое

[1]) Весьма интересный очеркъ смоляной промышленности помѣщенъ г. Рейхелемъ во II томѣ Обзора различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи 1868 г., стр. 875—444. Сверхъ того, о настоящемъ положеніи нашего сѣвернаго смолокуренія и причинахъ его упадка весьма подробно и обстоятельно изложено въ извлеченіи изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, Н. Я. Данилевскаго: О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія на крайнемъ сѣверѣ Россіи. 1869. Отдѣльный оттискъ изъ «Правительственнаго Вѣстника».

Digitized by Google

измѣненіе правительственной системы въ отношеніи этого промысла. Такъ, въ до-петровской Россіи смолокуреніе было вольнымъ промысломъ и при дешевизнѣ и обиліи лѣса производилось на сѣверѣ Россіи повсемѣстно, часто безъ вниманія къ тому, кому принадлежитъ лѣсъ, изъ котораго гонится смола. Мѣры огражденія частной собственности являлись въ видѣ рѣдкихъ и притомъ болѣе частныхъ исключеній, а не общихъ мѣръ. Напротивъ внѣшняя торговля смолою была то монополіею самой казны, то статьею, отдаваемою на откупъ иностранцамъ. Упадокъ смолокуреннаго промысла, вслѣдствіе ограничительныхъ мѣръ Петра Великаго, изъ видовъ сохраненія лѣсовъ, вызвалъ въ 1726 г. установленія болѣе свободной рубки лѣса для смолокуренія и вольной торговли смолою, съ обложеніемъ ея лишь небольшою отпускною пошлиною. Эта мѣра вызвала усиленіе смолокуренія и нѣкоторыя улучшенія, напр. введеніе печной топки смолы, и даже возникновеніе скипидарнаго производства. Но съ 1741 года правительство возстановило казенную монополію заграничнаго отпуска для возстановленія доходовъ казны отъ этой торговли, простиравшихся прежде до 40 т. руб. въ годъ и упавшихъ съ 1726 до 8 т. р. Однако цѣль не была достигнута, и злоупотребленія, какъ той, такъ и другой системы, убѣдили Екатерину II сдѣлать торговлю смолою свободною, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, и съ тѣхъ поръ промышленность эта дѣлается предметомъ вольнаго промысла, исключая лишь обложенія при вывозѣ за-границу отпускною пошлиною, которая также, наконецъ, была снята въ 1863 году. Затѣмъ, всѣ послѣдующія постановленія касательно смолокуренія имѣли предметомъ болѣе правильное опредѣленіе отношеній казны къ частнымъ промышленникамъ, производящимъ заготовку смолы въ государственныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ, такъ какъ болѣе трети всего получаемаго у насъ количества смолы и вара и почти все количество, идущее за-границу, добывается въ лѣсахъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства, причемъ для каждой губерніи устанавливается такса пошлинъ или съ количества вырубленнаго и вывезеннаго лѣса, или съ количества полученныхъ продуктовъ. Однако изслѣдованіе экономическаго состоянія Архангельской губерніи, совершенное въ концѣ 1868 и началѣ 1869 года, по порученію правительства, г. Данилевскимъ, по поводу вопроса о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія жителей сѣвера, доказало, что смолокуреніе и пековареніе Архангельской губерніи въ послѣднія 60 лѣтъ не сдѣлало рѣшительно никакихъ успѣховъ, а задерживалось въ своемъ развитіи мѣрами, внушенными правительству опасеніемъ истощенія лѣсовъ. Вслѣдствіе этого

Digitized by Google

въ настоящее время предполагается значительно облегчить для крестьянъ сѣвернаго края свободную подсочку лѣса для смолокуренія, съ огражденіемъ лишь цѣнныхъ лѣсовъ, и осуществленіе предполагаемыхъ мѣръ, безъ сомнѣнія, отзовется благопріятно на нашемъ сѣверномъ смолокуренномъ производствѣ.

Вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи и размѣрахъ нашей смолокуренной промышленности не имѣется, и по мнѣнію г. Рейхеля, оффиціальныя по этому предмету данныя [1]) едвали представляютъ одну десятую общей производительности всѣхъ нашихъ заводовъ. Изъ сообщаемыхъ г. Рейхелемъ указаній видно, что смолокуреніе производится у насъ, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Вятской, и въ весьма ограниченномъ размѣрѣ въ губерніяхъ С.-Петербургской, Псковской, Тверской, Владимирской, Минской, Кіевской и Волынской. Соображая размѣры потребленія у насъ продуктовъ смолокуренія съ свѣдѣніями о ходѣ внутренней и внѣшней торговли смолою и дегтемъ, г. Рейхель полагаетъ, что Россія производитъ ежегодно 150,000 пуд. пеку, 60,000 пуд. скипидару, свыше 4 милл. пудовъ дегтя березоваго и перегона, и около 2 милл. пудовъ смолы, и что для полученія этого количества заводчики потребляютъ ежегодно до 320,000 куб. саженъ осмола, около 100,000 куб. саж. дровъ (какъ топлива), и обдираютъ не менѣе 200,000 куб. саж. березовыхъ дровъ для полученія скалы или бересты, изъ которой добывается деготь.

VIII.

Къ шестой и послѣдней группѣ мы отнесли производства, занимающіяся приготовленіемъ предметовъ, служащихъ преимущественно для питанія или непосредственнаго потребленія человѣка, каковы мука, вино, сахаръ, табакъ. Всѣ эти отрасли промышленности, весьма значительныя по обширности своего сбыта, находятся большею частію въ столь тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, будучи ближайшими потребителями его продуктовъ, что нерѣдко бываетъ трудно даже уловить моментъ, когда они теряютъ сельско-хозяйственный характеръ, и переходятъ въ фабричное производство.

Мукомольная промышленность существуетъ въ видѣ много-

[1]) Въ 1816 году считалось заводовъ дегтярныхъ, смоляныхъ и скипидарныхъ 669, на нихъ рабочихъ 1,383, ихъ сумма производства 428,000 р.

Digitized by Google

численныхъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, работающихъ для ограниченныхъ потребностей небольшихъ хлѣбныхъ районовъ, но въ послѣднее время начали возникать и большія паровыя мукомольни, обращающія огромныя количества зернового хлѣба въ муку, для потребностей большихъ внутреннихъ центровъ населенія, или для торговли, особенно заграничной, хотя, впрочемъ, нельзя не замѣтить, что заграничный отпускъ хлѣба въ мукѣ у насъ до сихъ поръ весьма не великъ, отъ 300 до 500 т. четвертей, т.-е. около $2^1/_2$ или $3^0/_0$ всего заграничнаго отпуска хлѣба.

Въ Одессѣ и ея окрестностяхъ работаетъ 16 паровыхъ мельницъ о 125 поставахъ; ежегодно перемалывается до 630 тыс. четвертей пшеницы и получается до 3,780 т. пудовъ лучшаго сорта муки; въ Екатеринославлѣ работаетъ 5 мельницъ въ 95 паровыхъ силъ и 13 поставовъ [1]); на 12 крупчатныхъ заводахъ Новгородской губерніи перемалывается до 180 т. четвертей [2]). Паровыя мукомольни существуютъ также около Петербурга и въ Царствѣ Польскомъ. Въ торговлѣ особенно славится елецкая мука, которая приготовляется на 30-ти крупчатныхъ мельницахъ, существующихъ въ Ельцѣ, куда ссыпается до 300 т. четвертей, какъ мѣстнаго, такъ и привознаго хлѣба [3]).

Всѣхъ промышленныхъ заведеній, занимающихся приготовленіемъ муки, крупы, солода, крахмала, патоки, считается въ Россіи около $2^1/_2$ тыс., съ 9 тыс. рабочихъ и производствомъ около 36 милл. рублей. Въ Соединенныхъ же Штатахъ цѣнность одного мукомольнаго производства, десять лѣтъ тому назадъ, достигала 288 милл. руб. сер.

Винокуренные заводы, подобно мукомольнымъ, являются весьма важными потребителями продуктовъ земледѣлія, обращая ихъ въ спиртъ, который идетъ не только на приготовленіе водки, но и на разныя потребности медицины и другихъ наукъ, на многія техническія производства и на разныя мелкія хозяйственныя нужды. Употребленіе хлѣбнаго вина было извѣстно въ Россіи уже въ XVI-мъ столѣтіи. Оно служило и до сихъ поръ служитъ не только у насъ, но и во многихъ другихъ странахъ однимъ изъ источниковъ взиманія весьма значительнаго налога, а потому судьба винокуренія находится всегда въ самой тѣсной

[1]) Сельское хозяйство и лѣсоводство, 1870, № 8.—Изъ отчета объ изслѣдованіи мукомольнаго дѣла въ южныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи, лѣтомъ 1869 г., г. Е. Котельникова.

[2]) О заводахъ и фабрикахъ Новгородской губерніи. Составилъ членъ стат. комитета Богословскій, 1868 г.

[3]) Экономическое состояніе городскихъ поселеній европейской Россіи въ 1861—62 гг. Ч. 2. 1868, стр. 19—20.

Digitized by Google

зависимости отъ существующей финансовой системы обложенія какъ этой промышленности, такъ и торговли спиртными напитками [1]).

Было бы слишкомъ утомительно и неумѣстно здѣсь повторять длинный и хорошо извѣстный разсказъ о всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергалась наша финансовая система въ отношеніи къ винокуренію и питейной торговлѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, когда казенная выкурка и продажа вина, кабачными головами и цѣловальниками со всѣми своими злоупотребленіями, то уступала мѣсто откупной системѣ въ разныхъ видахъ и формахъ, то замѣняла ее; когда правительство то заботилось объ уменьшеніи распространенія пьянства, то предписывало, говоря словами двинской грамоты 1659 г., «чтобы питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не отгоняли». Ограничимся одними общими указаніями, что откупная система окончательно утвердилась въ 1795 году и съ тѣхъ поръ дѣйствовала, до 1863 годъ, за исключеніемъ короткаго перерыва въ 1819 — 1827 годахъ, вліяя не только разрушительно на народную нравственность, но и стѣснительно на самую винокуренную промышленность и другія производства, имѣющія какое-либо отношеніе къ спирту, не исключая лака, политуры, уксуса, пива, меда, вятской кумышки, башкирскаго кумыса, и даже вовсе не имѣющихъ этого отношенія кваса и кислыхъ щей. Положеніемъ о питейномъ сборѣ 4-го іюля 1861 года уничтожена откупная система въ разныхъ видахъ, и открыта новая эпоха для развитія винокуренія, какъ промышленности въ истинномъ значеніи этого слова. Доходъ казны установленъ въ видѣ акциза, взимаемаго по разсчету градусовъ содержащагося въ спиртѣ или напиткахъ безводнаго спирта (алкоголя) и по ихъ выходамъ нормальнымъ и дѣйствительнымъ, а также въ видѣ патентнаго сбора съ заводовъ и съ заведеній для ихъ продажи.

Посмотримъ теперь на результаты вліянія финансовыхъ мѣръ правительства на винокуреніе въ разныя эпохи. Въ 1775 году выкурено было около 3 мил. ведеръ вина. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ на 21,556 заводахъ выкуривалось около 16 мил. ведеръ вина, и употреблялось для этого около 29 мил. пудовъ хлѣба. Заводы дѣйствовали голымъ огнемъ, и только съ двадцатыхъ годовъ начали строиться паровые заводы. Въ началѣ столѣтія, особенно въ великороссійскихъ губерніяхъ,

[1]) Обстоятельный обзоръ судьбы нашего винокуренія, пивоваренія и медоваренія можно найти въ двухъ интересныхъ статьяхъ посвященныхъ этимъ предметамъ г. Корсакомъ въ Обзорѣ раз. отр. мануф. пром. Россіи т. III, стр. 1—97 и 215—515.

Digitized by Google

заводы значительно увеличивали свою силу, т.-е. то количество ведеръ, которое они по размѣрамъ своимъ могли выкуривать. Такъ, въ 1860 году, въ великороссійскихъ губерніяхъ числилось 723 завода, силою въ 112 мил. ведеръ; между тѣмъ количество заподряженнаго казною вина достигало 19 мил. вед. Такимъ образомъ, около $^4/_5$ основнаго капитала, затраченнаго на заводы, оставалось въ бездѣйствіи. Такая непроизводительная затрата капиталовъ вызывалась необходимостью имѣть заводъ большихъ размѣровъ, чтобы получить большій заподрядъ вина отъ казны для продажи его чрезъ откупщиковъ-монополистовъ. Всѣхъ заводовъ во всей имперіи къ 1860 году было 5,107 съ силою въ 150 мил. ведеръ и дѣйствительнымъ производствомъ 48 мил. При этомъ замѣчательно, что изъ общаго числа заводовъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ преобладали заводы большіе, силою болѣе 20,000 ведеръ: такихъ было около $83^1/_2$ проц., напротивъ мелкихъ было около $16^1/_2$. Наоборотъ въ губерніяхъ западныхъ, новороссійскихъ и малороссійскихъ, которыя пользовались относительно большей свободой винокуренія, хотя оно и подчинялось отчасти вліянію откупной системы, но отношеніе было обратное: заводовъ силою менѣе 20,000 ведеръ было 79%, а большихъ силою выше 20,000 вед. 21%. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ губерніяхъ великороссійскихъ винокуреніе не имѣло вполнѣ сельско-хозяйственнаго характера; заводы устроивались преимущественно въ видахъ коммерческихъ, а не для усиленія и развитія сельскаго хозяйства. Напротивъ, въ привилегированныхъ и особенно въ западныхъ малоплодородныхъ губерніяхъ, винокуреніе было тѣсно связано съ хозяйствомъ, доставляя ему возможность содержать значительное количество скота. Тѣмъ же сельско-хозяйственнымъ характеромъ отличалось винокуреніе и въ остзейскомъ краѣ.

Общее количество вина, производившагося во всей имперіи съ Финляндіею и царствомъ Польскимъ, простиралось передъ введеніемъ новаго акцизнаго положенія до 63 мил. ведеръ полугара, что составляетъ около 24 мил. ведеръ безводнаго спирта.

Новое акцизное положеніе поставило его на степень, во всей Россіи, промышленности свободной, которая регулируется не казенными заказами, а спросомъ потребителей и потребностями рынка, и сбываетъ свой товаръ куда выгоднѣе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое подчиненіе процесса винокуренія правительственному контролю, стремленіе правительства къ постоянному возвышенію акциза на вино, въ видахъ полученія высшаго дохода, сдѣлали невозможнымъ винокуреніе для мелкихъ и дурно-устроенныхъ заводовъ, существовавшихъ, большею частью, въ видѣ побочной

Digitized by Google

отрасли хозяйства, и вслѣдствіе того вызвали не перестающія и до нынѣ жалобы со стороны сельскихъ хозяевъ, особенно при переходномъ ихъ состояніи отъ обязательнаго къ вольнонаемному труду.

Число заводовъ, простиравшееся собственно въ Россіи, безъ Финляндіи и Ц. Польскаго, при откупной системѣ въ 1859 году до 4,624, уменьшилось въ 1862—63 до 4,029, въ 1864—65 до 3,568, и въ 1867—68 до 2,840. Но за то количество выкуреннаго спирта возросло: съ 23.864,000 ведеръ въ 1860 году оно увеличилось въ 1863 г. до 25 мил. ведеръ, в 1864 г. до 27½ мил.; затѣмъ упало въ 1865 г. до 22½ мил., въ 1866 г. до 20½ мил. и въ 1867 г. возвысилось опять до 27 мил. ведеръ.

Что касается пивоваренія и медоваренія, то и на нихъ отразилось вліяніе откупной системы; въ теченіе существованія откуповъ, пивовареніе и медовареніе находились въ значительномъ упадкѣ, и только въ послѣднее время начинаютъ поправляться и развиваться. Въ 1859 году считалось пивоваренныхъ заводовъ 1,119, въ 1867 г. 1,699. Производство пивоваренныхъ заводовъ простирается до 9 мил. ведеръ; и сверхъ того приготовляется въ крестьянскихъ хозяйствахъ домашняго пива, браги и сусла около 20 мил. ведеръ. Развитію пивоваренной промышленности много содѣйствовало привлеченіе къ ней, со времени введенія акцизной системы, акціонерныхъ капиталовъ. Въ 1868 г. было 7 акціонерныхъ пивоваренныхъ компаній, съ капиталомъ въ 7 мил. р.

Медовареніе, почти совершенно прекратившееся при откупной системѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ губерній, занимало въ 1867 г. 169 заводовъ, исключительно медоваренныхъ, и 224 пивоваренныхъ. Въ 1863 г. разсчитывали, что заводское медовареніе доставляло 350,000 ведеръ, въ 1867 же году, при утроившемся числѣ заводовъ, можно полагать, что медовареніе усилилось до 1 мил., даже 1½ мил., ведеръ въ годъ. Домашнее медовареніе гораздо менѣе развито, чѣмъ домашнее пивовареніе, хотя въ старыя времена меды играли у насъ большую роль.

О производствѣ разныхъ заводовъ, употребляющихъ спиртъ, къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе точныхъ данныхъ, кромѣ свѣдѣній о числѣ заводовъ, которыхъ считалось въ 1867 г. для выдѣлки фруктовыхъ и виноградныхъ водокъ 363, водокъ изъ хлѣбнаго вина—1,221, заводовъ, выдѣлывающихъ освѣтительную жидкость 24,—лакъ и политуру 52,—духи и пр. 68.

Южная часть Россіи, особенно же губерніи Таврическая и Херсонская, Бессарабская область, земля Войска Донского и

Digitized by Google

Кавказскій край соединяютъ въ себѣ всѣ условія, благопріятныя для разведенія винограда и развитія винодѣлія, и производятъ около 17 мил. ведеръ, виноградnаго вина, въ томъ числѣ Европейская Россія 8 мил. ведеръ [1]). Но несмотря на благопріятныя почвенныя и климатическія условія для разведенія хорошаго винограда, и для выдѣлки изъ него лучшихъ сортовъ вина, винодѣліе наше находится еще въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, вслѣдствіе неправильнаго ухода за плантаціями и дурного приготовленія самого вина, которое притомъ рѣдко подвергается надлежащей выдержкѣ. Лучшее вино, выдерживающее отдаленную перевозку даже въ Петербургъ или внутреннія губерніи Россіи, производится на южномъ берегу Крыма, въ особенности въ казенномъ магарачскомъ заведеніи, въ Ливадіи, и у помѣщиковъ: кн. Воронцова, Княжевича, Раевскаго, Мальцева, Фундуклея, Сомова и др. Значительная часть крымскихъ винъ идетъ въ южной и средней Россіи, вслѣдствіе разныхъ ухищреній со стороны торговцевъ, подъ именемъ иностранныхъ. На нижегородской ярмаркѣ торговля русскими винами простирается до 1 мил. руб. серебромъ.

Производство искусственныхъ минеральныхъ водъ, сельтерской, содовой, а также лимонада и шипучихъ фруктовыхъ водъ значительно увеличивается въ Россіи, вслѣдствіе распространяющагося въ народѣ потребленія этихъ прохладительныхъ напитковъ, и входящей въ употребленіе уличной ихъ продажи, особенно на гуляньяхъ. Въ 1866 году считалось 17 заводовъ, занимавшихся этой фабрикаціей, преимущественно въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, и производившихъ на сумму 348 т. руб. Нынѣ цифра эта должна значительно возрасти, потому что одно только с.-петербургское Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, принадлежащее акціонерному обществу, выдѣлываетъ до 3 мил. бутылокъ на 265 т. р., Петровское заведеніе на Петровскомъ островѣ до 500 т. бут. на 40 т. р. и Верманское заведеніе минеральныхъ водъ въ Ригѣ отправляетъ на 50 т. р. Заводъ Германа въ Москвѣ еще въ 1866 г. производилъ до 42 т. бут. медицинскихъ водъ и до 530 т. бут. сельтерской и другихъ, всего на 63 т. р.

Свеклосахарная промышленность водворилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря трудамъ и усиліямъ Бланкенна-

---

[1]) Современное положеніе винодѣлія, свеклосахарной промышленности и табаководства весьма обстоятельно изложено въ объясненіи къ хоз. статист. атласу Европ. Россіи г. Вильсона, стр. 293—344. См. также: «Табачная промышленность въ Россіи», С. П. Щепкина. Спб. 1870.

Digitized by Google

геля, А. И. Герарда и И. А. Мальцова. Сильное покровительство посредствомъ таможенныхъ пошлинъ и дѣятельная разработка технической стороны этого производства комитетомъ сахароваровъ, учредившимся въ 1834 г. при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, а также трудами нѣкоторыхъ сахароваровъ, особенно гр. Бобринскаго и Шишкова, содѣйствовали упроченію свеклосахарнаго производства въ Россіи, но въ тоже время дали ему и нѣсколько ложное направленіе привлеченіемъ къ нему капиталовъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ сѣверозападная и сѣверовосточная Россія, гдѣ ни климатъ, ни почва не благопріятствовали разведенію доброкачественной свекловицы. Результатомъ этого было то, что когда правительство увидѣло уменьшеніе своихъ таможенныхъ доходовъ вслѣдствіе уменьшившагося ввоза колоніальнаго сахару-песку, и постепенное закрытіе рафинадныхъ заводовъ въ сѣверной Россіи, и стѣсненіе потребителей сахара, и вслѣдствіе того стало уменьшать таможенныя пошлины и облагать акцизомъ свеклосахарные заводы, тогда большая часть мелкихъ, основанныхъ не на паровомъ, а на отяевомъ производствѣ заводовъ стала закрываться.

Крестьянская реформа также отозвалась неблагопріятно на тѣхъ мелкихъ свеклосахарныхъ заводахъ, которые имѣли характеръ болѣе сельско-хозяйственный, чѣмъ фабричный. Въ губерніяхъ съ паровыми преимущественно заводами, вліяніе отмѣны барщиннаго труда отразилось болѣе косвеннымъ образомъ, отъ недостатка у заводчиковъ оборотнаго капитала и по отсутствію кредита; въ югозападныхъ губерніяхъ къ тому присоединились и неблагопріятныя политическія обстоятельства.

Главный центръ свеклосахарной промышленности находится въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Харьковской, Черниговской, и отчасти Курской, Воронежской, Тамбовской. Самый крупный сахарный заводчикъ у насъ гр. Бобринскій. До 18-ти обширныхъ акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 6 мил. рублей работаютъ на поприщѣ свеклосахарной промышленности.

Вотъ сравнительныя данныя о нашихъ свеклосахарныхъ заводахъ въ разные періоды.

	Число завод.	Количество переработанной свекловицы.	Количество добытаго песку.
Въ 1848—49	269	897,500 берк.	269.234 пуд.
— 1860—61	427	4,406 791 »	1,322,000 пуд.
— 1866—67	262	8,688,866 »	4,248,280 пуд.

Количество земли, засѣваемой свекловицею какъ при заво-

Digitized by Google

дахъ, такъ и въ окрестности ихъ, увеличилось въ короткій періодъ съ 1860 по 1867 г. на 20% и нынѣ достигаетъ 100 т. десятинъ. Число рабочихъ на заводахъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе развитія примѣненія паровыхъ машинъ, уменьшилось съ 79,676 въ 1860—61 г. до 75,096 человѣкъ въ 1866—67.

Развитіе свеклосахарной промышленности имѣло, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства тѣхъ мѣстностей, гдѣ она развилась, представляя выгодный сбытъ для продуктовъ хозяйства, улучшая полеводство введеніемъ свекловицы, требующей болѣе глубокаго паханія и тщательной обработки посредствомъ усовершенствованныхъ орудій, оставляя хозяйству удобреніе, въ видѣ остатковъ отъ производства, и доставляя сельскому населенію выгодное занятіе въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Въ настоящее время свеклосахарная промышленность можетъ довольно смѣло выдерживать конкурренцію и съ колоніальнымъ сахаромъ, привозъ котораго почти совершенно ничтоженъ. Почти всѣ наши рафинадные заводы, число коихъ простиралось въ 1866 до 48, при $10^1/_2$ т. рабочихъ, а производство до 27 мил. рублей, переработываютъ преимущественно туземный сахарный песокъ.

Табакъ, хотя и не можетъ считаться предметомъ питанія человѣка, но можетъ считаться какъ бы приправой или дополненіемъ его пищи, потому что онъ дѣлается для человѣка, привышаго къ нему, предметомъ первой необходимости. Поэтому отнесеніе табаку къ разряду жизненныхъ или питательныхъ припасовъ не совсѣмъ неправильно.

Табакъ завезенъ въ Россію, какъ полагаютъ, англичанами, при Іоаннѣ Грозномъ, и потребленіе его долгое время строго преслѣдовалось не только духовенствомъ, но даже правительствомъ. Петръ Великій обратилъ вниманіе на эту отрасль хозяйства и учредилъ первую казенную фабрику табачныхъ издѣлій въ Ахтыркѣ, которая однако не принесла казнѣ ничего, кромѣ убытка; примѣненіе откупной системы къ продажѣ табаку окончательно разстроило нашу табачную промышленность. Императрица Екатерина II, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, освободила торговлю табакомъ отъ монополіи и всякаго налога и, наложивъ только пошлину на иноземный табакъ, приняла мѣры для поощренія табаководства. Вслѣдствіе того эта отрасль хозяйства съ того времени у насъ такъ развилась, что въ 1867 году считалось уже въ Россіи 75 т. плантацій, пространствомъ въ 35 т. десятинъ, дававшихъ 2,885,000 пудовъ табаку. Все это количество частію потребляется на мѣстѣ про-

Digitized by Google

изводства, частію вмѣстѣ съ 150 т. пудовъ привознаго табаку переработывается нынѣ на 363 фабрикахъ, приносящихъ казнѣ болѣе 5 мил. дохода, въ видѣ бандерольнаго сбора, установленнаго лишь въ 1838 году.

Хотя вообще вслѣдствіе климатическихъ причинъ, табакъ, производимый въ Россіи, принадлежитъ, къ низшимъ сортамъ, однако Крымъ и Бессарабія производятъ нынѣ и высшіе сорты табаку, немного уступающіе турецкому, а потому табачные фабриканты обыкновенно смѣшиваютъ русскій и иностранный табакъ въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по сортамъ табачныхъ издѣлій. Такъ, на рижскихъ фабрикахъ переработывалось въ 1866 г. 319 т. пуд. русскаго и 15 т. американскаго табаку, а на петербургскихъ весь табакъ ниже 1 р. 20 к. и сигары ниже 3 р. за сотню или состоятъ исключительно изъ русскаго табака, или имѣютъ примѣсь иностраннаго.

Наибольшее число табачныхъ фабрикъ находится въ Одессѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ. Общее количество производства табачныхъ издѣлій простирается до 600 т. пудовъ курительнаго, до 70 т. пуд. нюхательнаго, и до 700 мил. сигаръ и папиросъ, всего по приблизительной оцѣнкѣ на сумму около 16 мил. руб. серебромъ.

Такимъ образомъ, оцѣнивая мукомольную промышленность въ 37 мил. руб., винокуренную, пивоваренную, медоваренную и винодѣльную въ 120 мил., свеклосахарную и сахарно-рафинадную въ 27 мил., табачную въ 16 мил., мы получимъ для шестой группы — питательныхъ производствъ, довольно крупную цифру въ 200 мил. р.

IX.

Заканчивая теперь нашъ бѣглый и далеко конечно неполный обзоръ различныхъ отраслей промышленности и подводя итоги цѣнности, по всѣмъ шести разсмотрѣннымъ нами группамъ производства, съ поправками по возможности оффиціальныхъ исчисленій, на основаніи указанныхъ нами соображеній, мы увидимъ, что нашу прядильно-ткацкую промышленность можно оцѣнивать приблизительно въ 265 милліоновъ р.; металлическую въ 35 мил.; химическую въ 143 мил.; гончарную, въ широкомъ значеніи этого слова, включая сюда производство ископаемыхъ строительныхъ матеріаловъ, а также хрустальную, стекляную и зеркальную — въ 12 мил.; производство издѣлій изъ дерева въ 50 милліоновъ; фабричное по преимуществу производство нѣкоторыхъ питатель-

Digitized by Google

ныхъ продуктовъ въ 200 мил. руб. Слѣдовательно, сумма нашего фабричнаго и, насколько подлежитъ исчисленію, нашего ремесленнаго и кустарнаго или домашняго производства, простирается до симисотъ слишкомъ мил. руб. Почти вся эта масса издѣлій потребляется у насъ дома, потому что годовой отпускъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій за-границу не превышалъ въ послѣдніе годы (1866—1868) 16 мил. руб., въ томъ числѣ около 5 мил. руб. въ Европу, и около 11 мил. руб. въ Азію. Большая часть мануфактурныхъ товаровъ, являющихся для продажи на шести тысячахъ нашихъ внутреннихъ ярмарокъ съ ихъ четырехъ-сотъ-милліоннымъ оборотомъ, имѣютъ туземное происхожденіе.

Какъ ни значительно, повидимому, наше мануфактурное производство, имъ далеко не исчерпывается вся сумма потребностей почти восьмидесяти-милліоннаго населенія Россіи, и вслѣдствіе того ежегодно къ намъ привозится еще на сумму до 100 мил. руб. разныхъ иностранныхъ издѣлій. Причина столь значительнаго привоза къ намъ иностранныхъ фабричныхъ произведеній заключается частію въ огромномъ спросѣ нашихъ фабрикъ на необходимые имъ полусырые матеріалы, какъ краски, пряжа и т. п., и на орудія производства, какъ машины и разные металлическіе инструменты; частію же въ удаленіи нашихъ западныхъ и южныхъ окраинъ отъ главнаго средоточія нашей мануфактурной промышленности, и наконецъ въ несовершенствѣ и недостаточной развитости еще многихъ отраслей этой производительности.

Привозъ къ намъ красокъ и химическихъ продуктовъ, достигая нынѣ 15 мил. р. сер., превышаетъ наше собственное производство этихъ предметовъ, потому что фабрикація эта, по многимъ уже указаннымъ нами въ своемъ мѣстѣ причинамъ, развивается медленнѣе, нежели тѣ отрасли промышленности, которыя нуждаются въ продуктахъ химической фабрикаціи. Привозъ машинъ и металлическихъ издѣлій, достигнувшій въ минувшемъ году 50 мил. рублей, въ полтора раза по крайней мѣрѣ превосходитъ нашу туземную металлическую и механическую промышленность, потому что при быстромъ развитіи у насъ въ послѣднее время всѣхъ отраслей промышленности, и при широкомъ распространеніи, какое приняло сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, удовлетвореніе возникающимъ и постоянно возрастающимъ вслѣдствіе того потребностямъ промышленности и желѣзнодорожнаго дѣла оказывалось бы невозможнымъ исключительно, при пособіи одного только туземнаго производства, во многихъ отрасляхъ еще недавно несуществовавшаго и едва лишь возникающаго нынѣ, какъ напр. по части постройки локомотивовъ, приготовленія рель-

Digitized by Google

совъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, отливки стальныхъ артиллерійскихъ орудій и т. п. Высокая степень совершенства, до которой дошли уже всѣ эти производства заграницею, и неотложная потребность въ изготовляемыхъ ими издѣліяхъ, побуждали и правительство наше, и строителей желѣзныхъ дорогъ, и разныхъ фабрикантовъ, пользоваться плодами этой высоко развитой иностранной промышленности предпочтительно предъ издѣліями лишь возникающей однородной туземной производительности, которая притомъ или не дошла еще совсѣмъ до производства нѣкоторыхъ высоко-добротныхъ и цѣнныхъ издѣлій, или не въ состояніи еще производить ихъ, по разнымъ неблагопріятнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ, столь же выгодно и совершенно, какъ они производятся за-границей.

Привозъ къ намъ пряжи разныхъ сортовъ, а также издѣлій льняныхъ, бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ, хотя и составляетъ не болѣе 10% всего нашего туземнаго производства этихъ продуктовъ, но состоитъ преимущественно изъ издѣлій высшаго качества, до производства которыхъ наша промышленность не могла еще возвыситься. Дѣйствительно мы ограничиваемся, даже въ этихъ отрасляхъ, привлекающихъ наибольшіе капиталы и вызывающихъ усиленную конкурренцію, преимущественно выработкою товаровъ средняго и низшаго разбора; такъ, наши прядильни выпрядаютъ, какъ мы уже видѣли, преимущественно пряжу низшихъ и среднихъ нумеровъ; наши ситценабивныя фабрики съ успѣхомъ конкуррируютъ съ иностранными только въ ситцахъ средняго разбора отъ 15 до 28 к. за аршинъ; въ ситцахъ же высшаго достоинства, а также въ кисейныхъ и модныхъ многоколерныхъ издѣліяхъ уступаютъ иностраннымъ въ цѣнѣ отъ 15 до 25%; наши полотняныя фабрики, за немногими только исключеніями, ограничиваются выдѣлкою полотенъ отъ 30 до 60 к. за аршинъ, а привозимыя къ намъ иностранныя полотна доходятъ до 1 р. 40 к. за аршинъ; наши шелковыя фабрики удачно конкуррируютъ съ иностранными только въ среднихъ сортахъ легкодобротныхъ тканей, привозятся же къ намъ главнымъ образомъ цѣнныя ткани непрозрачныя и ленты шелковыя и полушелковыя; наши суконныя фабрики производятъ съ успѣхомъ товаръ не выше 4 р.

Ограничиваясь, такимъ образомъ, производствомъ издѣлій преимущественно средняго и низшаго качества, для многочисленнѣйшаго класса мало достаточныхъ потребителей, наша фабрикація, къ сожалѣнію, не всегда доставляетъ имъ и въ этихъ сортахъ такой же товаръ, какимъ за-границею могутъ пользоваться соотвѣтствующіе классы потребителей; такъ, производимый у насъ въ огромномъ количествѣ одноцвѣтный набивной товаръ цѣною

Digitized by Google

отъ 7 до 8 к. за аршинъ, при всей своей дешевизнѣ, все-таки дороже манчестерскаго, потому что этотъ послѣдній, при той же цѣнѣ, представляетъ среднюю тонину и набивается шестью яркими красками. Главная масса потребляемыхъ нашимъ народомъ кожаныхъ издѣлій, въ особенности обуви, несмотря на прирожденность кожевенной промышленности Россіи, хотя и отличается необыкновенной дешевизной, но страдаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ доброкачественности, и не даромъ говорятъ, что нигдѣ такъ дешево нельзя сработать сапоги и башмаки какъ въ Россіи, но они немногимъ лучше картонныхъ. Почти тоже можно сказать о мылѣ и сальныхъ свѣчахъ, потребность въ которыхъ растетъ въ народѣ, хотя сообразно съ нею не растетъ стремленіе заводчиковъ къ удешевленію и улучшенію этихъ предметовъ первой необходимости.

Вообще, если и нельзя отрицать довольно значительныхъ и замѣтныхъ успѣховъ сдѣланныхъ какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи увеличенія размѣровъ производства, по многимъ отраслямъ промышленности, особенно же по хлопчато-бумажной и писче-бумажной, по льняной, суконной, шелковой, машино-строительной, ножевой, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, бронзовой, химической, стеариновой, резиновой, свеклосахарной и др., вслѣдствіе приложенія къ нимъ значительныхъ капиталовъ и примѣненія усовершенствованныхъ пріемовъ и машинъ,—то не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что при всемъ томъ, какъ въ этихъ самыхъ отрасляхъ, такъ и еще болѣе во многихъ другихъ, производство бо́льшей части фабрикъ ведется самымъ несовершеннымъ образомъ, въ ущербъ самимъ предпринимателямъ, и многочисленнымъ потребителямъ ихъ произведеній.

Обращаясь къ причинамъ несовершеннаго еще во многихъ отношеніяхъ состоянія нашей промышленности, особенно въ сравненіи съ иностранною, нельзя не согласиться, что причины эти многочисленны и лежатъ отчасти въ техническихъ недостаткахъ самой фабрикаціи, отчасти же въ самомъ строѣ нашихъ экономическихъ и общественныхъ отношеній.

Одна изъ причинъ, почему наша фабрикація ограничивается, напр., приготовленіемъ преимущественно издѣлій низшаго и средняго разбора и рѣдко возвышается до высокодобротныхъ и цѣнныхъ, лежитъ въ самомъ свойствѣ первообразнаго матеріала. Такъ, неудовлетворительное положеніе нашего льноводства, которое доставляетъ весьма мало годнаго для тонкой пряжи матеріала, обусловливаетъ собою и производство только низшихъ и среднихъ полотенъ; наша шерсть большею частію дурно сортирована и это отзывается въ самомъ качествѣ большой массы нашихъ су-

Digitized by Google

конъ; притомъ наши овцеводы не всегда слѣдятъ внимательно за требованіями рынка и не соображаются съ его измѣненіями; наши кожи большею частію дурно приготовлены, и потому народъ вынужденъ довольствоваться дурнымъ, хотя и дешевымъ товаромъ и т. д. Эта недоброкачественность нашихъ сырыхъ матеріаловъ не только вынуждаетъ нерѣдко нашихъ фабрикантовъ самихъ выписывать изъ за-границы первообразный матеріалъ для болѣе добротныхъ издѣлій своихъ, но отражается отчасти на нашемъ заграничномъ отпускѣ уменьшеніемъ спроса за-границу нашего сырья, вслѣдствіе появленія на европейскихъ рынкахъ болѣе добротныхъ и часто даже болѣе дешевыхъ сырыхъ матеріаловъ изъ разныхъ частей Стараго и Новаго Свѣта. Чтобъ выдержать это опасное соперничество, и сохранить за собою еще непотерянные рынки, нашимъ производителямъ сырья необходимо обратить вниманіе на возвышеніе его качества, а нашимъ торговцамъ на болѣе тщательную и сообразную съ требованіями заграничнаго рынка его сортировку.

Кромѣ свойства первообразнаго матеріала, не послѣднюю роль играетъ въ фабрикаціи и самая возможность получать его всегда скоро и удобно, по сходнымъ цѣнамъ. Наши фабрики, къ сожалѣнію, часто лишены этихъ удобствъ; у насъ еще нѣтъ ни постоянныхъ рынковъ, ни постоянныхъ складовъ, гдѣ бы наши фабриканты могли во всякое время находить требующіеся имъ сырые матеріалы извѣстнаго качества; наши фабриканты вынуждены большею частію запасаться матеріаломъ на цѣлый годъ, чтобы не подвергать свои фабрики случайностямъ или остановкамъ. Такъ, наши шерстяные фабриканты должны или въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ закупать шерсть на украинскихъ ярмаркахъ и притомъ не мытую, и затѣмъ терять еще около двухъ мѣсяцевъ на мойку и сортировку этой шерсти, что безполезно увеличиваетъ и безъ того значительную затрату капитала, или покупать отъ торговцевъ шерсть преимущественно мытую, хотя и весьма, дурно нерѣдко съ примѣсью глины, мѣшающей окраскѣ въ нѣжные цвѣта, и неправильно сортированную. Заграницей же, кромѣ шерстяныхъ ярмарокъ, учреждены постоянные шерстяные аукціоны и кромѣ того, въ значительныхъ мануфактурныхъ городахъ, существуютъ торговые дома, которые всегда держатъ запасы правильно сортированной и мытой шерсти, такъ что всякій, даже незначительный фабрикантъ, во всякое время года, можетъ получить требующійся ему сортъ шерсти, производя уплату, при недорогомъ дисконтѣ, въ тѣ сроки, которые для него удобны. Тоже можно сказать о желѣзѣ и чугунѣ, потребныхъ для механическихъ заводчиковъ, о хлопчатой бумагѣ, о фарфоровой глинѣ и о другихъ первообразныхъ

Digitized by Google

матеріалахъ нашихъ фабрикъ. Совершенный недостатокъ или чрезмѣрная дороговизна многихъ необходимыхъ для фабрикаціи продуктовъ, какъ напр. соды, соляной кислоты, спирта, красильныхъ матеріаловъ и т. п., вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ, внутреннихъ акцизовъ и высокихъ издержекъ провоза, при дальности разстояній и несовершенствѣ еще нашихъ путей сообщенія, еще болѣе затрудняютъ нашу фабрикацію и возвышаютъ издержки ея производства. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ представителей обширной компаніи стеклянной и хрустальной мануфактуры St. Gobin около Парижа, г. Грегоаръ, которому поручено было посѣтить въ 1863 году Москву, и сообразить возможность устройства тамъ завода, отказался отъ этой мысли, находя, что при страшной дороговизнѣ провозовъ на сырье, выгоднѣе дѣлать товаръ около Парижа и привозить его, съ оплатою пошлины, въ Москву, нежели производить около самой Москвы.

На возвышеніе расходовъ производства имѣетъ у насъ немаловажное вліяніе также необходимость возведенія болѣе прочныхъ и капитальныхъ построекъ для фабрикъ и для жилья рабочихъ, нежели за границею, потому что онѣ требуютъ отопленія въ теченіе по крайней мѣрѣ 7 или 8 мѣсяцевъ; притомъ топливо, особено въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ, обходится крайне дорого, по причинѣ значительнаго уже истребленія лѣсовъ вокругъ заводовъ, недостатка въ собственномъ каменномъ углѣ и дороговизнѣ привознаго. Затраченный на постройку фабрики капиталъ тѣмъ болѣе увеличиваетъ стоимость производства, что фабрикантъ рѣдко можетъ найти съ выгодою подъ залогъ своихъ фабричныхъ строеній свободный капиталъ и употребить его въ оборотъ; между тѣмъ какъ въ Англіи, напр., подъ фабричныя строенія легко получить въ кредитныхъ обществахъ $^2/_3$ ихъ стоимости.

Что касается рабочихъ, то у насъ нѣтъ еще правильно организованной корпораціи рабочаго класса по всѣмъ отраслямъ производства; наши фабричные большею частью нанимаются на фабрики не на круглый годъ, а только на зиму, часто отлучаются въ деревни и любятъ переходить съ фабрики на фабрику, перемѣняя самый родъ производства; съ набивной фабрики они не рѣдко идутъ на суконную, съ суконной на хлопчато-бумажную и наоборотъ, вслѣдствіе того ни въ чемъ они не достигаютъ совершенства, отчего страдаютъ и самыя издѣлія, такъ напр. въ прядильномъ дѣлѣ страдаетъ чистота и безузоризненность выпрядки. При томъ и число рабочихъ дней у насъ не болѣе 240 или 250, слѣд. на 50 или 60 дней ниже, нежели за-границею, вслѣдствіе множества праздниковъ, къ которымъ присоединяются еще прогульные дни, и хотя рабочихъ часовъ у насъ полагается

Digitized by Google

болѣе нежели за-границей, но, по отзыву нашихъ фабрикантовъ, въ данное время нашъ рабочій сработаетъ меньше, чѣмъ иностранный. Если присоединить къ этому полное отсутствіе не только техническаго и художественнаго, но даже самаго простаго общаго образованія у нашего рабочаго, и свойственную широкой славянской натурѣ безпечность, то понятно, какимъ опасностямъ не рѣдко подвергается все фабричное заведеніе, вслѣдствіе небрежнаго и невнимательнаго отношенія рабочихъ къ своему дѣлу. Не одно несчастье случилось на нашихъ фабрикахъ по небрежности мастеровъ и недостатку у нихъ элементарныхъ понятій объ устройствѣ и дѣйствіи паровыхъ котловъ. Все это имѣетъ результатомъ, что несмотря на дешевизну наемной платы, рабочіе обходятся у насъ дорого. Мастеровые же, получившіе нѣкоторый навыкъ, въ особенности въ обращеніи съ машинами, или скоро предъявляютъ непомѣрныя требованія относительно возвышенія платы, или оставляютъ заводъ и переходятъ на другой, гдѣ имъ охотно даютъ высшую плату, по недостатку опытныхъ машинистовъ. Наши механичесчіе заводчики особенно жалуются на такое положеніе дѣлъ.

Замѣна живой рабочей силы машинами не только встрѣчает у насъ препятствіе въ недостаткѣ лицъ, умѣющихъ управлять ими, но и особенно въ дороговизнѣ какъ топлива, такъ и самыхъ машинъ, въ недостаткѣ собственно механическихъ заведеній, въ высокихъ издержкахъ ихъ производства, и въ огромныхъ накладныхъ расходахъ, достигающихъ 50 и 60%, при выпискѣ машинъ изъ за-границы. Поэтому, многія фабрики и заводы предпочитаютъ еще до сихъ поръ довольствоваться водяными двигателями, несмотря на продолжительныя остановки въ полую воду.

Неразвитость рабочаго сословія, недостатокъ примѣненія машинъ, наконецъ вообще слабое распространеніе у насъ техническихъ знаній, препятствуютъ конечно и введенію въ широкихъ размѣрахъ раздѣленія труда на нашихъ фабрикахъ, а ограниченность вообще производства препятствуетъ спеціализаціи самого труда между заводами. Такъ, напр., наши бронзовыя фабрики при ограниченности ихъ числа, изготовляютъ всевозможныя изъ дѣлія, тогда какъ, напр., во Франціи каждая фабрика производитъ одинъ какой-либо родъ работы, какъ-то: отливку, рѣзьбу, позолоту, сборку частей и окончательную ихъ отдѣлку. Также точныя и механическіе заводы занимаются исполненіемъ заказовъ самаго разнообразнаго рода, при чемъ, по ограниченности числа однородныхъ заказовъ, расходы на пріуготовительныя работы, стоющія вообще и вездѣ весьма дорого, всею своею тяжестью упадаютъ на тѣ немногіе заказы, которые приходится исполнять, возвышаютъ стоимость издѣлій. Не менѣе значительны расход

Digitized by Google

и по изготовленію рисунковъ, особенно требующихъ художественнаго выполненія, по недостаточному распространенію у насъ художественнаго образованія и слабому развитію изящнаго вкуса въ нашемъ промышленномъ сословіи. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ производствѣ модныхъ матерій, въ фабрикаціи золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, и ярко бросается въ глаза въ безвкусной пестротѣ носимыхъ народомъ дешевыхъ матерій.

Не мало вредитъ успѣху промышленнаго развитія и то, что значительная часть промышленности находится въ рукахъ мелкихъ капиталистовъ и особенно сельскихъ производителей, которые ни по своему образованію, ни по своимъ средствамъ не въ состояніи внести современныхъ улучшеній въ свое производство. Наша кустарная промышленность до сихъ поръ дѣлаетъ опасную конкурренцію во многихъ отрасляхъ фабричному производству, доставляя издѣлія, хотя и низкаго сорта, но необыкновенно дешево, потому что при экономическихъ условіяхъ нашего крестьянскаго сословія она можетъ производить съ самымъ ничтожнымъ барышемъ. При обширности кустарной промышленности и благопріятныхъ условіяхъ ея существованія, было бы неразумно желать ея исчезновенія: но она можетъ и должна быть улучшена, внесеніемъ въ нее извѣстной доли знаній, соединеніемъ ея мелкихъ разрозненныхъ силъ въ болѣе стройныя цѣлыя, путемъ ассоціацій или артелей, доставленіемъ средствъ къ полученію дешеваго кредита, для оптовой покупки орудій и матеріаловъ и для продажи издѣлій и освобожденіемъ отъ зависимости кулаковъ-монополистовъ. Только такими средствами можетъ подняться наша смолокуренная, кожевенная, ножевая и другія отрасли кустарной промышленности и могутъ стать наши деревенскіе прядильщики и ткачи въ нѣкоторую независимость отъ фабрикантовъ.

Если присоединить къ этому дороговизну у насъ капиталовъ, отсутствіе законовъ о варрантахъ или авансахъ, и въ особенности малое развитіе большинства промышленнаго сословія, часто чуждаго не только техническаго, но даже и общаго образованія, и вслѣдствіе того довольствующагося фабричными пріемами своихъ отцевъ и дѣдовъ, или находящагося въ рукахъ дорогою цѣною выписанныхъ изъ за-границы мастеровъ, тогда сумма нашихъ промышленныхъ неустройствъ окажется довольно полновѣсною. Правда, въ послѣднее время исключенія начинаютъ встрѣчаться у насъ чаще; молодое поколѣніе нашихъ промышленниковъ начинаетъ сознавать потребность болѣе спеціальнаго образованія не только для себя, но и для своихъ мастеровъ и рабочихъ, начинаетъ вводить улучшенія въ свои производства, промышленныя за-

Digitized by Google

нятія начинаютъ пользоваться нѣкоторымъ почетомъ въ обществѣ и получать гражданскую равноправность съ другими общественными занятіями, но все это не болѣе какъ зачатки и зародыши новой будущности, занимающаяся заря новой эпохи. Большинство представителей нашей промышленности, даже наиболѣе образованныхъ, сознавая всѣ невыгодныя условія своего производства, заботятся о такъ-называемомъ раціональномъ тарифѣ, о тарифѣ съ высокими пошлинами, а не объ устраненіи тѣхъ многочисленныхъ препятствій къ развитію промышленности, на которыя они сами постоянно указываютъ и которыя мы здѣсь только сгруппировали, такъ-сказать, съ ихъ собственныхъ словъ; они предоставляютъ это времени!

Между тѣмъ, несомнѣнные успѣхи, дѣлаемые нашею промышленностью и весьма рельефно выступающіе послѣдовательно на каждой выставкѣ, особенно же ярко обнаружившіеся на послѣдней петербургской, доказываютъ, что и при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ своего существованія, и даже подъ гнетомъ пониженія таможенныхъ пошлинъ, русская промышленность можетъ идти впередъ и совершенствоваться. Если знаменитый Александръ Гумбольдтъ, обозрѣвая въ 1829 г. съ графомъ Канкриным первую мануфактурную выставку въ С.-Петербургѣ могъ сказать, что онъ и черезъ тридцать лѣтъ не ожидалъ бы такихъ успѣховъ въ Россіи, то безъ сомнѣнія, послѣдняя петербургская выставка еще съ большимъ правомъ могла бы заслужить подобный отзывъ. Но весь этотъ успѣхъ и блескъ, представляемый нашими выставками, до тѣхъ поръ будетъ лишь лежать тонкимъ наружнымъ слоемъ на нашей промышленности, не проникая въ самую глубь ея, пока само промышленное сословіе не соединится въ дружныхъ усиліяхъ для содѣйствія и правительству, и обществу, къ измѣненію невыгодныхъ условій, въ которыхъ нынѣ существуетъ наша промышленность, и не будетъ идти твердо по этому пути. Справедливость требуетъ сказать, что оно уже начинаетъ сознавать эту потребность и что многое сдѣлано уже для его удовлетворенія. Что̀ именно сдѣлано для промышленности и что̀ еще остается сдѣлать въ ея пользу, это мы постараемся разсмотрѣть подробнѣе въ особой статьѣ.

В. Вешняковъ.

Digitized by Google

НИЩАЯ НА МОСТУ

I*).

Громадный городъ былъ одѣтъ
Какъ будто саваномъ. И свѣтъ,
И мракъ сливалися кругомъ,
И небо тусклое дождемъ
Печально плакало....
Въ тотъ часъ
По улицѣ, гдѣ разлилась
Грязь мутно-сѣрою волной,
Шла женщина. Надъ ней съ тоской
Нылъ вѣтеръ, дождь въ лицо ей билъ,
Но тупо-равнодушенъ былъ
Ея поблекшій ликъ: она
Шла медленно, не смущена
Ни воемъ вѣтра, ни дождемъ,
И въ безучастіи нѣмомъ
Кругомъ бросала тусклый взглядъ.
Ея изношенный нарядъ
Былъ страшенъ: прорванный платокъ
Костлявыхъ плечъ прикрыть не могъ,
И нагота ихъ тутъ и тамъ
Виднѣлася. По волосамъ
Растрепаннымъ текла вода.
Остановившись иногда,

*) Этими строфами начинается поэма «Misery» Овена Мередита, одного изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, пользующагося извѣстностью и заслужившаго одобреніе англійскихъ критиковъ.

Digitized by Google

Несчастная сжимала вдругъ
Худую грудь — и пальцы рукъ
Отъ кашля тяжкаго тряслись,
И капли грязныя лились
Съ измоченныхъ лохмотьевъ, внизъ
На тротуарныя плиты....

II.

Но въ рубищѣ ея черты
Хранили слѣдъ той красоты,
Которой въ дни своей весны
Она цвѣла. Средь глубины
Ея печальныхъ, впалыхъ глазъ
Еще тотъ пламень не погасъ,
Что въ нихъ горѣлъ порой, когда
Она безпечна, молода
Привѣтомъ счастія жила;
И злая бѣдность не могла
Съ поблекшихъ устъ ея сорвать
Улыбки молодой печать;
И влажныхъ косъ ея волна
Была пышна, была темна,
И подъ лохмотьями она
Прекрасной женственности тѣнь
Еще таила. Есть ступень
Ужасной, дикой нищеты,
Когда всѣ божія черты
Стираетъ въ человѣкѣ гнётъ
Несчастья, скорби и заботъ;
Но въ этой нищей вы узнать
Могли-бъ еще сестру и мать
И женщину. Какъ тотъ цвѣтокъ,
Который къ осени поблекъ,
Она печальной красотой
Къ себѣ влекла....

III.

Туманъ сырой
Сталъ гуще. Въ сумрачной тѣни

Digitized by Google

Зажглися фонарей огни,
И темны, мрачны, какъ тюрьма,
Стоятъ огромные дома.
Несется мимо цѣпь каретъ
И грохотъ имъ летитъ во слѣдъ.
Толпы прохожихъ тамъ и тутъ
Печально въ сѣрой тьмѣ бредутъ,
Какъ будто тѣни на погостъ....
Вотъ надъ рѣкой огромный мостъ
Согнулся аркою. Подъ сводъ
Рѣка, какъ черный змѣй, ползетъ
И съ ропотомъ немолчнымъ бьетъ
О камни старые волной....

IV.

Рѣки заслышавъ шумъ глухой,
Она пошла на мостъ и тамъ
Остановилась и къ волнамъ
Склонила взоръ. Въ лицо пахнулъ
Ей влажный холодъ. Странный гулъ
Громадныхъ улицъ, свѣтъ огней,
Въ туманѣ брезжущихъ предъ ней —
Весь этотъ городъ въ пеленѣ
Холодной мглы, какъ въ дикомъ снѣ
Ее томилъ и ужасалъ.
А въ глубинѣ бурливый валъ
Ей съ лаской мрачною шепталъ:
Бросайся внизъ! Кончай борьбу
Съ мученьями. Свою судьбу
Не обойдешь: могилы пасть
Открыта всѣмъ; въ нее упасть
Теперь, потомъ — не все-ль равно?
Страданье новое одно
Прибавивъ къ тысячѣ другихъ,
Ты навсегда забудешь ихъ!
Пусть добровольный твой конецъ
Осудятъ люди, но Творецъ
Проститъ тебѣ!...
Потокъ затихъ.
Недвижно въ бездну волнъ сѣдыхъ
Она глядитъ: вотъ средь рѣки

Digitized by Google

Возстала тѣнь и двѣ руки
Къ ней протянулись изъ волны
И въ тьму холодной глубины
Привѣтно манятъ, манятъ....

V.

Нѣтъ,
Волнъ искушающій привѣтъ
Еще безсиленъ надъ душой
Несчастной женщины. Съ тоской
Невольно вспомнила она,
Что жизнь ея другимъ нужна,
И что для нихъ — жена и мать —
Она не смѣетъ умирать.
Но жить... зачѣмъ?... Не для того-ль,
Чтобъ ихъ скорбей усилить боль,
Чтобъ часть ихъ скуднаго куска
Ѣсть безполезно?...
И рѣка —
Ей чудилось — надъ нею вдругъ
Захохотала. Дикій звукъ
Веселья бездны отдался
Подъ темнымъ сводомъ и слился
Въ безумный стонъ, въ немолчный крикъ,
И въ грудь ей трепетомъ проникъ!
Простерши руки предъ собой,
Она со страхомъ и мольбой
Шептала: «Нѣтъ, не въ эту ночь...
Меня ждетъ Вилли... я помочь
Ему должна... онъ боленъ... Дочь
И сынъ малютка... Бросить всѣхъ...
На вѣкъ разстаться...»

VI.

Дѣтскій смѣхъ
Вблизи раздался, и она,
Какъ будто пробудясь отъ сна,
Кругомъ взглянула: передъ ней
Шла группа рѣзвая дѣтей —

Digitized by Google

Двѣ дѣвочки и мальчикъ. Свѣтъ
Отъ фонаря бросалъ свой слѣдъ
На лица ихъ, позолотивъ
Кудрей ихъ шелковыхъ извивъ
И щекъ румянецъ. Ухвативъ
Другъ друга за руки они
Бѣжали весело. Въ тѣни
Дождливой ночи лепетъ ихъ
На мигъ раздался и затихъ....
Но долго вслѣдъ за ними въ даль
Она глядѣла, и печаль
Ей сжала сердце: передъ ней
Мелькнуло счастье прошлыхъ дней...

VII.

Вотъ дальней родины село;
Сіяетъ лучъ весны свѣтло;
Все разцвѣтаетъ. Ароматъ
Шиповника обвѣялъ садъ.
На изгородь склонясь, блестятъ
Цвѣты роскошныхъ дикихъ розъ,
И стая голубыхъ стрекозъ
Звенитъ надъ ними. Рядъ домовъ
Склоняетъ кровли. Межъ листовъ
Зеленыхъ ветелъ вѣтерокъ
Играетъ тихо и, высокъ,
Церковный шпицъ блеститъ въ дали;
И, тая въ золотой пыли,
Дороги тянется извивъ
Между полей и пышныхъ нивъ
И убѣгаетъ въ темный лѣсъ;
И ярко въ золотѣ небесъ,
Какъ будто розовой узоръ
Сверкаютъ выси дальнихъ горъ....

VIII.

Ей вспомнилась любви пора
Такъ ясно, будто лишь вчера
Тѣхъ свѣтлыхъ дней волшебный сонъ

Digitized by Google

Надъ ней провѣялъ....
Небосклонъ
Облитъ лучами. Тамъ и тутъ,
Какъ лебеди, по немъ плывутъ
Лѣниво облака. Народъ,
Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Въ деревню весело бредетъ.
Подъ солнцемъ косъ блестящихъ сталь
Порой сверкаетъ, какъ хрусталь.
На мягкій золотой песокъ
Дороги полосами легъ
Прощальный лучъ, и отъ стѣны
Зеленыхъ нивъ, отражены,
Мелькаютъ тѣни...
Стороной
Она идетъ рука съ рукой
Съ любимымъ Вилли. Взоры ихъ
Сіяютъ радостно и тихъ
Завѣтный разговоръ... И ей
Онъ шепчетъ о любви своей,
О близкомъ свадебномъ вѣнцѣ,
И въ молодомъ его лицѣ
Надежда свѣтлая видна....
И съ тайнымъ трепетомъ она,
Краснѣя, будто маковъ цвѣтъ,
Ему улыбку шлетъ въ отвѣтъ...
И божій міръ имъ такъ хорошъ,
Такъ ясенъ! Наклоняетъ рожь
Колосья пышные, шурша;
И нива, теплотой дыша,
Перегибается слегка
Подъ нѣжной лаской вѣтерка
И сладкимъ шумомъ волнъ своихъ
Рѣчамъ и вздохамъ вторитъ ихъ,
И жавронокъ, надъ ней взлетѣвъ,
Поетъ для нихъ любви напѣвъ...

IX.

Вотъ старый домикъ ихъ. Окно
Въ зеленый плющъ заплетено,
И ранній свѣтъ сквозь изумрудъ

Digitized by Google

Его листовъ проникъ въ пріютъ,
Гдѣ счастье и любовь живутъ...
Еще зардѣлася едва
Съ востока неба синева,
А Вилли бодрый, молодой
Ужъ всталъ. Съ ребенкомъ и женой
Поцѣловался и спѣшитъ
На ранній трудъ. Довольный видъ
И пѣснь веселья — говорятъ,
Что бѣдный труженикъ богатъ
Привѣтомъ счастья... Изъ окна
Во слѣдъ ему глядитъ она
Съ улыбкой ясной на устахъ,
И въ кроткихъ любящихъ очахъ
Такая радость и покой,
Какъ въ этой выси голубой,
Гдѣ утра блѣдная звѣзда
Сіяетъ тихо... Никогда
Въ мечтаньи лучшихъ грезъ своихъ
Она не думала, чтобъ ихъ
Простое счастіе могло
Быть такъ отрадно, такъ свѣтло!
И что же?...
Все какъ сонъ прошло!

X.

«О, еслибы еще хоть разъ
Вдохнуть въ вечерній тихій часъ
Тѣхъ розъ чудесный ароматъ,
О, еслибъ вновь увидѣть садъ,
И домъ родной и тотъ лѣсокъ,
Гдѣ по камнямъ бѣжитъ потокъ,
Сверкая чистымъ серебромъ,
И тамъ въ орѣшникѣ густомъ,
Какъ прежде, отдохнуть вдвоемъ
Съ любимымъ Вилли... можетъ быть
Намъ Богъ захочетъ возвратить
Былое счастье, и опять
Моимъ малюткамъ подышать
Тамъ доведется, гдѣ они
Рѣзвились весело, во дни,

Digitized by Google

Когда еще не знали мы
Ни душной городской тюрьмы,
Ни страшной бѣдности...»
Слеза
Увлажила ея глаза,
И грустный взоръ она съ мольбой
На небо подняла...

XI.

Но тьмой,
Ужасной тьмой зіялъ небесъ
Непроницаемый навѣсъ,
И мнилось, тамъ царить не могъ
Любви и милосердья богъ,
И только въ мрачной пустотѣ
Звучали скорбно стоны тѣ,
Что сонмы бѣдняковъ земли
Къ Творцу съ тоскою вознесли;
И этихъ стоновъ страшный гулъ
Безплодно въ безднахъ тучъ тонулъ,
И стѣны городскихъ громадъ,
Сдвигаяся угрюмо въ рядъ,
Ему внимали, и рѣка
Рвалася подъ мостомъ, дика,
Какъ будто странный гулъ ночной
Хотѣла заглушить волной...

В. Бурениинъ.

Digitized by Google

ФИЗІОЛОГІЯ

РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою настоящаго года.

IX*).

Процессъ поступленія въ тѣло газообразныхъ веществъ.—Устройство лёгкаго и грудной клѣтки, какъ дыхательнаго аппарата.—Измѣненія воздуха при дыханіи.

Мм. гг.! сегодня я начинаю говорить о процессѣ поступленія въ тѣло газообразныхъ веществъ, или о процессѣ дыханія. При первомъ взглядѣ онъ состоитъ изъ однихъ періодическихъ расширеній и спаденій груди, связанныхъ съ попеременнымъ вхожденіемъ и выхожденіемъ воздуха черезъ полость рта и носа. Но всякій понимаетъ, что это должно быть лишь начало дѣла и что сущность процесса лежитъ гдѣ-нибудь глубже. Кому не извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что безъ воздуха ни человѣкъ, ни животное не могутъ прожить даже нѣсколькихъ минутъ? — Воздухъ, повидимому, даже несравненно болѣе нуженъ животному, чѣмъ пища и питье. Всё это вамъ, мм. гг., конечно извѣстно, но не всякій изъ васъ знаетъ причину такой страшной потребности въ воздухѣ, и разъяснить её моя первая обязанность.

Извѣстно, что человѣка и животное можно задушить, зажавши ему ротъ, сдавивши чрезвычайно сильно грудь (чтобы она не могла ни расширяться, ни спадаться), или наконецъ сда-

*) См. выше, окт. 619; нояб. 207 стр.

Digitized by Google

вивъ дыхательное горло — ту трубку, которая изъ гортани ведетъ въ полость легкаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подавлено однако какъ вхожденіе воздуха въ лёгкое (очевидно, онъ долженъ идти туда, иначе перевязка дыхательнаго горла не могла бы производить задушенія), такъ и выхожденіе его оттуда, и слѣдовательно нельзя рѣшить, что́ именно произвело задушеніе. Но вотъ опыты уже ближе ведущіе къ цѣли: вмѣсто атмосфернаго воздуха, представляющаго смѣсь кислорода (21% по объему) и азота (79% по объему), можно брать каждую изъ составныхъ частей его въ отдѣльности и заставлять животное дышать тѣмъ и другимъ газомъ совершенно свободно. Оказывается, что кислородомъ животное дышетъ нисколько не хуже, чѣмъ атмосфернымъ воздухомъ; но въ азотѣ, несмотря на свободу вдыханія и выдыханія, оно погибаетъ также скоро, и съ тѣми же припадками задушенія, какъ и при закрытіи рта и носа. Это уже указываетъ вамъ, что для жизни при дыханіи важенъ только кислородъ; и слѣдовательно задача наша должна заключаться въ описаніи его судебъ съ того момента, когда онъ входитъ при каждомъ вдыханіи въ полость рта и носа.

Изучая пищу человѣка съ точки зрѣнія рабочаго матеріала, я имѣлъ уже случай сказать вамъ, что въ животное тѣло, какъ въ печь паровой машины, безпрерывно входитъ необходимый для горѣнія кислородъ воздуха, и теперь вы видите въ самомъ дѣлѣ, что лёгкое должно имѣть значеніе поддувала, приводящаго въ тѣло воздухъ. Но тамъ же было сказано, что лёгкое, подобно трубѣ паровой машины, выводитъ въ тоже время продукты сгарапія—воду и угольную кислоту. Это и происходитъ, мм. гг., такъ на самомъ дѣлѣ, притомъ при посредствѣ тѣхъ же дыхательныхъ движеній груди, только не въ моментъ ея расширенія, а наоборотъ при спаденіи. Оба процесса сливаются слѣдовательно во времени, и чрезъ это я принужденъ описывать ихъ разомъ.

Такимъ образомъ, къ нашей первой задачѣ присоединяется вопросъ о газообразныхъ продуктахъ окисленія съ момента ихъ образованія до выхода наружу при посредствѣ дыхательныхъ движеній.

Если же оба процесса поставить, наконецъ, въ причинную связь другъ съ другомъ, тогда дыханіе получаетъ значеніе процесса разрушенія (горѣнія?) веществъ въ тѣлѣ подъ вліяніемъ кислорода воздуха.

Этимъ и опредѣляется какъ общая задача нашего изслѣдованія, такъ и составляющіе ее частные вопросы.

Сначала мы должны, конечно, изучать механизмъ вхожденія

Digitized by Google

и выхожденія воздуха при посредствѣ дыхательныхъ движеній. Съ этой цѣлью намъ необходимо познакомиться съ устройствомъ лёгкаго и грудной клѣтки.

Ткань лёгкаго представляется на ощупь очень рыхлой, притомъ она очень легка—куски лёгкаго, брошенные на воду, плаваютъ на ея поверхности. Это происходитъ оттого, что наибольшую по объему массу лёгкаго составляютъ пропизывающія его воздушныя полости. Послѣднія устроены такимъ образомъ. Начинаясь *гортанью* (которая легко ощупывается на шеѣ въ формѣ выступа), онѣ продолжаются отсюда въ формѣ трубки, называемой *дыхательнымъ горломъ*; сначала эта трубка одинокая, но опустившись по передней части шеи въ полость груди, переходитъ въ двѣ главныхъ вѣтви для праваго и лѣваго лёгкаго. Каждая изъ послѣднихъ начинаетъ въ свою очередь древообразно вѣтвиться до тѣхъ поръ, пока вѣточки, постоянно остающіяся открытыми трубочками, не достигнутъ микроскопическихъ размѣровъ; здѣсь концы ихъ переходятъ въ пузырчатыя полости, называемыя *легочными пузырьками*. Въ большихъ дыхательныхъ трубкахъ, чтобы полости ихъ всегда оставались открытыми, зіяющими, въ составъ стѣнокъ входятъ полныя или несовсѣмъ полныя хрящевыя кольца, но по мѣрѣ уменьшенія калибра трубокъ хрящи исчезаютъ мало-по-малу, и здѣсь зіяющее состояніе поддерживается тѣмъ, что лёгкое, какъ вы знаете, даже на трупѣ растянуто во всѣ стороны за предѣлы своего естественнаго объема. Кромѣ того, въ составъ дыхательныхъ трубокъ входитъ слизистая оболочка съ эпителіальной покрышкой (изнутри), а поверхъ ея мышечная. Въ пузырькахъ всѣ эти слои сливаются въ очень тонкую пластинку, въ толщѣ которой разсыпаются однако густой сѣтью волосные сосуды лёгочной артеріи. Сѣти эти заходятъ и на тѣ внутренніе выступы изъ стѣнокъ лёгочныхъ пузырьковъ, которые дѣлаютъ полости ихъ какъ бы ноздреватыми. Нужно однако замѣтить, что всѣ эти маленькія полости открыто сообщаются съ выводной трубочкой своего пузырька, и слѣдовательно, выступы изъ стѣнокъ лёгочныхъ пузырьковъ лишь увеличиваютъ собою поверхность соприкосновенія крови съ общимъ содержимымъ всей лёгочной полости. Нечего и говорить, что это содержимое есть всегда газъ (независимо отъ мокроты, выдѣляемой слизистой оболочкой). Такова наибольшая масса лёгочной ткани; остальное, т.-е. промежутки между мелкими дыхательными вѣточками съ ихъ пузырьками, заткано густой сѣтью упругихъ волоконъ и пластинокъ, по которой къ лёгкому направляются кровеносные и лимфатическіе сосуды. Вся эта масса (вмѣстѣ съ мелкими дыхательными трубоч-

Digitized by Google

ками и пузырьками) отличается чрезвычайной растяжимостью—самаго слабаго напора воздуха въ вырѣзанное лёгкое достаточно для его растяженія; но за то оно и съ такою же легкостью возвращается къ прежнему объему, когда прекратилось растяженіе. Слѣдовательно вообще, лёгкое можетъ быть уподоблено эластическому мѣшку, съ огромной, вслѣдствіе вѣтвленія трубокъ, внутренней поверхностью, плотно прилегающему своими стѣнками къ стѣнкамъ грудной клѣтки.

Вы уже знаете, что грудная клѣтка представляетъ подвижную герметически закрытую полость, дно которой составляетъ мягкая діафрагма, а твердый остовъ боковъ и верха образованы почти исключительно позвоночникомъ, съ отходящими отъ него ребрами, и грудной костью, въ которую ребра упираются своими передними хрящевыми концами. Всѣ промежутки между ребрами выполнены двумя слоями мышцъ, называемыхъ межреберными. Въ наружномъ слоѣ всѣ ихъ волокна идутъ по направленію сзади и сверху впередъ и внизъ; волокна же внутреннихъ межреберныхъ мышцъ направлены наоборотъ, спереди и сверху кзади и внизъ. И діафрагма, эта большая круглая перепонка, натянутая поперечно между полостью груди и живота, выстроена тоже изъ мышцъ, но не по всей своей поверхности: средина ея сухожильная, и отсюда мышечныя волокна расходятся къ окружности діафрагмы, какъ радіусы изъ центра круга. Подвижность костнаго скелета грудной клѣтки обусловливается тѣмъ, что всѣ безъ исключенія ребра своими задними концами сочленены съ позвонками такимъ образомъ, что, могутъ, двигаясь около этихъ точекъ, какъ центровъ, подниматься и опускаться своими передними концами вверхъ и внизъ; и хотя эти концы (не нужно забывать, что они хрящевые, а хрящи обладаютъ, какъ извѣстно, гибкостью) упираются въ грудную кость, но при подвижности послѣдней (упритесь при дыханіи пальцемъ въ самую середину груди въ верхней ея половинѣ; несмотря на то, что здѣсь именно лежитъ грудная кость, вы замѣтите приподниманіе и опусканіе груди и въ этомъ мѣстѣ), эта связь можетъ лишь ограничивать, но никакъ не парализовать движеніе реберъ.

Такъ устроена грудная клѣтка въ смыслѣ герметически закрытой полости съ подвижными стѣнками. Теперь посмотримъ на тѣ силы, которыми приводятся въ движеніе ея стѣнки.

Силы эти, мм. гг., мышечныя и онѣ даны цѣлою системою грудныхъ и брюшныхъ мышцъ, въ число которыхъ входятъ однако какъ діафрагма, такъ и межреберныя мышцы. Послѣднія, какъ видите, играютъ двойную роль: служа для закупорки

Digitized by Google

грудной полости, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ двигаютъ ея стѣнки. Если изъ дыхательныхъ мышцъ исключить діафрагму, то всѣ остальныя являются двигателями реберъ и распадаются на двѣ большія группы, противуположныя по своему дѣйствію: одна группа производитъ вдыханіе—поднимаетъ передніе концы реберъ кверху; другая производитъ выдыханіе, опуская ихъ книзу. 1-я группа можетъ быть представлена себѣ въ формѣ одинокой мышцы, которая, имѣя точку опоры въ верхней части позвоночника, выше всѣхъ реберъ, посылаетъ сократительныя фибры ко всѣмъ переднимъ концамъ послѣднихъ; другая группа можетъ быть представлена, наоборотъ, мышцей, которая, прикрѣпляясь къ тѣмъ же переднимъ концамъ реберъ, имѣетъ точку опоры въ позвоночникѣ снизу, подъ уровнемъ всѣхъ реберъ. Явно, что первая система, при своемъ укороченіи, будетъ притягивать концы реберъ кверху, а другая, наоборотъ, книзу; не менѣе ясно также, что, судя по направленію фибръ, наружныя межреберныя мышцы должны входить въ группу вдыхателей, а внутреннія—принадлежать къ системѣ ихъ антагонистовъ. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

При усиленномъ дыханіи работаютъ обѣ системы дыхательныхъ мышцъ цѣликомъ, но при нормальныхъ условіяхъ, когда оно совершается совершенно спокойно, работаютъ только вдыхатели, да и то далеко не всѣ: у нѣкоторыхъ животныхъ одна только діафрагма, а у человѣка она и наружныя межреберныя мышцы; выдыханіе же происходитъ совершенно пассивно, безъ всякаго участія мышечныхъ силъ.

Вотъ какъ дѣло происходитъ.

Передъ вдыханіемъ діафрагма, какъ на трупѣ, вдается куполомъ въ грудную полость и всѣ ребра наклонены своими передними концами книзу. Какъ только начинается вдыханіе, начинаютъ укорачиваться всѣ мышечныя волокна діафрагмы разомъ; ихъ неподвижныя точки лежатъ въ окружности діафрагмы, а подвижныя въ центрѣ, притомъ каждое волокно идетъ по кривой купола;—явно, что вслѣдствіе укороченія волоконъ діафрагма должна уплощаться и увеличивать полость грудной клѣтки на счетъ полости живота. Это и бываетъ всегда видно изъ того, что при вдыханіи вмѣстѣ съ расширеніемъ груди всегда замѣчается выпячиваніе передней стѣнки живота, отъ сдавливанія діафрагмой содержимаго брюшной полости [1]). Рядомъ съ діафрагмой сокращаются, какъ сказано, наружныя межреберныя

[1]) Уплощеніе діафрагмы, конечно, еще лучше можно видѣть на животномъ при вскрытіи полости живота.

Digitized by Google

мышцы. Чтобы сдѣлать вамъ понятнымъ ихъ дѣйствіе, я принужденъ прибѣгнуть къ очень простой, но поучительной схемѣ въ формѣ четырехъ-угольной рамки, подвижной во всѣхъ своихъ углахъ. (рис. 14). Одну изъ этихъ сторонъ я беру въ лѣвую руку и держу ее неподвижно въ отвѣсномъ направленіи; пусть эта сторона изображаетъ позвоночникъ; тогда прикрѣпленныя къ ней двѣ горизонтальныя пластинки будутъ изображать 2 ребра, а остальная сторона—грудную кость, въ которую упираются ребра; вы видите далѣе, что черезъ промежутокъ между горизонтальными пластинками (между ребрами) протянутъ эластическій шнурокъ, плотно прикрѣпленный своими концами къ той и другой; шнурокъ этотъ имѣетъ направленіе сверху и отъ позвоночника книзу и къ грудной кости, какъ расположены волокна наружной межреберной мышцы, и онъ назначенъ изображать дѣйствіе именно этой мышцы. Теперь я беру схематическую грудную кость въ правую руку и тяну ее книзу; тогда ребра получаютъ наклонное положеніе, какъ передъ вдыханіемъ, и шнурокъ натягивается; выпускаю грудную кость на свободу—вы видите, *подъ вліяніемъ сокращенія, или укороченія шнурка*, изображающаго фибру наружной межреберной мышцы, схематическія *ребра поднимаются кверху;* вмѣстѣ съ этимъ *разстояніе между ребрами увеличивается* и наконецъ *грудная кость удаляется отъ позвоночника*. Все это происходитъ съ грудной клѣткой и въ дѣйствительности. Посмотрите на ея тѣнь въ профиль при дыханіи—заднее очертаніе остается неподвижнымъ, а переднее отъ него удаляется. Вложите себѣ между ребрами конецъ пальца и произведите глубокое вдыханіе — пальцъ тотчасъ же чувствуетъ расхожденіе реберъ; обратите, наконецъ, вниманіе на положеніе пальца, и вы увидите, что вмѣстѣ съ ребрами онъ поднимается при вдыханіи кверху.

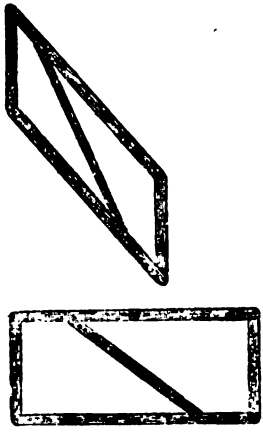


Рис. 14.

Вслѣдъ за вдыханіемъ безъ малѣйшаго перерыва слѣдуетъ спаденіе грудной клѣтки — выдыханіе. Этотъ моментъ соотвѣтствуетъ концу мышечныхъ сокращеній, стало быть діафрагма перестаетъ уплощаться далѣе, а поднятыя ребра уже не тянетъ болѣе никакая сила кверху. Но уплощенная діафрагма сдавила брюшныя внутренности и, разслабѣвъ, не можетъ противустоять

Digitized by Google

теперь ихъ напору и снова вдавливается куполомъ въ грудную клѣтку; а ребра, брошенныя мышцами внѣ своего естественнаго положенія, очевидно должны вернуться къ нему, съ одной стороны просто по тяжести, съ другой эластическими силами въ ихъ хрящевыхъ концахъ, тоже выведенныхъ изъ натуральнаго положенія; — они опускаются передними концами книзу. Пассивное спаденіе расширенной грудной клѣтки всего проще видѣть на трупѣ, если вдунуть черезъ дыхательное горло воздухъ и быстро перестать дуть.

Этими движеніями, періодически повторяющимися всю жизнь, непосредственно достигается расширеніе и спаденіе грудной клѣтки во всѣхъ направленіяхъ, а черезъ нихъ расширеніе и спаденіе лёгкаго, ведущее къ увеличенію или уменьшенію его полости. Причина, почему вслѣдъ за активными движеніями грудной клѣтки должно слѣдовать пассивное расширеніе и спаденіе лёгкаго, заключается въ упругости послѣдняго и въ томъ, что оно повсюду плотно соприкасается со стѣнками грудной клѣтки. Если вы вообразите хоть на минуту, что лёгкое не слѣдуетъ за расширяющейся грудной стѣнкой, то между нимъ и ею должна будетъ образоваться пустота; а вы знаете, что при этомъ условіи всякій эластическій мѣшокъ, наполненный воздухомъ, не будетъ оставаться неподвижнымъ — онъ станетъ расширяться подъ вліяніемъ давленія воздуха изнутри. Этотъ самый процессъ и происходитъ собственно при нормальномъ расширеніи лёгкаго: въ каждую послѣдовательную безконечно малую единицу времени между нимъ и расширяющейся грудной стѣнкой существуютъ условія къ образованію пустоты, но въ силу этихъ же условій лёгкое въ туже единицу времени должно растянуться на безконечно малую величину. Тѣже самыя причины мѣшаютъ лёгкому и при спаденіи его опережать грудную клѣтку; оттого-то оно и слѣдуетъ за нею, какъ говорится, пассивно во всѣхъ ея движеніяхъ.

Но при дыханіи расширяющаяся и съуживающаяся полость лёгкаго все время остается въ открытомъ сообщеніи (черезъ дыхательное горло, гортань, полость рта и носа) съ окружающимъ воздухомъ; — это положительно условія мѣховъ, въ которыхъ воздушная полость періодически то увеличивается, то уменьшается; и понятно, что воздухъ въ расширяющееся лёгкое долженъ входить какъ въ мѣхъ, а при спаденіи грудной клѣтки возвращаться назадъ.

Но какъ далеко въ глубь лёгкаго можетъ доходить струя свѣжаго вдыхаемаго воздуха? При чрезвычайной узости конечныхъ вѣтвей дыхательнаго горла, возможно думать, что воздухъ не до-

Digitized by Google

ходитъ до самаго дна лёгкаго. Одной минуты размышленія однако достаточно, чтобы разубѣдиться въ этомъ: при растяженіи лёгкаго всего болѣе должны расширяться тѣ отдѣлы его, которые наиболѣе растяжимы, а эти отдѣлы, очевидно, не крупныя трубки съ хрящевыми стѣнками, а конечныя, совершенно мягкія вѣточки и особенно лёгочные пузырьки, такъ какъ въ нихъ стѣнка всего тоньше; другими словами, при вдыханіи расширяются и присасываютъ воздухъ преимущественно воздушныя полости, лежащія на самомъ днѣ лёгкаго. Воздухъ при вдыханіи проникаетъ слѣдовательно до самыхъ полостей лёгочныхъ пузырьковъ и изъ нихъ же онъ долженъ выталкиваться и при выдыханіи; хотя, конечно, часть вдыхаемаго воздуха распредѣляется и по крупнымъ вѣтвямъ, а главную массу выходящаго при каждомъ отдѣльномъ выдыханіи воздуха составляетъ не та порція его, которая въ это же выдыханіе успѣла выйти изъ пузырьковъ, а порціи предшествовавшихъ выдыханій. Въ той формѣ, какъ я вамъ описываю процессъ, вы конечно согласитесь, что дыханіе имѣетъ какъ бы значеніе вентиляціи дна легкаго постоянно возобновляемою струею свѣжаго воздуха, и вы убѣдитесь вскорѣ, что это частію справедливо.

Познакомившись такимъ образомъ съ механизмомъ вхожденія и выхожденія воздуха изъ лёгкаго, вы теперь конечно спросите меня, что́ же онъ тамъ дѣлаетъ. Если вентилируетъ, значитъ къ нему присоединяются на днѣ лёгкаго какія-нибудь ненужныя для тѣла газообразныя испаренія—воздухъ и по выходѣ изъ лёгкаго остается газомъ; — но можетъ быть онъ служитъ тѣлу однимъ своимъ соприкосновеніемъ съ дномъ лёгкаго; а возможно наконецъ и то, что онъ самъ измѣняется въ составѣ. Если вопросы поставлены въ такой формѣ, то прежде, чѣмъ на нихъ отвѣчать, нужно еще умѣть измѣрять количество вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха (мѣряютъ ихъ, разумѣется, по объемамъ, а не по вѣсу, уже потому, что вѣсы газовъ слишкомъ незначительны). Вообразимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что вдыхаемый воздухъ служитъ лишь для провѣтриванія лёгкаго, въ полости котораго къ нему присоединяется какое-нибудь новое газообразное вещество, — тогда по самому смыслу дѣла весь воздухъ, входящій въ лёгкое, долженъ возвращаться назадъ и къ нему долженъ присоединяться еще новый объемъ; другими словами, выдыхаемый объемъ воздуха долженъ быть больше вдыхаемаго, притомъ за вычетомъ излишка онъ долженъ имѣть такой же составъ, какой имѣлъ при вхожденіи. Тоже самое, если вы предположите сверхъ вентиляціи какое-нибудь количественное измѣненіе въ составныхъ частяхъ вдыхаемаго воздуха. Даже въ томъ

Digitized by Google

случаѣ, еслибы къ воздуху при выдыханіи не прибавлялось ничего новаго и онъ только самъ измѣнялся бы въ составѣ, и тогда абсолютная величина этихъ измѣненій требовала бы знанія отношенія между объемами вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха.

Такіе опыты, мм. гг., есть и они даютъ для взрослаго человѣка слѣдующій средній выводъ: объемъ вдыхаемаго воздуха, если его мѣрить сухимъ, при среднемъ барометрическомъ давленіи и при температурѣ человѣческаго тѣла, превышаетъ 500 куб. цен.; а выдыхаемый объемъ, при тѣхъ же условіяхъ измѣренія, всегда бываетъ нѣсколько меньше. Въ связи съ этими измѣреніями, анализъ выдыхаемаго воздуха показываетъ слѣдующія измѣненія во вдыхаемомъ: *первый всегда уноситъ съ собою изъ тѣла нѣкоторое количество водяного пара; въ легкомъ къ нему всегда присоединяется нѣкоторое количество угольной кислоты; изъ вдыхаемаго воздуха всегда исчезаетъ часть кислорода; наконецъ, азотъ его не претерпѣваетъ, повидимому, никакихъ измѣненій.*

Первое изъ этихъ измѣненій легко доказать прямымъ опытомъ. Берутъ ртутный термометръ и, нагрѣвъ его шарикъ до температуры нѣсколько выше, чѣмъ температура нашего тѣла, напр. до 40° Ц., вводятъ шарикомъ же, но не глубоко, въ отверстіе рта, который долженъ оставаться все время открытымъ; на шарикъ поперемѣнно попадаетъ при дыханіи то струя внѣшняго воздуха, то выдыхаемый воздухъ, и онъ конечно постепенно охлаждается; если при этомъ наблюдать за шарикомъ, то на его блестящую металлическую поверхность вскорѣ осѣдаетъ, какъ отъ дыханія на холодное стекло, паръ; въ эту минуту нужно сосчитать число градусовъ на термометрѣ. Вы знаете, мм. гг., что осѣданіе пара служитъ признакомъ насыщенія имъ воздуха для температуры того тѣла, на которое паръ осѣлъ; и вамъ конечно извѣстно далѣе, что чѣмъ выше температура, для которой воздухъ насыщенъ водянымъ паромъ, тѣхъ паровъ въ немъ больше. Но въ нашемъ опытѣ эта температура всегда оказывается очень близкой къ температурѣ тѣла, а послѣдняя въ нашихъ широтахъ всегда выше температуры окружающаго воздуха.

Фактъ выдѣленія лёгкимъ угольной кислоты тоже очень легко показать на опытѣ: въ эту стклянку налить совершенно прозрачный водный растворъ ѣдкой извести; я беру стеклянную трубку и начинаю изъ себя вдувать воздухъ въ жидкость — вы видите, она помутилась. Это помутнѣніе зависитъ, мм. гг., отъ соединенія ѣдкой извести съ угольной кислотой моего выдыхае-

Digitized by Google

наго воздуха и отъ превращенія ея въ порошокъ мѣла, нерастворимый въ водѣ. Я могъ бы собрать осадокъ и, дѣйствуя на него какой-нибудь кислотой, снова добыть угольную кислоту; но самый фактъ ея выдѣленія лёгкими я считаю слишкомъ общеизвѣстнымъ, чтобы останавливаться на такихъ деталяхъ.

Что касается до исчезанія кислорода изъ вдыхаемаго воздуха, то этотъ фактъ всего легче могъ бы быть демонстрированъ слѣдующимъ опытомъ: нужно было бы посадить какое-нибудь маленькое животное, напр. хоть мышь, въ маленькое же герметически закупоренное пространство, наполненное воздухомъ, дождаться смерти въ немъ животнаго отъ задушенія и затѣмъ анализировать составъ оставшагося воздуха — въ немъ оказались бы только слѣды кислорода.

Способъ опредѣленія количественныхъ измѣненій азота будетъ показанъ впослѣдствіи.

Въ той формѣ, въ какой намъ представляются въ настоящую минуту измѣненія воздуха при дыханіи, изъ нихъ можно пока вывести только слѣдующія вѣроятныя заключенія: въ смыслѣ выведенія угольной кислоты изъ лёгкаго, дыхательныя движенія имѣютъ, повидимому, значеніе вентиляціи и при этомъ главнымъ дѣятелемъ изъ составныхъ частей воздуха является азотъ, тогда какъ кислородъ не ограничивается одною этой чисто механической ролью и вѣроятно поддерживаетъ жизнь тою именно частью, которая куда-то исчезаетъ изъ вдыхаемаго воздуха.

Куда скрывается изъ лёгкаго кислородъ и откуда берется въ немъ угольная кислота — вотъ дальнѣйшіе вопросы, съ которыми намъ приходится теперь имѣть дѣло.

Описывая устройство лёгкаго, вы помните, я не упоминалъ ни о какихъ отверстіяхъ въ его стѣнкахъ, ни о какихъ сообщеніяхъ его съ воздушными полостями, въ которыя могла бы скрыться часть кислорода, или изъ которыхъ могла бы выдѣляться въ лёгкое угольная кислота — ничего подобнаго нѣтъ, стѣнки лёгочной полости положительно сплошныя и только по дну ея, образованному изъ чрезвычайно тонкой перепонки, вѣчно текутъ густою сѣтью потоки крови. Ужъ не въ крови ли лежитъ ключъ къ обоимъ загадочнымъ явленіямъ? Посмотримъ на кровь, которая притекаетъ къ легкому и на ту, которая отъ него оттекаетъ. Вы знаете, что къ лёгкому идетъ кровь изъ праваго желудочка — та самая, которая черезъ полыя вены влилась въ правое предсердіе; а отъ лёгкаго идетъ кровь черезъ лѣвое предсердіе и лѣвый желудочекъ въ аорту; стало быть, для сравненія можно даже брать кровь изъ какой-нибудь венной и артеріальной вѣтви. Здѣсь въ стклянкахъ вы видите оба рода крови: взя-

Digitized by Google

тая изъ венъ всегда имѣетъ темный цвѣтъ, тогда какъ взятая изъ артерій она ярко-красная. Разница дѣйствительно большая, но какъ же связать ее съ процессомъ выдѣленія угольной кислоты въ лёгкое и актомъ исчезанія изъ него кислорода? Нужно попробовать, во-первыхъ, какъ измѣняется цвѣтъ крови подъ вліяніемъ обоихъ газовъ, т.-е. не совпадаетъ ли искусственно произведенное измѣненіе цвѣта съ тѣмъ, которое происходитъ съ кровью при переходѣ ея черезъ лёгкое; затѣмъ нужны, конечно, прямые опыты относительно способности обоихъ газовъ входить и выходить изъ крови, и вообще опыты объ отношеніи ихъ къ этой жидкости.

Въ этой стклянкѣ вы видите, мм. гг., очень темную, почти черную кровь — это кровь, искусственно насыщенная угольной кислотой. Я беру отъ нея часть въ другую стклянку и сильно взбалтываю въ соприкосновеніи съ воздухомъ. Вы видите, она все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ и теперь по яркости цвѣта нисколько не уступаетъ артеріальной крови. Теперь вспомните условія въ лёгкихъ для крови: къ нимъ она притекаетъ темною, въ лёгкомъ растилается широкимъ ложемъ по дну его, отдѣляясь отъ воздушной полости, содержащей атмосферный воздухъ, лишь тонкой перегородкой, и вслѣдъ за этимъ становится красной, какъ будто взболтанная съ воздухомъ. Разница между условіями только-что сдѣланнаго опыта и тѣми, въ которыя поставлена лёгочная кровь, лишь та, что въ лёгкомъ она соприкасается съ воздухомъ не прямо, а черезъ посредство очень тонкой перепонки. Но эта преграда ничего не значитъ: еслибъ я наполнилъ венной кровью мѣшокъ изъ животнаго пузыря и оставилъ его на воздухѣ, вы нашли бы черезъ нѣсколько часовъ, что цвѣтъ крови въ немъ посвѣтлѣлъ; и еслибы мѣшокъ былъ помѣщенъ въ замкнутое воздушное пространство, вы нашли бы сверхъ того въ послѣднемъ присутствіе угольной кислоты. Другими словами, этотъ опытъ показалъ бы вамъ, что извнѣ въ кровь можетъ проникать черезъ пузырь атмосферный воздухъ, а изъ крови черезъ тотъ же пузырь выходитъ угольная кислота. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ настолько продолжителенъ и сложенъ, что я не могъ бы показать вамъ его въ теченіи лекціи, и потому вамъ приходится вѣрить мнѣ на слово.

Итакъ, измѣненіе цвѣта крови при переходѣ ея черезъ лёгкое можетъ, въ самомъ дѣлѣ, служить поводомъ къ мысли, что въ крови слѣдуетъ искать причинъ какъ исчезанію вдыхаемаго кислорода, такъ и присутствію въ лёгочной полости угольной кислоты.

Въ заключеніе лекціи позвольте мнѣ описать вамъ еще одинъ

Digitized by Google

опытъ, бывшій все время въ ходу и очень наглядно показывающій проницаемость лёгочной ткани для угольной кислоты. Вы видите здѣсь стеклянный колпакъ, опрокинутый въ тарелку съ водой; подъ край его черезъ воду проведена трубка отъ аппарата, развившаго болѣе чѣмъ въ теченіи часа непрерывный токъ угольной кислоты; по мѣрѣ прибыванія ея въ колоколѣ часть заключеннаго въ немъ атмосфернаго воздуха имѣла возможность выходить черезъ воду, такъ что теперь весь колоколъ можно считать наполненнымъ почти исключительно угольной кислотой. Черезъ крышку колокола проходитъ, какъ видите, трубка; внѣшній конецъ ея все время оставался запертымъ, а на внутренній открытый навязано висящее теперь въ полости колокола кроличье лёгкое; навязано оно было въ спавшемся состояніи, но все-таки, какъ вы знаете, заключало въ себѣ полость, содержащую атмосферный воздухъ. Такъ какъ наружная поверхность лёгкаго все время оставалась въ атмосферѣ угольной кислоты, значитъ стѣнки лёгкаго отдѣляли собою два различныхъ газа, и, въ случаѣ ихъ проницаемости, давали этимъ газамъ возможность смѣшиваться другъ съ другомъ — давали возможность къ газовой диффузіи. Она и произошла, мм. гг., но такъ какъ токъ угольной кислоты извнѣ въ полость лёгкаго былъ сильнѣе, чѣмъ обратный токъ атмосфернаго воздуха (это зависитъ уже отъ свойствъ газовъ по отношенію къ раздѣляющей ихъ перегородкѣ) въ колоколъ, то лёгочная полость мало по малу растянулась, и значитъ теперь въ ней напряженіе газа болѣе чѣмъ атмосферное, такъ какъ уже при началѣ опыта, безъ прибавки угольной кислоты, оно имѣло эту величину. Въ самомъ дѣлѣ, я открываю трубку, сообщающую полость лёгкаго съ атмосферой, и вы видите, что оно спадается.

X.

Отношеніе къ крови кислорода, угольной кислоты и азота. — Процессъ поступленія въ кровь кислорода и выдѣленія изъ нея угольной кислоты. — Способы измѣренія этихъ величинъ.

Въ прошлую лекцію вопросъ объ исчезаніи кислорода изъ лёгкаго и присутствіи въ немъ угольной кислоты былъ подвинутъ настолько, что мы получили возможность обратиться за отвѣтомъ къ крови, протекающей черезъ лёгкое, притомъ же выяснилась и самая форма этого обращенія. Если темная, насыщенная угольною кислотою, кровь, какою она притекаетъ къ лёгкому, будучи взболтана съ воздухомъ, становится алою, ка-

Digitized by Google

кою кровь оттекаетъ отъ лёгкаго, то какъ не подумать, что причина явленія заключается въ выдѣленіи изъ венной крови угольной кислоты и вхожденіи въ кровь атмосфернаго воздуха, и именно кислорода (стоятъ ли оба акта въ причинной связи, или нѣтъ, это уже другой вопросъ)? Но тогда слѣдуетъ ожидать, что въ крови должны заключаться газы и всего проще, конечно, думать, что венная содержитъ исключительно угольную кислоту, а артеріальная одинъ кислородъ. Во всякомъ же случаѣ нужно умѣть добыть газы изъ крови, да притомъ умѣть еще распознавать и измѣрять ихъ на случай, еслибы въ кровеной газовой смѣси изъ венъ и артерій оказались не качественныя, какъ мы сказали, а количественныя различія.

Здѣсь нить разсказа по необходимости должна быть прервана—я принужденъ познакомить васъ со способомъ добыванія газовъ изъ крови и съ способомъ анализа этихъ газовъ. То и другое я покажу на опытѣ.

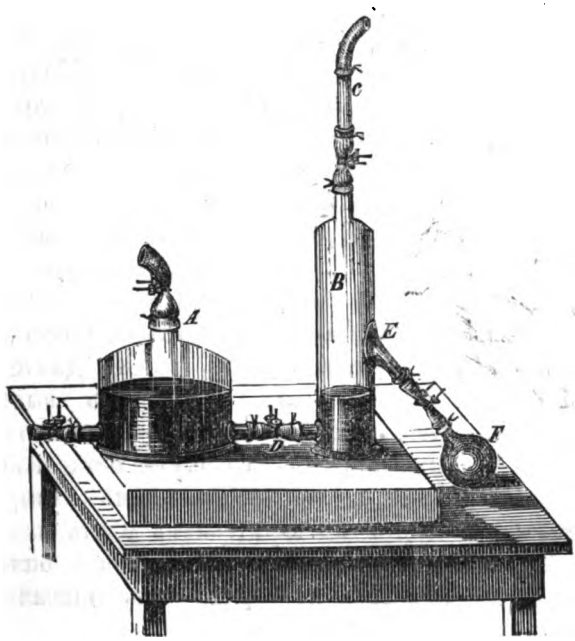


Рис. 15.

Передъ вами стоятъ два сообщающихся между собою стеклянныхъ сосуда (*A* и *B*: рис. 15) неравной емкости; оба они наполнены ртутью настолько, что ее хватило бы для наполненія меньшаго изъ сосудовъ съ навязанною поверхъ его трубкою (*C*) и въ бо́льшемъ сосудѣ (*A*) осталось бы еще ртути поверхъ го-

Digitized by Google

ризонтальной трубки (*D*), сообщающей оба сосуда. Въ меньшемъ сосудѣ вы видите сверхъ того новый отростокъ (*E*), съ которымъ сообщается посредствомъ сжатой теперь клещами каучуковой трубки пріемникъ съ кровью (*F*). Рядомъ съ этимъ снарядомъ стоитъ обыкновенный воздушный насосъ. Я сообщаю его съ трубкой (*C*), стоящей поверхъ меньшаго сосуда и начинаю выкачивать воздухъ. Вы видите, при этомъ давленіемъ воздуха ртуть изъ большаго сосуда начинаетъ вытекать въ меньшій и наконецъ наполнитъ послѣдній вмѣстѣ съ надставной трубкой. Когда эта цѣль достигнута, я запираю клещами каучуки поверхъ трубки *C* и тотчасъ подъ нею. Тогда воздушный насосъ можно уже смѣло отнять отъ трубки *C*, и ртуть не вытекаетъ изъ правой половины снаряда—весь этотъ столбъ удерживается давленіемъ воздуха изъ полости большаго сосуда. Теперь я переношу дѣйствіе воздушнаго насоса на послѣдній и начинаю выкачивать изъ него воздухъ. Вы видите, ртуть начинаетъ понижаться въ сосудѣ *B*, повышаясь въ *A*; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ртуть не встала на одномъ уровнѣ въ обоихъ сосудахъ. Теперь, мм. гг., съ обѣихъ сторонъ надъ уровнями ртути безвоздушное пространство, и замѣтьте, что въ меньшемъ сосудѣ этотъ уровень опустился ниже отростка, къ которому привязанъ кровеной пріемникъ, такъ что, открывая въ настоящую минуту клещи, разобщавшіе его полость съ сосудомъ *B*, я даю доступъ крови въ пустоту. Кровь была передъ этимъ согрѣта, и вы видите, что она съ силою ворвалась въ пустоту и почти вся превратилась въ пѣну. Изъ нея выдѣляются въ эту минуту газы и я ихъ сейчасъ соберу. Съ этой цѣлью я ворочаю по возможности всю кровь изъ *B* въ пріемникъ (*F*) и пускаю воздухъ въ *A*. Давленіемъ его ртуть изъ *A* бѣжитъ снова въ *B*, сгущая газъ, выдѣлившійся изъ крови. Уровень ртути въ *B* наконецъ пересталъ подниматься; я отворяю клещи, запиравшія снизу трубку *C*, оставшуюся наполненной ртутью и вы видите, въ нее большими пузырями входитъ газъ, а на его мѣсто въ *B* втекаетъ ртуть изъ *C*. Если изъ крови собранъ не весь газъ, то мнѣ стóитъ опять начать выкачивать воздухъ изъ *A* и повторить весь описанный рядъ маневровъ.

Газъ собранъ, и теперь мнѣ нужно знать его составъ. Чтобы вы могли рѣзче видѣть ходъ операцій, которыя употребляются при анализѣ кровеныхъ газовъ, я нарочно наполнилъ одну изъ этихъ трубокъ, опрокинутыхъ въ ртутную ванну, угольной кислотой, а другую кислородомъ. Ввожу въ первую посредствомъ пинетки небольшое количество крѣпкаго воднаго раствора ѣдкаго поташа, и встряхиваю трубку, не вынимая ее изъ ванны, — вы

Digitized by Google

видите, ртуть быстро поднимается по трубкѣ кверху и наконецъ совершенно наполняетъ ее въ доказательство того, что угольная кислота жадно поглощается ѣдкимъ поташемъ. Въ трубку съ кислородомъ я ввожу тотъ же растворъ, который при встряхиваніи оказывается однако недѣйствительнымъ, и прибавляю къ нему другой жидкости, называемой пирогаллусовой кислотою; теперь вы видите двѣ вещи сразу: быстрое подниманіе въ трубку ртути и потемнѣніе до чернаго цвѣта введенной въ трубку жидкой безцвѣтной смѣси. Въ эту минуту и кислородная трубка до-верху наполнена ртутью.

Значитъ, если вы имѣете извѣстный объемъ смѣси кислорода и угольной кислоты, вамъ необходимо прежде поглотить изъ него всю угольную кислоту ѣдкимъ поташемъ, и, измѣривъ величину сокращенія газа, поглощать кислородъ. Если газъ поглотился весь, смѣсь ваша дѣйствительно состояла изъ кислорода и угольной кислоты, въ противномъ случаѣ въ смѣси находился еще 3-й газъ. Реакціи на азотъ къ сожалѣнію настолько сложны, что я не буду ихъ даже описывать.

Какъ бы то ни было, путемъ такихъ опытовъ найдено, что: 1) кровь, какъ въ венахъ такъ и въ артеріяхъ, всегда содержитъ кислородъ, угольную кислоту и азотъ; 2) венная кровь содержитъ всегда больше угольной кислоты, чѣмъ артеріальная; 3) послѣдняя наоборотъ, всегда богаче кислородомъ; наконецъ 4) количество азота въ обоихъ родахъ крови приблизительно одинаково.

Второе и третье изъ этихъ положеній возводятъ, очевидно, на степень истины наше предположеніе, что выдыхаемая угольная кислота берется изъ крови и что въ нея же поступаетъ вдыхаемый кислородъ.

Но какія же силы заставляютъ кислородъ входить въ кровь и выталкиваютъ изъ нея угольную кислоту?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, конечно, знакомство съ условіями сочетанія и разъединенія жидкостей съ газами вообще, и въ частности — изученіе отношенія крови къ кислороду и угольной кислотѣ.

Газы могутъ соединяться съ жидкостями двоякимъ образомъ: растворяться въ нихъ, или соединяться химически. Между обоими способами соединенія есть нѣсколько существенныхъ различій. Количества растворяемаго газа опредѣляются, сверхъ его собственной природы и природы жидкости, еще массою и температурою послѣдней, равно какъ степенью сжатія газа;—всякій газъ, по мѣрѣ его сгущенія, становится болѣе и болѣе растворимымъ и наоборотъ; притомъ между степенью его сжатія

Digitized by Google

(давленіемъ, подъ которымъ онъ находится) и величиною растворенія существуетъ прямое отношеніе: давленіе вдвое больше, и газа растворяется вдвое больше; первое уменьшилось втрое, и втрое меньше становится величина растворенія и пр. Масса жидкости вліяетъ такимъ же образомъ, а температура ея въ обратномъ направленіи. При химическомъ же соединеніи газовъ съ жидкостями, количества первыхъ, нисколько не завися ни отъ температуры жидкости, ни отъ степени сжатія газа, опредѣляются одною лишь природою соединяющихся тѣлъ, и количественная сторона процесса выражается въ томъ, что тѣла соединяются всегда въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Это значитъ: если, наприм., 1 золотникъ даннаго газа можетъ соединяться, въ силу химическаго сродства, съ однимъ же золотникомъ данной жидкости, то будетъ ли газъ согрѣтъ, или охлажденъ, сжатъ или нѣтъ, онъ всегда поглотится весь, лишь бы жидкости было не менѣе золотника, въ противномъ случаѣ изъ него уйдетъ въ жидкость столько газа, сколько вѣситъ сама жидкость, а весь излишекъ останется свободнымъ. Примѣромъ растворенаго газа можетъ служить воздухъ, всегда заключающійся въ водѣ и выходящій изъ нея при нагрѣваніи; примѣръ же химическаго поглощенія газа вы видѣли въ опытѣ съ растворомъ ѣдкаго поташа и угольной кислотой.

Что касается до условій выхожденія газовъ изъ жидкостей, то для растворенныхъ газовъ они вытекаютъ изъ самыхъ условій растворенія. Растворяющая способность жидкостей (для газовъ) уменьшается по мѣрѣ возвышенія ихъ температуры, а растворяемость газовъ уменьшается по мѣрѣ ихъ разрѣженія, стало быть освободить жидкость отъ растворенаго газа можно или согрѣваніемъ ея (кипяченіемъ), или тѣмъ, что жидкость помѣщаютъ въ безпрерывно возобновляемое безвоздушное пространство. Можно конечно и соединять оба условія вмѣстѣ, какъ мы дѣлали это съ кровью, согрѣвая ее въ безпрерывно возобновляющейся пустотѣ. Но выгонять изъ жидкостей растворенный газъ можно еще и такъ: пропуская болѣе или менѣе долгое время черезъ жидкость струю какого-нибудь другого газа; тогда на границѣ соприкосновенія послѣдняго съ жидкостью между нимъ и растворенымъ газомъ происходитъ диффузія; маленькія порціи растворенаго газа безпрерывно уносятся пузырями вводимаго и дѣло кончается тѣмъ, что въ жидкости прежняго газа не остается и слѣда. Отсюда я выведу заключеніе, на которое прошу обратить особенное вниманіе, такъ какъ оно имѣетъ прямое отношеніе къ нашему дѣлу: если надъ жидкостью, содержащею въ растворѣ какой-нибудь газъ, стоитъ атмосфера дру-

Digitized by Google

того газа, то изъ жидкости всегда выходитъ газъ въ окружающую его атмосферу, въ силу законовъ газовой диффузіи.

Условія выхожденія изъ жидкостей химически соединенныхъ съ ними газовъ не столько опредѣленны—все дѣло здѣсь въ степени химическаго сродства между ними: въ большинствѣ случаевъ химическая связь между тѣлами настолько крѣпка, что она не можетъ быть разорвана ни дѣйствіемъ пустоты, ни тѣми сравнительно небольшими количествами теплоты, при которыхъ уже начинаетъ кипѣть большинство жидкостей; въ этихъ случаяхъ газъ можно выгнать только дѣйствіемъ другого тѣла, имѣющаго къ жидкости бо́льшую степень химическаго притяженія. Но бываютъ случаи и обратные (т.-е., когда химическое притяженіе между газомъ и жидкостью очень слабо), и они какъ разъ имѣютъ мѣсто по отношенію къ крови и ея газамъ.

Я вамъ сказалъ, мм. гг., выше, что кипяченіемъ крови въ безвоздушномъ пространствѣ изъ нея можно получить весь кислородъ—это реакція растворенаго газа,—а между тѣмъ прямые опыты съ поглощеніемъ его кровью показываютъ, что оно почти нисколько не зависитъ отъ напряженія кислорода—это наоборотъ реакція химически связывающагося газа, притомъ реакція болѣе вѣрная, чѣмъ предыдущая. И въ самомъ дѣлѣ, наука обладаетъ сверхъ этого цѣлымъ рядомъ другихъ доказательствъ въ пользу химической связи кислорода съ кровью. Въ виду важности факта, я позволяю себѣ привести главнѣйшія изъ нихъ. Кислородъ соединяется, мм. гг., не съ жидкою частью крови (здѣсь онъ растворенъ въ ничтожномъ количествѣ), а съ красными кровеными шариками, и именно съ краскою ихъ, которая можетъ быть получена въ изолированномъ состояніи въ формѣ такъ-назыв. кровеныхъ кристалловъ [1]). Краска эта, будучи освобождена отъ кислорода (она и въ этомъ состояніи остается кристаллической), жадно поглощаетъ его и измѣняетъ при этомъ оптическія свойства (отсюда алый цвѣтъ артеріальной крови); кромѣ того, кислородъ можетъ быть вытѣсненъ изъ нея окисью углерода, и это новое кристаллическое соединеніе противустоитъ уже пустотѣ + согрѣваніе, а между тѣмъ изъ него окись углерода въ свою очередь можетъ быть вытѣснена окисью азота, причемъ получается третье, еще болѣе стойкое кристаллическое тѣло. Этотъ рядъ замѣ-

[1]) Средствъ для этого множество—замораживаніе и оттаиваніе крови, обработка ея эфиромъ, хлороформомъ, желчными солями и пр.; но въ основѣ всѣхъ средствъ лежитъ одно только непремѣнное условіе: разрушить шарики, не измѣняя химической природы краски; если это условіе удовлетворено, кристаллизація происходитъ непосредственно за этимъ.

Digitized by Google

щеній газовъ другъ другомъ очевидно носитъ характеръ химическихъ процессовъ, тѣмъ болѣе, что замѣщенія происходятъ въ опредѣленныхъ объемахъ. Противъ этихъ фактовъ могло бы еще быть возраженіе, что они добыты на искусственномъ продуктѣ крови (хотя опыты съ поглощеніемъ окиси углерода и окиси азота дѣлались и надъ цѣльной кровью, разумѣется, освобожденной отъ фибрина); но вотъ наблюденіе надъ живымъ животнымъ, доказывающее, что процессъ поглощенія кислорода кровью не зависитъ отъ напряженія этого газа въ лёгкомъ. Если задушить животное сжатіемъ горла — оно умираетъ при этомъ не болѣе какъ минутъ черезъ 5—и потомъ изслѣдовать воздухъ лёгкаго, въ немъ не оказывается ни атома кислорода. Такое полное исчезаніе его изъ лёгкаго было бы, мм. гг., невозможно, еслибы онъ не притягивался къ крови химическими силами. Разберите, въ самомъ дѣлѣ, условія, въ которыя поставленъ кислородъ лёгочнаго воздуха послѣ закрытія дыхательнаго горла. Положимъ, что при самомъ началѣ опыта его было въ газовой смѣси лёгкаго 20% (собственно его меньше); еслибы онъ только растворялся въ крови, безпрерывно протекающей черезъ лёгкое, то въ первый моментъ величина его поглощенія опредѣлялась бы существующимъ въ это время напряженіемъ кислорода, а оно было бы равно $^1/_5$ существующаго атмосфернаго давленія, такъ какъ кислородъ распространенъ по всей полости лёгкаго; въ слѣдующій затѣмъ моментъ, вслѣдствіе предшествовавшаго исчезновенія части кислорода, его напряженіе въ лёгкомъ было бы уже меньше, и слѣдовательно меньше растворилось бы и въ крови; въ каждый послѣдующій моментъ было бы тоже самое, и слѣдовательно дѣло никакъ не дошло бы до полнаго исчезанія кислорода изъ полости лёгкаго. Съ точки же зрѣнія химическаго связыванія его кровью фактъ нашъ объяснимъ вполнѣ. Да и какъ быть иначе, когда человѣкъ, какъ показываетъ опытъ, можетъ совершенно безнаказанно переносить значительныя разницы въ напряженіи вдыхаемаго воздуха (наприм. поднимаясь на большія высоты); когда орелъ поднимается безнаказанно выше Монблана. Еслибы кислородъ растворялся въ крови, всякое значительное уменьшеніе атмосфернаго давленія значительно понижало бы величину его вхожденія въ кровь, являлись бы припадки задушенія, а ничего подобнаго нѣтъ.

Итакъ, *кислородъ вступаетъ въ кровь силою химическаго притяженія со стороны послѣдней.*

Что касается до состоянія угольной кислоты въ крови, то оно еще неокончательно выяснено; поэтому здѣсь я позволю себѣ быть краткимъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ очень неудобенъ къ

Digitized by Google

опулярному изложенію. Вотъ что̀ извѣстно положительнаго и собенно для насъ важнаго. Наиббльшая часть угольной кислоты вязана въ крови химически (а можетъ быть и вся), но настолько лаба, что соединенія эти даже на воздухѣ могутъ терять часть юей угольной кислоты, тѣмъ болѣе въ пустотѣ; слѣдовательно ъ дѣлѣ диффузіи такое состояніе нашего газа эквивалентно ра-воренному его состоянію; другими словами, выхожденіе угольй кислоты изъ крови въ полость лёгкаго (содержащую ат-осферный воздухъ) путемъ диффузіи столько же возможно при данномъ состояніи въ крови, какъ будто она была въ рас-творѣ. Но къ этому присоединяется еще, можетъ быть, замѣча-льная способность кровеныхъ шариковъ разлагать углекислыя елочи съ выдѣленіями изъ нихъ угольной кислоты, когда въ ружающей средѣ напряженіе этого газа незначительно. Въ ёгкомъ послѣднее условіе всего скорѣе можетъ имѣть мѣсто, акъ какъ здѣсь кровь приходитъ въ соприкосновеніе съ атмо-фернымъ воздухомъ; поэтому вообще допускаютъ, что угольная ислота выдѣляется изъ крови въ лёгкое двоякимъ образомъ: *стію прямо, частію при посредствѣ освобожденія ея изъ хи-ическаго соединенія кровеными шариками, но въ обоихъ слу-яхъ путемъ диффузіи.* Моментъ соединенія въ лёгкомъ ки-лорода съ кровеными шариками не играетъ при этомъ никакой оли.

Такимъ образомъ, дыхательный процессъ доведенъ до границы прикосновенія воздушной лёгочной полости съ кровью. Здѣсь нчается его первая половина, такъ-наз. *легочное дыханіе*, и тѣмъ начинается рядъ процессовъ, которые можно обозначить щимъ словомъ *дыханіе крови*. Въ нее при каждомъ вдыханіи ходитъ нѣкоторое количество кислорода и съ каждымъ выды-ніемъ она теряетъ угольную кислоту, а между тѣмъ содержаніе ихъ газовъ какъ въ артеріальной, такъ и въ венной крови тается приблизительно постояннымъ. Значитъ, въ теченіи каж-го полнаго оборота по тѣлу кровь успѣваетъ потерять все вступ-ившее въ нее въ началѣ оборота количество кислорода и за-стись вновь такимъ же количествомъ угольной кислоты, которое ло потеряно ею передъ самымъ началомъ оборота. Это-то остоянное исчезаніе кислорода изъ крови и столько же посто-нное возрожденіе въ ней угольной кислоты я и обозначилъ овомъ кровеное дыханіе.

Задачи наши должны отнынѣ, очевидно, заключаться въ объ-сненіи того и другого процесса, и казалось бы, что теперь все ьше вниманіе должно быть сосредоточено исключительно на ови. Этотъ путь дѣйствительно самый прямой, но къ сожалѣнію

Digitized by Google

условія, которыми обставлены оба процесса въ крови, до такой степени сложны, что, слѣдуя имъ однимъ, наука осталась бы при одной формальной сторонѣ дѣла, не проникнувъ нисколько въ глубь его. Несравненно болѣе дало наукѣ чисто количественное изслѣдованіе газоваго обмѣна въ тѣлѣ, т.-е. измѣреніе количествъ вдыхаемаго при различныхъ условіяхъ кислорода и массъ выдѣляемой при тѣхъ же условіяхъ угольной кислоты. На первый взглядъ это можетъ вамъ показаться страннымъ, но если вы хоть на минуту вспомните, что есть много основаній смотрѣть на дыхательные акты, какъ на процессъ горѣнія въ паровыхъ машинахъ, процессъ служащій источникомъ развитія силъ, то конечно сразу помиритесь съ этой мыслью. Ставъ на такую точку зрѣнія и разнообразя условія опытовъ, измѣняя напр. качества пищи, какъ топлива, усиливая или ослабляя дѣятельность рабочихъ органовъ и пр., вы получаете возможность не только судить по результатамъ такихъ опытовъ о большей или меньшей состоятельности вашей исходной мысли, т.-е. о самой сути дыханія, но и можете почерпнуть въ нихъ указанія къ изслѣдованію процессовъ въ самой крови. Поэтому вы, конечно, не удивитесь, если я остановлюсь нѣсколько подробно на способахъ измѣренія газовыхъ величинъ при дыханіи.

Въ настоящее время можно говорить только о двухъ способахъ — одинъ изъ нихъ принадлежитъ Реньо, другой Петтенкоферу. Сначала о первомъ.

Вообразите себѣ герметически закрытое воздушное пространство, въ которомъ дышетъ животное. Съ каждымъ вдыханіемъ изъ этого пространства исчезаетъ нѣкоторое количество кислорода и взамѣнъ его выдѣляется угольная кислота. Вообразите себѣ далѣе, что это пространство снабжено такими придатками, изъ которыхъ первый постоянно и съ точностью пополнялъ бы въ немъ кислородныя потери, а другой постоянно удалялъ изъ него угольную кислоту по мѣрѣ ея развитія. Вы, конечно, понимаете, что если при этомъ условіи количество азота въ замкнутомъ пространствѣ не измѣняется (а мы уже знаемъ, что это приблизительно справедливо), то животное можетъ жить въ немъ неопредѣленно долгое время и составъ воздуха останется такимъ же, какъ при началѣ опыта. Если ко всему этому присоединить еще возможность измѣрять съ одной стороны величины кислородныхъ потерь (по тѣмъ количествамъ кислорода, которыми онѣ пополняются), а съ другой возможность собрать всю удаленную изъ воздушнаго пространства угольную кислоту, то задача наша будетъ выполнена. По этой мысли и устроенъ снарядъ Реньо, модель котораго (рис. 16) вы здѣсь видите. Стеклян-

Digitized by Google

ная банка *A* изображаетъ пріемникъ, въ которомъ дышетъ животное. Слѣва отъ него придатокъ, пополняющій кислородныя потери, а справа тотъ, который удаляетъ угольную кислоту. Первый

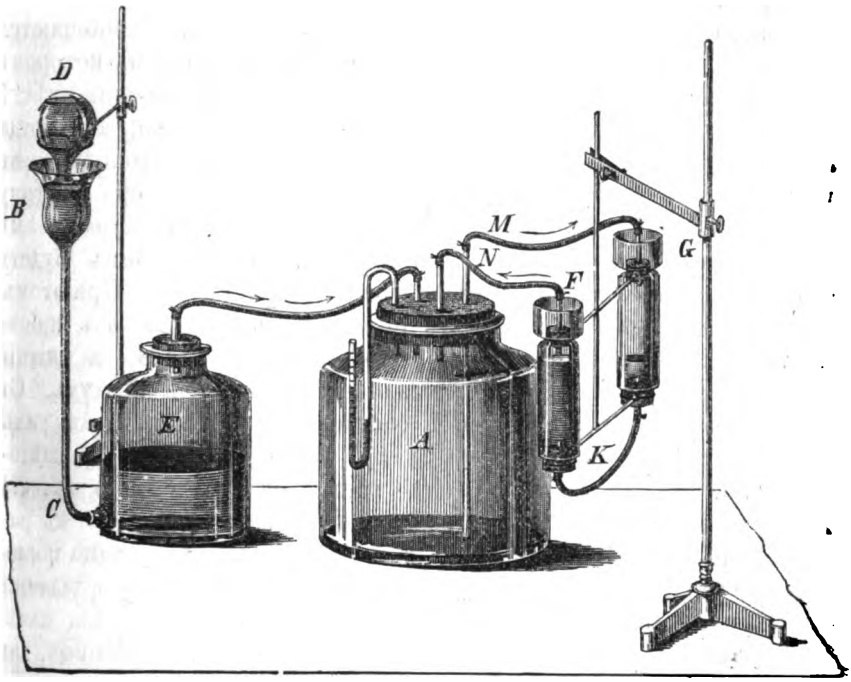


Рис. 16.

начинается, какъ видите, столбомъ жидкости *BC* (неизмѣнность его высоты поддерживается стклянкою *D* съ тою же жидкостью, опрокинутою открытымъ концомъ въ резервуаръ), который служитъ для продавливанія чистаго кислорода изъ стклянки *E* въ пріемникъ *A* по пути, обозначенному стрѣлками. Каждый разъ, что животное производитъ вдыханіе, часть воздуха исчезаетъ изъ пространства *A*, слѣдовательно напряженіе остающагося воздуха становится слабѣе; въ силу этого обстоятельства и долженъ кислородъ притекать въ *A*, и именно въ томъ самомъ количествѣ, сколько его исчезло при вдыханіи. Этой простой уловкой, устанавливающей равенство между кислородными потерями и кислороднымъ притокомъ, дается въ тоже время возможность мѣрять количество вдыхаемаго кислорода по степени его исчезанія изъ банки *E*. Другой придатокъ состоитъ изъ двухъ равной вмѣстимости и открытыхъ съ обоихъ концовъ стеклянныхъ сосудовъ *F* и *G*, прикрѣпленныхъ къ подвижной во всѣхъ углахъ рамѣ;

Digitized by Google

нижніе концы обоихъ сосудовъ связаны каучуковой трубкой K, которая сообщаетъ слѣдовательно ихъ полости другъ съ другомъ; верхніе же концы посредствомъ каучуковыхъ же трубокъ *M* и *N*, сообщены съ стеклянными трубками, открывающимися на различныхъ глубинахъ въ полость *A*; полости сосудовъ *F* и *G* сообщаются слѣдовательно другъ съ другомъ и съ пріемникомъ, въ которомъ дышетъ животное; въ тоже время онѣ наполнены, конечно вмѣстѣ съ трубкою *K*, растворомъ ѣдкаго поташа настолько, что когда оба сосуда стоятъ на одномъ уровнѣ, растворъ доходитъ въ каждомъ изъ нихъ до половины высоты. Если теперь я стану одинъ изъ сосудовъ опускать книзу — другой при этомъ самъ собою идетъ кверху, — то уровень раствора въ немъ будетъ постоянно повышаться, а въ другомъ сосудѣ падать. При этомъ, конечно, верхній сосудъ будетъ присасывать воздухъ изъ пріемника *A*, а именно изъ болѣе глубокихъ слоевъ его, а нижній сосудъ будетъ, наоборотъ, выталкивать изъ себя воздухъ. Съ каждой перемѣною положенія сосудовъ, при движеніяхъ рамы въ ту и другую сторону, роли ихъ будутъ измѣняться, слѣдовательно они въ одно и тоже время будутъ взбудораживать воздухъ въ пріемникѣ *A* и постоянно присасывать его къ раствору ѣдкаго кáли, который, какъ вамъ извѣстно, жадно поглощаетъ угольную кислоту. Этимъ путемъ постоянно удаляется выдыхаемая угольная кислота; собирается же она для измѣренія очень легко изъ раствора ѣдкаго поташа. Наконецъ, въ аппаратѣ Реньо есть средства и для измѣренія количества азота въ случаѣ, если онъ терпитъ измѣненія при дыханіи: они, какъ сказано было выше, узнаются изъ состава воздуха въ пріемникѣ *A* (неизмѣнность этого состава показываетъ неизмѣняемость азота при дыханіи; увеличеніе процента — выдѣленіе его изъ тѣла, а уменьшеніе наоборотъ) и съ этой цѣлью существуетъ 3-й придатокъ, дающій возможность въ каждое время высосать изъ пріемника нѣкоторое количество воздуха для анализа.

Способъ Петтенкофера уступаетъ предыдущему въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ возможности опредѣлять возможныхъ измѣненій азота при дыханіи, предполагая ихъ (какъ думаетъ впрочемъ теперь большинство изслѣдователей) несуществующими. Съ этимъ ограниченіемъ способъ его еще проще предыдущаго. Вообразите себѣ, что черезъ пріемникъ, въ которомъ дышетъ животное, просасывается безпрерывно воздухъ и все количество его, прошедшее въ теченіи извѣстнаго времени, можетъ быть измѣрено. Съ этимъ воздухомъ изъ пріемника уносится, конечно, какъ угольная кислота, такъ и водяной паръ, выдыхаемые животнымъ; и если на пути его существуютъ условія

Digitized by Google

для поглощенія того и другого, то этимъ прямо опредѣляются величины продуктовъ выдыханія, составляющія вѣсовыя дыхательныя потери тѣла. Но рядомъ съ такими потерями животное вдыхаетъ кислородъ, и количество его, соединившееся съ тѣломъ, представляетъ наоборотъ вѣсовой дыхательный приходъ; слѣдовательно понятно, что изъ вѣса животнаго въ началѣ и концѣ опыта, когда извѣстна величина дыхательныхъ потерь, можетъ быть найдена и величина газоваго прихода, т.-е. количество потребленнаго животнымъ кислорода.

Передъ вами находится схема дыхательнаго аппарата Петтенкофера (рис. 17). Банка *A* съ вводной и выводной трубкой

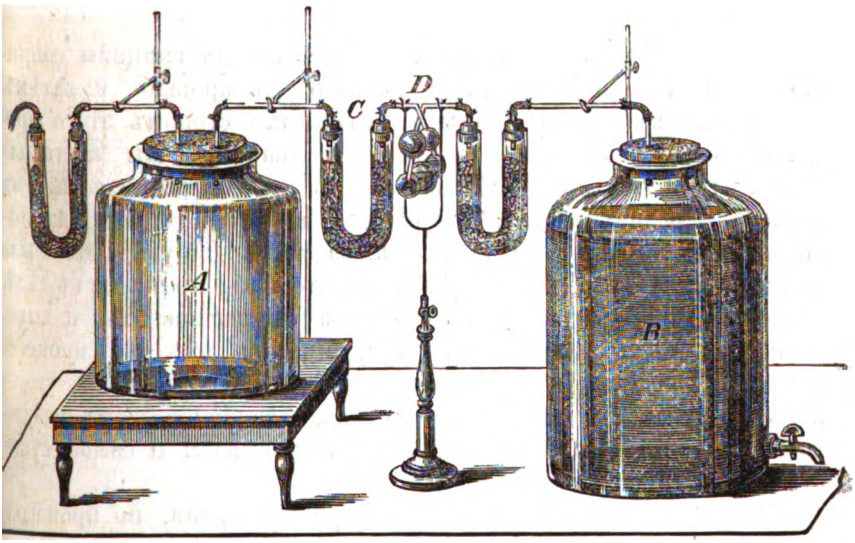


Рис. 17.

обозначаетъ пріемникъ, въ которомъ сидитъ животное; банка *B* съ противоположнаго конца есть снарядъ, просасывающій воздухъ черезъ *A* и всю систему послѣдующихъ полостей; между ними, ближе къ пріемнику стоятъ газовые часы, снарядъ, употребляемый на газовыхъ заводахъ, для измѣренія объемовъ вытекающаго газа; этотъ снарядъ въ нашей схемѣ пропущенъ); за ними слѣдуетъ U-образная трубка (*C*), наполненная веществомъ (хлористымъ кальціемъ), поглощающимъ воду; за нею слѣдуютъ снаряды (*D*, *D*) съ ѣдкимъ поташемъ, поглощающіе угольную кислоту; наконецъ передъ сосудомъ *B*, наполненнымъ до верху водой, стоитъ еще одна U-образная трубка, чтобы предупредить возможность поглощенія воды поташными пріемни-

Digitized by Google

ками. Я отворяю выпускной кранъ въ сосудѣ *B*, изъ него начинаетъ вытекать вода, а на ея мѣсто поступаетъ воздухъ изъ всей системы трубокъ, начиная съ пріемника *A*. Этотъ токъ вы видите по пузырькамъ воздуха, которые постоянно пробѣгаютъ черезъ сосуды съ поташнымъ растворомъ.

Въ слѣдующій разъ я буду имѣть честь сообщить вамъ наиболѣе важные изъ результатовъ, полученныхъ при посредствѣ описанныхъ опытовъ.

XI.

Дыханіе, какъ процессъ горѣнія.—Регуляція дыхательныхъ актовъ.

Прошлый разъ дыханіе было доведено до границы соприкосновенія воздушной полости лёгкаго съ кровью, и затѣмъ, приступивъ къ изученію самыхъ интимныхъ сторонъ этого процесса, совершающихся въ крови и тканяхъ, мы поставили вопросъ: нельзя ли приблизиться къ пониманію ихъ путемъ измѣренія величины газоваго обмѣна при различныхъ физіологическихъ условіяхъ. При этомъ за руководящую нить была принята мысль, что, можетъ быть, дыхательные процессы въ тѣлѣ, поскольку они состоятъ въ соединеніи съ кислородомъ и выведеніи изъ тѣла угольной кислоты, имѣютъ значеніе процесса горѣнія. Средства къ рѣшенію этихъ вопросовъ теперь уже у насъ въ рукахъ, и мнѣ остается только сообщить вамъ результаты опытовъ, чтобы составить по нимъ выводы о самой существенной сторонѣ дыханія.

Человѣкъ можетъ, хотя и на короткое время, по произволу измѣнять въ ту и другую сторону какъ частоту дыхательныхъ движеній, такъ и глубину ихъ. Если эти измѣненія вызываются не дѣйствительными нуждами организма, а только произволомъ, то оказывается, что они остаются безъ всякаго вліянія на среднія, даже часовыя, количества истребляемаго кислорода и выдыхаемой угольной кислоты. Обстоятельство очень важное, сразу указывающее на то, что потребленіе кислорода и образованіе угольной кислоты управляются въ тѣлѣ болѣе глубокими причинами, чѣмъ усиленная или ослабленная вентиляція лёгкаго. Вотъ цѣлый рядъ этихъ причинъ. Сравните, напр., между собою величину газоваго прихода и расхода передъ принятіемъ пищи и послѣ него—всегда найдете, что въ пищеварительный періодъ животное и больше поглощаетъ кислорода, и больше развиваетъ угольной кислоты, какъ будто пища въ самомъ дѣлѣ топливо, сжигаемое кислородомъ вдыхаемаго воздуха. Хотите убѣдиться

Digitized by Google

въ этомъ дальше, изслѣдуйте вліяніе качества пищи на газовый обмѣнъ—результатъ всегда постояненъ: при пищѣ, состоящей преимущественно изъ бѣлковъ (напр. тощее мясо), изъ всего количества вдыхаемаго кислорода только около $^{6}/_{10}$ возвращаются изъ тѣла въ формѣ угольной кислоты (послѣдняя состоитъ изъ угля + кислородъ), тогда какъ при пищѣ богатой крахмаломъ и сахаромъ, почти весь вдыхаемый кислородъ. выходитъ наружу въ формѣ этого газа (около $^{9}/_{10}$). Параллельно этому мы знаемъ, что очень значительная часть продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ выводится изъ тѣла не лёгкими, а мочею, тогда какъ окончательные продукты разрушенія жира, крахмала и сахара въ случаѣ ихъ сгаранія насчетъ вдыхаемаго кислорода,—угольная кислота и вода—могутъ цѣликомъ выводиться лёгкими. Въ этихъ фактахъ нельзя не видѣть намека на то, что пища въ самомъ дѣлѣ сгараетъ въ тѣлѣ какъ топливо (при этомъ углеродъ ея превращается въ угольную кислоту, водородъ въ воду, кислородъ пищи помогаетъ вдохнутому кислороду, а азотъ выдѣляется въ формѣ мочевины и другихъ азотистыхъ соединеній мочею), тѣмъ болѣе, что въ пищеварительный періодъ усиливается и процессъ образованія теплоты въ тѣлѣ.

Привяжемтесь къ этому послѣднему факту, и сдѣлаемте нѣсколько опытовъ, смотря на дыхательные процессы какъ на источники животной теплоты. Сравнимъ, наприм., величины газоваго обмѣна при условіяхъ, когда животное окружено теплымъ и холоднымъ воздухомъ. Въ первомъ случаѣ сумма тепловыхъ потерь его, конечно, меньше чѣмъ во второмъ, и такъ какъ, несмотря на это, все количество тепла въ тѣлѣ остается въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ (это доказывается неизмѣнностью температуры тѣла, дышетъ ли животное въ теплѣ или на холодѣ), значитъ животное, дыша на холодѣ, должно развивать въ своемъ тѣлѣ больше теплоты, чѣмъ при противуположномъ условіи. Результатъ точь въ точь подтверждаетъ ожиданіе: на холодѣ животное больше потребляетъ кислорода и больше развиваетъ угольной кислоты, чѣмъ въ теплѣ. Другой примѣръ. У всякаго маленькаго животнаго внѣшняя поверхность тѣла, сравнительно съ массой послѣдняго, больше, чѣмъ у большого животнаго [1]); и такъ какъ внѣшняя поверхность тѣла есть въ тоже время поверхность охлажденія, а теплота развивается во всѣхъ точкахъ

[1]) Если вообразить себѣ тѣла животныхъ въ формѣ шаровъ, то поверхности ихъ будутъ относиться какъ квадраты радіусовъ, а массы, какъ кубы; слѣдовательно, съ уменьшеніемъ величины тѣла, массы убываютъ скорѣе (пропорціонально кубамъ радіусовъ), чѣмъ поверхности.

Digitized by Google

тѣла, значитъ, сравнительно съ массою послѣдняго всякое маленькое животное больше теряетъ и больше развиваетъ тепла, чѣмъ большое, такъ какъ температуры тѣла у обоихъ одинаковы. Соотвѣтственно этому опыты показываютъ, что всякое маленькое животное, сравнительно съ массою своего тѣла, въ нѣсколько разъ больше поглощаетъ кислорода и больше развиваетъ угольной кислоты, чѣмъ большое. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, на усиленную потребность въ теплотѣ тѣло отвѣчаетъ усиленіемъ дыхательныхъ процессовъ.

Теперь посмотримъ, какъ отражается на дыханіи мышечная дѣятельность. Если, въ самомъ дѣлѣ, дыхательные процессы могутъ быть приравнены горѣнію дровъ въ паровой машинѣ, а мышечная дѣятельность работѣ послѣдней, то, конечно, въ этомъ случаѣ, скорѣе чѣмъ когда-либо, можно ожидать усиленнаго потребленія кислорода и усиленнаго выдѣленія угольной кислоты. И въ самомъ дѣлѣ, мышечная работа усиливаетъ дыхательные процессы болѣе чѣмъ все другое — количество выдыхаемой при этомъ угольной кислоты можетъ, какъ показываютъ опыты, чуть не въ десять разъ превосходить соотвѣтственную величину при покоѣ.

Послѣ этого вамъ будетъ понятенъ и слѣдующій новый фактъ: ночью, во время сна животное вообще меньше потребляетъ кислорода и меньше выдѣляетъ угольной кислоты, чѣмъ днемъ. Въ первомъ случаѣ работаетъ почти исключительно одно сердце и дыхательныя мышцы, притомъ слабѣе, чѣмъ днемъ, а во второмъ къ нимъ присоединяется работа огромныхъ мышечныхъ массъ туловища, рукъ и ногъ. Еще поразительнѣе явленія на животныхъ во время зимней спячки. Въ этомъ состояніи они цѣлыми мѣсяцами не принимаютъ пищи и всѣ мышечныя движенія въ ихъ тѣлѣ, за исключеніемъ сердечныхъ и дыхательныхъ, подавлены окончательно; да и эти послѣднія происходятъ до такой степени вяло, что съ перваго взгляда животное кажется мертвымъ. Здѣсь величины газоваго обмѣна достигаютъ возможнаго minimum'а — количества поглощаемаго кислорода могутъ, наприм., уменьшаться въ 20 разъ противъ нормы, и параллельно этому развитіе тепла въ тѣлѣ падаетъ до поразительно низкой цифры (температура внутреннихъ частей тѣла едва превышаетъ 10° Ц.). Этимъ охлажденіемъ тѣла, вызывающимъ спячку, и объясняютъ ту пониженную степень вещественнаго обмѣна, которая одна даетъ возможность животному не умереть съ голода. Но какъ бы ни сокращалась черезъ это величина расходовъ тѣла, при постоянствѣ разрушенія его составныхъ частей и при полномъ отсутствіи пищи для возста-

Digitized by Google

новленія потерь, слѣдовало бы ожидать, что въ теченіи зимней спячки животное должно страшно исхудать, значительно уменьшиться въ вѣсѣ тѣла. Этого однако не замѣчается въ столь рѣзкой степени, и бываютъ даже (на суркахъ) обратные случаи, когда въ теченіи спячки вѣсъ тѣла нѣсколько увеличивается. На видъ это явленіе кажется чистѣйшимъ парадоксомъ, но дѣло объясняется съ одной стороны тѣмъ, что животное, будучи поставлено въ условія голоданія, дышетъ насчетъ элементовъ своего тѣла и возвращаетъ изъ себя, какъ всякое плотоядное животное, лишь половину вдохнутаго кислорода (въ формѣ угольной кислоты); съ другой стороны Реньо нашелъ, что во время спячки животное можетъ поглощать нѣкоторое количество азота изъ окружающей атмосферы. Этими фактами дѣло могло бы дѣйствительно быть объяснено; но послѣдній изъ нихъ (въ случаѣ его вѣрности) доказывалъ бы сверхъ того извращеніе въ химическихъ процессахъ тѣла во время зимней спячки.

Таковы, мм. гг., главнѣйшіе результаты измѣренія газоваго обмѣна веществъ при дыханіи. Стоитъ хоть немного вдуматься въ нихъ, и нельзя не придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

Въ виду прямой связи между интенсивностью актовъ поглощенія кислорода и выдѣленія угольной кислоты (оба акта повышаются и понижаются параллельно другъ другу) легко объяснимой изъ сгаранія насчетъ кислорода углеродистыхъ соединеній тѣла;—въ виду прямой связи между интенсивностью дыхательныхъ актовъ и развитіемъ въ тѣлѣ теплоты:

1) *на дыхательные акты, по ихъ сущности,* нельзя иначе смотрѣть, какъ на *процессы окисленія веществъ въ тѣлѣ,* или что тоже, какъ на *процессъ горѣнія.*

Въ виду совпаденія пищеварительнаго періода съ усиленіемъ газоваго обмѣна, и рѣзкаго вліянія на послѣдній качества пищи, несомнѣнно, что

2) *субстратомъ горѣнія, горючимъ матеріаломъ, служитъ, между прочимъ* (а можетъ быть и исключительно?), *входящее въ кровь пищевое вещество.*

Наконецъ, въ виду особенно рѣзкаго вліянія на величину газоваго обмѣна мышечной работы, оказывается, что

3) *мышечная ткань во время ея дѣятельности представляетъ едва ли не главнѣйшій пунктъ, въ которомъ сосредоточиваются процессы окисленія.*

Съ этой точки зрѣнія

4) *дыхательные акты получаютъ значеніе процессовъ, свя-*

Digitized by Google

занныхъ по преимуществу съ рабочими дѣятельностями; а отсюда можетъ быть выведено заключеніе, что

5) *въ пластическихъ процессахъ тѣла вдыхаемый кислородъ играетъ, по всей вѣроятности, незначительную роль.*

Этимъ выводамъ, конечно, никто не откажетъ въ важности, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключается нѣсколько ясныхъ указаній на различныя стороны дыханія крови и тканей. Какъ не допустить, наприм., послѣ сказаннаго, что часть окисленій должна происходить въ сферѣ самой крови, а другая, и вѣроятно наибольшая, въ сферѣ, или по крайней мѣрѣ при посредствѣ рабочихъ органовъ, т.-е. мышцъ и желѣзъ? Какъ не подумать далѣе, что крахмалы, сахаръ и жиръ пищи, какъ вещества способныя давать при окисленіи исключительно угольную кислоту и воду, сгораютъ въ тѣлѣ до тла и не признать нѣсколько иной судьбы за бѣлковыми веществами? Эти мысли и служили, мм. гг., руководными нитями изслѣдователямъ, изучавшимъ процессы окисленія въ крови и тканяхъ.

Изслѣдованіе дыхательныхъ процессовъ въ крови, очевидно, должно заключаться въ дальнѣйшемъ развитіи только что высказанныхъ положеній; оно должно доказать уже прямо существованіе окисленій въ тѣлѣ, опредѣлить ихъ мѣсто, ходъ и указать какъ матеріалы, подвергающіеся окисленію, такъ и продукты его. Для пущаго выясненія этихъ задачъ, позвольте мнѣ описать вамъ одинъ очень характерный примѣръ окисленія въ крови, изъ котораго вы тотчасъ же поймете, какъ намъ слѣдуетъ приниматься за дѣло. Если къ нѣкоторому количеству артеріальной крови, или лучше къ смѣси ея съ большимъ количествомъ воды (чтобы кровь стала совершенно прозрачной) прибавить свѣжихъ желѣзныхъ опилокъ и сильно взболтать жидкость, то изслѣдованіе ея оптическихъ свойствъ показываетъ, что кровеная краска теряетъ при этомъ весь свой кислородъ; если же затѣмъ слить жидкость съ опилокъ и снова взболтать ее съ воздухомъ, то анализъ показываетъ, что краска снова соединилась съ кислородомъ. Значитъ, этотъ газъ перешелъ съ шариковъ на опилки. Еслибъ вы стали искать его въ желѣзѣ такимъ же способомъ, какъ въ крови, т.-е. слегка (до 40° Ц.) нагрѣвая въ пустотѣ, то не открыли бы его присутствія, но при болѣе сильныхъ разлагающихъ вліяніяхъ онъ оказался бы въ самомъ дѣлѣ тамъ; и это обстоятельство объяснило бы вамъ весь процессъ слѣдующимъ образомъ: кровеные шарики, удерживающіе свой кислородъ хотя и химическими силами, но слабо, были приведены въ соприкосновеніе съ желѣзомъ, которое притягиваетъ къ себѣ кислородъ сильнѣе, и послѣдній перешелъ

Digitized by Google

съ шариковъ на опилки. Въ этомъ опытѣ произошло окисленіе желѣза въ сферѣ крови и процессъ выразился: 1) исчезаніемъ изъ крови кислорода, способнаго выдѣляться въ пустоту; 2) присутствіемъ въ ней продукта окисленія. Стало быть, и въ предстоящихъ намъ наблюденіяхъ надъ нормальной кровью мы должны руководствоваться тѣми же данными, чтобы доказать присутствіе окислительныхъ процессовъ.

Начну съ основнаго опыта.

Если задушить животное, то минутъ черезъ 3—5 послѣ прекращенія доступа воздуха въ лёгкое, въ крови нельзя уже найти ни единаго атома способнаго выдѣляться въ пустоту кислорода. Стало быть одинъ изъ признаковъ окисленія существуетъ; но еслибъ вы стали искать другого—продуктовъ окисленія, то кромѣ нѣсколько увеличеннаго противъ нормы количества угольной кислоты не нашли бы ничего опредѣленнаго. А между тѣмъ, въ виду неподлежащей никакому сомнѣнію сложности горючаго матеріала и сравнительной медленности горѣнія въ тѣлѣ, слѣдовало бы ожидать въ крови скопленія не только окончательныхъ, но и промежуточныхъ продуктовъ окисленія. Они, можетъ быть, и есть, мм. гг., но, къ сожалѣнію, химія не знаетъ еще образа распаденія главнѣйшихъ составныхъ частей животнаго тѣла при окисленіи ихъ, да къ тому же продукты эти пришлось бы изолировать изъ такой сложной по составу жидкости, какъ кровь. Поэтому, даже въ такомъ крайнемъ случаѣ, какъ нашъ примѣръ, мы по неволѣ должны довольствоваться однимъ только исчезаніемъ изъ крови кислорода и скопленіемъ въ ней угольной кислоты, какъ признаками окислительныхъ процессовъ. Съ этимъ ограниченіемъ мы и приступаемъ къ явленіямъ въ текущей крови.

Въ тотъ короткій промежутокъ времени, пока кровь двигается по артеріямъ (если даже время цѣлаго оборота крови по тѣлу принять = 1 мин., то на движеніе ея по артеріямъ придется около 20 секундъ, такъ какъ по венамъ, при равной длинѣ ихъ съ артеріями, кровь течетъ вдвое медленнѣе, чѣмъ по послѣднимъ), исчезаніе кислорода изъ нея хотя и происходитъ, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ, потому что алый цвѣтъ крови, служащій признакомъ ея насыщенности кислородомъ, сохраняется вплоть до мельчайшихъ артеріальныхъ вѣточекъ. Картина однако тотчасъ же измѣняется, какъ только кровь перешла черезъ волосные сосуды. Хотя движеніе по этому отдѣлу продолжается еще менѣе, чѣмъ по артеріямъ — никакъ не болѣе 2 — 3 секундъ, — однако кровь явственно темнѣетъ, теряетъ половину, или даже нѣсколько болѣе, всего своего кислорода и пріобрѣ-

Digitized by Google

таетъ взамѣнъ его нѣкоторое количество угольной кислоты. Это явленіе повсемѣстно во всѣхъ безъ исключенія волосныхъ сосудахъ аорты, и значитъ ихъ нужно считать мѣстами, гдѣ сосредоточиваются, главнѣйшимъ образомъ, процессы окисленія. Но какая же причина, что кислородъ исчезаетъ такъ быстро именно въ волосныхъ сосудахъ? Если перебрать въ умѣ условія, въ которыя поставлена кровь при теченіи ея по артеріямъ и волоснымъ сосудамъ, то возможно остановиться только на мысли, что тамъ кровь течетъ по трубкамъ, имѣющимъ значеніе лишь проводниковъ и соприкасается съ однѣми стѣнками ихъ, тогда какъ въ волосныхъ сосудахъ она приходитъ въ соприкосновеніе съ тканями тѣла. И въ самомъ дѣлѣ, опыты искусственнаго впрыскиванія крови въ различные органы тѣла показываютъ, что пока органы эти живы, прохожденіе черезъ нихъ крови всегда сопровождается исчезаніемъ кислорода. Выступаетъ ли онъ, однако, при этомъ изъ крови въ ткани, или наоборотъ изъ послѣднихъ постоянно выдѣляются въ кровь вещества, жадно поглощающія кислородъ — это вопросы будущаго. Извѣстно только то, что въ тканяхъ и сокахъ тѣла, лежащихъ за предѣлами кровеносной системы, до сихъ поръ не удавалось найти ни единаго атома, способнаго выдѣляться въ пустоту, кислорода. Такою же тайной окружены для насъ и условія развитія угольной кислоты въ тѣлѣ, и только въ отношеніи мышечной ткани существуютъ намеки, что она можетъ развиваться въ самыхъ мышцахъ.

Передъ вашими глазами (рис. 18) въ ходу опытъ, которымъ это доказывается. Въ стеклянной банкѣ *A* повѣшены на металлическомъ крючкѣ (*B*), проходящемъ черезъ ея крышку, заднія конечности лягушки, обнаженныя отъ кожи и освобожденныя предварительнымъ выпрыскиваніемъ сосудовъ отъ крови. На дно банки налито столько ртути, чтобы нижніе концы ногъ постоянно находились съ нею въ соприкосновеніи; въ туже ртуть опущена, черезъ крышку банки, металлическая проволока *C*, служащая вмѣстѣ съ внѣшнимъ концомъ крючка *B* мѣстомъ приложенія перерывисто дѣйствующаго электрическаго тока. Послѣдній, проходя черезъ крючекъ, лягушечьи конечности, ртуть и проволоку *C*, приводитъ мышцы ногъ въ постоянное сокращеніе, длящееся сколько угодно времени. При этомъ съ поверхности мышцъ выдѣляется въ воздухъ банки *A* угольная кислота, и присутствіе ея здѣсь я докажу вамъ продавливаніемъ изъ банки воздуха черезъ растворъ ѣдкаго барита, наполняющій Либиховскій сосудъ *N*; при этомъ въ прозрачной теперь жидкости произойдетъ муть, вслѣдствіе образованія нерастворимаго

Digitized by Google

осадка (углекислаго барита). Но еслибъ я сталъ продавливать черезъ банку *A* воздухъ этой залы, не очистивъ его предварительно отъ угольной кислоты, вы имѣли бы право приписать ей образованіе мути въ сосудѣ *N*; чтобы избѣжать такого возраженія, слѣва отъ *A* помѣщенъ другой Либиховскій сосудъ *M*, наполненный растворомъ ѣдкаго кали. Теперь, когда я буду продавливать воздухъ посредствомъ каучуковаго шара *D*, онъ будетъ входить въ *A* свободнымъ отъ угольной кислоты, а между тѣмъ вы видите, что въ *N* происходитъ муть. И такъ какъ въ мышцахъ крови нѣтъ, то этотъ опытъ показываетъ, что здѣсь угольная кислота можетъ развиваться за предѣлами кровеносной системы.

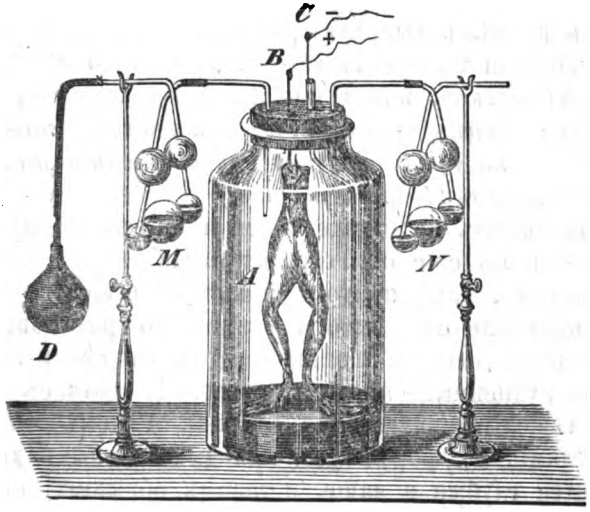


Рис. 18.

Не имѣя возможности знать продуктовъ окисленія, предшествующихъ полному сгоранію веществъ до степени угольной кислоты и воды, мы, конечно, не имѣемъ возможности указать въ крови и на тѣ матеріалы, которые подвергаются окисленію. Только въ очень недавнее время удалось подмѣтить въ крови задушеннаго животнаго присутствіе веществъ, жадно поглощающихъ кислородъ; къ сожалѣнію, вещества эти не могли до сихъ поръ быть изолированы, и относительно ихъ существуетъ лишь предположеніе, что они выходятъ въ кровь изъ тканей тѣла (продукты разрушенія послѣднихъ?). А между тѣмъ измѣреніе газоваго обмѣна при дыханіи ясно указываетъ, что горючимъ матеріаломъ въ тѣлѣ должна быть, между прочимъ, и пища. Да

Digitized by Google

и можетъ ли быть иначе, когда съ одной стороны въ тѣло вводится ежедневно большое количество бѣлковъ, сахара и жировъ, а съ другой ни одного изъ этихъ веществъ не находится въ изверженіяхъ организма: еслибы пищевыя вещества не разрушались постоянно въ тѣлѣ, они должны были бы скопиться въ теченіи очень короткаго времени въ огромныхъ количествахъ, а ничего подобнаго не замѣчается. Сахаръ и жиры сгараютъ въ тѣлѣ, вѣроятно, до тла (до степени превращенія всего ихъ углерода въ угольную кислоту, а водорода въ воду), а окончательнымъ извергаемымъ изъ тѣла продуктомъ распаденія бѣлковъ является мочевина.

Это, мм. гг., и все, что извѣстно существеннаго относительно дыханія крови и тканей. При такой поразительной скудости, вы конечно понимаете, что свѣдѣнія эти очень немного прибавляютъ къ тѣмъ выводамъ о дыханіи, которые были сдѣланы на основаніи измѣренія величинъ газоваго обмѣна, и нисколько не измѣняютъ ихъ сущности. *За дыханіемъ*, по прежнему, остается *значеніе процесса сгаранія веществъ пищи и тканей, служащаго по преимуществу для согрѣванія тѣла и развитія въ немъ механическихъ работъ.*

Чтобы покончить съ дыхательнымъ процессомъ, мнѣ остается разсказать вамъ еще объ его регуляціи.

Подобно тому, какъ притокъ пищевого вещества поддерживается на опредѣленной высотѣ извѣстнаго рода ощущеніями, именно чувствомъ голода и насыщенія, точно также и недостаточный или затрудненный притокъ кислорода тотчасъ же даетъ себя знать тяжелымъ чувствомъ одышки. Рядомъ съ нею развивается реакція въ формѣ усиленія дыхательныхъ движеній—они становятся глубже и чаще, и такимъ образомъ, недостаточность или затрудненность кислороднаго притока восполняется усиленнымъ введеніемъ воздуха въ лёгкое. Представьте себѣ, что одышка, при всѣхъ ея градаціяхъ со стороны интенсивности, дѣйствуетъ усиливающимъ образомъ на дыхательныя движенія, и вы поймете, что въ этой связи должна быть вся суть дыхательной регуляціи, такъ какъ ею достигается соотвѣтственность между потребностью тѣла въ кислородѣ и величиною его притока въ лёгкое [1]).

Посмотримъ же, какимъ устройствомъ дыхательнаго аппа-

---

[1]) Не нужно забывать, что усиленный притокъ воздуха въ лёгкое имѣетъ еще значеніе усиленной вентиляціи его (а черезъ лёгкое и крови) отъ угольной кислоты; кромѣ того усиленныя вдыханія, ускоряя токъ венной крови, ускоряютъ и самое движеніе ея по лёгкому.

Digitized by Google

рата осуществлена эта связь между недостаточностью кислороднаго притока и дыхательными движеніями.

Такъ какъ послѣднія производятся періодическими сокращеніями мышцъ, окружающихъ грудную клѣтку, а мышцы въ тѣлѣ вообще сокращаются только подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ, то первоначальную причину дыхательныхъ движеній слѣдуетъ искать въ возбужденіяхъ, выходящихъ изъ нервной системы. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Опыты разрушенія различныхъ отдѣловъ головного мозга открываютъ въ части его, называемой продолговатымъ мозгомъ, очень небольшое пространство, при разрушеніи котораго тотчасъ же прекращаются дыхательныя движенія и наступаетъ смерть. Это, такъ-называемые, *дыхательные центры*. Они служатъ съ одной стороны исходной точкой для нервныхъ волоконъ, идущихъ къ дыхательнымъ мышцамъ, съ другой имъ приписывается способность возбуждаться кровью, протекающею по волоснымъ сосудамъ продолговатаго мозга, насколько она не представляется насыщенною кислородомъ. Послѣднее выводится, съ одной стороны, изъ усиленія дыхательныхъ движеній при задушеніи, когда кровь становится очень бѣдною кислородомъ, съ другой — изъ совершеннаго подавленія ихъ усиленнымъ введеніемъ этого газа въ лёгкое. Въ опытахъ послѣдняго рода на причину отсутствія дыхательныхъ движеній нельзя смотрѣть иначе, какъ на устраненіе необходимости въ дыханіи, такъ какъ животное, насыщенное кислородомъ, не представляетъ ничего ненормальнаго, кромѣ того что не дышетъ; поэтому-то потеря кислорода кровью, протекающею по волоснымъ сосудамъ дыхательныхъ центровъ, и считается моментомъ, возбуждающимъ ихъ къ дѣятельности.

Такимъ образомъ, причина дыхательныхъ движеній сводится на то, что животное, вслѣдствіе постоянныхъ потерь кислорода изъ крови, постоянно находится въ состояніи слабаго задушенія. Пока эти потери незначительны, возбужденіе дыхательныхъ центровъ (а изъ нихъ черезъ нервы и дыхательныхъ мышцъ) слабо, и дыханіе совершается покойно; но какъ только исчезаніе кислорода усиливается, возбужденіе центровъ становится сильнѣе и сильнѣе, и дыхательныя движенія принимаютъ, наконецъ, конвульсивный характеръ.

Противъ такого толкованія явленій вы могли бы сдѣлать слѣдующее возраженіе: если дыхательные центры дѣйствительно возбуждаются кровью волосныхъ сосудовъ, то раздраженіе это должно было бы имѣть характеръ непрерывности, такъ какъ кровь течетъ по волоснымъ сосудамъ равномѣрною струею,

Digitized by Google

а между тѣмъ дыхательныя движенія представляютъ перемежающійся характеръ. Въ этомъ разладѣ между характерами дѣйствующей силы и вызываемаго ею движенія не заключается однако ничего необычайнаго: каждому изъ васъ, конечно, извѣстны такія машины, въ которыхъ непрерывно дѣйствующая двигательная сила производитъ перерывистое движеніе; сюда относятся, наприм., швейныя машины, приводимыя въ дѣйствіе постояннымъ движеніемъ махового колеса, водяныя толчеи, пильныя мельницы и пр.; но особенно поучителенъ для насъ подобный же случай проведенія газовъ черезъ жидкости. Всякому конечно извѣстно, что если вдувать черезъ трубку воздухъ въ воду, то, несмотря на постоянство давящей силы, воздухъ идетъ по жидкости въ формѣ отдѣльныхъ пузырей, — здѣсь непрерывное движеніе переходитъ въ перерывистое; но въ этомъ случаѣ причина явленія понятна такъ-сказать сама собою: она заключается въ томъ, что въ вытечномъ отверстіи трубки существуютъ препятствія для выхожденія газа, вслѣдствіе чего напряженіе его сначала должно возрастать для побѣжденія препятствій, а потомъ, когда они побѣждены,—падать по причинѣ выхожденія изъ трубки газоваго пузыря. Въ этой же формѣ должно, какъ думаютъ, происходить возбужденіе дыхательныхъ центровъ: прежде, чѣмъ они приходятъ въ дѣятельность, раздражающіе толчки должны еще возрасти до возможности вызвать движеніе, но когда оно произошло, живая сила толчковъ перешла въ работу, и раздраженію снова приходится возрастать для произведенія двигательнаго эффекта. Въ явленіе вводится, какъ видите, понятіе о препятствіяхъ со стороны дыхательныхъ центровъ къ возбужденію, и разъ оно введено, имъ можно уже объяснить прочія стороны дыхательныхъ движеній, напр. дѣятельность при покойномъ дыханіи однѣхъ только вдыхательныхъ мышцъ (это можетъ быть объяснено тѣмъ, что выдыхательные центры труднѣе возбудимы кровью, чѣмъ ихъ антагонисты), увеличеніе числа сокращающихся мышцъ при усиленномъ дыханіи и пр.

Однако регуляція дыхательныхъ движеній на этомъ не останавливается: дыхательные центры обладаютъ еще нервнымъ придаткомъ, значеніе котораго заключается въ томъ, что онъ постоянно уменьшаетъ сумму препятствій въ дыхательныхъ центрахъ къ возбужденію ихъ кровью. Къ сожалѣнію, условія дѣятельности этого придатка еще очень мало разработаны.

Digitized by Google

XII.

Пластическіе процессы въ тѣлѣ.

Слѣдя за судьбами пищевыхъ веществъ въ животномъ тѣлѣ, мы познакомились до сихъ поръ съ измѣненіями ихъ въ полости пищевой трубки и нашли, что, поступивъ отсюда въ кровь, они разносятся ею по всему тѣлу; при этомъ часть ихъ разрушается насчетъ вдыхаемаго кислорода, развивая въ тѣлѣ теплоту и служа тѣмъ для рабочихъ процессовъ въ организмѣ, а другая выступаетъ изъ полости кровеносныхъ трубокъ въ формѣ бѣлковой жидкости. Съ судьбою той части кровеного фильтрата, которая течетъ по лимфатической системѣ, мы тоже незнакомились; и теперь, чтобы покончить съ исторіей странствованія по тѣлу пищевыхъ веществъ, мнѣ остается рѣшить еще два вопроса: прослѣдить судьбу ихъ по отношенію къ возстановленію потерь въ тканяхъ и приготовленію соковъ. Первый рядъ процессовъ носитъ, какъ вы знаете, названіе *питательныхъ* или *пластическихъ*, а второй — *отдѣлительныхъ*.

Сначала я буду говорить о первыхъ.

Вы помните тѣ общія основанія, которыя заставляютъ науку принять существованіе въ тѣлѣ разрушенія и возстановленія тканей; — это, съ одной стороны, непрочность, легкая разрушаемость матеріаловъ, изъ которыхъ выстроено тѣло, съ другой — продолжительность существованія, притомъ въ неизмѣненномъ видѣ, этихъ самыхъ тканей. Сверхъ этого общаго основанія вы знаете теперь, что къ тканямъ тѣла существуетъ постоянный притокъ вдыхаемаго кислорода и что въ тѣлѣ постоянно развивается теплота; — новыя данныя, чтобы принять существованіе разрушеній въ тѣлѣ, такъ какъ эти именно условія, какъ показываетъ ежедневный опытъ, и разрушаютъ вещества животнаго тѣла. Наконецъ вы помните, мм. гг., что исчезаніе кислорода изъ крови волосныхъ сосудовъ происходитъ подъ непремѣннымъ вліяніемъ тканей тѣла; и при этомъ все равно, исчезаетъ ли кислородъ, выходя изъ крови и соединяясь химически съ веществами тканей, или наоборотъ изъ послѣднихъ выдѣляются въ кровь вещества, жадно соединяющіяся съ кислородомъ кровеныхъ шариковъ, — то и другое было бы невозможно, еслибъ въ тканяхъ не происходило постоянныхъ превращеній.

Итакъ, разрушеніе должно существовать въ тѣлѣ.

Но въ какой формѣ оно происходитъ и какими вообще внѣшними признаками выражается — образуются ли въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

прорѣхи въ тканяхъ, доступныя непосредственному наблюденію, или фокусы разрушенія въ каждомъ данномъ мѣстѣ тѣла имѣютъ микроскопическіе размѣры, или наконецъ разрушеніе никогда не доходитъ до полнаго уничтоженія тканевыхъ элементовъ, и послѣдніе претерпѣваютъ измѣненія лишь въ томъ отношеніи, что они, постоянно выдѣляя изъ себя продукты собственныхъ превращеній, въ тоже самое время получаютъ изъ крови вещества, пополняющія эти потери? При послѣднемъ взглядѣ на дѣло, надъ каждымъ микроскопическимъ элементомъ ткани въ отдѣльности, очевидно, повторялся бы, въ дѣлѣ обмѣна веществъ, тотъ же самый циклъ процессовъ, какой замѣчается на цѣломъ организмѣ: притокъ крови къ элементу соотвѣтствовалъ бы процессамъ поступленія пищи и кислорода въ цѣльный организмъ; превращеніе этихъ веществъ въ элементѣ и организмѣ составляло бы всю интимную сторону жизни обоихъ; наконецъ, выдѣленіе элементомъ продуктовъ своихъ превращеній въ кровь и лимфу (прошу не забывать, что элементы тканей приходятъ съ этими жидкостями въ болѣе или менѣе непосредственное соприкосновеніе) соотвѣтствовало бы процессамъ выбрасыванія мочи, пота, угольной кислоты и пр. цѣльнымъ организмомъ. Остановитесь, мм. гг., на минуту на этой мысли, какъ на возможности, и представьте себѣ, что все животное тѣло есть не что иное, какъ сочетаніе многихъ билліоновъ такихъ элементовъ, тогда вы, конечно, сразу поймете, весь вещественный обмѣнъ цѣльнаго организма могъ бы быть разсматриваемъ, какъ общій итогъ билліоновъ частныхъ вещественныхъ превращеній въ сферѣ тканевыхъ элементовъ.

Но возвратимся къ дѣлу. Изъ трехъ поставленныхъ выше вопросовъ одинъ только первый допускаетъ опытное рѣшеніе, притомъ съ виду очень легкое, такъ какъ дѣлать искусственныя прорѣхи въ тканяхъ не трудно, а затѣмъ остается только слѣдить за процессомъ ихъ заживленія. Если вы примете однако во вниманіе микроскопическіе размѣры тканевыхъ элементовъ, ихъ чрезвычайную скученность въ тканяхъ (для выясненія себѣ этого обстоятельства возьмите въ примѣръ кровь: одинъ кубическій миллиметръ ея, т.-е. объемъ, не превышающій величину булавочной головки, содержитъ до 5 милліоновъ красныхъ кровяныхъ шариковъ!) и цѣлый рядъ ненормальныхъ послѣдствій, въ формѣ кровеизліянія, раздраженія и пр., которыя влечетъ за собою всякое искусственное разрушеніе, то легко понять, что какъ бы мало послѣднее на видъ ни было, оно непремѣнно губитъ милліоны элементовъ. Понятно, слѣдовательно, что опыты искусственнаго разрушенія по необходимости грубы, и довѣрять ихъ показаніямъ можно только въ случаяхъ, когда послѣдніе имѣютъ

Digitized by Google

характеръ утвердительный, а не отрицательный. Дѣло всего лучше разъясняется на примѣрахъ. Извѣстно, наприм., такое мѣсто въ продолговатомъ мозгу (оно называется жизненнымъ узломъ), гдѣ искусственное разрушеніе вещества на величину одной булавочной головки навѣрное произведетъ тотчасъ же конвульсіи и причинитъ быструю смерть. Изъ этого опыта всякій, навѣрное, выведетъ заключеніе, что поелику въ здоровомъ организмѣ въ теченіе всей жизни не замѣчается ничего подобнаго, въ данномъ мѣстѣ продолговатаго мозга навѣрно не происходитъ *физіологическаго* разрушенія на величину одной булавочной головки. Но если вы откинете неизбѣжное при искусственномъ разрушеніи кровеизліяніе, которое въ свою очередь должно дѣйствовать разрушительно на мягкіе элементы мозга, и сократите сферу разрушенія до $^1/_{1000}$ куб. миллим., можно ли поручиться, что и тогда произойдутъ сильныя непоправимыя разстройства? Другой примѣръ. Опытъ съ искусственной перерѣзкой цѣлыхъ нервныхъ стволовъ показываетъ, что рана можетъ зажить и передача возбужденій по нерву можетъ возстановиться, хотя параличъ органовъ, связанныхъ съ даннымъ нервомъ, длится обыкновенно мѣсяцы. Зная этотъ фактъ съ одной стороны, съ другой не замѣчая въ жизни здороваго человѣка параличей, естественно думать, что физіологическое разрушеніе въ сферѣ нервнаго ствола никогда не доходитъ до перерыва всѣхъ или большей части составляющихъ его нервныхъ волоконъ; и такое заключеніе будетъ конечно справедливо. Но можно ли отсюда съ увѣренностью заключить, что изъ 20,000 нервныхъ волоконъ, составляющихъ, наприм., данный стволъ, не можетъ перерождаться въ отдаленные другъ отъ друга промежутки времени по 2, по 3 нервныхъ волокна разомъ. Такое ограниченное перерожденіе дало бы въ результатѣ абсолютно неопредѣлимый параличъ (по незначительности его распространенія), а между тѣмъ оно существовало бы. Еще примѣръ. Вы разрушаете на величину булавочной головки вещество кожи; — рана у васъ мало-по-малу заживаетъ и образуется такъ-наз. рубецъ. Этотъ рубецъ вы вырѣзываете для рѣшенія вопроса, возстановились ли разрушенные элементы кожи, сравниваете строеніе его (конечно микроскопическимъ изслѣдованіемъ) съ нормальными мѣстами послѣдней и находите огромную разницу между ними. Въ рубцѣ недостаетъ ни сальныхъ, ни потовыхъ железокъ, ни волосныхъ луковицъ—все вещество рубца состоитъ, такъ-сказать, изъ одного мягкаго скелета кожи, образованнаго изъ соединительной ткани [1]).

[1]) Заживленіе ранъ рубцами изъ соединительной ткани, безъ возстановленія спе-

Digitized by Google

Изъ этого опыта вы, конечно, дѣлаете заключеніе—и совершенно справедливое,—что ткань кожи, при разрушеніяхъ даже незначительныхъ, не возстановляется вполнѣ; и это, мм. гг., совершенно понятно: каждая попавшая въ сферу разрушенія микроскопическая железка есть цѣлый отдѣльный органъ, эквивалентный, напр., печени, слѣдовательно разрушить ее тоже самое, что отрѣзать, напр., руку. Фактъ понятенъ, но слѣдуетъ ли изъ него, что еслибы разрушеніе занимало собою $^1/_{100}$ вещества железы, то потеря и тогда не могла бы возстановиться? Такіе же результаты дали бы опыты разрушенія и другихъ тканей (напр. мышцъ, печени, легкихъ, почки и пр.), т.-е. потеря вещества возстановилась бы рубцомъ изъ соединительной ткани; но и здѣсь всякій разъ оставалось бы сомнѣніе, что еслибы сфера разрушенія была значительно меньше и послѣднее не сопровождалось цѣлымъ рядомъ ненормальныхъ послѣдствій, то результатъ могъ бы выйти утвердительный.

Подобныя сомнѣнія позволительны тѣмъ болѣе, что сверхъ срастаемости нервовъ и возстановимости мягкой соединительной ткани, возстановимость потерь положительно доказана еще для нѣкоторыхъ другихъ тканей. Сюда относятся, напр., кости (онѣ впрочемъ считаются видоизмѣненіемъ соединительной ткани) и всѣ такъ-назыв. роговыя образованія—ногти, волосы, эпителій кожи, слизистыхъ оболочекъ и пр. Для этихъ тканей извѣстны даже мѣста, изъ которыхъ происходитъ возстановленіе потерь. Такъ, если вырѣзать у живого животнаго кусокъ кости, сохранивъ при этомъ ту тонкую перепонку, которая обвалакиваетъ каждую кость и называется надкостной плевою, то потеря костнаго вещества возстановляется. Ногти и волосы растутъ, какъ извѣстно, съ корня — покуда послѣдній цѣлъ, возстановленіе потерь возможно, какъ бы велики онѣ ни были; тоже и съ эпителіальными покровами, для которыхъ такъ-назыв. Мальпигіевъ слой составляетъ эквивалентъ ногтевого корня.

Что же это за предпочтеніе со стороны природы соединительной ткани съ ея производными, и роговымъ образованіямъ передъ прочими тканями тѣла? Имѣетъ ли оно основаніемъ бо́льшую разрушаемость матеріала, изъ котораго они выстроены, или образованія эти подвергаются болѣе сильной узурѣ? Первое положительно невѣрно—матеріалъ костей и роговыхъ тканей можно наоборотъ считать наиболѣе прочнымъ изъ веществъ тѣла. Второе же предположеніе вѣрно только по отношенію къ эпителію

цифическаго строенія разрушеннаго мѣста, есть фактъ общій для всѣхъ сложныхъ тканей, въ случаѣ болѣе или менѣе обширныхъ разрушеній.

Digitized by Google

кожи съ его дериватами (ногтями и волосами) и къ тѣмъ слизистымъ оболочкамъ, которыя подвергаются сильному тренію (напр. вся слизистая оболочка пищевыхъ путей), но оно нисколько не приложимо, напр., къ мягкой соединительной ткани и къ роговой покрышкѣ крупныхъ дыхательныхъ вѣтвей; а между тѣмъ разрушеніе вмѣстѣ съ возстановленіемъ происходитъ въ послѣднемъ мѣстѣ въ неменьшей степени, чѣмъ въ отдѣлахъ слизистыхъ оболочекъ, подвергающихся тренію. Остается, слѣдовательно, искать различіе въ условіяхъ питанія тѣхъ и другихъ тканей, и для того, чтобы объяснить себѣ вышеприведенные факты, вовсе ненужно отказывать однимъ изъ нихъ въ способности возстановляться — достаточно снабдить соединительную и роговую ткань лишь *бо́льшею степенью* возстановимости. Тогда фактъ возстановленія потерь въ сложныхъ тканяхъ рубцами соединительнаго вещества объяснялся бы тѣмъ, что послѣднее, вслѣдствіе болѣе быстраго развитія, такъ-сказать заглушаетъ наростаніе прочихъ элементовъ (прошу вспомнить, что скелетъ всякой сложной ткани образованъ изъ соединительнаго вещества). Для костей и эпителіальныхъ покрышекъ, съ ихъ дериватами (костями и волосами), имѣло бы сверхъ того значеніе еще то обстоятельство, что здѣсь питательные или пластическіе фокусы, т.-е. точки, изъ которыхъ выходитъ пополненіе потерь, скучены вмѣстѣ, тогда какъ въ сложныхъ тканяхъ и органахъ съ quasi-невозстановляющимися потерями эти фокусы лежатъ разрозненно, притомъ отдѣлены другъ отъ друга то перекладиной соединительной ткани, то кровеноснымъ сосудомъ, или лимфатической трещиной и пр. Возможно даже, что уже одно это различіе въ распредѣленіи пластическихъ фокусовъ обусловливаетъ всю разницу въ степени возстановимости различныхъ элементовъ при болѣе или менѣе обширныхъ разрушеніяхъ.

Какъ бы то ни было, но на основаніи всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что форма физіологическихъ разрушеній, даже въ самомъ счастливомъ для непосредственнаго наблюденія случаѣ, можетъ являться лишь въ видѣ микроскопическихъ прорѣхъ, разсѣянныхъ по толщѣ органовъ и тканей. Понятно, что при этомъ условіи разрушенія не могутъ не проглядываться: тутъ дѣйствуетъ и мягкость тканей, ведущая за собою ихъ легкую спадаемость, и грубость тѣхъ насилій, которыя претерпѣваетъ всякая ткань при изслѣдованіи ея подъ микроскопомъ (свѣжія ткани нужно или разрѣзать или разщеплять и полученные такимъ образомъ тонкіе до прозрачности объекты нужно еще распластать на стеклышкѣ). Оттого-то и выходитъ, что свѣдѣнія наши о формѣ физіологическихъ разрушеній почти равны нулю.

Digitized by Google

При такомъ положеніи дѣла наука естественно должна была заботиться объ отысканіи другихъ, хотя бы косвенныхъ признаковъ разрушенія тканей, и съ этою цѣлью она остановилась на мысли, что можетъ быть продукты распаденія различныхъ тканей (конечно не окончательные, которые, какъ вы знаете, суть мочевина, угольная кислота, вода и пр.) различны между собою. Для рѣшенія этихъ вопросовъ она призвала на помощь химію, и отсюда вытекъ цѣлый рядъ изслѣдованій надъ соками различныхъ органовъ и тканей. Чтобы выяснить для васъ значеніе этого пріема, я прибѣгну къ слѣдующему образу. Представьте себѣ, что каждый органъ нашего тѣла содержалъ бы въ себѣ какое-нибудь специфическое вещество, отличающее его отъ всѣхъ прочихъ органовъ; положимъ, напр., что въ составъ легочной ткани входило бы серебро, въ составъ печени—мѣдь, въ составъ почекъ — олово и пр. Для того, чтобы эти органы могли питаться кровью, послѣдняя очевидно должна была бы заключать въ себѣ всѣ перечисленные металлы, а отсюда слѣдовало бы, что во всякомъ органѣ тѣла, даже по удаленіи изъ него крови, вы должны были бы встрѣтить и мѣдь и серебро и олово; и это на томъ основаніи, что эти вещества, какъ входящія въ составъ питательнаго сока, должны были бы обладать способностью фильтроваться черезъ стѣнки сосудовъ, и слѣдовательно они выступали бы изъ крови въ тканевыя трещины органа, изъ которыхъ удалить ихъ нѣтъ никакой возможности. Какимъ же образомъ можно было бы узнать, что въ ткани легкаго есть серебро, въ печени мѣдь и пр.? Очевидно, однимъ только количественнымъ опредѣленіемъ того или другого металла въ органахъ, освобожденныхъ отъ крови. Притомъ понятно, что результаты были бы ясны лишь въ томъ случаѣ, если бы ткань была очень богата соотвѣтствующимъ металломъ, маленькія же разницы могли бы зависѣть просто напросто отъ бо́льшаго или меньшаго скопленія кровеного фильтрата въ томъ или другомъ органѣ. Отсюда вы ясно можете видѣть, мм. гг., что даже въ такомъ рѣзкомъ случаѣ, какъ приведенный образъ, рѣшеніе вопроса о принадлежности того или другого вещества той или другой ткани можетъ быть очень труднымъ. Насколько же труднѣе рѣшеніе подобныхъ вопросовъ по отношенію къ дѣйствительнымъ продуктамъ разложенія тканей, вы можете видѣть изъ того, что различія въ составѣ органовъ далеко не такъ рѣзки, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, притомъ количества этихъ продуктовъ чрезвычайно малы и наконецъ добывать ихъ несравненно труднѣе, чѣмъ опредѣлять въ золѣ органовъ присутствіе какихъ бы то ни было металловъ. Поэтому и этотъ общій пріемъ въ при-

Digitized by Google

мѣненіи къ дѣлу далеко не оправдалъ ожиданій, хотя онъ все-таки открылъ въ сокахъ тканей цѣлый рядъ новыхъ веществъ—продуктовъ превращеній и тѣмъ доказалъ фактически существованіе послѣднихъ.

Итакъ, формы разрушенія тканей ускользаютъ до сихъ поръ отъ опредѣленія, но самое разрушеніе не можетъ подлежать сомнѣнію. Если же оно есть, то должно существовать и возстановленіе потерь, и теперь намъ предстоитъ говорить о формахъ возстановительныхъ процессовъ.

Послѣ того, что было сказано о невозможности наблюдать физіологическія разрушенія тканей, можно быть напередъ увѣреннымъ, что столько же недоступны непосредственному наблюденію и процессы возстановленія потерь; слѣдовательно и здѣсь рѣчь будетъ идти только о возможныхъ формахъ этихъ процессовъ, понятіе о которыхъ выводится съ одной стороны изъ явленій развитія тканей въ зародышѣ, съ другой — изъ патологическихъ наблюденій надъ заживленіемъ искусственныхъ или болѣзненныхъ разрушеній и изъ наблюденій надъ образованіемъ различныхъ наростовъ, опухолей и пр.

Всякій образованный человѣкъ, незнакомый однако съ явленіями зародышеваго и патологическаго развитія тканей, при вопросѣ о формѣ ихъ образованія всего охотнѣе остановился бы сначала на слѣдующемъ представленіи: кровеной фильтратъ онъ принялъ бы за пластическій матеріалъ, изъ котораго воздвигается каждый отдѣльный элементъ ткани, и самое возникновеніе послѣдняго навѣрно приравнялъ бы процессу возникновенія кристалловъ изъ жидкой однородной среды. Слабость такого представленія обнаружилась бы для него однако очень скоро. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: кровяной фильтратъ приблизительно однороденъ и въ мышцѣ, и въ печени и въ нервныхъ массахъ, а между тѣмъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ должны возникнуть явно различныя вещи—печеночная клѣтка, мышечное и нервное волокно. Притомъ отчего бы этой жидкости не организоваться въ самой полости кровеносныхъ сосудовъ, такъ какъ фильтрація ея черезъ стѣнки послѣднихъ сама по себѣ не вноситъ въ условія существованія жидкости ничего новаго. Послѣдняя фраза можетъ уже навести на новую мысль: фильтрація кровеной жидкости сама по себѣ, конечно, не измѣняетъ ея состоянія, но фильтраціей вносятся новыя условія въ существованіе жидкости—она приходитъ теперь въ непосредственное соприкосновеніе съ элементами тканей; возможно, что изъ послѣднихъ выступаютъ въ жидкость какія-нибудь новыя вещества, отъ прибавленія которыхъ фильт-

Digitized by Google

ратъ и получаетъ пластическую способность. Въ этой новой формѣ, представленіе уже значительно приближается къ господствующимъ теперь воззрѣніямъ на пластику тѣла, такъ какъ она уже вводитъ въ сферу процессовъ, дѣятельность тканевыхъ элементовъ, заставляя ихъ выдѣлять изъ себя вещества, необходимыя для пластики. Сдѣлайте на этомъ пути еще одинъ шагъ — представьте себѣ, напр., что пластическое вещество цѣликомъ выдѣляется изъ тканевыхъ элементовъ, что это есть ихъ функція, для поддержанія которой элементу нужна кровеная жидкость, какъ питательный сокъ, — и вы совпадете въ сущности съ господствующимъ теперь воззрѣніемъ. Вотъ его сущность: въ основѣ зародышеваго и патологическаго образованія тканей лежитъ способность животныхъ клѣтокъ расти и размножаться подъ вліяніемъ какихъ-то особенныхъ условій, изъ которыхъ многія носятъ характеръ раздраженія; при этомъ размноженіи всякая производная клѣтка, или клѣтка-дочь, наслѣдуетъ всѣ свойства матери [1]), по крайней мѣрѣ на опредѣленный промежутокъ времени; выростая въ свою очередь, она, подобно матери, становится способной размножаться. Если вы примѣните это воззрѣніе къ нашему вопросу, то пластическимъ матеріаломъ, выдѣляемымъ тканевымъ элементомъ, можетъ быть только клѣтка-дочь, кровеной же фильтратъ будетъ имѣть значеніе сока, питающаго и-мать и потомство.

Если смотрѣть на дѣло съ такой точки зрѣнія, то возможность возстановленія физіологическихъ прорѣхъ очевидно сводится на то, могутъ ли тканевые элементы, сосѣдніе мѣсту разрушенія, встать въ условія клѣтокъ-матерей; другими словами, можетъ ли служить выпаденіе одного элемента толчкомъ къ процессу размноженія въ сферѣ сосѣднихъ. Если да, то возстановленіе, конечно, происходитъ.

Что касается до способа размноженія клѣтокъ, то въ наукѣ принимаютъ двѣ главныхъ формы его: такъ-называемое внутриклѣточное образованіе, гдѣ потомство развивается внутри клѣтки-матери, и размноженіе путемъ дѣленія клѣтки. Какъ разновидность послѣдней формы, существуетъ еще размноженіе путемъ почкованія. Но и эти факты опять-таки выведены изъ явленій зародышеваго и патологическаго развитія тканей, слѣдовательно въ приложеніи къ физіологическому возстановленію потерь это

---

[1]) Послѣднее нужно понимать однако относительно: всѣ ткани животнаго тѣла при зародышевомъ развитіи происходятъ въ концѣ концовъ изъ одной только клѣтки — материнскаго яйца.

Digitized by Google

опять теоретическія возможности, а не продукты непосредственныхъ наблюденій.

Въ этихъ немногихъ словахъ я старался передать вамъ, мм. гг., сущность современныхъ воззрѣній на процессъ образованія тканей, т.-е. на пластику тѣла. Къ этому мнѣ остается прибавить еще только одинъ фактъ, открытый въ недавнее время, которому многими приписывается уже и теперь большое значеніе въ пластическихъ процессахъ тѣла. Я разумѣю фактъ выхожденія изъ полости кровеносныхъ сосудовъ бѣлыхъ кровеныхъ шариковъ. Вотъ что извѣстно по сіе время въ этомъ отношеніи. Выступленіе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ изъ сосудовъ удается наблюдать непосредственно какъ на теплокровныхъ животныхъ, такъ и на лягушкахъ, но всегда при измѣнившихся уже нѣсколько условіяхъ кровеобращенія въ тканяхъ. Съ этой стороны процессъ представляется скорѣе патологическимъ, чѣмъ физіологическимъ. Но съ другой стороны изслѣдованіе живой соединительной ткани, эпителіевъ и пр. открываетъ въ нихъ присутствіе такъ-называемыхъ бродячихъ клѣтокъ—безцвѣтныхъ зернистыхъ массъ, представляющихъ одинаковую подвижность съ бѣлыми кровеными шариками. Этотъ фактъ заставляетъ думать, что выступленіе послѣднихъ изъ полости кровеносныхъ сосудовъ можетъ совершаться и при физіологическихъ условіяхъ. Существуютъ, наконецъ, отрывочныя наблюденія, что будто бродячіе въ теченіи нѣкотораго времени элементы могутъ фиксироваться, видоизмѣняться по формѣ и пріобрѣтать видъ постоянныхъ тканевыхъ элементовъ. Факты эти имѣютъ безспорно большую важность, и потому вы не удивитесь, если я скажу, что изслѣдователи болѣе сангвиническаго темперамента уже и теперь склонны видѣть въ бѣломъ кровеномъ шарикѣ чуть не универсальный пластическій матеріалъ для возрожденія всѣхъ элементовъ тѣла,—по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ организмѣ, гдѣ элементы тканей, при физіологическихъ условіяхъ, представляютъ, повидимому, очень малую наклонность къ размноженію. Еслибъ эти предположенія оправдались хоть въ отношеніи нѣкоторыхъ тканей, тогда въ лимфатическихъ железахъ мы имѣли бы органы, приготовляющіе пластическій матеріалъ не для одной только крови, а въ движеніи послѣдней заключалась бы новая функція разноски этого матеріала по тѣлу.

Это, мм. гг., и все, что можно было сказать общаго относительно пластическихъ процессовъ въ тѣлѣ. Еслибъ я захотѣлъ теперь разбирать ихъ въ частности, т.-е. разсказать вамъ, какъ питается нервная и мышечная ткань, печень, почки, селезенка и пр., то мнѣ пришлось бы или повторять общія мѣста, или по-

Digitized by Google

стоянно заявлять объ отсутствіи данныхъ для рѣшенія того и другого вопроса; поэтому я считаю болѣе выгоднымъ и для васъ и для себя остановиться хоть на небольшомъ числѣ примѣровъ, но за то на случаяхъ болѣе рельефныхъ, и потому болѣе изслѣдованныхъ. За примѣръ я возьму процессъ возстановленія потерь крови и возстановленіе роговой покрышки кожи.

По первому изъ этихъ вопросовъ большинство фактовъ вамъ уже извѣстно. Такъ, вы знаете кровеныя потери путемъ фильтраціи и способъ пополненія ихъ жидкими пищевыми экстрактами изъ полости кишечнаго канала; съ другой стороны, знакомя васъ съ многообразными услугами лимфатической системы тѣлу, я уже имѣлъ случай говорить о превращеніи лимфатическихъ тѣлъ, или бѣлыхъ кровеныхъ шариковъ, въ красные. Тогда мнѣ не было нужды выяснять цѣль этого превращенія, теперь же она должна быть вамъ понятна безъ всякихъ дальнѣйшихъ разглагольствованій: превращеніе нужно для того, чтобы пополнять постоянно происходящія убыли въ крови красныхъ кровеныхъ шариковъ. Но гдѣ же, вы спросите меня, тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно быть увѣреннымъ, что красные кровеные шарики разрушаются въ тѣлѣ? При рѣшеніи этого вопроса можно, повидимому, руководствоваться тѣмъ общимъ пріемомъ, который былъ описанъ выше, такъ какъ изъ всѣхъ веществъ тѣла одна только кровеная краска (гемоглобинъ) представляетъ вещество очень богатое желѣзомъ. Еслибы нашелся, напр., такой органъ въ тѣлѣ, въ которомъ, независимо отъ крови, встрѣчалось бы или скопленіе измѣнившейся кровеной краски, или оказалось много желѣза, то его можно было бы считать мѣстомъ разрушенія кровеныхъ шариковъ. Такой органъ, мм. гг., есть — это селезенка; слѣдовательно въ рукахъ у насъ есть уже одинъ намекъ. Другой рядъ фактовъ еще убѣдительнѣе. Случается, что вслѣдствіе ушиба разрываются въ толщѣ органовъ (напр. въ кожѣ) маленькіе кровеносные сосуды и кровь выливается въ ткань (кровеные подтеки); въ этихъ мѣстахъ черезъ нѣкоторое время очень часто находятъ кристаллическое вещество, образовавшееся навѣрно изъ кровеной краски (судя по составу), и оказывающееся въ тоже время тождественнымъ съ желчнымъ пигментомъ. Это другой аргументъ. Когда подъ вліяніемъ этой находки явилась мысль, что весь вообще желчный пигментъ образуется вѣроятно изъ кровеной краски, былъ устроенъ слѣдующій опытъ: живому животному былъ впрыснутъ въ кровь растворъ гемоглобина и найдено вслѣдъ за этимъ появленіе желчнаго пигмента въ мочѣ, какъ это бываетъ всегда во время общеизвѣстной болѣзни желтухи. Явно слѣдовательно, что изъ

Digitized by Google

гемоглобина образовался и въ этомъ случаѣ желчный пигментъ. Да и можно ли сомнѣваться въ разрушимости красныхъ кровеныхъ шариковъ, при той непрочности, которую обнаруживаютъ они при опытахъ съ ними. Выкачиваете ли вы изъ крови газы, или проводите черезъ нее нѣкоторое время попеременно токъ то кислорода, то угольной кислоты, въ результатѣ всегда получается огромное разрушеніе кровеныхъ шариковъ. Вѣроятно, остается въ этомъ отношеніи не безнаказаннымъ и быстрое введеніе въ желудокъ большихъ количествъ воды. Мѣстомъ очень удобнымъ для разрушенія кровеныхъ элементовъ считаютъ еще печень, такъ какъ желчныя соли — главнѣйшая составная часть желчи, обладаютъ въ значительной степени способностью растворять ихъ.

Итакъ, условій для разрушенія кровеныхъ шариковъ въ тѣлѣ много, и они дѣйствительно разрушаются; пополненіе же ихъ слагается изъ слѣдующихъ моментовъ. Въ тѣлѣ есть спеціально назначенные для этой цѣли органы — лимфатическія желѣзы и селезенка; въ нихъ, вѣроятно путемъ размноженія и назрѣванія лимфоидныхъ элементовъ, приготовляется, такъ сказать, сырой матеріалъ, способный, какъ думаютъ въ настоящее время, къ многообразнымъ метаморфозамъ; этотъ матеріалъ вступаетъ въ кровь и уже здѣсь, вѣроятно подъ вліяніемъ красныхъ шариковъ, переработывается въ окончательную форму.

Другой случай, который я взялъ за примѣръ, т.-е. процессъ возстановленія роговой покрышки кожи, особенно поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ, являясь связующимъ звѣномъ между, такъ-называемыми, питательными и отдѣлительными процессами тѣла, лучше всякихъ словъ доказываетъ взаимное сродство тѣхъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по результату, какъ возстановленіе потерь ткани, этотъ процессъ принадлежитъ къ категоріи пластическихъ, по самой же формѣ своего происхожденія онъ всецѣло принадлежитъ въ область отдѣлительныхъ актовъ.

Въ присутствіи роговой покрышки на кожѣ убѣдиться очень легко. Каждый разъ, что на кожѣ образуется водянистый пузырь отъ тренія (водяная мозоль), ожога или отъ шпанской мушки, съ поверхности кожи поднимается фильтрующеюся изъ крови жидкостью именно этотъ роговой, полупрозрачный и нисколько не чувствительный слой. При химическомъ изслѣдованіи онъ показываетъ составъ рога (отсюда и названіе), а подъ микроскопомъ является сочетаніемъ сплющенныхъ клѣточекъ, склеенныхъ между собою въ тонкую пластинку. Этотъ слой подверженъ непрерывному разрушенію. На головѣ оно видно изъ извѣстнаго всякому шелушенія кожи, причемъ роговая покрышка отпадаетъ маленькими кусками (это показываетъ микроскопъ); но тотъ же процессъ происходитъ и на всей поверхности тѣла, и если онъ

Digitized by Google

ускользаетъ отъ насъ, то потому, что отпадающія чешуйки постоянно стираются платьемъ. И несмотря на столь постоянное разрушеніе, этотъ тонкій слой во всю жизнь не стирается!

Такой результатъ достигается процессомъ очень простымъ съ форменной стороны, если не останавливаться на деталяхъ, но очень темнымъ по сущности. Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ. Роговая покрышка кожи, какъ показываетъ микроскопъ, выстроена не въ одинъ слой, а въ нѣсколько. Клѣтки верхняго слоя отличаются тѣмъ, что онѣ сухи, сильно сплющены, не заключаютъ въ себѣ зерна и наконецъ представляютъ въ химическомъ отношеніи исключительно роговыя реакціи. По мѣрѣ углубленія клѣтокъ, эти характеры мало-по-малу сглаживаются, уступая мѣсто другимъ признакамъ: — клѣтки становятся сочнѣе, менѣе сплюснуты, заключаютъ явственное зерно и съ химической стороны представляютъ явственныя бѣлковыя реакціи. Такъ какъ это повторяется на всѣхъ безъ исключенія точкахъ кожной поверхности, то изъ описанной картины и выводится слѣдующее общее представленіе о процессѣ: возстановленіе потерь кожицы происходитъ изъ глуби эпителіальнаго покрова, постояннымъ возрожденіемъ нижнихъ слоевъ и отодвиганіемъ кнаружи верхнихъ. Возрожденіе нижняго, т.-е. самаго молодого слоя представляется однако дѣломъ настолько темнымъ, что рядомъ съ мыслью о происхожденіи его путемъ размноженія клѣтокъ, существуетъ также мысль о бѣлыхъ шарикахъ крови, какъ о матеріалѣ для его образованія. Какъ бы то ни было, но по мѣрѣ приближенія къ поверхности, клѣтки навѣрно утрачиваютъ способность къ размноженію, если она даже и существовала въ нихъ прежде, и претерпѣваютъ при этомъ роговую метаморфозу. Вопросъ, какимъ образомъ изъ бѣлка дѣлается рогъ, остается опять неразрѣшимымъ; впрочемъ, эту участь раздѣляютъ съ нимъ всѣ вообще вопросы о химическихъ превращеніяхъ внутри животныхъ клѣтокъ, такъ какъ химіи до сихъ поръ не удается искусственное воспроизведеніе этихъ натуральныхъ процессовъ. Такая же темнота существуетъ и относительно тѣхъ силъ, которыя заставляютъ клѣтки располагаться въ столь правильные слои. Послѣ этого ряда отрицаній вамъ, конечно, пріятно будетъ встрѣтиться съ яснымъ указаніемъ на значеніе крови въ дѣлѣ питанія кожицы. Кто не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что треніе вызываетъ усиленный притокъ ея къ кожѣ, и кому неизвѣстно далѣе, что въ случаѣ постоянства этого тренія, хотя бы оно было незначительно, грубѣетъ, т.-е. усиленно развивается кожица? Явленіе это всего легче объяснимо съ слѣдующей точки зрѣнія: усиленная фильтрація крови даетъ матеріалъ для усиленнаго пита-

Digitized by Google

нія и размноженія клѣтокъ, вызываемыхъ существующимъ постояннымъ раздраженіемъ.

Итакъ, вы видите, мм. гг., что процессъ возстановленія кожицы слагается изъ слѣдующихъ двухъ главныхъ моментовъ: изъ доставки кровью сырого матеріала и изъ специфической дѣятельности клѣтокъ, состоящей въ размноженіи ихъ и въ метаморфозированіи ихъ содержимаго.

XIII.

Процессъ отдѣленія подчелюстной слюны, какъ примѣръ всѣхъ вообще отдѣленій въ тѣлѣ.

Въ прошлую лекцію я имѣлъ случай упомянуть о сродствѣ питательныхъ и отдѣлительныхъ процессовъ между собою. Родство это выражается, мм. гг., и въ результатахъ, достигаемыхъ тѣми и другими, и въ самыхъ способахъ достиженія этихъ результатовъ. Въ чемъ заключается, въ самомъ дѣлѣ, по сущности результатъ всякаго питательнаго процесса? Это есть превращеніе сырого пластическаго матеріала крови въ вещество той или другой ткани — превращеніе кровеныхъ бѣлковъ въ рогъ, клеевое вещество, міазинъ и пр. Но въ этомъ же самомъ заключается и результатъ всякаго отдѣлительнаго процесса: въ крови нѣтъ слизи, а между тѣмъ она дѣлается, какъ увидите, изъ крови, при посредствѣ слюнныхъ и слизистыхъ железъ; въ крови нѣтъ ни одного изъ пищеварительныхъ ферментовъ, а между тѣмъ всѣ они возникаютъ изъ крови, и опять снарядомъ, внутри котораго совершается переработка, является железа. Тоже самое относится къ образованію въ тѣлѣ молока, сѣмени, желчи и кожнаго сала. Если вы станете сравнивать между собою питательные и сокоотдѣлительные процессы со стороны способа ихъ происхожденія, то и здѣсь сходство огромное: подобно тому, какъ пластика тѣла слагается изъ двухъ моментовъ — размноженія тканевыхъ элементовъ и ихъ химической метаморфозы; точно также дѣло происходитъ и во всякомъ процессѣ приготовленія соковъ: и здѣсь главнѣйшимъ дѣятелемъ является клѣточный элементъ желѣзы, такъ-называемая *отдѣлительная клѣтка* (метаморфозированныя эпителіальныя клѣтки) — ея размноженіе и метаморфозы и есть самая суть отдѣленія. Чтобы сразу составить себѣ ясное представленіе объ этомъ процессѣ, вспомните, какъ поддерживается существованіе роговой покрышки кожи: въ глубокихъ слояхъ идетъ работа размноженія клѣточныхъ элементовъ, въ среднихъ наиболѣе выдающаяся черта есть роговая метаморфоза клѣтокъ, наконецъ, въ самомъ поверхностномъ слою разрушеніе. Въ же-

Digitized by Google

лезахъ все идетъ отъ начала до конца такимъ же путемъ, но продукты распаденія верхняго слоя не теряются, какъ верхній слой кожицы, а входятъ въ составъ отдѣляющагося сока, и всегда какъ специфическій ингредіентъ его — какъ слизь и птіалинъ въ слюну, какъ пепсинъ въ желудочный сокъ и пр. Вся разница между пластическимъ и соко-отдѣлительнымъ процессомъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, что въ пластикѣ кульминаціоннымъ пунктомъ процесса является періодъ зрѣлости новообразовавшагося элемента, когда онъ совершенно уподобился своимъ сосѣдямъ по ткани, тогда какъ въ отдѣленіи утилизируется моментъ дряхлости, распаденія отдѣлительнаго элемента. Кромѣ того, всякая железа представляетъ ту рѣзкую особенность, въ сравненіи съ нежелезистыми компактными органами (напр. съ мышцами, мозгомъ, костями и пр.), что она всегда имѣетъ внутри себя свободную *отдѣлительную поверхность*, на которую и высачивается приготовляемый железою сокъ, чтобы быть затѣмъ выведеннымъ изъ железы посредствомъ, такъ-называемаго, *выводнаго протока* [1]). Впрочемъ и это различіе лишь относительное, если принять во вниманіе, что всякая компактная ткань проникнута густою сѣтью трещинъ, въ которыя тоже непосредственно могутъ попадать продукты распаденія тканевыхъ элементовъ. Такая же относительность существуетъ и въ различіи нервныхъ вліяній на пластическіе и соко-отдѣлительные процессы. Если существуютъ железы съ очень рѣзкими нервными вліяніями (напр. слюнныя и слезныя), то рядомъ съ ними есть и совершенныя противуположности въ этомъ отношеніи; напримѣръ, о такихъ вліяніяхъ на отдѣленіе сѣмени и кожнаго сала положительно ничего неизвѣстно, нервныя вліянія на отдѣленіе молока лишь предполагаются, но не открыты, и пр. Та же самая исторія и съ вліяніемъ нервовъ на питательные процессы: отвергнуть, напр., существованіе *трофическихъ* (питательныхъ) волоконъ въ тройничномъ нервѣ по отношенію къ глазу въ настоящее время невозможно, а между тѣмъ другихъ неоспоримыхъ примѣровъ такого вліянія не найдено.

Итакъ, съ какой бы стороны вы ни стали сравнивать между собою пластическіе и соко-отдѣлительные процессы, въ самыхъ существенныхъ сторонахъ ихъ всегда окажется поразительное сходство и разницы сведутся на однѣ побочныя детали.

---

[1]) Наиболѣе ясное представленіе объ отдѣлительной поверхности и выводномъ протокѣ всякой железы можно себѣ составить, припомнивъ устройство вѣтвистой легочной полости, сообщающейся съ воздухомъ посредствомъ дыхательнаго горла. Внутренняя поверхность легочной полости будетъ соотвѣтствовать отдѣлительной поверхности; эпителій легочныхъ пузырьковъ будетъ изображать отдѣлительныя клѣтки; наконецъ, дыхательное горло будетъ выводнымъ протокомъ.

Digitized by Google

Подъ описанную картину соко-отдѣлительныхъ процессовъ подходятъ однако дѣятельности не всѣхъ железистыхъ органовъ. На лёгкое, по его устройству, можно было бы, напр., смотрѣть, какъ на желёзу, выдѣляющую изъ крови угольную кислоту; но если вы примете въ соображеніе, что послѣдняя находится уже готовою въ крови, то легко поймете, что функція стѣнки лёгочныхъ пузырьковъ (которая, при данномъ воззрѣніи на лёгкое, соотвѣтствовала бы отдѣлительной поверхности) должна быть чисто-механическая — она должна имѣть только способность пропускать сквозь себя газъ, а никакъ не метаморфозировать вещества крови. Также нужно смотрѣть, разумѣется, и на другія железы, занимающіяся исключительно выведеніемъ такихъ веществъ, которыя или находятся уже готовыми въ крови, или могутъ развиваться въ железѣ безъ всякаго специфическаго участія отдѣлительныхъ элементовъ. Еслибъ было, напр., доказано совершенно положительно, что вся мочевина и прочія составныя части мочи развиваются внѣ почекъ и уже готовыми приносятся къ нимъ кровью, то почка, въ дѣлѣ выведенія этихъ тѣлъ, имѣла бы только значеніе фильтра, и весь смыслъ почечнаго снаряда резюмировался бы въ такомъ устройствѣ этого органа, которое давало бы ему возможность фильтровать изъ крови одинъ только водный растворъ кровеныхъ веществъ безъ бѣлка. Отдѣленіе желчи, или по крайней мѣрѣ выдѣленіе печенью желчнаго пигмента, представляетъ, я думаю, случай второго рода. Хотя желчныхъ пигментовъ готовыми въ крови нѣтъ, но положительно доказано, что они могутъ развиваться внѣ печени, значитъ приготовленіе ихъ здѣсь не есть специфическая дѣятельность печеночныхъ клѣтокъ, единственнаго отдѣлительнаго элемента печени. Очень вѣроятно, что такими же условіями, какъ только-что разобранные процессы, обставлено еще отдѣленіе пота и слезъ.

Такимъ образомъ, вы видите, мм. гг., что между железами, приготовляющими соки, утилизируемые тѣломъ, и тѣми, которыя очищаютъ кровь отъ продуктовъ распаденія, существуютъ рѣзкія разницы и въ устройствѣ и въ дѣятельностяхъ. Послѣднія имѣютъ значеніе лишь фильтровъ; тѣмъ болѣе, что только продукты этихъ железъ (желчь, моча и потъ) представляютъ истинные водные растворы, тогда какъ соки всѣхъ прочихъ железистыхъ органовъ непремѣнно заключаютъ въ себѣ вещества съ рѣзкимъ коллоиднымъ характеромъ.

Заручившись этими общими данными, я могъ бы уже приступить къ описанію соко-отдѣлительныхъ процессовъ въ частности, но вмѣсто того, чтобы останавливаться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, я предпочитаю описать подробно одинъ

Digitized by Google

только процессъ отдѣленія слюны, какъ наиболѣе разработанный въ деталяхъ, и потому могущій служить примѣромъ для всѣхъ остальныхъ, и затѣмъ указать лишь на существенныя стороны другихъ процессовъ.

Прежде всего позвольте сообщить вамъ нѣсколько данныхъ относительно устройства слюнныхъ железъ, и именно подчелюстной пары, о дѣятельности которой я буду исключительно вести рѣчь. Органы эти заключаютъ въ себѣ древообразно вѣтвящуюся полость (см. выше: рис. 10), съ одного конца переходящую въ одиночную открытую трубку — выводной протокъ, а съ другого кончающуюся слѣпыми пузырчатыми расширеніями мельчайшихъ трубочекъ, такъ-называемыми *слюнными пузырьками*. Стѣнки этой полости выстланы слоемъ эпителія, составляющаго непосредственное продолженіе роговой покрышки полости рта (въ которую открываются всѣ слюнныя железы); въ выводномъ протокѣ, въ крупныхъ и среднихъ вѣтвяхъ его эпителіальныя клѣтки железы не отличаются отъ соотвѣтствующихъ клѣтокъ слизистой оболочки рта, но въ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ протока, равно какъ въ слюнныхъ пузырькахъ, онѣ уже отличаются по формѣ, притомъ въ послѣднемъ мѣстѣ клѣтки расположены не въ одинъ рядъ, а въ нѣсколько. Чрезвычайно важно замѣтить, что въ слюнныхъ пузырькахъ клѣтки не всѣ однородны: одна половина ихъ, и именно тѣ, которыя лежатъ въ болѣе глубокихъ слояхъ, болѣе зерписты на видъ и богаты бѣлкомъ, тогда какъ клѣтки поверхностныхъ слоевъ (т.-е тѣхъ, которые граничатъ съ полостью пузырька) очень богаты слизью— веществомъ характеризующимъ слюну и придающимъ ей ту общеизвѣстную тягучесть, изъ-за которой она способна тянуться въ нити. Кромѣ этихъ существеннѣйшихъ элементовъ въ составъ железы входитъ, разумѣется, скелетъ изъ соединительной ткани, кровеносный аппаратъ, нервы и лимфатическіе сосуды. Относительно нервовъ существуетъ мнѣніе, что они приходятъ въ непосредственную связь съ слюнными клѣтками, подобно тому, какъ нервъ связывается съ сократительными элементами мышцы, и вы увидите, что въ процессѣ отдѣленія есть нѣсколько сторонъ, дающихъ сильную опору этому мнѣнію. Что касается до распредѣленія лимфы по слюнной железѣ, то принимаютъ, что она, при посредствѣ существующихъ и здѣсь тканевыхъ трещинъ, имѣетъ непосредственный доступъ къ отдѣлительнымъ элементамъ.

Таково устройство аппарата, приготовляющаго слюну, и теперь намъ предстоитъ разборъ вопроса о способѣ ея образованія.

Предположите, мм. гг., на минуту, что сырой матеріалъ, изъ котораго образуется слюна, есть кровеной фильтратъ, т.-е. жидкая часть крови. При этомъ условіи сравненіе обѣихъ жидкостей

Digitized by Google

другъ съ другомъ, очевидно, можетъ привести къ важнымъ указаніямъ, что́ должно происходить съ кровью въ сферѣ слюноотдѣлительнаго снаряда. Такое сравненіе показываетъ, во-первыхъ, отсутствіе въ слюнѣ бѣлка [1]), главнѣйшей составной части кровеного фильтрата; за то съ другой стороны въ слюнѣ есть слизь (главнѣйшая, по качеству, органическая составная часть слюны), которой въ крови нѣтъ и слѣда [2]). Внѣ этихъ двухъ разницъ, между обѣими жидкостями существуютъ уже только сходства со стороны качественнаго состава (со стороны содержанія воды и минеральныхъ веществъ). Итакъ, если принять, что слюна можетъ образоваться изъ крови, то вопросъ о ея приготовленіи сводится въ сущности на рѣшеніе вопросовъ, куда дѣвается изъ крови бѣлокъ и откуда берется слизь; всѣ же остальныя вещества слюны могутъ быть разсматриваемы, какъ та часть кровеного фильтрата, которая поступаетъ въ полость железы, не подвергаясь никакой химической переработкѣ. Примите сверхъ того во вниманіе, что всѣ эти превращенія происходятъ въ сферѣ аппарата, имѣющаго опредѣленное устройство, что въ нихъ не могутъ не принимать участія, сверхъ притока крови къ железѣ, ея нервы и отдѣлительные элементы, и вы поймете, что рѣшеніе обоихъ главныхъ вопросовъ должно быть поставлено въ связь съ разъясненіемъ участія въ процессѣ отдѣленія: крови, нервовъ и отдѣлительныхъ элементовъ железы, т.-е. клѣтокъ, выстилающихъ слюнные пузырьки.

Кровь поставляетъ сырой матеріалъ для образованія слюны. Это положеніе можно доказать очень просто. Между нервами, подходящими къ подчелюстной слюнной парѣ, есть одинъ, называемый барабанною струною. Его можно раздражать, съ маленькими промежутками для отдыха, въ теченіи хоть 10 часовъ электрическими токами, и во все это время изъ выводнаго протока вытекаетъ слюна. При такомъ продолжительномъ раздраженіи, слюны можно собрать (вставивъ отводную трубку въ протокъ) до 200 грам., а между тѣмъ вся железа вѣситъ не болѣе 5-ти. Явно, что она, такъ сказать, только просачиваетъ сквозь себя жидкій матеріалъ, приносимый ей извнѣ. Но такимъ матеріаломъ можетъ быть только кровь, потому что она представляетъ для всѣхъ вообще органовъ единственную жидкость, приносимую къ нимъ извнѣ.

---

[1]) Строго говоря, въ слюнѣ онъ есть, но лишь въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ.

[2]) Фермента, дѣйствующаго на крахмалъ, нечего принимать въ соображеніе, такъ какъ вѣсовое количество его въ слюнѣ слишкомъ ничтожно, чтобы можно было слѣдить за процессомъ его развитія.

Digitized by Google

Рядомъ съ этимъ фактомъ существуютъ другіе, которые даютъ возможность составить себѣ болѣе подробное понятіе о самомъ способѣ участія крови въ процессѣ отдѣленія.

Внѣ случая раздраженія нервовъ, подходящихъ къ слюнной железѣ, она остается покойной, т.-е. не выдѣляетъ сока, и тогда оттекающая отъ нея по венамъ кровь имѣетъ обычный темный цвѣтъ и течетъ медленною, ровною струею. Картина эта однако мгновенно измѣняется, какъ только начинается раздраженіе барабанной струны: рядомъ съ вытеченіемъ слюны изъ протока, значительно усиливается движеніе крови по железѣ и усиленіе это выражается тѣмъ, что теперь изъ нарочно пораненной вены вытекаетъ въ нѣсколько разъ больше крови чѣмъ при покоѣ, притомъ кровь, не успѣвая, по причинѣ быстроты тока, потерять въ волосныхъ сосудахъ столько же кислорода, какъ прежде, оставляетъ железу уже менѣе темною. Видя это, нельзя не придти снова къ мысли, что слюна образуется изъ крови, но въ приведенномъ фактѣ заключаются сверхъ того условія и къ дальнѣйшимъ соображеніямъ. Въ виду описаннаго измѣненія кровеобращенія, достаточно одной, такъ сказать, естественной догадливости, чтобъ понять, что съ усиленіемъ движенія крови долженъ быть усиленъ и напоръ ея на стѣнки сосудовъ — моментъ, ведущій, какъ вы знаете, къ усиленной фильтраціи крови. Но если это такъ, то не естественно ли думать дальше, что кровь служитъ матеріаломъ для слюны не прямо, а профильтровавшись сначала въ лимфатическія трещины, откуда доступъ ей къ отдѣлительнымъ элементамъ уже открытый? И опыты подтверждаютъ, мм. гг., это естественное предположеніе. На живой собакѣ парализуютъ дѣятельность отдѣлительныхъ элементовъ железы впрыскиваніемъ въ протоки нѣкоторыхъ веществъ и затѣмъ раздражаютъ барабанную струну—слюны теперь не выдѣляется, но вмѣсто этого происходитъ значительный отекъ железы, такъ какъ усиленіе движенія крови продолжается; другими словами, когда дѣятельность отдѣлительныхъ элементовъ парализована, прекращается переработка кровеного фильтрата, и онъ застаивается въ лимфатическихъ началахъ, производя отекъ органа.

Итакъ, *слюна образуется изъ кровеного фильтрата, притомъ при посредствѣ отдѣлительныхъ клѣтокъ железы.*

Доведя вопросъ до этого пункта, я могъ бы уже обратиться къ разъясненію роли отдѣлительныхъ элементовъ; но прежде, чѣмъ оставить участіе крови въ процессѣ приготовленія слюны, мнѣ остается еще разобрать вопросъ, какая сила выталкиваетъ слюну изъ мѣстъ ея образованія въ полость железы. Съ той минуты, какъ участіе фильтраціи крови въ цѣломъ процессѣ доказано прямыми опытами, естественно родится мысль, что та же

Digitized by Google

самая сила, которая фильтруетъ кровь (т.-е. кровеное давленіе), фильтруетъ и слюну черезъ отдѣлительную стѣнку. На этой мысли мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что она допускаетъ прямое опытное рѣшеніе. Представьте себѣ, что ртутный манометръ ввязанъ въ протокъ такимъ образомъ, что ртутный столбъ запираетъ выходъ слюнѣ. Вы начинаете раздражать нервъ—слюна начинаетъ втекать въ манометръ и по мѣрѣ втеканія все больше и больше повышаетъ противодѣйствующій втеканію столбъ ртути. Вы продолжаете раздражать и достигаете, наконецъ, такого пункта, когда уровни ртути становятся неподвижными—это, очевидно, моментъ, въ который силы, выталкивающія слюну изъ железы, уравновѣшиваются полученною высотою ртутнаго столба, моментъ, дающій вамъ мѣру для величины этой силы. Заручившись этой мѣрой, вы вставляете другой манометръ въ большую артерію шеи (отъ которой отходитъ, какъ маленькая вѣточка, артерія къ слюнной желѣзѣ), съ убѣжденіемъ, что если сила, выталкивающая слюну изъ железы, есть кровеное давленіе, то высота ртутнаго столба въ манометрѣ артеріи будетъ въ самомъ счастливомъ случаѣ равна, но никакъ не меньше, чѣмъ соотвѣтствующая высота въ манометрѣ слюннаго протока. А между тѣмъ опытъ показываетъ всегда противное: слюна выдѣляется подъ бо́льшимъ давленіемъ, чѣмъ давленіе крови. Стало быть, выталкиваетъ ее не кровеное давленіе, а какія-то другія силы. Сущность ихъ, однако, остается неизвѣстной.

Вопросъ объ участіи отдѣлительныхъ элементовъ въ процессѣ образованія слюны рѣшается цѣлымъ рядомъ опытовъ и наблюденій. Изъ нихъ на первое мѣсто я поставлю слѣдующій опытъ. На живой наркотизованной собакѣ раздражается, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ (чѣмъ дольше, тѣмъ лучше), нервъ одной изъ подчелюстныхъ железъ, а другая все это время остается въ покоѣ. Послѣ раздраженія обѣ железы вырѣзываются и взвѣшиваются. Раздражавшаяся и отдѣлявшая слюну железа всегда оказывается легче покоившейся, тогда какъ этой разницы между железами, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ, не бываетъ, по крайней мѣрѣ, разницы столь рѣзкой и постоянной. Объяснить это, конечно, можно только тѣмъ, что нѣчто теряется изъ самаго вещества железы при отдѣленіи слюны и выводится съ послѣдіею вонъ. Но что же это можетъ быть такое? Если вы припомните, что́ было сказано, по поводу устройства слюнныхъ железъ о клѣткахъ, выстилающихъ дно слюнныхъ пузырьковъ, то сами напередъ скажете, что это «нѣчто», теряющееся изъ вещества железы, могутъ быть только слизистыя клѣтки, непосредственно вдающіяся въ полости пузырьковъ. И для такой мысли вы уже имѣете аналогію въ шелушеніи (отпаденіи) верхнихъ слоевъ ко-

Digitized by Google

жицы, составные элементы которой родственны съ отдѣлительными клѣтками железы, такъ какъ тѣ и другія принадлежатъ къ одной и той же категоріи эпителіальныхъ образованій. Слѣдовательно, можно думать уже a priori, что слизистыя клѣтки или цѣликомъ отрываются отъ своихъ мѣстъ и затѣмъ растворяются въ жидкости, или что онѣ лопаются на мѣстѣ и выливаютъ въ полость пузырька жидкое содержимое. Которое изъ двухъ воззрѣній справедливѣе, въ сущности все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ конецъ будетъ одинаковъ; важно то, что прямой опытъ доказываетъ исчезаніе изъ железъ слизистыхъ клѣтокъ. Для этого стоитъ только опять раздражать по возможности долго одну изъ железъ, оставляя другую въ покоѣ, затѣмъ обѣ вырѣзать и изслѣдовать ихъ слюнные пузырьки подъ микроскопомъ. Разница между ними всегда оказывается очень большая: въ железѣ бывшей дѣятельною, слизистыя клѣтки почти исчезаютъ и мѣста ихъ заступаютъ разросшіяся въ числѣ зернистыя бѣлковыя клѣтки, тогда какъ въ покоившемся органѣ онѣ остаются перемѣшанными другъ съ другомъ.

Стало быть, *процессъ отдѣленія слюны связанъ не только съ исчезаніемъ изъ слюнныхъ пузырьковъ слизистыхъ клѣтокъ, но еще съ усиленнымъ развитіемъ бѣлковыхъ.*

Черезъ это аналогія нашего процесса съ процессомъ возстановленія отпадающихъ верхнихъ слоевъ кожицы становится еще болѣе поразительною. Бѣлковыя клѣтки слюнной железы, очевидно, становятся эквивалентными глубокимъ слоямъ кожицы; и тамъ и здѣсь эти элементы размножаются, метаморфозируются и результатомъ этихъ актовъ является въ одномъ случаѣ роговая клѣтка, а въ другомъ слизистая. Вся разница, слѣдовательно, лишь въ томъ, что на поверхности кожи бѣлковыя клѣтки претерпѣваютъ роговую, а въ слюнныхъ железахъ слизистую метаморфозу. Химическая сторона этого процесса остается, однако и здѣсь столь же мало извѣстной, какъ въ разобранномъ выше случаѣ.

Что касается до вопроса, отчего бѣлокъ кровеного фильтрата не переходитъ въ слюну, то онъ всего проще можетъ быть рѣшенъ на основаніи слѣдующей аналогіи: если вы будете фильтровать воду (даже воду!) черезъ кусокъ кожи, взятой отъ человѣческаго трупа, обративъ къ водѣ внутреннюю поверхность кожи, то у васъ жидкость, просочившись вплоть до роговой покрышки, останавливается здѣсь, отдуваетъ кожицу въ формѣ пузырей (совершенно такихъ на видъ, какъ пузыри отъ шпанской мушки), но черезъ роговой слой не фильтруется. Въ томъ же направленіи приходится просачиваться кровеному фильтрату и черезъ многослойную отдѣлительную стѣнку слюннаго пузырька, слѣдовательно однимъ уже устройствомъ послѣдней дѣло можетъ

Digitized by Google

быть объяснено безъ всякой натяжки. Не нужно забывать, кромѣ того, что кровеному фильтрату существуетъ свободный выходъ изъ лимфатическихъ трещинъ железы въ лимфатическіе сосуды.

Послѣднее, что̀ мнѣ остается разъяснить, это вопросъ объ участіи нервовъ въ процессѣ отдѣленія слюны.

Доказывать это участіе нечего, послѣ того, какъ разъ было сказано, что безъ нервнаго возбужденія выдѣленія слюны изъ железы не происходитъ; дѣло здѣсь не въ самомъ участіи, а въ формѣ его, т.-е. вліяютъ ли нервы на одно только кровеобращеніе въ железѣ, или ихъ вліяніе распространяется и на самый процессъ образованія слизи. Возможно было бы думать, напр., что все дѣло ограничивается вліяніемъ перваго рода. Тогда общее представленіе о процессѣ приняло бы слѣдующую форму: актъ размноженія клѣтокъ и ихъ слизистая метаморфоза происходятъ въ железѣ постоянно, т.-е. и при покоѣ, но только въ менѣе значительной степени, чѣмъ подъ нервнымъ возбужденіемъ, когда къ отдѣлительнымъ элементамъ усиленъ притокъ питательнаго матеріала; при томъ, при покоѣ желѣзѣ недостаетъ главнѣйшей по массѣ составной части слюны — воды, оттого безъ нервнаго возбужденія отдѣленія нѣтъ, а съ наступленіемъ его оно тотчасъ же начинается. Такая гипотеза имѣла бы передъ другимъ возможнымъ предположеніемъ еще то огромное преимущество, что она была бы несравненно проще и удобопонятнѣе. Тѣмъ не менѣе, въ ней уже на первый взглядъ есть одна слабая сторона: она способна объяснить только усиленіе слюноотдѣлительнаго процесса при нервномъ возбужденіи, но не объясняетъ полное отсутствіе его при покоѣ железы. Кромѣ того, существуютъ и положительные факты, говорящіе противъ этой гипотезы. Рядомъ съ барабанной струной, усиливающей движеніе крови въ железѣ, есть другія нервныя волокна, которыя дѣйствуютъ на кровеобращеніе железы прямо противуположно, а между тѣмъ раздраженіе и этихъ нервовъ ведетъ за собою выдѣленіе слюны, хотя здѣсь объ усиленіи притока жидкости не можетъ быть и рѣчи. Сверхъ того, въ слюнной железѣ, во время раздраженія барабанной струны доказано развитіе тепла самыми положительными опытами — температура вытекающей изъ нея слюны бываетъ обыкновенно нѣсколько выше температуры крови. Значитъ нервное возбужденіе не только вызываетъ выдѣленіе готовой слюны, но и вліяетъ какимъ-то непосредственнымъ образомъ на химическіе процессы въ железѣ (другого объясненія развитію теплоты отыскать здѣсь невозможно), и поелику послѣдніе происходятъ въ отдѣлительныхъ клѣткахъ, то и говорятъ, что нервы вліяютъ на нихъ подобнымъ образомъ, какъ вліяютъ они на мышечныя волокна. Въ томъ и другомъ случаѣ въ концевомъ сна-

Digitized by Google

рядѣ возбуждаются какія-то химическія превращенія и плодомъ ихъ бываетъ съ одной стороны развитіе физіологической дѣятельности, съ другой — развитіе тепла.

Въ разобранномъ примѣрѣ вы имѣете, мм. гг., наиболѣе разработанный случай соко-отдѣлительнаго процесса, и между тѣмъ вы видите, что свѣдѣнія наши ограничиваются одною, такъ сказать, формальною стороною явленій, останавливаясь на границѣ отдѣлительной клѣтки; все, что происходитъ за этимъ предѣломъ, т.-е. въ сферѣ организованнаго элемента, остается, къ сожалѣнію, совершенно неразъяснимой еще загадкой.

Надѣюсь, что это обстоятельство послужитъ мнѣ въ вашихъ глазахъ оправданіемъ, если я сдѣлаю лишь бѣглый обзоръ всѣмъ остальнымъ отдѣлительнымъ процессамъ.

Отдѣленіе желудочнаго, панкреатическаго и кишечнаго сока происходитъ въ общихъ чертахъ, вѣроятно, по тому же типу, какъ и отдѣленіе слюны. Всѣ эти процессы могутъ быть вызваны искусственнымъ раздраженіемъ слизистой оболочки, поэтому въ дѣло считаютъ замѣшанными нервныя вліянія. Во всѣхъ трехъ случаяхъ отдѣленіе связано съ усиленнымъ притокомъ крови—другая аналогія съ слюнными железами; наконецъ, во всѣхъ существенныя стороны процесса приписываются отдѣлительнымъ клѣткамъ, и конечно вездѣ дѣятельность послѣднихъ остается непонятной.

Объ отдѣленіи желчи знаютъ только, что она образуется изъ крови (на это есть прямые опыты) и что матеріаломъ для желчнаго пигмента служитъ кровеная краска.

Въ отдѣленіи молока выдающійся пунктъ нашихъ свѣдѣній составляетъ процессъ образованія молочныхъ шариковъ, т.-е. капелекъ жира, взвѣшенныхъ въ молокѣ и придающихъ ему непрозрачный, бѣлый видъ. Капельки эти родятся путемъ жировой метаморфозы въ отдѣлительныхъ клѣткахъ, выстилающихъ дно молочныхъ пузырьковъ (эквивалентныхъ слюннымъ пузырькамъ). Какъ образуются изъ крови прочія составныя части молока, въ сущности неизвѣстно.

Кожное сало, приготовляющееся въ кожныхъ железкахъ и составляющее родъ естественной помады для кожи и волосъ (сальныя железки открываются обыкновенно въ тѣ углубленія, въ которыхъ сидятъ волосы), приготовляется совершенно также, какъ жиры молока. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вліяніе нервовъ не опредѣлено, да собственно не опредѣлена и форма участія крови въ отдѣленіи.

Такіе же громадные пробѣлы представляютъ наши свѣдѣнія относительно процесса образованія сѣмени. Знаютъ только, что такъ-называемые живчики (подвижныя сѣмянныя нити) образу-

Digitized by Google

ются путемъ метаморфозы изъ отдѣлительныхъ клѣтокъ сѣмянной железы. Какъ участвуютъ въ процессѣ кровь и нервы — неизвѣстно.

Переходя затѣмъ къ процессу отдѣленія мочи, вы снова встрѣчаетесь съ возможностью экспериментальной разработки нѣкоторыхъ явленій, и именно насколько въ этомъ процессѣ замѣшанъ актъ фильтраціи крови. На участіе этого момента, независимо отъ прямыхъ опытовъ, указываетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: во-первыхъ, быстрое выведеніе изъ тѣла (т.-е. изъ крови) мочею излишковъ воды, — выйти водѣ изъ крови всего легче и проще фильтраціей; во-вторыхъ, присутствіе въ мочѣ веществъ, исключительно растворимыхъ въ водѣ, притомъ такихъ, которыя находятся и въ крови; наконецъ, на участіе фильтраціи указываетъ самое устройство началъ мочевыхъ канальцевъ, т.-е. тѣхъ трубочекъ, которыя пронизываютъ вещество почки и открываются въ общій выводной протокъ. Концы этихъ трубочекъ расширены въ формѣ пузырьковъ и внутри ихъ свободно лежатъ клубки кровеносныхъ сосудовъ, образованные взаимнымъ переплетеніемъ очень мелкихъ артерій. При доказанной проницаемости стѣнокъ мелкихъ сосудовъ для жидкой части крови, такое устройство непремѣнно должно быть связано съ фильтраціей крови въ началѣ мочевыхъ канальцевъ, и доказать это очень легко на свѣжей почкѣ только-что убитаго животнаго, пропуская черезъ нея изъ артеріи токъ крови или бѣлковаго раствора. При этомъ условіи изъ выводного канала почки вытекаетъ фильтратъ крови, т.-е. бѣлочная жидкость. Послѣднее обстоятельство, объясняя нашъ первый вопросъ, родитъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой: куда же дѣвается изъ мочи бѣлокъ, профильтровавшійся въ начала мочевыхъ канальцевъ? На это, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта. Если же бы онъ существовалъ и еслибы окончательно оправдались ожиданія послѣдняго времени, что мочевина, главнѣйшая составная часть мочи, не образуется въ почкахъ, а фильтруется уже готовою изъ крови, то всѣ стороны почечнаго отдѣленія были бы разъяснены.

О процессѣ отдѣленія пота наука знаетъ еле-еле больше, чѣмъ всякій образованный человѣкъ, на основаніи ежедневныхъ опытовъ.

Та же исторія и съ отдѣленіемъ слезъ. Здѣсь только открытъ нервъ, при искусственномъ раздраженіи котораго текутъ слезы.

Этимъ исчерпывается, мм. гг., все, что я могъ сообщить вамъ о соко-отдѣлительныхъ процессахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывается задача нашихъ бесѣдъ. Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать еще лишь нѣсколько словъ о томъ, почему всѣ раз-

Digitized by Google

смотрѣнные нами процессы въ животномъ тѣлѣ названы «растительными».

Вамъ, конечно, извѣстна философская важность вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ вообще организованныхъ тѣлъ, населяющихъ нашу планету. Важность эта, разумѣется, всегда сознавалась натуралистами, занимавшимися изученіемъ растительнаго и животнаго царства; поэтому неудивительно, что они уже давно начали сравнивать животное съ растеніемъ не только со стороны строенія, но и по жизненнымъ отправленіямъ. Останавливаясь при этомъ на типическихъ представителяхъ того и другого царства, они пришли мало-по-малу къ убѣжденію, что за исключеніемъ явленій подвижности и чувствованія, свойственныхъ по преимуществу животнымъ (оттого эти функціи и получили названіе «животныхъ отправленій»), всѣ остальные процессы, по своему существенному значенію, одинаковы въ томъ и другомъ царствѣ. Такъ, и растеніе, подобно животному, питается насчетъ притока внѣшнихъ веществъ; притомъ однѣ изъ нихъ входятъ въ растеніе въ формѣ газа — это дыханіе растеній, другія въ формѣ жидкости, что̀ составляетъ процессъ, эквивалентный акту принятія пищи и питья. И въ томъ и въ другомъ случаѣ внѣшнее вещество подвергается различнымъ превращеніямъ, съ цѣлью служить матеріалами для созиданія тѣла. Продуктомъ этихъ превращеній являются, съ одной стороны, вещества, выбрасываемыя растеніемъ и животнымъ наружу (процессъ выдѣленій), съ другой — многообразный рядъ тѣлъ, который въ практикѣ обозначается общимъ именемъ «растительныхъ и животныхъ продуктовъ» (камеди, эѳирныя масла, смолы и пр. со стороны растеній, продукты дѣятельности железъ и пр. со стороны животныхъ). На этомъ-то основаніи вся эта группа явленій въ животномъ и получила общее названіе «растительныхъ процессовъ».

Хотя при настоящемъ развитіи нашихъ свѣдѣній о растительныхъ и животныхъ организмахъ такая группировка явленій животной жизни и не выдерживаетъ критики, но названіе сохранилось изъ-за его практическаго удобства.

Ив. Сѣченовъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

VII. Движеніе умовъ послѣ 1815 года и его послѣдствія.

Мы должны говорить теперь о предметѣ, который до сихъ поръ остается чрезвычайно мало извѣстенъ въ нашей литературѣ, и полное изслѣдованіе котораго соединяется еще съ великими трудностями. Люди и направленія, въ которыхъ общественная мысль александровскаго времени достигла высшей степени своего возбужденія, до сихъ поръ оставались внѣ нашей исторіи общественной и литературной, по крайней мѣрѣ внѣ той исторіи, какая писалась въ Россіи. Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собой столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана; жизнь вдвинута въ новую колею; тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе людей прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія.

Съ недавняго времени начали и въ нашей печати часто появляться отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ времени, но до сихъ поръ эти свѣдѣнія не касались того цѣлаго броженія, котораго событія 1825 года были только болѣе или менѣе случайнымъ завершеніемъ. Кромѣ того, что этотъ предметъ долго не имѣлъ въ нашей печати права гражданства, не имѣлъ за себя достаточно

*) См. выше: фев. 722; апр. 648; іюнь, 645; сент. 170; окт. 729 стр.

Digitized by Google

безпристрастія и терпимости,—трудность говорить о немъ увеличивается и до сихъ поръ тѣмъ, что самые важные матеріалы для историческаго опредѣленія этой эпохи остаются еще скрыты. Единственный оффиціальный матеріалъ, извѣстный до сихъ поръ, составленъ въ слишкомъ исключительныхъ обстоятельствахъ и съ особенной спеціальной цѣлью, и не могъ бы служить для историческихъ цѣлей безъ сличенія съ тѣми данными, изъ которыхъ онъ извлеченъ, и съ отзывами самихъ участниковъ событій. Этихъ отзывовъ существуетъ нѣсколько[1]),—не говоря о простыхъ мемуарахъ, оставленныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ,— но самое сличеніе и вполнѣ безпристрастная, свободно высказываемая критика едва ли возможны и въ наше время. Немногія записки, оставленныя современниками[2]), большей частью ограничиваются почти исключительно декабрьскими событіями, столь для нихъ роковыми, и послѣдовавшими затѣмъ допросами и ссылкой, и очень мало говорятъ о предшествовавшемъ времени, о происхожденіи и распространеніи тайныхъ обществъ, о взглядахъ и цѣляхъ ихъ членовъ, о характерѣ господствовавшихъ мнѣній и т. п. Авторъ напечатанной недавно любопытной статьи по поводу вышедшихъ въ прошломъ году за-границей «Записокъ декабриста», замѣчаетъ вообще: «Появившіеся за-границей отрывки изъ записокъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, носятъ характеръ правдивости; но, ограничиваясь описаніемъ конечнаго взрыва и его послѣдствій, касаясь, такъ сказать, послѣдняго лишь дѣйствія кровавой драмы и умалчивая о предшествующихъ обстоятельствахъ, подготовившихъ кровавую развязку, записки эти нисколько не поясняютъ такого небывалаго въ Россіи явленія». Дѣйствительно, только немногія даютъ нѣсколько такихъ поясненій, какъ напр., записки Якушкина[3]) и нѣк. др. Далѣе, тотъ же авторъ замѣчаетъ справедливо: «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка; равно какъ изолированный фактъ, безъ связи

---

[1]) Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, И. Д. Якушкина, П. Н. Свистунова и нѣк. др.

[2]) Зам. С. П. Трубецкаго, И. Д. Якушкина, Ив. Ив. Пущина, Розена, Н. Бестужева, М. Бестужева, М. Фонъ-Визина, Евг. Оболенскаго, неизданныя записки Н. В. Басаргина, В. Кюхельбекера и др. Значительная часть ихъ начинаетъ появляться въ нашихъ изданіяхъ.

[3]) Первой части этихъ записокъ недостаетъ въ томъ, что напечаталъ недавно «Р. Архивъ» (1870, стр. 1566 и слѣд.).

Digitized by Google

съ обстоятельствами его породившими, не будетъ для него имѣть надлежащаго значенія» [1]).

Въ рамку нашего разсказа не входитъ описаніе этого «конечнаго взрыва», притомъ болѣе или менѣе извѣстнаго. Оставляя въ сторонѣ эти послѣднія событія, мы остановимся только на предварительной исторіи; намъ будутъ интересны не исключительные факты, въ которыхъ участвовали далеко не всѣ представители тогдашняго либерализма и участвовали иногда люди, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ вступившіе въ тайное общество, не изученіе фактическихъ подробностей исторіи тайнаго общества, для чего мы имѣемъ слишкомъ недостаточно матеріала, а только общія черты движенія, охватывавшаго обширную часть общества, въ которомъ члены тайныхъ союзовъ были только болѣе пламенными приверженцами новыхъ мнѣній. Но и въ этой предварительной исторіи, — по названнымъ выше причинамъ, — мы впередъ должны ограничить себя извѣстной частью данныхъ, и намъ остается только желать, чтобы нашъ неполный очеркъ скорѣе замѣнился полной и безпристрастной исторіей, одинаково свободной критикой обѣихъ сторонъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на это время, какъ бы ни осуждали его увлеченія и ошибки, за нимъ нельзя не признавать важнаго историческаго значенія. Общественное движеніе, совершавшееся въ ту пору, многими нитями связано съ внутренней исторіей нашего собственнаго времени; въ его содержаніи нельзя не видѣть многаго изъ тѣхъ самыхъ идей и интересовъ, которые снова возродились среди насъ, и нѣкоторыя изъ этихъ идей, болѣе или менѣе осуществившіяся и на дѣлѣ, принадлежатъ къ лучшимъ историческимъ пріобрѣтеніямъ нашего времени. Ошибки исправлены временемъ, и исторія должна, наконецъ, стать апологіей и справедливѣе оцѣнить сущность стремленій, которыя одушевляли людей той эпохи, давно сошедшихъ съ общественной сцены.

Общій ходъ тогдашней исторіи и общіе отзывы самихъ участниковъ событій указываютъ источникъ новаго либеральнаго движенія въ пробужденіи національнаго чувства въ наполеоновскихъ войнахъ, и въ сильномъ европейскомъ вліяніи, дѣйствовавшемъ на русское общество въ теченіе этихъ войнъ.

Мы соберемъ нѣсколько свидѣтельствъ людей, которые сами были дѣятелями этого движенія.

«Чрезвычайныя событія 1812 года,—разсказываетъ одинъ,—

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1634; статья П. Н. Свистунова.

Digitized by Google

славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное и славное участіе, —все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

«Въ продолженіи двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью.

«Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за-границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство»... [1]).

Другой современникъ, также дѣлавшій тогдашніе походы, передаетъ тѣже впечатлѣнія пребыванія въ Европѣ и, потомъ, возвращенія домой. «Въ 1813 году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814 году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее.... Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца....

«Изъ Франціи въ 14-мъ году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ.... Во время молебствія, полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество»... Потомъ послѣдовали и другія, о которыхъ упомянемъ дальше.

---

[1]) М. Фонъ-Визина, «Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie, par Enneaux et Chemnechot. 5 vol. Paris 1835»,—изданныя подъ именемъ его «Записокъ», Лейпц. 1861.

Digitized by Google

«Въ 14-мъ году существованіе молодежи (т.-е. военной) въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастью»...

По возвращеніи домой, военное общество стало принимать другіе нравы: прежняя пустая жизнь, попойки и картежная игра смѣнились инымъ препровожденіемъ времени: вмѣсто картъ явились шахматы, вмѣсто кутежей — чтеніе иностранныхъ газетъ, офицеры ревностно слѣдили за политическими событіями: «такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе», и. т. д. [1]).

«Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія,—разсказываетъ Н. И. Тургеневъ,—или вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. *Либеральныя идеи*, по тогдашнему выраженію, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за-границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за-границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что̀ видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда.

«Это новое расположеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраны были военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ»....

Упомянувъ о томъ, что въ Россіи, не имѣющей свободы печати, мнѣніе публики можно узнать только внимательно прислушиваясь къ тому, что̀ говорится всего чаще, авторъ замѣчаетъ, что въ то время оно высказывалось, между прочимъ, въ особой рукописной литературѣ. «Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались тенденціи и расположеніе умовъ. Тогда явилось довольно много этого рода произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. Эти маленькія chefs-d'oeuvre, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, отмѣтили дни своего появленія какъ эпоху жизни, на-

[1]) Зап. Якушкина.

Digitized by Google

дежды и — надо прибавить — здраваго смысла и размышленія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Періодическія изданія больше чѣмъ когда-нибудь прежде занимались тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, гдѣ пробовались тогда новыя учрежденія. Имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были также извѣстны въ Россіи [1]), какъ могли быть извѣстны въ своемъ отечествѣ, и русскіе офицеры, забывая великаго павшаго полководца, познакомились съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предприняли политическое воспитаніе европейскаго континента».

Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что французскіе публицисты вообще имѣли тогда большую извѣстность и вліяніе на континентѣ, и въ ихъ числѣ онъ особенно называетъ Бенжамена Констана, въ которомъ недостатки личнаго характера вознаграждались достоинствами публициста.

«....Многіе — продолжаетъ онъ — возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, что было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно.

«Правительство не только не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями правительство показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ формальныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи»... [2]).

---

[1]) Авторъ разумѣетъ, конечно, образованный либеральный кружокъ общества.

[2]) La Russie I, стр. 81 — 84.

Digitized by Google

Мы возвратимся далѣе ко взглядамъ правительства и продолжимъ замѣтки о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ, особенно военныхъ. Одной изъ первыхъ вещей, на которыя обратили теперь вниманіе подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, была военная дисциплина, и положеніе солдатъ вообще. Извѣстно, какова была эта дисциплина въ прежнія времена; — достаточно сказать, что она была такова же какъ впослѣдствіи, въ теченіе послѣдующаго періода вплоть до новѣйшихъ военныхъ реформъ, облегчившихъ тяжелое положеніе солдата. Въ александровскія времена военная дисциплина отличалась еще чрезвычайно суровыми формами. Стóитъ вспомнить основаніе военныхъ поселеній.

«Военная дисциплина—разсказываетъ г. Тургеневъ—въ это время стала предметомъ такого вниманія, какого она до тѣхъ поръ еще никогда не встрѣчала. Это вниманіе возбуждено было по возвращеніи войскъ въ Россію послѣ кампаніи 1813, 1814 и 1815 годовъ, какъ были тогда возбуждены и всѣ либеральныя идеи. Не только офицеры, но простые солдаты приходили тогда въ соприкосновеніе съ другими войсками, привыкшими къ иной дисциплинѣ: это соприкосновеніе не могло остаться безъ вліянія на нихъ и не повести къ какому-нибудь результату. Вскорѣ военные стали искать, въ попыткахъ тайныхъ обществъ, какого-нибудь средства противъ тѣхъ золъ, какихъ они были свидѣтелями, и вопросъ о дисциплинѣ сталъ для нихъ вопросомъ принципа. Если прежде иные изъ нихъ и не прибѣгали къ палкѣ, то это было у нихъ только слѣдствіемъ врожденнаго добросердечія; теперь они отвергали это средство дисциплины какъ вещь, противную самымъ простымъ понятіямъ справедливости и человѣколюбія....

Затѣмъ, вниманіе направилось и на другіе предметы. «Въ первое время — продолжаетъ тотъ же авторъ — эти благородныя души, которыя впослѣдствіи хотѣли, цѣною всѣхъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество изъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено, — увлекались обыкновенно политическими идеями. Болѣе прозаическія, но не менѣе существенныя идеи гражданской свободы, матеріальнаго благосостоянія человѣка, оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодованіе. Но спѣшимъ прибавить, что при первомъ замѣчаніи, ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества, и что ихъ первыя размышленія кончались проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенія, богатства, пред-

Digitized by Google

почитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора, или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія.... Что сталось съ ними, праведное небо! замѣчаетъ авторъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Надо имѣть вѣру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицаніе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствіями» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ, говоря о либеральныхъ намѣреніяхъ, все еще проявлявшихся въ это время у имп. Александра, и объ упомянутомъ движеніи въ обществѣ, разсказываетъ:

«Въ теченіе этого короткаго періода либерализма, при свѣтѣ этой умственной молніи, если можно такъ выразиться, нѣсколько молодыхъ людей стали думать о томъ, чтобы дать новымъ идеямъ правильное движеніе и направить ихъ къ практически-полезной цѣли. Во время войны въ Германіи они слышали о тайныхъ обществахъ; они приняли эту идею и рѣшились соединить людей, показывавшихъ ревность къ общественному благу, въ общество, устроенное на подобіе этихъ обществъ. И спѣшу прежде всего замѣтить, русское правительство въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, было даже такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія могутъ быть истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора. Если этотъ фактъ и открываетъ, какъ мало опытны были первые основатели тайныхъ обществъ въ Россіи, онъ доказываетъ по крайней мѣрѣ ихъ искренность и безвредность ихъ намѣреній»... [2]).

Четвертый современникъ самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о настроеніи либеральнаго кружка того времени: «Общество, образовавшееся по возвращеніи гвардіи изъ похода, послѣ трехлѣтней войны съ Наполеономъ, проникнуто было возбужденнымъ, въ сильной степени, чувствомъ любви къ Россіи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ спискѣ членовъ его встрѣчается такъ мало именъ не русскихъ». И нѣмецкія имена принадлежали часто людямъ, не только совершенно русскимъ, но даже православнымъ. «Къ слову упомяну, прибавляетъ авторъ, что Пестель, хотя былъ германскаго происхожденія, сердцемъ вполнѣ былъ русскій» и проч. [3]).

[1]) La Russie, II, стр. 511 — 514.
[2]) La Russie I, стр. 94 — 95.
[3]) Р. Арх. 1870, стр. 1638 — 39.

Digitized by Google

Въ приведенныхъ отрывкахъ достаточно указываются общія черты и источники движенія, первыя побужденія, внушенныя временемъ, впечатлѣнія русской жизни и горячее стремленіе къ улучшенію формъ жизни политической и общественной. Болѣе одностороннимъ образомъ представляютъ европейское вліяніе другія свидѣтельства, которыя въ особенности указываютъ на примѣръ иностранныхъ тайныхъ обществъ, на особенное вліяніе европейскаго либерализма, на моду. Такъ говорится объ этомъ въ самомъ «Донесеніи 30 мая 1826»; — такъ говоритъ извѣстный маркизъ Кюстинъ, передавая слышанное имъ въ Петербургѣ [1]). Послѣ событій декабря 1825 года не разъ высказывалось даже мнѣніе, что возмущеніе было солидарно съ европейскими революціонными вспышками двадцатыхъ годовъ, что русскія тайныя общества находились въ связи съ европейскими заговорами, напримѣръ, съ нѣмецкими «демагогическими происками» и т. п. Лишнее говорить, что это послѣднее была совершенная фантазія.

Справедливо было то, что европейскія событія, пребываніе за границей, сближеніе съ европейскими людьми, нравами и понятіями дали первый сильный толчекъ либеральнымъ идеямъ; но это былъ только одинъ толчекъ или поводъ. Либеральное движеніе, воспринявъ общія основныя идеи европейскаго политическаго либерализма, не имѣло никакихъ близкихъ связей съ западными тайными обществами, вовсе не было однимъ подражаніемъ или однимъ теоретическимъ увлеченіемъ; напротивъ, оно отчасъ обратилось къ русской жизни, искало въ ней практической почвы и самостоятельныхъ примѣненій. Историческій смыслъ этого движенія въ томъ и заключался, что, несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза ставило и тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни. Русскіе либералы сохраняли живой интересъ къ тому, что дѣлалось на европейскомъ Западѣ; этотъ интересъ былъ дѣломъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще слишкомъ недавно на ихъ глазахъ рѣшалась судьба этой Европы; наконецъ, они чувствовали единство европейской реакціи, которая отъ западныхъ событій отразилась и въ нашихъ краяхъ. Но несправедливо было бы сказать, что примѣръ европейскаго либерализма былъ для нихъ всѣмъ, или чтобы они хотѣли «пересадить Францію въ Россію», какъ выразился авторъ недавно изданныхъ «Записокъ Декабриста» [2]).

[1]) La Russie en 1839, Par. 1843, II, p. 42.

[2]) См. Р. Арх. 1870, стр. 1637.

Digitized by Google

русская жизнь стояла для нихъ на первомъ планѣ: европейскія вліянія дѣйствовали на нихъ какъ на всю умственную жизнь тогдашняго общества, какъ онѣ дѣйствовали въ наукѣ, въ литературѣ, въ мистицизмѣ, масонствѣ, въ правительственной реакціи,—но разъ пробужденное политическое пониманіе обращалось у нихъ къ русскимъ внутреннимъ вопросамъ съ такой силой увлеченія, какой еще ни разу не обнаруживалось въ русскомъ обществѣ. Они горячо принимали къ сердцу недостатки русской жизни, искали средствъ для ихъ исправленія, и ихъ усилія, безъ сомнѣнія, участвовали не мало въ развитіи «народности», которая вскорѣ потомъ стала лозунгомъ литературы. Эта народность была не археологическая, а общественно-политическая; въ этомъ общественно-политическомъ элементѣ, внесенномъ тѣми людьми и заключалось здоровое зерно тѣхъ «народныхъ» стремленій, въ которыхъ потомъ бывало такъ много преувеличеній, односторонностей и искаженій....

Внутренняя исторія русскаго общества остается еще слишкомъ безсвязной и неполной безъ исторіи этого либеральнаго движенія, которая изложила бы вполнѣ его источники, распространеніе, внутреннее развитіе, обстоятельства, видоизмѣнявшія его характеръ и т. д. Не имѣя притязанія рѣшать эту историческую задачу, мы опять остановимся, сколько возможно, только на нѣкоторыхъ сторонахъ предмета, и укажемъ сначала обстоятельства, которыя содѣйствовали въ первое время особенному возбужденію умовъ.

Разсматривая обстоятельства, которыя способствовали тогда распространенію либерализма въ обществѣ, прежде всего должно упомянуть о дѣйствіяхъ и настроеніи самого правительства. Намъ случалось указывать, какое было это настроеніе во время войнъ и въ первые годы послѣ нихъ. Вѣнскій конгрессъ, своимъ размежеваніемъ Европы и передѣломъ Германіи между старыми феодалами, уже началъ возбуждать недовѣріе, которое чувствовалось и у насъ, и впослѣдствіи выросло еще больше отъ дальнѣйшихъ дѣйствій европейской политики. Но на первое время императоръ Александръ вовсе не былъ на сторонѣ реакціи, и еще въ 1818 г., во время Ахенскаго конгресса, высказывалъ мысль, что «правительства должны стать во главѣ движенія и проводить либеральныя идеи въ жизнь» [1]). Онъ далъ Польшѣ конституціонныя учрежденія, что̀ поддерживало въ русскихъ либералахъ надежду на представительныя учрежденія и въ Россіи. Извѣстныя слова

[1]) Pertz, Stein's Leben, V, 301—302.

Digitized by Google

ператора на варшавскомъ сеймѣ 1818 года какъ будто подердали эту надежду и безъ сомнѣнія усилили въ то время беральное движеніе. Правда, и въ эти первые годы послѣ нскаго конгресса не всѣ дѣйствія русскаго правительства могли тать подобныя ожиданія; его настроеніе было слишкомъ ешительное и колеблющееся, но либеральныя его заявленія не гли однако не производить сильнаго впечатлѣнія на умы, уже ъ того возбужденные [1]).

Именно къ этой эпохѣ относится происхожденіе проекта нституціи, выработаннаго Н. И. Новосильцовымъ. Тургеневъ общаетъ нѣкоторыя частныя подробности о самомъ составленіи го проекта, и изъ того можно судить, что въ то время это ла вещь довольно извѣстная, о которой говорили. Гораздо же этотъ проектъ былъ напечатанъ въ одномъ изданіи, вышемъ въ теченіи нѣкотораго времени подъ названіемъ 'ortfolio» [2]).

Но еще въ 1831 году проектъ нашли въ Варшавѣ, въ бугахъ Новосильцова, въ двухъ экземплярахъ, по-русски и по-анцузски. Лица, доставившія его въ «Portfolio», не въ соояніи были опредѣлить ни времени составленія проекта, ни тоятельствъ, по которымъ онъ находился въ рукахъ Новоьцова. Они очевидно не знали того, что разсказываетъ обомъ этомъ г. Тургеневъ. Одно, что они замѣтили, это — что ректъ Новосильцова по времени позднѣе хартіи, данной Цару Польскому въ 1815 г., потому что проектъ заключаетъ ого статей, извлеченныхъ изъ этой хартіи, что́ и указано на яхъ рукописи, и потому еще, что при немъ находится спиъ главъ, также заимствованный изъ конституціи, уже данной Польши.

За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ со-

---

[1]) Ср. La Russie I, стр. 84. — Карамзинъ пишетъ въ это время къ Дмитріеву: ршавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, только хорошему. Все будетъ какъ надобно» (8 апрѣля, 1818). «Варшавскія и сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, ятъ; начинаютъ и писать—въ «Сынѣ Отечества», въ рѣчи Уварова; иное уже вы-, другое готовится.... Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей, или не сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по своему» и пр. апрѣля). Ср. также слова Ник. Муравьева въ позднѣйшемъ разборѣ «Донесе-30 мая, по поводу сказаннаго императоромъ Александромъ въ Варшавѣ.

[2]) La Russie. I, 94.

Digitized by Google

ставлялся вышеупомянутый проектъ и какъ велось вообще з
дѣло, мы должны ограничиться только немногими замѣчаніи
объ этомъ документѣ [1]).

Изъ подробностей проекта легко видѣть, что его составите
не были чрезмѣрными либералами. Проектъ Новосильцова, ка
и извѣстный уже намъ планъ Сперанскаго, слишкомъ дале
отъ какихъ-нибудь либеральныхъ преувеличеній; напротивъ, пр
ектъ былъ именно таковъ, какого можно было ожидать при и
литической неразвитости большинства. Въ самомъ дѣлѣ, проек
тщательно охраняетъ независимость верховной власти и оберегает
всѣ ея прерогативы. Власть является столь могущественною, ч
весь государственный механизмъ остается въ сущности въ ея р
кахъ. Нельзя поэтому сказать, чтобы обществу давалось слиш
комъ много свободы: напротивъ, оно получало ея едва столь
сколько было бы нужно для переходнаго періода, для приго
товленія общества къ болѣе положительнымъ формамъ предст
вительства. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ остается также н
тронутъ, какъ у Сперанскаго: это довольно показываетъ, ч
особеннаго либерализма и «презрѣнія къ исторіи» здѣсь вов
не оказалось. При всемъ томъ, введеніемъ этого новаго порядк
вещей думали тогда дать болѣе правильное и спокойное разви
тѣмъ уже возбужденнымъ элементамъ общественнаго мнѣнія. И
которыхъ, какъ мы постараемся указать, заключалось не ма
истинно благотворныхъ для общества понятій и начинаній, ка
напр., освобожденіе крестьянъ и т. п., и которые — безъ эт
возможности спокойнаго развитія — обратились къ тайнымъ о
ществамъ и стали современемъ причиной общественной трево
и тяжелыхъ испытаній.

Но въ первое время, подъ впечатлѣніемъ настроенія прав
тельства, возбуждавшаго надежды, тайныя общества отличают
весьма мирнымъ и мягкимъ характеромъ, который онѣ теряю
только впослѣдствіи. Люди либеральнаго образа мыслей мог
даже думать, что ихъ стремленія не представляютъ собой н
чего непріятнаго правительству, что они хотятъ того-же, ч
составляетъ цѣль и его желаній; они стремились къ испра
ленію различныхъ неустройствъ русской жизни соединенны
усиліями людей однихъ убѣжденій, и полагали еще, что дѣ
ствуютъ въ помощь правительству; они видѣли потомъ трудно

[1]) Самый документъ см. въ La Portfolio ou Collection de documents politiques
latifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais. Hambourg. Campe, 1837.
стр. 378—419.

Digitized by Google

дѣла, и самую нерѣшительность и противорѣчіе правительства, но еще не теряли надежды. Впослѣдствіи, они стали разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ, и въ настроеніи обществъ появляется недовѣріе, раздражительность и рѣзкость.

Таковъ, повидимому, былъ характеръ тайныхъ обществъ въ первые годы, и потомъ въ послѣдніе.

Мысль о тайномъ обществѣ явилась тогда у либераловъ весьма естественно. Къ этому приводили ихъ всѣ условія тогдашней русской жизни и всѣ вліянія времени. Когда въ обществѣ, около 1815 года, почти вдругъ явился, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала не могли не почувствовать, что въ массѣ этого общества они представляютъ что-то исключительное, что эта масса не только не сочувствуетъ имъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ на людей, нарушающихъ спокойствіе ея умственнаго и общественнаго бездѣйствія: ихъ собственныя убѣжденія такъ противорѣчили тому, во что̀ эта масса вѣрила испоконъ-вѣка, такъ раздражали въ ней стариковскую нетерпимость, что эти люди должны были наконецъ сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ. Правда, за это время общественное возбужденіе послѣ событій и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ русскомъ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но тѣмъ не менѣе было бы все-таки опасно высказывать свои мнѣнія вполнѣ — если не изъ страха правительства, тогда вообще предоставлявшаго обществу эту невинную свободу, то изъ опасенія раздражать ретроградовъ, очень сильныхъ своимъ вліяніемъ. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ всякихъ постороннихъ стѣсненій, конечно, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ; полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость этого кружка. Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній: противорѣчіе русской жизни съ тѣмъ, что̀ они видѣли въ Европѣ, и съ тѣми идеалами, которые образовались у нихъ подъ впечатлѣніями европейскаго образованія, съ теченіемъ времени больше и больше ихъ поражало и усиливало въ нихъ желаніе служить общественному дѣлу. Свѣжесть ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма — какъ бываетъ всегда въ періоды подобныхъ увлеченій — ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ дружныхъ усилій, самоотверженія. Съ этихъ поръ

Digitized by Google

замкнутый кружокъ, съ мыслью о сознательной практической дѣятельности и пропагандѣ, долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе, и наконецъ онъ превратился въ тайное общество.

Таковы были естественныя побужденія, которыя, въ условіяхъ самой русской жизни, приводили этихъ людей къ основанію тайнаго общества. Къ этимъ главнымъ побужденіямъ присоединились и вліянія времени. Конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которой между прочимъ складывались прогрессивныя и либеральныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей. Это былъ общественный союзъ, ассоціація единомыслящихъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло свою средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало никакого свободнаго исхода начинающемуся политическому и соціальному сознанію. Тайныя общества становились не нужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность не нужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода, и напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи, эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены спокойно и у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой — ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія ложи были отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу: они чрезвычайно распространились у насъ, когда во второй половинѣ царствованія Александра стало обнаруживаться общественное движеніе и стали распространяться всякія общества и союзы. Масонская ложа была самой извѣстной формой такого общественнаго союза, и къ ней съ одной стороны примкнули тайныя общества точно также, какъ съ другой — библейское общество. Самый Священный Союзъ былъ навѣянъ духомъ мистическаго или таинственнаго братства.

Наше тайное общество сложилось не вдругъ, и въ кружкѣ людей, среди которыхъ оно образовалось, въ первое время замѣтно было только неясное желаніе сблизиться въ одномъ общемъ интересѣ. Одни просто собирались, безъ всякихъ затѣй, читать газеты и толковать. «Въ семеновскомъ полку—разсказываетъ Якуш-

Digitized by Google

кинъ—устроилась артель (въ 1815 г.): человѣкъ пятнадцать или двадцать офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ—такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе» [1]). Высшимъ властямъ артель однако не понравилась, и ее велѣно было прекратить... Другіе, стремясь къ какой-нибудь нравственно-общественной дѣятельности, вступали въ масонскія ложи, гдѣ надѣялись найти искомую цѣль и способъ дѣйствій. Третьи, не удовлетворяясь простымъ масонствомъ, пришли къ мысли основать тайное общество, и имъ опять прежде всего представилась мысль устроить его въ какой-нибудь масонской ложѣ. Четвертые искали общественной дѣятельности въ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, нисколько не тайныхъ: таково было множество обществъ словесности—въ Петербургѣ, Москвѣ и въ университетскихъ городахъ; таково было «общество математиковъ», основанное еще въ 1811 году, и послужившее началомъ извѣстнаго «Учебнаго заведенія для Колонновожатыхъ», о которомъ мы упомянемъ далѣе. Масонскія вліянія особенно замѣтны въ образованіи и въ формахъ нашихъ тайныхъ обществъ. Многіе изъ членовъ тайнаго общества были въ тоже время ревностные масоны: то и другое было очень близко въ ихъ понятіяхъ, и переходъ, повидимому, казался очень нетруднымъ. Мы приводили, въ предыдущей главѣ, нѣкоторые примѣры этой связи ложъ съ тайными обществами. Въ томъ первомъ тайномъ обществѣ, которое названо въ «Донесеніи 30-го мая» Союзомъ спасенія или Союзомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества и уставъ котораго былъ составленъ Пестелемъ (въ 1817 г.), пельзя кажется не видѣть того-же масонскаго вліянія. «Общество,—по словамъ «Донесенія»,—раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ;.. для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ;... сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу»—совершенно какъ въ масонской іерархіи. Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что уставъ этотъ «основанъ былъ на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія, и проповѣдывалъ насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала, яда», что по словамъ самого Пестеля написано было въ подражаніе уставамъ нѣко-

[1]) Зап. Якушкина, стр. 6.

Digitized by Google

торыхъ масонскихъ ложъ,—и это могло быть совершенно справедливо: эти страшныя средства не представили бы ничего страшнаго тому, кто зналъ масонскія присяги, которыя даже въ самой обыкновенной своей формѣ, въ самыхъ простыхъ системахъ, наполнены самыми ужасными заклятіями [1]).

Была и болѣе тѣсная внутренняя связь между масонскими тенденціями и движеніемъ тайныхъ обществъ. Одно время ложа «Избраннаго Михаила» совмѣщала въ себѣ членовъ тайнаго общества. При болѣе послѣдовательномъ и реальномъ, не-мистическомъ взглядѣ на масонскія обязанности не трудно было придти къ точкѣ зрѣнія, на которой стояли члены тайныхъ обществъ за первое время ихъ существованія,—потому что эта точка зрѣнія состояла тогда въ мирномъ служеніи общественному благу одними нравственными, и очень легальными, средствами. Таковъ былъ союзъ, который предполагалось, по словамъ «Донесенія», основать подъ названіемъ Общества Русскихъ Рыцарей. Исторію этого предполагавшагося общества такъ разсказываетъ близкій свидѣтель, Н. И. Тургеневъ:

«Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ (въ 1816 г.), я встрѣтилъ генерала Орлова (Михаила), котораго я зналъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ былъ въ 1815 начальникомъ штаба русскаго корпуса, расположеннаго въ этихъ краяхъ. У этого генерала было много природнаго ума и благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, онъ въ высокой степени владѣлъ тѣмъ образованіемъ, какое обыкновенно бываетъ у свѣтскихъ людей. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ идей, основанныхъ на серьезныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе... Когда я увидѣлъ его въ Петербургѣ, всѣ его мысли заняты были масонствомъ; онъ возъимѣлъ планъ возстановить это учрежденіе, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и дать ему какую-нибудь политическую цѣль. Въ этомъ предпріятіи у него былъ товарищемъ графъ Мамоновъ, который имѣлъ, кажется, большое пристрастіе къ старому русскому масонству. Лично я никогда не зналъ его, но въ одномъ критическомъ обстоятельствѣ его имя пріобрѣло такую извѣстность, что внушало къ нему уваженіе (г. Тургеневъ разумѣетъ пожертвованія гр. Мамонова въ 1812 году).

«Графъ Мамоновъ былъ, повидимому, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго масонства; генералъ Орловъ, узнавши эту степень и формулу посвященія, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя

[1]) Образчики ихъ мы приводили въ другомъ мѣстѣ.

Digitized by Google

перемѣны, соотвѣтственныя идеямъ времени, но сохраняя мистическую форму, господствовавшую въ старомъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предлагалъ мнѣ сообщить его какимъ-нибудь знакомымъ мнѣ масонамъ, для того, чтобы они постарались ввести его въ свои различныя ложи. Этотъ уставъ, или обрядъ принятія, я отдалъ одному лицу, которое предсѣдательствовало въ одной ложѣ, и которое было чрезвычайно радо имѣть какой-нибудь символъ стараго русскаго масонства, нѣкогда столь славнаго. Въ тоже время, генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ только-что составилъ зерно общества, основаннаго на этой своего рода реликвіи. Онъ назвалъ своихъ союзниковъ: это были два адъютанта императора, генералъ П. М. и г. Б. Я видалъ иногда этихъ господъ, но никогда не говорилъ съ ними объ ихъ обществѣ. Разъ только, послѣдній, говоря о Союзѣ Благоденствія, съ которымъ предлагали соединить общество, начертанное генераломъ Орловымъ, сказалъ мнѣ, что они не были намѣрены сливать въ одно два эти общества: что надо было посмотрѣть, какъ станетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и воспользоваться и хорошими и дурными его результатами. Такимъ образомъ, эти господа были «политики».

«Въ самомъ дѣлѣ, основатели Союза Благоденствія имѣли нѣсколько свиданій съ генераломъ Орловымъ, но они не могли согласиться между собой... Впослѣдствіи Орловъ, совсѣмъ оставивши свой полу-масонскій проектъ, вступилъ въ общество Благоденствія, изъ котораго вышелъ за нѣсколько дней до его закрытія...

«Изъ этихъ объясненій видно, что попытка генерала Орлова не произвела никакого важнаго результата»[1]).

Такимъ образомъ, тайное общество складывалось медленно, подготовлялось въ разныхъ кружкахъ, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія и принимая сначала знакомыя формы масонскаго союза. Въ заключеніе этихъ попытокъ образовался наконецъ «Союзъ Благоденствія», въ которомъ общество въ первый разъ, кажется, получило нѣсколько правильную организацію. Въ этой окончательной формѣ, которую приняло теперь тайное общество, обнаружилось уже болѣе прямое вліяніе времени, потому что образцомъ для Союза Благоденствія послужилъ отчасти нѣмецкій Тугендбундъ (Союзъ Добродѣтели). Мы скажемъ нѣсколько словъ

[1]) La Russie I, 221—225. «Несмотря на то, прибавляетъ г. Тургеневъ, правительство или слѣдственная коммиссія вытребовали въ Петербургъ лицо, которому я сообщалъ проектъ генерала Орлова; но такъ какъ въ этомъ документѣ не было найдено ничего подозрительнаго, то всякое розысканіе по этому предмету было оставлено».

Digitized by Google

объ этомъ знаменитомъ обществѣ, потому что по немъ можно составить понятіе о томъ, каковы бывали, между прочимъ, тайныя общества, наводившія такой страхъ на реакціонныя правительства, и можно также видѣть, какова была на дѣлѣ связь русскаго общества съ нѣмецкимъ, о которой многозначительно говорили потомъ даже нѣмецкіе реакціонеры, представляя русское тайное общество какъ отрасль громаднаго всесвѣтнаго заговора противъ алтарей и престоловъ.

Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, тайныя общества были предметомъ множества толковъ, не только тамъ, гдѣ они были и гдѣ дѣйствительно играли роль, но и тамъ, гдѣ ихъ не было или гдѣ они были совершенно безсильны. Правительства чрезвычайно боялись ихъ тайной силы; недовольные, особенно молодое поколѣніе, увлекались мечтой о тайномъ обществѣ, которое удовлетворяло либеральнымъ порывамъ и завлекало романической таинственностью союза, служащаго добродѣтели, справедливости и свободѣ, а иногда было единственнымъ средствомъ борьбы противъ угнетенія, какъ было въ Италіи. Таковы были итальянское карбонарство, греческая гетэрія, нѣмецкій Тугендбундъ— различные по происхожденію и цѣлямъ, очень несходные по дѣйствительному значенію, но фантастически смѣшиваемые правительствами въ одинъ всеобщій заговоръ либераловъ. У насъ всего больше извѣстенъ былъ нѣмецкій «Союзъ Добродѣтели».

«Я бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми, которые должны были хорошо знать все относящееся къ знаменитому обществу, извѣстному подъ именемъ Тугендбунда,— разсказываетъ г. Тургеневъ. Я узналъ отъ нихъ, что, собственно говоря, надобно думать о мнимомъ вліяніи этого общества на ходъ событій до войны за освобожденіе и во время ея. Сколько разъ я слышалъ, какъ эти люди выражали глубокое убѣжденіе, пріобрѣтенное ими по собственному опыту, убѣжденіе въ совершенной невозможности достигнуть чего-нибудь положительнаго путемъ тайныхъ обществъ!» [1]).

Въ числѣ людей, на которыхъ указываетъ г. Тургеневъ, былъ конечно и Штейнъ: онъ былъ прусскимъ министромъ во время основанія Тугендбунда; онъ хорошо зналъ движеніе умовъ въ Германіи, которое въ сильной степени проистекало отъ его собственной дѣятельности; его самого молва считала главнымъ основателемъ или покровителемъ Тугендбунда. Штейнъ вовсе не увлекался толками о тайныхъ обществахъ, не придавалъ никакого значенія ни масонскимъ ложамъ, о которыхъ также много

[1]) La Russie I, стр. 520—521.

Digitized by Google

говорили, никакимъ другимъ таинственнымъ союзамъ. «Я съ своей стороны—говорилъ онъ еще въ концѣ 1812 года—никакой другой (масонской) конституціи не держался такъ твердо, какъ столовыхъ ложъ,... да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣ казалось, что это древнее общество, происходящее отъ Соломона, не только не знало, что оно дѣлало, но даже и не знало, чего хотѣло. Иллюминаты казались мнѣ дурнымъ обществомъ, и ихъ мораль нѣсколько двусмысленной [1])... ихъ интриги были вредны, — хотя Баррюэль вовсе не есть мое евангеліе. Общество Друзей добродѣтели, образовавшееся въ 1808 г., заслуживаетъ уваженія по своимъ добрымъ намѣреніямъ, но до сихъ поръ ничего не видать изъ его дѣлъ....» [2]).

Штейнъ сохранялъ и послѣ подобное мнѣніе о нѣмецкихъ тайныхъ обществахъ, и во время реакціонныхъ гоненій считалъ постыднымъ и нелѣпымъ дѣломъ преслѣдованіе мнимыхъ заговоровъ и происковъ. Тѣмъ не менѣе, о тайныхъ обществахъ продолжали говорить, и самыя общества существовали—хотя и не въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорили.

Карбонарство или гетэрія были прямымъ политическимъ заговоромъ. Карбонарство дѣйствовало противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ; гетэрія возставала противъ турецкаго ига и стремилась къ возстановленію Греціи; средствомъ и цѣлью этихъ заговоровъ была открытая борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Тугендбундъ также вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, тяготѣвшему надъ Пруссіей, но онъ былъ обществомъ, совершенно мирнымъ: по всему положенію вещей, онъ не имѣлъ никакихъ цѣлей, непріятныхъ для нѣмецкаго правительства; совсѣмъ напротивъ, онъ хотѣлъ только помогать правительству, хотѣлъ дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными. Основатели его стремились къ нравственному возбужденію націи, которое должно было послужить залогомъ политическаго освобожденія.

Тугендбундъ основанъ былъ въ началѣ 1808 г. въ Кёнигсбергѣ нѣсколькими патріотами, которые, опредѣливъ свою программу дѣйствій, просили у короля утвержденія ихъ статутовъ. Король далъ это утвержденіе, и общество открыло свои дѣйствія. Основатели дали своему союзу названіе «нравственно-

---

[1]) Онъ приводитъ примѣры безнравственныхъ поступковъ членовъ этого ордена, и указываетъ, между прочимъ, на барона Книгге.

[2]) Pertz, III, стр. 99.

Digitized by Google

научнаго общества»; цѣль его высказывалась въ грамотѣ на его основаніе слѣдующими словами: «Цѣль общества — произвести улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостояніе прусскаго, и затѣмъ нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій честныхъ (tadelloser) людей. Средства общества — слово, письмо и примѣръ». Стремленія общества такъ соотвѣтствовали духу тогдашнихъ реформъ Штейна, возвышавшихъ національное сознаніе, что весьма распространено было мнѣніе, считавшее Штейна не только участникомъ, но основателемъ союза. Предполагаемое участіе Штейна много содѣйствовало репутаціи союза, который тогда же сталъ извѣстенъ подъ именемъ Тугендбунда. Союзъ, управляемый своимъ совѣтомъ изъ Кёнигсберга, какъ говорятъ, быстро распространился по всѣмъ областямъ Пруссіи, но существованіе его было непродолжительно: въ концѣ 1809 г. онъ былъ закрытъ распоряженіемъ короля, которое послѣдовало, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе требованія Наполеона [1]).

Разсказы о дѣятельности Тугендбунда до сихъ поръ крайне противорѣчивы. По словамъ однихъ, послѣ закрытія, «Тугендбундъ продолжалъ существовать фактически и дѣятельность его была тѣмъ значительнѣе, что въ числѣ его членовъ, съ основаніемъ и безъ основанія, называли людей чрезвычайно значительныхъ. Очень дѣятельнымъ членомъ былъ майоръ Шилль, который въ 1809 слишкомъ преждевременно и слишкомъ рискованно сдѣлалъ попытку для освобожденія Германіи, но своимъ предпріятіемъ и геройской смертью далъ патріотической молодежи воспламеняющій примѣръ. Въ 1813 году, когда Наполеонъ потерялъ въ Россіи свои лучшія силы и очарованіе непобѣдимости, и когда началась противъ него великая народная борьба, эта молодежь показала, что реформы уже произвели въ Пруссіи поколѣніе, которое понимало значеніе словъ: отечество и свобода». Но, по оффиціальнымъ даннымъ, союзъ совершенно отрекался отъ солидарности съ предпріятіемъ Шилля и доказывалъ, что онъ впередъ старался удерживать по-

[1]) Свѣдѣнія о Тугендбундѣ, кажется, до сихъ поръ еще довольно смутны. Оффиціальная исторія его, по актамъ, изложена въ книжкѣ: Gesch. des sogenannten Tugendbundes. Von J. Voigt. Berlin, 1850; см. также Гервинуса, Geschichte des XIX Jahrh. II, 342 и сл.; Scherr, Deutsche Kultur- und Sittengesch.; 2-te Ausg. 478. См. также статью «Tugendbund» въ Staats-Lexikon, Роттека и Вельккера (Altona, 1848, т. XII, стр. 585—590). Какъ сильно противорѣчатъ свѣдѣнія о Тугендбундѣ, можно видѣть, сравнивъ слова Шерра, показанія Пертца, приведенныя у Фойгта, стр. 113 и слѣд., и свидѣтельство «государственнаго человѣка» о Тугендбундѣ, тамъ же, стр. 119—120.

Digitized by Google

добныя «вмѣшательства въ права власти». Біографъ Штейна отдаетъ справедливость стремленіямъ Тугендбунда, но замѣчаетъ, что тягостное время и политическія и военныя мѣры правительства и безъ того возбудили національное чувство во всей націи, такъ что, «лучшую помощь для своихъ цѣлей въ борьбѣ съ французами правительство нашло въ кругу патріотовъ, которые собрались вокругъ Штейна и Шарнгорста, и которые дѣйствовали безъ всякой связи съ Тугендбундомъ». По словамъ третьяго свидѣтеля, Тугендбундъ представляли собственно люди столь ничтожные, что отъ него отстранялись всѣ порядочные люди, и союзъ, еще до закрытія своего, былъ мертвъ отъ своего ничтожества; что въ великіе моменты начала 1813 года не было рѣчи ни о какомъ Союзѣ добродѣтели, и что въ высшей степени нелѣпо придавать Тугендбунду какую-нибудь важность относительно этого великаго момента. Шлоссеръ отзывается о Тугендбундѣ еще суровѣе: по его словамъ, это было только орудіе реакціонеровъ, которымъ обманывали дѣйствительныхъ патріотовъ и низшій слой народа, чтобы воспользоваться ихъ одушевленіемъ и усиліями для возстановленія стараго порядка. Но въ концѣ концовъ Шлоссеръ говоритъ: «Въ Тугендбундѣ... важнѣйшимъ дѣломъ было то, что онъ *пробуждалъ умы*. Въ *этомъ* состояла важность тайныхъ обществъ. Крикъ, поднятый Наполеономъ противъ Тугендбунда, далъ этому союзу политическую важность; свирѣпое преслѣдованіе, организованное въ Германіи Наполеономъ, княземъ Экмюльскимъ (Даву) и его агентами и шпіонами, ожесточало умы, а когда Пруссія, въ 1809 году, принуждена была запретить Тугендбундъ, таинственность стала придавать новую заманчивость патріотическимъ обществамъ» [1]).

Въ этомъ и состоитъ дѣйствительное значеніе Тугендбунда; въ такомъ смыслѣ онъ имѣлъ свое вліяніе и на основателей нашего тайнаго общества. Незначительный на дѣлѣ или крайне преувеличиваемый слухами, онъ имѣлъ свое вліяніе и историческое значеніе той фиктивной силой, какую придавала ему общая молва. Ему приписывалось національное возбужденіе, котораго еще не привыкли объяснять естественнымъ увлеченіемъ общественнаго мнѣнія; ему приписывались патріотическіе подвиги, и присутствіе этой невидимой силы ободряло и воодушевляло [2]). Послѣ 1815 года начались въ печати розысканія

---

[1]) Ист. XVIII стол., новое изд., VII, 313—314.

[2]) Ср. Записки М. Фонъ-Визина, стр. 123. Авторъ прямо считаетъ «добродѣтельнаго барона Штейна» основателемъ Тугендбунда, и приписываетъ союзу чрезвычайно большое значеніе.

Digitized by Google

и разъясненія о Союзѣ добродѣтели, но общая молва продолжала говорить о немъ прежнее, и тѣмъ болѣе казалась вѣроятной, что въ это именно время тайныя общества стали размножаться съ особенной силой—снова появляется Янъ и его гимнасты съ своимъ девизомъ: frisch, froh, fromm und frei, возникаетъ буршеншафтъ, общество «безусловныхъ» и т. д., въ которыхъ прежнее броженіе, направлявшееся противъ французовъ, обращается противъ домашней реакціи во имя романтическо-народныхъ и конституціонныхъ идеаловъ....

Нелѣпо было бы говорить, что русскія тайныя общества стояли въ непосредственныхъ, личныхъ связяхъ съ нѣмецкими, какъ это утверждали впослѣдствіи нѣмецкіе реакціонеры и ихъ публицисты по поводу 14-го декабря: ничего подобнаго на дѣлѣ не было, да и не могло, конечно, быть, потому что этимъ обществамъ нечего было дѣлать вмѣстѣ. Но въ ихъ характерѣ на первое время можно найти сходныя черты, которыя объясняются духомъ времени и сходными общественными условіями. И тамъ, и здѣсь было много благороднаго и довѣрчиваго идеализма, и потому Союзъ Благоденствія могъ взять многое изъ программы нѣмецкаго Союза Добродѣтели.

«Донесеніе» 30-го мая указываетъ, что мысль о тайныхъ обществахъ явилась въ 1816 г. у нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, «возвратясь изъ-за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи тайныхъ обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное»; что при первомъ основаніи русскаго тайнаго общества многіе именно желали, чтобы принятъ былъ уставъ, главныя черты котораго заимствованы «изъ напечатаннаго въ журналѣ «Freywillige Blätter» устава, коимъ будто бы управлялся Tugendbund». Въ другомъ мѣстѣ сказано, что «главныя черты законоположенія Союза Благоденствія (первая часть этого законоположенія была отыскана коммиссіей), раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже большею частію переводъ съ нѣмецкаго». Этотъ уставъ былъ составленъ Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ.

Записки самихъ членовъ тайнаго общества подтверждаютъ эти указанія на Тугендбундъ. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, что во время войнъ многіе изъ русскихъ «познакомились съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendverein)», что въ Петербургѣ извѣстны были статуты разныхъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ во Франціи и Гер-

Digitized by Google

маніи, и что одинъ изъ членовъ русскаго общества «ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношенія съ членами Союза Добродѣтели», которые и сообщили ему свои статуты. По словамъ Якушкина, нѣмецкій уставъ привезенъ былъ кн. Ильей Долгорукимъ [1]).

Такъ или иначе, въ либеральномъ кружкѣ были извѣстны уставы западныхъ тайныхъ обществъ, которые дали имъ мысль по той же формѣ устроить и русское общество. Тогдашняя слава Тугендбунда могла привлечь ихъ вниманіе, и характеръ его устава могъ въ особенности удовлетворять ихъ желаніямъ. Основанный въ тяжелыя времена французскаго ига, Тугендбундъ, если и имѣлъ въ основаніи политическую цѣль, долженъ былъ очень осторожно скрывать, даже совершенно устранить ее, и ограничить свою дѣятельность нравственно-общественными предметами, въ союзѣ съ правительствомъ. У нашихъ либераловъ, въ первое время, политическая цѣль также стояла на второмъ планѣ; они надѣялись, что политическая реформа будетъ произведена самимъ правительствомъ, и думали только содѣйствовать его планамъ, стараясь распространять новыя идеи, возбуждать политическіе интересы, истреблять предразсудки и общественные недостатки. Въ программѣ Тугендбунда, эта самая задача была поставлена такъ широко, цѣли Союза были такъ возвышенны, такъ проникнуты патріотизмомъ, и способъ изложенія указывалъ столько практическихъ пріемовъ, что воспользоваться нѣкоторыми ея мыслями было очень естественно.

Въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ Тугендбундъ состоялъ изъ «коренного общества», Stammverein, или собранія его членовъ въ мѣстѣ его основанія, т.-е. въ Кёнигсбергѣ, и изъ его развѣтвленій въ другихъ мѣстахъ, которыя назывались Zweigvereine [2]). Лица, вступавшія въ общество, должны были выбирать себѣ ту или другую отрасль дѣятельности въ смыслѣ союза, и собраніе членовъ, работавшихъ по одной отрасли, составляло «камеру», а собраніе камеръ въ Кёнигсбергѣ составляло «главную камеру» (Hauptkammer). При каждой камерѣ находился «цензоръ», обязанность котораго заключалась въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы законы общества сохранялись въ точныхъ предѣлахъ государ-

---

[1]) Зап. Фонъ-Визина, стр. 147, 152—153. Зап. Як., стр. 13. Въ печатномъ изданіи первыхъ этотъ кн. Долгорукій ошибочно названъ Иваномъ. Показаніе Фонъ-Визина о прямыхъ сношеніяхъ Долгорукаго съ членами Тугендбунда можетъ быть не вполнѣ точно; онъ просто могъ найти печатные уставы, которые упоминаются въ «Донесеніи».

[2]) Первоначально, хотѣли назвать эти дѣленія главной ложей, и подчиненными ложами,—такъ что и здѣсь вспоминались масонскія формы.

Digitized by Google

ственнаго закона, далѣе въ собираніи свѣдѣній о вновь поступающихъ членахъ, въ нравственномъ ихъ руководствѣ и въ надзорѣ за ихъ трудами для цѣлей общества.

Дѣятельность общества распадалась на шесть отраслей: 1) воспитаніе; 2) народное образованіе; 3) наука и искусство; 4) народное благосостояніе; 5) внѣшняя полиція и 6) внутренняя полиція. Въ отдѣлѣ *воспитанія* главная задача общества состояла въ томъ, чтобы изыскивать и распространять лучшіе методы воспитанія и обученія, при которыхъ юношество достигаетъ наиболѣе полнаго и согласнаго употребленія всѣхъ своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; стараться объ улучшеніи домашняго воспитанія, объ уничтоженіи суровости, безнравственности и безплодной траты времени въ школахъ, о распространеніи въ народѣ техническихъ знаній, нужныхъ для улучшенія ремеслъ и т. п. Въ отдѣлѣ *народнаго образованія*—распространеніе правильныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка для сохраненія и развитія его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, его обязанностяхъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ; стараніе сколько можно облагородить народные праздники и увеселенія, и ввести въ нихъ такія упражненія, которыя способствуютъ пріобрѣтенію ловкости и силы (бѣганье, бросанье, прыганье, верховая ѣзда, стрѣльба, плаванье); противодѣйствіе грубости нравовъ, безполезному или дурному чтенію и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ особую частную отрасль должны были составлять военные, цѣлью которыхъ было общее изученіе военныхъ наукъ, подготовленіе молодыхъ офицеровъ въ научномъ и нравственномъ отношеніи, забота о солдатахъ, обученіе солдатъ обязанностямъ ихъ званія. Въ руководители этой отрасли совѣтъ камеры долженъ былъ выбрать одного изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ офицеровъ. Въ отдѣлѣ *науки и искусства* — изученіе важнѣйшихъ предметовъ науки и искусства, и распространеніе между членами правильныхъ о томъ понятій. Предположено было обращать вниманіе на замѣчательнѣйшія произведенія древнихъ и новыхъ временъ, и издавать журналы для возбужденія чувства истины, добродѣтели, любви къ отечеству, свободы мысли и совѣсти. Въ отдѣлѣ *народнаго благосостоянія* — должны были собраться члены изъ людей, наиболѣе знающихъ разныя отрасли сельской и городской промышленности, чтобы изыскивать свойственные каждому краю источники благосостоянія, вводить и поощрять новые промыслы, дѣйствовать ободреніемъ и совѣтами на рабочее сословіе, оказывать помощь безвинно обѣднѣвшимъ посредствомъ кредита, задатковъ, доставленіемъ сбыта и т. п., приводить въ извѣстность новыя изобрѣтенія, заботиться о школахъ промышленно-

Digitized by Google

сти и искусствъ, противодѣйствовать цеховому духу, стараться отвлекать мужчинъ отъ занятій, болѣе свойственныхъ женскому полу. Въ отдѣлѣ *внѣшней полиціи* — стараніе убѣждать народъ, что всѣ полицейскіе законы будутъ достигать своей цѣли только тогда, когда имъ будутъ содѣйствовать всѣ отдѣльныя лица; съ этой цѣлью предполагалось составить книжку, въ которой бы общедоступно объяснялась благотворность полицейскаго порядка для сохраненія жизни, здоровья, собственности и т. д.; предполагалось также оказывать содѣйствіе властямъ въ розысканіи преступниковъ и въ устройствѣ ихъ, по исполненіи надъ ними закона. Наконецъ, въ отдѣлѣ *внутренней полиціи* имѣлось въ виду почти исключительно наблюденіе за нравственнымъ и законнымъ поведеніемъ членовъ союза, что̀ поручалось, какъ выше упомянуто, цензорамъ камеръ.

«Таково было—говоритъ историкъ Тугендбунда—обширное, едва обозримое поле, на которое союзъ хотѣлъ, по своему уставу, распространить свою дѣятельность, на которомъ онъ хотѣлъ показать, къ чему можно стремиться и чего можно достигнуть самопожертвованіемъ, трудолюбіемъ и ревностью къ человѣческому образованію и человѣческому благу». Поле дѣйствительно было необозримое.... Штейнъ, тогда министръ, несмотря на утвержденіе союза королемъ, относился къ Тугендбунду очень неблагопріятно, и въ программѣ его дѣятельности находилъ возможность столкновеній съ дѣятельностью государства; въ замѣчаніяхъ на уставъ союза, составленныхъ другимъ лицомъ, но пересланныхъ Штейномъ въ союзъ, говорилось, напримѣръ, что дѣйствія союза могутъ вмѣшиваться въ область отправленій самой власти, что заявляемое союзомъ «разумное» подчиненіе распоряженіямъ правительства можетъ повести къ предположенію, что союзъ хочетъ дѣлать выборъ между этими распоряженіями и подчиняться только тѣмъ, которыя «разумны» въ его смыслѣ и т. д. Штейнъ вообще находилъ, что не нужно никакого союза, а нужно только оживленіе христіанскаго, отечественнаго духа, что зерно для этого уже находится въ существующихъ учрежденіяхъ государства и церкви, и что въ ихъ формахъ это зерно и должно развиваться. Впослѣдствіи, много времени спустя, онъ говорилъ, что «союзъ казался ему непрактичнымъ, а практическое впадало въ пошлое». Союзъ отвѣчалъ однако на возраженія, присланныя Штейномъ, и разрѣшалъ ихъ очень удовлетворительно. Но каковы бы ни были понятія Штейна о личномъ составѣ «коренного общества», — дѣйствительно, можетъ быть, не безупречномъ,—изъ какихъ бы источниковъ ни происходило его неблагопріятное мнѣніе о Тугендбундѣ, его возраженія

Digitized by Google

очень характеристично выражали отношеніе абсолютной власти, какова была тогда прусская, къ заявленіямъ общественной самодѣятельности. Тугендбундъ былъ и онно такой попыткой самого общества работать для возрожденія націи, которой не могла поднять монархія одна. Тугендбундъ шелъ параллельно съ тѣмъ патріотическимъ и національнымъ одушевленіемъ, которое проникало тогда лучшіе умы Германіи и которое въ то самое время, между прочимъ, блистательно выразилось въ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Фихте. Программа Тугендбунда могла быть несовершенна, въ ней могла быть «напыщенность», которую въ ней также указывали, но въ ней было однако много истинно-полезнаго для общества, если бы эта программа была исполнена;—недостатки въ устройствѣ, преувеличенія въ идеяхъ были весьма понятны по времени, — преувеличенія въ ней есть и въ «Рѣчахъ» Фихте. Впослѣдствіи сама власть воспользовалась для борьбы съ Наполеономъ силами общества, но слишкомъ ревнивая къ своимъ прерогативамъ, она не хотѣла и послѣ признавать заявленій общественнаго мнѣнія, чѣмъ, конечно, сама раздражала это мнѣніе и производила тѣ «происки» и тайныя общества, въ которыя бросались разочарованные и обманутые энтузіасты и съ ними много увлекающейся молодежи.

Власть была неправа тѣмъ въ своемъ мнѣніи о программѣ Союза, что высказывала недовѣріе къ самому принципу общественной самодѣятельности. Ни «государство», ни «церковь», на которыя ссылался Штейнъ, никогда не могутъ вполнѣ удовлетворить матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ націи, если государство и церковь понимаются такъ формально, если они остаются недоступны вліяніямъ и требованіямъ общества; слѣпое повиновеніе никогда не доставитъ государству и націи столько силъ, сколько можетъ принести содѣйствіе, исходящее изъ свободнаго убѣжденія, изъ самодѣятельнаго общественнаго мнѣнія. Недавній примѣръ іенскаго пораженія показывалъ, до какого паденія можетъ довести націю безжизненный формализмъ абсолютнаго государства, не оживляемый дѣятельностью общественныхъ силъ, и основатели Тугендбунда именно угадывали и выражали необходимость участія самого общества въ своихъ дѣлахъ и интересахъ.

Такой смыслъ имѣло и наше либеральное движеніе. Въ русской жизни, конечно, не произошло такихъ политическихъ бѣдствій, какія испытала тогда Германія, но въ ея внутреннемъ быту находилось, быть можетъ, еще больше мрачныхъ явленій, противъ которыхъ нерѣдко бывали безплодны даже усилія самой власти, и которыя давно вызывали патріотическое негодованіе

Digitized by Google

лучшихъ людей. Стремленіе противодѣйствовать этимъ недостаткамъ русской жизни и возбудить къ дѣятельности лучшія силы и нравственные инстинкты общества, не находило себѣ исхода въ обычныхъ нравахъ, и потому повело, наконецъ, къ образованію тайныхъ обществъ. Понятно, почему либералы могли взяться за программу Тугендбунда. Въ первое время наши тайныя общества не думали ни о какихъ политическихъ планахъ, не желали никакихъ перемѣнъ въ основныхъ существующихъ учрежденіяхъ. Ихъ настроеніе было совершенно мирное; это былъ идеалистическій патріотизмъ, хотѣвшій дѣйствовать чисто нравственной пропагандой и образованіемъ, думавшій только помогать правительству,—совершенно также, какъ было въ «нравственно-научномъ» обществѣ. Программа Тугендбунда принята была не изъ подражанія, а просто потому, что она совпадала съ патріотическимъ одушевленіемъ, которое уже было готово въ нашемъ молодомъ либеральномъ поколѣніи, еще полномъ надеждами, мало искушенномъ опытами и мало испытавшемъ разочарованій. Союзъ Благоденствія основывался съ довѣріемъ къ власти, основатели его намѣревались даже заявить о немъ правительству и просить его содѣйствія,—и этому совершенно отвѣчали правила Тугендбунда. Что программа его была принята въ нашемъ обществѣ довольно сознательно и обдуманно, можно видѣть изъ того, что въ русской обработкѣ (насколько она теперь извѣстна) она подверглась значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ.

По словамъ «Донесенія» 30-го мая, уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующихъ основаніяхъ, которыя читатель сличитъ съ вышеприведенными положеніями Тугендбунда. Авторы устава объявляли, именемъ основателей Союза Благоденствія, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, и что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться въ тайнѣ «только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти». Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ *первой* отрасли, предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, т.-е. успѣхъ частной и общей благотворительности: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребле-

Digitized by Google

ніяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, и также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй*— умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, и также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями, сообразными съ этимъ и съ цѣлью общества. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за-границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ должностей по судебной части, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять «непреложныя правила общественнаго богатства», т.-е. заниматься новой тогда наукой политической экономіи, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, «утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ».

Внѣшнее устройство Союза Благоденствія также представляетъ сходство съ устройствомъ Тугендбунда. Старѣйшіе члены, основатели общества или первоначально вступившіе въ него, составляли «коренной союзъ» (какъ въ Тугендбундѣ Stammverein), изъ него выбирался «совѣтъ», который состоялъ изъ «блюстителя» и пяти засѣдателей и члены котораго, черезъ извѣстные сроки, замѣнялись новыми. Когда члены коренного союза присоединялись къ совѣту, изъ этого составлялась «коренная управа»: совѣтъ и управа отличались какъ власть исполнительная и власть законодательная. При распространеніи общества основывались новыя управы....

Такъ складывалась внѣшняя форма общества. «Подражаніе» Тугендбунду ограничивалось только рамкой, въ которую члены Общества уже съ самаго начала вносили русское содержаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, для молодого поколѣнія, возбужденнаго вліяніями европейской жизни и европейскаго либерализма, своя домашняя жизнь должна была представлять много тяжелаго и неутѣшительнаго: ему съ самаго начала бросались въ глаза тем-

Digitized by Google

ныя стороны этой жизни и являлся вопросъ о средствахъ, какими это положеніе вещей могло быть исправлено. Уже вскорѣ стали опредѣляться отношенія либераловъ къ правительству и къ массѣ общества.

Мы указали выше, что само правительство въ ту пору, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало распространенію либеральныхъ идей въ той долѣ общества, которая имѣла къ тому какую-нибудь воспріимчивость. Конституція въ Польшѣ, конституціонные планы для Россіи, не оставшіеся тайною для общества, слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ, отдѣльныя либеральныя рѣшенія и мнѣнія, высказываемыя императоромъ, не могли не возбуждать мысли, что само правительство желаетъ широкаго преобразованія, по крайней мѣрѣ, что оно сознаетъ ненормальность существующаго положенія вещей. Но съ другой стороны, либераловъ не могли не поражать противорѣчія, которыя безпрестанно обнаруживались въ различныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства. Александръ, во время наполеоновскихъ войнъ возбуждавшій величайшую симпатію и уваженіе, теперь сталъ обнаруживать черты характера, которыя охлаждали это сочувствіе. Замѣчено было вообще, что по возвращеніи въ Петербургъ Александръ обнаруживалъ холодность къ Россіи, производившую самое тяжелое дѣйствіе: онъ былъ какъ будто возставленъ противъ нея; его мысли были въ Европѣ; онъ безучастно относился къ русскимъ дѣламъ, которыя вскорѣ очутились въ рукахъ Аракчеева. Еще въ 1812 году было множество недовольныхъ тѣмъ, что императоръ окружаетъ себя нѣмцами, въ числѣ которыхъ были нѣмцы очень неудачные, какъ извѣстный генералъ Фуль. Разсказывали, что во время смотра русскихъ войскъ при Вертю во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Разсказывали о другихъ подобныхъ словахъ императора, показывавшихъ нелюбовь и пренебреженіе къ русскимъ [1]). Въ войскахъ опять вводилась строгая и стѣснительная дисциплина, требовалась фрунтовая выправка. Всего больше, почти исключи-

[1]) Зап. Якушк. 5, 7—8, 17, 25; и другія записки современниковъ. См. также La Russie, I, 87. Иногда, это было и справедливое негодованіе на безчестность даже многихъ лицъ изъ высшей администраціи (La Russie II, 206). Мы приводили въ другомъ мѣстѣ слова Александра прусскому королю, въ 1820 г., что король и онъ самъ «окружены негодяями», что онъ «многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же». Были однако средства измѣнить этотъ порядокъ вещей, но Александръ не принималъ этихъ средствъ, и этимъ, конечно, самъ давалъ основаніе общественному недовольству противъ себя.

Digitized by Google

тельно, императоръ занимался военными дѣлами, и забота объ увеличеніи войска повела къ основанію военныхъ поселеній, встрѣтившихъ и сохранившихъ за собой всеобщее неодобреніе и причинившихъ страшныя бѣдствія и тогда и послѣ.

Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ, сохранились, а иногда и увеличились тѣ неустройства, которыми русская жизнь издавна страдала и которыя должны были возбуждать все бо́льшее негодованіе по мѣрѣ того, какъ возникали здравыя общественныя и политическія понятія. Крестьянскій вопросъ, относительно котораго было столько надеждъ у либераловъ и столько опасеній у крѣпостниковъ, почти не тронулся съ первыхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ началѣ царствованія. Напротивъ, правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ среди самого дворянства являлись частные проекты освобожденія, отнеслось къ нимъ очень недружелюбно. Въ управленіи господствовалъ тотъ же старинный произволъ, казнокрадство, подкупы и взятки, начиная отъ низшихъ административныхъ вѣдомствъ и до самыхъ высшихъ. Императоръ самъ зналъ это, ему извѣстны были примѣры самаго незастѣнчиваго грабежа казны, но онъ оставлялъ грабителей въ покоѣ, считалъ зло неистребимымъ! Изрѣдка его терпѣніе истощалось, но и тогда,—какъ въ извѣстномъ случаѣ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, у чиновниковъ котораго онъ отнялъ право носить мундиръ, оставивъ, однако, это право ихъ начальникамъ,—строгость не достигала цѣли, или постигая съ виноватыми и невинныхъ, или не уничтожая возможности продолжать тоже самое.... Во всѣхъ дѣлахъ управленія сталъ всемогущимъ человѣкомъ Аракчеевъ, безсердечный и невѣжественный, привязанность къ которому императора Александра приводила въ недоумѣніе и современниковъ и историковъ, какъ мудреное психологическое явленіе. Въ обществѣ Аракчеевъ внушалъ страхъ и ненависть; высшія сферы преклонялись предъ нимъ, но также его ненавидѣли. Здѣсь называли его «проклятымъ змѣемъ» [1]);

---

[1]) Въ напечатанномъ недавно письмѣ кн. Волконскаго, изъ Таганрога, о смерти императора Александра, такъ высказалась эта ненависть къ Аракчееву: «Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ (рѣчь идетъ объ убійствѣ извѣстной Настасьи и свирѣпой казни замѣшанныхъ въ немъ людей); ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ *зятя*, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что *извергъ сей погубитъ Россію* и погубитъ государя, который *узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно*. Вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ ли сей извергъ показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ?» и проч. (Р. Арх. 1870, стр. 630). Здѣсь опять можно замѣ-

Digitized by Google

мы скажемъ дальше, на какія выраженія своей ненависти рисковали люди молодого поколѣнія.

Польскія дѣла также вызывали большое недовольство, доходившее иногда до ожесточенія. Такъ, слухъ о намѣреніи императора присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ губерній, произвелъ одинаковое волненіе и въ крайнихъ консерваторахъ, какъ Карамзинъ, и въ людяхъ умѣренныхъ, какъ Энгельгардтъ, и въ крайнихъ либералахъ, какъ нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, у которыхъ этотъ слухъ порождалъ самыя отчаянныя намѣренія. Съ другой стороны, польская конституція производила неудовольствіе, которое предвидѣли уже совѣтники императора на вѣнскомъ конгрессѣ,—именно, что русскимъ непріятно было видѣть конституціонный порядокъ въ странѣ, которую не безъ основанія считали завоеванной, между тѣмъ, какъ сама Россія не получала ничего подобнаго. Это казалось вопіющимъ оскорбленіемъ національнаго достоинства [1]).

Внѣшняя политика также начинала возбуждать неудовольствія. Священный Союзъ въ самомъ началѣ внушалъ опасенія своимъ мистицизмомъ и неопредѣленными ссылками на патріархальные принципы, которые легко могли перейти въ реакцію и деспотизмъ [2]).

Всѣ эти вещи начинали теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде занимать общественное мнѣніе, и либералы, изъ среды которыхъ собирались члены тайныхъ обществъ, были наиболѣе дѣятельные представители этого общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ усиленномъ интересѣ къ политическимъ и общественнымъ предметамъ собственно и состояло первое дѣйствіе тайныхъ обществъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно судить по скудному матеріалу, который доставляютъ извѣстныя до сихъ поръ оффиціальныя данныя и немногія свидѣтельства современниковъ, дѣятельность тай-

---

тить, что неистовства можно было узнать и раньше: средства на это также были — стоило прислушаться къ общественному мнѣнію.

[1]) Такъ полагалъ и Ростопчинъ, о которомъ разсказываетъ Фарнгагенъ, видѣвшій его въ 1817 г.: «Ростопчинъ приходилъ въ негодованіе при мысли, что побѣжденный полякъ будетъ имѣть то, въ чемъ отказано побѣдившему русскому,—и еслибы еще это была только мишура, говорилъ онъ, которую жалуютъ въ знакъ милости!» Самъ онъ, конечно, никакихъ конституцій не желалъ: «онъ не могъ понять, какимъ образомъ можно раздѣлять власть: онъ всегда считалъ ее за нѣчто единое и думалъ, что съ ней всего легче управляться (am leichtesten fertig zu werden), у кого бы ни была эта власть — у самого государя, или у министра, или у метрессы». Denkwürd. III, 395.

[2]) Такъ думала не одна либеральная молодежь. Ср. отзывы о Священномъ Союзѣ въ письмахъ Сперанскаго, Р. Арх. 1867, стр. 444—454; 1870, стр. 188.

Digitized by Google

ныхъ обществъ въ первые годы не представляетъ, собственно говоря, чего-нибудь правильнаго и организованнаго, какихъ-нибудь прямо поставленныхъ цѣлей, къ которымъ бы члены общества стремились по опредѣленному плану, съ извѣстной дисциплиной. Въ запискахъ современниковъ, уже за это время не разъ встрѣчаются отзывы членовъ, или жалобы ихъ, что общество «ничего не дѣлаетъ», что оно «дремлетъ» и т. п. Эти выраженія были, вѣроятно, справедливы въ томъ отношеніи, что общество, устроивши свое формальное основаніе, въ глазахъ самихъ членовъ не представляло никакой систематической и замѣтной дѣятельности для своей цѣли: общество составляло свой уставъ, учреждало свою іерархію, принимало новыхъ членовъ, но затѣмъ, какъ общество, не могло дѣлать ничего иного, кромѣ того, что по прежнему продолжало развивать свои общественно-политическіе взгляды и сводить свои счеты съ дѣйствительностью практической жизни и господствующаго порядка вещей. Оно становилось школой общественнаго мнѣнія, школой, оказывавшей свое вліяніе на умы и въ этомъ отношеніи очень дѣйствительной; но при всемъ томъ оно могло не удовлетворять людей, которые въ пылу своихъ надеждъ ожидали отъ него прямого вмѣшательства въ эту жизнь въ силу его идей, ожидали отъ него практическихъ дѣйствій и борьбы. Къ этому не представлялось возможности, и члены жаловались, что оно «дремлетъ».

Мы указывали выше, словами самихъ современниковъ, съ какими впечатлѣніями возвращалось молодое поколѣніе изъ-за границы и какое вообще было его настроеніе по окончаніи войнъ. Мы перескажемъ теперь, ихъ же словами, съ какими мыслями они обращались къ русской дѣйствительности, какимъ образомъ ихъ первыя впечатлѣнія были уже приготовленіемъ къ движенію тайныхъ обществъ, съ какими побужденіями они вступали впервые въ тайный союзъ. Пока еще не было никакихъ обществъ, ихъ темы были уже готовы. «Въ бесѣдахъ нашихъ, — говоритъ одинъ современникъ, — обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что́ называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, — бо́льшею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться которагонибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего». Тотъ же авторъ пишетъ

Digitized by Google

о другомъ случаѣ: «Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣнія молодежи, что для этого лучшимъ средствомъ — учредить тайное общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ бо́льшею увѣренностью и рѣшимостью». Когда, послѣ первыхъ попытокъ основать тайное общество, изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, то пока устроено было временное тайное общество подъ названіемъ военнаго, — цѣлью котораго было только распространеніе общества и соединеніе единомыслящихъ людей. «У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому не мудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ (гдѣ жилъ тогда дворъ и стояла гвардія), или поступили въ военное общество, или по единомыслію сочувствовали членамъ его» [1]).

Другой современникъ, И. И. Пущинъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что еще будучи лицеистомъ, онъ посѣщалъ кружокъ, въ которомъ собирались Александръ и Михаилъ [2]) Муравьевы, Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Это былъ именно кружокъ, изъ котораго въ это самое время образовалось первое тайное общество. «Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, — говоритъ Пущинъ, — о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Въ заключеніе Бурцовъ принялъ его въ тайное общество. «Эта высокая цѣль жизни, — продолжаетъ Пущинъ, — самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей, рѣзко и глубоко проникла душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе».

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 8, 10, 13. — Ср. Зап. Оболенскаго, стр. 4.

[2]) Впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта, въ недавніе годы знаменитый своею дѣятельностью въ западномъ краѣ.

Digitized by Google

Третій современникъ, Н. И. Тургеневъ, вступилъ въ общество въ концѣ 1819 года; его впечатлѣнія не были такія юношескія, какъ у Пушкина, тѣмъ не менѣе и онъ вступилъ въ общество, о чемъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ концѣ 1819 года пришелъ ко мнѣ однажды князь Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ большія предварительныя объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ узнать обо мнѣ и моихъ мнѣніяхъ, онъ нашелъ нужнымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ мнѣ при этомъ представилъ: это былъ уставъ Союза Благоденствія, о которомъ говоритъ «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что онъ только-что передъ тѣмъ сдѣлалъ тоже предложеніе одному поэту, съ которымъ я былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; но тотъ отказался [1]). Надо замѣтить, что кн. Трубецкой и съ этимъ поэтомъ былъ также незнакомъ, какъ со мной. Онъ велъ свою пропаганду съ такой откровенностью и простодушіемъ, которыя по крайней мѣрѣ доказывали, что въ его намѣреніяхъ не было ничего особенно опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ. Общество ставило себѣ цѣлью общественное благо. Члены должны были раздѣляться на различные классы или отдѣлы, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься народнымъ образованіемъ, другой — юстиціей, третій—политической экономіей и финансами, и проч. Въ цѣломъ, какъ и въ различныхъ частяхъ этого проекта шла рѣчь только о теоріяхъ; намѣренія дѣйствовать, производить перемѣны въ государствѣ, не сказывалось нигдѣ. Такой планъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго». Авторъ не думалъ, чтобы какое-нибудь общество могло дать въ Россіи необходимыя средства для предполагавшейся цѣли; для этого были бы нужны серьезные писатели, люди, знающіе теорію и практику дѣлъ,— а такихъ людей совсѣмъ не было въ Россіи; наконецъ, и здѣсь автора печально поражало, что при всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ не было вовсе рѣчи объ уничтоженіи крѣпостного права. «Вообще, принятый планъ обличалъ недостатокъ опытности, зрѣ-

---

[1]) Поэтъ, котораго авторъ не хотѣлъ называть, былъ, вѣроятно, Жуковскій, и къ этому предложенію можетъ относиться разсказъ, находящійся въ запискахъ кн. Трубецкого. Упомянувъ о составленіи устава Союза Благоденствія, кн. Трубецкой говоритъ: «Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что къ несчастію онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы» (Зап. Труб., стр. 80).

Digitized by Google

лости, даже нѣкоторое ребячество, которое мнѣ не нравилось. Тѣмъ не менѣе, я не думалъ, что мнѣ надо послѣдовать примѣру моего друга, поэта. Я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону мелкія формальныя соображенія, не устрашаться личныхъ неудобствъ и даже опасностей, еслибы онѣ встрѣтились, чтобы содѣйствовать, по своимъ средствамъ, всякому полезному и нравственному дѣлу. Указанный мною пробѣлъ, быть можетъ, содѣйствовалъ моему рѣшенію, потому что я тотчасъ возъимѣлъ мысль привлечь вниманіе общества на крѣпостной вопросъ. Я немедленно сказалъ это своему собесѣднику, и убѣдившись изъ его словъ, что онъ и его друзья одушевлены самыми лучшими намѣреніями относительно несчастныхъ крестьянъ, я почувствовалъ, что въ мою душу проникаетъ сладкая надежда, что подвинется впередъ дѣло, составлявшее постоянный предметъ моихъ мыслей».

Авторъ объясняетъ, что, впрочемъ, онъ всегда чувствовалъ неохоту къ тайнымъ обществамъ, — не потому собственно, что они тайныя, а потому, что они вообще недѣйствительны и не могутъ достигать предполагаемыхъ ими цѣлей.

«Надо сказать однако, — продолжаетъ онъ, говоря о тогдашнемъ положеніи русскаго общества, — что тайныя общества, быть можетъ, неизбѣжны въ странѣ, какъ Россія. Только тотъ, кто жилъ въ ней, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лицъ, которыя его составляютъ. Только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и обо всякихъ предметахъ. Нашъ языкъ, который при всемъ богатствѣ и красотѣ своей, носитъ на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго устройства страны, этотъ языкъ, казалось намъ, легко служилъ для выраженія истины, идей свободы и человѣческаго достоинства; онъ облагораживался, выражая возвышенныя и благородныя понятія.

«Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Еслибы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ

Digitized by Google

разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее.... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить, то это въ особенности было въ эти рѣдкія минуты бесѣдъ съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастію имъ подобныхъ.

«Что касается до того, какъ могли говорить въ публикѣ люди, принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ, то удивительно ли, что начавъ свободно мыслить, они такъ же и говорили? Но люди, говорившіе такимъ образомъ, выражались вообще съ достоинствомъ, хотя и не опасаясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометтировать себя передъ начальствомъ. Они такъ же стали бы и писать, еслибы это было имъ позволено. Они ли виноваты, если въ глазахъ людей извращенныхъ и огрубѣлыхъ, принципы нравственности казались разрушительными и дерзкими вызовами?...» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, заговора никакого не было, потому что вся дѣятельность общества состояла въ этихъ искреннихъ бесѣдахъ, которыя сами по себѣ были новы и на первое время поглощали собой это возбужденіе умовъ. Притомъ, общество, размножаясь, вовсе не представляло одного тѣсно связаннаго цѣлаго, и прежніе кружки болѣе близкихъ другъ другу людей сохранялись и теперь. Наконецъ, самая тайна общества была очень прозрачна. По разсказамъ самихъ участниковъ, ихъ бесѣды происходили на виду и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но вовсе не принадлежавшихъ къ обществу и которые даже вмѣшивались въ разговоръ. Такіе случаи разсказываютъ Тургеневъ, Пущинъ, Якушкинъ. Извѣстно, что императоръ Александръ давно зналъ имена многихъ членовъ и называлъ ихъ; онъ предполагалъ или даже зналъ о принадлежности къ обществу г. Тургенева, и тѣмъ не менѣе показывалъ ему свою благосклонность....

Итакъ, первая роль Союза Благоденствія состояла главнымъ образомъ въ чисто-нравственномъ вліяніи; «высокая цѣль» имѣла идеалистическій характеръ; общество представлялось его членамъ союзомъ, который долженъ былъ давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему благу. Уставъ давалъ имъ цѣль, къ которой они могли стремиться легальными путями.

[1]) La Russie, I, стр. 101—106.

Digitized by Google

Многіе вопросы для нихъ были уже рѣшены, другіе возникали и обсуждались въ самыхъ собраніяхъ.

Эти вопросы, хотя исходили изъ идеалистическаго увлеченія, были, однако, очень реальные вопросы; патріотизмъ членовъ общества былъ не только либеральный, но и *русскій*, въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ объ этомъ г. Свистуновъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Первые основатели общества, Муравьевы, были извѣстны какъ враги «нѣмчизны»; патріоты тайнаго общества, согласно съ общимъ настроеніемъ тогдашняго времени, возставали противъ подражаній иноземному, стремились въ жизни дать мѣсто русскому и народному — по крайней мѣрѣ какъ умѣли. Даже озлобленные ихъ противники признаютъ за ними это качество, и напр. Вигель говоритъ о г. Тургеневѣ: «онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ.... много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома». Упомянувъ, что г. Тургеневъ образовался за-границей, онъ прибавляетъ: «Хорошо, еслибъ и другіе русскіе, подобно ему, перенимали за-границей у европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы....» [1]). Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, хотя только въ нѣкоторыхъ, это были какъ будто предшественники славянофиловъ.

Большинство членовъ, почти всѣ главные руководители, были военные, и это объясняется обстоятельствами времени. Съ 1812 года все, что только могло, изъ образованнаго молодого поколѣнія шло въ военную службу; старый обычай, по которому дворянство считало военную службу своей спеціальностью, усиленъ былъ порывомъ патріотизма, — лучшее, что могло быть сдѣлано для отечества, казалось могло быть сдѣлано только въ рядахъ арміи. Событія дали этому юношеству свое воспитаніе; многіе должны были испытать впечатлѣнія войны за освобожденіе, гдѣ русскіе были желанными союзниками и помощниками въ національномъ дѣлѣ Германіи. Военное общество, сильно связывающее людей общимъ трудомъ и опасностями, и общимъ торжествомъ, должно было въ особенности помогать обмѣну понятій и усиливать впечатлѣнія. Императоръ Александръ былъ тогда чрезвычайно популяренъ въ самой Германіи; русскіе, кажется, всего больше сближались съ прусскими войсками, гдѣ національный энтузіазмъ былъ всего сильнѣе. Побѣдоносное оконча-

---

[1]) Записки. III, V, стр. 47. Такія признанія можно найти и въ другомъ источникѣ, столь же мутномъ, какъ писанія Вигеля, въ запискахъ Греча.

Digitized by Google

ніе войны завершало это сближеніе. Въ результатѣ, къ двадцатымъ годамъ военное общество—чего никогда не было ни прежде, ни послѣ — заключало въ себѣ лучшихъ представителей такъ-называемой интеллигенціи. Мы упоминали выше, какъ однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которыхъ оказалось вліяніе новыхъ понятій, стала военная дисциплина. Это обнаружилось еще до образованія тайныхъ обществъ; забота о смягченіи военныхъ нравовъ и образованіи солдатъ входила уже въ кругъ масонской филантропіи; теперь это продолжалось и въ видѣ исполненія программы тайныхъ обществъ. Члены общества уже здѣсь встрѣтились съ препятствіями, которыя ставила подозрительность высшихъ властей, но это не остановило ихъ усилій, исходившихъ изъ искренняго и теплаго убѣжденія.

«Несомнѣнно,—разсказываетъ г. Тургеневъ,—что по возвращеніи русскихъ войскъ домой, военная дисциплина стала нѣсколько измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже; въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени. Русскій корпусъ, оставшійся во Франціи какъ часть оккупаціонной арміи, доказалъ самымъ невѣрующимъ, что частыя палочныя наказанія вовсе не нужны для образованія красивыхъ и хорошихъ войскъ. Мягкій характеръ и образованность главнаго начальника этого корпуса [1]), также какъ ревностныя старанія нѣсколькихъ лицъ его штаба, ввели благотворныя реформы не только въ самой военной дисциплинѣ, но и въ исправительномъ и уголовномъ производствѣ военныхъ судовъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что тѣлесныя наказанія, которыхъ уничтожить совсѣмъ начальники не имѣли власти, были въ русскомъ корпусѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ англійскомъ. Друзья цивилизаціи желали, чтобъ этотъ корпусъ, по возвращеніи въ Россію, сохранилъ свою цѣлость, чтобы послужить образцомъ преобразованій, какія бы слѣдовало ввести въ остальной арміи. Но нѣкоторыя высокопоставленныя лица военной іерархіи считали эти полки зараженными либерализмомъ: по возвращеніи домой, они были раздѣлены и бо́льшая часть немедленно послана на Кавказъ, чтобы быть тамъ уничтоженными....» [2])

---

[1]) Этимъ начальникомъ былъ графъ М. С. Воронцовъ. См. отчетъ его императору Александру по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, кн. 4, стр. 67—76 (или 51—60). Въ Военномъ Сборникѣ, 1859, т. VII, стр. 75—78, напечатаны любопытныя «Наставленія, данныя графомъ, М. С. Воронцовымъ гг. офицерамъ 12-й пѣхотной дивизіи» (въ іюнѣ 1815), гдѣ онъ внушаетъ офицерамъ чувство военной чести, уваженіе къ своему званію, товарищество и т. п.

[2]) La Russie, II, стр. 514—515. Въ другомъ мѣстѣ авторъ указываетъ, что Кав-

Digitized by Google

Тоже дѣлалось и въ войскахъ, находившихся въ Россіи. Съ заботами о смягченіи дисциплины и облегченіи жизни солдатъ, соединялись столько же ревностныя заботы объ ихъ нравственномъ воспитаніи; мы говорили выше объ основаніи въ войскахъ ланкастерскихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и для самихъ солдатъ. Все это уже вскорѣ стало обнаруживать свое вліяніе; матеріальныя улучшенія, нѣкоторое обученіе и уваженіе человѣческаго достоинства въ солдатѣ со стороны ближайшихъ властей дѣйствовали самымъ благотворнымъ образомъ. Извѣстно, какъ въ этомъ отношеніи отличался любимый полкъ имп. Александра, семеновскій, который, по единогласнымъ разсказамъ современниковъ, представлялъ замѣчательный примѣръ нравственнаго развитія, гдѣ съ точнымъ исполненіемъ службы соединялась большая порядочность нравовъ и даже извѣстное чувство гражданскаго достоинства.

Членамъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи оставалось только продолжать начатое, и они во многихъ случаяхъ дѣйствовали съ чрезвычайной ревностью. Въ семеновскомъ полку многіе офицеры были дѣятельнѣйшими членами общества. Тоже было и во многихъ другихъ полкахъ. Такъ современники разсказываютъ о М. фонъ-Визинѣ, впослѣдствіи одномъ изъ декабристовъ, который въ то время командовалъ полкомъ. Когда ему дали другой полкъ, возбудившій неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки,—«фонъ-Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-й егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ фонъ-Визину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ». Въ такомъ же родѣ поступалъ извѣстный генералъ гр. Мих. Ѳед. Орловъ, также принадлежавшій къ тайному обществу. «Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ». Потомъ, командуя дивизіей во 2-й арміи, онъ въ Кишиневѣ опять завелъ училища для солдатъ, которыя поручилъ надзору капитана Раевскаго, также члена тайнаго общества [1]). Эти нововведенія были и полезны, и безопасны, но люди стараго по-

---

казъ вообще дѣйствовалъ на войска истребительно, не только войной, но главное, климатомъ и матеріальными условіями.

[1]) Зап. Якушкина. стр. 12, 49.

Digitized by Google

кроя смотрѣли на нихъ очень недружелюбно и подозрительно, и извѣстно, какъ трагически кончилось существованіе стараго семеновскаго полка, когда на немъ разразилось столкновеніе этихъ нововведеній со старыми порядками.

Крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что императору все еще приписывалось намѣреніе освободить крестьянъ, на дѣлѣ почти не двигался впередъ. Въ обществѣ, тѣмъ не менѣе, созрѣвало сознаніе необходимости освобожденія, какъ по требованіямъ человѣческаго и національнаго достоинства, такъ и по требованіямъ экономическимъ; были уже люди, понимавшіе недостаточность, пустоту или лицемѣріе той филантропіи, которая желала «улучшить участь» крестьянъ посредствомъ ограниченія худшихъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но вовсе не желала дѣйствительнаго освобожденія. Къ такому болѣе прочному освобожденію направленъ былъ планъ, представленный имп. Александру гр. Воронцовымъ и кн. Меншиковымъ; императоръ сначала взглянулъ на дѣло очень благопріятно, но при второмъ разговорѣ объ этомъ съ однимъ изъ авторовъ проекта, онъ отнесся къ нему такъ холодно, что проектъ былъ брошенъ. Неизвѣстно, что̀ заставило императора измѣнить свое мнѣніе, но очень возможно, что и въ этомъ случаѣ онъ не рѣшился идти противъ мнѣній, господствующихъ въ большинствѣ, которыя, конечно, по прежнему были враждебны всякой мысли объ освобожденіи. Г. Тургеневъ думаетъ однако, что имп. Александръ искренно желалъ освобожденія, и въ доказательство приводитъ то, что въ государственномъ совѣтѣ, въ спорныхъ дѣлахъ между крестьянами и помѣщиками, сторону первыхъ—по придворнымъ разсчетамъ—брали даже люди, вовсе не особенно либеральные, и указываетъ примѣръ кн. Куракина. «Если-бы можно было подвергнуть сомнѣнію искренность желанія Александра уничтожить рабство въ своей имперіи, то довольно было бы примѣра этого придворнаго, который всегда подавалъ голосъ въ пользу освобожденія (т.-е. освобожденія крестьянъ, искавшихъ воли отъ помѣщика), противъ своей совѣсти; этого примѣра было бы довольно, чтобъ разсѣять всякое недоумѣніе объ этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ членовъ департамента, кн. Куракинъ... былъ всѣхъ дальше отъ какихъ-нибудь либеральныхъ идей, но придворный бралъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ» [1]).

Въ другихъ случаяхъ самъ императоръ бралъ иниціативу въ этомъ дѣлѣ, какъ напр. въ вопросѣ о продажѣ крестьянъ по одиночкѣ и безъ земли. Въ этомъ дѣлѣ положеніе крестьянскаго

[1]) La Russie, I, 159—160.

Digitized by Google

вопроса обнаруживается довольно характеристично. Государственный совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе этого предмета коммиссіи составленія законовъ, которая вслѣдствіе того представила въ совѣтъ «проектъ закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли». Этотъ проектъ былъ составленъ А. И. и Н. И. Тургеневыми. Въ департаментѣ законовъ госуд. совѣта этотъ проектъ вызвалъ ожесточенныя возраженія Шишкова, который нашелъ въ оффиціальной бумагѣ коммиссіи поводъ къ обличенію революціонныхъ замысловъ, конечно приписывая ихъ составителямъ проекта. «Въ то время, — писалъ онъ, — когда мы слышимъ и видимъ (въ октябрѣ 1820), что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина, не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуду сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ, кажется, что есть-либъ и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?» [1]).

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что на это они (т.-е. онъ и его братъ) отвѣчали въ запискѣ, составленной отъ имени коммиссіи, что предложенныя въ проектѣ закона перемѣны требовались самой необходимостью, темнотой и неясностью существующаго законодательства; что эти перемѣны не имѣютъ и не

---

[1]) Не лишне замѣтить при этомъ, что это дѣло началось (или продолжалось) по поводу записки петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что по принесеннымъ ему жалобамъ слѣдствіе открыло: 1) что помѣщикъ Лупандинъ продалъ разнымъ лицамъ по одиночкѣ отъ крестьянскихъ семей вдовъ 3, дѣвокъ 17, а одну подарилъ; продажу этихъ дѣвокъ и женщинъ производилъ подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ его людей; 2) что отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиначкѣ малолѣтнихъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства; 3) что статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой дворовато человѣка съ женой и малолѣтней дочерью, а старшую дочь оставила у себя, и т. д. По мнѣнію Шишкова выходитъ, что Десница хранитъ подвиги Лупандина, Раздеришина и проч.!

Digitized by Google

могутъ имѣть никакой связи съ политическими революціями, которыя обнаруживались тогда въ Европѣ, и этой мысли въ особенности нельзя было бы заимствовать отъ тѣхъ странъ, волненіе которыхъ привлекало въ то время общее вниманіе, потому что Испанія, и даже Неаполь вовсе не отличаются ни школами, ни образованіемъ.

Дѣло затянулось. Кочубей, тогда предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ и завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что считаетъ необходимымъ новое разсмотрѣніе проекта въ министерствѣ; замѣтили, кажется, что императоръ пересталъ думать объ этомъ предметѣ, и дѣло кануло....

«Этотъ примѣръ—говоритъ г. Тургеневъ—достаточно показываетъ, по какой почвѣ шли тогда въ Россіи люди, которые, даже съ согласія абсолютнаго правительства, требовали самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, лишенныхъ всякаго покровительства закона; онъ показываетъ, какимъ подозрѣніямъ, какимъ обвиненіямъ надо было подвергаться, желая принести какое-нибудь облегченіе ужасной участи крѣпостныхъ. Какъ видимъ, личное мнѣніе императора Александра было не въ силахъ предохранить отъ самыхъ безсмысленныхъ нападеній даже тѣхъ людей, которые дѣйствовали сообразно съ его собственными намѣреніями....

«И однако-же—продолжаетъ онъ—графъ Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ-нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ, долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столько-же безсильныя и безплодныя, сколько они были мало серьезны. Я припоминаю, что послѣ прочтенія протокола совѣтскаго засѣданія, гдѣ приведены были мнѣніе императора о продажѣ людей безъ земли (онъ не зналъ объ ея существованіи) и справки, опровергавшія его мнѣніе, графъ Кочубей подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ полу-горькой, полу-насмѣшливой улыбкой: «Подумайте же, что императоръ убѣжденъ, что въ его государствѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь!»

«Что сказать, когда мы вспомнимъ, что противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ человѣческая плоть продавалась отъ времени до времени по рѣшеніямъ властей! Когда продаются имѣнія за долги, то если у несостоятельнаго должника были крѣпостные, эти крѣпостные необходимо продаются съ аукціона, какъ вся другая его собственность. Около того времени, о которомъ мы говоримъ, одна старуха была отдана

Digitized by Google

такимъ образомъ за два рубля съ полтиной, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по одиночкѣ давно запрещена! Этого примѣра довольно, чтобы показать, въ какой невѣдѣніи остаются абсолютные монархи обо всемъ, что совершается вокругъ нихъ!» [1])

Къ этому невѣдѣнію присоединялось другое обстоятельство. Г. Тургеневъ винилъ Кочубея въ равнодушіи къ истиннымъ причинамъ бѣдствій Россіи, и этотъ упрекъ онъ распространялъ почти на всѣхъ образованныхъ людей, не дѣлавшихъ никакихъ усилій для улучшенія хода вещей. «Но можетъ быть,—прибавляетъ онъ—эти люди, которыхъ я обвинялъ въ равнодушіи ко благу страны, на опытѣ убѣдились, что никакія улучшенія невозможны, и именно поэтому осуждали себя на бездѣйствіе въ виду той чудовищной массы несправедливостей и лжи, стараясь только не увеличивать зла, котораго они были не въ силахъ уничтожить» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сказать того же о Сперанскомъ, Новосильцевѣ и многихъ другихъ, которые питали нѣкогда надежды на измѣненіе господствовавшаго порядка вещей, а потомъ равнодушно съ нимъ мирились?

Тогдашнія мнѣнія г. Тургенева о крѣпостномъ правѣ были вообще и мнѣнія тайнаго общества. Еще раньше этого г. Тургеневъ вообще старался дѣлать все, что могъ для распространенія мысли объ освобожденіи: онъ говорилъ объ этомъ въ своей извѣстной книгѣ («Опытъ теоріи налоговъ», 1818), онъ ревностно защищалъ крестьянскія дѣла въ своей служебной дѣятельности, онъ разъяснялъ необходимость освобожденія членамъ тайнаго общества. Въ декабрѣ 1819 г. онъ написалъ записку о крестьянскомъ вопросѣ, которая дошла до Александра (и повидимому для него именно предназначалась) и которая можетъ служить образчикомъ взглядовъ на этотъ предметъ, вообще распространенныхъ въ либеральномъ кругу и въ тайномъ обществѣ [3]).

Г. Тургеневъ въ тѣ времена считался совершеннымъ революціонеромъ по его мнѣніямъ о крестьянскомъ вопросѣ; на дѣлѣ, его записка вовсе не представляетъ какихъ-нибудь радикальныхъ требованій. Напротивъ, авторъ зналъ, что онъ встрѣтится съ мнѣніями чрезвычайно нерѣшительными, боязливыми, и въ практической постановкѣ вопроса, говоря о томъ возможномъ, что могло быть сдѣлано въ данныхъ условіяхъ, онъ высказы-

---

[1]) La Russie, II, стр. 107—110, 197—202, 207—226. Мнѣніе Шишкова объ указанномъ выше дѣлѣ приводится вполнѣ въ запискахъ послѣдняго.

[2]) Тамъ же, II, стр. 276.

[3]) Записка эта напечатана въ книгѣ La Russie, II, стр. 471—450.

Digitized by Google

ваетъ самыя умѣренныя желанія,—хотя сущность дѣла старается указать во всей полнотѣ. Крестьянскій вопросъ кажется ему столь краеугольнымъ, что безъ его рѣшенія, хотя бы предварительнаго, онъ не считаетъ полезнымъ самое расширеніе политическихъ правъ для свободныхъ сословій—обстоятельство, которое обходилось обыкновенно въ конституціонныхъ планахъ Александра [1]).

«Вообще говорятъ (такъ начинаетъ г. Тургеневъ), что Россія дѣлаетъ успѣхи въ просвѣщеніи.

«Но въ чемъ состоитъ просвѣщеніе? Оно состоитъ въ томъ, чтобы знать свои права и свои обязанности. Мы увидимъ дальше, до какой мы дошли степени просвѣщенія, понимаемаго въ этомъ смыслѣ.

«Права бываютъ различны: есть права гражданскія и права политическія. Дворянство, купцы, мѣщане и даже вольные хлѣбопашцы имѣютъ гражданскія права; два первыя сословія пользуются даже нѣкоторыми правами политическими.

«Должно ли желать расширенія этихъ политическихъ правъ?

«Чтобы добросовѣстно рѣшить этотъ вопросъ, надо вспомнить, что въ Россіи есть милліоны человѣческихъ существъ, которыя не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія было бы противно интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь-же несправедливаго, какъ и безполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы.

«Нынѣшнее правительство отличается въ нашихъ лѣтопи-

---

[1]) Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что въ этомъ ему приходилось спорить даже съ либералами, желавшими конституціонныхъ учрежденій. «Когда я замѣчалъ у людей, съ которыми говорилъ, желаніе освобожденія политическаго безъ освобожденія крѣпостныхъ, мной овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать, что я защищаю абсолютную власть. Это рѣдко случалось въ разговорахъ съ молодыми людьми, которыхъ я всегда успѣвалъ убѣждать; но съ людьми немолодыми, стоящими на верху пирамиды, и которые, будучи болѣе или менѣе напитаны аристократическими идеями, мечтали прежде всего о палатѣ перовъ и пр., споръ дѣлался упорнымъ, даже ожесточеннымъ, и тогда въ особенности мнѣ приходилось восхвалять тѣ выгоды, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право». (La Russie, I, стр. 110). Мы видѣли прежде, что этимъ недостаткомъ, противъ котораго спорилъ г. Тургеневъ, страдаютъ обѣ конституціи, Сперанскаго и Новосильцова, въ которыхъ крестьянскій вопросъ обойденъ. На сторонѣ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ стоялъ даже извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.

Digitized by Google

сяхъ тѣмъ, что оно больше всѣхъ прежнихъ правительствъ думало объ участи земледѣльцевъ. Оно отказалось отъ обычая награждать слугъ государства давая имъ, вмѣстѣ съ землями, людей, живущихъ на этихъ земляхъ; оно произвело освобожденіе въ Балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія доставляютъ ему величайшую честь.

«Но должно ли довольствоваться этими благодѣяніями и покинуть всякую надежду, что за этими благодѣяніями послѣдуютъ другія? Довольно ли этого, чтобы вознаградить бѣдствія, какія переносили и еще переносятъ милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

«Конечно, нѣтъ! Наше довѣріе къ божественной правдѣ, къ мудрости просвѣщеннаго и благожелательнаго правительства, заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи радостный день, когда ея дѣти, вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, всѣ будутъ принадлежать отечеству, одному отечеству.

«Отъ этого отраднаго будущаго, которое, однако, быть можетъ, еще очень далеко отъ насъ, возвратимся къ печальной дѣйствительности настоящаго»...

И авторъ рисуетъ картину положенія крестьянъ разныхъ разрядовъ, доказываетъ необходимость освобожденія, по видамъ человѣколюбія и государственной пользы, указываетъ неизбѣжность дикаго произвола помѣщичьей власти, невозможность его подавленія существующими средствами управленія, наконецъ необходимость для самого правительства взять на себя иниціативу реформы. Съ своей стороны онъ указываетъ сначала наиболѣе вопіющія и чудовищныя злоупотребленія, которыя прежде всего требовали бы вниманія, и предлагаетъ мѣры по тремъ предметамъ: — для ограниченія чрезмѣрнаго труда крѣпостныхъ крестьянъ; для прекращенія продажи людей отдѣльно отъ земли, и даже отдѣльно отъ семейства, и мѣры противъ дурного обращенія съ крестьянами. Затѣмъ, онъ говоритъ о необходимости другихъ общихъ мѣръ для болѣе прочнаго улучшенія участи крестьянъ, и для этого предлагаетъ расширеніе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, или изданіе новаго, болѣе полнаго и откровеннаго закона, который облегчилъ бы договоры между помѣщиками и крестьянами и переходъ послѣднихъ въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ; также предоставленіе крестьянамъ права свободной перемѣны мѣста жительства. Въ послѣднихъ словахъ записки онъ говоритъ:

«Въ заключеніе, не можемъ не сказать о томъ, какъ тяжело поражаетъ насъ участь, которую вѣка дали русскому народу. У другихъ народовъ, рабство было слѣдствіемъ завоеванія; когда

Digitized by Google

варвары сдѣлали нашествіе на Европу, они воспользовались правомъ сильнаго, и побѣжденныхъ сдѣлали рабами. Въ Россіи, татары покорили нашихъ свободныхъ предковъ; русскій народъ, благодаря продолжительнымъ усиліямъ, успѣлъ, наконецъ, свергнуть это унизительное иго: послѣ освобожденія, какъ и до покоренія, рабство оставалось ему неизвѣстно. И только въ ту эпоху, когда начало развиваться могущество Россіи, нѣкоторые изъ ея государей, повинуясь роковому заблужденію, положили основаніе, на которомъ впослѣдствіи должно было утвердиться крѣпостное право. Что же оказалось тогда? Татары, которыхъ мы въ свою очередь побѣдили, остались лично свободны; многіе изъ нихъ вскорѣ сдѣлались дворянами, между тѣмъ какъ наибольшая часть побѣдителей, т.-е. настоящаго русскаго народа, стали крѣпостными. Потомъ, множество иноземцевъ, пришедшихъ изъ Европы и Азіи, явилось въ рядахъ дворянства, захватило титулы и почести, а дѣти Россіи продолжаютъ влачить свои цѣпи».

Эта новая черта, до тѣхъ поръ кажется еще не указанная, дѣлала крестьянскій вопросъ и вопросомъ народности.

Какъ видимъ, во всемъ этомъ не было ничего особенно революціоннаго. Мысль объ освобожденіи крестьянъ стала одной изъ господствующихъ въ тайномъ обществѣ, члены котораго дѣлали и практическія попытки освобожденія въ своихъ имѣніяхъ. Опыты были не всегда удачны (напр. Якушкина, который разсказываетъ о нихъ въ своихъ Запискахъ), отчасти и отъ самой новости предмета; но по крайней мѣрѣ важность вопроса была глубоко почувствована, и сближеніе съ крестьянами, вниманіе къ ихъ интересу указали и настоящій, единственный способъ рѣшенія вопроса—освобожденіе съ землей [1]). Члены общества близко принимали къ сердцу бѣдствія крѣпостного населенія; такъ ихъ иниціатива много помогла во время голода въ Смоленской губерніи, въ 1820 и 1821 г. Вліяніе новыхъ понятій распространялось и на людей, вовсе не принадлежавшихъ къ обществу [2]); другіе, и прежде благопріятно расположенные къ

[1]) Ср. Зап. Якушкина, стр. 21, 31—39 Зап. Трубецкого, 79.

[2]) По разсказу Якушкина,—«Л—ы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей—, дѣйствующихъ въ смыслѣ тайнаго общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи». Другими словами, мнѣнія тайнаго общества въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, вовсе не составляли его специфической принадлежности, а напротивъ были очень распространены вообще между образованными людьми, на которыхъ время оказывало вліяніе.

Digitized by Google

рестьянамъ, по вступленіи въ общество еще усиливали свою ревность и свои заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ— потому что личныя усилія подкрѣплялись теперь сознаніемъ принципа и чувствомъ солидарности. Характеристическій примѣръ такой ревности представилъ Пассекъ. «Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ; но съ этихъ поръ (со вступленія въ тайное общество) онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ «о правахъ и обязанностяхъ гражданина», изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ между прочими правами, предоставлены были въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу.... Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу онъ употреблялъ усиленныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячъ...; за то уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось»....[1]). Н. И. Тургеневъ освободилъ своихъ крестьянъ.

Въ числѣ правилъ, принятыхъ въ уставѣ Союза Благодентвія, требовалось, чтобы члены не уклонялись отъ службы по выборамъ, и вообще отъ обязанностей общественныхъ[2]). Это нужно было для того, чтобы честнымъ исправленіемъ должностей вывесть эту службу изъ того упадка, въ которомъ она находилась, и содѣйствовать улучшенію суда и управленія примѣрами справедливости, безкорыстія и человѣколюбія. Мы мало еще знаемъ подробностей о служебной дѣятельности членовъ общества, но нѣсколько примѣровъ даютъ о ней понятіе. Выше приведены примѣры того, какъ въ этомъ отношеніи держали себя военные: они заботились о смягченіи дисциплины, обучали

[1]) Зап. Якушк. 60—65.

[2]) Прежній уставъ также говорилъ, что члены общества никакъ не должны покидать службы,—цѣль была та, чтобы впослѣдствіи ими могли быть заняты важнѣйшія гражданскія и военныя должности.

Digitized by Google

солдатъ и т. п.; полагали на это большія и искреннія усилія, тратили собственныя средства, и успѣвали достигать серьезныхъ и благотворныхъ результатовъ. Такъ трудились фонъ-Визинъ и М. Орловъ. Подобнымъ образомъ члены общества дѣйствовали въ гражданской службѣ. И. И. Пущинъ, извѣстный лицейскій другъ Пушкина, вступившій въ тайное общество тотчасъ по выходѣ изъ лицея, началъ служить въ конной артиллеріи, но вскорѣ подъ вліяніемъ этого правила общества оставилъ военную службу и поступилъ членомъ въ московскій надворный судъ. Какъ лицеистъ, онъ могъ бы разсчитывать на гораздо болѣе видную карьеру, и переходъ его въ гражданскую службу бросался тогда въ глаза своей необычностью. Пущинъ разсказываетъ въ Запискахъ своихъ анекдотъ, показывающій, какъ было это ново въ то время.

«Князь Юсуповъ, во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!» видя на балѣ у московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ Зубкова: кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я надворный судья.

«— Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное.

«Юсуповъ не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ»[1]).

Такъ поступилъ и Рылѣевъ. Оставивши военную службу, онъ принялъ потомъ, по выборамъ, должность засѣдателя въ петербургской уголовной палатѣ. Его имя скоро пріобрѣло извѣстность; даже въ народѣ его знали, какъ правдиваго человѣка, который всегда готовъ на помощь несчастнымъ и угнетеннымъ[2]). Рылѣевъ еще не былъ членомъ общества въ то время, но эти качества, между прочимъ, вмѣстѣ съ его литературной дѣятельностью, привлекали на него вниманіе тайнаго общества, въ которое онъ и былъ принятъ Пущинымъ (кажется только в 1823 году).

Члены Союза, черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія, со ставили уже замѣтный элементъ въ общественной жизни. Либерал

[1]) Записки И. И. Пущина (Атеней, 1859, № 8, стр. 529).

[2]) См. воспоминанія Н. А. Бестужева и кн. Оболенскаго. Даже Гречъ, въ своих полицейскихъ воспоминаніяхъ объ этихъ людяхъ, говоритъ о Рылѣевѣ: «Онъ слу жилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ беззащитныхъ людей». Р. Вѣстн., 1868, № 6, стр. 377.

Digitized by Google

ныя идеи, конечно и независимо отъ Союза, значительно распространялись, и въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, вовсе не принадлежа къ нему, — какъ напр. дѣйствовалъ въ крестьянскомъ вопросѣ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рылѣевъ, до вступленія ихъ въ общество, въ литературѣ Пушкинъ. Но едва ли можно отвергать и вліяніе Союза: личный составъ его, въ которомъ было много людей изъ аристократическаго общества, опредѣленныя мнѣнія его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію ихъ образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи Союза на тогдашнее общественное мнѣніе. «Въ это время — пишетъ одинъ изъ нихъ — главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно». Указавъ на упомянутое нами улучшеніе военныхъ нравовъ, авторъ продолжаетъ: «Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ то во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ не довольствовались, какъ прежде, разсказами.... о разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что́ вокругъ ихъ дѣлалось» [1]). Такую свободу мнѣній одинъ изъ членовъ, Мих. Орловъ, хотѣлъ внести даже въ благочестивое библейское общество: «въ библейскомъ обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ» [2]); мы скажемъ дальше, что такую же рѣчь онъ произнесъ въ собраніи извѣстнаго Арзамаса, стараясь вызвать его членовъ къ какой-нибудь болѣе разумной дѣятельности, чѣмъ то ханжество, какимъ они услаждались....

Союзъ Благоденствія, или нѣкоторые изъ главныхъ его членовъ имѣли свои опредѣленныя представленія и о польскомъ вопросѣ. Конституціонныя учрежденія, введенныя императоромъ Александромъ въ Польшѣ, казались, одно время, обѣщаніемъ широкихъ государственныхъ преобразованій и для Россіи, но вообще дѣйствія и планы императора относительно Польши вовсе не вызывали сочувствія общественнаго мнѣнія, ни консервативнаго, ни либеральнаго. Такъ, не только либералы, но и консерваторы (какъ Ростопчинъ) оскорблялись тѣмъ, что побѣжден-

[1]) Зап. Якушкина, стр. 28—29.
[2]) Тамъ же, стр. 49.

Digitized by Google

ная Польша получаетъ свободныя учрежденія, въ какихъ отказывалось побѣдившей Россіи; другіе замѣчали, что конституція и въ Польшѣ на дѣлѣ нарушается; но всего больше, какъ мы упоминали прежде, общественное мнѣніе возмущалось тѣмъ предпочтеніемъ, какое императоръ вообще оказывалъ Польшѣ, и въ особенности его намѣреніемъ присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ западныхъ губерній. У насъ обыкновенно ставится въ великую заслугу Карамзину его извѣстная записка о Польшѣ 1819 года, въ которой видятъ свидѣтельство глубокомысленнаго патріотизма, находятъ прямой выводъ изъ его «глубокаго изученія исторіи» и лишнее доказательство справедливости его взглядовъ вообще. Въ запискѣ Карамзина была, безспорно, извѣстная смѣлость выраженія, хотя эта смѣлость была для него довольно безопасна, и во всякомъ случаѣ менѣе опасна, чѣмъ была бы для кого-нибудь другого. Но сущность мнѣнія Карамзина вовсе не представляетъ той исключительной проницательности, какая ему приписывается, и нисколько не оправдываетъ или не доказываетъ цѣлой системы его воззрѣній. Не нужно было исторической системы Карамзина и не нужно было его тенденцій по вопросамъ настоящаго времени, чтобы не соглашаться съ планами императора Александра относительно Польши, и даже рѣшительно отвергать ихъ. Недавно была напечатана записка, писанная тогда же и о томъ же, извѣстнымъ директоромъ царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтомъ, который также пользовался довѣріемъ императора Александра. Записка его до такой степени сходилась съ мнѣніемъ Карамзина, что императоръ спрашивалъ Энгельгардта, не прочелъ ли онъ прежде записки Карамзина: Энгельгардтъ не имѣлъ объ ней понятія. Еще раньше, въ 1817 или 1818 г., когда начали говорить о планахъ императора относительно Польши, эти толки вызывали въ либеральномъ кругу самое враждебное чувство, и когда однажды до членовъ тайнаго общества дошелъ положительный, будто бы, слухъ о томъ, что императоръ намѣренъ отдѣлить отъ Россіи нѣсколько губерній и присоединить ихъ къ Польшѣ, и вообще оказываетъ послѣдней самое явное предпочтеніе въ ущербъ Россіи, то этотъ слухъ произвелъ на многихъ членовъ тайнаго общества самое потрясающее дѣйствіе, и именно подъ впечатлѣніемъ этого слуха у одного изъ нихъ явилась мысль о покушеніи на жизнь императора [1]),—мысль, которая тутъ же была отвращена другими и оставлена лицомъ, ее возъимѣвшимъ, но ко-

[1]) Зап. Якушкина, стр. 16—19.

Digitized by Google

юрую впослѣдствіи настойчиво приписывали тайному обществу. Источникомъ этой мысли было ревнивое чувство цѣлости Россіи.

Этотъ примѣръ увлеченія, доходившаго до самой страшной крайности, показываетъ, однако, до какой сильной степени господствовало въ тайномъ обществѣ то чувство русской народной особности и патріотизма, которое въ данномъ случаѣ хотятъ аккапарировать для Карамзина, и которое вообще хотѣли отвергать у тогдашняго либеральнаго кружка [1]). Можно осуждать ихъ политическую дѣятельность, но надо отдать справедливость тѣмъ качествамъ, какія у нихъ несомнѣнно были, и въ числѣ этихъ качествъ было именно сильное чувство народности—въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Что дѣлалось тѣмъ временемъ въ литературѣ?

Движеніе, происходившее въ общественныхъ понятіяхъ, отразилось и въ литературѣ, и роль тайнаго общества въ этомъ отношеніи была почти такова же: вообще Союзъ не создавалъ движенія, а былъ только сильнѣйшимъ его выраженіемъ, здѣсь онъ также не былъ виновникомъ распространявшагося свободомыслія. Литература сама по себѣ есть дѣятельность слишкомъ открытая вполнѣ подчиненная ея собственнымъ условіямъ, чтобы литературное движеніе можно было приписывать какому-нибудь тайному плану и заговору. Но Союзъ стоялъ подлѣ этой литературы, нѣкоторые изъ его членовъ дѣйствовали въ ней, и такимъ только образомъ можно сказать, что онъ хотѣлъ пользоваться литературой для своихъ цѣлей: желать «распространенія политическихъ знаній»—можно было, нисколько не принадлежа къ тайному обществу; «стараться овладѣть мнѣніемъ публики» — объ этомъ старается всякій, кто только вступаетъ на литературную дѣятельность; относительно сочиненія «возмутительныхъ пѣсенъ» говорили, что нельзя сказать утвердительно, были ли онѣ сочинены по предписаніямъ тайнаго общества—но положительно извѣстно, что многія возмутительныя стихотворенія этого времени были именно сочинены безъ всякихъ предписаній тайнаго общества, людьми, вовсе къ нему не принадлежавшими. Самыя распространенныя и самыя талантливыя изъ такихъ стихотвореній принадлежали Пушкину, который никогда не былъ членомъ Союза благоденствія. Первыя стихотворенія Рылѣева, доставившія ему

---

[1]) Въ этомъ случаѣ мы, между прочимъ, имѣемъ въ виду напечатанный недавно листокъ изъ записокъ Греча. Его низменныя и пошлыя обвиненія противъ этихъ людей переходятъ всякую мѣру приличія.

Digitized by Google

обширную извѣстность своей гражданской смѣлостью (какъ извѣстное стихотвореніе «Къ временщику», 1820), написаны и напечатаны были тогда, когда Рылѣевъ еще не принадлежалъ къ тайному обществу.

Такимъ образомъ, устраняя вопросъ о мнимомъ направленіи литературы въ революціонномъ смыслѣ «по предписаніямъ тайнаго общества», мы должны остановиться только на отношеніяхъ отдѣльныхъ его членовъ къ литературному движенію за первые годы существованія тайнаго общества. Многіе изъ его членовъ были сами писателями или принадлежали къ литературнымъ кружкамъ; они не двигали литературой, но въ ней также выразилось направленіе ихъ понятій, и ихъ взгляды принадлежали къ лучшимъ проявленіямъ общественной мысли, какія она тогда представляла.

Въ литературѣ къ этому времени начинаютъ складываться болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде, кружки и начинаютъ яснѣе выражаться общественныя направленія. Это было въ особенности время обществъ и кружковъ: желаніе дѣйствовать совмѣстно и собрать однородныя силы, желаніе болѣе отчетливо опредѣлить цѣль этой собирательной дѣятельности было уже извѣстнымъ успѣхомъ, потому что этимъ выяснялись существующія понятія. При всемъ разнообразіи лицъ, представлявшихъ разные оттѣнки мнѣній и характеровъ, при всей новости многихъ понятій, которыя далеко не были отчетливы, литературные кружки того времени не были только случайнымъ собраніемъ, но представляли свой особый характеръ литературный и общественный. «Бесѣда» Шишкова и Державина (основ. 1811) собрала литературныхъ старовѣровъ старой классической школы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и старовѣры по общественнымъ понятіямъ—защитники стараго слога и добрыхъ старыхъ нравовъ. Въ «Арзамасѣ» (1815—1818) собрались представители сантиментальной школы, будущаго романтизма, защитники новаго слога, и литературныхъ и общественныхъ мнѣніяхъ поклонники Карамзина, люди вообще болѣе образованные, чѣмъ «Бесѣда», знакомые съ новой европейской литературой, не враждебные къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ общественномъ порядкѣ, но вообще любившіе просвѣщеніе и свободу въ томъ самомъ платоническомъ родѣ, въ которомъ былъ такъ силенъ Карамзинъ. Въ серединѣ между тѣми и другими стоялъ кружокъ Оленина, въ которомъ и литературныя и общественныя мнѣнія (при всемъ талантѣ нѣкоторыхъ членовъ этого кружка) отличались умѣренностью, близкой къ индифферентизму. Наконецъ, молодой литературный кружокъ собрался главнымъ образомъ въ «Вольномъ

Digitized by Google

ществѣ любителей словесности» или «Соревнователей просвѣщенія и благотворенія». Это было, впрочемъ, не тѣсное, частное общество, какъ Арзамасъ или кружокъ Оленина, а общество оффиціальное, соединенное благотворительной цѣлью; составъ его былъ очень смѣшанный, но въ редакціи изданія этого общества («Труды» и пр., или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1818 — 1825), работали въ особенности писатели молодого либеральнаго кружка.

Исторія этихъ кружковъ, особенно «Бесѣды» и «Арзамаса», достаточно извѣстна. Наши историки съ особенной любовью занимались «Арзамасомъ», собирали и пересказывали всякіе анекдоты объ этомъ невинномъ обществѣ, гдѣ люди, «довольно зрѣлые», занимались совершенными пустяками, потому что и ихъ признанное дѣло—борьба съ Бесѣдой или Россійской Академіей—не было вовсе особенно труднымъ, а затѣмъ не оставалось ничего кромѣ простой, можетъ быть остроумной, но совершенно безплодной болтовни. Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 въ Петербургъ, былъ въ восторгѣ отъ арзамасцевъ: «здѣсь... всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы», писалъ онъ, и это должно было такъ быть. Арзамасцы были люди очень не глупые, иные даже очень талантливые и умные. Они любили «прекрасное», любили «человѣчество», по умѣренному и совершенно безопасному рецепту, не задавали себѣ никакихъ мудреныхъ вопросовъ и предпочитали спокойно пользоваться мірскими благами. Карамзинъ былъ ихъ полнымъ авторитетомъ, не только по его литературнымъ заслугамъ, но и по всему складу его мыслей: авторъ «Записки» (хотя вѣроятно имъ еще и неизвѣстной) напелъ въ нихъ свою школу и своихъ приверженцевъ. Впослѣдствіи, одинъ изъ арзамасцевъ докончилъ недописанный XII-й томъ его исторіи.

Довольно понятно, что когда эти люди вздумали составить свое общество, имъ не представилось никакой серьезной цѣли: запасъ ума, какой у нихъ былъ, они обратили на то шутовство, о которомъ съ забавнымъ почтеніемъ разсказываютъ ихъ историки. Наиболѣе симпатичнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ остается Жуковскій, который веселился здѣсь съ искренней простотой своего добродушія, еще нетронутаго соображеніями придворной службы...

Въ это полу-аристократическое литературное общество вступили, между прочимъ, и двое членовъ Союза, Мих. Ѳед. Орловъ, блестящій аристократъ, и Н. И. Тургеневъ, братъ котораго А. И., имѣвшій во всѣхъ лагеряхъ множество связей, былъ въ особенной дружбѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ Арзамаса. Н. И.

Digitized by Google

Тургеневъ, чуждый литературнымъ интересамъ этого общества, находилъ однако удовольствіе въ его засѣданіяхъ, потому что разговоры не всегда вертѣлись на пустякахъ и, по словамъ его, это общество, пожалуй, можно было бы изобразить за такое же тайное общество, какъ Союзъ.

«Но я долженъ признаться,—говоритъ онъ,—что мое удовольствіе никогда не было полнымъ и безпримѣснымъ, потому что я никакъ не могъ вполнѣ привыкнуть къ отличавшему этихъ господъ духу осужденія и насмѣшки. Этотъ духъ особенно выказывался въ неистощимой болтовнѣ человѣка, который впослѣдствіи, составляя торжественный документъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ однихъ интересахъ справедливости, какъ бы онъ долженъ былъ это сдѣлать, какъ будто находилъ удовольствіе разливать въ немъ всю желчь, какую только могло заключать его сердце...»

Подобное неудовлетворяющее впечатлѣніе Арзамасъ произвелъ и на другого члена Союза, сюда вступившаго, который и сдѣлалъ попытку обратить это литературное общество къ предметамъ, которые должны бы болѣе привлекать къ себѣ людей образованныхъ.

«Въ это литературное общество вступилъ генералъ М. Орловъ, съ которымъ я былъ тогда въ дружескихъ отношеніяхъ. Но вмѣсто того, чтобы по принятому обычаю произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ произнесъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положеніе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, преданнаго общественному благу. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ *ребяческія* забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе: всѣ почувствовали справедливость и упрековъ и совѣтовъ новопринятаго. Но если пустого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось» [1]).

Объ этомъ собраніи Арзамаса говорится и въ запискахъ Вигеля. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что Блудовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Арзамаса, какимъ-то образомъ предупрежденный о намѣреніи Орлова, отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. «Онъ доказывалъ невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ

[1]) La Russie, I, 171—173.

Digitized by Google

общества (—но Орловъ именно говорилъ, что его надо измѣнить). Касаясь *распространенія свѣта наукъ*, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей *всегда* обращается въ *факелъ зажигательства* (!); и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ [1]).

«Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро присыпала тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ: тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось перейти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ... Въ этомъ году... Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ» [2]). Причиной было, между прочимъ, то, что разъѣхались нѣкоторые изъ его членовъ; но безъ сомнѣнія на остальныхъ подѣйствовала и нравственная причина—вѣроятно совѣстно было продолжать въ прежнемъ вкусѣ. Орловъ, между прочимъ, предлагалъ Арзамасу изданіе журнала, «коего статьи (по словамъ Вигеля) новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, такой журналъ готовился: для него написаны были статьи Уваровымъ, Батюшковымъ, Блудовымъ; Каподистрія обѣщалъ политическія извѣстія...; но журналъ все-таки не состоялся.

Изъ этой встрѣчи членовъ Союза съ членами Арзамаса можно видѣть свойства мнѣній тѣхъ и другихъ: когда первые стремились къ пробужденію общественной мысли и указывали этотъ трудъ умѣреннымъ либераламъ въ такой формѣ, которой они легко могли бы дать всю нужную мягкость; послѣдніе отвѣчали имъ тономъ, достойнымъ Магницкаго...

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ «Исторія Государства Россійскаго». Извѣстно, какой восторженный пріемъ встрѣтило произведеніе Карамзина. Оно было, во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительнымъ «открытіемъ», какъ говорилъ о немъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ ученомъ и литературномъ значеніи «Исторіи», которое много разъ было объясняемо біографами Карамзина и историками литературы. Мы не будемъ также останавливаться на ея необыкновенномъ

---

[1]) Припомнимъ, съ какимъ негодованіемъ въ прежнее время говорилъ о подобномъ сравненіи Уваровъ, въ письмѣ своемъ Штейну, въ 1813. Уваровъ былъ также членъ Арзамаса. Замѣтимъ еще, что «сіе сравненіе» было совершенно въ духѣ того Мѣшкова (Шишкова), надъ которымъ такъ величались и глумились члены Арзамаса. Ср. приведенное выше мнѣніе Шишкова по крестьянскому вопросу.

[2]) Зап. Вигеля, III, V, 52—53.

Digitized by Google

успѣхѣ, которому содѣйствовали и замѣчательныя достоинства этого труда, ученыя и литературныя, и новость произведенія, какого еще не видала русская литература, и прежняя слава писателя, и оффиціальное положеніе государственнаго исторіографа и хорошо извѣстное расположеніе къ нему двора,—вообще разныя, не только крупныя, но и мелкія причины. Въ числѣ ихъ едва ли не слѣдуетъ отмѣтить и самое время появленія книги. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ возбужденныхъ моментовъ царствованія имп. Александра, и въ то время, когда едва успокоился встревоженный патріотизмъ, когда было свѣжо воспоминаніе о подвигахъ, льстившихъ національному чувству и вмѣстѣ самолюбію, когда въ обществѣ начиналось новое броженіе идей и столкновеніе партій, «Исторія» должна была возбудить особенный интересъ: въ ней искали подтвержденія своей мысли или своего чувства люди самыхъ различныхъ воззрѣній; къ ней особенно обращались тѣ, чья мысль или чувство направлялись къ разрѣшенію вставшихъ вопросовъ національной жизни, тѣ, кто кромѣ непосредственнаго, такъ сказать, элементарнаго патріотическаго интереса, обращался къ ней и съ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ интересомъ общественнымъ.

Либеральное молодое поколѣніе встрѣтило «Исторію» съ полнымъ уваженіемъ, какъ замѣчательное явленіе литературы, но не удовлетворилось ея тенденціей, и это очень естественно.

Произведеніе Карамзина, своими замѣчательными достоинствами, справедливо привлекало вниманіе общества, и для массы его оно представляло, по своей основной мысли, самое доступное, самое соотвѣтственное содержаніе. Эта основная мысль вполнѣ отвѣчала настроенію и понятіямъ огромнаго большинства, вѣрнаго старымъ нравамъ и преданіямъ, не подвергавшаго критикѣ ни прошедшаго, ни настоящаго. Въ этомъ большинствѣ «Исторія» получила непререкаемый, полный авторитетъ, и такой авторитетъ приписываетъ ей до сихъ поръ консервативная школа, которая даетъ ей значеніе истиннаго «національнаго» произведенія и т. п.

Но, въ болѣе тѣсномъ кругѣ общества, въ либеральномъ молодомъ поколѣніи (къ которому присоединялись отчасти и нѣкоторые «вольтеріянцы», уцѣлѣвшіе отъ екатерининскихъ временъ) «Исторія» Карамзина, мимо своего обще-литературнаго и мимо своего ученаго значенія, съ самаго начала встрѣтила противниковъ, которые не признавали этого авторитета. Ея литературныя и ученыя достоинства могли и могутъ находить равное сочувствіе у людей всякихъ партій и мнѣній, она могла удовлетворять огромное большинство общественно-политической тен-

Digitized by Google

денціей, лежавшей въ ея основаніи, но эта тенденція не могла находить такого-же сочувствія въ той области литературы и общества, гдѣ общественно-политическія мнѣнія приняли уже иное направленіе. Тенденція «Исторіи» была таже самая, какая изложена въ «Запискѣ». Эта послѣдняя не была тогда извѣстна публикѣ, но не мудрено было изъ «Исторіи» увидѣть вполнѣ исключительную систему воззрѣній, дѣлавшую Карамзина человѣкомъ партіи... Это и увидѣли его противники.

Позднѣйшіе критики не всегда принимали въ соображеніе эти двѣ разныя точки зрѣнія на «Исторію», или двѣ разныя стороны «Исторіи», и потому опредѣленія ея историческаго значенія въ литературѣ и общественной жизни до сихъ поръ неясны и противорѣчивы у самихъ поклонниковъ Карамзина. Ея научное вліяніе на разработку предмета можно указать наглядными статистическими фактами нашей исторіографіи; ея вліяніе литературное также болѣе или менѣе ясно въ расширеніи художественнаго пониманія русской старины и въ усовершенствованіи языка, который воспринялъ много новыхъ элементовъ; но какъ общественно-политическая теорія, «Исторія» Карамзина, въ связи съ его «Запиской», оставалась выраженіемъ консервативной массы общества и въ дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ понятій она уже вскорѣ вызвала противодѣйствіе, потеряла силу и наконецъ обветшала, или сохранила только значеніе отрицательное, или значеніе точки отправленія... Въ этой неудачѣ нравственно-общественнаго или нравственно-политическаго вліянія «Исторіи» должны противъ воли соглашаться и сами поклонники Карамзина. Мы приводимъ въ примѣчаніи слова одного изъ выше нами упомянутыхъ панегиристовъ, который, въ формѣ похвалы или защиты Карамзина, высказываетъ именно такое признаніе. Чтобы избавиться отъ лишняго упрека въ пристрастіи, мы укажемъ фактъ словами самихъ панегиристовъ, хотя объясняемъ этотъ фактъ совершенно иначе [1]).

---

[1]) «Къ сожалѣнію,—говоритъ ораторъ казанскаго юбилея,—мы такъ мало жили умственною жизнью, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что *великое созданіе* Карамзина *потерялось* въ перемѣнчивой волнѣ мнѣнія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую (?) жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его «государственною» точкою зрѣнія, объявляетъ свою исторію русскаго «народа»; увлеченіе Полеваго смѣнилось новымъ, и такъ далѣе. *Не было времени* исторіи Карамзина *получить то значеніе*, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; *не было времени русскимъ людямъ* остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и надолго остаться подъ впечатлѣніями его, чтобъ проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія *не успѣли воспитаться* на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скороспѣлой

Digitized by Google

По словамъ самого панегириста, великое произведеніе Карамзина «потерялось» въ волнѣ мнѣній, и русскія поколѣнія «не успѣли воспитаться» на немъ, — т.-е. разумѣя его нравственно-политической смыслъ (потому что научное и спеціально-литературное значеніе и вліяніе «Исторіи» не подлежатъ никакому сомнѣнію); но смѣшно, конечно, говорить, что виноватъ въ этомъ «не Карамзинъ», а вся Россія, что виновата «эфемерность» нашего образованія. По своей философской мысли, по общественно-политической системѣ, «Исторія» вовсе не такое геніальное произведеніе, которое бы опережало свой вѣкъ на многія поколѣнія, чтобы его глубина раскрылась только для отдаленнаго потомства. Напротивъ; и «Записка» Карамзина объясняетъ дѣло гораздо проще. Вина того, что «Исторія» потерялась въ волнѣ мнѣній, что наши поколѣнія не воспитались на ней, «не проникнись взглядомъ и убѣжденіями Карамзина», какъ утверждаетъ авторъ, виной этого, конечно, самъ Карамзинъ, и никто иной. Онъ вложилъ въ свой трудъ такую тенденцію, которая съ самаго начала отталкивала отъ себя людей, не менѣе его любившихъ отечество, но не видѣвшихъ для него счастія и спасенія въ порабощеніи общества, въ подавленіи его умственной, нравственной и гражданской свободы. Консервативная основная идея Карамзина была только сводомъ старыхъ общественныхъ понятій, вѣнцомъ традиціонныхъ идей, заканчивавшимъ старый періодъ общественнаго развитія; но она не давала никакой точки опоры для дальнѣйшаго развитія общественныхъ понятій, и содѣйствовала ему только косвеннымъ образомъ — тѣмъ великимъ содѣйствіемъ, какое «Исторія» оказала общему расширенію историческаго знанія.

Итакъ, общество не виновато, что поколѣнія не воспитались на историческомъ трудѣ Карамзина [1]), и — не *вслѣдствіе* эфемерности нашего образованія, а даже *несмотря* на нее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни было эфемерно это образованіе, оно тотчасъ поняло, что воспитываться на нравственно-политическихъ

наукѣ не можетъ быть такого уваженія къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокіе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобъ въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значеніе, какое для англичанъ имѣютъ историки прошлаго вѣка: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ... Но не Карамзинъ виноватъ въ этомъ». (Казанскій юбилей, стр. 106—107).

[1]) Надо впрочемъ оговориться, что панегиристъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точенъ. Поколѣнія напротивъ воспитывались, потому что Карамзинское пониманіе исторіи получило оффиціальную санкцію и перешло въ учебники. Таковы были, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями противъ Карамзина, учебники Устрялова, дѣйствующіе и до сихъ поръ. Вопросъ только въ томъ, какіе результаты приносило это воспитаніе.

Digitized by Google

взглядахъ Карамзина нельзя; оно, сознательно или инстинктивно, чувствовало, что эти взгляды невѣрны, что они не послужатъ въ прокъ общественному развитію, потому что льстятъ настоящему и его кореннымъ недостаткамъ, и, будучи враждебны всякой идеѣ общественной свободы, заглушаютъ въ обществѣ пытливую самодѣятельность и воспитываютъ общественное рабство и индифферентизмъ. Всю исторію народа и общества Карамзинъ совмѣщалъ въ исторію самаго исключительнаго «государства», и первая попытка «эфемернаго» образованія направилась къ тому, чтобы исправить эту односторонность, крайне вредную въ ея дальнѣйшихъ выводахъ, обративъ вниманіе на исторію «народа». Попытка Полеваго была неудачна, — потому что у него еще не было на это научныхъ средствъ: Полевой былъ самоучка и его образованіе было въ особенности эфемерно, но инстинктъ, руководившій имъ, былъ совершенно вѣренъ, какъ это доказалъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіографіи. Трудъ Карамзина продолжалъ оказывать чрезвычайную помощь своимъ научнымъ богатствомъ, но съ каждымъ періодомъ нашей умственной жизни общественно-политическая точка зрѣнія Карамзина болѣе и болѣе теряла вѣру, ослабѣвала въ общественныхъ понятіяхъ, его система все болѣе являлась невозможной въ ея примѣненіяхъ къ настоящему, и въ прошедшемъ все большій интересъ возбуждали тѣ народные элементы исторической жизни, которымъ онъ давалъ всего меньше мѣста. Нынѣшнее пониманіе даже древней русской исторіи очень мало похоже на теорію Карамзина....

Либеральное молодое поколѣніе тогда же увидѣло этотъ смыслъ «Исторіи», и отдавая всю справедливость таланту и учености автора, высказало однако свое несогласіе съ основной мыслью «Исторіи». Въ біографіи Карамзина, г. Погодина, приведены любопытные отрывки изъ мнѣнія объ «Исторіи», написаннаго Никитой Мих. Муравьевымъ, сыномъ покровителя Карамзина и однимъ изъ главныхъ руководителей тайнаго общества. Это мнѣніе молодого критика, насколько мы знаемъ его по выпискамъ г. Погодина, даетъ намъ чрезвычайно интересный образчикъ общественныхъ и историческихъ понятій кружка, которымъ нельзя отказать въ умѣ, какъ и замѣчаніямъ противъ Карамзина—въ справедливости.

Авторъ вѣроятно ожидалъ, что книга Карамзина вызоветъ критику и указаніе ошибокъ его системы, и спрашиваетъ, неужели это твореніе не возбудило различныхъ сужденій, вопросовъ, сомнѣній? «Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны (т.-е. гдѣ нѣтъ самостоятельныхъ умовъ, которые не ограничились бы однимъ

Digitized by Google

неразсуждающимъ восхваленіемъ). Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей!»

Карамзинъ, въ предисловіи, объясняя пользу исторіи, говоритъ: «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи.... Должно знать, какъ искони *мятежныя страсти* волновали гражданское общество, и какими способами *благотворная власть ума обуздывала* ихъ бурное стремленіе, чтобъ учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное счастіе». Критикъ дѣлаетъ на это слѣдующія замѣчанія:

«Исторія представляетъ намъ иногда, какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другія же страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ пріобрѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей....

«Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ однѣ и тѣже явленія. Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли,—онѣ долго маятся, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система.

«Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ *насильствами* учреждать и самый порядокъ? Кто противустанетъ одинъ общему мнѣнію? Мудрый и добродѣтельный человѣкъ не прибѣгаетъ въ такихъ обстоятельствахъ ни къ ухищренію, ни къ силѣ. Слѣдуя общему движенію, благая душа его будетъ только направлять оное уроками умѣренности и справедливости. Насильственныя средства и беззаконны и гибельны; ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и тоже..»

Карамзинъ выражаетъ мысль, что исторія нужна и для простого гражданина, потому что миритъ его съ несовершенствами жизни, какъ съ обыкновеннымъ ея явленіемъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, показывая, что онѣ были и прежде

Digitized by Google

и еще болѣе ужасныя, и государство не разрушалось. Критикъ возражаетъ на это совершенно справедливо:

«Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земного; но исторія должна ли погружать насъ въ *нравственный сонъ квіетизма*? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши, и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ....»

Критикъ замѣчаетъ далѣе, что и несовершенства бываютъ различны, что вѣкъ Фабриціевъ не былъ похожъ на вѣкъ Нерона или Геліогабала, и что многія несовершенства не были и обыкновенными явленіями жизни.

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго, воинственнаго народа временъ Святослава и Владимира, сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости..... [1]). Еще унизительнѣе для нравственности народной эпоха *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV.

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее?... Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году Венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя свою независимость и славу?

«Не всѣ согласятся, чтобъ междоусобія удѣльныхъ князей были маловажны для разума: ими подтверждается извѣстный стихъ Горація:

---

[1]) За словомъ: необходимости, въ текстѣ г. Погодина поставлена точка. Но здѣсь очевидно не достаетъ нѣсколькихъ словъ; рѣчь идетъ конечно о необходимости какихъ-нибудь учрежденій грубаго характера, какія возникали въ тѣ времена.

Digitized by Google

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi [1])».

Далѣе критикъ приводитъ слова Карамзина объ удѣльныхъ междоусобіяхъ: «Толпы дѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома; не много разности, ежели забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи, и статуи Фидіасовы»,—и возражаетъ на это:

«Я нахожу нѣкоторую разность. Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что *полутигры Греціи* наслаждались всѣми благами земли, свободою и славой просвѣщенія».

Наконецъ, критикъ не соглашается съ Карамзинымъ, что главное въ исторіи — красота повѣствованія и сила, что знаніе правъ, ученость, остроуміе, глубокомысліе не замѣняютъ таланта изображать дѣйствіе. «Сомнѣваюсь,—говоритъ критикъ.... Мнѣ кажется, что главное въ исторіи есть дѣльность оной. Смотрѣть на исторію единственно какъ на литературное произведеніе, есть уничижать оную. Мудрому историку мы простимъ недостатокъ искусства; краснорѣчиваго осудимъ, ежели не знаетъ основательно того, о чемъ повѣствуетъ.

«Осуждая холодность Юма, нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что «любовь къ отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть! Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, и можно ли любить притѣснителей и заклепы? Тацита одушевляло негодованіе» [2]).

Эти замѣчанія были послѣдовательнымъ примѣненіемъ тѣхъ самыхъ мнѣній, какими руководились либералы и въ своихъ взглядахъ на настоящее. Замѣчанія эти, быть можетъ, не вездѣ отчетливо развитыя или выраженныя, во многомъ безъ сомнѣнія совершенно справедливы; нравственный ихъ смыслъ есть благородное стремленіе служить обществу и его интересамъ, и отвращеніе отъ того, что́ критикъ справедливо назвалъ квіетизмомъ и что́ дѣйствительно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ въ карамзинской морали.

О томъ впечатлѣніи, какое произвела въ молодыхъ кружкахъ «Исторія», мы имѣемъ и другія свидѣтельства. Г. Погодинъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что «молодой Пушкинъ.... при всемъ

---

[1]) Эту же мысль критикъ указываетъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкомъ сократишася».

[2]) «Н. М. Карамзинъ», г. Погодина, т. II, стр. 198—208.

Digitized by Google

своемъ благоговѣніи къ Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не могъ преодолѣть искушенія сказать острое слово, и выразилъ общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи, въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе». Эти эпиграммы были слѣдующія:

Въ его Исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Или:

Послушайте меня, я сказку вамъ скажу
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью-богатыря [1]).

Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что эти эпиграммы имѣютъ для насъ историческое значеніе, какъ отголосокъ мнѣній, отъ которыхъ самъ Пушкинъ впослѣдствіи торжественно отказывался. Дѣйствительно, мнѣнія Пушкина впослѣдствіи чрезвычайно измѣнились сравнительно съ прежнимъ: Пушкинъ около 1820 года и въ концѣ двадцатыхъ годовъ, это были точно два различные человѣка по свойству общественныхъ взглядовъ.

Карамзинъ относился къ «либералистамъ» съ нетерпимостью, которую мы имѣли случай указывать.

Г. Погодинъ разсказываетъ, что Н. Муравьевъ, изъ уваженія къ Карамзину, показалъ ему свою записку прежде всѣхъ. «Николай Михайловичъ *предоставилъ* ему сообщать ее кому пожелаетъ». Но какъ же онъ могъ бы не предоставить? Его отзывы о «либералистахъ»,—этихъ отзывовъ можно много собрать изъ его переписки,—вообще были самые недружелюбные. Онъ зналъ лично многихъ представителей либеральнаго кружка (напр. Муравьевыхъ, Н. И. Тургенева, Ѳ. Н. Глинку и др.) и не могъ отказать многимъ изъ нихъ въ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ; они, съ своей стороны, не соглашаясь съ его взглядами, имѣли, повидимому, полное къ нему довѣріе [2]) и высказывали откровенно свой образъ мыслей. Не знаемъ, платилъ ли онъ имъ тѣмъ же довѣріемъ.... Въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, когда онъ представилъ ему извѣстную записку о

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 204.

[2]) По словамъ г. Погодина, Карамзинъ бывалъ и въ самомъ кружкѣ друзей Ник. Муравьева, см. т. II, стр. 203, прим.

Digitized by Google

Польшѣ (1819), между прочимъ Карамзинъ сказалъ: Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter.... [1]) Можно было бы спросить: имѣлъ ли онъ право на такое презрѣніе? Зналъ ли онъ достаточно, чего хотѣли либералисты, оцѣнилъ ли онъ добросовѣстно ихъ мнѣнія?... Въ мнѣніяхъ либералистовъ могли быть увлеченія и крайности, отъ которыхъ едва ли когда избавится энтузіазмъ молодыхъ поколѣній, и которыя были особенно понятны въ ту эпоху, когда либераловъ окружала такая путаница понятій въ общественной жизни и въ самомъ правительствѣ: достало ли у Карамзина «любви къ человѣчеству», чтобы отнестись дружелюбно къ молодому поколѣнію общества; потрудился ли Карамзинъ отдѣлить крайности отъ самаго зерна ихъ мнѣній, и судить о немъ съ той добросовѣстностью, какой требуетъ уваженіе къ чужому убѣжденію, уваженіе къ самому предмету спора,—потому что этимъ предметомъ было тоже благо отечества, чувствомъ, одушевлявшимъ либераловъ, была также любовь къ отечеству, въ которой они вовсе ему не уступали? Мы не знаемъ подробностей его разговора съ имп. Александромъ, но разговоръ долженъ былъ идти объ отношеніяхъ Россіи и Польши,—и мы указывали выше, съ какимъ ревнивымъ національнымъ чувствомъ либералы отнеслись къ этому предмету: если *это* было тогда пробнымъ камнемъ національнаго пониманія и патріотическаго чувства, то въ этомъ они нисколько не уступили Карамзину. Къ чему же могло относиться его презрѣніе? было ли во враждѣ Карамзина къ либерализму истинное гражданское чувство, или самая обыкновенная нетерпимость консерватизма, непониманіе другихъ и озлобленіе самолюбиваго ума, раздражаемаго противорѣчіемъ?

Въ 1816 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія своей исторіи, всѣ его принимали съ великими любезностями. Но, «нашелся одинъ человѣкъ, — пишетъ Карамзинъ, — старый знакомецъ (какъ предполагаютъ, Козодавлевъ), который принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то-есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара» [2]). Карамзинъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ знать различіе этихъ именъ, и примѣненіе ихъ всѣхъ къ русскому знакомцу, особенно къ русскому министру (если это былъ дѣйствительно Козодавлевъ), даетъ понятіе объ «умѣренности» Карамзина....

---

[1]) Неиздан. Сочин., стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 146.

Digitized by Google

Карамзинъ, повидимому, имѣлъ притязаніе ставить себя выше всѣхъ партій.

«Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! — восклицаетъ онъ. Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію?... Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка; ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка (!); ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ....

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? (!!)

«Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе» [1]).

Эта мнимая широта мысли, восхваляемая его біографами, есть скорѣе совершенный отказъ отъ нея — тотъ квіетизмъ, который вѣрно указывалъ Муравьевъ, квіетизмъ, конечно, совершенно безплодный, и наконецъ чрезвычайно скучный по своей плаксивой формѣ.... Можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ Карамзинъ говорить въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ въ послѣдніе годы его жизни.

Переходимъ къ другимъ явленіямъ тогдашней литературы.

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что онъ задумывалъ издавать журналъ, который бы служилъ въ особенности для развитія политическихъ идей въ русскомъ обществѣ, слишкомъ мало знакомомъ съ подобными предметами [2]). Это была таже мысль, какую предлагалъ Мих. Орловъ въ Арзамасѣ; не знаемъ, была ли связь между самымъ планомъ г. Тургенева и тѣмъ, какой вслѣдствіе предложенія Орлова возникалъ въ Арзамасѣ. Идея такого журнала была, безъ сомнѣнія, очень здравая. Русскому обществу и до сихъ поръ недостаетъ самыхъ элементарныхъ политическихъ понятій, а тогда тѣмъ болѣе; очевидно между тѣмъ, что развитіе этихъ понятій существенно важно для пробужденія въ обществѣ какого-нибудь пониманія своихъ внутреннихъ дѣлъ.... Журналъ не состоялся, но г. Тургеневъ издалъ одинъ изъ своихъ трудовъ по этимъ предметамъ. Это былъ извѣстный «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1818; два изданія).

Книга г. Тургенева — въ которой мы должны видѣть, между прочимъ примѣръ того, какъ представители перваго тайнаго об-

[1]) Тамъ же, стр. 194—195.

[2]) La Russie, I, стр. 111 и слѣд. Объ одномъ собраніи у г. Тургенева по поводу этого журнала упоминаетъ и И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ. На собраніи былъ, между прочимъ, извѣстный профессоръ Куницынъ. См. объ этомъ предполагавшемся журналѣ въ письмѣ А. И. Тургенева къ Дмитріеву. Р. Арх. 1867, стр. 647.

Digitized by Google

щества думали дѣйствовать на общественное мнѣніе—любопытна и вообще, какъ свидѣтельство тогдашнихъ стремленій литературы. Это есть вполнѣ серьезный трудъ, написанный съ большимъ знаніемъ предмета, съ знаніемъ европейской политической и политико-экономической литературы. Авторъ излагаетъ теорію налоговъ съ постоянными практическими указаніями изъ исторіи и современнаго порядка европейскихъ государствъ, такъ что серьезное изложеніе теоріи становилось доступно для всякаго образованнаго читателя. Книга написана была авторомъ, когда онъ жилъ еще за границей, и этимъ онъ объясняетъ, почему въ его книгѣ мало говорится о налогахъ, существующихъ въ Россіи; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста и въ примѣчаніяхъ авторъ дѣлалъ весьма существенныя указанія и о русскомъ порядкѣ налоговъ: объясняя важность финансоваго вопроса для всего государственнаго существованія, онъ давалъ понять, какъ многаго еще недостаетъ финансовымъ учрежденіямъ Россіи, указывалъ низкую степень русской системы налоговъ сравнительно съ европейскими (замѣтимъ, что сущность этой системы сохранилась у насъ до сихъ поръ), говорилъ противъ подушной подати, указывалъ болѣе раціональную систему налоговъ, наконецъ объяснялъ необходимость гласности (новаго понятія, для выраженія котораго, рядомъ съ этимъ словомъ, онъ еще употребляетъ слово «публицитетъ»), и указывалъ вредъ крѣпостного права [1]). «Благоустроенное государство,—говорилъ онъ по поводу крѣпостного права — не должно созидать своего благоденствія на *несправедливости*; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа». «Успѣхи Россіи, при такомъ духѣ народа и правительства, каковый существуетъ въ отечествѣ нашемъ, были бы еще *совершеннѣе*, естьли бы общей дѣятельности, общему стремленію къ образованности и къ благосостоянію, не препятствовало *существованіе рабства*» [2]). «Роскошь дворянъ въ Россіи часто доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволенію располагать могутъ. И потому *роскошь въ Россіи болѣе печалитъ* внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ». Авторъ замѣчаетъ, что когда приверженцамъ крѣпостного права

---

[1]) «Опытъ теоріи налоговъ», стр. 134—137, 141—142, 269, 291, 309.

[2]) Въ нашемъ экземплярѣ «Опыта», принадлежавшемъ старой библіотекѣ для чтенія и испещренномъ замѣтками на поляхъ, неизвѣстный читатель отмѣтилъ противъ этого мѣста: «NB. И видно карбонара».

Digitized by Google

говорятъ о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ или о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая часто въ своихъ дѣйствіяхъ противна религіи и нравственности, то они — «дѣлали восклицанія противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влечи за собою уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди заглянутъ въ исторію (говоритъ авторъ). Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?»... Такія мысли высказывалъ авторъ объ русскихъ дѣлахъ. Безъ сомнѣнія, въ нихъ было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ въ меланхолическихъ стенаніяхъ Карамзина, и больше истиннаго гражданскаго чувства, чѣмъ въ его «презрѣніи» къ либералистамъ, которыхъ онъ не понималъ и противъ которыхъ онъ возстановлялъ императора Александра въ интимныхъ бесѣдахъ.

Чтобы кончить наши замѣчанія о тогдашней литературѣ, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, въ нашемъ обществѣ обнаруживались вообще признаки умственной жизни, какой оно еще не выказывало прежде. Къ этому времени, столь богатому внѣшними возбужденіями, начали созрѣвать учрежденія, основаніе которымъ было положено въ началѣ царствованія. Новые университеты еще мало дѣйствовали на умственное движеніе, но въ нихъ уже являются ученые новаго поколѣнія, довершившіе свое образованіе за границей. На русскомъ языкѣ едвали не въ первый разъ являются книги по общественнымъ наукамъ, писанныя болѣе или менѣе самостоятельно,—таковы были труды Куницына, Арсеньева; попытки усвоить русской литературѣ послѣдніе плоды нѣмецкой философіи, какъ напр. сочиненія Велланскаго, Галича, Осиповскаго; въ тѣни «Исторіи государства Россійскаго» подготовляются новые опыты исторической критики, и т. д.

Кромѣ университетовъ, въ ряду образовательныхъ учрежденій выдвигаются особенно два учрежденія, которыя оба были характеристическимъ произведеніемъ Александровскаго времени и оба оставили свой слѣдъ въ общественномъ движеніи. Одно изъ нихъ было Московское учебное заведеніе для Колонновожатыхъ, основанное Никол. Никол. Муравьевымъ (1768—1840), отцомъ многочисленной семьи Муравьевыхъ, различнымъ образомъ достопамятныхъ въ нашей недавней исторіи. Другое учрежденіе былъ Царскосельскій лицей (основанный въ 1811).

Digitized by Google

Знаменитое училище для Колонновожатыхъ произошло изъ домашнихъ лекцій математики и военныхъ наукъ, начатыхъ Муравьевымъ - отцомъ для небольшого числа товарищей его сына (Михаила), тогда студента въ московскомъ университетѣ. Молодые люди устроили общество для изученія этихъ наукъ, состоявшее большей частью изъ студентовъ и кандидатовъ университета, къ которымъ присоединились и нѣкоторые преподаватели; въ домѣ Муравьева основались правильныя публичныя и безплатныя лекціи для желающихъ заниматься этими предметами. Общество получило оффиціальное утвержденіе (въ апр. 1811); правительство обратило на него вниманіе въ ожиданіи, что оно будетъ содѣйствовать къ образованію колонновожатыхъ, или офицеровъ по квартирмейстерской части. Двѣнадцатый годъ прервалъ занятія общества, и самъ Н. Н. Муравьевъ вступилъ снова (полковникомъ) въ военную службу. Въ 1815 году онъ опять вышелъ въ отставку и снова занялся преподаваніемъ любимыхъ предметовъ молодымъ людямъ изъ своихъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ. Учебное заведеніе организовалось вновь и пользовалось правами казеннаго заведенія: воспитанники его принимались съ извѣстными чинами въ спеціальную службу, къ которой они премущественно готовились. Заведеніе существовало въ Москвѣ до 1823 года, когда разстройство здоровья и домашнихъ обстоятельствъ не позволили Муравьеву дѣлать больше пожертвованій на это учрежденіе. Оставшіеся воспитанники были переведены въ Петербургъ, гдѣ устроилось казенное училище для колонновожатыхъ, существовавшее до 1826 года. Съ 1816 до 1823 г. въ московское заведеніе вступило вообще 180 молодыхъ людей, большая часть которыхъ вступила потомъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части; можно даже сказать, что большая часть офицеровъ гвардейскаго штаба того времени были учениками Муравьева [1]).

Здѣсь учились Никита Муравьевъ (тотъ критикъ Карамзина, о которомъ мы выше упоминали), Бурцевъ, кн. В. С. Голицынъ, Басаргинъ, Колошинъ, двое кн. Трубецкихъ, Мухановы и т. д.

Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами, было однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ обществѣ временъ импер. Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ

[1]) Современникъ, 1852, V, стр. 1—26. См. также Р. Вѣстникъ. С. Глинки, 1817, № I: «Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева».

Digitized by Google

идеальную любовь къ отечеству, и ревностное желаніе служить его благу. Характеръ времени увлекъ потомъ многихъ изъ нихъ въ тревожныя волненія тайныхъ обществъ... [1]).

Царскосельскій лицей началомъ своимъ также принадлежитъ первой половинѣ царствованія. Основанный съ цѣлью готовить молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ гражданской службы, лицей окруженъ былъ всей матеріальной и воспитательной роскошью, какая была возможна въ то время. Директоромъ лицея, послѣ мягкаго Малиновскаго, былъ извѣстный Е. А. Энгельгардтъ, прекрасный педагогъ и почтенный человѣкъ, честный и независимый. Въ числѣ профессоровъ извѣстно имя Куницына, которое съ любовью сохранялось въ воспоминаніяхъ первыхъ лицеистовъ. Въ лицейскую программу внесены были, кромѣ широкаго курса общаго образованія, общественныя и политическія науки, которыя въ изложеніи Куницына стали важнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ воспитанникахъ возбуждались и поддерживались литературные интересы, которые съ самаго начала привились къ лицейскому кружку. Исторія первыхъ лѣтъ лицея достаточно извѣстна; первый кружокъ лицейскихъ воспитанниковъ освѣщается личностью Пушкина, мальчика, потомъ юноши, который по выходѣ изъ лицея тотчасъ занимаетъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Вокругъ него сближаются всѣ поколѣнія литературы, отъ Державина, котораго онъ привелъ въ восторгъ, до самаго юнаго поколѣнія, въ которомъ поэзія Пушкина господствовала безраздѣльно.

Лицейское воспитаніе началось подъ впечатлѣніями двѣнадцатаго года; первый выпускъ воспитанниковъ оставилъ лицей въ тотъ періодъ, когда молодая часть общества, особенно аристократическо-военнаго, была полна идеальными гражданскими увлеченіями. Ближайшій лицейскій другъ Пушкина, И. И. Пущинъ, тотчасъ по выходѣ изъ лицея вступилъ въ первое тайное общество, основанное въ 1817 году. Самъ Пушкинъ не былъ его членомъ ни теперь, ни послѣ, но онъ подозрѣвалъ, потомъ положительно зналъ его существованіе, иногда самъ порывался вступить въ него, — но его не принимали, отчасти бережливо охраняя геніальнаго поэта отъ роковыхъ случайностей тайнаго общества, отчасти не довѣряя его подвижному, непостоянному, ненадежному характеру.

Пушкинъ велъ самую разсѣянную жизнь, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, любилъ быть въ аристократіи, къ ко-

---

[1]) Объ этомъ заведеніи см. также напечатанныя недавно, очень любопытныя выдержки изъ записокъ декабриста Н. В. Басаргина, въ Р. Арх. 1868, стр. 793 и слѣд.

Digitized by Google

торой имѣлъ слабость причислять себя и въ которой, ради этого тщеславія, хотѣлъ являться не поэтомъ, а «шестисотлѣтнимъ дворяниномъ», — но много его симпатій было именно въ этомъ кружкѣ. Живя въ Петербургѣ, и потомъ въ ссылкѣ, въ южной Россіи, Пушкинъ сходился болѣе или менѣе близко со многими людьми, игравшими тогда или нѣсколько позже руководящую роль въ либеральномъ движеніи, а также въ тайномъ обществѣ. Таковы были его отношенія и встрѣчи съ А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, П. И. Пестелемъ, Мих. Ѳед. Орловымъ; выше мы называли И. И. Пущина и П. Я. Чаадаева. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Выше было сказано, какъ въ обществѣ этого времени, среди увлеченій либерализмомъ и столкновеній съ дѣйствительностью, развилась цѣлая легкая литература, не попадавшая въ печать, литература, въ которой недовольство и остроумная насмѣшка сдерживались тѣмъ меньше, чѣмъ больше цензура стѣсняла ихъ въ печати. Въ то время, какъ либералы тайнаго общества приходили къ убѣжденію въ испорченности различныхъ формъ русской жизни, въ необходимости ввести въ нее новыя идеи и учрежденія, эта литература—безъ всякой связи съ тайнымъ обществомъ — дѣйствовала противъ тѣхъ же людей и вещей, которые, по мнѣнію общества, были виною застоя и бѣдствій русскаго народа, противъ смѣшныхъ и уродливыхъ явленій русской жизни. Богатый талантъ и остроуміе Пушкина были неистощимы въ эпиграммахъ, мелкихъ и крупныхъ стихотвореніяхъ, выражавшихъ это зарожденіе независимаго общественнаго мнѣнія. У насъ всего чаще ославляли этотъ разрядъ стихотвореній Пушкина, какъ дѣло легкомыслія, отъ котораго впослѣдствіи онъ самъ «торжественно отказывался». Правда, нѣкоторыя изъ стихотвореній этой поры были только легкомысленны; за то, во множествѣ другихъ, эпиграмма наводила и на серьезныя мысли, или ея легкомысленная форма совершенно оправдывалась самой сущностью дѣла: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, надо было дѣйствовать противъ людей, противъ которыхъ безполезно, а кромѣ того и невозможно было бы спорить инымъ образомъ? Таковы были его эпиграммы на кн. А. Н. Голицына, Аракчеева, архим. Фотія и другія подобныя. Это было единственное возможное отмщеніе за нарушаемый здравый смыслъ. Стихотворенія Пушкина ходили по рукамъ, переписывались, читались наизусть. «Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ»,—говорятъ современники, и этому можно повѣрить, потому что и тридцать лѣтъ спустя эти стихотворенія еще ходили по рукамъ въ тетрадкахъ и усердно переписывались, когда потерялась уже и ихъ современность.

Digitized by Google

Тайное общество, которому впослѣдствіи приписывали и распространеніе возмутительныхъ стихотвореній, было здѣсь ни при чемъ, потому что Пушкинъ вовсе не принадлежалъ въ тайному обществу, стихотворенія его были его собственнымъ отзывомъ, котораго никто ему не внушалъ, кромѣ общаго мнѣнія образованныхъ людей [1]). Также независимо отъ внушеній тайнаго общества началъ дѣйствовать другой поэтъ съ несравненно меньшимъ талантомъ, но несравненно сильнѣе увлекавшійся тѣмъ движеніемъ, которое захватывало и Пушкина и внушало ему свободолюбивыя стихотворенія. Этотъ поэтъ былъ Рылѣевъ. Задолго до того времени, какъ онъ вступилъ въ тайное общество, онъ уже не отличался отъ его членовъ по своему пламенному энтузіазму. Его имя вдругъ пріобрѣло извѣстность, когда появилось первое напечатанное его стихотвореніе «къ Временщику» (подражаніе Персіевой сатирѣ «къ Рубеллію»), въ журналѣ «Невскій Зритель», 1820 года. Всѣ узнали во «Временщикѣ» Аракчеева. Одинъ современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе этого смѣлаго литературнаго подвига: «Въ томъ положеніи, въ какомъ была.... Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ.... Этотъ приближенный вельможа... безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя... Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины.... Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо.... глухой шо-

[1]) О томъ, насколько вообще можно было приписывать именно тайному обществу появленіе этой мелкой насмѣшливой литературы, см. еще характеристическое замѣчаніе у г. Тургенева. I, стр. 231.

Digitized by Google

потъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта». Стихотвореніе дѣйствительно отличается чрезвычайной энергіей, въ которой сказывалось глубоко возбужденное чувство. Оно открывалось слѣдующими стихами:

«Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ»!
и проч. [1])

Изъ приведенныхъ фактовъ можно отчасти видѣть характеръ политическихъ мнѣній Союза Благоденствія въ первую пору его существованія и можно также видѣть, что сущность этихъ мнѣній создавалась самымъ временемъ, что онѣ принадлежали не однимъ только членамъ Союза, но цѣлому слою общества. Въ этихъ политическихъ мнѣніяхъ главнымъ элементомъ оставалось стремленіе къ политическому образованію общества, личная дѣятельность членовъ въ практической жизни, направленная къ различнымъ улучшеніямъ, стремленіе къ освобожденію крестьянъ и т. п. Вопросъ о необходимости болѣе широкихъ государственныхъ реформъ былъ теперь только затронутъ и повидимому оставался на чисто теоретической точкѣ зрѣнія.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, что происходило въ средѣ самаго Союза. Одно время онъ быстро распространялся, число членовъ размножалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, обнаруживалась и трудность идти этимъ путемъ къ какой-нибудь положительной цѣли. За первымъ впечатлѣніемъ дружной солидарности людей разныхъ сферъ и однихъ мнѣній, слѣдовало недоумѣніе о томъ, что предпринять для поставленной себѣ цѣли. Между членами начинаются жалобы, что Союзъ ничего не дѣлаетъ; по мнѣнію однихъ слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, другіе думали, что Союзъ и не можетъ больше ничего сдѣлать, кромѣ того, что онъ уже дѣлалъ [2]). Раздѣленіе общества

---

[1]) «Невскій Зритель», 1820, ч. IV, окт., стр. 26.

[2]) Выше мы указывали, что сами члены жаловались, что общество «дремлетъ». Любопытныя и чрезвычайно похожія на правду подробности о тогдашнемъ состояніи общества передаетъ г. Тургеневъ, I, стр. 106 — 107, 174—175. Въ сущности, почти

Digitized by Google

на сѣверное и южное (въ Петербургѣ и въ южной арміи) еще болѣе разъединяло ихъ дѣйствія. Многіе изъ членовъ или совсѣмъ отставали отъ общества, или оказывались не вполнѣ надежными. Вслѣдствіе всего этого явилась, наконецъ, мысль о пересмотрѣ программы Союза, для чего депутаты отъ обоихъ отдѣловъ общества собрались въ Москвѣ въ началѣ 1821 года. Результатомъ ихъ совѣщаній было закрытіе Союза Благоденствія (въ февралѣ 1821).

Мы не входимъ вообще въ частныя и личныя подробности этой исторіи и не будемъ разбирать спорнаго пункта о томъ, было ли это закрытіе дѣйствительнымъ уничтоженіемъ Союза, какъ говорятъ одни изъ участвовавшихъ въ этомъ рѣшеніи, или это закрытіе было только фиктивное, сдѣланное для удаленія нерѣшительныхъ и сомнѣвающихся членовъ и для преобразованія Союза по другой программѣ, какъ положительно говорятъ другіе. Такъ или иначе, но Союзъ возстановляется послѣ закрытія,—въ немъ являются, кромѣ прежнихъ, новые дѣятельные члены, программа его отчасти измѣняется, дѣятельность его членовъ получаетъ болѣе возбужденный, тревожный характеръ.

А. Пыпинъ.

трудно было сказать, что общество существуетъ, — потому что оно почти не имѣло никакой особенной тайной дѣятельности; съ другой стороны, молва чрезвычайно преувеличивала его важность.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ

X *).

Необыкновенное разнообразіе изумительной дѣятельности Гумбольдта поведетъ насъ теперь въ совершенно иную область естествознанія.

Плотная кора земного шара состоитъ, какъ извѣстно, изъ различныхъ горныхъ породъ, отличающихся между собою не только минералогическимъ составомъ, но и самымъ способомъ строенія. Это строеніе, по общепринятому въ наукѣ дѣленію, бываетъ: аморфнымъ, волокнистымъ, неопредѣленнымъ, слоистымъ и проч. Самымъ отличительнымъ строеніемъ можно считать послѣднее—слоистое, которое замѣчательно тѣмъ, что породы, его представляющія, ограничены двумя параллельными плоскостями, которыхъ взаимное разстояніе, по отношенію къ ихъ протяженію, очень незначительно. Строеніе это можно сравнить съ листами громадной книги. Слои бываютъ при этомъ различной толщины: иногда очень толсты, иногда же необыкновенно тонкіе. Они составляютъ т.-н. осадочныя формаціи, отложившіяся, по единогласному мнѣнію нептунистовъ и вулканистовъ, изъ воды. Но взгляды обоихъ школъ расходятся относительно происхожденія породъ неслоистыхъ. Нептунисты утверждали, что нѣкоторыя изъ этихъ породъ, какъ напр. гранитъ, есть кристаллизаціонный пунктъ, остовъ земного шара, прежде всего выдѣлившійся изъ воды; другая тоже значительно распространенная составная часть его, базальтъ, по ихъ мнѣнію, тоже осадочнаго происхожденія; они допускали вліяніе огня только для очень ограниченной части горныхъ породъ, для лавы, которая,

*) См. выше, сент. 127; окт. 533 стр.

Digitized by Google

по ихъ теоріи, образовалась расплавленіемъ земной поверхности отъ загорѣвшихся, мѣстами, каменно-угольныхъ залежей. По мнѣнію вулканистовъ, всѣ неслоистыя горныя породы обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, дѣйствію огня.

Такъ какъ всѣ слоистыя породы суть осадки или морского, то естественно, что осаждаясь изъ воды, они должны были отлагаться горизонтально. Между тѣмъ мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ слои наклонены подъ различными углами къ горизонту. Это казалось вулканистамъ несоотвѣтствующимъ происхожденію этихъ породъ, хотя представитель нептунизма, Вернеръ, утверждалъ, что слои могутъ осаждаться непосредственно изъ воды и при наклоненіи ихъ до 30°; если же встрѣчаются болѣе сильныя наклоненія, то это происходитъ, по его мнѣнію, отъ того, что подъ этими слоями провалились существовавшія подъ ними пещеры. Гюттонъ же, а съ нимъ и другіе вулканисты, объясняли эти явленія тѣмъ, что прежде горизонтальные слои были, послѣ ихъ образованія, подняты снизу подземными силами—неравномѣрно. Это фактъ, неподлежащій теперь сомнѣнію, и который мы имѣемъ случай видѣть какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ размѣрахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ это поднятіе совершилось на небольшомъ пространствѣ, мы можемъ тутъ же, по обѣимъ сторонамъ перелома, видѣть соотвѣтствующія части земной коры, бывшія прежде сплошнымъ слоемъ, теперь разорваннымъ. Если же приподнятое мѣсто не гора, а значительное, по протяженію, пространство земли, то мы можемъ, проѣзжая черезъ нее, встрѣчать, конечно, на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, такіе же слои, какъ въ первомъ случаѣ на небольшомъ. Конечно, не каждая страна одинаково удобна для подобныхъ наблюденій; въ иныхъ мѣстахъ пласты перекрестились, при поднятіи,—чѣмъ разрѣшеніе вопроса запутывается и усложняется. Необыкновенно наглядно представляетъ это напластованіе, въ большихъ размѣрахъ, Англія. Направляясь, по этой странѣ, отъ востока на западъ, каждый бываетъ пораженъ правильностью смѣны пластовъ. Чѣмъ дальше на западъ—тѣмъ больше встрѣчаемъ пластовъ, которые на востокѣ Англіи находятся на значительной глубинѣ подъ поверхностью земли. Эта особенность геологическаго строенія Англіи и была причиною, почему въ странѣ этой впервые обратили на нее вниманіе.

Не менѣе важенъ и самый порядокъ напластованія слоевъ, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность судить объ относительной древности послѣднихъ. Если мы встрѣчаемъ въ данной мѣстности два слоя, то естественно, что первый долженъ былъ уже существовать въ то время, когда легъ на него второй; иными

Digitized by Google

словами—первый, т.-е. нижній, древнѣе второго, верхняго. Эти другъ надъ другомъ лежащіе слои, хотя и состоятъ по преимуществу изъ глины, извести и кремнезема, отличаются однако одинъ отъ другого различными химическими примѣсями и физическими отличіями: цвѣтомъ, плотностію и т. п.

Вернеръ, исходя изъ положенія, что земная кора представляетъ вездѣ такія же явленія, какъ въ Саксоніи, принималъ, что самая древняя порода, кристаллизаціонное ядро земного шара, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ гранита, гнейса и сіенита. За ними слѣдуютъ промежуточныя породы — глинистый сланецъ, конгломераты; надъ ними—вторичныя формаціи, и наконецъ—наносная земля. Впослѣдствіи Кювье и Броньяръ отдѣлили еще третичную, и въ новѣйшее время еще болѣе юную формацію.

Изъ изложеннаго самъ собой вытекаетъ вопросъ: свойственъ ли этотъ порядокъ формацій одной только Саксоніи, или только одной Европѣ, или же онъ представляетъ общераспространенное явленіе по всему земному шару? Предположивъ даже, что вопросъ этотъ былъ бы разрѣшенъ утвердительнымъ отвѣтомъ, затѣмъ являются новые, не менѣе важные, какъ напр.: совершалось ли образованіе одинаковыхъ формацій вездѣ одновременно, или же разновременно? Не случилось ли такъ, что въ то время, когда въ Европѣ отлагалась одна порода, въ Америкѣ совершалось отложеніе другой? Между тѣмъ какъ для разрѣшенія первой части вопроса необходимо непосредственное наблюденіе, для разрѣшенія второй части наука воспользовалась, какъ необыкновенно важнымъ вспомогательнымъ средствомъ, остатками прежнихъ органическихъ существъ, окаменѣлостями. Въ ту пору, когда горныя породы были еще мягкимъ иломъ, животныя, тогда жившія, попадали въ него случайно, или были занесены пескомъ во время наводненія и т. п. Окружавшая ихъ тѣло, или остатки, вода, заключающая всегда большее или меньшее количество солей растворенными, отлагала ихъ понемногу въ тѣлѣ животнаго, такъ что, наконецъ, прежнія составныя части его замѣнены были неорганическими и вмѣсто животнаго мы находимъ теперь камень, представляющій его форму, словомъ—окаменѣлость. Нѣкоторыя животныя, отличающіяся неорганическими покровами, какъ напр. раковины, оставили намъ только эти покровы, между тѣмъ какъ тѣло ихъ сгнило. Жившія цѣлыми колоніями, напр. устрицы, залегли, въ остаткахъ своихъ, цѣлыми пластами. Молодыя животныя, ложась на старыхъ, умиравшихъ и оставлявшихъ свои раковины, въ свою очередь служили почвою прикрѣпленія для послѣдующихъ поколѣній.

Digitized by Google

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались цѣлыя отмели, скалы, залежи изъ остатковъ такихъ животныхъ. Растенія большею частію нѣсколько обугливались и дошли до насъ въ видѣ разныхъ видовъ каменнаго угля. Когда мягкій илъ ложился на растеніе, то принималъ, конечно, форму его. Отвердѣвъ, онъ сохранялъ совершенно вѣрный отпечатокъ растенія, которое, можетъ быть, давно уже и не существовало. При посредствѣ этихъ-то остатковъ мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе о фаунѣ и флорѣ того періода, когда образовалась осадочная формація.

Окаменѣлости обращали издавна на себя вниманіе, но прежде никто не подозрѣвалъ, какое вліяніе изученіе ихъ можетъ оказать на исторію нашей планеты. На нихъ смотрѣли, какъ на игру природы, lusus naturae. Только въ началѣ XVIII-го вѣка Гукъ (Hooke), вооружаясь противу подобнаго ребяческаго воззрѣнія современныхъ ученыхъ, сталъ утверждать, что различіе окаменѣлостей слѣдуетъ объяснять различными періодами разрушенія организмовъ.

Каждая горная порода отличается ей свойственными окаменѣлостями; между тѣмъ, какъ онѣ почти одинаковы въ одной и той же, какъ отдалены бы ни были мѣстности, въ которыхъ они встрѣчаются. Чѣмъ глубже пласты, т.-е. чѣмъ древнѣе они, тѣмъ рѣзче отличаются формы тогдашнихъ животныхъ и растеній отъ теперь живущихъ. Мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія къ верхнимъ слоямъ, мы постепенно встрѣчаемъ формы, приближающіяся къ современнымъ намъ, а въ слояхъ новѣйшихъ мы имѣемъ даже возможность замѣтить и климатическія вліянія. При посредствѣ этихъ-то жетоновъ природы мы въ состояніи, съ большою вѣроятностью, отвѣчать на вторую половину предложеннаго выше вопроса. Если мы замѣчаемъ, что въ Америкѣ пласты слѣдуютъ одинъ за другимъ въ томъ же порядкѣ какъ и въ Европѣ; если въ той же породѣ, гдѣ бы мы ее ни находили, встрѣчаются окаменѣлости, представляющія одинаковый типъ, то мы имѣемъ право заключить, что они образовались при одинаковыхъ условіяхъ; что одна и таже горная порода вездѣ соотвѣтствуетъ однимъ и тѣмъ же эпохамъ образованія земной коры. На эту связь впервые обратилъ вниманіе, въ концѣ XVIII-го в. Смитсъ (W. Smith).

Кромѣ синхронизма отдѣльныхъ формацій, важно еще опредѣлить, въ какомъ порядкѣ онѣ и составныя ихъ части слѣдуютъ одна за другою. Вопросъ этотъ не представлялъ бы затрудненій, еслибы каждая порода была распространена по всему земному шару, и не была скрыта отъ нашего взора. Но ни одно

Digitized by Google

изъ этихъ условій не исполнено. Мы знаемъ, что многія, теперь самыя высокія мѣстности земной коры, состоятъ изъ ила прежнихъ морей. Такимъ образомъ, ни одна формація не распространена сплошнымъ покровомъ по всему земному шару; каждая прерывается, являясь въ одномъ мѣстѣ болѣе толстымъ пластомъ, въ другомъ—тонкимъ; въ третьемъ даже исчезаетъ, уступая нерѣдко свое мѣсто совершенно отличной отъ нея.

Изъ сказаннаго ясно, какъ важно было для науки всѣ эти явленія взвѣсить въ ихъ относительной важности; отыскать связь между пластами, указать порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ одинъ надъ другимъ, словомъ, дать положительный отвѣтъ на выше предложенные вопросы. Рѣшеніемъ ихъ и занялся Гумбольдтъ въ сочиненіи своемъ: «Essai sur le gisement des roches dans les deux hémisphères», 1823 — насколько это позволяли тогда извѣстныя данныя. Собравъ, во время своихъ многочисленныхъ путешествій по Европѣ и Америкѣ, такое количество наблюденій какъ ни одинъ ученый до него, Гумбольдтъ имѣлъ возможность подарить наукѣ трудъ гораздо болѣе полный, чѣмъ всѣ его предшественники, занимавшіеся только изслѣдованіемъ ограниченныхъ, по пространству, мѣстностей. Онъ сравнивалъ напластованіе отдѣльныхъ формацій, опредѣлилъ ихъ взаимное отношеніе, пріурочилъ къ нимъ встрѣчающіяся въ нихъ окаменѣлости, такъ, что трудъ его былъ въ одно время географическимъ и историческимъ, такъ какъ онъ познакомилъ науку не только съ мѣстопахожденіемъ отдѣльныхъ формацій въ горизонтальномъ протяженіи, но и опредѣлилъ, посредствомъ обозначенія мѣста, занимаемаго ими и въ вертикальномъ направленіи, ихъ относительный, если можно такъ выразиться, возрастъ, что необходимо знать для исторіи земли. Гумбольдтъ подтвердилъ, что отдѣльные слои измѣняются, смотря по глубинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что каждая горная порода, хотя бы она встрѣчалась только островами, представляетъ вездѣ, подъ различными градусами широты и долготы, одинъ и тотъ же характеръ, что и составляетъ не маловажное отличіе минералогическихъ особей отъ животныхъ и растеній, пріуроченныхъ, за весьма немногими исключеніями, къ извѣстному климату. Въ заключеніе этого труда Гумбольдтъ сдѣлалъ предложеніе, въ видахъ упрощенія науки, изображать состояніе напластованія каждаго даннаго мѣста извѣстными общими знаками, которыя онъ предполагалъ ввести. Ему однако не было суждено дожить до осуществленія этой практической мысли, которая, безъ сомнѣнія, не замедлила бы принести извѣстную долю пользы наукѣ. И теперь еще для этой цѣли употребляются краски — на кар-

Digitized by Google

тахъ, и техническія слова — въ текстѣ геологическихъ и геогностическихъ сочиненій.

Точно также какъ Гумбольдтъ поставилъ себѣ задачей, какъ мы упоминали выше, опредѣлить распространеніе животныхъ и растеній по поверхности земного шара, и показать отношеніе извѣстныхъ семействъ данной мѣстности къ цѣлой фаунѣ или флорѣ ея, онъ старался сдѣлать это и относительно царства ископаемаго. Въ его «Essai sur le gisement...» и въ III-мъ томѣ «Relation historique», въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Esquise d'un tableau géognostique de l'Amérique méridionale», онъ знакомитъ насъ съ распространеніемъ горныхъ породъ, наклоненіями ихъ, равно какъ распространеніемъ долинъ, горъ, направленіемъ цѣпей ихъ, узлами ихъ и проч.

Хотя предметы, разработанные Гумбольдтомъ въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ и касаются, по преимуществу, описательной части геологіи и геогнозіи, и потому онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду то, что есть, а не то, какъ оно образовалось, однако мы видимъ уже, изъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ выраженій, что онъ перешелъ изъ лагеря нептунистовъ въ лагерь вулканистовъ, хотя и не вступаетъ въ полемику по поводу теоріи происхожденія горныхъ породъ. Такъ, онъ относитъ трахиты, фонолиты, базальты, долериты и проч. къ исключительно горнымъ породамъ. Трудно рѣшить, когда именно Гумбольдтъ перемѣнилъ свое мнѣніе насчетъ этого вопроса, но можно предполагать, что оно совершилось во время его американскаго путешествія, вѣроятнѣе всего на Тенериффѣ, гдѣ онъ впервые имѣлъ возможность лично наблюдать еще дѣйствующую огнедышащую гору.

Несмотря на это непрямое участіе въ спорѣ двухъ враждебныхъ ученыхъ лагерей, Гумбольдта можно считать однимъ изъ корифеевъ школы плутонистовъ, такъ какъ онъ показалъ, что внутри земного шара постоянно дѣйствуютъ частью созидающія, частью же разрушающія силы, а изученіе вулкановъ Гумбольдтомъ оказало громадное вліяніе на установленіе плутонической теоріи. Изъ того, что мы узнали, благодаря ему, о дѣйствіи ихъ въ настоящемъ, мы получили возможность составить себѣ правильное понятіе о дѣятельности ихъ въ прошедшемъ.

Въ монографіи своей о вулканахъ Гумбольдтъ указываетъ впервые на ихъ разнообразіе. Не только конусообразная форма свойственна имъ, какъ прежде предполагали, хотя она дѣйствительно встрѣчается чаще чѣмъ другія; онъ показалъ, что вулканы могутъ представлять цѣлые хребты горъ, какъ напр. Пи-

Digitized by Google

чинха близъ Квито, такъ тщательно имъ изслѣдованная. Другіе вулканы образуютъ группы, напр. Азорскіе и Канадскіе острова, иные тянутся цѣпями, параллельными горамъ, какъ напримѣръ въ Гватималѣ, Перу и Явѣ, или поперегъ ихъ, какъ въ Мексикѣ. Изъ этого разнообразнаго направленія ихъ Гумбольдтъ выводитъ заключеніе, что вулканическія дѣйствія зависятъ не отъ мелкихъ, у поверхности земли находящихся, причинъ, а суть явленія громадныхъ, внутри земного шара дѣйствующихъ силъ. Онъ указалъ также, многочисленными примѣрами изъ исторіи вулканическихъ изверженій, на связь, существующую между дѣятельностью самыхъ отдаленныхъ вулкановъ. Онъ доказалъ тоже, что кромѣ постоянныхъ сообщеній между внутренностью и поверхностью земли, случаются еще и временныя. Прорвавшись разъ наружу, внутреннія силы не ищутъ болѣе исхода въ этомъ мѣстѣ; кромѣ того, горы вовсе не составляютъ необходимаго пути для изверженія. Оно можетъ произойти и на равнинѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется форма базальтовыхъ горъ, о которыхъ была рѣчь выше.

XI.

Въ области изслѣдованія магнетизма, самой загадочной изъ всѣхъ силъ природы, мы встрѣтимъ опять имя Гумбольдта. Незамѣтная нашимъ чувствамъ, эта сила долгое время не обращала на себя должнаго вниманія, хотя ея присутствіе, какъ доказано теперь, встрѣчается повсюду. Правда, нѣкоторыя магнетическія явленія были извѣстны уже древнимъ. Такъ, Платонъ, Аристотель, Плиній упоминаютъ о свойствахъ естественнаго магнита (такъ называется, какъ извѣстно, желѣзная руда, встрѣчавшаяся въ древности вблизи города Магнезіи, отъ котораго и получила настоящее названіе), а Лукрецій говоритъ объ отталкиваніи его. Изъ этого можно заключить, что уже древніе знали, что магнитъ имѣетъ два различные полюса, изъ которыхъ одноименные отталкиваются, а разноименные—притягиваются. Много вѣковъ однако прошло прежде, чѣмъ было открыто другое весьма важное свойство магнитовъ, именно, что положенные на вертикальную остроконечную подпорку, магниты, двигаясь въ горизонтальной плоскости, принимаютъ направленіе отъ сѣвера къ югу. Первое извѣстіе, дошедшее до насъ объ этомъ свойствѣ магнита, такъ важномъ для мореплаванія, относится къ XI-му или XII-му столѣтію, но въ немъ говорится объ немъ какъ объ инструментѣ общераспространенномъ между мореходцами, которые,

Digitized by Google

акъ кажется, заимствовали его у аравитянъ. Но гораздо древнѣе потребленіе его у китайцевъ. За одиннадцать столѣтій до нашего Втосчисленія, китайскій императоръ Чингвангъ подарилъ тонкинскимъ и кохинхинскимъ посланникамъ, опасавшимся сбиться а обратномъ пути, пять магнитныхъ «вѣсовъ», указывавшихъ а югъ посредствомъ подвижной руки небольшой фигуры. Китайцы знали даже, что магнитная стрѣлка показываетъ не совсѣмъ точно къ сѣверу и югу, а уклоняется нѣсколько отъ этого направленія. Въ концѣ XV-го вѣка уклоненіе это въ Европѣ ило къ сѣверо-востоку; Колумбъ же открылъ, во время перваго юего путешествія въ Америку, что уклоненіе это не всегда остоянно и неодинаково въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, онъ мѣтилъ (подъ 28° сѣвер. широты и 31° запад. долготы отъ арижа), что стрѣлка, показывавшая до того къ сѣверо-востоку, клонилась здѣсь на сѣверо-западъ. Изъ этого Колумбъ заключилъ, что онъ, слѣдуя отъ востока на западъ, перешелъ гдѣ-нибудь линію, гдѣ стрѣлка показывала и прямо на сѣверъ. ослѣдующія наблюденія показали, что подобныя уклоненія встрѣчаются не только въ той широтѣ, въ которой Колумбъ переплывалъ Атлантическій океанъ, такъ какъ теперь, въ этомъ тношеніи, земной шаръ дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной уклоненіе стрѣлки совершается на западъ, а въ другой—на востокъ. Эти обѣ части раздѣлены кривою, огибающею неправильно землю, на которой не замѣчается никакого клоненія. Притомъ уклоненіе, какъ было уже замѣчено, не егда одно и тоже: оно подвергается вѣковымъ измѣненіямъ. акъ, во время открытія Америки магнитная стрѣлка показывала а востокъ; въ концѣ XVI-го вѣка уклоненіе это уменьшилось, а ъ половинѣ XVII-го она совпадала съ меридіаномъ, перешла тѣмъ на западъ и теперь опять направляется назадъ. Кажется, го нолевая линія уклоненія перемѣщается отъ востока къ западу, но она при этомъ перемѣщается, какъ перемѣщаются, апр., облака въ своемъ теченіи; впрочемъ, направленіе ея болѣе араллельно меридіанамъ, нежели градусамъ широты. Точно акъ, какъ посредствомъ вышеупомянутой кривой мы можемъ здѣлить земной шаръ на двѣ области, область восточнаго и падnаго уклоненія, мы, соединяя между собою точки одинаоваго уклоненія, восточнаго и западнаго, линіями, называемыми зогонами, имѣемъ возможность, при первомъ взглядѣ на карту, рослѣдить распредѣленіе уклоненій на земномъ шарѣ. Первая акая карта изогоновъ была составлена на основаніи двукратнаго утешествія по Атлантическому океану Галлеемъ (1701 г.). Съ ѣхъ поръ появилось много такихъ картъ для различныхъ годовъ;

Digitized by Google

такъ, напр., карта уклоненій Ганстена для разныхъ годовъ, начиная съ 1600 по 1800; Сабинъ составилъ для одного 1840 г. Существуютъ карты и для отдѣльныхъ странъ, напр. карта Ламонта для Германіи.

Кромѣ вѣковыхъ и годовыхъ измѣненій уклоненій извѣстны еще и суточныя. Магнитная стрѣлка находится почти въ постоянномъ движеніи; она направляется то на востокъ, то на западъ, но среднее положеніе оконечности ея, направленной къ ближайшему полюсу земли, склоняется больше къ западу въ полдень нежели утромъ. Кромѣ того, лѣтомъ оно значительнѣе чѣмъ зимою. Нерѣдко встрѣчаются чрезвычайныя движенія, наблюдаемыя одновременно на большомъ пространствѣ.

Въ половинѣ XVI-го вѣка, викарій церкви св. Себальда въ Нюренбергѣ, Гартманъ, открылъ еще другую особенность магнитной стрѣлки, именно, что весьма точно привѣшенная, въ центрѣ тяжести, стальная стрѣлка, послѣ намагниченія, не сохраняетъ своего прежняго строго горизонтальнаго направленія, но наклоняетъ свою сѣверную оконечность книзу. Это наклоненіе было (1576) точнѣе изслѣдовано и провѣрено Норманномъ. По наблюденіямъ Джемса Росса въ Сѣверной Америкѣ (подъ 70° 5' шир. и 99° 5' зап. долг. отъ Парижа) магнитная стрѣлка стоитъ тамъ совершенно вертикально, склонивъ свой сѣверный полюсъ внизъ. Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ этой точки, тѣмъ меньше наклоненіе стрѣлки, которая у экватора принимаетъ горизонтальное положеніе. Переходя за экваторъ, южный полюсъ ея начинаетъ наклоняться и у южнаго Ледовитаго океана (по Россу у 75° 5' шир. и 151° 48' вост. дол. отъ Парижа) она опять принимаетъ вертикальное направленіе. Соединивъ между собою точки, въ которыхъ наклоненіе равно нулю, и получимъ кругомъ земного шара кривую, получившую названіе магнитнаго экватора. Соединяя точки одинаковаго наклоненія получаются т.-н. изоклины. Ихъ, по аналогіи, сравниваютъ съ астрономическими градусами широты, а изогоны—съ меридіанами. Но какъ тѣ, такъ и другіе существенно отличаются отъ астрономическихъ линій тѣмъ, что онѣ представляютъ неправильныя кривыя, между тѣмъ какъ послѣднія математически правильны. И для изоклиновъ существуютъ карты: Вилькеса издалъ для 1700 г.; Ганстеенъ тоже издалъ ихъ, равно какъ и Сабинъ для 1840 г. И наклоненія представляютъ вѣковыя, періодическія измѣненія и пертурбаціи, какъ и упомянутыя выше уклоненія.

Приближая магнитъ къ магнитной стрѣлкѣ, свободно вращающейся, легко замѣтить вліяніе перваго на послѣднюю. Е

Digitized by Google

ней замѣчаются безпокойство, колебанія, по прекращеніи которыхъ она принимаетъ опредѣленное положеніе, находящееся однако въ зависимости отъ положенія магнита, подъ вліяніемъ котораго колебалась стрѣлка. При передвиженіи стрѣлки по поверхности земли замѣчено, что положенія, принимаемыя ею въ различныхъ точкахъ земного шара, представляютъ большое сходство съ тѣми положеніями, которыя замѣчены на ней при вліяніи на нее магнита. По этой причинѣ, съ давняго уже времени привыкли смотрѣть на земной шаръ, какъ на громадный магнитъ, и потому на него перенесли всѣ свойства обыкновеннаго магнита. Какъ въ послѣднемъ намъ извѣстны точки, въ которыхъ магнетизмъ проявляется сильнѣе всего, такъ точно нашли ихъ и на земномъ шарѣ. Ихъ назвали магнитными полюсами, хотя они и не совпадаютъ съ полюсами астрономическими, но находятся всегда на значительной широтѣ.

Кромѣ явленій уклоненія и наклоненія, которыя можно вызвать въ стрѣлкѣ при посредствѣ магнита, Кулонбъ (Coulomb) замѣтилъ еще, что время, необходимое для того, чтобы одна и таже стрѣлка произвела колебаніе подъ вліяніемъ магнита, не всегда постоянно, не всегда одно и тоже. Подъ вліяніемъ сильнаго магнита стрѣлка колеблется гораздо быстрѣе, чѣмъ подъ вліяніемъ слабаго, иными словами—она совершаетъ отдѣльное колебаніе въ болѣе короткое время, такъ, что квадраты чиселъ колебаній относятся между собою, въ одно и тоже время, какъ дѣйствующія силы. Проводя стрѣлку вдоль магнита замѣчаемъ, кромѣ того, что вліяніе послѣдняго на первую, по его срединѣ, оказывается самымъ слабымъ, и усиливается по направленію къ полюсамъ. Естественно, что физики интересовались изслѣдовать и земной магнетизмъ относительно его силы въ разныхъ точкахъ земного шара, для чего необходимо было узнать, въ каждой изъ нихъ, число колебаній, дѣлаемыхъ вертикально-привѣшенной стрѣлкой, въ магнитномъ меридіанѣ, т.-е. въ такой вертикальной плоскости, въ которой наклоняющаяся стрѣлка приходитъ въ покой. Наблюденія, сдѣланныя учеными въ концѣ XVIII-го вѣка надъ этими явленіями, были частью неудовлетворительны, частью же пропали во время несчастія, постигшаго экспедицію Лаперуза.

Труды Гумбольдта о земномъ магнетизмѣ, начавшіеся въ разсматриваемый нами теперь періодъ его жизни, принесли необыкновенно богатый плодъ наукѣ, особенно въ послѣднее время его научной дѣятельности, вслѣдствіе вліянія, которое онъ, по занятому имъ положенію въ ученомъ мірѣ, оказывалъ не только на отдѣльныхъ ученыхъ, но и на правительства, пособія кото-

Digitized by Google

рыхъ были необходимы на этомъ полѣ дѣятельности. Гумбольдтъ обогатилъ науку огромнымъ количествомъ собственныхъ наблюденій по части земного магнитизма, при чемъ онъ обратилъ особенное вниманіе на несовсѣмъ точныя до него наблюденія надъ наклоненіями и силой ихъ. Наблюденія уклоненій гораздо легче и потому они были дѣлаемы и прежде довольно вѣрно и точно. Поэтому, усовершенствованіе метода первыхъ были важною услугою, оказанною Гумбольдтомъ этой отрасли физики. Разсѣянныя, по мѣрѣ появленія въ свѣтъ, въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, наблюденія по части земного магнетизма, они были собраны Гумбольдтомъ и приложены къ третьему тому его Relation historique въ видѣ особаго прибавленія. Оно обнимаетъ всѣ наблюденія его по этому вопросу, сдѣланныя имъ, съ 1798 по 1829 г., въ Америкѣ, Азіи и Европѣ. Кромѣ этого Гумбольдтъ издалъ двѣ монографіи по этому же предмету, одну въ сотрудничествѣ Біота, другую—Гэ-Люссака.

До американскаго путешествія Гумбольдта свѣдѣнія объ наклоненіи магнитной стрѣлки были еще такъ недостаточны, что предполагали, что магнитный экваторъ совпадаетъ съ астрономическимъ. Уже во время своего путешествія по Южной Америкѣ онъ замѣтилъ, въ Сантъ-Карлосѣ дель Ріо Грандо, подъ 1° 35′ сѣв. шир., что магнитное наклоненіе равно 20° 35′. Изъ этого уже было тогда (въ 1804 г.) ясно, что наклоненіе у астрономическаго экватора не могло равняться нулю, какъ тогда предполагали; въ противномъ случаѣ оно должно бы на небольшомъ разстояніи 1° 35′ уменьшиться на 20° 53′, что было немыслимо.

Выходя изъ открытія, что астрономическій и магнитный экваторъ не совпадаютъ, необходимо было заняться разрѣшеніемъ вопроса—гдѣ находится послѣдній. Гумбольдтъ и Біотъ располагали (въ 1805 г.) только двумя наблюденіями, которыя показывали стрѣлку въ горизонтальномъ направленіи: Лаперузъ нашелъ ее въ этомъ положеніи у береговъ Бразиліи въ 10° 57′ южн. шир. и 25° 5′ зап. долг. отъ Парижа; затѣмъ Гумбольдтъ нашелъ тоже подъ 7° 1′ южн. шир. и 80° 41′ зап. долг. тоже отъ Парижа. Изъ этого они заключили, что магнитный экваторъ представляетъ собою самый большой кругъ (т.-е. такой, котораго плоскость проходитъ черезъ центръ шара), наклоненный къ астрономическому подъ угломъ 10° 58′ 56″, и пересѣкающій его подъ 120° 2′ 5″ зап. долг. и 59° 57′ 55″ вост. долг. отъ Парижа. Сопоставленіе другихъ наблюденій показало имъ, что наклоненіе стрѣлки на разныхъ точкахъ земного шара можно объяснить допущеніемъ вліянія небольшого, но очень силь-

Digitized by Google

наго магнита, находящагося въ центрѣ земли. Они предполагали, что магнитъ этотъ стоитъ перпендикулярно къ плоскости магнитнаго экватора, а его продолженіе пересѣкаетъ поверхность земли въ двухъ діаметрально-противоположныхъ точкахъ, магнитныхъ полюсахъ, положеніе которыхъ хотя и было ими опредѣлено, но оказалось впослѣдствіи невѣрнымъ. По этой теоріи распредѣленіе, на земномъ шарѣ, линій одинаковаго наклоненія выходитъ очень правильнымъ: онѣ состоятъ въ такомъ же отношеніи къ магнитнымъ полюсамъ, какъ градусы широты къ полюсамъ астрономическимъ. Впрочемъ, оба изслѣдователя прибавляли, что нѣкоторыя мѣстныя причины, напр. присутствіе желѣзныхъ рудъ, въ особенности содержащихъ магнитъ, вліяетъ на наклоненія. Результатъ трудовъ Гумбольдта и Гэ-Люсака привелъ ихъ къ положенію, что по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ наклоненіе стрѣлки постоянно уменьшается.

Съ ученіемъ о магнетизмѣ повторилось тоже, что мы видѣли выше, говоря о теплотѣ. Пока количество наблюденій было ограничено, казалось, что распредѣленіе ея на поверхности земли совершается довольно правильно; только съ умножившимися наблюденіями убѣдились въ противномъ. Въ ученіи объ магнетизмѣ дошли до этого гораздо скорѣе, такъ какъ наблюденія, толчекъ которымъ данъ былъ Гумбольдтомъ, слѣдовали, одно за другимъ, необыкновенно быстро. Уже въ 1819 г. Ганстеенъ доказалъ, что магнитный экваторъ вовсе не самый большой кругъ, а разнообразно извивающаяся, вблизи астрономическаго экватора, кривая линія и что неправильности эти повторяются и въ остальныхъ изоклинахъ. Ганстеенъ, знавшій уже и вѣковыя измѣненія наклоненія, предположилъ существованіе въ землѣ, съ цѣлью объясненія наклоненія, двухъ магнитовъ, слѣд. допустилъ 4 полюса; что сдѣлано было уже до него Галлеемъ для объясненія явленій уклоненій. Одинъ изъ южныхъ полюсовъ онъ пріурочилъ южнѣе Новой Голландіи, другой — нѣсколько южнѣе Америки; одинъ изъ сѣверныхъ полюсовъ онъ помѣстилъ въ Сѣверной Америкѣ, другой — въ Сибири. При этомъ онъ предположилъ, что оба сѣверные полюса двигаются по направленію отъ запада къ востоку; оба южные — наоборотъ, отъ востока къ западу, по всѣ четыре — съ неравномѣрною скоростью.

Въ началѣ текущаго столѣтія опредѣленія напряженности земного магнетизма были еще неудовлетворительнѣе, чѣмъ наблюденія надъ наклоненіями, такъ какъ тогда не имѣли никакихъ доказательствъ, постоянна ли эта напряженность подъ разными широтами, или нѣтъ; наблюденія Ламанона, спутника Лаперуза, въ которыхъ можно было бы найти матеріалы для отвѣта по

Digitized by Google

этому вопросу, были потеряны, такъ, что и тутъ труды Гумбольдта открываютъ новую эру въ этой отрасли физики. Онъ впервые доказалъ фактически, что напряженность земного магнетизма подвержена измѣненіямъ подъ различными магнетическими широтами; что она, по мѣрѣ приближенія къ экватору уменьшается, такъ какъ время, необходимое для совершенія одного колебанія, одною и тою стрѣлкой, увеличивается по мѣрѣ уменьшенія разстоянія отъ этой кривой. Почти во всѣхъ послѣдующихъ наблюденіяхъ объ этомъ вопросѣ изслѣдователи приняли силу, съ которой дѣйствуетъ магнетизмъ у экватора въ Перу, опредѣленную тамъ Гумбольдтомъ, за единицу, съ которою сравнивались (и сравниваются большею частью еще теперь) всѣ напряженности магнетизма на земномъ шарѣ, и она легла въ основаніе при составленіи всѣхъ картъ напряженности земного магнетизма.

Кромѣ суточнаго колебанія магнитной стрѣлки въ горизонтальномъ направленіи, Гумбольдтъ, во время своего путешествія въ Италію (въ 1805 г.), открылъ еще новое, совершающееся въ болѣе узкихъ предѣлахъ и продолжающееся не такъ долго какъ первое. Извѣстно, что сѣверный полюсъ стрѣлки, въ нашихъ мѣстностяхъ, направляется, съ 6 часовъ утра до часу или двухъ по полудни, на западъ, а позднѣе движется, до полуночи, на востокъ; затѣмъ опять возвращается и въ 6 ч. утра показываетъ опять болѣе къ востоку, чѣмъ въ полночь. Это послѣднее движеніе составляетъ исключительное открытіе Гумбольдта; прежде полагали, что стрѣлка съ полудня до слѣдующаго утра постоянно движется къ востоку.

Оставимъ теперь область физики и перейдемъ къ землеописанію, успѣхамъ котораго такъ много послужилъ Гумбольдтъ.

XII.

Слѣдя за очертаніями линій, разграничивающихъ материки и океаны, легко убѣдиться, что первые оканчиваются къ югу острыми оконечностями, все болѣе и болѣе расширяясь къ сѣверу. Фактъ этотъ, замѣченный уже Бэкономъ веруламскимъ, былъ впослѣдствіи ближе изслѣдованъ Рейнгольдомъ Форстеромъ, обратившимъ, кромѣ того, еще вниманіе на то обстоятельство, что на западѣ материковъ находится всегда болѣе или менѣе значительная бухта. Онъ полагалъ, что общую причину этого поразительнаго однообразія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что материки подверглись, во время оно, сильному на-

Digitized by Google

водненію съ юго-запада. Напоромъ волнъ, утверждалъ Форстеръ, прежде существовавшій материкъ былъ частью смытъ, но на восточномъ берегу сохранившейся части его осталось нѣсколько острововъ, а на западномъ — вырыта была губа. Въ эпоху систематики, изощрявшейся въ томъ, чтобы каждое явленіе природы помѣстить въ рамки, придуманныя для всѣхъ отраслей, горы тоже не избѣгли общей участи предметовъ естествовѣдѣнія. Бюашъ (Buache), пытаясь ввести научную стройность въ распредѣленіи горъ, утверждалъ (въ 1752), что они распространяются лучеобразно, изъ нѣсколькихъ точекъ земного шара. Тамъ, гдѣ лучи эти встрѣчаются между собою, образуются хрящи горъ, которые, конечно, усиливаются, смотря по числу пересѣкающихся вѣтвей. Принимая горы за возвышенія почвы надъ поверхностью земли, тѣ изъ нихъ, которыя покрыты водою, будутъ представлять лучеобразно распространяющіяся отмели, самыя возвышенныя точки которыхъ могутъ подыматься надъ уровнемъ воды въ видѣ острововъ. Выходя изъ этого положенія Бюашъ раздѣлилъ всю поверхность земного шара, покрытую и непокрытую водой, на извѣстное число полей, разграниченныхъ хребтами горъ, лучеобразно распредѣляющихся изъ отдѣльныхъ точекъ. Эти горныя цѣпи соединяли, по его мнѣнію, Южную Америку съ Гвинеей, Сѣверную Америку съ Атласомъ и черезъ Ньюфоундландъ съ Англіей и т. д. Въ Европѣ онъ принималъ два узла горъ — Швейцарскій, и другой — у истоковъ Волги и Дона!! Послѣдняго обстоятельства, для русскаго читателя, достаточно, чтобы доказать, что вся теорія Бюаша основана была на спекулятивныхъ соображеніяхъ, несоотвѣтствовавшихъ наблюденіямъ и дѣйствительности. Тотъ же промахъ оказался и въ Сѣверной Америкѣ: тамъ, гдѣ долженъ былъ, по мнѣнію Бюаша, находиться главный узелъ горъ этой части свѣта—открыты впослѣдствіи Канадскія озера!

Бюффонъ выходилъ изъ другого предположенія насчетъ распредѣленія неровностей на земномъ шарѣ. Онъ искалъ извѣстнаго соотношенія между ними и меридіанами и параллельными кругами, склоняясь къ мнѣнію, что горы представляютъ такую же сѣть, какъ эти вспомогательные условные знаки на нашихъ картахъ.

Естественно, что Гумбольдтъ, испытавъ вліяніе этихъ теорій, неопроверженныхъ еще наблюденіями, смотрѣлъ, въ первое время своего американскаго путешествія, глазами своихъ предшественниковъ; такъ, въ его Geognostische Skizze von Süd-Amerika, онъ подтверждаетъ теорію Форстера, принимая, что вода, направляясь между Америкой и Африкой отъ юга къ сѣверу,

Digitized by Google

проложила себѣ путь черезъ горы Бразиліи къ Гвинеѣ (къ сѣверо-востоку), вырывъ Гвинейскій заливъ; затѣмъ, встрѣтивъ преграду въ верхней Гвинеѣ, отхлынувъ къ американскому берегу, вырыла Мексиканскій заливъ, и затѣмъ, направляясь на сѣверо-востокъ, разлилась безпрепятственно на сѣверъ. И подтвержденіе теоріи Бюффона было тоже найдено Гумбольдтомъ въ направленіи Кордильеровъ, идущихъ вдоль меридіановъ, и т. д. Въ позднѣйшихъ трудахъ его нѣтъ и рѣчи объ этихъ отвлеченныхъ теоріяхъ.

До путешествія Гумбольдта и Бонплана въ Южную Америку, страна эта была въ настоящемъ смыслѣ terra incognita. Состоя подъ властію Испаніи и Португаліи, ревниво оберегавшихъ ее, она была совершенно недоступна изслѣдованіямъ ученыхъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, впрочемъ весьма скудныя и ложныя, проникали, благодаря экспедиціямъ, отыскивавшимъ сказочную страну Эльдорадо, богатые города Амазоновъ, и другія будто бы золотомъ обилующія мѣстности. Въ началѣ XVIII-го вѣка, чрезмѣрно усилившіеся морскіе разбои вынудили Испанію разрѣшить французскимъ крейсерамъ охотиться на флибустьеровъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Франція и въ интересѣ науки, отправивши съ своими фрегатами и нѣсколько ученыхъ. Имъ-то наука обязана, въ особенности Луи Фейлье (Feuillée), первыми астрономическими опредѣленіями нѣкоторыхъ мѣстностей. Впослѣдствіи англичане, въ особенности Кукъ, увеличили число ихъ. Но всѣ эти наблюденія сдѣланы были только у береговъ; внутренность страны оставалась почти совершенно неизслѣдованною. Кромѣ политическихъ причинъ, мѣшавшихъ научнымъ изслѣдованіямъ, играли не послѣднюю роль и ложно понятые меркантильные предразсудки. Такъ, съ цѣлью помѣшать контрабандѣ между испанскими и португальскими колоніями, Испанія строго запретила своимъ подданнымъ дѣлать открытія по направленію къ Бразиліи, за Санта-Круцъ де ля Сіерра, вслѣдствіе чего цѣлая полоса, шириною въ 300 миль, обречена была оставаться незаселенною пустыней! Португальцы, воспользовавшись этимъ запретомъ, захватили все это пространство въ свои руки. Тогда испанцы, видя цѣль свою недостигнутою, рѣшились (въ 1751 г.) образовать смѣшанную коммиссію для проведенія границъ. Они, несмотря на сопротивленіе португальцевъ, измѣрили Парагвай съ сопредѣльными странами, на пространствѣ 420 миль отъ сѣвера къ югу, и на 200 м. отъ востока къ западу. Въ теченіи 10-ти лѣтъ (съ 1735—1745) французскіе академики: Ла-Кондаминъ, Буге и Годэнъ, вмѣстѣ съ испанцами: Донъ-Джорге-Джуанъ и Донъ-Антоніо Уллоа зани-

Digitized by Google

мались знаменитымъ измѣреніемъ длины градуса въ Перу. Вскорѣ затѣмъ (въ 1754) отправлена была новая, для исправленія пограничной линіи, коммиссія, которой было тоже поручено изслѣдовать верхній Ореноко, Ріо-Мета, подъ главнымъ начальствомъ Донъ Джозе Итурріяга. Но экспедиція эта, благодаря гнуснымъ проискамъ отцовъ іезуитовъ, погибла. Изъ 325 человѣкъ, ее составлявшихъ, остались, благодаря имъ, въ живыхъ только 13-ть! Солана, одинъ изъ главныхъ участниковъ ея, спасшихся отъ голодной смерти, уготованной экспедиціи благородными патерами, уцѣлѣлъ только потому, что догадался питаться жареными червями и встрѣтилъ помощь и сочувствіе туземныхъ дикарей, выручившихъ его отъ ковъ, разставленныхъ ему, такъ-называемыми, послѣдователями Христа. Одновременно почти съ этимъ несчастнымъ мученикомъ науки, Донъ Франциско Реквена занимался изслѣдованіями въ Санта-Фэ и Гваяквилѣ, и составилъ карту послѣдней. Кромѣ того онъ изслѣдовалъ протекающія въ нихъ рѣки, впадающія въ Амазонскую. Вотъ итогъ научныхъ свѣдѣній объ испанской Америкѣ до путешествія Гумбольдта! Предшественники его оставили ему богатую почву для разработки — 15,400 квадр. миль была арена, на которой онъ могъ подвизаться. До него никто въ Европѣ не зналъ ни направленія береговыхъ Кордильеровъ въ Венезуелѣ, ни слышалъ что-нибудь о Кордилліерѣ Парима, и, за исключеніемъ Квито, внутри всей Южной Америки не было ни одного мѣста, опредѣленнаго астрономически. Гумбольдтъ сдѣлалъ болѣе 700 опредѣленій высотъ, долготъ и широтъ; уже одна эта заслуга равняется почти всей совокупности научныхъ трудовъ его предшественниковъ. Его, по праву, можно назвать вторымъ Колумбомъ. Если послѣдній открылъ берега Америки, то Гумбольдтъ познакомилъ ученый міръ съ большею частью материка этой части свѣта.

Труды его по этому предмету изложены, кромѣ названной выше монографіи, въ физическомъ журналѣ «Де-Ла-Метри» (1801), въ Relation historique, въ Atlas géographique et physique, и въ атласѣ къ сочиненію о Новой Испаніи. Здѣсь помѣщены не только мѣстности, лично изслѣдованныя Гумбольдтомъ, но и всѣ картографическіе труды его предшественниковъ, найденные имъ въ архивахъ мексиканскихъ и испанскихъ, такъ, что они представляютъ сводъ всѣхъ свѣдѣній о внутренней части Южной Америки и Мексики, извѣстныхъ и существовавшихъ въ эпоху ихъ появленія. Въ географическихъ трудахъ своихъ Гумбольдтъ не ограничился опредѣленіями широты и долготы мѣстъ, но не упустилъ изъ виду и опредѣленіе высотъ, ихъ надъ поверх-

Digitized by Google

ностью моря. Если бы онъ удовольствовался только первой половиной задачи, то въ результатѣ мы получили бы, изъ соединенія множества опредѣленныхъ имъ мѣстъ, только общее очертаніе страны и взаимное отношеніе ихъ между собою, словомъ, то, что́ мы привыкли называть ландкартою или дорожною, почтовою картою. Для научныхъ цѣлей подобная карта не имѣетъ особенной цѣны, и потому мы видимъ на лучшихъ изъ нихъ означенными, особыми условными знаками, горы, лѣса, болота и т. п. Но только т.-н. рельефныя карты удовлетворяютъ научнымъ цѣлямъ, знакомя насъ съ конфигураціей страны, но составленіе ихъ требуетъ гораздо болѣе детальныхъ свѣдѣній, чѣмъ обыкновенная карта, такъ какъ въ послѣдней, если мы встрѣчаемъ какую-нибудь полосу неизслѣдованною, мы, просто, можемъ оставить соотвѣтствующее ей на картѣ мѣсто незаполненнымъ, между тѣмъ какъ на рельефной картѣ это невозможно. Несмотря на путешествія Гумбольдта и Бонплана, и ихъ преемниковъ, 40 лѣтъ тому назадъ невозможно было составить вѣрную рельефную карту Южной Америки, и потому онъ ограничился составленіемъ профилей изслѣдованныхъ имъ мѣстностей. Выбравъ извѣстное направленіе въ странѣ онъ наносилъ, въ соотвѣтствующихъ даннымъ мѣстностямъ точкахъ, высоты ихъ надъ уровнемъ моря. Въ указанныхъ выше сочиненіяхъ мы находимъ, на приложенныхъ къ нимъ атласахъ, огромное количество такихъ профилей, восполняющихъ, до нѣторой степени, неполноту картъ, и приближающихъ ихъ отчасти къ рельефнымъ картамъ, такъ какъ кромѣ ландкартъ, знакомящихъ насъ съ горизонтальнымъ протяженіемъ страны, мы получаемъ еще, при посредствѣ профилей, понятіе и о вертикальномъ ихъ очертаніи и протяженіи. Благодаря почину Гумбольдта, съ тѣхъ поръ появилось много хорошихъ профильныхъ картъ, напр. карта Кавказа — Паррота и Энгельгардта; швейцарскихъ Альпъ и Карпатовъ—Валеньберга; Германіи — Шюблера; карта Франціи — фонъ Эйнгаузена и Дехена.

Необыкновенно важна монографія Гумбольдта: Esquise d'un tableau géognostique de l'Amérique méridionale au nord de la rivière des Amazones et à l'ést du méridien de la Sierra-Nevada de Merida. Она посвящена изслѣдованію горъ Южной Америки, вопросу необыкновенно важному въ этой части свѣта, такъ какъ изъ 571,000 кв. миль, составляющихъ ее, четверть покрыта горами. На разстояніи 300 миль отъ океана они поднимаются исподоволь отъ 30—470 туазовъ надъ поверхностью моря. Самый значительный хребетъ Южной Америки направляется въ длину ея, отъ юга къ сѣверу, и притомъ онъ не находится

Digitized by Google

въ центрѣ страны, какъ Альпы, и не на такъ значительномъ разстояніи отъ береговъ, какъ Гималая и Гинду-Ку, но тянется вдоль западнаго берега материка не въ далекомъ отъ берега Тихаго океана разстояніи.

Кромѣ богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ Гумбольдтомъ для орографіи Южной Америки, впервые познакомившихъ науку съ очертаніями этой части свѣта, и связанныхъ съ ними изслѣдованій о направленіяхъ водъ на землѣ, онъ оставилъ намъ труды, касающіеся теченій морскихъ. Воды океана не отличаются тѣмъ покоемъ какъ воды озеръ. Они находятся въ постоянномъ движеніи; по громаднымъ русламъ, вырытымъ водою на днѣ его, текутъ огромныя рѣки. Такъ какъ различные градусы широты, вслѣдствіе различнаго положенія своего относительно солнца, нагрѣваются имъ неодинаково, то естественно, что температура морей тропическихъ выше температуры морей, находящихся подъ другими градусами широты. Естественно, что въ тѣхъ широтахъ, гдѣ вода, вслѣдствіе вліянія высшей температуры, сильнѣе испаряется, тамъ и уровень ея понижается болѣе нежели въ смежныхъ моряхъ, лежащихъ въ широтахъ не такъ теплыхъ. Но такъ какъ различныя части океана находятся между собою въ сообщеніи, то оказывается, по закону равновѣсія въ сообщающихся сосудахъ, совершенно невозможнымъ, чтобы одна часть его стояла выше другой. Необходимымъ послѣдствіемъ этой невозможности является теченіе воды изъ болѣе холодныхъ широтъ къ экватору, восполняющее образующійся тамъ недостатокъ ея вслѣдствіе испаренія. Точно также какъ въ пассатныхъ вѣтрахъ воздухъ, на пути отъ полюсовъ къ экватору, принимаетъ все болѣе и болѣе западное направленіе, такое же явленіе повторяется и съ водою морскою. По мѣрѣ приближенія къ экватору теченіе принимаетъ все болѣе западное направленіе, а у самаго экватора мы видимъ, какъ въ Атлантическомъ такъ и въ Тихомъ океанѣ, что теченіе направляется отъ востока къ западу. Для восполненія постояннаго дефицита, происходящаго отъ испаренія, вода должна необходимо направляться, на западныхъ берегахъ материковъ, съ юга и съ сѣвера отъ экватора, къ этому послѣднему. Если бы на нашей планетѣ не было материка, то естественнымъ слѣдствіемъ этого закона было бы явленіе, что у экватора образовалось бы теченіе, направлявшееся вдоль его, кругомъ шара нашей планеты; а съ высшихъ широтъ вода бы притекала для восполненія потерянной океаномъ у экватора въ видѣ испаренія и возстановленія равновѣсія. Въ дѣйствительности мы не видимъ этого явленія потому, что материки Стараго и Новаго Свѣта, легшіе поперегъ этихъ теченій, мѣшая имъ

Digitized by Google

слѣдовать по пути, указанному физическимъ закономъ равновѣсія жидкостей, вынуждаютъ эти теченія, по достиженіи ими высшихъ широтъ, измѣнять направленіе.

Излишне доказывать, какую важную роль играютъ морскія теченія въ мореплаваніи. Изъ рѣчного судоходства каждому уже извѣстно, какая громадная разница между движеніемъ судна внизъ и вверхъ по теченію. Кромѣ того, мореплаватель, попавъ посреди теченія, о существованіи котораго онъ не подозрѣвалъ, уносится имъ въ мѣстности, удаленныя, а часто противоположныя тѣмъ, которыя достичь онъ имѣлъ въ виду. Послѣ этого становится понятнымъ, что не только моряки, но и человѣчество вообще, обязано считать въ числѣ своихъ благодѣтелей сѣверо-американскаго капитана Мори (Maury), котораго научныя изслѣдованія морскихъ теченій [1]) возвели эту часть мореплаванія на степень точной науки. Ученый этотъ приписываетъ большое значеніе, при объясненіи происхожденія теченій, и разнообразному содержанію солей въ разныхъ моряхъ.

Для изслѣдованія морскихъ теченій употребляются различныя средства. Употребляемое на рѣкахъ, посредствомъ котораго сравниваются различныя положенія плывущаго по рѣкѣ предмета, наблюдаемаго съ твердой точки на берегу, изъ которой визируютъ его сперва вверху рѣки, а затѣмъ внизу, непримѣнимо на океанѣ, гдѣ нѣтъ для этого неподвижной точки, т.-е. берега. Недостатокъ этотъ замѣняется изслѣдованіемъ уклоненія положенія корабля (движеніе котораго опредѣляется бѣгомѣромъ), отъ дѣйствительнаго, найденнаго путемъ астрономическаго вычисленія. Затѣмъ бросаютъ въ океанъ, въ запечатанныхъ бутылкахъ, ярлыки, съ надписью, обозначающею число мѣсяца и мѣсто корабля, ихъ выкинувшаго. Если бутылки эти будутъ вынуты изъ воды какимъ-нибудь другимъ судномъ, то по мѣсту, въ которомъ онѣ найдены и по-времени, протекшему со дня и часа ихъ опущенія въ море, можно легко вычислить скорость движенія бутылки. Направленіе теченія указывается и морскими растеніями: ихъ продольная ось направлена всегда по направленію теченія. Для опредѣленія границъ его служитъ термометръ: вода, текущая отъ экватора всегда теплѣе воды, текущей отъ полюсовъ.

Во время своихъ путешествій по Атлантическому океану и Антильскому морю, Гумбольдтъ, познакомившись съ ихъ теченіями, оставилъ намъ, въ первомъ томѣ своего Relation historique, цѣлую монографію объ нихъ. Изслѣдуя Тихій океанъ у береговъ Перу, онъ открылъ тамъ теченіе, направляющееся отъ

[1]) Explorations and sailing directions to accompany the wind and current chart.

Digitized by Google

южнаго полюса къ экватору, и получившее впослѣдствіи, въ честь его, названіе Гумбольдтова.

Между задачами, поставленными на очередь современной географіей, и соединяющими въ себѣ одновременно научный и практическій интересъ, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ открытіе новыхъ или возобновленіе старыхъ путей сообщенія. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ перемѣщаться, извѣстно уже, что изъ двухъ путей, водяного и сухопутнаго, преимущество остается за первымъ. Этимъ объясняется и историческій фактъ, непредставляющій почти исключенія, что всѣ торговые народы древняго и новаго міра были островитяне, или жители побережій. При современномъ распредѣленіи материковъ и водъ, на обитаемой части земного шара мы имѣемъ три большіе міровые пути, океаны: Атлантическій, Великій и Индѣйскій. До открытія Америки древніе историческіе народы знали, кромѣ Атлантической системы, извѣстной имъ впрочемъ далеко не полно, еще другую, Индѣйскую. Стремленіе открыть водяной путь изъ одной въ другую повело къ открытію пути вокругъ мыса Доброй Надежды, затѣмъ — къ открытію Америки, а въ окончательномъ результатѣ—къ открытію Южнаго океана. Сообщенія между этими тремя системами, образованныя природою, далеко не вездѣ одинаково развиты. Самое благопріятное существуетъ между системами Индѣйскаго и Великаго океана; оба они представляютъ два сообщенія: одно неподалеку отъ экватора, близъ Индѣйскаго архипелага; другое—въ умѣренномъ поясѣ, южнѣе Новой Голландіи, находясь не въ значительныхъ широтахъ, и въ сравнительно не бурномъ морѣ, представляетъ извѣстныя удобства для мореплавателя. Гораздо неудобнѣе сообщенія Атлантическаго океана, въ особенности сѣверныхъ частей его береговъ, т.-е. европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Между Атлантическимъ и Индѣйскимъ океаномъ, равно какъ между послѣднимъ и Тихимъ, находятся два прохода, которые можно избрать путемъ сообщенія между ними, но одинъ изъ нихъ заставляетъ мореплавателя совершить путешествіе вокругъ цѣлой части свѣта, вокругъ Африки; другой же прерывается, между Азіей и Африкой, материкомъ. Между Атлантическимъ океаномъ и Тихимъ существуютъ, собственно говоря, четыре пути, но два изъ нихъ, черезъ сѣверное полярное море—сѣверо-восточный и сѣверо-западный проходъ—недоступны мореплаванію. Третій путь, вокругъ мыса Горна, или черезъ проливъ Магеллана, принуждаетъ мореплавателя совершить путешествіе еще большее, чѣмъ вокругъ мыса Доброй Надежды, да кромѣ того по морю весьма бурному у южной оконечности Америки, гдѣ дуетъ круглый годъ запад-

Digitized by Google

ный вѣтеръ. Подводные же камни Магелланова пролива дѣлаютъ этотъ путь тоже очень опаснымъ. Послѣдній путь не представляетъ открытаго водяного сообщенія; онъ прерывается материкомъ.

Пока большая часть западнаго полушарія находилась подъ властью Испаніи, ревниво оберегавшей свое достояніе отъ всякаго соприкосновенія съ иностранцами; пока Китай и Японія не допускали никого въ свои предѣлы; пока, наконецъ, Новая Голландія оставалась ссылочнымъ мѣстомъ Англіи, до тѣхъ поръ, конечно, Великій океанъ былъ водяною пустынею, на которой появлялось ежегодно очень ограниченное число кораблей. Но обстоятельства теперь измѣнились, въ особенности со времени отпаденія испанскихъ колоній. Теперь только можно было задаться мыслію, — и честь ея перваго проявленія принадлежитъ Гумбольдту (въ Essai politique sur la Nouvelle Espagne),—исправить недостатокъ природы искусствомъ, посредствомъ проведенія канала между обоими океанами. Необходимость и важность этого предпріятія съ тѣхъ поръ увеличилась, въ особенности со времени открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи. Хотя мысль Гумбольдта и не перешла до сихъ поръ въ область совершившагося факта; хотя до настоящаго времени отыскивается, въ низкихъ широтахъ Америки, самое удобное мѣсто для осуществленія ея, но Гумбольдтъ, болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, указалъ девять пунктовъ, которые отличаются тѣмъ, что рѣки, текущія въ Атлантическій океанъ, въ этихъ мѣстахъ, приближаются значительно къ рѣкамъ изливающимся въ Тихій. Семь изъ этихъ пунктовъ, точно имъ обозначенныхъ на картѣ, находятся въ центральной Америкѣ; два—въ сѣверной. Изъ первой категоріи одинъ только пунктъ, именно — между Pio-Атрато и Pio-Санъ-Жуанъ — представляетъ удобство, что при проведеніи черезъ него канала нѣтъ надобности устроивать шлюзы, такъ значительно увеличивающіе издержки сооруженія и содержанія, проводя же каналы черезъ всѣ остальные пришлось бы прорѣзывать Кордильеры, между тѣмъ какъ тутъ объ этомъ позаботилась сама природа. Мысль объ этомъ каналѣ занимала Гумбольдта почти всю его жизнь, со времени возвращенія его изъ американскаго путешествія, что доказывается его статьями объ этомъ предметѣ, опубликованными въ 1827, 1851, 1856 и 1857 годахъ. Въ нихъ онъ распространяется объ выгодахъ канала Атрато, ненуждающагося ни въ туннеляхъ, ни въ шлюзахъ. Онъ надѣялся, что когда планы и профили всѣхъ имъ обозначенныхъ мѣстностей, представляющихъ возможность для проведенія каналовъ, будутъ опубликованы, спеціалисты-ин-

Digitized by Google

женеры и общественное мнѣніе будутъ одинаково за осуществленіе указаннаго имъ канала Атрато. Къ этому же результату пришелъ и извѣстный мореплаватель, капитанъ Фицъ-Рой, который въ особомъ мемуарѣ о перешейкѣ центральной Америки утверждаетъ, что послѣ сравненія имъ всѣхъ предложенныхъ направленій соединить Тихій океанъ съ Атлантическимъ, онъ принужденъ высказаться въ пользу линіи Атрато-Купика для проведенія канала, и въ пользу линіи Панамской — для желѣзной дороги. Хотя вопросъ этотъ не рѣшенъ до сихъ поръ, но можно предполагать, что практическія изслѣдованія доведутъ до того, что направленіе, указанное Гумбольдтомъ, будетъ осуществлено въ дѣйствительности.

XIII.

Въ заключеніе, намъ остается разсмотрѣть еще одну сторону неутомимой и всесторонней дѣятельности Гумбольдта, которая была посвящена изученію человѣка не только въ отношеніи этнографическомъ, но соціальномъ и государственномъ. Въ его трехъ «Essais» встрѣчаемъ богатѣйшій матеріалъ данныхъ, касающихся ремеслъ, торговли, народонаселенія, національнаго богатства, драгоцѣнныхъ металловъ, словомъ, народнаго и государственнаго хозяйства, данныхъ, которыя сохранятъ всегда свое историческое значеніе для изслѣдователя посѣщенныхъ Гумбольдтомъ мѣстностей. Въ его «Relation historique» разсѣяны многочисленныя данныя насчетъ породъ, нравовъ, обычаевъ, особенностей жителей центральной Америки; еще больше встрѣчается ихъ въ его «Vues des Cordillères. Тутъ находимъ исторію краснокожихъ, насколько она возможна, до прибытія европейцевъ; здѣсь описаны древнѣйшія зданія ихъ, лѣтосчисленіе, государственное устройство и проч., сравненныя съ тѣми же сторонами жизни и дѣятельности другихъ народовъ, въ особенности азіатскихъ. Сравненія эти поражаютъ не только богатымъ научнымъ матеріаломъ автора; онѣ изложены, кромѣ того, увлекательно и читаются съ живымъ интересомъ, такъ, что нельзя не сожалѣть, что высокая цѣна этого труда (вслѣдствіе приложенныхъ къ нему рисунковъ) дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства читающей публики. Мы постараемся, конечно только въ самыхъ общихъ чертахъ, дать понятіе, хотя весьма поверхностное, объ этихъ трудахъ Гумбольдта, и начнемъ съ трудовъ его о неграхъ.

На материкѣ Америки, въ испанскихъ колоніяхъ, число негровъ было весьма незначительно, но за то на Антильскихъ

Digitized by Google

островахъ мѣсто краснокожихъ, совершенно тамъ исчезнувшихъ, заняли негры, по преимуществу въ качествѣ невольниковъ, хотя между ними встрѣчались и свободные. По изслѣдованіямъ Гумбольдта, первые негры, числомъ не болѣе 300 человѣкъ, были переселены туда въ 1521 г. Португальцы гораздо болѣе старались объ этомъ переселеніи, чѣмъ испанцы. Во все продолженіе XVI-го столѣтія торговля неграми не была свободна, составляя завидную, мало соотвѣтствующую христіанскому ученію, привилегію, дававшуюся королевскою властью. Въ 1790 г. торговля эта была объявлена свободною; въ 1817 г. она была запрещена на сѣверъ отъ экватора, а въ 1820 г. — совершенно. По исчисленію Гумбольдта, число чернокожихъ, привезенныхъ съ 1670 по 1825 г. на Антильскіе острова, простиралось до 5-ти милліоновъ; а число жившихъ, въ этомъ послѣднемъ году, на всемъ Архипелагѣ не достигало и $2^1/_2$ милліоновъ. Сдѣлавъ подробное исчисленіе жителей по породамъ—бѣлыхъ, краснокожихъ, мулатовъ, негровъ, и потомъ по состояніямъ—свободныхъ и невольниковъ, на Кубѣ, Ямайкѣ, Антильскихъ островахъ, Сѣверо-американскихъ Штатахъ, Бразиліи, Гумбольдтъ пришелъ къ заключенію, что въ случаѣ борьбы между породами, на Кубѣ числительное превосходство бѣлыхъ (46%, а съ мулатами и свободными неграми и краснокожими—64%) обезпечивало имъ вѣроятность побѣды, дѣлавшейся сомнительною въ другихъ указанныхъ выше странахъ, вслѣдствіе значительнаго въ нихъ преобладанія невольничьяго элемента. На Гайити, французской части С.-Доминго, въ 1788 г., т.-е. незадолго до возстанія невольниковъ, отношеніе между составными частями населенія было слѣдующее: 8% бѣлыхъ, 5% свободныхъ негровъ, 87% невольниковъ. Это-то ненормальное отношеніе и вызвало страшную катастрофу, со всѣми ужасными ея послѣдствіями, окончившуюся провозглашеніемъ независимости острова и образованіемъ свободныхъ негрскихъ государствъ. Таже печальная судьба ожидала и англійскія Антиллы, еслибы правительство англійское во́ время не догадалось предупредить ужасы возстанія дикихъ массъ освобожденіемъ ихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что испанцы не такъ злоупотребляли своей рабовладѣльческой властью, какъ англичане и американцы южныхъ штатовъ, и что во владѣніяхъ первыхъ освобожденіе изъ рабства совершилось легче, нежели у послѣднихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гумбольдтъ путешествовалъ по странамъ, гдѣ невольничество процвѣтало, прошло болѣе полувѣка и оно уже почти вездѣ въ нихъ исчезло; тѣмъ не менѣе интересно еще и теперь знать его отзывъ объ этомъ, сданномъ въ

Digitized by Google

архивъ исторіи, учрежденія, такъ долго пятнавшемъ родъ человѣческій, не исключая и народовъ, принявшихъ христіанство. Я имѣлъ случай, говоритъ Гумбольдтъ, изучить бытъ невольниковъ, въ странахъ, гдѣ законы, религія, обычай, подали другъ другу руку для облегченія участи рабовъ; но несмотря на это я, при отъѣздѣ изъ Америки, проникнутъ такимъ же отвращеніемъ къ невольничеству, съ какимъ я оставилъ Европу. Напрасно, продолжаетъ онъ, остроумные писатели стараются маскировать жестокость этого учрежденія разными нѣжно-звучащими словами, напр. антильскіе крестьяне изъ негровъ, подданство черныхъ, патріархальная защита и т. п. Подобныя уловки оскорбляютъ только благородныя свойства духа и мысли, употребляя ихъ на защиту учрежденія, возмущающаго человѣческое чувство. Неужели мы можемъ успокоиться сравненіемъ положенія этихъ несчастныхъ съ положеніемъ крѣпостныхъ въ средніе вѣка, или на сѣверо-востокѣ Европы? Эти пошлыя сравненія, эта діалектика и горделивое неудовольствіе заинтересованныхъ, обнаруживаемое ими когда кто-либо осмѣлится выразить надежду на постепенное улучшеніе быта негровъ и смягченіе невольничества, суть въ XIX-мъ вѣкѣ безсильное оружіе. Великіе политическіе перевороты, совершившіеся на материкѣ Америки и на Антильскомъ архипелагѣ, съ начала текущаго столѣтія, дѣйствуютъ на идеи и образъ мыслей даже тѣхъ странъ, гдѣ невольничество еще существуетъ, и они не могутъ не вызвать въ нихъ перемѣны».

Гумбольдтъ желалъ измѣненія, или вѣрнѣе отмѣны, невольничества путемъ законодательства, отвергая совершенно пустыя фразы, что слѣдуетъ предоставить совершеніе этой реформы времени и вліянію цивилизаціи. Онъ говоритъ, что время оказетъ, конечно, свое вліяніе на рабовъ, но вмѣстѣ и на отношенія между обитателями острововъ и материка и на событія, руководить которыми не будетъ уже возможности, если упустить время въ апатической недѣятельности. Вездѣ, гдѣ невольничество существуетъ продолжительное время, успѣхи цивилизаціи оказываютъ гораздо менѣе вліянія на бытъ невольниковъ, чѣмъ сколько отъ нея ожидаютъ. Цивилизація рѣдко распространяется на огромное количество индивидумовъ; она не проникаетъ къ тѣмъ надсмотрщикамъ, которые находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рабочими на сгоновомъ мѣстѣ, или на фабрикахъ. Отдѣльныя улучшенія быта, затѣваемыя гуманными рабовладѣльцами, не только не достигаютъ цѣли, но даже опасны по контрасту съ положеніемъ большинства; для успѣха необходима общая мѣра, вмѣстѣ съ твердою волею мѣстныхъ властей и со-

Digitized by Google

дѣйствіемъ всего образованнаго общества поддерживать ее. Безъ этого повторилось бы явленіе, извѣстное намъ изъ римской исторіи, гдѣ рабовладѣніе существовало, со всѣми его ужасными и вредными послѣдствіями, рядомъ съ такъ прославленными успѣхами цивилизаціи и утонченностью нравовъ. Существованіе невольничества въ извѣстной странѣ есть, такъ сказать, постоянное обвиненіе противу цивилизаціи ея, соединенное съ постоянною же угрозою поглотить ее, когда ударитъ часъ мести.

И туземные обитатели Америки, индѣйцы, обратили на себя вниманіе Гумбольдта. Онъ нашелъ между разнообразнѣйшими родами ихъ замѣчательное сходство, указывающее на ихъ общее происхожденіе. Общія черты ихъ наружности можно обозначить слѣдующимъ очеркомъ: темная, мѣднаго цвѣта, кожа; гладкіе волоса, слабо развитая борода, небольшой ростъ, наружные углы глазъ приподнятые къ верху, къ сторонѣ висковъ; выдающіяся скулы, толстыя губы съ выраженіемъ доброты вокругъ ихъ, сильно контрастирующей съ дикостью взгляда. Для непривычнаго глаза европейца довольно трудно отличить между собою отдѣльныхъ индивидумовъ, хотя отдѣльные роды и представляютъ довольно характеристическіе признаки. Между тѣмъ, какъ цвѣтъ кожи бѣлаго зависитъ не столько отъ происхожденія, сколько отъ климата, вліяніе послѣдняго совершенно не существуетъ у туземныхъ американцевъ и негровъ. Между племенами Новаго Свѣта встрѣчаются такіе, которые, по цвѣту кожи, приближаются къ арабамъ или маврамъ. Въ лѣсахъ Гвіаны, въ особенности у истоковъ Ореноко, живутъ племена также бѣлые какъ мѣстицы, хотя они никогда не скрещивались съ европейцами; кругомъ ихъ живетъ населеніе темнокожее. Обитатели плоской мексиканской возвышенности представляютъ гораздо болѣе темную кожу, чѣмъ жители Квито и Новой Гранады, несмотря на то, что они живутъ въ одинаковомъ климатѣ. Нагой индѣецъ имѣетъ такую же кожу, какъ и носящій платье; и части тѣла послѣдняго, покрытыя одеждой, вовсе не свѣтлѣе чѣмъ подверженные дѣйствію воздуха и солнца. Мнѣніе, распространенное Вольнеемъ, будто дѣти индѣйцевъ рождаются бѣлыми, и женщины, прикрывающія нижнія части живота, сохраняютъ ихъ тоже бѣлыми, Гумбольдтъ опровергаетъ, по крайней мѣрѣ касательно тѣхъ племенъ, которыя онъ изслѣдовалъ.

Отличаясь необыкновенною умѣренностью въ жизни, мексиканскіе индѣйцы достигаютъ престарѣлаго возраста, хотя довольно трудно составить себѣ, по наружности, почти всегда неложавой, настоящее понятіе объ ихъ лѣтахъ. Они же сами никогда почти не знаютъ своего возраста, а церковныя книги дѣ-

Digitized by Google

лаются, въ теченіе какихъ-нибудь 20 — 30 лѣтъ, добычей термитовъ. Волоса ихъ сѣдѣютъ очень рѣдко, отсутствіе бороды придаетъ наружности ихъ моложавость, кожа не покрывается морщинами; мышцы сохраняютъ свои силы до столѣтняго возраста. Калѣки попадались Гумбольдту необыкновенно рѣдко, точно также какъ горбатые. Зобъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ онъ распространенъ, между индѣйцами не встрѣчается; между местицами — весьма рѣдко.

Несмотря на существенное различіе корней, американскіе языки, на всемъ протяженіи отъ земли, населенной эскимосами до Магелланова пролива, развитые и совершенно неразвитые, представляютъ одну и ту физіогномію, изъ чего можно заключить если не о общности ихъ происхожденія, то по крайней мѣрѣ объ аналогіи умственныхъ способностей этихъ народовъ. Языки эти отличаются множествомъ временъ и формъ глаголовъ, разнообразными окончаніями которыхъ опредѣляются многообразныя отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ, выражающія тоже, одушевлено ли оно или нѣтъ; мужескаго ли оно или женскаго рода; въ единственномъ ли или множественномъ числѣ. Вслѣдствіе этого американскіе языки, неимѣющіе между собою ни одного общаго слова, все-таки сходны между собою и отличаются рѣзко отъ происходящихъ отъ языка латинскаго. Замѣчательно также распредѣленіе словъ въ періодѣ американской рѣчи: вначалѣ помѣщается падежъ, зависящій отъ глагола; за нимъ слѣдуетъ глаголъ, и наконецъ—личное мѣстоименіе. Предметъ, на который обращается преимущественное вниманіе въ рѣчи, ставится впереди. Не имѣя возможности слѣдить за филологическими наблюденіями Гумбольдта надъ американскими языками, мы ограничимся замѣчаніемъ его, что изъ языковъ европейскихъ представляетъ съ ними наибольшее сходство языкъ басковъ.

Происхожденіе, число туземцевъ, ихъ древнѣйшая исторія, переселенія, образъ правленія, культура, — всѣ эти вопросы занимали Гумбольдта, собравшаго для нихъ богатые матеріалы. Спокойствіе мексиканскаго индѣйца, замѣчаетъ онъ, говоря о характерѣ этого племени, представляетъ разительный контрастъ съ живымъ негромъ; индѣецъ серьезенъ, меланхоличенъ, молчаливъ — пока спиртные напитки не довели его до противоположной крайности. Серьезность эта поражаетъ болѣе всего въ дѣтяхъ. Четырехъ и пятилѣтніе индѣйцы гораздо развитѣе и смышленнѣе своихъ бѣлокожихъ сверстниковъ. Мексиканецъ придаетъ каждому своему, даже самому незначительному дѣйствію, извѣстную таинственность; самыя сильныя страсти не отпечатлѣ-

Digitized by Google

ваются на лицѣ его. Поэтому, для непривычнаго есть что-то ужасающее въ этомъ внезапномъ переходѣ индѣйца изъ совершеннаго покоя къ необузданному дѣйствію. Подобно всѣмъ народамъ, долгое время страдавшимъ подъ гнетомъ духовнаго или свѣтскаго деспотизма, американскіе туземцы съ необыкновенною цѣпкостію привязаны къ своимъ обычаямъ, правамъ, мнѣніямъ, предразсудкамъ, такъ что даже введеніе христіанства не оказало на нихъ особеннаго вліянія, замѣнивъ только обряды культа, проливавшаго кровь, символами болѣе гуманной религіи. Мексиканцы, какъ и всѣ угнетенные, полуразвитые народы, съ перемѣною поработителей мѣняли только имена своихъ боговъ, сами же почти не измѣнялись. Нѣкоторыя аналогіи, представляемыя древне-мексиканскою миѳологіей и христіанскимъ ученіемъ, служили средствомъ для представителей послѣдняго обратить туземцевъ на лоно единственно-спасающей души религіи. Такъ, напр., священный орелъ ацтековъ преобразился въ святого духа христіанъ. Извѣстно, что уже Кортецъ умѣлъ ловко воспользоваться, для своихъ цѣлей порабощенія, разными мексиканскими сагами. Сами почтенные проповѣдники ученія Христа старались смѣшать индѣйскія преданія съ христіанскими идеями, увѣряя туземцевъ, что слѣды евангелія находятся и въ ихъ первобытныхъ вѣрованіяхъ. Слѣдствіемъ этой религіозной политики было легкое принятіе послѣдними новаго ученія, но ей же обязано оно и непрочностью его. Вмѣсто нравственныхъ началъ христіанства къ покореннымъ народамъ Америки была привита только внѣшняя, обрядовая сторона его, отъ которой прозелиты ровно ничего не выиграли.

Въ эпоху завоеванія, испанцы застали туземное населеніе въ состояніи соціальнаго разложенія и бѣдности, постоянныхъ спутниковъ деспотизма и феодальнаго произвола. Императоръ, князья, дворянство, духовенство владѣли самыми плодородными землями; начальники провинцій угнетали безотвѣтно народъ. Дороги покрыты были нищими. Въ продолженіе XVI и XVII столѣтій положеніе рабочаго люда еще ухудшилось. Крестьянъ обратили силою въ рудокоповъ и въ вьючную скотину, на своихъ плечахъ таскавшую тяжести испанскихъ солдатъ, отнявъ, кромѣ того, отъ нихъ движимую и недвижимую собственность. Семьи побѣдителей — conquistadores — получили въ ленъ ихъ земли, а несчастные индѣйцы приписаны были къ землѣ. Только въ XVIII-мъ в., когда большая часть этихъ семействъ завоевателей вымерла, положеніе завоеванныхъ нѣсколько улучшилось, въ особенности съ уничтоженіемъ т.-н. repartimentos, учрежденія, по которому каждый испанскій сатрапъ, по временамъ,

Digitized by Google

предписывалъ своимъ подвластнымъ пріобрѣтать, по имъ самимъ назначенной цѣнѣ, разные имъ ненужные товары, — будь это даже принадлежности туалетныя, въ которыхъ полунагіе индѣйцы не чувствовали, конечно, особенной потребности. Послѣдствіемъ этого порядка вещей были: крайняя нищета туземцевъ, апатичность ихъ къ улучшенію своего матеріальнаго быта, безпечность, которыя еще во время путешествія Гумбольдта были отличительными признаками большинства туземнаго населенія, за очень немногими исключеніями.

Старанія Гумбольдта, какъ и большей части его преемниковъ, изслѣдовать состояніе древней цивилизаціи туземцевъ, не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, главнымъ образомъ потому, что источники, ее касавшіеся, совершенно почти истреблены. Епископъ Цумарага, изъ францисканскаго ордена, въ своемъ рвеніи распространить христіанское ученіе, не нашелъ лучшаго средства для этого, какъ истребить все, что касалось исторіи, древностей и богослуженія туземцевъ. Почтенный пастырь мнилъ этой варварской мѣрой истребить, въ средѣ своихъ духовныхъ овецъ, всякое воспоминаніе о ихъ прошедшемъ! Но не всѣ древнія мексиканскія сокровища попались въ его руки; часть ихъ сохранилась. Съ цѣлью собрать ихъ, миланецъ Ботурини Бенадуччи предпринялъ, въ прошедшемъ столѣтіи, путешествіе въ Америку. Подозрительное правительство, арестовавъ его, отняло у него все собранное имъ, а самого препроводило, «какъ политическаго преступника», въ Испанію. Правда, король призналъ его «невиннымъ», приказалъ освободить, но собранія его не были ему возвращены. Вѣроятно, вслѣдствіе отеческой заботливости правительства о благѣ имъ опекаемыхъ подданныхъ, оно не имѣло достаточно досуга даже сохранить собранное трудами и издержками Бенадуччи. Во время путешествія Гумбольдта, $^{7}/_{8}$ этого драгоцѣннаго собранія исчезло, вслѣдствіе тайно-полицейскихъ хлопотъ чадолюбиваго правительства, поглощавшихъ его время и дѣятельность.

Между средствами, оказывающими огромное вліяніе на культуру народа, занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ способъ, при посредствѣ котораго онъ передаетъ, чувственными знаками, свои мысли, другими словами—его письмена. Хотя учебники и гласятъ, что они были изобрѣтены финикійцемъ Таутомъ, но естественнѣе предполагать, что онъ только усовершенствовалъ уже существовавшія письмена, или вѣрнѣе—знаки письменнаго сообщенія. Соображая средства, при посредствѣ которыхъ человѣкъ можетъ передавать другому извѣстія о какомъ-нибудь со-

Digitized by Google

бытія, нельзя не согласиться, что первымъ и самымъ естественнымъ изъ нихъ есть—наглядное изображеніе событія. Представляя двухъ борющихся людей, объятый пламенемъ домъ и т. п., каждый, смотрящій на эти изображенія, сейчасъ поймете, что тутъ идетъ дѣло о борьбѣ, пожарѣ и проч. При посредствѣ подобныхъ изображеній можно представить цѣлое событіе, хотя нѣтъ особенной надобности изображать его въ строгой послѣдовательности, со всѣми мелкими промежутками, какъ это мы видимъ и теперь еще на сценѣ, гдѣ дополненіе и связь недосказаннаго предоставляется догадливости и соображенію зрителя. Такъ какъ не каждый обладаетъ качествами живописца, имѣющаго возможность, съ большей или меньшей вѣрностью, воспроизводить предметы природы, то понятно, что при распространеніи этой методы наглядваго изображенія, люди условились избрать нѣкоторые чертежи, долженствовавшіе представлять то или другое. Таково было, какъ извѣстно, происхожденіе іероглифовъ. Мы знаемъ теперь, напримѣръ, что пирамида обозначаетъ городъ Мемфисъ. Изобразивши возлѣ нея очертанія человѣка, и между ними—эскизъ ногъ, древніе обозначали этимъ, что человѣкъ долженъ былъ отправляться въ путь; направленіемъ ногъ, по направленію къ пирамидѣ, или въ противоположномъ, обозначалось, что онъ шелъ въ Мемфисъ, или возвращался оттуда. Для обозначенія особеннаго достоинства шествующаго давали ему въ руку палку, играющую, какъ видно, исконно почетную роль въ исторіи человѣчества; если же это былъ простой смертный—на его рукахъ виднѣлись цѣпи. При посредствѣ такихъ наглядныхъ, для всѣхъ понятныхъ, аттрибутовъ, ошибка была бы невозможна не только въ Египтѣ фараоновъ, но даже и въ Европѣ XIX-го столѣтія.

Естественно, что на такихъ изображеніяхъ умъ человѣческій не могъ остановиться. Идя далѣе, онъ пріурочилъ извѣстныя понятія къ извѣстнымъ наружнымъ знакамъ. Возвращаясь къ приведенному выше примѣру, заимствованному изъ египетскихъ іероглифовъ, можно было бы, согласившись предварительно, обозначить вертикальною чертою человѣка, горизонтальною—Мемфисъ, а наклонною—смотря по наклоненію ея—направленіе его въ этотъ городъ, или изъ этого города. Цифры наши, такъ-называемые арабскіе ариѳметическіе знаки, суть такого рода азбука. Вмѣсто, напримѣръ, девяти чертъ или точекъ, мы обозначаемъ число девять условнымъ знакомъ 9. Имѣя ключъ къ такой азбукѣ, можно, при извѣстной группировкѣ этихъ знаковъ, выражать ими разныя второстепенныя понятія. Наша де-

Digitized by Google

сятичная система есть раціональное развитіе этой методы изображенія условными знаками, извѣстная каждому. Извѣстно, что у китайцевъ существуетъ около 80,000 различныхъ знаковъ, которые, при посредствѣ 214 ключей, удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ ихъ языка. Такъ какъ не каждый китаецъ изучаетъ всѣ 214 ключей, то не каждый гражданинъ царства Срединъ можетъ читать всѣ китайскія рукописи. Такъ, напр., сапожникъ, знающій ключъ къ письменамъ своего ремесла, можетъ читать только книги, его касающіяся. Изъ сказаннаго мы видимъ, что изложенные выше знаки совершенно независимы отъ языка. Они возбуждаютъ въ зрителѣ, путемъ зрѣнія, только представленіе объ извѣстныхъ предметахъ. Ихъ называютъ поэтому символическими знаками. Въ противуположность имъ существуютъ такъ-называемые знаки фонетическіе, дѣйствующіе нѣкоторымъ образомъ и на слухъ читающаго. Предположимъ, что мы желаемъ выразить знаками слово *Холмогоры*; мы могли бы это сдѣлать, какъ это и теперь еще часто дѣлается въ ребусахъ, нарисовавши холмы и возлѣ нихъ горы. Русскій, отгадавши значеніе этого сопоставленія знаковъ, и произнесъ бы ихъ Холмогоры, но французъ, нѣмецъ поняли бы тоже такъ какъ русскій, но произнесли бы иначе.

Необходимость выражать имена знаками, принудила уже древнихъ египтянъ при выборѣ знаковъ обращать вниманіе и на звукъ имени, и равно на то, что обозначаютъ, на языкѣ пишущаго, отдѣльныя части имени, или цѣлое имя. Этому способу изображенія не мало способствовало обстоятельство, что у дикихъ, или находящихся на низкой ступени развитія народовъ, каждое имя имѣетъ еще какое-нибудь значеніе. Такъ-называемые «говорящіе гербы», которыхъ изображенія относятся къ именамъ, равно какъ и ребусы—суть примѣненія этой системы.

Пока народъ живетъ изолированною жизнію, имена его не много измѣняются; при соприкосновеніи же съ иностранцами примѣшиваются въ рѣчь его и чужія имена. Это обстоятельство заставило обратиться къ новому средству, именно: имя было разложено на различные тоны, и каждому изъ нихъ давали особый знакъ. Во многихъ языкахъ служили для этой цѣли знаки звѣрей и т. п., названіе которыхъ начиналось тѣмъ звукомъ, котораго требовалъ данный тонъ. Примѣненіе отдѣльныхъ знаковъ для различныхъ, въ одномъ словѣ встрѣчающихся звуковъ, встрѣчается уже и въ іероглифахъ позднѣйшаго времени, и этому обстоятельству наука, главнымъ образомъ, обязана, что Юнгу, Шамполіону и др. удалось, при посредствѣ розетскаго

Digitized by Google

камня, покрытаго іероглифическими, демотическими и греческими письменами, найти ключъ къ уразумѣнію первыхъ. Желаніе приведенный выше принципъ распространить не только на имена, но вообще на всѣ предметы и понятія, которыя человѣкъ желаетъ изобразить, вызвало къ жизни фонетическія письмена, которыя мы теперь употребляемъ. Встрѣчающіеся въ разныхъ языкахъ слова были разложены на звуки, и каждый звукъ былъ обозначенъ особеннымъ знакомъ. При письмѣ знаки эти ставятся одинъ послѣ другого по мѣрѣ того, какіе звуки слѣдуютъ одинъ за другимъ. Вслѣдствіе необыкновенной простоты методъ этотъ есть теперь самый распространенный, хотя нельзя не сознаться, что онъ уступаетъ символическому методу, совершенно независимому отъ языка, въ томъ, что письмена фонетическія можетъ читать только тотъ, кто понимаетъ языкъ, на которомъ они написаны. Обѣ системы письменъ относятся между собою какъ пантомима къ слову.

Перуанцы употребляли, въ періодъ открытія Америки, способъ изображенія совершенно отличный отъ изложенныхъ выше. Для цѣлей письменнаго сообщенія имъ служили разноцвѣтныя нити, называемые квиппу, на которыхъ они завязывали разнообразные узлы, которые и играли роль письменъ. Гумбольдтъ отвергаетъ существованіе въ Америкѣ, до ея открытія, фонетическихъ знаковъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ ученыхъ предполагали, что онѣ были тамъ давно въ употребленіи, заключая это изъ того обстоятельства, что на одной скалѣ, находящейся близъ Дайтона (Dighton), въ 12-ти миляхъ къ югу отъ Бостона, найдена надпись будто бы финикійскаго происхожденія. По древнему преданію туземцевъ, она обязана своимъ происхожденіемъ чужеземцамъ, прибывшимъ въ Америку «на деревянныхъ пловучихъ домахъ». Побѣдивши краснокожихъ, они и вырѣзали на скалѣ, теперь покрытой водою рѣки, упомянутые знаки. По изслѣдованію Гумбольдта оказывается, что знаки эти совершенно сходны съ тѣми, которые встрѣчаются часто въ Скандинавіи, изъ чего можно заключить, что это были руны, начертанныя норманнами, во время посѣщенія ими Америки задолго до открытія ея Колумбомъ.

Кромѣ изображеній солнца, луны и звѣздъ, на Ореноко и въ Перу, Гумбольдтъ нашелъ въ Мексикѣ цѣлую систему, вполнѣ развитую, іероглифовъ, которая, по его замѣчанію, отличается отъ египетскихъ тѣмъ, что она болѣе индивидуализируетъ, между тѣмъ какъ послѣдніе выражаютъ, кромѣ того, и болѣе общія понятія. Перечисляя іероглифы мексиканскіе, Гумбольдтъ замѣ-

Digitized by Google

чаетъ, что между ними встрѣчаются и фонетическіе знаки, но только для собственныхъ именъ. И на художественную сторону исполненія мексиканскихъ іероглифовъ Гумбольдтъ обратилъ тоже вниманіе: они поражаютъ огромными головами, толстотою туловищъ и ногъ, а пальцы на послѣднихъ представляютъ большое сходство съ птичьими когтями. Головы всегда изображены въ профиль, но глаза такъ нарисованы, какъ будто фигура смотритъ en face.

При всемъ несовершенствѣ іероглифической живописи мексиканцевъ, говоритъ Гумбольдтъ, она замѣняла имъ книги, рукописи, азбуку.

Во время Монтецумы многія тысячи людей занимались этою отраслью промышленности, чему не мало, вѣроятно, способствовала возможность легкаго приготовленія бумаги изъ листьевъ агавы, очень распространеннаго въ Америкѣ растенія. Матеріалъ сохранившихся мексиканскихъ рукописей троякій: однѣ—на оленьихъ кожахъ; другія на тканяхъ изъ хлопчатой бумаги; третьи—на бумагѣ изъ агавы. Древніе жители Мексико чертили свои изображенія и символическія письмена не на особенныхъ листахъ, они не свертывали ихъ особыми свертками. Какой бы матеріалъ, изъ выше названныхъ, ни былъ употребленъ ими, они складывали рукописи зигзагами, какъ у насъ складываются дамскіе вѣера. Затѣмъ они покрывались двумя досечками изъ легкаго дерева одной снизу, другой — сверху, представляя такимъ образомъ большое сходство съ переплетомъ нашихъ книгъ. Изъ этого можно легко себѣ представить, что открывая мексиканскую рукопись, какъ мы привыкли открывать наши книги, взорамъ нашимъ представляется только половина письменъ, т.-е. находящаяся на одной сторонѣ кожи или бумаги, изъ агавы. Такимъ образомъ, желая перелистовать мексиканскую рукопись (если мы можемъ вообще назвать листами разнообразныя складки одной и той же полосы, нерѣдко въ 15 метровъ длиною), приходится разсматривать рукопись въ два пріема, раскладывая ее разъ отъ лѣвой руки къ правой, а другой — отъ правой къ лѣвой.

Въ этомъ отношеніи мексиканскіе письменные памятники представляютъ большое сходство съ сіамскими рукописями, сложенными тоже зигзагами.

Изъ шести собраній мексиканскихъ іероглифовъ, находящихся въ Европѣ (въ Эскуріалѣ, Болоньи, Велетри, Римѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ), удалось составить довольно вѣрное понятіе насчетъ лѣтосчисленія, церковныхъ обрядовъ и исторіи мексиканцевъ. Пер-

Digitized by Google

вое, было очень просто и притомъ вѣрно. Гражданскій годъ ихъ, начинавшійся во время зимняго поворота солнца, былъ солнечнымъ годомъ въ 365 дней. Онъ раздѣленъ былъ на 18 мѣсяцевъ, каждый въ 20 дней, на концѣ которыхъ прибавлены были, какъ въ новомъ французскомъ (т.-н. революціонномъ) календарѣ, пять високосныхъ дней. Рождавшіеся въ одинъ изъ этихъ пяти дней считались несчастными на всю жизнь. Мѣсяцы раздѣлены были на недѣли, состоявшія изъ 5 дней каждая. Отдѣльные дни состояли изъ 8 ровныхъ частей. Изъ 13-ти лѣтъ, считая каждый годъ въ 365 дней, составлялся малый циклъ; изъ 4-хъ малыхъ цикловъ, т.-е. изъ 52 лѣтъ—большой, на концѣ котораго прибавлялись 13 дней. Гумбольдтъ упоминаетъ тоже, что по свидѣтельству Гамы, по окончаніи 52-лѣтняго цикла прибавлялись только $12^1/_2$ дней, такъ, что въ одномъ циклѣ всѣ года начинались ночью, въ другомъ — днемъ, что было еще точнѣе. Такимъ образомъ, въ продолженіе 408-ми лѣтъ получалось 100 прибавочныхъ дней второго разряда, соотвѣтствовавшихъ нашимъ прибавочнымъ днямъ, между тѣмъ какъ, по грегоріанскому календарю въ теченіе 400 лѣтъ бываетъ ихъ 97, въ продолженіе 408 л.—почти 99, а по менѣе точному юліанскому календарю въ теченіе 480 л. приходится 102 дня. Къ концу каждаго 52-лѣтняго цикла Мексика объята была страхомъ; жители ея всякій разъ опасались, что солнце не взойдетъ больше надъ землей, и она достанется въ добычу злымъ духамъ, которые истребятъ родъ человѣческій. Очень характеристично представленіе мексиканцевъ о роли, которую должны были играть женщины при ихъ свѣтопреставленіи: они полагали, что весь прекрасный полъ превратится въ тигровъ, которые будутъ помогать злымъ духамъ. Поэтому ихъ, въ это время, накрѣпко запирали! Огонь былъ вездѣ потушенъ. Въ теченіе послѣднихъ дней цикла, жрецы, со всѣми своими идолами, отправлялись на гору Гвицахтекатль, гдѣ приносился въ жертву человѣкъ; въ грудь его вонзали колъ и до тѣхъ поръ терли его кускомъ дерева, пока онъ не воспламенялся. Воспламененіе было радостнымъ знакомъ, что надежда на дальнѣйшее существованіе земли, въ продолженіе послѣдующихъ 52-хъ лѣтъ не потеряна! Огромный костеръ, зажженный добытымъ треніемъ огнемъ, возвѣщалъ странѣ радостное извѣстіе; гонцы разносили новый огонь во всѣ концы страны.

Кромѣ гражданскаго исчисленія времени, въ Мексикѣ существовало еще церковное, въ которомъ 13-дневные періоды играли важную роль. Послѣ истеченіи каждыхъ 13-ти лѣтъ оба календаря опять согласовались; прибавленіе къ концу каждаго 52-лѣтняго

Digitized by Google

цикла состояло изъ одного церковнаго періода, и кромѣ того 260 дней равнялись 20-ти церковнымъ періодамъ и 52-мъ гражданскимъ четвертямъ мѣсяца, каждая въ 5 сутокъ. Этими лѣтосчисленіями объясняется обстоятельство, что у мексиканцевъ числа 5, 13, 20 и 52 считались особенно знаменательными.

Изъ мексиканскихъ преданій и свидѣтельствъ іероглифовъ явствуетъ, что земля подвергалась, время отъ времени, значительнымъ переворотамъ. Они были особенно пагубны для людей, которые каждый разъ совершенно исчезали съ лица земли, за исключеніемъ одной пары, спасавшейся въ пещерѣ или на громадномъ деревѣ. Остальные пропадали, или превращались въ птицъ, обезьянъ и рыбъ. Кромѣ стихійныхъ причинъ разрушенія, этому способствовали злые духи и обратившійся въ тигровъ прекрасный полъ. При каждомъ такомъ переворотѣ потухало солнце, и мѣсто его, послѣ окончанія катастрофы, занимало новое свѣтило. Въ періодъ открытія европейцами Америки, свѣтило уже четвертое солнце, появившееся въ 752 году нашего счисленія. Такимъ образомъ, это былъ уже четвертый періодъ земли. Замѣчательно, что мексиканская Ева изображалась всегда въ образѣ женщины съ змѣемъ.

Между сооруженіями древнихъ мексиканцевъ главное мѣсто занимаютъ пирамиды — теокалли; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., пирамида Холюлая построена была въ періодъ до ацтековъ. Хотя памятники эти, говоритъ Гумбольдтъ, и были различной величины, но отличались одной и той же формой. Это были пирамиды въ нѣсколько уступовъ, расположенныхъ сторонами по направленію меридіана и параллельной линіи мѣста, въ которомъ онѣ были воздвигнуты. Теокалли, возвышался посреди четырехъ-угольнаго пространства, обнесеннаго оградой, заключавшей внутри себя сады, фонтаны, жилища жрецовъ, нерѣдко и магазины для склада оружія, такъ что каждое мексиканское капище было въ тоже время и укрѣпленнымъ мѣстомъ. Большая лѣстница вела на верхъ усѣченной пирамиды, на платформѣ которой были устроены одна или двѣ часовни, заключавшія въ себѣ истукановъ, которымъ теокалли было посвящено. Въ этой, самой важной части сооруженія, жрецы поддерживали священный огонь; сюда же были направлены взоры благочестивыхъ мексиканцевъ, во время жертвоприношенія, которымъ они могли умиляться, благодаря архитектурной формѣ зданія, позволявшей имъ видѣть какъ самое принесеніе жертвы, такъ и восхожденіе и нисхожденіе по ступенямъ благочестивыхъ жрецовъ, заступниковъ ихъ и посредниковъ между ними и ихъ божествами.

Digitized by Google

Внутренность зданія служила для погребенія царей и государственныхъ сановниковъ.... Читая это описаніе нельзя не видѣть поразительнаго сходства между этимъ памятникомъ и описаніемъ вавилонскаго храма Юпитера Бѣлы, оставленнымъ намъ древними.

Гумбольдтъ затронулъ и вопросъ о переселеніи древнихъ племенъ. Относительно мексиканцевъ онъ спрашиваетъ: гдѣ мы должны искать эту метрополію колоній Анахуака, эту officina gentium, въ теченіи пяти вѣковъ высылающую на югъ племена, понимающія другъ друга, признающія между собою племенное родство? Мы не можемъ считать ею Азію, сѣвернѣе Амура, гдѣ эта часть свѣта лежитъ ближе всего къ Америкѣ. Страна эта вполнѣ варварская, дикая. Если мы предположимъ переселеніе изъ южной Азіи, черезъ Японію, Таракай, Курильскіе и Алеутскіе острова, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, то какъ согласовать съ этимъ фактъ столь живого и свѣжого сохраненія всѣхъ учрежденій метрополіи? Въ продолженіе такъ продолжительнаго, часто перерываемаго путешествія, они могли давно изгладиться изъ памяти этихъ народовъ. Космогоническіе миѳы, пирамиды, календарь и т. п., все это указываетъ на Азію, между тѣмъ какъ свѣжесть воспоминаній, особенности, представляемыя мексиканскою культурою въ другихъ отношеніяхъ, указываютъ на то, что между 36° и 42° сѣверной широты въ Америкѣ существовало древнее государство. Гумбольдтъ предполагаетъ мѣсто его въ Аллеганахъ, которыя и получили свое названіе отъ него. Вытѣсненные делаварами, пришедшими съ запада, соединившимися съ ирокезами, жители его направились на югъ, къ Миссисипи, и тутъ потерялись для исторіи.

Извѣстно, какой жаркій споръ поднялъ въ наукѣ вопросъ: происходитъ ли родъ человѣческій отъ одной пары, такъ что замѣчаемыя теперь отличія обусловлены внѣшними вліяніями, или же отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ паръ, представлявшихъ различія организацій? И этотъ предметъ былъ затронутъ Гумбольдтомъ, по отношенію къ американской расѣ. По его изслѣдованіямъ, всѣ американскія племена, за исключеніемъ обитателей у полярнаго круга, представляютъ одну породу, отличающуюся образованіемъ черепа, цвѣтомъ кожи, рѣдкой бородой и гладкими волосами. Американская раса представляетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ монгольскими народами; это подтверждается анатомическимъ строеніемъ череповъ не только обитателей Уналаски, но и жителей Южной Америки, которые представляютъ переходъ отъ американскаго къ монгольскому племени. Когда,

Digitized by Google

предполагаетъ Гумбольдъ, со временемъ будутъ ближе изслѣдованы негры Африки, народы, населяющіе внутренность и сѣверо-востокъ Азіи, называемые en bloc татарами и чудью, то племена: кавказское, монгольское, американское, малайское и негры не будутъ казаться такъ обособленными, и въ большой семьѣ человѣческаго рода станетъ замѣтенъ одинъ общій типъ, видоизмѣненный только обстоятельствами, открыть которыя не удастся, можетъ быть, никогда. Хотя языкъ и не представляетъ прямыхъ доказательствъ въ пользу существованія древней связи между Древнимъ и Новымъ Свѣтомъ, но связь эта замѣтна и несомнѣнно доказывается космогоніями, сооруженіями, іероглифами и учрежденіями азіатскихъ и американскихъ племенъ.

Много времени спустя, Гумбольдтъ пишетъ въ «Космосѣ»: «Стоя за единство рода человѣческаго, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ допущеніе, такъ-называемыхъ, высшихъ и низшихъ племенъ и классовъ. Конечно, нельзя не согласиться, что существуютъ племена болѣе способныя къ развитію, болѣе развитыя, облагороженныя высшею культурою, но нѣтъ народовъ болѣе благородныхъ? Всѣ они одинаково призваны пользоваться свободой; свободой, принадлежащей какъ право, во время дикости нравовъ, одной личности; при дальнѣйшемъ же развитіи — цѣлому народу....»

А. С.....кій.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

III *).

Германія, однако, не поглощала всего вниманія Бёрне. Онъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за событіями, развертывавшимися во Франціи, и его «Парижскія Письма» показываютъ лучше любого термометра, какъ быстро спадалъ тотъ тропическій жаръ, который онъ чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ въ первыя минуты своего пребыванія въ Парижѣ послѣ іюльской революціи. Тысячи надеждъ, тысячи самыхъ привлекательныхъ иллюзій тѣснились въ его груди; когда онъ заслышалъ громъ этой революціи, онъ летѣлъ въ Парижъ и, какъ мы видѣли, въ восторгѣ хотѣлъ цѣловать ту мостовую, которая орошена была кровью героевъ; издалека все его приводило въ какой-то дѣтскій восторгъ, но какъ только приблизился онъ къ театру событій, какъ только прожилъ онъ нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, черная тучка заволокла его мысли и онъ съ боязнью спрашивалъ себя: того ли онъ ждалъ? сбылись ли его мечты? Мѣсто энтузіазма заступило разочарованіе, и чѣмъ сильнѣе былъ въ первые минуты этотъ энтузіазмъ, тѣмъ сильнѣе было въ

*) См. выше: мартъ, 338; апр., 729; май, 268; іюль, 278; нояб. 277 стр.

Digitized by Google

первыя минуты разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, какъ далека была дѣйствительность отъ того идеала, который онъ создалъ себѣ. Оно и понятно. Вдали онъ жилъ чувствомъ, вблизи, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, разсудокъ потребовалъ отчета и подчинилъ себѣ чувство. И въ своихъ чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ и затѣмъ въ своемъ разочарованіи Бёрне былъ не правъ.

Нельзя было ожидать отъ іюльской революціи, еслибы даже парламентское правленіе установилось послѣ нея болѣе прочно, нежели то случилось на самомъ дѣлѣ, чтобы эта революція передѣлала цѣлый міръ, на что въ первыя минуты, въ порывѣ увлеченія, разсчитывалъ Бёрне. Іюльская революція не только не могла однимъ ударомъ передѣлать весь міръ, но она не могла передѣлать и одной Франціи. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нужно было упрекать іюльскую революцію: она была, безъ сомнѣнія, какъ нельзя болѣе полезнымъ явленіемъ, какъ толчокъ, данный націи, но думать, что революція, потому только, что она революція, способна установить самый совершенный порядокъ, конечно, было бы самою злою ошибкою. Для установленія такого совершеннаго, или вѣрнѣе возможно-совершеннаго порядка, нужна нравственная подготовка, нравственное развитіе цѣлаго народа, и все, что̀ можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать революція, это—устранить тѣ преграды, которыя, въ данную минуту, задерживаютъ собою нравственное развитіе, мѣшаютъ всякой нравственной подготовкѣ. Другой роли революція не можетъ имѣть; она является только какъ средство, и тѣ, которые видятъ въ ней цѣль, всегда кончаютъ тѣмъ, что приходятъ къ горькому разочарованію. Толчокъ можетъ быть болѣе сильный и менѣе сильный; чѣмъ больше сопротивленіе, оказываемое извѣстнымъ порядкомъ правильному развитію народа, тѣмъ страшнѣе и могущественнѣе взрывъ, когда дѣло доходитъ до революціи, но конечные ея результаты все-таки находятся въ прямомъ отношеніи съ степенью нравственнаго развитія націи.

Это-то именно отношеніе и забывалъ нѣсколько Бёрне, какъ въ минуты своего энтузіазма, такъ и въ минуты разочарованія. Онъ ожидалъ іюльской революціи какъ наступленія новой эры, онъ смотрѣлъ на нее точно какъ на цѣль, достиженіе которой равнялось достиженію самаго совершеннаго порядка на землѣ. Ошибка происходила отъ того, что, возлагая всѣ свои надежды на революцію, онъ позабылъ спросить себя: достаточными ли нравственными силами обладаетъ французскій народъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами, которыя доставлены ему были

Digitized by Google

взрывомъ іюльской революціи, освободившей его отъ старшей линіи злополучныхъ Бурбоновъ? Но если бы Франція была даже болѣе приготовлена воспользоваться плодами іюльской революціи, если бы она и способна была осуществить тотъ совершенный порядокъ, о которомъ мечталъ Бёрне, то и тогда вѣроятно онъ все-таки не могъ бы отдѣлаться отъ разочарованія. Бёрне грезилось, что какъ только революція восторжествуетъ во Франціи, такъ тотчасъ начнется эпоха освобожденія всѣхъ другихъ народностей, которыя своими собственными силами не въ состояніи были бы выйти изъ-подъ власти произвола. Не менѣе обидная иллюзія! Если Франція, которая по политическому своему развитію все-таки выше всѣхъ остальныхъ странъ континентальной Европы, не въ силахъ была установить у себя прочной и возможно широкой свободы, то объ остальныхъ націяхъ уже подавно не могло быть и рѣчи. Допустивъ даже, что свободная Франція и выступила бы на помощь подавленнымъ народамъ, то развѣ не была бы сама она смята соединенными силами всѣхъ болѣе или менѣе абсолютныхъ правительствъ Европы? Если даже изгнаніе Карла X-го заставило покоробиться правительства другихъ европейскихъ державъ, со злобою смотрѣвшихъ на Францію, которая, по выраженію Бёрне, «въ продолженіи сорока лѣтъ была кратеромъ Европы», или, какъ выражается Гейне, «представляется красною землею свободы», то что́ же было бы, если бы французскій народъ подалъ руку помощи другимъ угнетеннымъ народамъ! Какъ ни тяжело было для Бёрне видѣть разрушенными его иллюзіи, разочарованіе, тѣмъ не менѣе, не сдѣлало его несправедливымъ по отношенію къ Франціи. Нападая на нее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ ее, и любилъ главнымъ образомъ потому, что хорошо понималъ, насколько, несмотря на всѣ ея недостатки, она все-таки, по своему политическому развитію, стоитъ выше всѣхъ другихъ націй Европы и, въ силу этого развитія, не перестаетъ оказывать на другіе народы самое благодѣтельное вліяніе.

Признавая за Франціею первенство въ политическомъ развитіи, Бёрне тѣмъ съ бо́льшимъ интересомъ слѣдилъ за событіями, слѣдовавшими за іюльскою революціею. Разсказъ этихъ событій, его соображенія по поводу ихъ составляютъ поэтому содержаніе значительной доли «Парижскихъ Писемъ», посвященныхъ Франціи. Многія изъ этихъ «писемъ» совершенно естественно утратили тотъ интересъ, который онѣ возбуждали при ихъ появленіи, не смотря на все остроуміе, на весь блескъ, который не можетъ никогда устарѣть. Другія же за то изъ его «Писемъ», отодвинувшись отъ насъ болѣе чѣмъ на тридцать

Digitized by Google

лѣтъ, почти на сорокъ, едва ли не выиграли въ своемъ интересѣ, представляя намъ собою воззрѣнія на крупныя историческія личности, на громкія историческія событія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей прожитой эпохи. Рядомъ съ этимъ, само собою разумѣется, въ «Парижскихъ Письмахъ» попадаются очень часто разсужденія Бёрне объ общихъ свойствахъ французской націи, мастерскія характеристики людей и нравовъ, воззрѣнія автора на многіе изъ вопросовъ политики, на соціальные вопросы, и воззрѣнія эти такого рода, что читатель далеко не безъ пользы можетъ остановиться и задуматься надъ ними.

Бёрне былъ отлично поставленъ въ Парижѣ, чтобы получить самое полное понятіе о людяхъ и чтобы вѣрно судить о событіяхъ. Пріѣзду его въ Парижъ предшествовала слава его, какъ писателя, которая тотчасъ открыла ему всѣ двери. Во Франціи въ то время еще процвѣтало то, что́ называется салонами, т.-е. было нѣсколько центровъ, нѣсколько домовъ, куда стекалось все, что́ было только замѣчательнаго въ политикѣ, литературѣ, искусствѣ; дипломаты, художники, литераторы, высшія лица въ государствѣ сталкивались въ этихъ салонахъ, гдѣ первенствовали умъ и талантъ, а не бездарности и лакеи, облитые золотомъ. Само собою разумѣется, что Бёрне тотчасъ получилъ доступъ во всѣ такіе салоны, гдѣ онъ и увидѣлъ чуть не всѣхъ замѣчательныхъ людей Франціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Парижъ, Бёрне уже писалъ: «Вчера вечеромъ я былъ у Лафайета, у котораго по четвергамъ собирается общество. Въ трехъ гостиныхъ набралось человѣкъ триста, толпа была такая, что буквально нельзя было пошевельнуться. Лафайетъ, которому теперь семьдесятъ три года, съ виду еще довольно бодръ и свѣжъ. У него очень доброе лицо, онъ постоянно привѣтливъ и каждому пожимаетъ руку....» Въ другой разъ онъ отправляется въ салонъ знаменитаго живописца Жерара, гдѣ онъ встрѣчаетъ между французскими знаменитостями и своихъ соотечественниковъ, какъ Гумбольдта, Мейербера и другихъ. Журнальный міръ принимаетъ Бёрне, какъ представителя нѣмецкой литературы, съ большимъ почетомъ, и это разностороннее знакомство, которое хотя и не любилъ Бёрне, говоря, что онъ не любитъ знакомиться съ отдѣльными личностями, а предпочитаетъ человѣческія массы и книги, съ которыми не такъ устаешь,— тѣмъ не менѣе было полезно для Бёрне въ томъ отношеніи, что безъ этихъ связей онъ никогда, разумѣется, такъ быстро не составилъ бы себѣ вѣрнаго понятія объ общемъ положеніи Франціи.

Пророчества, когда они основаны на предчувствіяхъ, безпоч-

Digitized by Google

венныхъ предположеніяхъ, разумѣется, не имѣютъ никакого смысла, хотя бы они какъ-нибудь случайно и оправдывались, но пророчества, которыя выходятъ изъ глубокаго, самаго проницательнаго соображенія, когда онѣ вытекаютъ изъ сопоставленія уже совершившихся фактовъ, во всякомъ случаѣ, любопытны. Ровно черезъ два мѣсяца послѣ своего пріѣзда во Францію, только черезъ два мѣсяца послѣ своего перваго письма, помѣченнаго 17-мъ сентября 1830 года, Бёрне 17-го ноября дѣлалъ Франціи, іюльской монархіи такія предсказанія, которыя принесли бы ей несомнѣнную пользу, если бы тогда же на этихъ предсказаніяхъ серьезно остановились. «Удивительное дѣло! говорилъ Бёрне. Это іюльское правительство едва успѣло вылупиться изъ яйца, еще не совсѣмъ очистилось отъ желтка — а уже покрикиваетъ какъ старый пѣтухъ и расхаживаетъ такъ гордо и самоувѣренно, что и не подходи къ нему. Большинство въ палатѣ не только оказываетъ ему поддержку въ его необдуманныхъ поступкахъ, но еще подстрекаетъ къ нимъ. Это большинство— землевладѣльцы, богатые банкиры, торгаши, которые гордо называютъ себя промышленнымъ сословіемъ. Эти люди цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ сражались со всякою аристократіею, а чуть только побѣдили ее, они не успѣвъ еще отереть свой потъ, хотятъ уже создать изъ себя новую аристократію—аристократію денежную. Горе этимъ ослѣпленнымъ глупцамъ, пророчествуетъ Бёрне, если ихъ желанія увѣнчаются успѣхомъ, горе имъ, если небо не сжалится и не остановитъ ихъ прежде, чѣмъ они дойдутъ до цѣли. Аристократія дворянства и духовенства была во Франціи не что иное, какъ принципъ, убѣжденіе, съ нею можно было сражаться, ее можно было побѣждать, не нанося этимъ вреда личнымъ житейскимъ интересамъ дворянъ и духовныхъ. Если французская революція и причинила такой вредъ, то это было только средствомъ, а не цѣлью, только неудобоустранимымъ, но отнюдь не необходимымъ послѣдствіемъ борьбы. Если же привилегіи явятся въ соединеніи съ обладаніемъ собственностью, то французскій народъ, главнѣйшая страсть котораго есть стремленіе къ равенству, захочетъ рано или поздно потрясти то, на чемъ будетъ основана новая аристократія—т.-е. *собственность*, а это повлечетъ за собою такое распредѣленіе имуществъ, такой грабежъ и такіе ужасы, въ сравненіи съ которыми явленія первой революціи покажутся только шуткой и игрушкой». Эти нѣсколько строкъ разсужденія Бёрне показываютъ не только то, какъ вѣрно онъ смотрѣлъ на послѣдствія присвоенія себѣ власти буржуазіей, не только то, что черезъ два мѣсяца послѣ іюльской революціи онъ точно опредѣлилъ причины будущей — фе-

Digitized by Google

вральской революціи, но они дѣлаютъ наглядным то разочарованіе Бёрне, ту потерю иллюзій относительно переворота 30-го года, о которой было уже упомянуто.

Въ какую сторону ни обращалъ свой взоръ Бёрне, вездѣ видѣлъ онъ антагонизмъ, антагонизмъ политическій, антагонизмъ соціальный. Правительство, вышедшее изъ революціи, могло бы сдѣлать многое, чтобы помочь мирному разрѣшенію поднятыхъ вопросовъ, но у него не было для того ни желанія, ни таланта. Много разъ возвращается онъ въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ правительству іюльской монархіи, и каждый разъ, если только онъ не сравнивалъ его съ правительствами другихъ странъ, онъ относился къ нему съ большою ѣдкостью и ожесточеніемъ. Но лишь только онъ начиналъ заговаривать о другихъ правительствахъ, въ особенности нѣмецкихъ, тонъ его тотчасъ мѣнялся и онъ восклицалъ: «Сохрани мнѣ, Господи, моего короля Луи-Филиппа! Я право упрекаю себя, что писалъ прежде противъ него; но больше я уже не буду этого дѣлать!» Писалъ же онъ противъ Луи-Филиппа часто и, главное, зло; нѣсколько разъ Бёрне рисовалъ его портретъ, которымъ, конечно, если Луи-Филиппъ только зналъ о немъ, онъ не могъ быть доволенъ. Когда Бёрне сознавался, что улетѣла его мечта о свободѣ Франціи, когда онъ жаловался, что послѣ того, что «луга и поля покрылись зеленью», снова «выпалъ снѣгъ», онъ не могъ простить Луи-Филиппу, заставившему солгать Лафайета, увѣрявшаго народъ, что «можетъ быть такой король, который любитъ свободу». Власть портитъ! говорилъ Бёрне, и Франція еще больше укрѣпила его въ этомъ мнѣніи. «Я вижу какъ нельзя лучше, разсуждалъ онъ, что какъ только достигаешь власти, тотчасъ теряешь сначала сердце, потомъ голову, и отъ разсудка удерживаешь ровно настолько, насколько нужно, чтобы не допустить сердце снова занять должное мѣсто. Тутъ нѣтъ ни двусмысленности, ни недоразумѣнія — тутъ буквально не сдержали слова, народу не дали того, что́ было ему обѣщано». Кто въ этомъ виноватъ — виноватъ Луи-Филиппъ: зачѣмъ же, спрашивается, произведена была іюльская революція, если вся разница въ томъ, что прежде на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, котораго звали Карлъ, а теперь сидитъ человѣкъ, котораго зовутъ Луи-Филиппъ. Бёрне никакъ не можетъ понять пристрастія народа къ однимъ именамъ и ненависти къ другимъ; онъ жалуется на тѣхъ, которые упрекали его, когда онъ говорилъ, что народы должны прогонять правителей, какъ только имъ не понравится ихъ носъ. «Быть можетъ, говоритъ онъ, утверждать это было уже слишкомъ. Но нельзя однако не сознаться, что носъ чрез-

Digitized by Google

вычайно важная вещь. Носъ—это чрезвычайно важная часть тѣла; носъ можетъ дѣлать человѣка красивымъ или безобразнымъ; изъ-за носа можно любить человѣка или его ненавидѣть, однимъ словомъ, носъ остается носомъ, но въ имени то что́, съ иронiею спрашиваетъ Бёрне? Богъ, мой Богъ! Что такое имя? Брауншвейгъ не хотѣлъ имѣть Карла и взялъ себѣ Вильгельма, бельгiйцы не хотѣли Вильгельма и взяли себѣ Леопольда; французы тоже не хотѣли имѣть Карла и взяли себѣ Филиппа.... Мой носъ мнѣ въ тысячу разъ милѣе» !

Говоря такимъ образомъ, Бёрне хотѣлъ высказать, что между Карломъ X и Луи-Филиппомъ нѣтъ никакой разницы; въ припадкѣ своего политическаго раздраженiя и увлеченiя онъ шелъ даже дальше и говорилъ, что Карла X предпочитаетъ Луи-Филиппу. Одинъ нарушилъ хартiю, нарушилъ ее и другой; а только потому, что одинъ зовется Филиппомъ, другой же Карломъ, нельзя еще выводить, что одному позволительно ее нарушать, а другому нѣтъ. Одинъ нарушилъ ее въ припадкѣ страсти, другой же самую страсть хочетъ превратить въ право, выговаривая себѣ право быть несправедливымъ. Одинъ уничтожилъ конституцiю въ силу своего произвола, другой дѣлаетъ тоже самое, но только сохраняетъ форму законности; но развѣ это измѣняетъ самую сущность дѣла, развѣ преступленiе становится меньшимъ преступленiемъ, когда его совершаетъ не одинъ человѣкъ, а двѣсти человѣкъ? «Развѣ, спрашиваетъ Бёрне, тираннiя закона представляется меньшею тираннiею, нежели тираннiя произвола? И еслибы всѣ тридцать милiоновъ французовъ сидѣли въ палатѣ, и еслибы они всѣ подали голосъ за законъ, который предоставлялъ бы правительству право уничтожить личную свободу, свободу печати, нарушать священный домашнiй очагъ—то и они не имѣли бы на это права».

Мы нарочно привели это мѣсто, чтобы показать, къ какимъ несправедливымъ иногда выводамъ приходитъ Бёрне, когда онъ находится исключительно подъ вліянiемъ озлобленiя и раздраженнаго чувства. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что законъ тоже можетъ быть и очень часто бываетъ возмутителенъ, особенно когда этотъ законъ какъ бы установляетъ тираннiю, освящаетъ произволъ, предоставляя власти полнѣйшую свободу дѣйствiй, тогда въ сущности нѣтъ законовъ, потому что воля одного можетъ создать, можетъ и уничтожить всѣ законы; но ничего подобнаго не было конечно во Францiи при Луи-Филиппѣ. Законы французскiе могли быть не хороши, но они не установляли произвола; напротивъ, они строго опредѣляли предѣлы, за которые не могла выходить королевская власть, а какъ только положены предѣлы,

Digitized by Google

какъ бы широки они ни были, произволъ уже не имѣетъ мѣста. Произволъ потому и зовется произволомъ, что онъ не знаетъ никакихъ предѣловъ, что онъ собственно есть начало и конецъ всей книги законовъ, что ему подчинены всѣ законы, всѣ права.

Но Бёрне былъ недоволенъ, потому что ему хотѣлось лучшаго, потому что онъ надѣялся на лучшее; скажи ему однако кто-нибудь, что порядокъ іюльской монархіи будетъ перенесенъ въ Германію, нѣтъ сомнѣнія, что сердце его запрыгало бы отъ радости. Бёрне надѣялся, что сбудутся слова, приписанныя Лафайету, который однако никогда ихъ не произносилъ, будто «Луи-Филиппъ — это лучшая республика». Онъ думалъ, что Луи-Филиппъ будетъ носить только одно имя короля, а въ сущности будетъ такимъ же гражданиномъ, какъ и всѣ другіе. Поэтому, когда онъ увидѣлъ, что дѣло идетъ вовсе не объ одной кличкѣ, и онъ принимаетъ всѣ аттрибуты королевской власти, то брови его нахмурились. Бюджетъ Луи-Филиппа его особенно раздосадовалъ, и онъ написалъ по поводу четырнадцати милліоновъ франковъ, опредѣленныхъ «королю-буржуа», какъ называли его всѣ и какъ называетъ его Бёрне, одно изъ самыхъ злыхъ своихъ «Писемъ». Бёрне не любитъ большихъ королевскихъ бюджетовъ; со стороны республиканца, каковымъ былъ авторъ «Парижскихъ Писемъ» въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. «Дѣло вовсе не въ томъ, разсуждалъ Бёрне, даютъ ли какому-нибудь королю нѣсколько милліоновъ болѣе или нѣсколько милліоновъ менѣе за то, что онъ съ необыкновенною добротою соглашается править — пусть ему даютъ сколько ему нужно, сколько онъ хочетъ, лишь бы онъ былъ доволенъ и оставлялъ насъ въ покоѣ; дурное расположеніе духа правителя всегда вредно для страны, и во всѣ времена народъ долженъ былъ выкупать себѣ свободу и счастье. Гораздо важнѣе, по мнѣнію Бёрне, другое обстоятельство, именно то, что каждая лишняя копѣйка, которую народъ даетъ своему государю, который не употребляетъ ее ни на свои нужды, ни на нужды своего семейства, служитъ къ тому, чтобы образовать и кормить дворъ, который какъ ядовитый туманъ становится между народомъ и правителемъ и производитъ печальный мракъ вокругъ трона». Вотъ на этомъ-то основаніи, чтобы не было «ядовитаго тумана», чтобы не было «пагубнаго мрака» вокругъ трона, Бёрне и желаетъ, чтобы королевскій бюджетъ былъ какъ нельзя болѣе ничтоженъ. Ничтожность его Бёрне доводитъ до нуля, по крайней мѣрѣ Луи-Филиппу, который требовалъ себѣ восьмнадцать милліоновъ франковъ въ годъ, въ то время, когда его частные доходы доходили до двѣнадцати милліоновъ, онъ не желалъ никакого бюджета. Бёрне разска-

Digitized by Google

зываетъ, что жители Буржа отправили въ палату прошеніе, въ которомъ настаивали, чтобы королю было дано не больше полумилліона франковъ. «По моему мнѣнію, говоритъ Берне, тутъ полмилліона лишнихъ,—я бы ему ничего не далъ. Кто желаетъ имѣть честь управлять большимъ народомъ, тому должно это нѣсколько стоить. Франція могла изъ шести милліоновъ гражданъ выбрать себѣ короля, а король Филиппъ не могъ бы себѣ выбрать никакого народа; народы рѣдки». Еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ возстаетъ Бёрне противъ тѣхъ суммъ, которыя назначались сыну Луи-Филиппа: «французскому наслѣдному принцу, говоритъ онъ, чтобы время ему не показалось слишкомъ скучнымъ, пока онъ вступитъ на престолъ, опредѣленъ милліонъ франковъ... Боже мой, кто же дастъ бѣдному народу вознагражденіе за то, что онъ долженъ съ трепетомъ выжидать смерти дурного правителя. Но придворные заботятся о томъ, чтобы наслѣдный принцъ съ молоду привыкалъ къ мотовству; они боятся: а что, если вступивъ на престолъ въ зрѣлые годы, у него не будетъ достаточно воспріимчивости къ пороку».

Затѣмъ Бёрне переходитъ къ самому разбору королевскаго бюджета, который, сравнивая съ бюджетами другихъ странъ, гдѣ нѣтъ конституціоннаго порядка, онъ находитъ довольно мизернымъ. Четырнадцать милліоновъ франковъ! Но какъ, разспрашиваетъ Бёрне распредѣляются эти четырнатцать милліоновъ, на что они идутъ? и тутъ онъ обращается къ подробному разсчету, который, если и заключаетъ въ себѣ нѣкоторую каррикатурность, то тѣмъ не менѣе, въ каррикатурѣ отражается въ значительной степени истина. Онъ смотритъ на бюджетъ, и видитъ, что на аптеку и доктора опредѣлено 80 тыс. фр. Онъ сравниваетъ эту сумму съ тою, которую онъ тратитъ на себя, бывая боленъ разъ въ году и зная, сколько сто́итъ «возможность — не вылечиться». Дѣлая подробный разсчетъ, онъ находитъ совершенно достаточною сумму въ 8,630 фр. на леченіе короля, его семейства и придворныхъ. Затѣмъ «содержаніе ливрейныхъ лакеевъ—200 т. фр. Слишкомъ много! Кухня — 780 т. фр. Объ этомъ я поговорю въ моемъ будущемъ сочиненіи «о желудкѣ Людовика-Филиппа». Погребъ—180 т. фр. Считая бутылку вина по пяти франковъ, выйдетъ, что въ годъ потребляется тридцать шесть тысячъ бутылокъ, а въ день сто. Но скажите, спрашиваетъ Бёрне, могутъ ли мужъ, жена, сестра и семеро дѣтей, большею частью женскаго пола, выпить въ день сто бутылокъ? И не думайте, что тутъ въ счетѣ вино и для угощенія постороннихъ посѣтителей; для этихъ послѣднихъ опредѣлено еще 400 т. подъ рубрикою: «празднества». Далѣе. На содержаніе трехсотъ лошадей

Digitized by Google

ежегодно—900 тыс. фр.; стало быть, каждая лошадь обходится въ 3 тыс. фр. Одна парижская газета замѣчаетъ по этому поводу, что тысячи человѣкъ въ Парижѣ сочли бы себя счастливыми, еслибы могли сдѣлать свою постель изъ соломы этихъ лошадей...» Перечисляя далѣе статьи бюджета, онъ приходитъ къ отопленію, и подъ впечатлѣніемъ извѣстій, что тысячи поляковъ за участіе въ революціи сосланы въ Сибирь, онъ говоритъ: «на отопленіе 250,000 фр. Съ этимъ можно было бы согрѣть всю Сибирь, и дрова болѣе полезно были бы употреблены тамъ, чтобы по крайней мѣрѣ наши несчастные поляки не замерзли». Затѣмъ, приводя сумму въ 370 тыс. фр. на освѣщеніе, Бёрне удивляется, что при такой большой затратѣ на свѣтъ, Луи-Филиппъ все-таки остается въ «потемкахъ». Приводя кромѣ того изъ бюджета цѣлый рядъ другихъ расходовъ на театръ, подарки, путешествія, однимъ словомъ, на все, что зовется les menus plaisirs высокихъ особъ, Бёрне спрашиваетъ, а что еще стоятъ, такъ-называемыя «большія удовольствія» какъ-то: «война, завоеванія, любовницы, лейбъ-гвардія, любимцы, подкупы, тайная полиція!» И еслибы еще ко всему, прибавляетъ авторъ «Парижскихъ писемъ», всѣ эти суммы шли дѣйствительно на то, на что онѣ назначены,—но въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Можетъ быть только четвертая часть идетъ по назначенію, «три же четверти разворовываются, попадаютъ въ руки нѣсколькихъ покровительствуемыхъ поставщиковъ, которые дѣлятъ выгоду съ придворными министрами. Но при этомъ, замѣчаетъ Бёрне, обманутъ не король, а народъ, который доставляетъ деньги на liste civile».

Какъ только Бёрне поссорился съ монархіею, вышедшею изъ іюльской революціи, онъ не упускалъ уже болѣе случая, чтобы показывать ее въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Одно изъ двухъ, говорилъ онъ, ярко опредѣляя свое направленіе, или абсолютная монархія или республика. Побѣда должна принадлежать или абсолютистамъ или республиканцамъ, что же касается до іюльской монархіи, до juste-milieu, то Бёрне съ рѣшительностью говоритъ: «Послѣ того, что изъ нея будетъ выжатъ весь сокъ, она будетъ выброшена на улицу, какъ лимонная корка». Бёрне злобно смѣялся, разсказывая, какъ правительство Луи-Филиппа устраиваетъ фальшивыя тревоги въ видѣ выстрѣла въ короля, причемъ, несмотря на всѣ старанія покусившагося на убійство быть открытымъ, его все-таки полиція тщательно не открываетъ, опасаясь конечно разсмѣяться, узнавъ въ человѣкѣ, пустившемъ выстрѣлъ, одного изъ вѣрныхъ слугъ, одного изъ преданныхъ тайной полиціи. Не рѣшаясь иногда на такое радикальное сред-

Digitized by Google

ство какъ выстрѣлъ, правительственные агенты прибѣгаютъ къ другому орудію деспотическихъ государствъ: къ муссированію заговора. Что абсолютныя государства прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, это понятно и можетъ быть объяснено; цѣль ихъ очевидна: нужно отдѣлаться отъ нѣсколькихъ десятковъ горячихъ головъ, нужно упрятать двадцать, тридцать, сто или наконецъ больше подозрительныхъ личностей и притомъ еще напугать цѣлое общество, примѣра ради, чтобы оно было болѣе почтительно; и вотъ изобрѣтается такое средство; но зачѣмъ же это дѣлать въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ гласность, гдѣ на слѣдующій день нѣсколько журналовъ прокричатъ, что правительство обманываетъ, что никакого серьезнаго выстрѣла, никакого серьезнаго заговора не было, и гдѣ они доказываютъ это тѣмъ, что дѣйствительно никто не арестованъ. Бёрне находитъ это до-нельзя глупымъ, безцѣльнымъ и потому всѣми силами возстаетъ противъ конституціонной монархіи, предпочитая даже абсолютную монархію. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но нельзя не сказать, что на этотъ разъ у Бёрне довольно оригинальный вкусъ, доказывающій только одно: необыкновенную впечатлительность автора «Парижскихъ Писемъ». Іюльская монархія не удовлетворяла его, что довольно понятно, и вотъ онъ призываетъ на нее гнѣвъ боговъ; но переселись только Бёрне въ свое отечество и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ закричалъ бы: я сдаюсь, іюльская монархія побѣдила меня! Изъ такого опыта Бёрне, конечно, могъ бы вывести для себя только одну мораль: какова бы ни была конституціонная монархія, сколько бы ни было на ней печальныхъ прорѣхъ, все-таки она лучше абсолютной монархіи.

Нѣсколько разъ возвращался Бёрне къ положенію іюльской монархіи и каждый разъ говорилъ: я не вижу другого выхода, какъ новую революцію! Причину этого печальнаго положенія онъ видѣлъ въ одномъ: въ выборномъ законѣ, который всю власть передалъ въ руки однихъ богатыхъ. «Здѣсь, писалъ онъ разъ, дѣла идутъ дурно, супъ простылъ, и при этомъ отцы народа, какъ дѣтямъ, кричатъ ему протяжно: не обожгитесь! Честный народъ кровью и потомъ завоевалъ себѣ свободу, а мошенническая палата, сидя въ туфляхъ въ своей конторѣ говоритъ ему: вы не умѣете распоряжаться съ деньгами, мы будемъ за васъ управлять. Новая революція, вотъ единственное—что можетъ поправить дѣло». Нуженъ новый избирательный законъ, на который палата, состоящая только изъ представителей богатаго класса, никогда не согласится, не желая лишать себя власти. Для того, чтобы добыть этотъ законъ нужно употребить

Digitized by Google

силу, которую народъ оставилъ за собою. Вотъ отчего революція казалась Бёрне неизбѣжною, вотъ почему она и совершилась на самомъ дѣлѣ, но только восемнадцать лѣтъ спустя.

Какъ Бёрне нападалъ на нѣмецкія правительства, любя всею душою нѣмецкій народъ, такъ точно, нападая на правительство Франціи, онъ съ нѣжностію относился къ французскому народу. Любя нѣмецкій народъ, онъ выставлялъ все-таки на видъ его недостатки, онъ горько жаловался, какъ видѣлъ читатель, на недостойную сносливость его, па раболѣпство, на отсутствіе энергіи и достоинства; любя французскій народъ, онъ не выставлялъ точно также на видъ однѣ его доблести, онъ упрекалъ его въ легкомысліи, въ недостаткѣ выдержанности, стойкости, въ излишней, наивной довѣрчивости. Бёрне охарактеризовалъ этотъ народъ двумя словами, которымъ нельзя отказать въ большой мѣткости. Французы, сказалъ Берне, это «герои и вмѣстѣ съ тѣмъ актеры». Всѣ несчастныя свойства этого народа выражены въ одномъ словѣ «актеры» точно также, какъ всѣ хорошія въ словѣ «герои». Если во Франціи много можно найти представителей одного изъ этихъ свойствъ, то не мало и представителей другого— героизма, и іюльская монархія обязана была ему своимъ существованіемъ. Но какъ отплатила она тѣмъ героямъ, которые въ кровавые дни жертвовали своею жизнію? Какъ отплатила іюльская монархія Лафайету, какъ отплатила она молодежи? Никто изъ людей Франціи той эпохи не вызывалъ у Бёрне такого уваженія, какъ фигура этого безупречно честнаго старца. Бёрне говорилъ о немъ, какъ объ «единственномъ прекрасномъ характерѣ новаго времени». Его мнѣніе о Лафайетѣ тѣмъ болѣе интересно, что оно было результатомъ личнаго знакомства съ этимъ «героемъ» Франціи. «Ему скоро будетъ восемьдесятъ лѣтъ, говоритъ авторъ «Парижскихъ писемъ», онъ испыталъ всевозможныя разочарованія, измѣны, лицемѣрныя дѣйствія, насилія и все-таки вѣритъ въ добродѣтель, истину, свободу и справедливость. Еще теперь, любимый правда многими, уважаемый всѣми, но въ тоже время и не признанный никѣмъ по достоинству,—онъ не видитъ себя обманутымъ только со стороны своихъ враговъ, которые выказываютъ свою ненависть открыто; друзья же пользуются его довѣріемъ, злоупотребляютъ имъ, обманываютъ его и часто издѣваются надъ нимъ. Онъ точно божество во храмѣ, выражается Бёрне, во имя котораго лицемѣры-жрецы требуютъ того, чего имъ самимъ хочется, тайно подсмѣиваясь въ то же самое время надъ довѣрчивымъ народомъ и его святынею. Но онъ неуклонно, какъ солнце, идетъ своею дорогою, не заботясь, что и для чего пользуется его совѣтомъ: добрые ли люди для

Digitized by Google

добрыхъ дѣлъ, или злые для злыхъ. Сколько времени пройдетъ еще прежде, чѣмъ Франція сдѣлается достойною Лафайета? Но когда-нибудь это сбудется».

Бёрне твердо вѣрилъ въ то, что Франція, несмотря ни на какія превратности, должна въ концѣ концовъ все-таки подняться и установить, наконецъ, ту свободу, которой она приносила въ жертву такъ много крови, такъ много отчаянныхъ, геройскихъ усилій. Какъ на залогъ блестящей будущности Франціи, онъ указывалъ не только на то, что̀ сдѣлано было ею въ прошедшемъ, но также и на ту молодежь, которая всегда съ такимъ достоинствомъ ведетъ себя въ минуты испытанія. Бёрне горячо относился къ французской молодежи, не только къ молодежи іюльской монархіи, но вообще къ молодежи, которая всегда при всякомъ случаѣ заявляла себя съ «геройской» стороны. Въ этой молодежи нѣтъ трусливости, въ ней нѣтъ того некрасиваго свойства, которое заставляетъ людей рѣшаться на самыя отчаянныя вещи, на ужасные заговоры, и затѣмъ, какъ только заговоръ открытъ, тотчасъ каждый старается всю вину взвалить на другого, каждый становится предателемъ и своимъ недостойнымъ поведеніемъ возбуждаетъ только презрѣніе въ судьяхъ, безъ всякой выгоды для себя. Лучше въ такомъ случаѣ сидѣть спокойно и не подниматься на заговоры. Кто не помнитъ, кто не знаетъ поведенія французской молодежи во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ процессахъ, гдѣ она судилась за заговоры противъ іюльской монархіи, кто не знаетъ этихъ рѣчей, которыя всегда кончались однимъ припѣвомъ: «да, мы желали паденія этого недостойнаго правительства, мы желали и желаемъ установить республику!»

Французская молодежь горда, и эту гордость восхвалялъ Бёрне. Молодежь не приходила въ восторгъ, когда правительство, или какъ это было во время іюльской монархіи, палата, за то, что молодежь приняла участіе въ возстановленіи порядка, находя вспышку несвоевременною, благодарила ее именемъ страны. Напротивъ она гордо отвѣчала: «вашей благодарности намъ не надо, дайте намъ свободу, которую вы намъ обѣщали, la liberté, qu'on nous marchande maintenant et que nous avons payé comptant au mois de Juillet». Но той свободы, которой они желали, имъ не дали, подъ предлогомъ, что французы еще не созрѣли, чтобы имѣть бо́льшую свободу, нежели ту, которую они имѣютъ. Тѣ, которые такъ говорятъ, дождутся до того, пока «будущее», которому они предоставляютъ расширить свободу, «прискачетъ къ нимъ въ галопъ и сброситъ ихъ». Чтобы все устроилось мирно и тихо нужно идти на встрѣчу будущему, не

Digitized by Google

ожидаться, пока народъ вырветъ силою извѣстное право. Іюльское правительство этого не понимало, потому Бёрне и писалъ ъ 1830-мъ году: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно ранція выстрадаетъ еще одну революцію». И къ этому онъ рибавляетъ: «ужъ такое лежитъ на людяхъ проклятье, что доровольно они не хотятъ быть разумными, нужно погонять ихъ ичемъ».

Хотя Бёрне и былъ того мнѣнія, что Германія не должна ъ черезъ-чуръ хвастаться своими «дураками», что дураки есть акже во Франціи, но тѣмъ не менѣе въ ней находилъ онъ олько умнаго, хорошаго, честнаго, что приходилъ въ негодоаніе, когда до него доходили слухи о томъ, что государства, ставлявшія Священный Союзъ, желали обрѣзать Францію, чтобы дѣлать ее для себя безопасною. Нравственное, политическое ліяніе Франціи, несмотря ни на какія затмѣнія, ни на какія монархическія правительства, представлялось до такой степени паснымъ, въ силу революціонныхъ стремленій французскаго наода, что правительства другихъ странъ во всѣ времена злобно мотрѣли на это вліяніе и всегда старались, до сихъ поръ безспѣшно, поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не могла мѣть вліянія. Если Франція, разсуждалъ Бёрне, этотъ «Кратеръ Европы», котораго всѣ такъ опасаются, «перестанетъ извергать ламя, если онъ перестанетъ дымиться, тогда горе всѣмъ правительствамъ, тогда ни одинъ тронъ въ мірѣ не можетъ быть покоенъ ни на одну ночь. Они дрожатъ, когда нѣсколько французовъ проходятъ по Германіи съ либеральными рѣчами, и въ касѣ кричатъ: пропаганда! пропаганда! И они же хотятъ весь ародъ Франціи присоединить къ своимъ старымъ владѣніямъ. Они думаютъ, что своими старыми, опошлившимися правительственными ухищреніями, своими фокусами, которыми теперь нельзя олѣе обмануть даже ребенка, имъ удастся обуздать своихъ новыхъ дикихъ подданныхъ — имъ, которые ничего не смыслятъ аже въ полицейскомъ дѣлѣ, единственномъ искусствѣ, которымъ ни занимались съ любовью и прилежаніемъ. Когда, въ 1814-мъ оду, они были въ Парижѣ, куда Вѣна, Берлинъ, Петербургъ ослали свои самыя хитрыя головы, тогда надъ всѣми этими итрыми головами Священнаго Союза издѣвался каждый ничтожный французскій шпіонъ, и еслибы не было превосходства силы, ужъ хитростью, конечно, они не подчинили бы себѣ Парижа». е намъ, нѣмцамъ, говорилъ Бёрне, присоединять къ себѣ французскую народность, не намъ справиться съ нею, потому что на неизмѣримо выше насъ, ея политическое развитіе далеко передило развитіе другихъ конституціонныхъ странъ Европы.

Digitized by Google

Послѣ всѣхъ нападокъ, которыя дѣлалъ Бёрне на политическое состояніе Франціи, такое высокое мнѣніе о французахъ, быть можетъ, покажется кому-нибудь противорѣчіемъ. Но противорѣчія тутъ никакого нѣтъ. Бёрне вѣрилъ, что Франція съумѣетъ отдѣлаться отъ всякаго правительства, которое будетъ мѣшать ея свободному развитію и что торжество свободы въ этой странѣ есть только вопросъ времени, десятковъ лѣтъ. Онъ надѣялся, что наступила эта минута торжества свободы, когда вспыхнула іюльская революція. Онъ обманулся, какъ обманулась вся Франція. Свобода дѣйствительно получила большое наслѣдство, выражался онъ, какъ разсказываетъ Гуцковъ, но банкиръ, который долженъ былъ выплатить его — Луи-Филиппъ, сдѣлался злостнымъ банкротомъ. Свою надежду на торжество свободы во Франціи, какъ впрочемъ и въ Германіи, онъ основывалъ на одномъ: «на мудрости Бога и на глупости его представителя».

Политическое состояніе Франціи составляло не единственное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», касавшихся этой страны. Бёрне не упускалъ изъ виду и другихъ сторонъ общественной жизни. Литература часто останавливала на себѣ его вниманіе. Какъ нападалъ онъ на нѣмецкую литературу, говоря, что нѣмецкіе писатели пишутъ для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что литература ихъ не утратила своего лакейскаго характера и сохранила за собою, вслѣдствіе этого, презрѣніе даже нѣмецкихъ правительствъ, точно также нападалъ онъ и на французскую литературу, жалуясь на ея буржуазный характеръ. Бейерманъ, его біографъ, передаетъ слова Бёрне, что французскимъ писателямъ, толкующимъ о своихъ страданіяхъ, бурныхъ порывахъ, не слѣдуетъ довѣрять. Не вѣрьте, говорилъ Бёрне, тѣмъ, которые утверждаютъ, что они терзаются, у нихъ нѣтъ тенденцій, они не страдаютъ, не болѣютъ временемъ, у нихъ преобладаетъ одно желаніе — пріобрѣтать больше денегъ. Онъ не дѣлалъ въ этомъ отношеніи исключенія ни для Гюго, ни для Бальзака, и только объ одной Жоржъ-Зандъ говоритъ, что у нея есть искреннее чувство и теплое отношеніе ко всему страждущему. Причину такого незавиднаго направленія французской литературы Бёрне видитъ въ одномъ: Chaussée d'Antin со времени іюльской революціи замѣнилъ собою faubourg St. Germain. Выигрышъ небольшой: аристократія или плутократія.

Это отношеніе къ французской литературѣ, отношеніе сердитое, недовольное, ясно сказывается въ «Парижскихъ Письмахъ», конечно, за немногими исключеніями. Бёрне опредѣленно высказывается по этому поводу, когда онъ разсуждаетъ объ одномъ журналѣ «Europe littéraire», объ изданіи котораго было только-что

Digitized by Google

объявлено. Бёрне приходилъ въ негодованіе, когда онъ читалъ, что политика будетъ совершенно исключена изъ журнала, и что какъ на главную выгоду отъ этого указывали на то, что журналъ, благодаря такому исключенію политики, будетъ свободно обращаться во всѣхъ государствахъ и пользоваться поддержкой и покровительствомъ всѣхъ правительствъ. «Нравственныя убѣжденія писателя, говоритъ онъ при этомъ, сдѣлали во Франціи большіе успѣхи. Будь этотъ писатель самая отъявленная каналья, онъ, если хорошо понимаетъ свое ремесло, смѣло можетъ съ code moral въ рукѣ предстать предъ какой угодно судъ и требовать, чтобы ему указали, какіе параграфы этого кодекса онъ преступилъ. Нѣмецкій журналистъ продаетъ свою совѣсть, французскій только свои акціи въ журналѣ. Такимъ образомъ, журналъ переходитъ въ другія руки и нѣтъ никакой надобности пачкать свои собственныя. Нѣмецкій журналистъ выставляетъ себя къ позорному столбу, французскій довольствуется тѣмъ, что заслуживаетъ это наказаніе». Бёрне клеймитъ писателей за то, что они отказываются ради матеріальныхъ выгодъ говорить о политикѣ, хотя, строго говоря, было бы совершенно достаточно клеймить позоромъ только тѣхъ, которые напротивъ говорятъ о политикѣ, но говорятъ противъ совѣсти, говорятъ потому только, что имъ платятъ за это, которые, однимъ словомъ, продаютъ свою совѣсть и торгуютъ своими убѣжденіями.

Напрасно, впрочемъ, правительства покупаютъ молчаніе, а съ нимъ совѣсть журналистовъ; напрасно думаютъ они дать духу времени другое направленіе и, «платя хорошо за эстетику, погубить нерифмованную политику». Они жестоко ошибаются, и ошибка ихъ, по мнѣнію Бёрне, происходитъ оттого, что они или не знаютъ или не понимаютъ исторіи. «Въ мірѣ, говоритъ онъ, всегда господствуетъ какая-нибудь идея, и какъ народы, такъ и правительства должны подчиняться ей. Между одною идеею и другою всегда проходило столѣтіе застоя; въ это время человѣчество спало. Этимъ временемъ сна пользовались властители, чтобы порабощать себѣ народы. Эти, наконецъ, просыпаются, и начинались перевороты...» Послѣдній переворотъ въ Европѣ начался изъ-за идеи свободы, и этотъ переворотъ еще не кончился, онъ продолжается, и никакія усилія не способны вырвать этой идеи изъ міра до ея полнаго торжества. Никакая другая идея такъ не возбуждала противъ себя правителей, какъ эта идея свободы, потому что никакая другая не была такъ опасна для нихъ. Опасна же она для нихъ потому, что свобода, собственно говоря, не есть идея, а только «возможность понимать, преслѣдовать и срочно установлять какую угодно идею». Идею свободы народы

Digitized by Google

не должны, да и не могутъ промѣнять ни на какія блага, потому что свобода предполагаетъ всѣ блага. «Если правители скажутъ своимъ народамъ: мы даемъ вамъ миръ, порядокъ, религію, искусство, науку, промышленность, торговлю, богатство за одну свободу—народы должны отвѣчать: свобода заключаетъ все это, зачѣмъ ее мѣнять, зачѣмъ намъ возиться съ мелкой монетой нашего счастья?» Напрасно, слѣдовательно, заключаетъ Бёрне, платить за то, чтобы люди исключали изъ своихъ журналовъ политику, но дурно поступаютъ и тѣ, которые идутъ на подобныя сдѣлки. Подобныя явленія обличаютъ въ литературномъ мірѣ буржуазное направленіе, котораго Бёрне не могъ переносить въ литературѣ, точно также какъ и въ политикѣ. Но и въ литературѣ точно также какъ и въ политикѣ, Бёрне встрѣчалъ во Франціи много отрадныхъ явленій, и онъ указывалъ на эти явленія Германіи и какъ бы корилъ ее честными произведеніями, честными личностями, которыя притягивали его здѣсь. Какъ относился Бёрне къ французской литературѣ, читатель узнаетъ объ этомъ подробнѣе, когда очередь дойдетъ до личной дѣятельности Бёрне во французской журналистикѣ.

IV.

Нельзя оставить «Парижскія Письма», насколько онѣ относятся къ Франціи, не сказавъ, какъ относился Бёрне къ соціальному вопросу, съ которымъ онъ въ первый разъ встрѣтился близко, такъ сказать лицомъ къ лицу, во Франціи. Оно и понятно. Соціальный вопросъ только тогда, т.-е. послѣ іюльской революціи, и сталъ обозначаться болѣе рѣзко, поставленный на очередь и теоріею и практикою. Съ одной стороны только теперь фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ обращаютъ на себя серьезное вниманіе общества, съ другой возстанія рабочихъ въ Ліонѣ указываютъ, что на сцену энергично выступаетъ четвертое сословіе, въ пользу котораго и долженъ быть, главнымъ образомъ, разрѣшенъ соціальный вопросъ. Естественно, что политическій писатель Германіи былъ чуждъ его и только здѣсь впервые этотъ вопросъ могъ занять его умъ

Бёрне, какъ впрочемъ и большинство людей, которые были исключительно заняты политическими вопросами, былъ ошеломленъ извѣстіемъ: революція въ Ліонѣ! На первыхъ порахъ мало кто даже отдавалъ себѣ отчетъ, что это за революція, и заблужденіе было такъ велико, что многіе раздѣляли взглядъ министра Луи-Филиппа, Казиміра Перье, что хотя ліонскія событія

Digitized by Google

и печальны, но что важности они не представляютъ, такъ какъ политическіе вопросы не играютъ въ нихъ никакой роли. Бёрне былъ слишкомъ проницателенъ; любя народъ, онъ слишкомъ живо чувствовалъ страданія народа, чтобы тотчасъ не понять всей важности возстанія рабочихъ, написавшихъ на своемъ знамени: vivre en travaillant ou mourir en combattant! Онъ понималъ, что когда изъ груди народа вырывается крикъ: работы или смерти! то положеніе его должно быть безвыходно, что онъ доведенъ нищетой, униженіями до послѣдней крайности, и что когда онъ требуетъ для себя смерти или работы, то это не фраза, не слова, брошенныя на вѣтеръ, а отчаянная рѣшимость умереть или добиться себѣ работы, которая не заставляла бы голодать его семью. Положеніе ліонскаго рабочаго населенія въ 1831-мъ году было болѣе чѣмъ тяжко. Эксплуатація рабочихъ фабрикантами была доведена до безумныхъ размѣровъ. Пятнадцать, шестнадцать часовъ тяжелаго труда не обезпечивали отъ голода работника и его семью. Рабочее населеніе стало требовать измѣненія условій труда, но стало требовать мирно, безъ угрозъ, почти прося о томъ, что составляло ихъ право. Намъ нечего ѣсть, говорили рабочіе, наши дѣти умираютъ отъ голода, если они не успѣютъ умереть отъ изнуренія и тяжести работы. Въ семь лѣтъ дѣти уже на фабрикахъ и дышатъ зараженнымъ воздухомъ; дѣвочки четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, чтобы поддержать себя и семейство должны приносить себя въ жертву проституціи; наши отцы и матери, послѣ цѣлой жизни безотраднаго и тяжкаго труда, не могутъ умереть дома, а должны, чтобы не отягощать своихъ дѣтей, идти умирать въ госпиталь! Наше положеніе ужасно, говорили рабочіе, помогите намъ! Въ отвѣтъ на эти жалобы была устроена коммиссія изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, которые, послѣ долгихъ споровъ и уступокъ со стороны рабочихъ, пришли наконецъ къ соглашенію и назначили minimum трудовой платы. Какъ ни ничтожна была уступка, рабочіе считали себя удовлетворенными и были счастливы! Не на долго. Масса фабрикантовъ, не знавшая никакихъ границъ въ своей эксплуатаціи, объявила, что они не соглашаются признать этотъ minimum, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что требованія рабочихъ неосновательны, и что они хотятъ увеличенія жалованья только потому, что «они выдумали себѣ какія-то чисто искусственныя потребности». Искусственною потребностью на языкѣ фабрикантовъ называлась потребность «не умирать съ голода». Нѣкоторые фабриканты, какъ передаетъ Луи-Бланъ въ своемъ сочиненіи «Histoire de dix-ans», доходили до такого цинизма, что говорили: «если въ

Digitized by Google

желудкѣ у нихъ нѣтъ хлѣба, то мы замѣнимъ его штыками». Чаша была переполнена, гроза разразилась. Кровь была пролита. Рабочее населеніе было въ остервенѣніи, да и было изъ-за чего, оно отстаивало ни больше ни меньше какъ свое право на жизнь. Возстаніе восторжествовало, Ліонъ былъ во власти рабочихъ; но довѣрчивость ихъ была обманута, они повѣрили обѣщаніямъ, допустили себя обезоружить—кровь слѣдовательно была пролита понапрасну. Но если ліонское рабочее населеніе ничего не выиграло отъ своего геройскаго возмущенія, то тѣмъ не менѣе это возстаніе имѣло большой смыслъ: оно показало всю глубину той раны, которая сочилась на тѣлѣ Франціи.

Трагедія, разыгравшаяся въ Ліонѣ, поразила Бёрне и заставила его, впервые, быть можетъ, глубоко задуматься надъ близнецомъ вопроса о политической свободѣ, надъ вопросомъ соціальнымъ. Онъ тотчасъ понялъ весь идіотизмъ правительства, спѣшившаго въ лицѣ одного изъ своихъ представителей высказать свою радость, что въ кровавыхъ событіяхъ Ліона не было и рѣчи о политикѣ, «а все дѣло ограничилось убійствами, грабежами и пожарами!» Бёрне приходилъ въ недоумѣніе, какъ правительство могло шутить со словами, что ліонское возстаніе было не что иное, какъ война бѣдныхъ съ богатыми, т.-е. людей, которымъ нечего терять съ людьми, которые имѣютъ собственность. Онъ предвидѣлъ послѣдствія завязавшейся борьбы и потому, по поводу отношенія правительства къ ліонскому возмущенію, говорилъ: «да, война бѣдныхъ противъ богатыхъ началась, и горе тѣмъ государственнымъ людямъ, которые слишкомъ неразумны или слишкомъ испорчены для того, чтобы не понимать, что слѣдуетъ вступить въ борьбу не съ бѣдными людьми, а съ бѣдностью. Не противъ собственности, а только противъ привилегій богатаго класса возстаетъ народъ; но когда эти привилегіи укрываются за собственность, то можетъ ли народъ завоевать себѣ равенство иначе, какъ взявъ штурмомъ эту собственность?»

Въ сужденіяхъ Бёрне о соціальномъ движеніи рабочаго класса тотчасъ сказывается политическій писатель, готовый во всѣхъ бѣдахъ и людскихъ невзгодахъ видѣть только одно — отсутствіе политической свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта послѣдняя играетъ весьма важную роль въ вопросѣ о лучшей организаціи труда, но она не разрѣшаетъ еще собою вопроса. Для сколько-нибудь успѣшнаго разрѣшенія его существенно необходимо измѣненіе какъ въ условіяхъ производства, такъ и въ условіяхъ распредѣленія народнаго богатства. Труду, какъ источнику капитала, должно быть дано преобладающее значеніе

Digitized by Google

надъ этимъ послѣднимъ, который изъ господина долженъ превратиться въ слугу. Прежде чѣмъ не измѣнится это отношеніе труда къ капиталу, не прекратится борьба капиталистовъ, т.-е. аристократіи, духовенства, средняго сословія съ тружениками, т.-е. съ рабочимъ населеніемъ. Не поспѣшитъ капиталъ заключить миръ съ трудомъ — этотъ послѣдній произведетъ страшную революцію, исходъ которой безошибочно можно предсказать впередъ. Когда два противника, даже одинаковой силы, борются — численность побѣждаетъ. Подавляющая численность на сторонѣ тружениковъ — они и побѣдятъ.

Бёрне пользуется возбужденіемъ во Франціи соціальнаго вопроса, чтобы тѣмъ съ большею силою указывать на необходимость политической свободы для общества. Радикальное средство для разрѣшенія соціальнаго вопроса онъ видитъ въ допущеніи народныхъ представителей къ управленію государствомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ допускаютъ теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ представителей аристократіи и буржуазіи. До революціи 89-го года аристократія относилась къ буржуазіи какъ къ «сволочи», которая создана только для того, чтобы служить ей, холопствовать передъ нею. Чтобы измѣнить это отношеніе, чтобы буржуазія получила необходимыя права, чтобы заставить аристократію по крайней мѣрѣ наружно относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ буржуазіи и подѣлиться съ нею своими привилегіями, нужны были геройскія усилія великой революціи.

Въ лицѣ Наполеона, къ которому съ такою ненавистью относится Бёрне, — называя его въ своихъ «Письмахъ» вмѣстѣ и «злодѣемъ» и «дуракомъ», политическая революція потерпѣла фіаско, но въ соціальномъ отношеніи то, что было разъ завоевано, то уже такъ и осталось. Буржуазія гордо стала рядомъ съ аристократіей. Казалось бы, что буржуазія, которая вела такую отчаянную борьбу, чтобы завоевать себѣ права, и зная по собственному опыту, до чего доходитъ дѣло, когда въ нихъ отказываютъ, не только не станетъ сопротивляться тому, чтобы права эти были предоставлены тѣмъ, кого называютъ «простымъ народомъ», но сами будутъ заботиться, чтобы права эти были распространены и на него. Оказалось не такъ. Быстро зажирѣвшая буржуазія забыла, какъ недавно еще ее называли «сволочью», и теперь, соединившись съ аристократіей, стала обзывать этимъ лестнымъ именемъ все, что стояло по матеріальному положенію ниже ея. Она забыла, вмѣстѣ съ аристократіею, что если революція 89-го года съумѣла доставить ей права и наказать аристократію за ея надменность,

Digitized by Google

то новая революція какого-нибудь неизвѣстнаго еще года точно также съумѣетъ достанить эти права народу и наказать, въ свою очередь, ее за всѣ ея наглыя продѣлки. «Сердце возмущается, говоритъ Бёрне, когда видишь, съ какою несправедливостью распредѣлены всѣ государственныя повинности.... Кто несетъ всю тяжесть налоговъ, на которые всѣ европейскіе народы, наполовину раздавленные, горько жалуются? Бѣдный поденщикъ, деревенская земля». Въ этомъ неровномъ и неравномѣрномъ, а слѣдовательно и несправедливомъ распредѣленіи налоговъ лежитъ одна изъ причинъ тяжкаго положенія «простого народа». Отчего же происходитъ это неравномѣрное распредѣленіе налоговъ? Причина понятна — потому что законы составляютъ богатые люди, потому что налоги и подати, главнымъ образомъ, распредѣляютъ они же, а имъ, конечно, выгодно самую большую и тяжелую часть налагать на бѣдныхъ. Эти же, до поры до времени, молчатъ, и молчаніемъ ихъ пользуются для того, чтобы такъ задавить ихъ, чтобы отъ усталости у нихъ отнялся языкъ, которымъ они могли бы высказать свои жалобы. Простой народъ, бѣдныхъ не допускаютъ до управленія, лишаютъ ихъ голоса подъ тѣмъ предлогомъ, что «люди, которымъ нечего терять, не могутъ искренно интересоваться общимъ благосостояніемъ государства, каждый интриганъ можетъ выманить или купить у нихъ голосъ». Отжившая теорія, въ которой никогда не было слова правды. «Именно потому, заступается Бёрне за простой народъ, что между бѣдными людьми больше честныхъ, чѣмъ между богатыми, что они рѣже этихъ послѣднихъ поддаются подкупу, — именно потому министры не хотятъ допустить ихъ въ среду представителей народа. Пусть они откроютъ намъ свои тайные списки, пусть прочтутъ намъ имена своихъ приверженцевъ, доносчиковъ, политическихъ сводниковъ, шпіоновъ, и тогда окажется, кто чаще продавалъ свою совѣсть: богатые ли для удовлетворенія своего честолюбія и гнусныхъ наклонностей, или бѣдные для уничтоженія своего голода».

Притѣснители народа, говоритъ Бёрне, полагаютъ, что народъ обыкновенно не сознаетъ того, что дѣлаютъ съ нимъ, они обольщаютъ себя надеждою, что народъ не думаетъ и не умѣетъ думать. Горе правительствамъ, когда народъ вдумается въ свое положеніе, «когда народъ начнетъ думать, тогда прошло, восклицаетъ Бёрне, для васъ время спасенія». Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ указывало на то, что народъ умѣетъ думать, если онъ хочетъ думать, и Бёрне кричалъ изо всей силы: «дайте ему голосъ, дайте ему политическую свободу»! думая разрѣшить этимъ соціальный вопросъ.

Digitized by Google

Направляя свой взглядъ исключительно на политическую сферу и въ каждомъ предметѣ отыскивая по преимуществу политическую сторону, Бёрне пришелъ къ тому, что всѣ свои надежды относительно народнаго благополучія возлагалъ на политическую свободу. Отсюда неминуемо вытекала нѣкоторая односторонность въ его воззрѣніяхъ, и благодаря именно этой односторонности, онъ не обращалъ достаточнаго вниманія на такія явленія, которыя заслуживали того, чтобы надъ ними задумался такой писатель, какъ Бёрне. Вслѣдствіе этой односторонности Бёрне не постарался вникнуть въ тѣ соціальныя теоріи, которыя имѣли своею задачею преобразовать общественное устройство, дать обществу новыя основанія — теорія, которая именно въ это время, т.-е. послѣ ліонскаго возстанія рабочаго населенія, стала больше и больше занимать собою общество. Сколько бы ни было въ этихъ теоріяхъ фантастическаго, сколько бы ни было въ нихъ неосуществимаго, тѣмъ не менѣе онѣ заключали въ себѣ и такія начала, которыя должны были пустить въ общество глубокіе корни и повліять существеннымъ образомъ на измѣненіе отношенія между трудомъ и капиталомъ. То ассоціаціонное движеніе рабочаго населенія, выражающееся въ организаціи производства, потребленія и кредита, которое охватило въ настоящее время всю Европу, безспорно, обязано своимъ существованіемъ тѣмъ сѣменамъ, которыя брошены были въ почву съ одной стороны Фурье, съ другой Сенъ-Симономъ. Къ этому соціалистическому движенію 30-хъ годовъ Бёрне отнесся чрезвычайно поверхностно, и въ этомъ сознается онъ самъ, когда въ одномъ изъ «Парижскихъ Писемъ» говоритъ: «на вашъ вопросъ о симонистахъ я хотѣлъ бы отвѣчать отчетливо и подробно; но мои свѣдѣнія о нихъ весьма незначительны. Такъ какъ я не стыжусь моего невѣжества въ этомъ отношеніи, то не буду стыдиться и сознанія въ немъ. Оно тѣмъ менѣе извинительно, что симонизмъ извѣстенъ мнѣ какъ одно изъ важнѣйшихъ современныхъ явленій, мало того, какъ содержаніе многихъ важныхъ явленій нашего времени. Но дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ этого предмета я не занимался». Хотя Бёрне и признавалъ это движеніе однимъ «изъ важнѣйшихъ современныхъ явленій», но онъ до такой степени мало интересовался имъ, что не хотѣлъ сначала даже отправиться на собраніе сенъ-симонистовъ, говоря, что тамъ сбирается такая масса народа, что нужно придти за два часа до начала, чтобы отыскать себѣ мѣсто, а «тратить на это столько времени, прибавлялъ Бёрне, я не желаю».

Бёрне не старался вникнуть въ сущность новыхъ теорій, а останавливался на одной внѣшности, которая отталкивала его.

Digitized by Google

Для него достаточно было знать, что школа сенъ-симонистовъ избираетъ изъ своей среды высшее лицо, пользующееся всѣми почестями, рѣшающее всѣ вопросы, установляетъ у себя родъ папства, чтобы окончательно отвернуться отъ нея. Такъ впрочемъ всегда бываетъ съ людьми, ограничивающимися поверхностнымъ знакомствомъ съ какимъ-нибудь новымъ ученіемъ, новою теоріею или извѣстною попыткою съ преобразованію общества. Изъ-за дѣйствительно смѣшныхъ сторонъ, бросающихся въ глаза, люди не видятъ, что̀ есть въ нихъ глубокаго и по истинѣ серьезнаго. Если что прощается массѣ людей, то не прощается «избраннымъ», къ которымъ принадлежитъ Бёрне, и тѣмъ болѣе ему можно поставить это въ укоръ, что стремленія его и стремленія соціалистовъ были, въ сущности, одинаковы, хотя они и добивались осуществленія ихъ различными средствами. Впрочемъ, Бёрне нужно отдать ту справедливость, что если въ первую минуту онъ и отнесся скептически и даже съ легкою насмѣшкою къ собраніямъ сенъ-симонистовъ, то онъ поспѣшилъ произнести mea culpa, какъ только побывалъ на одномъ изъ такихъ собраній. «Не могу выразить вамъ, писалъ онъ, какое благодѣтельное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ вечеръ.... а между тѣмъ я шелъ туда не только безъ удовольствія, но даже съ враждебными мыслями и чувствами. Я говорилъ себѣ: безъ всякаго сомнѣнія, ты встрѣтишь тамъ людей или ушедшихъ впередъ на цѣлое столѣтіе, или отодвинувшихся назадъ на тысячелѣтія, съ цѣлью отыскать дѣтскій рай человѣчества; они явятся тебѣ съ новѣйшими лицами 9-го февраля 1832 г., съ мнѣніями, словами, понятіями, остротами, вопросами и отвѣтами и всѣмъ вѣчнымъ календаремъ всѣхъ французовъ и парижанъ. Но я обманулся въ моемъ предположеніи».

Какъ родственны были стремленія Бёрне съ стремленіями тѣхъ, кого обыкновенно называютъ ӯтопистами, можно видѣть по одному письму, которое написалъ Бёрне, когда узналъ о смутахъ, происшедшихъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ государствъ по поводу сбора пошлинъ. Онъ жалуется, что правительства только и знаютъ, что «насилія да кровопролитія», и совершенно не способны дѣйствовать инымъ путемъ. Народъ не любитъ пошлинъ, объясните ему ихъ значеніе, ихъ необходимость, и если вы съумѣете доказать, что пошлины сбираютъ для его истинныхъ выгодъ, то онъ не будетъ сопротивляться, будетъ охотно платить. Бёрне говоритъ, что онъ, еслибы только былъ пасторомъ, непремѣнно бы обратился къ своимъ прихожанамъ съ рѣчью, въ которой подробно развилъ бы этотъ предметъ. Онъ приводитъ примѣрную рѣчь, съ которой онъ обратился бы къ

Digitized by Google

прихожанамъ, и еслибы только она не была такъ длинна, то мы привели бы ее цѣликомъ — столько въ ней іроніи, злобы, остроумія и вмѣстѣ глубокаго смысла. Разсказывая исторію возникновенія пошлинъ, Бёрне со всею яркостью изображаетъ испорченность общественнаго строя и не съ меньшею, чѣмъ соціалисты, силою требуетъ измѣненія существующаго порядка. Сущность его рѣчи такова: глупые, недогадливые люди! если въ васъ стрѣляютъ, когда вы не хотите платить пошлинъ, то въ этомъ виноваты вы одни; вдумайтесь въ то, за что вы платите и кому вы платите; вникните въ то, какъ вами управляютъ и кто вами управляетъ; взвѣсьте ваши интересы и интересы вашихъ управителей; спросите себя: можете ли вы жить иначе, устроить ваше существованіе на другихъ началахъ, и тогда, если только вы не совсѣмъ «ослы» и не «бычачьи головы», то вы поймете, какъ вамъ нужно жить и съумѣете получше устроить вашу жизнь! Бёрне выставляетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые должны быть ему сдѣланы народомъ и на которые онъ торопится отвѣчать. Такъ на вопросъ, зачѣмъ правители собираютъ такъ много денегъ, Бёрне говоритъ, что если они этого не понимаютъ, то они доказываютъ только еще разъ, что они «бычачьи головы». Не для себя, конечно, объяснилъ бы онъ простымъ людямъ, правители собираютъ такъ много съ васъ денегъ, а для цѣлой арміи чиновниковъ, придворныхъ и всѣхъ тѣхъ, которые ему помогаютъ управлять вами. Правителямъ нужно содержать также много солдатъ и для этого также нужны деньги, которыя вы и должны платить. «Ну, продолжаетъ онъ свою рѣчь, не будьте же ослами и спросите: зачѣмъ нужно такъ много солдатъ? Вы это сами видѣли въ пятницу, зачѣмъ нужны солдаты! Еслибы не было солдатъ, какъ бы васъ усмирили, когда вы не хотѣли платить пошлинъ. Но вы, можетъ быть, скажете: но еслибы не было пошлинъ, мы бы не волновались; если же бы мы не волновались, не нужно было бы и солдатъ; еслибы не было солдатъ, не нужно было бы нашихъ денегъ; а если бы не нужно было бы нашихъ денегъ, не нужно было бы и пошлинъ». Въ томъ, что вы говорите, можно было бы отвѣтить, есть уже нѣсколько болѣе смысла, и я вижу, долженъ былъ бы сказать простымъ людямъ пасторъ, что вы не такъ глупы, какъ казалось. Если вамъ скажутъ, что солдаты нужны для внѣшнихъ враговъ, и вы спросите, кто же враги, и вамъ отвѣтятъ, что какой-нибудь народъ, то знайте тогда, что во всемъ, что вамъ скажутъ, нѣтъ ни одного слова правды, что врагами вамъ представляютъ тотъ или другой народъ съ умысломъ ваши правители, которые обманываютъ васъ, потому

Digitized by Google

что всѣ народы братья, между ними нѣтъ враговъ, и еслибы не ваши правители, то вы всегда бы жили въ мирѣ и согласіи. «Если бы въ народахъ было поменьше «бычачьихъ головъ», то они давно бы уже поняли это, перестали бы рѣзаться между собою и зажили дружно и счастливо.

Отдаваясь подобнымъ грезамъ, Бёрне весьма близко подходилъ къ такъ-называемымъ утопистамъ, и потому тѣмъ болѣе удивительно, что онъ отнесся такъ холодно къ тѣмъ, которые стали проповѣдывать соціальныя теоріи. Кто долго занимается политическими вопросами, кто долго наблюдаетъ политическую жизнь народовъ, тотъ противъ воли становится часто недовѣрчивъ ко всякаго рода попыткамъ. Скептицизмъ самаго горькаго свойства можетъ закрасться въ человѣка, когда онъ видитъ, какъ много тяжелыхъ историческихъ уроковъ пропадаетъ и пропало даромъ для народовъ и какъ, не умѣя пользоваться опытомъ прошедшаго, они не могутъ вырваться изъ заколдованнаго круга личнаго произвола. Но подобнымъ скептицизмомъ не страдалъ Бёрне. Напротивъ, онъ никогда не соглашался съ тѣмъ, чтобы люди всегда могли остаться тѣмъ, что они есть. Еще ничего, говорилъ онъ, не было сдѣлано въ крупныхъ размѣрахъ для того, чтобы сдѣлать людей лучшими, чѣмъ они есть. Ничего не было сдѣлано, потому что ничего не дѣлалось для народа, который только съ конца прошлаго столѣтія объявленъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на исторической сценѣ. Безъ всякаго скептицизма онъ твердо вѣрилъ, что для человѣчества должна наступить лучшая пора, что люди сдѣлаются умнѣе, и когда ему возражали, что масса груба, онъ отвѣчалъ: такъ цивилизуйте ее, человѣчество не создано для того, чтобы оставаться грубымъ. Иначе, впрочемъ, и не могъ разсуждать человѣкъ, взявшій своимъ девизомъ любовь къ человѣчеству и крѣпко державшій въ своихъ рукахъ знамя свободы народовъ.

Если мы указали на отношеніе Бёрне къ соціальному движенію, то только потому, что движеніе это получило большую силу во Франціи 30-хъ годовъ, и потому читатель, знакомый съ этимъ движеніемъ, естественно могъ спросить: какъ же относился къ нему человѣкъ, слѣдившій за событіями этого времени? На упрекъ, что онъ не захотѣлъ достаточно вникнуть и оцѣнить все значеніе, всю важность поднятаго соціальнаго вопроса, Бёрне могъ бы конечно, отвѣтить: двумъ богамъ не служатъ; я весь принадлежу политикѣ, пусть другіе дѣйствуютъ въ области соціальнаго движенія, такъ какъ дѣйствую я въ области политической, и тогда человѣчество шибко пойдетъ впередъ.

Digitized by Google

V.

Любовь Бёрне къ Франціи была далеко не сантиментальнаго свойства. Читатель видѣлъ уже, что Бёрне былъ вовсе не слѣпъ въ своихъ сужденіяхъ объ этой странѣ, онъ отлично понималъ всѣ ея недостатки, всѣ ея пороки. Преслѣдуя насмѣшкой, ненавистью французское правительство, все пятившееся назадъ и съ какою-то необъяснимою глупостью тѣснившее ту свободу, которой оно обязано было своимъ существованіемъ, онъ не снималъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственности съ народа, допускавшаго, чтобы, послѣ столькихъ принесенныхъ имъ жертвъ, имъ снова распоряжались какъ куклою. Но, понимая его недостатки, его легкомысліе, отсутствіе нравственной выдержки, имѣвшее своимъ результатомъ печальное для націи паденіе, повторявшееся уже не одинъ разъ, съ самыхъ крайнихъ высотъ политической свободы стремглавъ внизъ въ мрачную, бездну, выкарабкаться откуда стоило опять новыхъ гигантскихъ усилій, Бёрне точно также отчетливо сознавалъ всѣ прекрасныя свойства этой націи, ея роль, ея значеніе въ судьбахъ остальной Европы. Услуги, которыя Франція оказывала человѣчеству, начинаются вовсе не съ конца XVIII-го столѣтія, когда она бросила въ міръ новыя начала народнаго строя. Гораздо прежде она сослужила службу человѣчеству, когда своими коммунами, своими états généraux, научила Европу, какъ нужно дѣлать, чтобы поразить феодализмъ въ самое сердце. Люди, дѣйствовавшіе въ XVIII-мъ вѣкѣ, продолжали только дѣло, съ которымъ связано имя одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Франціи, имя Этьенъ Марселя — этого героя XIV-го вѣка. Съ этого времени Франція была страною, на которую были обращены всѣ взоры, ей подражали какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Когда, какая литература имѣла бо́льшее вліяніе, бо́льшее значеніе для цѣлаго материка Европы, какъ литература французская? Кто разносилъ по Европѣ новыя идеи, кто разбрасывалъ новыя сѣмена жизни, какъ не Франція? Съ чѣмъ можно сравнить значеніе цѣлой плеяды энциклопедистовъ, чьи имена, по ихъ обширному вліянію, можно поставить рядомъ съ именемъ Вольтера, или Дидро? Въ другихъ странахъ были люди, конечно, одинаково геніальные, одинаково много сдѣлавшіе, но развѣ ихъ вліяніе, ихъ кругъ могутъ быть сравнены съ вліяніемъ, съ кругомъ французскихъ мыслителей, ученыхъ, литераторовъ. Начиная съ Рабле, и Монтаня, Декарта и Паскаля, Мольера и Лафонтена и доходя до Кондорсе и Кондильяка, Бюффона и Кювье,

Digitized by Google

Руссо и Даламбера и т. д. до нашихъ дней, всѣ эти люди тотчасъ получали вліяніе и значеніе внѣ Франціи, ихъ читали, по нимъ учились, такъ что можно смѣло сказать, что французскій духъ проникалъ во всѣ поры Европы. Если могущественно было всегда вліяніе Франціи въ нравственномъ отношеніи, то вліяніе ея на политическое развитіе Европы было еще больше и едва ли кѣмъ-нибудь можетъ быть оспариваемо*). Вліяніе самое благодѣтельное для народовъ, которое оказалъ переворотъ конца XVIII-го столѣтія на весь цивилизующійся міръ, можетъ быть оспариваемо одними слѣпыми или умышленно непонимающими значенія этого переворота. Съ этого времени Франція для однихъ сдѣлалась предметомъ ненависти, озлобленія, для другихъ страною, на которую возлагались самыя пламенныя надежды, къ которой обращались съ вѣрой и упованіемъ въ ея помощь. Правительства, державшіеся абсолютнаго порядка, ненавидѣли ее и всегда стремились унизить ее общими силами; народы угнетенные, загнанные любили ее и обращали на нее молящіе взоры. Каждый переворотъ во Франціи тотчасъ отзывался въ другихъ странахъ, народы, точно воодушевляемые воодушевленіемъ французовъ, старались и у себя произвести переворотъ. Одного того, что каждый народъ, стремящійся къ тому, чтобы освободить себя, ищетъ симпатіи во Франціи, и всегда находитъ ее, одного этого, думаетъ Бёрне, было бы совершенно достаточно, чтобы оцѣнить, какъ велико то значеніе, которое принадлежитъ Франціи среди остальныхъ всѣхъ народовъ. Когда освобождалась Америка, къ кому она обратилась прежде всего? Она обратилась къ Франціи, которая тотчасъ послала туда на помощь своихъ сыновъ. Освобождалась Испанія—она смотрѣла на Францію. Стремились къ независимости Италія, Польша, Голландія—всѣ простирали свои руки къ французскому народу. Въ бо́льшей части случаевъ, онъ былъ, правда, безсиленъ помочь, но всегда съ трепетомъ слѣдилъ за дѣломъ свободы, гдѣ бы она ни начинала борьбу.

Іюльская революція отозвалась немедленно почти среди другихъ народовъ. За волненіями въ Германіи, Италіи, слѣдовали волненія въ Польшѣ, Голландіи. Нигдѣ съ такимъ напряжен-

---

*) Впрочемъ, не всѣ даже французскіе писатели раздѣляютъ мнѣніе нашего почтеннаго автора, и мы недавно имѣли случай указать на Ренана, который ставитъ во главѣ новѣйшей европейской цивилизаціи протестантизмъ — произведеніе германскаго, а не французскаго духа. Самъ Бёрне едва ли бы восхищался политическимъ смысломъ французовъ въ 30-хъ годахъ, если бы могъ предвидѣть, что этотъ политическій ихъ смыслъ приведетъ Францію отъ орлеанской монархіи къ наполеоновской имперіи, считавшей за собою даже наканунѣ своего паденія семь съ половиною милліоновъ партизанскихъ голосовъ. — *Ред.*

Digitized by Google

нымъ вниманіемъ не слѣдили за ходомъ народныхъ движеній, и не слѣдили съ такимъ сочувствіемъ, съ такою симпатіею какъ во Франціи, и преимущественно въ Парижѣ. Бёрне, живя здѣсь и отмѣчая въ «Парижскихъ Письмахъ» все, что занимало общественное мнѣніе, главнымъ образомъ въ области политики, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія событія другихъ странъ, находившія здѣсь такое сочувственное эхо. Вотъ отчего мы и находимъ въ «Парижскихъ Письмахъ» мнѣнія Бёрне по поводу бельгійскихъ, итальянскихъ, польскихъ и испанскихъ дѣлъ, — мнѣнія, съ которыми мы должны познакомить нашихъ читателей, хотя бы то было въ нѣсколькихъ словахъ.

Бёрне отъ всей души ненавидѣлъ Вѣнскій конгрессъ съ его трактатами 1815-го года, на которомъ народами торговали, по его выраженію, какъ скотами, и потому онъ съ радостью привѣтствовалъ смуты, революціи, вспыхнувшія въ различныхъ государствахъ въ 30-мъ году. Трактатами 1815-го года народы дѣйствительно были порабощены, они были растасованы, распредѣлены между сильными міра безъ ихъ согласія, съ насиліемъ ихъ воли, совершенно произвольно. О правахъ народа никто въ то злополучное время не хотѣлъ и думать, всѣ управлявшіе судьбами націи считали какъ нельзя болѣе естественнымъ, съ ножницами въ рукахъ, округлять дружелюбно, по взаимному соглашенію, свои владѣнія. «Ты возьмешь вотъ это, а я возьму вотъ это», таково было правило высшей политической мудрости, которымъ съ такимъ неподражаемымъ цинизмомъ руководились на знаменитомъ конгрессѣ. Всѣ почти народы были до такой степени изнурены, истощены, забиты чуть не двадцатилѣтними войнами, во время которыхъ, по обыкновенію, они такъ много потеряли и ровно ничего не выиграли, что у нихъ не осталось даже энергіи возвысить свой слабый и немощный голосъ противъ такого недостойнаго торга цѣлыми народами. Съ проклятіемъ, глубоко коренившимся въ ихъ груди, они склонили свои выи и подчинились насилію, не смѣя даже громко роптать.

Они хранили только одну надежду, свято таили одно упованіе, что придетъ часъ ихъ избавленія, что голосъ освобожденія ударитъ въ набатъ, и тогда, собравшись съ силами, они съумѣютъ свергнуть ненавистное иго, наложенное трактатами 1815-го года и съумѣютъ отстоять свою независимость и свободу. Жалкая иллюзія, несбывшаяся мечта! Прошло пятнадцать тяжелыхъ годовъ, на поверхности Европы, за исключеніемъ нѣсколькихъ вспышекъ, кончившихся только усиленіемъ реакціи, вездѣ «царствовалъ порядокъ», дорогой плодъ «отеческаго управленія» народами. На поверхности Европы стояла зима, все было по-

Digitized by Google

крыто льдомъ, остыли, казалось, всѣ страсти, остыла народная кровь. Наружность обманываетъ иногда. Подъ ногами правителей ледъ таялъ, изъ внутренностей Западной Европы подымался паръ, давно прекратившій свои изверженія вулканъ снова начиналъ дымиться. Наступила, наконецъ, давно желанная минута. Голосъ освобожденія ударилъ въ набатъ, всѣ угнетенныя національности затаили свое дыханіе, и съ напряженіемъ, со страстью стали впиваться въ звуки того голоса, который, казалось, призывалъ ихъ къ освобожденію. Этимъ голосомъ была іюльская революція, такъ много обѣщавшая и такъ мало выполнившая.

На Францію обратились взоры всѣхъ заполоненныхъ національностей, и смотря на то, какъ легко досталась французскому народу побѣда надъ порядкомъ, установленнымъ чужеземцами, онѣ думали, что также легко отдѣлаются отъ ярма, въ которое онѣ силою были впряжены волею нѣсколькихъ личностей. Примѣръ Франціи, ея помощь, на которую такъ естественно было разсчитывать, служили, казалось, гарантіею побѣды. Угнетенныя національности, собравшись со всѣми силами, приподнялись на ноги и начали упорную, но безплодную борьбу. Еслибы во главѣ Франціи стало правительство, которое не столько заботилось бы о томъ, какъ попрочнѣе установить орлеанскую династію, сколько о дѣйствительныхъ интересахъ народа, еслибы оно не столько угодничало передъ европейскими дворами, стараясь заслужить ихъ барскую милость, сколько старалось бы доставить торжество тому началу, которому оно обязано было своимъ происхожденіемъ, тогда, разумѣется, надежда забитыхъ національностей на помощь Франціи не оказалась бы тщетна. Но правительство Лудовика-Филиппа слишкомъ скоро забыло свое «плебейское» происхожденіе, слишкомъ скоро забыло, что оно существуетъ вовсе не во имя божественнаго права, а во имя воли народа, бурно выраженной въ іюльскіе дни, и стало заигрывать, жертвуя своимъ достоинствомъ, самымъ неприличнымъ образомъ съ тѣми абсолютными правительствами, которыя вовсе не скрывали своего презрѣнія къ буржуазной коронѣ Луи-Филиппа. Никакіе уроки не способны были пробудить чувство собственнаго достоинства въ правительствѣ Луи-Филиппа. Оно унижалось передъ Англіей, посылая туда Талейрана, который былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Абердина и Веллингтона, оно унижалось передъ Пруссіею, унижалось передъ Австріею, унижалось передъ Россіею, посылая къ императору Николаю угодливыя письма, на которыя онъ отвѣчалъ въ презрительномъ тонѣ, не употребляя по отношенію къ Луи-Филиппу даже обычныхъ словъ «monsieur mon frère», несмотря

Digitized by Google

на то, что Луи-Филиппъ называлъ его этимъ дружескимъ именемъ съ лестью и покорностью. Правительство Луи-Филиппа унижало Францію, унижало тѣ демократическія начала, во имя которыхъ была совершена іюльская революція, несмотря на то, что оно имѣло всю возможность поднять ея значеніе выше, чѣмъ когда-нибудь прежде.

Рѣдко когда внѣшняя политика Франціи была болѣе недостойна и такъ мало способна пользоваться благопріятными обстоятельствами, какъ именно въ 30-хъ годахъ. Англія волновалась въ это время вопросами соціальнаго свойства, хлѣбная лига привлекала собою все общественное вниманіе, парламентская реформа волновала умы, однимъ словомъ, сильное внутреннее броженіе въ это время было слишкомъ достаточною причиною, чтобы удерживать Англію отъ вмѣшательства въ дѣла континентальной Европы. Съ этой стороны Франціи нечего было опасаться, руки ея были развязаны. Пруссія еще не успѣла достаточно оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ей Наполеономъ, да и одна она была слишкомъ слаба, чтобы выступить крестовымъ походомъ противъ революціи. Россію удерживала въ это время возставшая Польша, Италія поглощала всѣ силы Австріи, Испанія находилась въ лихорадочномъ состояніи, и искала поддержки Франціи, чтобы сбросить существовавшее правительство Фердинанда VII. Франція имѣла полную возможность, всѣ средства возвратить себѣ то вліяніе, которое она утратила послѣ 1815-го года. Для того, чтобы возвратить себѣ это вліяніе, ей стоило только болѣе рѣшительно стать на сторону угнетенныхъ національностей, которыя, воодушевленныя ея примѣромъ, поднялись на защиту своей независимости.

Бельгія находилась ближе всѣхъ къ Франціи, потому, быть можетъ, и іюльская революція отразилась здѣсь прежде, нежели среди другихъ народовъ. Четыре милліона бельгійцевъ были привязаны къ двумъ милліонамъ голландцамъ и играли роль покореннаго народа. Естественно, что Бельгія не могла не задать себѣ вопроса, по какому праву Голландія съ двухмилліоннымъ населеніемъ сдѣлалась повелительницею бельгійскаго народа. До тѣхъ поръ, что у Бельгіи не было надежды сбросить съ себя власть Голландіи, она покорялась; но какъ только надежда эта въ образѣ іюльской революціи осуществилась, бельгійцы поднялись. Голландское правительство думало мѣрами строгости установить порядокъ, разсчетъ оказался невѣренъ, бо́льшая строгость вызывала только бо́льшее ожесточеніе. Пруссія желала явиться на помощь усмирителямъ, но правительство Луи-Филиппа имѣло въ это время еще настолько

Digitized by Google

мужества, чтобы рѣшительно воспрепятствовать вмѣшательству Пруссіи. Голландское правительство двинуло свою армію на Брюссель, который скоро представилъ собою самое грустное зрѣлище. «Это отвратительно, слишкомъ отвратительно то, что дѣлается въ Брюсселѣ, восклицаетъ Бёрне. То, что Парижъ видѣлъ въ іюлѣ, это шутка по сравненію съ Брюсселемъ. Кажется, можно быть совершенно пресыщеннымъ низостями правителей. А король голландскій еще одинъ изъ лучшихъ. Душить людей за то, что они не хотятъ больше, чтобы съ ними обращались какъ со школьниками, зажигать ядовитыми огнями, конгревовскими ракетами крыши надъ головами ихъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей—въ этомъ проявляется отеческая любовь отцовъ народа. Одинъ изъ брюссельскихъ журналистовъ спрашиваетъ: «сколько же наконецъ труповъ нужно королю, чтобы онъ съ удобствомъ могъ совершить свой въѣздъ въ столицу». «Несчастный насмѣшникъ, прибавляетъ Бёрне. Спросите-ка прежде самихъ себя, сколько *вамъ* нужно труповъ, чтобы вамъ сдѣлалось не по себѣ и чтобы вы, наконецъ, потеряли терпѣніе съ вашими притѣснителями. Они все еще дѣйствуютъ не съ достаточною злобою». Опасеніе, что бельгійцы смирятся передъ первымъ серьезнымъ натискомъ голландскихъ штыковъ и пушекъ, до такой степени овладѣваетъ Бёрне, что онъ становится почти несправедливъ къ возставшему народу и съ раздраженіемъ, съ озлобленіемъ говоритъ: «Я не чувствую состраданія къ Бельгіи, я не чувствую состраданія ни къ какому народу. Tu l'as voulu, tu l'as voulu, George Dandin!»

Совершенно понятно, что политическій писатель, который пишетъ подъ давленіемъ быстро проходящихъ событій, очень часто въ жару увлеченія высказываетъ предположенія, дѣлаетъ такія пророчества, отъ которыхъ онъ первый же отступается, какъ только событія эти болѣе обрисовываются и выясняются. Бёрне, подобно другимъ, былъ тоже склоненъ иногда дѣлать самые смѣлые выводы изъ событій и потому, если бы кто-нибудь захотѣлъ упрекать его въ отсутствіи «политической дальновидности», тотъ нашелъ бы, конечно, обильный матеріалъ для всевозможныхъ нападковъ на его недальновидность. То, что нѣкоторые могутъ назвать «политическою недальновидностью», то гораздо справедливѣе можетъ быть названо «политическимъ увлеченіемъ». Когда бельгійскія событія развертывались передъ глазами Европы, когда на сѣверѣ и на югѣ поднимались угнетенныя національности, Бёрне видѣлъ уже на политическомъ горизонтѣ близкую и рѣшительную борьбу двухъ началъ: деспотіи и свободы. Борьба эта казалась ему неизбѣжною и онъ содро-

Digitized by Google

гался уже впередъ тѣмъ ужасамъ, которые она повлечетъ за собою. «Я жду, писалъ онъ въ 1830-мъ году, что міръ погибнетъ, и что всѣ мы потеряемъ разсудокъ. Я не сомнѣваюсь, что къ слѣдующей веснѣ вся Европа будетъ въ пламени, и что не только государства превратятся въ развалины, но въ корнѣ также будетъ разрушено благосостояніе безчисленныхъ семействъ. Къ ихъ празднествамъ,—со злобою прибавляетъ Бёрне, приписывая однимъ правителямъ неизбѣжность войнъ между государствами,—правители приглашаютъ только избранныхъ; но когда ихъ постигаютъ несчастія, они зовутъ къ себѣ въ гости и гражданъ. *Объ этомъ* они впередъ озабочиваются, для этой благородной цѣли они дѣлаютъ государственные долги. Мы можемъ гордиться, это большая честь страдать въ такомъ избранномъ обществѣ». Бёрне, впрочемъ, очень скоро увидѣлъ, что изъ-за Бельгіи Европа не будетъ объята пламенемъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ своихъ грозныхъ предсказаній, уже самъ говорилъ, что все дѣло кончится какъ нельзя болѣе мирно.

Европа рѣшилась уважить требованіе бельгійцевъ, предоставить ей независимость отъ Голландіи, и даже согласилась не навязывать ей въ короли голландскаго принца. Бельгія, или по крайней мѣрѣ самая развитая часть населенія, желала одного изъ двухъ—или сдѣлать изъ нея республику, или чтобы она присоединилась къ Франціи, съ которою была у нея самая родственная связь. Что касалось присоединенія Бельгіи къ Франціи, чего такъ желало большинство бельгійцевъ, то, разумѣется, держись Франція только болѣе твердой, болѣе достойной политики, вырази она рѣшительно свою волю, Бельгія слилась бы съ Франціею. Республика же возбуждала противъ себя всю Европу, и бельгійцы,—Бёрне впередъ это предсказывалъ,—должны были уступить. Будучи самъ рѣшительнымъ республиканцемъ, Бёрне до такой степени высоко ставилъ такую форму правленія, что ему казалось даже иногда, что примѣнять ее къ Бельгіи или какой-нибудь другой странѣ «нашей разслабленной части свѣта», это значитъ только профанировать ее. Онъ понималъ всю трудность существованія республики, когда ее со всѣхъ сторонъ окружаютъ монархіи, которыя относятся къ ней съ негодованіемъ, со страхомъ, со злобою, вызываемою боязнью, чтобы республиканскія учрежденія не заражали собою подданныхъ монархій. Дѣйствительно, прочность республиканской формы въ Америкѣ, быть можетъ, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что у американской республики нѣтъ подъ бокомъ ограниченныхъ и неограниченныхъ монархій, строящихъ всевозможныя козни, чтобы ее уничтожить; точно также, какъ шаткость французскихъ рес-

Digitized by Google

публикъ непремѣнно обусловливается, помимо внутреннихъ причинъ, лежащихъ въ народѣ, внѣшними причинами — политическимъ состояніемъ сосѣднихъ странъ, существованіемъ въ нихъ ревнивыхъ до своихъ прерогативъ монархій, тѣмъ заговоромъ, который составленъ нѣсколькими противъ свободы всѣхъ. Государства континентальной Европы слишкомъ тѣсно перевязаны между собою, чтобы одно изъ нихъ не имѣло и въ свою очередь не испытывало на себѣ вліянія другихъ. Этою связью, этимъ вліяніемъ одного государства на всѣ другія и всѣхъ другихъ на одно и объясняется, съ одной стороны, тотъ страхъ, тотъ ужасъ, который порождаютъ установленныя гдѣ-нибудь республики, и съ другой—забота, рвеніе, всевозможныя усилія, чтобы подобную форму правленія подкосить и замѣнить ее иною формою.

Бёрне, приходя къ заключенію, что республика по сосѣдству расшатываетъ монархію, выражаетъ желаніе, чтобы, несмотря на всю трудность упрочить республику въ такой разслабленной части свѣта какъ Европа, въ Бельгіи все-таки была бы она установлена. «Все-таки, говоритъ онъ, на нѣмецкой границѣ она была бы чрезвычайно выгодна; она сдѣлала бы нашъ абсолютизмъ нѣсколько помягче. Боязнь, это лучшая надзирательница для правителей, единственная, которой они слушаются. Боязнь должна служить границею Германіи, или иначе нужно покинуть всякую надежду». Если съ одной стороны онъ желалъ установленія въ Бельгіи республики ради Германіи, чтобы она имѣла предъ собою постоянное пугало, то съ другой онъ желалъ ея установленія ради того принципа, что народъ можетъ распоряжаться своею судьбою по своему усмотрѣнію. Бельгія, говорилъ онъ, хочетъ быть республикой, пусть она ею и будетъ. «Нужно всегда спрашивать: кому принадлежитъ Бельгія или всякая другая страна? Принадлежитъ она народу или принадлежитъ она правителю»? На этотъ вопросъ, который ставилъ Бёрне, отвѣтъ можно было впередъ предсказать. Пусть народъ, по его мнѣнію, будетъ даже не правъ по отношенію къ своему королю, но такъ какъ онъ господинъ въ своемъ домѣ, то онъ имѣетъ полное право «выпроводить его за двери», хотя бы то было только потому, что народу не нравится «форма его носа». Надежда Бёрне не осуществилась, остальныя монархическія государства не допустили, чтобы въ Бельгіи установилась республика, и ей пришлось избирать себѣ короля. И тутъ даже она была не свободна, и тутъ «мудрая» европейская дипломатія заставляла выдѣлывать ее всевозможныя дипломатическія упражненія, пока въ конецъ не уморила ее и не посадила на вновь воздвигнутый престолъ. кого ей было угодно. Бёрне былъ въ негодованіи и на дипло-

Digitized by Google

матію и на бельгійцевъ. «На этихъ дняхъ, писалъ онъ, рѣшится судьба Бельгіи. Такой смѣшной аукціонной продажи трона мнѣ никогда еще не приходилось видѣть. И нашлись же принцы, которые выпрашиваютъ эту корону! Я скорѣе бы протянулъ руку за грошевою милостынею. Выпрашивать корону! Громъ Юпитера принимать какъ милостыню! Корону нужно похитить или принять изъ милосердія». Бёрне впередъ протестовалъ противъ одной кандидатуры «маленькаго Богарне», находя, что ничего не можетъ быть ненавистнѣе, какъ смѣшеніе «бонапартовской и нѣмецкой крови». Ничего не можетъ быть ненавистнѣе такого зла, потому что такой государь въ одно и тоже время наноситъ раны народу и отравляетъ его, дѣлаетъ его рабомъ и вмѣстѣ лакеемъ. «Соединеніе подобныхъ двухъ золъ никогда еще не видано было ни въ одномъ государствѣ. Испанцы, итальянцы, русскіе и другіе— рабы; народы нѣмецкаго нарѣчія — лакеи». А мы уже знаемъ, что Бёрне предпочиталъ рабство лакейству, говоря, что первое только дѣлаетъ несчастнымъ, а второе унижаетъ. Когда выбранъ былъ, наконецъ, король, и когда жребій упалъ на герцога Немурскаго, второго сына Луи-Филиппа, Бёрне только со злобою воскликнулъ: «Народъ снова сдѣлалъ себѣ короля.... Нюрнбергскій товаръ! Впрочемъ отчего же и нѣтъ, покамѣстъ народы остаются дѣтьми и любятъ дѣтскія игры»! Но и «нюрнбергскій товаръ» европейскія державы давали въ руки съ осторожностью, и не одну «игрушку» долженъ былъ выпустить изъ рукъ бельгійскій народъ, или вѣрнѣе, не одну «игрушку» вырывали у него, прежде чѣмъ рѣшились, наконецъ, выбрать для него кобургскаго принца Леопольда. Если народу не позволяютъ посадить къ себѣ на престолъ такого короля, какого имъ хочется, то что же, наконецъ, остается за нимъ, какое право, кромѣ права повиноваться? Если бы народъ былъ болѣе уменъ,—все возвращается къ своей основной мысли Бёрне,—за нимъ осталось бы не только право имѣть любого короля, но даже право вовсе не имѣть никакого.

Какъ сочувственно Бёрне относился къ возстанію Бельгіи, такъ точно привѣтствовалъ онъ и движеніе въ Италіи, Испаніи, Польшѣ. Еслибы какимъ-нибудь чудомъ могла быть приподнята завѣса, скрывающая будущее и Бёрне хотя бы на одинъ мигъ могъ увидѣть, что станется съ тѣмъ бурнымъ движеніемъ, которое охватило Европу въ 30-хъ годахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ не предавался бы такъ цѣльно безпечной радости, сладостному увлеченію и восторгу при каждомъ новомъ извѣстіи о возстаніи въ той или другой странѣ. Остановитесь, быть можетъ, крикнулъ бы онъ народамъ, зачѣмъ столько жертвъ, зачѣмъ столько про-

Digitized by Google

литой крови, если у васъ нѣтъ достаточно силъ для побѣды! Но Бёрне, который въ спокойномъ состояніи обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ скептицизма, въ минуты увлеченія дѣлался довѣрчивъ какъ ребенокъ, и ему не приходилъ даже въ голову вопросъ: къ чему приведетъ возстаніе? Онъ вѣрилъ въ успѣхъ всякой революціи, несмотря на то, что событія, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ, не говоря уже объ исторіи, только и дѣлали, что опровергали его надежды. Вѣрить такъ сладко, надѣяться такъ отрадно, такъ заманчиво, когда желаешь, чтобы надежда осуществилась. Онъ отгонялъ отъ себя всѣ мрачныя опасенія, онъ не хотѣлъ задумываться надъ бросавшеюся въ глаза несоразмѣрностью силъ, съ одной стороны реакціи, съ другой революціи, и какъ только гдѣ-нибудь видѣлъ искру, онъ уже и вѣрилъ, что эта искра превратится въ грозное пламя. Искра эта была ничѣмъ инымъ, какъ тою относительно ничтожною кучкою людей въ каждой странѣ, рѣшавшихся жертвовать собою для общественнаго благополучія. Напрасныя жертвы! Эта искра могла бы только тогда яркимъ свѣтомъ озарить горизонтъ, еслибы въ ту массу, во имя которой всегда дѣйствуетъ эта горсть передовыхъ людей, проникло прочное политическое развитіе. Безъ такого развитія всѣ усилія всегда останутся тщетны, и лучше бы дѣлала эта горсть людей, еслибы, вмѣсто того, чтобы великодушно обрекать себя на смерть, она обрекала себя на болѣе скромную роль проповѣдниковъ тѣхъ здоровыхъ началъ, которыя выработаны всею человѣческою исторіею. Какъ ни грустно все сѣять, да сѣять, и самому никогда не жать, но дѣлать нечего, пока поле какъ слѣдуетъ не засѣяно, оно не дастъ сочныхъ колосьевъ. Винить ли Бёрне, что ему хотѣлось поскорѣе жать, что ему надоѣдала роль сѣятеля, которую выполнялъ съ такимъ совершенствомъ. Онъ усталъ отъ «настоящаго», онъ изстрадался отъ «дѣйствительности», его умъ, его сердце требовало себѣ отдыха, не естественно ли, что свои грёзы онъ принималъ иногда за дѣйствительность. Бѣда при этомъ одна — когда наступаетъ протрезвленіе отъ опіума своего собственнаго воображенія, тогда мрачная дѣйствительность кажется еще болѣе мрачною и старое озлобленіе получаетъ только новую силу.

Такъ оно было и съ Бёрне. Вспыхиваетъ іюльская революція —ему грезится, что для Франціи навсегда наступило торжество свободы; возстаніе въ Бельгіи—ему грезится, что отнынѣ нѣтъ больше рабства народа; революція въ Италіи — ему снова грезится и грезы убаюкиваютъ его какъ дитя въ колыбели. «Италія! Италія! восклицаетъ онъ въ волненіи, слышите ли вы тамъ мое ликованіе? О, еслибы у меня была труба, звуки которой достигли

Digitized by Google

бы вашихъ ушей! Да, одна весна вознаграждаетъ за сто зимъ. Свобода, этотъ соловей съ голосомъ исполина, заставляетъ очнуться изъ самаго глубокаго сна. Въ моемъ тѣсномъ сердцѣ, какъ ни горячо оно, набралась такая высокая гора желаній, что вѣчный снѣгъ лежалъ на нихъ, и я думалъ, что онъ никогда не растаетъ. Но теперь эти желанія таютъ и стекаютъ съ своихъ высотъ въ видѣ надеждъ. Возможно ли въ настоящее время думать о чемъ-нибудь, кромѣ борьбы за свободу или противъ нея»? Надежда быстро смѣняется у Бёрне увѣренностью, и онъ, говоря о свободѣ Италіи, Польши, Испаніи и Португаліи, уже какъ о совершившемся фактѣ, вздыхаетъ только о томъ, что его родина, его Германія по прежнему остается въ оковахъ. Смотря, какъ революція вспыхнула во Франціи, Бельгіи, въ Испаніи, въ Польшѣ, въ Италіи, онъ видитъ уже весь міръ свободнымъ и только одна Германія, ему кажется, «будетъ продолжать томиться въ темницѣ». Мысль эта для него невыносима и у него вырываются горькія фразы: «каково будетъ намъ, спрашиваетъ онъ съ отчаяніемъ, когда свобода печати, этотъ корень и цвѣтъ всякой свободы, зазеленѣетъ въ странахъ Лойолы и папы, а рукою народа Лютера по прежнему будутъ водить, какъ рукою мальчишки, обучающагося чистописанію? Гдѣ скроемъ мы нашъ позоръ? Птицы будутъ насмѣшливо пѣть вокругъ насъ, рисуетъ ему его воображеніе, собаки будутъ лаять на насъ, рыбы въ водѣ получатъ человѣческій голосъ и станутъ издѣваться надъ нами. Ахъ Лютеръ! восклицаетъ Бёрне, несправедливо конечно обрушивая на него свою злобу, какими несчастными сдѣлалъ онъ насъ! Онъ отнялъ у насъ сердце и далъ намъ логику; онъ лишилъ насъ вѣрованія и снабдилъ знаніемъ; онъ снабдилъ насъ ариѳметическимъ соображеніемъ и взялъ у насъ отважную энергію, не умѣющую разсчитывать и вычислять. Онъ выплатилъ намъ свободу за три столѣтія до истеченія срока платежа, и мошенническій учетъ поглотилъ весь капиталъ. И то немногое, что получили мы отъ него, заплатилъ онъ, какъ истый нѣмецкій книгопродавецъ, не деньгами, а книгами, — и когда теперь, видя, какъ уплачиваютъ другимъ народамъ, мы спрашиваемъ: гдѣ наша свобода? намъ отвѣчаютъ: вы уже давно ее имѣете —это библія». Всю эту тираду противъ Лютера, знанія, области размышленій, свободы изслѣдованія, добытой въ ущербъ свободы дѣйствительной жизни, Бёрне замыкаетъ злобно-шутливыми словами: «все это слишкомъ грустно! нѣтъ надежды, чтобы Германія сдѣлалась свободною прежде чѣмъ не перевѣшаютъ ея лучшихъ философовъ, богослововъ, историковъ, и не сожгутъ сочиненій тѣхъ, которые уже умерли....»

Digitized by Google

Напрасно впрочемъ авторъ «Парижскихъ Писемъ» торопился завидовать «свободной» Италіи; еслибы онъ подождалъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже не мѣсяцевъ, а недѣль, то онъ увидѣлъ бы туже грустную картину, которая не разъ уже вырывала у него перо изъ рукъ и на глаза его вызывала слезы. Онъ увидѣлъ бы какъ цѣлая вереница однихъ итальянскихъ патріотовъ, скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, отправлялась въ австрійскую неволю испивать горькую чашу бѣдствій, и другихъ, правда болѣе счастливыхъ, съ мужествомъ вступавшихъ на плаху, чтобы никогда болѣе не увидѣть позора Италіи и вмѣстѣ своею мученическою смертью запечатлѣть святое дѣло свободы своего народа. Правые гибнутъ, неправые торжествуютъ — таковъ долженъ быть девизъ исторіи всѣхъ народовъ. Европейское движеніе 30-хъ годовъ должно только служить подтвержденіемъ этого печальнаго девиза. Франція, имѣвшая настолько силы, чтобы вызвать это движеніе и у себя и у другихъ, была недостаточно сильна, чтобы доставить ему торжество не только у другихъ народовъ, но даже у себя. Она сама слишкомъ тяжело поплатилась за этотъ недостатокъ силы, чтобы его можно было ставить еще ей въ укоръ. Зачѣмъ,—обращались къ ней съ упрекомъ послѣ неудавшагося движенія 30-го года,—зачѣмъ ты вызвала возстаніе почти въ цѣлой Европѣ, зачѣмъ ты обагрила кровью Бельгію, Испанію, Италію, Польшу, если ты была неспособна доставить побѣду всѣмъ тѣмъ, которые воодушевились твоимъ примѣромъ и твоими идеями? Я сдѣлала больше, смѣло могла отвѣчать Франція на эти попреки, для другихъ, нежели для себя — и этимъ правдивымъ отвѣтомъ опредѣлялось бы дѣйствительно великое значеніе исторической роли Франціи. Она желала, она стремилась дѣлать добро человѣчеству, она его дѣлала, и если добро это не полно, то тѣмъ не менѣе неполное добро остается все-таки добромъ.

VI.

Едва ли не больше всего попрековъ вынесла Франція изъ Польши. Послѣ каждаго подавленнаго возстанія, къ ней обращались со словами: смотри! это дѣло твоихъ рукъ! Это же обвиненіе упало на Францію и послѣ польской революціи 30-го года. Слѣдя вообще за движеніемъ, вызваннымъ іюльскимъ переворотомъ, Бёрне не могъ уже не слѣдить и за драмой, разыгрывавшейся и на берегахъ Вислы. Онъ слишкомъ часто возвращался въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ Польшѣ, къ ея возстанію, чтобы мы могли пройти молчаніемъ всѣ разсужденія Бёрне по поводу польскихъ дѣлъ, хотя конечно всякій понимаетъ, что было бы слишкомъ поздно въ 1870-мъ году аргументировать дово-

Digitized by Google

дами 30-хъ годовъ, и слишкомъ наивно было бы думать, что можно выдавать за безусловную истину то, что говорилось по поводу польскаго вопроса политическимъ писателемъ Западной Европы и говорилось еще сорокъ лѣтъ тому назадъ. И польская революція 30-го года, и мнѣніе о ней Бёрне — все это дѣла давно минувшихъ дней и въ настоящую минуту имѣютъ интересъ только историческій. Мнѣніе Бёрне о Польшѣ въ 30-мъ году тѣмъ болѣе интересно, что оно можетъ служить образчикомъ того, какъ вообще смотрѣли въ 1830-мъ году на это дѣло люди радикальной партіи Западной Европы; не вдаваясь въ оцѣнку внутреннихъ отношеній между Россіею и Польшею, они видѣли только одну внѣшнюю сторону, т.-е. возстаніе, борьбу, проявленіе геройства. Нужно ли прибавлять, что когда люди оцѣниваютъ событія съ одной внѣшней стороны, и не проникаютъ во внутреннія его причины, то они не могутъ претендовать на безошибочныя мнѣнія.

Бёрне, живя въ Парижѣ во время польской революціи 1830-го года, выражаетъ своими мнѣніями не только мнѣнія либеральной партіи Западной Европы, но на немъ отражается также, на его языкѣ такъ-сказать лежитъ печать того страстнаго увлеченія и горячаго сочувствія, съ которымъ Франція относилась къ Польшѣ. Связь, существовавшая между этими двумя странами, симпатія, установившаяся издавна между двумя народами, закрѣпились во время наполеоновскихъ войнъ, когда поляки съ такимъ восторгомъ проливали свою кровь, надѣясь увидѣть во Франціи свою спасительницу. Великое герцогство Варшавское, имѣвшее эфемерную жизнь, было жалкимъ вознагражденіемъ за всѣ понесенныя жертвы. Казалось, симпатіи должны были сдѣлаться менѣе горячими послѣ того, что Франція оказалась такою плохою спасительницею поляковъ, но эти послѣдніе, какъ будто въ опроверженіе тѣмъ, которые думаютъ, что только однимъ интересомъ поддерживаются близкія отношенія двухъ націй, не только не охладѣли въ своей привязанности къ Франціи, но можетъ быть болѣе прежняго сосредоточили на ней всѣ свои надежды, всю свою любовь. Что касается до сочувствія къ Польшѣ, то во Франціи въ немъ не было недостатка; французское правительство было только скупо на матеріальную поддержку, на которую такъ разсчитывали поляки во время революціи 1830-го года. Революція эта ближайшею своею причиною имѣла тотъ же іюльскій переворотъ во Франціи, который вызвалъ волненіе почти во всей Западной Европѣ. О коренныхъ же причинахъ нечего говорить: съ одной стороны онѣ слишкомъ хорошо извѣстны читателю, съ другой онѣ потребовали бы слишкомъ длинныхъ объясненій, которыя не шли бы къ содержанію нашихъ статей. Поэтому, послѣдуемъ за Бёрне, который во всемъ

Digitized by Google

польскомъ движеніи, не вдаваясь въ частности, видитъ одну основательную причину: желаніе польскаго народа возвратить себѣ независимость. Ему нѣтъ дѣла до стариннаго спора между Россіею и Польшею, ему нѣтъ дѣла, кто правъ, кто виноватъ, онъ знаетъ только одно, что Польша побѣждена, что она лишена независимаго политическаго существованія, онъ думаетъ, что въ этомъ народѣ есть достаточно силъ для борьбы, и онъ не вѣритъ Костюшкѣ, воскликнувшему съ отчаяніемъ: finis Poloniae!

Сочувствіе Бёрне къ Польшѣ понятно, именно въ силу того принципа, который лежалъ въ основѣ всѣхъ его политическихъ убѣжденій, что каждый народъ имѣетъ право располагать своею судьбою, и располагать независимо отъ всякихъ посторонннихъ вліяній. Кто мѣшаетъ народу пользоваться независимостью, свободою, противъ того онъ и возстаетъ, будь то Австрія, Пруссія или Россія; онъ возстаетъ собственно не противъ той или другой страны, у него нѣтъ узкой ограниченной ненависти къ извѣстному народу, онъ возстаетъ противъ угнетающаго начала, кѣмъ бы оно ни представлялось. Это не практично, конечно, но вѣдь Бёрне и не выдаетъ себя за практическаго государственнаго человѣка, ему нѣтъ вовсе дѣла до политическаго равновѣсія, до того, что́ нужно или не нужно для первостепенной державы, онъ не хочетъ вовсе знать всевозможныхъ политическихъ условій, всяческихъ дипломатическихъ необходимостей. Онъ, какъ и многіе другіе писатели, нѣсколько теоретикъ, онъ нѣсколько паритъ надъ землею, да собственно говоря, иначе и быть не можетъ; если человѣкъ хочетъ сохранить во всей чистотѣ, во всей силѣ свои нерядовыя убѣжденія, если онъ хочетъ дѣйствовать на свое общество, то ему необходимо стоять нѣсколько выше интересовъ, потребностей этого общества, онъ долженъ до извѣстной степени пренебрегать требованіями такъ-называемой «необходимости», хотя бы благодаря такому пренебреженію его и назвали утопистомъ. Принципы передового политическаго писателя до сихъ поръ всегда и вездѣ находились въ разладѣ съ дѣйствительностью. Бёрне не принадлежалъ къ той категоріи писателей, которые, видя вражду своихъ принциповъ съ дѣйствительностью и утомленные подъ конецъ борьбою, начинаютъ дѣлать уступки въ своихъ принципахъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не примирятся съ этою дѣйствительностью и пока, такимъ образомъ, не исчезнетъ вовсе противорѣчіе между теоріею и практикою. Выставляя на своемъ знамени свободу и независимость народовъ, Бёрне не могъ не относиться сочувственно къ возставшей Польшѣ, и вся разница въ его отношеніи къ польской революціи и къ революціямъ

Digitized by Google

другихъ народовъ заключается въ томъ, что онъ съ самаго начала не особенно вѣрилъ въ ея успѣхъ, это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что во всѣхъ другихъ случаяхъ Бёрне всегда былъ гораздо болѣе склоненъ вѣрить въ успѣхъ, нежели предвидѣть неудачу.

Когда дошло до Парижа первое извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ, о вечерѣ или скорѣе ночи 29-го ноября 1830 г., Бёрне не приходитъ, по обыкновенію, въ восторгъ при видѣ возставшаго народа; нѣтъ, мрачныя мысли скользятъ въ головѣ автора «Парижскихъ Писемъ», и онъ тотчасъ же пишетъ: «Поляки!... Театръ французской комедіи можетъ принести жалобу на Бога, что онъ на своемъ міровомъ театрѣ даетъ такія зрѣлища, привилегія на которыя принадлежитъ ему одному — высокія трагедіи. Я не понимаю, зачѣмъ люди ходятъ въ театръ. Газета для меня теперь все равно что Шекспиръ, что Корнель. Судьба говоритъ стихами, и также патетически, какъ трагикъ. Ночь мести въ Варшавѣ должна быть ужасна! А между тѣмъ, когда совершались событія въ Брюсселѣ и Антверпенѣ, мы думали, что всѣ ужасы были истощены. Да, наступилъ день господень и онъ творитъ свой страшный судъ... Что будетъ съ бѣдными поляками? Выйдутъ ли они побѣдителями? Я сомнѣваюсь, говоритъ Бёрне, но все равно. Ихъ кровь не будетъ потеряна». И тутъ же онъ не можетъ удержаться, чтобы не послать укора нѣмцамъ, точно мысль о томъ, что нѣмцы «лакеи» и неспособны энергически заявить свою волю быть свободными, постоянно точитъ его какъ червь. «А наши бѣдняки нѣмцы! восклицаетъ онъ. Они только ламповщики на міровомъ театрѣ, они не зрители и не актеры, они снимаютъ только со свѣчей и отъ нихъ несетъ масломъ». Конечно, еслибы кто-нибудь спросилъ Бёрне, должна ли разразиться въ Польшѣ революція или нѣтъ, то, конечно, предчувствуя неудачу, онъ не посовѣтовалъ бы начинать ее. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы желать безплоднаго пролитія крови, чтобы спокойно смотрѣть какъ падаютъ тысячи жертвъ, не принося другого результата своею смертью какъ только подтвержденіе того, что въ странѣ есть люди способные жертвовать своею жизнью за свободу своей родины. Но революція началась, сожалѣнія о томъ казались ему безцѣльны, и онъ старался отыскивать уже тѣ плоды, которые она принесетъ. Среди самыхъ печальныхъ событій онъ подмѣчалъ такія, которыя веселили его умъ и позволяли смѣяться надъ тѣмъ, что онъ всегда любилъ преслѣдовать своимъ смѣхомъ — шпіоновъ. «Что мнѣ больше всего нравится въ польской революціи, разсуждаетъ Бёрне, имѣя

Digitized by Google

въ головѣ нѣмецкихъ шпіоновъ, это то, что въ Варшавѣ повѣсили шефа тайной полиціи и напечатали списокъ всѣхъ полицейскихъ шпіоновъ. Я надѣюсь, что это послужитъ предостереженіемъ для шпіоновъ всѣхъ другихъ странъ. Эта тайная полиція, которую такъ не любилъ авторъ, помня свои личныя къ ней отношенія, доставляетъ деспотическому правительству бо́льшую безопасность, чѣмъ его солдаты, и не будь ея, вздыхаетъ Бёрне, свобода прочно установилась бы уже въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ».

Что́ больше всего привлекало Бёрне въ польскомъ возстаніи, это готовность жертвъ, на которыя обрекла себя страна, и ему кажется невозможнымъ, чтобы справедливо было мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что польская революція была ничѣмъ инымъ какъ дѣломъ польскаго дворянства. «Если и основательно, говорилъ онъ, что польская революція вышла изъ дворянства, то я тѣмъ не менѣе не думаю, чтобы народъ оставался къ ней равнодушнымъ. Армія, выказывающая такой высокій энтузіазмъ, все-таки состоитъ изъ крестьянъ, и помимо этого граждане въ городахъ вовсе не крѣпостные, а между тѣмъ на нихъ падаетъ главная тягость». Разсужденіе это показываетъ только одно, что Бёрне не былъ глухъ къ тѣмъ доводамъ, которые приводились противниками польской революціи, и что не зная близко положенія страны и народа, онъ все-таки довольно вѣрно судилъ о немъ. Еще болѣе вѣрно судилъ онъ, когда предсказывалъ, что польская революція будетъ подавлена, несмотря на всѣ принесенныя жертвы. Правда, на карту было поставлено все, Польша играла, казалось ему, va banque, а онъ былъ того мнѣнія, что дѣло на половину выиграно, «когда нѣтъ другого выбора, какъ между побѣдой и смертью»; но сила русскаго правительства была слишкомъ велика, чтобы не справиться съ какимъ угодно возстаніемъ, если только оно оставляется безпомощнымъ со стороны другихъ европейскихъ державъ. Бёрне съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣлъ на рѣшимость народа добыть себѣ независимость, но картина бѣдствій, лишеній, страшныхъ пожертвованій не ослѣпляла его и онъ сохранялъ всю свою зоркость. «Развѣ, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ», воодушевленіе поляковъ не въ высшей степени благородно, не въ высшей степени трогательно. Было ли когда-нибудь великое вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ прекрасно? Среди грубыхъ листовъ исторіи это листъ, написанный на веленевой бумагѣ... Поляки теперь всѣ, кажется, одного пола, одного возраста. Женщины, дѣти, старики—все вооружается; многіе отдали все свое состояніе, и даже не назвали себя, и не

Digitized by Google

оставили никакого слѣда, по которому можно было бы узнать ихъ имена. Имѣть въ домѣ серебряную ложку — это позоръ, достаточно деревянной. Женщины отдаютъ свои обручальныя кольца и взамѣнъ ихъ получаютъ маленькія серебряныя медали съ надписью: la patrie en échange. Не прекрасно ли все это» *)! Вотъ картина, которая соблазняла Бёрне, которая заставляла трепетно биться его свободное сердце, но преклоненіе передъ величіемъ жертвъ не изглаживало печали въ его сердцѣ и онъ съ грустью и вмѣстѣ съ твердостью говорилъ: «Но увы! суровая судьба не любитъ искусства. Поляки могутъ погибнуть, несмотря на ихъ прекрасное воодушевленіе. Но если это случится, прибавляетъ Бёрне какъ бы въ свое утѣшеніе, если будетъ пролита вся эта благородная кровь, тогда почва свободы на цѣлое столѣтіе станетъ болѣе влажною и принесетъ тысячекратные плоды».

Время шло, извѣстія приходившія изъ Польши говорили о суровой борьбѣ, и если другіе обманывали себя относительно ея исхода, то Бёрне не предавался обольщенію. Онъ самъ говоритъ, что онъ дрожитъ, думая о Польшѣ, несмотря на то, что онъ приготовленъ былъ ко всему дурному для нея. «Но будетъ ли выгодна, спрашивалъ Берне, гибель поляковъ для Россіи»? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ отрицательно: «побѣда русскихъ будетъ для нихъ болѣе вредна, чѣмъ было бы пораженіе». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не радовался отдѣльнымъ побѣдамъ поляковъ, говоря, что «каждая побѣда приближаетъ ихъ къ гибели». Онъ удивлялся, онъ восхищался храбростью, съ которою они дрались; «поляки, говорилъ онъ, сражаются не какъ люди, а какъ боги войны»; онъ пораженъ былъ всею выказанною отвагою, которая употреблена была въ дѣло противъ русскихъ женщинами, старцами и дѣтьми. Но къ чему, вертѣлось у него въ головѣ, вся эта отвага, всѣ эти жертвы, когда Польша слишкомъ слаба, слишкомъ малочисленна, чтобы бороться съ успѣхомъ. Съ одной стороны, разсуждалъ Бёрне, люди не жалѣютъ себя для родины, съ другой не жалѣютъ людей, чтобы побѣдить возстаніе. Божественная мудрость, восклицалъ Бёрне, ничего не сдѣлаетъ. Польшу можетъ спасти только глуность дьявола! Раз-

*) Изъ этихъ строкъ, какъ справедливо замѣтилъ нашъ авторъ выше, видно, что Бёрне въ польскомъ вопросѣ раздѣлялъ судьбу всѣхъ западныхъ политиковъ и оцѣнивалъ событія съ одной внѣшней стороны. Тогдашніе паны и панни охотно отказывались отъ серебряныхъ ложекъ и обручальныхъ колецъ, но не отъ крѣпостного права; въ глазахъ ихъ простой народъ оставался «быдломъ», т. е. скотомъ, и соотвѣтственно тому, съ нимъ обращались. На эту сторону дѣла Бёрне не могъ обратить вниманія, не подозрѣвая, что угнетаемые сами были угнетателями у себя. — *Ред.*

Digitized by Google

сужая о судьбѣ двухъ народовъ, Бёрне доходитъ до отчаянія, онъ колеблется въ разрѣшеніи вопроса: будетъ наконецъ или нѣтъ удовлетворена когда-нибудь справедливость? Думая о совершающихся событіяхъ, онъ въ ожесточеніи спрашиваетъ себя: «Да есть ли, наконецъ, Богъ? Мое сердце еще не сомнѣвается, но голова, развѣ не можетъ она ослабѣть? Но если есть—что пользы скоропроходящимъ людямъ отъ вѣчнаго Бога? Еслибы Богъ былъ смертенъ, какъ человѣкъ, тогда день былъ бы для него днемъ, годъ—годомъ, и смерть концомъ всѣхъ вещей. Тогда считался бы онъ и съ временемъ и съ жизнію, и не удовлетворялъ бы справедливости такъ поздно и не уплачивалъ бы самымъ отдаленнымъ потомкамъ того, что требовали еще ихъ предки. Свобода можетъ, должна побѣдить, рано или поздно, зачѣмъ же не побѣждаетъ она теперь».

Бёрне твердо вѣритъ, что въ концѣ концовъ свобода восторжествуетъ всюду, и онъ оплакиваетъ только судьбу тѣхъ народовъ, которые принесли ей столько жертвъ, которые столько боролись, чтобы доставить ей побѣду, и тѣмъ не менѣе падутъ прежде, чѣмъ наступитъ давно желанная минута. Поляковъ Бёрне относитъ именно къ тѣмъ народамъ, которые умѣютъ бороться за свою независимость; но онъ задаетъ себѣ вопросъ, доживутъ ли они до тѣхъ поръ, когда наступитъ, наконецъ, царство законнаго властителя міра—свободы, и въ этомъ отношеніи сердце его не чуетъ ничего добраго. Что это царство придетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но какое оно доставитъ утѣшеніе, какая радость отъ него будетъ тѣмъ, которые давно уже покоятся въ могилахъ. Надежда на хорошее будущее, полагаетъ Бёрне, не вознаграждаетъ тѣхъ, которые испытываютъ дурное настоящее—можетъ быть, онъ отчасти и правъ, высказывая подобное положеніе, можетъ быть, въ настоящемъ не живется легче только оттого, что есть надежда на лучшее будущее; но несомнѣнно то, что эта надежда даетъ возможность, даетъ силу бороться съ настоящимъ, заставляетъ такъ-сказать предвкушать радость за будущее и месть за прошедшее. Бёрне не примиряется съ хорошимъ будущимъ, ему нужно хорошее настоящее, онъ не удовлетворяется тѣмъ, что наступитъ часъ мести за все то зло, которое дѣлаютъ людямъ, онъ хочетъ мщенія немедленнаго, онъ хочетъ быть свидѣтелемъ этой мести. «Тиранніи погибнетъ, говоритъ онъ, дѣти этой тиранніи будутъ наказаны за преступленія ихъ отцовъ; но развѣ кости погребенныхъ королей почувствуютъ отъ этого боль? Да гдѣ же Богъ, гдѣ же его справедливость», восклицаетъ съ отчаяніемъ Бёрне. Онъ открываетъ въ людяхъ, въ обществѣ, въ народахъ страшную непо-

Digitized by Google

слѣдовательность, которую онъ ставитъ имъ въ преступленіе; люди, разсуждаетъ онъ, чувствуютъ отвращеніе «къ людоѣдамъ, къ безсмысленнымъ дикарямъ, которые пожираютъ мясо ихъ враговъ; но когда цѣлая страна, съ душею и тѣломъ, съ счастьемъ и радостью, со всѣми ея желаніями и надеждами, подвергается пыткѣ, истязанію, мученіямъ, чтобы откормить этимъ будущее, то это людоѣдство мы переносимъ спокойно! Что значитъ при этомъ надежда, что значитъ вѣра? Глазами не успокоишь голода, нарисованные фрукты никогда еще никого не дѣлали сытымъ...»

Бёрне съ трепетомъ ожидалъ постоянно новыхъ извѣстій изъ Польши, и когда дѣло уже клонилось къ концу, онъ прибавлялъ въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Воль: «Ваше письмо доставитъ мнѣ позднѣйшія извѣстія, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ здѣсь; если онѣ опять дурны, то печать на письмѣ должна сдѣлаться черною. О! восклицаетъ онъ съ горечью, я не въ силахъ больше, я не могу удержать моихъ слезъ». Мало писателей умѣли такъ глубоко чувствовать боль чуждаго народа, мало писателей такъ искренно страдали страданіемъ другихъ какъ Бёрне, и эта любовь къ человѣчеству, это горячее отношеніе къ людямъ составляетъ, безъ сомнѣнія, то достоинство, которое не пріобрѣтается ни умомъ, ни талантомъ. Чтобы сильно дѣйствовать на людей, чтобы вліять на общество мало еще ума, мало таланта, генія, нужно еще такое теплое, сочувствующее сердце, каково оно было у Бёрне. Но если горячо было сердце автора «Парижскихъ Писемъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не допускало его падать духомъ. Онъ болѣе страдалъ до нанесенія тяжелаго удара всему тому, во что онъ вѣрилъ и что онъ любилъ, нежели послѣ удара. Онъ оплакивалъ участь Польши, пока участь эта не была еще рѣшена, но когда въ Парижъ пришло извѣстіе о томъ, что революція подавлена, что возмущеніе усмирено, когда французскій министръ произнесъ въ палатѣ знаменитыя слова: «l'ordre règne à Varsovie»—Бёрне выпрямился во весь ростъ и говорилъ: «мы не должны отчаяваться, свобода ничего не потеряла. Если стало менѣе наслѣдниковъ, за то наслѣдство самое сдѣлалось больше... Пролитая кровь кричитъ такъ громко, что ее услышитъ даже глухое небо и Богъ явится на помощь, если слишкомъ поздно, чтобы побѣдить, то не слишкомъ поздно, чтобы отмстить». Когда пришли извѣстія объ окончательномъ подавленіи революціи, то Бёрне не утѣшалъ себя напрасно, какъ утѣшались еще французы тщетными надеждами на возможность успѣха. «Я не могу, говорилъ онъ, радоваться тому, что поляки еще не окон-

Digitized by Google

чательно сложили оружіе; еслибы они могли еще нѣсколько дней метаться между жизнью и смертью, то все-таки они должны умереть». Онъ описываетъ яркими красками, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на французовъ извѣстіе о подавленіи польской революціи; правда, буржуазія не очень печалилась, напротивъ она радовалась, что свобода побѣждена; но когда они начинали обсуждать вопросъ и приходили къ заключенію, «что побѣда русскихъ дѣлаетъ вѣроятною войну съ Франціею и съ русскими, тогда они начинали бросаться во всѣ стороны, и одна щека ихъ становилась красною въ то время, когда другая блѣднѣла». Правительству было тоже не по себѣ; Луи-Филиппъ чувствовалъ смущеніе. Но масса населенія, главнымъ образомъ, конечно, въ Парижѣ, была глубоко потрясена извѣстіями о развязкѣ драмы. «Невозможно описать, говорилъ онъ, печаль Парижа; я никогда не думалъ, чтобы народъ могъ испытывать такія глубокія ощущенія. Вчера пятнадцать тысячъ молодежи прошли по городу съ траурными знаменами». Въ окна русскаго посольства бросали камни, но Бёрне не одобрялъ этого: къ чему это, спрашивалъ онъ, какъ можетъ это помочь, какая польза, какой прокъ, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ одного вреда.

Бёрне всегда и всего болѣе раздражался отношеніями литературы къ политическимъ событіямъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ обрушился всею силою своего слова на оффиціальныя органы прессы, гдѣ появились статьи, съ цѣлью объяснить самыя причины возстанія. «Одна изъ такихъ статей, разсказываетъ Бёрне, толковала на этихъ дняхъ о причинахъ польской революціи и доискивалась, какія основательныя жалобы могли имѣть поляки противъ русскаго правительства? Правительство—говорится тамъ—забросало ихъ благодѣяніями, и если бы даже у нихъ были нѣкоторыя затрудненія, то гдѣ же на землѣ можетъ быть идеальное счастье? Стоитъ только обсудить мнимыя жалобы поляковъ на нарушенія конституціи, чтобы ясно показать, какъ онѣ были неосновательны... Подавленіе свободы печати? Но съ которыхъ это поръ мы не можемъ обойтись безъ такой свободы?... Недостатокъ конституціоннаго бюджета! Но министры только потому не предлагали его собранію, что они впередъ знали, что онъ будетъ отброшенъ... Тайная полиція! Но какъ снисходительна должна она была быть, если она не могла даже помѣшать взрыву революціи... Уничтоженіе гласности въ преніяхъ собранія! Ну, что же дальше? Отъ этого публика только лишилась даровой спектакля. И изъ-за этого дѣлать революцію?» «Даже Англія, приводитъ Бёрне отрывокъ изъ статьи, охотно бы согласилась (слушайте, слушайте!) чтобы двери ея

Digitized by Google

парламента были закрыты для публики, и чтобы свобода ея печати была ограничена, еслибы она за такую ничтожную жертву могла избавиться отъ извѣстной части своего національнаго долга и могла открыть своимъ фабрикантамъ рынокъ всего Сѣвера!» «О! восклицаетъ Бёрне, это слишкомъ небесно! Если австрійскій наблюдатель прочтетъ это, онъ воскликнетъ: Pends-toi, Figaro, tu n'as pas deviné celui-la!»

Когда драма была съиграна, когда занавѣсъ упалъ и замерла Польша послѣ возстанія 30-го года, Бёрне произноситъ надъ нею свое послѣднее слово, въ которомъ слышится столько же истинной скорби, сколько и неподдѣльной злобы. «Видѣть умирающій народъ, произноситъ Бёрне какъ бы въ заключеніе всего, что онъ говорилъ объ этой странѣ, слишкомъ ужасно; Богъ не далъ человѣку такихъ нервовъ, чтобы переносить подобное состраданіе. Года, столѣтія лежать въ предсмертныхъ конвульсіяхъ и все-таки не умереть! Терять членъ за членомъ и наслѣдовать всю кровь, всѣ нервы умерщвленныхъ нервовъ, бѣдное, несчастное туловище заставлять переносить боль цѣлаго существа—о Боже! это слишкомъ много! Когда страдаетъ народъ, у него не слабѣютъ, какъ у больного человѣка, духъ и чувство; онъ не теряетъ сознанія; будь онъ обремененъ годами, въ несчастіи онъ становится юношей, ребенкомъ, и юность, со всею ея силою, дѣтство съ его радостью и всѣми играми возвращаются къ нему назадъ. Когда Богъ создалъ тираннію, по крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ бы народы сдѣлать смертными».

Этими послѣдними строками, которыя относилъ Бёрне къ цѣлой Европѣ, потому что всю Европу видѣлъ въ сѣтяхъ деспотизма, онъ какъ бы завершаетъ всѣ тѣ разсужденія, всѣ тѣ «Парижскія Письма», которыя посвящены были изображенію политическаго состоянія народовъ. Въ этихъ строкахъ какъ бы чувствуется вся квинтъ-эссенція его злобы, его протеста противъ насилія и угнетенія націй. Онъ не винитъ больше «глупость» народовъ, онъ не коритъ ихъ больше ихъ собственнымъ несчастьемъ, у него осталось только одно—глубокая скорбь, глубокое соболѣзнованіе къ страданіямъ всѣхъ народовъ и самое страстное желаніе пробудить стремленіе къ свободѣ у всѣхъ тѣхъ, у кого до сихъ поръ оно еще дремало.

Таково главное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», получившихъ въ цѣлой Европѣ громкую извѣстность. Если враги Бёрне,

Digitized by Google

если нѣмецкіе патріоты менцелевскаго закала громили ихъ автора, за то всѣ честные люди Германіи, все образованное общество Франціи, Англіи, слѣдили за ними съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ, и оцѣнивали ихъ по достоинству. Тотчасъ почти послѣ ихъ появленія на нѣмецкомъ языкѣ, письма эти были переведены на англійскій, а французскіе журналы постоянно знакомили съ ними французское общество. Говоря о «Парижскихъ Письмахъ», мы съ умысломъ не упомянули о томъ, что̀ писалъ въ нихъ Бёрне по поводу различныхъ литературныхъ явленій, по поводу того или другого писателя, того или другого поэта. Отношеніе Бёрне къ литературѣ составляетъ совершенно особый отдѣлъ, и можетъ быть разсматриваемо независимо отъ той роли политическаго писателя, съ которою мы, главнымъ образомъ, хотѣли познакомить нашихъ читателей.

Конечно, и въ отношеніи къ чисто-литературнымъ явленіямъ Бёрне остается все-таки Бёрне, и тутъ просачиваются вездѣ его политическія убѣжденія и политическія стремленія, и тутъ, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, онъ вездѣ руководится политическимъ масштабомъ. Къ каждому писателю, къ каждому поэту онъ неизмѣнно обращается съ однимъ вопросомъ: служитъ ли онъ политической свободѣ твоей родины? Отрицательнымъ или положительнымъ отвѣтомъ опредѣлялась и его любовь или ненависть, или, вѣрнѣе будетъ сказать, не ненависть, а озлобленіе. Политическая свобода—это была богиня, которой онъ постоянно былъ вѣренъ, постоянно молился, которою онъ жилъ и дышалъ, говоря: «что̀ согрѣвало бы мое старое сердце въ холодные зимніе дни, еслибы на свѣтѣ не было свободы»!

Евг. Утинъ.

Digitized by Google

ФРАНЦІЯ и ЕВРОПА

ПРИ ВОЦАРЕНІИ НАПОЛЕОНА III.

1848 — 1851 г.

Мы имѣли недавно случай подробно изслѣдовать [1]) вопросъ о мнимой связи задачъ второй имперіи съ «великими принципами» 1789-го года. Традиція войны и разореній унаслѣдована второю имперіею у первой имперіи, и она развилась съ прежнею силою, только благодаря печальному состоянію общественнаго мнѣнія и прессы во Франціи. Но справедливость требуетъ однако сказать, что ни Наполеонъ III, ни весь его легіонъ мамелюковъ, *сами по себѣ*, не могли бы царить столь долго и безнаказанно во Франціи, а еще менѣе они имѣли бы силы постоянно выдавать себя за опекуновъ и распорядителей въ цѣлой Европѣ. Внутри страны, Наполеонъ III, при своемъ воцареніи, вовлекъ въ свою спекуляцію интересы средняго и высшаго общества во Франціи и тѣмъ расположилъ его послужить имперіи. Но какъ могло это случиться? какимъ образомъ люди этой среды, хотя и не проникнутой сочувствіемъ къ народной массѣ, но тѣмъ не менѣе понимающей всю опасность отъ войны для своихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, какимъ образомъ, спрашиваемъ мы, средніе и высшіе слои общества попались въ раскинутыя имъ сѣти имперіи? Это одинъ вопросъ. Внѣ Франціи, Наполеонъ III уловилъ въ подобныя же сѣти дипломатію и волею-неволею устроилъ изъ нея другого пособника для своихъ цѣлей. Какъ

[1]) См. выше: окт. 830; нояб. 254 стр.

Digitized by Google

могло случиться подобное дѣло? Это второй вопросъ. Займемся сначала первымъ, и кончимъ вторымъ. Если исторія когда-нибудь можетъ служить урокомъ, то мы полагаемъ, что роль, которую съиграла Франція и Европа при воцареніи Наполеона III, можетъ дать блистательный урокъ всякому, кто захотѣлъ бы запастись опытностью на будущее время, какъ въ дѣлахъ внутренней, такъ и въ дѣлахъ внѣшней политики.

I.

Все несчастье Франціи, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, всегда заключалось въ томъ, что привилегированные классы, съ одной стороны, и пролетаріатъ, съ другой—относились совершенно различно къ цивилизаціи и требовали отъ ея развитія, отъ ея прогресса совершенно разныхъ плодовъ. Достигнувъ господства и благосостоянія революціей 89-го года, средніе классы Франціи провозглашаютъ statu quo высшимъ выраженіемъ цивилизаціи; между тѣмъ какъ низшіе классы, не получившіе себѣ полнаго удовлетворенія за свое участіе въ первой революціи, не хотятъ ее считать законченною, не хотятъ мириться съ statu quo и требуютъ отъ цивилизаціи,—во имя закона о ея вѣчномъ прогрессѣ,—измѣненій, сообразныхъ съ ихъ потребностями лучшаго быта. Замѣчательно, что люди, служащіе наивѣрнѣйшимъ выраженіемъ консерватизма средняго сословія, — люди, какъ Тьеръ, которые на политической аренѣ отрицаютъ per fas et nefas—всякія требованія низшихъ классовъ,—эти же самые люди, тотъ же Тьеръ, становясь историкомъ, несмотря на всю свою односторонность, признаютъ справедливость и историческую законность вѣчнаго стремленія низшихъ классовъ къ улучшенію своей судьбы. Такъ, въ предисловіи къ своей «Исторіи революціи», Тьеръ изображаетъ историческій прогрессъ въ видѣ именно такого постояннаго стремленія одного общественнаго слоя за другимъ къ возвышенію, къ пріобрѣтенію бо́льшаго благосостоянія, бо́льшей независимости.

Но политика — не исторія; даже напротивъ — она часто идетъ совершенно наперекоръ всѣмъ выводамъ, извлекаемымъ изъ исторіи. Никто не станетъ оспаривать несомнѣннаго факта, что вторая республика явилась вслѣдствіе развившихся экономическихъ запутанностей, которыя готовы были искать себѣ мирнаго разрѣшенія путемъ законодательства. Отсюда вышла предвѣстница февральскаго переворота—агитація электоральной реформы. Встрѣтившая сопротивленіе въ палатѣ, агитація перешла

Digitized by Google

изъ нея на улицу и выросла въ революцію. Suffrage universel знаменовалъ собою за-разъ и побѣду народа надъ оппозиціей политическаго ценза, и рѣшимость народа идти мирнымъ, легальнымъ путемъ къ улучшенію своей жизни,—орудуя suffrage universel'емъ, какъ выраженіемъ своей мысли и своей воли. Но представители политическаго, финансоваго ценза думали иначе: стоя за сохраненіе statu quo, они готовы были пренебречь *формою*, но не *сущностью:* они готовы были принять на время *внѣшность* республики, ея имя и формулы ея языка, ея фразеологію, но они оспаривали у нея право на утвержденіе ея внутренняго, ея существеннаго значенія, какъ его понималъ народъ. Поэтому они спокойно приняли *форму* suffrage universel'я: они, приверженцы бурбонской или орлеанской монархіи, рядомъ съ прозелитами бонапартистской реставраціи,—они явились представителями, избранниками народа въ республиканскія учредительное и законодательное собранія; но они явились въ нихъ не для того, чтобъ удовлетворить требованіямъ, заявленнымъ suffrage universel'емъ, а напротивъ, для того, чтобъ поставить законодательные тормазы устрашившимъ ихъ народнымъ стремленіямъ.

Они предпринимали, такимъ образомъ, работу Сизифа, столько уже разъ нарушенную, если не вполнѣ разрушенную, національною энергіею. Но бѣда въ томъ, что Сизифова работа никогда не приводитъ ни къ какому плодоносному результату, а камень, вырываясь изъ рукъ Сизифа и катясь внизъ, только напрасно несетъ съ собою гибель встрѣчнымъ жертвамъ. Бѣда въ томъ, что то, что́ не разрѣшается въ жизни народовъ путемъ мирнымъ, путемъ, за который ратуетъ истинная цивилизація, — то все же не можетъ быть совершенно подавлено никакими средствами и неотступно будетъ искать себѣ разрѣшенія путемъ насильственныхъ мѣръ съ той или другой стороны, путемъ, сопровождаемымъ всѣми ужасами *войны*, не менѣе злополучной въ своемъ внутреннемъ гражданскомъ видѣ, какъ и въ своей внѣшней формѣ.

Какъ и при Орлеанахъ, старый споръ при второй республикѣ перенесенъ былъ изъ національнаго собранія, изъ городской думы на улицу, на площадь. Іюньскіе дни 48-го года носили въ себѣ зародышъ декабрьскаго переворота. «Инсургенты» успокоились, кто на окровавленныхъ баррикадахъ, кто на галерахъ и въ африканскихъ могилахъ. Но не успокоились «побѣдители». Съ перваго взгляда, можетъ даже казаться непонятнымъ ихъ изступленное упорство въ преслѣдованіи неимущаго класса согражданъ. Казалось бы, іюньскія баррикады могли убѣдить ихъ, что для этихъ согражданъ дѣло шло не о всеразрушительныхъ мечтаніяхъ, будто внушенныхъ имъ апостолами анархіи, а просто

Digitized by Google

объ удовлетвореніи самымъ настоятельнымъ потребностямъ человѣческаго существа: масса въ 300 тысячъ человѣкъ не идетъ, шутя и по чьему либо стороннему внушенію, умирать подъ градъ кавеньяковской картечи! «Республика покрыла свой ликъ траурной вуалью, обрызганной кровью, и зарыдала надъ гибелью своихъ дѣтей»! Къ подобнымъ стонамъ уцѣлѣвшихъ республиканцевъ побѣдители оставались глухи: напротивъ, громадное число инсургентовъ, ихъ протесты, надоѣдавшіе національному собранію, убѣждали побѣдителей — не въ томъ, что въ народѣ жила органическая потребность лучшаго быта, а въ томъ, что надо принять мѣры для искорененія наноснаго, крамольнаго зла. При такихъ обстоятельствахъ, гдѣ же развиваться, гдѣ же торжествовать цивилизаціи?... Какъ послѣ всякой войны, побѣдители обрекли противниковъ на самую жестокую капитуляцію...

20-го декабря 48-го года президентомъ республики сталъ Луи Бонапартъ. Народъ вотировалъ за него, потому что хотѣлъ избавиться отъ диктатуры Кавеньяка, хотѣлъ отплатить по-своему кавеньяковскому генеральному штабу, т.-е. всей коалиціи рукоплескавшихъ и содѣйствовавшихъ Кавеньяку членовъ національнаго собранія. Запутанное положеніе усложнялось еще болѣе. Среди двухъ враждующихъ сторонъ являлась еще третья, стремленіе которой было покорить и ту и другую. Бонапартъ хорошо зналъ, что ему нечего стоять за народъ, потому что народъ, при торжествѣ надъ своими іюньскими врагами, потребуетъ выполненія такихъ экономическихъ реформъ, которыя несовмѣстны съ военною диктатурою бонапартовскаго режима. Онъ не менѣе хорошо зналъ, что монархическая бурбоно-орлеанская коалиція готова имъ воспользоваться, но не для того, чтобъ помочь ему войти на дядинъ престолъ, а для того, чтобъ при помощи его возвратить престолъ одному изъ претендентовъ бурбонской или орлеанской линіи.

И вотъ, Бонапартъ началъ свою конспираторскую игру. Орлеанская партія держалась преданностью средняго сословія, буржуазіи; буржуазіи надобенъ порядокъ, спокойствіе, огражденіе ея финансовой монополіи; онъ явится охранителемъ ея, и она отречется отъ орлеанизма. Бурбоны опирались на клерикализмъ; онъ дастъ клерикальной партіи залогъ своего благочестія и привлечетъ ее на свою сторону. Въ такомъ случаѣ борьба съ монархической коалиціей національнаго собранія сведется на споръ изъ-за министерскихъ личностей: ôte-toi de là que je m'y mette! и онъ съумѣетъ сбить позицію старыхъ министровъ и парламентаристовъ. Непріязненныя его владычеству чувства и идеи бушуютъ въ городскомъ пролетаріатѣ, но сельское населеніе еще

Digitized by Google

суевѣрно чтитъ бонапартовскую легенду, оно ждетъ и отъ новаго Бонапарта новыхъ благъ, оно слышало, что какіе-то анархисты хотятъ отнять «собственность»: красный призракъ пугаетъ село не менѣе, чѣмъ лавку; Бонапартъ обопрется на него... А позже, когда борьба неожиданно для него разыграется между законодательною и исполнительною властью, онъ *проведетъ* законодательную власть, онъ сдѣлаетъ ей всѣ уступки, онъ даже предупредитъ ее въ предложеніи реакціонныхъ мѣръ—для того, чтобъ при случаѣ ее же дискредитировать въ глазахъ народа, ее же обвинить въ нарушеніи конституціи,—и явится возстановителемъ главной основы конституціи—suffrage universel'я. Игра смѣлая и отчаянная, игра, которая увѣнчалась видимымъ успѣхомъ, но которая въ сущности сорвалась, обагренная кровопролитіемъ, никогда не забываемымъ въ исторіи, т.-е. въ памяти народа. Во всѣхъ вспышкахъ, во всѣхъ смутахъ второй имперіи вы услышите вѣчный протестъ цивилизаціи противъ подавленія ея развитія самыми жестокими орудіями войны!

Но то, что́ мы видимъ ясно теперь, на разстояніи 20-ти лѣтъ, то сознавали опредѣленно, во время самыхъ событій, только немногіе, за которыми въ исторіи осталась заслуга Кассандры, пророчившей въ этомъ случаѣ гибель цивилизаціи. Въ то время, средніе классы французской націи шли слѣпо за своими парламентскими представителями монархической коалиціи, и мы увидимъ сейчасъ, до какой степени испугъ, ловко поддержанный витіями монархической реставраціи,—заставлялъ буржуазію приписывать тенденціямъ пролетаріата даже тѣ бѣдствія, которыя она сама наносила себѣ. Бросимте бѣглый взглядъ на событія того времени, на политику и Луи-Наполеона, и коалиціи, — въ нихъ лежитъ узелъ всѣхъ дальнѣйшихъ запутанностей, узелъ, не менѣе замысловатый, чѣмъ Гордіевъ, и который, подобно Гордіеву, можно было только разсѣчь мечемъ при Седанѣ, да и то разсѣчь только на половину, — другая половина узла далеко еще не развязана, и вовсе неизвѣстно еще, съумѣетъ ли Франція ее распутать или нѣтъ?

31-го октября 1849-го г., президентъ Луи-Наполеонъ смѣнилъ парламентское министерство и положилъ начало своей личной политики, которая, по его собственному объявленію,—состояла въ слѣдованіи началамъ великаго дяди,—«мое имя—говорилъ президентъ, представляетъ собою цѣлую программу». Не прошло и двухъ недѣль, какъ стали ходить слухи о готовившемся переворотѣ и «Монитеръ», въ годовщину 18-го брюмера,—9-го ноября 49-го года объявляетъ, что «въ слухахъ о вымышленномъ переворотѣ кроется только вѣроломное намѣреніе нарушить общест-

Digitized by Google

венное спокойствіе, кроется гнусная клевета и оскорбленіе, наносимое *честности того, который никогда не нарушалъ своего слова*, который провозгласилъ уже, что хочетъ быть достойнымъ довѣрія *націи* за свое охраненіе конституціи, которой онъ клялся».

Но дѣло вышло иначе: въ виду враждебности парламентской коаліціи, въ виду все болѣе усиливавшейся тревоги среднихъ классовъ за сохранность своихъ имущественныхъ привилегій, — Луи-Наполеонъ сталъ искать, какъ мы указывали выше, союза съ этими элементами посредствомъ—не огражденія, а полнѣйшаго систематическаго разрушенія конституціи.

Реакціонныя мѣры слѣдовали одна за другой. 13-го декабря, министръ народнаго просвѣщенія, отчаянный клерикалъ Парьё, внесъ въ законодательное собраніе *законъ о свободѣ обученія*, сообразный съ требованіемъ заявленнымъ ранѣе господиномъ де-Фаллу: новый законъ отдавалъ все обученіе въ руки полиціи и іезуитовъ. «Бездна преподавателей составили, повидимому, союзъ для того, чтобъ образовать въ обществѣ цѣлое сословіе недовольныхъ и враговъ общественнаго порядка». Такимъ увѣреніемъ тревожилъ общество де-Фаллу, и Парьё повторялъ то же самое, объявляя преподавателей пропагандистами анархіи и апостолами разрушенія и требуя противъ нихъ цѣлаго арсенала карательныхъ мѣръ. Оппозиціонные, республиканскіе ораторы напрасно старались обличить реакціонную систему устрашенія: «Вы обманываете общественное мнѣніе, пряча настоящій предметъ вашихъ преслѣдованій подъ такими названіями, которыя, конечно, вызываютъ протестъ общественной совѣсти; но, въ сущности, вы преслѣдуете вовсе не призракъ, нисколько не пугающій васъ и только пугающій общество, — вы преслѣдуете самый духъ свободы и братства, который вѣетъ теперь надъ всѣмъ міромъ».

Напрасно вставала на протестъ противъ обскурантизма историческая, ставшая въ послѣднее время имперіи знаменитою, личность Бодена; — напрасно, позже, при пополненіи закона Парьё закономъ де-Фаллу (14 января 1850 г.) В. Гюго бичевалъ реакцію своимъ краснорѣчіемъ: «Это законъ клерикальной партіи, и какъ всякій законъ, исходящій отъ нея, онъ носитъ на себѣ лицемѣрную маску; онъ проповѣдуетъ одно, а дѣлаетъ другое! Заботясь объ уничтоженіи просвѣщенія, онъ принимаетъ видъ заботы о свободѣ. Ваша привычка извѣстна: вы зовете даромъ и благомъ всякую конфискацію, и всякій разъ какъ вы куете цѣпь противъ разума, вы оповѣщаете: вотъ вамъ еще свобода! Всякій разъ, какъ вы декретируете гоненіе, вы увѣряете, что это новая амнистія! Берегитесь, клерикальная партія идетъ изъ

Digitized by Google

Рима. Ея черное дѣло увѣнчалось тамъ успѣхомъ: она только-что задушила римскій народъ! Люди клерикальной партіи! вы теперь хотите задушить и французскій народъ».

Такъ указывалъ В. Гюго на солидарность тогдашней внутренней и внѣшней политики; такъ предостерегалъ онъ Францію отъ начала той внутренней римской экспедиціи, которую съ такимъ жаромъ призывалъ Монталамберъ. Предостереженіе было напрасно: законъ де-Фаллу былъ принятъ и начался походъ противъ просвѣщенія и его приверженцевъ и слугъ. Учителей и профессоровъ, начиная отъ Collège de France и кончая деревенскою школою изгоняли безъ всякаго предлога и лишали всѣхъ средствъ и къ обученію и къ существованію! Вотъ когда, такимъ образомъ, въ первый разъ Франція лишала себя того орудія побѣды, которое такъ много содѣйствовало позднѣйшему торжеству Германіи надъ Франціей: «*учитель*» былъ изгнанъ изъ республиканской Франціи и не вернулся еще до сихъ поръ! въ удѣлъ Франціи было оставлено невѣжество, подъ сѣнью союза клерикализма съ бонапартизмомъ. Послѣдній далъ первому залогъ своего благочестія, въ ожиданіи оглашенія клиросомъ: Domine, salvum fac imperatorem!

Другимъ закономъ, принцъ-президентъ старался еще болѣе привлечь къ себѣ запуганные классы общества, напоминая имъ о крамолахъ іюньскихъ инсургентовъ, и желая въ то же время оградить свой грядущій императорскій тронъ отъ покушеній демократіи. Въ народѣ давно уже носился слухъ объ амнистіи осужденнымъ и ссыльнымъ іюньскихъ дней. Голосъ народа въ этомъ случаѣ возвышался столько же вслѣдствіе гуманнаго побужденія, сколько и въ силу здравой политической логики: политическое преступленіе, точно также какъ и политическая кара большей частью бываютъ плодомъ недоразумѣній; но врядъ ли въ обществѣ политическое преступленіе оставляетъ бо́льшій слѣдъ, чѣмъ самая кара преступленія: кара напоминаетъ постоянно о бывшемъ недоразумѣніи и упрочиваетъ только разладъ въ обществѣ, который можетъ быть значительно сглаженъ амнистіей: такое размышленіе тогдашнихъ демократическихъ журналовъ было тѣмъ болѣе справедливо, что оно относилось къ исключительной катастрофѣ іюньскихъ дней. Народъ призывалъ амнистію, какъ забвеніе гражданской распри, а представители среднихъ классовъ вмѣстѣ съ президентскимъ министерствомъ мечтали не о забвеніи, а объ уничтоженіи въ корнѣ гражданской распри путемъ террора и казней. Министерство предложило продлить время изгнанія на африканскій берегъ съ 5-ти до 10-ти лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовало, чтобъ из-

Digitized by Google

гнаніе—депортація, сопровождалось заточеніемъ въ крѣпостяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ политическаго осужденія, въ которыхъ прежде примѣнялась смертная казнь, отмѣненная однимъ изъ первыхъ декретовъ временного правительства второй республики. «Смертная казнь возстановляется, повидимому, менѣе ужасная, но въ дѣйствительности гораздо болѣе жестокая»—произнесъ В. Гюго.

Страшныя признанія раздались со стороны защитниковъ и охранителей общественной безопасности, со стороны людей, считавшихъ за честь принадлежать къ «великой партіи порядка». Министерство откровенно сознавалось, что «партія порядка», по отношенію къ пролетаріату, попирала ногами установленныя начала юриспруденціи и руководилась только произволомъ, возбужденнымъ ненавистью касты: «если среди этого возмущенія и его быстраго подавленія сдѣланы ошибки, т.-е. осуждены невинные, то отвѣтственность за это падетъ не на насъ, а на зачинщиковъ этихъ гражданскихъ битвъ, на распространителей ученій, порождающихъ бѣдствія». Выведенный изъ терпѣнія — въ отвѣтъ на настоятельное требованіе, лѣвой стороною, суда надъ изгнанниками, Барошъ воскликнулъ памятныя слова: «Было бы невозможно произвести судъ надъ ссыльными Бель-Иля (les transportés de Belle-Isle), потому что противъ многихъ изъ нихъ не существуетъ *никакихъ* матеріальныхъ доказательствъ». Такимъ образомъ, въ высокой нравственности воцарявшагося во Франціи режима всѣ юридическія начала замѣнялись судомъ совѣсти, — совѣсти Барошей и Руэровъ!

Да, уже въ то время бонапартовскій Руэръ являлся великимъ адвокатомъ цивилизаціи!

— «Будемте искать вмѣстѣ и дружно—умолялъ В. Гюго—*мирнаго разрѣшенія тяжелой задачи цивилизаціи, стоящей предъ нами* и заключающей въ себѣ, смотря по тому, какъ мы обратимся съ нею, или самыя роковыя катастрофы, или самое свѣтлое будущее....»

— «*На насъ лежитъ*—отвѣчалъ Руэръ—*громадная отвѣтственность за охраненіе цивилизаціи* и за огражденіе общественной безопасности; таковы чувство и сознаніе, которыя диктовали намъ предложенный вамъ законъ.... Развѣ ссылка въ Нукагиву можетъ быть слишкомъ жестокимъ наказаніемъ для этихъ вождей баррикадъ, для этихъ *ремесленниковъ заговоровъ*?»

(Увы, теперешній бѣдный изгнанникъ-Руэръ не зналъ, что злополучная намъ современность обличитъ по документамъ, найденнымъ въ Тюльери, что однимъ изъ главныхъ *ремеслен-*

Digitized by Google

никовъ заговоровъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ былъ именно онъ самъ, со своими бонапартистскими сподвижниками).

— «Пусть, по крайней мѣрѣ, женамъ и дѣтямъ будетъ дозволено дѣлить участь своихъ мужей и отцовъ и слѣдовать за ними въ ссылку»,—просилъ Пьеръ Леру, видя, что законъ пройдетъ чрезъ неумолимое большинство реакціи.

— «Привязанности (т.-е. у жены къ мужу, у дочери къ отцу) могутъ быть неосторожныя — отвѣчалъ Руэръ — желанія могутъ являться необдуманныя. Молодая женщина, мужъ которой осужденъ на изгнаніе, можетъ имѣть другія обязанности на этомъ континентѣ: у нея можетъ быть мать, требующая ея попеченій и не осужденная, какъ мужъ ея дочери... Во всемъ этомъ необходимо благосклонное вліяніе, отеческое вмѣшательство правительства....»

Законъ о депортаціи не только прошелъ, но ему была даже придана ретроактивная сила, обратное дѣйствіе на ранѣе осужденныхъ изгнанниковъ. «Большинство Законодательнаго Собранія—говоритъ Верморель (Les hommes de 1851)—выказало въ дебатахъ по этимъ законамъ изступленіе самое возмутительное и можно сказать дикое. На разстояніи 18-ти мѣсяцевъ (съ іюня 1848 до января 1850 г.), страсти и ненависть были точно такъ возбуждены, какъ и на другой день іюньскихъ возстаній».

Какой результатъ должны были дать общественному спокойствію подобныя мѣры, декретированныя союзомъ исполнительной и законодательной властей, союзомъ новаго президента съ приверженцами старыхъ претендентовъ, согнанныхъ съ трона Франціи?

Все, что̀ не ведетъ къ умиротворенію противуположныхъ интересовъ, къ разрѣшенію враждебныхъ недоразумѣній — все то остается безплоднымъ, если совершается въ границахъ дозволенныхъ человѣческой совѣстью и установленною справедливостью, и вреднымъ, если совершается путемъ насилія и давленія. Общество было встревожено, массы были неудовлетворены,—могли ли указанныя выше мѣры помочь Франціи выйти изъ ея запутаннаго внутренняго положенія, или, наоборотъ, должны онѣ были только еще болѣе вести къ агоніи, къ новымъ катастрофамъ?

Неужели обществу той эпохи было такъ трудно отвѣтить себѣ основательно на этотъ вопросъ?... неужели оно не видѣло, что и оно само, и вся Франція становились съ каждымъ днемъ все болѣе добычей честолюбивой корыстной игры нѣсколькихъ претендентовъ?—Нѣтъ, оно не видѣло и не понимало этого, и все болѣе и болѣе шло къ пропасти, не успѣвъ отречься отъ довѣрія къ

Digitized by Google

своимъ представителямъ, не успѣвъ отрѣшиться отъ паническаго страха, вскормленнаго бонапартистскою и реакціонною пропагандою — страха предъ требованіями неимущихъ слоевъ націи, какъ будто удовлетвореніе тѣмъ требованіямъ могло обойтись обществу дороже, чѣмъ шедшій къ торжеству бонапартистскій режимъ! Пусть Франція теперь подведетъ итоги убытка отъ удовлетворенія тѣмъ требованіямъ, и убытка, который она переноситъ въ настоящую минуту, и пусть она сравнитъ эти итоги!

Съ своей стороны, народъ представлялъ замѣчательное явленіе въ своемъ поведеніи. Въ то время, какъ среднесословные слои рукоплескали началу внутренней войны, узаконявшейся всѣми приведенными мѣрами, народъ отстаивалъ то, что̀ онъ считалъ пріобрѣтеніемъ цивилизаціи, — свой suffrage universel, и на него возлагалъ всю свою надежду. Потерявъ слишкомъ много своихъ борцовъ на іюньскихъ баррикадахъ, въ судныхъ коммиссіяхъ, военныхъ трибуналахъ, въ изгнаніи, — народъ менѣе, чѣмъ когда-либо помышлялъ о насиліи, болѣе чѣмъ когда-либо хотѣлъ держаться за легальный путь, за достиженіе экономическихъ улучшеній, потребность которыхъ вызвала февральскую революцію—путемъ законодательнаго собранія, путемъ suffrage universel'я. Народъ свидѣтельствовалъ такимъ образомъ, что, въ сущности, онъ гораздо болѣе консервативенъ, чѣмъ тѣ партіи, которыя носятъ названіе консерваторовъ, партіи порядка и безопасности.

10-е марта 1850-го года было страшнымъ днемъ для всѣхъ партій. Оказывалось, что никакія реакціонныя мѣры, ни гоненіе на просвѣщеніе, ни терроръ противъ іюньскихъ партизановъ, — не повели ни къ чему: тѣ идеи, которыя были окрещены партіей порядка «идеями анархіи и соціализма», проникали все болѣе и болѣе въ массы народа. 10-го марта происходили дополнительные выборы для замѣщенія трехъ депутатовъ, выбывшихъ изъ строя и осужденныхъ заочно на депортацію за участіе въ манифестаціи противъ римской экспедиціи, 13-го іюня 49-го г. Это были Консидеранъ, Буато и Ратье. Радикальная республиканская партія выставила тогда своими кандидатами Карно, Видаля, де-Флотта. Каждый изъ нихъ являлся символомъ протеста противъ реакціонныхъ мѣръ: Карно—представлялъ собою протестъ противъ законовъ о просвѣщеніи; де-Флоттъ, одинъ изъ ссыльныхъ въ Африку за іюньскіе дни—былъ живымъ укоромъ народа за всѣ транспортаціи и депортаціи; Видаль, одинъ изъ люксамбургскихъ соціалистовъ — являлся крайнимъ протестомъ избирателей противъ воззванія префекта Карлье, призывавшаго отцовъ семействъ, промышленниковъ и

Digitized by Google

торговцевъ, національную гвардію и работниковъ къ взаимной оборонѣ, къ составленію общественной лиги противъ соціалистовъ [1]). Радикальная партія одержала верхъ на выборахъ.

Судорожный страхъ и неистовая злоба овладѣли реакціей. Она ударила во всѣ колокола своихъ журналовъ, и журналы подняли трезвонъ противъ «гнусной черни» (la vile multitude), какъ честилъ «верховный народъ» (le peuple souverain) доблестный Тьеръ. Очевидно, что средніе классы Франціи, привыкшіе слѣпо вѣрить своимъ оракуламъ, должны были внушиться журнальнымъ и трибуннымъ трезвономъ — «гнусная чернь» не давала имъ спать! А журналы трезвонили: у насъ есть еще послѣдняя надежда, посмотримъ, что̀ скажутъ департаменты, что̀ скажетъ «Франція» на такое поведеніе Парижа! Онъ опять хочетъ заставить своихъ провинціальныхъ братьевъ идти на спасеніе его отъ него же самого, какъ въ іюнѣ 48-го года!...

Франція отвѣтила громовымъ ударомъ. Одновременно съ парижскими шли мѣстные выборы въ департаментахъ Нижняго Рейна, Соны-и-Луары, въ департаментѣ Ньеврскомъ и Верхняго Рейна; повсюду торжествовала крайняя партія. Какъ утопающій хватается за соломенку, коалиція реакціи ухватилась за послѣднюю надежду: Видаль былъ выбранъ за-разъ въ двухъ департаментахъ и предпочелъ быть представителемъ отъ департамента Верхняго Рейна. Въ парижскомъ представительствѣ снова являлось вакантное мѣсто. Самъ «Journal des Débats» поставилъ все на карту, поставилъ на этомъ перевыборѣ вопросъ о пораженіи или побѣдѣ: «Вопросъ, рѣшенный противъ насъ 10-го марта, снова поставленъ передъ избирателями и теперь будетъ рѣшенъ безаппелляціонно, въ высшей инстанціи. Выборъ 28-го апрѣля покажетъ, что неудача *умѣренной* партіи была только *случайностью*, непріятнымъ, но еще поправимымъ недоразумѣніемъ, или же, въ противномъ случаѣ, что *партія порядка* окончательно потеряла въ столицѣ большинство».

Вмѣстѣ съ «Journal des Débats» и его сателлитами, все финансовое и торговое населеніе Парижа ждало съ трепетомъ поправленія случайности. Большинство девяти тысячъ голосовъ оказалось противъ реакціи за извѣстнаго романиста Эжена Сю...

Что̀ теперь будетъ съ Парижемъ, съ Франціей? Если и Парижъ и департаменты уже теперь вотируютъ за крайнихъ соціалистскихъ кандидатовъ, если радикаламъ мало было іюньской

---

[1]) Le Coup d'État du 2 Décembre 1851, par les auteurs du Dictionnaire de la Révolution francaise. Décembre-Alonier.—*Vermorel*, Les hommes de 1851.—*T. Debord.* Histoire du Second Empire.

Digitized by Google

картечи и всей внутренней римской экспедиціи, со всѣми ея террористическими мѣрами; если, несмотря на господство клерикаловъ въ селахъ, на режимъ депортацій въ городахъ—избиратели все же посылаютъ въ законодательное собраніе представителей, на знамени которыхъ написаны экономическія реформы, и это теперь же, въ 50-мъ году, то что́ же будетъ въ 1852 году: радикалы наводнятъ собою законодательное собраніе, долженствующее выйти изъ выборовъ 52-го г. — и декретируютъ разореніе всѣхъ плодовъ цивилизаціи, имущества и привилегій! Положеніе, думали, по-истинѣ критическое.

А тутъ еще, какъ нарочно, суется Прудонъ—это пугало порядочныхъ людей, и гласитъ: «Выборъ 10-го марта представляетъ собою profession de foi народа... Римская экспедиція, осадное положеніе, распущеніе національной гвардіи, законы *противъ* печати, собраній, ассоціацій, законъ *противъ* преподавателей, *противъ* коммунальныхъ вольностей,—все это одинаково поругано и отвергнуто голосованіемъ 10-го марта. Все, что́ творилось въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ противъ республики, противъ февральской революціи — теперь провозглашено въ этотъ день за несуществующее и неимѣющее силы. Власть, поэтому, должна теперь,—подъ страхомъ обвиненія въ возмущеніи противъ народа и въ насиліи, — не только измѣнить свою систему, но и уничтожить всѣ тѣ реакціонные законы, и тотчасъ же приняться, отложа въ сторону всякое другое дѣло, за поправленіе зла, *нанесеннаго и Франціи и всей Европѣ* ея ненавистной политикой».

Такъ говорилъ Прудонъ въ «La Voix du Peuple» 14-го марта 1850 г., и въ этотъ же самый день открывалось, въ первый разъ, послѣ всѣхъ парламентскихъ распрей,—тайное совѣщаніе вождей коалиціи съ принцемъ-президентомъ; они предлагали, а онъ соглашался на *заговоръ* противъ основныхъ законовъ республики, противъ конституціи, противъ спокойствія Франціи. Въ виду выборовъ 1852-го года, на которыхъ они боялись встрѣтить свое полное пораженіе и торжество радикальной партіи,—корифеи старыхъ режимовъ и искалѣченнаго ими парламентаризма наносили ударъ въ самое сердце республики, ея suffrage universel'ю! Они, однимъ словомъ, не болѣе ни менѣе, какъ уничтожали suffrage universel и на его мѣсто ставили новый *косвенный цензъ*.

Законъ 31-го мая 1850-го г. требовалъ отъ тѣхъ, кто хотѣлъ пользоваться правомъ избирательнаго голоса, удостовѣренія въ постоянномъ мѣстожительствѣ, что́ зависѣло отъ внесенія имени въ списки постоянныхъ налоговъ, а внесеніе требовало пред-

Digitized by Google

варительнаго двухгодового постояннаго пребыванія въ одной и той же мѣстности: такимъ образомъ, только граждане, жительствовавшіе на одномъ мѣстѣ три года, удерживали за собою избирательное право, пріобрѣтенное февральской революціей для всего народа безъ исключенія. Теперь же исключеніе било прямо весь рабочій классъ и всѣхъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. «Рабочій классъ, въ современномъ состояніи промышленности, конечно, не можетъ имѣть иного мѣстожительства, какъ мастерской, куда его зоветъ заработокъ — жительства, столь же измѣнчиваго, какъ и самый спросъ на трудъ». Мелкіе же торговцы и промышленники исключались потому, что они, вмѣсто личныхъ податей или натуральныхъ повинностей, платили въ казну косвенный налогъ муниципальною оплатою своихъ товаровъ (octroi).

Законъ 31-го мая выбрасывалъ, такимъ способомъ, за бортъ, въ виду спасенія строившагося корабля имперіи, среди разыгравшихся бурь, не менѣе, какъ около *трехъ милліоновъ избирателей*. Въ парламентскіе анналы второй республики было занесено еще одно бурное засѣданіе, въ которомъ лѣвая сторона сыпала градъ брани и упрековъ на реакцію, а реакція поражала оппозицію небывалыми искренними признаніями.

— «Вы хотите наказать народъ—говорилъ Викторъ Гюго,— потому что народъ посмѣлъ замѣтить, что между вашими программой обѣщаній и итогомъ дѣйствій лежитъ цѣлая кровавая бездна; онъ далъ вамъ урокъ посредствомъ мирнаго выраженія своего верховнаго права—посредствомъ избирательной урны, а вы негодуете и лицемѣрно провозглашаете общество въ опасности»!

— «Вы совершаете мошенничество своимъ новымъ закономъ, воскликнулъ Лагранжъ — вы крадете у народа его право! вы, которые добыли власть въ крови народной, вы пользуетесь ею теперь для умерщвленія республики»!

— «За насъ право и фактъ, законъ и сила! отвѣчалъ имъ въ упоръ Монталамберъ (онъ ошибался только *на половину*: за коалицію былъ фактъ и сила, но не право и законъ!) Я полагаю, что за нами и число (число штыковъ въ союзѣ съ Бонапартомъ), и я не хочу ни минуты сомнѣваться въ томъ, что за насъ наша смѣлость (сомнѣніе однако было бы простительно, и пародія на дантоновскій призывъ къ смѣлости была осмѣяна позже поведеніемъ коалиціи при декабрьскомъ переворотѣ)! *Надо* отбить у врага (т.-е. у народа) тѣ позиціи, которыя онъ завоевалъ (т.-е. февральскую республику). Надо *измѣнить* suffrage universel.... Надо предпринять противъ зла *войну* самую

Digitized by Google

энергическую, надо произвести римскую экспедицію внутри страны»...

— «Гнусная чернь—поучалъ Тьеръ—всегда, во всѣ вѣка губила республики. Я считаю законъ благодѣтельнымъ, потому что онъ исключаетъ изъ выборовъ три милліона *черни*, которую могутъ защищать только *ложные*, только *худые* республиканцы».

— «Я готовъ уважать *истинное* мнѣніе — исповѣдывался Беррье; но у людей, исключенныхъ изъ списковъ, вовсе нѣтъ никакихъ убѣжденій, и поэтому ихъ нечего щадить»!

— «Законъ—отвѣчалъ имъ всѣмъ Ламартинъ—законъ направленъ вовсе не противъ соціализма, а просто противъ республиканской оппозиціи, противъ самой республики»!

И не только Ламартинъ, но и Жюль-Фавръ, и даже самъ Кавеньякъ протестовали противъ новаго закона, понявъ, наконецъ, что коалиція задумала идти прямымъ путемъ къ гибели республики, и открывала ворота имперіи. Монталамберъ не выдержалъ оппозиціи Кавеньяка и бросилъ ему въ лицо упрекъ за *предательство*, за то, что генералъ вздумалъ ратовать противъ смиренія черни: «Провозглашая нашъ законъ, и приводя въ исполненіе наши мѣры, мы не предпринимаемъ ничего новаго, мы только продолжаемъ битву іюньскихъ дней 48-го года, на улицахъ Парижа,—битву, которую почтенный генералъ Кавеньякъ велъ такъ благородно и такъ счастливо, мы боремся противъ тѣхъ же враговъ, не ошибайтесь!»...

Законъ, конечно, былъ принятъ, и въ исторіи не осталось болѣе вѣрнаго опредѣленія его значенія, какъ то, которымъ заклеймилъ его извѣстный ораторъ Мишель (изъ Буржа):

— «Этимъ закономъ—говорилъ онъ—хотятъ наказать народъ за то, что онъ, наконецъ, обратился къ *легальному* пути для заявленія своихъ требованій, точно также, какъ прежде карали и казнили его за революціонныя попытки. Народъ захотѣлъ теперь пользоваться *правильно* и *спокойно* своимъ добытымъ правомъ, и именно за такое желаніе, его опять лишаютъ всякаго права и опять дѣлаютъ покушеніе на его совѣсть, за то, что онъ, сообразно съ нею, хотѣлъ назначать своихъ представителей!»...

Законъ былъ вотированъ, но всѣ партіи обочлись въ разсчетѣ, хотя менѣе всѣхъ партія бонапартистская. Бурбоно-орлеанская коалиція думала этимъ закономъ, какъ водою, затушить мерещившійся ей скрытый пожаръ, а между тѣмъ она только подлила масла въ огонь, и придетъ день — день 2-го декабря, когда Бонапартъ обрушитъ этотъ законъ на ея голову и ее же обвинитъ въ нарушеніи конституціи. Въ свою очередь, Бона-

Digitized by Google

партъ воображалъ, что ему достаточно будетъ провозгласить себя защитникомъ, возстановителемъ конституціи для того, чтобъ весь народъ сталъ сразу на его сторону; но онъ обчелся, и ему пришлось вводить suffrage universel на безчисленныхъ трупахъ декабрьскихъ баррикадъ въ Парижѣ и въ департаментахъ. И наконецъ, республиканская партія разсчитывала, что время до выборовъ 52-го года пройдетъ въ борьбѣ законодательной и исполнительной власти, а въ 52-мъ г. она, какъ и весь народъ, *фактомъ* отвергнетъ законъ 31-го мая, т.-е. тѣмъ, что непремѣнно и въ цѣломъ своемъ составѣ приметъ участіе въ вотѣ. Эта мысль была внесена въ пропаганду крайней партіи, и пропаганда дѣлала широкіе успѣхи...

Понятно, въ какомъ состояніи находилась буржуазія; она радовалась закону 31-го мая, но она ужасалась разсказамъ о пропагандѣ соціалистовъ, она со страхомъ смотрѣла на борьбу президента съ коалиціей, снова завязавшуюся въ законодательномъ собраніи, то подозрѣвая президента въ сдѣлкѣ съ республиканцами, то упрекая коалицію за ея строптивость относительно президента...

А между тѣмъ,—и здѣсь кроется одно изъ важныхъ объясненій преданности буржуазіи президенту-императору,—финансовыя дѣла ея шли плохо и она приписывала свои бѣдствія крамоламъ республики, хотя причинность ихъ была совершенно иная и лежала въ собственной же умственной немощи буржуазіи. Дѣло въ томъ, что уже съ конца февраля 50-го года началось уменьшеніе вывоза; въ мартѣ промышленность страдала и фабрики закрывались; въ апрѣлѣ положеніе промышленныхъ департаментовъ представлялось столь же критическимъ, какъ и тотчасъ послѣ февральскихъ дней; общій застой въ дѣлахъ ясно отражался до конца іюня на отчетахъ банка Франціи, и только въ половинѣ октября промышленность начала оживляться.

«Французская буржуазія—говоритъ одинъ нѣмецкій авторъ, писавшій исторію переворота во время самыхъ событій 1851-го года [1])—объясняла себѣ этотъ торговый застой чисто политическими причинами, борьбою между парламентомъ и исполнительною властью, непрочностью, невѣрностью *временной* государственной формы (т.-е. республики), опасеніями и ужасами предъ предстоящими выборами 2-го мая 1852.

«Я не стану отрицать, что всѣ тѣ обстоятельства имѣли извѣстное вліяніе на нѣкоторыя вѣтви промышленности въ Парижѣ и департаментахъ; но, во всякомъ случаѣ, то дѣйствіе политическихъ

[1]) Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, von K. *Marx*. II. Ausgabe 1869.

Digitized by Google

обстоятельствъ было только мѣстное и незначительное, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ фактъ, что улучшеніе въ торговлѣ произошло какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда политическое состояніе ухудшилось, политическій горизонтъ еще болѣе подернулся тучами и каждую минуту можно было ожидать разраженія грозы и удара молніи, — въ половинѣ октября 50-го г. Очевидно, что причина промышленнаго кризиса лежала не въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя ссылалась буржуазія. Еслибъ она была проницательнѣе, то ей не трудно было бы усмотрѣть настоящую причину своихъ недуговъ, когда ей случилось попасть на первую всемірную выставку въ Лондонѣ въ 1851 г. Она легко могла бы увидѣть, что въ то время, какъ во Франціи закрывались фабрики, въ Англіи разразились коммерческія банкрутства. Въ то время, какъ во Франціи, въ апрѣлѣ и маѣ, промышленная *паника* достигала высшаго пункта своего развитія, въ апрѣлѣ же и маѣ, того же пункта достигла въ Англіи паника торговая. Какъ страдала французская шерстяная промышленность, такъ страдала и англійская; какъ терпѣла французская шелковая мануфактура, такъ терпѣла и англійская. И если англійскія хлопчато-бумажныя фабрики продолжали еще работать,—то уже далеко не такъ прибыльно, какъ въ 1849 и 1850 годахъ. Разница была только въ томъ, что во Франціи совершался кризисъ промышленный, а въ Англіи торговый; что въ то время, какъ во Франціи станки фабрикъ замолкали, въ Англіи фабрики расширялись, но при гораздо болѣе невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ предыдущіе годы; во Франціи главный ударъ наносился *вывозу*, въ Англіи — *ввозу*. Общая причина, которую, при такомъ сопоставленіи и сравненіи, конечно, нечего было искать въ предѣлахъ только французскаго политическаго горизонта, общая причина была очевидна: 1849 и 50 годы были годами небываллаго матеріальнаго процвѣтанія и чрезмѣрнаго избытка производства (Ueberproduction), которое оказало свои печальные плоды только въ 1851-мъ году. Кризисъ усложнялся еще обманутыми разсчетами и надеждами на урожай хлопка и шелковичнаго червя, а между тѣмъ шерстяная мануфактура приняла такіе размѣры съ 1848 года, что производство хлопка не могло поспѣвать за ней вслѣдъ, и цѣна сырого матеріала возвысилась въ пропорціи значительно невыгодной для цѣнъ шерстяныхъ фабрикъ. Взвѣшивая всѣ эти особыя обстоятельства, кажущійся кризисъ 1851 года является не болѣе, какъ *естественною остановкою*, производимою чрезмѣрнымъ производствомъ и чрезмѣрною спекуляціею каждый разъ, какъ совершается обычное промышленное круговращеніе, въ послѣднемъ періодѣ котораго ли

Digitized by Google

хорадочно напрягаются всѣ силы и средства промышленности, и который неизбѣжно заключается всеобщимъ торговымъ кризисомъ...

«Можно представить себѣ при такомъ положеніи французскаго буржуа, который рѣшительно не понималъ и не сознавалъ выставленныхъ здѣсь истинныхъ причинъ тогдашняго кризиса, и больная голова котораго мучилась, туманилась и мѣшалась отъ всѣхъ слуховъ и говоровъ о переворотѣ, о возстановленіи suffrage universel'я, о борьбѣ палаты съ президентомъ, о фрондёрской войнѣ орлеанистовъ и легитимистовъ, о коммунистическихъ конспираціяхъ на югѣ Франціи, о вымышленной жакеріи въ департаментахъ Ніевръ и Шеръ; отъ всѣхъ рекламъ различныхъ претендентовъ, отъ всѣхъ базарно-крикливыхъ журнальныхъ оракуловъ, отъ всѣхъ угрозъ республиканцевъ возстановить 2-го мая 1852 г. конституцію и suffrage universel, съ оружіемъ въ рукахъ;... можно представить себѣ положеніе буржуа въ этомъ хаосѣ всякихъ запутанностей, и глядя на него можно понять, почему онъ, какъ помѣшанный, завопилъ: «лучше конецъ безъ террора, чѣмъ терроръ безъ конца».

Бонапартъ понялъ этотъ крикъ отчаянія, и декабрьскій переворотъ явился въ отвѣтъ на призывъ буржуазіи. Буржуазія привѣтствовала его, надѣясь, что онъ оградитъ ея мирное развитіе, ея мирную цивилизацію. «На всѣхъ европейскихъ *биржахъ* принца-президента признаютъ и провозглашаютъ *единымъ вѣрнымъ стражемъ порядка*» — такъ писалъ «Экономистъ» за три дня до переворота, 29-го ноября 1851 г.

И буржуа и *биржи* должны были жестоко сорваться: не цивилизацію, а войну, напрасную, 20-тилѣтнюю — внутреннюю и внѣшнюю войну несъ за собою декабрьскій переворотъ.

Странныя противорѣчія встрѣчаются въ показаніяхъ историковъ и современниковъ. «Это окончательное и полное торжество соціализма!» такъ опредѣлялъ Гизо значеніе декабрьскаго переворота. Совершенно обратно этому мнѣнію и гораздо болѣе согласно съ истиною, Кинглэкъ говоритъ, что переворотъ произошелъ оттого, «что демократія была ненавистна людямъ». Французскій переводчикъ Кинглэка, Т. Кармеръ оспариваетъ это мнѣніе, указывая на то, что 20 департаментовъ возстали противъ переворота и 30 тысячъ семей было сказнено декабрьскими заговорщиками; это свидѣтельствуетъ, въ его глазахъ, о томъ, что по крайней мѣрѣ для цѣлой трети Франціи «демократія не имѣла ничего ненавистнаго». Такъ или иначе, но переворотъ былъ совершенъ и свободное развитіе національныхъ стремленій подавлено желѣзной рукою.

Digitized by Google

Логика говоритъ, что всѣ тѣ, которые участвовали въ переворотѣ, должны были бы теперь содѣйствовать установленію спокойствія и порядка. А участвовали въ переворотѣ всѣ высшіе и средніе классы; посмотрите же теперь, о какомъ странномъ противорѣчіи и непослѣдовательности въ поступкахъ людей свидѣтельствуетъ историкъ: «Во Франціи, люди *хорошо воспитанные*, рѣшились почти повсюду держаться въ отдаленіи отъ Луи-Бонапарта; они не только отказывались посѣщать новаго владѣльца Тюльери, но они отвернулись даже отъ ренегатовъ изъ своихъ, которыхъ золото привлекло къ Бонапарту, и они рѣшились *выжидать удобнаго момента для аттаки новаго императора и его соучастниковъ*» (Кинглэкъ). Это показаніе чрезвычайно важно: въ немъ обвиняются образованные классы въ смутахъ и вѣчномъ покушеніи на нарушеніе спокойствія страны; нѣсколько ниже мы увидимъ, наоборотъ, что подобныя обвиненія взводились на народъ, на чернь, и мы, безъ дальнѣйшихъ комментарій, предоставимъ судить самому читателю основательность того или другого взгляда. Остановимся пока на подтвержденіи факта, что внутренняго спокойствія Франціи декабрьскій переворотъ не далъ и не могъ дать.

Но, кромѣ Франціи, существовала еще *Европа*. Франція была подавлена въ своемъ протестѣ противъ уничтоженія ея конституціи Бонапартомъ. Но, кромѣ французской конституціи, по отношенію къ Бонапарту, существовала еще другая конституція — международная, выражавшаяся въ трактатахъ 1815 года [1]). Прудонъ дѣйствительно былъ правъ, когда придавалъ такое международно-конституціонное значеніе вѣнскимъ трактатамъ: оставляя въ сторонѣ всякую критику ихъ внутренней стоимости, ихъ тенденцій, отжившихъ и неблагопріятныхъ для общественнаго развитія, — они все же представляли собою попытку положить конецъ военнымъ распрямъ государствъ. Признавъ въ Наполеонѣ I, въ самыхъ его идеяхъ — главную причину безконечныхъ войнъ, и страшась возобновленія ихъ, трактаты ставили взаимнымъ для всѣхъ державъ и для самой Франціи обязательствомъ никогда не допускать на ея престолъ Наполеонидовъ. Какимъ же образомъ Европа оказалась или безсильна, или близорука, или даже благосклонна относительно появленія новаго Бонапарта во главѣ Франціи? Неужели же и вся Европа была объята тѣмъ же паническимъ страхомъ, который заставилъ *капитулировать* французскую буржуазію предъ напоромъ Бонапартовскаго честолюбія? Неужели Луи-Наполеонъ Бонапартъ могъ

[1]) См. Прудонъ: Si les Traités de 1815 ont cessé d'exister? 1863.

Digitized by Google

также нагло обмануть всю Европу, какъ обманулъ Францію? Или, можетъ быть, въ промежутокъ 37-ми лѣтъ, отъ 1814 до 1851 г., исторія и здравый смыслъ совсѣмъ заглушили наполеоновскую идею, даже въ его наслѣдникѣ? Можетъ быть, этотъ наслѣдникъ доказалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, что по крайней мѣрѣ разъ добившись своей цѣли, и ставъ главою скованной Франціи—онъ намѣренъ быть представителемъ прогресса и цивилизаціи, а не войны и всеевропейскаго разоренія? Врядъ ли его поступки могли вести къ такому оптимистскому заключенію! Страсбургская и Булоньская попытки выказывали его слѣпымъ фанатическимъ послѣдователемъ наполеоновской идеи предъ судомъ перовъ Франціи. Послѣ Булоньской траги-комедіи—принцъ Наполеонъ провозглашалъ свою profession de foi: «я представляю предъ вами извѣстное начало, дѣло и пораженіе. Начало — это верховное право народа; дѣло—имперія; пораженіе — *Ватерло;* начало это вы признали; дѣлу этому вы служили; пораженіе — ему вы хотите отмстить!»

Позже, въ 1849-мъ году, онъ прямо объявлялъ, что его имя заключаетъ въ себѣ цѣлую программу, и внѣшняя сторона этой программы — поддержаніе, возвышеніе *національнаго достоинства.* Вѣрный памяти своего дяди, съ главною идеей его, съ войною онъ велъ рядомъ риторику о «великихъ принципахъ». Было бы слишкомъ долго и скучно слѣдить за прямымъ или скрытымъ выраженіемъ одной и той же программы во всѣхъ его рѣчахъ, во всѣхъ его актахъ въ эпоху президентства. Здѣсь достаточно упомянуть о двухъ главныхъ актахъ воцаренія Бонапарта.

Въ воззваніи къ народу, 2-го декабря 1851-го г., онъ говорилъ, *предлагая свою* систему правленія: «Эта система, *созданная первымъ консуломъ* въ началѣ нынѣшняго вѣка, *дала* уже Франціи *спокойствіе* и *благоденствіе*; она и теперь надѣлитъ ими Францію. Если вы думаете, что дѣло, символомъ котораго является *мое имя*, т.-е. Франція, *возрожденная революціей 89-го года* и *организованная императоромъ*,—что это дѣло всегда остается и вашимъ, то провозгласите это, утверждая власть, которую я прошу у васъ».

Кровавый спектакль 2-го декабря 1851 года заканчивался балаганною сценой—вечеромъ 1-го декабря 1852 г., въ С. Клу, куда спѣшили всѣ высшіе, вновь испеченные, государственные чины и сановники грядущей имперіи. Представленіе происходило въ «галереѣ Аполлона»; актеры—сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ и пр. и пр. — были разсажены по мѣстамъ; когда занавѣсъ взвилась, когда началась церемонія, т.-е. когда принцъ-президентъ возсѣлъ на тронъ, галерея огла-

Digitized by Google

силась рукоплесканіями. Первымъ актеромъ, выступившимъ на сцену, былъ президентъ законодательнаго корпуса, Билльо.

«Сиръ! Ввѣряя *громадному* воспоминанію славы то, что у нея есть наиболѣе драгоцѣннаго, ея *честь внѣ*, ея безопасность внутри, и ея *безсмертные принципы 89-го года*, — эти основы, отнынѣ непоколебимыя, новаго французскаго общества, столь могущественно организованнаго вашимъ *Дядей*, *наша* нація возстановляетъ съ гордой любовью эту династію Бонапартовъ, вышедшую изъ ея среды (?) и *которая отнюдь не была сверянута французскими руками*».

За Билльо выступилъ, отъ имени сената, Менаръ: «Возстановляя императорское достоинство фамиліи вашего величества, давая вамъ корону, которую Франція возложила, полвѣка тому назадъ, на главу побѣдителя при Маренго, она говоритъ достаточно громко, *каковы* ея желанія, и какъ, связывая настоящее съ прошлымъ, она соединяетъ воедино свои надежды съ своими воспоминаніями».

Поднялся, наконецъ, съ дядина трона, новорожденный императоръ и вѣщалъ:

— «Когда, 48 лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ дворцѣ, въ этой самой залѣ и при подобныхъ же обстоятельствахъ, сенатъ явился предложить корону главѣ моей фамиліи, императоръ отвѣчалъ: «Мой духъ не будетъ съ моимъ потомствомъ въ тотъ день, когда оно перестанетъ быть достойнымъ любви великой націи». Сегодня, что наиболѣе всего трогаетъ мое сердце —это мысль, что духъ императора теперь со мною (Наполеонъ Бонапартъ предвосхищалъ такимъ образомъ у покойнаго Аланъ-Кардека ученіе спиритизма!), что *его* мысль руководитъ мною, что *его* тѣнь мнѣ покровительствуетъ, ибо, своимъ торжественнымъ актомъ, вы теперь доказываете мнѣ, отъ имени французскаго народа, что я заслужилъ довѣріе страны. Мнѣ не нужно говорить вамъ, что моя главная, постоянная забота будетъ заключаться въ томъ, чтобъ трудиться съ вами надъ *величіемъ* и процвѣтаніемъ Франціи».

«Да здравствуетъ императоръ»! подхватилъ дружный хоръ. Кортежъ тронулся; факелы освѣтили дворъ дворца, кареты повезли обратно въ Парижъ золотые галуны; занавѣсъ опустилась поздно ночью, а на другое утро—въ годовщину 2-го декабря—другое представленіе привѣтствовало имперію: окрестные крестьяне, молодыя дѣвушки С.-Клу, въ бѣлыхъ платьяхъ, и съ посинѣлыми отъ зимняго холода лицами, ждали императора у рѣшетки парка, чтобъ поднести ему — цвѣты и... прошенія; это должно быть и былъ трогательный союзъ «великихъ принци-

Digitized by Google

повъ» и «наполеоновской славы»: вечеромъ—золотые галуны, утромъ — прошенія блузъ, — имперія будетъ блестящею и демократическою!

Всякому ясно, что за мораль слѣдовало вывести изъ комедіи въ С.-Клу — и куда жаръ-птица направляла свой полетъ. Были современники, которые понимали, что означаетъ и къ чему должна идти во внѣшней политикѣ императорская реставрація 2-го декабря 51-го года:

«Если есть что-нибудь—писалъ Прудонъ—что 2-ое декабря должно имѣть на сердцѣ, то это безъ сомнѣнія отмщеніе за пораженія 1814 и 1815 года; возстановленіе въ европейскомъ строѣ вліянія нашей націи; возвышеніе ея въ рядъ державъ перваго класса,—поддерживая въ случаѣ надобности это *законное* притязаніе оружіемъ» [1]). Но тутъ же Прудонъ указывалъ и на Вѣнскіе трактаты, которые должны были остановить честолюбивые замыслы Бонапарта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прудонъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ отнесутся къ Луи-Бонапарту иностранныя державы, примутъ ли онѣ его за представителя революціи, устрашатся ли онѣ новыхъ воинственныхъ замысловъ или встрѣтятъ его съ распростертыми объятіями, какъ человѣка будто-бы оказавшаго имъ великую услугу побіеніемъ демократіи и революціи?

Но этотъ вопросъ касается внѣшней политики и сводится на разъясненіе роли дипломатіи въ декабрьскомъ переворотѣ.

II.

Роль дипломатіи при первой французской революціи довольно извѣстна: создавъ феодальную коалицію противъ первой республики, дипломатія того времени обрушила на голову Европы всѣ бѣдствія долголѣтнихъ войнъ, и дала возможность появленію Наполеона I-го. Интересно и поучительно видѣть, къ чему пришла дипломатія чрезъ 37 лѣтъ послѣ варварскаго урока, даннаго ей и народамъ? Интересно взглянуть, что она сдѣлала нынѣшній разъ для огражденія цивилизаціи, для отраженія войны?

Если мы приведемъ одни подлинные документы по этому второму вопросу, занимающему насъ, то послѣ всего сказаннаго выше—намъ можно будетъ воздержаться отъ подробныхъ комментарій и предоставить самому читателю судить такъ или иначе о дѣйствіяхъ дипломатіи того времени. Предъ нами лежитъ недавно вышедшая въ Лейпцигѣ книга, содержащая въ себѣ цѣлый

[1]) Прудонъ: La Révolution sociale, démontrée par le coup d'Etat du 2 Décembre.

Digitized by Google

рядъ именно дипломатическихъ актовъ, относящихся къ декабрьскому перевороту и остававшихся до сихъ поръ неизданными [1]). Намъ достаточно, такимъ образомъ, только подѣлиться съ читателемъ въ высшей степени любопытнымъ матеріаломъ; мы, конечно, сочтемъ должнымъ ограничиться только нѣкоторыми извлеченіями, и отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, для болѣе полнаго знакомства.

Многое перемѣнилось съ 1851-го года. Много воды или вѣрнѣе крови утекло съ того времени; измѣнились и взаимныя отношенія державъ. Для того, чтобъ судить правильно о тогдашнихъ дипломатическихъ дѣлахъ, надо припомнить, что съ одной стороны тогда стоялъ австрійско-русскій союзъ; Пруссія шла за этимъ союзомъ, и далеко не представляла собою еще первоклассной державы; Италія была на откупу у кучи маленькихъ герцоговъ, и только Пьемонтъ выражалъ собою нѣчто самобытное, итальянское; Испанія и Португалія считались какъ бы выдѣленными изъ европейскаго, дипломатическаго ареопага; двѣ мелкія нейтральныя страны—Бельгія и Швейцарія—опирались на покровительство великихъ державъ и не имѣли никакого права голоса, дрожа за свою безопасность; Швейцарія занималась своими внутренними дѣлами, вслѣдъ за введеніемъ федеральной конституціи 48-го года; Бельгія, слѣдя съ трепетомъ за перемѣнами во Франціи, смущалась недовольствомъ русскаго двора, изъ-за польскихъ эмигрантовъ. Англія стояла особнякомъ и тоже съ смущеніемъ озиралась на могущество сѣвернаго союза: «Если Наполеонъ успѣетъ въ своемъ плебисцитѣ — писалъ лордъ Нормэнби Пальмерстону изъ Парижа, 3-го декабря—то Англіи предстоитъ плохая перспектива. Его поступокъ очевидно будетъ одобренъ Россіей и Австріей, и поведетъ къ какому-либо тѣсному союзу съ тѣми державами. Наполеонъ скоро рѣшитъ, что онъ долженъ занимать свою все растущую армію, для того, чтобъ она была спокойна, и что Франція должна искать какого-либо предлога къ ссорѣ съ Англіей, которая теперь такъ нелюбима всѣми другими державами на континентѣ».

Соображая изолированное положеніе Англіи, Пальмерстонъ рѣшилъ предупредить континентальныя державы и потому поспѣшилъ поздравить принца-президента съ успѣхомъ и выразить ему полное сочувствіе Англіи.

На свою бѣду Пальмерстонъ забылъ, среди общей горячки, что онъ министръ конституціонной страны, что онъ обязанъ

---

[1]) Der Staatsstreich vom 2 December 1851 und seine Rückwirkung auf Europa. Leipzig. Duncker et Humboldt. 1870.

Digitized by Google

прежде всего отчетомъ королевѣ и общностью дѣйствій со всѣми членами кабинета. Лордъ Джонъ Россель подкараулилъ, наконецъ, своего врага и подстрѣлилъ его. 24-го декабря, «Times» объявила, что Пальмерстонъ не состоитъ больше членомъ министерства. Вся политическая Англія заговорила о скандалѣ, который произошелъ при *изгнаніи* Пальмерстона Росселемъ. Оказалось, что сама королева считала нужнымъ уже заранѣе предупредить Пальмерстона, чтобъ онъ обращался съ нею болѣе сообразно съ ея прерогативами, и требовала отъ него, чтобъ онъ не измѣнялъ рѣшеній, разъ принятыхъ кабинетомъ и получившихъ санкцію короны; чтобъ онъ увѣдомлялъ ее обстоятельно о сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ державъ, прежде чѣмъ предпринять важныя рѣшенія, и чтобъ онъ во-время сообщалъ ей документы, подлежащіе ея санкціи. Въ противномъ случаѣ, королева грозила ему воспользоваться своимъ правомъ смѣны министра. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что не преминетъ согласоваться съ полученными инструкціями. Уже 3-го ноября 51-го г. въ министерскомъ совѣтѣ шелъ вопросъ о дѣлахъ Франціи, и было рѣшено держаться самаго строгаго нейтралитета, несмотря ни на какія перемѣны. Вслѣдъ за переворотомъ, въ отвѣтъ лорду Нормэнби, министерство снова подтвердило свое рѣшеніе и предписало Нормэнби «воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ событія». Пальмерстонъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ было рѣшено, но вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ лично заявить Валевскому, что «вполнѣ одобряетъ поступокъ президента и что, по его убѣжденію, президентъ не могъ поступить иначе». Нормэнби узналъ это отъ французскаго министра Тюрго, который, не стѣсняясь, показывалъ увѣдомленіе Валевскаго другимъ посланникамъ для увѣренія ихъ въ полномъ сочувствіи Англіи перевороту. Нормэнби просилъ у Пальмерстона объясненія такого двуличнаго поведенія. Россель требовалъ отчета за такой анти-конституціонный поступокъ, и бомбардировалъ Пальмерстона письмами, а Пальмерстонъ отмалчивался и только 17-го декабря препроводилъ къ неугомонному лорду Джону свою депешу отъ 16-го декабря къ Нормэнби, въ которой давалъ объясненіе своего поведенія:

«Что касается — писалъ онъ — до одобренія или осужденія акта, которымъ президентъ *распустилъ* законодательное собраніе, я полагаю, что право произнести о томъ сужденіе не принадлежитъ ни министру, ни посланнику Англіи, а только самой и одной Франціи. Но если вы желаете знать мое частное мнѣніе о перемѣнѣ, происшедшей во Франціи, то я скажу вамъ, что антагонизмъ между президентомъ и собраніемъ дошелъ до такой степени, что съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что

Digitized by Google

они не могутъ существовать вмѣстѣ. При такомъ положеніи, мнѣ кажется *предпочтительнѣе*, для интересовъ Франціи, а *чрезъ то и для интересовъ всей остальной Европы*, чтобъ власть президента взяла верхъ. *Установленіе его власти есть залогъ для установленія общественнаго порядка.* При раздѣленіи партій и мнѣній, которыя царили въ собраніи, побѣда надъ президентомъ была бы началомъ гражданской войны, самой бѣдственной. Вѣрно мое мнѣніе или нѣтъ, но оно подтверждается многими лицами, интересы коихъ связаны съ Франціей, подтверждается во всякомъ случаѣ настолько, *насколько сильное повышеніе въ общественныхъ фондахъ и во всѣхъ другихъ цѣнностяхъ можетъ быть принято за симптомъ увѣренности, въ возстановленіи и въ преуспѣяніи внутренняго спокойствія*».

Неисправимый министръ и эту депешу отправилъ ранѣе, чѣмъ сообщилъ копію съ нея Росселю. Россель не вынесъ такого обращенія, созвалъ министерскій совѣтъ, объявилъ, что Пальмерстонъ за свое поведеніе заслуживаетъ быть вышвырнутымъ за дверь, и, съ согласія своихъ товарищей, отправился къ королевѣ, которая подписала отставку Пальмерстона. Въ отвѣтъ на всѣ оправданія послѣдняго, Россель отвѣтилъ коротко и ясно: «вопросъ не въ томъ, можетъ ли быть оправданъ президентъ въ распущеніи собранія и уничтоженіи конституціи, а въ томъ, имѣли ли вы право, какъ государственный секретарь королевы, выражать свое мнѣніе объ этомъ событіи».

Отставка Пальмерстона была однако дѣломъ чисто-личнымъ и нисколько не измѣняла дружелюбнаго, сочувственнаго отношенія англійскаго министерства къ перевороту. Напротивъ, лордъ Россель даже поспѣшилъ смѣнить Нормэнби, который относился не совсѣмъ пріязненно къ французскому правительству, и назначить на его мѣсто лорда Коулей. Вслѣдъ затѣмъ, Пальмерстонъ отмстилъ лорду Джону и помогъ торійской партіи свергнуть вигское министерство. Въ новомъ кабинетѣ, мѣсто иностраннаго министра занялъ личный другъ Наполеона, лордъ Мальмсбюри.

Побѣду торійскаго министерства спѣшили привѣтствовать всѣ европейскіе дворы, и прежде всѣхъ, преемникъ Меттерниха, князь Шварценбергъ. Онъ видѣлъ теперь въ англійскомъ кабинетѣ возможность поддержки его стратегическимъ видамъ. По извѣщеніи о переворотѣ, сѣверныя державы заявили, почти въ одинаковой формѣ, чрезъ своихъ представителей французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что *декреты 2-го декабря касаются внутреннихъ дѣлъ Франціи, въ которыя иностранные кабинеты не имѣютъ основанія вмѣшиваться*, и что, по-мимо этого, имъ

Digitized by Google

можетъ представляться побѣда правительства надъ крайнею демократіей только какъ весьма желанное и радостное событіе».

Не такъ скроменъ однако и не такъ воздержанъ на языкѣ былъ князь Шварценбергъ въ своемъ меморандумѣ, адресованномъ иностраннымъ дворамъ 29-го декабря 52-го года. Этотъ меморандумъ дѣйствительно достоинъ памяти; въ немъ разбирались всѣ великія выгоды переворота, и побѣда Наполеона казалась Шварценбергу столь прелестною для всей Европы, что онъ всѣми силами старался доказать иностраннымъ державамъ, чтобъ они смѣло махнули рукой на трактаты 1815 года и впередъ рѣшили бы немедля признать за Бонапартомъ титулъ императора, какъ только онъ захочетъ того, а онъ-де навѣрное тотчасъ же захочетъ! Князь Шварценбергъ до того увлекся, что забывъ о началахъ австрійской монархіи, забывъ объ обязательствахъ всѣхъ монархій относительно бурбонской легитимности,—вздумалъ поносить даже Бурбоновъ не менѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ «крамольниковъ», за ихъ конституціонные помыслы.

«Такъ какъ Луи-Наполеонъ — писалъ Шварценбергъ—взялъ примѣръ своего дяди въ руководство всѣхъ своихъ дѣйствій, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ концѣ его желаній и его честолюбія явится имперія... Половина Франціи находится въ осадномъ положеніи; пресса въ цѣпяхъ; люди, наиболѣе видные, оппозиція которыхъ была опасна для президента—находятся по бо́льшей части въ тюрьмѣ или изгнаніи; соціалистская партія раздавлена; легитимистская партія устранена. Это положеніе слишкомъ полно искушенія, чтобъ не побуждать Луи-Наполеона на скорѣйшее исполненіе его плановъ...

«2-й пунктъ союзнаго договора, заключеннаго въ Парижѣ 20-го ноября 1815 г. Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей, налагаетъ на эти державы обязательство—поддерживать въ полной силѣ, и, еслибъ требовалось, всѣми ихъ средствами, исключеніе на-вѣчно Наполеона Бонапарта и его фамиліи изъ права верховной власти во Франціи. Безъ сомнѣнія, если союзныя державы считаютъ тотъ договоръ *буквально* обязательнымъ еще и теперь, то онѣ никогда не будутъ имѣть возможности признать Луи-Наполеона императоромъ. Съ другой стороны, трактаты 1815-го года составляли до сихъ поръ основу ихъ политики и представлялись имъ лучшею гарантіей мира... Но, разсмотримъ *безпристрастно* истинную цѣль и главную тенденцію трактатовъ и посмотримъ, нельзя ли, отдаляясь отъ буквы, все же сохранить духъ трактата...

«Въ то время, когда составлялись тѣ трактаты, союзныя державы основательно *смотрѣли на Наполеонидовъ, какъ на са-*

Digitized by Google

мыхъ безпощадныхъ нарушителей и на самыхъ опасныхъ враговъ спокойствія Европы.

«Теперь, роли распредѣлены иначе. Мы не будемъ предаваться иллюзіи и разсчитывать на долгую продолжительность и на установленіе спокойствія въ странѣ, въ которой революція находится постоянно на очереди (où la révolution est en permanence), и въ средѣ націи, которой главная характеристическая черта—*подвижность, движеніе.* Но для настоящаго времени и для близкаго будущаго мы считаемъ основательнымъ смотрѣть на Луи-Наполеона, какъ на лучшую, какъ на единую опору порядка во Франціи.

«Напротивъ того, Бурбоны, еслибъ они вздумали возвратить себѣ правленіе Франціей, должны были бы начать съ того, чтобъ все перевернуть. Ихъ *склонность къ конституціонной системѣ* внушила бы намъ опасенія за будущность, между тѣмъ, какъ монархическія тенденціи Луи-Наполеона внушаютъ намъ довѣріе, какое бы ни было при этомъ происхожденіе его власти и произвольное употребленіе ею, какимъ онъ пользуется...

«Впрочемъ, мы сомнѣваемся, чтобъ для вѣнскаго, петербургскаго и берлинскаго кабинета было теперь еще время заявлять о своихъ обязательствахъ 1815 года. Президентъ Луи-Наполеонъ, особенно съ событій 2-го декабря, обладаетъ уже верховною властью во Франціи, отъ которой его отлучалъ вышеприведенный договоръ. Еслибъ державы, подписавшія тотъ договоръ, имѣли намѣреніе привести его въ буквальное исполненіе, то онѣ должны бы ранѣе протестовать противъ узурпаціи Луи-Наполеона и не признавать его какъ президента. Перемѣна этого титула на титулъ императора будетъ только замѣною одного слова другимъ... Но развѣ этого вопроса о титулѣ было бы достаточно для того, чтобъ подвергать опасности изъ-за него общественное спокойствіе? Прежде, когда Россія и Австрія порвали сношенія съ Наполеономъ I за принятіе имъ императорскаго титула, положеніе было другое: его честолюбіе и его покушенія обличали воинственную политику...

«Теперь нѣтъ этихъ поводовъ къ войнѣ. Луи-Наполеонъ увѣряетъ въ своей любви къ миру, и отрицаетъ всякій помыселъ о нападеніи. *Мы вѣримъ въ искренность его увѣреній, ибо они согласуются съ его интересомъ. Неудачная война привела бы къ его паденію,* а удачная война создала бы только опасныхъ для него соперниковъ—отличившихся на полѣ битвы...

«Нисколько не оспаривая, мы признаемъ, какъ уже другіе то сдѣлали раньше насъ, что вступленіе Луи-Наполеона на престолъ можетъ даже быть обращено къ выгодѣ Бурбоновъ и къ

Digitized by Google

ихъ будущему возстановленію; что вообще надо смотрѣть на это событіе не какъ на конецъ французской революціи, но какъ на промежуточную, посредствующую фазу между революціей и прочнымъ порядкомъ... *Бурбоновъ погубила парламентская система, введенная ими во Франціи*; Луи-Наполеонъ *раздѣлался* по справедливости съ этой системой, и если ему удастся *покончить* еще съ свободой прессы, то онъ сдѣлаетъ Францію гораздо болѣе *удобною для управленія* (gouvernable), чѣмъ она была прежде... Еслибъ позже его тронъ рушился, и еслибъ Бурбоны тогда снова успѣли занять его, ихъ царство возобновилось бы при гораздо болѣе благопріятной обстановкѣ, чѣмъ при ихъ реставраціи въ 1815-мъ году...

«Разсмотримъ также вопросъ о признаніи Луи-Наполеона императоромъ съ другой точки зрѣнія, касающейся отношеній Англіи и Франціи. Сходство учрежденій правительственной системы въ Англіи и Франціи было основою ихъ союза. По мѣрѣ того, какъ Франція возвратится къ учрежденіямъ *монархическимъ*, ея правительство *пріобрѣтетъ силу*, бывъ парализовано до сихъ поръ *парламентскими* формами, сообразно желанію и интересу своей естественной соперницы.

«Вотъ гдѣ лежатъ причины, которыя побудятъ Англію отнестись непріязненно къ перемѣнамъ во Франціи, и которыя должны побудить союзныя державы къ *изолированію* Англіи, посредствомъ сближенія съ Наполеономъ... Въ противномъ случаѣ, сама Англія сблизится съ Наполеономъ и въ его благодарности за ея поспѣшность найдетъ себѣ вѣрный союзъ для борьбы, которая рано или поздно можетъ разразиться между нею и союзными державами. Такое положеніе было бы существенно противно интересамъ Австріи, Россіи и Пруссіи, *замедляя снова возвратъ старой политической системы Европы*, при которой Франція, спокойная внутри, управляемая монархическими учрежденіями, представляла собою самую могучую плотину противъ вторженій и преобладанія Англіи.

«....Конечно, новая имперія должна будетъ дать намъ самое положительное удостовѣреніе въ томъ, что перемѣна титула Наполеона будетъ касаться только внутренняго управленія Франціи, и сохранитъ неприкосновенными внѣшнія отношенія страны съ иностраннымъ дворамъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ установили трактаты, особенно касательно разграниченія государствъ. Луи-Наполеонъ долженъ будетъ дать державамъ формальное удостовѣреніе, что, вмѣстѣ съ титуломъ своего дяди, онъ не предпримѣтъ снова воинственной политики вторженій первой имперіи.

«Союзные государи предупредятъ императора французовъ,

Digitized by Google

въ противномъ случаѣ онъ встрѣтилъ бы ихъ болѣе чѣмъ когда-либо соединенными рѣшимостью отразить всякое нападеніе и всякое нарушеніе status quo, установленнаго трактатами.... Дипломатическіе агенты не оставятъ ни на минуту Парижа при перемѣнѣ правленія: ихъ отъѣздъ могъ бы быть истолкованъ, какъ начало разрыва и *подвергъ бы опасности Австрію и Пруссію, которыя занимаютъ аванпостъ и наиболѣе подвержены вторженію*».

Таково было содержаніе памятнаго посланія Шварценберга къ прусскому и русскому дворамъ. Несмотря на солидарность тогдашней политики, оно не произвело выгоднаго впечатлѣнія на читавшихъ его, и если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что оно дѣйствительно было полно противорѣчій и отличалось іезуитизмомъ и легкомысліемъ, непростительнымъ для государственнаго человѣка, мечтавшаго занять первенствующее мѣсто Меттерниха. Онъ силился увѣрить, что признаніе Луи-Наполеона императоромъ не будетъ нарушеніемъ трактатовъ 1815-го года, и въ то же время, какъ будто самъ не замѣчалъ, что всѣми своими доводами проповѣдуетъ политику, въ прахъ уничтожающую тѣ трактаты, но не въ благопріятномъ, а во враждебномъ для цивилизаціи смыслѣ! Бурбоны — говоритъ онъ, погибли изъ-за своихъ *конституціонныхъ* тенденцій, а Луи-Наполеонъ сотретъ съ лица континента всякіе помыслы о конституціонной системѣ; а между тѣмъ, въ силу же самыхъ трактатовъ, Людовикъ XVIII обязывался быть вѣренъ конституціонной хартіи, которую французы получили почти изъ рукъ Александра I, и нарушеніе Людовикомъ XVIII конституціи равнялось бы нарушенію международныхъ трактатовъ. Шварценбергъ шелъ далѣе и прямо выражалъ свое стремленіе — вернуть Европу къ феодальнымъ временамъ, къ *старой* политической системѣ, и оградить ее отъ *либерализма* Англіи цѣлою кордонною линіей союза континентальныхъ державъ; онъ забывалъ, что *изолированіе* Англіи было точно также цѣлью *континентальной* системы Наполеона I-го! Надо дать силу и могущество Франціи — проповѣдывалъ Шварценбергъ—для того, чтобъ она была плотиною противъ Англіи, и онъ воображалъ, что сила и могущество Франціи могутъ быть направлены только противъ Англіи, а отнюдь не противъ ближайшихъ сосѣдей! Позднѣйшія событія, начиная съ крымской войны, и даже ранѣе, обличили всю близорукость и несостоятельность государственнаго мужа Австріи, который уговаривалъ сѣверные дворы довѣриться на-слово Луи-Наполеону и удовольствоваться тѣмъ, что пригрозить ему гнѣвомъ, въ случаѣ возоб-

Digitized by Google

новленія воинственной политики дяди! И затѣвая такую опасную игру, довѣряя спокойствіе Европы на-слово Бонапарту, самъ Шварценбергъ объявлялъ, что, конечно, нечего разсчитывать на долгое продолженіе спокойствія во Франціи!

Проповѣдуя сѣвернымъ кабинетамъ необходимость изолированія Англіи, Шварценбергъ пѣлъ совсѣмъ другую пѣсню, обращаясь къ англійскому кабинету. Чрезвычайно курьезно, послѣ прочтенія перваго документа объ антагонизмѣ двухъ принциповъ — абсолютнаго на континентѣ и конституціоннаго на островѣ, — о враждѣ, которая должна будетъ возникнуть между Англіей и Франціей, при различіи политической системы — читать вдругъ, въ другомъ документѣ, увѣреніе того же Шварценберга въ вѣчной и несокрушимой дружбѣ Австріи къ Англіи во имя однѣхъ и тѣхъ же началъ!

«Еще съ конца прошлаго вѣка, въ эпоху общихъ опасностей и тріумфовъ, австрійское правительство привыкло разсчитывать на Англію, какъ на вѣрнаго друга, внѣ всякаго искушенія. Ничего не было въ Австріи популярнѣе англійскаго союза. Да и какъ же могло быть иначе, когда этотъ союзъ былъ основанъ на взаимныхъ политическихъ интересахъ — *вполнѣ тождественныхъ*.

Вслѣдъ затѣмъ, Шварценбергъ дѣйствительно жаловался на англійскія симпатіи къ движенію 1848-го года въ Австріи и Италіи, но тотчасъ же спѣшилъ увѣрить, что онъ надѣется на прочный союзъ съ Англіей предъ опасностью, потому что «хотя новая власть во Франціи и поставила себѣ задачей подавленіе всѣхъ смѣлыхъ партій, но *крайняя подвижность французскаго характера* и *врожденный* духъ буйства въ той націи не представляютъ собою прочныхъ гарантій для будущаго; поэтому-то, для огражденія отъ такой грозы общему состоянію, надо совершенное согласіе и искреннее единодушіе всѣхъ великихъ державъ. Съ нашей стороны, мы готовы сдѣлать все зависящее отъ насъ для достиженія такого согласія».

Что именно готовъ былъ Шварценбергъ сдѣлать для *согласія* съ Англіей,—это мы видѣли по предыдущему документу!

Другой характеръ представляютъ собою дипломатическія депеши графа Нессельроде. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ предвидѣлъ, какія послѣдствія могутъ выйти изъ провозглашенія имперіи. Уже самъ императоръ Николай I предупреждалъ португальскаго посланника при русскомъ дворѣ, барона Паива, о томъ, чтобъ Луи-Наполеонъ не мечталъ объ императорскомъ тронѣ: «Пусть онъ будетъ президентомъ — я

Digitized by Google

даже согласенъ на 10 лѣтъ, пожизненно, но ради Бога, пусть не мечтаетъ онъ о провозглашеніи себя императоромъ. При существующихъ трактатахъ, при принятыхъ обязательствахъ, это могло бы подать поводъ къ важнымъ затрудненіямъ. Что касается до орлеанистовъ, то о нихъ нечего думать, пусть они только держатся спокойно».

Въ этомъ же духѣ высказался императоръ Николай французскому посланнику, генералу Кастельбажаку (Castelbajac). Посланникъ, будучи легитимистомъ, весьма радъ былъ услышать императорское мнѣніе, надѣясь, что Наполеонъ не захочетъ ссориться съ Россіей, не посмѣетъ провозгласить себя императоромъ и такимъ образомъ оставитъ возможность возвращенію Бурбоновъ.

Англійская политика рѣшилась противодѣйствовать мнѣнію русскаго двора: съ ея мелочной, узкой точки зрѣнія того времени, ей представлялось выгоднымъ, чтобъ Наполеонъ принялъ императорскій титулъ, потому что, въ такомъ случаѣ, она могла разсчитывать на ссору или, по крайней мѣрѣ, на охлажденіе между Россіей и Франціей, и извлечь изъ того свои выгоды. Руководясь этимъ, англійскій кабинетъ отклонилъ предложеніе русскаго—какъ о совокупномъ представленіи Наполеону о неудобствѣ принятія имъ императорскаго титула, такъ и о совокупномъ рѣшеніи о признаніи или непризнаніи Наполеона императоромъ. Такимъ образомъ, державы принуждены были дѣйствовать отдѣльно, и графъ Нессельроде писалъ Киселеву въ конфиденціальной депешѣ, въ ноябрѣ 1852:

«Г. де Кастельбажакъ далъ мнѣ на этихъ дняхъ офиціозныя объясненія о возстановленіи имперіи во Франціи, о взглядахъ на то иностранныхъ дворовъ и преимущественно о томъ, что слѣдовало заключить изъ цифры *Третій*, которую сенатъ преподнесъ будущему императору...

«Онъ очень много распространялся о залогѣ прочности и порядка, которыя заключаются для Франціи, а слѣдовательно и для Европы, въ *императорской* наслѣдственной монархіи... Что касается до «Наполеона III-го», то, по его увѣренію, эта цифра не означаетъ никакого притязанія на императорскую легитимность (légitimité impériale), и что она сообразна съ исторіей, такъ какъ Наполеонъ II царствовалъ нѣсколько дней во Франціи, на фактѣ и по праву, въ силу отреченія его отца и признанія его палатами...

«Я долженъ признаться, что всѣ объясненія г. Кастельбажака представляются мнѣ малоосновательными...

«Будущее рѣшитъ, насколько можетъ быть жизненности въ монархическомъ режимѣ, опирающемся за-разъ на наслѣдствен-

Digitized by Google

ность и на избраніе, на эти два начала, кои, по моему мнѣнію, исключаютъ и убиваютъ другъ друга. Въ данную минуту это не касается насъ.

«*Мы не имѣемъ ни права, ни претензіи указывать французской націи, какого рода и какой формы правительство должна она избрать въ своемъ интересѣ. Это, какъ вѣрно говоритъ г. Кастельбажакъ, только вопросъ предпочтенія, вопросъ чисто-французскій, до котораго намъ не должно быть дѣла.*

«Но не совсѣмъ таково наше положеніе относительно вопроса о династіи и цифрѣ, свидѣтельствующей *о реставраціи* династіи во Франціи.

«Это уже касается фактовъ, актовъ, обязательствъ, всей цѣлости международныхъ отношеній, къ которымъ Европа никогда не оставалась и не можетъ оставаться чуждою или равнодушною. Европа имѣетъ право заниматься этимъ вопросомъ, ибо общая исторія послѣднихъ 38-ми лѣтъ не состоитъ только изъ того или другого особаго факта, который въ тотъ или другой день могъ произойти во Франціи. Европа имѣетъ свою долю въ этой исторіи и не можетъ отречься отъ нея.....

«Цифра *III* совершенно достаточна для того, чтобъ возобновить всю династическую традицію.... Намъ говорятъ, что на фактѣ и по праву Наполеонъ II царствовалъ, что его провозгласили палаты, что отъ его имени были изданы акты. Это можетъ быть годится для Франціи, но для Европы дѣло представляется иначе. Для Европы, начиная съ 1814-го года, самъ Наполеонъ I пересталъ царствовать во Франціи; онъ не могъ, слѣдовательно, отречься въ 1815-мъ году въ пользу своего отсутствовавшаго сына, который, поэтому, въ глазахъ всего остальнаго міра, не царствовалъ ни на фактѣ, ни въ правѣ.

«И вотъ, чрезъ 38-мь лѣтъ, въ продолженіи которыхъ нашъ взглядъ былъ установленъ и фактами и обязательствами, подписанными самой Франціей, вдругъ Франція и Европа оказываются стоящими на совершенно противоположной почвѣ. Вдругъ являются, намѣренно-поставленныя лицомъ къ лицу, *двѣ* исторіи и *два* общественныя права. Франція можетъ желать этого, и ея правительство можетъ намъ объявлять это. Но пусть оно не говоритъ, что это новое положеніе не представляетъ ничего такого, что было бы способно возбудить безпокойство Европы, ничего такого, что заключало бы въ себѣ публичное отрицаніе, данное нашимъ словамъ и нашимъ дѣйствіямъ.

«Посланіе президента Сенату было болѣе откровенно, въ томъ нужно отдать ему справедливость; безъ увертокъ, безъ софизмовъ, безъ искусственной рѣчи, онъ говоритъ намъ прямо и ясно, что возстановляя императорскую династію, Франція под-

Digitized by Google

нимаетъ съ сознаніемъ то, что Европа свергнула, и что она намѣрена, такимъ образомъ, отплатить за 1815-й годъ.

«Развѣ это дѣло чисто-французское? Намъ кажется, что мы имѣемъ право нѣсколько озабочиваться о послѣдствіяхъ подобной отплаты.

«Мы не можемъ не жалѣть, что французское правительство—бросая вызовъ прошлому, поднимая вопросы права и принципа, тамъ, гдѣ слѣдовало бы оставаться въ области фактовъ,—захотѣло сознательно и напрасно усложнять положеніе и свое, и наше.

«...Оно говоритъ, что оно одушевлено желаніемъ мира, и оно первое спѣшитъ взывать къ воспоминаніямъ, и воскрешать страсти, которыя насъ возвращаютъ къ эпохѣ войны....

«Всѣ были хорошо расположены къ *нему*...

«Всѣ вѣрили въ его умѣренность и осторожность; ему были благодарны за возстановленіе во Франціи силы власти и за содѣйствіе чрезъ то упроченію повсюду уже одержанныхъ, правительствами и арміями, побѣдъ надъ революціонною анархіей... всѣ были готовы пожертвовать, въ пользу личности президента, буквальнымъ смысломъ обязательствъ, которыя другія времена и иныя обстоятельства заставили принять относительно его фамиліи. Но что же сказать теперь, когда онъ самъ оживляетъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ и заставляетъ насъ, помимо нашего желанія, или обратиться къ строгому разсмотрѣнію всѣхъ *горячихъ* вопросовъ, относящихся до дѣла, или же, если мы сохранимъ молчаніе, подчиняться добровольно, видя уничтоженіе всѣхъ нашихъ дѣйствій и политическихъ антецедентовъ...

«Если, при такомъ положеніи, французское правительство останется изолированнымъ, то оно добивалось этого; и если, для выхода изъ своего изолированія, оно захочетъ обратиться къ смѣлымъ комбинаціямъ, то, еще разъ, только оно само, будетъ отвѣтствовать за послѣдствія въ глазахъ Европы и Франціи».

Вторая часть депеши графа Нессельроде входитъ въ разбирательство другого вопроса, весьма важнаго для исторіи. Вопросъ шелъ о томъ, на какомъ основаніи Луи-Наполеонъ могъ такъ самоувѣренно разсчитывать на симпатіи всѣхъ кабинетовъ Европы?... Франція, какъ мы видѣли, привѣтствовала его какъ спасителя порядка и охранителя ея покоя. Изъ дальнѣйшихъ словъ графа Нессельроде болѣе чѣмъ изъ чего-либо видно, что Луи-Наполеонъ требовалъ, чтобъ на него также смотрѣла и вся Европа и помогала его планамъ, въ знакъ благодарности. Изъ записки Шварценберга очевидно, что австрійскій дипломатъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе Луи-Наполеона, хотя и ограничивалъ свое довѣріе извѣстнымъ временемъ и въ сущности не вѣрилъ въ прочность Бонапартовскаго режима, гадая о новыхъ смутахъ,

Digitized by Google

которыми могли бы воспользоваться Бурбоны. Графъ Нессельроде смотрѣлъ на заслуги Луи-Наполеона нѣсколько иначе:

«Если я хорошо понялъ — писалъ онъ Киселеву — смыслъ данныхъ намъ объясненій, французское правительство руководится той мыслью, что такъ какъ будущій императоръ охранилъ міръ отъ анархіи, то нѣтъ ничего такого, чего бы онъ, въ интересѣ блага всѣхъ, не могъ ожидать отъ содѣйствія благодарной Европы для упроченія его власти.

«Такъ какъ эта тема весьма часто повторяется и преувеличивается во всемъ, что говорится и пишется во Франціи, и такъ какъ, если послушать извѣстныхъ лицъ, можетъ показаться, что безъ принца-президента, провозглашаемаго спасителемъ міра, вся Европа погибла бы въ кризисѣ 1852-го года, то полезно возстановить разъ навсегда *мѣру* нашихъ истинныхъ чувствъ и того, что отъ нихъ въ правѣ ожидать (la *mésure* de nos véritables sentiments et de ce que l'on est en droit d'en attendre).

«Не мы конечно станемъ уменьшать цѣну, напротивъ, мы всегда признавали, какъ и теперь громко признаемъ большую долю, которую принялъ на себя принцъ Луи-Наполеонъ въ общемъ возстановленіи порядка. Это справедливость, которую императору самому было угодно отдать себѣ съ перваго же момента. Но не нужно, чтобъ французское правительство увеличивало слишкомъ много значеніе этой добросовѣстной и откровенной оцѣнки, и чтобъ оно желало слишкомъ много требовать въ отплату за услугу, которую оно оказало дѣлу другихъ государствъ, служа своему собственному дѣлу.

«Какъ бы ни было велико вліяніе Франціи на ея сосѣдей,— въ отношеніи зла какъ и въ отношеніи добра,—намъ вовсе еще не доказано, что, еслибъ анархія, которой положило конецъ 2-ое декабря, восторжествовала во Франціи въ 1852-го г., то вся Европа была бы неизбѣжно осуждена погибнуть съ своей цивилизаціей въ общей пропасти.

«Пусть постараются не забывать, что послѣ смутъ, порожденныхъ повсюду въ 1848-мъ г., вся Европа успѣла спасти себя отъ нихъ своими собственными силами, и въ то время какъ одна Франція продолжала мучиться съ своей невозможною конституціей, другія правительства одолѣли окончательно демократическую факцію.

«Въ Сициліи, въ Неаполѣ, во Флоренціи, возстаніе было задушено военной силою. Оно также было подавлено въ Прагѣ и Вѣнѣ. Въ Венеціанской области и Ломбардіи оно бѣжало предъ побѣдоносными знаменами Австріи. Въ Германіи парламентъ былъ разогнанъ, революціонные клубы закрыты, демаго-

Digitized by Google

гическія собранія разсѣяны. Вѣрная прусская армія, возстановивъ порядокъ въ Познани и Берлинѣ, помогла возстановленію его въ Баденѣ, Палатинатѣ и Саксоніи. Въ Венгріи, наконецъ, вооруженное возмущеніе видѣло снесенною свою послѣднюю голову, и повсюду, *исключая Франціи*, государи и правительства снова утвердились, опираясь на свою власть и на уваженіе ихъ военной силы.

«Безъ сомнѣнія, пока Франція находилась въ броженіи, внутреннее состояніе другихъ странъ оставалось постоянно не удовлетворительнымъ, и представляло, если не перспективу неизбѣжнаго разложенія, то все же поводъ къ постоянной бдительности.

«Но кризисъ, которымъ соціализмъ угрожалъ Франціи въ 1852-мъ г., не могъ насъ застать врасплохъ; мы были достаточно предупреждены; *арміи* вынесли изъ услугъ, оказанныхъ ими, внутреннее сознаніе *своей силы* и глубокое чувство вѣрности своимъ знаменамъ. И еслибъ соціализмъ, оправдывая паническій страхъ, и ободренный своимъ взрывомъ во Франціи, захотѣлъ бы попробовать осуществить внѣ Франціи свои *угрозы*, — то *солдаты* Австріи и Пруссіи, *наши* солдаты въ случаѣ нужды, охранили бы спасеніе общества съ тою же горячностью, съ тою же преданностью, какія выказала въ Парижѣ и въ департаментахъ храбрая французская армія.

«Мы были избавлены отъ этого испытанія, и, еще разъ, мы цѣнимъ вліяніе, которое актъ 2-го декабря имѣлъ на установленіе общаго спокойствія. Но то, чего мы требуемъ въ свою очередь—это, чтобъ французское правительство не превышало чрезмѣрно нашихъ опасностей и нашихъ обязательствъ предъ нимъ, до того, чтобъ хотѣть заставить насъ видѣть долгъ благодарности въ уступкахъ, мало согласныхъ съ нашимъ достоинствомъ».

Весьма поучительно сопоставить рядомъ съ этимъ сужденіемъ, мнѣніе патріарха старой дипломатіи—князя Меттерниха.

Въ мартѣ 1852-го года онъ писалъ въ родѣ своей оффиціальной исповѣди лорду Эбердину, прося лорда поправить его мнѣніе, если онъ ошибается! Поспѣшная прогулка въ неурочный часъ изъ Вѣны, повидимому, не оставила тяжкихъ слѣдовъ на человѣкѣ, видавшемъ на своемъ вѣку всякіе виды; несмотря на мартовскіе крики о введеніи конституціоннаго порядка, крики, неудовлетвореніе которымъ привело къ грозному возстанію, заставившему бѣжать Меттерниха,—онъ по прежнему злобствуетъ на конституціонализмъ и всю бѣду видитъ въ немъ, а вовсе не въ соціализмѣ. Онъ прежде всего жестоко порицаетъ либеральныя вѣзни Пальмерстона, «поведеніе котораго встрѣчало симпатіи въ Австріи только въ презрѣнномъ и *слабомъ*, по числу, классѣ—умовъ, потерянныхъ въ области соціальнаго и политическаго радикализма... «Нынѣшнее состояніе Европы есть плодъ увле-

Digitized by Google

ченій и ошибокъ, въ которыя ввергли Европу въ послѣдніе 62 года коварные люди. Ничего уже не удивляетъ меня изъ всего, что происходитъ теперь въ самомъ центрѣ, откуда распространилось зло (Франція); все представляется мнѣ плодомъ тѣхъ фазъ, которыми шла Франція въ продолженіи этого долгаго промежутка времени, и особенно плодомъ тѣхъ фазъ, которыя были порождены самими же правительствами этой несчастной страны со времени общаго политическаго мира, правительствами, самими же ставшими жертвами своихъ начинаній.... Такъ, 1814 и 15-й годы породили 1830; 1830-й породилъ 1848-й г.; и переворотъ 1851-го г. отвѣчаетъ дѣлу 1848-го г. *Каковы будутъ плоды 1851-го года* — мы ничего не можемъ предсказать такого, что могло бы имѣть значеніе предусмотрѣнности, основанной на раціональныхъ выводахъ»...

Плоды 1851-го года не замедлили явиться! Протесты русскаго двора остались безъ послѣдствій и вызвали только дерзости со стороны Бонапарта и его министровъ. Въ отвѣтъ на первое представленіе Киселевымъ воззрѣній русскаго правительства объ опасности возстановленія имперіи, о томъ, что подобное возстановленіе пробудитъ во французской арміи энтузіазмъ вслѣдствіе традиціи о «ея великихъ временахъ», что этотъ энтузіазмъ, потребующій великихъ подвиговъ, трудно будетъ обуздать, и что если Наполеонъ будетъ вслѣдствіе того принужденъ вести войну, то встрѣтитъ противъ себя соединенною всю Европу,—Бонапартъ отвѣчалъ, что *подобныя опасенія неосновательны*, и что *онъ всегда сумѣетъ отразить всякое покушеніе на достоинство и независимость Франціи, представленныя въ его лицѣ*...

Въ отвѣтъ на приведенную нами депешу графа Нессельроде, Друэнъ-де-Люи еще грубѣе замѣтилъ Киселеву, что онъ не можетъ допустить разсужденія о совершившемся фактѣ, и что поэтому ему нечего сказать на депешу Нессельроде, кромѣ выраженія своего удивленія предъ *изяществомъ стиля!*

Киселевъ возразилъ, что «дѣло идетъ не объ изяществѣ стиля, на который въ Петербургѣ не имѣютъ особаго притязанія, а о томъ, что удивляться слѣдуетъ не стилю, а выраженію графомъ Нессельроде желанія избѣжать, посредствомъ обмѣна прямыхъ заявленій, всякаго повода къ недоразумѣніямъ между двумя правительствами», и на этомъ дипломатическія увѣщанія покончились.

Имперія Бонапарта воцарилась во Франціи и начала дѣйствовать по-своему. Прежде всего ея вмѣшательство постигло мелкія державы, изъ-за предлога объ изгнанникахъ и политическихъ эмигрантахъ. Вторая имперія дебютировала тѣмъ, что хотѣла сдѣлать изъ Швейцаріи и Бельгіи свои покорныя префектуры, въ

Digitized by Google

ожиданіи благопріятнаго случая для присоединенія того или другого клочка чужой земли. Забывъ, что онъ самъ когда-то былъ эмигрантомъ въ Швейцаріи, которая защищала его съ смѣлостью и достоинствомъ противъ требованій Луи-Филиппа, Бонапартъ потребовалъ отъ швейцарскаго федеральнаго правительства, чтобъ оно дало власть французскому посланнику въ Бернѣ безусловно распоряжаться судьбою и мѣстопребываніемъ французскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи и требовать безъ всякихъ мотивовъ и объясненій изгнанія изъ Швейцаріи тѣхъ, кого ему вздумается. Положеніе Швейцаріи становилось критическое. Австрія, одна изъ державъ гарантировавшихъ нейтралитетъ Швейцаріи, участвовала самымъ позорнымъ образомъ въ покушеніи Бонапарта на швейцарскую независимость: она просто предложила ему совокупное вооруженное занятіе Швейцаріи! Къ счастію послѣдней, за нее стояла *Англія*, объявившая французскому кабинету, что дѣло идетъ о нарушеніи трактатовъ, подписанныхъ ею и гарантирующихъ независимость республики, и несмотря на рѣзкіе отвѣты Англіи, что ей дѣла нѣтъ до *внутренней* политики, до отношеній Франціи къ другой странѣ, Бонапартъ немного смутился и военная гроза разсѣялась надъ Швейцаріей.

Гораздо болѣе встревожило Европу вмѣшательство Бонапарта въ бельгійскія дѣла изъ-за того же самого повода, объ эмигрантахъ. Застрѣльщикъ и запѣвало императорскихъ мамелюковъ, другъ и совѣтникъ Наполеона III-го, Гранье (де-Кассаньякъ) выступилъ на сцену во всеоружіи своего чернильнаго величія противъ враждебнаго отношенія Бельгіи къ декабрьскому перевороту, и требовалъ, чтобъ она вступила съ Франціей въ таможенный союзъ вмѣстѣ съ Голландіей, Испаніей и Сардиніей, въ противувѣсъ германскому таможенному союзу: «Это будетъ осуществленіемъ *гигантской* идеи императора (Наполеона I-го) безъ уничиженія династій и безъ уничтоженія національностей», и грозилъ въ противномъ случаѣ прекращеніемъ всѣхъ «коммерческихъ сношеній».

Мамелюкъ надѣлалъ скандалъ и произвелъ бурю преждевременно; онъ хотѣлъ быть plus impérialiste que l'empereur, и императоръ Наполеонъ III принужденъ былъ дать ему выговоръ въ «Монитерѣ», отрицая солидарность правительства съ «Constitutionnel'емъ»; но «Constitutionnel» настаивалъ на своемъ, объясняя, что «человѣкъ, имѣющій честь быть другомъ императора, конечно не могъ написать такой вещи, не зная впередъ намѣреній главы государства». Буря могла превратиться въ окончательную грозу; «Constitutionnel» получилъ предостереженія, даже былъ прекращенъ на время, и наконецъ при торжественномъ пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, при которомъ присут-

Digitized by Google

ствовалъ, какъ членъ законодательнаго корпуса, Гранье-де-Кассаньякъ, императоръ «повернулъ ему спину».

Дипломатическій корпусъ на время, повидимому, успокоился, забывъ, что «милые ссорятся, только тѣшатся».

Столкновеніе съ Бельгіей важно было тѣмъ, что здѣсь должна была выступить на сцену Пруссія. Лордъ Блумфильдъ обратился къ барону Мантейфелю для того, чтобъ узнать его мнѣніе о возможности общей вооруженной защиты Бельгіи. Мантейфель отвѣчалъ, что прусскій король, конечно, не питаетъ никакихъ иллюзій на счетъ бонапартовскихъ тенденцій, и твердо рѣшился считать покушеніе на Бельгію за объявленіе войны, и двинуть на Рейнъ 100 тысячъ войска въ теченіи 3-хъ недѣль, и 300 тысячъ въ теченіи шести. На вопросъ Блумфильда о поведеніи Австріи, Мантейфель отвѣчалъ, что врядъ-ли она сразу возьмется за оружіе противъ Франціи, но что позже, во всякомъ случаѣ, будетъ вынуждена выйти изъ нейтралитета, ибо разъ, что Франція начнетъ свою военную политику, то она, конечно, не остановится на Бельгіи, но одновременно нападетъ и на южную Германію, и на Италію.

Объясненія эти подали поводъ Пруссіи искать особаго союза съ Англіей для огражденія и Бельгіи и Рейна отъ наполеоновскихъ покушеній. 1-го января 1853-го г. Бунзенъ увѣдомлялъ Мантейфеля о своихъ переговорахъ съ лордомъ Эбердиномъ и Росселемъ: англійскіе министры объявляли, что они будутъ защищать то, что гарантировано трактатами, т.-е. Бельгію, Прусскую Саксонію и Португалію.

«Все остальное—говорилъ Бунзенъ—должно быть предоставлено политикѣ, а политика Англіи, конечно, не будетъ Наполеоновская (werde sicherlich keine Napoleonische sein!)... Ничего не было бы желательнѣе, какъ еслибъ Пруссія могла быть въ состояніи обладать руководящимъ вліяніемъ на средне- и верхнерейнскія государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть соглашенія съ Голландіей: но насколько возможно Пруссіи стать во главѣ политики, независимой отъ обоихъ императорскихъ дворовъ — объ этомъ теперь здѣсь не могутъ судить....

«Результатомъ всѣхъ переговоровъ является вполнѣ опредѣленное подтвержденіе того, что я уже докладывалъ о невозможности добиться отъ Англіи болѣе широкихъ обѣщаній и о *возможности самостоятельной политики Пруссіи для защиты Германіи, Голландіи и Бельгіи.* Я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ, что теперь возможно приступить къ такой *самостоятельной политикѣ*, и я не менѣе убѣжденъ въ томъ, что только тогда, когда это произойдетъ, мы пріобрѣтемъ здѣсь серьезное довѣріе».

Digitized by Google

Въ этомъ письмѣ Бунзена заключалась, 20 лѣтъ тому назадъ, программа, выполненная въ 1870-мъ году Бисмаркомъ.

1852-й годъ заключился *тайнымъ договоромъ* между представителями дворовъ австрійскаго, русскаго и прусскаго, по которому они единодушно признавали:

«Что перемѣна, происшедшая въ формѣ правленія во Франціи, касается только ея внутренняго устройства (режима); «что вѣрные принципу полнаго невмѣшательства въ домашнія (domestiques) дѣла этой страны, другія державы не считаютъ себя призванными произнести свое мнѣніе о перемѣнѣ.... Что дворы Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи, уважая полную независимость Франціи, принявшей нынѣшнюю форму правленія, установленную желаніемъ націи, — рѣшили признать принца-президента императоромъ французовъ....

«Они надѣются на *добросовѣстность* (la loyauté) императора французовъ въ исполненіи обѣщаній, данныхъ имъ по отношенію къ ненарушимости общаго спокойствія.

«Принимая эти обѣщанія, державы считаютъ ихъ за полное подтвержденіе актовъ предшествовавшихъ правительствъ касательно *территоріальныхъ границъ державъ, основанныхъ на трактатахъ*, въ которыхъ участвовала сама Франція; и наконецъ, — въ полномъ согласіи между собою, дворы австрійскій, великобританскій, прусскій и русскій будутъ продолжать блюсти за охраненіемъ statu quo, освященнаго договорами, служащими гарантіею безопасности ихъ народовъ, точно также, какъ и независимости, цѣлостности и спокойствію всѣхъ государствъ».

Такъ заключился 1852-й годъ, оставляя въ наслѣдство шедшему на смѣну 53-му году кровавую насмѣшку надъ своими идиллиями и надъ торжественными договорами и клятвенными обѣщаніями миролюбивыхъ державъ. Принципъ войны долженъ былъ породить войну! На берегахъ Чернаго моря историкъ можетъ искать слѣдовъ войны или цивилизаціи въ памятныхъ 50-хъ годахъ. Измѣнила Англія; измѣнила Австрія, не рѣшилась Пруссія, обманулась Россія—она думала спасать порядокъ Европы, водворять миръ: она *спасла* австрійскую монархію, она *признала* въ Луи-Бонапартѣ защитника порядка противъ анархіи; и Австрія оставляла ее бороться противъ цѣлой коалиціи, сама же стояла на сторонѣ коалиціи, а Луи-Бонапартъ, конечно, внесъ болѣе анархіи въ европейскій міръ, чѣмъ могла бы внести та анархія, которой напрасно страшилась дипломатія.

Дѣлать выводы изъ всего сказаннаго мы не считаемъ нужнымъ: удовлетворимся простымъ повтореніемъ того, что́ уже

Digitized by Google

не разъ говорили: исторія вовсе не интересна съ архивной точки зрѣнія, но добросовѣстное знакомство съ нею чрезвычайно важно для общества, для того, чтобъ оно не вертѣлось вѣчно въ бѣличьемъ колесѣ, для того, чтобъ заплативъ 20-ти-лѣтнимъ разореніемъ и тревогою, не вздумать повторить новаго подобнаго круговорота, не вздумать видѣть миръ и благоденствіе тамъ, гдѣ только возможны война и бѣдствія.

Въ данномъ случаѣ, взвѣшивая всѣ приведенныя свидѣтельства самой *дипломатіи*, которая протестуетъ противъ Бурбоновъ за ихъ *парламентаризмъ* (мы съ своей стороны полагали, что вѣрнѣе было бы протестовать за *искаженіе* ими парламентаризма!), противъ Бонапартовъ за ихъ милитаризмъ, и которая сама указываетъ на *подвижность* французскаго народа,—можно придти къ заключенію, что для самой Франціи, и еще болѣе для всей Европы,—установленіе во Франціи республики, при искреннемъ, добросовѣстномъ отношеніи къ ней Европы—явилось бы свѣтлымъ началомъ мира, призваннымъ вытѣснить, наконецъ, начало войны. Франція прошла чрезъ всѣ другія формы и не ея вина, что ея правительства, стремясь къ абсолютизму, не съумѣли внушить ей довѣрія къ конституціонной формѣ народнаго представительства.

Что же касается до тѣхъ призраковъ, которые пугали австрійскую дипломатію, и противъ которыхъ она держала на готовѣ арміи,—то, мы полагаемъ, читатель достаточно убѣдился, что напрасны были воинственныя стремленія дипломатіи: то, что только призракъ, то исчезаетъ само собою, и не можетъ внести въ среду народовъ никакихъ зловредныхъ сѣмянъ; то-же, что составляетъ дѣйствительно жизненную прогрессивную идею—то не можетъ быть вытѣснено никакими арміями, и всякая борьба противъ того ведетъ только къ гибельнымъ катастрофамъ. Надо понять, что существенное свойство цивилизаціи — движеніе впередъ, и что человѣчество также не можетъ остановиться въ своемъ ростѣ, въ своемъ стремленіи къ болѣе обширному пользованію всѣми дарами цивилизаціи, какъ и земля не можетъ остановиться въ своемъ вѣчномъ движеніи, безъ того, чтобъ не произошелъ катаклизмъ. Средневѣковые патеры могли мечтать остановить круговращеніе земли, съ цѣлью подтвердить ея неподвижностью свой вѣковой авторитетъ; но они напрасно жгли людей, которые и у костра поучали: e pur se muove!

И. Н.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1870.

Общая военная повинность и наше реальное образованіе. — Черноморскій торговый флотъ тщетно ищетъ у насъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій. — Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа. — Разборъ мнѣнія диллетантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи. — Общій результатъ. — Балтійская дорога и балтійскій край. — Размышленія въ «Балтійскихъ письмахъ» и въ англійской Синей книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы посвятили бо́льшую часть ноябрьской хроники разбору мнѣній о всеобщей военной повинности. Высочайшее повелѣніе 4-го ноября ввело у насъ теперь принципъ всеобщей военной повинности въ область совершившихся фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положило начало глубокому, коренному перевороту во всемъ общественномъ строѣ, справедливо указавъ на то, что военная служба должна имѣть «одинъ общій источникъ, заключающійся въ понятіи о *всеобщей* и священной обязанности защиты отечества». Мы уже назвали этотъ принципъ всеобщей военной повинности гуманнымъ; какъ принципъ высокой справедливости, онъ вызываетъ къ себѣ полное сочувствіе, и такъ отнеслись къ нему всѣ органы общественнаго мнѣнія у насъ, въ отвѣтъ на Высочайшее повелѣніе 4-го ноября. Какъ бы ни были однако велики наши симпатіи къ тому или другому принципу справедливости и гуманности, область практическаго примѣненія всегда требуетъ обсужденій и размышленій. Начнемъ съ послѣднихъ и кончимъ первыми.

Главнымъ предметомъ размышленій является, конечно, вопросъ о томъ уровнѣ, котораго достигло у насъ общественное развитіе въ моментъ провозглашенія и утвержденія принципа военной повинности. Спѣшимъ при этомъ прежде всего оговориться, что мы вовсе не поклонники извѣстнаго припѣва: «мы не дозрѣли»,—а слѣдовательно-молъ и то, и другое, хотя и къ лицу просвѣщеннымъ народомъ, но намъ куда еще!!! Съ этой пѣсней, пожалуй, и до-сихъ-поръ наши вольно-

Digitized by Google

практикующіе «садовники» не дали бы намъ диплома на зрѣлость ни при освобожденіи крестьянъ, ни при введеніи гласныхъ судовъ, ни при отмѣнѣ откуповъ и предварительной цензуры. Итакъ, мы приступаемъ къ размышленію о поставленномъ выше вопросѣ вовсе не съ цѣлью — и что такъ легко — доказать сначала, что всеобщая военная повинность требуетъ-молъ для себя высокаго общественнаго уровня, какъ матеріальнаго, такъ умственнаго и нравственнаго; за тѣмъ, не нужно и доказывать, а достаточно просто выдти на улицу, чтобъ убѣдиться, что таковаго уровня у насъ не имѣется; значитъ, мы не дозрѣли до общей военной повинности, — и выводъ изъ всего разсужденія является самъ собою. По этой самой системѣ, доказывалось недавно, что при нашей незрѣлости освобожденіе крестьянъ приведетъ къ жакеріи: введеніе гласнаго суда съ присяжными — къ полному безправію, а уничтоженіе цензуры породитъ невиданныя безобразія. Мы далеки отъ этой системы, и полагаемъ, что нѣтъ такого народа, который былъ бы незрѣлъ для правильной организаціи государственной или общественной, и въ тоже время оказывался бы зрѣлымъ для организаціи плохой и истощающей притомъ народныя силы. Это было бы прежде всего non-sens!

Такъ называемые «незрѣлые» народы отличаются отъ «зрѣлыхъ» только тѣмъ, что для первыхъ чрезвычайно опасны одни *формальныя* заимствованія, и въ этомъ смыслѣ наша послѣдняя хроника, говоря о введеніи у насъ военной повинности на прусскій манеръ, утверждала, что «прежде всего мы должны заимствовать у Германіи ея общественные успѣхи». Дѣйствительно, что̀ такое нѣмецкій ландверъ (въ буквальномъ переводѣ: земское вооруженіе = Land + Wehr)? Наши французоманы, желая унизить успѣхи нѣмецкаго оружія, постоянно твердили о «численномъ превосходствѣ» нѣмцевъ. Но всмотритесь ближе въ суть самаго дѣла, и вы увидите, что сила нѣмцевъ была не въ численномъ превосходствѣ. Дѣйствительно, въ данную минуту, къ сраженію, нѣмцы успѣвали стягивать въ одинъ пунктъ огромное количество войскъ; но такое численное превосходство оказывается качественнымъ, а не количественнымъ, такъ такъ оно зависитъ отъ качества военнаго штаба. Положимъ, что въ какомъ-нибудь сраженіи 40,000 нѣмцевъ разбили 20,000 французовъ; но все же французы проиграли сраженіе не только потому, что непріятелей было вдвое больше, а еще болѣе вслѣдствіе того, что они не успѣли или не могли стянуть 40 тысячъ въ данную минуту и въ данное мѣсто. Передвигать войска — это не все; нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, также хорошо передвигать провіантъ и военные матеріалы; и въ этомъ отношеніи пруссаки обнаружили превосходство, и опять превосходство качественное. Наконецъ, и это самое важное — прусскій ландверъ, прусское земское вооруженіе, какъ вооруженіе «земли», отразило на себѣ всѣ качества этой «земли»,

Digitized by Google

и качества оказались отличныя. Прусская «земля» поставила изъ себя массу людей образованныхъ: тутъ оказались механики, инженеры, слесаря (это вовсе не то, что нашъ слесарь), рабочіе съ фабрикъ (это не то, что наши рабочіе)—и все это народъ вполнѣ развитый, начитанный и образованный. Государство въ такомъ ландверѣ нашло цѣлую массу готовыхъ техниковъ и мастеровъ. Итакъ, въ этомъ отношеніи прусскій ландверъ послужилъ правительству не своимъ *количествомъ*, не одною своею военною выправкою, а именно *качествомъ*. Представьте себѣ, что по примѣру Пруссіи всѣ государства устроятъ у себя ландверъ; этимъ, конечно, войны на будущее время не устранятся, и мы можемъ современемъ сдѣлаться зрителями борьбы двухъ ландверовъ. За кѣмъ же будетъ тогда побѣда? При земскомъ вооруженіи, участь борьбы рѣшатъ качества «земли», которую представляетъ «ландверъ»: изъ лучшей «земли» будетъ и лучшій «ландверъ». Однимъ словомъ, введеніе ландвера не имѣетъ въ себѣ никакого магическаго свойства; вся сила по прежнему, или даже больше прежняго, заключается въ «землѣ», въ ея сокахъ, въ ея нравственныхъ и умственныхъ силахъ. Доказательствомъ справедливости того служитъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что ландверъ, всеобщая военная повинность, вовсе не есть прусское изобрѣтеніе: мы находимъ эту повинность давно и у такого народа, какъ монголы, у которыхъ каждый былъ обязанъ нести военную повинность и притомъ лично. Но монгольскій ландверъ имѣлъ въ виду одну численность, одно количество, которымъ онъ и могъ давить въ XIII-мъ столѣтіи. У насъ мы привѣтствуемъ введеніе принципа общей военной повинности именно потому, что въ введеніи такого принципа нельзя не усматривать другого твердаго намѣренія правительства — поднять во что бы то ни стало нравственный и умственный уровень народной и общественной массы.

Намъ остается теперь только задать себѣ вопросъ: соотвѣтствуютъ ли у насъ введенію ландвера настоящія усилія поднять реальное образованіе? Читатели знаютъ, какой приходится дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, который, до введенія у насъ принципа общей военной повинности, казался пустымъ споромъ между нашими «классиками» и ихъ противниками. Съ настоящей минуты, это — вопросъ самый жизненный и животрепещущій. Что сдѣлано въ послѣднія пять-шесть лѣтъ для развитія реальнаго образованія, отсутствіе котораго можетъ парализовать всѣ благіе результаты общей военной повинности? Увеличилось ли въ послѣднее время число нашихъ реальныхъ гимназій, или, быть можетъ, даже уменьшилось? Даны ли права реальнымъ гимназіямъ для привлеченія туда учащихся, или наоборотъ, онѣ поставлены въ такія условія, что должны закрываться сами собою? Все это вопросы слишкомъ важные въ настоящую минуту, чтобъ ограничиться однимъ литературнымъ изслѣдованіемъ ихъ; для изслѣдованія такого рода вопросовъ,

Digitized by Google

нуженъ теперь авторитетъ высшій того, какимъ пользуется печать, чтобъ результаты такого изслѣдованія принесли практическую пользу. Намъ можно было до сихъ поръ на страницахъ журнала собирать однѣ данныя, и мы не разъ видѣли, съ какимъ непреодолимымъ трудомъ было сопряжено для земскихъ собраній устройство реальныхъ гимназій. Ко всему уже сказанному нами, мы можемъ теперь присоединить еще одинъ небольшой, но краснорѣчивый фактъ. Не за долго до нашего отреченія охранять собственными силами нейтрализацію Чернаго моря противъ самихъ себя, выраженнаго въ депешѣ канцлера, отъ $^{19}/_{31}$ октября, «Русское Общество пароходства и торговли» на Черномъ морѣ публиковало приглашеніе молодымъ людямъ поступать къ нему на службу, и въ число условій программы, былъ поставленъ курсъ въ *реальныхъ* гимназіяхъ. Но гдѣ эти реальныя гимназіи? Существуютъ ли хоть тѣ, которымъ было положено начало въ министерство А. В. Головнина? Кто не понимаетъ теперь, что въ ближайшемъ прошедшемъ ничто не могло такъ парализировать намѣреній нашего правительства, уничтожившаго теперь нейтрализацію Чернаго моря и принявшаго принципъ общей повинности, какъ именно подавленіе реальнаго образованія и превращеніе послѣднихъ реальныхъ гимназій въ классическія? Наше правительство, какъ то выражено и въ депешѣ, отреклось отъ нейтрализаціи Чернаго моря только «по зрѣломъ размышленіи», т. е. этотъ актъ не былъ дѣломъ вчерашняго дня, и правительство думало объ избавленіи своего народа отъ тягостей Парижскаго трактата пять лѣтъ тому назадъ также какъ и сегодня; но изъ хода реальнаго образованія у насъ, дѣйствительно, нельзя было догадываться о томъ. Между тѣмъ, редакція «Московскихъ Вѣдомостей», можно подумать, имѣла постоянно въ виду не столько «Русское Общество Пароходства и Торговли» на Черномъ морѣ и что нибудь ему подобное, сколько свой собственный лицей. Она постоянно твердила, что мы, въ своихъ заботахъ о развитіи реальнаго образованія въ Россіи, совершали измѣну и старались въ союзѣ съ гр. Бисмаркомъ объ униженіи Россіи предъ цивилизованною Европою; еще недавно, эта редакція, не обинуясь, утверждала, что побѣды пруссаковъ надъ французами объясняются тѣмъ, что въ Пруссіи учили латинскимъ и греческимъ склоненіямъ лучше, нежели во Франціи. «Московскимъ Вѣдомостямъ» теперь ничего не остается сказать, какъ только то, что, вѣроятно, «интрига» графа Бисмарка виновна въ томъ, что у насъ нѣтъ теперь реальныхъ гимназій; онѣ привыкли во всемъ винить нѣмецкаго канцлера; но едва ли кто имъ повѣритъ на этотъ разъ: почтенная редакція можетъ винить въ этомъ отношеніи какого угодно ей графа, но только не графа Бисмарка *).

*) Въ нашихъ газетахъ почти ежедневно можно читать исторію превращенія реаль-

Digitized by Google

Итакъ, для насъ нѣтъ вопроса: «дозрѣла ли» Россія до ландвера, или нѣтъ?—для насъ важенъ другой вопросъ: если русская земля не можетъ поставить на ноги такого же по качеству ландвера, какъ нѣмецкій Land, то кто въ этомъ виноватъ, и не нужно ли, не теряя ни одной минуты и не жалѣя послѣдняго гроша, приступить къ распространенію истинно народнаго просвѣщенія? Мы уже имѣли случай сказать, что по странному стеченію обстоятельствъ наше военное министерство оказываетъ своими военными гимназіями большую услугу народному просвѣщенію, что сама наша армія можетъ быть названа настоящею народною школою,—но нельзя требовать всего отъ военнаго министерства, такъ какъ народное просвѣщеніе не его спеціальность.

Между тѣмъ, чтб говорятъ въ нашей прессѣ о ходѣ у насъ народнаго образованія тамъ, гдѣ оно составляетъ спеціальность? Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, мы читали еще 10 ноября: «Къ сожалѣнію, до насъ доходятъ весьма печальные слухи о ходѣ дѣла народнаго образованія, по скольку въ этомъ дѣлѣ участвуетъ администрація. Насъ увѣряютъ, что, несмотря на расточаемыя всѣми жалобы о недостаточности средствъ, ассигнуемыхъ по бюджету на это дѣло, *администрація считаетъ возможнымъ не расходовать даже и тѣхъ недостаточныхъ средствъ, какія на него ассигнуются.* Во всякомъ случаѣ желательно было бы имѣть разъясненіе по этому вопросу. Еслибъ слухи эти не были вполнѣ серьезны, мы не стали бы о нихъ упоминать въ этомъ мѣстѣ. Но они, къ несчастію, носятъ на себѣ печать полной достовѣрности. Говорятъ — и при этомъ указываютъ цифры — что съ 1866 года отъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, не считая приходскихъ и начальныхъ, постоянно оставались большіе остатки, обращенные въ доходъ казны, какъ будто не представлялось ни надобности, ни возможности употребить ихъ съ пользою для народнаго образованія. Остатки эти, какъ мы слышали, превышаютъ съ 1866 г. 300,000 руб.! Трудно повѣрить возможности такого явленія въ государствѣ, которое

ныхъ гимназій въ классическія. Въ сегодняшнемъ нумерѣ Спб. Вѣдомостей (№ 313) мы читаемъ опять слѣдующую корреспонденцію изъ Кѣлецъ, отъ 2 ноября: «*Къ общему сожалѣнію*, реальная школа была преобразована въ семиклассную классическую гимназію... Воспитанники прежней кѣлецкой реальной школы не тратили времени и усердно занимались дѣломъ... Всѣ бывшіе воспитанники реальной кѣлецкой школы, какъ служащіе въ горномъ вѣдомствѣ, такъ и занявшіе мѣста уѣздныхъ архитекторовъ и инженеровъ, несмотря на происходившія въ недавное время преобразованія, удержались на своихъ мѣстахъ. Это обстоятельство всего болѣе говоритъ въ пользу кѣлецкой реальной школы, и о замѣнѣ ея классическою гимназіею нельзя не пожалѣть». Намъ только кажется, что это обстоятельство достойно болѣе чѣмъ одного сожалѣнія.

Digitized by Google

принимаетъ столь крупное и серьезное преобразованіе, какъ учрежденіе ландвера». Но до сихъ поръ мы не встрѣчали никакого оффиціальнаго опроверженія такому небывалому факту, какъ доходъ съ народнаго образованія; мы понимаемъ всю выгоду казны отъ сокращенія расходовъ по администраціи министерства народнаго просвѣщенія, но мы не могли бы исчислить колоссальнаго убытка государства отъ его дохода съ народнаго образованія, которое нужно считать первою и главною обороною страны, особенно тамъ, гдѣ, какъ теперь у насъ, вводится принципъ всеобщей военной повинности, и гдѣ на стражу земли призываются ея же собственныя силы; а силы земли измѣряются не числомъ головъ, а содержаніемъ этихъ головъ.

Коснувшись вопроса объ увеличеніи состава вооруженныхъ силъ Россіи въ прошломъ обозрѣніи, мы тогда же отказались высказать свое мнѣніе по *практическому* вопросу: нужно ли Россіи или не нужно какое-нибудь экстренное увеличеніе боевой силы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Рѣшеніе этого, главнаго и существеннаго во всей военной реформѣ вопроса, можно ожидать только отъ государственныхъ людей. Наша роль ограничивалась тогда предостереженіемъ отъ увлеченій одними голыми принципами краткосрочности и общеобязательности, такъ какъ въ дѣйствительности всякіе принципы существенно зависятъ отъ степени, и главное — отъ способа ихъ примѣненія къ даннымъ условіямъ.

Слова высочайшаго повелѣнія 4 ноября, а именно что для полнаго обезпеченія военной защиты государства необходимо образованіе резервныхъ или запасныхъ войскъ — рѣшаютъ вопросъ для насъ не только обязательно, но и убѣдительно. Гдѣ дѣло идетъ о защитѣ государства, мы, какъ и все общество, принимаемъ съ полнымъ сочувствіемъ всякій призывъ къ жертвамъ, и спѣшимъ соединиться съ мыслью объ усиленіи средствъ защиты Россіи. То, что мы можемъ, затѣмъ, сказать въ обсужденіе средствъ обороны, будетъ сказано нами безъ всякаго притязанія на какой-либо авторитетъ; мы не можемъ даже расчитывать на авторитетъ спеціальности. Но мы твердо знаемъ, что пособниками въ побѣдахъ Пруссіи были и образованный школьный учитель и свободная печать. Ружья у французовъ были даже лучше, но учитель и печать были въ худшемъ положеніи: оба были *зазнаны*. Вотъ почему коснуться еще разъ вопроса о военномъ преобразованіи мы почитаемъ и обязанностью нашею, и правомъ, какое даетъ печати интересъ—не самой печати, а опять той-же Россіи.

Обнародованное повелѣніе о составленіи проекта военнаго преобразованія весьма мудро ограничивается самыми общими основаніями. *Предписываетъ* оно—только составить «предположеніе объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ во-

Digitized by Google

енной повинности на всѣ вообще сословія въ государствѣ»; и то не безусловно, а именно: «съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій»; при чемъ, нельзя не замѣтить, что въ приведенномъ сейчасъ текстѣ сказано именно только о *прямомъ* участіи и о повинности вообще, то-есть, постановлено понятіе болѣе общее, чѣмъ понятіе о непремѣнномъ, безусловномъ *личномъ* участіи въ отбываніи военной повинности *натурою*.

Вотъ все, что̀ предписываетъ упомянутое повелѣніе. Соображеніямъ, которыми оно мотивируется, не придано безусловно-обязательнаго характера, по крайней мѣрѣ въ буквальномъ ихъ изложеніи. Мудрость законодателя, очевидно, не хотѣла впередъ стѣснить разработку вопроса, военнаго только по формѣ, а по сущности вопроса государственнаго, и притомъ первостепенной важности, вопроса крайне сложнаго, касающагося не только всѣхъ сословій и всѣхъ вѣдомствъ въ государствѣ, но и самыхъ существенныхъ экономическихъ условій жизни всего народа. Самымъ изложеніемъ настоящаго повелѣнія, очевидно, руководила таже мысль, которая постановила, чтобы предположенія, составленныя по этому дѣлу, были за тѣмъ внесены на утвержденіе въ порядкѣ *законодательномъ*. Очень также возможно, по крайней мѣрѣ желательно, чтобы, по примѣру судебной реформы, основоположенія проекта реформы военной были также предварительно публикованы для гласнаго ихъ обсужденія.

На мудрую сдержанность и осторожность обнародованнаго повелѣнія мы указываемъ, здѣсь собственно потому, что намъ случилось слышать отзывы о немъ нѣсколько поверхностные и не совсѣмъ правильные. Люди, прочитавшіе его бѣгло, не взвѣсившіе, какъ бы то слѣдовало, каждаго его слова, смотрятъ теперь на все дѣло военнаго преобразованія, какъ на вполнѣ и окончательно уже опредѣленное, такъ что предстоящіе еще труды сперва военнаго министерства, а потомъ комитета министровъ и государственнаго совѣта не представляютъ для нихъ болѣе интереса, какъ будто эти труды будутъ уже посвящены только мелочамъ, а вся суть проекта уже готова. Поверхностные чтецы этого повелѣнія разсуждаютъ, что уже повелѣно, чтобы всѣ и каждый проходили чрезъ службу въ рядахъ дѣйствующей арміи, что срокъ «установленъ» краткій (при чемъ одни говорятъ три года, а другіе шесть), что отъ натуральной повинности не будетъ уволенъ никто, ни по какому соображенію, ни по профессіи, ни по образованію, ни по семейному положенію, что все это рѣшено окончательно, согласно съ представленіемъ будто бы военнаго вѣдомства. Теперь же, говорятъ они, когда основанія этого представленія уже одобрены предварительно, послѣдующее разсмотрѣніе проекта въ порядкѣ законодательномъ уже не можетъ всесторонне касаться всего вопроса, во всей его государственной многосложности, а должно ограничиться только про-

Digitized by Google

вѣркою полнаго готоваго текста съ предварительно одобренными, по представленію военнаго же вѣдомства, опредѣлительными указаніями.

Если бы это было такъ, то тогда нѣчего было бы и говорить о томъ, какую громадную совокупность народныхъ интересовъ этотъ вопросъ затрогиваетъ. Но мы ничего подобнаго не видимъ въ текстѣ повелѣнія, ничего такого, что поспѣшно предрѣшало бы соображенія, какія должны возникнуть при обсужденіи проекта со стороны всѣхъ вѣдомствъ, путемъ законодательныхъ совѣщаній, въ порядкѣ установленномъ законами. И мы затруднились бы согласить подобное воззрѣніе съ примѣрами, которые у всѣхъ въ памати. Сошлемся хоть на ходъ вопроса о начатой административной реформѣ. Какому старательному, всестороннему разсмотрѣнію подвергнутъ этотъ вопросъ. Судьба первоначальнаго общаго проекта его не была предрѣшена предварительнымъ одобреніемъ до разсмотрѣнія въ общемъ порядкѣ. Первый проектъ потребовалъ исправленія, и тѣмъ болѣе совершенно будетъ обсуждено со временемъ рѣшеніе этого важнаго вопроса, но все же уступающаго по своей важности вопросу о военной реформѣ.

Что значитъ проектъ измѣненій въ устройствѣ провинціальной администраціи въ сравненіи съ проектомъ реформы нынѣ предполагаемой? Главный расходъ нашъ—военный расходъ, главная повинность наша—воинская, и коренное военное преобразованіе коснется потому всѣхъ вопросовъ народной жизни: вопроса о государственныхъ податяхъ, о выкупныхъ платежахъ, о сельской общинѣ и круговой порукѣ, о судьбѣ народнаго образованія, о рабочихъ силахъ страны, о состояніи народной нравственности, о финансовыхъ средствахъ государства и т. д. Возможно ли скорое и одностороннее предрѣшеніе подобнаго вопроса? Очевидно нѣтъ, и вотъ почему мы съ искреннимъ сочувствіемъ указываемъ на высокое благоразуміе, которое очевидно хотѣло устранить въ такомъ дѣлѣ всякое торопливое предрѣшеніе и предоставить полный просторъ законодательному обсужденію, въ собраніи государственныхъ людей, проекта, который будетъ *только выработанъ* спеціальнымъ военнымъ вѣдомствомъ.

Итакъ, вопросъ еще далеко не рѣшенъ даже по самой сущности, потому, что его сущность именно и должна опредѣлиться тѣми условіями, которыя еще не установлены. Въ настоящее время, мы можемъ только сказать, что повелѣно выработать проектъ военнаго преобразованія *въ смыслѣ* общеобязательности и сокращенія срока воинской службы,—вотъ и все. Но что значитъ краткосрочность: 2 года, или 3, или 6, или 8? И 9 лѣтъ узаконенной дѣйствительной службы у насъ представляли бы сокращеніе уже существующаго 10-лѣтняго срока. Что значитъ общеобязательность? То ли, что всѣ до единаго должны будутъ прослужить по нѣскольку лѣтъ солдатами въ дѣйствующей арміи? Или то, что каждый будетъ подлежать военной службѣ, но не

Digitized by Google

всѣ будутъ призываемы, не всѣ будутъ служить на равныхъ правахъ, наконецъ, что для нѣкоторыхъ профессій будетъ допущено изъятіе, что и составятъ оговоренныя «особыя условія?» Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ уже впередъ составился въ умѣ полный, готовый проектъ военнаго преобразованія, и вотъ они-то толкуютъ нынѣшнее повелѣніе въ такомъ смыслѣ, что оно просто и безповоротно утвердило *тотъ видъ* преобразованія, о которомъ они, правильно или нѣтъ, сами составили себѣ понятіе, когда еще никакой *видъ* не принятъ, и еще не сдѣлано и предположеній; да притомъ, когда такія положенія и будутъ сдѣланы, имъ еще предстоитъ серьезный законодательный путь.

Само собою разумѣется, что какъ только взглянули на дѣло военнаго преобразованія съ точки зрѣнія исключительно *усиленія* военной обороны государства, то увлеченіе собственно либеральною стороной краткосрочности и общеобязательности тотчасъ отступило въ умѣ нашихъ диллетантовъ на второй планъ, такъ что они уже заговорили о *шестилѣтнемъ* срокѣ службы въ дѣйствующихъ войскахъ и затѣмъ въ добавокъ о *девятилѣтнемъ* въ резервныхъ или запасныхъ войскахъ. Они заговорили о необходимости усилить ежегодный контингентъ такимъ образомъ, чтобы у насъ содержалось на постоянной службѣ около 800 тысячъ солдатъ, да еще было милліонъ съ четвертью въ резервѣ.

Эти предположенія уже сами по себѣ легли бы тяжелымъ бременемъ на страну. Впрочемъ, мы не станемъ говорить о бремени, когда поставленъ вопросъ о защитѣ. Всякія пожертвованія законны и возможны, когда идетъ дѣло о защитѣ. Но дѣло это необходимо повести такъ, чтобы оно не истощало не только средства наличныя въ казнѣ, но и тѣ источники, изъ которыхъ эти наличныя силы происходятъ, то-есть экономическія, рабочія силы страны и ея состоятельность въ уплатѣ податей. Мы искренно уважаемъ порывы къ тому, чтобы поскорѣе и путемъ какихъ бы то ни было жертвъ создать для Россіи возможно-грозную защиту. Но цѣль будетъ достигнута вѣрнѣе, если смотрѣть на дѣло трезвымъ и осторожнымъ образомъ.

Люди, способные увлекаться, теперь желаютъ не только, чтобы у насъ была введена прусская военная система, но еще, чтобы у насъ она была *усугублена*; не исключайте, говорятъ они, изъ прусской системы ничего такого, что́ требуетъ отъ страны бо́льшихъ пожертвованій, не уменьшайте ни подъ какимъ видомъ всей ея строгости и безусловной обязательности,—но сверхъ того, введите въ нее еще такія условія, которыя бы усугубили ея строгость и необходимыя на нее пожертвованія, дабы усугубить ея силу, дабы создать за насъ такія силы, съ которыми мы могли бы противостать всей Европѣ, что́ при нашемъ населеніи, возможно.

Digitized by Google

Разсуждая такимъ образомъ, въ пылу увлеченія, они требуютъ, чтобы изъ обязательности воинской повинности не было *никакихъ* исключеній, чтобы всѣ граждане поголовно призывались къ вынутію жребія, который и рѣшитъ кому идти на службу, чтобы всѣ новобранцы поступали въ дѣйствующія войска, чтобы сверхъ того, всетаки существовали отдѣльно и войска резервныя, только въ меньшемъ противъ дѣйствующихъ составѣ, чтобы всѣ проходили чрезъ дѣйствующія войска, какъ въ Пруссіи, и чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускалось выкупа, какъ и въ Пруссіи, а между тѣмъ тѣже люди находятъ желательнымъ, чтобы срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ былъ не *три* года, какъ въ Пруссіи, а *шесть* лѣтъ.

При отсутствіи у насъ точныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя достовѣрно опредѣлить, какъ велико у насъ ежегодное число молодыхъ людей, достигающихъ 20-лѣтняго возраста. Но если въ Пруссіи, при населеніи въ 18 милліоновъ, число это доходило до 170 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около половины поступало въ военную службу, то при нашемъ населеніи, превосходящемъ прусское почти въ $4^1/_2$ раза, цифра ежегоднаго контингента составила бы у насъ около половины громаднаго числа 750 тысячъ чел.! То есть, что при безусловномъ введеніи прусской системы у насъ поступало бы на службу ежегодно около 350 тысячъ человѣкъ! Какую же это составило бы армію? Армію, конечно, баснословную, такую армію, которой Россія никогда не могла бы ни вооружить, ни содержать.

Диллетанты слишкомъ всетаки практичны, чтобы не требовать баснословнаго, и по ихъ мнѣнію, можно введя прусскую систему неослабно, призывать въ дѣйствительности меньше людей на службу, чѣмъ то дѣлалось въ Пруссіи, и цифра, которая *имъ* желательна и *имъ* не кажется баснословною, составляетъ всего *два съ половиною* милліона народу, въ войскахъ дѣйствующихъ и запасныхъ.

Мы предсказывали эту цифру въ прошломъ мѣсяцѣ, когда еще не было рѣшено преобразованіе. Мы догадывались, что меньшею цифрою не удовольствуются наши уважаемые, но слишкомъ увлекающіеся патріоты. О бремени, какое эта цифра положила бы на страну, мы уже говорили, и въ настоящую минуту объ этомъ говорить не будемъ, потому именно, что уже произнесено слово: «необходимость защиты».

Но чтобы защита была защитою прочною, она должна быть согласована со средствами страны; объ этомъ только и предстоитъ говорить теперь. Вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы всѣмъ способнымъ носить оружіе нужно было немедленно взяться за оружіе и идти отражать врага. У насъ вѣдь рѣчь во все не о томъ, о чемъ идетъ теперь рѣчь во Франціи. Мы предпринимаемъ прочное, *постоянное* на будущія времена устройство, а не временное, крайнее напряженіе. Вотъ почему на первомъ планѣ вопросъ о томъ, чтобы не преувеличить формы защиты на счетъ

Digitized by Google

средствъ къ дѣйствительному ея осуществленію и постоянному обезпеченію. Безспорно, по цифрѣ населенія—Россіи возможно зачислить въ составъ арміи $2^1/_2$ милліона людей. Но рядомъ съ такой произвольной цифрою слѣдуетъ поставить, для памяти, цифру до 30 милліоновъ рублей податныхъ недоимокъ, цифру реальную, выведенную изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Податныя силы страны давно уже напряжены до крайности. Возвышенію подушной подати съ 1862 по 1868 годъ, слишкомъ на $26^3/_4$ милл. рублей, въ 1868 году соотвѣтствовалъ тотъ результатъ, что сумма податныхъ недоимокъ въ томъ году *почти* вполнѣ сравнилась именно съ тою суммою, на какую подушная подать была возвышена, то-есть составила въ 1868 году туже самую цифру $26^3/_4$ милл. недоимокъ. Другими словами, что не *воля*, конечно, а *силы* страны *отказались внесть* наложенное на нихъ возвышеніе. Вотъ на эти-то физическіе предѣлы и необходимо обратить прежде всего вниманіе, предпринимая организацію постоянную. За патріотизмомъ дѣло не станетъ, были бы только силы,—а на нѣтъ, по пословицѣ, и суда нѣтъ.

Слушая, какъ наши диллетанты хотятъ сохранить у насъ всю строгость прусской военной организаціи, да притомъ усугубить ее, напримѣръ, удвоивъ срокъ, невольно закрадывается въ умъ опасеніе, какъ бы у насъ вообще, и во всѣхъ отношеніяхъ, не вошло въ обычай перенимать у Пруссіи только то, что *строго*, да то, что̀ строго по-нѣмецки, по-русски сдѣлать еще вдвое строже. Не допускать выкупа, говорятъ намъ, недопускать исключеній ни для какихъ профессій,—потому что это совершенно исказило бы характеръ прусской системы. Да помилуйте, вы сами хотите исказить ее, въ самомъ существенномъ пунктѣ — удвоивъ срокъ службы подъ знаменами. Въ Пруссіи шла между военнымъ министерствомъ и палатою борьба о томъ, будетъ ли этотъ *срокъ* трехъ — или двухлѣтній. Очень можетъ быть, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда объединеніе Германіи укрѣпится вполнѣ, правительство и уступитъ требованіямъ либеральной партіи и согласится на возвращеніе къ двухлѣтнему сроку. А вы въ Россіи хотите ввести срокъ шестилѣтній, подъ предлогомъ введенія прусской системы?

Что въ Пруссіи не допущено ни выкупа, ни изъятій отъ воинской повинности для молодыхъ людей высшаго образованія и для народныхъ учителей — это намъ вовсе не указъ. Но какой выкупъ можно было допустить въ томъ государствѣ, которое, имѣя $10^1/_2$ милл. населенія, какъ Пруссія въ 1817 году, хотѣло имѣть войско равное съ войсками великихъ державъ? Но, говорятъ намъ—выкупъ унижаетъ армію, наполняя ее наемниками. Это—громкая фраза, неимѣющая серьёзнаго смысла, и предполагаетъ какой-то особенный кадетскій взглядъ. Развѣ наемъ вообще унизителенъ? Да и кто нанимаетъ охотниковъ — не частныя лица, а правительство. Развѣ въ самой Пруссіи офицеры не

Digitized by Google

наемники? Развѣ человѣкъ, принявшій на себя трудъ за плату, то есть наемникъ, есть непремѣнно существо низшаго рода, недостойное чести воинскаго званія?

Все ли равно: допустить изъятія по образованію *въ Россіи* или *въ Пруссіи*, гдѣ почти весь народъ грамотный, и изъ однихъ людей вполнѣ образованныхъ можно составить цѣлую армію? То ли въ Россіи? Говорятъ, и у насъ можно принять во вниманіе степень образованія, но не для допущенія изъятій, а только для соотвѣтственнаго сокращенія сроковъ службы — *въ нижнихъ чинахъ*. Арміи, говорятъ, нужны именно образованные люди, потому что офицеровъ и такъ мало, а потребуется ихъ теперь очень много.

Эта потребность, дѣйствительно, очень важная, и ее удовлетворить необходимо. Но при этомъ возникаетъ новый вопросъ. Если оставлены будутъ краткіе сроки выслуги для лицъ средняго и высшаго образованія (отъ 3 мѣсяцовъ до 1 года), то затѣмъ придется для удержанія въ арміи такихъ офицеровъ сдѣлать *обязательною службу въ офицерскихъ чинахъ*. Иначе цѣль не будетъ достигнута. Такъ, кандидатъ университета, произведенный въ офицеры черезъ три мѣсяца, *обязанъ* будетъ служить остальныя 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ въ офицерскомъ званіи. Это будетъ нѣчто такое, чего не существуетъ нигдѣ въ дѣйствующей арміи и никогда еще несуществовало. Какіе офицеры составляютъ силу арміи? Офицеры спеціальныхъ оружій, генеральнаго штаба, а въ пѣхотѣ — ротные и эскадронные командиры. Но студентъ и въ въ пять лѣтъ все-равно не сдѣлается ни ротнымъ командиромъ, ни артиллеристомъ, ни инженеромъ, если только не рѣшится окончательно посвятить себя военной профессіи, а будетъ смотрѣть на нее только какъ на принудительную временную службу въ офицерскихъ чинахъ. И что за странное было бы учрежденіе—офицеръ по повинности? Это напоминало бы прежній выпускъ изъ корпусовъ въ гарнизонъ, съ обязательствомъ отслужить деньги, потраченныя казною на корпусное образованіе.

Если же этого не сдѣлать, то кандидатъ университета, произведенный чрезъ три мѣсяца въ офицеры, чрезъ годъ и выйдетъ въ отставку, примѣняясь къ нынѣшнему закону. Какая же отъ него польза? И какая будетъ вообще польза для строевой службы и для хозяйства войскъ отъ офицеровъ безпрестанно смѣняющихся?

А между тѣмъ, для самихъ молодыхъ людей, посвятившихъ уже нѣсколько лѣтъ высшему научному образованію, жертва эта будетъ такъ тяжела, что въ виду ея приливъ людей въ высшія учебныя заведенія можетъ уменьшиться. При шестилѣтнемъ срокѣ, такъ или иначе, вѣдь это значило бы начинать карьеру, приступать къ жизни —лѣтъ подъ тридцать! Съ другой стороны, сама Россія нуждается въ образованныхъ людяхъ никакъ не менѣе, какъ и армія. Отовсюду слышны

Digitized by Google

жалобы, что у насъ мало техниковъ, профессоровъ, учителей, адвокатовъ, образованныхъ чиновниковъ въ провинціи. Полагаемъ, что для всѣхъ этихъ профессій высшее образованіе по меньшей мѣрѣ столь же полезно, какъ для службы въ рядахъ, въ званіи унтеръ или субалтернъ-офицера. Возьмите у немногихъ образованныхъ людей въ Россіи еще по шести лѣтъ жизни на упражненія въ воинскомъ строю—навѣрно принесете гораздо болѣе вреда странѣ, чѣмъ пользы службѣ.

Составить путемъ принудительнымъ сословіе образованныхъ офицеровъ, занимающихся своимъ дѣломъ съ любовью, и притомъ сословіе не однихъ младшихъ, но старшихъ офицеровъ, способныхъ быть ротными командирами—нельзя. Отчего офицеровъ сдѣлалось мало, отчего люди съ высшимъ образованіемъ рѣдко идутъ въ офицеры, если не предназначены къ тому съ дѣтства и не поведены чрезъ военныя училища? Отвѣтъ несомнѣненъ—содержаніе слишкомъ скудно, и карьера эта рѣдко даетъ обезпеченіе въ жизни. Не естественнѣе ли было бы въ такомъ случаѣ хоть *временно* допустить выкупъ, и на средства выкупа увеличить содержаніе офицеровъ, допустивъ при этомъ разсрочку взноса выкупа на число лѣтъ обязательной службы? Тогда тотъ, кто надѣется заработать больше въ иной дѣятельности, охотно внесъ бы, положимъ хоть въ 4 или въ 6 лѣтъ, значительный выкупъ, а тотъ, кто не надѣется заработать столько или больше въ иной дѣятельности, пошолъ бы въ военную службу. На сумму же всѣхъ выкуповъ можно, бы значительно увеличить содержаніе офицеровъ. Съ десяти тысячъ человѣкъ это вѣдь составило бы (нынѣшняя цифра выкупа могла бы быть утроена, при увеличеніи ежегоднаго контингента), по 1500 р., *пятнадцать милліоновъ!* Для народныхъ же учителей слѣдуетъ просто сдѣлать изъятіе, потому что брать ихъ въ солдаты значило бы поддерживать невѣжество въ народѣ, а стало быть и въ исходящей изъ него арміи.

Нѣтъ, говорятъ намъ, ни выкупа, ни изъятій; въ Пруссіи ничего этого нѣтъ, а намъ нужно тоже, что въ Пруссіи, только еще построже; нужна, напримѣръ, необходимо общеобязательность, а краткосрочность нужна тоже, но уже не такъ. Но въ который разъ ссылаться намъ на все капитальное, громадное различіе всего склада, состава и средствъ нашего государства съ Пруссіею? Общеобязательность въ Пруссіи есть сѣть, которая, принося въ армію людей всякаго рода, дѣлаетъ то, что благодаря обилію людей образованныхъ и техниковъ, въ каждой ротѣ оказывается и машинистъ, и рисовальщикъ, и литераторъ, и врачъ, и все это — безъ ущерба для страны. Закиньте такую сѣть у насъ, и если даже она унесетъ на шесть лѣтъ все молодое поколѣніе ученыхъ и техниковъ, то ихъ окажется по два на каждую *дивизію*, да и то едва ли, благодаря усердію, съ которымъ у насъ обращаютъ реальныя гимназіи въ классическія.

Digitized by Google

Говорятъ, общеобязательность нужна, чтобы окончательно уничтожить сословность. Пусть военная реформа и уничтожаетъ сословность, но не уничтожаетъ образованія.

Оставляя теперь этотъ вопросъ о выкупѣ и изъятіяхъ, мы должны еще разъ обратить вниманіе на необходимость разсчитать наши военныя силы не въ пропорціи населенія Россіи къ населенію Пруссіи, но въ пропорціи нашихъ дѣйствительныхъ средствъ. Одинъ процентъ населенія въ Пруссіи значитъ 230 тысячъ, а у насъ 800 тысячъ! Между тѣмъ, таково ли отношеніе нашихъ средствъ къ средствамъ Пруссіи и одинаково ли устройство средствъ у насъ какъ у Пруссіи? Мы говорили уже въ прошлый разъ о недостаткѣ у насъ рабочихъ силъ, которыхъ въ Германіи избытокъ. У насъ, изъ 375 милліоновъ чистаго обыкновеннаго дохода, государству даютъ 86 милліоновъ р. въ годъ подушныя подати. Ихъ тягость несутъ не всѣ сословія, а тѣ сословія, которыя несутъ ихъ, закрѣплены для внесенія ихъ круговою порукою, и отчасти подлежатъ еще выкупнымъ платежамъ. Въ Пруссіи мы видимъ совсѣмъ не то. Тамъ подушной подати нѣтъ, а есть подать подоходная, то есть равная для всѣхъ сословій (Klassensteuer, съ доходовъ ниже 1000 тал.), и сверхъ того на богатые классы ложится «подраздѣленная подоходная пошлина» (klassifizirte Einkommensteur, на доходы свыше 1000 тал.), которая въ высшей своей степени доходитъ *до 600 талеровъ съ одного лица*!

Общеобязательность воинской повинности, говорятъ, облегчитъ наши податныя сословія. Но что ихъ навѣрно облегчило бы, такъ это, еслибы предварительно были измѣнены подушныя подати и замѣнены такою системою прямыхъ податей, которая, въ самомъ дѣлѣ, возложила бы часть народнаго бремени на классы достаточные, какъ въ Пруссіи. Вотъ это бы было такое привлеченіе *всѣхъ* гражданъ къ защитѣ государства, которое облегчило бы народъ много больше, чѣмъ замѣна одного крестьянина изъ пяти тысячъ крестьянъ—однимъ ученымъ.

Впрочемъ, все это дѣло, очевидно, такое, что подлежитъ еще полному, необходимому обсужденію со стороны всѣхъ вѣдомствъ и въ порядкѣ законодательномъ. Быть можетъ, еще остановятся и на той простой мысли, что пока гораздо удобнѣе и гораздо скорѣе можно развивать существующую уже систему, чѣмъ вводить новую. Вѣдь резервныя войска существуютъ у насъ и въ настоящее время. Полевыя войска наши теперь состоятъ изъ 47 пѣхотныхъ, 10 кавалерійскихъ дивизій, 47 артиллерійскихъ (трехбатарейныхъ) бригадъ, 11 саперныхъ баталіоновъ и 6 понтонныхъ полубаталіоновъ. Все это вмѣстѣ даетъ однихъ полевыхъ войскъ, по военному составу, около 650 т. чел. пѣхоты, 30 тысячъ кавалеріи, 12 т. инженерныхъ войскъ и 1200 орудій. Но сверхъ того, у насъ есть еще войска мѣстныя, т. е. боевыя—

Digitized by Google

неподвижныя, резервныя, внутренней службы, учебныя, вспомогательныя и иррегулярныя. Мы уже говорили, что общность нашихъ военныхъ силъ и теперь по военному положенію можетъ составить гораздо болѣе милліона человѣкъ.

При настоящемъ устройствѣ нашей арміи руководящею мыслью было именно имѣть какъ можно больше военныхъ силъ, не отягощая финансовъ. Съ этой цѣлью у насъ, какъ извѣстно, существуютъ два состава: мирнаго и военнаго времени. Переходъ отъ мирнаго состава къ военному и теперь у насъ можетъ совершиться быстро и безъ всякаго замѣшательства, потому, что для военнаго состава намъ не придется формировать новыхъ частей. Всѣ части содержатся у насъ и въ мирное время съ уменьшеннымъ числомъ людей, а въ военное время предстоитъ только укомплектовать ихъ до военнаго комплекта, призвавъ для этого вполнѣ обученныхъ старо-служилыхъ людей изъ военно-отпускнаго запаса: при этомъ не придется формировать и новыхъ управленій. Всѣ части механизма постоянно готовы, и при нынѣшней организаціи переходъ къ военному составу долженъ совершаться въ *шесть недѣль*, лишь бы только вещевые и оружейные запасы содержались въ готовности и обиліи; но это уже не зависитъ отъ способа отбыванія воинской повинности.

Полный срокъ военной службы у насъ, въ настоящее время, 15 лѣтъ, а именно: 10 лѣтъ службы и 5 лѣтъ въ безсрочномъ отпускѣ. Тѣ, кто нынѣ говоритъ о срокахъ въ 6 лѣтъ службы въ рядахъ и 9 лѣтъ въ резервныхъ войскахъ, не считаютъ стало быть нужнымъ измѣнить полнаго срока состоянія на службѣ, т.-е. 15 лѣтъ. Все дѣло, стало быть, сводится къ тому, чтобы срокъ присутствія подъ знаменами былъ сокращенъ съ 10 до 6 лѣтъ. Но онъ у насъ въ дѣйствительности и теперь не составляетъ 10 лѣтъ, благодаря временнымъ отпускамъ. При уменьшеніи срока присутствія подъ знаменами, можно бы, и сохранивъ нынѣшнюю систему наборовъ, но увеличивъ цифру ежегоднаго набора напр. до 6 съ 1000 (вмѣсто 4) съ обѣихъ полосъ имперіи, увеличить въ полтора раза число отпускныхъ, т.-е., такъ, чтобы имѣть готоваго резерва не 550, а 800 тысячъ человѣкъ. Вотъ и армія въ полтора мильона!

Но, если и этого недостаточно, то стоитъ только увеличить составъ резервныхъ частей и придать имъ организацію параллельную съ организаціею войскъ полевыхъ. Резервныя войска существуютъ у насъ и теперь, какъ кадры для пріема и обученія рекрутъ, и это назначеніе они сохранятъ и всегда, потому что нельзя же резервныя войска содержать собранными, подъ ружьемъ, въ мирное время, хотя бы и въ уменьшенномъ составѣ. Это было прямо противъ всей идеи современныхъ военныхъ преобразованій, основанныхъ именно на нал-

Digitized by Google

большей разницѣ цифръ военнаго и мирнаго составовъ, для подготовленія большой силы безъ отягощенія финансовъ.

Резервныя войска теперь состоятъ изъ 72 резервныхъ пѣхотныхъ и 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ постоянными кадрами, при которыхъ каждый баталіонъ обучаетъ и одѣваетъ ежегодно до 1000 рекрутъ. Для кавалеріи есть резервные эскадроны, по числу полковъ, раздѣленные на особыя резервныя кавалерійскія бригады; для артиллерій пѣшей 4 резервныя, трехбатарейныя бригады; для конной артиллеріи 2 резервныя двухбатарейныя бригады; наконецъ, для инженерныхъ войскъ 4 резервныхъ баталіона.

При новомъ сокращеніи срока присутствія подъ знаменами, можно бы, въ исполненіе повелѣнія, организовать резервныя войска за ново, увеличивъ число ихъ частей и давъ имъ усиленные кадры, такъ, чтобы напримѣръ половина резервныхъ войскъ могла, въ случаѣ войны, быть укомплектована вполнѣ наравнѣ съ полевыми войсками и составить резервъ подвижной, назначенный для подкрѣпленія дѣйствующей армій, или идти на замѣну крѣпостныхъ войскъ и войскъ внутренней службы, а другая половина оставалась бы для исполненія своего постояннаго назначенія, то-есть, для пріема, обученія и одѣванія людей.

Затѣмъ, наконецъ, можно организовать, но только въ самыхъ несложныхъ формахъ, и поголовное ополченіе народа. Для ополченія всего важнѣе, конечно, запасы оружія, обуви и аммуниціонныхъ вещей. Затѣмъ могутъ быть установлены правила сбора ополченія и инструкція первоначальнаго обученья, которое весьма легко было бы преподавать еще въ народныхъ школахъ *); для этого учителей солдатъ довольно. Пріучившись къ первымъ строевымъ движеніямъ и сигналамъ еще въ школѣ, какъ это дѣлается въ Пруссіи, и имѣя готовые огромные склады оружія и вещей, русскіе люди, въ случаѣ нужды, возстали бы на защиту своей земли и не въ размѣрѣ процентномъ, а поголовно, и составили бы дѣльныя дружины и безъ шестилѣтняго присутствія подъ знаменами, которое можетъ лечь страшнымъ бременемъ на нашу истощенную почву—кормилицу всего государства, и привесть круговую поруку къ полному банкротству. Что касается ознакомленія съ оружіемъ, то едва ли не было бы болѣе практической пользы отъ организаціи, подъ надзоромъ воинскихъ начальниковъ, и въ мѣстахъ расположенія пѣхотныхъ ротъ, по деревнямъ добровольныхъ сборовъ крестьянъ въ праздничные дни для стрѣльбы изъ запасныхъ ружей, которыя могли бы быть въ каждой ротѣ. Устройство такихъ народныхъ стрѣльбищъ при ротахъ въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ едва ли не образовало бы для Россіи болѣе надежныхъ

*) На бѣду только, народныхъ школъ очень мало.

Digitized by Google

ополченцовъ, чѣмъ введеніе ландвера въ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ финляндскомъ. Въ Финляндіи общеобязательность произвела бы огромное впечатлѣніе, ибо тамъ теперь вовсе нѣтъ набора.

Отмѣтимъ еще одинъ аргументъ защитниковъ безусловной общеобязательности натуральной военной повинности. Если допустить изъятія хотя бы для высшаго образованія, говорятъ они, то это все-таки будетъ привилегія, то-есть нѣчто унизительное для арміи. Ну, а лишенныхъ правъ состоянія и сосланныхъ на поселеніе, спросимъ мы, зачислите ли вы въ резервъ? Конечно нѣтъ. Странно подумать, что тогда въ Россіи единственное привилегированное сословіе будетъ сословіе лишенныхъ правъ состоянія. И это не только шутка; повѣрьте, что ссылка на поселеніе тогда утратитъ въ народѣ послѣднюю тѣнь грозности, какой она уже и теперь представляетъ не особенно много, при страшномъ обремененіи народа податями.

Общій результатъ всего сказаннаго опять таки тотъ, что аналогія мѣръ немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ аналогіи обстоятельствъ. Что прусская система возможна для Пруссіи—изъ этого еще не слѣдуетъ, что она оказалась бы такою и въ Россіи. Повторимъ еще разъ, что прусская система требуетъ для себя и такого образованнаго народа, какъ Германія. А что у насъ до сихъ поръ сдѣлано для народнаго образованія, и постарались ли обезпечить въ народѣ тѣ нравственные элементы, которые одни ручались бы, что вся громадная масса, оторванная отъ дѣла на 6 лѣтъ, возвращаясь домой, примется опять за работу, а не займется чѣмъ либо другимъ? Но объ этомъ до другого раза.

Высочайшее повелѣніе 4 ноября связывали также съ актомъ уничтоженія нейтрализаціи Чернаго моря, и заключали изъ того, что вопросъ о нашемъ ландверѣ долженъ рѣшиться чуть не завтра. Заграницею видѣли въ этомъ повелѣніи даже угрозу, съ цѣлью поддержать измѣненіе Парижскаго трактата. Изъ сказаннаго нами очевидно, какъ такія ожиданія и опасенія не основательны. Для нашей немедленной обороны на Черномъ морѣ сдѣлали бы гораздо больше севастопольская желѣзная дорога, нежели одни зачатки преобразованія всего нашего военнаго устройства. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ дѣлать коренную военную реформу за минуту до опасности. Въ началѣ нынѣшней войны въ Пруссіи только-что хотѣли сдѣлать небольшую передѣлку въ ружьяхъ, и были очень рады, что Франція не дождалась начала этой передѣлки. Между тѣмъ, предпринимаемая у насъ военная реформа несравненно болѣе крупная, нежели простая передѣлка ружей. Вотъ почему иностранные политики лучше всего могутъ быть успокоены насчетъ приписываемыхъ Россіи воинственныхъ замысловъ

Digitized by Google

тѣмъ фактомъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ ни въ Крымъ, ни на Кавказъ.

Эти дороги до сихъ поръ и не строются, хотя желѣзнодорожная сѣть наша растетъ съ такой быстротою, которая безпримѣрна въ другихъ сферахъ русской жизни. Изъ свода свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ, въ «Ежемѣсячномъ Календарѣ» оказывается, что по 20 минувшаго сентября открыто было для движенія желѣзнодорожныхъ линій на 9,933 версты, а съ прибавленіемъ къ этому количеству 386 верстъ открытой въ концѣ октября балтійской дороги—10,319 верстъ! Сверхъ того, по тѣмъ же свѣдѣніямъ находятся въ постройкѣ 3,840 верстъ, да еще 320 верстъ узкоколейныхъ, а всего 4,160 верстъ. Въ числѣ этихъ готовыхъ и строющихся 14½ тысячъ верстъ желѣзныхъ путей, дороги на Севастополь нѣтъ; — лучшее доказательство, что не только наступательныхъ замысловъ мы не питали, но и нынѣшнихъ обстоятельствъ и необходимости приступить вновь къ оборонѣ черноморскихъ береговъ мы не предвидѣли, хотя съумѣли — скажемъ себѣ въ утѣшеніе—воспользоваться тѣмъ, чего не предвидѣли. Либавская дорога также еще не готова.

Зато въ числѣ дорогъ готовыхъ есть у насъ дорога балтійская. Постройка этой дороги была замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что будучи предпринята на акціяхъ, сперва безъ всякой гарантіи правительства, она все таки осуществилась очень скоро, именно въ два года. При самой выдачѣ концессіи на эту дорогу мы оцѣнивали то экономическое значеніе, какое она можетъ пріобрѣсть, давая товарамъ, идущимъ изъ внутреннихъ губерній по николаевской дорогѣ исходъ въ море чрезъ Балтійскій-портъ, который закрывается для навигаціи на болѣе короткое время, чѣмъ петербургскій. Но въ настоящее время мысли невольно отклоняются собственно отъ коммерческихъ выгодъ Балтійскаго порта, и обращаются къ общему положенію балтійскаго прибрежья, которое нынѣ приближено желѣзнымъ путемъ къ Петербургу.

Что балтійская дорога имѣетъ не малое значеніе и въ стратегическомъ отношеніи—это очевидно хотя бы изъ того факта, что вслѣдъ за открытіемъ ея упраздненъ отдѣльный рижскій военный округъ, такъ какъ распредѣленіемъ и снабженіемъ войскъ въ балтійскихъ губерніяхъ отнынѣ удобно можно управлять изъ Вильны и Петербурга. Сѣверъ Эстляндіи съ Ревелемъ примкнутъ теперь балтійскою дорогою къ Петербургу, а Лифляндія и Курляндія соединены съ Вильною рижско-динабургскою и рижско-митавскою линіями. Но примкнетъ ли къ Россіи этотъ край и въ иномъ отношеніи, кромѣ стратегическаго, въ отношеніи условій гражданственности, коренныхъ условій народной жизни? Съ чѣмъ сближаетъ балтійская дорога остзейское прибрежье, соединивъ его съ Петербургомъ: съ биржею ли только и шта-

Digitized by Google

бомъ войскъ петербургскаго военнаго округа, или и съ тѣми реформами, какія изъ Петербурга даны русскому народу? Передъ тѣмъ же зданіемъ гвардейскаго штаба увидимъ ли мы когда нибудь эстляндскихъ крестьянъ съ благодареніемъ за освобожденіе отъ вотчинной опеки и за надѣлъ землею, какъ мы видѣли тамъ крестьянъ великорусскихъ, девять лѣтъ тому назадъ?

Здѣсь мы опять становимся лицомъ къ лицу съ такимъ вопросомъ, въ которомъ всего важнѣе и настоятельнѣе не стратегическія соображенія, быть можетъ отдаленныя, а именно произнесеніе одного живительнаго, великаго слова. Еще въ октябрьской «Хроникѣ» мы сопоставили два рѣшенія, одинаково нетерпящія отлагательства: отмѣну трактата 1856 года и надѣлъ землею прибалтійскихъ крестьянъ. «Московскія Вѣдомости» недоумѣваютъ, почему избранъ именно настоящій моментъ, чтобы провозгласить отмѣну статьи Парижскаго трактата. Мы объясняемъ, въ другомъ мѣстѣ, почему такого недоумѣнія намъ не встрѣчается и теперь. Столь же несомнѣнною кажется намъ необходимость безотлагательнаго провозглашенія крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ. Вотъ гдѣ принесло бы истинную, практическую пользу немедленное обнародованіе общихъ основаній, на которыхъ затѣмъ безповоротно осуществилась бы эта реформа. Одинъ изъ главныхъ факторовъ политики есть именно своевременность, и все искусство политики, въ сущности, не что иное, какъ умѣнье оцѣнять, насколько пригоденъ каждый моментъ къ осуществленію въ той или другой отрасли основной государственной мысли о благосостояніи большинства.

Можетъ случиться, что наши записные нѣмце-ненавистники и порицатели Пруссіи станутъ теперь въ забавное противорѣчіе съ нами. Вообще любопытно будетъ видѣть, какъ такіе органы, какъ «Голосъ», а за нимъ «Московскія Вѣдомости», почтутъ теперь своей обязанностью «менажировать» Пруссію, въ томъ предположеніи, что отмѣна статьи Парижскаго трактата послѣдовала по соглашенію съ Пруссіей, и на основаніи союза съ нею. Быть можетъ, они теперь возьмутся усиленно защищать всѣ безъ исключенія нѣмецкіе интересы, столь же нелогично и вмѣстѣ непрошенно, какъ прежде нападали на стремленія Германіи. Быть можетъ, и остзейскихъ феодаловъ они теперь примутъ подъ покровительство если не активное, то пассивное, постановятъ себѣ замять ихъ дѣло на время, прикрыть ихъ молчаніемъ, дабы не смущать нашей союзницы Пруссіи. Очень можетъ случиться, что органы эти, въ глубинѣ своей государственной мудрости и со всѣмъ величіемъ своего дипломатическаго значенія, постановятъ на время «прекратить нападки на нѣмцевъ», и насъ же упрекнутъ въ противународной интригѣ за то, что мы, въ десятый разъ, неуклонно возвращаемся къ крестьянскому вопросу въ остзейскомъ краѣ. Но

Digitized by Google

намъ нѣтъ надобности служить обществу поворотомъ фронта и измѣненіемъ убѣжденій, а потому намъ остается только служить ему настойчивостью въ томъ же убѣжденіи.

Наше убѣжденіе было и всегда будетъ то, что дѣла въ остзейскомъ краѣ составляютъ вопросъ чисто *внутренній*. Никто, какъ Пруссія, въ *настоящее* время, не можетъ такъ оцѣнить высказанной нами истины. Пруссія противится теперь чужому вмѣшательству даже въ такое международное дѣло, какъ борьба ея съ Франціею и имѣющее произойти между ними къ выгодѣ Пруссіи новое разграниченіе. При такомъ положеніи, нѣтъ сомнѣнія, она не нашла бы и слова для «дружелюбнаго» совѣта по отношенію къ чистовнутреннимъ вопросамъ другихъ государствъ.

Вотъ потому, еслибы въ настоящую минуту были обнародованы общія основанія для дѣйствій коммиссіи изъ государственныхъ людей, которымъ былъ бы порученъ пересмотръ поземельныхъ отношеній въ балтійскомъ краѣ, то, мы увѣрены, такой шагъ, давно предвидимый самими нѣмцами, не удивилъ бы никого, а затѣмъ, когда въ самой балтійской окраинѣ былъ бы уже предоставленъ голосъ крестьянскому землевладѣнію, никто и не удивлялся бы, что порядки тамъ согласны съ волею всего народа, а не группы людей. Услыхавъ голосъ латышей и эстовъ на мірскихъ сходахъ, никто не могъ бы подвергать сомнѣнію, что́ именно было лучше для этого народа, и никто бы не могъ удивляться, что то, что лучше — и было сдѣлано; развѣ только мы сами стали бы удивляться одни, какъ такая реформа, общая государству, могла десятокъ лѣтъ не коснутся наиболѣе цивилизованной его окраины.

Но можетъ быть, по отношенію къ самимъ туземнымъ помѣщикамъ, неудобно рѣшать этотъ вопросъ теперь и лучше отложить его на будущее время, такъ, на «когда нибудь», какъ нерѣдко откладывается у насъ удовлетвореніе весьма существенныхъ потребностей? Вотъ это-то и есть самое вредное предположеніе, самое способное затормозить дѣло навсегда и поддержать застой до той поры, когда этотъ застой выльется въ такую каменную форму, изъ которой уже трудно будетъ найти исходъ. Вотъ почему всего нужнѣе усвоить себѣ истину, что безотлагательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ балтійскомъ краѣ не создастъ намъ никакого новаго затрудненія, и каждая отсрочка такого рѣшенія придастъ новое затрудненіе къ возможности надѣла.

Мы уже доказали эту истину по отношенію къ обстоятельствамъ внѣшнимъ: эти обстоятельства положительно говорятъ, что отсрочка не облегчитъ, а напротивъ, затруднитъ рѣшеніе. Тоже самое свидѣтельствуютъ и обстоятельства мѣстныя, внутреннія. Изъ нихъ здѣсь приходится принимать во вниманіе настроеніе среды нѣмецкаго земле-

Digitized by Google

владѣнія и положеніе нынѣшнихъ отношеній крестьянъ къ этому землевладѣнію. И то и другое, какъ мы сейчасъ увидимъ, свидѣтельствуетъ о вредѣ всякой нерѣшительности и отсрочки. И такъ, сперва о настроеніи мѣстныхъ помѣщиковъ.

Въ аугсбургской «Всеобщей газетѣ» по временамъ помѣщаются весьма обстоятельно написанныя «Балтійскія письма», которыхъ преимущество передъ обсужденіями того же предмета въ нѣкоторыхъ газетахъ прусскихъ состоитъ въ умѣренности ихъ автора, претендующаго даже на безпристрастіе. По поводу недавнихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ высшаго управленія остзейскихъ губерній появилось одно такое письмо. Авторъ, разумѣется, смотритъ на все съ чисто-германской точки зрѣнія, и вотъ съ этой точки онъ видитъ въ дѣятельности бывшаго генералъ-губернатора ту «хорошую сторону», что онъ «сдѣлалъ менѣе вреда (германскому дѣлу, конечно), чѣмъ бы могъ». Таково именно, по отзыву автора, общественное мнѣніе о бывшемъ начальникѣ остзейскаго края. Самое увольненіе генерала Альбединскаго отъ должности генералъ-губернатора авторъ объясняетъ мнимымъ нерасположеніемъ его къ регулированію казенныхъ имѣній, въ томъ видѣ, какъ его ведетъ министерство государственныхъ имуществъ.

Къ этому регулированію мы сейчасъ возвратимся, но сперва кончимъ замѣтку о курьезныхъ свойствахъ настроенія мѣстной помѣщичьей среды: казалось бы, въ смѣнѣ начальника края, если онъ былъ таковъ, какимъ, повидимому, считало его мѣстное общественное мнѣніе, съ германской точки зрѣнія слѣдовало бы видѣть побѣду мнимой «ультрарусской партіи» (каковой *партіи* вовсе нѣтъ, ибо двѣ *газеты*, одна у другой перепечатывающія, и часто одна другой противорѣчащія, не составляютъ же въ самомъ дѣлѣ партію) и опасность для германскаго дѣла. Между тѣмъ, это вовсе не такъ, и въ замѣнѣ генерала Альбединскаго другимъ начальникомъ, принадлежавшимъ къ главному виленскому управленію, авторъ видитъ, напротивъ, неуспѣхъ для дѣла объединенія. Какимъ же образомъ объясняется такое противорѣчіе? Очень просто: оно объясняется тѣмъ, что перемѣна начальника, какъ всякая отсрочка, неблагопріятна для дѣла объединенія. Но авторъ объясняетъ дѣло иначе; онъ видитъ неуспѣхъ для «ультрарусской партіи» въ томъ собственно, что новый генералъ-губернаторъ и новый эстляндскій губернаторъ *не принадлежатъ* къ этой партіи. Авторъ не такъ простъ, чтобы выражать радость по поводу отсрочки реформъ; напротивъ, онъ изъявляетъ по этому поводу сожалѣніе. Но такъ какъ самъ же онъ призналъ сперва генерала Альбединскаго противникомъ того, что онъ называетъ руссификаціею, т. е. собственно рѣшеніе поземельнаго вопроса, и даже желаніе его удалиться приписалъ тому, что ему будто бы сверху портили все управленіе (въ

Digitized by Google

смыслѣ руссификаціонномъ), то ясно, что и генерала Альбединскаго онъ не можетъ считать принадлежащимъ къ «ультрарусской партіи». Да и вообще, развѣ государственные люди въ Россіи *принадлежатъ* къ партіямъ? Охарактеризовать ихъ, конечно, можно бы весьма различно, замѣтивъ въ томъ и другомъ склонность къ такой или другой мысли. Но если, при всѣхъ такихъ, отчасти случайныхъ, отчасти даже только разговорныхъ различіяхъ, въ характеристикѣ ихъ будетъ хоть одна общая черта, такъ именно будетъ та черта, всѣмъ имъ общая, что ни къ какимъ партіямъ они не принадлежатъ.

Гораздо понятнѣе было бы, еслибы авторъ радовался не назначенію новаго лица изъ той или иной мнимой партіи, а просто тому, что новое лицо означаетъ неизбѣжную отсрочку: «Новому генералъ-губернатору—говоритъ авторъ — потребуется еще время, чтобы оріентироваться здѣсь, уяснить себѣ положеніе дѣлъ. Если онъ смотритъ на свою задачу серьезно, то онъ неиначе, какъ медленно, будетъ выступать съ преобразованіями—и это печальная необходимость. Вотъ уже четыре раза начальникамъ приходилось осваиваться съ матеріалами, собранными ихъ предшественниками, четыре раза за-ново начиналось изученіе балтійскихъ обстоятельствъ, и четыре раза безплодно, ибо каждый разъ прерывалось отозваніемъ генералъ-губернатора». Между тѣмъ, реформы городская и судебная, по отзыву самого автора, крайне нужны, но только не въ томъ видѣ, какъ ихъ хотятъ дать остзейскому краю «министры». Въ этомъ же видѣ «онѣ могутъ сдѣлаться худшимъ зломъ, чѣмъ нынѣшнее положеніе дѣлъ». Вотъ въ этомъ-то и сила. Нужны, говорятъ, реформы выработанныя тѣми мѣстными интересами, которымъ уже присвоенъ голосъ; если же это реформы общія имперіи, тогда—лучше ихъ совсѣмъ не надо.

Интересно бы однако знать искреннее мнѣніе самого автора, къ чему же, наконецъ, можетъ привести такое положеніе дѣлъ, при которомъ мѣстное законодательное отправленіе невозможно, а примѣненіе общаго — нежелательно, и чѣмъ далѣе отсрочивается, тѣмъ лучше; то положеніе дѣлъ, при которомъ, противъ примѣненія къ этому краю реформъ общихъ имперіи возражаютъ тѣмъ, что «этотъ вопросъ въ настоящее время разсматривается на мѣстѣ», а мѣстное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ начнется теперь въ пятый разъ?

Спрашивается, кто выигрываетъ отъ нерѣшительности, отъ медлительности? Ужъ никакъ не крестьяне, конечно. Но и само-то меньшинство, которому всего дороже особность края и собственное въ немъ преобладаніе, одною нерѣшительностью мы, конечно, удовлетворить не можемъ. Оно будетъ, разумѣется, радоваться каждой отсрочкѣ, но оно никогда не удовлетворится отсрочками. Здѣсь надо или сдѣлать главное — рѣшить крестьянскій вопросъ, или не дѣлать ничего, сознательно рѣшиться впередъ—ничего не дѣлать.

Digitized by Google

Но возможно ли принять такое рѣшеніе, осуждающее все балтійское крестьянство? Правда, тотъ же авторъ въ настоящее время утѣшаетъ себя мыслью, что «дни Вёрта, Гравелотта и Седана возвратили русскому правительству то самосознаніе (?!), которое можетъ противопоставить требованіямъ ультраславянской партіи западноевропейскіе (?) государственные принципы». Но эту фразу мы относимъ просто къ горячности, навѣянной на автора не западноевропейскими принципами, а одними военными событіями. Вёртъ лежитъ во Франціи, а балтійскіе крестьяне живутъ въ Россіи.

Въ этомъ дѣлѣ слишкомъ громко говоритъ справедливость, слишкомъ громко говоритъ и несомнѣнная политическая необходимость. Необходимо, чтобы въ балтійскомъ краѣ крестьяне не были лишены того, что́ получили ихъ братья во всей имперіи; необходимо, чтобы въ этомъ краѣ имѣло голосъ не одно недовольное меньшинство, но большинство, которое *можно* сдѣлать *довольнымъ*, не только не отрекаясь отъ справедливости, но именно удовлетворивъ его требованія.

Что въ остзейскомъ краѣ есть меньшинство недовольное, и что недовольства этого мы устранить не могли бы иначе, какъ совершенно отрекшись и отъ требованій справедливости, и отъ здравыхъ политическихъ принциповъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. *Каждое* извѣстіе изъ остзейскаго края, какимъ бы путемъ оно ни дошло до насъ, или до кого бы то ни было, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ русскія корреспонденціи, это удостовѣряютъ всѣ корреспонденціи въ газетахъ нѣмецкихъ. И та статья, на которую мы ссылались, говоритъ объ «угрожающемъ надѣлѣ крестьянъ землею изъ казенныхъ имѣній». Если обратимся къ другимъ источникамъ, найдемъ тоже самое.

Въ числѣ представленныхъ въ нынѣшнемъ году англійской палатѣ общинъ такъ-называемыхъ «синихъ книгъ», есть одна, содержащая въ себѣ донесенія англійскихъ посланниковъ и консуловъ по вопросу объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ разныхъ странахъ Европы, и въ ней мы находимъ донесеніе великобританскаго консула въ Ригѣ, отъ 3-го января текущаго года, съ приложеніями, въ которыхъ нѣсколько разъ высказывается, что остзейскіе «помѣщики весьма недовольны *настоящимъ положеніемъ дѣлъ*, а еще болѣе предвидѣніемъ новыхъ перемѣнъ, до тѣхъ поръ, *пока крестьяне сохранятъ* неопредѣленную мысль, что когда-нибудь, въ будущемъ, русское правительство *дастъ имъ землю*. Многіе изъ нихъ вслѣдствіе того воздерживаются отъ покупки земли».

Великобританскій посолъ въ Петербургѣ, сэръ Андрью Бьюкананъ, пересылая записку рижскаго консула, при депешѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 6-го января 1870 года, доноситъ своему прави-

Digitized by Google

тельству, «что частыя ссылки г. Гриньйона (консула) на опасеніе помѣщиковъ и на надежду крестьянъ, что *собственность* первыхъ можетъ быть передана (transferred) послѣднимъ посредствомъ императорскаго декрета, относятся къ желанію *ультра-русской* или національной партіи ввесть въ балтійскія провинціи поземельный законъ, подобный тому, который дѣйствуетъ въ Россіи и былъ описанъ (сэромъ Андрью) прежде».

Если бы мы могли предполагать, что почтенный баронетъ получаетъ свѣдѣнія о заявленіяхъ русской печати, то мы постарались бы разувѣрить его въ такомъ предубѣжденіи. Рѣчь идетъ не объ отнятіи собственности у балтійскихъ помѣщиковъ. И не «ультра-русская партія», которая серьезно вовсе не существуетъ, а *все общественное мнѣніе Россіи* желаетъ сравненія остзейскихъ крестьянъ съ ихъ братьями во всей имперіи. Это—желаніе той самой «партіи», которая желала освобожденія крестьянъ въ Россіи и съ восторгомъ приняла державное рѣшеніе о надѣлѣ ихъ землею. Ультра-русская партія въ то время еще и не сочинила самоё себя.

«*Пока*—крестьяне сохраняютъ мысль о надѣлѣ», говоритъ англійскій консулъ въ Ригѣ. И въ самомъ дѣлѣ, долго ли они еще сохранятъ мысль о своемъ равномъ правѣ съ русскими крестьянами, когда вотъ прошло девять лѣтъ и для нихъ еще ничего не сдѣлано, не слышно даже, чтобы что-нибудь предпринималось. А между тѣмъ помѣщики все-таки крайне недовольны своимъ положеніемъ, пока самая мысль о чемъ-либо иномъ не будетъ истреблена въ ихъ крестьянахъ. И на что же они жалуются? На регулированіе казенныхъ имѣній, то-есть на мѣру, ничтожную въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано въ имперіи. На то, что указъ 10-го марта 1868 года утвердилъ за *казенными* крестьянами наслѣдственное владѣніе участками, опредѣлилъ общую сумму оброка казенныхъ крестьянъ по каждой губерніи, и что при происходящемъ нынѣ разграниченіи крестьянскихъ земель отъ казенныхъ экономическихъ, изъ послѣднихъ отдѣляется нѣкоторый участокъ на обезпеченіе православнаго сельскаго духовенства тамъ, гдѣ такой участокъ отдѣлить можно, и небольшіе участки для безземельныхъ православныхъ крестьянъ, чтобы дать имъ возможность жить ближе къ своему приходу, къ своей церкви. Вотъ и все!

Кажется, казна не нарушаетъ уже ни чьихъ интересовъ, распоряжаясь такъ или иначе своими собственными мелкими участками. Но и это производитъ неудовольствіе: примѣръ, говорятъ, нехорошій, вредный и соблазнительный для крестьянъ, принадлежащихъ остзейскимъ баронамъ.

«Многіе крестьяне, вслѣдствіе своей надежды, воздерживаются отъ покупки земель», говоритъ англійскій консулъ, повторяя то, что ему наговорено мѣстными помѣщиками, и удостовѣряя при этомъ, что онъ

Digitized by Google

самъ не могъ составить себѣ собственно мнѣнія, ибо лично незнакомъ съ этимъ дѣломъ. Но еслибы уважаемый консулъ имѣлъ время поѣздить по крестьянскимъ усадьбамъ, то онъ понялъ бы, откуда происходятъ слышанныя имъ жалобы помѣщиковъ на то, что крестьяне не хотятъ покупать земли. Дѣло въ томъ, что именно подъ вліяніемъ много разъ помянутаго опасенія надѣла, остзейскіе помѣщики торопятся въ настоящее время продать крестьянамъ какъ можно больше земли. Что разъ продано, тѣмъ уже надѣлять-молъ нельзя! И продаютъ они по высокой цѣнѣ, привлекая крестьянъ къ покупкѣ тѣмъ, что требуютъ незначительныхъ взносовъ впередъ. И затѣмъ, когда крестьянинъ, купивъ землю, почувствуетъ на себѣ всю невыносимую тягость уплаты податей, процентовъ и погашенія, тогда онъ оказывается неисправнымъ и входитъ въ настоящую и уже безповоротную кабалу у помѣщика. А мы спокойно смотримъ на то, какъ не только не приготовляется надѣла, но и принимаются продажей имѣній дѣятельныя мѣры къ предупрежденію самой его *возможности* въ будущее время.

И что же мы отъ этого выигрываемъ? Благодарность за наше бездѣйствіе? Нисколько; недовольство все-таки существуетъ, какъ то единогласно свидѣтельствуется показаніями изъ всѣхъ источниковъ, и даже удостовѣрено въ настоящее время оффиціальною перепискою представителей иностраннаго государства.

И тотъ же нѣмецкій авторъ, котораго мы цитировали выше, хотя и объясняетъ и перемѣну мѣстныхъ властей, и даже назначеніе новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ русской печати «возвращеніемъ самосознанія въ виду дней при Вёртѣ и Седанѣ», но нисколько не опровергаетъ недовольства; говоря же о томъ, что будто бы рѣшено усилить строгость надзора за печатью, онъ самъ не одобряетъ такого предположенія, но утѣшаетъ себя мыслью, что для нѣмецкой прессы въ Россіи хуже ужъ не будетъ, а если будетъ хуже, то только для печати русской или «ультра-патріотической».

Предположеніе, что дни при Вёртѣ и Седанѣ могли оказать какое-либо вліяніе на наше правительство по отношенію къ участи крестьянъ въ Россіи и къ положенію русской печати, мы отвергли бы съ негодованіемъ, еслибы оно не было смѣшно и нелѣпо по самой своей нелогичности. Но каковы тѣ отношенія, при которыхъ въ одной мѣстности государства кто-либо можетъ утѣшать себя, что для насъ-молъ теперь хуже не будетъ, а если будетъ хуже, такъ для васъ! Такія истинно ненормальныя отношенія создаетъ и поддерживаетъ *привилегія*, потому что только безъ *привилегіи* на чьей-либо сторонѣ, интересы всѣхъ гражданъ во всемъ государствѣ солидарны.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1870 г.

Парижскій трактатъ и его саморазложеніе.

Съ той самой поры, какъ Петръ Великій ввелъ Россію въ кругъ западныхъ державъ, далъ ей роль въ международномъ европейскомъ обществѣ, внѣшняя сторона ея роли въ этомъ обществѣ всегда была блестящая. Это былъ почти непрерывный рядъ внѣшнихъ побѣдъ и завоеваній, которымъ, къ сожалѣнію—должно сознаться, далеко не соотвѣтствовали въ то время наши успѣхи на поприщѣ умственной и гражданской жизни. Но тѣмъ не менѣе, даже внутреннія потрясенія, какимъ подвергалась Россія, не ослабляли ея внѣшняго дѣйствія, какъ то доказывали побѣды Миниха при Аннѣ Іоанновнѣ. Россія цѣлыхъ полтора столѣтія постоянно расширяла свои предѣлы, принимала постоянное и весьма вліятельное участіе во всѣхъ европейскихъ международныхъ вопросахъ. Она участвовала въ войнѣ за польское престолонаслѣдіе, участвовала въ Семилѣтней войнѣ, являлась посредницею между германскою имперіею и Пруссіею; войска ея ходили на защиту Нидерландовъ и Италіи противъ войскъ первой французской республики, а затѣмъ она вела колоссальную борьбу съ первымъ французскимъ императоромъ за независимость всей Европы, оказывала главное вліяніе на заключеніе трактатовъ, положившихъ начало новому территоріальному распредѣленію въ Европѣ; наконецъ, ставъ на высоту авторитета, даннаго ей этими великими событіями, она еще недавно почти тридцать лѣтъ держала подъ своимъ преобладаніемъ сперва Пруссію и часть Германіи, а потомъ и Австрію. Такова была каррьера Россіи, введенной въ европейское общество; и такъ какъ во все продолженіе этой каррьеры она, несмотря на участіе свое въ большей части войнъ, не была побѣждена окончательно ни разу, не была лишена возможности продолжать войну, еслибъ захотѣла, то въ Европѣ возникло убѣжденіе въ великой устойчивости Россіи, между

Digitized by Google

тѣмъ, какъ огромныя наши завоеванія свидѣтельствовали объ устойчивости не только физической, но и о дальновидности и настойчивости государственной мысли въ Петербургѣ.

Озабоченные и такимъ возрастаніемъ и такой непоколебимостью Россіи въ установленіи и укрѣпленіи ея могущества, даже преобладанія въ Европѣ, политическіе люди Запада ознаменовали начало второй половины текущаго вѣка военнымъ союзомъ, который имѣлъ цѣлью положить навсегда преграду такому угрожающему росту Россіи. Но цѣль эта не была достигнута Парижскимъ трактатомъ (18) 30 марта 1856 года: Россія, правда, не дѣлала съ этого времени внѣшнихъ завоеваній, но за то одержала значительныя внутреннія побѣды надъ врагомъ нашихъ успѣховъ на поприщѣ умственной и общественной жизни.

Объяснимъ нашу мысль. Всякій трактатъ есть не что иное, какъ видоизмѣненіе или отмѣна прежняго трактата; стало быть, въ самомъ происхожденіи его заключается зерно его непрочности, какъ только онъ перестанетъ соотвѣтствовать фактамъ, реальному положенію дѣлъ, изъ котораго онъ нѣкогда вышелъ. Но трактатъ 1856 года носилъ на себѣ еще спеціальный характеръ непрочности, потому что самъ возникъ изъ такихъ факторовъ, которые были и случайны и неполны, а потому и недоказательны. Случайными факторами въ томъ положеніи дѣлъ, изъ котораго онъ возникъ, и на которомъ онъ основался, были слѣдующіе.

Франція, которой силы составили рѣшающій моментъ въ этомъ положеніи, *не сама* въ то время распоряжалась своими силами. Став за два года передъ тѣмъ жертвою человѣка, который закабалилъ ея силы на служеніе личнымъ своимъ цѣлямъ, она вела эту войну не по своей волѣ; никогда восточная война не считалась во Франціи національною, хотя побѣды льстили самолюбію этой тщеславнѣйшей изъ націй; и въ свое время всѣ во Франціи были убѣждены, что не будь Наполеона III, съ его личною заботою объ отмѣнѣ трактатовъ 1815 года, Франція не несла бы огромныхъ жертвъ крымской войны на пользу Англіи. Такъ именно понимали это дѣло тогда во Франціи, да и въ самой Англіи преобладало въ обществѣ мнѣніе, что третій Наполеонъ былъ нѣчто въ родѣ агента, посаженнаго въ Тюльери Пальмерстономъ. Нѣтъ рѣшительно никакого основанія думать, что Франція, при иныхъ обстоятельствахъ, не ставъ сама жертвою наглаго захвата, стала бы вести ту войну, которой результатомъ былъ трактатъ 1856 года; да и независимо отъ того факта, что въ настоящее время Франція не въ состояніи поддержать этотъ трактатъ, нѣтъ никакого основанія полагать, что она впослѣдствіи, ставъ снова самостоятельною великою державой, рѣшилась бы на войну для поддержанія Парижскаго трактата.

Digitized by Google

Участіе въ войнѣ и въ трактатѣ Сардиніи было случайно до такой степени, что мысль, руководившая имъ, не имѣла даже ничего общаго съ цѣлью другихъ государствъ, ничего общаго съ какимъ либо ограниченіемъ Россіи. Сардинскія войска въ Крыму сражались за будущность Италіи и хотя они бились на дѣлѣ съ русскими солдатами, но по намѣренію—сражались съ нейтральными и даже благопріятствовавшими союзникамъ, австрійцами. Сардинія въ то время выслуживалась, для того, чтобы Кавуръ и Вилламарина могли войти въ конгрессъ 1856 года и заговорить на немъ объ Италіи. Голосъ Сардиніи перешелъ къ Италіи, и вотъ членъ прежней коалиціи противъ Россіи совершенно естественно представилъ теперь первое затрудненіе къ коалиціи въ томъ же родѣ: Италіи, получившей Римъ, не безъ нарушенія сентябрьской конвенціи, и также самовольнаго, вовсе не нужна вторая крымская война.

Участіе Пруссіи въ томъ положеніи, изъ котораго истекъ трактатъ 1856 года, также было случайное, а не основанное на прочномъ ея интересѣ. Правда, она въ то время не стала на сторону Россіи и даже участвовала съ Австріею въ посредничествѣ, которое повело къ принятію русскимъ правительствомъ предварительныхъ условій будущаго трактата. Но тогдашнее положеніе Пруссіи было ненормальное. Послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ къ освобожденію эльбскихъ герцогствъ и полнаго пораженія своихъ видовъ къ преобразованію германскаго союза, берлинскій кабинетъ, «загнанный» съ двухъ сторонъ за свой конституціонализмъ, униженный Австріею, съ согласія Россіи, до того, что его же войска, вступившія-было для защиты Кургессена, выступали оттуда въ самомъ виду австрійцевъ, пришедшихъ для экзекуціи, принужденный отрекаться отъ задушевныхъ своихъ идей и очевиднаго своего призванія, задавленный въ мнѣніи германскаго народа тѣмъ униженіемъ, какое наложило на него Австрія въ Ольмюцѣ,— прусскій кабинетъ *не былъ воленъ* дѣйствовать такъ или иначе. Ему предстоялъ только тотъ выборъ, какой имѣютъ слабые, неувѣренные въ себѣ — идти за тѣмъ или за другимъ, послушаться или Австріи или Россіи. Не легокъ былъ и этотъ выборъ для того кабинета, который Австрія и Россія въ теченіи трехъ лѣтъ предъ тѣмъ такъ дружно и усиленно учили слушаться ихъ обѣихъ вмѣстѣ.

Находясь въ такомъ положеніи, прусское правительство остановилось на томъ, что требовало менѣе энергіи, представляло меньшее усиліе, то-есть предпочло ничего не сдѣлать. Стать на сторону Россіи значило — война; стать на сторону Австріи значило—только нейтральность, то-есть бездѣйствіе. Выборъ не могъ быть сомнителенъ для правительства слабаго и униженнаго обѣими сторонами. Униженіе; ограниченіе Россіи на Черномъ морѣ вовсе не представляло интереса Пруссіи; но, спрашивается,—была ли серьезная возможность ожи-

Digitized by Google

дать, чтобы Пруссія, при *тогдашнихъ* обстоятельствахъ, пошла на войну за Россію? Никогда Россія не была такъ непопулярна въ прусскомъ обществѣ, какъ именно тогда, и это по причинамъ, которыя легко припомнить по любому памятнику того времени, хотя бы напр. по запискамъ Фарнгагена.

Впослѣдствіи, когда палъ Севастополь, Пруссія, въ началѣ 1856 года, правда, поддерживала представленія, сдѣланныя въ Петербургѣ Австріею. Но надо вспомнить, какая это была пора, чтобы убѣдиться, что Пруссія могла въ то время серьезно склонять Россію къ заключенію мира, и не переставая быть ея союзницею. Въ самомъ дѣлѣ, та пора была кризисомъ, который могъ или закрыться миромъ, или перенесть войну, въ которой приняла бы участіе Австрія, на другія окраины Россіи. Первый эпизодъ огромной войны Запада противъ Россіи въ то время кончился паденіемъ Севастополя. Представлялась возможность заключить миръ на основаніи простой локализаціи военныхъ успѣховъ союзниковъ на берегу Чернаго моря и на Аландскихъ островахъ. Но еслибы Россія, въ то время, мира не заключила, то дальнѣйшіе эпизоды войны, съ участіемъ Австріи, придали бы этой войнѣ совсѣмъ новое значеніе, и повели бы союзниковъ къ новымъ цѣлямъ, неотносящимся уже прямо къ восточному вопросу. Средства Россіи и въ то время не были истощены, это правда; но ей предстояло или покориться потерѣ, хотя и чувствительной, но не умалившей силъ Россіи по отношенію къ Западу; или же рѣшиться на ставку quitte ou double, въ надеждѣ взять назадъ прежній проигрышъ, но въ тоже время рискуя подвергнуть опасности уже не южную только, а именно западную свою границу, рискуя видѣть вступленіе австрійскихъ войскъ въ юго-западныя провинціи и англо-французскую высадку въ Либавѣ. Кто могъ предсказать, какъ разрослись бы виды союзниковъ при такомъ перенесеніи театра войны и расширеніи военныхъ дѣйствій? какое вознагражденіе могла бы имѣть въ виду Австрія, и насколько ослабъ бы въ совѣтѣ союзниковъ голосъ Англіи, когда кабинеты тюльерійскій и вѣнскій возымѣли бы мысль о территоріальныхъ вознагражденіяхъ, и быть можетъ о рѣшеніи въ то уже время итальянскаго вопроса, но не на счетъ Австріи, а съ вознагражденіемъ Австріи на счетъ Россіи?

Такой рискъ не могъ не пугать и Пруссію, для которой подобная перспектива должна была представляться весьма нежелательною. Что же было дѣлать ей въ виду такихъ весьма близкихъ возможностей. Стать съ оружіемъ въ рукахъ на сторону Россіи? — но это еще болѣе расширило бы поле войны, и требовало употребленія всѣхъ силъ Пруссіи къ дѣлу, по началу своему совершенно ей чуждому, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко не популярному въ прусскомъ обществѣ. Можно ли удивляться, что она предпочла совѣтовать Россіи

Digitized by Google

прекратить войну на основаніи факта мѣстнаго, частнаго пораженія, чѣмъ соединиться съ нею въ новой, громадной войнѣ, совершенно чуждой интересамъ Германіи и предѣловъ которой нельзя было бы и предвидѣть? Тѣ, кто въ настоящее время винитъ Пруссію за то, что она рѣшила этотъ вопросъ въ пользу мира, хотя и невыгоднаго Россіи, должны быть готовы утверждать, что самой Россіи не слѣдовало въ то время желать мира, хотя бы и съ тѣми пожертвованіями, которыхъ отъ нея требовали.

Пожертвованія эти были тяжки, нѣтъ спору. Но мы утверждаемъ, что даже тогдашнее общественное мнѣніе Россіи, еще болѣе склонное судить о положеніи дѣлъ исключительно по чувству, чѣмъ нынѣшнее, и оно было относительно удовлетворено Парижскимъ миромъ, при всей его тягости. А въ настоящее время, оглядываясь на четырнадцать лѣтъ, истекшихъ съ той поры, мы не можемъ не оцѣнить вполнѣ, какъ благодѣтельно было для Россіи рѣшеніе прекратить войну, хотя и цѣною тяжелыхъ жертвъ.

Люди, привыкшіе эксплуатировать всякое преувеличеніе именно чувства, редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» могутъ теперь винить въ «неблагодарности» за ея тогдашній образъ дѣйствій Пруссію, «обязанную намъ самымъ своимъ существованіемъ». Но отсюда, во-первыхъ, все-таки не выходитъ практическаго примѣненія къ настоящимъ нашимъ отношеніямъ къ Пруссіи; а во-вторыхъ, если ужъ допускать наивныя разсужденія о благодарности и неблагодарности въ международныхъ отношеніяхъ, то окажется, что и повода-то къ благодарности намъ Пруссія въ то время особеннаго не имѣла. Не мы ли, вмѣстѣ съ Австріею, тяготѣли надъ берлинскимъ кабинетомъ и уронили его значеніе въ Германіи и Европѣ? Всѣ начинанія Пруссіи, какъ въ пользу внутренняго ея развитія, такъ и для осуществленія унитарнаго стремленія Германіи, не мы ли, вмѣстѣ съ Австріею, осуждали и помогали заглушить? При первой попыткѣ Пруссіи къ освобожденію голштинцевъ, на Балтійскомъ морѣ явилась наша военная эскадра. Послѣ этого, должно ли было сохранять увѣренность, что, при появленіи на томъ же морѣ флота англо-французскаго, Пруссія непремѣнно пошлетъ всѣ свои силы для поддержки нашего завоевательнаго, весьма и для нея самой въ то время чувствительнаго величія?

Да и возможно ли было ожидать не только такого, но и всякаго рѣшительнаго шага отъ кабинета, запуганнаго, пріученнаго къ робости передъ союзниками? Пруссія оставалась нейтральною, пока Австрія не заставила ее пойти далѣе и заключить трактатъ съ собою, насчетъ общихъ понудительныхъ противъ Россіи дѣйствій. Соглашаясь на это, Пруссія опять предпочитала то, что было дальше, что требовало менѣе энергіи. Этотъ трактатъ еще только могъ повести

Digitized by Google

къ демонстраціямъ. Стать же на сторону Россіи значило немедленно вступить въ войну съ Европою. Пруссія этого не могла сдѣлать, потому что это было противно интересамъ Германіи, и странно было ожидать отъ нея этого. Но не надо забывать, что въ дѣйствительности нейтралитетъ ея былъ нейтралитетъ намъ *благопріятный*. Когда вспоминаютъ о поддержкѣ Пруссіею представленій Австріи послѣ паденія Севастополя и разсчитываютъ, что бы мы еще могли сдѣлать въ то время, если бы Пруссія воспротивилась коалиціи, то пусть вспомнятъ также, что всѣ ружья, сѣру и порохъ, которыхъ у насъ не было заготовлено своевременно, мы получали втеченіи войны черезъ Пруссію съ явнаго допущенія ея правительства, и пусть сообразятъ, что могли бы мы сдѣлать съ самаго начала, если бы она такой помощи намъ не предоставила? Эта помощь Пруссіи была для насъ такъ важна, что нельзя даже сказать, что Пруссія оставалась дѣйствительно нейтральною. Упрекать же ее за то, что она тогда оказала намъ помощь только пассивнымъ образомъ, хотя весьма дѣйствительную по сущности, особенно нелогично со стороны тѣхъ, кто въ тоже время убѣжденъ, что Россія оказала теперь громадную помощь Пруссіи тѣмъ только, что не нанесла ей удара въ тылъ.

Никто, конечно, не скажетъ, что причины, обусловившія тогдашній образъ дѣйствій Пруссіи, не были именно случайныя и временныя. Въ настоящее время берлинскій кабинетъ не ощущаетъ робости ни передъ Австріею, ни передъ Россіею. Онъ можетъ открыто стать на сторону своего союзника, не опасаясь ни враговъ, ни самого этого союзника, какъ было прежде. Наконецъ, объединеніе Германіи уже почти достигнуто.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что между Пруссіею и Россіею не можетъ быть никогда никакихъ разногласій. Мы уясняемъ только всю временность и случайность тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ истекъ и на которыхъ основался трактатъ 1856 года. Мы уже указали на нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ и неполныхъ, а потому бездоказательныхъ фактовъ, которые и внесли въ основавшійся на нихъ трактатъ 1856 года зерно будущаго его саморазложенія.

Но и самый главный, основной фактъ этого трактата—фактъ пораженія Россіи, былъ въ сущности точно также случаенъ, времененъ и бездоказателенъ, какъ прочіе.

Извѣстно, что Россія была вовсе не приготовлена къ той войнѣ. У нея не было сдѣлано никакихъ запасовъ; не было ни пороха, ни сѣры. Ружья были ударныя, но не нарѣзныя. Въ кавказскихъ войскахъ и въ ополченіи частью служили даже ружья *кремневыя*. Запасы продовольствія приходилось образовывать вездѣ наново. Не было сдѣлано своевременно иностраннаго займа, а потому средства на войну пришлось добывать, главнымъ образомъ, изъ наличныхъ запасовъ своего

Digitized by Google

же народа, истощая ихъ путемъ огромнаго выпуска ассигнацій. Мало того—самъ Севастополь не былъ укрѣпленъ для защиты отъ десанта, и если бы не геній Тотлебена, то война, по всей вѣроятности, и не сосредоточилась бы на Севастополѣ, который повторилъ въ нашей исторіи геройскій примѣръ Пскова, а потомъ Смоленска.

Напоминать ли о томъ временномъ фактѣ нашего пораженія, который представлялся тогдашними нравственными условіями въ Россіи, тогдашними отношеніями между административнымъ авторитетомъ и тайною, запуганною мыслью общества? Вспомнимъ, что тогдашнее общество не имѣло передъ собою отрадной перспективы ни въ какую сторону: оно могло ожидать только или горести пораженія, или побѣдоноснаго отраженія враговъ, но вмѣстѣ и усугубленія своего нравственнаго бремени. Никто, конечно, не могъ желать пораженія Россіи, но не было въ обществѣ той силы, которая одна дѣлаетъ правителей почти непобѣдимыми.

Наша неприготовленность въ матеріальномъ отношеніи и отсутствіе у насъ въ то время нравственной общественной силы могли дать Европѣ ту мысль, что средства Россіи были издавна преувеличены, что Россія вовсе не могущественный колоссъ, а скорѣе призракъ, преувеличенный преданіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ родѣ этого мнѣнія было главнымъ результатомъ восточной войны для Европы. Фактъ такого европейскаго убѣжденія о Россіи и вошелъ въ трактатъ 1856 года: въ него включили одно только *униженіе* Россіи, запретивъ ей свободу дѣйствія на ея собственныхъ берегахъ и на морѣ, омывающемъ эти берега, а болѣе серьезныхъ гарантій отъ нея, какъ отъ призрака, и не потребовали.

Но та Россія, которой такое униженіе соотвѣтствовало, та Россія неприготовленная матеріально, безсильная въ общественной мысли, Россія не только безъ пороха и свинца, и безъ желѣзныхъ дорогъ, но и безъ воли для трети своего населенія, безъ свободы мысли для всего населенія, безъ права сказать хоть одно независимое слово въ печати — та Россія была Россія случайная. Той Россіи, угрожавшей Европѣ, нѣтъ! и трактатъ 1856 года въ томъ именно пунктѣ, гдѣ было записано наше горькое *униженіе*, лишился всей основы и самъ въ свою очередь сталъ призракомъ.

Оспариваетъ ли это кто либо? Никто, ни графъ Гренвилль, ни баронъ Бейстъ не оспариваютъ, что Парижскій трактатъ въ самомъ дѣлѣ подлежалъ бы пересмотру.

Была ли у насъ нравственная обязанность уважать униженіе, которое мы переросли? Нѣтъ, мы скорѣе нравственно обязаны были не просить позволенія о снятіи съ насъ униженія, а протестовать противъ него простымъ его отрицаніемъ. Просроченные векселя рвутъ. Объявивъ сами ту пресловутую статью трактата уничтоженною, мы

Digitized by Google

не только *отмѣнимъ* униженіе, которое не соотвѣтствуетъ фактамъ, нѣтъ, именно, поступивъ такимъ образомъ, мы его *изгладимъ*.

Говоря такимъ образомъ, не исходимъ ли мы изъ той точки зрѣнія, на которой выше всѣхъ соображеній кажется народное тщеславіе, и стоя на которой, надо безпрестанно касаться рукою эфеса шпаги, а о патріотизмѣ нельзя и говорить иначе, какъ указывая на оную? Вовсе нѣтъ. Мы собственно держимся фактовъ, а не чувствъ. Мы говоримъ: политическіе люди Запада трактатомъ 1856 года хотѣли положить преграду угрожающему возрастанію Россіи; такая цѣль однимъ трактатомъ достигнута быть не могла, потому что трактатъ этотъ основался на фактахъ въ значительной степени случайныхъ, стало быть не вѣрныхъ и къ повторенію въ будущемъ ненадежныхъ. Случайность и временность фактовъ, на которыхъ основался трактатъ 1856 г., мы уже видѣли. Но, самая цѣль трактата—то-есть, прекращеніе угрожающаго возрастанія завоевательной Россіи, была достигнута инымъ, болѣе вѣрнымъ путемъ, съ болѣе прочными залогами, и не только безъ униженія для Россіи, но къ ея истинному добру.

Наши реформы, наше внутреннее развитіе, вся наша работа, предпринятая втеченіи двѣнадцати лѣтъ и все еще возрастающая предъ нами, положила конецъ завоевательному періоду нашей исторіи. Такія двѣ работы рядомъ идти не могутъ. Вотъ гдѣ политическіе люди Запада могутъ найти залогъ болѣе прочный, чѣмъ въ 13 и 14 статьяхъ Парижскаго трактата, которыхъ статьи 11 и 22 нарушены ими же.

Именно потому, что нынѣшняя Россія не есть Россія прежняя, завоевательная, противъ которой сдѣланы были 13 и 14 статьи, Европа и не можетъ видѣть въ отмѣнѣ ихъ угрозы себѣ, а въ поддержаніи ихъ — необходимость. Съ другой стороны, видя передъ собой Россію не прежнюю, а новую,—политическіе люди Запада едва ли найдутъ въ поддержаніи ихъ не только необходимость, но и возможность. Если мы и не «free Russia», какъ назвалъ насъ извѣстный англійскій писатель, то во всякомъ случаѣ всѣ знаютъ, что правительство и общество одинаково желаютъ, чтобы Россія сдѣлалась страною общеевропейскихъ учрежденій; правительство ведетъ ее къ тому, общество сознательно идетъ къ тому же. Этотъ фактъ единодушія, и въ такой мысли—вотъ капитальный фактъ различія Россіи 1870 года съ Россіею, предпринявшею восточную войну.

Въ октябрьской нашей хроникѣ было уже говорено о своевременности отмѣны тѣхъ условій трактата, которыя мы сами противопоставляли втеченіи четырнадцати лѣтъ удовлетворенію своей существенной потребности. Необходимо было обезпечить наши берега и нашу торговлю на Черномъ морѣ. Этого требовало и достоинство Россіи, и этого не можетъ отрицать никто. Никто этого и не отрицаетъ, даже лордъ Гренвиль и г. Бейстъ. Весь вопросъ, стало быть, сводится къ *формѣ*. Но, если

Digitized by Google

наша форма отмѣны кому либо показалась *безцеремонною* относительно уваженія къ трактатамъ, то тѣ пусть пеняютъ на то, что они включили въ трактатъ, подлежащій уваженію, условіе *оскорбительное* для Россіи. Трактатъ 1856 года имѣлъ цѣлью не только ограничить Россію, но именно *унизить* ее, и на необходимости такого униженія особенно настаивали политическіе люди той же Великобританіи. Не вполнѣ ли естественно, что то униженіе, которому ее сочли необходимымъ подвергнуть, когда она чувствовала себя слабою, она теперь сбрасываетъ его безцеремонно, когда сознаетъ себя сильною? Кто виноватъ въ безцеремонности отвѣта на обиду—не тотъ ли, кто обиду нанесъ безцеремонно и думалъ ее еще увѣковѣчить?

Для прочности мира надо избѣгать напраснаго униженія противника—вотъ смыслъ рѣчи, недавно произнесенной самимъ графомъ Гренвиллемъ за обѣдомъ лорда-мэра. Правда, мысль эту онъ примѣнилъ не къ нашимъ, а къ нынѣшнимъ французскимъ дѣламъ; къ намъ онъ, вѣроятно, и не догадался бы примѣнить ее по собственной иниціативѣ. Тѣмъ болѣе благоразумно было съ нашей стороны взять иниціативу на себя, и снявъ съ себя напрасное униженіе, тѣмъ самымъ, согласно и съ мыслью самого британскаго министра, создать новый залогъ прочности мира.

Униженіе, наложенное на Россію насиліемъ, она перестала признавать, когда собрала и сознала свою силу. La Russie s'est recueillie—вотъ и все.

Бросимъ бѣглый взглядъ на документальную сторону дѣла. Обязательства трактата 1856 года, ограничивающія права Россіи на Черномъ морѣ, содержались въ пунктахъ, изъ которыхъ одинъ развитъ въ особой, приложенной къ трактату конвенціи между Россіею и Турціею. Вотъ текстъ этихъ пунктовъ. *Пунктъ 11*: «Черное море нейтрализируется: открытые для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй, воды его и форты формально и навсегда закрываются для военнаго флага державъ какъ прибрежныхъ, такъ и другихъ, за исключеніями, поименованными въ ст. 14 и 19 сего трактата». *Пунктъ 13*: «Такъ какъ, по силѣ 11 статьи, Черное море нейтрализуется, то сохраненіе или возведеніе на прибрежьи его военно-морскихъ арсеналовъ становится не нужно и безцѣльно. Вслѣдствіе того, Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Императорское Величество Султанъ обязываются не возводить и не удерживать на семъ прибрежьи никакого военно-морскаго арсенала». *Пунктъ 14*: «Такъ какъ Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій и Султанъ заключили между собою конвенцію, опредѣляющую силу и численность легкихъ судовъ, которыя нужны для прибрежной службы, и содержать которыя на Черномъ морѣ они

Digitized by Google

сохраняютъ за собой право, то эта конвенція прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ если бы она была составною его частью. Она не будетъ подлежать ни отмѣнѣ, ни видоизмѣненію безъ согласія державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ».

Эта конвенція составляетъ второе приложеніе къ трактату. Подписана она только уполномоченными Россіи и Турціи, подъ тѣмъ же числомъ, какъ и трактатъ. *1-я ст.* этой конвенціи: «Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязываются не имѣть на Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ, какъ тѣ, коихъ число, сила и размѣры опредѣляются здѣсь же, ниже». *2-я ст.*: «Высокія договаривающіяся стороны оставляютъ за собой право каждая содержать на этомъ морѣ шесть паровыхъ судовъ длиною въ пятьдесятъ метровъ по ватерлиніи, наибольшей вмѣстимостью въ 800 тоннъ, и четыре легкихъ судна, паровые или парусные, вмѣстимостью не свыше 200 тоннъ каждое».

Рядомъ съ такими постановленіями, трактатъ 1856 года статьею 10-ю подтвердилъ вновь принципъ замкнутости *проливовъ* Босфора и Дарданелловъ, для военныхъ судовъ въ мирное время, и первое приложеніе къ трактату составляетъ особая конвенція за общимъ подписомъ всѣхъ державъ, извѣстнаго подъ именемъ «конвенціи о проливахъ», въ которой постановлено, что султанъ неизмѣнно поддержитъ и въ будущемъ давно принятый въ его имперіи принципъ, въ силу котораго военнымъ судамъ иностранныхъ государствъ входъ въ Босфоръ и Дарданеллы воспрещается, и что «пока Порта находится въ мирномъ положеніи, Его Величество недопуститъ въ означенные проливы никакого иностраннаго военнаго судна». Прочія же стороны обязались при этомъ уважать такой принципъ и такое рѣшеніе. Впрочемъ конвенціею допущено было исключеніе для легкихъ военныхъ судовъ, служащихъ для посольствъ, которымъ султанъ удержалъ за собою право выдавать пропускные фирманы.

Циркуляромъ 19-го октября, нашъ канцлеръ указавъ на беззащитность нашихъ береговъ на Черномъ морѣ, на совершенно измѣнившіяся съ 1856 года обстоятельства, между прочимъ на непредвидѣнное при заключеніи трактата изобрѣтеніе броненосныхъ судовъ, а также на примѣры нарушенія трактата 1856 года, допущенные державами его подписавшими, объявилъ волю Государя недопускать долѣе, «чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушенію вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости». По этимъ соображеніямъ, князь Горчаковъ, по волѣ Государя, объявилъ: «что Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года,—насколько

Digitized by Google

онѣ ограничиваютъ его верховныя права въ Черномъ морѣ, и считаемъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить его величеству султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помянутому трактату конвенціи»; что «Его Императорское Величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя»; что «нашъ Августѣйшій монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей Имперіи». «Въ мысли Его Императорскаго Величества вовсе не входитъ», сказано въ циркулярѣ далѣе, «возбужденіе восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ-либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе Востока и европейское равновѣсіе».

Главные, документальные пункты, какъ самыхъ постановленій трактата, такъ и объявленіе канцлера, мы сочли необходимымъ привести въ текстѣ, какъ историческія данныя высокой важности. Цитаты эти представляютъ полную справку о томъ, что̀ именно слагаетъ съ себя Россія нынѣшнимъ объявленіемъ. Объявленіе это не называетъ прямо тѣхъ статей, которыя Россія считаетъ невозможнымъ для себя признавать долѣе, но смыслъ его, оставаясь общимъ въ принципѣ, весьма опредѣлителенъ въ практическомъ его примѣненіи, и нѣтъ сомнѣнія, что имъ объявляются немогущими долѣе связывать Россіи въ особенности тѣ именно статьи, которыя приведены нами въ подлинникѣ. Стало быть, мы оговариваемъ себѣ вновь право строить на Черномъ морѣ военный флотъ, какой бы то ни было численности и размѣровъ, и возводить вновь на прибрежьи его военно-морскіе арсеналы.

Россія, затѣмъ, «признаетъ главныя начала этого трактата, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы». Французскій текстъ этого заявленія можетъ быть понятъ, впрочемъ, въ томъ смыслѣ, что Россія продолжаетъ признавать только *тѣ* общіе принципы этого трактата, *которые* опредѣлили положеніе Турціи. Но какъ бы то ни было, всего неправильнѣе было бы толковать циркуляръ нашего канцлера въ томъ смыслѣ, что Россія, признавая обязательность для себя всѣхъ остальныхъ статей трактата 1856 года, тѣмъ неменѣе отмѣняетъ сама тѣ, которые ограничивали ее на Черномъ морѣ.

Объявленіе нашего правительства поставило Россію вовсе не на ту теоретическую почву, на которой интересы ея могли бы встрѣтиться съ болѣе или менѣе убѣдительными юридическими доводами иностран-

Digitized by Google

ныхъ министровъ. Наше правительство, напротивъ, стало на почву чисто-практическую, на почву совершившихся фактовъ. Вся сущность его аргументаціи именно въ томъ, что абстрактное право, теорія установленная въ трактатѣ, нарушены совершившимися фактами; вся суть его заявленія именно въ томъ, что къ фактамъ, его нарушившимъ, оно прибавляетъ еще одинъ фактъ нарушенія, фактъ продиктованный ему важными интересами собственной защиты.

Русское правительство не утверждаетъ, что, отмѣнивъ одинъ статьи трактата, оно всѣ остальныя статьи его признаетъ неприкосновенными. Наоборотъ, оно весь трактатъ не можетъ никакъ считать неприкосновеннымъ, а только изъявляетъ свою готовность пересмотрѣть ихъ по соглашенію съ державами, замѣнить ихъ совсѣмъ новыми постановленіями или оставить въ силѣ общіе принципы трактата. Вотъ почему оно, твердо ставъ на практическую почву, сочло себя обязаннымъ объявить при этомъ, что продолжаетъ признавать общіе принципы трактата, опредѣлившіе положеніе Турціи въ ряду европейскихъ державъ. Продолжаетъ оно признавать ихъ вовсе не потому, что считаетъ весь трактатъ неприкосновеннымъ и обязательнымъ для себя, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, а потому, что таково фактическое его *намѣреніе*.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ вѣрно опредѣлилъ это положеніе. Въ своей депешѣ къ сэру Андрью Бокенану отъ 10 ноября лордъ Гренвилль, сказавъ, что «князь Горчаковъ, объявляетъ о намѣреніи Россіи продолжать соблюденіе нѣкоторыхъ изъ условій трактата»,—смыслъ этого заявленія самъ опредѣляетъ совершенно вѣрно: «очевидно, это есть выраженіе свободной воли этой державы». Но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы разобрать съ практической точки зрѣнія, насколько воля, выраженная русскимъ правительствомъ, сходится или не сходится съ видами и намѣреніями Англіи, лордъ Гренвилль читаетъ намъ лекцію о теоріи права, о значеніи взаимнообязательности и т. д. Что же касается существеннаго пункта, то онъ положительно устраняетъ этотъ пунктъ отъ обсужденія. Онъ возражаетъ на такое *объявленіе*, которое по себѣ есть *дѣйствіе*, протестомъ противъ общаго *принципа*, какой можно вывесть изъ этого дѣйствія, независимо отъ основательности или неосновательности (reasonableness or unreasonableness) желанія Россіи освободиться отъ соблюденія постановленій трактата, относившихся собственно къ Черному морю.

Такой же смыслъ имѣетъ и заявленіе австрійскаго канцлера въ его депешѣ отъ 16 ноября къ графу Хотеку: «Мы не можемъ допустить сомнѣнія о безусловной силѣ этого взаимнаго обязательства, даже и въ томъ случаѣ, когда одна изъ подписавшихъ его сторонъ считала бы возможнымъ предъявить самыя основательныя (les mieux fondées) соображенія противъ сохраненія въ силѣ того или другого изъ поста-

Digitized by Google

новленій трактата, который объявленъ былъ впередъ неподлежащимъ отмѣнѣ или измѣненію безъ согласія всѣхъ подписавшихъ его державъ». Засимъ, однако, графъ Бейстъ «единственно, дабы не нарушить уваженія (égards), приличнаго петербургскому кабинету» — входитъ въ разсмотрѣніе собственно только аргументаціи нашего циркуляра о бывшихъ нарушеніяхъ трактата, не касаясь все-таки практическаго его значенія.

Такимъ образомъ, на фактическое заявленіе нашего канцлера, на поставленіе, въ виду буквы трактата устарѣвшаго, новыхъ условій жизни, новыхъ серьезныхъ необходимостей и полнаго измѣненія обстоятельствъ, лишающаго его всякой реальной силы, отвѣчали буквою трактата, и уроками о взаимнообязательности международныхъ буквъ. Какое давать значеніе такимъ ссылкамъ на теоретическую невозможность въ виду безусловной буквы? Есть ли это вопросъ объ уничтоженіи значенія всякихъ международныхъ обязательствъ на будущее время, вопросъ о томъ, — какъ выразился остроумно, но немножко легко баронъ Бейстъ—что смыслъ заявленія Росссіи «компрометтируетъ не только всѣ трактаты существующіе, но и трактаты будущіе; можетъ облегчить ихъ заключеніе, но не можетъ способствовать къ ихъ прочности?»

Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ и возбуждаетъ ли заявленіе Россіи такой общій вопросъ? Чтобы доказать это, слѣдовало бы доказать, что доселѣ всѣ трактаты, какъ бы они ни противорѣчили новымъ условіямъ жизни, всегда соблюдались свято, никѣмъ никогда не провозглашались фактически отмѣненными, и не отмѣнялись фактически прежде, чѣмъ по общему соглашенію они были предварительно замѣнены новыми трактатами, которые были подписаны тѣми же договаривающимися сторонами. Только въ такомъ случаѣ можно бы доказывать, что заявленіе русскаго канцлера впервые теоретически, по принципу, подвергаетъ сомнѣнію обязательность трактатовъ вообще. На дѣлѣ этого вовсе не было, и очень хорошо извѣстно, что наоборотъ весьма немного въ исторіи примѣровъ, чтобы трактаты отмѣнялись на практикѣ не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи о новомъ трактатѣ, и не прежде, какъ по обмѣнѣ ратификацій такого новаго трактата всѣми сторонами, участвовавшими въ прежнемъ.

Если же это такъ, то, когда говорятъ, что такая-то буква, нѣкогда соотвѣтствовавшая реальнымъ условіямъ, нынѣ пришла въ полное несоотвѣтствіе съ жизнью, съ тѣми фактами, которыхъ трактатъ можетъ быть только выраженіемъ,—какой смыслъ получаютъ тѣ возраженія, которыя ссылаются на безусловность мертвой буквы? Слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ увѣщаніе къ соблюденію международной нравственности, или же одно безусловное, но мертвое и безсильное: Non possumus?

Digitized by Google

Папа провозглашаетъ проклятіе на всѣхъ вступившихъ въ Римъ, нарушившихъ права церкви, ихъ совѣтчиковъ и одномышленниковъ. Лордъ Гренвилль и баронъ Бейстъ проклятія на насъ не изрекаютъ, но отказываются «допустить нашъ принципъ» и вмѣстѣ съ нашею твердятъ: non possumus!

Несоблюденіе той формы, о которой сожалѣетъ графъ Гренвилль, оправдывается не только трудностью соблюсти ее въ настоящее время, но и самымъ существомъ того стѣсненія, которое Россія сбросила теперь собственнымъ своимъ словомъ. Россія впередъ, въ то самое время, когда впервые зашла рѣчь объ ограниченіи ея правъ на Черномъ морѣ, всѣми силами протестовала противъ этого условія, видя въ немъ преднамѣренное униженіе себя. «Это условіе— писалъ графъ Нессельроде въ циркулярѣ 16-го и 28-го апрѣля 1855 года, — чувствительно касается (touchait de près) чести и достоинства Россіи. Такъ взглянулъ на это нашъ августѣйшій монархъ и народное чувство всей нашей страны подтвердитъ это рѣшеніе».

Со стороны нынѣшняго русскаго канцлера всего менѣе можетъ удивлять кабинеты, что онъ съ такимъ убѣжденіемъ исполнилъ настоящую волю своего государя. Обращаясь къ протоколамъ вѣнской конференціи, мы видимъ, что князь Горчаковъ, въ то время нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, съ самаго начала объявлялъ, что Россія не можетъ принять условія, «которое нарушало бы права ея на ея собственной территоріи», что «Россія несогласится на ограниченіе своего флота трактатомъ или иначе», что «великая держава не можетъ принять такого условія» (засѣданіе 17-го апрѣля 1855 г.). Онъ рѣшительно отрицалъ примѣръ Дюнкирхена, на который сослался лордъ Джонъ Россель. Самъ австрійскій министръ, графъ Буоль, предсѣдатель конференціи, высказалъ (засѣданіе 19-го апрѣля), что «въ общей теоріи, притязаніе ограничить сухопутныя или морскія силы иностраннаго государства есть покушеніе (empiétement) на ея верховныя права». Когда же кн. Горчаковъ спросилъ его: «полагаетъ ли графъ Буоль, что Австрія обязана будетъ поддерживать принудительными мѣрами, вслучаѣ несогласія Россіи, такое условіе, которое онъ самъ призналъ исключеніемъ изъ имъ же поставленнаго общаго принципа? «На это австрійскій министръ возразилъ, что, онъ все-таки совѣтуетъ Россіи принять это условіе, *оговаривая за своимъ государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ*». Это *будущее* теперь наступило совсѣмъ.

Князь Горчаковъ тогда представилъ (въ засѣданіи 21-го апрѣля 1855 г.) подробную записку объ этомъ предметѣ, составляющую первое приложеніе къ 12-му протоколу конференціи. Въ запискѣ этой онъ доказывалъ, что преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ явилось не столько по ея волѣ, сколько вслѣдствіе обстоятельствъ отъ нея независѣвшихъ: освобожденіе Греціи, битва при Наваринѣ, завоеваніе Франціею

Digitized by Google

лжира, стремленія паши египетскаго, тунисскаго и триполійскаго евъ къ независимости, лишили Порту достаточнаго значенія на морѣ, сдѣлали ея силы на морѣ меньшими противъ русскихъ. Но отъ Порты зависѣло, продолжалъ кн. Горчаковъ, увеличить ихъ. Затѣмъ, нъ доказываетъ примѣрами, какъ затруднительно оказывалось транспортированіе русскихъ войскъ на черноморскихъ судахъ и видѣлъ ъ этихъ примѣрахъ достаточное доказательство того, что русскій лотъ не составляетъ большой опасности для Турціи. Онъ указывалъ на то, что въ близкомъ Средиземномъ морѣ находятся такія морскія илы западныхъ державъ, съ которыми Россія не можетъ мѣряться, и что всѣ эти силы могутъ быть собраны вмѣстѣ, между тѣмъ, какъ Балтійскій и черноморскій флоты Россіи соединиться не могутъ. Напоминая случай въ 1833 году, когда русскій флотъ явился въ Босфорѣ съ согласія султана, онъ спрашивалъ, не можетъ ли повториться опасность для Турціи съ иной стороны, и не можетъ ли ей пригодиться тогда русскій флотъ на Черномъ морѣ. Вмѣсто нейтрализаціи Чернаго моря князь Горчаковъ предложилъ проектъ измѣненія конвенціи 1841 года о проливахъ, а именно открытіе ихъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй, такъ, чтобы всякое преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ было отстранено доступностью его для флотовъ западныхъ державъ. Мѣра эта была отвергнута уполномоченными этихъ державъ, но нѣкоторые изъ тогдашнихъ аргументовъ князя Горчакова примѣнимы и къ настоящему времени.

На этомъ вопросѣ и разбились старанія вѣнской конференціи. Доказательствомъ того, что державы даже и въ то время не признавали полную беззащитность русскихъ береговъ условіемъ sine qua non безопасности Турціи, служитъ то обстоятельство, что первоначально предполагалось ограничить морскія силы Россіи на Черномъ морѣ *четырьмя линейными кораблями, четырьмя фрегатами* и соотвѣтствующимъ числомъ невооруженныхъ транспортныхъ судовъ. Въ послѣднемъ же засѣданіи конференціи (4-го іюня 1855 г.) графъ Буоль предложилъ ограничить численность морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ *тогдашнимъ наличнымъ ихъ составомъ* (l'état actuel des bâtimens russes à flot dans cette mer).

Итакъ, если въ конечномъ результатѣ на Россію возложили условіе полной беззащитности ея береговъ, то это было не слѣдствіемъ предварительнаго убѣжденія кабинетовъ въ необходимости такой нашей беззащитности для безопасности Турціи, а именно только слѣдствіемъ нашего пораженія, и преднамѣреннымъ *униженіемъ* Россіи.

Отвѣтъ нашего канцлера на депешу графа Гренвилля принятъ былъ въ Англіи благопріятно. «Хотя документъ этотъ» — говоритъ Daily News—«и не заключаетъ (does not conclude) этого дѣла самымъ удовлетворительнымъ образомъ; никакое безусловное non possumus не

Digitized by Google

ставитъ въ немъ автора и его государя внѣ предѣловъ дальнѣйшаго обсужденія и дальнѣйшихъ переговоровъ».

Но съ этимъ нельзя согласиться въ принципѣ. Отвѣтъ кн. Горчакова написанъ въ весьма дружелюбномъ тонѣ и никакъ не отклоняетъ переговоровъ, но въ немъ подтвержденъ еще разъ фактъ, что обязательство Россіи уже перестало существовать. Согласиться на переговоры Россія можетъ, но неиначе, какъ удерживая именно эту точку зрѣнія: трактатъ 1856 года нарушенъ событіями послѣднихъ 14-ти лѣтъ, измѣнившими всѣ международныя отношенія въ Европѣ; обязательность статей его для Россіи перестала существовать, какъ перестали существовать, напр., постановленія 1815-го года о германскомъ союзѣ.

Прусскій король навѣрно не согласился бы испрашивать въ настоящее время у европейской конференціи позволенія на измѣненіе постановленій 1815 года. Точно такъ и Россія не можетъ испрашивать позволенія считать пункты 11, 13 и 14-й трактата 1856 года необязательными для себя. Европа можетъ подтвердить факты новымъ соглашеніемъ, которое состоялось бы на ихъ основаніи. Но Россія не можетъ согласиться на отрицаніе самыхъ этихъ фактовъ, подающихъ поводъ къ созванію конференціи.

Циркуляръ нашего канцлера былъ дополненъ особыми депешами отъ 20-го ноября къ представителямъ Россіи въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Флоренціи, Турѣ и Константинополѣ. Эти депеши дополняютъ миролюбивыя заявленія циркуляра и содержатъ въ себѣ ссылки на прежнія сношенія касательно этого вопроса. Въ объяснительной депешѣ къ бар. Бруннову есть ссылка на бывшій уже обмѣнъ мнѣній, въ депешѣ къ г. Новикову—на заявленія барона Вернера въ 1859 году, предложеніе самого графа Бейста въ 1867 году и разговоръ его съ нашимъ канцлеромъ въ прошломъ году въ Уши. Въ объяснительной депешѣ къ посланнику нашему во Флоренціи вмѣсто особыхъ убѣжденій сказано слѣдующее: «Скажите ему (министру иностр. дѣлъ Висконти-Веностѣ), что мы ни на минуту не сомнѣваемся въ пріемѣ, какой окажетъ итальянское правительство указанному вамъ сообщенію. Это правительство настолько сознаетъ свое собственное достоинство, что поймётъ тѣ обязанности, которыя наше достоинство возлагаетъ на насъ».

Очень важно сообщеніе сдѣланное чрезъ г. Окунева, русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Турѣ. Оно начинается такимъ образомъ: «Хотя правительство, завѣдывающее нынѣ дѣлами Франціи, имѣетъ цѣлью единственно народную оборону, но держава эта занимаетъ въ Европѣ столь важное мѣсто, что императорскій кабинетъ не можетъ замедлить сообщеніемъ ей такого измѣненія въ трактатѣ ею подписанномъ». Итакъ, наше сообщеніе сдѣлано Франціи. Но вотъ то мѣсто этого сообщенія, которое въ виду возрастающихъ слуховъ о заключеніи прусскимъ королемъ трактата съ седанскимъ героемъ о возстановленіи его

Digitized by Google

на французскомъ престолѣ, представляетъ особую важность: «Война 1854 года и трактатъ 1856 года были первыми шагами на пути политическихъ потрясеній, которыя поколебали Европу и привели къ столь бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Какое бы окончательно ни установилось во Франціи правительство, его задачею будетъ уврачеваніе бѣдствій, *причиненныхъ политическою системою, вліяніе которой было такъ пагубно*».

Общественное мнѣніе должно воздержаться отъ преждевременныхъ приговоровъ; но единогласное мнѣніе всей Европы, безъ всякаго исключенія, протестовало бы противъ возстановленія Наполеона Третьяго во Франціи. Установивъ весь миръ Европы на такомъ не только по необходимости шаткомъ, но и нравственно-нестерпимомъ основаніи, король Вильгельмъ подготовилъ бы неминуемость той войны, отъ которой ему хотѣлось бы охранить Пруссію въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ бы свое дѣло всякой нравственной силы.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) ноября 1870.

ЮЖНАЯ ЛИГА.

Наше предъидущее письмо*) было прервано только-что появившимся тогда слухомъ о взятіи Метца....

«Метцъ дѣвственный — Metz-la-Pucelle — въ первый разъ въ своей жизни увидитъ непріятеля въ своихъ стѣнахъ!

«О нѣтъ! мы хотимъ остаться достойными васъ, о, наши отцы 1792 года, которые шли въ деревянныхъ башмакахъ (sabots) защищать поруганную отчизну и проливать свою кровь за свободу и за права человѣка.

«Не мы пойдемъ на капитуляцію! Пусть врагъ, прежде чѣмъ войдетъ въ наши стѣны, встрѣтитъ плотину изъ нашихъ труповъ, пусть онъ пройдетъ чрезъ кровавую баррикаду нашихъ тѣлъ прежде, чѣмъ огласитъ наши площади неслыханная ими вражья пѣснь побѣды.....»

Это была лебединая, окаймленная трауромъ пѣснь-прокламація гордыхъ гражданъ Метца, когда предъ ними упала завѣса интригъ Базена, когда они узнали, что они проданы и преданы! И этой пѣснѣ суждено было облетѣть всю Францію и вызвать изъ ея народа, раненаго въ самое сердце, тысячи откликовъ, тысячи криковъ отчаянія и злобы.

*) См. выше: ноябрь, 446 стр.

Digitized by Google

Не удивляйтесь ни патетическому тону этой прокламаціи и всѣхъ республиканскихъ газетъ, ни негодующимъ обвиненіямъ всѣхъ народныхъ собраній, ни смутамъ, разразившимся по всей Франціи отъ Парижа до Марсели—вслѣдствіе паденія Метца. Это паденіе дѣйствительно представляетъ собою небывалое въ исторіи событіе, и оно дѣйствительно слишкомъ было полно самыхъ важныхъ послѣдствій, чтобъ не поразить собою всего міра, и прежде всего, конечно, саму Францію.

До Метца мнѣ приходилось говорить о крайнемъ парализованіи энергіи народа его недовѣріемъ къ временному правительству и о пищѣ, которую это правительство давало такому недовѣрію своими распоряженіями, своимъ систематическимъ осужденіемъ всякой народной иниціативы, на ряду съ своимъ упорнымъ сохраненіемъ вѣры въ республиканскую добродѣтель бонапартовскихъ сподвижниковъ, не исключая отсюда и Базена. Предательство Базена сразило одинаково и партизановъ народной иниціативы, и защитниковъ правительственной (въ сущности единоличной) диктатуры.—Первые, предсказывая новыя несчастія для Франціи, сами не могли вѣрить въ возможность столь жестокаго подтвержденія ихъ предсказаній; вторые, чувствуя возможность грозы народнаго негодованія, были почти готовы отказаться, въ первую минуту сюрприза, отъ своей авторитетной системы.

Дѣйствительно, ни въ одну изъ революціонныхъ эпохъ Франціи диктатура не предъявляла такихъ притязаній, какъ въ настоящую минуту. Историки великой французской революціи и до сихъ поръ ведутъ споръ—какъ мы могли видѣть всего два года тому назадъ между Мишле и Луи-Бланомъ—о диктатурѣ якобинцевъ, и апологеты Робеспьера защищаютъ его отъ обвиненія въ диктаторствѣ, какъ отъ преступленія. Но вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что ни Робеспьеръ, ни кто другой изъ его товарищей не стремились къ такой диктатурѣ, какую теперь захватилъ Гамбетта въ *провинціи*, т.-е. во всей Франціи, за исключеніемъ Парижа. Въ 1793-мъ году былъ комитетъ общественнаго спасенія (de Salut Public), въ которомъ каждый изъ членовъ «умѣлъ носить голову на плечахъ,» т.-е. каждый обладалъ самостоятельнымъ характеромъ и независимымъ убѣжденіемъ, и этотъ комитетъ вовсе не одинъ заправлялъ судьбою Франціи,—рядомъ съ нимъ стоялъ комитетъ Общей Безопасности (de Sureté générale), и выше ихъ обоихъ царилъ Конвентъ. Ни одна военная мѣра не была принята самолично «организаторомъ побѣдъ» Карно, и самому Карно, послѣ долгихъ споровъ, случалось уступать предъ убѣдительностью юнаго С. Жюста; комиссары республики не отправлялись въ департаменты безъ назначенія или вѣдома Конвента, и Конвентъ судилъ ихъ по рапортамъ, а они знали, что отвѣтствуютъ головой за свои проступки и даже ошибки. Да, то было страшное время!—неудача считалась преступленіемъ и казнилась гильотиной; измѣна одного Дюмурье со-

Digitized by Google

дѣйствовала кровавымъ образомъ гибели цѣлой великой партіи жирондистовъ за то только, что они не предвидѣли его измѣны, хотя врядъ-ли кто серьезно сомнѣвался въ искренней преданности жирондистовъ республикѣ. Французы жестоко ошиблись тогда, воображая, что гильотина есть панацея; но дѣло было не въ гильотинѣ, а въ томъ обстоятельствѣ, что тогда каждый сознавалъ свою отвѣтственность, и если революціонныя власти были строги къ измѣнамъ и неудачамъ, то онѣ достигли тѣмъ хоть того, что нація вѣрила въ ихъ серьезность и неподкупность, вѣрила, что для нихъ нѣтъ сдѣлки съ старымъ и прошлымъ,—и эта *вѣра* вызвала во всей Франціи громадное, полное энтузіазма движеніе, котораго ни комитеты, ни Конвентъ никогда не думали давить и которое, въ концѣ концовъ, одолѣло вторженіе феодальной коалиціи съ ея Брунсвикомъ и Питтомъ!...

Современная Франція инстинктивно сознаетъ, что ей нужно воскресить древнюю вѣру въ себя, которую до глубины потрясло 20-лѣтнее правленіе Наполеона, и вотъ чѣмъ можно объяснить постоянное обращеніе французской мысли при нынѣшнихъ обстоятельствахъ къ воспоминаніямъ 90-хъ годовъ. Франція еще недавно вела войны; при началѣ крымской кампаніи, положеніе французовъ представлялось вовсе не блистательнымъ; извѣстія о бѣдственномъ состояніи французской арміи подъ Севастополемъ смущали весьма сильно французовъ, но тогда никому не приходило въ голову никакое обращеніе къ 90-мъ годамъ, именно потому, что всѣ войны второй имперіи были войнами Наполеона III-го и только: народъ, нація были въ нихъ ни при чемъ. Послѣ Седана, самою силою вещей, т.-е. уничтоженіемъ императорской арміи, Франція должна была обратиться или къ заключенію мира, или къ вызову на поле битвы народныхъ силъ. Между тѣмъ, новое временное правительство захотѣло идти по пути *ни* этой альтернативы, по *среднему* пути,—и не мира, и не народной войны. Но народъ никогда не бываетъ ни политикомъ, ни дипломатомъ, а потому нельзя требовать отъ него такихъ качествъ, которыя не сродны его темпераменту; народъ не понимаетъ среднихъ путей; онъ или обрекаетъ себя на неподвижность, или приходитъ въ движеніе, и тогда трудно объяснить ему, что двигаться нужно въ опредѣленной мѣрѣ, и ровно столько, ни больше, ни меньше. При народной войнѣ, въ томъ положеніи, въ какое теперь поставлена Франція, правительству слѣдовало какъ можно меньше декретировать, и какъ можно болѣе организовать народныя силы. Временное правительство начало съ декретовъ, и тѣмъ съ одной стороны парализовало народный энтузіазмъ, съ другой—содѣйствовало успѣху такъ-называемой «красной партіи».

Первое явленіе, т.-е. паралізованіе народнаго энтузіазма породило то мрачное состояніе Франціи, которое пришлось намъ описывать вт

Digitized by Google

послѣдній разъ, и отвѣтственность за которое должна пасть, конечно, не на насъ, корреспондентовъ, какъ то пожалуй думаютъ усматривающіе въ мрачности описанія современнаго положенія Франціи какія-нибудь антипатіи описывающаго къ самой Франціи. Новѣйшіе «друзья Франціи» оказали бы ей плохую услугу, еслибы, наприм., въ 1849-мъ г. они рисовали розовыми красками тогдашнее положеніе французской «республики». Теперь они понимаютъ сами, почему такая ихъ услуга была бы невелика. А кто поручится, что французская республика 1870-го года не окажется опять *императорскою республикою*, какъ оказалась республика 1849-го года ступенью къ имперіи и къ ея пагубному режиму?

Я даже полагаю, что трезвое отношеніе къ современному положенію Франціи, безъ всякаго увлеченія тою или другою терминологіею, было бы гораздо полезнѣе даже для самихъ французскихъ республиканцевъ: они знали бы тогда, а черезъ нихъ и французскій народъ, что если и при республиканскомъ режимѣ Франція гибнетъ подъ тяжестью непріятельскаго вторженія, какъ она гибла при наполеоновскомъ режимѣ, то это не потому, что республиканскій режимъ также мало состоятеленъ, какъ и наполеоновскій, но именно потому, что правительствующіе республиканцы или боятся, или не знаютъ французской націи, какъ не знало и вмѣстѣ боялось ее наполеоновское правительство.

При такомъ характерѣ дѣйствія членовъ временного правительства, провинціи, и особенно южныя, могли легко сдѣлаться поприщемъ для оппозиціи и представляютъ потому въ настоящую минуту много любопытнаго для наблюденія.

Сдача Метца имѣла совершенно не то вліяніе на провинціи, какого ожидали предатели. Эта сдача должна была повліять хорошо и на само временное правительство, которое до того времени считало возможнымъ сдѣлку съ бонапартистами, и конечно не изъ глубокаго убѣжденія называло Базена «notre glorieux Bazaine». Послѣ этого опыта едва ли оно рѣшится строить народную оборону не на силахъ народа, а на своемъ искусствѣ плѣнить бонапартистовъ въ пользу республики лестью и угодничествомъ предъ ними. Не отрицая «добрыхъ намѣреній» Турскаго правительства, не терявшаго надежды сдѣлать годное орудіе для обороны изъ бонапартовскихъ генераловъ, мы должны отказать ему въ политической проницательности, отсутствіе которой, если бы не Метцъ, довело бы Францію до послѣдней степени деморализаціи.

Я никогда не повѣрилъ бы только слухамъ и газетамъ до чего доводилось временнымъ правительствомъ еще недавно парализованіе народнаго вооруженія, еслибъ не видѣлъ собственными глазами печальныхъ примѣровъ удивительной распущенности и деморализаціи страны.

Digitized by Google

Въ тотъ день, когда явились въ газетахъ иностранныхъ (не французскихъ) депеши о сдачѣ Метца, я сидѣлъ въ café въ небольшомъ городкѣ Савойи, среди *annexés*, какъ зовутъ себя савояры. Въ café, конечно, шли патріотическіе толки, которые вдругъ прервались вошедшимъ сконфуженнымъ господиномъ, объявившимъ, что Метцъ сдался.— «Ложь—возразили ему въ одинъ голосъ всѣ сидѣвшіе въ café—быть не можетъ!—Я прочелъ это въ «Добавленіи» къ Женевскому журналу.—Женевскій журналъ реакціонерный и продался пруссакамъ.— Конечно вздоръ, въ депешѣ изъ Тура ничего нѣтъ. — А что въ депешѣ изъ Тура? пойдемъ же смотрѣть».—Депеши изъ Тура вывѣшиваются каждый день на стѣнѣ городской думы, но эти депеши старѣе газетныхъ по крайней мѣрѣ на два дня. — «Да нѣчего ходить— остановилъ патріотовъ одинъ собесѣдникъ,—въ турской депешѣ только и сказано, что мы убили трехъ улановъ и двухъ лошадей.—Ну да и изъ Метца была депеша, что Базенъ захватилъ 400 овецъ и 500 быковъ! онъ бьетъ нѣмцевъ, а вы выдумали, что онъ сдался. — То-то, еслибъ онъ нѣмцевъ билъ, а не ихъ быковъ»!—замѣтилъ одинъ шутникъ, едва не оскорбившій патріотическаго собранія такимъ размышленіемъ.

Пошелъ и я къ городской думѣ; — цѣлая толпа стояла у афиши, несмотря на проливной дождь; небольшой мальчикъ читалъ громко афишу при свѣтѣ зажженной спички, фонаря не полагалось.—«Убито три улана, двѣ лошади, три лошади захвачено. Трое пруссаковъ бѣжало отъ фран-тиреровъ». О Метцѣ ни слова, и въ толпѣ никто или не могъ, или не смѣлъ заговорить. Толпа расходилась, по улицамъ бродили мобили въ гражданскихъ шапкахъ и шляпахъ за неимѣніемъ кэпи; изрѣдка раздавался сильный голосъ: Aux armes, citoyens! marchons! marchons! и пѣвецъ маршировалъ—по направленію къ казармѣ....

На другой день, въ 6 часовъ утра, я отправился далѣе по пути къ Гренобль, чтобъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе производитъ паденіе Метца; цѣлый день пропалъ напрасно, потому что никто еще не зналъ о роковомъ событіи. Мобили ѣхали по желѣзной дорогѣ и разсказывали мнѣ, какъ имъ не даютъ ни одежды, ни оружія; какъ они скучаютъ въ бездѣйствіи, переходя съ одного мѣста на другое и даже не получая ни малѣйшаго обученія; «вчера изъ насъ отправили 250 человѣкъ къ Орлеану, завтра и мы отправимся безъ всякой директіи, а теперь насъ отпустили проститься съ знакомыми; вернемся ли мы когда-нибудь? задалъ одинъ изъ нихъ себѣ вопросъ. — Должно быть вернемся, отвѣтилъ другой иронически, — послѣ плѣна, когда насъ заберутъ пруссаки.» Поздно вечеромъ, ѣхавъ въ шарабанѣ подъ проливнымъ дождемъ, отъ одной деревни къ другой, я опять встрѣтилъ десятокъ мобилей и окликнулъ ихъ: куда вы идете?—Насъ отпустили на ночь въ деревню къ знакомымъ.—Я остановился и заш

Digitized by Google

съ ними въ трактиръ, чтобъ согрѣться виномъ: «Вотъ это насъ такъ мочатъ безъ толку, и больше ничего; сегодня въ городѣ, завтра отпускъ; вотъ ужъ три недѣли, какъ *они* обѣщаютъ вести насъ въ дѣйствіе, а мы даже не видѣли шаспо; офицеры смѣются надъ нами, они любятъ только солдатъ. — Еслибъ ихъ послать въ Седанъ, они не смѣялись бы такъ»—проговорилъ, вздохнувъ, юноша-clairon.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.—Онъ вѣдь былъ въ Седанѣ, пояснилъ мнѣ его товарищъ.—Какъ же вы сюда попали?—«О, я бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна, я попалъ въ Базель, а потомъ, не знаю зачѣмъ, я попалъ въ Тессино и оттуда въ Бернъ, а оттуда меня прислали сюда, и я теперь въ мобиляхъ, но я хочу идти драться, они разорили всю мою страну; вокругъ Седана ѣсть нечего.... я родомъ изъ Седана—это хорошій край... я не знаю, гдѣ моя мать, гдѣ сестра, и онѣ ничего не знаютъ... ихъ вѣрно убили». — Юноша помолчалъ и потомъ вдругъ вспыхнулъ: «Отчего насъ не пускаютъ идти куда мы хотимъ, отчего насъ держатъ здѣсь, какъ лѣнтяевъ? я повелъ бы моихъ товарищей въ битву; если насъ еще будутъ держать, мы убѣжимъ къ Гарибальди; dites donc, и онъ наклонился къ моему уху: мы поклялись убить Бонапарта, мы найдемъ его!...» А у дверей стояла красивая савоярка съ черными большими глазами, съ растрепанными черными косами: «*le mien, мой* теперь живетъ въ Парижѣ, онъ ушелъ ужъ давно туда, тамъ хорошо, въ Парижѣ, это столица, тамъ не убьютъ»... «Глупая, — сказалъ мнѣ одинъ изъ мобилей, выходя на улицу, — онѣ здѣсь всѣ воображаютъ, что ихъ милые въ Парижѣ и что тамъ не убьютъ—опѣ и могилъ-то ихъ не съищутъ!—cela se fait promptement! en route!...»

Эти сцены, конечно, могутъ быть приняты вами за одиночныя, но вся бѣда въ томъ, что онѣ повторяются на всѣхъ углахъ Франціи. Вотъ въ Б—лѣ образовался отрядъ вольныхъ стрѣлковъ—«nous sommes les francs-tireurs de la mort — говоритъ мнѣ ихъ лейтенантъ, мы идемъ, чтобъ не возвращаться». — «Къ сожалѣнію не идемъ, а стоимъ—замѣчаетъ капитанъ, къ которому мнѣ дана рекомендація;— шесть недѣль я добиваюсь отъ префекта ружей, а онъ ждетъ приказа изъ Тура; я его просилъ дать мнѣ хоть 5 или 6 шаспо для обученія моихъ 150 человѣкъ, а онъ говоритъ что нѣту, когда въ Ан.... стоятъ неизвѣстно зачѣмъ линейныя войска и у нихъ у всѣхъ шаспо; они право хотятъ, чтобъ Гарибальди пропалъ (волонтеры сбирались къ Гарибальди). — Отчего же вы сами не пойдете къ Гарибальди—пробраться не трудно, а онъ дастъ вамъ оружіе?—Какъ пробраться? насъ остановятъ и арестуютъ и засудятъ за дезертирство—мы должны ждать здѣсь приказа».

Они быть можетъ ждутъ этого приказа и до сихъ поръ!

Чрезъ два дня я возвращался чрезъ Эксъ, гдѣ тоже случилась

Digitized by Google

хорошая исторія. Въ Эксѣ знаменитыя ванны и военная школа. Ванны теперь пусты. Юноши рѣшили, что и школа должна быть пуста, что они будутъ полезнѣе на войнѣ. Явились генералъ и префектъ и пригрозили юношамъ, объясняя, что не ихъ дѣло соваться куда ихъ не спрашиваютъ; юноши взбунтовались противъ генерала-бонапартиста и школа дѣйствительно опустѣла,—ученики разбѣжались, желая биться съ пруссаками...

Уѣзжая изъ Ан..., я сказалъ хозяйкѣ о томъ, что вернусь чрезъ два дня и оставилъ у нея мои книги и плэдъ. Я дѣйствительно вернулся черезъ два дня... и не узналъ тихаго городка. Все было въ волненіи.

Ого, подумалъ я, вотъ оно, что значитъ плѣнъ Базена. Я отправился къ своему отелю и со мной отправилась вся толпа, полиція, жандармы. Мнѣ вдругъ показалось какъ-то страннымъ такое шествіе, и я посмотрѣлъ на моего пріятеля француза, съ которымъ путешествовалъ; онъ мнѣ моргнулъ глазомъ и проговорилъ: nous sommes pincés, cela sera curieux à voir.—Pardon! вдругъ сказалъ мнѣ высокій статскій господинъ, фигуру котораго я замѣтилъ уже при отъѣздѣ изъ Ан...—господинъ-комиссаръ желаетъ съ вами поговорить.—Гражданинъ-комиссаръ можетъ со мною поговорить (отвѣтилъ я, понявъ наконецъ, что дѣло идетъ не о плѣнѣ Базена, а о моемъ собственномъ); гдѣ вашъ коммиссаръ?

Изъ café, противъ моего отеля, вышелъ небольшой человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и, не взглянувъ на меня, произнесъ: «потрудитесь слѣдовать за мною».—«Куда? Въ отель. Пойдемте».—«Милостивые государи, обратился онъ къ намъ, когда мы вышли въ залу—предъ вами стоитъ комисаръ и чтобъ вы знали, что имѣете дѣло съ офиціальной властью, вотъ мой шарфъ»! И онъ выгащилъ изъ кармана своего новый трехцвѣтный шарфъ и хотѣлъ было украсить себя имъ. «Gardez, gardez cela pour vous—воскликнулъ усмѣхаясь мой пріятель, мы вамъ на слово вѣримъ». Коммиссаръ грозно посмотрѣлъ на насъ, переглянулся съ своими двумя полицейскими аргусами и еще грознѣе произнесъ: «вы подозрѣваетесь въ шпіонствѣ, вы прусскіе агенты, я долженъ васъ задержать».—Я вамъ рекомендую не дѣлать вздора, сказалъ я ему—мы такіе же прусскіе агенты, какъ и вы.—«Кто-жъ вы такіе»? спросилъ онъ сурово.—Съ этого слѣдовало начать, отвѣтилъ я—мы корреспонденты журналовъ. «Корреспонденты!—неправда, вы записались въ книгѣ «негоціанты», а въ нашемъ городѣ негоціантамъ нечего дѣлать; теперь вы говорите, что вы корреспонденты, вы, значитъ, совершили подлогъ? я представлю дѣло прокурору»!—Постойте—остановилъ я моего инквизитора—я желаю объясниться съ префектомъ, ведите насъ къ нему въ такомъ случаѣ.—«Развѣ вы знаете префекта»?—Знаю. (Я вовсе не зналъ префекта, но я слышалъ о немъ, и все дѣло для меня было

Digitized by Google

въ томъ, чтобъ вывернуться изъ рукъ прокурора: прокуроръ имперіи, прокуроръ республики—это все одно и тоже—это уже такой санъ, который считаетъ нужнымъ обвинять всякаго, и потому я всегда предпочиталъ, въ мою бытность во Франціи, находиться на благородной дистанціи отъ нихъ; еслибъ я теперь попалъ къ прокурору, дѣло затянулось бы въ долгую). «Идите впередъ,—сказалъ намъ коммиссаръ—я не желаю васъ компрометтировать передъ народомъ, онъ можетъ сыграть съ вами худую шутку, если увидитъ васъ со мной и убѣдится, что вы шпіоны».—Сдѣлайте милость не стѣсняйтесь, отвѣчали мы смѣясь, мы вовсе не боимся гнѣва народа, мы съумѣемъ объясниться съ нимъ.

Эти слова, повидимому, еще болѣе убѣдили коммиссара въ томъ, что мы самые злостные шпіоны, ибо ищемъ такъ нагло бесѣды съ народомъ. Мы вышли изъ отеля и за нами снова хлынула вся толпа, но я не встрѣтилъ ни одного взгляда, который грозилъ бы намъ растерзаніемъ. «А вы думаете, что въ нашей Франціи можно безнаказанно распоряжаться»?—Гражданинъ-коммиссаръ—я васъ увѣряю, что я распоряжался только кускомъ бифштекса въ отелѣ и стаканомъ вина, да и какъ вы не поймете, что въ вашемъ захолустьѣ шпіонамъ нечего дѣлать?—«О, о, Метцъ взятъ, прусская армія идетъ на Ліонъ, они хотятъ занять всю Францію, они всюду посылаютъ своихъ éclaireurs».—Такъ вамъ уже дали знать, что Метцъ взятъ? —«Не кричите, народъ еще не знаетъ»!—Однако, если мы шпіоны, заговорилъ нарочно громко мой пріятель, то разстрѣляйте насъ. Коммиссаръ даже испугался: «мы увидимъ что́ съ вами надо дѣлать».

Мы прождали четверть часа у префекта и предстали наконецъ предъ его не то грознымъ, не то сконфуженнымъ ликомъ. Мы пожаловались ему на безцеремонный арестъ нашъ и спросили его о причинѣ такого обхожденія съ нами. «Мы *подозрѣваемъ* васъ, вы понимаете, какія теперь времена, мы не можемъ допускать путешествовать людей безъ всякой цѣли».—Помилуйте, да корреспондентовъ даже въ главныя квартиры армій допускаютъ, вѣдь безъ корреспондентовъ міръ провалился бы во тьмѣ, мы, конечно, должны будемъ разсказать въ журналахъ про господина коммиссара, поносящаго насъ гнуснымъ именемъ шпіоновъ. «Я не сдѣлалъ вамъ ничего оскорбительнаго, воскликнулъ коммиссаръ, но помните, что я знаю, кто вы такіе»!—Кто же мы такіе?—«Вы—вы секретари тайнаго прусскаго комитета въ Женевѣ, ага! вы теперь не будете отнѣкиваться». Коммиссаръ вперилъ въ меня свои испытующіе взоры, префектъ принялъ величественную позу.—Да, отвѣчалъ я, это правда (лица обоихъ властей передернулись), только вы ошиблись въ чинѣ: я—самъ Бисмаркъ, а это—самъ Мольтке!—Мой пріятель громко расхохотался. Коммиссаръ совершенно сконфузился; префектъ увидѣлъ, что коммиссаръ зашелъ

Digitized by Google

слишкомъ далеко въ своей стратегической погонѣ за шпіонами и позвалъ меня въ свой кабинетъ: «Намъ дѣйствительно дано знать, что сюда явятся прусскіе шпіоны, и поэтому я долженъ задержать васъ, пока не выяснится ваша личность». Будьте въ такомъ случаѣ такъ добры, телеграфировать въ Женеву къ такимъ-то лицамъ, они тамъ извѣстны своимъ политическимъ положеніемъ. «Да зачѣмъ же вы ѣздите и не представляетесь прямо властямъ»?—Я рѣшительно не предполагалъ, чтобъ у властей было время принимать визиты всѣхъ проѣзжихъ.—«Мы переживаемъ тяжелое время, мы окружены шпіонами, пруссаки, бонапартисты!» — Raison de plus, чтобъ не представляться властямъ—у васъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно на высшихъ мѣстахъ удержались бонапартисты съ своими старыми замашками, замѣтилъ я, видя, что новый префектъ дѣйствительно республиканецъ.

Онъ послалъ двѣ телеграммы въ Женеву и объявилъ насъ арестованными. Семь человѣкъ полицейскихъ составили нашъ почетный караулъ; цѣлые два часа тянулось натянутое положеніе между плѣнными шпіонами и стражами республики, даже курить не позволили; но чрезъ два часа, стражамъ надоѣли церемоніи и мы стали болтать—болтать конечно о политикѣ. «Ну, произнесъ одинъ аргусъ, если вы шпіоны, то вы хорошо знаете Францію, чортъ возьми этихъ пруссаковъ!» — А вотъ вы, замѣтилъ я, такъ не хорошіе стражи; ну, представьте себѣ, что мы éclaireur'ы прусскіе, какъ говоритъ коммиссаръ, вотъ вся ваша полиція сбѣжалась караулить насъ, а въ это время пруссаки могутъ войти и занять городъ!—«Э, да что коммиссаръ—произнесъ въ досадѣ одинъ изъ нихъ—вѣдь онъ *гасконецъ*! выдумалъ въ праздникъ арестовывать и держать насъ здѣсь!»

По случаю праздника, мы предложили выпить, что было принято, и на столѣ нашей тюрьмы явились стаканы, бутылки и даже сигары.... Мы провели въ пріятной бесѣдѣ время до 8 часовъ вечера, когда снова явился коммиссаръ, чтобъ получить приказаніе отъ префекта о нашемъ затворничествѣ на ночь; но въ 8¼ часовъ принесли изъ Женевы депешу, и фантазія коммиссара должна была уступить факту: насъ освободили, требуя только, чтобъ мы не медля удалились изъ города. Мы вышли изъ префектуры и, подходя къ своему отелю, увидѣли, какъ тѣ же полицейскіе слѣдили за нами въ разсыпную:—«это мы оберегали васъ отъ *народнаго* нападенія», объяснилъ коммиссаръ, провожая насъ изъ отеля. Мы еще разъ посмѣялись и выбрались изъ стѣнъ града, скандализированнаго мнимыми шпіонами....

Но обратимся къ югу Франціи, гдѣ, какъ мы сказали, тоже политика временнаго правительства вызвала совсѣмъ другія послѣдствія, и послужила къ основанію особаго союза и особаго правительства подъ названіемъ «Южной Лиги».

Еще за нѣсколько дней до сдачи Метца, «Южная Лига» послала

Digitized by Google

за Клюзере въ Женеву одного изъ своихъ депутатовъ съ порученіемъ отъ Фрэнсисъ Трена. Тотъ американецъ, о которомъ я говорилъ еще въ прошломъ письмѣ — оказался самъ знаменитый Фрэнсисъ Тренъ; онъ зналъ Клюзере лично, потому что оба они участвовали въ фенiанскихъ предпріятіяхъ, оба сидѣли въ тюрьмѣ и оба послѣ встрѣтились въ Америкѣ.

Тренъ замѣчательная личность! онъ вездѣ поспѣваетъ—одни считаютъ его весьма умнымъ, другіе—просто тѣмъ, что зовется въ Америкѣ great *humbug*, великимъ шарлатаномъ, но во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ смѣлости и предпріимчивости. Онъ нажилъ себѣ огромное состояніе своими публичными чтеніями, до которыхъ такъ падки американцы; онъ сталъ знаменитъ своими чтеніями, изъза которыхъ никогда нигдѣ не живетъ, вѣчно путешествуетъ съ мѣста на мѣсто: утромъ лекціи въ такомъ-то городѣ, послѣ обѣда въ другомъ, вечеромъ въ третьемъ; вчера онъ бушевалъ противъ плантаторовъ, завтра онъ становится партизаномъ женскаго вопроса и хлопочетъ о женскомъ журналѣ «The Revolution»; послѣ завтра онъ на Соляномъ озерѣ просвѣщаетъ самого Бригэма Юнга съ его мормонами; слово и печать — его вѣрныя орудія, — они никогда не покидаютъ его. Если онъ остановился на нѣсколько дней въ городѣ, то знайте впередъ, что онъ создастъ новый журналъ и поведетъ пропаганду—и своихъ идей и... своего президентства, ибо вы должны знать, что Ф. Тренъ уже прочелъ болѣе 700 спичей въ пользу своего президентства въ 1872 г.; и онъ такъ убѣжденъ въ своемъ выборѣ—который конечно не состоится—что даже въ Марсели онъ явился на народныя собранія въ своемъ свѣтло-синемъ костюмѣ съ золотыми пуговицами, съ украшеніями фенiанскаго главы и съ знаками будущаго американскаго президента. Ему совершенно все равно, что про него пишутъ и какъ его ругаютъ газеты: онъ не останется у нихъ въ долгу—онъ, читая хотя бы въ New-York—Tribune какъ смѣются надъ его ломанымъ французскимъ языкомъ, прочтетъ въ то же время и признаніе репортера, что этотъ ломаный языкъ не помѣшалъ ему вызвать энтузіазмъ 70-ти-тысячной толпы, въ одинъ голосъ клявшейся идти за Треномъ въ битву противъ «вандаловъ и дикарей». И это дѣйствительно такъ было въ Марсели: онъ явился въ Марсель съ своимъ секретаремъ и со своимъ банкиромъ; ему понадобился журналъ, и онъ создалъ маленькій — совершенно въ американскомъ духѣ журнальчикъ la Révolution; надо было большую залу для народныхъ собраній, онъ нанялъ громадную залу цирка; марсельцы обѣщали ему идти за нимъ въ бой, ему понадобился генералъ-меча, ибо онъ самъ только генералъ слова,—онъ узналъ, что Клюзере въ Женевѣ, въ изгнаніи, преслѣдуемый лiонскимъ трибуналомъ, и онъ написалъ Клюзере письмо, чтобъ тотъ немедленно пріѣзжалъ, что онъ его беретъ подъ покровительство своего американскаго знамени...

Digitized by Google

Кюзере отправился на зовъ Южной-Лиги, и на свою бѣду попалъ въ Марсель въ роковую минуту: борьба между Туромъ и Марселемъ, между Гамбеттою и Эскиросомъ, дошла до окончательнаго кризиса. Турское правительство до такой степени парализовало всѣ стремленія Юга къ вооруженію и походу, что Эскиросу оставалось или дѣйствительно создать особое правительство, или покориться диктаторской прихоти Гамбетты: Эскиросъ рѣшился на второе, надѣясь, что Гамбетта образумится предъ общимъ выраженіемъ воли того марсельскаго народа, который его-же, Гамбетту, послалъ въ законодательный корпусъ въ 69-мъ году. Но Гамбетта поднялся отъ простого депутата Марсели до великаго диктатора всей Франціи и забылъ про souveraineté populaire — его оскорбила *непокорность* Юга, о которой гудѣли въ набатъ, какъ о великомъ скандалѣ, всѣ журналы реакціи,— Гамбетта послалъ Жента (Gent) усмирить Югъ. Между Эскиросомъ и Жентомъ только одно сходство—это ихъ имя—Альфонсъ, все остальное и розно и противоположно. Эскиросъ провелъ долгіе годы въ Англіи и съумѣлъ перевоспитать себя, съумѣлъ воспользоваться великими уроками практической свободы, проникнуться истиннымъ англійскимъ демократизмомъ новыхъ реформистскихъ партій — выражающимся въ искреннемъ уваженіи народнаго мнѣнія, въ добросовѣстномъ сообразованіи своихъ дѣйствій съ заявленными интересами и стремленіями народа; власть для Эскироса представлялась не болѣе, какъ регуляторомъ, а не капризнымъ распорядителемъ народа, сведеннаго на автоматство, и въ этомъ отношеніи — изъ всѣхъ лицъ ставшихъ во главѣ общаго или мѣстнаго правленія страною — Эскиросъ является единственною личностью; изгнаніе, вскормленное чужеземною опытностью, оказалось не безплоднымъ для его родной страны.

Совершенно иною представляется личность Жента; старый революціонеръ и конспираторъ, членъ «Молодой Горы» въ 49 году въ Ліонѣ, онъ мало чему или, проще, ничему не могъ научиться въ ссылкѣ на африканскомъ берегу; онъ остался вѣренъ своей формалистикѣ, своему поклоненію, диктаторскимъ формамъ извѣстной школы революціонеровъ; онъ рѣшилъ что Гамбетта—великій гражданинъ, и что онъ будетъ его пророкомъ. И вотъ онъ явился въ Марсель съ своимъ грознымъ привѣтомъ: «Я снабженъ полновластіемъ, и не подчиняюсь здѣсь никому, никому не обязанъ отчетомъ и ни у кого не намѣренъ спрашивать совѣта».—Слухи объ отъѣздѣ Эскироса изъ Марсели уже болѣе недѣли приводили городъ въ смятеніе: «Эскиросъ останется среди насъ и во главѣ насъ—успоконвала народъ марсельская Egalité,—назначеніе Эскироса подписано было въ Парижѣ, всѣми членами временнаго правительства, и Гамбетта не можетъ диктаторски распоряжаться Франціей». А между тѣмъ Гамбетта не только захотѣлъ смѣнить и Эскироса и префекта Дельгема, но даже назначилъ на ихъ

Digitized by Google

мѣсто ненавистнаго городу генерала національной гвардіи Мари, поручилъ ему объявить городъ въ осадномъ положеніи и распоряжаться полновластно.

Марсель, вѣчно бушующій революціонный маякъ Франціи, легіоны котораго увѣковѣчили Марсельезу по пути къ Парижу для сверженія трона, 10-го августа 92 г., и къ границѣ для побѣды надъ Брунсвикомъ,—Марсель, всѣ 18 лѣтъ имперіи не перестававшій протестовать противъ 2-го декабря, — Марсель снова всталъ на ноги: «Какъ! насъ хотятъ подвергнуть осадному положенію вмѣсто того, чтобы дать намъ средства идти осадить пруссаковъ подъ Парижемъ! l'état de siége ce n'est plus la république, c'est l'empire dans les plus mauvais jours — (при осадномъ положеніи нѣтъ болѣе республики, это имперія въ ея худшіе дни)! Мы не подчинимся самоубійству! le peuple décide de se rendre justice lui-même: народъ самъ распорядится своею судьбою».

Денежная аристократія Марсели смутилась волненіями; чтобы утѣшить ее, самъ citoyen Тренъ отправился «avec son banquier, le citoyen Rabaud», въ ихъ клубъ, въ cercle des Phocéens: «Я обращаюсь ко всѣмъ классамъ, я радъ сегодня сказать вамъ: надо, чтобъ аристократія шла съ народомъ, иначе народъ задавитъ аристократію въ своемъ шествіи (*sensation*, помѣтилъ секретарь Трена при отчетѣ объ этой рѣчи). Говорятъ, что вы бонапартисты, бурбоны, орлеаны, друзья имперіи и монархіи (*нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ за республику*,—закричали граждане-аристократы). A la bonne heure! обрадовался Тренъ, впередъ-же, пойдемте въ Пруссію съ нашей Южной арміей, и провозгласимте въ Берлинѣ германскую республику! Между вами есть люди, которые боятся гражданской войны, гоните этотъ ложный страхъ; въ аристократическихъ кругахъ есть люди, которые кричатъ о гражданской войнѣ только для того, чтобы лучше укрыть свое предательство; тѣ, которые толкаютъ народъ на гражданскую войну—презрѣнные монархисты, да, они хуже чѣмъ предатели (*Sensation!*); я убилъ бы такихъ людей какъ собаку; знайте, что тѣ, которыхъ вы зовете демагогами, болѣе стоютъ чѣмъ вашъ императоръ, который четверть вѣка водилъ васъ за носъ, какъ водятъ малаго ребенка! Извините за правду (*говорите, говорите!*). Франція ужасно деморализована! развращенное правительство могло только развращать народъ. Оно сдѣлало изъ васъ лавочниковъ; въ вашемъ Марсели можно насчитать тысячами людей, болѣе предпочитающихъ продавать волонтерамъ дрянные башмаки, которые не продержутся и 6-ти недѣль, чѣмъ идти на спасеніе отечества (*шумъ, волненіе*)... Банкиры, негоціанты, капиталисты, не будьте ни бонапартистами, ни легитимистами, ни орлеанистами, будьте французами республики. Пусть всѣ, богатые и нищіе, народъ и члены аристократіи соединятся, и Франція восторжествуетъ, я ручаюсь вамъ. Поднимайтесь же всѣ. Къ оружію! Да здравствуетъ

Digitized by Google

ранція»!—Восторженныя рукоплесканія потрясли аристократическій убъ при неслыханной дотолѣ въ его стѣнахъ *американской* рѣчи: мъ надо ружей, пуль! заголосили члены аристократіи, въ унизъ съ требованіемъ народныхъ клубовъ... Ружья и пули явились сцену, но въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ надѣялся гражданинъ енъ.

— «Метцъ преданъ, 150 тысячъ арміи проданы Базеномъ! Прусъ идетъ наЛіонъ!» прогудѣло по всему Марселю. Газеты явились черною каймою, знамена Лиги Юга, Интернаціональной Ассоціаі покрылись крепомъ. Манифестація двинулась къ городской думѣ узнала, что муниципальный совѣтъ, цѣлые два мѣсяца ежедневно рализовавшій всѣ военныя мѣры и рѣшенія департаментскаго Сота защиты — этотъ муниципалитетъ рѣшился испробовать свои енныя мѣры на самомъ марсельскомъ народѣ.

— Коммюну! раздалось въ многотысячныхъ народныхъ собраніяхъ. ммюну! рѣшили всѣ комитеты.

Городская дума была занята народомъ; генералъ Мари, которому рское правительство дало полновластіе, исчезъ неизвѣстно куда. партаментскій совѣтъ и префектъ декретировали распущеніе мунипальнаго совѣта за его незаконный призывъ къ военной силѣ и вердили новую муниципальную коммиссію изъ 36 человѣкъ, т.-е. ммюну. Клюзере былъ провозглашенъ генераломъ всѣхъ войскъ Юга; родъ отправился за нимъ въ Hôtel du Louvre; и послѣ энергической чи съ балкона, Клюзере, въ сопровожденіи Трена и безчисленной лпы, окруженный gardes civiques, отправился въ городскую думу и нялъ генеральный штабъ, подчиняясь вполнѣ Эскиросу: «Мое назначеніе—организовать южную армію и идти биться. При первой возможсти избранія Марселемъ генерала для своей національной гвардіи, передамъ ему мое временное начальство надъ національной гвардіей; принялъ пока это начальство только для того, чтобы поддержать рядокъ: я поддержу его, потому что надо, чтобъ порядокъ царстволъ на улицѣ для того, чтобы онъ царствовалъ въ умахъ».

Такъ устроилъ свои дѣла Марсель, и теперь было интересно, т.-е. учительно, посмотрѣть, какія мѣры защиты, какую энергію борьбы кажетъ самобытное народоправленіе!...

Но посланничество изъ Тура Жента снова перевернуло все вверхъ омъ, и вмѣсто того, чтобы думать о защитѣ республики, марсельцы лышали выстрѣлъ—сигналъ гражданской войны. Громадная толпа трѣтила Жента у дебаркадера желѣзной дороги,—но на счетъ приины присутствія этой толпы было легко ошибиться: одни батальоны ціональной гвардіи шли за тѣмъ, чтобы привѣтствовать его; другіе,— въ большемъ числѣ—за тѣмъ, чтобъ Жентъ сразу понялъ, что ему слѣдъ оставаться въ Марсели, десятками тысячъ голосовъ тре-

Digitized by Google

бующемъ Эскироса! Странное зрѣлище представляло путешествіе Жента отъ дебаркадера до городской думы. Впереди шла garde civique—небольшая группа; и казалось, будто она ведетъ за собою въ плѣнъ и батальоны національной гвардіи и самого Жента, оглушеннаго со всѣхъ сторонъ криками: vive Esquiros! Но Жентъ—человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ: онъ даже не поморщился, и когда вошелъ въ Hôtel de Ville вмѣстѣ съ garde civique и цѣлой толпой друзей и недруговъ, то въ свою очередь ошеломилъ присутствующихъ словами, которые я привелъ выше.

Въ отвѣтъ на эти слова раздался выстрѣлъ, и Жентъ опустился на кресло. Но я васъ увѣряю, что даже самъ онъ менѣе поблѣднѣлъ и испугался, чѣмъ бывшіе вокругъ него делегаты Южной Лиги, Революціоннаго Комитета и Коммуны: «Мы пропали! глухо сказалъ одинъ изъ нихъ сосѣду, мы проданы какимъ-нибудь реакціонеромъ!»

— Къ оружію! раздалось по городу, въ думѣ убиваютъ людей! Лавки быстро закрылись, ихъ хозяева поспѣшно вооружились и хлынули въ бѣшенствѣ къ думѣ. По пути они встрѣтили въ allées de Meillan карету съ gardes civiques, возвращавшихся изъ тюрьмы de St. Pierre, куда они свезли Николá, полковника національной гвардіи, за его намѣреніе противодѣйствовать мѣрамъ Эскироса и Клюзере. Снова раздались выстрѣлы, и почти всѣ сидѣвшіе въ каретѣ были переранены—это граждане «буржуазныхъ» батальоновъ расправлялись съ gardes civiques. Gardes civiques отправились разыскивать убійцъ своихъ собратьевъ — снова ружейный огонь, снова двѣ жертвы, на этотъ разъ въ ряду «буржуазныхъ» батальоновъ. Враги gardes civiques отвѣчали выстрѣлами даже изъ оконъ домовъ въ толпу.

Молва о покушеніи на жизнь Жента облетѣла весь городъ: злоба всѣхъ элементовъ, оппозиціонныхъ республикѣ, нашла теперь удобный случай обрушить всю вину на gardes civiques, — даже тѣ батальоны національной гвардіи, которые дружились съ garde civique отвернулись отъ нея и ей пришлось идти на капитуляцію: національная гвардія потребовала, чтобъ gardes civiques оставили городскую думу, которою они владѣли съ начала республики, обѣщая въ знакъ примиренія, что и она (національная гвардія) предоставитъ огражденіе порядка законнымъ властямъ. Капитуляція была заключена: gardes civiques уступили, вполнѣ увѣренные, что выборы, назначенные Коммуною на слѣдующее воскресенье, утвердятъ верховную власть Эскироса, Клюзере и Коммуны. Но вслѣдъ за капитуляціей, Жентъ, который, по провозглашенію Гамбетты, преобразился «изъ героя въ мученика» — Жентъ вступилъ въ абсолютное управленіе Марселемъ и прежде всего отмѣнилъ выборы, оставляя ихъ до болѣе *благопріятнаго* времени.

Гражданскія смуты этимъ однако не кончились сразу: національная гвардія не хотѣла успокоиться, многочисленныя группы офицеровъ

Digitized by Google

отправились къ Hôtel du Louvre' демонстрировать противъ Клюзере, угрожая ему самовольной расправой: вмѣсто Клюзере явился Тренъ и когда офицеры стали размахивать въ воздухѣ саблями и грозить Трену револьверами, Тренъ окуталъ себя французскимъ и американскимъ знаменами: «попробуйте осквернить эти знамена; совершите низкое убійство надъ человѣкомъ, приносящимъ свою кровь Франціи, но не думайте, что вы заставите меня замолчать ранѣе, чѣмъ шесть пуль моего револьвера не вылетятъ изъ него. Vive la République, vive la France et l'Amérique»!

Офицеры опомнились, но ихъ поведеніе произвело бурю въ клубахъ, куда явился Тренъ съ обличеніемъ и реакціонеровъ и имперіалистовъ; ораторы клубовъ указывали на поведеніе Клюзере: «Клюзере назначилъ слѣдствіе надъ убійствами, онъ обѣщалъ намъ prompte et sevère justice, реакціонерамъ это не нравится, они опять лишаютъ насъ единственнаго человѣка, способнаго вести въ огонь...» Обвиненія такимъ образомъ были взаимныя, національная гвардія, торговые люди, обвиняли — gardes civiques, Лигу и Коммюну. Рабочіе люди обвиняли реакцію. Вслѣдъ за выстрѣломъ общее собраніе Коммюны, Лиги и Департаментскаго Совѣта обнародовали прокламацію: «Граждане! васъ обманываютъ для того, чтобъ разъединить васъ! Пуля, поразившая гражданина Жента могла выйти только изъ рукъ реакціи; мы употребимъ всѣ усилія, чтобъ отыскать мерзавца, совершившаго это преступленіе».

— Граждане! говорилъ съ своей стороны Эскиросъ—я обращаюсь къ вамъ со смертью и отчаяніемъ въ душѣ. Самое страшное бѣдствіе, которое мы хотѣли предотвратить всѣми средствами убѣжденія—гражданская война грозитъ разразиться въ Марсели. Я умоляю васъ во имя республики, во имя вашихъ матерей, вашихъ дѣтей, остановите какою бы то ни было цѣною пролитіе крови.... Соединитесь всѣ, дорогіе граждане и друзья; избѣгнемъ во что́ бы то ни стало сраженій на улицахъ, мы скоро должны встрѣтиться на иномъ полѣ битвы!»

Читая такіе призывы со стороны людей, которыхъ реакціонные журналы обвиняютъ чуть не въ разбоѣ и служеніи пруссакамъ, видя въ то же время, что народъ готовъ съ полною вѣрою идти противъ внѣшняго врага именно за этими людьми, проповѣдующими внутренній миръ и единодушіе, жертвующими, какъ Эскиросъ, всѣмъ — своимъ именемъ, своей властью, своей популярностью, своимъ сыномъ, и уступающими Гамбеттѣ, лишь бы не служить поводомъ для смутъ;—слыша самыя жестокія обвиненія этихъ же людей чуть ли не въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ—можно невольно спросить себя: да кто же тутъ правъ, кто виноватъ? Лгутъ ли обвиняющіе этихъ людей? лицемѣрятъ ли эти люди? Мое дѣло воздержаться отъ приговора, предоставляя его людямъ болѣе компетентнымъ, мое дѣло только изображать

Digitized by Google

факты въ ихъ наивозможно большей достовѣрности. Въ данномъ случаѣ, всякій невольно остановится предъ фактомъ самоотверженнаго, искренняго патріотизма, и я думаю, что, еслибъ такихъ фактовъ повторялось во Франціи болѣе, то они имѣли бы болѣе *вѣсу* въ глазахъ и Пруссіи и Европы, чѣмъ всѣ циркуляры, рѣчи и прокламаціи Гамбетты и К°. Судите жъ о фактѣ. «Граждане — писалъ префектъ Марсели Дельпешъ по взятіи Метца,—когда французы были еще достойны этого имени, слово *капитуляція* было чуждо ихъ языку. Съ тѣхъ поръ, какъ темный авторъ 51-го года одолѣлъ націю своимъ зачумленнымъ духомъ, это слово, свойственное презрѣннымъ опорамъ второй имперіи, раздается во всѣхъ депешахъ... Франція знаетъ теперь, что̀ такое предательство... Но негодяи и предатели никогда не знаютъ, какой мужественной стойкостью можетъ обладать народъ; отнюдь не падая подъ ударомъ, великій народъ найдетъ въ себѣ непобѣдимую рѣшимость, низвергающую всѣ препятствія.... я подаю отставку отъ званія префекта и беру ружье. Вы пойдете всѣ со мною, и когда наши старики и жены встрѣтятъ гдѣ-нибудь здороваго человѣка не въ войскѣ, они воскликнутъ съ законнымъ негодованіемъ: вотъ презрѣнный негодяй!»

И Дельпешъ сдержалъ свое слово: среди всѣхъ смутъ [1]), въ понедѣльникъ вечеромъ, 7-го ноября, многочисленная группа стариковъ, женщинъ и дѣтей провожала на желѣзную дорогу волонтеровъ, «вольныхъ стрѣлковъ Равенства». Впереди всѣхъ шелъ, съ ружьемъ на плечѣ, Дельпешъ рядомъ съ провожавшими его женою и дѣтьми; за нимъ и его товарищами слѣдовали «вольные республиканскіе стрѣлки», ex-gardes civiques, съ своимъ предводителемъ Pillard'омъ.

Они направлялись къ Гарибальди. Гарибальди сдѣлался лучемъ надежды и вѣры для горячихъ защитниковъ Франціи, благодаря общему мраку разладицы и недовѣрія...

Но легко было предвидѣть, что система война гарибальдійцевъ не найдетъ себѣ искренней поддержки въ политикѣ временного правительства. Видя постоянные тормазы, Гарибальди въ первое время даже отчаявался въ возможности какой-нибудь пользы и даже не хотѣлъ призывать къ себѣ своихъ старыхъ сподвижниковъ: «Я знаю, что умру здѣсь за идею, не принеся пользы». Потомъ, когда смѣстили Камбріеля, дѣла пошли лучше: братья Меноти и Ричіоти, ге-

---

[1]) Смуты пока закончились выборами, съ разрѣшенія Жента, новаго муниципалитета. Газеты указывали на эти выборы, какъ на торжество анти-коммунной партіи, но этотъ выводъ ошибоченъ: дѣло въ томъ, что приверженцы Коммуны вовсе *воздержались* отъ выборовъ, вслѣдствіе краткаго срока, даннаго имъ для составленія листа кандидатовъ. Такимъ образомъ, партія недовольныхъ современнымъ положеніемъ Марсели нисколько не уменьшилась, и мы можемъ ежедневно ждать новой вспышки, тлѣющаго огня, новой грозы гражданской борьбы.

Digitized by Google

нералъ Боссакъ стали собирать вокругъ себя тысячи храбрыхъ бойцевъ и организовали силы, несмотря на то, что турское правительство выдало Гарибальди *смѣшную* сумму въ 50 т. фр. и приглашало его быть *экономнымъ!* Въ эту минуту газеты объявляютъ, что вмѣсто генерала Мишеля назначенъ въ сподвижники Гарибальди—Полиньякъ, благородный феодалъ, сражавшійся въ Америкѣ — за плантаторовъ. Это онъ теперь будетъ помогать Гарибальди сражаться за «всемірную республику»! А между тѣмъ, Гарибальди приходится воевать не только съ пруссаками, но и съ ксендзами, которые ведутъ противъ него истинную войну гверильясовъ. Они публично проповѣдуютъ въ церквахъ, что лучше сдаться пруссакамъ, чѣмъ впустить въ села и города—антихристовъ-гарибальдійцевъ, и такимъ образомъ сѣютъ своими проповѣдями страхъ и ужасъ между невѣжественнымъ населеніемъ; гарибальдійцы вошли въ Отёнъ и предали суду одного изъ такихъ *патріотическихъ* проповѣдниковъ: клерикалы завопили о покушеніи на священный санъ; судъ приговорилъ попа къ казни, но телеграмма Гамбетты велѣла остановить приговоръ!...

Можно только сожалѣть, что сердце Гамбетты не всегда такъ великодушно: вотъ какъ-то ночью разбудили въ ліонскихъ казармахъ мобилей и велѣли имъ идти скорымъ маршемъ въ Вильфраншъ (около льё отъ Ліона); они думали, что наконецъ-то ихъ ведутъ на пруссаковъ; но когда пришли на мѣсто назначенія, то увидѣли, что ихъ вели только присутствовать, для примѣра и устрашенія, при казни одного изъ товарищей. Непривычные мобили выстрѣлили въ сторону, приговоренный стащилъ повязку съ глазъ и произнесъ гробовымъ голосомъ: «Я не раненъ!—Grâce! grâce! пощада»! вырвалось невольно у всѣхъ изъ груди: начальникъ велѣлъ надвинуть повязку на глаза и сурово скомандовалъ: *пли!* пострѣленный трупъ упалъ на землю. «Они мужественно исполнили долгъ, повелѣваемый дисциплиной»! Это пишутъ республиканцы, перепечатавшіе стихи В. Гюго объ Obéissance passive, воззванія Ф. Піа и пр. и пр. Можетъ быть, идеалъ милитаризма—нѣмое, внѣ всякой мысли и размышленія, obéissance passive, но, во-первыхъ, зачѣмъ же республиканцы ратовали противъ этой obéissance, а во 2-хъ, требовать, чтобы простые смертные, обыкновенные граждане прониклись въ одинъ мѣсяцъ той дисциплинарной премудростью, которая пріобрѣтается цѣлыми казарменными годами—врядъ ли основательно. Поэтому, я могу понять ропотъ и негодованіе, вызываемые въ народѣ и мобиляхъ этими *разстрѣливаніями*, съ нѣкоторыхъ поръ, совершаемыми по всей Франціи за малѣйшее дисциплинарное отступленіе, за грубость къ начальству, когда самъ же Гамбетта допускалъ выборный принципъ для назначенія офицеровъ. Но я знаю также, что не меньшее негодованіе возбудилъ и графъ де-Кератри, главнокомандующій бретанскою арміей, своей амнистіей: одного мобиля пригово-

Digitized by Google

рили къ разстрѣлянію тоже за проступокъ противъ дисциплины: началась церемонія разстрѣливанья — офицеры и солдаты просили о помилованіи; Кератри оставался неумолимъ, осужденнаго привязали къ столбу эшафота, вырыли яму; всѣ напрасно продолжали просить Кератри; забилъ барабанъ и тогда Кератри выступилъ впередъ. Я прощаю преступника! вы будете помнить мое великодушіе!...» Осужденный упалъ на колѣни: «встаньте — французъ никогда не долженъ преклоняться»!

— Кто далъ ему власть? говорятъ республиканцы; почему Кератри смѣетъ такъ распоряжаться нами? мало развѣ насъ пруссаки разстрѣливаютъ!...

Не меньшій ропотъ вызываютъ и *гражданскія* распоряженія турскаго правительства. Паденіе Метца было сигналомъ для волненія не въ одномъ Марсели, но почти во всѣхъ городахъ Франціи, незанятой нѣмцами. Ненависть противъ бонапартистскихъ генераловъ, судей и слугъ разразилась энергичнымъ требованіемъ немедленной смѣны всѣхъ бонапартистовъ. Нѣсколько генераловъ было арестовано самимъ народомъ; нѣсколько префектовъ уволили президентовъ трибуналовъ за ихъ участіе въ смѣшанныхъ судныхъ коммиссіяхъ декабрьскаго переворота;—легитимистскіе и бонапартистскіе органы завопили объ анархіи; Гамбетта приказалъ немедленно освободить всѣхъ бонапартистовъ изъ-подъ ареста; Кремьё приказалъ немедленно возстановить въ ихъ санахъ и должностяхъ отставленныхъ президентовъ трибуналовъ. Я могъ бы представить цѣлый списокъ подобныхъ мѣръ, раздражающихъ французскую націю и важныхъ по тѣмъ смутнымъ послѣдствіямъ, которыя скажутся *послѣ* войны; если я указывалъ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ письмѣ на мрачное состояніе Франціи, то, я думаю, теперь понятно, что эта мрачность состоитъ въ возможности легко предвидѣть смѣну внѣшней войны—войною внутреннею.

Я ничего не говорю въ этотъ разъ о Парижѣ, имѣя въ виду удѣлить болѣе мѣста Марсели, положеніе котораго знакомо мнѣ обстоятельно. Притомъ о Парижѣ по газетамъ нельзя теперь судить.

Въ Парижѣ однако повторился тотъ фактъ, который я предсказывалъ въ прошломъ письмѣ. Вопросъ о коммунѣ уляжется и такъ еще не скоро, и сколько извѣстно, партизаны коммуны продолжаютъ въ Парижѣ настаивать на своихъ требованіяхъ; много еще стачекъ впереди и не одна еще личность погибнетъ: «Революція, какъ Сатурнъ, поглощаетъ своихъ дѣтей», говорилъ ораторъ Верньо... Роковое созвучіе имени *коммуны* съ *коммунизмомъ* сбиваетъ многихъ и здѣсь. Но на дняхъ само турское правительство своею оппозиціею *коммунѣ* невольно растолковало ея настоящее значеніе и вмѣстѣ доказало, что противники его имѣютъ для себя основаніе. Ліонскій муниципальный совѣтъ, вотировалъ налогъ на движимую собственность въ своей *коммунѣ*

Digitized by Google

не ожидая согласія турскаго правительства или кого-нибудь другого. Турское правительство кассировало этотъ коммюнный приговоръ, ссылаясь на законы 1855 и 1867 гг., отказывающіе муниципалитетамъ въ правѣ распредѣлять налоги, такъ какъ эта власть принадлежитъ *только* законодательному корпусу. Но законодательнаго корпуса теперь не хочетъ ни само турское правительство, ни республиканская партія. Созваніе законодательнаго корпуса всей Франціи—является теперь дѣйствительно и неудобнымъ и опаснымъ. Республиканская партія не можетъ теперь думать о пропагандѣ въ селахъ противъ бонапартизма, 20 лѣтъ вбивавшагося въ темныя головы населенія. Законодательное или учредительное собраніе въ данную минуту могло бы оказаться вполнѣ бонапартистскимъ или орлеанскимъ, и что вышло бы, если такое собраніе вотировало реставрацію Бонапарта или Орлеановъ, или миръ во что бы то ни стало? вышла бы неминуемо страшная гражданская война. Эта война грозила бы и въ томъ случаѣ, еслибъ собраніе оказалось республиканскимъ: несмотря на заявленія Трошю и Тьера, что теперь только республика можетъ спасти Францію, неизвѣстно, какъ отнеслись бы старыя партіи, въ рукахъ у которыхъ теперь и оружіе и не одинъ изъ военныхъ начальниковъ? И если суждено быть гражданской войнѣ, то понятно желаніе патріотовъ отдалить ее по крайней мѣрѣ на то время, когда пруссаки будутъ изгнаны или удалены изъ Франціи. Вотъ почему республиканцы, ратуя противъ диктатуры Гамбетты, ищутъ противовѣса ей не въ созваніи законодательнаго корпуса, а въ учрежденіи коммюнъ—т.-е. мѣстныхъ верховныхъ представительствъ, связанныхъ федеративнымъ единствомъ.

Въ Швейцаріи существуетъ давно уже коммюна; потому что въ сущности каждый большой, т.-е. законодательный совѣтъ, и исполнительный, кантональный, совѣтъ каждаго кантона, представляютъ собою полную верховную власть народа извѣстной мѣстности, т.-е. кантона. Двѣ недѣли тому назадъ, здѣсь на моихъ глазахъ,—произошла революція въ Женевѣ — консервативное правительство пало, консервативный законодательный корпусъ смѣненъ радикальнымъ. Сколько же побито при этомъ? можетъ быть нѣсколько бутылокъ, но конечно не людей! Народное голосованіе дало большинство въ законодательный корпусъ радикаламъ; государственный исполнительный совѣтъ, видя перемѣну общественнаго мнѣнія, самъ подалъ въ отставку ранѣе срока своей власти, и только! Порядокъ не былъ нарушенъ. Правда, въ тотъ день я видѣлъ, какъ шелъ цѣлый батальонъ съ своими ружьями, съ музыкою и знаменами, но этотъ батальонъ шелъ не *на* городъ, а *изъ* города,—къ границѣ, для огражденія швейцарскаго нейтралитета.

— Вотъ что значитъ, сказалъ я одному швейцарцу — милиція, а не французское военное устройство, совсѣмъ духъ иной, солдаты не вмѣшиваются въ политику...

Digitized by Google

— «Вы очень ошибаетесь, отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ, солдаты у насъ также вмѣшиваются въ политику, они вотируютъ, какъ и я; они только не станутъ бить насъ, какъ били во Франціи гражданъ, но это вовсе не потому, что у насъ милиція — въ милиціи самой по себѣ нѣтъ никакого демократизма, а потому, что у насъ всѣ государственныя учрежденія демократическія, наши нравы демократическіе, и нами правитъ духъ свободы, а не милитаризма... Вотъ нѣмцы, прибавилъ онъ съ нѣкоторою досадою, хвалятся, что у нихъ такое же военное устройство, но я увѣренъ, что прусская милиція съ готовностью пойдетъ умиротворять гражданъ! Впрочемъ, у нѣмцевъ совершенно иное устройство: у насъ каждый солдатъ—гражданинъ, а у нихъ каждый гражданинъ — солдатъ»!...

Возвращаясь, въ заключеніе, къ критикѣ современнаго положенія Франціи, мы должны впрочемъ сказать, что при всѣхъ ошибкахъ временнаго правительства, оно успѣло однако показать все удобство для Франціи избавиться отъ прежняго жестокаго режима: Наполеонъ III употребилъ почти 20 лѣтъ на то, чтобы сдѣлать страну беззащитною, а такія лица, какъ наприм., Трошю и Дорианъ успѣли въ 20 дней сдѣлать все, чтобы Парижъ выдерживалъ осаду мѣсяцами. На Франціи мы увидѣли такимъ образомъ примѣръ того, что болѣе свободный режимъ и правительство, сколько-нибудь опирающееся на народъ, внушаютъ несравненно болѣе любви къ отечеству и даютъ болѣе огражденія странѣ, чѣмъ двадцать лѣтъ бонапартовскаго гнета и разоренія.

Ав. Семъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи.

Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Выпускъ 2-й. На Юго-западѣ Россіи. 1869 годъ. *Кн. В. П. Мещерскаго.* Спб. 1870, стр. IV и 450.

Съ незапамятныхъ временъ извѣстно, что мы Россію не знаемъ, да еслибъ и захотѣли узнать ее, то не нашли бы для того всѣхъ нужныхъ матеріаловъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Этимъ незнаніемъ отчасти объясняются нескончаемые споры о линіяхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, о преимуществахъ одной мѣстности передъ другою, и дороговизна постройки ихъ, пришедшая такъ на руку многимъ ловкимъ предпринимателямъ. Нужно было нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ мы убѣдились, что, наприм., поверстная стоимость нашихъ желѣзныхъ дорогъ ни съ чѣмъ не сообразна, что страна, входящая въ составъ

Digitized by Google

русской державы и имѣющая автономію, строитъ ихъ дешевле и даже лучше. Этимъ незнаніемъ объясняется нескончаемый вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ,—точно дѣло идетъ о плаваніи по Восточному океану во времена великихъ открытій на моряхъ португальцевъ, голландцевъ и англичанъ. Но и Восточный океанъ изслѣдованъ теперь едва ли не лучше, чѣмъ Россія. Въ виду такого недостатка свѣдѣній о Россіи, мы обязаны благосклонно принимать всякую мало-мальски дѣльную книгу и рекомендовать ее для руководства всѣмъ соотечественникамъ, которые не пожелаютъ оставаться при свѣдѣніяхъ о Россіи, сообщаемыхъ Несторомъ: «земля наша велика и обильна».

Книга князя Мещерскаго безспорно дѣльная книга, хотя она не удовлетворяетъ вполнѣ человѣка, который захотѣлъ бы по ней изучить нашъ югозападъ. И это произошло не столько потому, что князь Мещерскій не особенно серьёзно изучаетъ мѣстности, которыя удалось ему видѣть, сколько потому, что на первомъ планѣ стоялъ для него вопросъ «политическій», а не экономическій. Политическому вопросу онъ посвящаетъ слишкомъ много страницъ въ своей книгѣ, не говоря ничего особенно новаго, чего бы ужъ не было сказано въ нашей журналистикѣ. При этомъ, авторъ не возвышается надъ уровнемъ обыкновенныхъ требованій, полагая всю надежду на талантливыхъ и энергическихъ администраторовъ, на единичныя усилія людей, посвящающихъ себя крестьянскому дѣлу; между тѣмъ въ русской жизни, на западѣ и на востокѣ, на сѣверѣ и на югѣ, одинаково важны были бы такія сословія, которыя не давали бы засыпать администраціи и вызывали бы общественныя силы на народное дѣло, на самоуправленіе, на вниманіе ко всему тому, что̀ ихъ окружаетъ. Необходимо развитіе общественной жизни, необходимо вызвать дремлющія силы изъ того полусознанія, въ которомъ они находятся, а вызвать ихъ нельзя такими мѣрами, какъ учрежденія клубовъ, какъ балы и вечера, какъ воззванія къ обществу, чтобъ оно «интересовалось общественною жизнію», какъ приглашеніе русскихъ людей къ тому, чтобъ они бросили сплетни и карты и предались бы «дѣйствительнымъ интересамъ мѣстной жизни».

Оставаясь въ своемъ кругѣ воззрѣній, князь Мещерскій сообщаетъ, однакожъ, довольно фактовъ, чтобъ по нимъ судить о положеніи нашего юго-запада. «Политическій» вопросъ тамъ все еще существуетъ, все еще тревожитъ и администрацію и жителей; отсутствіе твердой системы въ управленіи краемъ, постоянные пересмотры однимъ администраторомъ того, что̀ сдѣлалъ его предшественникъ, существенно мѣшаютъ окончанію крестьянскаго вопроса и поддерживаютъ иллюзію въ полякахъ. Естественно, что крестьянскій вопросъ та сила, на которой зиждется все зданіе политическихъ мечтаній поляковъ; его разрѣшеніе въ пользу крестьянъ обезсилитъ политическое значеніе поль-

Digitized by Google

скихъ помѣщиковъ, и наоборотъ, разрѣшеніе его въ пользу помѣщиковъ усилитъ политическое значеніе послѣднихъ. Поляки сильны тѣмъ и числомъ, и интеллигенціею, и постоянствомъ своей политики, которая хорошо резюмируется словами одного тамошняго поляка: «надо все брать двумя средствами: или заставляя терять терпѣніе, или возбуждая къ себѣ жалость, и мало-по-малу, безъ шуму и скандаловъ разрушать камень за камнемъ въ зданіи только-что воздвигнутомъ. Русскіе кончатъ тѣмъ, что оставятъ насъ въ покоѣ». Значеніе польской интеллигенціи отвергать невозможно, а о численной силѣ этой интеллигенціи можно судить по слѣдующимъ даннымъ о числѣ польскихъ и не-польскихъ землевладѣльцевъ въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ, Кіевской, Волынской и Подольской: владѣльцевъ не-польскихъ въ Кіевской—389, въ Волынской—375 и въ Подольской—321, всего 1,085; польскихъ же владѣльцевъ 4,376, именно въ Кіевской губерніи 1,035, въ Волынской 2,056 и въ Подольской 1,295. Распредѣленіе между ними земель, разумѣется, также говоритъ въ пользу польской силы: у нея, т.-е. у поляковъ, въ распоряженіи 5,674,098 десятинъ, у силы не-польской—1.199,132. И эта пропорція мѣняется самымъ незначительнымъ образомъ отъ продажи имѣній поляками, преимущественно потому, что продажа эта обставлена значительными затрудненіями, зависящими частію отъ порядка оффиціальнаго, частію отъ мѣстныхъ условій жизни, гдѣ еврейство такъ сильно все эксплуатируетъ въ свою пользу. (См. стр. 154 — 167). Поднятіе уровня русской интеллигенціи, разумѣется, все зависитъ отъ школъ, и характеристическая особенность юго-западнаго края заключается въ томъ, что въ гимназіяхъ множество крестьянскихъ дѣтей; разумѣется, эти дѣти не кончаютъ по большей части курса и выходятъ изъ гимназіи съ незначительнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній, столь нужныхъ крестьянину: система классическихъ гимназій тутъ оказываетъ все свое вредное вліяніе самымъ блестящимъ образомъ. За то нѣкоторыя частныя школы, обязанныя своимъ существованіемъ частной иниціативѣ, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе. На Волыни, напр. по брестскому шоссе, есть село Пищево, въ немъ священникъ, у священника братъ, г. Чечётъ, учитель уѣзднаго училища въ Одессѣ. Оба брата, проникнутые любовью къ своимъ односельчанамъ, завели школу, для устройства которой г. Чечётъ пожертвовалъ 4 т. руб., собранныхъ имъ своимъ трудомъ; школа стоила тысячу рублей, остальныя деньги крестьяне разобрали по рукамъ съ обязательствомъ платить 10%, и на эти-то десять процентовъ положено было содержать учителя и поддерживать школу. Помѣщица, графиня Потоцкая, подарила для нея землю и лѣсъ. Не думайте, однако, что это — обыкновенная школа, гдѣ, кромѣ грамотности, закона божія и кое-какой ариѳметики ничему не учатъ. Нѣтъ, эта школа вмѣщаетъ въ себѣ 80 учениковъ,

Digitized by Google

имѣетъ плацъ съ гимнастикою, библіотеку и мастерскія для плотницкаго дѣла, столярнаго, бондарнаго и сапожнаго. Разумѣется, крестьяне посылаютъ въ эту школу дѣтей своихъ съ величайшею охотою, а когда первые опыты мастерства удались, когда по окрестностямъ разнеслась молва о хорошихъ товарахъ, выдѣлываемыхъ въ Пищевской школѣ, то явилось множество заказовъ; теперь заказы эти превышаютъ рабочія средства, и на вырученныя деньги окупаются расходы ремесленныхъ отдѣленій при школѣ. «Какъ видите—замѣчаетъ князь Мещерскій—дѣло сдѣлалось просто и скромно; не было ни торжества открытія школы, ни шумнаго и роскошнаго пира, ни краснорѣчивыхъ рѣчей; не было также ни орденовъ, ни наградъ въ возмездіе устроившимъ школу». Но истинно полезныя дѣла только и дѣлаются просто; за то память объ основателяхъ школы никогда не умретъ въ томъ краѣ, и неоффиціальный историкъ народнаго просвѣщенія не забудетъ этихъ именъ. Но рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ мы должны поставить другой, доказывающій, какъ трудно основать школу въ Кіевской губерніи, гдѣ все, что́ не церковно-приходская школа, все, что́ не прямо въ зависимости отъ священника, все то признано еще съ 1861 г. неблагонадежнымъ. Крестьяне одной волости собрали 3,000 руб. для устройства школы и найма хорошаго учителя; посредникъ принялся хлопотать; прошло три мѣсяца и ходатайство не только не было уважено, но мировому посреднику поставлено на видъ его будто бы противодѣйствіе церковно-приходскому обученію. (Стр. 197). Этотъ фактъ далеко не одиночный и весьма прискорбный!

Въ числѣ любопытныхъ вопросовъ, которые ставитъ князь Мещерскій, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ слѣдующій: правда ли, что помѣщики въ юго-западномъ краѣ разорены съ той минуты, какъ совершены въ ихъ имѣніяхъ обязательные выкупы и повѣрки оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ?—Неправда, отвѣчаетъ князь Мещерскій; отсылая читателей къ основательнымъ соображеніямъ автора (стр. 89—112) на этотъ счетъ, приводимъ цифры, добытыя особыми коммисіями въ 1868 году, на основаніи отвѣтовъ самихъ помѣщиковъ на вопросы: улучшилось ли имѣніе съ 1864 года, ухудшилось ли оно, или осталось безъ измѣненія относительно общаго своего состоянія? Во всемъ краѣ улучшилось имѣній 995, ухудшилось 1,474, не измѣнилось 2,560. Наибольшее число имѣній, ухудшившихъ свое хозяйство или неизмѣнившихся въ своемъ положеніи, принадлежитъ Кіевской губерніи; наименьшее — Волынской; фактъ этотъ совпадаетъ съ другими двумя положительными фактами: наибольшее количество имѣній русскихъ владѣльцевъ находится въ Кіевской губ., наименьшее — въ Волынской; наибольшее количество владѣльцевъ и имѣній участвовавшихъ въ возстаніи 1863 года принадлежало Волынской губ.; князь Мещерскій не безъ основанія утверждаетъ, что ухудшеніе нѣ-

Digitized by Google

которыхъ имѣній зависѣло не столько отъ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу, сколько отъ тѣхъ контрибуцій, которыя платили помѣщики на польскую справу.

Къ числу лучшихъ главъ разбираемый нами книги принадлежатъ тѣ, въ которыхъ авторъ говоритъ о Бердичевѣ, этомъ оригинальномъ еврейскомъ городѣ, составляющемъ что-то въ родѣ отдѣльнаго государства въ юго-западномъ краѣ. Еврейскій вопросъ вообще много занимаетъ автора, и онъ склоняется въ пользу позволенія евреямъ селиться во всѣхъ городахъ россійской имперіи: только одно это можетъ отвлечь ихъ изъ западнаго края, гдѣ они захватили въ свои руки все населеніе до такой степени, что безъ еврея почти ничего нельзя сдѣлать. Намъ кажется, что пора дать еврейству полныя права гражданства, которыми обладаютъ остальные русскіе подданные, и тогда одинимъ вопросомъ въ нашей внутренней политикѣ, столь обильной всевозможными вопросами, будетъ меньше.

Не можемъ въ заключеніе не упомянуть о такихъ курьёзахъ русской жизни въ югозападномъ краѣ: за послѣднія 35 верстъ по дорогѣ, ведущей въ Почаевскую лавру, путешественникамъ приходится платить 40 рублей—такъ цѣлесообразно и остроумно устроено здѣсь почтовое сообщеніе (стр. 330—332); въ Житомірѣ существуетъ римско-католическая семинарія, въ которой 13 учителей и 12 учениковъ; православная же семинарія находится въ несчастномъ городишкѣ въ 300 верстахъ отъ Житомира. Въ Каменцѣ, на главной улицѣ, противъ губернаторскаго дома, стоитъ огромный каменный домъ, доведенный почти до конца внѣшнею постройкой; передъ домомъ лѣса, и въ такомъ видѣ домъ этотъ стоитъ съ.... 1861 года, угрожая своими подгнившими лѣсами задавить когда-нибудь прохожихъ. Домъ этотъ подольскаго дворянства, которое разсчитывало праздновать въ немъ свое присоединеніе къ Царству Польскому; но потомъ.... потомъ домъ остался недостроеннымъ и о немъ идетъ переписка почти десять лѣтъ. Гдѣ вы найдете подобные курьезы? Воистину, наша обширная родина—страна чудесъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга первая. Москва. 1870. стр. II и 656.

Въ послѣднее время обнаружилось ясно, сколько важныхъ документовъ хранится въ частныхъ архивахъ; наши изслѣдователи старины постоянно прибѣгаютъ къ нимъ и ими наверстываютъ то, что скрыто и не всѣмъ доступно въ государственныхъ архивахъ и публичной библіотекѣ; конечно, эти архивы и библіотеки—надежные хранители для потомства важныхъ документовъ, но печать еще надежнѣе и, главное, дѣлаетъ ихъ для всѣхъ доступными. Съ этой точки зрѣнія всѣ наши архивныя изданія приносятъ существенную пользу наукѣ. «Архивъ князя Воронцова» обѣщаетъ быть многотомнымъ; изданная теперь

Digitized by Google

первая книга заключаетъ въ себѣ письма и документы, относящіеся къ первымъ годамъ елизаветинскаго царствованія; конечно, въ числѣ напечатанныхъ документовъ есть и хламъ, не имѣющій ни частнаго, ни историческаго значенія, но это неизбѣжно въ изданіяхъ подобнаго рода, особенно если издатели не особенную строгость выказываютъ въ выборѣ, руководствуясь отчасти многообразными научными интересами, отчасти любовью публики къ чтенію подобнаго рода. Одно соображеніе приходитъ намъ на умъ, глядя на хорошую бумагу, обширныя поля и крупный шрифтъ, которымъ напечатанъ «Архивъ князя Воронцова» и которымъ обыкновенно печатаются дѣтскія книги для перваго возраста: отчего бы не выбрать болѣе убористаго шрифта, не съузить поля, не уничтожить бѣлыя страницы передъ разными отдѣлами «Архива» и широкіе пробѣлы между письмами одного и тоже лица, равняющіеся пробѣламъ, оставляемымъ обыкновенно для главъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ? Еслибъ г. Бартеневъ, издатель «Архива князя Воронцова», это сдѣлалъ, то, ни мало не повредивъ ни внутреннему содержанію сборника, ни ухудшивъ его внѣшній видъ, онъ могъ бы значительно умепьшить объемъ «Архива» и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну за него. Предположите, что «Архивъ князя Воронцова» будетъ состоять только изъ десяти книгъ; полагая, что и остальнымъ книгамъ цѣна будетъ такая же высокая, т. е. 2 р. 50 к., изслѣдователи нашей старины, люди вообще небогатые, но для которыхъ подобныя изданія существенно необходимы, должны будутъ заплатить 25 рублей. Допустивъ же ту экономію въ бумагѣ и шрифтѣ, на которую мы указали, изъ десяти книгъ могло бы составиться только пять: это можно доказать самымъ обстоятельнымъ образомъ. Да и вообще, независимо отъ этой экономіи, всѣ изданія г. Бартенева, всѣ, не исключая и этого новаго «Архива», прежде всего носятъ на себѣ печать дороговизны.

Въ числѣ документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ первомъ томѣ «Архива», самое видное мѣсто принадлежитъ дѣлу о французскомъ посланникѣ маркизѣ Шетарди. Не лишены бытового значенія подробности о хозяйствѣ цесаревны Елисаветы Петровны. Вотъ, напр., сколько расходовалось разныхъ питій въ мѣсяцъ, подаваемыхъ къ столу цесаревны и ея гостей: Водокъ 27 ведръ и 1 кружка, служителямъ 17 ведръ и 7 кружекъ съ половиною и $^1/_8$ кружекъ. Итого 44 ведра съ полукружкою и $^1/_8$ крушки. Вина 26 ведръ и 7 кружекъ, служителямъ 41 ведро 3 кружки съ $^1/_4$. Итого 68 ведеръ 2 кружки съ $^1/_4$. Пива 263 ведра съ половиною, служителямъ 274 ведра 5 кружекъ съ $^1/_2$. Итого 538 ведръ и полторы кружки. Всего же водокъ, вина и пива въ теченіе мѣсяца выпивалось 650 ведеръ. Надо, однакожъ, помнить, что огромное потребленіе питій не было исключительною принадлежностью русскаго общества, и находило широкое примѣненіе во всей Европѣ.

Digitized by Google

Въ концѣ книги приложены снимки съ писемъ и акростихи Елисаветы Петровны и князя Кантемира. Вотъ акристихъ неоконченный:

Сія удивленна нынѣ учинилась
А что любовь сама во глупость вселилась
Мыслила тую болѣй въ умъ вселити,
А анъ! стала тая еще глупѣе быти.
Ревность пресильна въ ней пребываетъ
И сама не знаетъ, кто ее умерщвляетъ;
На то уповаетъ, что сама не знаетъ.
Сом
О
Б
Л
Е

Начальныя буквы, повидимому, даютъ двѣ фамиліи, одну русскую—Самаринъ, другую иностранную—Сабле. По всей вѣроятности, библіографы не потеряютъ случая пустить въ оборотъ свои свѣдѣнія для рѣшенія вопроса, кто такіе были эти Самаринъ и Сабле?

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. *Кн. А. Васильчикова.* Томъ II. Спб. 1870. Стр. 477.

Добросовѣстный трудъ князя Васильчикова нашелъ въ русскомъ читающемъ обществѣ чрезвычайно благосклонный пріемъ: первый томъ его, посвященный организаціи земства въ разныхъ цивилизованныхъ государствахъ, разошелся весь въ нѣсколько мѣсяцевъ, и авторъ успѣлъ уже выпустить второе его изданіе почти вмѣстѣ со вторымъ томомъ, въ которомъ, съ тою же добросовѣстностью, разсматриваются три вопроса: школьный, общественнаго призрѣнія, попечительства о бѣдныхъ, дорожный и народнаго здравія. Такой успѣхъ, главнымъ образомъ, объясняется самымъ характеромъ книги, гдѣ личный взглядъ автора на упомянутые вопросы стоитъ на послѣднемъ планѣ, а на первомъ—факты, тщательная группировка ихъ, придающая книгѣ справочное, практическое значеніе. Самые взгляды автора, будучи достаточно либеральными, носятъ на себѣ практическій характеръ, не стремящійся въ область умозрѣнія.

Считая школу однимъ изъ главныхъ органовъ самоуправленія, авторъ разсматриваетъ школьныя системы въ Пруссіи, Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Пруссія занимаетъ первое мѣсто въ томъ хронологическомъ порядкѣ, который указываетъ время, когда просвѣщенныя государства Европы стали обращать вниманіе на образованіе собственно народное. Несмотря на свою великую революцію, Франція только въ тридцатыхъ годахъ, въ министерство Гизо, серьезно занялась дѣломъ народнаго образованія, Англія еще позже, тогда какъ Пруссія уже въ самомъ началѣ этого столѣтія имѣла цѣлую

Digitized by Google

организацію народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Не задаваясь многимъ, не расходуясь на показную часть народнаго просвѣщенія и даже мало жертвуя на него изъ бюджета, Пруссія достигла блестящихъ результатовъ, благодаря тому постоянству, съ которымъ она преслѣдовала свою цѣль. Никакія событія ее не останавливали на этомъ пути, даже 1848-й годъ не остановилъ ее. А казалось бы, предлогъ былъ превосходный съ точки зрѣнія реакціонеровъ: многія народныя школы и учительскія семинаріи пристали къ революціонному движенію, учительскіе съѣзды и учительскія конференціи превратились въ настоящіе политическіе клубы. «Пруссія, говоритъ авторъ, мгновенно смущенная революціоннымъ духомъ учителей народныхъ школъ, вскорѣ опомнилась отъ малодушнаго страха и принялась съ новымъ рвеніемъ за усовершенствованіе ихъ спеціальнаго образованія, въ то время какъ Франція ссылала своихъ maitres d'écoles въ Кайенну, а Россія (гдѣ революціи не было) закрывала университеты». Такое постоянное преслѣдованіе благородной цѣли, въ концѣ концовъ, разумѣется, вознаграждается, и тѣ, которые указываютъ на Пруссію, какъ на образецъ, разумѣютъ именно тѣ хорошія стороны ея правительства, которыя ведутъ народъ къ медленному, но вѣрному прогрессу. Напрасно авторъ говоритъ, что «прусское элементарное обученіе можетъ дѣйствительно служить аргументомъ противъ пользы грамотности и оправдать обвиненія нѣкоторыхъ реакціонеровъ, что начальное образованіе мало способствуетъ развитію простого народа, когда оно останавливается на чтеніи, писаніи и ариѳметикѣ», прибавляя къ этому, что и онъ того же мнѣнія, хотя считаетъ и грамотность полезною въ томъ отношеніи, что она подготовляетъ народъ къ среднему и высшему образованію; «на развитіе народа, поясняетъ онъ свою мысль, дѣйствуетъ не столько грамотность, сколько примѣненіе этой грамотности въ свободной средѣ мірскаго, общественнаго и земскаго самоуправленія». Въ этомъ есть своя доля правды, но грамотность, по нашему мнѣнію, служитъ очень хорошимъ подготовительнымъ средствомъ именно къ самоуправленію, особенно въ настоящее время, при развитіи желѣзныхъ дорогъ, типографскаго дѣла, журналистики и проч. Поэтому князь Васильчиковъ едва ли будетъ правъ, произнося такую мысль, что гдѣ «обученіе обязательно, а самоуправленіе недоступно народнымъ массамъ — тамъ грамотность есть дѣйствительно излишняя и дорогая прихоть». Начальная школа уже по одному тому чрезвычайно важна, что она открыта для всѣхъ, что она даетъ средство дѣйствительному таланту не заглохнуть въ совершенномъ невѣжествѣ, и если этотъ талантъ не будетъ имѣть средствъ для образованія въ среднемъ и высшемъ училищѣ, то онъ найдетъ ихъ для самообразованія при одной грамотности. Можно бы привесть этому многіе примѣры весьма извѣстные, не говоря о тысячѣ неизвѣстныхъ.

Digitized by Google

Напомнимъ также почтенному автору, что одна грамотность, безъ всякаго самоуправленія, дастъ народу очень пригодное орудіе противъ многихъ злоупотребленій администраціи. Впрочемъ, страницъ сто спустя (169 стр.), самъ авторъ отчасти полемизируетъ противъ своей собственной мысли.

Разсмотрѣвъ школьныя системы въ указанныхъ государствахъ и справедливо заключивъ, что самая худшая изъ нихъ французская, авторъ обращается къ Россіи. Онъ не поклонникъ обязательнаго образованія и думаетъ, что «наши мѣстныя условія, территоріальныя и климатическія, ставятъ насъ въ отношеніи народныхъ школъ гораздо ближе къ Америкѣ, чѣмъ къ Германіи». Автора соблазняетъ успѣхъ американскихъ «вольныхъ» школъ, безъ обязательнаго обученія, достигшихъ въ 30 лѣтъ такого же результата, какого Германія достигла только усиліями нѣсколькихъ поколѣній. Хотя въ подробномъ развитіи авторомъ тѣхъ неудобствъ, которыя представляются въ Россіи для обязательнаго обученія, есть много справедливаго, но ссылка на Америку заключаетъ въ себѣ мало утѣшенія. Самъ же авторъ говоритъ нѣсколько страницъ прежде, что американская «организація (школы) должна еще оставаться на долго для народовъ Стараго Свѣта несбыточной, хотя идеальной мечтой—Американскіе Соединенные Штаты не держатъ постояннаго войска, и вся тайна ихъ изумительнаго преуспѣянія заключается въ томъ простомъ соображеніи, что они затрачиваютъ на народное образованіе и хозяйственныя улучшенія тѣ милліоны, которыя мы безвозвратно теряемъ на содержаніе регулярныхъ войскъ». Одного этого соображенія совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію, что если, безъ обязательнаго обученія, Америка въ 30 лѣтъ достигла блестящихъ результатовъ, то мы, безъ обязательнаго обученія, достичь тѣхъ же результатовъ можемъ развѣ въ 300 лѣтъ. Срокъ немножко долгій! Мы того мнѣнія, что въ государствѣ, гдѣ являлся такой реформаторъ, какъ Петръ Великій, гдѣ крестьяне освобождены съ землей, потребны «радикальныя лекарства» для того, чтобы вывесть народъ изъ его колоссальнаго невѣжества, и такимъ радикальнымъ лекарствомъ можно считать только обязательное обученіе; безъ сомнѣнія, система его должна быть выработана тщательно, сообразно мѣстнымъ условіямъ и притомъ не чиновниками министерства народнаго просвѣщенія, очень часто цѣлый вѣкъ свой не выѣзжавшими изъ Петербурга, а силами мѣстныхъ земствъ и такими педагогами, которые заявили себя съ хорошей стороны въ дѣлѣ организаціи народныхъ школъ. Принципъ обязательнаго обученія важенъ особенно потому, что онъ немедленно заставитъ отыскать источники для народнаго образованія, заняться имъ серьезно, а не витать въ области придумыванія разныхъ пальятивовъ. И какимъ образомъ князь Васильчиковъ думаетъ, что мы можемъ разрѣшить,

Digitized by Google

«самую многосложную и тяжелую задачу народнаго образованія, именно систему вольнаго и безплатнаго обученія», когда у насъ никакъ не разрѣшатъ гораздо менѣе сложную систему средняго образованія!

Мы должны, однако, сказать, что развивая свою систему обученія, князь Васильчиковъ рисуетъ блестящіе результаты, противъ которыхъ невозможно спорить... въ теоріи. Полагая, что въ Россіи изъ 7 милліоновъ дѣтей будутъ посѣщать школы только 4.200,000, онъ, изъ сравнительной стоимости обученія одного ученика въ разныхъ государствахъ, выводитъ цифру въ 3 р.: «мы считаемъ въ Россіи на 1 ученика всѣхъ расходовъ около 3 р.», говоритъ онъ. По этому разсчету выходитъ, что ежегодное обученіе 4.200,000 дѣтей будетъ стоить ежегодно только 12.600,000, и весь вопросъ, по мнѣнію нашего автора, сводится на то, чтобъ достать эти 12 милліоновъ. Цифра это, однако, составлена довольно гадательно: напр., князь Васильчиковъ очень быстро рѣшилъ, что если въ Пруссіи среднее жалованье сельскаго учителя 185 тал., то у насъ оно можетъ быть 120 руб., потому что въ Пруссіи цѣны 7—8 р. за четверть ржи, а у насъ 4—5 р.; затѣмъ 80 р. авторъ полагаетъ достаточнымъ для найма, отопленія и ремонта школы. Въ примѣчаніи къ этому рѣшительному выводу, князь Васильчиковъ оговаривается, что онъ напередъ предвидитъ возраженія, «какъ со стороны оффиціальныхъ людей, привыкшихъ считать расходы по казеннымъ справочнымъ цѣнамъ, такъ и со стороны педагоговъ, требованія коихъ часто такъ преувеличены, что превышаютъ средства мѣстнаго населенія». Начать съ того, что требовать отъ учителя, чтобъ онъ сообразовался со средствами сельскаго населенія, все равно что отъ столяра, напр., требовать, чтобъ онъ бралъ 5 руб. за столъ съ помѣщика и 5 коп. за тотъ же столъ съ крестьянина. Баронъ Корфъ доказываетъ въ книгѣ, «Русская начальная школа» и въ своемъ извѣстномъ «Руководствѣ», что среднее жалованье сельскому учителю нельзя назначить менѣе 250 р. въ годъ, и тѣ основанія, которыя онъ приводитъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительны. Если допустить такое вознагражденіе за учительскій трудъ, то 12 мил. князя Васильчикова обратятся въ 20 милліоновъ. Содержаніе школы 80-ю рублями тоже довольно мудрено, такъ какъ кромѣ дровъ, отопленія и проч., потребуются еще учебные матеріалы, пополненіе училищной библіотеки и т. д. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, мы отъ всей души желаемъ, чтобъ на народное образованіе отыскалось хотя бы и 12 милліоновъ.

Мы не останавливаемся на дальнѣйшихъ главахъ книги князя Васильчикова, которой вѣроятно суждено сдѣлаться настольною справочною книгою по земскимъ вопросамъ; въ заключеніе замѣтимъ, что онъ весьма основательно доказываетъ необходимость учрежденія у насъ рабочихъ союзовъ или ассоціацій для взаимнаго кредита и взаимнаго страхованія. У насъ еще не мало людей, которые видятъ въ

Digitized by Google

ассоціаціяхъ какое-то пугало, которое они окрещиваютъ названіемъ соціализма, не подозрѣвая того, что никакія ихъ усилія, никакіе крики ихъ не могутъ остановить извѣстныхъ явленій народной жизни; ихъ можно затормозить, но рано или поздно они все-таки пробьются, и чѣмъ позднѣе пробьются они, тѣмъ будетъ хуже. Люди, видящіе въ ассоціаціяхъ что-то пагубное, очевидно ровно ничего не понимаютъ въ политической экономіи вообще и въ развитіи русской экономической жизни въ особенности. Повидимому, они думаютъ, что раціональное хозяйство состоитъ въ томъ, чтобъ разорить его окончательно, а потомъ исправлять постепенно; такъ какъ разорять гораздо легче, то естественно, что охотниковъ всегда является много.

Мы возвратимся еще разъ къ труду кн. Васильчикова и ближе познакомимъ читателей съ его значеніемъ для людей, интересующихся особенно судьбою нашего земства, а на этотъ разъ ограничимся только общимъ анализомъ его содержанія.

Сѣверъ Россіи. *М. Сидоровъ*. Спб. 1870. Стр. 556.

Предъ нами—странная книга, заслуживающая, однако, вниманія въ силу самой своей странности. Начать съ того, что г. Сидоровъ—извѣстный золотопромышленникъ, большой радѣтель о промышленности сѣвера Россіи, лично извѣстный покойному цесаревичу Николаю Александровичу, которому онъ поднесъ глыбу графита въ 16 пуд. вѣсомъ изъ открытаго имъ графитнаго мѣсторожденія въ Туруханскомъ округѣ; покойный цесаревичъ распрашивалъ его о нуждахъ Сѣвера и просилъ составить о немъ записку въ этомъ смыслѣ; г. Сидоровъ исполнилъ это желаніе, но, вслѣдствіе преждевременной кончины великаго князя, записка попала въ Вольное экономическое общество. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія, которое называется «Памяти Петра Великаго» и въ которомъ г. Сидоровъ прямо къ Петру обращается, разсказывая ему въ краткихъ словахъ исторію торговли нашего Сѣвера. «Въ 1872 году минетъ, начинаетъ г. Сидоровъ свое предисловіе, 200 лѣтъ со дня рожденія Великаго Преобразователя нашего отечества. Ты, геніальный труженикъ, показалъ примѣръ своему народу по всѣмъ отраслямъ промышленности. Ты понималъ какое значеніе», и проч. Предисловіе занимаетъ 23 страницы и посвящено промышленнымъ дѣйствіямъ г. Сидорова на сѣверѣ, въ которыхъ Петръ Великій увидѣлъ бы осуществленіе своихъ плановъ и оправданіе русскаго купечества. «Не русское купечество виновато, говоритъ г. Сидоровъ, что не исполняется воля государя императора, выраженная въ Архангельскѣ въ 1858 г.,—а нѣкоторые *администраторы*. Они не только не заботились объ улучшеніи быта народа, но употребляли мѣры, чтобъ и остальное населеніе выселить изъ сѣвернаго края,

Digitized by Google

какъ изъ такой страны, въ которой не могутъ жить люди. Бѣдный народъ Сѣвера питался большею частію вмѣсто зернового хлѣба — хлѣбомъ изъ коры, листьевъ деревъ, мховъ и т. п. На просьбы у нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ лучшаго хлѣба — вмѣсто слова утѣшенія, народъ получалъ отвѣтъ на мірскихъ сходкахъ: «ѣшьте снѣгъ», «чтобъ холера васъ душила», «если и умрете съ голоду, то у государя и безъ васъ довольно народу». Наконецъ, народъ бросился бѣжать изъ края, оставляя престарѣлыхъ и малолѣтныхъ на произволъ судьбы».

Все это докладывается Петру Великому, и все это совершалось послѣ 1858 года, когда «Государь Императоръ, указывая въ Архангельскѣ губернатору на упадокъ благосостоянія Сѣвера, приказалъ объ улучшеніи быта его имѣть попеченіе». Въ самомъ концѣ предисловія мы узнаемъ, что книга эта—«Записки Сидорова». Переходимъ къ «Запискамъ» и видимъ, что онѣ состоятъ изъ разныхъ статей, отчасти написанныхъ самимъ г. Сидоровымъ о Сѣверѣ, отчасти извлеченныхъ изъ разныхъ газетъ и журналовъ. Тутъ есть и пространныя «замѣчанія на мнѣнія коммиссіи», которая была отправлена правительствомъ для изслѣдованія Сѣвера, подъ начальствомъ г. С. Данилевскаго, и «мнѣнія о Варангерскомъ поморьѣ», и о «богатствахъ Сѣвера», и о двинской желѣзной дорогѣ, и о положеніи жителей Архангельской губерніи, и «проектъ о заселеніи сѣвера имперіи, и проч. и проч. Все это въ какомъ-то черновомъ, наскоро набросанномъ видѣ, но все пригнано къ той господствующей идеѣ, что богатства Сѣвера неисчислимы, что онъ умышленно разоренъ администраціей въ пользу иностранцевъ, которые захватываютъ въ немъ всѣ отрасли промышленности, и что отъ промышленнаго и всякаго другого поднятія Сѣвера зависитъ могущество и богатство Россіи. Этого мало: такъ какъ г. Сидоровъ является борцомъ за процвѣтаніе Сѣвера, при чемъ онъ не жалѣетъ красокъ для того, чтобъ нарисовать яркія картины своей полезной дѣятельности, то весь гнѣвъ и громы администраціи обрушиваются на него. Выходитъ цѣлая эпопея страданій г. Сидорова, исполненная мрачнаго колорита. Передаемъ здѣсь только краткія черты изъ этой эпопеи, по возможности словами самого г. Сидорова, который любитъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Г. Сидоровъ принялся «съ горячимъ усердіемъ» за отыскиваніе золото содержащихъ розсыпей въ Енисейской губерніи и началъ ихъ находить; вмѣсто поощренія, графъ Муравьевъ-Амурскій сталъ умѣрять его рвеніе «сначала словеснымъ выговоромъ, что онъ заявками своими безпокоитъ начальство, а потомъ и оффиціальною бумагою управляющему Енисейскою губерніею Родюкову—сдѣлать Сидорову *нравственное внушеніе*»; затѣмъ тотъ же гр. Муравьевъ-Амурскій въ 1851 году «обратился съ отношеніемъ къ г. министру финансовъ Броку, прося

Digitized by Google

его в.-пр. *убрать Сидорова изъ Сибири*, какъ безпокойнаго и вредящаго развитію золотопромышленности человѣка». Г. Сидоровъ, однако, не убрался, и черезъ десять лѣтъ горный ревизоръ засвидѣтельствовалъ, что отъ пріисковъ Сидорова казна получила болѣе 3 милліоновъ рублей. Еще прежде этого Сидоровъ пожертвовалъ на открытіе университета въ Сибири 25 тыс. руб. сер. и 25 пріисковъ. Вмѣсто благодарности, графъ Муравьевъ-Амурскій возбудилъ вопросъ, не принадлежитъ-ли Сидоровъ къ скопческой сектѣ? Когда оказалось, что онъ не принадлежитъ, то возбужденъ былъ другой вопросъ: имѣетъ-ли право Сидоровъ, хотя записанный въ гильдію, но имѣющій дипломъ домашняго учителя, стало быть чиновникъ (?), заниматься золотопромышленностью? Такъ какъ служащимъ чиновникамъ въ Сибири запрещено заниматься золотопромышленностью, то Сидорова «велѣно было судить и отобрать отъ него въ казну всѣ найденные имъ золотые пріиски». Слѣдствіе тянулось четыре года и окончилось полнымъ оправданіемъ Сидорова въ 1862 г., «но не представляется уже 8-й годъ на ревизію въ высшее мѣсто, чтобы только держать Сидорова въ подсудности для лишенія всѣхъ почетныхъ должностей въ обществѣ и наградъ». Сидоровъ открылъ въ Сибири графитъ, но «начальникомъ Енисейской губерніи, генералъ-маіоромъ Замятнинымъ и чиновниками поляками не только разоренъ въ корень этотъ первый въ Россіи промыселъ, но и былъ затопленъ лучшаго качества графитъ, добытый для выполненія контракта съ златоустовскимъ заводомъ (16 т. пуд.)». «Сидоровъ представилъ право тобольскому губернатору получить слѣдующія ему изъ казны деньги за золото въ 1864 г., въ количествѣ 34 т. р. золотомъ, составлявшихъ тогда съ лажемъ по курсу 50 т. р., на устройство народныхъ и ремесленныхъ школъ въ Тобольской губ. Деньги эти изъ казны были енисейскимъ губернаторомъ отданы другому лицу, такъ какъ они пожертвованы Сидоровымъ для школъ Тобольской, а не Енисейской губерніи. Черезъ четыре года правительствующій сенатъ призналъ этотъ захватъ неправильнымъ и опредѣлилъ взыскать деньги съ виновныхъ». Въ другой разъ тотъ же енисейской губернаторъ наложилъ арестъ на 36 т. р., которыя долженъ былъ получить Сидоровъ изъ казны; Сенатъ опять призналъ арестъ неправильнымъ. Сидоровъ пожелалъ на сѣверѣ разработывать нефть, но архангельская палата государственныхъ имуществъ отвѣчала ему, что «въ министерствѣ финансовъ не издано еще законовъ для разработки нефти». Сидоровъ.... Но не довольно ли? Желающіе могутъ сами прочесть эту эпопею; мы же ограничимся нѣсколькими словами по поводу ея.

Насколько справедливы факты, разсказанные г. Сидоровымъ, мы не знаемъ, но не можемъ не замѣтить, что г. Сидоровъ можетъ поколебать къ себѣ довѣріе тѣмъ, что слишкомъ уже старается вы-

Digitized by Google

ставить себя жертвою и гонимымъ, тогда какъ это, повидимому, не помѣшало ему выработать милліоны; онъ, кромѣ того, претендуетъ на награды, на полученіе милліоновъ, должно полагать, только, «для приведенія въ исполненіе его плановъ»; независимо отъ всего этого, въ его многострадальной эпопеѣ есть факты, очень темно изложенные, напр. дѣло его съ Рязановыми, будто бы стоившее г. Сидорову 630 тысячъ руб. штрафа. Но если въ показаніяхъ г. Сидорова есть только доля правды, то и тогда книга его можетъ быть разсматриваема, какъ матеріалъ для характеристики успѣховъ нашей промышленности, но матеріалъ, требующій провѣрки. Намъ особенно интересенъ фактъ пожертвованія г. Сидоровымъ 25 т. р. на университетъ въ Сибири; въ 1803 г. для этой же цѣли пожертвовано 50 т. р. Демидовымъ; нынѣ капиталъ этотъ увеличился до 75 тыс. руб.; «но, говоритъ г. Сидоровъ, ничего не дѣлается и капиталъ употребляется на другое». Говоря о провѣркѣ фактовъ, лично касающихся г. Сидорова, мы должны упомянуть, что въ книгѣ его собрано значительное количество свидѣтельствъ другихъ лицъ, отчасти оффиціальныхъ, которыя, впрочемъ выставляютъ положеніе дѣлъ въ Сибири дѣйствительно въ самомъ безотрадномъ видѣ.

КАРТИНА Г. ЯКОБИ,

«Арестъ Бирона», на выставкѣ въ академіи художествъ.

Въ обзорѣ произведеній послѣдней академической выставки [1]), у насъ остался замѣтный пробѣлъ, не по нашей винѣ однако: пробѣлъ этотъ былъ и на самой выставкѣ въ то время, когда статья о ней писалась. «Арестъ Бирона, — Якоби; картина взята художникомъ для окончанія»:—вотъ что представлялъ тогда голый мольбертъ, на которомъ теперь стоитъ работа одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ живописцевъ.

Сколько намъ извѣстно, картина не была взята для окончанія, но просто не была окончена, а для нея было взято только мѣсто. Художникъ не поспѣлъ «къ сроку» и *спѣшилъ* кончить своего «Бирона».

Этотъ одиночный случай невольно приводитъ къ размышленіямъ объ общемъ неудобствѣ *спѣшить* къ сроку, назначаемому для годичной выставки. Срокъ, конечно, долженъ быть; но мы считаемъ его гораздо удобнѣе не середи осени, когда художнику, проведшему свѣт-

[1]) См. выше: нояб. 356 стр.

Digitized by Google

лые дни лѣта за этюдами, эскизами и подготовкой своей работы, приходится оканчивать ее какъ можно скорѣе, чтобы только попасть съ нею въ залы академіи, уже порядочно залитыя октябрьскимъ мракомъ. Картина является (если только поспѣетъ) не просмотрѣнная достаточно художникомъ, не высохшая и пожухлая — въ ущербъ ясности тоновъ, или покрытая слишкомъ рано лакомъ — въ ущербъ прочности живописи. Между тѣмъ, еслибъ она была дописана не второпяхъ, да успѣла выстояться за зиму и настолько сдѣлаться чужою нѣжному сердцу и близкою строгому разсудку автора, чтобъ онъ былъ въ состояніи отнестись къ ней критически, что́ нужно передѣлать, исправить, дополнить, усовершенствовать, привести въ тонъ и наконецъ въ полномъ свѣтѣ представить на судъ публики къ марту мѣсяцу,—еслибъ было такъ, но тогда не было бы пустыхъ мольбертовъ, ни пестрыхъ или несвоевременно нотрескавшихся картинъ, и не надо было бы отыскивать ихъ въ кромешной октябрьской тьмѣ, какъ нынче. Съ марта, даже Петербургъ получаетъ частичку общаго свѣта, разлитого во вселенной; закрытыя же постомъ двери всякихъ храмовъ, кромѣ божіихъ, много помогали бы отпертымъ вратамъ храма художествъ.

Картина г. Якоби тоже, повидимому, не проиграла бы, еслибъ осталась въ мастерской художника на зиму. Теперь же большія достоинства ея не въ состояніи скрыть нѣкоторыхъ недостатковъ. Прежде всего, сюжетъ, интересный въ историческомъ отношеніи, мало интересенъ въ художественіомъ. Что всемогущій Бирон былъ арестованъ самымъ грубымъ образомъ нѣсколькими преображенскими солдатами, ночью, у себя въ спальнѣ — это въ исторіи, конечно, фактъ поразительный; но что тучный, лысый и полунагой старикъ поваленъ на полъ и схваченъ за воротъ рубашки солдатомъ — въ этомъ нѣтъ ничего такого, что́ могло бы поражать картинностью. Значитъ, противъ художества картина грѣшитъ выборомъ сюжета; противъ исторіи она грѣшитъ невѣрностью: извѣстно, что въ спальнѣ, была и жена Бирона; она барахталась съ солдатами и не давала имъ мужа. Можетъ быть, видъ старухи въ ночномъ одѣяніи смущалъ художника? Но чѣмъ же лучше старикъ безъ парика ночью? Грубоватая по сюжету, картина грубовата и по выполненію — это уже слѣдуетъ приписать спѣшности работы. Нѣкоторая декоративность живописи особенно бросается въ глаза при сравненіи съ тонкою кистью г. Гуна, картина котораго стоитъ рядомъ. Но все же и въ «Арестѣ Бирона», г. Якоби является тѣмъ же талантливымъ художникомъ, какимъ мы его знали прежде, и его послѣдняя работа можетъ быть названа въ своемъ родѣ лучшею на выставкѣ, послѣ работы г. Гуна. Фонъ картины — постель, фестоны полога и вся орнаментація комнаты, кое гдѣ слабо тронутая свѣтомъ ночной лампы; фигуры багрово озаренныя этою лампой и бѣлая зимняя ночь, глядящая въ окна на роковую сцену; тупо, зло и

Digitized by Google

безпомощно вперенный глазъ Бирона на солдата, который придавилъ ботфортою ему колѣно,—все это очень эфектно и мастерски выражено....

Кстати, оба названные художника признаны Академіею достойными званія профессора; но такъ какъ не прошло трехъ лѣтъ съ производства ихъ въ академики, то, на основаніи какой-то статьи, они произведутся въ слѣдующій чинъ только черезъ годъ. Такіе профессоры на срокъ напоминаютъ извѣстнаго профессора въ кредитъ, получившаго давнымъ-давно свое званіе за картину, которую онъ *долженъ* былъ написать и не написалъ никогда. Такимъ образомъ, первые, въ уплаченныхъ ими деньгахъ, получатъ росписку годъ спустя, а второй имѣетъ ее, вовсе не уплативши денегъ.

Случились—замѣтимъ мимоходомъ—и другія странности въ присужденіяхъ наградъ: такъ премія въ 1,000 рублей сохранена Академіею, а не выдана ни г. Гуну, ни Якоби, хотя едвали каждый годъ можетъ представиться случай такъ удачно помѣстить сумму академическаго поощренія; премія въ 500 р. присуждена не барону Клодту, и не г. Дюккеру, за *лучшіе* безспорно пейзажи выставки, а г. Лагоріо, за работу, уступающую двумъ первымъ. Но особенно странно то, что ни одинъ изъ картоновъ для Исаакія не принятъ. Уже это до того странно, что приходится простить Академіи за столь небывалый подвигъ всѣ предыдущія странности. Наконецъ-то, наконецъ!!

П. К.

ПОПРАВКА.

По недосмотру меттерампажа, въ ноябрьской книгѣ допущена искажающая смыслъ ошибка при исправленіи послѣдней корректуры, и на стр. 449, строч. 4 св. напечатано: *Фебуры*, вмѣсто: *фобуры*.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

въ 1870 году.

Въ 1870-мъ году, экземпляры Вѣстника Европы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Абобьернеборгская губ.
(310.111 жит.)

	экз.
Або	1
	1

Акмолинская обл.
(? жит.)

Акмолинскъ	3
Петропавловскъ	1
Курганъ	4
Атбасарская	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	18
	28

Амурская обл.
(22.297 жит.)

Благовѣщенскъ	6
Албазинъ	2
	8

Архангельская губ.
(284.244 жит.)

Архангельскъ	13
Сороцкая	1
Онега	3
Кемь	1
Соловецкій монаст.	1
Пинега	1
Холмогоры	1
	21

Астраханская губ.
(377.239 жит.)

	экз.
Астрахань	19
Енотаевскъ	1
Черный-Яръ	4
	24

Бакинская губ.
(529.519 жит.)

Баку	14
Шуша	7
Ленкоранъ	2
Куба	3
Сальяны	1
Шемаха	2
	29

Бессарабская обл.
(1.026.346 ж.)

Кишиневъ	50
Сороки	3
Атаки	1
Бричаны	3
Секурянская	1
Банежская	3
Оргѣевъ	2
Скуляны	3
Бѣльцы	7
Новоселица	2
Липканы	2
Купчинская	1

	экз.
Хотинъ	7
Аккерманъ	2
Бендеры	4
Кубей	1
Гура-Гальбинская	1
Камратъ	1
	94

Варшавская губ.
(641.449 жит.)

Варшава	31
Гура-Кальварія	1
Ново-Дворъ	2
Минскъ	3
Скерневицы	3
Кутно	1
Александровъ	1
Влоцлавскъ	3
Ловичъ	3
Гостынинъ	1
Гомбинъ	1
Новогеоргіевская	2
	52

Виленская губ.
(983.849 ж.)

Вильна	32
Дисна	2
Троки	1
Рудзишки	1

Digitized by Google

	экз.
Велейка	1
Гжа	3
Горгоны	1
Дмяны	3
Молодечно	1
	45

Витебская губ.
776.739 ж.

Витебскъ	12
Городокъ	1
Невель	1
Парѣчье	1
Рѣжица	2
Динабургъ	8
Дреславль	1
Пепель	2
Полоцкъ	6
Придруйскъ	1
Велижъ	3
	38

Владимирская губ.
(1.216.619 жит.)

Владиміръ	17
Гама	1
Меленки	4
Суздаль	4
Юрьевъ-польскій	4
Вознесенскій посадъ	7
Борисоглѣбская	1
Муромъ	6
Вязники	4
Воронинская	1
Ковровъ	2
Чехайковская	1
Киржачъ	1
Покровъ	1
Александровъ	3
Гороховецъ	2
Кохна	1
Орѣховская	1
Шуя	3
	64

Вологодская губ.
(986.895 жит.)

Вологда	21
Григорьевская	1
Грязовецъ	1
Кольвычегодскъ	1
Кресцъ	1
Усть-Сысольскъ	1
Великій Устюгъ	1
Кадниковъ	3
Готьма	1
	31

Волынская губ.
(1.602.715 жит.)

Китомиръ	23
Владимиръ	1
Ковель	4

	экз.
Дубно	2
Кременецъ	3
Радзивиловъ	3
Луцкъ	3
Новоградъ-Волынскъ	3
Старо-Константиновъ	3
Заславъ	3
Острогъ	4
Ровно	2
Райгородокъ	1
Любарская	3
Овручъ	1
	59

Воронежская губ.
(2.034.671).

Воронежъ	42
Бестужевская	2
Задонскъ	6
Нижнедѣвицкъ	2
Бутурлиновка	5
Песковская	2
Новохоперскъ	8
Павловскъ	9
Бирючъ	4
Богучаръ	4
Валуйки	6
Землянскъ	8
Коротоякъ	2
Острогожскъ	13
Шестаковская	9
Бобровъ	1
	123

Выборгская губ.
(262.577 жит.)

Выборгъ	4
Сальмисъ	1
	5

Вятская губ.
(2.359.561 жит.)

Вятка	14
Орловъ	2
Яранскъ	4
Котельничъ	1
Слободской	2
Глазовъ	2
Елабуга	4
Воткинскій заводъ	4
Ижевскій заводъ	2
Сарапуль	6
Нолинскъ	1
Сюмсиможгинская	1
Уржумъ	1
Малмыжъ	3
	47

Гродненская губ.
(931.353 жит).

Гродно	15
Ружаны	1
Волковыскъ	3
Чемелы	2

	экз.
Слонимъ	3
Пружаны	1
Бѣльскъ	4
Бѣлостокъ	5
Дрогичинъ	1
Кобринъ	3
Брестъ-Литовскъ	11
	49

Дагестанская губ.
(566.594 жит.)

Темиръ-Ханъ-Шура	13
Дербентъ	3
Гунибъ	5
Дашлагаръ	1
Петровское	6
	28

Екатеринославская.
(1.204.751 жит.)

Екатеринославъ	31
Никополь	6
Александровскъ	12
Верхнеднѣпровскъ	15
Концерополь	2
Топильная	3
Петропавловка	3
Павлоградъ	15
Новомосковскъ	9
Перещепино	3
Азовъ м.	1
Нахичевань	2
Ростовъ на Дону	25
Таганрогъ	31
Благодатная	4
Ивановская	5
Луганскій заводъ	8
Маріуполь	2
Марченская	3
Михайловская	2
Славяносербскъ	3
Чернухинская	2
Бахмутъ	9
Гавриловка	3
Константиновка	1
Никитовка	1
	201

Енисейская.
(323,014 жит.).

Красноярскъ	8
Канскъ	2
Енисейскъ	2
Рыбинская	1
Абакинская	1
Минусинскъ	5
Ачинскъ	1
	20

Забайкальская обл.
(420.000 жит.).

Нерчинскъ	6
Нерчинскій зав.	2
Городищенская	1

Digitized by Google

	экз.
Кайдаловская	1
Стрѣтинскъ	8
Чита	4
Укырская	1
Верхнеудинскъ	3
Петровскій зав.	1
Селенгинскъ	1
	23

Земля войска Донскаго.
(1.062,377 жит.)

Новочеркаскъ	40
Новониколаевка	1
Есауловская	1
Хорцыская	2
Пятизбянская	1
Усть-Медвѣдицкая	3
Урюпинская	6
Аксайская	2
Константиновская	3
Боковская	2
Цымлянская	2
Шалаевская	1
Ольховый-Рогъ	3
Русская	4
Грушевская	2
Каменская	7
	80

Иркутская.
(852,534 жит.).

Иркутскъ	35
Киренскъ	1
Кяхта	12
Нохтуйская	1
Усть-Кутская	1
Хоготская	1
Тельминская	1
Тулуновская	1
Нижнеудинскъ	2
	55

Казанская.
(1.690,467 жит.).

Казань	64
Аккозино	1
Воробьевка	1
Чебоксары	1
Свіяжскъ	2
Цивильскъ	1
Алексѣевская	1
Лаишевъ	2
Чистополь	7
Мамадышъ	2
Метески	1
Спасскъ	6
Тетюши	1
	90

Калишская.
(579,356 жит.).

Калишъ	4
Конинъ	1
Слупца	2
Коло	1
Серадзъ	2
Ленчица	1
Домбѣ	1
	12

Калужская.
(964,796 жит.).

Калуга	19
Александровскій хуторъ	5
Перемышль	2
Жиздра	4
Зубово	1
Козельскъ	2
Лихвинъ	2
Мещевскъ	2
Мосальскъ	3
Роговичская	1
Михѣевская	2
Мало-Ярославецъ	1
Медынь	3
Боровскъ	1
Таруса	3
	51

Кіевская.
(2.094,222 жит.).

Кіевъ	131
Бердичевъ	4
Самгородокъ	1
Махновка	1
Умань	11
Черкасы	4
Смѣла	6
Тальное	3
Чигиринъ	5
Шпола	4
Звенигородка	6
Богуславъ	6
Лысянская	1
Таруса	2
Бѣлая-церковь	6
Липовецъ	5
Ружинъ	1
Сквира	6
Васильковъ	1
Каневъ	2
Коростышевская	2
Радомысль	5
	213

Ковенская.
(1.052,163 жит.).

Ковно	21
Тельши	1
Кейданы	3
Россіяны	1
Юрбургъ	1
Таурогенъ	5
Шавли	4
Вилкоміръ	1
Ново-Александровскъ	2
	39

Костромская.
(1,073,971 жит.).

Кострома	24
Галичъ	4
Вичуга	4
Лухъ	1
Плесъ	1
Кинешма	7
Александровское	1
Малогорская	1
Унжа	1
Макарьевъ	1
Судиславль	1
Буй	1
Кологривъ	2
Парфентьевъ	1
Солигаличъ	1
Чухлома	2
Нерехта	4
Писцова	1
Ветлуга	3
Юрьевъ-Повольскій	1
	62

Кубанская область.
(628,287 жит.).

Екатеринодаръ	13
Щербиновка	1
Ейскъ	7
Уманская	4
Крымское	1
Новороссійскъ	5
Славянская	2
Темрюкъ	1
Челбашская	1
Кавказская	1
Усть-Лабинская	4
	40

Куопійская.
(215,019 жит.).

Куопіо	1
	1

Курляндская.
(573,856 жит.).

Митава	2
Либава	1
	3

Курская.
(1.827,068 жит.).

Курскъ	33
Короча	5
Обоянь	4
Грайворонъ	2
Мирополье	1
Новый Осколъ	4
Старый Осколъ	6
Тимъ	2
Фатежъ	6
Щигры	8
Борисовка	3
Бѣлгородъ	8

Digitized by Google

	экз.
Поныры	1
Никольская	2
Дмитріевъ	9
Дьяконово	1
Рыльскъ	8
Суджа	6
	123

Кутаисская.
(504.581 жит.).

Кутаисъ	19
Бѣлогорская	1
Поти	1
Ахалцыхъ	2
	23

Кѣлецкая.
(469.619 жит.).

Сельцы	5
Пилица	1
Мѣховъ	2
Андреевъ	1
Пинчевъ	1
Стопница	2
	12

Лифляндская.
(925.275 жит.).

Рига	14
Перпъ	3
Перновъ	1
Веневъ	1
Якскиль	1
	20

Ломжинская.
(435.031 жит.).

Ломжа	8
Остроленка	2
Краевъ	1
Щучинъ	1
Пултускъ	3
	15

Люблинская.
(677.240 жит.).

Люблинъ	11
Ивангородъ	3
Грубешовъ	2
Томашевъ-Замосцкій	1
Замосць	2
Красноставъ	1
Ново-Александрія	1
Ополе	1
Хелмъ	5
Іновъ	2
	29

Минская.
(1.001.335 жит.).

Минскъ	14
Новеъ	2
Борисовъ	3
Игуменъ	1
Мозырь	1
Слуцкъ	2
Паричи	1
Якимовичи	1
Бобруйскъ	5
Пинскъ	1
Несвижъ	2
Новогрудокъ	3
	36

Могилевская.
(924.080 жит.).

Могилевъ	22
Климовичи	1
Кричевъ	1
Гомель	6
Рогачевъ	5
Пропойскъ	3
Чаусы	1
Чериковъ	3
Чечерскъ	2
Горы-горки	1
Копысь	1
Мстиславль	3
Сѣнно	1
Орша	4
	54

Московская.
(1.564.240 жит.).

Москва:	
a) по почтѣ	70
b) чрезъ кн. маг. Соловьева	419
	489
Волоколамскъ	4
Клинъ	4
Воскресенскъ	2
Звенигородъ	3
Руза	3
Сергіевъ посадъ	8
Валуевская	1
Можайскъ	4
Верея	2
Дмитровъ	2
Каменка	1
Лукашинская	1
Подольскъ	2
Серпуховъ	10
Лопасня	1
Бронницы г.	1
Коломна	5
Богородскъ	4
	547

Нижегородская.
(1.268.492 жит.).

Нижній Новгородъ	42
Горбатовъ	4
Павлово	3
Починки	5
Абрамово	2
Лукояновъ	1
Арзамасъ	4
Мѣдниково	1
Балахна	3
Васильсурскъ	3
Воскресенское	1
Семеновъ	1
Ардатовъ	1
Княгининъ	2
Лысково	4
	77

Новгородская.
(1.006.298 жит.).

Новгородъ	26
Бѣлозерскъ	4
Череповецъ	8
Кириловъ	4
Устюжна	9
Бахмаровская	1
Еремино	1
Боровичи	11
Валдай	1
Валдайская ст.	1
Крестцы	1
Бронницы ст.	2
Буреги	1
Медвѣдь	3
Старая Русса	4
Избощенская	2
Сомино	1
Тихвинъ	4
Подберезье	1
Спасская Полисть	2
Бологое	3
Боровенская	1
Мало-Вишерская	1
Окуловская	1
Торбино	1
	94

Нюландская.
(172.504 жит.).

Гельсингфорсъ	6
Свеаборгъ	2
	8

Олонецкая.
(298,932 жит.).

Петрозаводскъ	12
Повенецъ	1
Каргополь	1
Вытегра	4
Олонецъ	1
Гоморовичи	1
Пудожъ	1
	21

Оренбургская.
(894.498 жит.).

Оренбургъ	37
Коельская	1
Троицкъ	1
Челябинскъ	5
Кизильская	1

Digitized by Google

	экз.
Тунгатарово	1
Верхнеуральскъ	1
Орская	6
Илецкая	1
Шарлакскій Ямъ	2
Гурьевъ	1
Нижнеуральскъ	6
	63

Орловская.
(1.547,975 жит.).

Орелъ	41
Трубчевскъ	3
Брянскъ	6
Корачевъ	8
Хотынецъ	2
Елецкъ	18
Упоройская	1
Дмитровскъ	7
Кромы	4
Севскъ	5
Ливны	15
Болховъ	7
Мценскъ	13
Дросково	2
Мало-Архангельскъ	9
Александровка	1
Змѣевка	1
	143

Пензенская.
(1:179,080 жит.).

Пенза	26
Керенскъ	2
Новорчатъ	1
Нижній-Ломовъ	6
Чембаръ	5
Садовская	2
Городище	3
Инсаръ	2
Нечаевскій Уметъ	1
Исса	3
Царевщинская	2
Саранскъ	6
Краснослободскъ	2
Мокшаны	1
	62

Пермская.
(2.198,493 жит.).

Пермь	24
Оса	3
Охансъ	1
Богословскій зав.	1
Верхотурье	1
Долматовъ	1
Ирбитъ	1
Каменскій зав.	1
Кушвинскій зав.	7
Невьянскій	2
Нижнетагильскій	4
Шадринскъ	2
Екатеринбургъ	28
Сугатская	1

	экз.
Камышловъ	2
Ачитская	1
Кунгуръ	4
Билимбаевскій зав.	2
Веретія	2
Красноуфимскъ	1
Соликамскъ	1
Чердынь	2
	92

Петроковская.
(620,550 жит.).

Петроковъ	3
Згержъ	1
Пабіанице	1
Радомскъ	1
Рава	1
Ченстохова	3
Сосновицы	2
	12

Плоцкая.
(465,977 жит.).

Плоцкъ	5
Цѣхановъ	1
Праснышъ	1
Млава	1
Любичъ	1
Серпецъ	1
	10

Подольская.
(1.903,896 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	16
Ямполь	5
Могилевъ	4
Гусятинъ	1
Ушица	1
Баръ	3
Нѣгинская	1
Ярмолинцы	1
Летичевъ	3
Литинъ	3
Меджибожъ	3
Проскуровъ	5
Немировъ	3
Винница	4
Гайсинъ	5
Дружинская	2
Ольгополь	1
Тульчинъ	10
Брацлавъ	2
Попелюхи	1
Балта	9
Кривое-озеро	1
	84

Полтавская.
(1.911,442 жит.).

Полтава	40
Борисполь	2
Переяславъ	4
Золотоноша	7

	экз.
Опошня	1
Зеньковъ	3
Градискъ	4
Семеновская	4
Хоролъ	7
Гадячъ	8
Лохвица	3
Миргородъ	6
Ромны	9
Яготинская	3
Пирятинъ	11
Лубны	8
Прилуки	19
Кременчугъ	19
Бѣлоцерковка	1
Кобеляки	12
Буняковская	5
Рѣшетиловская	1
Ѳедоровка	1
Карловка	2
Константиноградъ	7
	187

Приморская обл.
(35,683 жит.).

Николаевскъ	5
Хабарово	1
	6

Псковская.
(764,478 жит.).

Псковъ	28
Боровичи	1
Порховъ	4
Бѣжаницы	1
Великія Луки	3
Опочка	4
Межуево	1
Торопецъ	3
Михайловъ погостъ	2
Новоржевъ	6
Святыя-горы	1
Холмъ	3
Островъ	8
	70

Радомская.
(515,257 жит.).

Радомъ	8
Сандомиръ	1
Опатовъ	1
Козеницы	2
Илжа	1
Опочно	1
Конскіе	1
	15

Рязанская.
(1.418,293 жит.).

Рязань	33
Зарайскъ	6
Сапожокъ	7
Ряжскъ	2
Ижевское	3

Digitized by Google

	экз.
Аспимовъ	5
Михайловъ	3
Пассекъ	2
Пронскъ	2
Скопинъ	3
Чанковъ	9
Егорьевскъ	1
Лобино	1
Зораблинская	1
Кулово	3
Ваненбургъ	5
Холово	2
	88

С.-Петербургская.
(1.174.174 жит.).

С.-Петербургъ:	
a) по городской почтѣ	689
b) чрезъ книж. маг. Вазунова	721
c) чрезъ кн. маг. Исакова	74
d) изъ редакціи.	35
	1519
Ковъ	3
Нарва	6
Церковицы	1
Ямбургъ	2
Ушничино	1
Чатчино	4
Луга	5
Сосна	3
Павловскъ	1
Царское Село	16
Петергофъ	3
Раненбаумъ	2
Кронштадтъ	21
Новая Ладога	3
Шлиссельбургъ	1
	1591

Самарская.
(1.690.779 жит.).

Самара	25
Малаково	3
Мичуй	3
Никольникова	1
Сорочинская	1
Бузулукъ	4
Бугурусланъ	1
Царьевская	2
Николаевскъ	1
Новый-Узень	3
Красноярская	1
Челекесъ	2
Ставрополь	2
Сердобинская	3
	52

Саратовская.
(1.704.051 жит.).

Саратовъ	40
Царицинъ	5
Коленская	2
Балашевъ	7
Аткарскъ	3
Камышинъ	7
Дубовскій посадъ	7
Таловка	1
Каменка	3
Камишкеръ	3
Петровскъ	8
Кондаль	6
Кузнецкъ	5
Сердобскъ	7
Вольскъ	8
Хвалынскъ	4
	116

Семипалатинская обл.
(97.348 жит.).

Семипалатинскъ	4
Бухтарма	1
Усть-Каменогорскъ	1
	6

Семирѣченская обл.
(340.000 жит.).

Копалъ	1
Исыкуль	1
Вѣрное	6
	8

Симбирская.
(1.183.312 жит.).

Симбирскъ	30
Красносенская	2
Пивоваленые заводы	2
Алатырь	2
Андреевская	1
Ардатовъ	8
Тагай	1
Корсунь	6
Курмышъ	1
Промзино-городище	1
Буинскъ	4
Сингилей	1
Сызрань	8
Теренгульская	2
Шумовская	2
	71

Смоленская.
(1.161.692 жит.).

Смоленскъ	28
Коски	1
Знаменское	2
Юхновъ	1
Рославль	4
Ельня	3
Зарубѣжская	1
Ечеистово	1
Соловьево	1
Дорогобужъ	6
Духовщина	6
Порѣчье	1
Бѣлой	6
Красный	3
Куприно	1
Починокъ	4
Вязьма	7
Сычовка	1
Гжатскъ	5
Жульенская	1
	83

Ставропольская.
(393.161 жит.).

Ставрополь	21
Медвѣжье	1
Средне-Егорлыкская	2
Хасавъ-Юртъ	4
Шелкозаводская	1
Моздокъ	2
Кизляръ	2
Нальчикъ	3
Прасковея село	2
Пятигорскъ	12
Георгіевскъ	3
Александровская	1
Лабинская	2
Майкопъ	3
Прочный-Окопъ	6
Тифлиская	1
Чунаки	1
	67

Сувалкская.
(478.437 жит.).

Сувалки	6
Вейверы	1
Вержболовъ	1
Владиславовъ	1
Маріамполь	1
Кибарты	1
Августово	1
Сейны	1
	13

Сыръ-Дарьинская обл.
(1.064.416 жит.).

Ташкентъ	19
Казалинскъ	1
Туркестанъ	2
Чимкентъ	1
Ходжентъ	1
Самаркандъ	5
	29

Сѣдлецкая.
(522.867 жит.).

Сѣдлецъ	7
Бяло	3
Мендзержецъ	1
	11

Тавастгустская.
(161.175 жит.).

Тавастгусъ	2
	2

Digitized by Google

Таврическая.
(666.027 жит.). экз.

Симферополь	22
Карасубазаръ	2
Ялта	5
Керчь	16
Ѳеодосія	6
Севастополь	8
Алушта	1
Евпаторія	4
Судакъ	1
Перекопъ	1
Каховка	2
Ганчесъ	1
Елань-Загачь	1
Сироговская	1
Мелитополь	4
Орѣховъ	11
Бердянскъ	9
	95

Тамбовская.
(2.024.234 жит.).

Тамбовъ	49
Толстиковская	1
Елатьма	2
Куликовская	1
Темниковъ	1
Козловъ	12
Спасскъ	3
Шацкъ	3
Моршанскъ	12
Грязи	2
Каргашино	4
Лебедянь	5
Липецкъ	6
Муравьевская	2
Усмань	8
Чириково (Сенцовка)	1
Токаревка	1
Кирсановъ	14
Борисоглѣбскъ	24
Вязовая	1
Окры	1
Разсказово	4
Сампуръ	2
	159

Тверская.
(1.521.577 жит.).

Тверь	17
Селижарово	1
Осташковъ	3
Вышній Волочекъ	7
Осташковская ст.	3
Спирово	1
Торжекъ	7
Неганово	1
Весьегонскъ	2
Кашинъ	8
Кесьма	1
Красный Холмъ	2
Старица	5
Бѣжецкъ	7
Зубцовъ	3
Калязинъ	6
Кимры	1
Корчево	4
Ржевъ	15
	94

Терская область.
(965.633 жит.).

Владикавказъ	16
Ведень	1
Грозная	8
Слѣпцовская	1
	26

Тифлисская.
(542.578 жит.).

Тифлисъ	81
Джульфы	1
Сурамская	1
Гори	1
Елизаветполь	2
Орпирская	1
Сухумъ-Кале	6
Делижанъ	2
Закаталы	3
Караклинская	2
Теловъ	2
Царскіе-Колодцы	4
Душетъ	1
	107

Тобольская.
(1.105.647 жит.).

Тобольскъ	6
Тюкалинскъ	1
Ишимъ	1
Тара	2
Ялуторовскъ	3
Туринъ	1
Тюмень	8
	22

Томская.
(716.576 жит.).

Томскъ	14
Змѣиногорскій руд.	2
Бійскъ	1
Барнаулъ	11
Каинскъ	1
Берское село	1
	30

Тульская.
(1.152.470 жит.).

Тула	40
Бѣлевъ	8
Веневъ	9
Ефремовъ	8
Кошира	4
Лопатково	1
Епифань	8
Богородицкъ	5
Лукьяновская	2
Алексинъ	3
Доробино	3
Одоевъ	8
Сергіевское	1
Новосиль	3
Чернь	10
Ивановская	1
Крапивна	4
Ненашево	1
Ясенки	3
	122

Уфимская губ.
(1.291.018 жит.)

Уфа	17
Мензелинскъ	2
Бирскъ	3
Набережные челны	1
Златоустовскій зав.	5
Міясскій зав.	1
Стерлитомакъ	7
Подлубовская	1
Саткинскій зав.	2
Тастубинская	1
Белебей	2
Кашкаланинская	1
	43

Харьковская.
(1.599.992 жит.)

Харьковъ	79
Лебединъ	9
Ахтырка	8
Боромля	2
Сумы	13
Бѣлополье	3
Ворожба	1
Коломакъ	4
Валки	8
Бѣловодская	4
Старобѣльскъ	8
Ново-Екатеринославъ	3
Славянскъ	9
Изюмъ	8
Волохоярская	3
Чугуевъ	5
Купянскъ	4
Рогань	1
Богодуховъ	6
Волчанскъ	9
Зміевъ	3
Краснопавловка	1
Барвенково	2
Ставраково	2
	195

Херсонская.
(1.330.138 жит.)

Херсонъ	25
Одесса	101
Новомиргородъ	10
Очаковъ	1
Николаевъ	13

Digitized by Google

	экз.
Кубоссары	1
Липецкая	1
Яновская	1
Марьяновская	2
Ананьевъ	7
Максимовская	3
Бобринецъ	6
Гусловская	1
Елизаветградъ	21
Кодинцова	2
Вознесенскъ	3
Константиновская	2
Ольвіополь	4
Гирасполь	4
Новая Прага	3
Березовка	2
Песчаный Бродъ	4
Новогеоргіевскъ	1
Александрія	13
Бирзула ст.	1
Ново-Украинка	1
Помошная	1
Ново-Воронцовская	5
	239

Черниговская.
(1.487.372 жит.)

Черниговъ	24
Городня	1
Клинцы посадъ	2
Почепъ	4
Суражъ	3
Мглинъ	5
Новуровская	1
Новгородъ-Сѣверскъ	6
Климовъ	2
Новозыбковъ	3
Погаръ	3
Стародубъ	3
Сосница	4
Остеръ	2
Козелецъ	8
Березна	2
Менская	3
Рѣпки	4
Глуховъ	3
Алтыновская	1
Кролевецъ	8
Шостенская	2
Батуринъ	4
Конотопъ	10
Нѣжинъ	12
Бобрикъ	1
Борзна	4
Бровары	1
Красное	1
Плиски	1
	128

Эриванская.
(421.228 жит.)

Эривань	4
Нахичевань	2
Ордубатъ	1
Александрополь	2
	9

Эстляндская.
(318.000 жит.)

Ревель	5
Гапсаль	1
Везенбергъ	5
	11

Якутская область.
(228.060 жит.)

	экз.
Якутскъ	3
	3

Ярославская.
(969.642 жит.)

Ярославль	27
Даниловъ	3
Молога	2
Рыбинскъ	9
Любимъ	3
Мышкинъ	1
Пошехонье	5
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2
Угличъ	4
Макарово	1
Ростовъ	7
	64

За границею:

Германія	31
Франція	13
Италія	6
Швейцарія	6
Греція	5
Турція	3
Англія	2
Бельгія	2
Нидерланды	1
Придунайскія Кн.	1
Данія	1
Китай	2
Персія	1
	74

Digitized by Google

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонская	239	29. Владимирская	64	57. Астраханская	24
2. Кіевская	213	30. Ярославская	64	58. Забайкальск. об.	23
3. Екатеринослав.	201	31. Оренбургская	63	59. Кутаисская	23
4. Харьковская	195	32. Костромская	62	60. Тобольская	22
5. Полтавская	187	33. Пензенская	62	61. Архангельская	21
6. Тамбовская	159	34. Волынская	59	62. Олонецкая	21
7. Орловская	143	35. Московская	58	63. Енисейская	20
8. Черниговская	128	36. Иркутская	55	64. Лифляндская	20
9. Воронежская	123	37. Могилевская	54	65. Ломжинская	15
10. Курская	123	38. Варшавская	52	66. Радомская	15
11. Тульская	122	39. Самарская	52	67. Сувалкская	13
12. Саратовская	116	40. Калужская	51	68. Калишская	12
13. Тифлисская	107	41. Гродненская	49	69. Кѣлецкая	12
14. Таврическая	95	42. Вятская	47	70. Петровская	12
15. Бессарабск. обл.	94	43. Виленская	45	71. Сѣдлецкая	11
16. Новгородская	94	44. Уфимская	43	72. Эстляндская	11
17. Тверская	94	45. Кубанская обл.	40	73. Плоцкая	10
18. Пермская	92	46. Ковенская	39	74. Эриванская	9
19. Казанская	90	47. Витебская	38	75. Амурская обл.	8
20. Рязанская	88	48. Минская	36	76. Нюландская	8
21. Подольская	84	49. Вологодская	31	77. Семирѣчен. обл.	8
22. Смоленская	83	50. Томская	30	78. Приморская обл.	6
23. Земля Войска Донского	80	51. Бакинская	29	79. Семипалат. обл.	6
24. Нижегородская	77	52. Люблинская	29	80. Выборгская	5
25. С.-Петербургск.	72	53. Сыръ-Дарьинск. область	29	81. Курляндская	3
26. Симбирская	71	54. Акмолинская	28	82. Якутская обл.	3
27. Псковская	70	55. Дагестанская	28	83. Тавастгустск.	2
28. Ставропольская	67	56. Терская	26	84. Абобьерneборгск.	1
				85. Куопійская	1
					4915

II. Въ С.-Петербургѣ	1519
III. Въ Москвѣ	489
IV. За границею	74
Всего: экз.	6997

Экспедиторъ редакціи: *А. Хомиховскій.*

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1870.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	Стр.
Начало единодержавія въ древней Руси.—I-V.—Н. И. КОСТОМАРОВА . .	5
Безпорядки въ Семеновскомъ полку, 1820 года.—М. И. БОГДАНОВИЧА . .	55
Русская промышленность и ея нужды.—III-IV.—В. И. ВЕШНЯКОВА . . .	85
Изъ поѣздки въ Воронежъ.—Провинціальная печать.—I-IV.—Я. К. ГРОТА .	141
Старое по старому.—Земскія сцены въ разсказѣ.—I-VII.—Н. В. УСПЕНСКАГО	160
Физіологія растительныхъ процессовъ. — V. Публичныя лекціи. — V-VIII. — ИВ. М. СѢЧЕНОВА	207
Война и цивилизація.—«Великіе принципы» и идеологи второй имперіи.—VI-IX.—И. Н.	254
Политическая литература въ Германіи.—Лудвигъ Бёрне.—Статья четвертая. — I-II. — Е. И. УТИНА	277
Критика.—Источники крестьянской реформы.—Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Состав. А. Скребицкій.—I-VII.—В. О.	309
Хроника. — Годичная выставка въ Академіи художествъ. — П. М. КОВАЛЕВСКАГО	356
Внутреннее Обозрѣніе. — Мнѣнія о военномъ преобразованіи. — Различіе цѣлей. — Вопросъ объ увеличеніи военныхъ силъ. — Происхожденіе прусскаго военнаго устройства. — Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи. — Наши обстоятельства. — Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ. — Что такое патріотизмъ? — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми. — Утѣшительный фактъ для нашей печати	372
Новое городовое положеніе.—ИНА	394
Замѣтки о русскомъ овцеводствѣ. — По поводу выставки мериносовъ въ Харьковѣ. ЕГ. С. ГОРДѢЕНКО	414
Иностранное Обозрѣніе. — Вопросъ о мирѣ. — Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временнаго правительства во Франціи.—Республиканскій régime personnel.—Метцское правительство и его катастрофа.—Вопросъ о будущемъ Германіи. — Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны	424
Корреспонденція изъ Рима.—Италія послѣ присоединенія Рима. D. G.	435
Швейцарскія письма.—Отъ Седана до Метца.—АБ. СЕМЪ	446
Новѣйшая Литература.—Первые опыты исторіи русскаго дворянства.—Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго	478
Письма къ редактору. — I. По поводу «Переписки митрополита Евгенія». М. ВЕНЕВИТИНОВЪ. — II. Преподаватель народной школы Н. С. Зоричъ. Некрологъ. Е. ФЕСЕНКО. — III. По поводу ассигновокъ на народное образованіе. — I. ШАТИЛОВЪ	488
Библіографическій Листокъ. — Новыя книги.	

Digitized by Google

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Начало единодержавія въ древней Руси. — VI-XII.—Н. И. КОСТОМАРОВА. 495
Изъ Волжскихъ преданій.—I. Коромыслова башня.—II. Утесъ Стеньки Разина. — Н. А. ВРОЦКАГО 564
Русская промышленность и ея нужды.—V-IX.—В. И. ВЕШНЯКОВА . . . 576
Нищая на мосту.—Изъ поэмы «Mirsegu».—В. И. БУРЕНИНА 615
Физіологія растительныхъ процессовъ. — V. Публичныя лекціи.—IX-XIII.—ИВ. М. СѢЧЕНОВА 628
Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.—VII. Движеніе умовъ послѣ 1815 года и его послѣдствія.—А. Н. ПЫПИНА 681
Александръ фонъ-Гумбольдтъ.—X-XIII.—А. С....КІЙ 764
Политическая литература въ Германіи. — Лудвигъ Берне. — Статья четвертая.—III-V.—Е. И. УТИНА 800
Франція и Европа при воцареніи Наполеона III.—1848—1851 г.—I.-II.—И. Н. 877
Внутреннее Обозрѣніе.— Общая военная повинность и наше реальное образованіе. — Черноморскій торговый флотъ тщетно ищетъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій. — Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа.—Разборъ мнѣнія диллетантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи.—Общій результатъ.—Балтійская дорога и балтійскій край.—Размышленія въ «Балтійскихъ письмахъ» и въ англійской Синей Книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ. 886
Иностранное Обозрѣніе. — Парижскій трактатъ и его саморазложеніе. 911
Швейцарскія письма. — Южная Лига. — АБ. СЕМЪ 927
Новѣйшая Литература. — Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи. — Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Выпускъ 2-й. Кн. В. П. Мещерскаго 946
Новыя книги.—Архивъ князя Воронцова. Книга первая. — О самоуправленіи. Томъ второй. Кн. А. Васильчикова. — Сѣверъ Россіи. М. Сидорова. 950
Замѣтки.—Картина г. Якоби.—«Арестъ Бирона» на Выставкѣ въ Академіи художествъ.—П. К. 959
Матеріалы журнальной статистики.—«Вѣстникъ Европы» въ 1870 г. . . . 963
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 годъ 971

Конецъ пятаго года.

Digitized by Google

253671

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-ая.

НОЯБРЬ. 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 11-ая. — НОЯБРЬ, 1870.

I. — НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ. — I-V. — **Н. И. Костомарова.**

II. — БЕЗПОРЯДКИ ВЪ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ, 1820 года. — **М. И. Богдановича.** 5

III. — РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЕЯ НУЖДЫ. — III-IV. — **В. И. Вешнякова.** 8

IV. — ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ ВОРОНЕЖЪ. — Провинціальная печать. — I-IV. — **Я. К. Грота.** 14

V. — СТАРОЕ ПО СТАРОМУ. — Земскія сцены въ разсказѣ. — I-VII. — **Н. В. Успенскаго.** 16

VI. — ФИЗІОЛОГІЯ РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ. — V. Публичныя лекціи. — V-VIII. — **Ив. М. Сѣченова.** . . . . . 2[illegible]

VII. — ВОЙНА И ЦИВИЛИЗАЦІЯ. — «Великіе принципы» и идеологи второй имперіи. — VI.-IX. — **И. И.** . . . . . 2[illegible]

VIII. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ГЕРМАНІИ. — Людвигъ Бёрне. — Статья четвертая. — I-II. — **Е. И. Утина.** . . . . . 2[illegible]

IX. — КРИТИКА. — ИСТОЧНИКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ. — Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Состав. А. Скребицкій. — I-VII. — **В. О.** 3[illegible]

X. — ХРОНИКА. — ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. — **П. М. Ковалевскаго.** . . . . . 3[illegible]

XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Мнѣнія о военномъ преобразованіи. — Различіе цѣлей. — Вопросъ объ увеличеніи военныхъ силъ. — Происхожденіе прусскаго военнаго устройства. — Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи. — Наши обстоятельства. — Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ. — Что такое патріотизмъ? — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми. — Утѣшительный фактъ для нашей печати . . . . . 3[illegible]

XII. — НОВОЕ ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — **—ина** 39

XIII. — ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ОВЦЕВОДСТВѢ. — По поводу выставки мериносовъ въ Харьковѣ. — **Ег. С. Гордѣенко.** . . . . . 41[illegible]

XIV. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Вопросъ о мирѣ. — Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временнаго правительства во Франціи. — Республиканскій régime personnel. — Метцское правительство и его катастрофа. — Вопросъ о будущемъ Германіи. — Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны. 42

XV. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РИМА. — Италія послѣ присоединенія Рима. **D. G.** . . . . . 4[illegible]

XVI. — ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА. — Отъ Седана до Метца. — **Аб. Семъ.** . . .

XVII. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Первые опыты исторіи русскаго дворянства. — Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго. . . . . .

XVIII. — ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ. — I. По поводу «Переписки митрополита Евгенія». **М. Веневитиновъ.** — II. Преподаватель народной школы Н. С. Зоричъ. Некрологъ. **Е. Фесенко.** — III. По поводу ассигновокъ на народное образованіе. — **І. Шатиловъ.**

XIX — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: I. Русская книжная торговля: 1) А. Ѳ. Базунова; 2) Черкесова 3) Объ изданіи газеты «Музыкальный сезонъ». — II. Иностранная: 1) А. Мюнкса. (К. Риккера); 2) Эм. Мелье. — III. О пріемѣ объявленій книжныхъ, торговыхъ и промышленныхъ для напечатанія въ «Вѣстникѣ Европы».

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1871-МЪ ГОДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1871-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 страницъ большого формата.

За пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, взимается: 1) за доставку по городской почтѣ на домъ 50 коп. за двѣдцати-книжный журналъ, независимо отъ объявленной редакціею цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки; 2) за пересылку по почтѣ внутри Имперіи такого же журнала 10% съ объявленной цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки.

Сообразно съ тѣмъ, для подписчиковъ «Вѣстника Европы» объявляется слѣдующая

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

1) *Безъ доставки:*

15 рублей—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ прос., 30).

2) *Съ доставкою на домъ.*

15 р. 50 к.—въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

Съ пересылкою въ губерніи.

16 р. 50 к. — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.Петербургъ, Галерная, 20*— для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

Digitized by Google

4) *Съ пересылкою за-границу.*

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ **Германію** и **Австрію** — **18** *руб.;* въ **Бельгію, Нидерланды** и **Придунайскія княжества** — **19** *руб.;* во **Францію** и **Данію**—20 *руб.;* **Англію, Швецію, Испанію, Португалію**, Турцію и **Грецію** — 21 *руб.;* въ **Швейцарію**— 22 *руб.;* въ **Италію** — **23** *рубля.*

Примѣчаніе. Заграничные адрессы доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книгъ редакціи только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адресса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адресса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адрессъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстить редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ сообщить въ редакцію жалобу засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, но никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы“ за 1869 и 1870 гг. всѣ разошлись по подпискѣ.

С.-Петербургъ. 1 октября, 1870 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ теченіи ноября поступили въ продажу слѣдующія книги:

С. М. Соловьева:

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Двадцатый томъ. Москва, 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЕРМОРЕЛЬ. Дѣятели 1851 года. Исторія президенства и основанія второй имперіи. Спб. 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ИЛОВАЙСКІИ, Д. Гродненскій сеймъ 1793 г., послѣдній сеймъ Рѣчи-Посполитой. М. 1870. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ЛѢСКИНЪ, Е. Разборъ и извлеченіе изъ романа «Война и миръ», соч. гр. Толстаго, съ политипажами. М. 1870. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЛЕО, А. Алина Али. Романъ, пер. съ франц. М. 1870. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

ШИПОВЪ, А. П. Наше земство и наша военно-акцизная система. Спб. 1870. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛАМЕТЪ. Соціальное движеніе и политическая экономія. Публичныя лекціи. Перев. съ франц. И. Деспотули. Одесса. 1870. Ц. 75 с., съ перес. 1 р.

ДИККЕНСЪ, Ч. Давидъ Копперфильдъ (младшій), изъ дома Грачи, что въ Блондерстонѣ. Романъ. 3 тома. Спб. 1870. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ПРИСЯЖНЫЙ повѣренный. Юридическое руководство для дворянъ, духовенства, поч. гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. М. 1871. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ГЛИНКА, М. И. Записки 1804—1854. Съ приложеніемъ рисунка, исполненнаго академикомъ М. О. Микѣшинымъ въ память произведеній М. И. Глинки и точнаго снимка съ подлиннаго послѣдняго письма его отъ 15 января 1857 г. Издано въ пользу фонда на сооруженіе памятника. Спб. 1870. Ц. 2 р., тожъ на веленевой бумагѣ съ портретомъ М. И. Глинки. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Digitized by Google

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Суэта суэтъ. М. 1870. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

ШАШКОВЪ С. С. Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція. Сп 1870. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

СОЛЛОГУБЪ, А. В., гр. Сборникъ статистическихъ свѣденій о желѣзныхъ дорогах въ Россіи по 1 января 1870 г. Спб. 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ХАРАКТЕРИСТИКА графа Бисмарка и его политическая дѣятельность. Сост. по нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ источникамъ, (съ портретомъ и фа симиле гр. Бисмарка). Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БѢЛОВЪ. Виновата-ли она? Повѣсть для родителей и дѣтей старшаго возраста. Сп 1870. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

КУСТОДІЕВЪ, К. Л. Опытъ исторіи библейской женщины. Части 1 и 2: Истор ветхозавѣтной женщины. Спб. 1870. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ФИЛОНОВЪ, А. Современное преподаваніе словесности. Спб. 1870. Ц. 50 к., съ пере 70 к.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ замѣтки по Тамбовской губерніи. Соста Ф. А. З. Спб. 1870. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

ВОДОВЪ, И. Фикціи и дѣйствительности въ вопросѣ объ устройствѣ Маріинск системы. Экономическое изслѣдованіе. Спб. 1870. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к

МИХАЙЛОВЪ, А. Господа Обносковы. Романъ. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к., съ пере 1 р. 75 к.

МИХАЙЛОВЪ, А. Гнилыя болота. Романъ, 2 части. Изд. 2-е. Спб. 1870. Ц. 1 р 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГАРКАВИ, А. Я. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. (С половины VII вѣка до конца X вѣка по Р. Х.) Спб. 1870. Ц. 1 р. 60 к., с перес. 1 р. 90 к.

САЛТЫКОВЪ, М. Е. (Щедринъ). Исторія одного города, по подлиннымъ докумен тамъ. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

РЯБИНИНЪ и ШВЕДЕРЪ. Общедоступное изложеніе уложенія о наказаніяхъ с примѣрами замѣчательныхъ процессовъ и съ приложеніемъ воинскаго и ди циплинарнаго уставовъ. Спб. 1870. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ОТЧЕТЪ о первой всероссійской выставкѣ рогатаго скота 1869 г. Составлено съ с изволенія е. и. в. государя в. к. Николая Николаевича Старшаго коммисс по устройству выставки. Спб. 1870. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА:

въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 4-й; *въ Казани*, на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апакова; и *въ Варшавѣ*, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ № 1245.

Поступили въ продажу новыя книги:

ХРИСТОМАТІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ, Н. Аристова, профессора русской исторіи, при Варшавскомъ университетѣ. Книга эта, одобренная уже ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, предназначена преимущественно для изученія древне-русской жизни до XVI столѣтія, а также письменности и литературы. Большой томъ въ 1500 страницъ убористой печати. В. 1870 г. Ц. 3 р.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ, соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Это 3-е изданіе значительно исправлено и дополнено по вновь обнародованнымъ документамъ и рукописямъ, съ приложеніемъ народныхъ пѣсенъ объ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Нѣкоторыя части этого изданія написаны совершенно вновь. Три тома. Спб. 1870 г. Ц. за 3 тома 5 р.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1787—1795), соч. Н. И. Костомарова. Большой томъ. Спб. 1870 г. Ц. 4 р.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА въ началѣ XVII стотѣтія, соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова; три тома. Спб. 1868 г. Ц. за 3 тома 6 р.

ИСТОРІЯ НОВГОРОДА, ПСКОВА и ВЯТКИ во время удѣльно-вѣчеваго уклада (сѣверно-русскія народоправства); соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова; два тома. Спб. 1869 г Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ? Историческое изслѣдованіе Н. И. Костомарова. Спб. 1864 г. Ц. 60 к.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ Н. И. Костомарова (собраніе его сочиненій); изд. Д. Е. Кожанчикова; одиннадцать томовъ; цѣна за полное изданіе 20 р.; нѣкоторые томы также продаются отдѣльно; цѣна за 3-й томъ 2 р. IV, V и VI-й вмѣстѣ 6 р. VII и VIII-й 3 р. 50 к., а IX, X и XI-й вмѣстѣ 5 р. (См. подробнѣе въ объявленіяхъ Вѣстника Европы, октябрь).

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА и принцеса Владимірская; соч. П. И. Мельникова; изд. Д. Е Кожанчикова. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.

ГРАФЫ НИКИТА и ПЕТРЪ ПАНИНЫ. Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи, соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. Ц. 1 р.

ЧЕХЪ ЯНЪ ГУСЪ ИЗЪ ГУСИНЦА, съ приложеніемъ писемъ Яна-Гуса, выбранныхъ Мартыномъ Лютеромъ; соч. В. А. Вильбасова. Спб. 1869 г. Ц. 1 р.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОЧЕРКИ русской народной словесности и искусства; соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома, на веленевой глазированной бумагѣ, съ 212 рисунками. Спб. 1861 г. Ц. за 2 тома 7 р.

ДВОРЯНСУВО ВЪ РОССІИ, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славутинскаго, профессора университета св. Владиміра. Большой томъ; содержаніе: образованіе и развитіе дворянства.—Повинности лежащіе на дворянствѣ; вознагражденіе за отбываніе ихъ и освобожденіе отъ оныхъ.—Личныя права дворянства и ихъ основаніе.—Крѣпостное право и его значеніе.—Историческое развитіе корпоративныхъ правъ дворянства и его участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи. Спб. 1870 г. Ц. 3 р. 50 к.

О ДАВНОСТИ ПО РУССКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ. Историко-догматическое изслѣдованіе И. Энгельмана, профессора дерптскаго университета. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

НАЧАЛО УГОЛОВНАГО ПРАВА, соч. Будзинскаго, профессора варшавскаго университета. Въ этомъ сочиненіи Г. Будзинскій излагаетъ начало уголовнаго права по обширному сравнительному методу, а въ приложеніи помѣщенъ очеркъ уголовныхъ философскихъ теорій. Руководство это удовлетворяетъ вполнѣ настоятельной потребности въ наукѣ уголовнаго права; единственное сочиненіе въ русской литературѣ, по этому предмету, г. Спасовича не находится уже въ продажѣ, а переводъ Бернера не всѣмъ доступенъ по своей цѣнѣ. В. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ, соч. П. Воскресенскаго; томъ 1-й, большого формата, болѣе 700 печатныхъ страницъ. В. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА. Руководство для сельскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ; сост. баронъ Н. А. Корфъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Изд. 2-е исправленное и дополненное, 32 печатныхъ листа съ рисунками. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. съ пересылкою. Первое изданіе этой книги, въ числѣ 5,000 экзим. распродано въ 5 мѣсяцевъ. Во второмъ изданіи читатели встрѣтятъ дополненія по вопросамъ: о преобразованіи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, о классныхъ скамьяхъ, объ обученіи дѣвочекъ, о воспитательномъ значеніи школы, о школьной дисциплинѣ, о преподаваніи всѣхъ учебныхъ предметовъ народной школы, о ремесленныхъ школахъ и другія. Въ приложеніяхъ добавлено: списокъ предметовъ для наглядnаго обученія, дѣтскихъ игръ и занятій, учебныхъ принадлежностей, а также вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ, и выводы изъ нея для отчетовъ объ училищахъ. Вообще же въ этой книгѣ излагаются подробно всѣ условія, необходимыя для существованія школы, успѣшнаго хода преподаванія и наблюденія за учащими, указываются пріемы обученія чтенію, письму, счету, наглядному обученію и закону Божію, все это постоянно подкрѣпляется указаніями на лучшіе методы обученія сравненіемъ результатовъ обученія по этимъ методамъ съ тѣми, которыхъ достигли наши школы до сихъ поръ. Въ приложеніи помѣщены: планъ школы, недѣльныя росписанія учебныхъ занятій, образцы различныхъ класныхъ упражненій, темы для сочиненій и проч.

ЛИСТЫ БУКВЪ БОЛЬШОГО РАЗМѢРА, со всѣми употребительными знаками препинанія. Пособіе для класнаго обученія грамотѣ, посредствомъ подвижныхъ буквъ. Изд. 3-е І. Паульсона. Спб. 1870 г. Ц. за 5 листовъ составляющихъ экземпляръ 30 к.

ПЕРВАЯ УЧЕБНАЯ КНИЖКА. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ родного языка, сост. І. Паульсонъ. Изд. 2-е исправленное и дополненное, 12 печатныхъ листовъ съ рисунками и прописями, въ коленкоровомъ корешкѣ. Спб. 1870 г. Ц. 20 к. Первое изданіе этой книги, напечатанное въ числѣ 15,000 экземпляровъ, разошлось въ теченіи 9 мѣсяцевъ. Содержаніе ея слѣдующее: букварь для совмѣстнаго обученія черченію, письму и чтенію: гражданская рукопись и печать, церковная печать, наглядное упражненіе первыхъ 10 чиселъ. Книга для чтенія и упражненія въ языкѣ: 120 статей въ прозѣ и стихахъ гражданской печати, съ присовокупленіемъ поговорокъ и загадокъ, и 30 статей церковно-славянской печати: молитвы, символъ вѣры, заповѣди и отрывки изъ св. Писанія.

СПОСОБЪ ОБУЧЕНІЯ ГРАМОТѢ по первой учебной книжкѣ (объясненіе для преподавателя). Сост. І. Паульсонъ; изд. 2-е. Спб. 1870 г. Ц. 25 к.

РОДНОЕ СЛОВО для дѣтей младшаго возраста, сост. К. Ушинскій. Годъ 1-й: азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія, съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинами. Изд. 7-е. Спб. 1870 г. Ц. 35 к. Тоже, годъ II-й: вторая послѣ азбуки книга для чтенія съ картинами; изд. 7-е. Спб. 1870 г. Ц. 35 к. Тоже, книга для учащихъ, совѣтъ родителямъ и наставникамъ о преподаваніи родного языка по учебнику «Родное Слово»; изд. 7-е. Спб. 1870 г. Ц. 40 к. Тоже, годъ III-й: начальная практическая грамматика съ христоматіею; изд. 2-е. Спб. 1870 г. Ц. 60 к. Тоже, съ приложеніемъ книги для учащихъ. Ц. 1 р.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБУЧЕНІЮ ГРАМОТѢ по звуковой методѣ, сост. баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1869 г. Ц. 25 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБУЧЕНІЮ ГРАМОТѢ по звуковому способу, сост. Ф. Резенеръ и Е. Волковъ Спб. 1870 г. Ц. 10 к.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ при обученіи грамотѣ. Приложеніе къ руководству для обученія грамотѣ Ф. Резенера и Е. Волкова. Спб. 1870 г. Ц. 25 к.

Digitized by Google

БЕСѢДЫ О ПРИРОДѢ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Сост. Н. Зобовъ; изд. 3-е исправленное и дополненное съ приложеніемъ вновь 17-и картинъ. Спб. 1870 г. Ц. 50 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Разсказы изъ естественной исторіи, перев. съ южно-русскаго; изд. 2-е. Содержаніе: Земля.—Солнце.—Звѣзды.—Мѣсяцъ.—Отъ чего затмѣвается солнце и мѣсяцъ?—Тепло.—Вода.—Воздухъ.—Вѣтеръ.—Погода. Спб. 1870 г. Ц. 20 к.

КРАТКАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ ветхаго и новаго завѣта, сост. св. Д. Соколовъ, съ 23 рисунками и видомъ Палестины. Изд. 3-е исправленное и дополненное. Спб. 1870 г. Ц. 50 к.

НАЧАЛЬНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ въ православной христіанской вѣрѣ, сост. св. Д. Соколовъ, съ 25 рисунками. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Спб. 1869 г. Ц. 20 к.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГІИ. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій, соч. д-ра Дресслера (сына); перев. съ нѣмецкаго подъ редакціею І. Паульсона; изд. Д. Е. Кожанчикова, 10 печатныхъ листовъ, съ 14-ю рисунками. Спб. 1870 г. Ц. 60 к.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ТѢЛО, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся, съ 25 рисунками; сост. д-ръ К. Вокъ, профессоръ патологической анатоміи въ Лейпцигѣ; перев. съ нѣмецкаго подъ ред. І. Паульсона. Спб. 1870 г. Ц. 40 к.

ОЧЕРКЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій, сост. д-ръ Датесъ; перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей І. Паульсона; изд. Д. Е. Кожанчикова; 23 печатныхъ листа, въ 8 д. Спб. 1869 г. Ц. 1 р.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПЕЧАТАЮТСЯ:

ИСТОРІЯ РОССІИ

(отъ ея начала до вступленія на престолъ императора Николая I-го). К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора русской исторіи с.-петербургскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Всего будетъ два большихъ тома. Ц. назначается 5 руб. за экземпляръ.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФИЗИКА

по Крюгеру.

Методическое руководство для народныхъ школъ, съ 80 рисунками. Цѣна назначается 60 к.

ОСНОВАНІЕ ПСИХОЛОГІИ и ЛОГИКИ

по Бенеке.

Руководство для учащихъ, сост. І. Дресслѐръ; перев. съ нѣмецкаго, подъ редакціею І. Паульсона; изд. Д. Е. Кожанчикова; болѣе 20 печатныхъ листовъ. Цѣна назначается 1 р.

Digitized by Google

Книжный магазинъ Н. А. ШИГИНА.

Въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, въ домѣ Пажескаго корпуса, № 5.

НОВАЯ КНИГА

отпечатанная безъ предварительной цензуры:

ИСТОРИЧЕСКІЯ

судьбы женщины,

ДѢТОУБІЙСТВО и ПРОСТИТУЦІЯ

С. С. Шашкова.

Одинъ большой томъ 623 стр. мелкой печати. 1871 года. Цѣна 3 руб.

Оглавленіе:

I. Историческія судьбы женщины.

Глава I. Первобытный бракъ. Борьба женщины за независимость. Поліандрія: общность женщинъ. Материнство и гинейкократія.

Глава II. Паденіе материнства и гинейкократіи. Развитіе патріархальной системы.

Глава III. Цѣль патріархальнаго брака—работа и дѣторожденіе. Отсутствіе у первобытныхъ народовъ рѣзкихъ половыхъ отличій, романической любви и ревности. Женщина борется за свою независимость и сохраняетъ за собою много вольности. Мущина употребляетъ всѣ усилія чтобы поработить ее. Женщина водворяетъ моногамію. Участіе женщины въ общественныхъ дѣлахъ, въ промышленности, религіи, медицинѣ.

Глава IV. Патріархальное семейство. Женщина — орудіе для продолженія рода. Семейные принципы общественной жизни.

Глава V. Окончательное порабощеніе женщины съ развитіемъ восточныхъ государствъ.

Глава VI. Продолженіе. Оппозиція восточныхъ женщинъ порабощенію и ихъ борьба за независимость.

Глава VII. Борьба мущины и женщины въ первичную эпоху греческой исторіи. Порабощеніе женщины. Спартанки и ихъ борьба за свои интересы.

Глава VIII. Постепенное порабощеніе аѳинской женщины. Ея положеніе.

Глава IX. Эманципація аѳинянки.

Глава X. Римское семейство. Патриціи, плебеи, иностранцы. Постепенное реформированье семейства.

Глава XI. Развитіе римскаго брака. Положеніе римлянки. Ея борьба за свободу и за права своей личности.

Глава XII. Христіанство и женщина.

Глава XIII. Феодализмъ и семейство. Порабощеніе феодальной женщины.

Глава XIV. Вліяніе католицизма на порабощеніе женщины. Женское монашество. Процессы вѣдьмъ.

Глава XV. Эманципація женщины въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія.

Глава XVI. Реформація и возстановленіе патріархальнаго семейства. Рабское положеніе женщины въ XVI и XVII в.

Digitized by Google

Глава XVII. Судьбы семейства въ новой исторіи. Эмансипація плоти и развратъ. Развитіе половыхъ противуположностей. Стремленіе женщины къ свободѣ и ея участіе въ разныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности.

Глава XVIII. Женщины французской революціи. Участіе въ политическихъ дѣлахъ женщинъ другихъ странъ. Американки.

Глава XIX. Реакція въ XIX в. Современное положеніе женщины. Семейство встарь и нынѣ.

Глава XX. Эмансипація женщинъ въ XIX в.

Глава XXI. Враги эмансипаціи. Разборъ нѣкоторыхъ ихъ измышленій и возраженій. Заключеніе.

II. Дѣтоубійство.

Глава I. Дѣтоубійство, плодоизгнаніе и дѣтовыбрасываніе у дикихъ народовъ и въ государствахъ Востока.

Глава II. Въ Греціи и Римѣ.

Глава III. Дѣтоубійство въ Европѣ до XIX в.

Глава IV. Бѣдность народныхъ массъ, какъ главная причина дѣтоубійства. Развращеніе нравовъ и убійство незаконныхъ дѣтей.

Глава V. Распространенность дѣтоубійствъ и постепенное увеличеніе ихъ численности.

Глава VI. Безуспѣшная борьба противъ дѣтоубійствъ посредствомъ законовъ.

Глава VII. Дома для найденышевъ и ихъ смертность.

Глава VIII. Заключеніе.

III. Проституція.

Глава I. Общія причины запроса на развратъ. Проституція у нецивилизованныхъ народовъ. Вліяніе на проституцію развитія государствъ. Проституція на Востокѣ.

Глава II. Проституція въ Греціи и Римѣ.

Глава III. Проституція въ старинной Европѣ.

Глава IV. Развращенность современной Европы и бѣдность, какъ главный факторъ проституціи.

Глава V. Численность проститутокъ. Ихъ горестная судьба.

Глава VI. Эксплуататоры проституціи.

Глава VII. Нравы проститутокъ. Смертность проститутки въ тюрьмахъ, въ убѣжищахъ и т. д.

Глава VIII. Законы о проституціи. Сифилисъ, пожирающій Европу.

гадочныя натуры. Романъ *Шпильгагена*; изд. 2-ое исправленное и дополненное. 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ъ мрака къ свѣту. Романъ *Шпильгагена*; въ четырехъ частяхъ (продолженіе романа «Загадочныя натуры»). 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

а поколѣнія. Романъ *Шпильгагена*, въ двухъ частяхъ. 1870. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

жду молотомъ и наковальней. Романъ *Шпильгагена*, въ трехъ частяхъ. 1869. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

нъ въ полѣ не воинъ. Романъ *Шпильгагена*, изд. 3-е, съ портретомъ автора. Два тома. 1871. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Digitized by Google

En vente chez M. MELLIER, libraire de la Cour impériale

Persp. de Newsky au pont de Police, maison de l'Eglise hollandaise, à St.-Pétersbourg.

Beecher-Stowe, M-me. La science du foyer domestique. 1 vol. in 12°. 80 c. prov. 90 c.

——— Les petites fautes qui troublent le bonheur domestique. 1 vol. 12°. 80 c. prov. 90 c.

Beulé. Titus et sa dynastie. 1 vol. 8°. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Boissy. Marquis de. Mémoires (1798—1866). 2 vol. 8°. 4 r. prov. 4 r. 40 c.

Cormenin. Pamphlets anciens et nouveaux. 1 vol. 8°. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Dauban. Les prisons de Paris sous la Révolution. 1 vol. 8°. 3 r. 20 c. prov. 3 r. 55 c.

Daubié. La femme pauvre au XIX-ème siècle. 3 vol. 12°. 3 r. 20 c. prov. 3 r. 60 c.

Dehérain. Annuaire scientifique 1870. 1 vol. 12°. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 55 c.

Deschamps. Eugène Cavaignac. 2 v. 12°. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Figuier. Année scientifique. (Quatorzième). 1 vol. 12°. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 55 c.

——— L'homme primitif. 1 v. 8°., illustré. 4 r. prov. 4 r. 40 c.

Girard. Vie politique et privée des Chinois. 2 vol. 8°. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Haussonville (Comte d'). L'église romaine et le premier Empire. Ouvrage en 5 volumes. 8°. le vol. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Houssaye. Les parisiennes. 4 vol. 8°., illustré. 8 r. prov. 8 r. 80 c.

Jacquin. Des machines à vapeur. 2 vol. 8°. 6 r. 40 c. prov. 7 r. 5 c.

Joinville (Prince de). Etudes sur la marine. vol. 12°. 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Laurent. La philosophie de l'histoire. 1 vol 8°. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Level. Construction et l'exploitation des chemin de fer d'intérêt local. 1 vol. 8°. 4 r. 20 c prov. 4 r. 65 c.

Maistre, (Joseph de). Oeuvres inédites. 1 vol. 8° 2 r. 40 c. prov. 2 r. 65 c.

Mannequin. Le problème démocratique ou la politique du sens commun. 1 vol. 8°. 3 r prov. 3 r. 30 c.

Meilu (M-me Isaure). Journal et fragments. vol. 12°. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 55 c.

Orléans (Duc d'). Campagnes de l'armée d'Afrique. 1 vol. 8°. 3 r. prov. 3 r. 30 c.

Schuster. Histoire de l'ancien et du nouveau Testament. 1 vol. 12°. 60 c. prov. 70 c.

Souvenirs de Suisse.—Souvenirs du Rhin.—Riches albums de vues, in 4°., relié. 8 r. prov. 9 r.

Tschudi. Le monde des Alpes. 1 vol. 8°., illustré. 4 r. 80 c. prov. 5 r. 30 c.

Parville. Causeries scientifiques. Neuvième année. 1 vol. 12°. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 55 c.

Puaux. Nouveaux loisirs d'un homme très-occupé. 1 vol. 12°. 1 r. 40 c. prov. 1 r. 55 c.

Raspail. Manuel-annuaire de la santé pour 1870. 1 vol. 12°. 50 c. prov. 60 c.

Quinet. La création. 2 vol. 8°. 4 r. prov. 4 r. 40 c

Simonin. Les pierres, esquisses minéralogiques. 1 vol. 8°., illustré. 8 r. prov. 8 r. 80 c.

Digitized by Google

О ПОДПИСКѢ НА 1871 ГОДЪ

(III годъ, V и VI томы).

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

ВОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Leipziger Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde Illustré», «Univers Illustré».

Журналъ „Всемірная Иллюстрація" выходитъ **еженедѣльно**, (т. е. 52 нумера въ годъ), въ форматѣ **большого двойного листа самой лучшей бумаги**, и **каждый** номеръ заключаетъ въ себѣ **16 страницъ**, изъ которыхъ половина наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА.

I. *Политическій обзоръ.* Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II. *Внутреннія извѣстія.* Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III. *Изящная словесность.* Повѣсти, разсказы, очерки, стихи, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. *Науки и художества.* Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ отечественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами, и т. п. — V. *Прикладныя науки и промышленность.* Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр. — VI. *Критика и библіографія* Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.— VII. *Театральный и музыкальный обзоръ.* Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ.—VIII. *Смѣсь и новости.* Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п. — IX. *Фельетонъ.* Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. *Юмористическій листокъ.* Каррикатуры. — XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы и т. п. — XII. Частныя объявленія.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 12 р. — к.	**Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 13 р. 50 к.**
Безъ доставки въ Москвѣ. . . 13 » 50 »	**Съ пересылкою въ другіе города. 15 » — »**

Digitized by Google

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ исторію — географію — путешествія — изящныя искуства — естественную исторію — технологію — промышленность — морское и военное искуство — политическія событія — войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „**ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ**“ представляетъ собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной; Иллюстрація необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ я заказалъ роскошныя

покрышки для переплета

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями, по рисунку художника К. Брожа.

Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ пріобрѣсти эти покрышки для переплетовъ, издатель „Всемірной Иллюстраціи“ проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 4 томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 р; съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненные золотомъ, переплеты — 16 р.; съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всемірной Иллюстраціи“ за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, имѣются уже также роскошныя покрышки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная Контора „Всемірной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16.

Издатель „Всемірной Иллюстраціи“ *Германъ Гоппе.*

Digitized by Google

О ПОДПИСКѢ НА 1871 ГОДЪ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШОВЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

МОДНЫЙ СВѢТЪ.

Съ 1-го декабря 1870 года журналъ **Модный Свѣтъ** начнетъ IV-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ. Журналъ **Модный Свѣтъ** въ 1871 г. будетъ выходить

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

1,800 политипажныхъ рисунковъ модъ и руководѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ.

12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ).

12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ.

Нѣсколько рисунковъ, изображающихъ семейныя сцены и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна 1 изд. съ 12 раскрашенн. картинами:	въ С.-Петербургѣ безъ дост.	4 р.	— к.
» » » » » »	съ достав.	5 »	50 »
» » » » »	для иногородныхъ	6 »	— »
» II изд. съ 24 раскрашенн. картинами:	въ С.-Петербургѣ безъ дост.	5 »	— »
» » » » » »	съ достав.	6 »	50 »
» » » » »	для иногородныхъ	7 »	— »
Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р. II-му изданію		6 »	50 »

Книгопродавецъ-издатель **ГЕРМАНЪ ГОППЕ.**

Главная контора Редакціи **ГЕРМАНА ГОППЕ** находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., д. Ильина № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго, *А. Лана*, на Кузнецкомъ мосту, *Г. Поста*, *Г. Черенина* и др.

Digitized by Google

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ОВЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1871 ГОДУ.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Биржевыя Вѣдомости“ въ 1871 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ издаются нынѣ, т.-е. ежедневно, не исключая и дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большого формата. Равнымъ образомъ сроки выхода газеты въ листовомъ и двухлистовомъ объемѣ останутся прежніе. Всѣхъ листовъ въ теченіе года выйдетъ болѣе 500. Кромѣ того, для столичныхъ подписчиковъ будутъ выходить ежедневно, кромѣ праздниковъ и дней, слѣдующихъ за праздниками, вечернія прибавленія къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, въ которыхъ будутъ печататься телеграммы и важнѣйшія новости, полученныя утромъ. Содержаніе этихъ прибавленій будетъ помѣщаемо въ слѣдующемъ утреннемъ изданіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Съ 1-го января 1871 года „Биржевыя Вѣдомости“ будутъ печататься совершенно новымъ, болѣе крупнымъ, убористымъ и четкимъ шрифтомъ.

Каждый нумеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ будетъ посылаться во всѣ города Россіи (съ доставкою на домъ, по мѣсту жительства подписчика) и за границу, въ бандеролляхъ съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна газеты въ 1871 году:

	Безъ доставки.	Съ доставкою два раза въ день въ С.-Петербургѣ.	Съ пересылкою по почтѣ иногороднымъ.
На годъ	15 р. 27 к.	18 р.	20 р.
„ шесть мѣсяцевъ . . .	8 „ 47 „	10 „	11 „
„ три мѣсяца	4 „ 65 „	5 „ 50 к.	6 „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „ 76 „	2 „	2 „ 25 к.

Подписка открыта въ главной конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ С.-Петербургѣ, на углу Гороховой и Малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго).

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія *заблаговременно*, чтобы не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства; и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель К. Трубниковъ.

Digitized by Google

ПОДПИСКА
НА 1871 Г.
„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Вслѣдствіе желанія гг. подписчиковъ, «Вечерняя Газета» съ 1 января 1871 года будетъ выходить ежедневно, не исключая дней, слѣдующихъ за праздниками. Всѣхъ нумеровъ въ теченіе года выйдетъ 350. Объемъ газеты остается прежній. Въ дни, слѣдующіе за праздниками «Вечерняя Газета» будетъ выходить въ полулистовомъ форматѣ, а въ остальные дни, какъ и въ нынѣшнемъ году, въ листовомъ форматѣ. Съ 1 января 1871 года «Вечерняя Газета» будетъ печататься *совершенно новымъ* крупнымъ, четкимъ и убористымъ шрифтомъ.

Каждый нумеръ «Вечерней Газеты» будетъ посылаться во всѣ города Россіи (съ доставкою на домъ, на мѣстѣ жительства подписчика) и за-границу, въ бандеролях съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Вечерней Газеты“ въ С.-Петербургѣ, на углу Гороховой и малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1871 ГОДЪ СЛѢДУЮЩАЯ:

	Безъ пересылки и доставки:	Съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ губерніи:
на годъ	6 р. — к.	8 р. — к.
» 6 мѣсяц.	3 » 25 »	4 » 50 »
» 3 мѣсяца	1 » 70 »	2 » 25 »
» 1 мѣсяцъ	— 65 »	— 85 »

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія *заблаговременно*, чтобы не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства; и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель: *К. Трубниковъ.*

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА
„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“
1871 г.

принимается въ Главной Конторѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора, отъ 10 ч. утра до 4 пополудни

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“
въ 1871 году
будетъ выходить вмѣсто четырехъ
ПЯТЬ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ:
по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ, Четвергамъ и Субботамъ
ЦѢНА НА ГАЗЕТУ ОСТАЕТСЯ ТАЖЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На мѣсяцъ.	На 3 мѣсяца.	На полгода.	На годъ.
Безъ доставки	65 к.	1 р. 75 к.	3 р. 25 к.	5 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	77½ к.	2 р. 12½ к.	4 р. — к.	7 р. — к.
Съ пересылкою во всѣ города (почта, бандероль и упак.)	—	2 р. 50 к.	4 р. 75 к.	8 р. — к.

Издатель Александръ Соколовъ.
Редакторъ Суворинъ.

Въ Конторѣ продаются слѣдующія изданія редакціи «Петербургскаго Листка»:

ТЕАТРАЛЬНЫЯ БОЛОТА.
ХРОНИКА-РОМАНЪ въ 3 книгахъ
АЛЕКСАНДРА СОКОЛОВА.
Книга первая и вторая.
Цѣна каждой части 1 руб.
(Книга третья печатается и выйдетъ въ Январѣ).

ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА
1870 г.
(20 печатныхъ листовъ, 320 страницъ)
Цѣна 75 к. с.

ЛЕКОКЪ
АГЕНТЪ СЫСКНОЙ ПОЛИЦІИ.
Соч. Габоріо.
Цѣна 1 р. 50 к.

РИФМЫ ДЕБЮТАНТА.
Скорбнаго поэта.
Ц. 75 к.

БАЛЕТНЫЙ МІРОКЪ.
Ц. 1 р. с.

ПРОЕКТЪ
ДРАММАТИЧЕСКАГО КЛАССА.
Составилъ режиссеръ Е. Воронинъ.
Ц. 25 к.

Подписчики на «Петербургскій листокъ» пользуются уступкою въ размѣрѣ 25%.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1871 ГОДУ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ".

Газета «НЕДѢЛЯ» будетъ издаваться въ 1871 году на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ предыдущіе три года. Годовое изданіе «НЕДѢЛИ» состоитъ изъ ПЯТИДЕСЯТИ-ДВУХЪ нумеровъ, выходящихъ еженедѣльно; каждый нумеръ отъ двухъ до трехъ листовъ убористаго шрифта.

Еженедѣльная газета занимаетъ очень опредѣленное и вполнѣ самостоятельное мѣсто в ряду органовъ періодической печати. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ, наполняясь преимущественно статьями беллетристическими, критическими и научнаго содержанія, удѣляетъ равнительно очень мало мѣста статьямъ по текущимъ вопросамъ, и еще менѣе — текущимъ извѣстіямъ изъ политической и общественной жизни Россіи и Европы. ЕЖЕДНЕВАЯ ГАЗЕТА, напротивъ, все свое вниманіе обращаетъ исключительно на эти вопросы и вѣстія, сообщая послѣднія почти постоянно въ сыромъ, необработанномъ и отрывочномъ дѣ. Отсюда видно, что ежедневная газета, имѣя во многихъ отношеніяхъ значительныя еимущества передъ изданіями другого рода, имѣетъ въ то же время и значительныя необства для читателей, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ общественная дѣятельность разга еще не въ сильной степени, и гдѣ общественные интересы далеко не многочисленны. КЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ занимаетъ такимъ образомъ средину между журналомъ и едневной газетой. Оно имѣетъ полную возможность не отказываться отъ печатанія серьныхъ общественно-научныхъ и политическихъ статей, принаровленныхъ къ объему еженѣльнаго изданія; а съ другой стороны, не имѣя надобности наполнять свои столбцы кою мелочью, которой такъ много можно найти въ ежедневныхъ изданіяхъ, оно можетъ общать своимъ читателямъ лишь тѣ изъ текущихъ русскихъ и иностранныхъ извѣстій, горыя представляютъ дѣйствительный интересъ, и притомъ, сообщать ихъ не въ сыромъ обработанномъ видѣ, какъ они появляются въ ежедневныхъ газетахъ, но въ формѣ болѣе менѣе связныхъ, обобщенныхъ статей, очерковъ и замѣтокъ, очищая ихъ отъ всего айнаго, несущественнаго, недостовѣрнаго, и раскрывая по возможности внутренній смыслъ даго факта, каждаго общественнаго явленія.

Подписная цѣна газеты «Недѣля» на 1871 годъ.

ГОДОВАЯ (съ 1-го января 1871 г. по 1-е января 1872 г.):

безъ пересылки и доставки . . . 6 р.
съ пересылкой и доставкой . . . 7 »

ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1-го января по 1-е іюля, т. е. за 26 нумеровъ):

безъ пересылки и доставки . . 3 р. 50 к.
съ пересылкой и доставкой . . 4 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», на углу Ивановской и Кабинской ул., домъ Матушевича, кв. № 23, и въ главной конторѣ редакціи, въ сской Книжной Торговлѣ», на Невскомъ просп., противъ Гостиннаго двора, ь Армянской церкви, № 42. — *Въ Москвѣ*, у Ивана Григорьевича Соловьна Страстномъ бульварѣ, домъ Загряжскаго.

Небольшое число оставшихся полныхъ экземпляровъ «НЕДѢЛИ» за 1870 г. можно ысылать изъ Редакціи, съ платою по 6 р. с. за годовое изданіе, съ пересылкой.

Digitized by Google

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 30).

ПРОДАЮТСЯ:

Б. АУЭРБАХА:

ДАЧА НА РЕЙНѢ

Романъ въ трехъ томахъ, 15 книгахъ, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Т. I.—444 стр.; Т. II.—383 стр.; Т. III.—356 стр. Спб., 1869. Изданіе «Вѣстника Европы.»

Цѣна 4 р. 50 к. съ перес.

А. Ф. СКРЕБИЦКАГО:

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. Составлено по оффиціальнымъ источникамъ. Въ четырехъ большихъ томахъ. Т. I—CLIX и 966 стр.; Т. II—1631 стр.; Т. III—1298 стр.; Т. IV—1263 стр.—Боннъ-на-Рейнѣ. 1862—68 г.

Цѣна 20 р., съ пересылкою 22 р.

М. СТАСЮЛЕВИЧА:

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

Три тома. Спб. 1863—65.—Т. I—783 стр.;—Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—634 стр.—Всѣ три тома—7 р., съ пересылкою.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ И ПРИЛОЖЕНІЙ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ“.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „Вѣстника Европы“ принимаетъ для напечатанія въ ближайшей книжкѣ журнала ОБЪЯВЛЕНІЯ по *книжной* торговлѣ и вообще о *торговой* и *промышленной* дѣятельности, не позже 20-го числа каждаго мѣсяца. Плата за напечатаніе объявленія доставляется вмѣстѣ съ объявленіемъ въ Контору, по слѣдующей таксѣ: 1 страница 15 руб.; ½ страницы 8 руб.; ¼ стр. 5 рублей. Абонирующіе страницу или часть ея на цѣлый годъ пользуются уступкою 20%, и на полгода 10%.

Желающіе разсылать при журналѣ печатныя ПРИЛОЖЕНІЯ по почтѣ обращаются не позже 28-го числа каждаго мѣсяца, прямо въ Экспедицію журнала (Вас. Остр. Акад. пер. м. 7 и 8 лин., д. № 9), и соотвѣтственно почтовой таксѣ платятъ 4 руб. съ каждой тысячи экземпляровъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева.* Томъ двадцатый. М. 1870. Стр. 484. Ц. 2 р.

Продолженіе труда С. М. Соловьева за нынѣшній годъ подвинуло нашу исторію прошедшаго столѣтія на восемь лѣтъ впередъ, отъ 1733 г. до 1740 г. Самое вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и событія, сопровождавшія его, были изложены въ концѣ предъидущаго тома; новый, двадцатый томъ, въ своихъ четырехъ главахъ, содержитъ самое царствованіе Анны Іоанновны, то пресловутое время, съ котораго, можно сказать, началось раздвоеніе между нашею внѣшнею и внутреннею жизнью: блескъ внѣшней стороны этой жизни начинаетъ заслонять собою всѣ недостатки и мракъ внутренняго развитія. Дѣйствительно, правленіе Анны Іоанновны во внѣшней политикѣ было тою эпохой, когда мы сажали королей на престолы, были грозою Турціи, и это же самое время осталось въ памяти народа временемъ «бироновщины»; тогда можно было въ стихахъ воспѣвать торжественно Очаковскихъ героевъ, а въ прозѣ современникамъ приходилось съ отчаяніемъ восклицать: «пропащее наше государство»! Объ эти стороны правленія Анны Іоанновны весьма рельефно выступаютъ въ трудѣ нашего почтеннаго историка, который, пользуясь массою вновь изданныхъ документовъ, освѣтилъ это время вполнѣ. Еще одинъ или два года, и «Исторія Россіи» вступитъ въ эпоху Екатерины Великой.

Первая Всероссійская Выставка рогатаго скота 1869 года. Отчетъ, составленный съ соизволенія Е. И. В. Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго коммиссіею по устройству выставки. Спб. 1870. Стр. 295, in-4°. Ц. 4 р. 50 к.

Цѣлью этой первой выставки было «ознакомить съ различными породами рогатаго скота, сравнить ихъ относительно достоинства, а равно осязательно убѣдиться въ настоящемъ положеніи скотоводства въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы изыскать мѣры къ улучшенію этой важной отрасли сельскаго хозяйства», и даже болѣе, чѣмъ отрасли: главнаго его условія. Вышедшее нынѣ и великолѣпно иллюстрированное изданіе этой первой у насъ выставки дѣлаетъ ея результаты доступными для всякаго, кто и не имѣлъ случая посѣтить въ то время Михайловскаго манежа—мѣста выставки. Сельскіе хозяева найдутъ здѣсь весьма любопытныя для нихъ засѣданія самой Коммиссіи во время выставки, чтенія спеціалистовъ, которыя происходили тогда же, и большое собраніе чертежей образцовыхъ сельско-хозяйственныхъ построекъ для предмета выставки. Относительно туземнаго скота, коммиссія пришла къ убѣжденію, что «если состояніе этого скота въ Россіи находится большею частью въ самомъ жалкомъ положеніи, то это рѣшительно зависитъ отъ худого корма и небрежнаго ухода; отсюда происходитъ и ничтожная продуктивность русской коровы». Въ самомъ дѣлѣ, русская корова напоминаетъ собою «тощихъ кравъ» Фараона и не рѣдко вѣситъ около 7 пуд., между тѣмъ какъ ольденбургскій скотъ достигаетъ до 70 пуд. Но «худой кормъ и небрежный уходъ»—виновники такого положенія русской коровы, говорятъ только о крайней бѣдности и пищенствѣ ея хозяевъ, нашихъ крестьянъ, и потому у насъ для улучшенія рогатаго скота болѣе важны косвенныя, нежели прямыя мѣры, т. е. улучшеніе быта земледѣльца, курная изба котораго представляетъ плохое условіе для раціональнаго помѣщенія даже нисшихъ породъ.

Записки Михаила Ивановича Глинки. 1804—1854. Въ пользу фонда на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ. Спб. 1871. Стр. 190. Ц. 2 р.

Записки М. И. Глинки носятъ на себѣ весь интимный характеръ случая, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ. Онѣ были писаны по просьбѣ сестры нашего знаменитаго композитора и для нея. Тѣмъ не менѣе, записки Глинки и въ своей наивности носятъ на себѣ отпечатокъ его геніальной натуры. Издатель посвятилъ сборъ съ продажи этой книги, за покрытіемъ расходовъ по изданію, на сооруженіе памятника творцу нашей народной музыки въ дополненіе открытой уже подписки по иниціативѣ смольнянъ—земляковъ покойнаго.

Исторія французской революціи. 1789 — 1799 гг. *Лудвига Гейссера.* Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Трачевскаго. М. 1870. Стр. 459. Ц. 2 р. 75 к.

Имя Гейссера (Häusser) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые соединяли усидчивый и уединенный кабинетный трудъ профессора съ самою лихорадочною дѣятельностью на политической сценѣ, въ качествѣ депутата и иногда публициста. Если Баденъ, преимущественно предъ всѣми южными государствами, обнаружилъ склонность къ объединенію Германіи, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть между прочимъ большого вліянія на молодежь гейдельбергскаго профессора исторіи. Вышедшій нынѣ русскій переводъ лекцій Гейссера о революціи, изданныхъ послѣ его смерти (1866), съ обстоятельнымъ предисловіемъ г. Трачевскаго, можетъ служить превосходнымъ и весьма оживленнымъ комментаріемъ къ извѣстному многотомному труду Зибеля о томъ же предметѣ.

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1871 ГОДУ.

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—16 р. 50 к., въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, *прилагая* билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія*, *Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія*, *Швеція*, *Испанія*, *Португалія*, *Турція* и *Греція*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія*—23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту въ бандероляхъ; экземпляры иногородные, имѣя на себѣ адрессъ подписчика, отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Второе изданіе «Вѣстника Европы» въ 1870 г. разошлось все до послѣдней.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

2 8 1951

Digitized by Google

Digitized by Google